Кемеровский государственный университет

На правах рукописи

Борисенко Юлия Вячеславовна

СТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

5.3.7. Возрастная психология

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Научный консультант:
д-р психол. наук, профессор
Морозова Ирина Станиславовна

Кемерово 2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ 28

1.1. Общая характеристика развития теоретических представлений о родительстве и отцовстве 28

1.2. Психологическая специфика отцовства в контексте изучения родительства 51

1.3. Психологическая готовность к отцовству как предпосылка реализации конструктивной стратегии отцовства 70

Выводы 95

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, УСЛОВИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ 98

2.1. Содержательные характеристики и детерминанты становления компонентов психологической готовности к отцовству 98

2.2. Филогенетические и социальные условия формирования гендерной роли отца 121

2.3. Этапы становления психологической готовности к отцовству 133

Выводы 157

ГЛАВА 3. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ 159

3.1. Организация и методы исследования 159

3.2. Предпосылки психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста 179

3.3. Предпосылки становления психологической готовности к отцовству у младших школьников 195

3.4. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте 205

3.5. Содержательные характеристики компонентов стратегий отцовства в мужчин-отцов в период ранней и средней взрослости 218

Выводы 271

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ 276

4.1. Специфика становления психологической готовности к отцовству в разных семейно-образовательных условиях ... 276

4.2. Тенденции и риски становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах ... 293

4.3. Модель психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству ... 313

Выводы ... 352

ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ ... 355

5.1. Особенности психолого-педагогического сопровождения становления предпосылок психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста ... 360

5.2. Особенности формирования предпосылок психологической готовности к отцовству у младших школьников ... 370

5.3. Психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству у подростков и юношей ... 385

5.4. Лонгитюдное исследование эффектов психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству в юношеском возрасте ... 394

5.5. Развитие конструктивных стратегий отцовства у взрослых в рамках психологического тренинга ... 402

Выводы ... 413

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 417

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ... 431

Список иллюстративного материала ... 503

ПРИЛОЖЕНИЯ ... 511

Приложение 1 ... 511

Приложение 2 ... 513

Приложение 3 ... 517

Приложение 4 ... 531

Приложение 5 ... 553

Приложение 6 ... 558

Приложение 7 ... 562

Приложение 8 ... 566

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Психология отцовства – одна из наиболее интересных и в то же время наименее исследованных областей психологии родительства. В современной психологической науке изучение родительства занимает особую нишу. С одной стороны, достоверно существует оформившийся в последние десятилетия социальный заказ на изучение проблем семьи и семейного взаимодействия, связанный с изменением традиционных семейных установок в современном обществе, когда в условиях профессиональной и экономической эмансипации женщин, либерализации брачных отношений акцентируется внимание на роли, функциях и требованиях к родителям.

Распространенная практика разводов, внебрачных рождений и воспитания ребенка одним из родителей, снижение рождаемости и, как результат, уменьшение числа детей в семье и их более тесный порядок рождения, разделение родительства и супружества, выражающееся в широком распространении неполных (прежде всего материнских) семей и в увеличении числа супружеских пар, отказывающихся иметь хотя бы одного ребенка, характерные для современного общества, обусловливают научный и общественный интерес к проблемам семьи и, в частности, родительства.

Вместе с тем, в связи со значительными изменениями в системе гендерных ролей, произошедшими в обществе за последние 50 лет, более социальная, чем материнская, отцовская роль претерпевает серьезные изменения, что приводит к образованию операционального вакуума отцовской роли в новых условиях, появлению новых форм активности отцов, что свидетельствует, по мнению Ш. Барта, о формировании новой гендерной системы, переоценке или уточнении обществом отцовских функций, дальнейшей дифференциации гендерных ролей.

Биологические и исторические предпосылки играют важнейшую роль в формировании личности современного человека, а также в формировании

способов, особенностей и характеристик выполнения отцовской функции конкретным мужчиной. Биологические и социальные факторы тесно взаимосвязаны, однако, по мнению И. С. Кона и В. В. Бочарова [90], если биологические детерминанты определяют психофизиологическую готовность к отцовству, то социальные факторы достаточно жестко регламентируют реализацию этой готовности. У человека различие отцовства и материнства и специфический стиль отцовства зависят от множества социокультурных особенностей и условий и существенно варьируются. Социум не только предъявляет определенные требования к возрастному, экономическому, профессиональному, социальному статусу отца, но и регламентирует поведение человека, обладающего определенным статусом в системе социальных ролей. Связанная с практикой разводов современная тенденция к воспитанию детей одним родителем, в большинстве случаев, матерью, приводит, как было отмечено еще в начале XX века П. П. Блонским и Л. С. Выготским, к обеднению самого процесса воспитания, разрушению связей между поколениями, проблемам личностного становления молодого поколения, росту социальных проблем. Одновременно, наблюдается противоположная тенденция: в современной западной психологической науке с восьмидесятых годов часто употребляется выражение «новый отец», ответственный отец, то есть отец, признающий ценность отцовства, принимающий активное участие в развитии своего ребенка. Однако даже среди мужчин, ответственно относящихся к отцовству, выделяются различные группы: мужчины, ориентированные на традиционные семейные ценности и многодетность, мужчины, ориентированные на ценности личностной свободы и поэтому не планирующие рождение ребенка вообще, и лица, меняющие свои взгляды в контексте возрастных или семейных трансформаций. Подобная разноплановость и вариативность социокультурных контекстов отцовства, плюрализм его проявлений в рамках одной культуры определяет сложности изучения отцовства, и проблемное поле исследования готовности к отцовству как личностного феномена, детерминированного процессом развития личности.

С другой стороны, в начале нового тысячелетия специфика постмодернистской культуры и постиндустриального общества с его вариативностью и множественностью социальной реализации личности вносит значимые коррективы в процесс становления личности, оформляя социальный, культурный и личностный контекст данного процесса и определяя вызовы и риски. В ответ на эти изменения постнеклассическая психология призвана осмыслить научные достижения в соответствии с социальными ценностями и гуманистическими идеалами [178; 392], отрефлексировать возможности исследования саморазвития и самоосуществления личности [189], что особенно актуально в контексте психологии отцовства, во многом детерминированного культурой и, в то же время, опосредующего культурный контекст для ребенка [467].

Степень разработанности проблемы. Изучение данной темы охватывает широкий круг аспектов: психофизиологических (Е. П. Ильин, И. С. Кон); исторических (P. Ariès, S. Barth, А. Герхард, И. С. Кон); социальных (В. Ф. Анурин, Т. А. Гурко, И. Ф. Дементьева, G. Becker, K. Canfield, J. Hoffman, N. Radin, M. Verlinden, W. E. Fthenakis); различных аспектов семейной психологии (Ю. Е. Алешина, Н. В. Александрова, В. И. Брутман, А. Я. Варга, В. Н. Дружинин М. С. Радионова, П. А. Попова, Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, W. J. Doherty, J. Fagan, R. Palkovitz, D. J. Eggebeen, C. Knoester), и психологии родительства (Г. Г. Филиппова, Н. Н. Васягина, Р. В. Овчарова, Ю. А. Токарева, И. С. Клецина, И. Ю. Хамитова, J. Bowlby, M. E. Lamb, R. LaRossa, C. Y. Lee, D. Lenzen, W. Miller, A. Rotkirch, G. Bouchard, J. P. Wallerstein, P. L. Horst, W. E. Fthenakis, N. Zill, A. J. Cherlin, R. Richter, M. Verlinden, J. Belsky, J. Pleck); а также психологии личности (О. А. Кривцун, И. С. Кон, А. Маслоу, Б. Пфау-Эффингер, К. Г. Юнг, Э. Эриксон) и детской психологии (Л. С. Выготский, Ф. Дольто, А. И. Захаров, М. В. Осорина, S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, J. Golding, M. Hines).

Традиционно родительство изучается психологами в зависимости от теоретического подхода к данной проблеме. В современной психологической

науке можно выделить два подхода к изучению родительства, в зависимости от того, кто считается отправной точкой изучения – ребенок или родитель: первый, наиболее распространенный, рассматривает родительство применительно к развитию ребенка. Во втором подходе рассматривается выполнение родительской роли через призму личности родителя. Исследования в рамках первого направления говорят о значительном влиянии отца на развитие личности ребенка еще до его рождения через обеспечение благоприятных условий. После рождения, по мнению W. E. Fthenakis, взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей. Кроме того, как полагает S. Barth, отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм, дисциплинирует детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие, то есть является проводником общественных норм и ценностей. Доказано также и влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка, в том числе на его полоролевую идентификацию.

Такие авторы, как D. J. Eggebeen, C. Knoester, придерживающиеся второго направления изучения родительства, считают, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития. Отцовство как совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающих все уровни жизнедеятельности человека, связано и с объективными характеристиками личности, такими как: потребности, влечения, желания, установки, и с субъективными характеристиками личности – ценностными ориентациями, мировоззрением, а также с образом Я (реальным, идеальным, социальным), Я-концепцией личности и самооценкой. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости.

Все эти трансформации происходят на фоне актуальнейшей социальной проблематики отцовства. Многие проблемы современного общества, семьи, системы воспитания имеют социальные причины. Участие отца в воспитании ребенка необходимо для гармоничного формирования личности, и, возможно,

целый ряд современных социальных проблем связан именно с отстранением мужчин от воспитания молодого поколения. В то же время, современный кризис отцовства во многом обусловлен противоречивыми и стереотипными представлениями о роли отца, смешением отцовских и материнских ролей. Кроме того, массовое вовлечение женщин в производительный труд и общественную активность породило новые изменения в структуре и функциях семьи: уравнивание мужчин и женщин в профессиональных правах и обязанностях, уменьшение времени, которое матери проводят с ребенком, увеличило требования к мужчине как к отцу. История не знает аналогов столь высоких ожиданий относительно вклада отца в жизнь ребенка, причем не экономического или статусного обеспечения жизни ребенка, а именно эмоционально-психологического участия в его проблемах.

В нашей стране этот феномен имеет свою историческую и политическую подоплеку. Так как при социализме проблемы семьи – это в первую очередь проблемы, решаемые матерью, а не отцом, традиционно большинство исследований, посвященных семье, начиная со времен советской психологии, отражают особенности отношений матери и ребенка.

Тем не менее, большинство исследователей считают, что участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить. Для гармоничного развития детей было бы желательно, чтобы больше отцов прилагало усилия к тому, чтобы быть ближе к своему ребенку, совместно переживать и узнавать вместе с ним мир, начиная с младенчества. Для этого необходимы не только соответствующие социально-экономические условия, такие, например, как: фиксированный рабочий день и равная оплата труда для женщин и мужчин, но и сформированное в общественном сознании представление о незаменимости отцовской роли, важности отцовства для развития самого мужчины, которое может быть обеспечено только своевременными и достоверными научными исследованиями феномена отцовства, его влияния на развитие личности и особенностей становления психологической готовности к отцовству.

Исследователи в области семьи и брака, полагая, что многие преобразования вытекают исторически из процесса развития общества и подготовлены целым рядом крупных социально-экономических изменений нашего общества, считают, что такое положение дел свидетельствует о нормативном «кризисе развития семьи», и наблюдают положительные изменения в том, что пересматриваются и перераспределяются роли и функции родителей, появляются новые ценности и новые пространства для реализации себя личностью, в частности в рамках выполнения отцовской роли, что ставит перед научной психологией задачи исследования отцовства, становления готовности к выполнению отцовских функций.

Косвенным подтверждением данной точки зрения является возникший в последние десятилетия большой исследовательский интерес к проблемам психологии родительских отношений, изучаемой в рамках исследования материнства. За последние годы появились также отечественные работы по проблемам отцовства (Р. В. Овчарова, Т. В. Архирева, У. Ю. Севастьянова, Ю. А. Токарева, Н. Д. Михеева, Г. И. Репринцева, М. Ю. Луков, А. В. Левченко, И. С. Клецина, Е. А. Чикалова, Л. Э. Семенова, Е. В. Кожина, Е. А. Петрова, Ю. А. Данилова, М. В. Пастухова, С. С. Савенышева, Т. Д. Боязитова, Т. В. Помарчук, В. П. Дзукаева, О. В. Ходаковская, Н. А. Коркина, Е. А Гизатуллина, Т. А. Фотекова, Н. М. Горшкова, А. Г. Бобкова, В. В. Коваль, И. А. Симоненко, А. Ф. Артамонова, Е. Г. Бабич, Д. В. Савченко, М. В. Овчинников, Ю. В. Честюнина, К. Ю. Эвнина, Е. А. Евстафеева, М. О. Удальцова, Т. М. Харламова, У. Э. Ушкова, А. В. Ильиных, М. В. Рогожина и др.).

Однако вопросы становления психологической готовности к отцовству, способы и технологии оптимизации отцовских практик находятся на стадии разработки. Начиная с первых работ Р. Парке, сравнивавшего поведение отца и матери, психологическая наука пытается осмыслить специфику отцовского взаимодействия с ребенком, описать уникальность отцовского вклада в развитие личности ребенка, значимость того, как именно отец взаимодействует с ребенком,

и значимость отцовства для развития личности самого мужчины, однако для этого необходим целостный подход к феномену отцовства, понимание внутренних и внешних механизмов и факторов, определяющих представление мужчины об отцовстве с самого детства, отцовские установки в юности и отцовские практики во взрослости, осмысление логики отцовского поведения, рассмотрение процессуальной и результативной составляющих конкретной стратегии отцовства.

Высказанное выше позволяет выделить ряд **противоречий** между:

- объективной потребностью современного общества в обеспечении гармоничного развития личности в здоровой семье и отсутствием целостного представления об условиях становления ответственного отцовства;

- изученностью влияния отца на развитие и воспитание ребенка, когда отец рассматривается в терминах долженствования как исполняющий определенные формальные функции объект, и практическим отсутствием исследований внутренних детерминант отцовства;

- разработанностью общепсихологических и психолого-педагогических аспектов развития личности и неразработанностью подхода, позволяющего целостно представить становление готовности к отцовству в современных условиях;

- потребностью в качественных методиках диагностики и неразработанностью диагностического инструментария, позволяющего оценить психологическую готовность к отцовству;

- необходимостью определения принципов, целей, содержания, технологий оптимизации становления психологической готовности к отцовству и сложившейся практикой отсутствия внимания к отцовской функции в гендерном воспитании мальчиков;

- разработанностью многочисленных психологических практик, направленных на психологическую помощь семье, и отсутствием комплексного психологического подхода при сопровождении отцовства.

Анализ выделенных противоречий и поиск путей разрешения этих противоречий определил **научную проблему** нашего исследования, которая состоит в разработке целостного представления о сущности, детерминантах, механизмах и возможностях сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Таким образом**, целью** настоящей работы является теоретико-методологическое обоснование, разработка и эмпирическая проверка концепции становления психологической готовности к отцовству, раскрывающей содержательные характеристики готовности к отцовству, возрастную динамику и условия становления готовности к отцовству, принципы и технологии психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Объект: психологическая готовность к отцовству как условие эффективного родительства.

Предмет: сущность, детерминанты, условия и технологии сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Гипотезы:

В основу исследования положена гипотеза о том, что становление психологической готовности к отцовству представляет собой процесс поэтапного формирования качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, происходящий в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

Общая гипотеза исследования конкретизируется в ряде частных гипотез.

Гипотеза 1. Становление психологической готовности к отцовству определяется развитием личности, начиная с дошкольного периода.

а) содержательные характеристики психологической готовности к отцовству образуют трехкомпонентную структуру, представленную

аксиологическим, рефлексивно-регулятивным и праксиологическим компонентами;

б) становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного возраста и имеет возрастно-психологическую и семейную специфику, предполагающую динамику постепенного повышения показателей всех компонентов психологической готовности к отцовству от дошкольного периода ко взрослости, при этом:

- семейная среда определяет становление предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном и младшем школьном возрасте;
- в подростковом и юношеском возрасте наиболее развиты праксиологический и рефлексивно-регулятивный компоненты психологической готовности к отцовству;
- сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется во взрослости в конструктивной стратегии отцовства взаимосвязанной с принятием гендерной роли отца, осмысленностью жизни, ценностью отношений и отцовства, а также личностной зрелостью, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией.

Гипотеза 2. Психолого-педагогическое сопровождение обеспечивает процесс становления психологической готовности к отцовству, если:

а) учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах (дошкольники, младшие школьники, подростки и старшеклассники, взрослые) и в разных семейно-педагогических условиях;

б) реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг).

Исходя из цели и гипотез исследования, были поставлены следующие **задачи:**

1) обобщить теоретические представления об отцовстве, определить понятие психологической готовности к отцовству, выявить ее содержательные характеристики, раскрыть специфику практической реализации психологической готовности к отцовству в рамках стратегии отцовства;

2) проанализировать теоретические и практические проблемы становления психологической готовности к отцовству, как процесса отражающего устойчивые связи и отношения между развитием личности и становлением системы ценностных ориентаций, гендерной идентичности, личностной зрелости, саморегуляции и рефлексии личности;

3) выявить и эмпирически определить специфику содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на каждом возрастном этапе с учетом психолого-педагогических условий, тенденций и рисков социализации мужчин на разных возрастных этапах и в разных семейно-педагогических условиях;

4) описать варианты становления психологической готовности к отцовству, соответствующие им типы стратегий отцовства и выделить психологические эффекты реализации разных типов стратегии отцовства;

5) разработать и реализовать модель психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, предполагающую создание семейно-образовательной среды, и включающую: психологическую работу с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и специальный психологический тренинг;

6) разработать и эмпирически проверить эффективность образовательных технологий, оптимизирующих становление психологической готовности к отцовству.

Методологической и теоретической основой исследования явились комплексный (Б. Г. Ананьев), системный (Б. Ф. Ломов), субъектно-

деятельностный (А. В. Брушлинский, С. Л. Рубинштейн) и личностно-ориентированный (К. А. Абульханова-Славская, А. Г. Асмолов, А. А. Бодалев, А. В. Петровский, К. Роджерс, А. Маслоу) подходы.

Теоретическая основа работы. Конкретизируя теоретико-методологические предпосылки концептуализации феномена психологическая готовность к отцовству, мы выделяем:

– положения о макро- и микроструктуре личности в рамках комплексного подхода Б. Г. Ананьева;

– понимание системности психических явлений в рамках системного подхода Бориса Федоровича Ломова;

– понимание детерминации развития личности внешними и внутренними условиями в рамках субъектно-деятельностного подхода А. В. (Андрей Владимирович) Брушлинского и С. Л. Рубинштейна;

– Также следует добавить концепцию анализа психических явлений с позиций общего научного пентабазиса В. А. Ганзена и концепцию психологической готовности к деятельности (Р. Д. Санжаева, О. М. Краснорядцева), а также положения, описывающие готовность к родительству (А. С. Демина, О. Н. Безрукова).

При разработке модели психолого-педагогического сопровождения становления готовности к отцовству мы опирались на

– идеи о том, что «психологическими объектами воспитания являются смысловые образования личности, личностные смыслы и смысловые установки человека, а также мотивационно-смысловой анализ развития А. Г. (Александр Григорьевич) Асмолов, А. В. Петровский;

– представления о влиянии учебно-воспитательной среды на развитие личности (В. В. Давыдов, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин);

– психолого-педагогическое обоснование обучения взрослых (С. Г. Вершловский, С. М. Зиньковская, Ю. Н. Кулюткин, В. И. Побед, Т. С. Панина, Г. С. Сухобская, Е. П. Тонконогая, В. Л. Полагутина) и

организации обучения родителей (Р. В. Овчарова, А. С. Спиваковская, И. М. Марковская, О. Е. Смирнова, Н. Н. Васягина).

База исследования. Всего в исследовании принимали участие 1654 человека, из них 1167 мужчин различного возраста (из них 169 детей), 487 женщин в период взрослости, 189 супружеских пар. Все испытуемые – русскоговорящие жители Российской Федерации, преимущественно Кемеровской (города Кемерово, Новокузнецк, Топки, Березовский, Юрга), Томской (г. Томск) и Новосибирской областей (города Новосибирск, Бердск, Болотное, Искитим), Красноярского края (г. Красноярск), а также Омской, Курской, Челябинской, Московской и Ленинградской областей.

Реализация программы осуществлялась на базе следующих учреждений: МКУ «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области, ЧОУ «Православная гимназия во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» г. Кемерово, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов», МБОУ СОШ №№ 10, 62 г. Кемерово, ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева» и ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Планирование исследования осуществлялось в соответствии с поставленной целью, выдвинутой гипотезой и с учетом выявленной нами на этапе теоретического анализа недостаточной разработанности методов исследования отцовства и неразработанностью проблемы становления психологической готовности к отцовству в современных условиях.

Исследование проводилось в несколько этапов:

I. Подготовительный этап (февраль 2001 – март 2013), включающий постановку и обоснование проблемы, ее теоретико-методологический анализ; определение научного аппарата, планирование экспериментального исследования, разработку программы исследования; определение его методологических и

методических принципов, выбор и апробацию методов исследования: анкеты, «Шкалы отцовских установок Дж. Плека», «Опросника родительской идентичности», созданного в 2001 году коллективом авторов под руководством Джозефа Плека (Joseph Pleck) и методики Pre-School Activities Inventory (PSAI) в русскоязычной версии «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», созданной в 1993 году Психометрическим центром Кембриджского университета. В апробации методик приняли участие 1224 человека (738 мужчин, 456 женщин), из них 158 супружеских пар. Все испытуемые имеют детей.

II. Экспериментальный этап (ноябрь 2002 – март 2017) проходил в соответствии с разработанной нами в процессе теоретического анализа феномена моделью становления психологической готовности к отцовству и выдвинутой гипотезой, и состоял из констатирующего этапа исследования и формирующего эксперимента, включавшего лонгитюдное исследование.

II. 1. Констатирующий этап исследования проходил с ноября 2002 по март 2015 года, включал исследование психологической специфики, закономерностей стратегий отцовства, уточнение научного аппарата, изучение психолого-педагогических условий формирования стратегий отцовства, построение психолого-педагогической модели формирования конструктивных стратегий отцовства в разные возрастные периоды, выделение критериев оценки ее эффективности. В этом этапе исследования приняли участие несколько групп испытуемых дошкольного, младшего школьного, подросткового, юношеского возраста и взрослых в период ранней и средней взрослости, всего 1167 испытуемых.

II. 2. Формирующий этап исследования (декабрь 2002 – апрель 2017) включал в себя исследование, организованное с помощью метода поперечных срезов и лонгитюдное исследование, практическую реализацию психолого-педагогической модели формирования конструктивных стратегий отцовства. В этом этапе исследования приняли участие несколько групп испытуемых дошкольного, младшего школьного, подросткового, юношеского возраста и

взрослых в период ранней и средней взрослости, всего 347 человек, из которых 29 человек приняли участие в 12-летнем лонгитюде.

III. Обобщающий этап, включающий обработку полученных данных, соотнесение их с заявленными целями, гипотезами исследования, анализ, обобщение и интерпретацию результатов, формулирование выводов и рекомендаций, внедрение их в практику (приложение 8).

Для достижения поставленной цели и проверки гипотез были использованы **следующие методы:**

1) теоретические методы: систематизация и концептуализация научных идей, системный, структурно-функциональный и генетический анализ проблемы, моделирование.

2) эмпирические методы: беседа, анкетирование, метод экспертных оценок, наблюдение и психодиагностический метод. Использованный нами комплекс методик включал в себя следующие методики: методика изучения гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана), «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников» (русскоязычная версия англоязычного опросника «Pre-School Activities Inventory (PSAI)», диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е. О. Смирновой, Р. Р. Калининой), методика диагностики дошкольной зрелости: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М. Р. Битянова, модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), модифицированная методика самооценки гендерных качеств, методика «Рисунок себя», методика «Диагностика нравственной мотивации» и методика «Изучение направленности ответственности» М. В. Матюхиной, С. Г. Яриковой, методика диагностики личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой, опросник «Я – женщина (мужчина)» Л. Н. Ожиговой, тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха, методика «Принятие ответственности» В. П. Прядеина, опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И. Г. Сенина, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика диагностики уровня развития

рефлексивности А. В. Карпова, методика «Личностный Дифференциал», методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера – Р. Белла, опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI)), шкала отцовских установок Дж. Плека (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS)), опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт, методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ), «тест-опросник удовлетворенности браком» В. В. Столина, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко, методика «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда, специально разработанные анкеты.

3) математические и статистические методы обработки данных (анализ описательных статистик, таблиц сопряженности и параметров распределения, t-критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок для параметрических данных, U критерий Манна-Уитни и критерий Вилкоксона для непараметрических данных, кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, кластеризации данных методом К средних, однофакторный и двухфакторный дисперсионный анализ, дисперсионный анализ с повторными измерениями, корреляционный анализ, графические методы представления полученных данных).

Научная новизна исследования заключается в разработке целостного представления о становлении психологической готовности к отцовству в современных условиях, опирающегося на теоретическое и эмпирическое обоснование этапности, психолого-педагогического контекста, закономерностей и динамических трансформаций содержательных характеристик всех компонентов психологической готовности к отцовству в процессе ее становления, начиная с дошкольного периода.

1. Становление психологической готовности к отцовству рассмотрено в контексте системного подхода. Такое рассмотрение позволило разработать целостную концепцию становления готовности к отцовству, раскрывающую взаимосвязь внутренних (личностных) и внешних (деятельностных),

результативных и процессуальных характеристик интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, основанную на следующих характеристиках готовности к отцовству: системность, интегративность, детерминированность, моделируемость и возможность применения образовательных технологий, оптимизирующих ее становление.

2. Определены содержательные характеристики психологической готовности к отцовству как интегрального, многокомпонентного и многоуровневого образования, которое обладает качественными, и количественными характеристиками, среди которых выделены следующие компоненты психологической готовности к отцовству: аксиологический (принятие гендерной роли и ценностнные ориентации личности), рефлексивно-регулятивный (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический (со-родительство и отцовские практики).

3. Концептуализировано понятие «стратегия отцовства». Понятие «психологическая готовность к отцовству» конкретизировано через включение в анализ данного феномена понятия «стратегия отцовства». Сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется в конструктивной стратегии отцовства, определяемой принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства, зрелостью личности, развитой саморегуляцией и рефлексией, и позитивными отцовскими практиками.

4. Предложена модель становления готовности к отцовству, раскрывающая сущность, детерминанты, психолого-педагогический контекст, закономерности и динамические трансформации содержательных характеристик всех компонентов психологической готовности к отцовству в процессе ее становления, начиная с дошкольного периода.

- доказано, что, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, предпосылки психологической готовности к отцовству начинают формироваться задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком, начиная с дошкольного периода будущего отца;

- выделены этапы становления готовности к отцовству: первый этап обозначения отцовства, формирования представлений об отцовстве, имеющий свою специфику в дошкольный, младший школьный, подростковый и юношеский период, второй этап осмысления отцовства, переосмысления имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности жены, и третий этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства на практике после рождения ребенка (практический этап);

- теоретически описано и эмпирически доказано, что отцовские практики мужчины тесно связаны: 1) с его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть, модель ролевого поведения мужчины; и 2) с настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется;

- определены критерии оптимальности становления психологической готовности к отцовству и конструктивности стратегий отцовства во взрослости, такие, как: принятие гендерной роли отца, система ценностных ориентаций, включающая ценность отцовства, и зрелость личности, имеющие свою специфику развития на каждом возрастном этапе и тесно взаимосвязанные с социальной ситуацией развития личности;

- на основе содержательного анализа психологической готовности к отцовству выявлены и описаны типы становления психологической готовности к отцовству на каждом возрастном этапе: на первом этапе конструктивный, неконструктивный и смешанный тип, на втором и третьем – неконструктивный, внутри которого выделены феминный и гипермаскулинный подтипы, и конструктивный, внутри которого выделены андрогинный и маскулинный подтипы.

- доказано, что конструктивность стратегий отцовства взаимосвязана со зрелостью личности, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства;

- определены эффекты реализации конструктивных стратегий отцовства, проявляющиеся в развитии личности самого мужчины-отца и его ребенка, а также в поддержании благополучия супружеских отношений в семье;

- определено, что становление готовности к отцовству с детского возраста, и формирование конструктивных стратегий отцовства у мужчин может быть рассмотрено в качестве профилактики социальных рисков развития ребенка, в связи с чем правомерно говорить о необходимости создания специальных условий семейно-образовательной среды для оптимизации становления психологической готовности к отцовству у молодых мужчин и развития конструктивной стратегий отцовства у мужчин-отцов в современной России.

6. Предложены образовательные технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству, включающие работу с семьей и создание благоприятной образовательной среды для периода обозначения отцовства, а также обучение и психологический тренинг для периода осмысления и осознания отцовства. Разработана и апробирована программа, включающая работу по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг).

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке целостной концепции становления психологической готовности к отцовству. В исследовании разработаны теоретико-методологические основы комплексного исследования психологической готовности к отцовству.

Концептуализировано понятие становления психологической готовности к отцовству, как процесса детерминированного процессами развития личности, формированием гендерной идентичности, ценностных ориентаций и достижением зрелости личности.

Расширены представления о внутренних и внешних детерминантах и этапах становления готовности к отцовству.

Описан психолого-педагогический контекст становления психологической готовности к отцовству. Определены векторы, условия и критерии становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства.

Разработана модель и предложены технологии психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Выполненная работа создает базу для дальнейшего развития теории отцовства и открывает новые перспективы в исследованиях процессов становления готовности к отцовству и формирования конструктивных стратегий отцовства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в психолого-педагогическом сопровождении отцов и семей в современных российских условиях, а также при организации просветительской, консультационной, развивающей деятельности психолога. Прикладное значение исследования состоит в следующем:

– Создан и апробирован диагностический инструментарий, позволяющий выявить особенности психологической готовности к отцовству и стратегии отцовства конкретного мужчины, необходимый в рамках индивидуального и семейного консультирования;

– Разработана система диагностики всех компонентов, а также интегрального показателя психологической готовности к отцовству на каждом возрастном этапе;

– Предложена модель психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, которая отвечает критериям простоты и переносимости и может быть внедрена в любом образовательном учреждении;

– Разработана тренинговая программа оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства, эффективность которой подтверждена в 12-летнем лонгитюдном исследовании;

– Подготовлено научно-методическое обеспечение психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к

отцовству, представленное специально опубликованными учебными пособиями «Основы сексологии», «Отцовство как психологический феномен личности», «Психология семейных отношений», «Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики абортивного поведения молодежи», «Регуляция репродуктивного поведения и репродуктивное здоровье»;

– Разработаны программы специальных дисциплин «Психология семьи», «Психология родительства», «Психология отцовства и материнства», «Гендерная психология и психология сексуальности» и др.

Полученные в исследовании данные могут быть использованы для создания психологической службы сопровождения семьи, а также в рамках реализации программ высшего образования по психологическим и психолого-педагогическим специальностям и направлениям при изучении учебных дисциплин: «психология личности», «педагогическая психология», «психология семьи», «общая психология» и в рамках повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, обеспечивающих психолого-педагогическое сопровождение семьи и детско-родительских отношений.

Достоверность и надежность результатов исследования обеспечивается научностью теоретико-методологического подхода, последовательной реализацией выбранной методологии; четкой постановкой исследовательских задач, тщательным анализом имеющихся теоретических источников; планированием эксперимента; использованием апробированных и надежных методов исследования, адекватных целям, задачам и логике исследования; использованием методов математической статистики и компьютерной обработки для оценки полученных результатов, их анализом и проверкой достоверности экспериментальных гипотез.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения, выдвигаемые в исследовании, и его результаты апробированы в следующих формах:

- участие и выступления с докладами на региональных *и всероссийских научных и научно-практических конференциях:* Всероссийской научной

конференции «Психологические проблемы современной Российской семьи» (Москва, 2003), Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (Москва, 2003), всероссийской научной интернет-конференции «Психологические проблемы современной Российской семьи – 2004», научно-практической конференции «Ананьевские чтения (Санкт-Петербург, 2005), второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи» (Москва, 2005), научно-практической конференции «Ананьевские чтения (Санкт-Петербург, 2006), IV съезде РПО (Ростов-на-Дону, 2007), Всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты перинатальной психологии: проблемы и перспективы» (Новосибирск, 2007), всероссийской научно-практической конференции «Вариативность развития личности в современной России: национально-региональные особенности» (Кемерово, 2008), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы духовно-нравственного возрождения России» (Краснодар, 2009), областной научно-практической конференции «На защите детства: без жестокости и насилия» (Кемерово, 2010) и на *международных конференциях*: V Международной научно-практической конференции «Женщина. Образование. Демократия» (Минск, 2002), Международном Конгрессе «Образование и наука» (Новосибирск, 2003), 6-ой Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Женщина. Образование. Демократия» (Минск, 2003), Всемирном конгрессе «Внутриутробный ребенок и общество. Роль пренатальной психологии в акушерстве, неонаталогии, психотерапии и социологии» (Москва, 2007), 4-ой Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Москва, 2009), IV Международном Конгрессе «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья» (Москва, 2009), Международной научно-практической конференции «Современные проблемы подготовки специалистов в области психопедагогики и театрального искусства» (Кишинев, 2011), II Международной научно-практической Интернет-конференции «Психология развития и стагнации

личности в рамках современного общества» (Казань, 2014), VI-ой Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Москва–Звенигород, 2015), Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» (Кемерово, 2016 и 2017), международной научной конференции «Психология семьи в современном мире» (Екатеринбург, 2017), VIII Международной научно-практической конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Москва, 2018).

- выступления на методологических семинарах и заседаниях кафедры общей психологии и психологии развития Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, кафедры акмеологии и психологии развития Института образования Кемеровского государственного университета, кафедры психологии личности и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета;

- преподавание учебных дисциплин «Психология семьи», «Психология родительства», «Психология отцовства и материнства», «Гендерная психология и психология сексуальности», читаемых автором в Кемеровском государственном университете;

- монографии, учебно-методические пособия, публикации по теме исследования, в том числе статьи в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Кроме того, рекомендации, данные по результатам исследования, используются в работе психологов и педагогов образовательных учреждений Кемеровской области, явившихся базой исследования, а также отделения социально-психологической помощи Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области, ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»,

и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Психологическая готовность к отцовству представляет собой совокупность сформированных установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

2. Структура психологической готовности к отцовству определяется следующими компонентами: аксиологический компонент (принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственность по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный компонент (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический компонент (поведение и/или отцовские практики).

3. Первые значимые предпосылки психологической готовности к отцовству проявляются задолго до реализации отцовских практик во взрослости, начиная с дошкольного периода. Процесс становления имеет этапный характер: 1) этап обозначения отцовства (включающий формирование представлений об отцовстве в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте); 2) этап осмысления отцовства и начала реализации стратегии отцовства; и 3) этап осознания отцовства и реализации готовности к отцовству в стратегии отцовства. Для каждого этапа характерны определенные, свойственные этому периоду детерминанты, условия, ведущие факторы и особенности и критерии сформированности психологической готовности к отцовству.

4. Становление психологической готовности к отцовству имеет возрастно-психологическую и семейную специфику и происходит в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности

психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству.

5. Психологическая готовность к отцовству реализуется в конструктивной стратегии отцовства, представляющей собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с установками и представлениями отца об отцовстве, имеющую трехкомпонентную структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро- мезо- и макрофакторами среды).

6. Психолого-педагогическая модель сопровождения становления психологической готовности к отцовству предполагает использование технологий сопровождения становления психологической готовности к отцовству, включающих организацию семейно-образовательной среды, благоприятной для становления готовности к отцовству, в том числе работу с семьей, гендерно специфичное обучение, просвещение по вопросам воспитания детей, образовательные и психопрофилактические технологии оптимизации становления готовности к отцовству (беседы, тренинговую работу, консультации), мероприятия различного уровня по формированию адекватного контрацептивного поведения, профилактики абортивного поведения обучающихся образовательных организаций, создание доступной для обучающихся, их родителей и педагогов базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

1.1. Общая характеристика развития теоретических представлений о родительстве и отцовстве

Последние десятилетия прошлого века в зарубежной психологической литературе и первые годы XXI века в нашей стране были отмечены серьезным вниманием как к самому феномену отцовства, так и множеству его проявлений, закономерностей и эффектов. Отцовство изучается не только в связи с воспитанием ребенка, но с точки зрения его места в развитии личности мужчины и в контексте его отношений с социумом.

Современные представления о родительстве не являются универсальными. Они не только очень отличаются в странах Европы, Азии или России, но даже в различных слоях общества. Понятия «родительская любовь» и «хороший родитель» имеют длительную и весьма противоречивую историю.

Исследователи социологии и истории отцовства [210; 599] видят формирующийся идеал современного отца, как равного партнера, выполняющего родительские функции в том же объеме, что и мать. Однако каждое поколение формует свой культурный идеал отца согласно своему времени и условиям, и каждое имеет дело с неизбежным пробелом между тем, что R. LaRossa [599] назвал «культура» отцовства и «поведение» отца в семье. Современные исследования также проясняют, что отцовство не может быть изучаемо в изоляции от материнской заботы и ожиданий матерей, а также от социальных стереотипов заботы о детях в обществе [256]. Социальные ожидания по отношению к отцовству были довольно разнообразными на протяжении истории

человечества: культура отцовства и практики отцов изменяются от столетия к столетию, вместе с социальными и политическими условиями.

Научное осмысление проблем отцовства имеет свою специфику, в первую очередь, связанную с изменениями, происходящими в обществе. Вопросы участия мужчины во взаимодействии с будущим поколением, в воспитании, в передаче опыта поднималась еще со времен Ж.-Ж. Руссо [приводится по 476]. О роли отца в развитии ребенка писал З. Фрейд, но позднее исследования влияния семьи на ребенка сосредоточились, в основном, на изучении взаимоотношений матери и ребенка [496; 497]. До 70-х годов прошлого века изучение родительства обозначало изучение сначала материнской депривации, затем вопросов взаимодействия матери и ребенка и проблем материнской привязанности в самом широком смысле, включая особенности взаимосвязи привязанности и поведения с ребенком, проявлениями привязанности [502], безопасности и обоюдности такой привязанности, особенностей развития детей матерей с разными типами привязанности [496; 498]. Однако включение проблем отцовства в исследования родительства усложнило и дифференцировало теоретические основы, методологические принципы и практические методы исследования родительства и работы с семьей [485]. Раньше было распространено и в быту и в науке представление о том, что мать лучше справляется и взаимодействует с ребенком-младенцем «по природе», подчиняясь природному инстинкту, и более приспособлена к этому генетически, соответственно, она более компетентна в уходе за ребенком, поэтому отец может довольствоваться только так называемой ролью «заместителя матери». Отец заменяет мать, когда ее нет, и помогает ей, выполняя ее поручения. Например, по данным Американского «Центра отцовства» (National Center for Fathering) [510] большинство матерей полагают, что отцы менее компетентны в различных сферах, касающихся воспитания детей, приводя в подтверждение этого время, проводимое с детьми. 71% мужчин, имеющих детей до 18 лет, на вопрос «Часто ли вы делаете какие-нибудь дела совместно с ребенком» ответили «да», в то время, как только 55% матерей ответили утвердительно о своих мужьях [560]. То есть, изначально исследователи

рассматривали отца как некую «заместительную» фигуру, помощника матери в воспитании, однако в 80-е годы прошлого столетия появилась новая волна исследований отцовства, сосредоточившихся, в основном, на роли отца в идентификации ребенка и проблемах отсутствия отца в жизни ребенка.

Теоретически обозначенные З. Фрейдом аспекты влияния отцовства на развитие личности получили качественное развитие в контексте современной науки в конце XX – начале XXI века в связи с масштабным социальным запросом. В связи со значительными изменениями в системе гендерных ролей, произошедшими в обществе за последние 50 лет, более социальная, чем материнская, отцовская роль претерпевает серьезные изменения, что приводит к образованию операционального вакуума отцовской роли в новых условиях, появлению новых форм активности отцов, что свидетельствует, по мнению W. Fthenakis и S. Barth, о формировании новой гендерной системы, о переоценке или уточнении обществом отцовских функций, о дальнейшей дифференциации гендерных ролей [550].

Постепенно исследования обратились к проблеме специфики влияния отца и матери на развитие ребенка. Первые работы Р. Парке и коллег [622] описали отца как абсолютно равного матери в возможностях взаимодействия с ребенком, в том числе и в мотивационных и операциональных характеристиках. Даже более того, впервые Р. Парке описал отцов, как вполне успешных в выполнении таких традиционно женских родительских функций, как отзывчивость на попытки общения ребенка, кормление, умение правильно обращаться с маленьким ребенком, когда, например, требуются гигиенические процедуры, ребенок кашляет или срыгивает [622]. Продолжая свои исследования в этом направлении Р. Парке предпринял успешную попытку изучить вокализации и речевое общение отцов с младенцами, доказав отсутствие различий в этом между отцами и матерьми [621; 623]. Изучалась также и отцовская привязанность наравне с материнской [606], при этом был сделан вывод о том, что участие отца может способствовать развитию ребенка, давая ему необходимую безопасную привязанность [492; 493]. Однако исследования привязанности ограничиваются

только младенчески возрастом или периодом раннего детства ребенка, хотя отцовское, как и материнское влияние сохраняется на протяжении всего детства и подросткового возраста. W. Fthenakis, [551], S. Barth, [480] считают и научно обосновывают факт, что принципиальной разницы между отцом и матерью в уходе даже за совсем маленькими детьми нет. Отец может делать это так же хорошо, как и мать. Некоторые исследования показали, что в процессе «становления отца», еще в период беременности партнерши, в организме мужчины, как и женщины, происходят гормональные изменения. В течение всего периода беременности у мужчины – будущего отца понижается уровень тестостерона в крови [572].

Однако, несмотря на оптимизм данных исследований, многие работы дают представление о том, при равных возможностях или родительских «способностях» реальная вовлеченность в жизнь детей матерей во много раз выше отцовской [624; 635]. Исследование количества времени, проводимого с детьми [624] показало, что отцы общаются с бодрствующим младенцем от 45 минут до 26 часов в неделю, тогда как матери проводят с ребенком в среднем 9 часов в день [591].

Согласно H.-L. Canitz. [511], часть отцов вполне удовлетворяются так называемой ролью «заместителя матери», то есть они заменяют мать, когда ее нет, и помогают ей, выполняя ее поручения.

Данные исследования не учитывают социальную специфику родительских и гендерных ролей: женщина проводит большую часть времени с ребенком-младенцем, если она не выходит на работу, тогда, как мужчина профессионально занят полный день. Например, Т. А. Гурко [137] полагает, что стереотипы в сфере родительства, под которыми понимаются, по ее мнению, устойчивые представления, ставящие женщин в более невыгодное положение в обществе в сравнении с мужчинами с точки зрения достижения статуса, власти и доступа к ресурсам, являются наиболее устойчивыми в обществе. И именно «материнская обязанность», как жесткая привязанность женщины не только к биологическому,

но и к социальному воспроизводству, особенно уходу за детьми, является основным аргументом дискриминации женщин [137].

Однако именно эти стереотипы являются причиной не только проблем женщин в профессиональной сфере, но сложностей мужчин в выполнении ролей мужа и, особенно, отца.

Существует несколько подходов к рассмотрению роли отца. Представителями психоаналитического направления [550] выполнено большое количество работ по исследованию роли отца. В основном изучается роль отца в психосексуальном развитии ребенка, отец, таким образом, является важнейшей фигурой в жизни ребенка четырех лет. З. Фрейд выделял следующие важнейшие аспекты взаимоотношений отца и ребенка: 1) отец – воплощение силы, как объект восхищения и любви, 2) отец как объект реализации потребности в безопасности и защите, 3) отец как авторитет, который наказывает за проступки и, таким образом, регулирует поведение, а в дальнейшем и моральные установки человека. Любовь матери – безусловная любовь, принятие и теплота – обеспечивает чувство безопасности [429], удовлетворяет потребность в принятии [268], создает базу для развития. Ребенок может исследовать мир только тогда, когда уверен, что в любой момент может вернуться к матери. Об этом говорят исследования Э. Эриксона, К. Хорни, Д. Винникотта, М. Кляйн, Л. И. Божович, М. И. Лисиной и др. Отец же несет социализирующую функцию, кроме удовлетворения потребности в безопасности, стабильности и надежности существования. Его любовь условна и, таким образом, дает ребенку возможность социализироваться, отец передает социально-культурные нормы, традиции и следит за их соблюдением. Быть отцом – это быть носителем истины, нормы в семье. Так как мать безоценочна, за социализацию отвечает отец. Когда отец – носитель нормы, с ним связано чувство опоры, надежности и уверенности у других членов семьи [480].

S. Barth [480] рассматривает отца как единственного взрослого в жизни ребенка, который может организовать жизнь ребенка, дифференцировать и интегрировать его в общество. Даже М. Кляйн [589], исследовавшая взаимоотношения матери и ребенка, говорит о том, что отношения с отцом даже

на развитии совсем маленького ребенка сказываются положительно. S. Barth подчеркивает также, что отец, являясь транслятором социальных норм, становится для ребенка фигурой обеспечивающей связь поколений [480].

Современные приверженцы психоаналитического подхода, весьма распространенного в Германии, продолжают развивать мысль З. Фрейда о социализирующей роли отца. Согласно этой концепции, мать дает ребенку безусловную любовь и принятие, отец – любовь условную, за выполнение каких-то предписаний, и, одновременно, защиту [602]. Однако даже по сравнению с началом XX века сейчас меняются научные теоретические представления о том, какие именно функции должен выполнять отец по отношению к своим детям [509]. Например, хотя мужчина не менее способен осуществлять уход за ребенком, часто он не имеет такой возможности. Исследования показывают, что многие женщины считают, что отцы заботятся о детях хорошо, но делают это только тогда, когда хотят (эта проблема известна как проблема «представления о компетенции») [210].

Представители бихевиорального направления рассматривают отцовство с точки зрения выполнения предписаний данной социальной роли. Причем классический бихевиоризм видел в отце только важнейший элемент среды, который усиливал или пресекал определенные реакции ребенка, таким образом, воспитывая правильные реакции. Представители необихевиоризма говорят о том, что отец является еще и моделью, наблюдая за которой, ребенок учится [479].

Гуманистический подход к отцовству развивался в рамках работ первых семейных психологов [115, 365], указывавших на возможности личностного роста супругов, а также оптимизации семейной ситуации в рамках психотерапевтической работы с семьей. Сегодня в контексте системной семейной психологии развивается подход таких авторов, как: G. Becker [482], V. Behrendt [483], J. Belsky [486], C. P. Cowan, P. A. Cowan [524], M. Lamb [597], R. LaRossa [599], D. Lenzen [602], J. Pleck [629] рассматривающих семью как систему, в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми другими и нормальное функционирование которой невозможно без какого-либо ее элемента. Все члены

семьи находятся во взаимосвязи друг с другом и взаимовлияют друг на друга [357]. Таким образом, не только отец и мать влияют на детей или отношения супружеской пары оказывают влияние на развитие детей, но и отношения в диаде родитель – ребенок влияют на стабильность семьи и самочувствие каждого из ее членов, при этом отношения отца и ребенка не изолированная сфера, но эти отношения важны и для функционирования всей системы [251]. В подтверждение данного положения A. Gerhard [557] приводит результаты исследования, в котором было выяснено, что дети, воспитывающиеся в неполных семьях, «достраивают» семью в своих фантазиях об отце. Зная вклад каждого члена семьи в систему, можно сказать, что семья как система будет нестабильна или неустойчива, при отсутствии любого из компонентов. При этом современные исследователи уверены, что отцы играют жизненно важную роль в функционировании и стабильности семьи и способствуют благополучию детей [125], обусловливая эмоциональную саморегуляцию ребенка [491], интернализацию и экстернализацию социального поведения ребенка [536], грамотность и языковую компетентность ребенка [673], и успешность обучения в школе [1, с.262; 581].

В настоящее время большое количество исследований по данной проблеме проводятся в Германии, США и России. Исследуются различные аспекты феномена отцовства: 1) статус отца [483; 487], 2) его поведение по выполнению отцовской роли [511; 577]); 3) удовлетворенность мужчины отцовством, в том числе и выполнением роли отца [551]); 4) удовлетворенность отношениями с собственным отцом и перенос паттернов поведения по выполнению роли, общения и отношений к ребенку и с ребенком (R. Richter, M.Verlinden, [637], D. Lenzen [602]), а также социальные и демографические проблемы отцовства [480; 550].

Немецкие исследователи занимаются проблемами социального изменения отцовства [550], трансформации ролей в обществе [585]; изменения социальных стереотипов и установок относительно того, каким должен быть отец [480; 637]; проблемами семейной психологии, выполнения мужчинами ролей в рамках семьи

в изменяющихся условиях современного общества [483; 623; 632]; исторические и культурные предпосылки современного стереотипа отцовства; психологические особенности отцовства [551; 637], такие как удовлетворенность собственной ролью, отношениями с ребенком, супругой и окружающими [550], а также исследуется процесс становления отца, его психологических характеристик, принятие роли, изменение Я-концепции в отцовстве, возрастные закономерности данного феномена [648].

Проанализировав литературные источники, посвященные описанию исследований, можно сказать, что проблема отцовства не только достаточно широко исследуется в США и Германии, но и привлекает довольно широкое общественное внимание. При этом американские исследователи ориентированы на практику и практическую помощь родителям в выполнении их функций [531]. Исследования носят прикладной характер [534; 628] и позволяют отследить многие закономерности и особенности феномена отцовства в современном обществе, чаще всего социологические [617]. Кроме того, существует несколько коммерческих и некоммерческих организаций (например, The Fatherhood Coalition, возглавляемая M. Charalambous, National Center for Fathering, во главе с K. Canfield, The March Of Dimes и др.), деятельность которых направлена на оказание консультационной помощи, информационной поддержки родителям и проведению различного рода семинаров и тренингов для молодых семей, одиноких отцов и т.п. [510; 556], а также финансирование различных исследований родительства и связанных с ним проблем [617; 675], определяя грантовую поддержку исследований ответственного отцовства, разработку программ пропаганды здорового супружества и ответственного отцовства, начиная с 2011 года. [670; 671].

Немецкие исследования более фундаментальны, ориентированы как на практику, так и на теоретическое осмысление и обоснование практических результатов исследования и изучения проблемы.

Таким образом, 70-е и 80-е годы прошлого века были отмечены вниманием исследователей к вопросам различия вклада отца и матери в развитие ребенка:

сначала через изучения бюджета времени, проводимого с детьми [485; 568], затем через изучение качественных различий во взаимодействиях отца и матери с детьми [629].

В 90-х годах прошлого века в связи с особым вниманием к проблемам мужской гендерной идентичности в рамках так называемых «мужских исследований» («men studies») научный интерес к отцовству сосредоточился на вопросах гендерных различий в воспитании, взаимосвязи между присутствием отца и развитием ребенка, роли отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка [554], уникальности вклада отца в развитие ребенка [629].

Это наглядно описывается спецификой академического интереса к проблемам отцовства на протяжении прошлого столетия и начала XXI века. Внимание к различным проблемам отцовства среди таких авторитетных зарубежных журналов, повещенных семейным отношениям, как: the Journal of Family Psychology, the Journal of Marriage and Family, Family Relations периодически доходит до 20% статей об отцовстве среди общего числа статей журнала в год. Для старейших изданий, освящающих проблемы развития, такие, как: Child Development и Developmental Psychology этот показатель несколько менее 20% [558].

Повышение интереса к отцовству достигло максимума в 1990-х- 2000-х годах, затем несколько снизилось. На это же время приходится появление специализированного научного журнала, посвященного проблемам отцовства: Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers, выпускаемого с 2003 по 2015 год издательством Men's Studies Press.

В большинстве журналов исследования отцовства сосредоточены на изучении полных семей (76,2%). Однако ближе к 2000-м годам появляются статьи, описывающие исследования с участием нерезидентных отцов [517], то есть по различным причинам не проживающих с ребенком в одном домохозяйстве (14,2%). Анализ тематики статей позволяет сказать, что основной интерес направлен на роль отца в воспитании ребенка, его взаимодействие с ним (75,4%

статей), связь поведения и установок относительно отцовства (42,1% статей), качество взаимодействия отца и ребенка (33%), и проблемы организации ухода и вовлеченности в жизнь ребенка (26,1%).

В зарубежных и в отечественных исследованиях феномен родительства изучается психологами, социологами и педагогами в зависимости от теоретического подхода к данной проблеме. Анализируя многочисленные современные работы по родительству, можно выделить два основных подхода к изучению родительства, в зависимости от того, кто считается отправной точкой изучения – ребенок или родитель: первый, наиболее распространенный, рассматривает родительство применительно к развитию ребенка [628]. В первом подходе отцовство изучается либо как роль отца в рамках семейной системы, либо в контексте влияния семейно системы на развитие личности ребенка, либо отдельно исследуется влияние отцовства на развитие личности ребенка. Во втором подходе рассматривается выполнение родительской роли через призму личности родителя, здесь исследуются самореализация личности в родительстве и другие личностные характеристики, так или иначе изменяющиеся с родительством [534].

В нашей стране проблема отцовства изначально изучалась в рамках психологии семьи [458], в основном в рамках системной семейной психологии, где основные аспекты изучения отцовства не выходили за пределы описанного выше представления о значимости супружеских отношений для развития ребенка и детско-родительских отношений, либо в рамках социальной психологии, как часть социальной роли мужчины, детерминированной социально-исторической реальностью [210]. Например, Б. И. Кочубей [219] доказывает, что разрушение патриархальной семьи в нашей стране привело к тому, что женщина стала основным воспитателем в семье, а мужчина потерял опору своей значимости во внутрисемейных делах.

Даже в начале XXI века отечественные работы были связаны с исследованием психологии отцовства только косвенно в контексте психологии развития ребенка [3; 332; 379]. В начале нашей работы в 2002 году приходилось

пользоваться в основном зарубежными источниками, огромный массив материалов которых до сих пор не переведен на русский язык (J. Pleck [629; 631], W. J. Doherty, E. F. Kouneski, M. F. Erickson [532]; M. Lamb [597], D. J. Eggebeen [533]). Наши статьи [74; 159; 160] и монография по психологии отцовства [76] были одними из первых попыток осмыслить проблематику влияния отцовства на личность самого мужчины. Современные российские исследования отцовства представлены широким кругом работ, среди которых можно выделить работы Т. В. Архиреевой [31], Р. В. Овчаровой [301], С. И. Радченко, М. А. Федоровой [341], М. В. Бутаева [100], С. Д. Некрасова, З. И. Рябикиной, А. Р. Тиводар [294], А. И. Михайловой [275], В. Л. Кокоренко [205], С. Ф. Явона [463], Л. В. Точеной [406], Ю. А. Токаревой [401], О. В. Алмазовой, А. В. Ильиных [19], Ю. А. Латышевой [238] и других.

В качестве основания для анализа можно использовать предложенную И. С. Коном [210] идею о том, что проблемы отцовства группируются в трех психологических областях. Во-первых, в контексте психологии семьи, в рамках понимания современного кризиса семьи и его влияния на развитие личности ребенка и самого взрослого. Во-вторых, в рамках изучения проблем маскулинности, в контексте ослабления привычной мужской гегемонии. Третий аспект связан с кризисом власти в условиях эгалитарной семьи, женской и возрастной эмансипации.

Современная семья переживает период трансформации или кризиса становления в новых социальных, экономических демографических условиях. Увеличивается количество форм брака и возможных видов взаимоотношений в семье, допустимого распределения ролей и функций внутри семьи, расширяется диапазон приемлемого в сфере семьи и брака. И идеи связи особенностей семьи с наличием и количеством детей остаются актуальными, например, Н. Н. Николаев связывает типы семей в современном российском обществе с особенностями родительства [297]. Существуют даже классификации типов семей по критерию особенностей отцовства, так А. Ю. Филатова описывает семью с точки зрения степени включенности отца в воспитание детей [418]. Д. С. Корниенко,

Е. Н. Красильникова и Н. В. Ротманова в своем исследовании доказывают связь отцовского отношения к ребенку с конфигурацией семьи [217, с. 627].

Многие исследователи полагают, что современные гендерные трансформации ведут к уменьшению ответственности и эмоциональной вовлеченности в брачных отношениях, таким образом, что становится возможной так называемая последовательная моногамия, когда отношения поддерживаются до первого серьезного конфликта [80] или до появления нового партнера в жизни одного из супругов. Подобные проблемы исследуются психологами, социологами, демографами в европейских странах и США. В контексте исследования «свободной» семьи очень сложным становится вопрос о детях: их появления вообще, опеки над детьми от предыдущих браков или отношений, распределении обязанностей разведенных родителей. Появляются теории, описывающие отношения в браке и родительство через призму личностной зрелости супругов [511]. При этом нежелание вступать в брак вообще, нежелание иметь детей рассматриваются как признаки незрелости (инфантильности) личности. С другой стороны, появляются приверженцы «осмысленного» включения супругов в жизнь семьи [531; 532]. В нашей стране А. Г. Братухин и Е. А. Магазева предлагают метод визуального конструирования в рамках работы по развитию здоровьесберегающего поведения и коррекции репродуктивного поведения [95, с. 65].

Как было сказано выше, теоретическое осмысление, развитие концепции исследования данного феномена следует за формированием устойчивого интереса к проблеме в психологической практике [629]. Так, существует несколько частных центров поддержки родительства и семьи, где происходит обмен опытом самих увлеченных родителей друг с другом. Эти центры поддерживают, а иногда, и финансируют исследования в этой области [474]. Согласно зарубежным исследованиям психологическое значение «ответственного» «включенного» отношения к семье для личности и для семьи в целом особенно ярко проявляется в кризисные периоды брака. За рубежом родительство часто изучается в контексте взаимосвязи с брачными отношениями [532]. При этом считается, что

успешность родительства связана с развитием супружеской системы, которая, как любая другая характеризуется динамикой: развиваются супруги и меняются их отношения. Среди самых сложных моментов начального этапа жизни семьи большинство исследователей выделяет нормативные кризисы семьи: первый год супружеской жизни [305]; кризис появления первого ребенка [528]. Эти кризисы – являются точками бифуркации системы, когда возможно принятие новых ролей и формирование новых субсистем семьи, но возможно и достаточно быстрое разрушение системы. Например, Ю. В. Ковалева [203] указывает на то, что принятие родительских ролей связано с регуляцией поведения супругов на различных, особенно начальных, этапах жизненного цикла семьи. Таким образом, родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [630]. Эта идея не нова и для российских семейных психологов, однако в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии [458]. Например, К. Н. Белогай связывает родительство с психологическими задачами брака на определенной стадии жизненного цикла семьи, на которых оно становится одним из факторов стабильности супружеских отношений [45]. С другой стороны, супружеские отношения также оказывают влияние на специфику родительства. Так, И. С. Попова исследовала супружеские отношения и пришла к выводу, что они оказывают влияние на родительство посредством детерминации социальной перцепции образа ребенка [331], О. Н. Безрукова обратилась к исследованию ожиданий матерей и практики отцов [42], П. Н. Резько с коллегами даже связали самосознание отца типом семьи [350].

В современных американских исследованиях отцовства выделяются работы [532; 596], в которых акцент смещается на роль женщины-матери, как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин отцовству [532]. J. Pleck доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо взаимосвязана с вовлеченностью матери [630]. J. Pleck высказывает идею о том, что собственная родительская идентичность может быть определена только в

тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. При этом предполагается, что это одинаково значимо, как для мужчин, так и для женщин. То есть отцовская идентичность тесно связана с оценкой своей жены как матери и с теми ожиданиями, которые она имеет по отношению к отцовскому поведению мужа. Эти мысли поддерживаются и российским исследователями [68, с. 49-55; 140, с. 339].

Современные исследователи, изучающие отцовство с точки зрения влияния на развитие личности ребенка, согласны в том, что отец вносит существенный, уникальный вклад в развитие личности ребенка [596]. Важнейшим фактором нормального пренатального развития ребенка является благоприятная обстановка в семье, эмоциональный комфорт беременной женщины [573] и здесь, как показали исследования Л. Л. Баз, Т. А. Баландина, Г. В. Скобло [380] и G. Bouchard [494], оказалась важна эмоциональная поддержка мужа, благодаря которой жене удавалось с наименьшими психологическими потерями преодолевать трудности этого периода. Так Т. А. Пономарева утверждает, что опыт переживания совместных родов оказывает значительное влияние на семейную систему, определяя ее способность противостоять трудностям адаптационного периода после рождения ребенка [330]. Отсутствие такой поддержки является провоцирующим моментом для возникновения у нее депрессивно-тревожных расстройств, являющихся, как правило, предшественниками послеродовой депрессии, отрицательное влияние которой на психическое развитие ребенка общепризнанно. Таким образом, еще до рождения ребенка отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий.

Позднее отец помогает развитию ребенка через игры [182], помогая развитию моторики ребенка, освоению окружающего пространства, собственного тела [196; 220], что является важным условием интеллектуального развития ребенка [596].

По мнению W. Fthenakis [550], взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей [633], что подтверждается и российскими исследованиями [425; 426]. Однако в немецких исследованиях была выявлена прямая корреляция между вовлеченностью отца в воспитание и когнитивными достижениями только для мальчиков [550]. Американские исследования [560] показывают, что дети, отцы которых вовлечены в процесс их образования (например, посещают родительские собрания) чаще получают высшие баллы, больше любят школу, реже остаются на второй год.

Кроме того, Х. Хоффман [575] полагает, что отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм. Родители через слова и поведение, так или иначе, выражают свое отношение к определенным событиям или поступкам людей, предоставляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку [144]. Родители, особенно отец, дисциплинируют детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие, это важно, так как именно родители удовлетворяют потребности ребенка, потому что он взаимодействует с окружающей средой сначала только через родителей, которые в этом случае являются проводниками общественных ценностей. Главными факторами, влияющими на усвоение моральных норм, являются: 1) страх потери любви родителей; 2) идентификация с родителем, которую выявил З. Фрейд; 3) развитие эмпатии и чувства вины, первоначально через оценку родителей, а затем, через объяснение последствий действий ребенка. По мнению Х. Хоффмана, именно идентификация является наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей, и отец в этом случае особенно необходим мальчику. Любовь отца, по мнению Х. Хоффмана, условна, что является важнейшим фактором морального развития ребенка [575]. Происходит это потому, что отцы придают большее значение самостоятельности, предоставляя детям отвечать за свои действия, и с большим уважением, чем матери относятся к проявлению детьми независимости [163, с. 286].

Еще З. Фрейд отмечал, что взаимоотношения с отцом влияют на формирование полоролевой идентичности. Современные исследования

подтверждают этот постулат. По мнению Ш. Барта [480], важнейшими детерминантами полоролевой идентификации для мальчика являются: 1) доминантность отца, как влияние в семье, с одной стороны, а с другой, именно доминирование отца может привести к развитию пассивности ребенка [279]; 2) забота отца, если отличительной чертой отношений отца и сына является забота и теплота, желание быть таким же «мужественным» как отец значительно усиливает позитивное восприятие, усвоение мужского поведения и формирование адекватной полоролевой идентичности [54]. Любые проблемы в супружеских отношениях родителей сказываются на переживании своей гендерной идентичности детей [64, с. 55-63; 72, с. 35-36]. Например, Т. В. Эксакусто [459] постулирует, что гендерные представления мужчин, воспитывавшихся в семьях с высокой конфликтностью, отличаются от таковых среди мужчин, выросших в более благополучных семьях. Взаимоотношения девочки с отцом оказывают влияние на ее дальнейшие гетеросексуальные контакты, являясь прототипом этих взаимоотношений [576]. Теплые и приносящие удовлетворение отношения дочери с отцом помогают дочери гордиться своей женственностью, способствуют принятию себя в качестве женщины и более легкой гетеросексуальной адаптации [335], кроме того, отец может влиять и на жизненные приоритеты дочери – семейная жизнь или ориентация на карьеру [212].

Доказано также и влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка [181; 508]: дети вовлеченных отцов обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью образа Я, более отзывчивы в социальном плане [181], чаще получают высшее образование, более независимы, и ведут более здоровый образ жизни [632] в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом как отчужденные.

Множество исследований определяют взаимосвязь самоотношения ребенка с его отношениями с отцом. Например, М. В. Пастухова доказывает, что самооценка ребенка младшего школьного возраста связана с его общением с отцом [313], ее данные подтверждаются другими исследователями [1, с. 297; 411], О. В. Ходаковская и Е. А. Гизатуллина описывают взаимосвязь отношений с

отцом и самоотношения у подростков [435], М. Н. Усцева считает, что даже личностные особенности подростков связаны с образом отца [202; 412; 413], М. В. Овчинников с коллегами [303] доказывают влияние отца на формирование личностной беспомощности у детей, а И. С. Морозова и Н. А. Викдорова связывают тип родительского поведения отца с процессом становления психологической суверенности подростка [285], Н. Н. Авдеева и Е. А. Чепракова отмечают разлиия в представлениях подростков с разной степенью агрессивности о взаимоотношениях с собсвтенными отцами [6, с 131; 296]

Кроме того, в отечественных исследованиях уделяется большое внимание изучению влияния образа отца на проявление различных личностных характеристик ребенка. Например, Е. В. Туманова и Е. В. Филиппова описывают взаимосвязь образа я ребенка с образом отца [409]. Я. А. Сурикова с коллегами доказывают, что положительный образ отца в дистантной семье может выступать показателем субъективного качества жизни ребенка [396]. При этом влияние образа отца на жизнь или поведение ребенка сохраняется и в период взрослости ребенка, так Е. А. Щербакова описывает исследования, в котором образ родителей, особенно отца, выступает фактором профессиональной адаптации личности курсантов-летчиков [457].

Исследователи, рассматривающие отцовство с точки зрения его влияния на развитие личности мужчины [31, 74, с. 122-126; 533; 629], считают, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития, осознания своей гендерной идентичности. В древних культурах мужчина до рождения своего первого ребенка считался отроком [210]. Отцовство как совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающих все уровни жизнедеятельности человека, связано с объективными характеристиками личности, такими как: потребности, влечения, желания, установки, и с субъективными характеристиками личности – ценностными ориентациями, мировоззрением, а также с образом Я, Я-концепцией личности и самооценкой. Для мужчины – это проблема личностного развития, проблема принятия своих

чувств и их самоконтроля. Осознание себя отцом приводит к осознанию необходимости жить правильно везде. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости. Феномен отцовства тесно связан с такими понятиями, как социальная роль отца, различающаяся в зависимости от общественной системы, социальной, экономической и политической сфер общества, статуса мужчины в данном социуме, а также с такими личностными образованиями, как эмоциональная, мотивационная и ценностно-смысловая сферы, самооценка, самосознание, Я-концепция, удовлетворенность жизнью и стиль жизни. Многое зависит от того, насколько данная роль принята мужчиной. Речь идет даже не столько об операциональном аспекте реализации роли, сколько о личностном принятии, интернализации роли отца конкретным мужчиной.

Другая проблема состоит в том, что исторически отцовская функция традиционно связывалась с властью, не только в семье, но и в социуме. Согласно И. С. Кону, потеря преимущественного положения мужчины в обществе, так как в сейчас далеко не каждый мужчина-отец имеет достаточно власти не только в рамках социальной иерархии, но даже в собственной семье, сказывается не только на сложностях гендерной идентификации взрослеющих мальчиков, но и на реализации собственно отцовских функций, регламентации отцовской роли и общественным пониманием значимости влияния вовлеченного отцовства на развития личности ребенка и самого мужчины [208]. Это подтверждается данными американских исследований, начиная со времен великой депрессии 30-х годов, о том, что при невозможности выполнения роли кормильца, например, при потере работы, мужчина может вообще отказаться от выполнения отцовской роли и уйти из семьи, усугубляя последствия социальных трудностей семьи [520].

В целом, существуют многочисленные эмпирические исследования отцовства, теоретические модели, применяемые в которых имеют серьезные различия в зависимости от прикладных аспектов работы. По мнению W. Marsiglio [608] выделяются следующие направления изучения отцовства: а) теория жизненного пути, которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в

связи с различными периодами жизни и является основанием для нашего дальнейшего изучения этапов становления готовности к отцовству; б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы роли), позволяющая нам анализировать социальную ситуацию развития личности отца; и в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей), наиболее, на наш взгляд, четко определяющие методологически основания для изучения внутренних детерминант становления готовности к отцовству. J. Snarey [658] использовал теорию Э. Эриксона в контексте того, как отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий, для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [482].

В рамках развития социально-психологической теории о вкладе родителей [552]. Дж. Коулман определил два вида вклада родителей в жизнь ребенка, которые обеспечивают оптимальное развитие ребенка. Во-первых, родители материально обеспечивают жизнь ребенка. Финансовое обеспечение включает разнообразные материальные и нематериальные ресурсы, включая образование. Во-вторых, родители влияют на развитие ребенка через воспитание, регулирование поведения, стимулирование познавательного и социального развития ребенка, подготовку к школе, поддержку и помощь в обучении, включение ребенка в свои социальные контакты, формирование определенных ценностных ориентаций и взглядов на жизнь.

На основе проведенного анализа, мы полагаем необходимым добавить, что помимо описанных выше подходов, ориентирующихся, в основном, на социальные и функциональные характеристики отцовства, в рамках развивающейся психологии отцовства можно выделить несколько качественных концептуальных моделей отцовства. Самая часто используемая концептуальная модель отцовства – четырехфакторная модель вовлеченности отца M. Lamb и J. Pleck [596], которая включает: мотивацию, навыки, социальную поддержку, и

социальные условия и слишком узка по сравнению с теориями развития, такими как: теория Э. Эриксона или теория социальной идентичности [460].

У. Доэрти [531] выделяет 5 факторов, определяющих специфику отцовства: взаимоотношения родителей, включающие брачный статус, наличие взаимопонимания или конфликта, поддержки; влияние матери, включающее ее гендерные стереотипы и ожидания от отца, ее поддержку отцу, профессиональную занятость; факторы среды, включающие особенности культуры, возможности трудоустройства, работу социальных институтов, экономический класс, социальную поддержку; фактор ребенка, отвечающий за ожидания относительно ребенка, особенности взаимоотношения с детьми в зависимости от возраста и пола, здоровья и развития; и собственно фактор отцовства, включающий идентификацию с ролью отца, навыки, и ответственность, а также отношения с собственным отцом.

Интересной представляется модель Дж. Плека, которая разграничивает отцовство как родительский статус от отцовских практик. Кроме того, в ней дифференцируется маскулинность как мужской гендерный статус и тип маскулинности конкретного мужчины [631].

Особенности психологических детерминант отцовства сквозь призму взаимосвязи отцовства и маскулинности в России изучаются в рамках изучения стереотипа маскулинности в патриархальной культуре [180], влияния социальных норм маскулинности на представления личности о содержании поведения в рамках отцовской роли [12; 198; 199].

В нашей стране вначале XXI века появился все возрастающий интерес к проблеме отцовства, выражавшийся в появлении новых теоретических исследований, чаще всего социологических: например, исследование И. М. Марковской [265], изучавшей специфику представлений о семейных гендерных ролях у различных поколений или работа Н. А. Коркиной [215], изучавшей отцовство в современной семье, однако в последнее время широко разрабатываются смежные области, например, специфика психологического сопровождения родительства [301], зависимость ориентировки супругов в

конфликте от образов родителей, сформированных в детстве [8], проблемы отцовского воспитаня в неполных семьях [30], проблемы детско-родительских отношений на базе теории В. Н. Мясищева [31; 290], проблема становления гендерной идентичности ребенка в семье [175].

Второе десятилетние нашего века характеризуется серьезным научным интересом психологической науки к феномену отцовства в России. И. А. Аликин и Н. В. Лукьянченко [16] и Е. В. Евдокимова [156] описали вслед за К. Н. Белогай [47] и автором [70] особенности родительского отношения отцов и отчимов, А. И. Михайлова исследовала социокультурную детерминацию отцовства [276], А. Ю. Филатова в том же году рассмотрела психологические подходы к изучению проблемы отцовства в отечественной психологии [419]. Годом позже В. И. Горбачева и Д. В. Мальцева описали методологические основания теоретического изучения отцовства [126]. Специфика отцовской роли описана Ю. А. Латышевой в контексте традиционного и нового взгляда [237] и Е. С. Лытовой [258], Г. С. Гукасовой [136], Е. С. Лытовой [258] и Е. В. Бахадовой – с точки зрения сравнения с материнством [40]. Интересной с точки зрения теоретического осмысления роли супружеских отношений в формировании отцовства является работа Ю. А. Даниловой, описывающей трехмерную модель отцовства, через включение, вслед за W. Doherty [532] и автором [68], в диаду «отец-ребенок» мать, как важнейшего партнера отца в родительстве [140] и работа Е. Л. Иргит по изучению осознанности родительства у отцов [183].

Особое внимание исследователей привлекает проблема формирования отцовских практик у современного отца в контексте готовности к отцовству [242; 316; 432], проблем освоения юношами социальной роли отца в семье [367] или отношение к будущему ребенку на этапе планирования и во время беременности в сравнении с матерью [91].

Т. Д. Боязитова подробно описала ценностные ориентации мужчин, ожидающих появление ребёнка [93], С. Ф. Шаймухаметова и Л. Ф. Чукмарова добавили к этому изучение особенностей психических состояний будущих отцов [445].

Динамика образа отца и представлений о собственном отцовстве и особенностей отцовства у молодых мужчин представлена в работах А. В. Левченко [243], Н. В. Акиньшиной [12] и У. Ю. Севастьяновой [369].

С. С. Савенышева добавила к этому описание отношения к отцовству у мужчин на разных этапах родительства [359].

Понимание внутренних механизмов освоения отцовской роли описано Е. И. Захаровой [173] с точки зрения возрастно-психологического развития личности в зрелом возрасте [172]. М. Ю. Луков дополнил современные знания об отцовстве описанием особенностей принятия отцовской роли [257]. Кроме, того, Н. А. Фомина и М. В. Пастухова предложили изучать ответственное отцовство с точки зрения такого личностного свойства, как ответственность [424].

Проблемы психолого-педагогического сопровождения семьи и психологической помощи в контексте работы с отцовством также не были обойдены вниманием психологов. А. В. Маркелова описывает принципы психолого-социальной помощи молодым супругам в подготовке к родительству [263], М. В. Залужная предлагает программно-целевой подход в процессе формирования ответственного отцовства [170]. Е. А. Юхина считает необходимым выделить проблемы помощи отцам в рамках психологического сопровождения родительства в современных условиях [462]. Появляется и специализированный психодиагностический инструментарий, сконструированный для изучения отцовства [63; 218].

Кроме того, изучаются отдельные аспекты феномена отцовства, такие как: история российского отцовства в контексте становления и трансформации практик советских отцов [176], специфика отцовства отчима [70; 104], проблемы психологии девиантного отцовства [314], проблемы мужчин, в одиночку воспитывающих ребенка [373], отцов, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья [36].

Очень интересную работу проводит Т. В. Помарчук, изучая психологическую готовность к отцовству [327], анализируя ответственное

отцовство с точки зрения профилактики социальных рисков [328] и М. М. Басимов, Е. А. Падурина, изучающие родительские чувства у отцов [38].

2016-2017 годы были отмечены целым рядом перспективных работ по отцовству, что свидетельствует об актуальном социальном запросе на исследования отцовства: И. С. Петронюк [317] а также А. Е. Абросимова и Д. А. Кудачкин вновь обращаются к переосмыслению современных проблем психологии отцовства [4], А. М. Медведева и Т. К. Ростовская описали специфику образа современного отца [272], Т. Д. Подкладова обращается к исследованию вовлеченности отца в жизнь семьи и общества [324], М. В. Малаева описывает структурные компоненты родительской сферы у мужчин [262].

Современные исследования затрагивают широчайший круг вопросов: от влияния самого процесса становления отцовства на самочувствие, субъективное благополучие и психологическое здоровье отца, его социальные контакты, семейные отношения и профессиональную самореализацию, [534], до эффектов ролевой перегрузки мужчин [599], проблем выполнения домашних функций мужчинами и взаимодействия со службами социальной защиты детей [531], а также разрабатываются вопросы взаимосвязи удовлетворенности браком и отношений отца и ребенка [628; 656], проблемы трансгенерационной передачи моделей семейных взаимоотношений [494; 535], и особенностей взаимоотношений взрослых детей со своими отцами [409; 651]. Таким образом, современные зарубежные и отечественные исследования отцовства не только охватывают широчайший спектр проблем не только влияния отца на развитие личности ребенка, но и специфики влияния отцовства на самоощущение, психологическое здоровье и развитие личности самого отца, но и определяют круг вопросов дальнейшего исследования отцовства. Материалы данного параграфа частично опубликованы автором в монографии 2007 года [76, с. 53-61] и 2020 [78].

1.2. Психологическая специфика отцовства в контексте изучения родительства

Рассматривая отцовство как особенный феномен, включающий инвариативные характеристики родителя и вариативные сущностные проявления носителя этой роли, мы определим те составляющие, которые свойственны отцу, как представителю роли родителя.

Отцовство наряду с материнством изучается в рамках теоретического осмысления и эмпирического исследования феномена родительства. Анализ литературы, посвященной проблемам психологии родительства, показал, что, несмотря на широкую представленность работ, единого мнения относительно феномена отцовства не существует. Нет даже четкого определения, так как данный феномен не исчерпывается такими понятиями, как роль, статус, чувства, мотивация, ценностно-мотивационная или потребностная сфера или самооценка или часть гендерной идентичности мужчины.

Однако изучение феномена отцовства неразрывно связано с понятием «родительство», представляющим собой достаточно сложно определяемое, но в то же время более широкое понятие, чем понятие «отцовство».

И. С. Кон определяет родительство как систему взаимосвязанных явлений, включающих: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям; б) специфические родительские роли, и нормативные предписания культуры; в) обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания [209].

Р. В. Овчарова считает, что родительство – это социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную и совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства [301].

Отцовство является частным специфическим для мужчин проявлением родительства. По мнению Р. В. Овчаровой, его можно описать через понятие «родительское отношение» как проявление родительства – «интегрального психологического образования личности (отца и/или матери), включающего совокупность ценностных ориентации родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания» [301, с.14]. Родительство проявляется и реализуется на трех взаимосвязанных уровнях: когнитивном, связанном с осознанием родителями эмоциональной связи с детьми, представлениями об идеальном родителе и о себе как о родителе, знания об особенностях выполнения родительских функций, образы супруга(и) и ребенка; эмоциональном, включающем родительские чувства; и поведенческом, включающем умения общаться и ухаживать за ребенком, родительские установки и стиль семейного воспитания.

Родительские установки проявляются и у мужчин, и у женщин. Родительские установки (позиции) – совокупность эмоционального отношения к ребенку, восприятие ребенка родителем и способов поведения с ним [438]. Понятие «стиль воспитания» часто употребляется синонимично понятию «позиции», хотя во втором случае речь идет о конкретном ребенке, в то время как стиль воспитания – это отношение к детям вообще [283, с. 223-230].

В клинически ориентированной литературе описана достаточно обширная феноменология родительских установок, а также их следствий – формирование индивидуальных особенностей ребенка в рамках нормального или отклоняющегося поведения. Выделенные в этих исследованиях типы родительского воспитания характеризуют в основном неблагоприятные воспитательные воздействия [458].

С точки зрения биологической обусловленности родительского чувства для благополучного «запуска» биологической основы родительства существенны три фактора – сензитивный период, ключевые раздражители и импринтинг. У матери есть сензитивный период формирования материнства – первые 36 часов после

родов. Если в этот период матери предоставлена возможность непосредственного общения с новорожденным, так называемый контакт «кожа к коже», то у матери возникает психологический импринтинг на данного ребенка, интимная душевная связь с ребенком образуется быстрее, бывает более полноценной и глубокой. Многочисленные исследования тех семей, где не был упущен сензитивный период материнства, показывают, что поведение матерей было спокойным и любящим, дети достоверно чаще улыбались. Детская улыбка, в свою очередь, мощное поощрение для матери, ключевой раздражитель, запускающий специфическое материнское поведение.

Считается, что на основании архаических рефлексов, которые позднее исчезнут, у ребенка возникает специфическое поведение в ответ на внешние раздражители. Так, например, первая улыбка есть проявление буколингуального (щечно-язычного) рефлекса. Мать же придает этой улыбке коммуникативное значение, придает действиям ребенка больше смысла, чем есть на самом деле. Она положительно подкрепляет эту первую улыбку, более отчетливо выраженную между кормлениями. Впоследствии улыбка станет специфической реакцией на приближение человеческого лица, звук знакомого голоса. Таким образом, вовремя использованный сензитивный период формирования материнства приводит к позитивному взаимодействию с ребенком и служит гарантом хорошего контакта, теплой и любящей атмосферы общения матери с ребенком [283, с. 124].

В отечественной и зарубежной психологии родительские установки (позиции), в основном, исследовались в аспекте их влияния на происхождение и развитие неврозов у детей. В этом смысле интересна систематическая классификация родительских позиций (О. Коннер), в которой родительская позиция сформулирована в форме характерных для родителя словесных конструктов и способов поведения. О. Коннер, описывая родительские установки или позиции, выделяет четыре позиции, из которых только одна является конструктивной: принятие и любовь, явное отвержение, излишняя требовательность, чрезмерная опека. [283, с. 125].

Т. В. Брагина рассматривает родительскую позицию как характер эмоционального отношения отца и матери к ребенку. И выделяет 6 типов позиций: чрезмерная эмоциональная дистанция между родителями и детьми, эмоционально уравновешенное отношение к детям, излишняя концентрация внимания на детях, доминирование по отношению к детям, позиция независимого руководства родителей, излишняя уступчивость по отношению к детям [приводится по 301].

А. С. Спиваковская характеризует родительские установки через три параметра: адекватность, динамичность, прогностичность, которые проявляются в восприятии ребёнка, в степени гибкости форм и способов взаимодействия в связи с возрастными изменениями ребёнка; и в степени изменчивости воздействия на ребёнка в соответствии с различными ситуациями, в связи со сменой условий взаимодействия [приводится по 301].

Интересный подход демонстрируют российский исследователь родительства Е. И. Захарова [172], трактуя родительство как индивидуально-психологическую реальность и описывая его через термин «внутренняя позиция родителя», означающий личностное образование, связанное с индивидуальным отношением к социальной позиции родителя [173]. При этом освоение социальной позиции родителя определяется Е.И. Захаровой как социальная ситуация развития личности, в которой вхождение в родительство имеет развивающий потенциал, так как реализация родительских функций или родительская деятельность становится инструментом преобразования социального надындивидуального содержания в акт индивидуального сознания [172].

Основываясь на теоретической концепциях Е. И. Захаровой [173] и Г. Г. Филипповой [423], С. А. Абдуллина выделила четыре компонента внутренней позиции родителя: 1) мотивационный – представляющий собой личностный смысл родительства, его место в системе потребностей мотивов и ценностей личности; 2) когнитивный, включающий представления и ожидания родителя относительно родительства и родительских функциях, а также образ

ребенка и оценка себя как родителя; 3) эмоциональный – определяемый эмоциональным отношением к родительству, к себе и к ребенку; 4) поведенческий – умения и навыки и операции по уходу и общению с ребенком, навыки по воспитанию и обучению [2, с. 78].

Акцентрируясь на деятельности родителя, Н. Д. Михеева описывает родительство чрез понятие «родительская компетентность», как систему знаний, установок, навыков и умений, дающих родителю возможность эффективного взаимодействия с ребенком, обеспечивающих позитивное направление когнитивного, социального и личностного развития ребенка [278]. Г. И. Репринцева определяет следующие составляющие родительской компетентности: осознание родителями границ компетентности, необходимость ее повышения, понимание роли факторов поликультурной среды в семье и вне ее и их влияние на развитие детей на разных этапах онтогенеза, а также дифференциацию и индивидуализацию развития материнства, отцовства и супружества как социокультурных феноменов [351].

А. А. Чекалина понимает родительские позиции как один из синонимов множества других терминов, обозначающих воспитательный процесс в семье: родительское воспитание, родительские отношения, тип воспитания, стиль воспитания, тактика воспитания.

Е. Шеффер и Р. Белл [647], разработавшие методику для оценки родительских установок (PARI), полагают, что в понятие «установка» помимо отношения к ребенку должно входить отношение к семейной роли (мужа – отца – хозяина, жены – матери – хозяйки дома). Они выделяют 4 фактора, характеризующих родительские установки: «авторитарность», «демократичность», «опека» и «супружеские отношения».

С точки зрения Т. В. Архиреевой, родительские позиции реализуются в поведении отца и матери в том или ином типе воспитания, то есть в тех или иных способах воздействий и в характере обращения с ребенком. Она выделяет 3 фактора, характеризующие родительские позиции: «гиперопека – отсутствие

родительской опеки»; «отсутствие демократичности в отношениях с ребенком – демократичность»; «диктат в воспитании – отказ от авторитарности» [31].

М. О. Ермихина, которая вслед за А. С. Спиваковской выделяет в родительской позиции когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие, полагает, что когнитивная составляющая включает представления о реальном и идеальном образе ребенка, о существующих позициях родителя, о своей родительской позиции. Эмоциональная составляющая представляет собой доминирующий эмоциональный фон, суждения и оценки относительно реального образа ребенка, своих родительских позиций и относительно взаимодействия «родители – дети». Поведенческая составляющая содержит коммуникативные позиции родителей, прогностический аспект (планирование) дальнейшего взаимодействия с ребенком.

Согласно Э. Берну, типичная родительская позиция – это позиция «над», «сверху». Однако идеальный вариант родительской позиции, к которому должны стремиться супруги, – это равенство позиций. Оно означает признание активной роли ребенка в процессе его воспитания [52].

В настоящее время большинство исследователей акцентирует внимание на изучении неблагоприятных родительских позиций, складывающихся в функционально несостоятельных семьях и имеющих негативные последствия для личности детей и подростков.

Типичными неблагоприятными установками являются: попустительско-снисходительная; демонстративная; педантично-подозрительная; жестко-авторитарная; увещевательная; отстранение; равнодушная; потакающая; непоследовательная; отсутствие позитивного интереса; директивная; враждебная; автономная.

В отечественной и зарубежной психологии существует очень много классификаций стилей родительского воспитания. Одна из классификаций представлена А. Болдуином, который выделил два стиля практики родительского воспитания демократический и контролирующий [приводится по 184].

В целом можно сказать, что важным параметром, оказывающим влияние на развитие ребенка, является родительский контроль: при высоком балле по этому параметру родители предпочитают оказывать большое влияние на детей, способны настаивать на выполнении своих требований, последовательны в них. Контролирующие действия чаще всего направлены на модификацию проявлений зависимости у детей, агрессивности, развитие игрового поведения, а также на более успешное усвоение родительских стандартов и норм.

Вторым важнейшим параметром являются родительские требования, побуждающие к развитию у детей зрелости. Родители стараются, чтобы дети развивали свои способности в интеллектуальной, эмоциональных сферах, межличностном общении, настаивают на праве детей на независимость и самостоятельность.

Третий параметр, определяющий стиль родительского воспитания, – это способы общения с детьми в ходе воспитательных взаимодействий. Родители с высоким баллом по этому показателю стремятся использовать убеждение с тем, чтобы добиться послушания, обосновывают свою точку зрения и одновременно готовы обсуждать ее с детьми, выслушивать их аргументацию.

Четвертый параметр – эмоциональная поддержка. Родители способны выражать сочувствие, любовь и теплое отношение, их действия и эмоциональное отношение направлены на содействие физическому и духовному росту детей, они испытывают удовлетворение и гордость от успехов детей.

Из этого следует, что наиболее распространенным механизмом формирования характерологических черт ребенка, ответственных за самоконтроль и социальную компетентность, выступает интериоризация средств и навыков контроля, используемых родителями. При этом адекватный контроль предполагает сочетание эмоционального принятия с высоким объемом требований, их ясностью, непротиворечивостью и последовательностью в предъявлении ребенку. Дети с адекватной практикой родительского отношения характеризуются хорошей адаптированностью к школьной среде и общению со

сверстниками, активны, независимы, инициативны, доброжелательны и эмпатийны [приводится по 393].

С. Броди выделила четыре типа материнского отношения, которые могут быть соотносимы с отцовским отношением [502]. Матери первого типа легко и органично приспосабливались к потребностям ребенка. Для них характерно поддерживающее, разрешающее поведение. Матери этого типа не ставили себе задачу к определенному возрасту приучить ребенка к навыкам опрятности. Они ждали пока ребенок сам «дозреет». Матери второго типа сознательно старались приспособиться к потребностям ребенка, что вносило в их поведение напряженность, недостаток непосредственности в общении с ребенком. Они чаще доминировали, а не уступали. Матери третьего типа не проявляли большого интереса к ребенку. Основу материнства составило чувство долга. В отношениях с ребенком почти не было теплоты, но присутствовал жесткий контроль, например, в приучении к навыкам опрятности. Матери четвертого типа поведения характеризуются непоследовательностью. Они плохо понимали своего ребенка. Их прямые воспитательные воздействия были противоречивыми.

По мнению С. Броди, наиболее вредным для ребенка оказывается последний стиль материнства, так как постоянная непредсказуемость материнских реакций лишает ребенка ощущения стабильности окружающего мира и провоцирует тревожность. В то время как сензитивная, принимающая мать (первого типа), безошибочно и своевременно реагирующая на требования маленького ребенка, что создает у него бессознательную уверенность в том, что он может контролировать действия других и достигать своих целей.

А. Е. Личко и Э. Г. Эйдемиллер выделяют десять видов неправильного воспитания: гипопротекция, скрытая гипопротекция, потворствующая гипопротекция, доминирующая гиперпротекция, потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, воспитание в условиях жестоких взаимоотношений, воспитание в условиях повышенной моральной ответственности, противоречивое воспитание, воспитание вне семьи [458]. При этом, родительское поведение под влиянием воспитательных установок может,

как смягчать неблагоприятные условия развития ребенка, так и приводить к неблагоприятному развитию различных черт характера.

Российский социолог Т. А. Гурко обращает внимание, что в англоязычной литературе существует два термина, определяющих родительство: parenthood используется в анализе институциональных характеристик родительства, parenting – для раскрытия родительских ролей, одобряемы конкретной культурой моделей обращения с детьми [138].

Обращаясь к понятию отцовство в рамках рассмотренного понятия родительства, нужно отметить, что отцовство имеет определенную специфику по сравнению с материнством. Важнейшим отличием является меньший по сравнению с материнством вклад физических и биологических факторов в становление родительских чувств отца, так как, в отличие от матери, отец не может полностью прочувствовать общение с ребенком до рождения и в процессе родов, не обеспечен гормональными механизмами регуляции родительского поведения в младенческий период жизни ребенка. Это обусловливает большую социальную детерминированность отцовства по сравнению с материнством. Например, Н. А. Коркина отмечает, что отцовство исторически было главным показателем маскулинности, так как высокая репродуктивная способность всегда считалась важной составляющей мужской силы, однако уход за ребенком являлся задачей женщины [215]. Таким образом, отцовство в большей мере воспринималось, как статус, а не функция. Соответственно, отцовские функции менее четко определены обществом, но в большей степени, чем материнские детерминированы социальными ожиданиями относительно мужской роли. Однако в современном мире существую различные варианты взаимосвязи и проявления маскулинности и отцовства. Так, И. С. Кон утверждает, что отцовство – самый изменчивый показатель маскулинности, как в исторической, так и культурной перспективе. [210]. Однако Р. В. Овчарова обращает внимание на то, что отцовство связано с выполнением определенных функций [301].

Р. В. Овчарова подчеркивает, что отцовство является системным образованием, имеющим свою структуру и функции. Т. В. Архирева определяет

отцовство – открытая система, имеющая свою достаточно устойчивую структуру – компоненты, связи и уровни, а также осуществляющая взаимосвязь с окружающей средой, в результате чего возможно развитие данной системы [31]. А. С. Спиваковская утверждает, что отцовство проявляется позже, чем материнство, когда ребенок становится более взрослым [387].

У. Ю. Севастьянова полагает, что отцовство определятся, как система взаимоотношений между мужчиной и ребенком, которая способствует развитию личности и эмоциональному благополучию и отца и ребенка [369]. Интересен подход Ю. А. Токаревой, которая полагает, что отцовство – это психолого-педагогическая деятельность мужчины, связанная с приобщением ребенка к социальным нормам и требованиям общества, воспитанием, и контролем над его результатом [403].

Для дальнейшего изучения отцовства необходимо четкое определение данного феномена, не основывающееся на отдельных понятиях, таких как чувство, инстинкт; и в то же время, конкретно определяющее специфические особенности явления.

Для упорядочивания теоретического анализа нами были разработана функциональная модель структуры отцовства, которая обобщает все феномены, факторы, влияющие на развитие отцовства, особенности и важнейшие аспекты отцовства [159, с. 119-121].

Для теоретико-методологического изучения психологического концепта отцовства во избежание каких-либо упущений и неполноты анализа, в качестве основы нами был взят принцип общего научного пентабазиса, предложенного для анализа психических феноменов В. А. Ганзеном, который обосновал целесообразность изучения любого психического феномена в соответствии с общенаучным принципом, с точки зрения четырех его характеристик: пространственной, временной, энергетической и информационной [120]. В целях упорядочивания анализа, в качестве пространственной характеристики было принято культурное пространство приложения феномена, временной – процесс становления феномена в филогенезе и онтогенезе, его этапы, информационной –

информационную осведомленность мужчины, энергетической – его активность (Рисунок 1.2.1).

Рисунок 1.2.1. – Функциональная модель отцовства

Роль пространственной характеристики феномена выполняют биологические, социокультурные и личные предпосылки определенного способа выполнения отцовских функций, информационной – осведомленность и ассимиляция социальной роли, статуса, функций, куда входит и инструментальный аспект, временной – процесс становления отцовства в филогенезе, его этапы в жизненном цикле конкретного мужчины, энергетической – активность, интернализация роли и личностное развитие.

Таким образом, данная модель выполняет описательную функцию - характеризует и упорядочивает все возможные функции и аспекты приложения и реализации этих функций изучаемого феномена, как в социуме, так и в жизни конкретного индивида, что позволяет изучать любой отдельный аспект феномена отцовства во взаимосвязи с другими его характеристиками.

В процессе теоретического анализа работ [423; 480; 550] мы предположили, что по аналогии с материнством структурная модель феномена отцовства также будет иметь следующие компоненты, сходные с блоками материнства, по

Г. Г. Филипповой [423]: когнитивный, (ценностно-смысловой), эмоциональный (потребностно-эмоциональный) и поведенческий (операциональный). Они имеют несколько другое содержание для мужчин: потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операциональный, как осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и ценностно-смысловой, как отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания. Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент – оценочный, в который входят 1) самооценка, как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя, как отца, и своего ребенка; 2) а также социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, так как через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, так как пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры. Данное положение было подтверждено нами в эмпирическом исследовании [159, с. 119-121].

В литературе содержание структурных компонентов отцовства раскрывается в рамках целостного изучения структуры родительского отношения [47; 48; 106], либо родительской сферы [262], однако, как было сказано выше, рассматривая отцовство через понятие деятельность, можно выделить мотивы рождения ребенка (потребностно-мотивационная сфера), цели (ценностных ориентациях, целеполагании и перспективе – ценностно-смысловая сфера) и действия (операциональном аспекте отцовства – отцовские практики).

При этом, несмотря на то, что термин «отцовские практики» даже в англоязычной литературе появился сравнительно недавно, в современной психологической науке наибольшую представленность имеют именно исследования отцовских практик как в России (в работах следующих ученых:

Ю. А. Токарева [402; 403], Т. М. Харламова, У. Э. Ушкова [433], Т. А. Гукасова [136], Ю. А. Латышева [237], А. Ф. Артамонова [30], О. Н. Безрукова [42], И. Е. Валитова, Е. А. Клещева, [104], А. Е. Звонарева [176], А. В. Алферов, О. И. Маркова [20], А. А. Ефимова [163], М. В. Залужная, [170], Т. Д. Подкладова [324]), так и за рубежом [480; 531; 631].

Наименее изученной в нашей стране является потребностно-эмоциональная сфера, связанная с репродуктивной мотивацией мужчины, его принятием отцовства как элемента мужской роли, родительскими чувствами мужчины.

Проблема эмоционального отношения к отцовству значительно меньше представлена в нашей работе [157] и работах таких современных исследователей, как: М. М. Басимов, Е. А. Падурина [38], С. Ф. Шаймухаметова, Л. Ф. Чукмарова [445], K. Y. Wee, H. Skouteris, C. Pier, B. Richardson, J. Milgrom [677]. При этом отечественные работы акцентируются на переживании отцовства [38; 157], исследователи за рубежом, в основном, изучают переживания, сопутствующие появлению новой роли отца [534; 535; 677]. Например, K. Y. Wee с коллегами пытаются исследовать проблему постнатальной депрессии у отцов по аналогии с послеродовой депрессией у женщин, доказывая при этом схожесть некоторых параметров подобных эмоциональный проявлений у мужчин-отцов и женщин-матерей младенца [677].

Существует определенное количество работ, посвященных изучению особенностей репродуктивной мотивации [494; 612; 644], в том числе определяющих методологические обоснования изучения данного феномена [612]. Если в нашей стране это работы, изучающие репродуктивные мотивы женщин [423; 148; 340; 488], либо описывающие проблемы репродуктивной мотивации в терминах утилитарной потребности в детях в хозяйственной деятельности [210], то зарубежные коллеги развивают эволюционную теорию репродуктивной мотивации [613], включающую и мужскую проблематику [494]. Среди отечественных работ, исследующую специфику родительской мотивации мужчины, можно выделить исследование особенностей мотивационно-потребностной сферы отцов Ю.А. Токаревой [402], выделяющей в мотивационно-

потребностной сфере отцовства мотивацию социального одобрения, мотивацию самореализации в детях, мотивацию достижения высоких результатов во взаимодействии с ребенком и его развитии и мотивацию самоутверждения [302].

Специфика принятия гендерной роли отца подробно изучается в различных аспектах в США (S. Coltrane [521], C. P. Cowan, P. A. Cowan [525], R. D. Parke, [522; 623]; D. J Eggebeen, C. Knoester [535]; M. J. Carlson [512]), включая даже разработку концептуальных моделей взаимосвязи маскулинности и отцовства [631], взаимосвязи идентичности и отцовства [634; 659]. Однако в основном, изучаются семейные аспекты реализации гендерной роли отца, такие как реализация мужской роли отца в семье [665] гендерные различия взаимодействия с детьми с особыми потребностями [625], изменения отцовских функций [620].

Исследование проблемы ценностного отношения к ребенку не акцентируется в подобных работах. В отечественных исследованиях проблема ценностно-смыслового наполнения отцовства изучается с точки зрения выделения ценностно-смысловых аспектов психолого-педагогической деятельности отца [91; 92], опираясь при этом на представление о том, что освоение родительской позиции взаимосвязано с возрастно-психологическим развитием личности в зрелом возрасте [172]. При этом, ценностные компоненты определяют операциональные аспекты реализации отцовства [78].

Однако и отцовские практики влияют на ценностно-смысловую сферу мужчины. Так, Д. С. Акивис полагает, что взаимодействие с хрупким ребенком способствует дальнейшему личностному росту и гендерной социализации мужчины, так как раскрывает, дает толчок для развития таких личностных черт, как: потребность и способность защищать, принимать на себя ответственность, энергия, душевная сила. Таким образом, отцовская забота связана с переживанием любви к ребенку, и развитием исполнительности и ответственности. [11].

Таким образом, дальнейшая социализация мужчины во взрослости происходит, в том числе и в связи с обязательствами перед своими детьми. При этом, реализация отцовских практик, как было озвучено в предыдущем параграфе, тесно взаимосвязана с отношениями с матерью ребенка и отношением матери к

этому ребенку. То есть, Д. С. Акивис родительская забота отца является не только фактором дальнейшей социализации и достижения зрелости личности мужчины, но и определяет благосостояние его детей и семьи в целом. При этом отцовская забота целого поколения отцов определяет будущее данного общества, через обеспечение родительской защиты в физическом смысле, предоставление финансовый и социальной стабильности и трансляцию культурных норм, за осуществление которой, по мнению Ш.Барта, ответственен отец [480].

Таким образом, отцовство можно определить, как категорию психологии личности, отражающую основные этапы развития личности, характеризующую комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека: эмотивно–аксеологическом, когнитивном и операциональном; включающую в себя оценочный компонент и необходимость выполнения следующих функций: защитной – как кормилец и защитник; презентативной – как персонификация власти, воспитатель и высший дисциплинизатор; ментальной – как пример для подражания; социализирующей – как наставник во внесемейной общественной деятельности и отношениях, транслятор социальных норм, фигура, обеспечивающая связь поколений. Следует отметить, что эклектичность и на первый взгляд трудная интерпретируемость доступных нам результатов психологических исследований отцовства может быть частично преодолена общей интерпретацией данных исследований в соответствии с функциональной моделью анализа отцовства.

Вопрос о месте родительства и, в частности, отцовства, в структуре личности очень интересный и неоднозначный: некоторые авторы определяют родительство через потребности и функции [301; 403], существует описание его через ценностно-смысловую сферу личности [31; 91; 92; 330], кроме того, отцовство включается в сферу гендерной идентичности личности [198; 199; 208].

В связи с попытками определить траекторию развития личности, достаточно важным вопросом представляется взаимосвязь отцовства и развития гендерной идентичности мужчины, при этом необходимо дифференцировать

маскулинность как мужской гендерный статус и тип маскулинности конкретного мужчины [631], а также отцовство как родительский статус от отцовских практик и мужского поведения [185].

Отцовский статус включает в себя наличие детей, их количество, воспитание биологических, приемных, усыновленных детей, детей жены или чужих детей (священник, учитель). Мужской гендерный статус связан с биологическими различиями полов, но определяется социально, как статус мужчины в конкретном обществе, его функции, привилегии, обязанности. Тип маскулинности конкретного мужчины определяется его собственными личностными и социальными характеристиками и является конкретным (приемлем или неприемлемым) вариантом внутри всей группы мужчин данного общества. Отцовские практики – термин новый в отечественной психологической науке, соответствует термину «fathering» в английском языке в противовес термину «fatherhood», что обозначает статус и социальные характеристики отцовства. Отцовские практики определяются как операциональный компонент отцовства, особенности взаимодействия отца с собственным ребенком. Причем с определенными ребенком, если их несколько, поскольку взаимоотношения с конкретным ребенком обусловлены полом, возрастом ребенка, особенностями его развития и здоровья, а также ситуацией его рождения и отношениями с его матерью.

Согласно Дж. Плеку, взаимосвязь маскулинности и отцовства можно оценить через гендерные различия в воспитании, взаимосвязь между присутствием отца и развитием ребенка, роль отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка, влияния наличия детей на оценку своей маскулинности мужчиной, уникальность вклада отца в развитие ребенка и взаимосвязь между типом отцовской маскулинности, вовлеченностью отца и развитие личности ребенка.

Анализируя доминирование мужской гегемонности, которое определяет социальный и сексуальный статус мужчины в обществе, Дж. Плек полагает, что мужской гендерный статус определяет отцовские практики прямо, предоставляя

возможный репертуар поведения, и опосредованно через формирование понятия отцовство и возможный отцовский статус в обществе. То есть, особенности гендерной идентичности мужчины взаимосвязаны с отцовством и отцовскими практиками, являющимися производными гендерной идентичности. Эти особенности и, возможно, тип маскулинности мужчины определяют отношение к отцовству мужчины.

При этом, отцовское поведение мужчины определяется, с одной стороны, его отношением к гендерной роли, в том числе, его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который дает маскулинный образец (то есть, модель ролевого поведения мужчины [631], а с другой – его настоящими взаимоотношениями с супругой, в отношениях с которой эта модель реализуется, оценивается и трансформируется [66, с. 112-117].

Итак, при необходимости выделить специфически типы отцовства, данный феномен можно классифицировать в зависимости от типа выраженности маскулинности мужчины (маскулинный, адрогинный, феминный), от особенностей отцовского статуса (отец, отчим, приемный отец, резидентный и нерезидентный отец), от специфики мужского гендерного статуса (успешный мужчина и отец, неуспешный мужчина и отец), от особенностей отцовских практик (типы отцов, как воспитателей).

Наиболее часто встречаются типологии отцов в связи с отцовскими практиками, то есть поведением и воспитательным потенциалом и его реализацией у конкретного отца [405]. Так, Ю. А.Токарева в своем исследовании не только обосновывает необходимость изучения типологии отцов, но и представляет достоверные данные о выделенных ею типах отцов. Она выделяет четыре типа отцов, используя в качестве основания для классификации реализуемые отцом вне зависимости от возраста ребенка воспитательные стратегии: «непоследовательный», «патерналистский», «ведомый», «заносчивый» [401; 404].

«Непоследовательный» тип характеризуется тем, что не имеет четкой стратегии поведения с ребенком и мечется от излишней строгости к

попустительству, при этом ребенок не всегда понимает причины отцовских реакций. «Ведомый» отец ориентируется на социальные стереотипы и внешнюю оценку своего поведения и поведения ребенка, при этом разрешая ребенку делать все, что тому вздумается. Потеря авторитета приводит к поиску более сильных средств для того, чтобы добиться послушания такие отцы могут применять физические наказания или грубость. «Патерналистский» тип отцов демонстрирует демократический контроль, желание поддержание контакта, объяснения каких-либо вопросов на собственном примере, что особенно действенно и эффективно для общения с детьми юношеского возраста. «Заносчивый» тип демонстрирует жесткий контроль и желание самоутвердиться за счет достижений ребенка, такие отцы требуют от ребенка высоких достижений, при этом, не позволяя никакой самостоятельности и очень редко поощряя ребенка [404].

Е. Н. Красильникова выделяет три группы отцов: «ответственные» отцы, вовлеченные в семью, стремящиеся к равенству с матерью в распределении родительских обязанностей, демонстрирующие средний уровень главенства; «традиционные» отцы, претендующие на лидерство, требующие поддержания дисциплины в семье, они отстраненные от воспитания детей, передающие родительские функции матери; «отсутствующие» отцы не стремятся занимать главенствующую роль и не пытаются разделять с матерью домашние обязанности [223].

W. E. Fthenakis классифицирует отцов по количеству времени и качеству общения с ребенком выделяют несколько типов взаимодействия отца и ребенка [550]: 1) Традиционный отец - отец как воплощение силы, авторитета и социальной компетенции. Важнейшей задачей такого отца является содержание и защита матери и ребенка. Таким образом, он отдален от ребенка и взаимодействует с ним только, когда возникают разногласия и мать не в состоянии их разрешить; его слово закон, его поведение обсуждению не подлежит, ему свойственен авторитарный стиль воспитания, эмоциональной близости с ребенком нет, так как поддерживается авторитет и власть. 2) Отец–партнер, это отец как образец, помощник и партнер по играм. Такой мужчина

полагает, что для гармоничного развития ребенка необходимо участие обоих родителей. В семье имеется достаточно гибкое распределение ролей, в том смысле, что отец, кроме своей работы уделяет внимание проблемам ребенка. Таким образом, отец играет значительную роль в воспитании и жизни ребенка, а, кроме того, еще и активную роль в семье [551]. 3) «Новый отец» [480; 550; 570] – термин «новый отец» (соответствует термину «ответственное отцовство» в США [531]), характеризует не столько операциональный аспект взаимодействия отца и ребенка, сколько намечающуюся в науке и практике тенденцию подчеркивания важности отцовства, общения с ребенком для самого отца [89].

В рамках данной концепции получило широкое развитие представление об андрогинной личности, о том, что и на мужчину, и на женщину родительство оказывает равное влияние, что ребенок также важен для отца, как и для матери, однако при этом подчеркивается, что мужчина и женщина по-разному взаимодействуют с ребенком, например, разные стили общения, но отец может и должен заниматься ребенком наравне с матерью. Такой отец принимает участие в самом процессе рождения ребенка, присутствует на родах, позднее он заботится о ребенке-младенце, вместе с матерью, имеет с ним тесную эмоциональную связь. Однако на этой почве у неподготовленных мужчин могут возникать различные сложности и преувеличения вплоть до ревности отца к матери. Здесь необходимо четко различать функции и особенности роли отца и матери.

Таким образом, специфика отцовства по равнению с материнством состоит в уникальности вклада отца в социализацию ребенка [175], в меньшей биологической и большей социальной и семейной детерминированности отцовства по сравнению с материнством при одновременной нечеткости ролевых ожиданий относительно отцовской роли, и зависимостью степени вовлеченности в жизнь ребенка от степени вовлеченности матери в жизнь ребенка. Это дает возможность определить специфические особенности психологической готовности к отцовству по сравнению с готовностью к материнству в контексте целостного изучения психологической готовности к родительству.

Материалы данного параграфа частично опубликованы автором в монографии [76, с. 53-61; 78].

1.3. Психологическая готовность к отцовству как предпосылка реализации конструктивной стратегии отцовства

В психологии изучение проблемы психологической готовности имеет достаточно обширную историю и носит междисциплинарный характер, так как «готовность» является предметом изучения разных дисциплин: философии, психологии, физиологии, педагогики и др.

Так, в толковом словаре С. И. Ожегова понятие готовность рассматривается, как «согласие сделать что-нибудь, и как состояние, при котором всё сделано, всё готово для чего-нибудь, а также о том, кто полностью готов к какому-нибудь действию, к выполнению какого-нибудь действия, задания» [304, с. 126].

Философское осмысление проблемы готовности было дано в работах Г. Гегеля, И. Канта, Ф. Шиллинга, в которых готовность связана с отношением человека к действительности, и реализацией его способностей, то есть готовности человека к активной жизнедеятельности и/или преобразованию жизни. Однако чаще всего использование термина готовность связано с готовностью к определенному виду деятельности, в том числе и профессиональной.

Так, с точки зрения педагогики, «готовность» является интегративным понятием и включает в себя готовность к учению вообще, к школьному обучению в частности, к профессиональной деятельности [362], к самообразованию, инновационной деятельности [226], и готовность педагога к обучению [439].

В психологии готовность рассматривается в рамках социальной, возрастной и педагогической психологии и психологии стресса и экстремальных ситуаций,

чаще, как состояние и качества личности [319]. Например, М. Кордуэлл описывает понятие готовности как «факт, когда организм лучше приспособлен к ассоциированию определенных сочетаний стимулов и реакций, как состояние человека, при котором он готов извлечь пользу из опыта. В зависимости от типа опыта это состояние может пониматься как относительно простое и биологически детерминированное» [цит. по 161, с.2]. Так, в рамках психологии стресса существует точка зрения, оспариваемая, однако другими авторами, что тип реакция на стресс является наследственной характеристикой [165].

Однако только описанием индивидных характеристик невозможно дать полную картину психологической готовности личности. М. И. Дьяченко определяет психологическую готовность как «избирательную, прогнозирующую активность на стадии подготовки, настраивающую организм личности на будущую деятельность, активно-действенное состояние личности, отражающее содержание стоящей задачи и условие предстоящего ее выполнения» [161, с.2], при этом сформированная психологическая готовность связана с четким представлением предстоящей задачи и осознанием ответственности за ее выполнение. Так, в рамках той же психологии стресса описывается «готовность к экстремальным действиям как способность быстрого действенного реагирования на экстренно возникающие непредвиденные ситуации, а также как способность произвольного изменения своего состояния в соответствии с их требованиями» [447, с.99].

В разных сферах профессиональной деятельности психологическая готовность определялась как: наличие способностей [21]; активное состояние, необходимое для качественного выполнения своих обязанностей в рамках космического полета [17]; готовность к экстренным действиям [57, с. 90; 216; 252] психологический настрой на исполнение деятельности [161], состояние, связанное со специальной подготовкой, приобретенным опытом [39; 229]; состояние готовности к деятельности [363; 399]; предпосылка к эффективному выполнению профессиональной деятельности [281].

Анализируя все многообразие проявлений психологической готовности к деятельности, Р. Д. Санжаева полагает, что можно выделить несколько форм готовности, таким, как: установка; готовность личности к трудовой деятельности; предстартовое состояние в спорте; готовность к выполнению боевой задачи; состояние бдительности [363].

Исходя из временных характеристик, можно выделить три вида готовности: заблаговременную готовность, связанную с предстоящим событием и достаточно длительную, временную готовность, связанную с конкретным временным отрезком, проявляющуюся именно в определенный анализируемый момент времени, и ситуативную готовность, определяющую действия в ожидаемой ситуации, с учетом имеющихся условий [161].

При этом долговременная готовность определяется относительно устойчивыми свойствами, характеристиками и качествами личности и обеспечивает потенциальную возможность включения его в какую-либо деятельность. Ситуативная готовность характеризует состояние личности, предшествующее деятельности и определяющее успешность протекания данной деятельности. При этом ситуативная готовность представляет собой реализацию долговременной готовности в данных обстоятельствах. При этом и долговременная и ситуационная готовность содержат следующие компоненты: мотивационный, проявляющейся в стремлении успешно выполнить поставленную задачу, интересе к данной деятельности, желании показать себя с лучшей стороны; познавательный, связанный с пониманием значимости задач, средств их достижения, представление о возможных трудностях; эмоциональный, определяемый чувством ответственности, или неуверенности уверенности в успехе, воодушевлении; волевой, связанный с умением управлять собой, мобилизироваться на выполнении задачи.

Психологическую готовность к профессиональной деятельности можно рассмотреть с точки зрения функционального и личностно-деятельностного подходов. При этом в рамках функционального подхода готовность можно определить, как кратковременное или долговременное состояние, активирующее

психические функции, определяющее способность личности мобилизовать свои психические и физические ресурсы, тогда как в рамках личностно-деятельностного подхода, основные теоретические положения которого были сформулированы Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым, готовность представляет собой совокупность тех сторон личности, которые способствуют эффективности деятельности, то есть такое сочетание индивидных, личностных и субъективных особенностей, свойств и качеств человека в их целостности, которое обеспечивает ему возможность эффективного выполнения какой-либо конкретной деятельности. [229].

Р. Д. Санжаева определяет психологическую готовность человека к деятельности как интегральное психологическое образование, представляющее «собой проявление психического состояния и устойчивой характеристики личности» [364, с.33], выделяет пятикомпонентную инвариантную структуру психологической готовности, описывает содержание психологической готовности, которая определяется индивидуально-психологическими особенностями субъекта, а также условиями его жизнедеятельности в социокультурной среде и предлагает рассматривать динамику психологической готовности.

По мнению О. М. Краснорядцевой [225], психологическая готовность к профессиональной деятельности содержит установки, как проекции прошлого опыта на данную ситуацию, предшествующие любым психическим проявлениям, мотивационную готовность к осознанию смысла и ценности того, что он делает и профессионально-личностную готовность к самореализации через процесс персонализации. Для нас значение имеет определение данным автором понятия мотивационная готовность как готовность личности к «трансформации деятельности», и, что еще более важно, готовность к изменению определяющих деятельность мотивов в момент появления значимой информации, способной повлиять на трансформацию данной деятельности [225]. При этом мотивационная готовность к восприятию какой-либо информации связана с некоторым усилием личности, направленным на расширение окружающей ее реальности и

действительности. Для такой готовности характерны: поиск информации и источников информации, легкость встраивания новой информации в существующий образ мира, легкость ее принятия и возможность – влияние информации на изменение мышления [227].

Согласно «концепции динамической подструктуры личности» К. К. Платонова, структура готовности, состоит из трех взаимосвязанных аспектов: моральной, психологической и профессиональной готовности [31].

Кроме того, наряду с понятием «готовность к материнству» [143] существует термин «готовность к отцовству», предполагающий обретение социальной зрелости и компетентности, обусловленной экономическими, социальными и психологическими факторами, и представляющий собой установку на рождение, воспитание и содержание ребенка [41]. Выделяют экономическую (финансовую независимость и стабильность), социальную (достижение определенного социального и профессионального статуса), психологическую (связанную с репродуктивной мотивацией и привязанностью к матери ребенка) и физическую (зрелость организма) готовность к отцовству. Психологическая готовность к отцовству связана с формированием сторон личности, определяющих выполнение обязанностей и обязательств, знанием функций отца в семье и роли его в воспитании ребенка; готовности принять на себя ответственность за жизнь и благополучие ребенка [41].

При этом готовность, определяет во многом выполнение деятельности в плане скорости, легкости и точности, и предполагает предначальную, проявляющуюся до начала выполнения деятельности характеристику этой деятельности. В контексте психологической готовности к отцовству правомерно говорить об установочной готовности, определяемой прошлым опытом личности в данной сфере, и предшествующей реализации отцовских практик; мотивационной готовности к осознанию смысла и ценности отцовства и личностной готовности к самореализации в отцовстве через процесс персонализации. Таким образом, психологическая готовность к отцовству представляет собой совокупность сформированных установок, мотивов и

определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых в отцовских практиках. Актуальность и социальная значимость изучения психологической готовности к отцовству связана с тем, что реализация отцовского поведения может быть решена разными способами и с различным результатом в зависимости от предшествующей готовности. Иначе говоря, реализовать отцовское поведение можно и через деструктивные формы поведения вплоть до жесткого обращения с детьми в целях «воспитания». При этом к определенному возрасту человек становится «готов» к такому поведению даже при отсутствии социальной, личностной или профессиональной зрелости, статуса в обществе или образования. Однако, как было указано выше, когда мы сталкиваемся с проблемой определения отцовского влияния на развитие личности ребенка и самого мужчины, значимость конструктивного, ведущего к личностному развитию и созданию условий для благополучного, гармоничного развития личности, как ребенка, так и взрослого определяет необходимость не только исследовать причины, условия становления и механизмы такого поведения, но и пропагандировать в рамках психологической профилактики девиантного поведения в семье, поддерживать в рамках психолого-педагогического сопровождения семьи. В связи с подобной значимостью не только для конкретного ребенка или семьи, но и в контексте жизни всего социума психологи не находят абсолютно безоценочного термина для описания конструктивного поведения отца в противовес девиантному родительству, и сегодня существуют исследования [532; 533; 597], определяющие характеристики такого «конструктивного» поведения мужчины по отношению к собственному ребенку, объединенные понятием «ответственное отцовство» [532], предполагающее планирование рождения ребенка, юридическое оформление статуса отца, эмоциональное, физическое и финансовое участие в жизни ребенка, принятие за него ответственности (то есть, некий набор в основном операциональных характеристик).

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что в практическом смысле нас интересует именно психологическая готовность к «конструктивному», «ответственному» отцовству. При этом нам представляется чрезвычайно важным вопрос об особенностях становления психологической готовности к отцовству: если говорить об установочной готовности, предшествующей любым психическим проявлениям отцовства, то начало ее формирования приходится на дошкольное детство, когда начинают формироваться первые представления о мужской гендерной роли и отцовстве, однако далее эти представления трансформируются и дифференцируются в процессе развития личности. Мотивационная готовность к осознанию смысла и ценности отцовства связана с формированием родительской пары и частично описана в исследованиях W. Miller, посвященных репродуктивной мотивации [612]. Личностная готовность к самореализации в отцовстве в процессе персонализации наиболее позднее образование, однако, некоторые ее компоненты начинают формироваться также в детском возрасте, например, ответственность.

Таким образом, мы можем говорить об этапности становления готовности к отцовству: первый этап обозначения отцовства, формирования представлений об отцовстве, имеющий свою специфику в дошкольный, младший школьный, подростковый и юношеский период – это этап формирования установочной готовности, второй этап осмысления отцовства, переосмысления имеющихся знаний и представлений об отцовства в период беременности – этап становления мотивационной готовности, и третий этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка (практический этап) – этап становления личностной готовности.

Таким образом, мы приходим к необходимости определения содержания личностной готовности к отцовству, которая на практическом этапе объединяет установочную и мотивационную готовность, а также определенные способы поведения отца с ребенком. Здесь уместно говорить о том, что на этапах предшествующих отцовской деятельности, происходит становление готовности к

отцовству, реализуемой на практике в виде некоей стратегии отцовского поведения. То есть, готовность к отцовству предполагает сформированность конструктивной стратегии отцовского поведения, начало формирования которой приходится на дошкольное детство, сопровождает развитие личности в младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте, и реализация которой в период взрослости инициируется готовностью к отцовству, и составляет базу не только для развития личности самого мужчины, но и основу постепенной трансформации самой стратегии отцовства в направлении больше осмысленности.

В итоге, в рамках нашего исследования мы будем говорить о становлении готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста, прослеживать вехи этого становления в младшем школьном возрасте, в подростковом и юношеском периоде развития личности, а также в период ранней взрослости до момента рождения ребенка, а затем уместно говорить уже о реализации психологической готовности к отцовству в рамках конструктивной стратегии отцовства. При этом содержательные характеристики психологической готовности к отцовству получают свое развитие в компонентах стратегии отцовства.

Проблема «стратегичности» поведения личности является междисциплинарной, имеющей определенное осмысление в философии, социологии, антропологии, психологии и педагогике.

Одна из первых попыток научного психологического определения стратегии жизни или жизненного пути личности в психологии принадлежит Ш. Бюлер [506]. Проводя аналогию между процессом жизни и процессом истории, она описывала жизнь личности, как ее индивидуальную историю. П.Жане определял жизнь человека как психическую эволюцию личности, выделял возрастные фазы, как биографические ступени жизненного пути, и описывал биологические, психологические и исторические изменения личности в единой системе координат эволюции личности [164]. Серьезный вклад внесли и концепции А. Адлера [9], Э. Фромма [429], К. Г. Юнга [461], Э. Берна [52].

В современных зарубежных исследованиях содержание жизненных целей часто изучается в связи с уровнем субъективного благополучия [638]. Считается,

что конструктивные жизненные цели связаны с направленностью на здоровый образ жизни, успешностью в обучении и меньшей конфликтностью [626]. Получается, что позитивная направленность жизненных целей и стратегий связана с реализацией нравственных ценностей в отношениях, и конструктивным решением конфликта [538]. Р. Эммонс ввел понятие «духовный интеллект» обосновывающее приоритет нравственных ценностей, позитивных социальных целей и целей саморазвития в жизненных стратегиях личности [приводится по 204].

Американская теория самоопределения выделяет две группы жизненных стратегий: 1) преобладание внутренних стремлений [604], 2) преобладание внешних стремлений [586; 654]. Оценка внешних стремлений зависит от других людей, и связана с материальным благополучием, социальным признанием и физической привлекательностью. Внутренние стремления определяются ценностями здоровья, любви, привязанности, служения обществу, личностного роста и их оценка больше зависит от самой личности [271].

Психологическая теория деятельности отечественных ученых Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна А. Н. Леонтьева и Б. Г.Ананьева определяет понимание личности как субъекта деятельности, стремящегося к достижению целей и выстраивающего своим поведением определенный образ жизни. Например, главным определяющим фактором в подходе, изучающем развитие субъекта и его становление как личности, разрабатываемым вслед за С. Л. Рубинштейном [355], выступает активность и творчество личности как организатора и преобразователя своей жизни. С. Л. Рубинштейн выделил этапы жизненного пути, описал значение каждого этапа и его влияние на последующую жизнь человека [355]. С точки зрения последователей, личность – активный участник процесса жизни, способная вмешаться в него в любой момент [5].

Б. Г. Ананьев добавил к этому обоснование того, что не только условия жизненного пути формируют личность, но сама личность своими поступками определяет свой жизненный путь и, таким образом, «проектирует себя» [21]. Значительный вклад в разработку проблемы субъекта жизни внесли работы

А. Н. Леонтьева и его научной школы, рассматривающие личность с точки зрения системно-деятельностного и смыслового подходов [246].

Подробный психологический анализ понятия «жизненной стратегии личности» был осуществлен К. А. Абульхановой-Славской [5]. В своей работе она сущность и основные характеристики стратегий жизни, определила факторы, влияющие на их формирование и реализацию; предложила развернутую типологию стратегий. Согласно К. А. Абульхановой-Славской, наличие и развитость жизненной стратегии является свидетельством того, человек стал субъектом собственной жизни [5].

Значительный вклад в разработку методологии данного направления исследований внесли работы Ю. М. Резник и Т. Е. Резник [346; 347; 348]. В данных работах проведен анализ и интеграция позиций зарубежных и отечественных авторов, работающих в рамках изучения стратегий, определены специфика, механизмы и типы стратегий. Ю. М. Резник и Т. Е. Резник определяют жизненную стратегию личности как динамическую систему «перспективного и долговременного ориентирования автора в будущей жизни, с целью ее преобразования в определенном социокультурном пространстве» [349, с. 13]. И как способ «конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности» [347, с. 42]. При этом стратегия реализуется в поведении личности через способности, образцы поведения и ресурсы личности [58]. Ю. М. Резник и Е. А. Смирнов выделяют личностное (субъективно-значимое), культурное (объективно-значимое) и социально-организационное (интерсубъектное) измерение стратегий жизни. Каждое измерение имеет свое выражение в жизненных сценариях, жизненных историях и жизненных планах личности [348].

В психологии жизненные цели и стратегии исследуются в рамках изучения особенностей личности, ее ценностей [466], направленности и мотивации [260], принадлежности к определенной культурной [27; 44; 49] и социальной среде [149, 264; 346], а также в рамках изучения изменения жизненных стратегий в современной российском обществе [49; 264; 271].

М. О. Мдивани и П. Б. Кодесс выделили два основных методических подхода к изучению проблемы стратегий жизни: исследования особенностей планирования времени и изучение иерархии представлений о желательном будущем [271]. В. А. Берковский полагает, что жизненные стратегии можно определить через социальные ориентации (желаемое социальное положение), культурные ориентации (принятие образцов культуры) и личностные ориентации (как представление определенных моментов личной жизни) [50]. По мнению А. А. Белецкой и М. А. Ляховой, основополагающим компонентом в структуре жизненной стратегии личности является ценностный компонент [44; 260]. С ней согласна М. А. Белугина, которая выделяет такие критерии сформированности жизненных стратегий, как: структура образа будущего, наличие структурированных целей на различные жизненные периоды; протяженность временной перспективы и структурированность будущего жизненного пути [49, с. 98]. Кроме того, А. А. Якунин полагает, что жизненные стратегии молодежи содержат объяснение адаптивных способностей молодежи [464].

В настоящее время существует несколько основных исследовательских подходов к типологизации жизненных стратегий: в зависимости от личностной активности/ пассивности [5]; в контексте вопросов жизненного самоопределения и жизненной самореализации [214]; в рамках влияния внешних условий (окружающая среда, ситуации-события, которым вынужден подчиняться человек), и внутренних условий (потенциал личности, рефлексия) развития личности [260]. Актуальным кажется также выделение таких стратегий, как: выбор (selection), оптимизация (optimization) и компенсация (compensation) [477], выделение стратегии жизненного благополучия, стратегии жизненного успеха и стратегии жизненной самореализации [346], выделение среди жизненных стратегий «стратегий адаптации», «стратегий выживания», «достижительных» и «стоических» стратегий [292] и выделение в качестве критериев сформированности стратегий характера и меры рациональности стратегий; степени адаптации индивида к изменяющимся условиям трансформационного

общества, персонального стиля достижения жизненной цели [59], активного типа, активного воздействующего на среду и пассивного типа, пассивно принимающего цели и ориентации ценностных групп [254]. О. С. Васильева и Е. А. Демченко выделяют качественные (жизненные цели и систему ценностей) и количественные (ответственность и осмысленность жизни) характеристики жизненных стратегии [107].

Указывая на взаимосвязь жизненных стратегий с самореализацией личности, М. Р. Плотницкая выделяет два уровня в структуре стратегий: базовые стратегии, включающие ценностно-смысловые основы самореализации (мотивационный компонент) и дифференцирующиеся в зависимости от характера доминирующих жизненных ориентаций личности (обладания-бытия) и показателей самореализации (удовлетворенности и продуктивности); и частные стратегии, определяющие способы их воплощения (операциональный компонент), дифференцирующиеся особенностями самосознания личности, в том числе ее гендерной идентичностью [321].

Л. И. Дементий и В. Е. Купченко [141], рассматривая жизненную стратегию как многокомпонентное и многоуровневое образование, внутри которого частные компоненты организуются в общие блоки, выделяют высший уровень жизненной стратегии, включающий четыре общих компонента: когнитивно-оценочный, мотивационный, регулятивный и результативный. Для нас важно, что личность с оптимальным типом жизненной стратегии сочетает требования социума и собственные потребности и особенности, осознает, что её жизненные этапы взаимосвязаны и составляют единое целое, активна, самостоятельна, её жизненные поступки своевременны и жизнь продуктивна [141].

Однако понятие «стратегии» используется и в более узком смысле как присущие личности стратегии поведения в определенной ситуации. Так, К. Томас и Р. Киллменн, выделили пять основных стилей или стратегий поведения в

конфликтной ситуации, среди которых авторы выделяют конструктивные и неконструктивные стратегии поведения [587].

В отечественной психологии также выделяют конструктивные и деструктивные способы реагирования в конфликтных ситуациях [320], стратегии преодоления психологических барьеров [309], стратегии совладания с кризисной ситуацией [415; 417]. Кроме того, исследуются сами стратегии совладания [548], возможности овладения конструктивными стратегиями преодоления трудных жизненных ситуаций [197; 245], и возможность исследовать уровни сформированности конструктивной жизненной стратегии [34]. Считается, что деструктивные стратегии и установки формируется в специфических условиях развития личности, в результате противоречивых ценностей воспитания и низкой активности личности.

Таким образом, психологическое наполнение термина «стратегии» включает в себя определенные способы конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности. Стратегия строится на ценностях личности, связанных с ее прошлым, но направлена в будущее. Эти характеристики позволяют использовать данный конструкт для описания специфики родительского поведения отца. Так, например, Ю. А. Токарева, изучая особенности воспитательной деятельности отца, определяет стиль воспитания в семье как определенную стратегию воспитания [405].

Если взаимодействие в диаде «отец-ребенок» рассматривать как воспитательную деятельность отца, можно говорить о некоем сознательном конструировании жизни семьи в соответствии с установками и представлениями личности о «правильном» поведении отца (или матери), «правильном», нормативном воспитании ребенка – то есть стратегии родительства.

Тогда личность с оптимальным типом стратегии будет способна гармонизировать требования социума к отцовским функциям и собственные потребности в родительстве и особенности личности и гендерной идентичности,

будет активна, самостоятельна, её жизненные поступки будут своевременны и родительство и жизнь продуктивны.

Введение нового конструкта позволяет преодолеть терминологические сложности в определении отцовства, так как на сегодняшний день нет достаточно четкого и емкого определения отцовства, потому что данный феномен не исчерпывается такими понятиями, как роль, статус, чувства, мотивация, готовность, ценностно-мотивационная или потребностная сфера, самооценка или часть гендерной идентичности мужчины и наблюдается разрыв между исследованиями родительства, как особого качества самосознания человека (внутренней позицией родителя, ценностно-смысловой сферой родительства) и исследованиями родительства, как деятельности, направленной на рождение и воспитание ребенка (воспитательной деятельностью отца, отцовскими практиками).

В этом смысле интересен подход Ю. А. Токаревой, которая определяет отцовство через понятие деятельность [403], что позволяет применить к анализу феномена весь методологический аппарат теории деятельности.

Таким образом, изучая структуру деятельности отца, мы будем говорить о мотивах рождения ребенка (потребностно-мотивационная сфера), озвучиваемых в контексте развития отношений с супругой [644], желанием реализовать себя в ребенке [612], целях (ценностных ориентациях, целеполагании и перспективе – ценностно-смысловая сфера) и действиях (операциональном аспекте отцовства – отцовские практики). При этом наименее изученной в нашей стране является потребностно-эмоциональная сфера, связанная с репродуктивной мотивацией мужчины, его принятием отцовства, как элемента мужской роли, родительскими чувствами мужчины [38, с. 56].

В рамках теории деятельности правомерно говорить о стратегии отцовства конкретного мужчины, определяемой как динамическая, процессуальная характеристика интериоризации и экстериоризации всех компонентов структуры

и содержания отцовства мужчиной. Так, например, Л.Олсон и С. Б. Адоньева описывают изменения в традиционной расширенной семье, возникающие с рождением ребенка, институализированные в обряде посвящения, который «вменял новые интерпретационные, ментальные и поведенческие стратегии его участникам. Эти стратегии необходимы, чтобы участники события – матери, отцы, бабушки, дедушки – могли усвоить свои новые социальные роли» [307, с. 232].

То есть, стратегии отцовства представляют собой способы конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с личностными установками и представлениями отца об отцовстве, имеющие свою структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро-, мезо- и макрофакторами среды), имеющие различную вариативность.

По нашему мнению, на основе анализа существующих теоретических моделей и эмпирических исследований различных аспектов отцовства в структуре стратегии отцовства можно выделить внутренние (интрапсихические), такие, как: принятие гендерной роли отца и ценностные характеристики, как необходимое условие формирования внутренней позиции родителя (представляющих собой ценностно-смысловой и частично потребностно-эмоциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, когнитивный уровень родительства согласно концепции Р. В. Овчаровой и когнитивный и мотивационный компонент родительства согласно С. А. Абдуллиной), внешние (экстрапсихические), проявляющиеся во взаимодействии супругой (то, что Р. В. Овчарова называет надындивидуальным уровнем родительства) и с ребенком и во внешних операциональных характеристиках отцовства – отцовских практиках и поведении (частично операциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, поведенческий уровень родительства согласно концепции Р. В. Овчровой и поведенческий компонент родительства согласно С.

А. Абдуллиной) и характеристики, определяющие взаимодействие интра- и экстрапсихических характеристик стратегии отцовства – интерпсихические характеристики, которые частично могут быть описаны в терминах составляющих потребностно-эмоциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, эмоциональный уровень родительства согласно концепции Р. В. Овчровой и эмоциональный компонент родительства С. А. Абдуллиной, но помимо этих характеристик включающие также рефлексию, эмоциональное отношение, саморегуляцию, связанные со зрелостью личности родителя.

Совокупность взаимосвязанных интрапсихических характеристик, таких как: принятие гендерной роли отца (включающее половое самосознание, гендерную идентичность, принятие отцовской роли) и ценностные характеристики (система ценностных ориентаций личности, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку, нравственное развитие, ответственность) определяет аксиологический компонент стратегии отцоства.

Интерпсихические характеристики, включающие рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности объединяются в рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцоства.

Экстрапсихические характеристики, проявляющиеся во взаимодействии супругой (поведение мужчины, супружеские взаимотношения и со-родительство) и в отцовских практиках (поведение отца, самореализация как родителя, взаимотношения с ребенком) составляют праксиологический компонент стратегии отцоства (Рисунок 1.3.1).

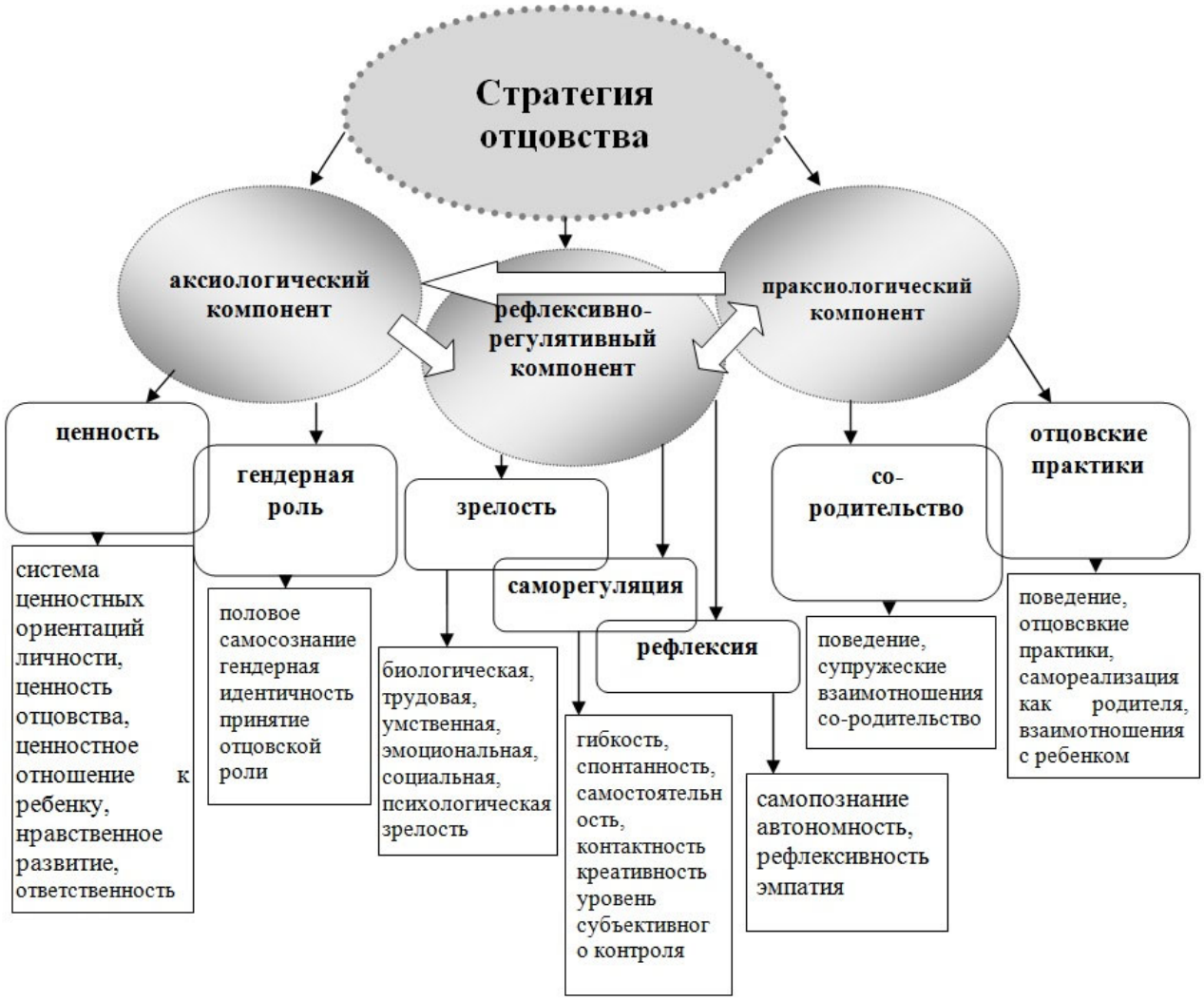

Рисунок 1.3.1. – Содержание компонентов стратегии отцовства

Анализ обширной литературы, посвященной отцовству и отцовским практикам, проведенный в предыдущих параграфах, позволяет сделать вывод о том, что стратегия отцовства определяется принятием своей гендерной роли, принятием отцовской роли, зрелостью личности, ответственностью по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, что позволяет сформировать ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства. При этом конструктивность стратегий взаимосвязана с принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства, со зрелостью личности, развитой саморегуляцией и рефлексией, реализующихся в позитивных отцовских практиках.

Специфика отцовских практик, которая освещается во многочисленных работах, повещенных ответственному отцовству, таких авторов, как: W. Doherty [531], D. J. Eggebeen [533], W. E. Fthenakis [550], M. Lamb [597], J. Pleck [631] и проблемам девиантного отцовства и жестокого обращения с детьми (J. Belsky [485], E. Friedman, S. B. Billick [547]) позволяет выделить внутри содержания всех стратегий отцовства четкую дихотомию, два полюса: положительный, связанный с личностным развитием (в иностранной и переводной литературе называемый «ответственное» отцовство), что соотносится с постулатами Р. Эммонса о приоритете нравственных ценностей, позитивных социальных целей и целей саморазвития в жизненных стратегиях личности [539]) и отрицательный, связанный с отрицанием роли отца, отказом от выполнения отцовских функций («безответственное» отцовство). На наш взгляд определение отцовства через термин «ответственное» отцовство не исчерпывает всей широты проявления феномена. Введение термина стратегии отцовства позволяет преодолеть терминологические сложности разграничения понятий «ответственное», «вовлеченное», «новое» отцовство. В русском языке, так же как и в английском, дихотомия «ответственный – безответственный» предполагает оценку, причем в случае «безответственного отцовства» это оценка личности отца и его поведения (т. к. в отечественной литературе «ответственность» отцовства в первую очередь связывают с реализацией отцовских практик). Определение всей совокупности проявлений отцовства у конкретного мужчины через термин «стратегия» позволяет преодолеть противоречие между внутренними и внешними проявлениями отцовства конкретного человека. При этом, описание в терминах «конструктивный – неконструктивный», несмотря на также имеющуюся некоторую оценочность, предполагает возможность изменения, смены неконструктивных способов поведения более конструктивными. Ответственность или неответственность (безответственность) отцовства связана не только выбором самого отца (хотя это подразумевается в первую очередь), но и с особенностями гендерной идентичности, личностной зрелостью или незрелостью, развитостью саморегуляции и рефлексии, отношением с собственным отцом, отношениями с

супругой – матерью ребенка и влиянием других факторов. В этом смысле нам представляется терминологически и лингвистически более верным использовать для описания этих двух крайностей отцовства понятий конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства. Однако неправомерно говорить о наличии только двух противоположных стратегий. Скорее можно говорить о некоем наборе стратегий внутри континуума между крайними полюсами. Например, в общем, конструктивные стратегии отцовства связаны со сформированностью гендерной идентичности, принятием своей гендерной роли, принятием отцовской роли, ценностью отцовства, нравственной зрелостью личности, ценностным отношением к ребенку, ответственностью, а также настроенностью на позитивные, партнерские отношения с супругой. При этом неконструктивные стратегии отцовства определяются несформированностью гендерной идентичности, непринятием своей гендерной роли, непринятием отцовской роли, отсутствием ценности отцовства, личностной незрелостью, слабой ответственностью, отсутствием ценностного отношения к ребенку. Такое поведение часто порождает не только проблемы в детско-родительских, но и в супружеских отношениях.

Однако выраженность этих параметров в каждом конкретном случае может быть различная. То есть конструктивные стратегии маскулинных, андрогинных или феминных мужчин, мужчин, выросших в полной или неполной семье [37, 142], мужчин состоящих в браке или в разводе, биологических отцов или отчимов будут значительно отличаться.

При этом необходимо помнить, что стратегия отцовства не являестя статичным образованием, но представляет собой динамический процесс интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, то есть органично включена в его жизнедеятельность, связана с его возрастно-психологичсекими особенностями, его социальной ситуацией развития личности, опытом взаимоотношений с собственным отцом, опытом и удовлетворенностью супружескими отношениями.

Рисунок 1.3.2. – Структурно-функциональные характеристики психологической готовности к отцовству

Таким образом, стратегия отцовства открыта к социальным влияниям, определяющимся состоянием окружающего социума, то есть макрофакторов среды, мезофакторов (включающих, образовательную среду) и микрофакторов

среды (как, например, происходит в случае отсутствия отцовского воспитания у самого мужчины-отца или его развода с супругой) и, в свою очередь, определяет, изменяет окружающую действительность (например, согласно данным W. Doherty [532], при большом желании общаться с ребенком нерезидентный отец может постепенно преодолеть психологическое сопротивление матери и(или) бабушки его присутствию в жизни ребенка и выработать общую стратегию воспитания). Таким образом, важнейшим свойством стратегии отцовства, как показано на Рисунке 1.3.2., является ее постоянное саморазвитие.

Теоретический анализ позволяет определить, что стратегия отцовства, как динамический процесс интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, представляет собой многокомпонентное и многоуровневое образование, которое обладает качественными и количественными характеристиками. К качественным характеристикам относятся типы стратегии отцовства: конструктивная и неконструктивная стратегии отцовства. Количественные характеристики включают в себя частные компоненты, которые организуются в общие: равнозначные аксиологический, рефлексивно-регулятивный и праксиологический компоненты стратегии отцовства.

Аксиологический компонент стратегии отцоства включает в себя гендерные характристики, определяемые половым самосознанием, гендерной идентичностью, принятием отцовской роли, и ценностные харктеристики – систему ценностных ориентаций личности, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку, нравственное развитие, ответственностью по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, что позволяет сформировать и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства.

Рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцоства включает рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля) и определяется зрелостью личности, социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью,

биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной и психологической зрелостью.

Праксиологический компонент стратегии отцоства: будет включать в себя реализацию внутрениих характеристик стратегии отцовства в поведении (в том числе гендерно-типичном поведении) и отцовских практиках, самореализацию как родителя, и обобщенное чувство, отражающее степень соответствия желаемого и достигнутого во взаимотношениях с ребенком, во взаимодействии супругой (супружеские взаимотношения и со-родительство). При этом окончательно праксиологический компонент формируется последним уже во взаимодействиии с ребенком.

Опираясь на описанные выше характеристики стратегии отцовства, мы полагаем, что все три компонента взаимовлияют друг на друга и являются равнозначными в контексте реализации стратегии отцовства. Отправной точкой поведения является аксиологический компонент, определяющий ценностно-смысловое содержание и гендерный диапазон поведения, связанные с личностной зрелостью и проявляющиеся в поведении, которое в свою очередь может создавать условия для развития аксиологического и рефлексивно-регулятивного компонентов (Рисунок 1.3.2.). Элементы стратегии отцовства формируются, начиная с дошкольного возраста, и составляют наполнение компонентов психологической готовности к отцовству.

При этом мы рассматриваем стратегию отцовства как результат формирования психологической готовности к отцовству. На протяжении всего периода детства и взросления происходит формирование психологической готовности к отцовству, реализация которой приходится на период взаимодействия с собственным ребенком в виде реализации определенной стратегии отцовства. Зная специфику стратегии отцовства, мы можем проследить этапы развития отдельных ее компонентов или их содержательных характеристик, начиная с дошкольного возраста. При этом мы предполагаем определенную содержательную преемственность, то есть, компоненты психологической готовности в процессе становления консолидируются в компоненты стратегии

отцовства. Тогда уместно говорить о трех содержательных компонентах готовности к отцовству, которые в практической деятельности реализуются в стратегии отцовства мужчины-отца. То есть на этапе обозначения и осмысления отцовства мы анализируем аксиологический, рефлексивно-регулятивный и праксиологический компоненты готовности к отцовству, которые после рождения ребенка реализуются в описанных выше компонентах стратегии отцовства. Для нас важно, что на первых двух этапах данные компоненты находятся в стадии становления, когда происходит формирование их содержательных характеристик, так, начало формирования аксиологического компонента готовности к отоцвству определяется появлением первых гендерных характристик личности, связанных со становлением полового самосознания и нравственных норм в дошкольном возрасте, становлением гендерной идентичности и ответственности по отношению к собственному здоровью и поведению в подростковом и юношеском возрасте и принятием гендерной роли и становлением системы ценностных ориентаций личности в период ранней взрослости. Рефлексивно-регулятивный компонент готовности к отцоству начитает формироваться в рамках саморегуляции личности, затем при развитии рефлексии, формируется возможность отношения к собственному поведению и саморегуляции, что в период взрослости определяет зрелость личности. Праксиологический компонент готовности к отцоству, начиная с дошкольного возраста, проявляется в гендерно-типичном поведении и включает ответственное поведение в период юности и взрослости.

Таким образом, к периоду взрослости формируется психологическая готовность к отцовству, которая в рамках реальной ситуации взаимодействия может реализоваться в определенной стратегии отцовства. Для нас в контексте психологического благополучия семьи, ребенка и самого отцова представляется чрезвычайно важным, чтобы к периоду взрослости сформировалась психологическая готовность к отцовству, которая в рамках реальной ситуации взаимодействия может реализоваться в конструктивной стратегии отцовства

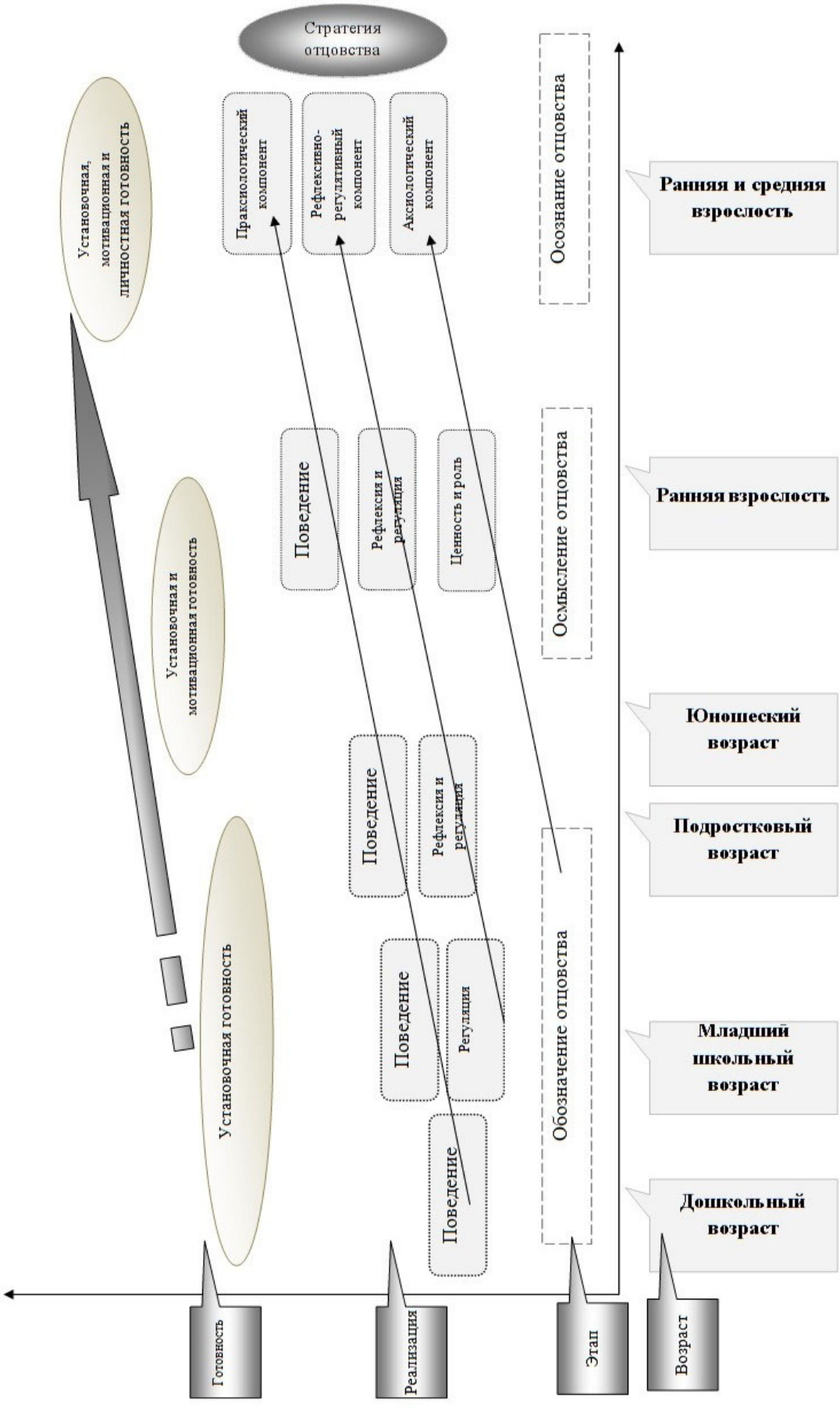

Рисунок 1.3.3. – Модель становления психологической готовности к отцовству

При этом становление готовности к отцовству – это процесс, в рамках которого происходит развитие и формирование отдельных элементов конструктивных стратегий отцовства, как показано на Рисунке 1.3.3., происходящий поэтапно, начиная с дошкольного возраста, включая: этап обозначения отцовства (формирование представлений об отцовстве), этап осмысления отцовства (переосмысление имеющихся знаний и представлений об отцовства в период беременности) и этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка.

Нарушения в любом из этапов становления готовности к отцовству приведут к трудностям формирования конструктивной стратегии отцовства, однако выявление затруднений в конкретном компоненте стратегии отцовства позволит сделать практическую работу с отцами более эффективной и адресной. Кроме того, для практической деятельности психологов и педагогов то, что отцовство является открытой системой взаимоотношений, является важнейшей его характеристикой и позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. Мы не можем воздействовать на всю личность, не можем изменить историю личности и ее родительскую семью, но, имея критерии конструктивности стратегий отцовства, мы можем разрабатывать программы психологической помощи семье, отцу или ребенку, направленные на работу с ценностно-смысловой сферой личности, сформированностью гендерной идентичности и ответственностью отцовства. При этом такая работа может быть необходима не только мужчинам, готовящимся или уже ставшим отцами. Становление готовности к отцовству, в рамках которого начинают формироваться отдельные элементы конструктивных стратегий отцовства, связано с условиями развития личности мужчины, начиная с самого раннего возраста, так Г.Г Филиппова и С. А. Абдуллина постулируют, что «по аналогии с тем, как внутренняя позиция школьника формируется до фактического поступления ребенка в школу и является итогом благополучного развития дошкольника, так … к моменту вступления в актуальное родительство у человека

уже существует определенная внутренняя позиция родителя, которая отражает его предварительную готовность к родительской деятельности и будет преобразовываться в процессе реального освоения родительства» [2, с.126]. В своем исследовании Г. Г. Филиппова и С.А. Абдуллина обнаружили элементы внутренней позиции родителя у детей младшего школьного и подросткового возраста. При этом исследование показало недостаточный уровень сформированности этих элементов у значительной части детей младшего школьного возраста в современных условиях. У подростков была обнаружена другая особенность: дети, имевшие младших сиблингов, демонстрировали более высокий уровень сформированности родительской позиции [2]. Согласно нашей концепции становление психологической готовности к отцовству начинается с формирования элементов аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов, так как формирование гендерной идентичности, некоторых аспектов ценностно-смысловой сферы, ответственности и нравственных характеристик, особенностей саморегуляции личности начинается в дошкольном возрасте. Материалы данного параграфа опубликованы в монографии [78].

Выводы

Современные психологические исследования определяют, что отец играет важнейшую роль в социальном, интеллектуальном, эмоциональном развитии, полоролевой идентификации ребенка и усвоении им моральных норм. Специфика отцовства по равнению с материнством состоит в уникальности вклада отца в социализацию ребенка, в меньшей биологической и большей социальной и семейной детерминированности отцовства по сравнению с материнством при одновременной нечеткости ролевых ожиданий относительно отцовской роли, и

зависимостью степени вовлеченности в жизнь ребенка от степени вовлеченности матери в жизнь ребенка.

При этом отцовство конкретного мужчины определяется его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который предоставляет модель ролевого поведения мужчины и с настоящими взаимоотношениями с супругой, в которых эта модель реализуется, оценивается и трансформируется.

Принятие роли отца определяет успешность выполнении этой роли, однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают складываться еще задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком в рамках становления психологической готовности к отцовству, представляющей собой совокупность сформированных установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

Структура психологической готовности к отцовству определяется следующими содержательными характеристиками: аксиологический (включающий принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственностью по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный (включающий личностную зрелость, рефлексию и саморегуляцию) и праксиологический (характеризующий поведение и/или отцовские практики) компоненты.

Стратегии отцовства представляют собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с установками и представлениями отца об отцовстве, имеющую трехкомпонентную структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные

микро- мезо- и макрофакторами среды). При этом конструктивность стратегий взаимосвязана со зрелостью личности, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства.

Становление готовности к отцовству представляет собой процесс поэтапного формирования качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, происходящий в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Это процесс, в рамках которого происходит развитие и формирование отдельных элементов конструктивных стратегий отцовства, происходящий поэтапно, начиная с дошкольного возраста, включая: этап обозначения отцовства (формирование представлений об отцовстве), этап осмысления отцовства (переосмысление имеющихся знаний и представлений об отцовства в период беременности жены) и этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка.

Кроме того, для практической деятельности психологов и педагогов, открытость отцовства к социальным влияниям является важнейшей его характеристикой и позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. При этом такая работа может быть необходима не только взрослым мужчинам, готовящимся или уже ставшим отцами, но и мужчинам и мальчикам в более ранних возрастах, так как становление предпосылок психологической готовности к отцовству начинается в дошкольном возрасте.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, УСЛОВИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

2.1. Содержательные характеристики и детерминанты становления компонентов психологической готовности к отцовству

Определяя содержательные характеристики и детерминанты становления компонентов психологической готовности к отцовству, мы не можем обойти вниманием проблему ценностно-смыслового содержания отцовства (как основы аксиологического компонента психологической готовности к отцовству), так как именно ценностно-смысловая сфера задает параметры личностного развития [466].

Система ценностных ориентаций, рассматриваемая как внутренняя основа отношения личности к действительности [345], определяет целеполагание в деятельности личности [21]. В психологии развития формирование и эволюция смысловых систем личности рассматривается в качестве движущей силы личностного развития [221]. В психологии понятие «ценность» по разному определяется и имеет различное значение в зависимости от научного направления. В психоанализе ценности личности формируются через суперэго, включающее модели суперэго родителей конкретного человека, которые, таким образом, выполняют функцию передачи традиций и ценностей, от поколения к поколению [378]. Согласно Э. Фромму, можно выделить две большие группы ценностей, присущих человеку: а) осознанные официально признанные, декларируемые (религиозные и гуманистические) ценности и б) действительные, неосознаваемые ценности, связанные с социальной системой [429]. При этом

каждая группа структурирована и иерархизирована. Конкретизируя источники происхождения ценностей личности Д. Рисмен [352] определяет внешний (среде) или внутренний (личность) характер их происхождения. Значительный вклад в изучение понятия «ценность» внесли идеи Э. Шпрангера [452], полагавшего, что основой личности является ценностная ориентация, являющаяся результатом общей ценностной ориентации человечества, благодаря которой личность познает мир [452].

Психологи гуманистического направления анализировали не только типы или варианты ценностей, но и их регулятивную роль в поведении личности [354, с. 46]. Весомый вклад в изучение специфики ценностей внес В. Франкл, описывая ценность как смысловую универсалию, сформированную в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми человечество сталкивалось в истории [427]. Он выделяет три группы ценностей: 1) ценности творчества – естественные и важные, но не необходимые ценности, реализуемые через труд; 2) ценности переживания, включающие, согласно В. Франклу, любовь и ценности отношения, которые определяют осмысленное отношение к боли, вине и смерти [427].

Итак, ценностные ориентации исследуются в основном в рамках концепций мотивации либо описания мировоззрения личности. М. Рокич, учитывая это, определяет ценности как: «... устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точек зрения, чем противоположный или обратный способ поведения…» [цит. по 249; с. 4; 639]. М. Рокич выделяет два класса ценностей: а) терминальные ценности – это самоценности, убеждения в том, что данная цель индивидуального существования настолько значима, что стремление к ней представляется аксиомой [приводится по 657]; б) инструментальные ценности – это ценности-средства, инструменты для достижения терминальных целей, с ними связаны убеждения в том, что какой-то образ действий является предпочтительным в любых ситуациях [378]. Терминальные ценности более устойчивы и менее вариативны.

В отечественной психологии изучение понятия ценность имеет глубокие

методологические и теоретические предпосылки, так как в качестве ведущей личностной характеристики вне зависимости от основного подхода к личности, выделяется направленность, как смыслообразующий мотив [246], основная жизненная направленность [21], динамическая тенденция [355], либо как доминирующие отношения [290], или как системообразующее свойство личности, определяющее ее психологический склад [255].

Б. Г. Ананьев полагал, что ценностные ориентации – важнейшее звено в комплексном изучении личности и закономерностей ее развития [21]. По мнению С.Л. Рубинштейна, ценности также связаны с отношениями мира и человека, определяя значимость объекта для человека [355]. Согласно А. Г. Здравомыслову, ценности представляют собой связующее звено между обществом, социальной средой и внутренним миром личности [177]. Ш. А. Надирашвили, связывает ценностные ориентации с волей, так как волевая активность личности регулируется ценностными ориентациями [291]. Согласна с ним и Н. Ф. Наумова, описывающая ценностные ориентации как один из механизмов целеполагания. По ее мнению, ценности определяют выбор альтернатив действия (целей и средств), регулируя, таким образом, деятельность человека [293]. Л. Н. Антилогова, изучая нравственное сознание личности, полагает, что в качестве его ядра выступают нравственные убеждения и ценности [24], при этом его содержанием являются нравственные качества личности, ее способности и мотивы, теснейшим образом переплетенные друг с другом [23].

Соответственно, ценностные ориентации играют решающую роль в саморегуляции поведения, что подтверждено исследованиями [приводится по 378]. Это справедливо, как в самом широком смысле в рамках регуляции любой деятельности и выбора способа действий человека, так и в узком смысле в контексте изучения регулирующей функции ценностно-смыслового компонента отцовства [372].

Изучение понятие смысла также имеет длительную историю в рамках гуманитарных наук, равно, как и в психологии. З. Фрейд использовал данное понятие, предполагая, что какой-то конкретный акт осмыслен, то есть значим для

человека в силу того, что он замещает собой другой репрессированный в силу различных обстоятельств психический акт, который связан с лежащей в основе данного акта подлинной интенцией, порожденной побудительным мотивом на основе желания, связанного с аффективным переживаниям детства или просто более раннего периода в жизни данного человека. А. Адлер, развивает концепцию смыслов, постулируя, что люди живут в мире смыслов, связывающих людей в некое единство. Смысл любого действия, слова или даже жизни человека всегда связан и реализуется в контексте отношений с другими людьми [9]. Согласно, К. Г. Юнгу нахождение смысла является неотъемлемой потребностью человека и важнейшей задачей развития личности [461].

В отечественной психологической традиции вслед за введением Л. С. Выготским дихотомии «смысл-значение», проблема смыслов трактуется в контексте проблемы строения человеческого мышления и сознания. Однако подлинное раскрытие проблемы смысла в отечественной психологии начинается с работ А. Н. Леонтьева, который не только определяет понятие смысла через отношение, возникающее вместе с возникновением психического отражения действительности, но и описывает психическую деятельность как осмысленную, то есть подчиняющуюся этому отношению деятельность [246]. Учитывая, что динамика смысла, согласно Д. А. Леонтьеву, связана с динамикой деятельности субъекта, его важнейшей чертой является неустойчивость, изменчивость. Таким образом, смыслообразование – это процесс распространения смысла от ведущих, смысловых структур к частным, реализующимся в конкретной деятельности [248].

Конкретизируя анализ смысловой системы личности, А. В. Серый указывает, что первым уровнем выступает уровень биологически обусловленных смыслов, возникающих на базе ощущений и обусловливающих функционирование организма. Это – «доличностный» уровень, включающий неосознаваемые предсмыслы, позволяющие выстроить ощущение реальности и первичное разделение «Я» и «не Я», являющийся базой для возникновения потребностей и мотивов [376]. Второй уровень слабо осознан, включает

отражающие потребностную сферу личности. На третьем уровне находятся личностные смыслы, опосредующие жизнедеятельность личности, выступающие в виде ценностных ориентаций личности, служащие для целей интегрирования личности в новые условия социальной жизни [377]. Четвертый уровень включает смысложизненные отношения человека, вступающие как целостное восприятие человеком своей жизни, характеризующиеся концептуализацией, терпимостью к неопределенности, объективностью, выстроенной временной перспективой. Идентичность личности как субъекта жизни связана с принятием ответственности за собственную жизнь. При этом система личностных смыслов находится в непрерывной динамике в связи с изменением личности и самой действительности [375].

Оперируя понятием смысл, необходимо разграничить понятия личностный смысл, смысловая установка, мотив, смысловая диспозиция, смысловой конструкт, ценности личности. Собственно личностный смысл, связан с образами восприятия и представления объектов и явлений действительности, через отражение их жизненного смысла для субъекта [248]. В рамках психологии отцовства уместно говорить о личностном смысле отцовства. Понятие «смысловая установка» отражает жизненный смысл явлений действительности, на которые направлена деятельность личности, проявляющаяся в стабилизирующем, отклоняющем или дезорганизирующем влиянии на деятельность [32; 248]. Установка во многом определяет готовность (при стабилизирующем влиянии) или неготовность (при остальных формах проявления) к отцовству. Мотив определяет смысловую регуляцию отдельно взятой деятельности [248]. Таким образом, применительно к отцовству уместно говорить не только о репродуктивной мотивации, но и мотивах каждой деятельности в рамках взаимодействия с ребенком: воспитательной деятельности отца, общения и т.д.

Смысловая диспозиция представляет собой отношение к явлениям действительности, имеющим для человека устойчивый жизненный смысл, и определяющее личностно-смысловую и установочно-смысловую регуляцию деятельности [248]. Таким образом, смысловая диспозиция по отношению к

отцовству определяет отцовские практики на протяжении всей жизни мужчины. Смысловой конструкт представляет собой категориальную шкалу, связанную с образом мира личности, позволяющую дифференцировать явления действительности по значимости и присваивать, таким образом, им соответствующий жизненный смысл [248]. Смысловые конструкты определяют значимость и место собственного отцовства в жизни мужчины.

Личностные ценности представляют собой смысловые компоненты мировоззрения, усваиваемые в процессе социализации личности через интериоризацию групповых и общекультурных ценностей [248]. Для нас представляет значительный интерес механизм, процесс и результат включения отцовства в систему личностных ценностей.

В отечественных исследованиях проблема ценностно-смыслового наполнения отцовства изучается в двух аспектах: изучение особенностей ценностных ориентаций мужчин с различным опытом отцовства и ценностно-смысловое сопровождение ответственного отцовства. Первое направление представлено интересными новыми работами отечественных авторов, такими, как: исследование проблемы выделения ценностно-смысловых аспектов психолого-педагогической деятельности отца [91; 92], самоотношения у молодых мужчин с несформированной личностно-смысловой сферой отцовства [239], ценностные ориентации мужчин, ожидающих появления ребёнка [93], особенности ценностных ориентаций мужчин-отцов с разными родительскими установкам [92], ценность отцовства для современных мужчин [330]. Кроме того, изучаются проблемы влияния семейной системы на ценностное отношение к ребенку [329; 331; 532; 630] и субъективные характеристики личности отца [350].

Проблемы ценностно-смыслового сопровождения ответственного отцовства гораздо менее изучены. Так как реализация отцовских функций связана с личностным принятием, интернализацией роли отца конкретным мужчиной [78], ценностно-смысловой сферой мужчины [91], мы можем говорить о том, что формирование ценностного отношения к отцовству, включение отцовства в систему ценностей личности определяет реализацию праксиологического

компонента стратегии отцовства. Учитывая этот момент, формирование конструктивных стратегий отцовства у мужчин может быть рассмотрено в качестве профилактики социальных рисков развития ребенка, в том числе «ухода» отца из жизни ребенка, отсутствия заботы, в том числе финансовой о будущем ребенка, девиантного отцовства [328].

Таким образом, аксиологический компонент отцовства помимо гендерной роли включает в себя такие ценности, как: ценность любви (супружеской и родительской), дружбы с ребенком, развития (через поддержку развития личности ребенка и взрослого), морали (связанной с представлениями о должном и ответственности перед супругой, ребенком и обществом), религиозные (в том числе в рамках реализации предписываемых религией отцовских ролей), гуманистические ценности (как ценность личности ребенка), ценности переживания и ценности отношения с конкретным ребенком. Он связан с волевой активностью личности (так как она регулируется ценностными ориентациями индивида) [291] и механизмами целеполагания [293] и реализуется в отцовских практиках.

Большая проблема изучения ценностного отношения к отцовству может быть связана с тем, что ценности отцовства могут быть только декларируемыми, признаваемыми обществом, но не быть действительными для конкретной личности [429]. Хотя для каждого ребенка было бы желательно, чтобы ценность отцовства была действительной для его отца.

В этой связи примечательно, что в том, что касается отцовства, особенности ценностных ориентаций личности могут быть связаны с личностной зрелостью через такие характеристики, как ответственность в разных сферах деятельности, эмоциональную зрелость, самоконтроль поведения, самостоятельность, адекватность самоотражения, высокий уровень реализованности, адекватность целеполагания [446]. Это подтверждается А. Г. Портновой, указывающей на интегральность нравственного компонента в структуре личностной зрелости [333].

Описывая детерминанты становления рефлексивно-регулятивного компонента психологической готовности к отцовству, мы в первую очередь, должны определить детерминанты развития личностной зрелости. «Зрелость» и ее критерии рассматривались Б. Г. Ананьевым на уровнях индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [21, с 89-90].

Зрелость может быть оценена по показателю успешности овладения деятельностью [119]; может быть связана с субъективной оценкой жизненного пути, например, через индивидуальные особенности психологического времени, определена через высшее личностное образование, выполняющее функции организации, регуляции, обеспечения целостности жизненного пути [5]; или свободный личностный выбор тактики целеполагания [94]; оценена по критерию образованности [261] или мировоззренческой зрелости (развитие смысла) [240]; определена через понятие личностной зрелости, как результата жизненного пути и онтогенеза [333] или комплекса перечисленных характеристик [446].

Согласно А. Г. Портновой, «зрелость выступает качеством личности, обусловливающим способы осуществления и самоосуществления, организующим жизненный путь личности, его направление, стратегии прохождения, регулирующим сложную систему отношений личности к окружающему миру и самому себе (к результатам собственной деятельности) и иерархизованность данной системы» [333, с. 37].

Зрелость имеет возрастную специфику и приходится на период взрослости, однако предпосылки формирования зрелости наблюдаются на более ранних этапах онтогенеза и связаны с задачами развития каждого возрастного этапа. Таким образом, некоторые составляющие рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства начитают формироваться задолго до формирования личностной зрелости во взрослости.

Ранняя взрослость является возрастом первых проявлений зрелости личности. Зрелость в период взрослости можно рассматривать на индивидном уровне, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [21]. На уровне индивида можно наблюдать биологическую зрелость, включающую в себя

соматическую и половую зрелость, нервно-психическую устойчивость и здоровье [333]. На уровне субъекта деятельности можно выделить умственную зрелость (определяемую умственными способностями и пониманием в самом широком смысле), эмоциональную зрелость (проявляющуюся в эмоциональной стабильности и эмпатии) и трудовую зрелость, включающую в себя работоспособность, трудоспособность и профессиональную компетентность, определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и интернальность субъективного контроля [333]. На уровне личности выделяется социальная зрелость, критериями которой является социальный статус, коммуникативная компетентность [118], конкурентоспособность и психологическая зрелость, связанная с системой отношений личности и определяемая направленностью личности. Система отношений личности включает в себя отношение к себе, деятельности, обществу и другим людям, отношение к жизни и смерти. Направленность личности связана с такими критериями зрелости, как ответственность, активность, осознанность, нравственность, толерантность и целеустремленность [333]. Процессуальными критериями зрелости выступают адаптация, субъектность, самоосуществление, самореализация, самоопределение и саморазвитие. [333]. Эти критерии выступают предпослыками позитивной реализации стратегии отцовства.

А. А. Реан [345] выделяет четыре компонента или критерия личностной зрелости: ответственность, терпимость, саморазвитие и позитивное мышление, позитивное отношение к миру, определяющее позитивный взгляд на мир.

Ответственность – это то, что отличает социально незрелую личность от средней нормы [308]. В настоящее время распространена концепция о двух типах ответственности. Ответственность первого типа – это случай, когда личность считает себя ответственной за происходящее в жизни саму себя (интернальный локус контроля по Дж. Роттеру). Ответственность второго типа связана с ситуацией, когда человек склонен читать ответственными за все происходящее в его жизни других людей, либо внешние обстоятельства (экстернальный локус контроля), говоря житейским языком, – безответственность. А. И. Ореховский

дополняет анализ структуры ответственного отношения выделением ее основных содержательных элементов, включающих: субъект ответственности (кто отвечает), инстанцию (перед кем субъект отвечает), меру ответственности и объективные основания ответственности (ценность) [308]. Объективные основания ответственности (ценность) включены в аксиологический компонент стратегии отцовства, тогда как ответственное поведение, связанное со зрелостью личности, определяет рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства.

Данная точка зрения поддерживается и в западной экзистенциальной психологии, например, по Э. Фромму забота, ответственность, уважение и знание – это совокупность качеств зрелого человека [429]. В. Франкл также уделяет ответственности значительное место в своей концепции, утверждая, что духовность, свобода и ответственность – это три основы, три экзистенциала человеческого существования. Согласно взглядам отечественных психологов, ответственность формируется и развивается в деятельности, в предоставлении личности свободы выбора и ответственности за него [427]. Д. А. Леонтьев полагает, что «ответственность» – это волевое качество личности, проявляющееся в контролировании деятельности человека, выделяя такие виды ответственности, как: внешняя ответственность, связанная с возможным возложением ответственности, и внутренняя ответственность, связанная с внутренним миром человека: чувство ответственности, чувство долга [250].

Второй составляющей зрелой личности является терпимость. Существует два вида терпимости – сенсуальная, как повышения порога чувствительности к различным воздействиям окружающей среды, и диспозиционная, как предрасположенность, готовность к определенной терпимой реакции на среду. Терпимость связана с отношением к миру, мировоззрением личности [345]. Здесь можно провести параллели между точкой зрения А. А. Реана и Э. Эриксона, оба говорят об особенностях взаимодействия со средой, обусловленных личностным отношением к ней.

Саморазвитие также является основополагающей составляющей зрелой личности, проявляющейся в служении делу, любви к другому человеку [427],

увлеченность значимой работой [267] или утверждение собственной жизни свободы и развития происходит через способность человека любить [429], например, любить собственного ребенка [534].

Г. Олпорт также выделял специфические характеристики зрелой личности: широкие границы «Я»; способность к теплым, сердечным социальным отношениям; неозабоченность и самопринятие; реалистичное восприятие, опыт и притязания; способность к самопознанию и чувство юмора; цельной жизненной философией [306].

Интересным с этой точки зрения представляется онтопсихологический подход к человеку, в котором раскрывается противоречивое, и сложное становление человека, как биосоциального существа. Индивид является представителем вида, при этом он становится личностью в связи с включением в общественные отношения, таким образом, личность представляет собой социальное существо [333]. Именно общество предоставляет индивиду рамки, траектории и задачи развития на каждом возрастном этапе.

Это согласуется с точкой зрения У. Бронфенбреннера [503; 504], о том, что социум влияет на личность на трех уровнях: микросреда, мезосреда, и макросреда. Здоровая микросреда (семья, друзья, учебное заведение), позволяет развиться здоровой личности, подготавливает личность к успешной взрослой жизни. При этом мезосреда, включающая национально-культурные и религиозные нормы и традиции, культурно-образовательное пространство личности, круг общения, массовые средства коммуникации и информации, также косвенно оказывают влияние на личность [111]. Макросреда, связанная с уровнем научно-технического прогресса, особенностями государства, социально-экономической системы, общественной психологии, общественного сознания, объединяет в себе основы образовательных, экономических, политических, религиозных и социальных ценностей. Макросреда определяет возраст взрослости, определяет социальные привычки, задачи развития каждого возраста, устанавливает эталоны ролевого и этического поведения мужчин и женщин, определяет личностные нравственно-образовательные стандарты, которые

связаны с формированием автономной морали самой личности. При этом адекватность автономной морали личности социальной морали является, по У. Бронфенбреннеру, показателем личностной зрелости [503].

Таким, образом, анализируя работы Б. Г. Ананьева [21], А. А. Реана [345], Е. Ф. Рыбалко [356], А. Л. Слободского [381], К. Муздыбаева [287], В. И. Слободчикова [382; 383], А. Г. Портновой [333] можно выделить следующие характеристики зрелой личности: развитое чувство ответственности, просоциальное поведение, способность к активному участию в жизни общества и к эффективному использованию знаний и способностей, к конструктивному решению различных проблем, эмоциональная и нравственная зрелость.

Так, А. Г. Портнова полагает, что «способность подчинять свое поведение все более отдаленным целям, превращение этих целей в реально действующие, регулирующие текущее поведение, – это не только закономерность онтогенетического развития человека, но и критерий его нравственной зрелости» [333, с. 131].

Именно родительство во многих культурах, так или иначе, связано с понятием социальной зрелости [78], и, кроме того, является одним из путей развития личности по Э. Эриксону, как важнейший путь достижения продуктивности и установления идентичности в близких отношениях [79], по Э. Фромму, как реализация способности любить и партнера, и ребенка, по Г. С. Абрамовой, как выполнение задачи развития данного возраста, по Г. Крайг, как высшая фаза как в индивидуальном развитии отца и матери, так и в развитии пары в целом – развитии идентичности интимности с близким человеком [3; 79; 221].

Для мужчины именно взаимодействие с таким хрупким существом, как ребенок, способствует дальнейшему личностному росту, достижению личностной зрелости, так как раскрывает потенциал развития личности в потребности и способности защищать, принимать на себя ответственность. Таким образом, отцовская забота связана с переживанием любви к ребенку, развитием исполнительности, ответственности и личностной зрелости. [11].

Интересный подход реализует Е. И. Захарова [174], постулируя, что в период ожидания ребенка, как у женщин, так и у мужчин происходят специфические изменения личности. Рождение ребенка позволяет личности родителя достичь нового уровня развития, благодаря принятию родительской позиции матерью или отцом, когда она переходит во внутреннюю позицию родителя. При этом Е. И. Захарова указывает, что рождение ребенка не делает человека родителем автоматически: то есть не все родители успешно осваивают родительскую позицию. При этом, предварительное положительное отношение к данной социальной позиции является условием ее принятия. Принятие позиции родителя определяется готовностью к реализации социальной позиции, положительным отношением к ее элементам: к себе в роли родителя, к родительским функциям и к самому ребенку [174].

Процесс становления внутренней позиции личности описан Л. И. Божович как формирование готовности к реализации определенной социальной позиции, сопровождающейся позитивным отношением к ее элементам и функциям [56]. Так, Е. И. Захарова, используя данную категорию, определяет внутреннюю позицию родителя, через осознанное, позитивное отношение к родительским функциям, предписанным социальной позицией и особое положение «посредника, организатора и помощника в системе детско-родительских отношений» [172, с. 154]. Отличительной особенностью позиции родителя является высокое значение эмоциональной сферы. Деятельность родителя, как матери, так и отца, приобретает развивающий потенциал и является условием формирования таких, новообразований личности, как глобальные изменения самосознания [110], идентичности [171] только тогда, когда она осуществляется в рамках новой социальной позиции – позиции родителя, при позитивном отношении к ней. Происходящие в связи этим изменения структуры личности, ее ценностно-смысловой сферы и новообразования мотивационной сферы личности родителя «с усиливающимся отражением общечеловеческих ценностей», согласно. А. А. Бодалеву, указывают на прогрессивное развитие личности взрослого [55]. При этом, согласно Е. И. Захаровой, «только вовлеченные в

родительскую деятельность взрослые становятся носителями указанных новообразований личности» [172, С 154].

Несмотря на то, что Е. И. Захарова раскрывает содержание «внутренней позиции родителя», анализируя этот процесс в контексте развития личности женщины, этот подход может быть с успехом применен к изучению отцовства. Таким образом, рождение ребенка является тем жизненным событием, которое ставит перед взрослым задачу освоения новой социальной роли – позиции родителя, формирующейся во взаимосвязи осваиваемой социальной ситуации, как ситуации развития личности, родительской деятельности, имеющий развивающий потенциал при принятии родительской позиции, и новообразований личности при вхождении в родительство [172].

Таким образом, отцовство взаимосвязано с личностной зрелостью двояко: с одной стороны, родительство может выступать фактором, способствующим развитию зрелости личности [159], с другой – только зрелая личность может стать эффективным родителем [78]. Поэтому зрелость личности является ключевым элементом стратегии отцовства, определяя функционирование рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства.

Следовательно, зрелость является важнейшим параметром, определяющим родительское поведение, потому, что только сформированная личность становится субъектом свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме. Однако важнейшим условием позволяющим реализовывать сформированные ценности и роли является специфически человеческая форма активного отношения. Активность самой личности определяет ее деятельность. Для нас важно, что здесь важнейшее значение приобретают интерпсихические характеристики, включающие саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности

– то есть, содержательные характеристики рефлексивно-регулятивного компонента психологической готовности к отцовству.

При этом важнейшее значение приобретает развитая у зрелой личности способность к саморегуляции. Саморегуляция представляет собой целостную систему выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности [286]. Проблема саморегуляции осмыслялась в исследованиях многих психологов, анализирующих процесс мотивации. Одной из первых идей зарубежных исследователей, посвященных саморегуляции поведения является концепция саморегуляции, разработанная такими авторами как Ю. Куль, И. Бекман, Дж. Нюттен, А. В. Круглански, Г. Акомба, Ф. Ирвина, А. Кенни, К. Ламбека и др. Ч. Шеррингтон, развивший эти идеи, описывал саморегуляцию, как связанную с сознанием человека, работу отдельных нервных центров, связанных с сознательным отражением [приводится по 311].

В нашей стране многие позиции И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева и его учеников Л. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, В. Н. Мясищева определяли регуляторный характер протекания психических процессов. Проблема произвольной регуляции человеческой деятельности получила развитие в работах Л. С. Выготского, К. А. Абульхановой-Славской, Н. А. Бернштейна, О. А. Конопкина, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Г. С. Никифорова, С. Л. Рубинштейна и др. Б. В. Зейгарник определяла саморегуляцию как сознательный процесс, направленный на управление своим поведением [приводится по 179]. В. И. Селиванов включал в нее также регуляцию эмоций и психических состояний. В концепции В. А. Иванникова, регуляция представляет собой способность к смыслообразованию при недостатке мотивации для осуществления или прекращения действия [179]. О. А. Конопкин, описывает саморегуляцию через системно-организованный процесс внутренней психической активности человека, направленный на инициацию, построение, поддержание и управление внешней и внутренней активности, направленной на достижение целей личности [213].

Выделяют деятельностную, проявляющуюся в конкретной деятельности, и личностную саморегуляцию, при этом в состав последней включаются следующие составляющие: ценности и цели, идеалы и образ «Я», уровень притязаний и самооценка [311]. Основным механизмом личностного уровня регуляции выступает жизненный выбор [311]. Личностная саморегуляция изучались в рамках концепций волевого овладения личностью своим поведением (Л. П. Басов, В. И. Селиванов, В. А. Иванников, Т. И. Шульга, А. В. Быков, Т. Куль и др.).

В. И. Моросанова вводит понятие индивидуального стиля саморегуляции как необходимое условие реализации субъектного подхода к исследованию индивидуально-типических форм активности человека [286]. Среди основных характеристик индивидуального стиля саморегуляции выделяют активность, способность к самостоятельности, творческих характер саморегуляции и самоорганизации, гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля [286]. При этом, согласно Т. О. Сафоновой, регуляция деятельности осуществляется по активному типу посредством особого механизма [366]. Она полагает, что «две стороны взаимоотношений человека и его социального окружения – отношения социально-культурного мира к индивидуальности и индивидуальности к этому миру – определяют характер процессов регулирования и выступают в виде значений и смыслов» [366, с. 105]. Значение при этом регулирует деятельность личности в рамках культурных норм взаимоотношений ее с окружением, обеспечивая возможности усвоения социального опыта, развитие форм общения, познания, производства материальных и культурных ценностей. Это возвращает нас к описанной в предыдущем параграфе логике формирования ценностей личности, которые в итоге определяют регуляцию и саморегуляцию поведения человека.

Таким образом, мера того, насколько декларируемые личностью ценности будут определять ее деятельность, определяется уровнем ее зрелости и саморегуляции. При исследовании проблем отцовства данное положение

особенно важно, так как большинство мужчин, даже те, кто не являются отцами или сами не имели в детстве качественного образца, описывают идеального отца схожим образом. Однако реализуют собственное отцовство очень по-разному. Помимо разграничения реальных личностных ценностей и ценностей ею декларируемых, здесь необходимо учитывать особенности социальной и личностной зрелости личности, уровень ее саморегуляции, а также особенности рефлексии данной личности [358].

Рефлексия позволяет человеку исследовать собственную деятельность, сформировать отношение к ней, сознательно планировать, контролировать и регулировать свою деятельность и свое мышление. Так, согласно, А. В. Карпову [191] рефлексия представляет собой интегрированный процесс, одновременно являясь способом и механизмом выхода психики за пределы себя, и определяя пластичность и адаптивность личности. При этом рефлексивность – это когнитивная мета-способность, определяющая регуляцию психики. С. Ю. Степанов и И. Н. Семенов выделяют кооперативную рефлексию (в психологии управления, педагогике, проектировании и спорте), коммуникативную рефлексию, как важнейшую составляющую развитого общения и межличностного восприятия, и личностную рефлексию, как процесс исследования собственных поступков субъекта, его образов «Я». Личностная рефлексия реализует функцию самоопределения личности. Выделяется также интеллектуальная рефлексия, рассматриваемая в связи с проблемами разработки средств обучения по решению типовых задач [371]. Н. И. Гуткина [139] выделяет логическую рефлексию, предметом которой является содержание деятельности индивида, личностную рефлексию, отвечающую за аффективно-потребностную сферу и связанную с процессами развития самосознания, и межличностную рефлексию, направленную на исследование межличностной коммуникации.

Для нас также важна рефлексия образа действия как анализ технологий личности, применяемых ею для достижения целей. Такая рефлексия определяет правильное использование принципов действий, знакомых личности, когда непосредственно после деятельности личность анализирует схему своего

действия, свои ощущения, результаты и делает определенные выводы об успешности и недостатках деятельности. Именно благодаря развитию такой рефлексии, например, на описанных нами ниже занятиях с отцами, личность может увязать ценности с практикой, повысить способность к саморегуляции в рамках выполнения отцовских функций или реализации отцовских практик.

Таким образом, интрапсихический аксиологический компонент стратегии отцовства находит свою реализацию в рамках экстрапсихического праксиологического компонента стратегии отцовства опосредованно через осуществляющий это взаимодействие интерпсихический рефлексивно-регулятивный компонент, включающий рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности.

Для описания праксиологического компонента стратегии отцовства можно использовать понятие отцовские практики, соответствующее удачному термину «fathering» в английском языке в противовес термину «fatherhood», что обозначает статус и социальные характеристики отцовства. Отцовские практики определяются как особенности взаимодействия отца с конкретным ребенком, обусловленные полом, возрастом ребенка, особенностями его развития и здоровья, а также ситуацией его рождения, отношением к нему и отношениями с его матерью.

В этой связи интересны исследования выявляющие факторы риска и факторы устойчивости отцовства, описывающие барьеры участия отца в жизни ребенка и потенциальные условия преодоления этих барьеров [542; 544]. К рискам относят любые условия, которые ограничивают ответственность отца и благосостояние его ребенка (наркомания и алкоголизм, безработица, здоровье и бедность) [542], тогда как факторы устойчивости включают личностные черты отца, например, адаптивность, ответственность, зрелость [605], а также включают

социальную поддержку отцовства, в том числе от матери, религиозность, занятость и образование, что способствует долгосрочному участию отца в жизни ребенка [542; 544]. Одним из параметров, влияющих на отцовские практики, является отцовская компетентность в родительской роли [652, с. 179]. Оценка отцом своей компетентности как родителя является фактором сохранности отношений с ребенком. В настоящее время отцовская компетентность является достоянием общественного мнения за рубежном, хотя исследуется в основном, в сравнении с материнской [516; 642]. Огромное количество исследований материнской компетентности [584; 594; 615] не уравновешивается единичными работами, посвященными отцовской компетентности [595; 640].

Отцовская роль имеет глубокие исторические корни, но, несмотря на важность и длительную историю, достаточно мало регламентирована [147]. Социальные предписания по ее выполнению и представления о ее сущности представлены в социальных стереотипах, однако они зачастую противоречивы [353]. Можно выделить следующие важнейшие функции, выполнения которых требует роль отца: 1) отец как кормилец [480]; 2) отец как защитник – возможность предоставления своим детям образования, выбора профессии, реализуется опосредованно через социальный статус отца и экономическое благосостояние; 3) отец как воспитатель не только прививает нормы и правила поведения, но и во многом может вносить вклад в профессиональный выбор ребенка, расширяя его кругозор, занимаясь, особенно с мальчиком, каким-либо совместным делом [210].

Исследования отцовских практик, как было указано выше, имеют свою историю, но данные, полученные в различных исследованиях достаточно противоречивы в связи с различными позициями авторов исследований, если мы выделяем отцовство как специфический вариант родительства, а не просто сравниваем время, проводимое с детьми родителями обоего пола и функции родителей, то поведение отца, детерминируемое внутренними характеристиками стратегии отцовства представляется целостной открытой системой. Поскольку формирование отцовства является сложным многоступенчатым процессом,

детерминированным социальными, семейными и личностными факторами, необходимо выделить основные параметры или оси, определяющие развитие стратегии отцовства. На основании вышеизложенного, а также проведенного анализа современных работ, посвященных отцовству (Т. Д. Боязитова [91], М. В. Бутаев [101], Ю. А. Данилова [140], И. С. Клецина, [199], Р. В. Овчарова [301], Ю. А. Токарева [401], M. Lamb [596], W. Doherty [532], D. J. Eggebeen, C. Knoester [534], W. E. Fthenakis [550], R. Palkovitz, G. Palm [620], M. R. Waller [674], S. L. Hofferth [574], E. Friedman, S. B. Billick [547]), среди основных параметров, определяющих стратегии отцовства, можно выделить: принятие гендерной роли отца, систему ценностных ориентаций личности, реализуемые в зависимости от уровня личностной зрелости, саморегуляции и способности мужчины отрефлексировать свое поведение в отцовских практиках. Однако, кроме собственно отцовских практик важнейшее значение имеет так называемое «со-родительство» или «родительский альянс» – то есть кооперация обоих родителей в совместной деятельности по уходу и воспитанию ребенка. Женщины часто отстраняют отцов от заботы за ребенком или воспринимают отца как заместителя матери, игнорируя различие функций отца и матери. Мужчины, кроме того, стесняются проявлять нежные чувства по отношению к ребенку, стесняются жен и своей «неуклюжести» в общении с ребенком. Материнская функция признается обществом почти священной и довольно хорошо регламентирована. Проявление материнских чувств является нормой. Мужчины же скупы на проявление эмоций вообще, в том числе и чувств к ребенку [210].

Таким образом, принятие роли отца играет важнейшую роль в выполнении этой роли [492], однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают складываться еще задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком. При этом психологические эффекты реализации конструктивных отцовских практик частично наблюдаются на втором и, в основном, третьем этапе онтогенеза отцовства. Все психологические эффекты конструктивности стратегий отцовства можно условно разделить на несколько

групп: 1) развитие личности отца, 2) снижение супружеских конфликтов на почве детско-родительских проблем, 3) гармоничное развитие личности ребенка. Наглядно специфику эффектов реализации стратегий отцовства можно отобразить на Рисунке 2.1.1.

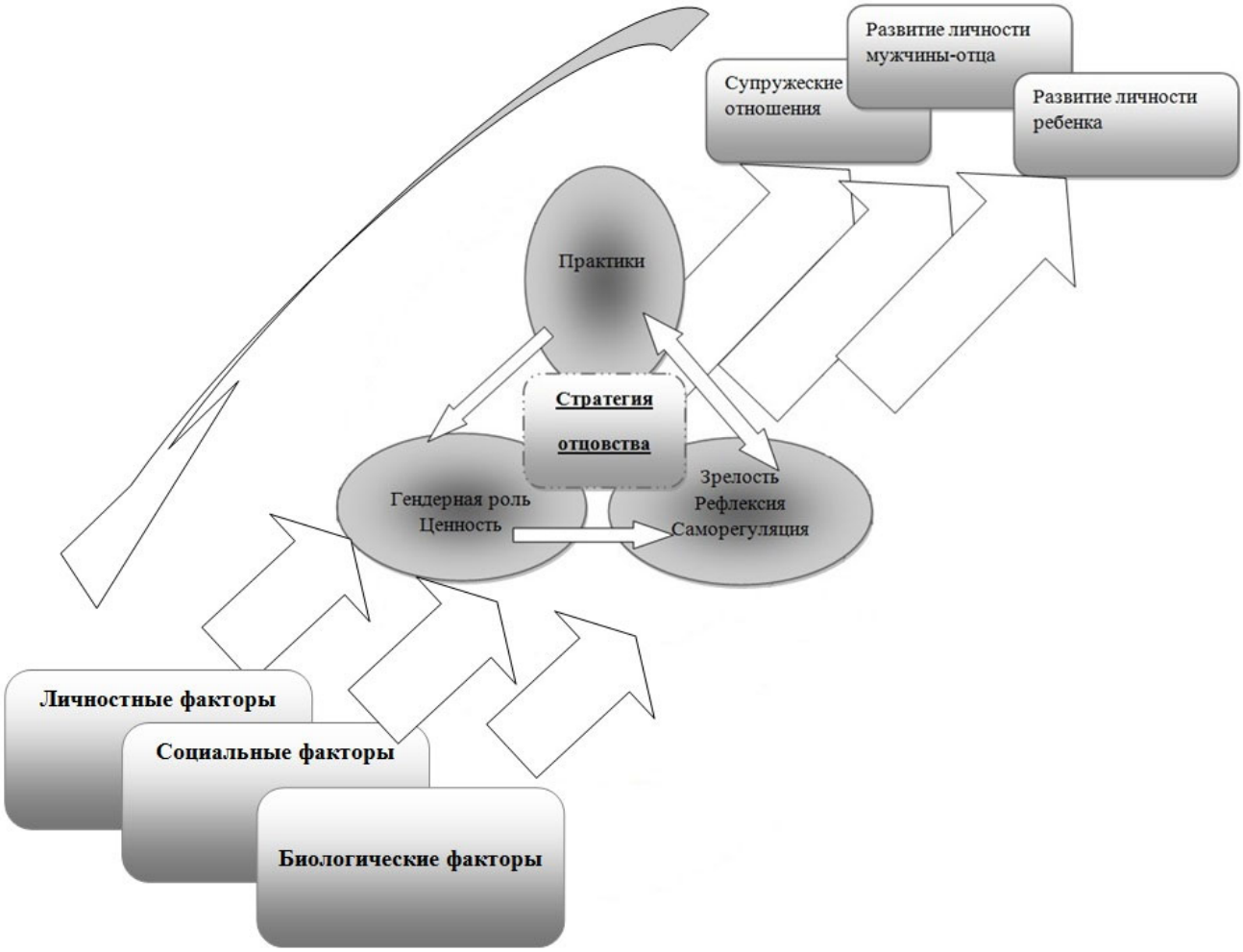

Рисунок 2.1.1. – Психологические эффекты стратегий отцовства

Согласно многочисленных данных [159; 535; 628] включенное, ответственное отцовство, реализующее в конструктивных отцовских практиках, является одним из путей развития личности, в рамках достижения продуктивности и установления идентичности в близких отношениях [460], реализации способности любить и партнера, и ребенка [430], выполнения задач развития данного возраста [3], и как высшая фаза как в индивидуальном развитии отца и матери, так и в развитии пары в целом [3; 221; 505].

Не менее важна взаимосвязь супружеских и детско-родительских отношений [540]. Эта взаимосвязь проявляется двояко. С одной стороны взаимоотношения родителей оказывают значительное влияние на отцовство. Множество исследований (R. R. Abdin [470], S. Demuth, S. L. Brown [529], M. J. Carlson, S. S. McLanahan [513]) показало, что качество отношений отца и ребенка вне брака и в браке коррелирует с качеством отношений супругов больше, чем в случае «мать-ребенок». Например, контакт ребенка с нерезидентным отцом может быть по многим причинам затруднен [475]. Кроме того, отцы имеют тенденцию уходить из жизни ребенка, когда они не проживают с его матерью, тогда как для матерей подобное – редкость. Объяснений данному феномену существует несколько: например, F. Furstenberg с коллегами [552] утверждают, что для многих мужчин, брак и статус родителя – «коммерческая сделка». С другой стороны, в общественном мнении, если женщина – мать, то в этом вся ее жизнь, но мужчина является отцом, если имеет жену [660]. Известно, что если он имеет жену, но не проживает с нею, он может присутствовать как отец в жизни детей, но качество его отношений с ними чаще всего ухудшается [583].

Интересно, что супружеские отношения связаны отношениями взаимовлияния с выполнением родительских ролей. Так, переход к статусу родителя может быть одной из самых сложных стадий цикла семейной жизни, но раннее взаимодействие с ребенком (в возрасте 3 месяцев или младше) способствует развитию отцовской компетентности, увеличивая материнскую поддержку роли отцовства, вовлеченность отца в жизнь ребенка и удовлетворенность браком супругов. При этом первые попытки взаимодействия с более старшим ребенком (после 5-6 месяцев) такого эффекта не дают [666].

Удовлетворенность браком положительно связана с участием отца в жизни и воспитании ребенка [499; 601]. При этом, удовлетворенность браком у мужчин связана с заботой о жене во время беременности, участием в родах и послеродовой заботе о ребенке [601]. При этом качество брачных отношений влияет на благополучие ребенка, так как супружеские конфликты влияют на качество взаимодействия в рамках родительского альянса и, соответственно, на

жизнь ребенка. Считается, что разъяснение связи между удовлетворенностью браком и участием отца в жизни ребенка в рамках образовательных программ позволит буферизовать негативные изменения в супружеских отношениях во время перехода к статусу родителя [600].

Родительский альянс – «совместная деятельность взрослых, ответственных за уход и воспитание ребенка» [611, с. 16]. В этой связи материнская поддержка отца – важное условие компетентности отца и его участия отца в жизни ребенка [543]. При этом включенность отца в жизнь семьи связана с эффективностью родительского альянса, и обратно связана с доминированием матери в семье [527]. Так, что отцы становятся более заботливыми и нежными с детьми, когда их супруги полагают, что забота и проявления нежности является важной частью отцовской роли [634]. Таким образом, отцовство сильнее зависит от супружеских отношений из-за того, что стандарты и ожидания в отношении отцовства более переменчивы и размыты, а, следовательно, снисходительны, чем для матерей.

Важнейшей детерминантой отношений отца и матери, как показали исследовании [532], является оформление брака, так как вносит определенную ответственность в отношения между партнерами. Можно было бы утверждать, что быть официально женатым не важно, потому что сожительствующие пары могут иметь качественно те же самые отношения. Хотя, в принципе, это верно, исследования относительно сожительства ясно указывают, что сожительство – временная договоренность большинства пар; и они, в конечном счете, или женятся или расходятся [507]. Итак, основной внутрисемейной детерминантой ответственного отцовства является поддерживающий совместный брак. В зарубежной литературе для обозначения его эффектов существует специальные термины «родительский альянс» (parenting alliance) [481] и «сородительство» или совместное родительство (coparenting) [514; 544; 565; 660], обозначающий то, что Р. В. Овчарова называет надиндивидуальным уровнем родительства [301].

Среди внешних влияний на отцовство, роль матери имеет свою специфику, так как матери служат партнерами и, иногда, препятствием в отцовско-детских отношениях, и в браке и вне его. Но отношения родителей часто могут быть

осложнены жалобами матери на нежелание или некомпенетность отца в выполнении отцовских функций [210; 523], отсутствие финансовой [519] и эмоциональной поддержки [485]. Возможно, при определенных условиях четкое сформированное понимание того, супружеские конфликты ухудшают ситуацию развития ребенка и увеличивают риск развода [579], неблагоприятно сказывающегося на жизни и развитии ребенка, позволит усилить мотивацию конструктивного решения супружеских конфликтов у мужчины [618]. Но существуют данные, что, даже в удовлетворительных брачных отношениях, вовлеченность отцов, особенно когда дети маленькие, часто зависит от отношений и ожидания матери, ее поддержки отцу, так же как и степенью ее занятости [663]. Действительно, исследования показали, что многие матери, имеют двойственное отношение к активной вовлеченности отцов [574]. Возможно, изменение общественного мнения по вопросу необходимости отцовского воспитания приведет к пониманию, что ответственная материнская забота включает в себя и поддержку отцовства [531; 473; 670]. Все компоненты психологической готовности к отцовству детерминированы социальными условиями, семейной спецификой и возрастными особенностями развития личности, что определяет необходимость изучения условий и этапов становления психологической готовности к отцовству. Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

2.2. Филогенетические и социальные условия формирования гендерной роли отца

Ввиду того, что родительство, и в частности отцовство, является многомерным и многоаспектным феноменом, имеет глубокие исторические

корни, во многом детерминировано генетическими и видовыми особенностями прокреационного процесса Homo Sapiens, и в то же время, связано с социальной сферой активности личности, личностным развитием, и, несмотря на важность и длительную историю, достаточно мало регламентировано и изучено, исследование данного феномена требует четкого методологического принципа, положенного в основу его изучения. Изучение современных представлений об особенностях структуры и содержания феномена отцовства необходимо дополнить рассмотрением вопросов формирования всех аспектов отцовства в индивидуальной истории личности.

Проблема природы родительских чувств очень противоречива [38]. Существует точка зрения, что поведение родителей детерминировано врожденными инстинктами, потребностью в продолжении рода, а отсутствие родительских чувств – является проявлением нарушения этой биологической и социально-нравственной нормы [210].

Однако родительство является не только биологическим, но и социокультурным или биосоциальным явлением и разноуровневые его характеристики и доминанты по-разному взаимодействуют между собой. Отношения родителей и ребенка зависят от их собственного пола и пола ребенка, возраста ребенка, конкретных социальных условий, традиций.

Родительская забота о потомстве (в том числе и отцовство) имеет, по мнению многих авторов, в частности И. С. Кона, филогенетические предпосылки. Общий образец родительского ухода генетически запрограммирован и варьируется от одного вида к другому. Наличие или отсутствие такого ухода, его длительность и специфика различают биологические виды. Очень важную роль в детерминации родительской заботы играют экологические факторы. Например, устойчивый брачный союз самца и самки, хотя бы на срок выращивания одного выводка, обусловлен условиями среды обитания, в которой самка без помощи самца не может вырастить потомство. Такие условия определяются скудостью пищевых ресурсов, необходимостью охраны территории от врагов, длительностью периода беспомощности потомства [210]. И чем выше уровень

организации, тем дольше период зависимости детеныша от матери и тем сильнее выражен родительский инстинкт [123].

Таким образом, существует очевидные генетически запрограммированные предпосылки отцовства, однако биология не объясняет всю специфику родительского поведения, его мотивации и институциализации у человека. Как было отмечено выше, родительское поведение человека в значительной мере детерминировано социальными отношениями в человеческом обществе.

Если рассматривать личность отца, как совокупность стабильных, длительно существующих характеристик, понимание того, как они развиваются, приобретают определенный, свойственный данной личности характер возможно только при тщательном изучении совокупности причин и факторов, влияющих на развитие личности. В основе анализа развития личности лежит несколько научных теорий, рассматривающих в качестве факторов, влияющих на развитие личности культурно-исторические детерминанты [117], либо мегафакторы, макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы окружающей среды [503], либо противостояние между внутренними побуждениями личности и внешними запретами общества [428], которые, однако, могут быть сведены к двум важнейшим факторам – внутренние и внешние детерминантам развития личности.

К внешним факторам относятся принадлежность индивидуума к определенной культуре, включая природно-климатический фактор, специфику страны и общества, этнические традиции, решение возрастных задач развития в период взрослости [680], принадлежность к социально-экономическому классу и уникальной для каждого семейной среде [440].

К внутренним факторам можно отнести личностные, мотивационные, эмоциональные особенности человека, которые могут повлиять на эффективность развития личности, такие, как, например, осмысленность жизни, позволяющая делать обдуманный, ответственный выбор.

Внутренние детерминанты можно определить как влияние наследственных факторов. Генетические факторы – это тот род влияний на поведение, который передается от родителей к детям благодаря механизму наследственности. Наряду

с окружающей средой наследственные факторы играют ключевую роль в обусловливании развития личности. Существуют данные, что такие психологические характеристики, как: эмоциональная устойчивость, экстраверсия, и даже альтруизм, застенчивость, и робость, устойчиво передаются по наследству; генетический компонент имеют и агрессивность, лидерство, воображение, стремление к достижениям [440]. Очевидно, что наследственность создает материальную основу и предпосылки развития в виде задатков и предрасположенностей. Следовательно, такие особенности организма, как, например, задатки мышления, речи, способности к труду и особенности нервной системы будут играть важнейшую роль для целостного развития личности.

Сразу после рождения ребенок попадает в определенную среду, которая, начиная с природно-климатических условий и заканчивая спецификой положения ребенка в конкретной семье, вступают во взаимодействие с внутренними факторами, образуя единство различных факторов, обуславливающих развитие личности. Естественная среда, включая климат, природные условия и ресурсы, оказывает специфическое опосредованное воздействие на ребенка через культурные традиции и особенности образа жизни данного общества. Взаимодействие внутренних и внешних факторов развития личности начинается еще до рождения ребенка, определяя его врожденные характеристики, с которыми он попадает в не менее влиятельную социальную среду [434].

Важнейшим фактором социальной среды является культура, которая формирует личность так как дает готовые, апробированные решения многих жизненных проблем, включая средства коммуникации, такие, как: язык, схемы медицинского лечения, научные достижения, облегчающие жизнь, этика, религия. Культура предлагает хранилище решений, не всегда точных, но всегда доступны [306].

Кроме того, культура предоставляет определенные нормативы для развития личности – возрастные периоды, в которые человек не только получает социальное одобрение за выполнение определенной деятельности (решение социальных задач по П. Хеймансу [572]), но и имеет физические, социальные и

психические возможности для ее выполнения. Именно культура определяет статус мужчины и женщины в обществе, наполнение мужских и женских ролей и их соотношение и, соответственно, детерминирует отцовские и материнские роли. Например, ценность отцовства, декларируемая в патриархальном обществе, прививает определенное отношение к старшему поколению и к собственным детям. Современными детерминантами организации общественного мнения являются средства массовой информации, формирующие стереотип «правильной жизни», «правильных» стремлений и ценностей, в том числе ценность сексуальных отношений, важность близких отношений, «идеальной» семьи, необходимость рождения детей. В среднем к 18-23 годам формируются основные стереотипные представления об отцовстве [83, с. 103-105].

Содержание отцовской роли до недавнего времени можно было описать при помощи социальных норм, составляющих мужскую гендерную роль. К числу таких норм относятся – норма статуса, норма эмоциональной и физической твердости и норма антиженственности [51]. Норма статуса подразумевает, что мужчина должен завоевывать статус и уважение других, а главная обязанность отца содержать семью и исправно приносить в дом деньги. Чтобы соответствовать ожиданиям, мужчина должен почти все время посвятить работе, вследствие чего ослабевает его контакт с детьми. По мере того как доходы отца растут, его вклад в воспитание уменьшается. Например, еще 25 лет назад американские отцы проводили с детьми в среднем 12 минут в день [210].

Нормы твердости и антиженственности подразумевают, что выражение чувств и самораскрытие «принадлежит» исключительно женщинам. Отцы могут стесняться выражать свои чувства по отношению к ребенку. Поскольку в обществе существует стереотип восприятия мужчин как сильных и уверенных, способных преодолевать различные трудности, многие из них подавляют свои переживания, например, в некоторых традициях восточных народов [210].

Современная отцовская роль, по нашему мнению, постепенно трансформируется, становится менее жесткой. В последние десятилетия появилось понятие «новый отец», в отношении отцовства все чаще звучат такие

термины как «продуктивное» [159] или «ответственное» [210; 159] отцовство. Предполагается, что мужчины вновь открыли для себя ценность отцовства.

Для многих современных мужчин семья выходит на первый план, становится не менее, а порой и более важной, чем работа, сферой жизни. Растут ожидания по отношению к отцам. Зарплатой, которую отец приносит домой, уже не исчерпывается его роль. Ожидается, что отцы и физически, и вербально, будут вовлечены в воспитание [489]. Ожидания являются результатом того, что все больше женщин работают вне дома. В связи с чем, женщины приобщают своих партнеров к радостям и обязанностям родительства, и мужчины начинают обнаруживать качества, которые было принято считать женскими: нежность, привязанность и заботу о малышах [83, с. 104-105].

Отцовская роль является одной из традиционных мужских ролей, и, несмотря на некоторую нечеткость и неструктурированность роли отца в современном обществе, остается важнейшей частью мужской гендерной роли. Гендерная роль является выражением и демонстрацией гендерной идентичности с помощью поведения, одежды и других характеристик, которые могут быть и физическими (внешний вид половых органов, тела), и социокультурные (длина волос, одежда и тип поведения принятый в данном обществе), проявления отцовства, то есть реализация мужской гендерной роли, тесно связаны с гендерной идентичностью, т.е. внутренним восприятием человеком своего пола, той степенью, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины или женщины или некоего сочетания того и другого [210]. При этом гендерная идентичность – внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, организовывающая образ Я и позволяющая социально функционировать в соответствии с полом – определяет, как индивид переживает свой гендер, способствует чувству уникальной тождественности и принадлежности [210]. Значительный вклад в развитие представлений об идентичности внесли как зарубежные (Э. Эриксон [460], Дж. Мид [274], А. Тэджфел [410], J. E. Marcia [607], A. S. Waterman [676], H. He, J. Balmer [569]), так и отечественные исследователи, изучавшие проблемы формирования

самосознания [441], подросткового возраста [7; 28], взрослости [114; 147], гендерную проблематику идентичности [208].

Согласно Н. В. Дмитриевой, идентичность является самоотождествлением личностью своих биологических, психических и социальных составляющих с собственным Я, элементами которого являются принятые человеком суждения относительно себя и своей жизни. Идентичность включает два аспекта: личностный (описание своих личностных качеств) и социальный (описание своих групповых и межличностных отношений), которые взаимосвязаны генетически и содержательно [147]. Гендерная идентичность предполагает определение своего места в рамках нормативных культурных представлений о мужественности и женственности (маскулинности и фемининности), об анатомических, физиологических, соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин, которые проявляются как полоспецифичные характеристики личности и являются базовыми категориями анализа гендерной идентичности и психологического пола [102].

О. В. Рябов [636] в структуре гендерной идентичности выделяет три компонента: когнитивный – как осознание принадлежности к определенному полу и описание себя как мужчины или женщины; эмоциональный – как оценка своего поведения и своих проявлений с соответствии с эталонами мужского и женского; и поведенческий (волевой) – как реализация собственного поведения как представителя гендерной группы. Эти три составляющие гендерной идентичности проявляются в трех аспектах отцовства: потребностно-эмоциональном (аффективном), ценностно-смысловом и операциональном (деятельностном или поведенческом) блоках. Появление ребенка является своеобразным «запускающим моментом» трансформации идентичности личности в связи с началом реализации новой роли. Опираясь на концепцию Н. В Дмитриевой о различных вариантах трансформации идентичности, выделяющей позитивную (или достигнутую) трансформацию идентичности, для которой характерна «нормативность кризиса», приводящего к личностному росту, и негативную (или диффузную) трансформацию идентичности, приводящую к

дезинтеграции самости [147], можно определить внутренний механизм реализации конструктивных и неконструктивных стратегий отцовства.

Таким образом, наполнение структурных составляющих отцовства и реализация стратегий отцовства тесно связаны с особенностями гендерной идентичности мужчины, его восприятием и принятием мужской роли [571].

При этом мужские качества или маскулинность можно описать через совокупность поведенческих характеристик, психических свойств и специфических особенностей, присущих мужчинам в отличие от женщин. Однако маскулинность выступает также одним из элементов символической культуры общества, обозначающим специфику социальных представлений, установок о свойствах и качествах «истинно» мужского. В понятие маскулинность включается также нормативный эталон мужественности [208]. Таким образом, маскулинность – это комплекс характеристик поведения, установок, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику представителей мужского пола. По меткому выражению А. В.Синельникова: «маскулинность – это то, что следует добавить к анатомии, чтобы получить мужскую гендерную роль» [384, с.192]. То есть мужская гендерная роль описывается через представление о мужском поведении в конкретном обществе. При этом, в рамках одной культуры «правильное» мужское поведение может меняться в зависимости от исторической или политической ситуации [241]. Так во время войн мужские качества описываются как более агрессивные и милитаризированные, чем во времена спокойной политической обстановки. Принятие или непринятие какого-то аспекта или всей совокупности характеристик гендерной роли является проявлением гендерной идентичности личности [210].

Г. М. Андреева описывает три этапа понимании человеком идентичности: социальная категоризация (через группирование окружающих людей способом, который имеет смысл для личности); социальная идентификация (помещение себя в ту или иную категорию); социальная идентичность (социальное отождествление личности с группой и принятие свойственных ей ролей) [22].

Гендерная идентичность включает в себя многие аспекты сексуальности, в том числе и сексуальную ориентацию человека [210]. Однако в контексте современных социальных условий, когда воспитание детей становится возможным для лиц с различной сексуальной ориентацией и гендерной идентичностью более правомерно говорить не столько о взаимосвязи реализации стратегий отцовства с гендерной идентичностью личности, сколько с принятием гендерной роли, особенно роли отца. Такой подход позволяет определить специфику реализации стратегий отцовства у различных групп мужчин, даже тех, кто традиционно оказывается за рамками анализа реализации отцовских функций, но именно такие семьи в силу многочисленных социально-психологических сложностей могут оказаться адресатами психологической помощи.

Принятие гендерной роли отца является одной из важнейших характеристик конструктивной стратегии отцовства. Исследования германских ученых [549] показали, что отцовство, когда оно интернализовано, влияет на собственную полоролевую идентификацию мужчины, его удовлетворенность жизнью, а также на мировоззрение мужчины. Вовлеченные в воспитание своих детей мужчины показывали менее ригидное понимание мужской роли и стереотипа мужественности, они рассматривали отцовство как важнейший фактор своей мужской роли, таким образом, идентифицируя себя с собственным отцом. Кроме того, было выявлено, что мужчины, принимающие значительное участие в воспитании своих детей, обнаруживали большую удовлетворенность жизнью и самим собой по сравнению с контрольной группой. Они имели более высокую самооценку и были более уверены в себе. Была обнаружена взаимосвязь между самоуважением и принятием отцовской заботы о детях на себя. Интересные результаты дало исследование [606], показавшее, что отцовство влияет также и на изменение мировоззрения и убеждений личности. Меняется представление о ценности человеческой жизни, очень важным становится благополучие ребенка, его нормальное развитие. Ученые связывают даже продуктивность на работе с удовлетворенностью семейной жизнью [617]. Все это возможно при условии

сформированности субъективного смысла родительства [372], и ответственности отцовства [424].

Таким образом, принятие роли отца оказывает влияние на операциональный аспект ее выполнения и влияет на личностные изменения мужчины [332]. Появление ребенка естественным образом оказывает влияние на мотивацию и установки человека, однако многие исследования говорят о том, что именно принятие данной роли способствует успешной реализации себя в ней. Так как, по мнению И. С. Кона социальная роль связывает деятельность личности и ее самосознание с функционированием социальной системы, причем отправной точкой является не индивид, а социум [210]. Функции самосознания Л. С. Выготский назвал «третичными» функциями, имея в виду, что они производны как от непосредственного социального общения личности, так и от уже ее интернализованных и в этом смысле «вторичных» психических функций [117]. Кроме того, при неблагоприятном развитии событий, возможен ролевой конфликт, когда представления о ролях выполняемых одним человеком разнятся. И. С. Кон утверждает, что понятием социальная роль обозначается та сторона деятельности, которая является интернализованной ролью. Интернализованная роль – это компонент самосознания, отношение к тому или иному аспекту жизнедеятельности. Таким образом, успешное функционирование в роли отца невозможно без ее интернализации, которая, в свою очередь, «встраивает» отцовство в самосознание личности, ее «Я концепцию» и «образы Я». Аспект отношения связан с оценкой: своего ребенка, самооценкой себя как мужчины, себя как отца и своего выполнения социальных ролей, что формирует определенный «образ Я». Таким образом, «Я реальное» и «Я социальное» формируются через сравнение собственного поведения с требованиями общества. Соотношения компонентов «образа Я», их взаимодействие определяет осознание себя как отца и может изменяться в процессе жизни [210].

Интересна связь отцовства и остальных характеристик гендерной роли мужчины. Дж. Плек предполагает, что связь маскулинности и отцовства можно оценить по 6 показателям: 1) гендерные различия в воспитании, 2) взаимосвязь

между присутствием отца и развитием ребенка, 3) роль отцовской вовлеченности в жизнь ребенка в развитии личности ребенка, 4) влияния наличия детей на оценку своей маскулинности мужчиной, 5) уникальность вклада отца в развитие ребенка и 6) взаимосвязь между выраженностью отцовской маскулинности, вовлеченностью отца и развитие личности ребенка. Эти шесть тем по-разному представлены в литературе и исследованиях. Больше всего исследований роли отца в развитии ребенка. Иногда исследователи, особенно американцы все проблемы подростков сводят к отсутствию отца в семье. Таким образом, взаимосвязь отцовства и маскулинности мужчины является многосторонней и специфически обусловленной. Дж. Плек предполагает, что мужской гендерный статус обусловливает отцовские практики прямо и опосредованно через формирование понятия отцовство и возможный отцовский статус в обществе. Так, доминирование гегемонной масккулинности в обществе определяет социальный и сексуальный статус мужчины более свободно по отношению к любым женщинам и их детям, не являющихся прямыми наследниками данного мужчины. Он может по типу альфа-самца в животном мире не заботиться о них, не интересоваться вероятностью их появления в результате многочисленных связей. С другой стороны, количество детей может добавлять статуса мужчине; следовательно, в таком обществе мужчины признают и заботятся обо всех своих детях. Чем более демократично общество, тем больше различных вариантов статуса и, соответственно, отцовских практик оно предлагает мужчине: в современном западном обществе мужчина может юридически признавать ребенка и участвовать в его воспитании экономически и психологически, может признавать и участвовать только психологически, или только экономически, или совсем не участвовать [208]. Мужчина может быть признан отцом или отчимом приемного и не признан отцом своего ребенка и т.д. Эти данные подтверждаются и российскими исследованиями взаимосвязи норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли [198].

Таким образом, отцовство и отцовские практики, являющиеся производными гендерной идентичности, взаимосвязаны с особенностями

маскулинности мужчины. Эти особенности и, возможно, выраженность маскулинности мужчины определяют отношение к отцовству мужчины. Само отцовство обычно исследуется с двух позиций: С одной стороны, отцовство рассматривается как социальный институт, определяющий требования и ожидания общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, отцовством проявляется в практической деятельности мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, что описывается понятием, отцовские практики или стили воспитания, которые реализуются в единстве родительского взаимодействия с супругой [595]. Такая научная традиция объясняет характерное для отцовства различие между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. В качестве теорий дающих материал для исследования факторов оптимизации развития личности ребенка и мужчины выделяются: а) теория жизненного пути (которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни); б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы и роли); и в) теория социальной идентичности (которая сосредотачивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей). В контексте теории Э.Эриксона, отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий, для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи [631].

Мы полагаем, что чрезмерная, жесткость, отсутствие или слабость мужской модели поведения у мужчины не столько ухудшает отношения с супругой и собственным ребенком, сколько осложняет процесс выстраивания этих отношений [63, с. 34-36; 67]. Кроме того, в зависимости от особенностей маскулинности мужчины выстраивают различные отношения с супругой и ребенком. Например, гипермаскулинные мужчины могут вообще не создавать семью, довольствуясь сексуальными победами, высокомаскулинные мужчины ориентированы на социальный успех в большей степени способны реализовывать роль кормильца и персонификатора власти в семье, при этом, не уделяя времени

на общение с ребенком. Андрогинные мужчины в больше степени способны уделять внимание внутреннему, эмоциональному состоянию ребенка. Каждый вариант проявления уровня маскулинности определяет выбор фемининной/маскулинной супруги, специфику супружеских отношений и, как следствие, создает специфичные условия для взаимодействия с ребенком. Таким образом, большая вариативность выраженности маскулинности мужчин создает пространство для проявления различных способов взаимодействия с ребенком, которые расставляют смысловые акценты на различных аспектах отцовских ролей и практик. Каждая из этих практик с учетом взаимодействия с супругой может быть признана ценной для развития личности ребенка. Это дает возможность мужчине с любым вариантом выраженности маскулинности при желании найти приемлемый вариант отцовских практик, так как каждый отец ответственен за интеллектуальное, эмоциональное и финансовое благополучие своего ребенка [653; 662]. Сказанное выше определяет широкий круг вопросов для психологической практики в рамках работы с семьей. Материалы данного параграфа частично опубликованы автором в статье [61] и монографиях [76, с. 53-61, 78].

2.3. Этапы становления психологической готовности к отцовству

Проблема выделения этапов становления отцовства связана со спецификой формирования гендерных характеристик личности и занимает ученых с самого начала появления психологической науки и является важнейшим направлением исследования и сейчас [546]. Одной из первых была концепция З. Фрейда, который ввел понятие «либидо» и описал развитие личности ребенка личности согласно стадиям фиксации либидо (оральная, анальная, фаллическая,

генитальная стадии) [428]. Сторонники теории обусловливания и социального научения описали механизм влияния моделей поведения (в том числе и гендерного и сексуального поведения человека) на реализацию конкретных функций личностью [479]. Усвоение системы гендерных ролей называют гендерной социализацией [210; 334].

В понимание развития гендерной идентичности вносит значительный вклад теория развития Э. Эриксона, которая рассматривает социальное влияние на развитие сексуальности человека. Если в первые периоды жизни ребенка (младенчество и детство) важнейшими детерминантами гендерной социализации является положительное решение кризисов развития, что обеспечивается семьей, то в подростковом и юношеском возрасте (12 – 19 лет), являющимся сенситивным для формирования идентичности, происходят определение дальнейшей траектории развития, в том числе определение сексуальной ориентации, выбор характеристик будущего брачного партнера и появление установок относительно желания, необходимости и времени собственного родительства. Ранняя взрослость (20-25 лет) является периодом, сенситивным для формирования брачной пары, рождения ребенка и выработки операциональных аспектов отцовства. В период средней взрослости важнейшая задача развития – формирование продуктивности и генеративности, как заботы о будущих поколениях и выходе за пределы собственной личности связана с реализацией гендерной роли, а именно, отцовских функций в рамках мужской гендерной роли [460].

Универсальная теория психосексуального развития Д. Банкрофта рассматривает гендерную идентичность, которая начинает формироваться в детстве, а в подростковом возрасте оформляется и осознается, описывает сексуальную реакцию, как понимание собственной сексуальной ориентации и полагает, что способность к близким парным отношениям определяет дальнейшее развитие личности в связи с тем, насколько удачным был выбор партнера [478]. В рамках этой теории психосексуальное развитие личности связано с социальным сценарием, который представляет собой сложную схему поведения,

формирующуюся под влиянием социума [478]. При этом немаловажным с точки зрения Д. Банкрофта является влияние на наше поведение «брачной экономики», которое проявляется в том, что в поиске пары человек стремится найти себе партнера с равными ресурсами (возможно при этом, что недостаток одних качеств компенсируется другими и, таким образом, происходит уравновешивание «стоимости» индивидов). Однако понимание ценности или значимости своих ресурсов, норма и идеал отношений и образцы поведения складываются в процессе социализации личности в данной культуре [478].

В отечественной литературе принята концепция психосексуального развития Г. С. Васильченко, В. М. Маслова и И. Л. Болневой о фазах и этапах развития [108], которая позволяет выделить периоды формирования гендерной идентичности личности, важнейшие новообразования и критерии позитивного развития идентичности в рамках каждого возрастного периода. Г. С. Васильченко выделяет следующие этапы: 1) парапубертатный период (от рождения до 7 лет), определяемый как период формирования полового самосознания; 2) препубертатный период (7 – 13 лет) – время формирования стереотипа полоролевого поведения; 3) пубертатный период (12 – 18 лет) период полового созревания и оформления гендерной идентичности личности; 4) переходный период (16 – 26 лет) – период формирования пары, начало половой жизни, 5) период половой зрелости (26 -55 лет), на который приходится рождение детей и взаимодействие с супругой по воспитанию детей, 6) инволюционный период (51 – 70 лет), на этот период приходится этап постродительства.

Несмотря на то, что в дальнейшем в эту периодизацию был добавлен пренатальный период, определяющий все дальнейшее развитие гендерной идентичности личности [69, с. 61-63; 195], в силу того, что, помимо определения пола будущей личности, гормональное программирование в этот период определяет формирование внешних и внутренних половых органов, будущее функционирование гипоталамуса и гипофиза в пубертате и после него, а также мозговые структуры, отвечающие за половое поведение, родительский инстинкт и агрессивность во взрослости, в психолого-педагогическое сопровождение

формирования гендерной идентичности личности возможно только в постнатальном периоде.

Соответственно, формирование гендерной идентичности связано с особенностями общества, которое воспитывает, обучает ребенка, помогая усвоить определенную систему гендерных ролей. Этот процесс называется психосексуальным развитием или гендерной социализацией [210]. При этом конструирование гендера в процессе социализации реализуется основными институтами социализации посредством трансляции сформировавшихся в культуре представлений о нормативности поведения мальчиков и девочек, юношей и девушек, мужчин и женщин. Важнейшую роль в этом процессе играет семья, особенно, отец, участвующий в формировании установок и ожиданий относительно мужского поведения и мужской роли в качестве образца такого поведения.

В парапубертатный период, приходящийся на время от рождения до 7 лет, происходит осознание своей половой принадлежности, формирование полового самосознания. Согласно многочисленных психологических концепций (Е. Ф. Рыбалко [356], Г. С. Абрамовой [3], Г. С. Васильченко [108], К. Н. Поливановой [326], З. Фрейда [428]; Э. Эриксона [460]; Ш. Бюлер [506]) важнейшее значение для формирования полового самосознания приобретает окружающая среда, в первую очередь родители, особенно, мать. Причем степень влияния отца и матери зависит от возраста ребенка. Первоначально общение с матерью в период новорожденности и младенчества намного интенсивнее, чем с отцом. Мать кормит, ухаживает за ребенком, заботится о нем, играет с ним, разговаривает. Дж. Боулби и М. Кляйн [495; 589] описали особенности общения матери с ребенком-младенцем. Чувствуя ее поддержку и присутствие, будучи в безопасности, ребенок может исследовать мир. Отец является фигурой, которая помогает ребенку изучать мир, собственное тело и его возможности через силовые игры. Позднее взаимоотношения родителей становятся моделью поведения в обществе сверстников в младшем школьном и в подростковом возрасте. Однако на формирование представлений об отцовстве оказывает

влияние не только семейная ситуация. Часто мужчина, выросший без отца, может быть хорошим родителем, если у него есть модель мужского поведения. Это может быть дедушка, тренер спортивной секции, учитель и др. Коррективы вносит и социальная среда, окружающая ребенка. Например, ценность отцовства, декларируемая в патриархальном обществе, прививает определенное отношение к старшему поколению и к собственным детям.

Родители создают условия для развития личности ребенка, являются образцами для идентификации [428], демонстрируют гендерные модели поведения [479], поощряют или реагируют отрицательно на определенные способы поведения ребенка [480], в том числе, касающиеся проявления гендерно специфических качеств [602] и отношения к своему здоровью [489]. Известно, что с самого рождения родители по-разному относятся к мальчикам и девочкам, позволяя ребенку женского пола и себе по отношению к нему гораздо больше свободы в проявлении эмоций [578]. А ведь именно любовь, тепло и внимание к ребенку в этом возрасте ограждает его от множественных проблем в дальнейшем [460].

Важность этого периода состоит в том, что он является сензитивным для развития полового самосознания, и различные травмирующие обстоятельства могут нарушить ход этого развития на всю дальнейшую жизнь. Например, слишком строгие запреты на сексуально окрашенные игры, развратные действия старших. При этом травмирующие воспоминания вытесняются и продолжают вести разрушительную работу из человеческого бессознательного [108].

Если мы вспомним, З. Фрейд впервые обратил внимание на влияние родителей на формирование сексуальности ребенка. При детских неврозах особенности психосексуального развития напрямую зависят от того, на какой стадии развития произошла травма [428]. Обычно правильное представление о своей половой принадлежности формируется к 1,5 – 2 годам [108].

Второй этап формирования гендерной идентичности и сексуальности личности – парапубертат – характеризуется формированием стереотипа полоролевого поведения – системы представлений и моделей полового поведения

для обоих полов, некоего гендерного эталона поведения, таким образом, создается база для последующего общения и адаптации в браке. [108].

В это время происходит переход в школу, новое общение, развитие абстрактного мышления, постепенная потеря близкого контакта с родителями и повышение авторитета сверстников. Однако полоролевое поведение родителей в этом возрасте все еще оказывает ведущее влияние на формирование гендерной идентичности ребенка. Например, известно, что жесткие, авторитарные отцы или матери, стремящиеся «сформировать из сына мужчину», обычно имеют слабых, податливых, внушаемых и несамостоятельных сыновей [210; 435]. Напротив, у демократичных, но требовательных отцов вырастают ответственные и самостоятельные сыновья [458].

По мере взросления дети все большее значение придают коллективу с его гипертрофированными требованиями к мужественности и женственности, и в нем происходит формирование гендерно-типичного поведения.

Третий этап формирования гендерной идентичности и сексуальности личности – пубертат. Это период с 12 до 26 лет – период полового созревания, формирования психосексуальных реакций и психосексуальной ориентации. Период максимального функционирования эндокринной системы. Он включает стадии формирования платонического, эротического и сексуального либидо.

В это время на основе индивидуальных особенностей и опыта формируется личность, происходит эмансипация от семьи, вырабатывается собственное мировоззрение, социальное сознание.

На подростковом этапе для личности характерно повышение чувствительности, застенчивости, независимости. Если в семье и в классе нет взаимопонимания, то подросток будет искать понимания где-то вне семьи и найдет его в компании отверженных. По мнению Д. Н. Исаева и В. Е. Кагана, полное отождествление себя с группой сверстников является необходимым этапом социализации [приводится по 64, с. 58]. На этот возраст приходится поиск идентичности, в том числе профессиональной, личностной, сексуальной, семейной [79].

Спецификой этого возраста считается выработка психосексуальных ориентаций, которые обуславливают в последующем выбор объекта влечения с его индивидуальными особенностями (половая принадлежность, внешний вид, телосложение, поведение) [108].

На переходном этапе (16-26 лет), возможно и дольше, так как в современном мире возраст вступления в брак все время повышается [512]) оформляется идентичность, происходит дифференциация от родительской семьи и достижение эмоциональной и финансовой независимости от родителей, занятие молодым человеком адекватного возрасту статуса, отработка навыков ухаживания и привлечения партнера, поиск брачного партнера, встреча будущих супругов, их эмоциональное притяжение друг к другу, выработка совместных способов взаимодействия. Именно на этот этап при несформированной ответственности в межличностных отношениях и сексуальном поведении приходятся так называемые «незапланированные» беременности, когда приходится решать вопросы юридического оформления отцовства, брачные, финансовые вопросы и др. Безответственность поведения мужчины может быть связана с социальными установками [152], отношением к конкретной женщине, например, в нашем исследовании неженатый испытуемый 23-х лет пояснил свои сложности с выбором ответа на вопрос «Кто виноват в случае нежелательной беременности?» таким образом: «Если ты дорожишь отношениями с этой женщиной, то оба, а если нет – то она сама» [78]. В результате возникают многочисленные проблемы репродуктивного поведения современной российской молодежи: распространение заболеваний, передаваемых половым путем, абортивное поведение, приводящие к нарушению репродуктивной сферы, как женщин, так и мужчин. Кроме того, исследования семейных психологов показывают, что наличие беременности до свадьбы является одним из факторов нестабильности брака [205].

На период ранней и средней взрослости приходится, вступление в брак, формирование супружеских отношений, характеризующихся сформированной сексуальностью, рождение ребенка и принятие родительской роли, взаимодействие с ребенком, воспитательная деятельность отца.

Согласно В. В. Брутману, М. С. Радионовой [96], планирование беременности, ее желательность или нежелательность оказывают многообразное влияние на дальнейшее взаимодействие родителя и ребенка. Рождение ребенка и взаимодействие с ним является отдельным этапом гендерной социализации мужчины. Именно поэтому понимание онтогенеза комплекса отцовства способно внести вклад в раскрытие проблем общения формирования конструктивных стратегий отцовства.

Изучение родительства в настоящее время находится на этапе накопления научных знаний, проведения большого количества исследований в узких направлениях, таких как: например, влияние отношений с отцом на мотивационно-ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей [31], влияние родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству, зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве [72], проблемы эмоционального состояния детей в неполных семьях [142], проблемы детско-родительских отношений [223], проблема семейных отношений в период ожидания ребенка [324], особенности патернальной депривации [75, с. 15-23; 500; 555] в условиях семейного восприятия [413] и др. Одной из немногих работ с простроенной теоретико-методологической концепцией является разработка Г. Г. Филипповой проблемы психологии материнства, его структуры, содержания и формирования [420; 423]. В качестве особо ценной разработки Г. Г. Филипповой можно выделить изучение ею проблем онтогенеза материнства и его основных составляющих.

На основании изучения биологии и психологии материнства она выделяет шесть основных этапов развития материнства в процессе развития личности в онтогенезе: 1. взаимодействие с собственной матерью (начинающийся с внутриутробного периода и продолжающийся почти всю жизнь, особо значимо взаимодействие в первые годы жизни), 2. развитие материнской сферы в игровой деятельности (включает все сюжетно-ролевые игры, например, «дочки-матери» (3-5 лет), 3. няньчанье (общение с младенцем девочки 5-11 лет, помогающее овладению социальными навыками взаимодействия с малышом), 4. этап

дифференциации ценностно-смысловых основ моделей партнерских и родительских отношений (11–15 лет) и этап мотивационной готовности к родительству (15–18 лет); 5. взаимодействие с собственным ребенком, 6. этап принятия ребенка как личности.

На протяжении первых этапов важнейшим процессом является формирование гештальта младенчества, который включает физические свойства младенца (пропорции, запахи, голосовые реакции), поведение (неловкие движения, позы), инфантильная результативность (характеризующая неспособность младенца выжить самостоятельно). По мнению Г. Г. Филипповой, гештальт младенчества является «комплексным ключевым раздражителем, который вызывает у взрослых особей множество разнообразных переживаний и стремление к их возобновлению и сохранению» [423, с. 141]. Иными словами, младенец обладает такими свойствами, которые вызывают определенное поведение у взрослых, и оно совпадает с задачами развития младенца, то есть именно инстинктивно закрепленная реакция на младенца – забота, не только позволяет выжить конкретному младенцу и виду в целом, но и отвечает потребностям взрослой особи. Такая закономерность прослеживается и у животных, и у человека. Однако поведение человека более сложно и меньше регламентировано инстинктивно заложенными программами поведения. Вопрос же о восприятии гештальта младенчества рассматривается в основном для женщин. По результатам нашего опроса, мужчины при определении отцовства исходят из особенностей ребенка более старшего возраста. Они считают, что необходимо передавать знания, принципы и взгляды ребенку, однако не описывают заботу о неговорящем младенце как составную часть их образа собственного будущего или имеющегося ребенка. Таким образом, специфические реакции на младенца, восприятие собственного родительства, формирование родительской сферы у мужчин отличны от специфически женских и материнских.

Процесс общения женщины с ребенком начитается задолго до рождения ребенка, через сенсорный опыт, приобретаемый женщиной во время беременности. Исследования процесса осознания своего ребенка как части

симбиотической связи, а затем, как отдельной личности посвящены многие работы [259; 273], выявившие множество проблем и сложностей в этом процессе. Однако встраивание конструкта ребенка в самосознание мужчины еще более сложно.

Согласно, Г. Г. Филиппововй и С. А. Абдуллиной, данная периодизация применима, как к анализу развития как материнства, так и отцовства, «т. к. по мнению ряда исследователей, принципиальных различий в родительском уходе за ребенком между мужчиной и женщиной нет, и гораздо важнее учитывать индивидуальные различия, а не межгрупповые» [2, с. 127]. Однако О. А. Карабанова полагает, что сенситивными периодами для формирования внутренней позиции родителя для отцовства и материнства являются различные периоды жизни отца и матери, полагая, что для матери – это период беременности, а для отца – вторая половина беременности жены и первый год жизни ребенка [188]. На наш взгляд, несмотря на то, что мы согласны с тем, принципиальной разницы в родительском уходе за ребенком нет [210], существуют существенные различия в социальной траектории развития личности детей разного гендера [564]. Несмотря на то, что взаимодействие с собственной матерью в преддошкольном детстве является ключевым фактором развития личности ребенка любого пола, для формирования стратегии отцовства у мальчика в этом возрасте имеется определенная специфика: в современном теоретическом осмыслении формирования личности мужчины представляется аксиоматичным тот факт, что важнейшей фигурой, детерминирующей формирование полового самосознания и становление гендерной роли мальчика, является отец [491, 536, 614, 582, 631]. Кроме того, множество исследований констатируют различия в игровых предпочтениях детей разного пола [508; 564; 646]. Более того, отсутствие таких различий в игре могут в дальнейшем быть связаны со сложностями гендерной идентификации [564, 603]. Хотя в современных девочках наряду с ценностью родительства воспитываются и ценности из других сфер, таких как профессиональная и личная успешность, для воспитания девочки более характерен акцент на будущем материнстве, чем в

воспитании мальчиков на будущем отцовстве. Мальчика воспитывают, прежде всего, как активного деятеля в социальном плане, профессионала, кормильца семьи. Более того, сейчас наблюдаются проблемы с моделированием родительства в игре девочек: существуют работы, указывающие на отсутствие в современных реалиях моделей материнства среди игр девочек-дошкольниц [322]. Поэтому говорить о сходности значимости игры с куклой у мальчиков и девочек достаточно сложно. При этом, дети любого пола могут играть с куклой, особенно, в совместных играх разнополых детей [322]. Кроме того, если в традиционной культуре нянчанье являлось неотъемлемой функцией девочки 6-11 лет, то к мальчику этого возраста предъявлялись совершенно иные требования. Материнская функция на всех этапах развития личности является более регламентированной обществом. Поэтому четкое выделение этапов в развитии материнской сферы является актуальным и возможным. И так как мы согласны и с постулатом С. А. Абдуллиной о том, что формирование родительской позиции личности является длительным периодом, начинающимся с дошкольного детства, мы полагаем, в силу социальных, педагогических и мотивационных причин этапы формирования материнства и отцовства имеют свою специфику.

В психологии выделяются несколько стадий родительства: принятие решения о рождении ребенка, беременность, период становления родительства, период зрелого родительства, период, называемый «постродительство», т.е. бабушек и дедушек. [422]. Данные стадии характерны как для женщин, так и для мужчин, однако существует определенная специфика прохождения этих стадий у мужчин, так как отцовство взаимосвязано с развитием личности не только взрослого мужчины и его ребенка, формирование всех компонентов отцовства связано с общим развитием личности мужчины, особенно с формированием гендерной идентичности личности и формированием нравственных и волевых характеристик личности.

В онтогенезе комплекса отцовства можно выделить три основных этапа [83, с. 103]: 1) формирование представлений об отцовстве, стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; 2) этап переосмысления

имеющихся знаний и представлений об отцовства в течение периода ожидания ребенка; 3) практический этап – реализация стратегий отцовства после рождения ребенка. Нами было проведено исследование, чтобы отследить формирование отношения к своему ребенку, с которым в пренатальный период мужчина не имеет такой связи, как женщина, соответственно, и изменение отношения к себе, формирование отношения к ребенку, принятие новой роли отца представляет собой сложный и многофакторный процесс.

В рамках изучения становления психологической готовности к отцовству мы опираемся на нами ранее выделенные этапы развития отцовства, учитывая специфику первых двух описываемых этапов, как подготовительных к отцовству, то есть этапов становления готовности к отцовству, и акцентируя внимание на особенностях становления психологической готовности к отцовству в рамках данных этапов, мы выделяем: 1) этап обозначения отцовства – формирование представлений об отцовстве, стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; 2) этап осмысления отцовства, переосмысления имеющихся знаний и представлений об отцовства в течение периода ожидания ребенка; 3) этап ценностного осознания отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка (практический этап) – реализация стратегий отцовства после рождения ребенка.

Первый этап можно определить как этап обозначения отцовства. Он начинается с рождения мальчика до момента получения сведений о беременности его жены (партнерши). Формирование стереотипов об отцовстве происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями. Современными детерминантами организации общественного мнения являются средства массовой информации, формирующие стереотип «правильной жизни», «правильных» стремлений и ценностей, в том числе ценность сексуальных отношений, важность близких отношений, «идеальной» семьи, необходимости рождения детей.

Этот период охватывает четыре первых этапа гендерной социализации мужчины (парапубертат, препубертат и пубертат и переходный этап). Именно в это время формируются личностные и ценностные предпосылки стратегий

отцовства. Внутренне, первичные по отношению к внешним, характеристики стратегии отцовства ценностные характеристики, ответственность личности, принятие своей гендерной роли и даже модель отцовских практик, основанная на взаимодействие с собственным отцом, формируются именно в этот период [83, с. 103-104].

Согласно Л. С. Выготскому ценности личности оформляются в «психологическую систему» в период раннего юношеского возраста. Однако база развития данной системы закладывается в период дошкольного детства [194], когда начинают проявляться начала ценностей, возникающие и проявляющиеся согласованно с развитием личности, и которые С. С. Бубнова [97] называет «ценностями-идеалами». Д. В. Каширский и О. С. Безугляк полагают, что их появление приходится на период 6-7 лет и связано с кризисом семи лет [194]. Это некие приоритеты, связанные с иерархизированными мотивами [246], которые постепенно складываются в систему ценностей к раннему юношескому возрасту.

В этой связи для нас ценны высказанные В. Е. Клочко [201] идеи о динамике и соотношении понятий «значение», «смысл» и «ценность». Значение изначально определяется объяснением взрослого какого-либо понятия ребенку, обсуждая со взрослым значение, ребенок формирует собственный смысл этого понятия, который затем может быть декларирован любому другому взрослому в качестве ценности. Данная логика характерна и для формирования ценности отцовства, так как изначально во взаимодействии со взрослым, благодаря его объяснениям, оценкам и демонстрируемым им моделям определяется значение понятии отцовства, которое осмысляются несколько позже, чтобы затем в качестве ценности определять поведение человека.

Кроме того, предпосылки личностной зрелости также формируются в детстве. Так, в дошкольном периоде предпосылками зрелости выступают: на уровне индивида (здоровье), личности (половая идентификация, отношения в детском коллективе) и субъекта деятельности (игровая деятельность, готовность к школьному обучению), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация.

Кроме того, для нас важно, что нравственное развитие дошкольника является базой формирования ответственности личности. Однако сензитивным периодом для формирования ответственности является младший школьный возраст. При этом важнейшим моментом проявления ответственности является учение. Так, М. В. Матюхина и С. Г. Ярикова определяют следующие критерии оценки ответственности младших школьников: проявление самостоятельности на уроке и в процессе подготовки домашних заданий; положительное отношение к учению и требованиям учителя, умение планировать и организовать свою учебную деятельность; умение дать адекватную нравственную оценку своего поведения [269]. Ученик с высоким уровнем ответственности способен критично оценивать как свое отношение к учебе, так и поведение, понимает социальную значимость учения, умеет признавать свои ошибки, правильно понимает причины и следствия [270].

Таким образом, правомерно говорить о развитии ответственности, как одной из характеристик зрелости личности, определяющей стратегию отцовства, начиная с самого раннего возраста.

Именно ответственность по отношению к собственному здоровью в отношениях с сексуальным партнером, принятие на себя ответственности за свое сексуальное поведение, ответственное отношение к выбору брачного партнера, к семье, браку и рождению детей, является критерием конструктивности стратегий отцовства, реализуемых личностью во взрослости.

В младшем школьном возрасте можно выделить следующие предпосылки зрелости: на уровне индивида (здоровье), личности (половая идентификация, построение социальных отношений) и субъекта деятельности (успеваемость, произвольность самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность, ответственность), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация.

В подростковом возрасте предпосылками зрелости являются: на уровне индивида (здоровье, физическое созревание), личности (половая идентификация, выстраивание отношений со сверстниками и родителями) и субъекта деятельности (успеваемость, произвольность самодисциплина, произвольность

поведения, самостоятельность, ответственность), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация. Для юношеского возраста предпосылками зрелости являются: на уровне индивида (здоровье, физическое созревание), личности (выбор дальнейшего пути, профессиональное и личностное самоопределение, половая идентификация, выстраивание отношений со сверстниками и родителями) и субъекта деятельности (успеваемость, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность, ответственность), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация, самоопределение.

Таким образом, формирование ценностных ориентаций и предпосылок зрелости личности происходит в процессе социализации личности и связано с конкретной социальной ситуацией развития личности.

Этот постулат достаточно давно известен и применяется в педагогике. Так, В. А. Сухомлинский, вслед за А. С. Макаренко, придавал большое значение специально организованному воспитывающему социуму, включающему семью, школу и общественные организации, контактирующие с ребенком, и позволяющему сформировать определенную систему ценностей личности [397].

Эти идеи могут иметь широкое практическое применение в контексте работы с отцовством: не отрицая активности самой личности, но учитывая определенную социальную детерминированность ценностной сферы личности и педагогические возможности семьи, мы можем говорить о необходимости создания специальных условий формирования ценностно-смысловой стороны отцовства. Такие условия могут быть созданы в рамках семейно-образовательной среды.

Итак, в среднем к 18-23 годам формируются основные представления об отцовстве, характерные для этого периода: молодые люди собираются иметь детей в будущем, но не сейчас, считают необходимым планировать рождение детей и рассматривают это как перспективу только через несколько лет (от 2-х до 5-ти), они положительно относятся к детям, но общаются не часто, полагают, что с рождением ребенка у мужчины появляется большая ответственность. Принимая

социальные стереотипы современности как собственное мнение, они полагают, что отец для ребенка является образцом для подражания, воспитывает физически и духовно, социально поддерживает, дает чувство уверенности в себе, защиту.

В проведенном нами исследовании, которое проводилось в марте – апреле 2002 года в городе Кемерово [83, с. 102-106], приняли участие семейные пары (в том числе в период ожидания ребенка) и мужчины, не имеющие детей. Мужчины, не имеющие детей, выделяют следующие качества идеального отца: ответственность, доброжелательность, любовь, забота, признание ребенка как ценного существа, справедливость, дисциплинированность, честность, решительность, заинтересованность. Испытуемые оценивают себя по шкале «идеального отца» на 80%.

Второй этап – время осмысления отцовства в течение периода ожидания ребенка. Он начинается с того момента, когда мужчина узнал, что будет отцом, до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Это период согласования внутренних и внешних характеристик стратегий отцовства. Этим обусловлена некая двойственность, неясность стратегии отцовства в этот период. Сам момент сообщения о беременности и осознание факта реальности ребенка разнесены во времени. Реакция на сообщение о беременности может быть различной в зависимости от многих факторов, включающих намерения мужчины, относительно конкретной женщины, материальную, социальную и другие виды готовности принять ответственность за будущую жизнь. Даже в том, случае, когда решение о рождении ребенка принято заранее, и является результатом оформления потребностно-эмоциональной и ценностной сферы отцовства, выраженном в желании иметь ребенка, известие о беременности может вызвать сложные переживания. По нашим данным 60 % испытуемых, опрошенных в период беременности жены, ответили, что испытали радость, 40% - тревогу, при этом ребенок был желанным во всех случаях.

В ходе нашего исследования было выяснено, что большинство женщин впервые ощущают себя матерями в период беременности, мужчины – уже после рождения ребенка, с которым в пренатальный период мужчина не имеет такой

связи, как женщина, соответственно, изменение отношения к себе, формирование отношения к ребенку, принятие новой роли отца - сложный и многофакторный процесс. Эта сложность связана с большей включенностью женщины в общение с ребенком до рождения и в первые месяцы после родов. Беременность жены для мужчины обозначает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая, способность мужчины вынести потерю внимания к себе и, одновременно, дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, может быть показательной в том, насколько он может быть хорошим отцом. По мнению А. Н.Друсиловой и И. С.Баклушанского (приводится по 210), поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновения возможных проблем является середина беременности, примерно четвертый месяц, когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным.

Беременность жены ставит перед мужчиной сложную задачу – оказать психологическую поддержку жене, взять на себя большую часть внешних проблем, создав защитный барьер между женщиной, носящей ребенка, и остальным миром. Как поведет себя будущий отец, в каждом конкретном случае, будет зависеть от многих факторов. Основные из них – его личностный склад, зрелость отношения к семье, осознанная оценка возникающих трудностей, способность справиться с ними и отношения с собственной матерью и отцом. Одно из сильнейших переживаний – завороженность способностью женщины порождать из себя что-то новое, давать жизнь. Вкупе с кормлением грудью, когда мать как бы насыщает собой, это вызывает у мужчин ощущение величайшей могущественности женщины, и, с другой стороны, как писала К. Хорни [437], ощущение собственной незначительности, несовершенства. Это может спровоцировать чрезмерное увлечение работой, другими женщинами или чем-то еще, что приводит к тому, что будущий отец пропускает возможность установления контакта с ребенком. Еще одной важной проблемой является то, что беременность жены актуализирует образы материнства, сложившиеся у мужчины много лет назад. Таким образом, очень важна реальная история отношений с

матерью: насколько присутствовали забота, доверие, осознание матерью отдельных от нее интересов ребенка – насколько многомерный и позитивный образ женщины и матери сложился у мужчины. Беременность жены может «столкнуть» мужчину с давними детскими отношениями с матерью и спровоцировать различные реакции, в том числе, не действия взрослого человека в ответ на реальные сложности, а реакцию ребенка на мать [257] Причины этого могут быть связаны с родительской семьей такого мужчины [459], специфическим проблемами ценностно-смысловых ориентаций в период ранней и средней взрослости [372], отсутствием личностной готовности ответственному отцовству [316], проблемами отношения с собственным отцом [344].

Ко всему этому прибавляется ощущение, что ребенок займет место мужчины в жизни женщины, женщина становится самодостаточной и получает все, что ей нужно, от ребенка. Страх быть ненужным становится одним из самых мощных переживаний этого периода. Боязнь кардинальных перемен в жизни и потеря свободы маневра в отношениях может даже быть причиной нежелания иметь ребенка [71, с. 97-105].

Важно отметить, что хотя эти страхи могут не осознаваться, но влияют на поведение мужчины. Позднее проблемы, возникающие во время беременности, приводят к нарушению отношений в диаде «отец – ребенок», а иногда к проблемам в семье. Отец может отказаться от своей экзистенциальной, социализирующей роли, если на ранних этапах развития ребенка не возникло никаких чувств, и превратится только в источник материальных благ. Мужчина может воспринимать ребенка, как обязанного любить родителей и без близкой эмоциональной связи только потому, что это – родители ребенка. Соответственно, он не будет стремиться к контакту с ребенком. Тогда возникают проблемы с методами воспитания, например, применением силы. Мужчина также может отказываться общаться с ребенком-младенцем, мотивирую это возрастом ребенка, теряя при этом возможность установления контакта с ребенком. На это могут повлиять установки матери и ее стремление отстранить мужа от ребенка, тогда и с более взрослым ребенком общение будет нарушено.

Также мужчина, у которого не возник бондинг [643], может ревновать жену к ребенку, такое отношение будет еще больше способствовать отстранению отца от ребенка и ведет к различным семейным проблемам [221]. Для женщины беременность, является периодом подготовки к общению с ребенком после его рождения, происходит эта подготовка через непосредственные физиологические изменения организма женщины, изменения ее ценностно-смысловой сферы личности в период беременности.

По мнению психоаналитиков в период предшествующий родам, происходят также изменения в эмоциональной сфере женщины, что выражается в таких защитных реакциях как: регресс, вытеснение, инфантилизм. Г.Г. Филиппова приводит данные о том, что женщина во время беременности становится более зависимой от посторонней помощи, проявляет зависимое поведение, провоцирующее покровительство и снисхождение. Даже у беременных самок приматов отмечаются инфантильные черты внешнего вида и поведения: изменение пропорций тела, неуклюжесть движений, импульсивность, «детские» интонации в голосе. Это стимулирует проявления покровительства группы у животных. У человека данные изменения также носят временный характер и, кроме всего прочего, являются защитным механизмом, позволяющим подготовится к такому сложному и ответственному событию, как роды.

В ходе нашего исследования были получены данные, которые позволяют сделать вывод о том, что эмоциональные реакции женщины не только являются защитным механизмом, но и запускают в мужчине – будущем отце – стремление заботиться и опекать и проявлять по отношению к беременной жене те чувства и ответственность, которую затем он будет проявлять по отношению к ребенку, что позволяет говорить о том, что, по всей вероятности, подготовка к общению с ребенком у мужчины в период ожидания ребенка все же происходит и происходит опосредованно, через женщину.

Интересен тот факт, что 70% мужчин, опрошенных в период беременности жены, полагали, что ощутили отцовские чувства впервые после шевеления ребенка, однако те же мужчины, опрошенные после рождения ребенка полагали,

что это произошло после рождения ребенка. Это говорит о том, что до общения с ребенком даже малейшее взаимодействие с ним имеет важнейшее значение для осознания его существования для мужчины. С него начинается формирование отцовских практик, как внешних проявлений стратегии отцовства. Критерии идеального отца представляются испытуемым такими же, как и представителей первой группы, не имеющей детей. Однако мужчины - будущие отцы не смогли оценить себя по шкале идеального отца. Таким образом, налицо рассогласование теоретических стереотипических представлений о том, каким должен быть отец и их практическим применением. Затрудненность самооценки говорит о том, что процесс осознания себя отцом находится в развитии, не закончен.

Итак, первые два этапа представляют собой период подготовки к общению с ребенком – период становления психологической готовности к отцовству. Теоретические представления об отцовстве формируются в социуме с начала жизни мужчины, затем изменяются, преломляясь через собственный опыт общения с еще неродившимся ребенком через жену и преобразования, изменения самосознания, самооценки и образов Я. Этот процесс является очень сложным и легко нарушается при отторжении со стороны жены или социальных проблемах будущего отца, таких как отсутствие материальных ресурсов, постоянной работы и др. Большинство исследований подтверждают специфическую уязвимость отцовства к средовым воздействиям: таким как сложности признания юридического отцовства и большего воздействия безработицы на отцовство, чем на материнство. Мужчин, которые подвергаются финансовым кризисам, часто отказываются от экономических и психологических обязанностей отца, что частично является следствием уязвимости отцовства по отношению к успеху во внешней среде. Многие мужчины испытывают повышенную тревожность и ответственность за материальное положение семьи, это приводит к стремлению больше работать, чтобы обеспечить семью, но может вызывать чувство одиночества у жены. Другие наоборот, делают вид, что ничего не происходит такого, о чем стоило бы беспокоиться. Такие мужчины полагают, что рождение ребенка – нормальное физиологическое явление и с раздражением относятся к

проявлениям тошноты, утомляемости, плаксивости. Женщины в таком случае не чувствуют поддержки и понимания. Г. Дик-Рид считает, что этот период требует от мужа понимания, терпимости и бескорыстия по отношению к жене, чтобы правильно оценить ее мысли и поведение во время беременности [145]. То есть мужчина оказывается в ситуации повышенных требований, считается, что этот период является периодом проверки готовности к отцовству. Тем не менее, этот период является важным с точки зрения формирования отношения к будущему ребенку и собственной позиции в семье.

Третий этап ценностного осознания отцовства – период реализации внутренних и внешних характеристик стратегий отцовства. Начало этого периода является критическим с точки зрения возникновения бондинга – связи мужчины с родившимся ребенком. Однако ребенок вызывает эмоциональный отклик у отца далеко не всегда. Мужчине гораздо сложнее, чем женщине, воспринимать ребенка как продолжение себя. Женщина подготовляется к общению с ребенком задолго до его рождения и в процессе родов. В период беременности у женщины появляется новый сенсорный опыт, начинается процесс духовного принятия ребенка. Мужчина отлучен от этого общения, поэтому чувство отцовства, эмоциональный отклик, восприятие ребенка затруднено [210]. Женщина в период беременности изменяется, она может прибегать к защитной «регрессии», в терминологии психоанализа, предполагающей детские эмоциональные реакции в столкновении с взрослыми проблемами. В то время как будущие отцы склонны рационализировать и схематизировать угрожающие переживания. Такая разница связана с традиционными представлениями о мужественности, которые внушаются мальчикам, не приветствуя фиксацию на чувствах и переживаниях, и содержат установки на хладнокровное избавление от них (подавление, вытеснение). Это приводит к тому, что мужчины подавляют проявления чувств, в том числе и чувств к ребенку.

В исследовании П. А. Поповой [332], были выделены некоторые аспекты принятия роли отца мужчиной: уважение и привязанность к отцу со стороны матери – только в такой обстановке, считает П. А. Попова, мужчина может

проявить себя как отец и воспитатель; особенности родительской семьи мужчины и его отношений с отцом; немаловажным фактором является возраст мужчины (не слишком рано, когда существует опасность легкомысленного отношения к отцовству и не слишком поздно, когда ответственность за судьбу детей может испугать), то есть личностная зрелость; участие отца в общении с ребенком до рождения и в период младенчества; участие отца в родах, так как беременность жены – это первая проба реальной готовности мужчины к появлению ребенка, который на долгие годы становится главной точкой отсчета семьи и требует внимания, сил и энергии. В значительной степени это обозначает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая, способность мужчины вынести потерю внимания к себе и, одновременно, дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, определяет насколько он может быть хорошим отцом. Поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновения возможных проблем является середина беременности, примерно четвертый месяц, когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным. В этой связи важно, что подготовка к выполнению отцовской роли позволяет мужчине более осознанно принимать эту роль.

Подобные идеи характерны не только для отечественной психологии, но и для американских коллег [532; 561; 610], которые имеют серьезную поддержку в политических кругах страны, например, в рамках Инициативы здорового брака и ответственного отцовства [670; 671].

Основная идея зарубежных коллег состоит в том, что учитывая огромную значимость отцовского воспитания для гармоничного развития личности ребенка [544; 641], большие сложности в выстраивании отношений с ребенком у нерезидентного (не живущего в одном домохозяйстве с ребенком) отца [475; 513], а также тот факт, что в случае зарегистрированного брака сами супружеские отношения определяют социальную ситуацию развития личности ребенка (O. Erel, B. Burman [540], E. M. Cummings, P. Davies [526], I. Gordon, R. Feldman [565])

и даже специфику взаимодействия родителей с ребенком [619], а супружеские конфликты обусловливают множественные проблемы детей, включая когнитивные проблемы [653], девиантное поведение [529] и даже социальные достижения во взрослости [561], социально, политически и психологически оправдано создание программ по формированию ценности здорового супружества и отцовства среди мужчин. То есть, такие меры, как пропаганда здорового образа жизни, здорового брака, «ответственного» отцовства, открытие центров помощи отцам являются оправданными в силу того, что экономически намного выгоднее воспитывать «ответственных» родителей, и прежде всего, отцов, создающих базу для финансовой и психологической стабильности в жизни ребенка, вместо того, чтобы материально поддерживать матерей-одиночек, выплачивать пособия детям-сиротам и малолетним матерям, оплачивать пребывание детей в детских домах, бороться с подростковой преступностью, содержать тюрьмы для малолетних преступников и решать другие проблемы, которые так или иначе связаны с отсутствием отцовского воспитания в семье [532; 670].

W. Doherty полагает, что сложность составления программ психологического сопровождения семьи, с одной стороны обусловлена тем, что широкое распространение таких программ невозможно без соответствующих политических программ по улучшению демографической ситуации, а с другой – основной акцент в этих программах должен быть поставлен на то, чтобы отражать множественные области отцовства, различные бытовые и брачные обстоятельства отцов, и множество личных отношений и экологических факторов, которые влияют на то, каким отцом является мужчина. То есть, такие программы должны вовлекать матерей в помощь отцу, особенно для не состоящих в браке отцов; пропагандировать совместное родительство внутри и вне брака; обратить внимание на критические периоды в семейной жизни, например, рождения ребенка и развода родителей; обеспечить возможность отцов учиться от других отцов; и пропагандировать жизнеспособность браков, построенных на совместной заботе, преданности и взаимодействии [532]. Некоторые разработчики таких программ пытаются донести до мужчин интересную мысль, о том, что каждый

раз, когда мужчина поддерживает конфликт с супругой, не пытается решить его конструктивно, он рискует будущим своего ребенка, так как супружеские конфликты ухудшают ситуацию развития ребенка [574] и увеличивают риск развода, неблагоприятно сказывающегося на жизни и развитии ребенка [618].

Среди наших испытуемых – отцов детей возраста 4-7 лет - 90% почувствовали себя отцом после рождения ребенка, а 10% - через 6-7 месяцев. 30% представляли себе своего будущего ребенка во время беременности жены. Они полагают, что во время беременности жены появилась большая забота о жене, ответственность, а после рождения ребенка – бытовые проблемы. 60% испытали радость и гордость, когда впервые увидели ребенка, 20% – боязнь, растерянность и 20% испытали смешанные чувства. В отличие от мужчин во время беременности, которые отрицательно относятся к совместным родам, 100% отцов относятся к участию отца в родах положительно, но никто из испытуемых не имеет такого опыта. Отец, по их мнению, воспитывает в ребенке рациональность, нормальные условия развития, эстетическое, нравственное развитие. Примечательно, что средняя оценка отцов самих себя по шкале «идеального отца» составляет 50%. Таким образом, реальное практическое взаимодействие с ребенком приводит к более реалистичному оцениванию собственного поведения.

Таким образом, становление психологической готовности к отцовству является сложным многоступенчатым процессом, на который влияют различные факторы, в том числе биологические, социальные и личностные. Формирование стратегии отцовства взаимосвязано с развитием личности отца с самого раннего возраста, и многие составляющие процесса формирования малоизученны и данные по детерминации их развития противоречивы, и только дальнейшее изучение онтогенеза отцовства позволит ответить на стоящие перед наукой вопросы. Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

Выводы

Таким, образом, мы определили, что становление психологической готовности к отцовству детерминировано как биологическими, так и социальными факторами. Кроме того, важнейшее значение для становления готовности к отцовству приобретают личностные факторы: процессы развития личности в онтогенезе: опыт личности, формирование ценностных ориентаций и достижение зрелости личности, саморегуляция и рефлексия.

В процессе становления психологичной готовности к отцовству мы выделяем несколько этапов: первый этап становления психологической готовности к отцовству начинается с рождения мальчика до планирования рождения ребенка или момента получения сведений о беременности его жены – этап обозначения отцовства, включающий формирование гендерных стереотипов о мужской роли вообще и об отцовстве в связи с ней, которое происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями, сверстниками, социумом. Второй этап – время осмысления отцовства в течение периода ожидания ребенка. Он начинается с того момента планирования рождения ребенка до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Это период согласования представлений об отцовстве с реальными жизненными условиями личности. Третий этап, начинающийся после рождения ребенка – период ценностного осознания отцовства – период реализации сформированной ранее психологической готовности к отцовству в рамках стратегии отцовства.

При этом формирование предпосылок психологической готовности к отцовству, составляющих основу аксиологического компонента (например, гендерной идентификации и ценностных ориентаций личности), также рефлексивно-регулятивного компонента (саморегуляции, предпосылок зрелости личности), происходит в процессе социализации личности, начиная с дошкольного периода, и связано с конкретной социальной ситуацией развития личности.

Принимая во внимание то, что ценностные ориентации личности связаны с личностной зрелостью через такие характеристики, как ответственность в разных сферах деятельности, эмоциональную зрелость, самоконтроль поведения, самостоятельность, адекватность самоотражения, высокий уровень реализованности, адекватность целеполагания, саморегуляция и рефлексия личности, можно сказать, что в период взрослости при реализации сформированной готовности к отцовству на практике зрелость является важнейшим параметром, определяющим родительское поведение, потому, что только сформированная личность становится субъектом свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме.

Таким образом, интрапсихический аксиологический компонент стратегии отцовства находит свою реализацию в рамках экстрапсихического праксиологического компонента стратегии отцовства опосредованно через осуществляющий это взаимодействие интерпсихический рефлексивно-регулятивный компонент, включающий рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности.

При этом психологические эффекты реализации конструктивных стратегий отцовства проявляются в развитии личности самого мужчины-отца и его ребенка, а также в поддержании благополучия супружеских отношений в семье. В этой связи правомерно говорить о необходимости создания специальных условий семейно-образовательной среды благоприятной для становления психологической готовности к отцовству.

ГЛАВА 3. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ

3.1. Организация и методы исследования

В соответствии с целью и задачами исследования, а также для проверки гипотезы нами было спланировано и проведено эмпирическое исследование содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах.

Экспериментальное исследование проводилось в период с февраля 2001 по июнь 2017. Всего в исследовании принимали участие 1654 человек, из них 1167 мужчин различного возраста, 487 женщин в период взрослости, 189 супружеских пар. Все испытуемые русскоговорящие жители Российской Федерации, преимущественно Кемеровской (города Кемерово, Новокузнецк, Топки, Березовский, Юрга), Томской (г. Томск) и Новосибирской областей (города Новосибирск, Бердск, Болотное, Искитим), Красноярского края (г. Красноярск), а также Омской, Курской, Челябинской, Московской и Ленинградской областей.

Исследование проводилось в несколько этапов:

I. Подготовительный этап февраль 2001 – март 2013, включающий постановку и обоснование проблемы, ее теоретико-методологическим анализ; определение научного аппарата планирование экспериментального исследования, разработка программы исследования; определение его методологических и методических принципов, выбор и апробацию методов исследования: анкеты в трех вариантах: для мужчин, не имеющих детей (вариант А), для мужчин во время беременности (вариант В), для мужчин-отцов (вариант С), «Шкала

отцовских установок Дж. Плека», «Опросник родительской идентичности», созданный в 2001 году коллективом авторов под руководством Дж. Плека (J. Pleck) и методики Pre-School Activities Inventory (PSAI) в русскоязычной версии «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», созданной в 1993 году Психометрическим центром Кембриджского университета. В апробации методик приняли участие 1224 человека (738 мужчин, 456 женщины), из них 158 супружеских пар [493].

Разработка анкеты в трех вариантах: для мужчин, не имеющих детей, для мужчин во время беременности жены, для мужчин-отцов проходила в рамках пилотажного исследования (апрель – август 2002). Количество испытуемых – 25 человек, мужчины в возрасте 18 -59 лет (средний возраст – 31 год), среди них – 34% студенты, 32% рабочие, 34% - предприниматели и служащие; 39 % имеющих высшее образование, 51 % имеющих одного или более детей. Выборка формировалась случайным образом. Результатом обработки полученных данных стало корректирование и уточнение вопросов анкет двух вариантов [71, с. 272-276].

В силу того, что в современных российских условиях эмпирическое исследование отцовства или его составляющих представляет определенную трудность из-за ограниченности круга опросников, изучающих отцовство, а также того, что зарубежные исследователи имеют целый блок опросников, специально разработанных для изучения отцовства нами были переведены и адаптированы следующие методики: Father Involvement Attitude Scale (FIAS), в российской версии «Шкала отцовских установок Дж. Плека», Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) в русскоязычной версии «Опросник родительской идентичности» и методики Pre-School Activities Inventory (PSAI) в русскоязычной версии «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», созданной Психометрическим центром Кембриджского университета. В апробации методик приняли участие 1224 человека (738 мужчин, 456 женщины), из них 158 супружеских пар. Все испытуемые имеют детей. Средний возраст мужчин 31,9 лет, женщин 30,7 лет. Среди испытуемых – 4%

студенты, 39% рабочие, 51% – предприниматели и служащие, 5% – руководители предприятий и учреждений 1% – безработные; 44% имеющих высшее образование (из них 1% имеет ученую степень), 54% – среднее специальное образование, 2 % имеют образование ниже среднего. Выборка формировалась случайным образом. Результатом обработки полученных данных стала оценка валидности методик, изложенная автором в статье [63, с. 34-37].

II. Экспериментальный этап (ноябрь 2002 – март 2017) проводилось в соответствии с разработанной нами в процессе теоретического анализа феномена моделью формирования стратегий отцовства и выдвинутой гипотезой и включало констатирующий этап исследования и формирующий эксперимент, включающий лонгитюдное исследование.

II. 1. Констатирующий этап исследования проходил с ноября 2002 по март 2015 года, включал исследование психологической специфики, закономерностей стратегий отцовства, уточнение научного аппарата; изучение психолого-педагогических условий формирования стратегий отцовства, построение психолого-педагогической модели формирования конструктивных стратегий отцовства в разные возрастные периоды, выделение критериев оценки ее эффективности. В исследовании приняли участие: 1. мальчики дошкольного возраста – 84 человека, средний возраст которых составляет 5,3 года из них 44 детей из полной семьи; 40 – из неполной семьи; 2. мальчики младшего школьного возраста – 45 человек, средний возраст которых составляет 10,1, из них 33 ребенка и полной семьи, 12 – из неполной семьи; 3. мальчики подросткового и юношеского возраста 64 человека, средний возраст которых составляет 16,1 года, из них 32 из полной семьи и 32 из неполной семьи; 4. мужчины в возрасте ранней и средней взрослости (974 человека из них 49 мужчин без детей и 925 мужчин имеющих одного или более детей). Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст мужчин, имеющих детей – 29,7, мужчин без детей – 29 лет) и социальным характеристикам – в основном испытуемые являются служащими (74% в первой группе, 71% – во второй), студентами (6% и 8% соответственно), предпринимателями (21% и 19% соответственно), временно неработающими (по

3% в каждой группе) с высшим (49% и 52% соответственно), среднетехническим и средне-специальным образованием (51% и 48% соответственно). Выборка формировалась случайным образом. Результаты были подвергнуты статистическому анализу в целях выявления особенностей стратегий отцовства различных групп мужчин. Всего на этом этапе в исследовании приняли участие 1167 испытуемых.

II. 2. Формирующий этап исследования (декабрь 2002 – апрель 2017) описан ниже.

III. Обобщающий этап, включающий обработку полученных данных, соотнесение их с заявленными целями, гипотезами исследования, анализ, обобщение и интерпретацию результатов, формулирование выводов и рекомендаций, внедрение их в практику.

Планирование исследования осуществлялось в соответствии с поставленной целью, выдвинутой гипотезой и учетом выявленной нами на этапе теоретического анализа недостаточной разработанности данной проблемы в современной психологии, к которой можно отнести: отсутствие исследований содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах, малая разработанность методов исследования отцовства, неразработанность проблемы становления психологической готовности к отцовству в современных российских условиях.

Методы и методики

При выборе методов мы ориентировались на методологическую основу диссертационного исследования и опирадись на следующие соображения:

1. Руководствуясь системным подходом к личности и ставя целью разработку целостного представления о психологической готовности к отцовству, включающей принятие отцовской роли, зрелость личности, ответственность, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства, учитывая, что конструктивность стратегий взаимосвязана со зрелостью личности, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства на различных возрастных этапах,

а также разработанной нами на основе теоретического анализа феномена модели формирования стратегий отцовства мы предполагаем выделить данные компоненты стратегии отцовства для дальнейшего изучения их эффектов и особенностей формирования. Для этого использовались стандартизованные опросные методы, позволяющие выявить содержание характеристик психологической готовности к отцовству.

2. Опираясь на проведенные ранее исследования [71], мы полагаем, что характеристики психологических эффектов реализации конструктивных стратегий отцовства, таких, как: ответственное отцовство (планирование рождения ребенка, юридически оформленный статус, эмоциональное, физическое и финансовое участие в жизни ребенка, сформированность аксиологического, рефлексивно-регулятивного компонентов стратегии отцовства, а также позитивных отцовских практик, позитивное взаимодействие с супругой в рамках реализации родительских функций, позитивное родительское отношение, могут быть определены с помощью стандартизированных психологических методик, специально разработанной анкеты, а также глубинного интервью.

3. Руководствуясь положением о том, что становление психологической готовности к отцовству происходит в процессе развития личности в связи с формированием гендерной роли, ценностных ориентаций и компонентов зрелости личности в течение длительного времени начиная с периода дошкольного детства, мы полагаем необходимым выделить четыре группы испытуемых, разделенных по возрастному критерию: дошкольники, младшие школьники, подростки и юноши и взрослые.

4. Опираясь на положение о том, что становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного периода, в дошкольный и младший школьный период мы выделяем предпосылки становления психологической готовности к отцовству, которые в подростковом и юношеском возрасте оформляются в содержательные характеристики компонентов психологической готовности к отцовству, трансформирующиеся в компоненты стратегии отцовства при взаимодействии с ребенком.

5. Принимая во внимание тот факт, что, согласно нашему теоретическому исследованию различные семейно-педагогические условия (полные /неполные семьи, участие /неучастие отца в жизни ребенка) могут быть значимы в процессе становления психологической готовности к отцовству, мы выделили внутри возрастных групп испытуемых с различными условиями развития личности (дети и подростки из полных семей, дети и подростки из неполных (одна мать) семей, дети отцов, участвующих в тренинговой работе по формированию конструктивных стратегий отцовства, мужчины, выросшие в полной и неполной семье).

6. Обеспечение достоверности результатов возможно только при тщательной и точной статистической обработке. Для повышения степени достоверности результатов исследования статистическая обработка проводилась с использованием компьютерных программ «Statistica for Windows 8.0», «STATISTICA 10.00», «SPSS for Windows 1999/ v. 10.05» и «EXCEL».

Использованный нами комплекс методик включал в себя:

Для диагностики детей дошкольного возраста:

1. Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана) направленное на изучение гендерных установок и представлений детей о различиях мальчиков и девочек, отношении к родителям своего пола, постоянности или временности различий между полами. Методика включает в себя 12 вопросов, в том числе и просьбу нарисовать самого себя. Мы использовали модификацию данной методики, оценивая общий результат в соответствии со шкалой: соответствие представлений гендеру ребенка 2 балла, частичное соответствие 1 балл, полное несоответствие 0 баллов.

2. «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников» (русскоязычная версия англоязычного опросника «Pre-School Activities Inventory (PSAI)», созданного в 1993 году С. Голомбок и Дж. Растом [562; 563; 88, с. 92-98] в Психометрическом центре Кембриджского университета. Опросник предназначен для родителей ребенка (от 2,5 до 5 лет), которым предлагается оценить, как часто ребенок играл с указанными игрушками, как часто

демонстрировал указанное поведение и проявлял определенные качества, выбрав один из следующих вариантов ответов «никогда», «почти никогда», «иногда», «часто», «очень часто». Результат подсчитывается по следующей формуле: СБ=48,25+1,1 х (∑мужских вопросов - ∑ женских вопросов), где СБ – сырой балл. Мужские вопросы: 1, 3, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 20, 21, женские вопросы: 2, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 16, 18, 22, 23, 24. Для перевода в стандартизированные баллы (СТЕНы) учитывается поправка на возраст: Для мальчиков: СТЕН = СБ х 1.075 - возраст х 0.177 + 0.88; а для девочек: СТЕН = СБ х 1.026 + возраст х 0.218 - 8.33, где СТЕН – стандартизированный по возрасту балл, СБ – сырые баллы методики, и возраст ребенка указывается в месяцах. Результат оценивается с учетом следующих параметров: чем выше балл, тем более маскулинным является поведение ребенка. При этом, средней нормой для мальчиков является 60±10 баллов, для девочек 40±10 баллов. Результаты апробации методики опубликованы автором в следующей статье [88, с. 92-98].

3. Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е. О. Смирновой, Р. Р. Калининой) использовалась для выявления нравственных норм дошкольников [187]. Стимульный материал представляет собой картинки, содержащие полярные по своим характеристикам нравственные нормы: 1) «доброта-жадность» (мальчик угощает всех конфетами из коробки, улыбается, девочка закрывает руками все игрушки от окруживших ее детей), 2) «отзывчивость-равнодушие» (маленькая девочка плачет, другая – ее утешает, выражение лица второй девочки сочувствующее, один мальчик плачет над сломанной машинкой, другой показывая на него пальцем смеется), 3) «дружелюбие-конфликтность» (дети вместе дружно играют на ковре, два ребенка отбирают друг у друга игрушечную лошадку), 4) «аккуратность – неаккуратность» (девочка причесывается перед зеркалом, девочка в грязном платье, непричесанная вырывает листы из книги.), 5) «вежливость-невнимание к взрослым» (ребенок предлагает женщине стул, она улыбается, бабушка сидит грустная, держится за голову; мальчик играет на барабане, смеется).

Исследование проводится индивидуально с предъявлением следующей инструкции: «Разложи картинки так, чтобы с одной стороны лежали те, на которых нарисованы хорошие поступки, а с другой – плохие. Раскладывай и объясняй, куда ты положишь каждую картинку и почему». Ребенок должен дать моральную оценку изображенным на картинке поступкам, что позволит выявить отношение детей к нравственным нормам. Особое внимание уделяется оценке адекватности эмоциональных реакций ребенка на моральные нормы: положительная эмоциональная реакция на нравственный поступок и отрицательная эмоциональная реакция – на безнравственный. При предъявлении картинок с ребенком проводится беседа, результаты обрабатываются в зависимости от выбора ребенка: 0 баллов присваивается, если ребенок неправильно раскладывает картинки (картинки с изображением положительных и отрицательных поступков складывает вместе), эмоциональные реакции неадекватны или отсутствуют; 1 балл присваивается, если ребенок правильно раскладывает картинки, но не может обосновать свои действия, эмоциональные проявления не выражены при оценке поступков; 2 балла присваиваются, если правильно раскладывая картинки, ребенок обосновывает свои действия, эмоциональные реакции адекватны, но выражены слабо; и 3 балла присваивается, если ребенок правильно отбирает поступки детей, обосновывает свой выбор, называет моральную норму, эмоциональные реакции на поступки героев ситуации адекватны, ярки.

4. Методика диагностики дошкольной зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М. Р. Битянова [53]. Диагностика зрелости дошкольника, предложенная авторами интересна тем, что осуществляется в игровой деятельности, когда детям даются различные задания, что позволяет существенно облегчить детям ситуацию диагностики. Анализ результатов осуществляется по следующим параметрам развитие мышления, развитие способности к воображению, развитие произвольности, мотивационная сфера (самостоятельность), развитие самосознания и игровая деятельность. В процессе игры фиксируются следующие

проявления: эмоции ребенка, слуховое и зрительное внимание, координация движений, мелкая моторика, развитие речи, воображение, особенности мышления, развитие памяти, произвольность поведения и коммуникативные навыки, а также уровень притязаний и самооценка. Максимальное количество баллов, которое может получить ребенок равно 51, при этом набор ниже 50% из возможного количества баллов (0-25 баллов) характерен для детей с низкой дошкольной зрелостью; дети, получившие 50-75% из возможного количества баллов (26-37 баллов) характеризуются средней дошкольной зрелостью; и дети, получившие 75-100% (38-51 балл) характеризуются высокой дошкольной зрелостью. Автор методики полагает, что результаты диагностической игры коррелируют со школьной успеваемостью и адаптацией к школе в первом классе [53].

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка.

Для диагностики детей младшего школьного возраста:

1. Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана) описано выше.

2. Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская). Данная методика исследования супружеских отношений, опубликованная в 1987 году [15], предназначена для изучения представления супругов о ролевой структуре их семьи, раскрываемой через семь основных внутрисемейных ролей, наиболее полно характеризующих современную семью: воспитание детей, эмоциональный климат в семье, материальное обеспечение семьи, организация развлечений, роль «хозяина», «хозяйки», сексуальный партнер, организация семейной субкультуры. Нами были выбраны вопросы, касающиеся представлений детей о роли родителей в таких сферах, как: воспитание детей, эмоциональный климат в семье, материальное обеспечение семьи, организация развлечений, роль «хозяина», «хозяйки» и организация семейной субкультуры. В тексте методики для начальной школы вопросы были переформулированы из утвердительных в вопросы о

долженствовании или правильности поведения следующим образом: вместо слов «жена», «муж» были использованы слова «мама», «папа». Так, например, на вопрос «Кто в вашей семье играет с маленькими детьми?» исходные варианты ответов «А) В основном жена», «Б) Чаще жена, но и муж тоже», «В) Чаще муж, но и жена тоже» и «Г) В основном муж», были переформулированы в такие варианты, как: «Кто в семье должен играть с маленькими детьми?» «А) В основном мама», «Б) Чаще мама, но и папа тоже», «В) Чаще папа, но и мама тоже» и «Г) В основном папа».

3. *Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств* на основе методики изучения самооценки Дембо-Рубинштейн. Согласно инструкции ребенку необходимо, заполнив таблицу, назвать пять качеств настоящего мужчины, оценить по этим качествам себя и своего отца. Нами оценивались сами выделенные качества, а также средний балл по выделенным качествам.

4. *Рисунок себя.* По инструкции необходимо было нарисовать себя. Нами оценивались 1) структура рисунка; 2) графические особенности; 3) процесс рисования. Оценивается соответствие изображения полу и возрасту автора рисунка, наличие или отсутствие гендерных характеристик образа, соответсвтующих или несоответствующих полу ребенка. Анализ особенностей графических особенностей может дать информацию большого диапазона: о «Я-образе» ребенка, его половой идентификации и т. д. Обращалось внимание на следующие элементы графических презентаций: 1) количество деталей тела. Присутствуют ли голова, волосы, уши, глаза, зрачки, ресницы, брови, нос, щеки, рот, шея, плечи, руки, ладони, пальцы, ноги, ступни; 2) декорирование: шапка, воротник, галстук, банты, карманы, ремень, пуговицы, элементы прически, сложность одежды, украшения, узоры на одежде; 3) количество использованных цветов (если рисунки выполнены в цвете). Информативным может быть и абсолютный размер фигур. Большие, занимающие весь лист фигуры рисуют импульсивные, уверенные в себе, склонные к доминированию дети. Очень маленькие фигуры связаны с тревожностью, чувством небезопасности. У

детей младшего школьного возраста в рисунках уже выделяются две разные схемы рисования индивидов разной половой принадлежности [283, с. 400].

5. Методика «Диагностика нравственной мотивации» разработана лабораторией воспитания нравственно-этической культуры ГосНИИ семьи и воспитания РАО и представляет собой описание четыре ситуаций, в которых необходимо выбрать подходящий по мнению ребенка вариант поведения. Результат оценивается 0-1 низкий уровень нравственной мотивации поведения, 2-3 балла средний уровень нравственной мотивации поведения, 4 бала - высокий уровень нравственной мотивации поведения.

6. Методика «Изучение направленности ответственности» М. В. Матюхиной, С. Г. Яриковой [270] сконструирована для изучения интернальности или экстернальности направленности личной ответственности и саморегуляции младшего школьника. Детям предлагается 10 конкретных школьных ситуаций, связанных с невыполнением учащимися заданий учителя или школьных правил поведения по вине самого ученика или по внешней причине. Дети, описывая предложенные ситуации, выбирают один из вариантов объяснения причины своего поведения. Для подсчета результатов определяются и подсчитываются ответы с указанием субъективной и объективной причины произошедшего. Максимально можно набрать 10 баллов, при этом экстернальная направленность ответственности характерна для ребенка при наборе до 5, интернальная направленность ответственности определяется при наборе от 5 до 10 баллов.

7. Диагностика личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой [388]. Нами была использована модификация данного опросника, так как изначально опросник предназначен для учащихся 5-8 классов и содержит 91 утверждение, к которым нужно выразить свое отношение, оценив степень своего согласия (или несогласия) в баллах от «+4» до «–4». Мы проводили опросник для учащихся 3-4 классов, уменьшив количество шкал до 7, и, соответственно, уменьшив количество вопросов. В результате мы получили данные по следующим шкалам: 1) Характер отношений школьника к семье, 2)

Характер отношений школьника к миру, 3) Характер отношений школьника к труду, 4) Характер отношений школьника к знаниям, 5) Характер отношений школьника к человеку как таковому, 6) Характер отношений школьника к своему телесному Я, 7) Характер отношений школьника к своему внутреннему миру, своему душевному Я.

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка. Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведение с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования подростков и юношей:

1. *Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская)* описана выше.

2. Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой) создан для изучения самооценки соответствия гендерному стереотипу. Представляет собой 9 незаконченных предложений (например, «Я – мужчина, потому что...»), которые необходимо закончить в соответствии с собственными представлениями. Результат оценивается исходя из набранных баллов: при 19-27 личность характеризует себя как соответствующую гендерному стереотипу; при 10-18 баллах личность плохо осознает собственные гендерные характеристики; при наборе 9 баллов и меньше личность характеризует себя как не соответствующую гендерному стереотипу.

3. *Анкета с* м*одифицированной методикой самооценки гендерных качеств* описана выше.

4. *Рисунок себя* описан выше.

5. Первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека описаны ниже.

6. Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха описан ниже.

7. Методика «Принятие ответственности» В. П. Прядеина описан ниже.

8. Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И. Г. Сенина описан ниже.

9. Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова описана ниже.

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка. Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведение с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования взрослых:

1. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева является адаптированной версией теста Дж. Крамбо и Л. Махолика (Purpose-in Life Test), разработанный на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла и преследовала целью валидизацию ряда представлений этой теории, в частности представление об «экзистенциальном вакууме» и «ноогенных неврозах». Цель жизни авторы теста определили как переживание индивидом «онтологической значимости жизни» Русскоязычная версия теста была впервые выполнена К. Муздыбаевым [288] на основе модификации теста Дж. Крамбо. Эта версия была усовершенствована и адаптирована Д. А. Леонтьевым [247; 249]. Данная методика представляет собой 20 симметричных шкал-вопросов, состоящих из пары целостных альтернативных предложений с одинаковым началом. Показатели теста включают в себя общий показатель осмысленности жизни (ОЖ) и пять субшкал, отражающих три конкретные смысложизненные ориентации и два аспекта локуса контроля.

2.Методика «Личностный Дифференциал» использовалась для исследования компонента оценки и активности выполнения отцовской роли. Данная методика была разработана на базе современного русского языка и отражает сформировавшиеся в нашей культуре представления о структуре личности. Методика адаптирована сотрудниками психоневрологического института им. В. М. Бехтерева. Целью ее разработки являлось создание компактного и валидного инструмента изучения определенных свойств личности, ее самосознания, межличностных отношений, который мог бы быть применен в

клинико-психологической и психодиагностической работе, а также в социально-психологической практике [99].

3. Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E. S. – Bell, R. A.). Опросник PARI направлен на изучение наиболее общих особенностей воспитания. Он не связан с установками на воспитание конкретного ребенка. Родители выражают свое мнение, касающееся воспитания детей вообще. Это позволяет изучить установки родителей на воспитание ребенка априорно, что необходимо в практике усыновления и при создании семейных детских домов. Опросник затрагивает не только сферу взаимоотношений родителей с ребенком, но и отражает позицию в межсупружеских отношениях. Опросник PARI (4-я форма) включает 115 утверждений, касающихся семейной жизни и воспитания детей. В него заложены 23 шкалы, в каждой из шкал по 5 вопросов. PARI является многомерным опросником, поэтому осуществлялось выявление связей между шкалами с помощью факторного анализа [71].

4. Анкеты. Для выявления содержания выделенных нами компонентов структуры отцовства, а также отслеживания различных параметров отцовства, для измерения которых нет соответствующих методик, нами были специально разработаны два варианта анкеты для мужчин, имеющих детей, (вариант С) и для мужчин без детей (вариант А). ***Вариант С*** состоит из 23 вопросов, включает закрытые и открытые вопросы, позволяющие выявить индивидуальные особенности выполнения отцовской роли, взаимоотношений с ребенком (детьми), особенности взаимоотношений с собственными родителями, а также представления конкретного мужчины о социальных нормах, регулирующих отцовские функции. ***Вариант А*** включает также открытые и закрытые вопросы, позволяет выявить особенности индивидуального отношения к исследуемому нами феномену, а также включает вопросы об отношениях в родительской семье и отношениях с собственными родителями, кроме того, с помощью данной анкеты выявлялось намерение иметь собственных детей, а также в данный

вариант анкеты были включены вопросы, исследующие представления о социальных ролях и нормах, регулирующих отцовство.

5.Опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI)). Методика была создана коллективом авторов T. W. Maurer, J. H. Pleck и T. R. Rane в 2001 году для исследования отцовской родительской идентичности, однако, она в том же виде с успехом была применена и для исследования материнской идентичности [609]. Опросник родительской идентичности имеет шесть шкал, описывающих родительство и построен на основе концептуальной теории родительской идентичности J.H. Pleck. Авторы опросника полагают, что родительская идентичность партнеров-родителей тесно взаимосвязана между собой. То есть, родительство не является просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями и историей семьи [167; 168; 233; 234].

Опросник состоит из двух блоков: блок шкал, определяющих родительскую идентичность в уходе за ребенком (традиционно женская роль) – 1-3 шкалы; и блок шкал, описывающих идентичность в роли кормильца (традиционно мужская роль) – 4-6 шкалы. Каждый блок отражает концепцию авторов о взаимосвязи родительской идентичности личности с оценкой и ожиданиями партнера. Так первый блок состоит из шкал: 1. Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком, 2. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком, 3. Шкала оценки собственной родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга (и). Второй блок соответственно составляют шкалы: 4. Шкала родительской идентичности в роли кормильца, 5. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца) и 6. Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга(и).

6. Шкала отцовских установок Дж. Плека (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS)) была разработана Дж. Плеком для экспресс-диагностики установок мужчин, относительно ценности, необходимости, возможностей и желательности вовлеченности отца в жизнь ребенка в рамках четвертой волны проводимого в США в 1988 года Национального обследования мужчин (National Survey of

Adolescent Males (NSAM), wave 4). Опросник содержит всего 8 утверждений, испытуемому необходимо оценить, насколько он согласен с высказываниями, выбрав ответ среди ранжированных вариантов: «полностью не согласен», «скорее не согласен», «скорее согласен», «полностью согласен». Результаты подсчитываются суммированием баллов; при этом баллы по пунктам 3,6,7 пересчитываются, используя нисходящую шкалу, остальные пункты пересчитываются с использованием восходящей шкалы. В результате чем выше балл, тем выше установка на вовлеченное отцовство. При этом при 0-8 баллах для испытуемого характерна установка на исключенность из жизни ребенка, избегание ответственности нежелание с ним общаться, восприятие ребенка как обузы; при 9-16 баллах – избегание или редкое общение, неответственное отношение к ребенку; при 17-23 баллах для испытуемого характерна смешанная установка, непонимание роли отца в развитии личности ребенка, общение по случаю, избегание ответственности; при 24-32 баллах характерна установка на вовлеченность в жизнь ребенка, ответственность, понимание роли отца в развитии личности ребенка.

7. Методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ). Методика разработана С. Бем в 1974 году для диагностики психологического пола в соответствии с теоретическими положениями автора о наличии трех вариантов гендерных качеств: маскулинность, феминность и андрогинность и, соответственно, определяет степень маскулинности, феминности или андрогинности личности. Опросник содержит 60 утверждений о качествах, которые могут быть присущи, как мужчине, так и женщине, но имеют гендерную специфику. Испытуемому необходимо оценить наличие или отсутствие у себя данных качеств [71, с. 124-129]. Затем по ключу определяются показатели фемининности (F) и маскулинности (M) и основный индекс IS в соответствии с формулой, предложенной С. Бэм. Несмотря на изменение теоретических положений в сторону признания маскулинности и феминности не противоположными, а параллельно функционирующими в психике и поведении

человека характеристиками, методика остается одной из самых валидных и наиболее употребляемых в рамках гендерных исследований [76].

8. Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха [181] используется для изучения личностной зрелости по следующим шкалам: 1) мотивация достижения (как направленность личности на значимые жизненные цели, стремление к самореализации, лидерству, достижению высоких результатов в деятельности, самостоятельность и инициативность); 2) отношение к своему Я или «Я-концепция» (связано с адекватной самооценкой, позитивным самоотношением и удовлетворенностью своими способностями и характерологическими особенностями, а также знаниями, умениями и навыками, уверенностью в своих возможностях, и при этом высокой требовательностью к себе, скромностью, уважением к другим людям); 3) чувство гражданского долга; 4) жизненная установка (включает рассудительность, эмоциональную уравновешенность как преобладание интеллекта над импульсивностью); 5) способность к психологической близости с другим человеком (связана с эмпатией, потребностью в духовной близости и доброжелательным отношением к людям, умением выслушать).

9. Методика «Принятие ответственности» В. П. Прядеина [337] создана для диагностики ответственности и саморегуляции на основе модификации стимульного материала теста С. Розенцвейга. Результаты оформлены в три шкалы: первый фактор «Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения» включает в себя анализ ответов испытуемого в первой и второй ситуациях. Второй фактор «Принятие ответственности другого лица» включает также ответы испытуемых по двум другим ситуациям. Здесь 10-8 баллов характерны для принятия и понимания взятой на себя ответственности субъектом, 7-5 баллов – для нейтральной реакции, и 4-2 балла связаны с отказом от ответственности и агрессивной реакцией на безответственность субъекта.

Фактор А «Принятия ответственности на себя» представляет собой анализ ответов испытуемого по всем четырем ситуациям. При этом, 20-15 баллов характерны для интернального акцента при разборе конфликтной ситуации,

эмпатийного отношения к субъекту, совершившего промах; 14-10 баллов связаны с отсутствием устойчивой реакции, колебаниями между интернальностью и экстернальностью; 9-4 балла связаны с избеганием ответственности, переложением ее на другого, негативизмом в решении спорных вопросов. Валидность теста подтверждена корреляционными связями с социоцентричностью мотивационного компонента ответственности и субъектностью результативного компонента ответственности [337].

10. Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), разработанный И. Г. Сениным на основе теоретических положений М. Рокича о системе ценностей личности. Методика содержит 80 утверждений, которые оцениваются по пятибалльной шкале. В результате оценивается выраженность восьми терминальных ценностей, и, кроме того, представленность данных ценностей в различных сферах жизни (профессиональная деятельность, обучение и образование, семейная жизнь, общественная жизнь, увлечения). Полученные в сырых баллах оценки переводятся в стэны. Результаты представляются в форме индивидуального профиля, отдельно для шкал терминальных ценностей и жизненных сфер. Опросник обладает удовлетворительной надежностью, конструктной и критериальной валидностью [99].

11. «Тест-опросник удовлетворенности браком» В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко предназначен для экспресс-диагностики степени удовлетворенности или неудовлетворенности браком. При разработке опросника авторы исходили из тезиса о том, что супружеские союзы скрепляются эмоциональными узами. В соответствии с этим, они предположили, что удовлетворенность/неудовлетворенность браком является обобщенной эмоцией, генерализованным переживанием, нежели следствием рациональной оценки успешности брака по тем или иным параметрам. Опросник представляет собой одномерную шкалу, состоящую из 24 утверждений, относящихся к различным сферам: восприятия себя и партнера, мнения, оценки, установки [283, с. 413-415].

12. Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд). Основываясь на концепции локуса контроля

Дж. Роттера, авторы создали методику, которая позволяет выявить особенности локуса контроля в различных ситуациях. Данная методика имеет несколько шкал: Шкала общей интернальности (Ио), Шкала интернальности в области достижений (Ид), Школа интернальности в области неудач (Ин), Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис), Шкала интернальности в области производственных отношении (Ип), Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им), Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из).

13. Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова. Методика создана в соответствии с теоретическими положениями автора о сущности и составляющих рефлексивности в 2003. Опросник содержит 27 вопросов, на которые испытуемый отвечает в соответствии со следующий шкалой: 1 – абсолютно неверно; 2 — неверно; 3 – скорее неверно; 4 – не знаю; 5 – скорее верно; 6 – верно; 7 – совершенно верно. Полученные баллы переводятся в стены по предложенной схеме, и результат оценивается согласно трем уровням: высокоразвитый, средний и низкий уровень развития рефлексивности [191].

14. Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт. Опросник «Репродуктивные мотивы» в своей основе имеет классификации репродуктивных мотивов, предложенные психологами и социологами. В структуру опросника были включены два основных блока: исследование причин, побуждающих к рождению детей и исследование причин, препятствующих тому, чтобы обзавестись ребенком. После выполнения испытуемыми задания необходимо посчитать суммарное количество баллов по каждому блоку. К конструктивным мотивам относятся: желание рождения ребенка ради ребенка и мотив рождения ребенка от любимого человека. К деструктивным репродуктивным мотивам было отнесено значительно больше вариантов: соответствие ожиданиям семьи, соответствие социальным ожиданиям, рождение ребенка как протест, рождение ребенка ради сохранения отношений, рождение ребенка как уход от настоящего, мотив рождения ребенка для получения материальной выгоды, мотив воплощения своих нереализованных стремлений через ребенка [280, с. 140-142; 493].

15. Методика Identity Stage Resolution Index (ISRI). На основе данных положений J. Côté в 1997 г. была создана методика исследования стадий идентичности Identity Stage Resolution Index (ISRI). Первоначально методика была разработана с учетом результатов исследований [73] и включала семь вопросов, касавшихся двух конструктов идентичности: взрослой идентичности и социальной идентичности.

В последующих исследованиях количество вопросов сократилось до шести элементов, причем каждая подшкала включала по три утверждения. Методика была переведена и адаптирована нами в 2020 г. В переводе методика получила название «Шкала определения стадии идентичности Дж. Коте» (ISRI). В русском варианте методика включает 6 утверждений – по три утверждения для каждого параметра: идентичность взрослого и социальная идентичность. Для оценки идентичности взрослого используются следующие утверждения: Вы считаете себя состоявшимся взрослым человеком (ИВ1), Вас уважают как состоявшегося взрослого человека (ИВ2), Вы чувствуете, что Вы достигли зрелости (ИВ3). Для оценки социальной идентичности: Вы нашли свое место в жизни (СИ1), Вы выстроили свой стиль жизни, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем (СИ2), Вы нашли свой круг общения, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем (СИ3). Испытуемому необходимо выбрать один из предложенных вариантов ответа: совершенно верно (оценивается в 4 балла); большей частью верно (3 балла); скорее верно, чем неверно (2 балла); скорее неверно, чем верно (1 балл); неверно (0 баллов). Результаты методики оцениваются по суммарному баллу всех ответов. При этом, согласно J. Côté, при 18–24 баллах для испытуемого характерна достигнутая идентичность, при 13–17 баллах – предрешенная идентичность, при 7–12 баллах наблюдается мораторий идентичности и при 0–6 присутствует диффузная идентичность.

16. «Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)» [77], созданная коллективом авторов под руководством K. Luyckx, включавшим известнейших современных исследователей идентичности: S.J. Schwartz, M.D. Berzonsky, B. Soenens и их коллег M. Vansteenkiste, I. Smits и L. Goossens, в 2008 году в

университете Лёвена. Методика состоит из 25 утверждений, из которых первые пять характеризуют процесс принятия обязательств, утверждения 6–10 характеризуют поиск вширь, 11–15 – описывают навязчивый поиск, 16–20 – идентификацию с обязательствами и 21–25 – глубокий поиск, диагностируя, таким образом, все пять процессов идентичности, известных на сегодняшний день.

17. Методика The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI), которая была создана в 2018 году К. Пиотровски [67] посредством модификации для нужд исследования родительской идентичности часто применимой среди исследователей идентичности методики The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale. Методика была переведена и апробирована нами в 2020 году. Методика (в русском варианте Утрехтская шкала исследования процессов родительской идентичности (в модификации К. Пиотровски) включает 13 утверждений, из которых с первого по пятое описывают процесс принятия обязательств, 6-10 характеризуют глубокий поиск и 11-13 – пересмотр обязательств. Испытуемому необходимо выбрать ответ из предложенных вариантов: «совершенно неверно», «неверно», «в чем-то верно / в чем-то неверно», «верно», «совершенно верно». Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

3.2. Предпосылки психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 84 детей дошкольного возраста, представлены в таблице (Таблица 3.2.1, Приложение 1), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам зрелости и гендерно-типичного поведения, что свидетельствует о

высокой индивидуальности результатов данных опросников, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы нравственности и гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 5,3 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по методике оценки гендерно-типичного поведения находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по показателю гендерно-типичного поведения практически совпадают (62,6 и 62,0 соответственно), близки по данным гендерных установкам детей (8,9 и 9 соответственно) и зрелости (36,7 и 37 соответственно). Однако при повторном замере заметен разрыв между показателями среднего и медианы по методике оценки гендерно-типичного поведения. По другим показателям такой тенденции не наблюдается. Возможно, это связано с тем, что эта методика заполняется родителем ребенка (в нашем случае это были всегда мамы), тогда как на вопросы остальных методик отвечает сам ребенок. То есть, такие изменения связаны с изменением родительской оценки или внимания к ребенку в семье после проводимых нами занятий.

Для анализа результатов данной выборки нами были изучены различия между группами дошкольников, разделенными по нескольким признакам: наличие или отсутствие отцовской фигуры, включение семьи в специально организованную образовательную среду.

Сначала мы сравнили детей из полных и неполных семей. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова), кроме данных по методике оценки нравственных норм дошкольников. Таким образом, для выявления различий были использованы t-критерий Стьюдента для параметрических данных (результаты представлены в Таблице 3.2.2) и U критерий Манна-Уитни для непараметрических данных по

одной методике (результаты проверки по данному критерию представлены в Таблице 3.2.3).

Таблица 3.2.2. – Сравнение данных детей из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента

	Среднее - 1	Среднее - 2	t-знач.	p
Гендерно-типичное поведение*	60,52	64,10	2,41	0,01
Гендерные установки	8,47	8,93	-1,51	0,13
Зрелость и саморегуляция	37,20	36,68	0,37	0,70
* отмечены значимые различия				

Из таблицы видно, что значимые различия среди детей из полных и неполных семей наблюдаются только по показателю гендерно-типичного поведения.

Таблица 3.2.3. – Сравнение данных детей из полных и неполных семей по U критерию Манна-Уитни

	Сум.ранг - Группа 1	Сум.ранг - Группа 2	U	Z	p-уров.	Z - скорр.	N - Группа 1	N - Группа 2	2-х стор - точное p
Нравственные нормы	1271,00	1144,00	451,00	-1,56	0,118	-1,58	40	29	0,11

Различий по другим показателям, включая и показатели нравственных норм (Таблица 3.2.3) не наблюдается.

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик предпосылок психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста нами был проведен кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.2.1.

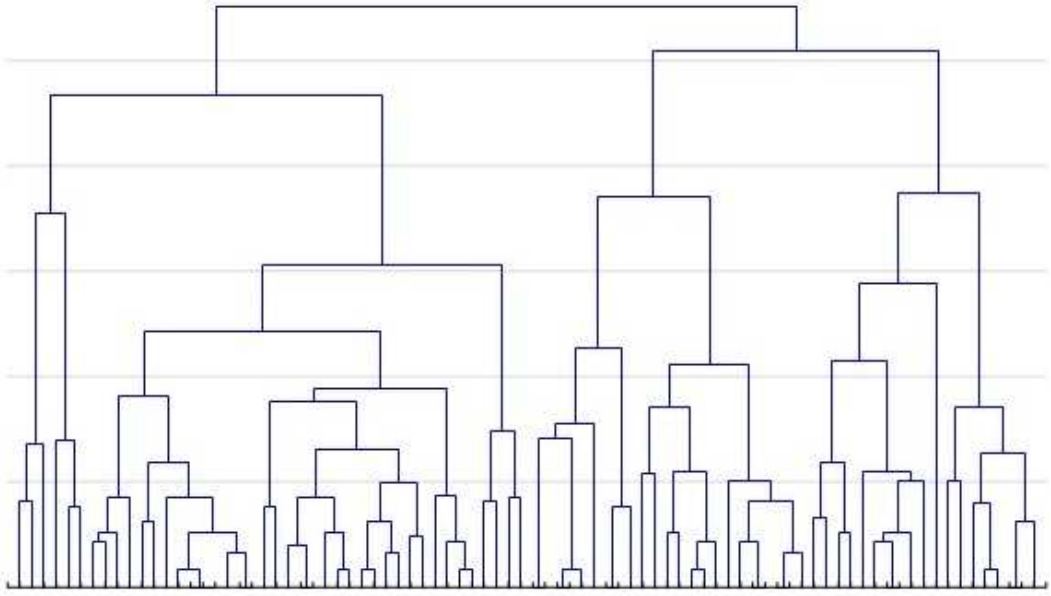

Рисунок 3.2.1. – Результаты кластерного анализа в группе дошкольников

На рисунке четко видны 4 кластера. Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.2.2.

Таким образом, мы наблюдаем 4 кластера данных, характеризующиеся следующими параметрами: для первого кластера характерны высокая нравственность, низкая оценка по гендерными установкам и средний результат по зрелости; для второго кластера характерны высокая оценка по гендерным установкам, высокая нравственность и зрелость, для третьего кластера характерны низкие показатели по гендерным установкам и очень низкие – по нравственным нормам и средние показатели по зрелости; четвертый кластер имеет низкие показатели по гендерным установкам и нравственным нормам и очень низкие по показателю зрелости.

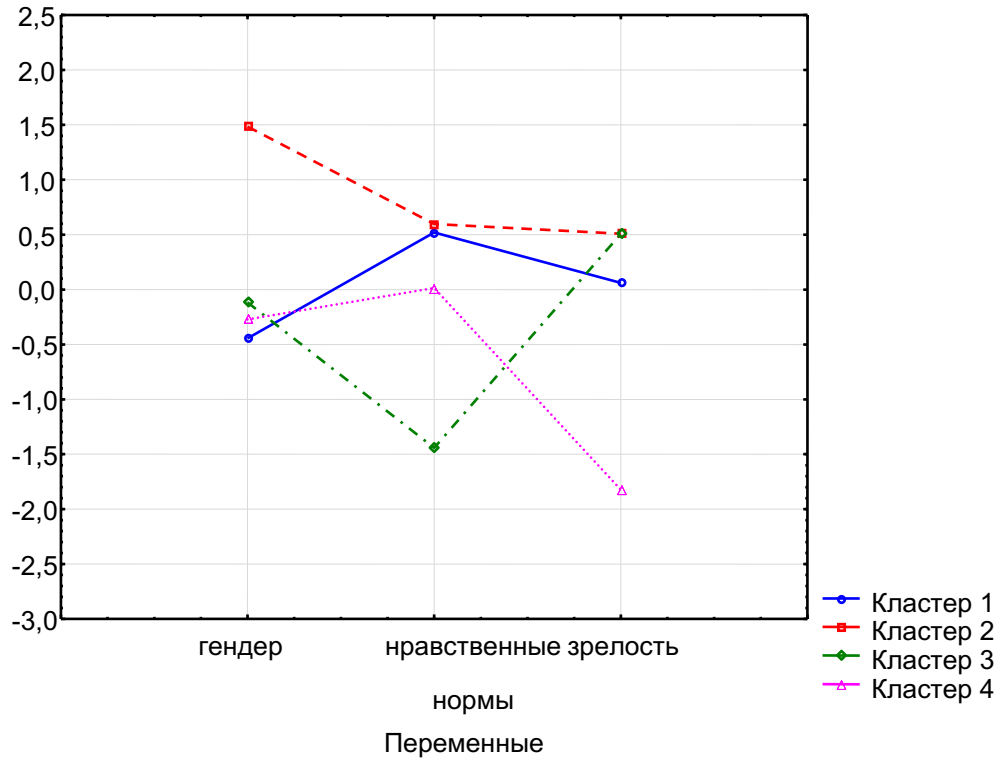

Рисунок 3.2.2. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке дошкольников

То есть, первая группа детей имеет средние показатели при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм, вторая группа имеет высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок, третья группа имеет низкие показали по гендеру, средние по зрелости и очень низкие по нравственным нормам, четвертая группа демонстрирует все низкие показатели при очень низком показателе зрелости.

В целях дальнейшего изучения выделенных групп дошкольников мы определили характеристики детей, попавших каждый кластер. Выяснилось, что в первый кластер попали 45% детей, во второй 17%, в третий 25% детей и в четвертый 13% детей. Результаты сравнения частот распределения по кластерам представлены в Таблице 3.2.4.

Дети из неполных семей относятся в основном к первому (45%) и к третьему кластеру (32%), второй и четвертый кластер практически равно представлены в данной группе (10 и 12% соответственно); дети из полных семей относятся к первому кластеру в большинстве случаев (62%), однако среди них

есть дети, попавшие во второй и третий кластер (17% и 13% соответственно), и среди них мало относящихся к четвертому кластеру (6%). Если отдельно проанализировать результаты детей тех родителей, что выразили желание участвовать в разработанных нами занятиях, то получится, что среди них высок процент детей из второго кластера (40%), при достаточно высоких показателях по третьему и четвертому кластеру (20% и 26: соответственно), также присутствуют дети, попавшие в первый кластер (13%).

Таблица 3.2.4. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки дошкольников

	группа	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Всего
Частота	**1**	18	4	13	5	40
% по строке		45%	10%	32%	12%	
Частота	**2**	18	5	4	2	29
% по строке		62%	17%	13%	6%	
Частота	**3**	2	6	3	4	15
% по строке		13%	40%	20%	26%	
Частота	**Всего**	38	15	20	11	84
% по строке		45%	17%	25%	13%	

Таким образом, получатся, что дети из неполных семей характеризуются средними показателями при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм, либо, наоборот, низкими показателями по гендеру, средними по зрелости и очень низкими по нравственным нормам. Тогда как в большинстве случаев дети из полных семей характеризуются средними показателями при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм, среди них примерно в равном количестве встречаются дети с низкими показателями о гендеру, средними по зрелости и очень низкими по нравственным нормам, а также дети, демонстрирующие высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок.

Дети из семей тех родителей, что выразили желание участвовать в разработанных нами занятиях, часто демонстрируют высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок, что связано с особенностями

семейной среды, так как именно такие родители заинтересованы в развитии своего ребенка, взаимодействии с ним и, соответственно, такие дети отличатся более высокими показателями развития. Однако среди детей испытуемых, участвующих в занятиях, оказалось больше детей с очень низкими показателями по развитию нравственных норм, либо детей, демонстрирующих низкие показатели по всем параметрам. Таким образом, в нашем исследовании участвовали либо родители из очень благополучных в отношении взаимоотношений родителей и детей семей, либо родители, имеющие сложности с ребенком.

В этой связи интересным представляется взаимосвязь предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном возрасте. Если мы в качестве основы для анализа возьмем параметры зрелости и нравственных норм, то кластеризация с использованием иерархической классификации по методу полной связи дает нам 3 кластера в исследуемой нами группе (Рисунок 3.2.3).

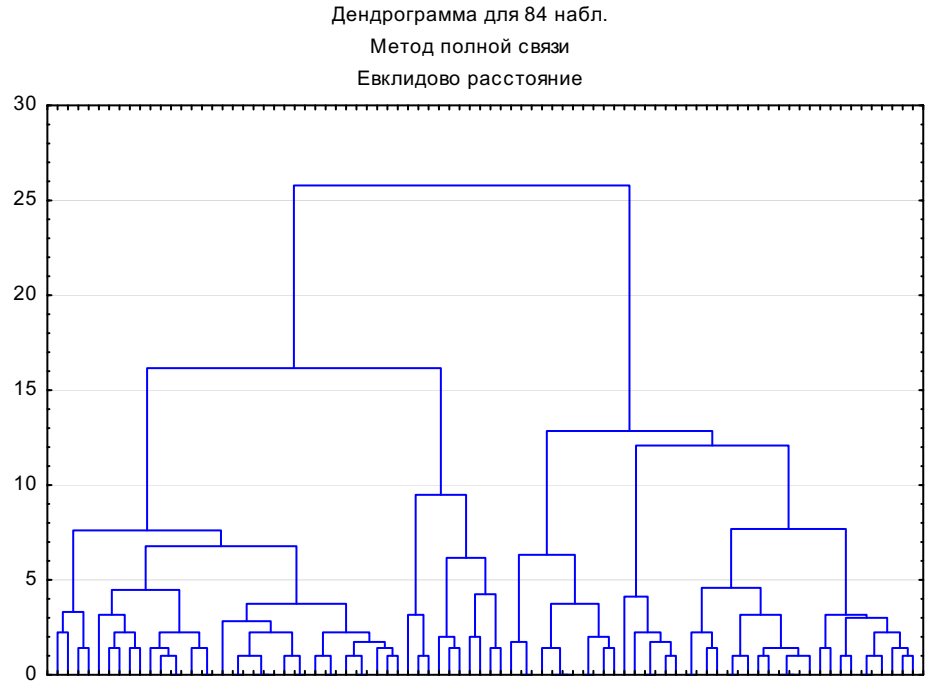

Рисунок 3.2.3. – Результаты кластерного анализа по двум параметрам в группе дошкольников

На рисунке четко видны 3 кластера. Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели

кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.2.4.

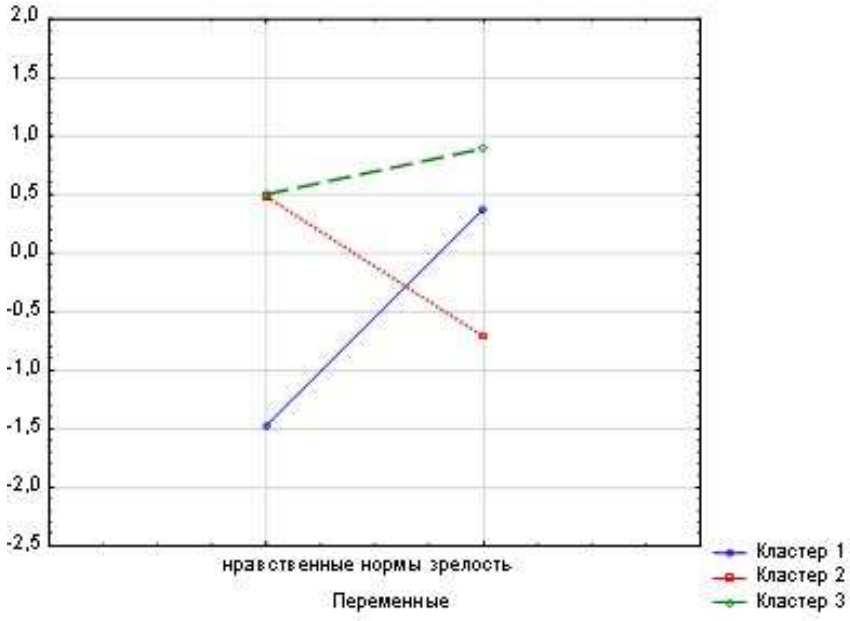

Рисунок 3.2.4. – Результаты кластеризации данных по двум параметрам методом К средних в выборке дошкольников

Таким образом, мы наблюдаем 3 кластера, при этом испытуемые, попавшие в первый кластер, характеризуются средней зрелостью и низкими показателями по нравственным нормам, испытуемые второго кластера характеризуются низкой зрелостью и высокими показателями по нравственным нормам, испытуемые третьего кластера демонстрируют высокие показатели по обеим шкалам. Анализ распределения испытуемых по кластерам, представленный в Таблице 3.2.4, показал, что дети из неполных семей попадают во второй (45%) и первый кластер (35%), и в меньше степени в третий кластер (20%) (Таблица 3.2.5, Приложение 1).

Дети из полных семей в большинстве относятся ко второму (55%) и третьему (31%) кластеру. Если отдельно проанализировать детей из экспериментальной группы (ЭГ), то они попадают также во второй (40%) и третий (40%) кластеры.

Наглядно это представлено на Рисунке 3.2 5.

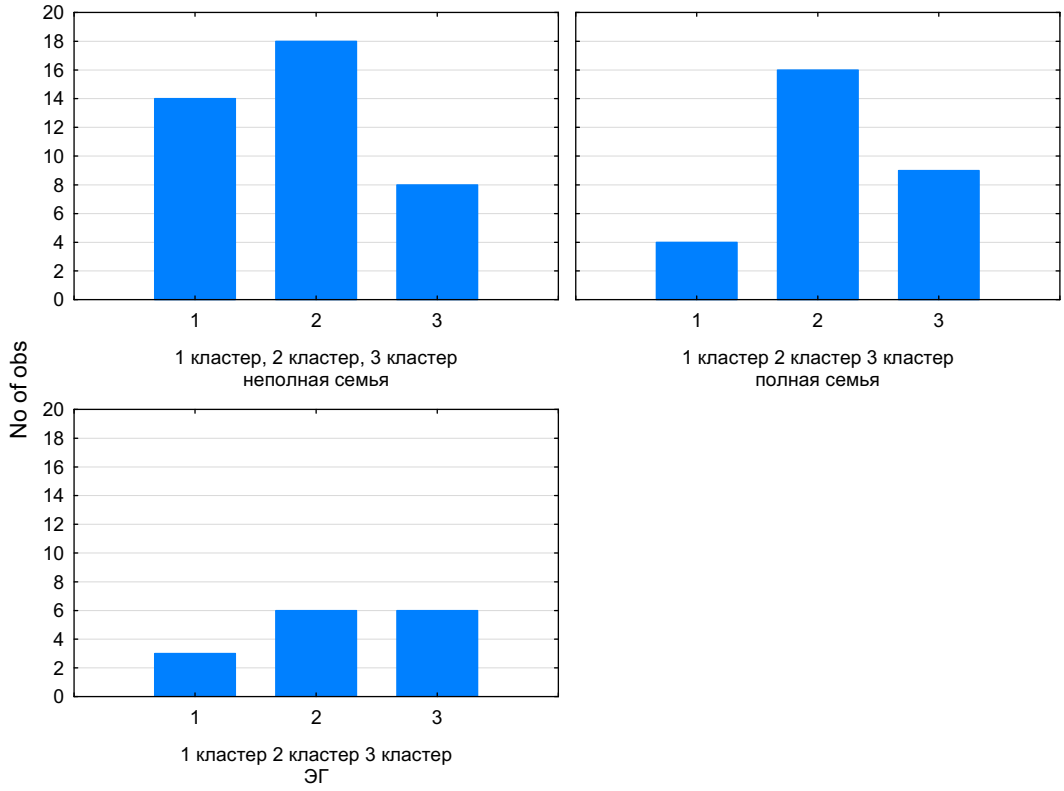

Рисунок 3.2.5. – Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам

Таким образом, дети из неполных семей чаще, чем дети из полных семей относятся к первому кластеру, то есть характеризуются средней зрелостью и низкими показателями по нравственным нормам. Дети с низкой зрелостью и высокими показателями по нравственным нормам примерно равно представлены среди детей из полных и неполных семей. Дети из полных семей намного чаще демонстрируют высокие показатели по обеим шкалам. По данным параметрам дети из полных семей и дети из экспериментальной группы (также из полных семей) практически не различаются.

Однако однофакторный дисперсионный анализ, результаты которого представлены на Рисунке 3.2.6, показал, что особенности гендерно-типичного поведения у детей третьего кластера отличаются от остальных групп, что подтверждает наше предположение о том, что усвоение системы гендерных ролей в дошкольном возрасте взаимосвязано и с нравственным развитием, и с параметрами зрелости личности.

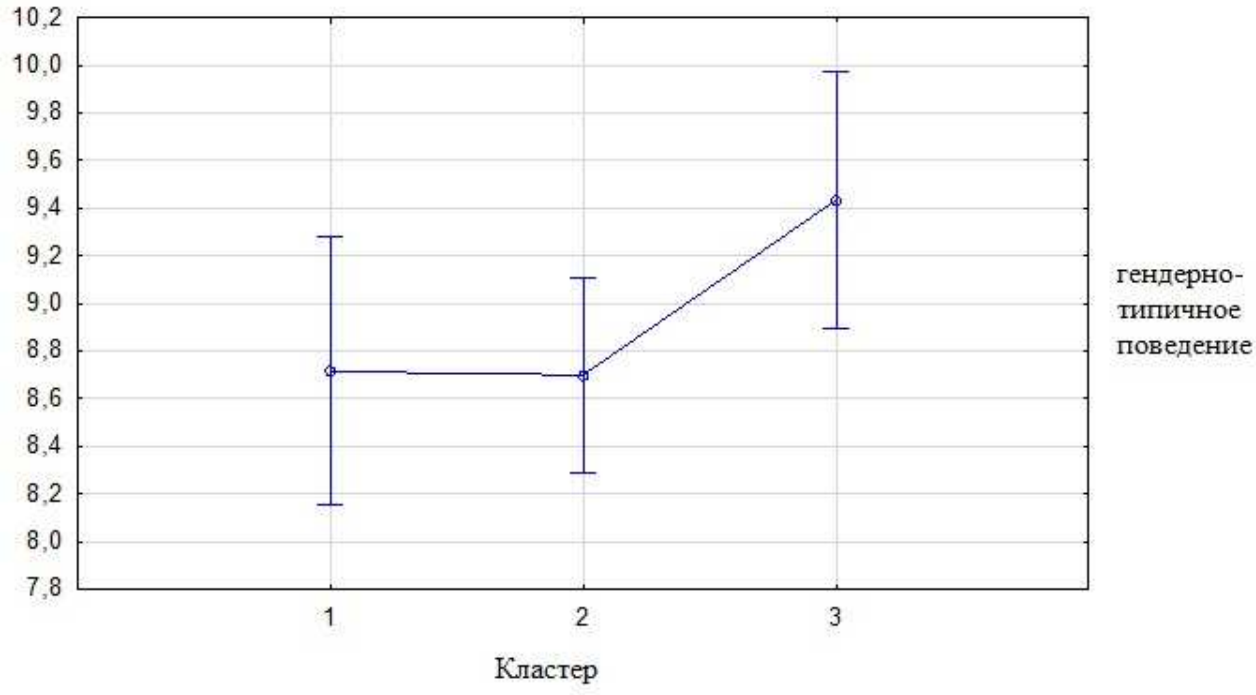

Рисунок 3.2.6. – Распределение дисперсий по показателю «гендерно-типичное поведение» по кластерам для выборки дошкольников

Это связано с особенностями семейной среды, в которой родители, особенно, отцы уделяют внимание взаимодействию с ребенком. Более подробно данное положение будет описано при анализе результатов формирующего эксперимента.

На основе теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя психологической готовности к отцовству. Зная количественные характеристики и имея критерии оптимальности становления психологической готовности к отцовству, можно вычислить интегральный показатель психологической готовности к отцовству для любого возраста, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя все компоненты психологической готовности к отцовству:

$$ГО = k_1 \times Ак + k_2 \times Rк + k_2 \times Рк$$

где ГО – интегральный показатель психологической готовности,

Ак – аксиологический компонент психологической готовности к отцовству, Rк – рефлексивно-регулятивный компонент психологической готовности к отцовству, Рк – праксиологический компонент психологической готовности к отцовству,

k_n – коэффициент значимости, определяемый с помощью экспертной оценки.

Далее каждый компонент разбивается на содержательные составляющие. При этом, k_n – коэффициент значимости нами был определен с помощью метода экспертных оценок (ранжирования). Мы опросили группу экспертов (20 человек), включавшую в себя семейных психологов-практиков, ученых-специалистов по психологии развития и детских психологов г. Кемерово. Эксперты ранжировали важность компонентов каждого уровня. При этом равным по значимости компонентам можно было присвоить связанный ранг. Далее мы перевели ранги экспертов в преобразованные ранги по формуле:

$$S_{ij} = A_{\max} - A_{ij},$$

где A_{ij} – ранг j-ой компоненты, выставленный i-ым экспертом,

$A_{\max}$ – максимальный ранг, соответствующий числу ранжированных компонент.

Далее мы определили для каждого столбца матрицы сумму согласно формуле: $R_j = \sum_{i=1}^{m} S_{ij}$ и вычислили весовой коэффициент каждого столбца: $W_j = R_j / \sum_{j=1}^{n} R_j$. В таблице 3.2.6 представлен расчёт весовых коэффициентов.

Таким образом, наша формула будет выглядеть так:

$$\text{ГО} = \text{Ак} * 0{,}33 + R\text{к} * 0{,}33 + \text{Рк} * 0{,}33.$$

Далее нами были посчитаны коэффициенты значимости для составляющих компонентов отдельно для каждого возраста.

Ценность интегрального показателя определяется возможностью отразить все значимые параметры одним значением, а также, что юолее заничмо, возможностью сравнения особенностей психологичекой готовности к отцовству в различных возрастах.

Таблица 3.2.6 – Расчёт весовых коэффициентов компонентов интегрального показателя на основе данных экспертного опроса

Эксперт	**Компонент (ранг)**			**Компонент (преобразованный ранг)**		
	$А_к$	**$R_к$**	**$Р_к$**	**$А_к$**	**$R_к$**	**$Р_к$**
1	1	1	1	2	2	2
2	1	1	2	2	2	1
3	1	1	1	2	2	2
4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
5	2	2	2	1	1	1
6	0,5	0,5	0,5	2,5	2,5	2,5
7	1	1	1	2	2	2
8	1	2	1	2	1	2
9	2	2	2	1	1	1
10	1	1	1	2	2	2
11	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
12	2	2	2	1	1	1
13	0,5	0,5	0,5	2,5	2,5	2,5
14	1	1	1	2	2	2
15	0,5	0,5	0,5	2,5	2,5	2,5
16	0,5	1	1	2,5	2	2
17	1	1	0,5	2	2	2,5
18	2	1	1	1	2	2
19	1	0,5	1	2	2,5	2
20	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
				R_1=36,5	R_1=36,5	R_2=36,5
				W_1=0,33	W_1=0,33	W_2 =0,33

Итак, мы вычислили $ГО = Ак * 0{,}33 + Rк * 0{,}33 + Рк * 0{,}33$, где ГО – интегральный показатель становления психологической готовности к отцовству, $А_к$ – аксиологический компонент психологической готовности к отцовству, $R_к$ –

рефлексивно-регулятивный компонент психологической готовности к отцовству, $Р_к$ – праксиологический компонент психологической готовности к отцовству.

Значения интегрального показателя становления готовности к отцовству изменяются от 0 до 1, и нами было эмпирически определено, что при значениях 0 - 0,3 отмечается низкий уровень; 0,3 - 0,7 средний уровень; 0,7 - 1 высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах от 0 до 1. Так, значение 0 - 0,3 определяет низкий уровень становления предпосылок психологической готовности к отцовству, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов стратегии отцовства. В рамках аксиологического компонента стратегии отцовства в этом возрасте – это затруднения в формировании полового самосознания и серьезные нарушения нравственного развития, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – трудности самодисциплины, произвольности, самостоятельности; в праксиологическом компоненте – гендерная недифференцированность поведения. Значения 0,3 - 0,7 определяют средний уровень становления предпосылок психологической готовности к отцовству. Значения 0,7 - 1 определяют высокий уровень становления предпосылок психологической готовности к отцовству: аксиологическоий компонент стратегии отцовства включает в себя раннее формирование полового самосознания, определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью. Праксиологический компонент стратегии отцовства: будет включать в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение.

Анализ средних по всей группе дошкольников показывает, что интегральный показатель и показатель праксиологического компонента находятся в пределах средних величин, показатели аксиологического и рефлексивно-регулятивного компонентов также в рамках средних значений, но несколько ниже праксиологического компонента, что связано с возрастными особенностями в силу несформированности в данном возрасте аксиологического и рефлексивно-

регулятивного компонентов психологической готовности к отцовству и подтверждает наше предположение о том, что в этом возрасте наиболее развит праксиологический компонент (поведение) (Таблица 3.2.7, Приложение 1).

Как показывает анализ описательных статистик, представленных в Таблице 3.2.8 (Приложение 1), для детей из неполных семей показатели всех компонентов немного ниже, чем в среднем по выборке. Для детей из полных семей показатели немного выше, чем в среднем по выборке (Таблица 3.2.9., Приложение 1).

Сравнение групп по показателям всех компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству по t-критерию Стьюдента для независимых выборок выявило значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям (Таблица 3.2.10): праксиологический и аксиологический компонент, и интегральный показатель психологической готовности к отцовству, что подтверждает наше предположение о том, что фактором, определяющим предпосылки готовности к отцовству в детстве, является семья.

Таблица 3.2.10. – Результаты сравнения интегрального показателя детей-дошкольников из полных и неполных семей

Параметры	**Среднее – неполная семья**	**Среднее – полная семья**	**t-знач.**	**p**
Праксиологический компонент*	0,60	0,64	0,41228	0,018
Аксиологический компонент*	0,55	0,57	0,00297	0,04
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,57	0,58	0,37	0,70
Интегральный показатель *	0,59	0,62	0,62	0,0005

* отмечены значимые отличия

Для всех детей-дошкольников результаты оценки компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках возрастной нормы.

Если мы проанализируем распределение результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, то получится, что дети из 3 и 4 кластера попадают в одни значения по интегральному показателю.

Первая группа детей имеет средние показатели при этом самым ярким из них является показатель нравственных норм и средние значения по интегральному показателю; вторая группа имеет высокие показатели при самом высоком показателе гендерных установок и интегрального показателя, третья группа имеет низкие показали о гендеру, средние по зрелости и очень низкие по нравственным нормам и низкие баллы по интегральному показателю, четвертая группа демонстрирует все низкие показатели при очень низком показателе зрелости и низкие баллы по интегральному показателю (Рисунок 3.2.7).

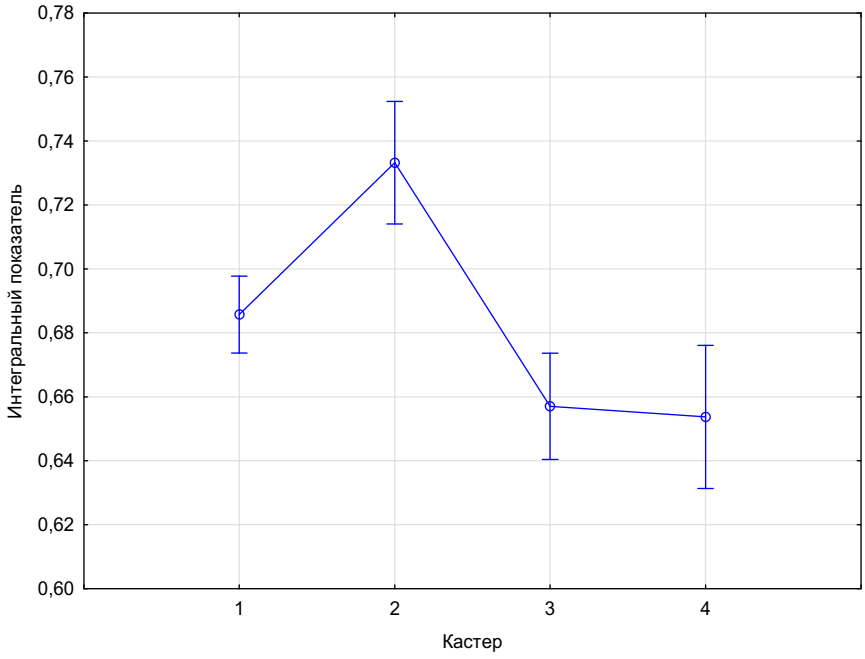

Рисунок 3.2.7. – Распределение результатов интегрального показателя по четырем кластерам

Для оптимизации выделения групп мы объединили два последних кластера (Рисунок 3.2.8.).

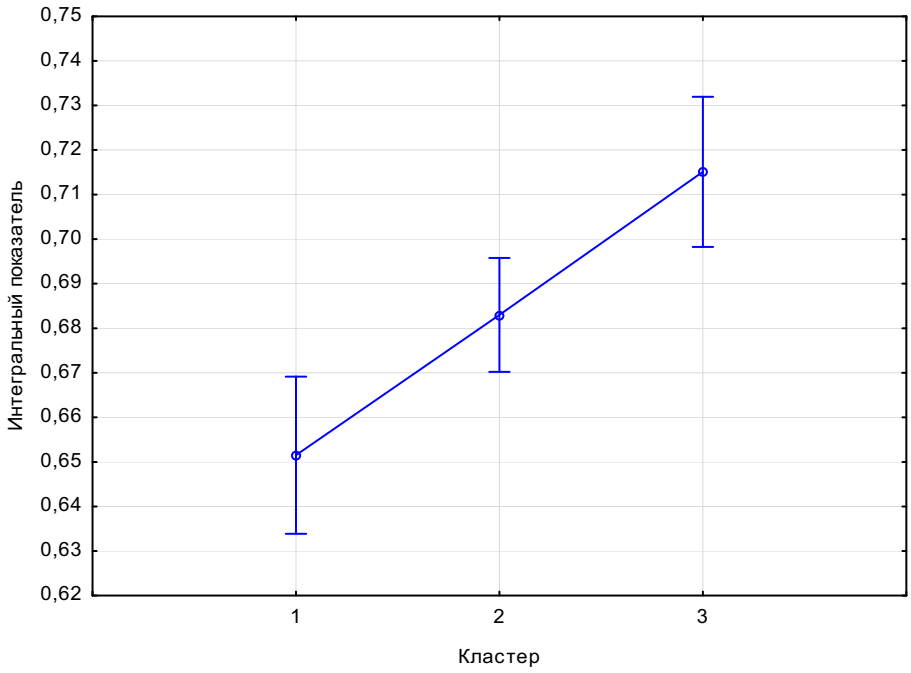

Рисунок 3.2.8. – Распределение результатов интегрального показателя по трем кластерам

Анализ распределения результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, показал, что испытуемые, попавшие в первый кластер, характеризующиеся средней зрелостью и уровнем саморегуляции и низкими показателями по нравственным нормам, имеют самые низкие баллы по интегральному показателю; испытуемые второго кластера, характеризующиеся низкой зрелостью и уровнем саморегуляции и высокими показателями по нравственным нормам, имеют средние результаты, испытуемые третьего кластера демонстрируют высокие показатели по обеим шкалам и самые высокие результаты по интегральному показателю. Таким образом, можно четко выделить три группы среди детей-дошкольников, различающиеся по особенностям формирования предпосылок становления психологической готовности к отцовству, при этом недостаточность развития этих качеств у некоторых детей из неполных семей или семей с неблагоприятной для становления предпосылок психологической готовности к отцовству средой создает необходимость разработки программ психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста.

3.3. Предпосылки становления психологической готовности к отцовству у младших школьников

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 45 детей младшего школьного возраста, представлены в таблице (Таблица 3.3.1, Приложение 2), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, описывающих отношение к семье и к миру, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 10,1 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста. Среднее и медиана по показателю опроснику «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) практически совпадают, близки к результатам оценки гендерных установок детей (1,9 и 2 соответственно) и нравственной мотивации поведения (2,3 и 2 соответственно) и ответственности (3,8 и 4 соответственно).

Для анализа результатов данной выборки нами были изучены различия между группами младших школьников, разделенными по нескольким признакам: наличие или отсутствие отцовской фигуры, включение семьи в специально организованную образовательную среду (параграф 5.2). Сначала мы сравнили детей из полных и неполных семей. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова). Дисперсии обеих групп различаются незначимо по критерию Фишера. Таким образом, для выявления различий был использован t-критерий Стьюдента (результаты представлены в Таблице 3.3.2).

Таблица 3.3.2. – Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из полной и неполной семьи по критерию Стьюдента

Параметры*	Среднее - 2	Среднее - 1	t-знач.	cc	p
Гендерные установки	1,951	1,808	2,641	45	0,011
Оценка отца	4,481	3,666	2,254	45	0,029
Нравственная мотивация	2,575	1,666	2,073	45	0,044
Ответственность	4,060	3,333	2,221	45	0,031
Отношение к миру	18,51	12,417	2,536	45	0,014
Отношение к труду	18,69	13,833	2,593	45	0,012
Отношение к человеку	18,18	13,250	2,535	45	0,014

* представлены только параметры, по которым найдены значимые различия

Таким образом, дети младшего школьного возраста из неполных семей отличаются от детей из полных семей, то есть, детей, имеющих отцовскую фигуру, тем, что имеют более низкие баллы по параметрам гендерных установок, оценке отца по гендерным качествам (дети из полных семей оценивают отца, как более маскулинного), по параметрам нравственной мотивации поведения, ответственности, отношения к миру, к труду и к человеку, что соответствует теоретическим положения данного исследования.

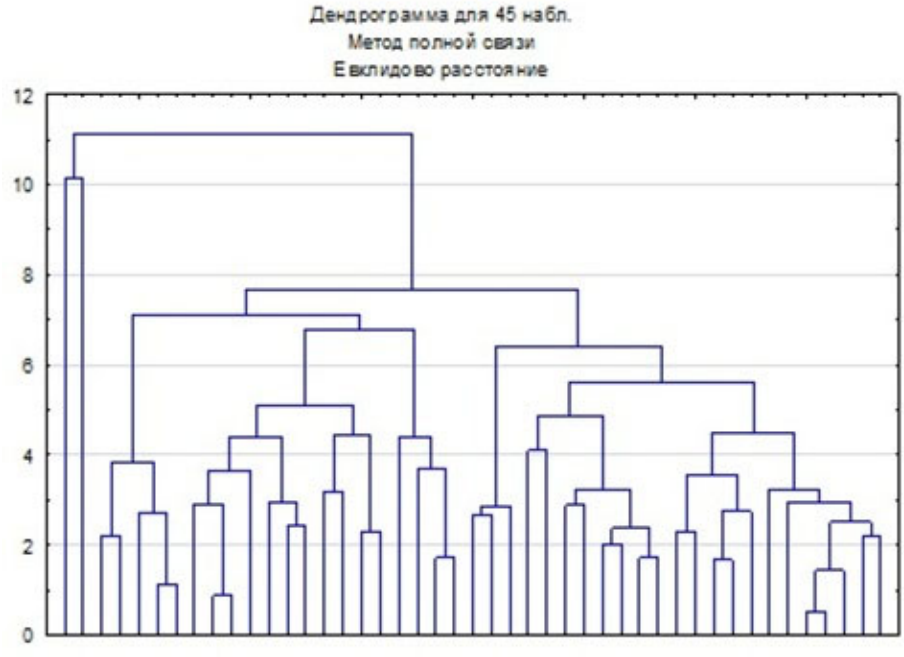

Рисунок 3.3.1. – Результаты кластерного анализа в группе младших школьников

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик психологической готовности к отцовству отцовства у детей младшего школьного возраста нами был проведен кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.3.1. В результате мы выделили три кластера, причем два из них являются примерно равнозначными, третий представлен слабо.

Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.3.2.Таким образом, мы выделили три кластера, первый из которых имеет в основном низкие значения по шкалам, второй – высокие, третий – демонстрирует разнонаправленные характеристики.

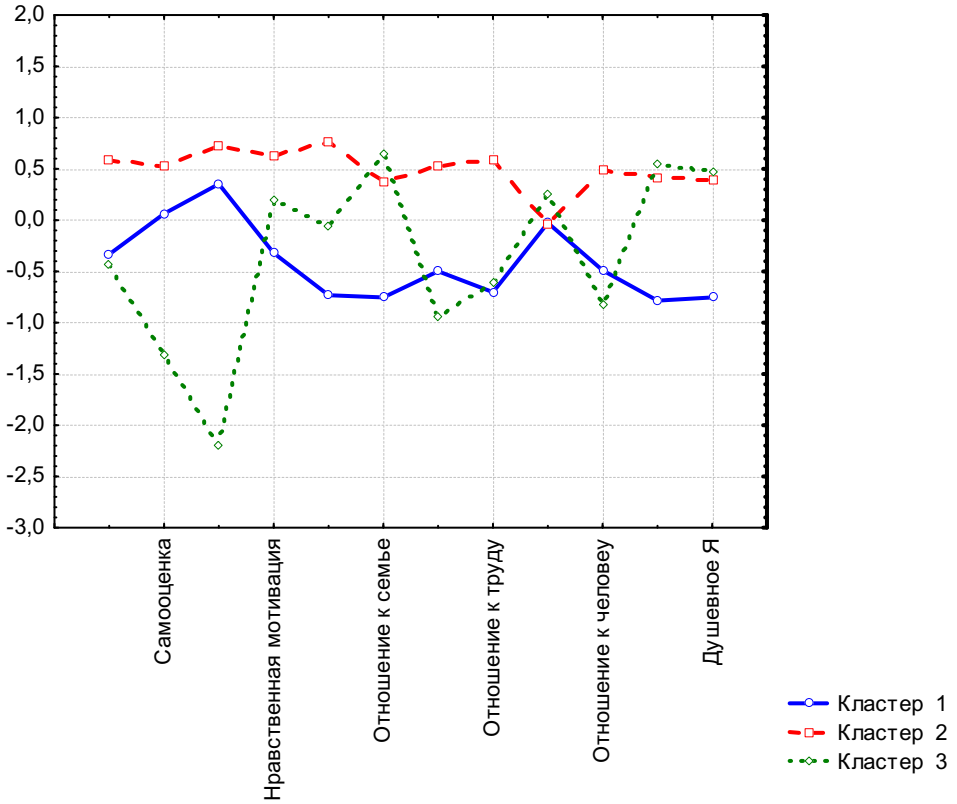

Рисунок 3.3.2. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников

Для удобства анализа результаты представлены отдельно по параметром на Рисунках 3.3.3. и 3.3.4.

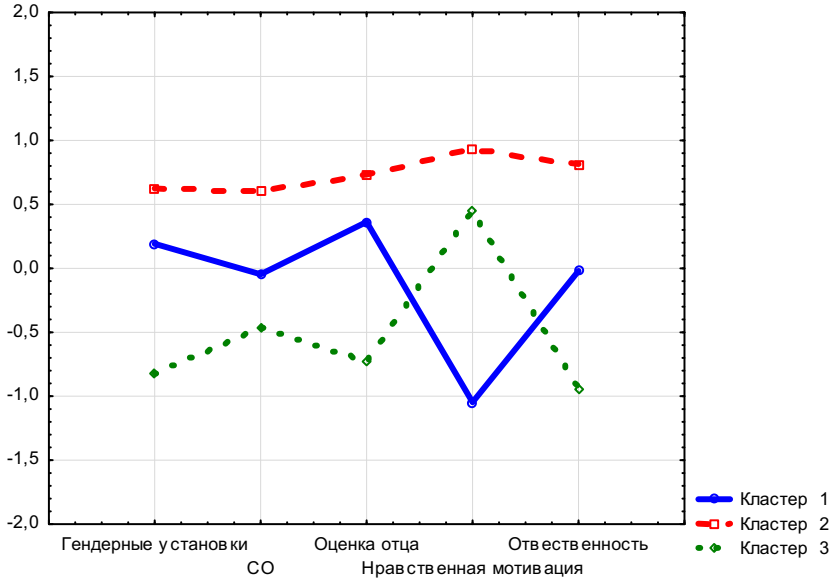

Рисунок 3.3.3. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (гендерные установки и ответственность)

На Рисунке 3.3.3 видно, что дети, сгруппированные во второй кластер, заметно отличаются от детей, первого и третьего кластера по параметрам оценки гендерных установок, оценки гендерных качеств, как себя, так и отца, а также параметрам нравственной мотивации поведения, саморегуляции и ответственности.

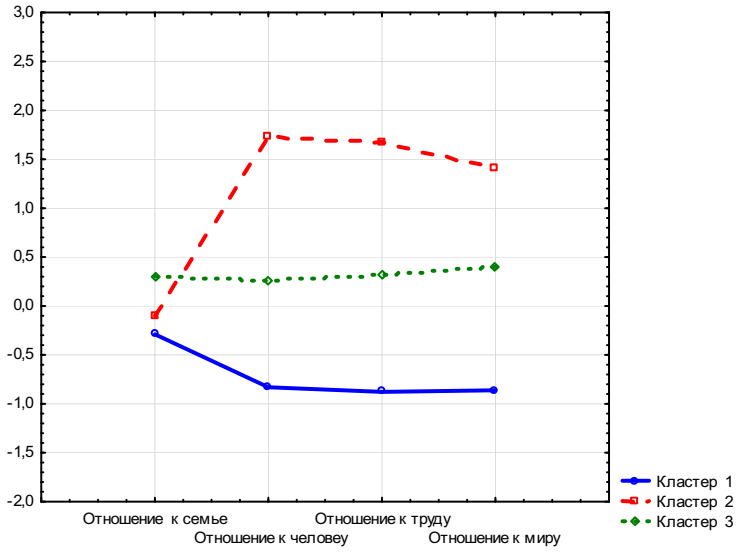

Рисунок 3.3.4. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (ценности)

Кроме того, как видно на Рисунке 3.3.4, дети второго кластера отличаются более высокими показателями по методике оценке личностного роста.

В целях дальнейшего изучения выделенных групп младших школьников мы определили характеристики детей, попавших каждый кластер. Выяснилось, что в первый кластер попали 35% детей, во второй 53% и в третий 11% детей. Результаты сравнения частот распределения по кластерам представлены в Таблице 3.3.3.

Таблица 3.3.3. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников

	семья	**КЛАСТЕР - 1**	**КЛАСТЕР - 2**	**КЛАСТЕР - 3**	**Всего**
Частота	неполная	8	1	3	12
% по строке		66%	8%	25%	
Частота	полная	8	23	2	33
% по строке		24%	69%	6%	
Частота	Всего	16	24	5	45
Всего		35%	54%	11%	

Анализ распределения детей из полных и неполных семей по кластерам дает возможность определить различия характеристик стратегий отцовства детей относящихся к разным группам. Наглядно это представлено на Рисунке 3.3.5.

Так, дети из неполных семей, в основном, относятся к первому кластеру (66%), демонстрируя низкие показатели по всем методикам, кроме того, среди них значительное число детей (25%) относятся к третьему кластеру, характеризующемуся разнонаправленными результатами и только 8% детей относятся ко второму кластеру, который определен нами, как связанный с высокими результатами по всем параметрам. Дети из полных семей, напротив, в основном (69%), относятся ко второму кластеру, кроме того, значительное их число относится к первому (35%), и только 11% относятся к третьему кластеру, связанному с отсутствием четкой линии в характеристиках стратегий отцовства.

То есть, среди детей, имеющих перед собой отцовскую фигуру значительно чаще встречаются дети с развитыми характеристиками стратегий отцовства, дети из неполных семей чаще демонстрируют низкие показатели по данным параметрам, однако среди них встречаются дети с несогласованными характеристиками стратегий отцовства, что позволяет нам сделать вывод о значимости семейной среды для формирования стратегий отцовства.

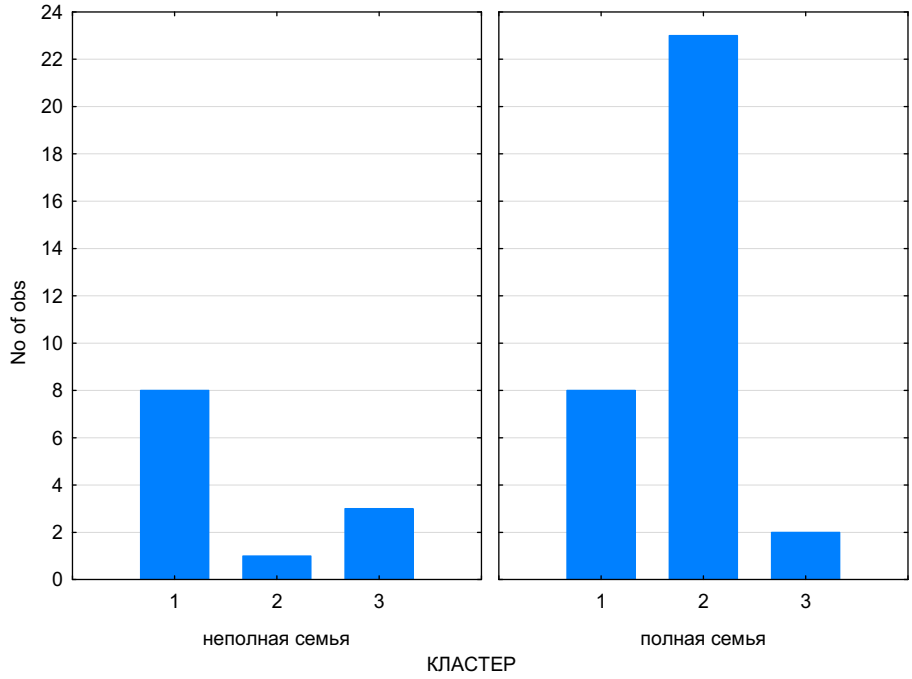

Рисунок 3.3.5. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников

На основе теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя психологической готовности к отцовству. Зная количественные характеристики и имея критерии становления психологической готовности к отцовству, можно вычислить интегральный показатель становления психологической готовности к отцовству для младших школьников, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя пропорционально равные общие компоненты стратегии отцовства:

$ГО = Ак * 0{,}33 + Rк * 0{,}33 + Рк * 0{,}33$, где ГО – интегральный показатель становления психологической готовности к отцовству, $А_к$ – аксиологический

компонент психологической готовности к отцовству, $R_к$ – рефлексивно-регулятивный компонент психологической готовности к отцовству, $Р_к$ – праксиологический компонент психологической готовности к отцовству.

Далее мы провели исследование интегрального показателя становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте. Значения интегрального показателя оптимальности психологической готовности к отцовству изменяется от 0 до 1, так при значениях 0 - 0,3 отмечается низкий уровень; 0,3 - 0,7 средний уровень; 0,7 - 1 высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах о т 0 до 1.

Так значение 0 - 0,3 для младших школьников определяет низкий уровень развития предпосылок становления психологической готовности к отцовству, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов стратегии отцовства. В рамках аксиологического компонента в этом возрасте – это затруднения в формировании стереотипа полоролевого поведения, серьезные нарушения нравственного развития, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – трудности самодисциплины, произвольности, самостоятельности, проблем формирования трудолюбия, ответственности.

В качестве праксиологического компонента в данном возрасте выпутает только поведение. При низких показателях наблюдаются видимые проблемы в поведении мальчика в сторону гендерной недифференцированности поведения, а также демонстрируемая безответственность, отсутствие компетентности, социальная или школьная дезадаптация.

Значения 0,3 - 0,7 определяют средний уровень становления психологической готовности к отцовству и указывают в рамках аксиологического компонента на небольшие затруднения в формировании стереотипа полоролевого поведения, отсутствие или небольшие проблемы в нравственном развитиия; в рамках рефлексивно-регулятивного компонента – небольшие трудности с самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, трудолюбием, ответственностью; в рамках праксиологического компонента – отсутствие

изменений в поведении мальчика в сторону гендерной недифференцированности поведения. Значения 0,7 - 1 определяют высокий уровень становления психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя раннее и беспроблемное формирование стереотипа полоролевого поведения; определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный компонент определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, формированием чувства компетентности, самодисциплины. Праксиологический компонент будет включать в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Анализ средних по всей группе младших школьников показывает, что все показатели находятся в пределах средних величин (Таблица 3.3.4, Приложение 2).

Для всех младших школьников показатели компонентов интегрального показателя становления психологической готовности к отцовству находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках возрастной нормы. Обращает на себя внимание тот факт, что, показатель рефлексивно-регулятивного компонента является самым низким (0,61), а показатель праксиологического компонента – наоборот, самым высоким (0,67) из всех компонентов стратегии отцовства для младших школьников, что подтверждает наше предположение о том, что, в младшем школьном возрасте праксиологический компонент психологической готовности к отцовству наиболее развит. Как показывает анализ описательных статистик, представленных в Таблице 3.3.5 (Приложение 2), для детей из неполных семей показатели всех компонентов немного ниже, чем в среднем по выборке. Для детей из полных семей показатели немного выше, чем в среднем по выборке (Таблица 3.3.6., Приложение 2).

Сравнение групп по показателям всех компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству по t-критерию Стьюдента для независимых выборок выявило значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям (Таблица 3.3.7): праксиологический, аксиологический, рефлексивно-регулятивный компонент, и интегральный

показатель психологической готовности к отцовству, что подтверждает наше предположение о том, что фактором, определяющим становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте, является семья.

Таблица 3.3.7. – Результаты сравнения интегрального показателя младших школьников из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента

Параметры	Среднее – неполная семья	Среднее – полная семья	t-знач.	p	Ст. откл. - 1	Ст. откл. - 2	p - дисп.
Праксиологический компонент*	0,64	0,67	0,22	0,03	0,20	0,19	0,88
Аксиологический компонент*	0,50	0,61	0,13	0,00	0,13	0,16	0,39
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,41	0,62	0,65	0,01	0,18	0,15	0,43
Интегральный показатель *	0,59	0,62	0,15	0,00	0,12	0,13	0,82

* отмечены значимые отличия

Анализ распределения результатов интегрального показателя по выделенным кластерам показал, что первая группа детей имеет внизкие значения по шкалам и интегральному показателю, вторая – высокие по всем шкалам и по интегральному показател, третья демонстрирует разнонаправленные характеристики и средние показатели по интегральному показателю становления психологической готовности к отцовству (Рисунок 3.3.6).

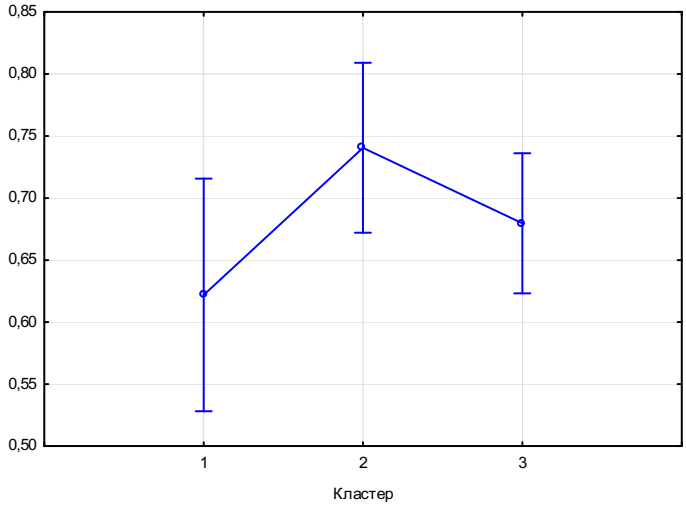

Рисунок 3.3.6. – Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки младших школьников

Таким образом, как видно на Рисунке 3.3.6, можно четко выделить три группы среди младших школьников, различающиеся по особенностям становления психологической готовности к отцовству, характеризующиеся по выраженности и соотношению компонентов психологической готовности к отцовству, которые можно условно назвать, неоптимальный, приемлемый и оптимальный тип становления психологической готовности к отцовству.

В сравнении с дошкольниками младшие школьники демонстрируют более высокие показатели по праксиологическому, аксиологическому, рефлексивно-регулятивному компонентам (Таблица 3.3.8.).

Таблица 3.3.8. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам дошкольников и младших школьников t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее дошкольники	Среднее младшие школьники	t-знач.	p	Ст.откл. - 1	Ст.откл. - 2
Интегральный показатель	0,60	0,62	0,00	1,00	0,14	0,14
Праксиологический компонент*	0,63	0,67	0,15	0,00	0,20	0,05
Аксиологический компонент*	0,54	0,62	0,06	0,00	0,07	0,10
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,58	0,61	0,03	0,00	0,17	0,13

* отмечены значимые отличия

Однако различий по интегральному показателю у этих двух групп нет, результаты находятся в рамках средних значений и для группы дошкольников и для группы младших школьников. Таким образом, различия в структурных компонентах интегрального показателя психологической готовности к отцовству отражают возрастные особенности развития данного феномена и подтверждают наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую и

семейную специфику. Материалы данного параграфа опубликованы в монографии [78].

3.4. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 64 человека подросткового и юношеского возраста, представлены в таблице (Таблица 3.4.1, Приложение 3), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 16,1 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм данных методик. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по большинству показателей практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных ценностей по методике ОТЕЦ, незначительно разнятся по методике оценки зрелости личности.

Для анализа результатов данной выборки нами были изучены различия между группами школьников, разделенными по нескольким признакам: наличие или отсутствие отцовской фигуры, участие в специально-организованном тренинге.

Сначала мы сравнили детей из полных и неполных семей. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова). Дисперсии обеих групп различаются незначимо по критерию Фишера. Однако различий по t-критерий Стьюдента для независимых выборок межу группами подростков и юношей из полных и неполных семей обнаружено не было. Вероятнее всего, в данном возрасте влияние семья является более опосредованным, чем в более ранних возрастах.

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик компонентов стратегий отцовства у подростков и юношей нами был проведен кластерный анализ с использованием иерархической классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.4.1

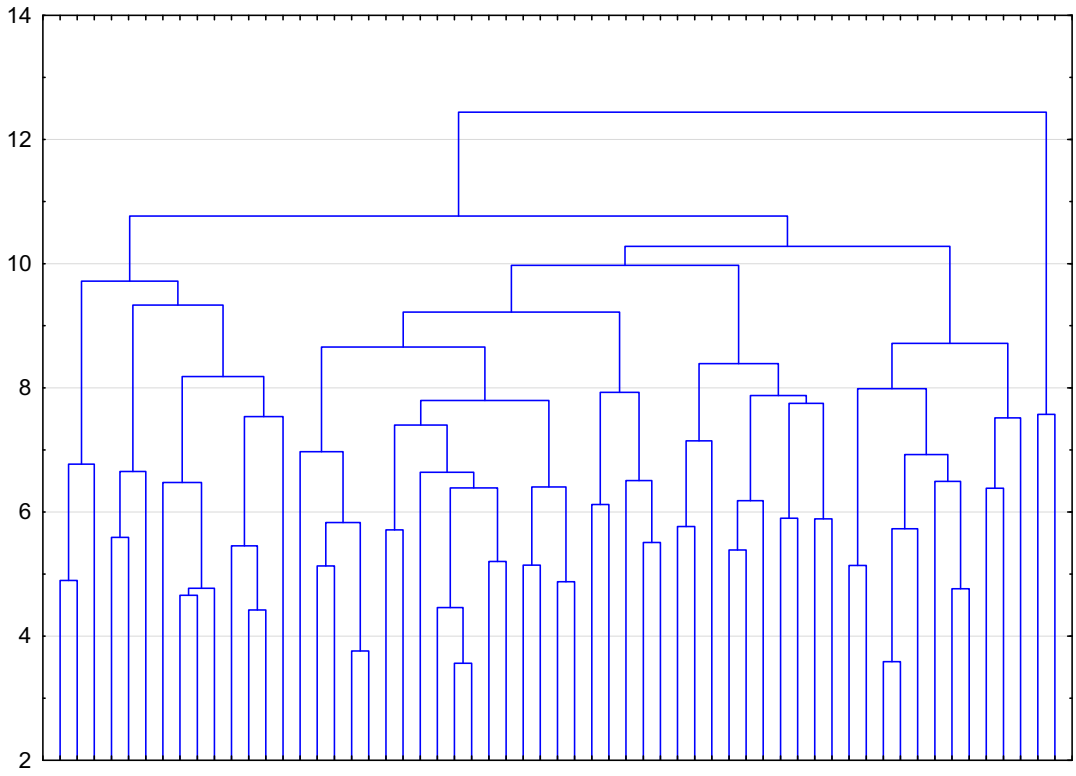

Рисунок 3.4.1. – Результаты кластерного анализа в группе подростков и юношей

В результате мы выделили три кластера, причем два из них являются примерно равнозначными, третий представлен слабо. Используя данные

результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп детей, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой представлены на Рисунке 3.4.2., из которого видно, что для испытуемых, попавших первый кластер, характерны низкие баллы по ответственности и зрелости, ценности престижа, развития себя, сфере обучения и образования и семейной жизни, большое значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений (Таблица 3.4.2, Приложение 3). Условно назовем его неоптимальный, для этих испытуемых характерны неответственность и незрелость.

Для испытуемых второго кластера характерны высокие баллы по шкале роль отца в воспитании детей и досуге, они придают большое значение ценностям сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам. Условно назовем его приемлемый, однако для него свойственны разнонаправленные характеристики, смешение гендерных ролей.

Для третьего кластера характерны высокие оценки по всем шкалам зрелости, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения. Условно назовем его оптимальный. (Рисунки 3.4.2 и 3.4.3).

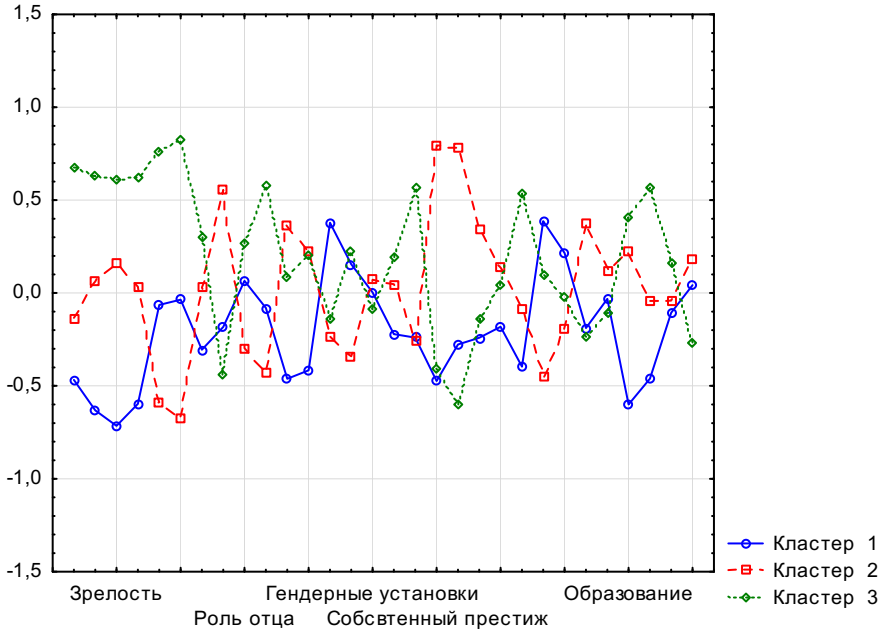

Рисунок 3.4.2. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей

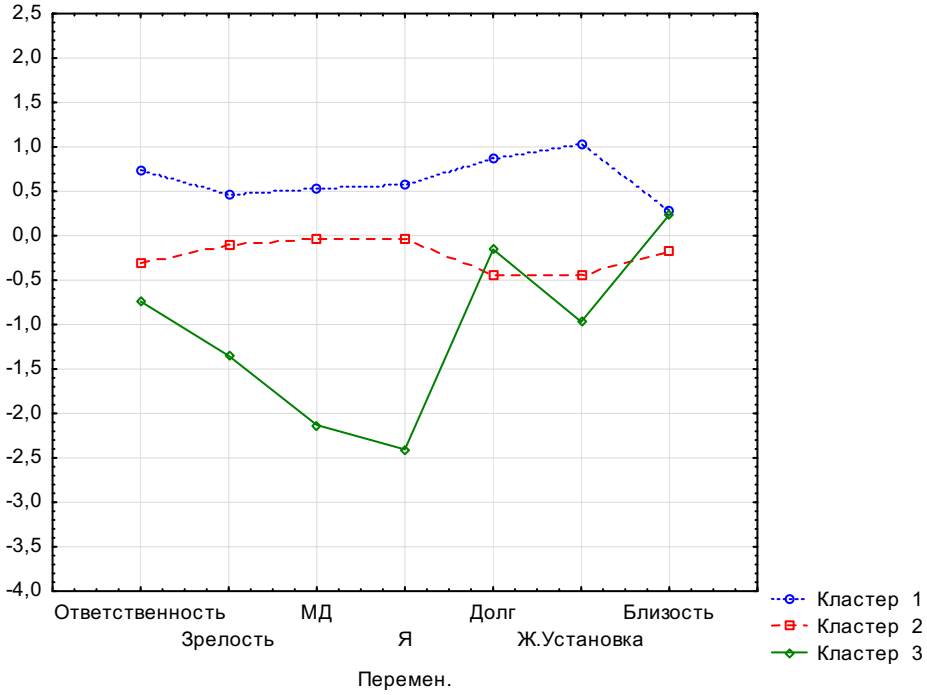

Рисунок 3.4.3. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей (параметры ответственность и зрелость)

В целях дальнейшего изучения выделенных групп подростков и юношей, мы определили характеристики детей, попавших каждый кластер. Выяснилось, что в первый кластер попали 45% испытуемых, во второй 45% и в третий 9%

испытуемых. Результаты сравнения частот распределения по кластерам представлены в Таблице 3.4.3.

Таблица 3.4.3. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей

	семья	**Кластер - 1**	**Кластер - 2**	**Кластер - 3**	**Всего .**
Частота	1	13	16	3	32
Всего процент		20,45%	25,00%	4,55%	50,00%
Частота	2	16	13	3	32
Всего процент		25,00%	20,45%	4,55%	50,00%
Частота	Всего	29	29	6	64
Всего процент		45,45%	45,45%	9,09%	

Наглядно это представлено на Рисунке 3.4.4.

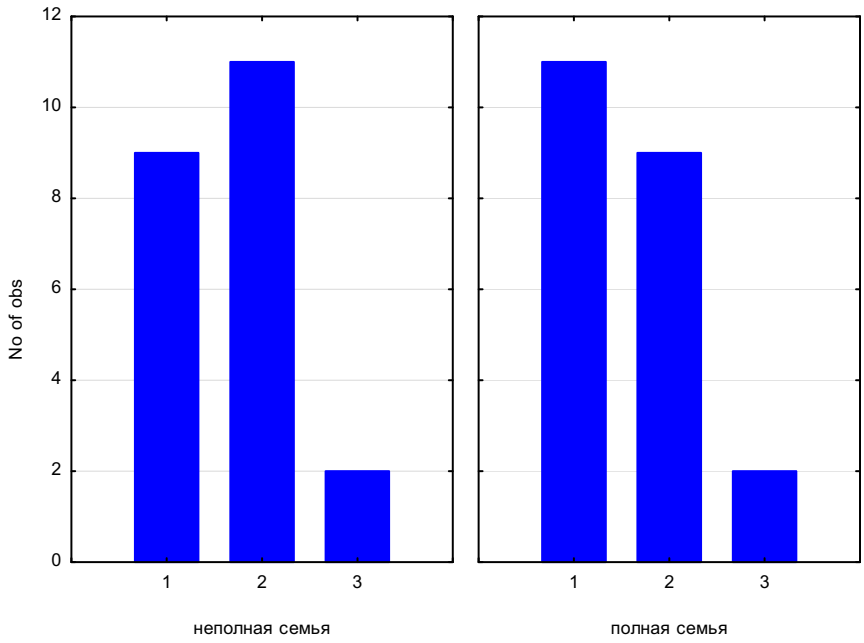

Рисунок 3.4.4. – Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей

Как видно на Рисунке 3.4.4. для подростков из неполных семей чаще свойственны разнонаправленные характеристики, смешение гендерных ролей, для

подростков из полных семей характерны неответственность и незрелость. Оптимальный тип – самый малочисленный и равно представлен в обеих группах. Эти особенности могут быть связаны с тем, что в подростковом возрасте меняется стиль отношения с ребенком в семье, ему предоставляется больше свободы, а также с тем, что личностные особенности ребенка становятся более значимыми для становления психологической готовности к отцовству, что дает возможность развивать программы психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству с использованием тренинговой работы с подростками. Однако, различия между подростками из полных и неполных семей сохраняются и на этом возрастном этапе, как показывает представленный ниже анализ интегрального показателя психологической готовности к отцовству.

Анализируя распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста, мы выяснили, что испытуемые 14 лет попали в первый кластер, испытуемые 15 лет в основном в первый, испытуемые 16 лет, частично в первый (11%), однако значительная часть (20%) попали во второй кластер, испытуемые 17 лет равно представлены в первом и втором кластерах и частично – в третьем, испытуемые 18 лет попали в третий кластер. Однако данные для возраста 14 и 18 лет не являются надежными по причине малого количества выборки для этих возрастов. Данные представлены в Таблице 3.4.4.

Таблица 3.4.4. – Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей

Возраст	Кластер - 1	Кластер - 2	Кластер - 3	Всего
14	1,69%	0,00%	0,00%	1,69%
15	8,47%	3,39%	6,78%	18,64%
16	11,86%	20,34%	11,86%	44,07%
17	11,86%	11,86%	10,17%	33,90%
18	0,00%	0,00%	1,69%	1,69%
Всего	33,90%	35,59%	30,51%	

Наглядно это представлено на Рисунке 3.4.5.

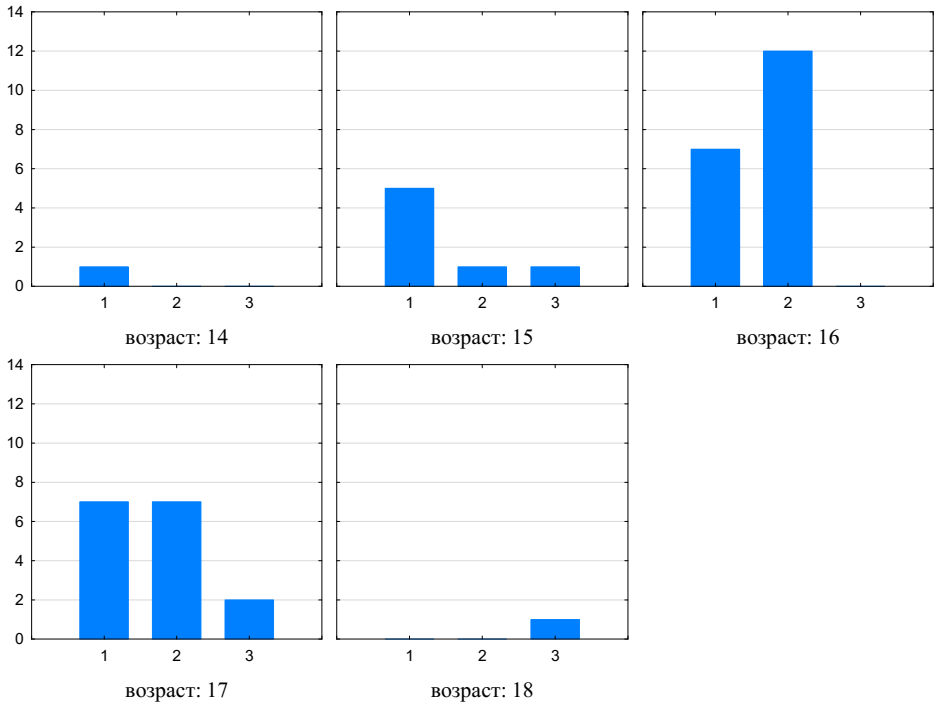

Рисунок 3.4.5. – Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей

Если проанализировать распределение испытуемых по кластерам в группах подростков из полных и неполных семей, то получим, что пятнадцатилетние подростки из полных и неполных семей распределяются по кластерам практически сходно, однако среди подростков из неполных семей несколько больше детей попали в первый кластер (Рисунок 3.4.6.).

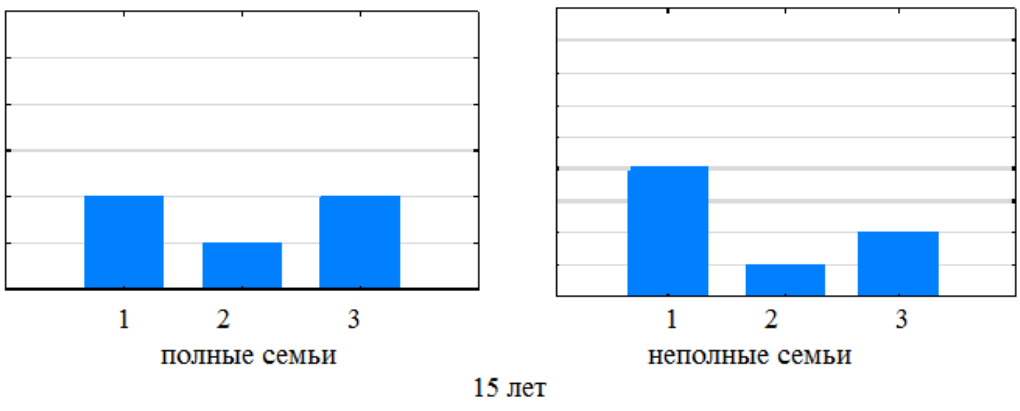

Рисунок 3.4.6. – Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 15 лет

Шестнадцатилетние подростки из полных семей наполняют первый и второй кластер, а из неполных семей представлены, в основном, во втором кластер, то есть демонстрируют гендерно-смешанные характеристики (Рисунок 3.4.7.).

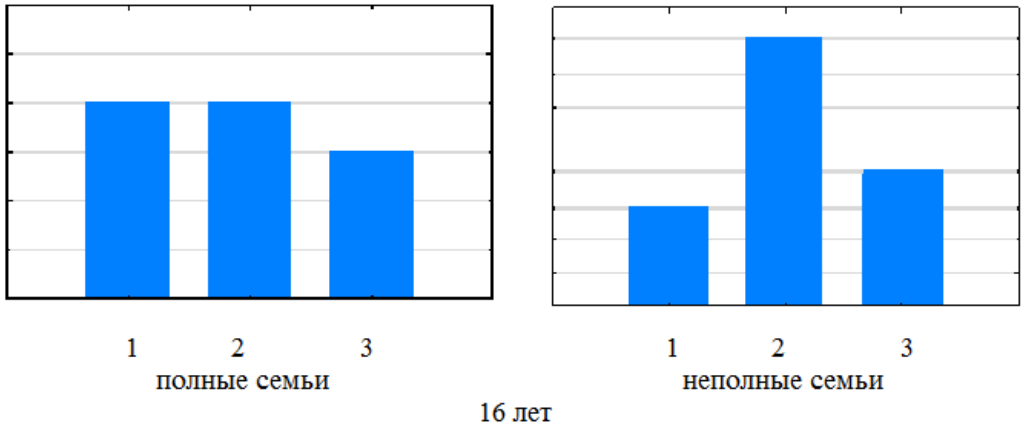

Рисунок 3.4.7. – Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 16 лет

Для семнадцатилетних испытуемых также заметно различие. Юноши из полных семей чаще демонстрируют ответственные характеристики, тогда, как из неполных чаще демонстрируют традиционные иди гендерно-смешанные характеристики (рисунок 3.4.8.).

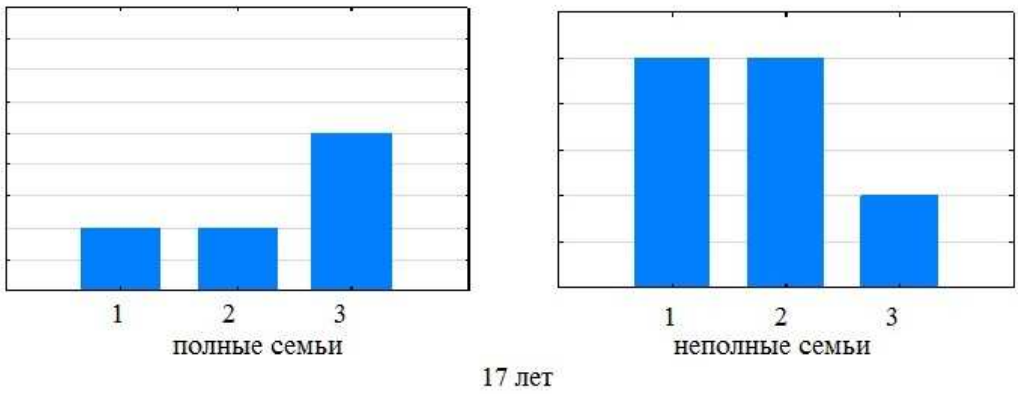

Рисунок 3.4.8. – Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 17 лет

На основе теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя психологической готовности к отцовству для группы

подростков и юношей. Зная количественные характеристики и имея критерии оптимальности стратегии отцовства, можно вычислить интегральный показатель стратегии отцовства для подростков и юношей, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя пропорционально равные общие компоненты стратегии отцовства:

Далее мы провели исследование интегрального показателя становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте. Значения интегрального показателя психологической готовности к отцовству изменяется от 0 до 1, так при значениях 0 - 0,3 отмечается низкий уровень; 0,3 - 0,7 средний уровень; 0,7 - 1 высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах о т 0 до 1.

Так значение 0 - 0,3 для подростков и юношей определяет низкий уровень становления психологической готовности к отцовству, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов психологической готовности к отцовству. В рамках аксиологического компонента в этом возрасте – это проблемы формирования гендерной роли, проблемы формирования ценностных ориентаций личности; в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – отставание или опережение в физическом созревании, отсутствие чувства компетентности, самодисциплины, произвольности, самостоятельности, отсутствие рефлексии, проблемы в самоопределении. В качестве праксиологического компонента в данном возрасте выпутает только поведение. При низких показателях наблюдаются видимые проблемы в поведении мальчика в сторону безответственного поведения, такие подростки конфликтуют с окружающими, учителями, родителями, демонтрируют отсутствие своего мнения, социальную дезадаптированность, социальную некомпетентность, девиантное поведение, аддиктивное поведение, а также отсутствие ориентиров либо чрезмерно жесткие оринетиры в гендерной роли.

Значения 0,3 - 0,7 определяют средний уровень становления психологической готовности к отцовству и указывают в рамках аксиологического компонента на небольшие затруднения в формировании гендерной роли,

некоторые сложности формирования ценностных ориентаций личности и мировоззрения, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента – небольшое отставание или опережение в физическом созревании, сложности в формировании самодисциплины, саморегуляции, произвольности, самостоятельности, рефлексии, некоторые проблемы в самоопределении, в рамках праксиологического компонента – это отсутвие или небольшие проблемы в поведении сторону безответственного поведения, социальной дезадаптированности и некомпетентности, могут наблюдаться некоторые конфликты с окружающими, учителями, родителями.

Значения 0,7 - 1 определяют высокий уровень становления психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя принятие гендерной роли, определяет оптимальное нравственное развитие и формирование мировоззрения; рефлексивно-регулятивный компонент определяется через физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплину, произвольность, самостоятельность, самоопределение, развитая рефлексия. Праксиологический компонент будет включать в себя гендерно-типичное и во многих случаях ответственное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Анализ средних интегрального показателя по всей группе подростков и юношей показывает, что показатель аксиологического компонента является самым низким, а показатель праксиологического и рефлексивно-регулятивного компонента наиболее высокими из всех компонентов (Таблица 3.4.5., Приложение 3). Для всех подростков и юношей показатели компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках возрастной нормы. Обращает на себя внимание тот факт, что, показатель аксиологического компонента является самым низким (0,65), а показатель праксиологического (0,71) и рефлексивно-регулятивного компонента (0,67) наиболее высокими из всех компонентов, что подтверждает наше предположение о том, в подростковом и юношеском возрасте

наиболее развиты праксиологический и рефлексивно-регулятивный компоненты компонент психологической готовности к отцовству.

Как показывает анализ описательных статистик, представленных в Таблице 3.4.6 (Приложение 3), для детей из неполных семей показатели всех компонентов находятся в пределах чуть ниже средних по выборке.

Для детей из полных семей показатели также находятся в пределах средних по выборке (Таблица 3.4.7., Приложение 3).

Сравнение групп по показателям всех компонентов интегрального показателя психологической готовности к отцовству по t-критерию Стьюдента для независимых выборок показало, что значимые отличия по компонентам стратегий отцовства между подростками из полных и неполных семей наблюдаются только по праксиологическому компоненту и интегральному показателю (Таблица 3.4.8).

Таблица 3.4.8. – Результаты сравнения интегрального показателя подростков и юношей из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента

Параметры	Среднее неполная семья	Среднее полная семья	t-знач.	p	Ст.откл. - 1	Ст.откл. - 2
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,65	0,66	0,66	0,51	0,11	0,06
Аксиологический компонент	0,63	0,65	0,88	0,94	0,06	0,05
Праксиологический компонент *	0,67	0,71	0,36	0,00	0,13	0,12
Интегральный показатель *	0,61	0,65	0,12	0,00	0,08	0,07

*отмечены значимые различия

Если мы проанализируем распределение результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, то получится, что первая группа испытуемых, попавших первый кластер, демонстрирует низкие баллы по ответственности, рефлексии и зрелости, ценности престижа, развития себя, сфере

обучения и образования и семейной жизни, большое значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений и самые низкие баллы по интегральному показателю.

Для испытуемых второго кластера характерны высокие баллы по шкале роль отца в воспитании детей и досуге, они придают большое значение ценностям сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам и средние баллы по интегральному показателю.

Для третьего кластера характерны высокие оценки по шкалам зрелости и рефлексии, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения и высокие баллы по интегральному показателю (Рисунок 3.4.9.).

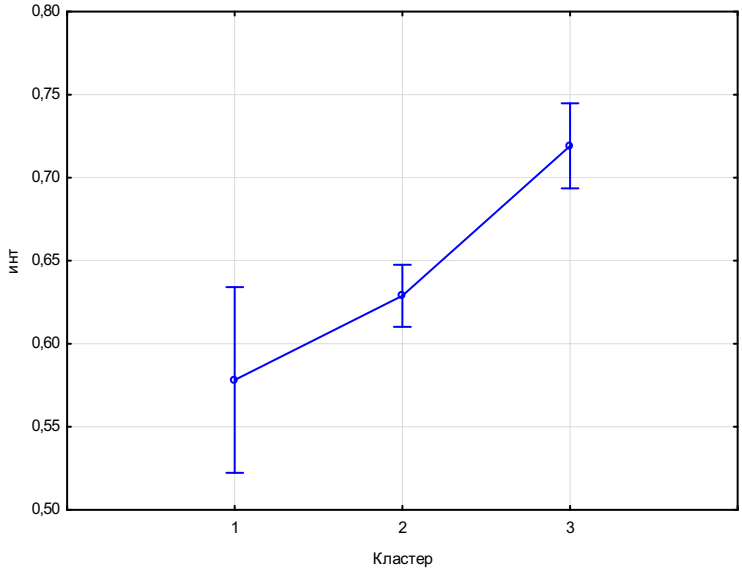

Рисунок 3.4.9. – Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки подростков и юношей

Таким образом, как видно на Рисунке 3.4.8, можно четко выделить три группы среди подростков и юношей, различающиеся по особенностям становления психологической готовности к отцовству, различающиеся по выраженности и соотношению компонентов стратегии отцовства, которые можно условно назвать, неоптимальный (неконструктивный), приемлемый (средний) и оптимальный (конструктивный) тип становления психологической готовности к отцовству, имеющие различные содержательные характеристики.

Таблица 3.4.9. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам дошкольников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее подростки	Среднее дошкольники	t-знач.	p	Ст.откл Группа 1	Ст.откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,67	0,58	0,38	0,00	0,09	0,12
Аксиологический компонент*	0,65	0,54	0,08	0,00	0,05	0,11
Праксиологический компонент *	0,71	0,63	0,09	0,00	0,13	0,06
Интегральный показатель *	0,65	0,60	0,49	0,00	0,07	0,05

* отмечены значимые отличия

Попарное сравнение с группами с дошкольников и младших школьников показывает, что подростки демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам психологической готовности к отцовству (Таблица 3.4.9. и Таблица 3.4.10.)

Таблица 3.4.10. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам младших школьников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее подростки	Среднее мл. школьники	t-знач.	p	Ст.откл Группа 1	Ст.откл Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,67	0,61	0,08	0,00	0,09	0,17
Аксиологический компонент*	0,65	0,62	0,26	0,00	0,05	0,07
Праксиологический компонент *	0,71	0,67	0,38	0,00	0,13	0,20
Интегральный показатель *	0,65	0,62	0,08	0,00	0,07	0,14

* отмечены значимые отличия

Таким образом, в юношеском возрасте наблюдаются более высокие показатели в структурных компонентах и в интегральном показателе психологической готовности к отцовству, что отражает возрастные особенности формирования данного феномена и подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую и семейную специфику. Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

3.5. Содержательные характеристики компонентов стратегий отцовства в мужчин-отцов в период ранней и средней взрослости

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 127 человек в возрасте ранней и средней взрослости, представлены в таблице (Таблица 3.5.1, Приложение 4), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются

данные, полученные по шкале осмысленность жизни (СЖО), а также по таким шкалам методики диагностики личностного роста, как: зрелость, чувство гражданского долга и жизненная установка (по методике Гильбуха). Кроме того, высокой дисперсией отличаются параметры: отцовские установки, оценка себя и своей активности по методике Личностный дифференциал, удовлетворенность браком и оценка своей маскулинности (МИФ), что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов данных шкал, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы по методике оценке родительской идентичности Плека, особенно по шкале оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца, а также по шкалам оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, родительской идентичности в роли кормильца. Низкая дисперсия характерна для следующих шкал, описывающих ценности: ценность достижений, сохранение собственной индивидуальности, рефлексии, а также сферы профессиональной жизни и сферы обучения и образования (ОТЕЦ). Кроме того достаточно однородными являются результаты по шкале интернальности в области производственных отношений. Средний возраст испытуемых 29,7 лет. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм данных методик. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими мужчинами того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки мужчин. Среднее и медиана по большинству показателей практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных ценностей по методике ОТЕЦ, незначительно разнятся по методике оценки родительских установок.

В целях дальнейшего изучения содержательных характеристик компонентов стратегий отцовства у мужчин нами при предварительной стандартизации данных был проведен кластерный анализ с использованием иерархической

классификации по методу полной связи, результаты которого представлены на Рисунке 3.5.1.

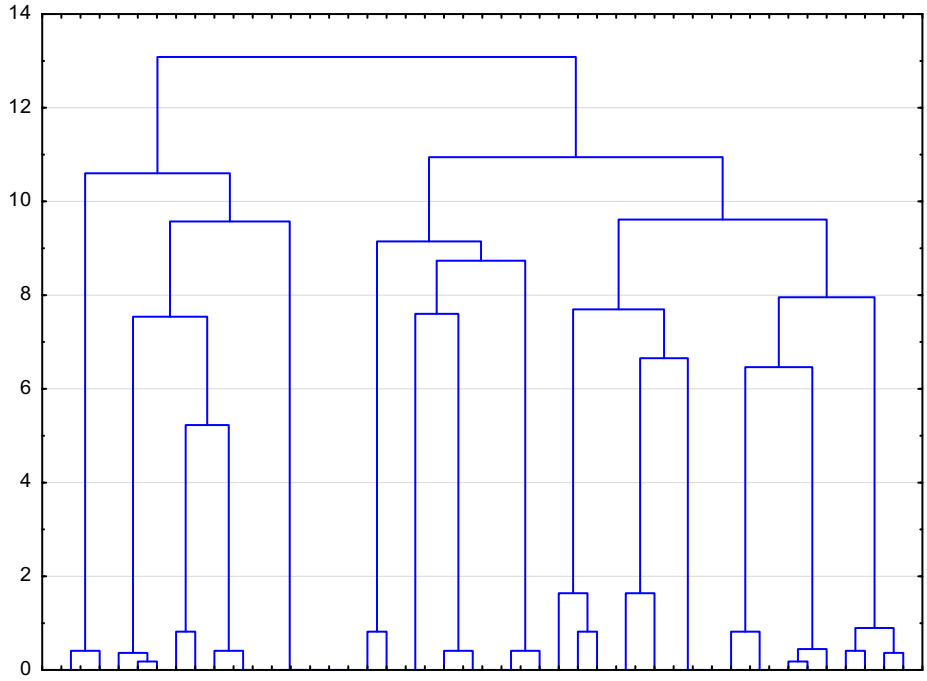

Рисунок 3.5.1. – Результаты кластерного анализа в группе взрослых

На рисунке видны два кластера, каждый из которых в свою очередь разделяется еще на два кластера. Используя данные результаты для дальнейшего изучения специфики выделенных групп мужчин, мы провели кластеризацию данных методом К средних, результаты которой для удобства восприятия были разбиты на отдельные графики и представлены на Рисунках 3.5.2.- 3.5.5.

На Рисунке 3.5.2. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим отцовские установки и родительскую идентичность в различных родительских ролях, из которого видно, что для испытуемых, попавших первый кластер, характерны низкие баллы по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком (традиционно материнская роль) и родительской идентичности в роли кормильца (традиционно отцовская роль). При этом мужчина оценивает свою жену по этим характеристикам высоко, о чем говорят высокие баллы по шкалам оценки родительской идентичности супруги в

уходе за ребенком, оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца.

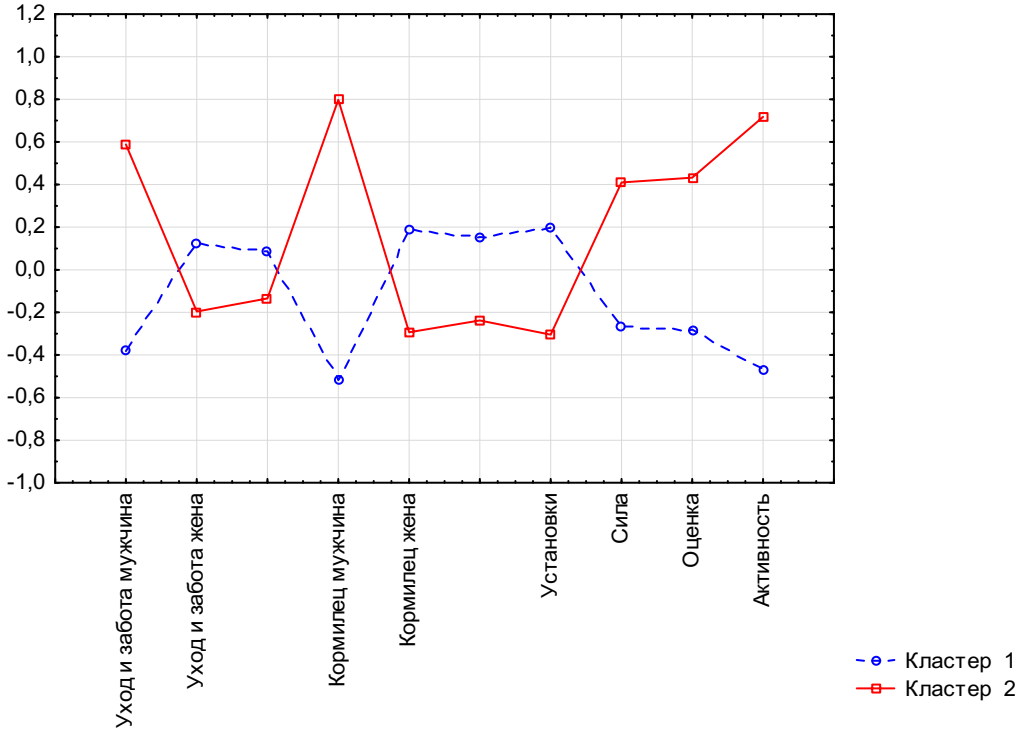

Рисунок 3.5.2 – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (характеристики отцовства)

Обращает на себя внимание то факт, что мужчина полагает, что по этим параметрам жена должна оценивать его примерно наравне с ним, о чем говорят примерно схожие с этими шкалами результаты по шкалам предположительной (по мнению испытуемого) оценки испытуемого его супругой по шкалам оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги и оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги.

Родительские установки у таких испытуемых непомерно высоки, и они оценивают себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно низко. Таким образом, существует некоторый конфликт между предполагаемым поведением «идеального» отца и реальным поведением данного мужчины, что подтверждают данные включенной в анкету модифицированной методики самооценки качеств идеального отца (на основе методики Дембо-Рубинштейн). У

данных испытуемых разрыв между оценкой себя и оценкой идеального отца был самый значительный. Описательные статистики по данным методикам для первого кластера представлены в Таблице 3.5.2. (Приложение 4).

Для испытуемых, составивших второй кластер, характерны следующие особенности: высокие баллы по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком (традиционно материнская роль) и родительской идентичности в роли кормильца (традиционно отцовская роль), причем по шкале, описывающей традиционно мужскую роль результаты намного выше (Таблица 3.5.3, Приложение 4). При этом мужчины оценивают свою жену по этим характеристикам ниже себя, о чем говорят невысокие баллы по шкалам оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца. Особенно велик разрыв по шкалам родительской идентичности в роли кормильца и оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца, что четко обозначает ориентацию мужчин на традиционные роли в родительстве. При этом мужчины полагают, что по этим параметрам жены оценивает их несколько выше, чем они оценивает своих жен, о чем говорят близкие показатели по шкалам оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, и оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, а также оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца и оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги; но намного ниже реального мужского поведения, о чем говорит различие по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком и оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, а также родительской идентичности в роли кормильца и оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги. Родительские установки у таких испытуемых не так высоки, как у испытуемых первого кластера (однако они укладываются в рамки средних значений по методике), но они оценивают себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно высоко. Таким образом, у данной группы мужчин существует определенный баланс между предполагаемым поведением «идеального» отца и реальным поведением данного

мужчины, что подтверждают данные включенного в анкету модифицированной методики самооценки качеств идеального отца (на основе методики Дембо-Рубинштейн). У данных испытуемых разрыв между оценкой себя и оценкой идеального отца был незначителен. Описательные статистики по данным методикам для первого кластера представлены в Таблице 3.5.3. (Приложение 4).

На Рисунке 3.5.3. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим зрелость личности. Испытуемые первого кластера характеризуются низкими баллами по зрелости, за исключением параметра жизненной установки, он находится в пределах средних значений. Испытуемые второй группы (попавшие во второй кластер) демонстрирует высокие баллы по зрелости, но низкие по параметру жизненной установки.

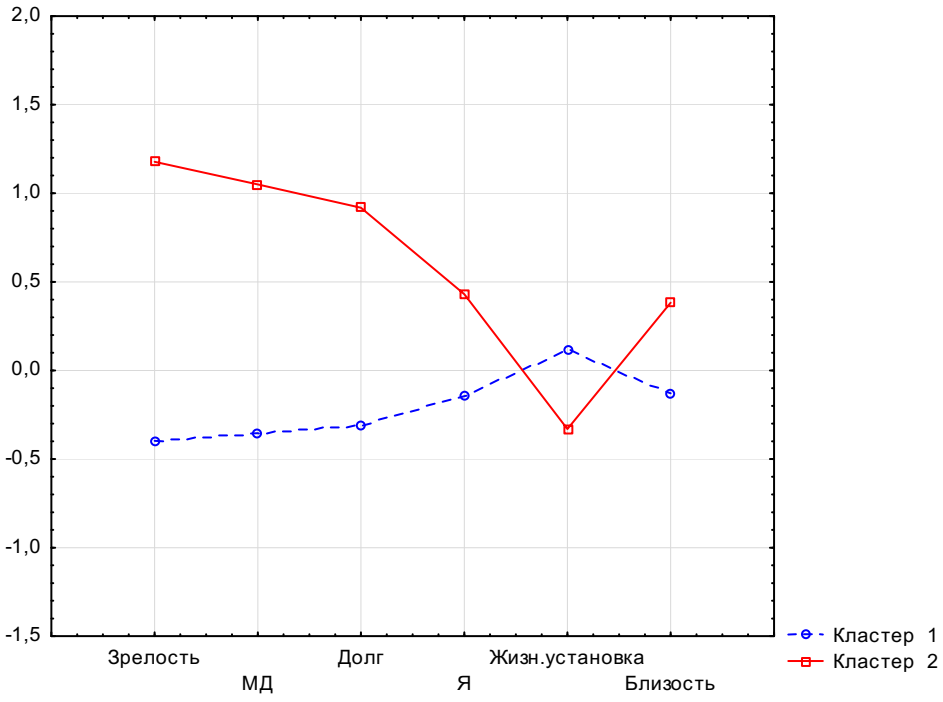

Рисунок 3.5.3. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (зрелость)

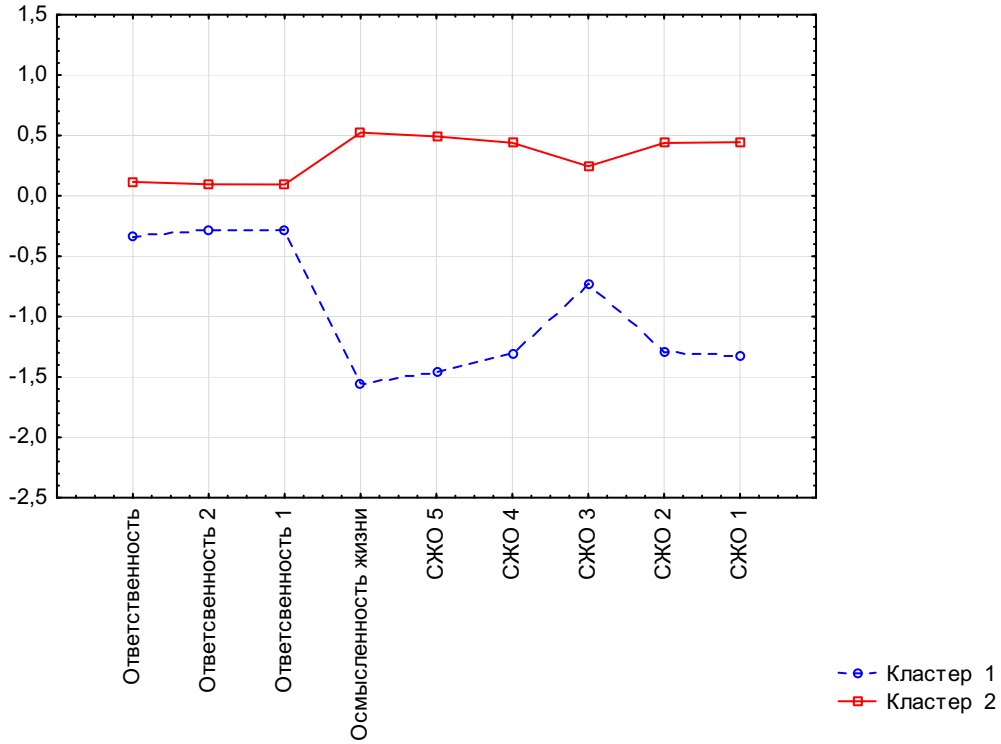

Рисунок 3.5.4. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (осмысленность жизни и ответственность)

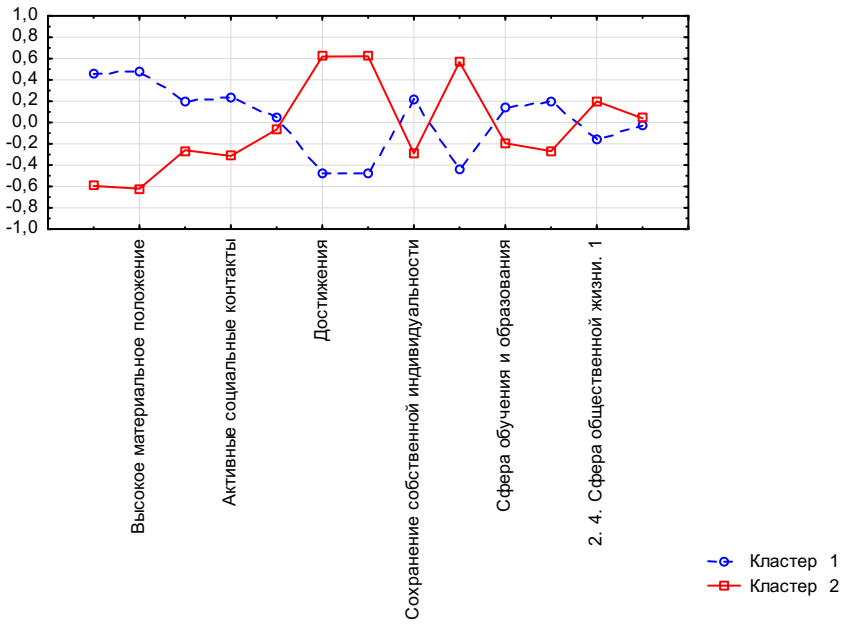

Рисунок 3.5.5. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (ценности)

На Рисунке 3.5.4. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим параметры осмысленности жизни. Испытуемые

первого кластера характеризуются низкими баллами по всем шкалам. Испытуемые второго кластера демонстрируют высокие баллы по всем шкалам СЖО и ответственности.

На Рисунке 3.5.5. представлены данные кластеризации испытуемых по параметрам, оценивающим ценности. Испытуемые первого кластера наиболее важными оказались ценности собственного престижа, высокого материального положения, наименее важными – ценности духовного удовлетворения и достижений, а также сфера профессиональной жизни. Для испытуемых второго кластера важными оказались ценности духовного удовлетворения и достижений, также сфера профессиональной и семейной жизни, наименее важными – ценности собственного престижа, высокого материального положения и активных социальных контактов. Подробные данные представлены в Таблицах 3.5.4 и 3.5.5 в Приложении 5.

Таблица 3.5.6. – Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки взрослых

Возраст	**Кластер - 1**	**Кластер - 2**	**Всего**
24 лет	0,00%	2,36%	2,36%
26 лет	0,79%	1,57%	2,36%
27 лет	3,94%	3,15%	7,09%
28 лет	13,39%	17,32%	30,71%
29 лет	9,45%	6,30%	15,75%
30 лет	0,79%	2,36%	3,15%
31 год	2,36%	3,15%	5,51%
32 года	3,94%	14,17%	18,11%
33 года	1,57%	7,87%	9,45%
34 года	1,57%	2,36%	3,94%
35 лет	0,79%	0,00%	0,79%
36 лет	0,79%	0,00%	0,79%
Всего	39,37%	60,63%	

Если мы проанализируем распределение по кластерам в зависимости от возраста, то получим, что особых различий в связи с возрастом не наблюдается

(Таблица 3.5.6.), однако в первый кластер попало меньше испытуемых, как в целом так и отдельно по группам возрастов (кроме возраста 29 лет, когда наблюдается обратное соотношение).

Таким образом, выделенные нами кластеры можно условно назвать конструктивным и неконструктивным. Так как наши два кластера согласно кластерному анализу подразделяются в свою очередь на еще два подкластера, проанализируем их особенности. Выделив отдельно испытуемых первого кластера, мы провели кластеризацию внутри данной группы методом К средних. В результате мы получили два подкластера 1.1 и 1.2 (рисунок 3.5.6.).

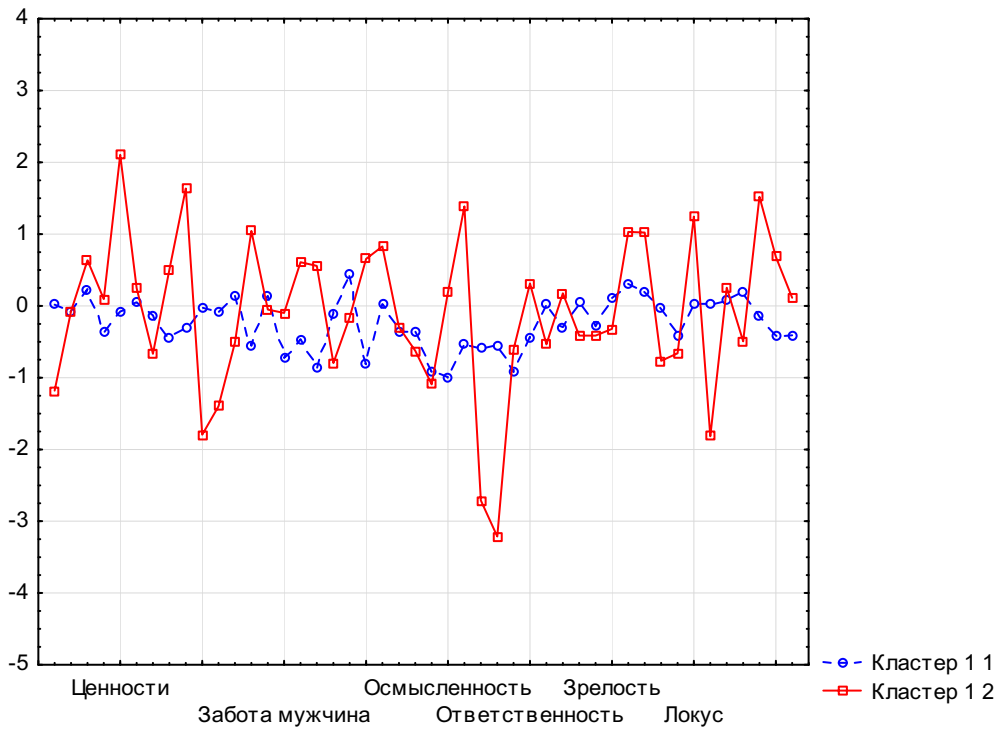

Рисунок 3.5.6. – Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера

Как видно на Рисунке 3.5.6. Кластер 1.1 характеризуется средними значениями, кластер 1.2. характеризуется неравномерностью данных, наличием или высоких или низких значений.

Для испытуемых кластера 1.1. характерны высокие показатели по шкалам оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца и шкале

отношение к своему «Я», и низкие баллы по следующим шкалам: ценность креативности, духовного удовлетворения и сферы общественной жизни, а также по шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги, по всем шкалам методики СЖО, параметрам оценка и активность методики Личностный дифференциал, шкале принятие ответственности на себя в ситуации обвинения, шкалам общей интернальности и интернальности в области производственных отношений, а также удовлетворенности браком. Данные испытуемые демонстрируют феминность по методике С.Бэм. Данные испытуемые, пассивны, в больше степени ориентируются на феминные роли, либо не имеют четко-сформированного представления об отцовской роли (Таблица 3.5.7, Приложение 4).

Испытуемые кластера 1.2. демонстрируют высокие баллы по параметрам: ценности высокого материального положения, духовного удовлетворения, сохранения собственной индивидуальности, шкале оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (что связано с тем, что оценивает себя по традиционно женским качествам), оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги параметру сила методики Личностный дифференциал, шкале интернальности в отношении здоровья и болезни и интернальности в области производственных отношений и низкие баллы по ценностям достижений, сферы профессиональной жизни, обучения и образования семейной жизни, низкие баллы по шкале родительской идентичности в роли кормильца, фактору активность методики Личностный дифференциал, шкалам СЖО «Локус контроля – Я» и осмысленность жизни, шкале принятия ответственности другого лица, зрелости личности, мотивации достижений, чувству гражданского долга и способности к психологической близости с другим человеком, а также шкалам общей интернальности, интернальности в области неудач, интернальности в области межличностных отношений.

Такие испытуемые не принимают и не реализуют мужскую гендерную роль, в том числе, и отцовские функции. Часть данных испытуемых демонстрирует феминность, другая часть – самые высокие показатели маскулинности по методике С. Бэм (Таблица 3.5.8, Приложение 4).

То есть, в нашей выборке феминные мужчины (в связи со сложностями в гендерной роли), равно как и мужчины с очень высокими показателями по маскулинности (в связи с особенностями, описанными для таких мужчин в рамках теории гегемонной маскулинности) демонстрируют неконструктивные стратегии отцовства.

Выделив отдельно испытуемых второго кластера, мы провели кластеризацию внутри данной группы методом К средних. В результате мы получили два подкластера 2.1 и 2.2 (Рисунок 3.5.7.).

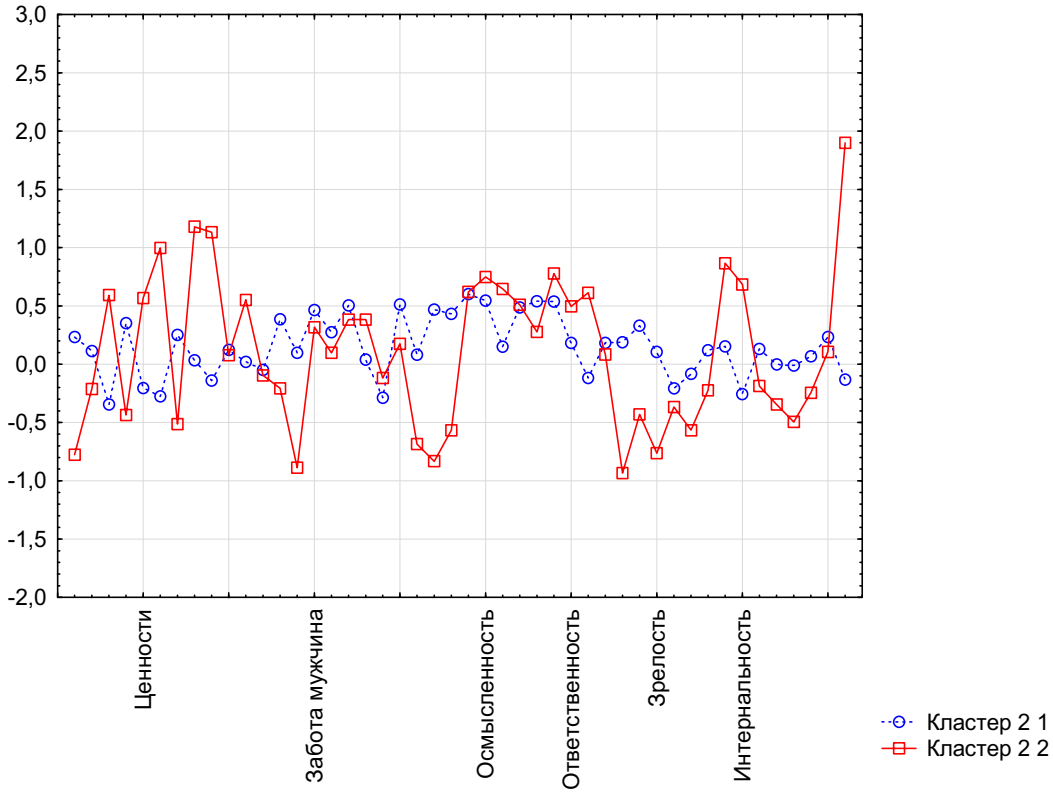

Рисунок 3.5.7. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера

Испытуемые кластера 2.1. демонстрируют высокие баллы по шкалам ценности креативности и сферы общественной жизни, а также по шкалам

родительской идентичности в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги параметрам оценка и активность методики Личностный дифференциал, всем шкалам СЖО, шкале мотивация достижений и низкие по ценности высокого материального положения (Таблица 3.5.9, Приложение 4). Данные испытуемые демонстрируют андрогинность по методике С. Бэм. Данные испытуемые активны, мобильны и легко выполняют андрогинные роли.

Испытуемые кластера 2.2. демонстрируют высокие баллы по шкалам ценностей высокого материального положения, активных социальных контактов, развития себя и сферы обучения и образования, а также принятия ответственности на себя, зрелости личности, мотивации достижений, чувству гражданского долга, шкалам родительской идентичности в уходе за ребенком, оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги, родительской идентичности в роли кормильца, всем шкалам СЖО, шкале отцовских установок, принятию ответственности на себя в ситуации обвинения, принятию ответственности другого лица, шкалам общей интернальности, интернальности в области достижений и удовлетворенности браком и низкие по шкалам ценности креативности, сферы увлечений и шкалам жизненной установки и интернальности в области межличностных отношений (Приложение 4, Таблица 3.5.10). Данные испытуемые демонстрируют маскулинность (основная часть 82%), либо андрогинность (небольшая часть 18%) по методике С. Бэм. Данные испытуемые демонстрируют традиционную мужскую роль.

То есть, стратегии маскулинных и андрогинных мужчин могут отличаться, оставаясь при этом конструктивными. Таким образом, мы можем сделать вывод, что конструктивные стратегии представлены мужчинами с андрогинностью и маскулинностью (но не самых высоких значений), что согласуется с теоретическими положениями, описанными нами выше. На основе теоретического анализа нами было проведено исследование интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства для группы мужчин-отцов в

период взрослости. Зная количественные характеристики и имея критерии оптимальности стратегии отцовства, можно вычислить интегральный показатель стратегии отцовства для мужчин-отцов в период взрослости, который будет изменяться от 0 до 1 и включать в себя пропорционально равные общие компоненты стратегии отцовства:

Далее мы провели исследование интегрального показателя становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте. Значения интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства изменяется от 0 до 1, так при значениях 0 - 0,3 отмечается низкий уровень; 0,3 - 0,7 средний уровень; 0,7 - 1 высокий уровень. Значения внутри каждого компонента также изменяются в пределах о т 0 до 1. Так значение 0 - 0,3 для мужчин-отцов в период взрослости определяет низкий уровень развития стратегии отцовства, связанный с нарушениями в формировании какого-либо или нескольких компонентов стратегии отцовства. В рамках аксиологического компонента стратегии отцовства в этом возрасте – это деструктивная репродуктивная мотивация, непринятие гендерной роли отца, отсутствие ценности отцовства; в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – личностная незрелость, низкая саморегуляция и рефлексия. В качестве праксиологического компонента в данном возрасте выступают характерные для мужчины отцовские практики: при низких показателях для мужчины характерны отказ от ребенка, подстрекание к аборту, игнорирование, жестокое обращение с детьми, девиантное родительство, безответственное поведение, отсутствие своего мнения, девиантное поведение, аддиктивное поведение, социальная дезадаптация.

Значения 0,3 - 0,7 определяют средний уровень развития стратегии отцовства и указывают в рамках аксиологического компонента на отсутсвие или небольшие затруднения в принятии гендерной роли отца, сформированное мировоззрение, но сложности с формированием ценности отношений и/или ценности отцовства, в рамках рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства – задержка обретения зрелости на каком-либо из уровней зрелости, невыский уровень саморегуляции и рефлексии. В рамках праксиологического

компонента – это отсутвие или небольшие отклонения в поведении в сторону отсутствия ответственности, активности, толерантности или целеустремленности поведения, сложности в реализации конструктивных отцовских практик (либо непоследовательная реализация позитивных и деструктивных отцовских практик).

Значения 0,7 - 1 определяют высокий уровень развития стратегии отцовства: аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя принятие гендерной роли отца; сформированное мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется через зрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, высокий уровень саморегуляции и развитая рефлексия, что определят сформированность конструктивной стратегии отцовства и самореализация как родителя. Праксиологический компонент стратегии отцовства: будет включать в себя гендерно типичное поведение, кооперационное взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, ответственное поведение, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, реализацию конструктивных отцовских практик. Учитывая, что содержательные характеристики компонентов стратегии отцовства являют собой развитые и реализованные на практике характеристики психологической готовности к отцовству, то есть, параметры готовности описывают потенциал будующей стратегии, причем сформированная готовность к ответственному отцовству реализуется в конструктивных стратегиях отцовства, мы можем сравнивать параметры интегрального показателя психологической готовности к отцовству у детей, подростков, юношей и молодых мужчин с параметрами интегрального показателя оптимальности стратегии отоцвства у мужчин-отцов.

Анализ средних по всей группе мужчин-отцов в период взрослости показывает, что интегральный показатель и показатель праксиологического компонента находятся в пределах средних величин, показатели аксиологического, и рефлексивно-регулятивного компонентов находятся в рамках высоких значений (Таблица 3.5.11).

Таблица 3.5.11. – Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы мужчин-отцов в период взрослости

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,76	0,59	0,53	0,49	0,70	0,00	0,05
Аксиологический компонент	0,75	0,72	Мн.	0,56	0,88	0,01	0,07
Праксиологический компонент	0,78	0,77	0,77	0,42	0,84	0,01	0,11
Интегральный показатель	0,78	0,69	Мн.	0,51	0,76	0,00	0,06

Для всех мужчин-отцов в период взрослости показатели компонентов интегрального показателя оптимальности стратегий отцовства находятся в рамках средних и выше средних значений, то есть в рамках нормы. Обращает на себя внимание тот факт, что, показатели аксиологического компонента являются самым низким (0,75), а показатель рефлексивно-регулятивного и (0,76) и праксиологического компонентов (0,78) – самыми высокими из всех компонентов стратегии отцовства для мужчин-отцов в период взрослости. Таким образом, получается, что среди внутренних характеристик стратегии отцовства у мужчин-отцов в период взрослости наибольшее выражен рефлексивно-регулятивный компонент.

Если мы проанализируем распределение результатов интегрального показателя по выделенным нами кластерам, то получится, что испытуемые, составившие первый кластер (демонстрирующие низкие баллы по шкалам как родительской идентичности в уходе за ребенком, так и родительской идентичности в роли кормильца; при этом высоко оценивающие по этим параметрам свою жену; имеющие низкие баллы по зрелости и всем шкалам смысложизненных ориентаций; оценивающие себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно низко; выделяющие в качестве наиболее важных ценности собственного престижа, высокого материального положения, и наименее важных – ценности духовного удовлетворения и достижений, а также

сферу профессиональной жизни) имеют самые низкие результаты по интегральному показателю.

Испытуемые, составившие второй кластер и демонстрирующие высокие баллы по обеим шкалам родительской идентичности, причем выше по шкале, описывающей традиционно мужскую роль, высокие баллы по зрелости и по всем шкалам смысложизненных ориентаций и ответственности, оценивающие себя как отца по факторам силы, оценки и активности достаточно высоко, выделившие в качестве наиболее важных ценности духовного удовлетворения и достижений, также сферы профессиональной и семейной жизни, а наименее важных – ценности собственного престижа, высокого материального положения и активных социальных контактов, демонстрируют высокие баллы по интегральному показателю оптимальности стратегии отцовства (Рисунок 3.5.8.).

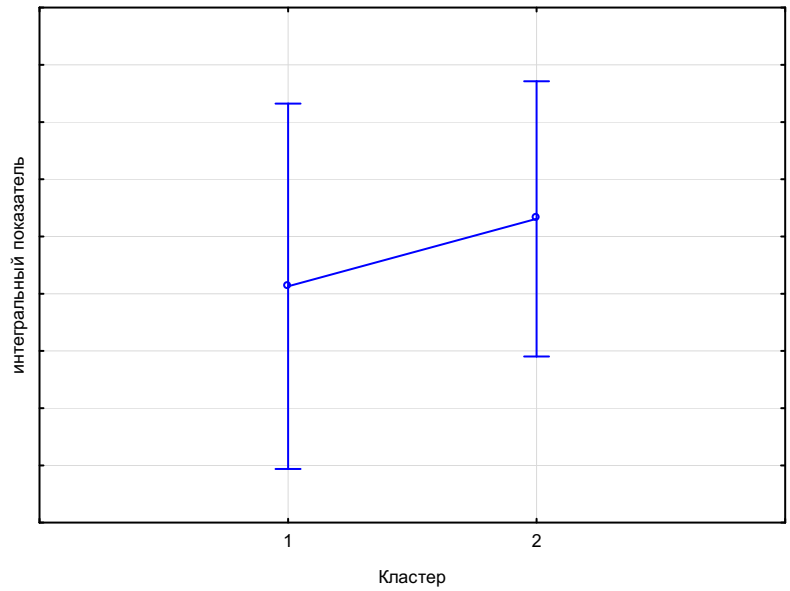

Рисунок 3.5.8. – Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки мужчин-отцов в период взрослости

Таким образом, как видно на Рисунке 3.5.8, можно четко выделить две группы среди мужчин-отцов в период взрослости, различающиеся по особенностям развития стратегии отцовства, различающиеся по выраженности и соотношению компонентов стратегии отцовства, которые можно условно назвать,

неоптимальная (неконструктивная) и оптимальная (конструктивная) стратегия отцовства, имеющих различную наполненность содержательных характеристик стратегии отцовства.

Сравнение результатов мужчин, составивших разные кластеры, по t-критерию Стьюдента показывает, что мужчины-отцы второго кластера демонстрируют намного более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства (Таблица 3.5.12.), причем наибольшая разница заметна в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства.

Таблица 3.5.12. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов разных кластеров по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее 1 кластер	Среднее 2 кластер	t-знач.	p	Ст. откл. Группа 1	Ст. откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,66	0,80	0,55	0,01	0,18	0,16
Аксиологический компонент*	0,55	0,87	0,34	0,08	0,08	0,09
Праксиологический компонент*	0,51	0,81	0,22	0,03	0,20	0,16
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства*	0,65	0,82	0,15	0,00	0,12	0,12

* отмечены значимые отличия

Сравнение данных результатов всей выборки мужчин с данными подростков и юношей по t-критерию Стьюдента показывает, что мужчины-отцы демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства (Таблица 3.5.13.), что подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности формирования стратегий отцовства имеют возрастно-психологическую специфику.

Таблица 3.5.13. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее подростки	Среднее - отцы	t-знач.	p	Ст.откл Группа 1	Ст.откл Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,67	0,76	0,65	0,01	0,18	0,15
Аксиологический компонент*	0,65	0,75	0,55	0,09	0,08	0,07
Праксиологический компонент*	0,71	0,78	0,22	0,03	0,20	0,19
Интегральный показатель*	0,65	0,78	0,15	0,00	0,12	0,13

* отмечены значимые отличия

Сравнение результатов анализа интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства для всех групп испытуемых всех представленных в нашей выборке возрастов подтверждает наше предположение о том, что формирование стратегии отцовства предполагает динамику постепенного повышения показателей всех компонентов интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства от дошкольного периода ко взрослости.

Сравнение данных результатов всей выборки мужчин с данными группы мужчин того же возраста, не имеющих детей (49 человек), по t-критерию Стьюдента показывает, что мужчины-отцы также демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства (Таблица 3.5.14.), что отражает сущностную специфику формирования данного феномена. Особенно заметна разница в показателях праксиологического компонента.

Однако, если мы сравним мужчин из первой группы отцов и мужчин, не имеющих детей, то получим совершенно противоположные данные (Таблица 3.5.15).

Таблица 3.5.14. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее мужчины -отцы	Среднее мужчины, не имеющие детей	t-знач.	p	Ст. откл Группа 1	Ст. откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,76	0,74	0,23	0,00	0,27	0,70
Аксиологический компонент*	0,75	0,67	0,24	0,07	1,43	1,62
Праксиологический компонент*	0,78	0,71	0,53	0,00	0,27	0,70
Интегральный показатель*	0,78	0,68	0,84	0,05	1,43	1,62

* отмечены значимые отличия

Таблица 3.5.15. – Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов первого кластера и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных

Параметры	Среднее мужчины -отцы 1 кластер	Среднее мужчины, не имеющие детей	t-знач.	p	Ст. откл Группа 1	Ст. откл. Группа 2
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,66	0,74	0,23	0,00	0,17	0,12
Аксиологический компонент*	0,55	0,67	0,24	0,08	1,43	1,35
Праксиологический компонент*	0,51	0,71	0,33	0,00	0,67	0,75
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства*	0,65	0,68	0,54	0,09	1,03	1,00

Мужчины, не имеющие детей, имеют более высокие показатели по всем шкалам стратегии отцовства, включая и интегральный показатель, чем мужчины-отцы, демонстрирующие неконструктивную стратегию отцовства. Данные результаты связаны с тем, что мужчины, составившие первый кластер по стратегии отцовства, реализуют неконструктивную стратегию отцовства, которая связана с проблемами в личностном, нравственном, гендерном развитии и

личностной незрелостью. Таким образом, не само наличие детей автоматически приводит к развитию личности мужчины, но личность определяет специфику отцовства. То есть, наше первое допущение первой гипотезы о том, что конструктивность стратегий отцовства взаимосвязана со зрелостью личности, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства, а также предположение том, что принятие гендерной роли отца, осмысленность жизни, ценность отношений и отцовства, а также личностная зрелость и развитая рефлексия взаимосвязаны с конструктивной стратегией отцовства в период взрослости, подтвердились.

Предпринятый в целях поверки гипотезы корреляционный анализ между результатами анализа интегрального показателя и результатами анкеты показал, что существуют положительные взаимосвязи следующих параметров: аксиологический компонент и количество детей, положительные отношения с отцом, желанность ребенка, рефлексивно-регулятивный компонент и желанность ребенка, праксиологический компонент и положительные чувства к ребенку, преставление ребенка до рождения, участие в жизни ребенка-младенца, участие в жизни ребенка, партнерство родителей, интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства и положительные чувства при беременности жены, позитивные отношения с ребенком, партнерство родителей, а также отрицательные взаимосвязи между аксиологическим компонентом и плохими отношениями с матерью, и важностью пола ребенка, рефлексивно-регулятивным компонентом и отсутствием оформления отцовства и материальными трудностями при беременности. Результаты представлены в Таблице 3.5.16.

Таким образом, наше предположение о том, что психологическими эффектами реализации конструктивных стратегий отцовства являются: ответственное отцовство (планирование рождения ребенка, юридически оформленный статус, эмоциональное, физическое и финансовое участие в жизни ребенка), сформированность позитивных отцовских практик; позитивное родительское отношение и позитивное взаимодействие с супругой в рамках

реализации родительских функций, гармоничные супружеские отношения, развитие личности отца и ребенка.

Таблица 3.5.16. – Результаты корреляционного анализа

Параметры	**Коэффициент корреляции (при $p \leq 0,05$)**
Аксиологический компонент – количество детей	0,57
Аксиологический компонент – желанность ребенка	0,61
Рефлексивно-регулятивный компонент – желанность ребенка	0,76
Аксиологический компонент – положительные отношения с отцом	0,57
Праксиологический компонент – положительные чувства к ребенку	0,56
Праксиологический компонент – преставление ребенка до рождения	0,63
Праксиологический компонент – участие в жизни ребенка-младенца*	0,58
Праксиологический компонент – участие в жизни ребенка	0,67
Праксиологический компонент – партнерство родителей*	0,68
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства – положительные чувства при беременности жены	0,55
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства – позитивные отношения с ребенком	0,81
Интегральный показатель оптимальности стратегии отцовства – партнерство родителей	0,77
Аксиологический компонент – плохие отношения с матерью	-0,69
Рефлексивно-регулятивный компонент – отсутствие оформления отцовства*	-0,89
Рефлексивно-регулятивный компонент – материальные трудности при беременности	-0,78
Аксиологический – важность пола ребенка	-0,57

* $p \leq 0,01$

Для уточнения данных, полученных с помощью статистического анализа, нами проводилась беседа, кроме того, в анкеты были включены открытые вопросы, ответы на которые конкретизируют отношение мужчин к исследуемому феномену, однако недостаточно стандартизированы для статистической обработки. Качественный анализ этих данных свидетельствует о том, что: среди мужчин, не имеющих детей, 52% считают, что любят детей, но общаются не часто, 32% часто, 12% испытывают желание отстраниться, для 76% пол ребенка

не важен, свои отношения с матерью оценивают, как очень хорошие 76% испытуемых, причем ни один испытуемый не рассматривает свои отношения с матерью, как плохие, в то время как отношения с отцом классифицируются таким образом 20% испытуемых, однако 68% считают свои отношения с оцтом близкими. 92% испытуемых планируют иметь детей в будущем и считают, что рождение детей необходимо планировать. 92% считают, что появление ребенка сильно изменит их жизнь. 48% представляли себе когда-нибудь своего будущего ребенка, при этом 64% представляют себя в роли отца. На вопрос о трудностях, сопряженных с рождением ребенка, 44% ответили, что это материальные трудности, 28% - ответственность. К практике совместных родов 36% относятся положительно, абсолютное большинство 44% не знают или не задумывались об этом, 40% считают, что с рождением ребенка изменится отношение окружающих к ним, все считают, что в положительную сторону, станут более уважительными, при этом 64% полагают, что изменится их отношение к самим себе, в сторону большей ответственности, большей взрослости. По мнению данной категории испытуемых отец должен давать ребенку представление об окружающем мире, физическое воспитание, заботу, тепло опору, опыт, поддержку, мужественность, представление об ответственности, мудрость, защиту, уважение. При этом отмечается, что отец отдает все, что имеет, и абсолютное большинство отмечают воспитание 85%.

Среди мужчин-отцов – 76% любят детей, но не часто общаются, 12% общаются часто, для 88% пол ребенка не важен, 76% классифицируют свои отношения с матерью как хорошие, с отцом -64%. Первый ребенок для 92% был желанным, при этом к известию о беременности 52% отнеслись с радостью, 12% испытали страх, 40% никаких особенных чувств не испытали, при этом, впервые увидев ребенка, 68% испытали радость и 12% испуг. Во время беременности 52% отцов представляли себе будущего ребенка, 44% считают, что уже во время беременности их жизнь сильно изменилась, 76% - после рождения ребенка. С рождением ребенка мужчины сталкиваются с материальными трудностями 36%, отсутствием времени 40%, нежеланием, страхом общения с ребенком 12%.

Практику совместных родов отвергает 52% мужчин-отцов, 16% не задумывались об этом. При этом 68% отцов занимались с ребенком-младенцем. В идеале отец должен давать ребенку навыки, уверенность, воспитание, радость, помощь, защиту, материальное обеспечение, мужские навыки, содержание общения, ответственность, воспитание характера, отношение к людям. При это конкретный отец обеспечивает основное жизненное направление, общение, понимание и решение проблем ребенка, помощь, совет, деньги, жизнь, средства к существованию, научение, заботу, любовь, опеку, оптимизм, поддержку, смысл жизни, практические навыки оценивания обстановки и отношений, образование, будущее, статус. Отмечается также стремление дать все, что возможно и что в силах.

Отношение окружающих после рождения ребенка изменилось в сторону большего уважения для 50%. Отношение к себе изменилось у 64% испытуемых в сторону большей ответственности (40%), заботы о ребенке, большей серьезности, меньшего внимания на себя, увеличения требований к себе.

На предложение закончить фразу: «Мужчина без ребенка – это...» 72% дали негативную реакцию по отношению к такому мужчине. Приводились следующие сравнения: по мнению мужчин-отцов, мужчина без ребенка – «это очаг без огня», «дом без крыши», «птица без крыльев», «жизнь впустую», «не мужчина», «без сердца», «пустота», «дерево без листьев», «дерево без ветвей», «машина без мотора», «тупик», «эгоист», «мальчик».

Таким образом, качественный анализ показал, что мужчины, не имеющие детей в настоящий момент, планируют это сделать в будущем, при этом вполне представляют себя в роли отцов и считают, что рождение ребенка сильно изменит их жизнь – с рождением ребенка изменится и отношение окружающих к ним в положительную сторону, изменится и их отношение к самим себе. То есть, можно констатировать наличие определенных представлений и стереотипов об отцовстве у мужчин, еще не имеющих детей.

Для мужчин-отцов характерно положительное отношение к отцовству, они считают, что отношение окружающих меняется в лучшую сторону, а мужчина

меняется в сторону большей ответственности и увеличения требований к себе. Можно отметить также сложности с ответами на некоторые конкретные вопросы, касающиеся взаимодействия с ребенком, что может говорить о меньшей вовлеченности конкретных отцов в жизнь детей.

Корреляционный анализ, проводимый при адаптации перевода методики «Опросник родительской идентичности» Джозефа Плека при участии 738 мужчин-отцов разных возрастов (средний возраст 30,7 лет) описательные статистики сырых баллов которых представлены в Таблице 3.5.17. (Приложение 4), показал, что существуют взаимосвязи между отношениями с собственным отцом в детстве и параметрами отцовства самого мужчины.

Так, для всей выборки мужчин существует взаимосвязь отношений с отцом и значимостью оценки параметров отцовства женой (шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги и шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги), а также удовлетворенностью браком (Таблица 3.5.18.).

Таблица 3.5.18. – Взаимосвязь отношений с отцом в детстве с различными параметрами

Параметры	**Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги**	**Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги**	**Удовлетворенность браком**
Отношения с отцом	0,24*	0,12*	0,23*

*результаты значимы при $p \leq 0,01$

А удовлетворенность браком мужчины связана со шкалой родительской идентичности в уходе за ребенком (то есть, того насколько он оказывает помощь супруге в повседневной заботе о ребенке), шкалой оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (того, насколько это оценивает и ценит супруга) и того, какие требования к материальному вкладу

отца она предъявляет (шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги), а также с отношениями с отцом (Таблица 3.5.19.).

Таблица 3.5.19. – Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами

Параметры	**Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)**	**Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)**	**Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)**	**Отношения с отцом**
Удовлетворенность браком	**-0,76***	**0,29***	**0,28***	**0,23***

*результаты значимы при $p \leq 0,01$

Отдельно проанализировав результаты мужчин, разделенных на группы по параметру «отношения с отцом в детстве», мы получили интересные результаты. Для мужчин, описавших свои отношения с отцом в детстве, как «отсутствие отца» (0 баллов) существует взаимосвязь удовлетворенности браком и шкал оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги и оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Таблица 3.5.20.).

Таблица 3.5.20. – Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами у мужчин, выросших без отца

Параметры	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)
Удовлетворенность браком	0,64*	0,72*

*результаты значимы при $p \leq 0,01$

То есть для таких мужчин, значимо важна оценка их отцовских практик супругой. Для других групп мужчин, в том числе описавших свои отношения, как конфликтные (1 балл), ровные (2 балла) и теплые (3 балла), значимых корреляций

не обнаружено. Получается мужчины, выросшие без отца, значительно более ориентируется на свою супругу в своих отцовских практиках, чем остальные мужчины.

Дополнительно предпринятое нами для определения особенностей отцовского отношения мужчины, выросшего в условиях патернальной депривации, эмпирическое исследование, в котором приняли участие 60 мужчин-отцов, 32 из которых выросли в условиях патернальной депривации, 28 – контрольная группа (КГ) показало сходные результаты [82, с. 145-148, 490]. Возраст мужчин в среднем составил от 24 до 50 лет. Исследование проходило в период с февраля по апрель 2012 года. Исследование уровневых характеристик выборки, состоявшей из 60 человек, показывает, что наибольший разброс наблюдается в данных по общим стереотипным представлениям о родительстве, причем как для всей выборки, так и для обеих групп, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов данного опросника. Данные, полученные с помощью методики Дж.Плека, являются более однородными как внутри выборки, так и внутри каждой группы, что свидетельствует о наличии определенной модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам находятся в рамках статистических норм данных методик, данные по опроснику PARI являются высокой нормой, данные по методике Дж. Плека соответствуют средним значениям норм. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо.

Проведена проверка по t-критерию Стьюдента показала, что группы мужчин, воспитанных в полной и неполной семье различаются по следующим параметрам: родительская идентичность супруги в уходе за ребёнком; родительская идентичность в роли кормильца; родительская идентичность в роли кормильца в глазах супруги; ролевой выбор; ограничение матери ролью хозяйки дома; «жертвенность» родителей; зависимость ребёнка от матери; избегание

общения с ребёнком; ускорение развития ребёнка; наличие брака; стаж брака; отношение мужчины со своим отцом.

Структурный анализ результатов, полученных в ходе нашего исследования, заключается в выявлении и изучении взаимосвязи патернальной депривации в детстве с параметрами родительского отношения. Для этого нами был проведен корреляционный анализ по Спирмену, показавший, что существует взаимосвязь между отношениями с отцом в детстве и результатами по методике Дж.Плека: родительская идентичность супруги в уходе за ребёнком, означает то, что мужчина действует по материнскому стереотипу в общении с ребенком; идентичность в роли кормильца, идентичность в роли кормильца в глазах супруги, заключается в том, что мужчина идентифицирует себя с кормильцем, через взаимоотношения с супругой; ролевой выбор (скорее всего, связан с проблемами в ролевом выборе мужчины между материнскими и отцовскими функциями в заботе о ребенке).

Таблица 3.5.21. – Параметры, взаимосвязанные с отсутствием отца в детстве

Параметры	**Коэффициент корреляции (при $p \leq 0,05$)**
Родительская идентичность супруги в уходе за ребёнком	-0,53
Идентичность в роли кормильца	0,50
Идентичность в роли кормильца в глазах супруги	-0,61
Ускорение развития ребёнка	-0,42
Избегание общения с ребёнком	-0,39
Зависимость ребёнка от матери	0,52
«Жертвенность» родителей	-0,50
Ограничение матери ролью хозяйки дома	-0,45

Примечательно, что у мужчин, выросших в полных семьях, такой связи не обнаружено, что говорит о наличии проблемы именно в связи с формированием модели мужского и отцовского поведения в детстве. А также таких параметров PARI как: ограничение матери ролью хозяйки дома (чрезмерное притязание на мужскую роль, как следствие слабости мужских ролевых моделей); «жертвенность» родителей; зависимость ребёнка от матери, избегание общения с

ребёнком, что говорит о проблемах во взаимоотношениях с ребенком; ускорение развития ребёнка (Таблица 3.5.21.).

Для мужчин, выросших в полной семье, выявлены такие взаимосвязи как: родительская идентичность в роли кормильца (мужская модель поведения); зависимость ребёнка от матери; сохранность брака (то есть, мужчины, выросшие в полной семье, реже разводятся); стаж брака (соответственно); отношения с отцом (Таблица 3.5.22).

Таблица 3.5.22. – Параметры, взаимосвязанные с воспитанием в полной семье

Параметры	**Коэффициент корреляции (при p≤ 0,05)**
Родительская идентичность в роли кормильца	0,50
Отношения с отцом	0,94
Сохранность брака	0,49
Зависимость ребёнка от матери;	0,45

Для уточнения данных, полученных с помощью корреляционного анализа, был проведено детальное сравнение корреляционных матриц двух групп испытуемых. Количественное сравнение межуровневых связей в корреляционной матрице позволяет сделать вывод о том, что в обеих группах родительское отношения структурировано одинаково, однако качество этих связей разное.

Для мужчин, выросших в неполной семье (Таблица 3.5.23) характерны такие взаимосвязи как: родительская идентичность в уходе за ребёнком в глазах супруги с жертвенностью родителей; родительская идентичность в уходе за ребёнком со страхом причинить вред ребёнку; родительская идентичность в уходе за ребёнком с отношениями с родителями; наличие брака с подавлением воли ребёнка; поощрение активности ребёнка с наличием брака; невнимательность мужа к жене со стажем брака; количество детей с подавлением сексуальности ребёнка; власть матери с родительской идентичностью в роли кормильца; ускорение развития ребёнка с наличием брака; возраст с зависимостью ребёнка от

матери; «жертвенность» родителей с отношениями мужчины с родителями; отношения с родителями с невнимательностью мужа к жене.

Таблица 3.5.23. – Взаимосвязи параметров в группе мужчин из неполной семьи

Взаимосвязанные параметры		**Коэффициент корреляции (при p≤ 0,05)**
Родительская идентичность уходе за ребёнком	Подавление агрессивности ребёнка	0,678
Родительская идентичность в уходе за ребёнком в глазах супруги	Жертвенность родителей	0,742
Родительская идентичность в уходе за ребёнком	Страх причинить вред ребёнку	0,76
Родительская идентичность в уходе за ребёнком	Отношения с родителями	0,7
Наличие брака	Подавление воли ребёнка	0,774
Поощрение активности ребёнка	Наличие брака	0,894
Невнимательность мужа к жене	Стаж брака	0,819
Количество детей	Подавление сексуальности ребёнка	0,866
Власть матери	Родительская идентичность в роли кормильца	0,685
Ускорение развития ребёнка	Наличие брака	0,794
Возраст	Зависимость ребёнка от матери	0,74
Жертвенность родителей	Отношения с родителями	0,777
Отношения с родителями	Невнимательность мужа к жене	0,786

Следовательно, здесь можно увидеть, что большинство взаимосвязей включают в себя параметры отношений с собственными родителями и ребёнком и описывают трансгенерационную проблему.

Для второй группы (мужчины, выросшие в полной семье (Таблица 3.5.24)) характерны такие взаимосвязи: родительская идентичность в уходе за ребёнком с «жертвенностью» родителей; равенство родителей и ребёнка с родительской идентичностью супруги в уходе за ребёнком; подавление агрессивности ребёнка с родительской идентичностью в роли кормильца; мученичество родителей с родительской идентичностью в роли кормильца; родительская идентичность в уходе за ребёнком с предоставлением ребёнку возможности высказаться; «жертвенность» родителей с ролевым выбором; товарищеские отношения между родителями и детьми с ролевым выбором; «мученичество» родителей со

сравнением с партнёром; отношения с родителями с предоставлением ребёнку возможности высказаться; отношения с супругой со строгостью родителей; отношения с супругой с подавлением агрессивности ребёнка; отношения с супругой с навязчивостью родителей.

Таблица 3.5.24. – Взаимосвязи параметров в группе мужчин из полной семьи

Взаимосвязанные параметры		**Коэффициент корреляции (при p≤ 0,05)**
Родительская идентичность в уходе за ребёнком	Жертвенность родителей	0,434
Равенство родителей и ребёнка	Родительская идентичность супруга в уходе за ребёнком	0,475
Подавление агрессивности ребёнка	Родительская идентичность в роли кормильца	0,484
Мученичество родителей	Родительская идентичность в роли кормильца	0,629
Предоставление ребёнку возможности высказаться	Родительская идентичность в уходе за ребёнком	0,515
Раздражительность родителей	Родительская идентичность в уходе за ребёнком	0,459
Жертвенность родителей	Ролевой выбор	0,509
Товарищеские отношения между родителями и детьми	Ролевой выбор	0,505
Мученичество родителей	Сравнение с партнёром	0,448
Отношения с родителями	Предоставление ребёнку возможности высказаться	0,449
Отношения с супругой	Строгость родителей	0,447
Отношения с супругой	Подавление агрессивности ребёнка	0,482
Отношения с супругой	Навязчивость родителей	0,576

Здесь можно увидеть, что большинство взаимосвязей включают в себя отношения с супругой и ребенком и описывают проблему отношений [490].

Однако, по данным анкетирования все мужчины в данной выборке выстраивают отношения со своими детьми, следовательно, отсутствие отцовской модели поведения определяет не способность/неспособность быть хорошим отцом, а особенности выстраивания отцовского поведения в условиях недостатка мужских образцов поведения с ребенком. Так же наблюдается большая зависимость ребёнка от матери у мужчин из неполной семьи. Это объясняется тем, что если нет ни вспомогательного, ни уравновешивающего влияния отца, то

естественно, что значение личности матери становится намного большим, чем при нормальных обстоятельствах. Таким образом, стратегии отцовства мужчин, выросших в полной или неполной семье, имеют отличия.

Результаты исследования подтверждают наше предположение о том, психологические эффекты конструктивных стратегий отцовства имеют семейную специфику.

Для изучения гендерной специфики психологической готовности к родительству нами было проведено дополнительное исследование, в котором приняли участие 163 человека, из них 60 мужчин и 103 женщины. Средний возраст испытуемых составил 19,32 года (мужчин – 20,08; женщин – 18,92). Все испытуемые – студенты Кемеровского государственного университета, обучающиеся на различных направлениях подготовки. Участие в исследовании происходило на основе добровольного мотивированного согласия испытуемых.

Таблица 3.5.25. – Результаты сравнения групп мужчин и женщин, не имеющих детей, по t-критерию Стьюдента*

Параметры	**Среднее (жен.)**	**Среднее (мужч.)**	**t-знач.**	**p**	**Ст. отклонение (жен.)**	**Ст. отклонение (мужч.)**
РИ воспитательно-ухаживающая	3,38	3,02	6,82	0,00	0,28	0,40
РИ провайдерская	3,86	4,05	-2,05	0,04	0,58	0,48
Навязчивый поиск	14,87	16,57	-2,29	0,02	4,58	4,48
Отцовские установки	27,66	25,70	4,06	0,00	2,74	3,33
Локус контроля – Я	19,92	17,58	3,36	0,00	4,28	4,31
Локус контроля – жизнь	29,77	27,40	2,56	0,01	6,09	4,91
Осмысленность жизни	97,85	91,82	2,04	0,04	18,85	17,21

*Представлены только значимые различия

Сравнение групп мужчин и женщин, не имеющих детей, по t-критерию Стьюдента (таблица 3.5.25) выявило значимые различия по следующим параметрам: воспитательно-ухаживающая и провайдерская родительская идентичность, навязчивый поиск, отцовские установки, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь и осмысленность жизни. При этом, у женщин выше все параметры, кроме провайдерская родительской идентичности и навязчивого поиска.

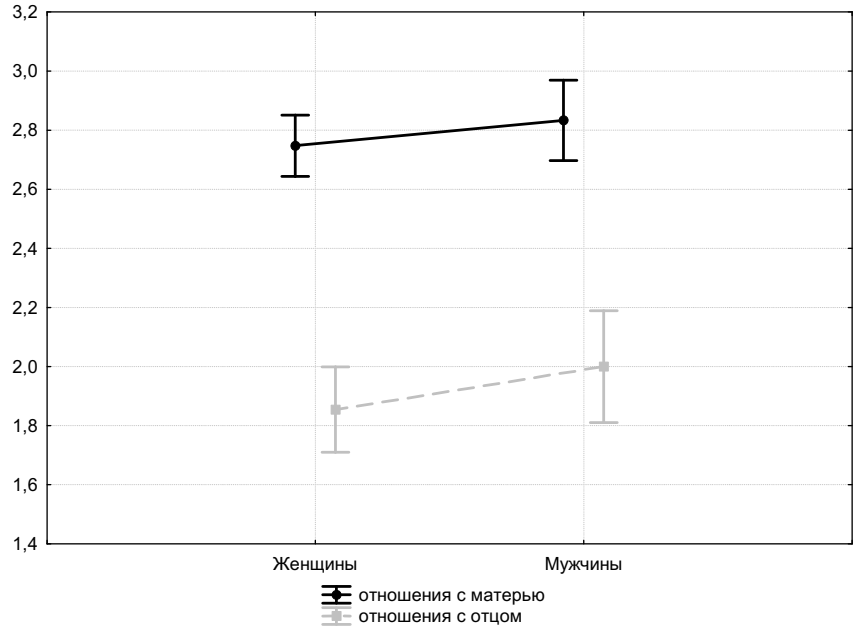

Рисунок 3.5.9. – Результаты дисперсионного анализа параметров отношения с родителями у мужчин и женщин без детей

Дисперсионный анализ, предпринятый для полноты анализа, показал, что мужчины выше оценивают свои отношения с матерью и с отцом (рисунок 3.5.9). Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность у них выражена ниже, а провайдерская – выше, чем у женщин (рисунок 3.5.10).

Выявлены различия между характеристиками поиска и обязательств у мужчин и женщин без детей (рисунок 3.5.11). Принятие обязательств и идентификация с обязательствами у мужчин в среднем ниже, чем у женщин, при

этом поиск вширь и навязчивый поиск выражены сильнее у мужчин. Однако глубокий поиск более выражен у женщин.

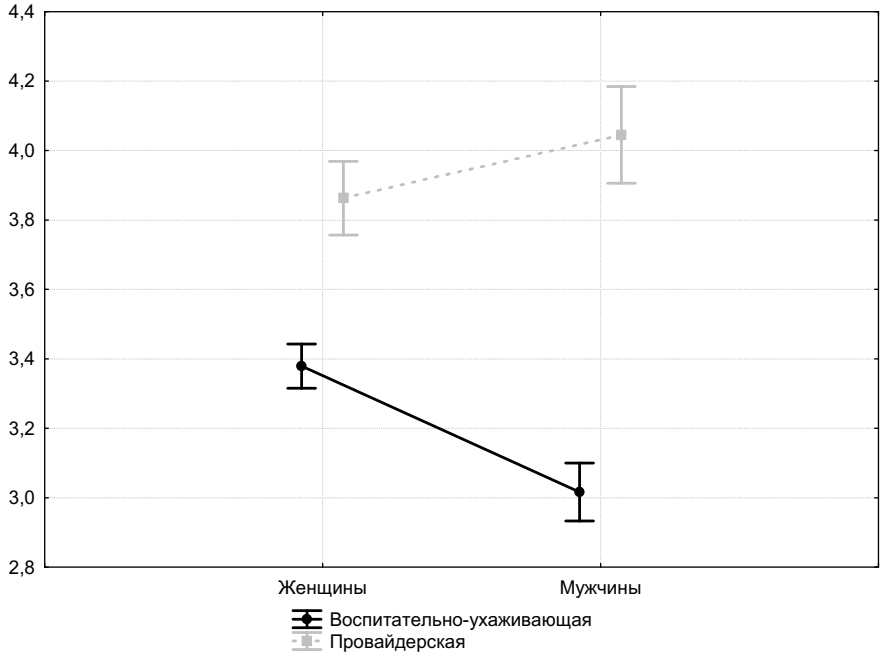

Рисунок 3.5.10. – Результаты дисперсионного анализа параметров родительской идентичности у мужчин и женщин без детей

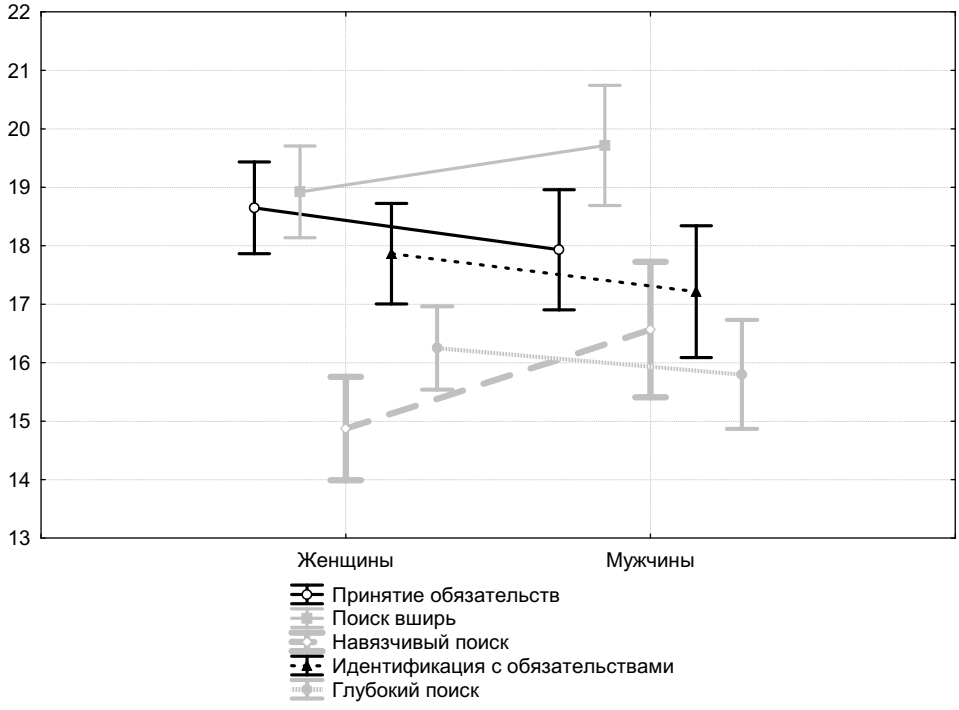

Рисунок 3.5 11. – Результаты дисперсионного анализа процессов становления идентичности у мужчин и женщин без детей

Кроме того, общегрупповые матрицы данных мужчин и женщин были подвергнуты факторному анализу с подпрограммой поворота осей.

Таблица 3.5.26. – Результаты факторного анализа для выборки женщин без детей

Параметры/Факторы	**Чувство идентичности**	**Осмысленные обязательства**	**Отсутствие поиска**
Возраст	0,53	-0,10	-0,11
Отношение к детям	-0,26	0,44	0,20
Отношения с матерью	-0,44	0,36	0,24
Отношения с отцом	-0,19	0,31	0,24
Планирование детей в будущем	-0,10	0,01	-0,04
РИ воспитательно-ухаживающая	-0,09	0,14	-0,28
РИ провайдерская	-0,09	0,15	-0,14
Чувство взрослости	0,68	0,40	0,07
Оценка уважения окружающих	0,59	0,47	0,04
Чувство зрелости	0,68	0,33	0,13
Найденное место в жизни	0,59	0,55	0,09
Найденный стиль жизни	0,69	0,46	0,09
Найденный круг общения	0,44	0,42	-0,09
Чувство идентичности	0,78	0,56	0,07
Принятие обязательств	0,34	0,75	-0,13
Поиск вширь	-0,04	0,15	-0,76
Навязчивый поиск	-0,38	-0,36	-0,64
Идентификация с обязательствами	0,29	0,74	-0,16
Глубокий поиск	0,04	0,07	-0,71
Отцовские установки	-0,10	0,38	-0,34
Достигнутая идентичность	-0,09	0,68	-0,17
Диффузная идентичность	-0,04	-0,73	-0,01
Предрешенная идентичность	0,24	0,14	0,31
Цели в жизни	0,27	0,86	0,02
Процесс жизни	0,15	0,86	-0,01
Результативность жизни	0,25	0,83	0,05
Локус контроля – Я	0,31	0,84	0,02
Локус контроля – жизнь	0,09	0,88	0,09
Осмысленность жизни	0,22	0,93	0,03
Общая дисперсия	4,23	8,90	2,10
Доля дисперсии	0,15	0,31	0,07

В результате обработки данных по каждой выборке, было выявлено, что для изучаемого нами феномена можно выделить устойчивые факторы. Устойчивость

проверялась путем аналогичной процедуры для половины выборки, полученной случайным образом. Знак факторной нагрузки имеет математический, а не оценочный смысл и показывает, к какому полюсу фактора относится рассматриваемая шкала.Для молодых женщин (таблица 3.5.26) выделяется 3 фактора (факторный анализ с вращением varimax raw): первый фактор «Чувство идентичности» (0,15 от общей дисперсии, биполярен), второй фактор «Осмысленные обязательства» (наиболее значимый - 0,31 от общей дисперсии) также биполярен, третий фактор «Отсутствие поиска» имеет малый вес (доля дисперсии 0,07 при общей дисперсии 2,1).

Для молодых мужчин с помощью факторного анализа с вращением varimax raw можно выделить четыре устойчивых фактора: (таблица 3.5.27) с долями дисперсии 0,26; 0,18; 0,12 и 0,10 соответственно.

Первый фактор «Осмысленные обязательства» (общая дисперсия 7,43, доля дисперсии 0,26) биполярный объединяет на положительном полюсе различные аспекты осмысленности своих обязательств, достигнутой идентичности, на противоположном – диффузность идентичности.

Второй фактор «Чувство идентичности» (общая дисперсия 5,35, доля дисперсии 0,18) также биполярный, объединяет на положительном полюсе различные аспекты идентичности и чувства взрослости, на противоположном – поиск.

Третий фактор «Родительские установки» (дисперсия 3,38, доля дисперсии 0,12) и четвертый фактор «Поиск родительской идентичности» (общая дисперсия 2,81, доля дисперсии 0,10) также биполярны и наименее нагружены.

Мы обнаружили, что между мужчинами и женщинами без детей наблюдаются значимые различия по следующим параметрам: воспитательно-ухаживающая и провайдерская родительская идентичность, навязчивый поиск, отцовские установки, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь и осмысленность жизни.

Таблица 3.5.27. – Результаты факторного анализа для выборки мужчин без детей

Параметры/Факторы	**Осмысленные обязательства**	**Чувство идентичности**	**Родительские установки**	**Поиск родительской идентичности**
Возраст	0,48	0,17	-0,11	-0,55
Отношение к детям	0,46	-0,08	0,38	0,50
Отношения с матерью	0,19	0,09	0,52	-0,45
Отношения с отцом	0,34	0,22	-0,12	0,60
Планирование детей в будущем	0,39	0,07	0,76	-0,04
РИ воспитательно-ухаживающая	-0,23	0,04	0,59	0,23
РИ провайдерская	0,16	-0,29	0,29	0,20
Чувство взрослости	0,30	0,75	-0,27	-0,16
Оценка уважения окружающих	0,12	0,79	0,19	-0,05
Чувство зрелости	0,05	0,78	-0,32	0,04
Найденное место в жизни	0,26	0,81	0,13	0,00
Найденный стиль жизни	0,16	0,63	0,52	-0,09
Найденный круг общения	0,24	0,40	0,65	-0,15
Чувство идентичности	0,25	0,91	0,23	-0,09
Принятие обязательств	0,61	0,11	0,38	0,04
Поиск вширь	0,29	-0,61	0,18	0,23
Навязчивый поиск	-0,25	-0,47	-0,20	0,61
Идентификация с обязательствами	0,61	0,03	0,35	-0,18
Глубокий поиск	-0,09	-0,31	0,00	0,75
Отцовские установки	0,12	-0,41	0,57	0,29
Достигнутая идентичность	0,60	-0,31	-0,13	-0,44
Диффузная идентичность	-0,75	0,09	-0,01	0,36
Предрешенная идентичность	0,26	0,31	0,22	0,11
Цели в жизни	0,84	0,32	0,05	0,02
Процесс жизни	0,87	0,27	0,17	0,01
Результативность жизни	0,83	0,20	-0,01	0,16
Локус контроля – Я	0,80	0,06	0,44	-0,16
Локус контроля – жизнь	0,85	0,10	0,04	-0,09
Осмысленность жизни	0,95	0,18	0,10	0,04
Общая дисперсия	7,43	5,35	3,38	2,81
Доля дисперсии	0,26	0,18	0,12	0,10

При этом, у женщин выше все параметры, кроме провайдерская родительской идентичности и навязчивого поиска, что согласуется с другими исследованиями мужчин и женщин, уже имеющих детей. Более высокие отцовские установки у женщин, чем у мужчин указывают на большие ожидания женщин по поводу выполнения отцовской роли ее будущим партнером, при этом в среднем молодые люди не готовы соответствовать таким ожиданиям, то может в будущем способствовать различным конфликтам на этой почве.

Дисперсионный анализ, предпринятый для полноты анализа, показал, что мужчины выше оценивают свои отношения с матерью и с отцом. Принятие обязательств и идентификация с обязательствами у мужчин в среднем ниже, чем у женщин, поиск вширь и навязчивый поиск - выше. Глубокий поиск более выражен у женщин. Мужчины в период ранней взрослости находятся на первичной стадии поиска – поиск вширь (поиск вариантов поведения, траекторий развития, направлений, мест), поэтому, не определившись с вариантами, не могут определиться с обязательствами. Таким образом, они оказываются в состоянии моратория. Для женщин этого же возраста характерен поиск вглубь связанный с уже принятыми обязательствами. То есть они, уже прошли процессы поиска вширь, принятия обязательств. Это может быть связано с тем, что молодые женщины раньше определяются в жизни и «достигают» идентичности, но может быть связано и с предрешенной идентичностью. У молодых мужчин больше выражен навязчивый поиск – руминизация, поиск по кругу. Это может быть связано со сложностью самоопределения в современных социальных условиях именно для мужчин молодого возраста, трудностями поиска своего места в меняющемся мире, так как мужская роль более социально-детерминирована, чем женская.

Обращают на себя внимание особенности факторной структуры у мужчин и женщин. Для женщин самый нагруженный фактор - Осмысленные обязательства, кроме него выделяются факторы чувства идентичности и отсутствие поиска. Женщины включают материнские роли в свой репертуар,

принимая обязательства, осмысляя их, и последствия принятия этих обязательств, но не осуществляют писка для того, чтобы сформировать их для себя.

У молодых мужчин факторов больше. Они более равномерно нагружены. В отличие от женщин для мужчин характерен поиск родительской идентичности, связанный с отношениями с отцом, и отношением к детям. Таким образом, мы выявили, что женщины больше информированы в данной сфере, более интересуются данными вопросами и более готовы принять на себя родительские в обязательства в будущем, для мужчин характерны размытость представлений и затруднения в поиске информации по вопросам родительства, такая неопределенность осложняет формирование осознанной готовности к принятию родительских обязательств. Явление отсутствия осознанного отношения к родительству у молодых мужчин до просьбы партнерши о рождении ребенка было описано, однако, без выявления его механизмов в статье A. Rotkirch [30]. Таким образом, мы описали гендерные особенности этапа становления родительской идентичности у молодых людей, не имеющих детей, и впервые определили причины некоторых различий, проявляющиеся в разной скорости темпов становления родительской идентичности.

Мужчины в период ранней взрослости находятся на первичной стадии поиска, когда происходит поиск вариантов поведения, траекторий развития, направлений, поиск своего места в новой системе координат (в данном случае в особой области жизни – родительстве), поэтому, не определившись с возможными и приемлемыми для них вариантами поведения, они не могут определиться с тем, какие обязательства они могут, хотят или готовы принять на себя в этой сфере жизни. Таким образом, они оказываются в состоянии моратория, оставляя для себя время для принятия решений и выбора возможных вариантов поведения и форм отношений в этой сфере до появления отношений с конкретной женщиной-матерью будущего ребенка. Для женщин этого же возраста характерна большая информированность в этой сфере, готовность принять на себя обязательства в данной сфере когда-либо в будущем, что, однако, оставляет возможность для поиска и сбора информации и обсуждения вопросов,

связанных с родительством. Таким образом, процессуальная сторона становления психологической готовности к родительстыу у мужчин и женщин, не имеющих детей, характеризуется различием в темпах.

Среди мужчин и женщин, имеющих детей, в исследовании приняли участие 721 человека, из них 401 мужчина и 320 женщины. Средний возраст испытуемых составил 35,49 года (мужчин – 34,09; женщин – 36,72). Все испытуемые - жители России. Все испытуемые состоят в браке, имеют одного ребенка (37% мужчин, 39% женщин), двух детей (59% мужчин, 58% женщин), трех и более детей (4% мужчин и 3% женщин). Среди испытуемых мужчин 96% имеют постоянную работу, 1% не работает, 3% - пенсионеры. Среди женщин 85% имеют постоянную работу, 11% не работают, 4% - пенсионеры. Участие в исследовании происходило на основе добровольного мотивированного согласия испытуемых.

Анализ уровневых характеристик выборки, состоявшей из 721 человека в возрасте ранней и средней взрослости, показал, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкале осмысленности жизни (СЖО), а также по шкале методики ISRI-PI чувство родительской идентичности, по шкалам U-MICS-PI: принятие обязательств и глубокий поиск, по шкалам методики DIDS: принятие обязательств, поиск вширь, идентификация с обязательствами, глубокий поиск и шкале локус контроля – жизнь методики СЖО. Кроме того, высокой дисперсией отличаются шкалы цели в жизни, процесс жизни, и результативность жизни (СЖО), и шкала методики DIDS навязчивый поиск, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов данных шкал. Наименьшей дисперсией характеризуются шкала воспитательно-ухаживающая родительская идентичность методики оценки родительской идентичности Плека (то есть, данный параметр сходно оценивают испытуемые обоих полов).

Сравнение групп отцов и матерей по критерию Фишера показало, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова), кроме данных по шкалам предрешенной и диффузной идентичности по методике Е.Л. Солдатовой (СЭИ-тест). Таким образом, для

выявления различий были использованы t-критерий Стьюдента для параметрических данных (результаты представлены в Таблице 1) и U критерий Манна-Уитни для непараметрических данных по одной методике (проверка по данному критерию значимых различий не выявила).

Сравнение групп отцов и матерей t-критерию Стьюдента выявило значимые различия по параметрам, представленным в таблице 3.5.28.

При этом у женщин выше удовлетворенность отношениями с ребенком, количество детей, воспитательно-ухаживающая родительская идентичность, глубокий поиск (U-MICS-PI), чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI), важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI), в то время как у мужчин выше провайдерская родительская идентичность и отцовские установки.

Таблица 3.5.28. – Результаты сравнения групп отцов и матерей по t-критерию Стьюдента*

Параметры	**Среднее женщ.**	**Среднее мужч**	**t-знач.**	**p**	**Ст. отклонение женщ.**	**Ст. отклонение мужч.**
Удовлетворенность отношениями с ребенком	3,71	3,45	2,11	0,04	0,60	0,85
Воспитательно-ухаживающая РИ	3,47	3,28	3,14	0,00	0,30	0,37
Провайдерская РИ	2,78	3,94	3,17	0,00	0,58	0,40
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	17,89	15,00	1,79	0,00	4,78	4,99
Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	3,61	2,98	2,17	0,00	0,62	1,17
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	3,71	3,32	2,09	0,01	0,43	0,88
Отцовские установки (ШОУ)	23,01	25,12	4,15	0,00	2,76	2,73

*Представлены только значимые различия

Далее нами был предпринят дисперсионный анализ, который показал, что отцы выше оценивают свою удовлетворенность браком, но ниже оценивают удовлетворенность отношениями с детьми (рисунок 3.5.12).

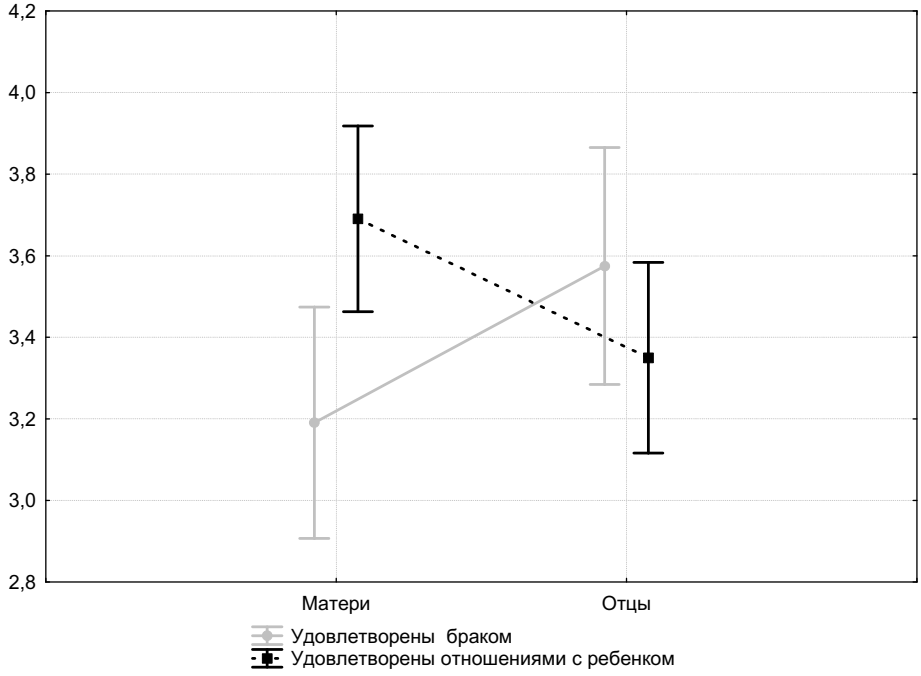

Рисунок 3.5.12. – Различия в удовлетворенности браком и удовлетворенности отношениями с детьми у отцов и матерей

Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность у них выражена ниже, а провайдерская – намного выше, чем у матерей (рисунок 3.5.13).

Принятие обязательств относительно родительства и глубокий поиск в этой сфере выражены у мужчин ниже, чем у женщин, но при этом пересмотр обязательств, хотя и в целом по выборке меньше выражен, но у мужнин выражен сильнее (рисунок 3.5.14).

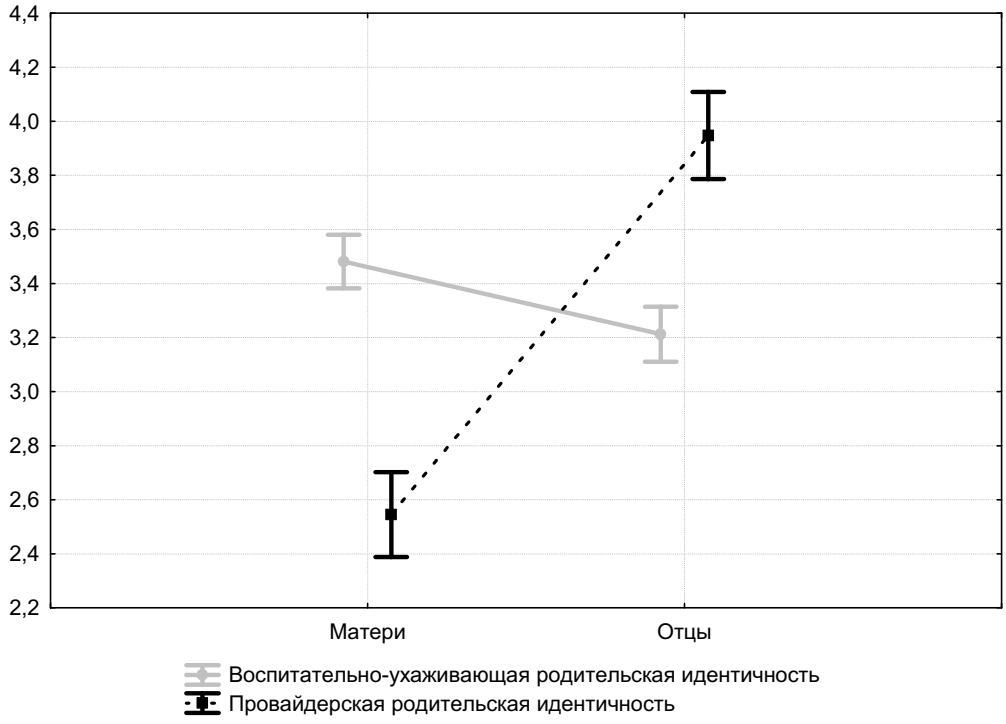

Рисунок 3.5.13. – Различия в родительской идентичности отцов и матерей

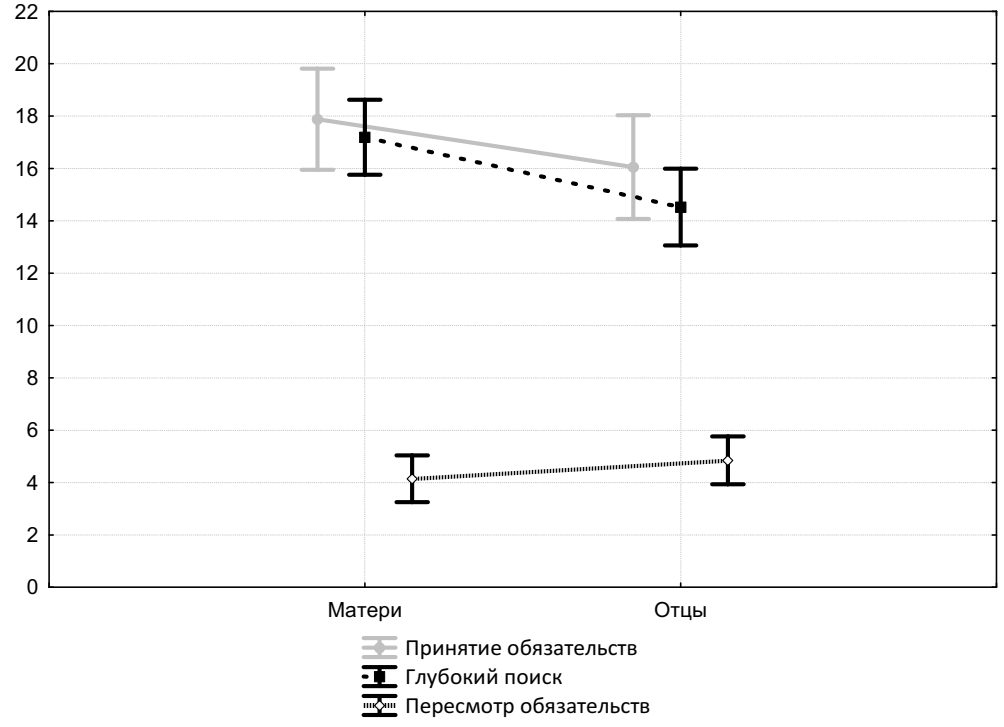

Рисунок 3.5.14 – Различия в процессах становления родительской идентичности по методике U-MICS-PI у отцов и матерей

Мужчины выше оценивают свое чувство зрелости и место в жизни, и ниже, чем женщины оценивают то, насколько их устраивает и будет устраивать круг их общения (рисунок 3.5.15).

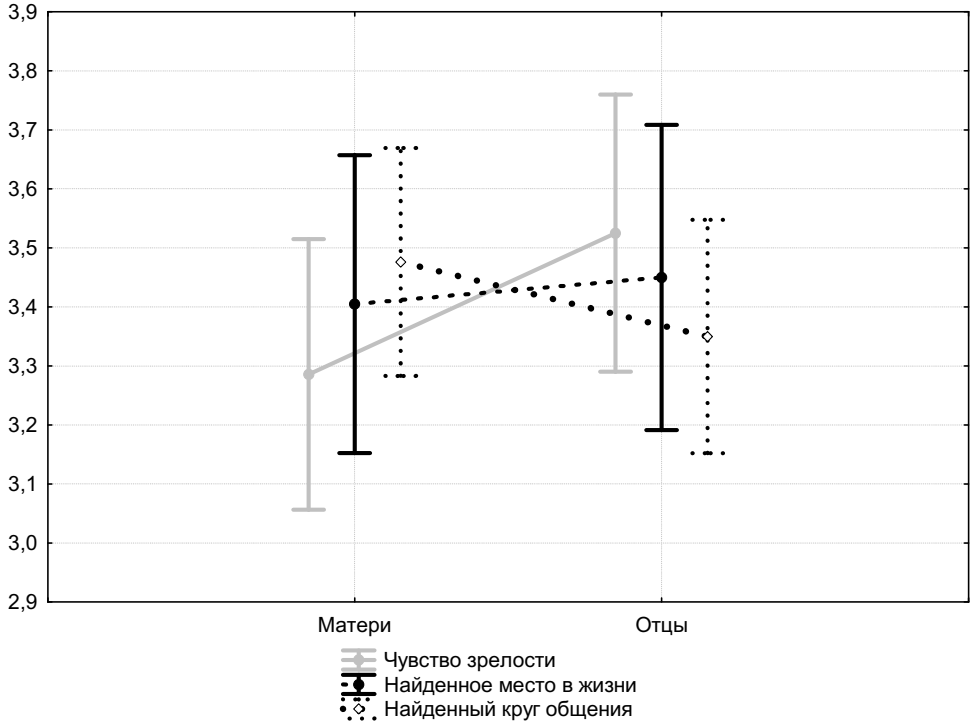

Рисунок 3.5.15. – Различия в идентичности (ISRI) у отцов и матерей

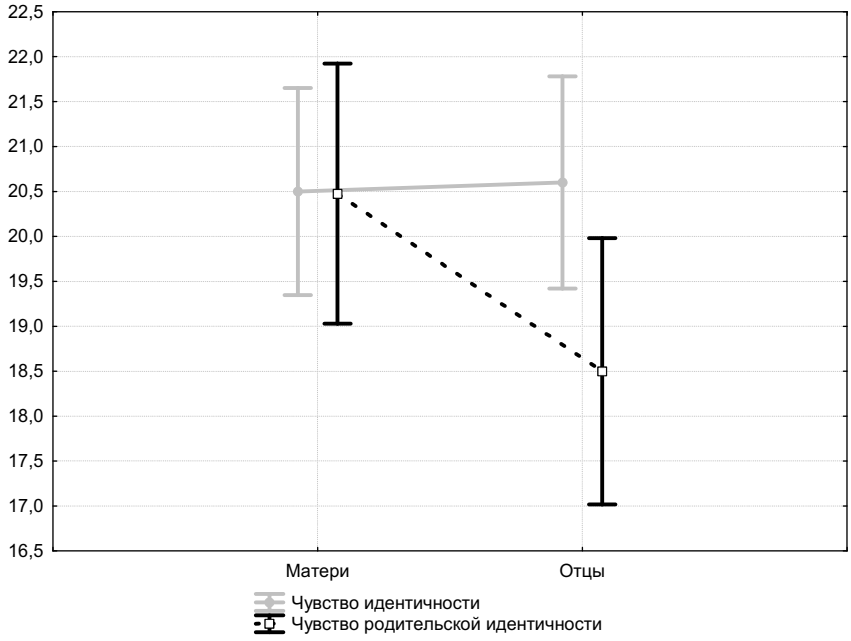

Рисунок 3.5.16. – Различия в чувстве идентичности (ISRI) и родительской идентичности (ISRI-PI) у отцов и матерей

Мужчины несколько выше оценивают свое чувство идентичности, но намного ниже оценивают свое чувство родительской идентичности по сравнению с женщинами (рисунок 3.5.16)

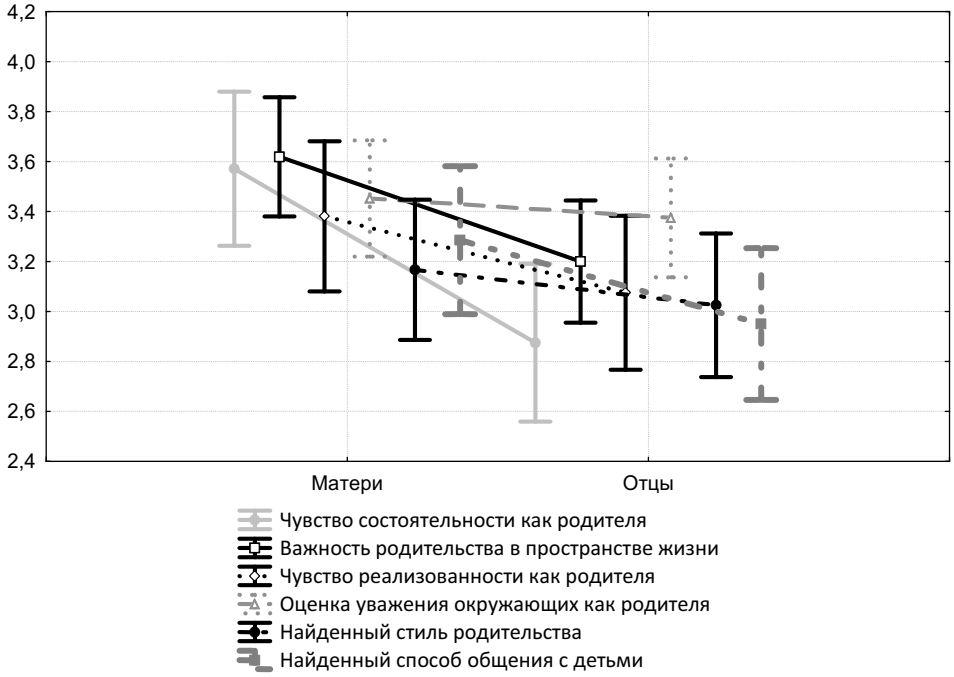

Рисунок 3.5.17. – Различия шкал родительской идентичности (ISRI-PI) у отцов и матерей

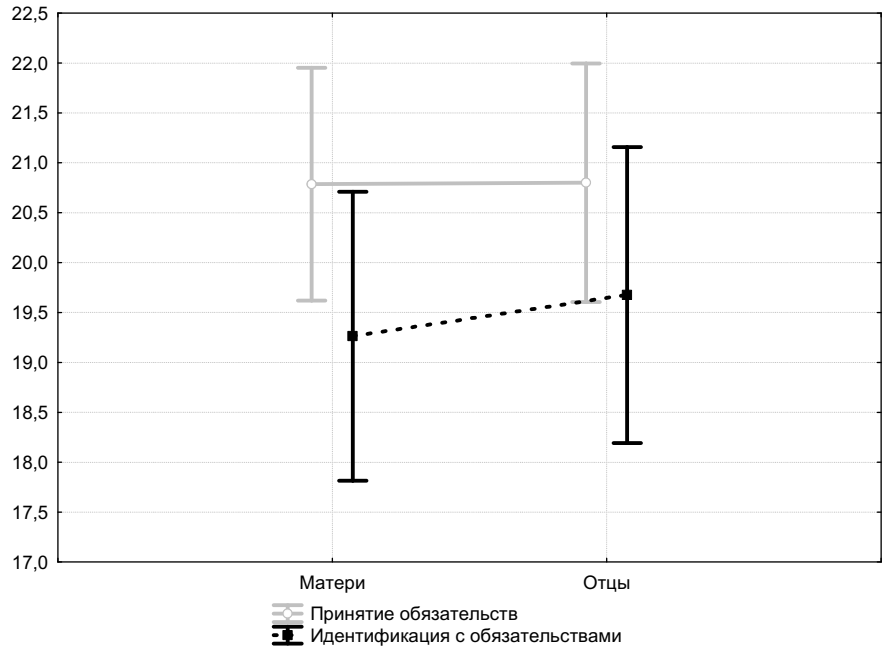

Рисунок 3.5.18. – Различия шкал обязательств (DIDS) у отцов и матерей

При этом для отцов характерны более низкие оценки по всем шкалам, описывающим родительскую идентичность по методике ISRI-PI: чувство состоятельности как родителя, важность родительства в пространстве жизни, чувство реализованности как родителя, оценка уважения окружающих как родителя, найденный стиль родительства, найденный способ общения с детьми (рисунок 3.5.17).

Если принятие обязательств у мужчин и женщин различается мало, то идентификация с обязательствами более выражена у отцов (рисунок 3.5.18).

Для отцов характерны более высокие оценки параметров процессов поиска, как поиска вширь, так и глубокого поиска, но менее характерен навязчивый поиск (рисунок 3.5.19).

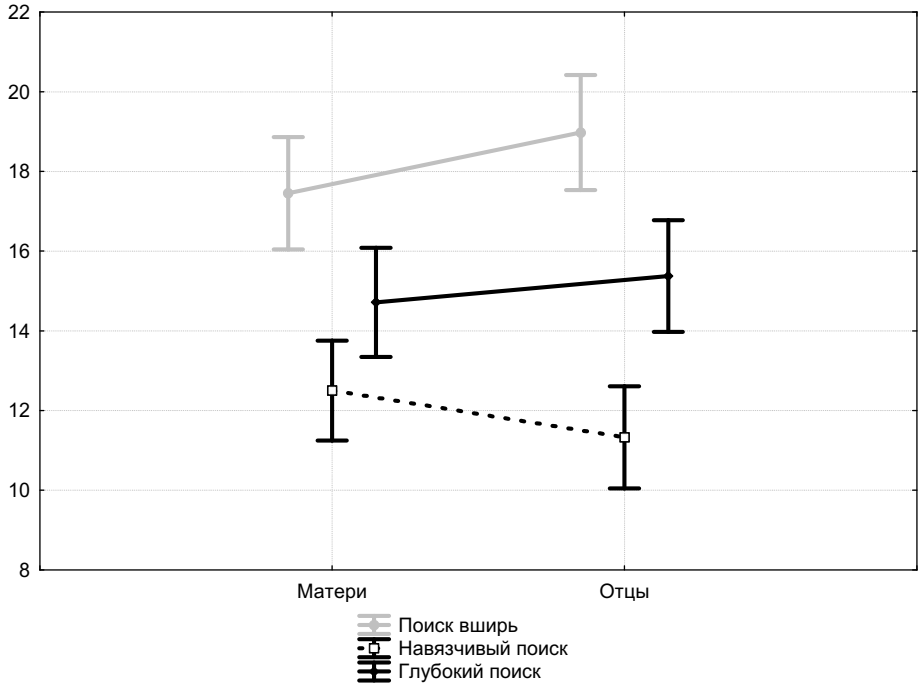

Рисунок 3.5.19. – Различия шкал поиска (DIDS) у отцов и матерей

Найдены были также различия по шкалам методики СЖО, так у отцов выше оценка целей в жизни, но ниже баллы по шкалам процесс жизни и локус контроля над жизнью (рисунок 3.5.20).

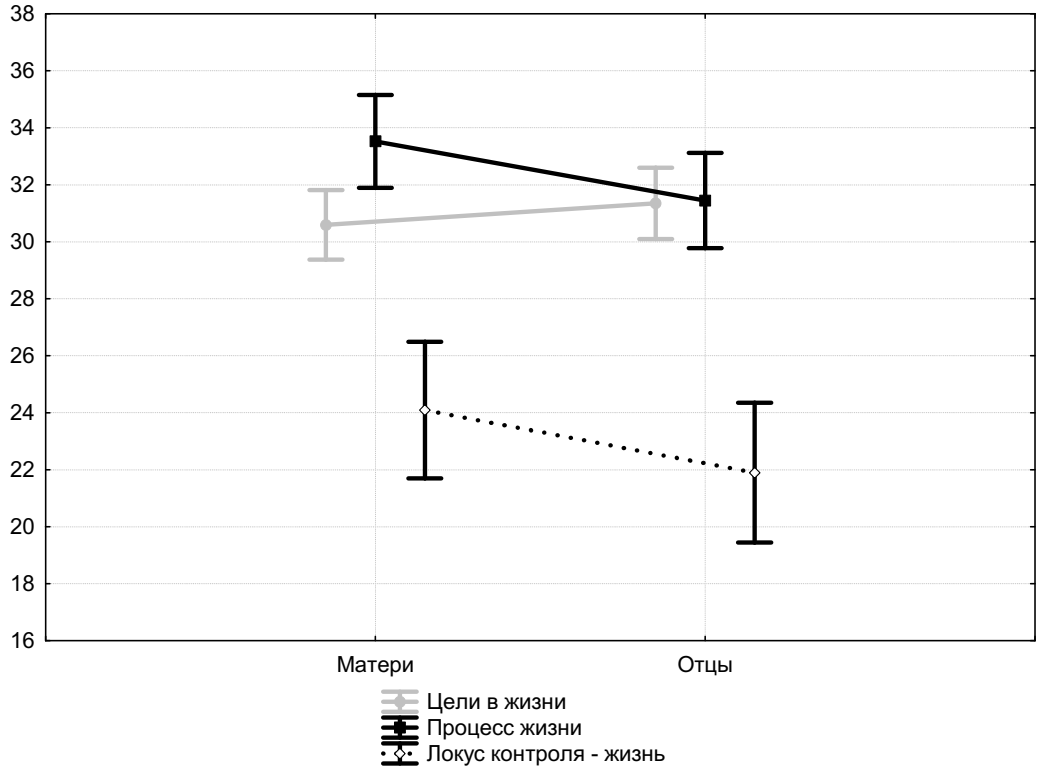

Рисунок 3.5.20. – Различия шкал СЖО у отцов и матерей

Таким образом, в данном возрасте психологическая готовность к родительству определяется параметрами родительской идентичности личности.

Факторный анализ параметров родительской идентичности личности методом главных компонент для выборки матерей с вращением осей Varimax normalized позволил выделить только два фактора. Первый фактор «Чувство родительской идентичности» более нагружен (общая дисперсия 12,7 при доле дисперсии 0,33). Он биполярен и включает параметры, представленные в таблице 3.5.29.

На одном полюсе он содержит параметры достигнутой идентичности, а на противоположном – навязчивый поиск и локус контроля в жизни, вероятнее всего объясняя изменения в жизни матери при появлении детей, и меньшую возможность контроля при этом, большую зависимость от ребенка.

Таблица 3.5.29. – Фактор «Чувство родительской идентичности» для матерей

Фактор 1	**Чувство родительской идентичности**
Чувство идентичности (ISRI)	0,91
Чувство родительской идентичности (ISRI-PI)	0,91
Чувство зрелости (ISRI)	0,87
Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,81
Чувство реализованности как родителя (ISRI-PI)	0,78
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,77
Найденный стиль жизни (ISRI)	0,77
Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	0,76
Найденное место в жизни (ISRI)	0,75
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,75
Оценка уважения окружающих (ISRI)	0,67
Найденный круг общения (ISRI)	0,66
Идентификация с обязательствами (DIDS)	0,49
Принятие обязательств (DIDS)	0,47
Навязчивый поиск (DIDS)	-0,40
Локус контроля – жизнь (СЖО)	-0,49
Общая дисперсия	12,76
Доля дисперсии	0,33

Второй фактор «Осмысленность жизни» описывает характеристики осмысленности жизни, представленные в таблице 3.5.30. Он также биполярен, включая на одном полюсе шкалы СЖО и параметры удовлетворенность отношениями с ребенком, вместе с найденным способом и стелем общения с детьми и отношения с собственным отцом, а на противоположном – параметры поиска и обязательств без поиска.

Таблица 3.5.30. – Фактор «Осмысленность жизни» для матерей

Фактор 2	**Осмысленность жизни**
Осмысленность жизни (СЖО)	0,81
Результативность жизни (СЖО)	0,74
Локус контроля – Я (СЖО)	0,73
Цели в жизни (СЖО)	0,68
Процесс жизни (СЖО)	0,62
Локус контроля – жизнь (СЖО)	0,56
Удовлетворенность отношениями с ребенком	0,41
Отношения с отцом	0,38
Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,44
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,36
Идентификация с обязательствами (DIDS)	-0,34
Глубокий поиск (DIDS)	-0,44
Навязчивый поиск (DIDS)	-0,59
Принятие обязательств (U-MICS-PI)	-0,68
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	-0,65
Общая дисперсия	9,01
Доля дисперсии	0,24

Факторный анализ также методом главных компонент данных отцов с вращением осей Varimax normalized позволил выделить для отцов четыре значимых фактора. При этом один фактор имеет наибольшую долю дисперсии 0,3, остальные более равномерно нагружены.

Для большей наглядности параметры, наполняющие факторы представлены в таблицах 3.5.31–3.5.34.

Таблица 3.5.31. – Фактор «Чувство родительской идентичности» для отцов

Фактор 1	**Чувство родительской идентичности**
Чувство состоятельности как родителя (ISRI-PI)	0,94
Чувство родительской идентичности (ISRI-PI)	0,94
Чувство реализованности как родителя (ISRI-PI)	0,92
Найденный способ общения с детьми (ISRI-PI)	0,86
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,85
Оценка уважения окружающих (ISRI)	0,77
Удовлетворенность отношениями с ребенком	0,80
Чувство идентичности (ISRI)	0,81
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,83
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	0,76
Найденное место в жизни (ISRI)	0,76
Найденный стиль жизни (ISRI)	0,72
Чувство взрослости (ISRI)	0,69
Поиск вширь (DIDS)	0,64
Идентификация с обязательствами (DIDS)	0,63
Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	0,54
Провайдерская родительская идентичность	0,52
Чувство зрелости (ISRI)	0,39
Принятие обязательств (DIDS)	0,39
Отношения с матерью	0,34
Отцовские установки (ШОУ)	0,34
Найденный круг общения (ISRI)	0,34
Цели в жизни (СЖО)	0,41
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	-0,68
Общая дисперсия	12,88
Доля дисперсии	0,34

Так, первый фактор, самый нагруженный (общая дисперсия 12,88 при доле дисперсии 0,34), включает в себя параметры, описывающие чувство идентичности личности и чувство родительской идентичности личности, и ее типы, параметры поиска и целей в жизни, удовлетворенности отношениями с ребенком и найденным стилем родительства стилем и местом в жизни, а также важностью

родительства в пространстве жизни на одном полюсе и пересмотр обязательств на противоположном (таблица 3.5.31).

Второй фактор «Осмысленность жизни» имеет долю дисперсии ниже, чем первый (0,18), и включает в себя меньше значимо весомых параметров. Он также биполярен. На положительном полюсе объединяет все шкалы СЖО, воспитательно-ухаживающую родительскую идентичность, найденное место и стиль жизни, количество и возраст детей. При этом на противоположном полюсе находятся параметры обязательств без поиска, пересмотр обязательств, отцовские установки и удовлетворенность браком. Возможно, такая дихотомия связана с тем, что появляются больше требований к браку и к собственному отцовству при большей осмысленности жизни (таблица 3.5.32).

Таблица 3.5.32. – Фактор «Осмысленность жизни» для отцов

Фактор 2	**Осмысленность жизни**
Осмысленность жизни (СЖО)	0,91
Цели в жизни (СЖО)	0,85
Процесс жизни (СЖО)	0,85
Локус контроля – жизнь (СЖО)	0,85
Локус контроля – Я (СЖО)	0,83
Отношения с матерью	0,64
Результативность жизни (СЖО)	0,60
Воспитательно-ухаживающая родительская идентичность	0,55
Найденное место в жизни (ISRI)	0,50
Найденный стиль жизни (ISRI)	0,45
Возраст ребенка	0,36
Количество детей	0,36
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	-0,31
Отцовские установки (ШОУ)	-0,32
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	-0,43
Принятие обязательств (U-MICS-PI)	-0,43
Удовлетворенность браком	-0,52
Общая дисперсия	7,55
Доля дисперсии	0,18

Третий фактор нагружен лишь немногим меньше второго. Учитывая, что у женщин этот фактор не выделяется, можно заключить, что возрастные трансформации родительства более важны для мужчин, чем для женщин. Это связано не только со временной перспективой, меняющейся с возрастом самого испытуемого и возрастом ребенка, но и с местом родительства в пространстве жизни человека. Принимая во внимание, что провайдерская позиция более важна для отца, возможно именно снижение нагрузки на обеспечение ребенка, позволяет по-другому увидеть отношения с ребенком. И эти параметры взаимосвязаны с удовлетворенностью браком и чувством идентичности. Интересно, что важность отношений с собственным отцом снижается, что может быть связано с тем, что именно ролевые характеристики мужчины (провайдер) передаются отцом, а личностное взаимодействие с ребенком в более взрослом возрасте индивидуально (таблица 3.5.33).

Таблица 3.5.33. – Фактор «Возрастные трансформации родительства» для отцов

Фактор 3	**Возрастные трансформации родительства**
Возраст	0,89
Возраст ребенка	0,88
Найденный круг общения (ISRI)	0,61
Чувство зрелости (ISRI)	0,64
Количество детей	0,64
Результативность жизни (СЖО)	0,59
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	0,450
Удовлетворенность браком	0,43
Чувство идентичности (ISRI)	0,37
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	-0,34
Важность родительства в пространстве жизни (ISRI-PI)	-0,39
Отношения с отцом	-0,39
Желание детей в будущем	-0,79
Общая дисперсия	5,67
Доля дисперсии	0,14

Четвертый фактор (таблица 3.5.34), также не представленный у женщин - фактор поиска и обязательств в отцовстве. На одном полюсе он объединяет параметры поиска, отцовских установок, а на противоположном – пересмотр обязательств и чувство взрослости. Интересно, что пересмотр обязательств противоположен другим процессам поиска, что соответствует данным К.Пиотровски (K. Piotrowski) [627].

Таблица 3.5.34. – Фактор «Поиск и обязательства в отцовстве» для отцов

Фактор 4	**Поиск и обязательства в отцовстве**
Глубокий поиск (DIDS)	0,81
Отцовские установки (ШОУ)	0,74
Поиск вширь (DIDS)	0,64
Навязчивый поиск (DIDS)	0,65
Идентификация с обязательствами (DIDS)	0,64
Глубокий поиск (U-MICS-PI)	0,39
Результативность жизни (СЖО)	0,38
Найденный стиль родительства (ISRI-PI)	0,35
Оценка уважения окружающих как родителя (ISRI-PI)	0,32
Чувство идентичности (ISRI)	-0,31
Пересмотр обязательств (U-MICS-PI)	-0,35
Чувство взрослости (ISRI)	-0,51
Общая дисперсия	4,74
Доля дисперсии	0,12

Итак, было определено, что существует определенная гендерная специфика: отцы выше оценивают свою удовлетворенность браком, такие параметры, как: чувство идентичности, провайдерская идентичность и чувство зрелости, найденное место в жизни; такие параметры процесса принятия обязательств, как: пересмотр обязательств, и идентификация с обязательствами; такие параметры процессов поиска, как: поиск вширь и глубокий поиск, и у них выше оценка целей в жизни по СЖО. Эти данные сопоставимы с результатами исследований К. Пиотровски [627].

При этом, у мужчин ниже удовлетворенность отношениями с детьми, такие параметры идентичности, как: воспитательно-ухаживающая родительская идентичность, чувство родительской идентичности, чувство состоятельности как родителя, важность родительства в пространстве жизни, чувство реализованности как родителя, оценка уважения окружающих как родителя, найденный стиль родительства, найденный способ общения с детьми и найденный круг их общения; такие параметры процессов становления идентичности, как: принятие обязательств и навязчивый поиск, и процесс жизни и локус контроля над жизнью и общая осмысленность жизни по СЖО.

Для женщин в структуре родительской идентичности наиболее важными являются: чувство родительской идентичности и осмысленность жизни.

Для мужчин – чувство родительской идентичности, осмысленность жизни, а также возрастные трансформации родительства и поиск и обязательства в отцовстве.

Возрастные трансформации родительства оказались более важны для мужчин, чем для женщин. Это связано не только с временной перспективой, меняющейся с возрастом самого испытуемого и возрастом ребенка, но и с местом родительства в пространстве жизни человека. Принимая во внимание, что провайдерская позиция более важна для отца, можно заключить, именно снижение нагрузки на обеспечение ребенка, позволяет по-другому увидеть отношения с ребенком, что согласуется с исследованиями Дж. Плека [631]. И эти параметры взаимосвязаны с удовлетворенностью браком и чувством идентичности. Кроме того, в структуре родительской идентичности мужчин значимое место занимают поиск и принятие обязательств в родительстве.

Таким образом, можно говорить о том, что процессы становления психологической готовности к родительству имеют гендерную специфику, что согласуется с данными других исследований [627] и ее реализация во взрослости взаимосвязана с протеканием процессов поиска и принятия обязательств, а также с личностной зрелостью, уровнем саморегуляции и рефлексии. Материалы данного параграфа частично опубликованы в статье [490] монографии [78].

Выводы

Согласно полученным нами данным, в дошкольном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: гендерные установки и нравственные нормы (предпосылки аксиологического компонента), основы саморегуляции (предпосылки рефлексивно-регулятивного компонента) и гендерно-типичное поведение (предпосылка праксиологического компонента). В этом возрасте выделяются три группы детей, различающихся по особенностям становления психологической готовности к отцовству: неоптимальный, приемлемый и оптимальный тип. При этом существуют значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям: праксиологический и аксиологический компонент, и интегральный показатель, что подтверждает наше предположение о том, что фактором, определяющим становление предпосылок психологической готовности к отцовству в детском возрасте, является семья.

В младшем школьном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя формирование стереотипа полоролевого поведения; определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный компонент определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, формированием чувства компетентности, самодисциплины. Праксиологический компонент включает в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений. Среди младших школьников также были выделены три группы, различающиеся по уровню развитости данных параметров.

При этом, значимые различия среди детей из полных и неполных семей определяются по параметрам гендерных установок, оценке отца по гендерным

качествам (дети из полных семей оценивают отца, как более маскулинного), по параметрам нравственной мотивации поведения, ответственности, отношения к миру, к труду и к человеку, а также показателей предпосылок становления аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов, и интегрального показателя психологической готовности к отцовству, что соответствует теоретическим положениям данного исследования. В младшем школьном возрасте наиболее развиты предпосылки праксиологического компонента психологической готовности к отцовству.

В сравнении с дошкольниками младшие школьники демонстрируют более высокие показатели по аксиологическому, рефлексивно-регулятивному и праксиологическому компонентам. Таким образом, различия в структурных компонентах интегрального показателя психологической готовности к отцовству отражают возрастные особенности развития данного феномена и подтверждают наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую и семейную специфику.

В подростковом возрасте формируются следующие характеристики психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя принятие гендерной роли; определяет оптимальное нравственное развитие и формирование мировоззрения; рефлексивно-регулятивный компонент определяется через физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплину, произвольность, самостоятельность, самоопределение, развитую рефлексию. Праксиологический компонент включает в себя гендерно-типичное и во многих случаях ответственное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Среди подростков можно выделить три группы, различающиеся по параметрам готовности к отцовству: для первой группы (неоптимальный тип) характерны низкая ответственность и зрелость, отсутствие ценности престижа, развития себя, сфере обучения и образования и семейной жизни, большое

значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений. Для второй группы (приемлемый тип) характерны высокие баллы по шкале роль отца в воспитании детей и досуге, ценности сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам. Третья группа (оптимальный тип) представлена мало, для нее характерны высокие оценки по всем шкалам зрелости, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения.

При этом, значимые отличия по компонентам готовности к отцовству между подростками из полных и неполных семей наблюдаются по праксиологическому компоненту и интегральному показателю психологической готовности к отцовству.

По сравнению с предыдущим возрастными группами в подростковом и юношеском возрасте наблюдаются более высокие показатели в структурных компонентах и в интегральном показателе психологической готовности к отцовству, что отражает возрастные особенности формирования данного феномена и подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую специфику.

При этом, в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте можно четко выделить три группы, различающиеся по особенностям развития стратегии отцовства, характеризующиеся по выраженности и соотношению компонентов стратегии отцовства, которые можно условно назвать, неоптимальный (неконструктивный), приемлемый и оптимальный (конструктивный) тип психологической готовности к отцовству.

Для взрослых испытуемых мужчин-отцов психологическая готовность к отцовству реализуется в рамках стратегии отцовства, внутри которой можно выделить следующие компоненты: аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя принятие гендерной роли отца; сформированное мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется через зрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, высокий уровень саморегуляции и развитую рефлексию, что определят сформированность конструктивной стратегии отцовства и самореализацию как родителя. Праксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя гендерно типичное поведение, кооперационное взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности жены, ответственное поведение, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, реализацию конструктивных отцовских практик. Среди взрослых испытуемых было выделено две группы, различающиеся по данным параметрам, названные конструктивный и неконструктивный тип стратегии отцовства. Представители первой группы (неконструктивный тип) демонстрируют «неответственное» отцовство, ролевую несогласованность супружеских отношений и феминность, либо очень высокие показатели маскулинности; представители второй группы (конструктивный тип) демонстрируют ответственное отцовство, согласованные супружеские отношения и характеризуются андрогинностью или средне выраженной маскулинностью. Наибольшая разница между группами заметна в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства. Мужчины-отцы демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства по сравнению с подростками и юношами, а также по сравнению с мужчинами того же возраста, не имеющими детей. Однако мужчины, не имеющие детей, имеют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства, включая и интегральный показатель, чем мужчины-отцы, демонстрирующие неконструктивную стратегию отцовства. Кроме того,

выявлены взаимосвязи между отношениями с собственным отцом в детстве и параметрами отцовства самого мужчины.

Таким образом, на констатирующем этапе исследования были подтверждены следующие гипотезы: а) содержательные характеристики психологической готовности к отцовству образуют трехкомпонентную структуру, представленную аксиологическим, рефлексивно-регулятивным и праксиологическим компонентами; б) становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного возраста и имеет возрастно-психологическую и семейную специфику, предполагающую динамику постепенного повышения показателей всех компонентов психологической готовности к отцовству от дошкольного периода ко взрослости, при этом: семейная среда определяет становление предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном и младшем школьном возрасте; в подростковом и юношеском возрасте наиболее развиты праксиологический и рефлексивно-регулятивный компоненты психологической готовности к отцовству; сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется во взрослости в конструктивной стратегии отцовства взаимосвязанной с принятием гендерной роли отца, осмысленностью жизни, ценностью отношений и отцовства, а также личностной зрелостью, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией. Материалы данного параграфа частично опубликованы в статье [61] и монографии [78].

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

Социальную значимость «ответственного», продуктивного, вовлеченного отцовства невозможно переоценить. Отцовское воспитание, роль отца в поддержании экономического и социального благополучия ребенка, его определяющее влияние на нравственное, интеллектуальное, когнитивное развитие ребенка (наряду с влиянием матери), связанность реализации отцовских практик с конструктивностью стратегий отцовства конкретного мужчины обусловливает необходимость изучения психолого-педагогических условий и критериев становления психологической готовности к отцовству и конструктивных стратегий отцовства. Это позволит определить возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, одним из вариантов которого является создания специальных условий семейно-образовательной среды.

4.1. Специфика становления психологической готовности к отцовству в разных семейно-образовательных условиях

Психологическая готовность к отцовству детерминирована социальными, культурными и личностными ориентациями личности. В свою очередь эти ориентации сформированы определенными микро-, мезо- и макрофакторами среды.

Макрофакторы, определяя своеобразие мезо- и микрофакторов, оказывают опосредованное влияние на формирование личности, в том числе и на специфику стратегий отцовства. Однако экономическое развитие общества, демографическая политика государства, урбанизация, занятость женщин, культурные и этнические условия могут иметь решающее значение в ситуации выбора. Так, например, общественные установки более жестко регламентирует материнскую роль, чем отцовскую [476]. Мать, бросившая ребенка, является практически преступницей в глазах социума. При этом для мужчины отца подобная ситуация оценивается более лояльно. Реальное поведение людей, реализуемое и оцениваемое в рамках таких представлений [532], приводит к тому, что гораздо большее количество детей растет без отца, чем без матери.

Социально-психологические факторы (мезофакторы) регулируют родительское поведение на уровне семьи. Здесь важна семейная история, как прародительской, так и собственной семьи, структура и состав семьи, распределение ролей в семье, отношения супругов, пол, число детей, а также отношение родителей к воспитанию и образованию [153].

Микроуровень – уровень личности – также проявляется на каждом возрастном этапе в зависимости от социальной ситуации развития личности.

При этом, воздействие всех уровней среды может быть как благоприятным, то есть создающим условия для оптимального развития личности, и становления ее психологической готовности к отцовству, и предлагающим при необходимости поддержку и/или коррекцию развития, либо неблагоприятным (определяющим ограничения и риски развития). При этом, оптимальное становление психологической готовности к отцовству для конкретного возраста представляет собой адекватное для данного возраста развитие содержательных характеристик аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов готовности к отцовству. Таким образом, оптимизация становления психологической готовности к отцовству – это процесс благоприятного прогрессивного развития содержательных характеристик всех компонентов психологической готовности к отцовству, нацеленного на достижение вершин в

этом развитии, имеющий свою специфику на каждом возрастном этапе развития личности.

Понимание специфики формирования стратегий отцовства невозможно без описания влияния семейной среды на формирование личности ребенка и, в будущем, взрослого [211; 385]. Многочисленные исследования показывают, что отношения мужчины с его собственным отцом могут быть фактором, помогающим собственной идентификации в роли отца, через идентификацию с отцом (O. Erel, B. Burman [540], D. J. Eggebeen, C. Knoester [534], J. Fagan, R. Palkovitz [544], L. Tach, R. Mincy, K. Edin [660], T. D. Fisher [546]) или компенсацию его ошибок [475; 514]. Семейная среда во многом определяет будущее представление о нормах поведения, в том числе взаимоотношений между людьми, включая и гендерные отношения, брачных отношений, родительского поведения, сути родительской любви. Так, известно, что люди, подвергшиеся в детстве физическому или сексуальному насилию, во взрослом возрасте статистически чаще сами совершают насилие над своими детьми, чем лица, не пережившие подобную травму [561].

Согласно подходу З. Фрейда, именно отец является ключевой фигурой в жизни ребенка, он определяет жесткие рамки формирования личности мальчика в условиях страха кастрации и выраженной любви к матери, которая выступает как объект влечения. Для девочки же отношения с отцом и подсмотренные паттерны общения матери с ним определяют ее дальнейшие ожидания по отношению к мужчине [428].

Э. Фромм полагает, что младенец в момент рождения испытывает страх смерти, однако он несколько предохранен от чувства тревоги, связанной с отделением от матери самим кризисным процессом рождения. Новорожденный почти не отличается от того существа, каким он был до момента рождения, и не может осознавать себя и окружающий его мир как нечто, бывшее еще до него. Он воспринимает пока только положительное действие тепла и пищи, не отличая их от источника – матери. Мать – это тепло, пища, состояние удовлетворения и безопасности. Внешняя реальность, люди и вещи пока имеют значение лишь в той

степени, в какой они удовлетворяют или фрустрируют физиологические потребности. Реально только то, что внутри; все, что находится вовне, реально, поскольку необходимо младенцу, но не как объективная ценность с присущими ей качествами.

Как полагает Э. Фромм, переживание «любимости» матерью – пассивное чувство. Мне ничего не надо делать для того, чтобы быть любимым, – материнская любовь безусловна. Все, что от меня требуется, – это быть – быть ее ребенком. Но есть и негативная сторона в этой «гарантированной» любви. Ее не только не нужно заслуживать, но ее и нельзя добиться, тем более контролировать. Если она есть, то она равна блаженству, если же ее нет, это все равно как если бы все прекрасное ушло из жизни – и ничего нельзя сделать, чтобы эту любовь искусственно создать [430].

Таким образом, ребенок, хотя теперь уже живет не в утробе, все еще полностью зависим от матери. Однако день за днем он становится все более самостоятельным: учится ходить, говорить, познавать мир; со временем связь с матерью несколько утрачивает свое жизненно необходимое значение, и вместо этого все более и более важными становятся взаимоотношения с отцом.

Э. Фромм, впервые описавший существенное различие между материнской и отцовской любовью, считает, что материнская любовь по самой своей природе безусловна. Мать любит новорожденного младенца, потому что это ее дитя, потому что с его появлением в ее мире произошли преображения, свершились какие-то важные ожидания. Безусловная любовь утоляет одно из сокровеннейших желаний не только ребенка, но и любого человека. Условная любовь менее надежна: всегда существует опасность, что любовь к тебе может исчезнуть. Кроме того, такая «заслуженная» любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, а потому что приятен. У взрослых потребность в бескорыстной материнской любви проявляется как компонент нормальной эротической любви [430].

Связь с отцом совершенно иная. Мать, по меткому выражению Э. Фромма, подобна дому, из которого мы уходим, природе, океану; отец же имеет слабый

контакт с ребенком в первые годы его жизни, не идущий ни в какое сравнение с материнским. Отец представляет собой другой полюс человеческого существования – мысли, вещи, созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплину, путешествия и приключения. Отец – это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир [430].

С этой отцовской функцией тесно связана и другая, которую можно назвать социально-экономической. Когда возникли частная собственность и возможность передать наследство одному из потомков, отец стал с нетерпением ждать появления сына, которому он мог бы оставить свое дело. Им оказывался тот сын, которого отец считал наиболее подходящим своим преемником, который был более всего похож на отца и, следовательно, которого он любил больше всех. Отцовская любовь – это обусловленная любовь. То есть принцип отцовской любви состоит в том, что ребенка любят, потому что он удовлетворяет отцовским ожиданиям, достойно исполняет свои обязанности, или похож на отца в чем-то. В обусловленной отцовской любви мы находим, как и в безусловной материнской, отрицательную и положительную стороны. Отрицательную сторону составляет тот факт, что отцовская любовь должна быть заслужена, что она может быть утеряна, если человек не сделает того, чего от него ждут. В самой природе отцовской любви заключено, что послушание становится основной добродетелью, непослушание – главным грехом. И наказанием за него служит утрата отцовской любви. Положительной стороной является то, что отцовскую любовь можно добиться, она находится в пределах контроля личности.

Материнская и отцовская установки по отношению к ребенку соответствуют его собственным потребностям. Младенец нуждается в материнской безусловной любви и заботе как физиологически, так и психически. Более старшему ребенку необходима отцовская любовь, его авторитет и руководство [448]. Таким образом, по мнению психоаналитиков, функция матери – обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца – учить его, руководить им, чтобы он смог справляться с проблемами, которые ставит перед человеком то общество, в котором он родился. Отцовская любовь является направляющим принципом, а также ожиданиями; ей

следует быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему выглядеть авторитетным в собственных глазах, освободившись от авторитета отца.

В. Н. Дружинин полагает, что в сходстве интеллекта членов семьи проявляется их эмоциональная близость, таким образом, по коэффициентам корреляции интеллекта можно выявить близость членов среднестатистической семьи. То, что в постсоветской семье мать дальше от отца, чем сын, сын ближе к матери, чем к отцу, может объяснять так называемый «материнский эффект», когда корреляция интеллектуальных способностей детей и матерей выше, чем детей и отцов [151]. В некоторых исследованиях обнаружен противоположный «отцовский эффект», однако, вероятнее всего, корреляция обусловлена не генетическими факторами, а временем, проводимым родителем с ребенком [154].

В исследовании Т. А. Думитрашку было выявлено, что размер семьи является фактором, значимым для когнитивного развития детей, которое зависит от идентификации с родителем и порядка рождения. Действие указанных факторов обусловлено тем, что психологический статус каждого ребенка в семье изменяется вместе с изменением конфигурации семьи. А эффект очередности рождения объясняется положением детей в семье. Так наиболее тесное взаимодействие у родителей, как показывает практика, с первенцами. Различия в корреляции «родитель – первый ребенок» и «родитель – второй ребенок» могут возникать в двух случаях: при более тесной идентификации ребенка с родителем, что повышает связь, и, наоборот, при возникновении таких отношений, которые понижают эту связь [154, с. 112-113].

Имитируя взрослого, ребенок принимает его за модель и оказывается психологически зависимым от этого взрослого. Отрицательный эффект большего порядкового номера рождения на когнитивное развитие детей будет определяться тем, что у последнего ребенка в большой семье выбор объекта для идентификации становится шире (в качестве модели могут выступать и старшие дети) и тем, что статус ребенка изменяется с появлением нового члена. Заметим,

что качество взаимодействия со старшими детьми и родителями существенно различно. Контакты с родителями и вербально и интеллектуально богаче, чем контакты со старшими братьями и сестрами. Таким образом, старшие дети не в состоянии служить полным аналогом родителей для младших.

В данном исследовании также было выяснено влияние взаимоотношений родителей с детьми на развитие способностей детей. Констатируется наличие взаимосвязей между типом отношения к детям у родителей и отдельными показателями когнитивного развития детей. При этом проявляется ряд особенностей. У матерей, с более высокими баллами по отвержению ребенка, первые дочери менее интеллектуально развиты и менее креативны, чем у матерей с низкими баллами. У отцов, как и у матерей, корреляции выделяются по величине только в парах с первым сыновьями по показателям интеллектуальности и креативности. У матерей, с сильно выраженным стремлением соответствовать социально желательному образу матери, первые дочери менее результативны в тестах на интеллектуальность, у отцов этот тип отношения положительно коррелирует с показателем креативности вторых сыновей. Тесно коррелирует с показателем когнитивного развития детей интеллектуальное развитие и степень авторитарности отца (высокая корреляция с показателем креативности первых сыновей, креативности вторых дочерей с авторитарными отношениями отца с детьми). Влияние определенного стиля воспитания на ребенка может быть специфическим в каждом отдельном случае в зависимости от того, кто из родителей придерживается этого стиля и по отношению к каким детям он используется [154].

Значительную роль в формировании стратегий отцовства в детском возрасте имеет родительское воспитание и отношение к гендерным проблемам в целом. Традиционная культура дает четкие образцы, позволяющие легко ориентироваться и взрослым, и детям в нормативах поведения [546]. При этом лица, по каким-то причинам не принимающие эти нормативы оказываются в социальной изоляции [580] или подвергаются гонениям [211]. Современное общество в некотором смысле позволяет большую свободу поведения своим

членам, в том числе детям, однако представления о роли гендера в развитии личности характеризуются противоречивостью. При этом часто наблюдается чрезмерная поляризированность взглядов: от полного отрицания влияния пола и гендера на развитие личности до биологического детерминизма [165; 166]. Показательно то, что в последнее время процент родителей, выбирающих гендерно-нейтральные цвета для новорожденного ребенка и его комнаты, возрастает [475; 645]. Существующая в современной зарубежной практике идея равноправного воспитания обоих полов, иногда доходит до крайней позиции, выражающейся в утверждении о том, что гендерное воспитание «навязывает» ребенку гендерные стереотипы и, соответственно, воспитатели должны всячески избегать упоминаний о гендере и гендерных различиях, предоставляя выбор самому ребенку [592]. Предполагается, что достигнув определенного возраста, он сам определится с тем, какой именно гендер (или пол) ему более предпочтителен. Однако, не имея определенных социальных ориентиров, ребенок не может четко сформировать собственные [603]. Такая позиция создает базу для проблем гендерной аутоидентификации в будущем. [537]. В контексте определения параметров гендерного поведения большое значение пробреют не только отношения с родителями, но и игры и игрушки, которые они выбирают для своего ребенка [51; 175]. Гендерная специфика игрушек хорошо заметна в любом магазине игрушек, на любой детской площадке [564].

Если проблемы игрушек для девочек обсуждаются в литературе в связи с превалированием сексуально-откровенных образов и отсутствия моделей материнства среди игр девочек-дошкольниц [322], то у мальчиков проигрывание отцовской роли в детских играх встречается крайне редко и в основном, в разнополых играх сиблингов [646]. Однако типично мальчишеские занятия, такие, как: игры пистолетами и мечами (или заменителями огнестрельного оружия или холодного оружия), инструментами, поездами, машинками, самолетами, игры в солдатики, в войну, спортивные и силовые игры или возня, лазанье по деревьям, заборам, спортивным снарядам, интерес к реальным машинам, поездам, самолетам, техническим устройствам, новым местам, животным и насекомыми

[562], способствуют позитивному осознанию гендерных различий и гендерной специфики поведения [563], что имеет долгосрочный эффект вплоть до подросткового возраста в связи общим благополучием подростков [580], а также с таким конкретным проявлением гендерного самоопределения, как определение сексуальной ориентации в подростковом возрасте [603]. Важнейшей фигурой, открывающей мальчику типично мужские занятия и интересы, является отец [508].

Кроме того, S. Barth полагает, что отец играет важнейшую роль в усвоение детьми моральных норм. Родители через слова и поведение, так или иначе, выражают свое отношение к определенным событиям или поступкам людей, предоставляя, таким образом, модели поведения и моральную оценку. Кроме того, родители, особенно отец, дисциплинируют детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие. Главными факторами, влияющими на усвоение моральных норм, являются: страх потери любви родителей; идентификация с родителем; развитие эмпатии и чувства вины, первоначально через оценку родителей, а затем, через объяснение последствий действий ребенка. По мнению М. Муна и Ч. Хоффмана, именно идентификация является наиболее важным фактором, и отец в этом случае особенно необходим мальчику [614]. То, что любовь отца условна, по мнению S. Barth, является важнейшим фактором морального развития ребенка [480]. К похожему выводу пришла О. Б. Чиркова, которая в своем исследовании обнаружила, что отец играет более важную роль в формировании у ребенка ответственности [приводится по 181]. Происходит это потому, что отцы придают большее значение самостоятельности, предоставляя детям отвечать за свои действия, и с большим уважением, чем матери, относятся к проявлению детьми независимости. Лишь отец способен сформировать у ребенка способность к инициативе и противостоянию групповому давлению. Чем больше ребенок привязан к матери (по сравнению с отцом), тем менее активно он может противостоять агрессии окружающих. Чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже самооценка

ребенка, тем меньше он придает значение духовным и социальным ценностям, по сравнению с материальными и индивидуалистическими [105].

О том, что взаимоотношения с отцом влияют на формирование полоролевой идентичности, говорил еще З. Фрейд. По мнению S. Barth, важнейшими детерминантами полоролевой идентификации для мальчика являются доминантность отца (как влияние в семье, с одной стороны, а с другой, именно доминирование отца может привести к развитию пассивности ребенка) и забота отца. Если отличительной чертой отношений отца и сына является забота и теплота, желание быть таким же «мужественным» как отец значительно усиливает позитивное восприятие, усвоение мужского поведения и формирование адекватной полоролевой идентичности. Взаимоотношения девочки с отцом оказывают влияние на ее дальнейшие отношения в браке. [480].

Многие исследования подтверждают позитивность вклада отцов в воспитании детей. Доказано также влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка, например, эмпатии и эмоциональной чуткости, социабельности, самооценки, самоуважения и уровня притязаний [181].

Исследования привязанности родителей и младенцев показало, что отцы, проводившие с детьми много времени и позитивно настроенные по отношению к ним, имели младенцев, более прочно привязанных к родителям. Помимо этого, взаимодействие отцов с детьми способно улучшить физическое самочувствие малышей, их восприятие, отношение с окружающими уже с очень раннего возраста. Изучение годовалых детей показало, что дети «вовлеченных» отцов, оставаясь с незнакомцем, плакали и страдали меньше, чем дети «менее вовлеченных» отцов [181].

Таким образом, участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить, оно необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, и, возможно, целый ряд проблем современного общества связан именно с отстранением мужчин от воспитания молодого поколения.

Современные реалии отцовства во всем мире имеют две тенденции, с одной стороны в патриархальных культурах ценность отцовства традиционно высока,

при этом отец имеет почти неограниченную власть в семье, таковыми, например, являются культуры некоторых стран Азии и Востока. В современном западном обществе все четче проявляется тенденция к возрастанию внимания отцовства и его роли в жизни ребенка (так называемое «ответственное отцовство»), однако даже в этих государствах вовлеченные отцы в силу различных обстоятельств не являются большинством, кроме того, в странах, проходящих через реформирование социальных и гендерных систем, находящихся между традиционным миропониманием и формированием более либерального общества, разрушение устоев и традиций приводит к уменьшению социального контроля и большей свободе самой личности по отношению к таким социальным явлениям как, например, семья [567; 627] В идеале большая свобода означает большую ответственность личности по отношению к собственной жизни, своей семье и детям, что далеко не всегда происходит в реальности. В итоге, большая эмансипация и свобода женщин, включенность их в производственный процесс, приводящие в контексте семьи к проявлению конфликтов на почве лидерства; разграничение сексуальности и репродукции; снижение возраста вступления в половую жизнь приводит к распространению практики воспитания ребенка одним родителем, которым в подавляющем большинстве случаев является мать. В нашей стране, по данным Е. П. Ильина, количество детей, растущих без отца, становится угрожающим [181]. При этом, по мнению Й. Лангмейера и З. Матейчека [236], часто, хотя и внешне не столь трагичным, как отсутствие матери, обстоятельством жизни ребенка является отсутствие отца («патернальная депривация»).

Это касается многих детей, живущих со своими незамужними или по иным причинам одинокими матерями. Если нет ни вспомогательного, ни уравновешивающего влияния отца, то естественно, что значение личности матери становится намного большим, чем при нормальных обстоятельствах [236]. К этому следует добавить еще несколько важных обстоятельств: как показывает обычный опыт и как это было также доказано социологическими исследованиями, функции отца в семье претерпевают сравнительно быстрые и серьезные изменения. В современном обществе – правда, не равномерно во всех слоях

населения, однако все же заметно – отцы значительно больше, чем ранее, принимают участие в уходе за грудными детьми и их воспитании, причем часто возникают сотрудничество между мужчиной и женщиной, что было несвойственно предыдущим поколениям [471, 472]. На фоне данной тенденции отсутствие отца проявляется более тяжело, чем в прошлом, когда забота о ребенке целиком сосредотачивалась на матери. Речь идет не только о физической труде и времени, которое затрачивается на общение с ребенком (в данном отношении помощь ныне оказывает современная техника), но, прежде всего, о психической нагрузке. Помощь, предоставляемая в данном отношении совместными интернатами для одиноких матерей с детьми, также не является вполне совершенной. Во-первых, здесь продолжает отсутствовать мужской элемент в воспитании, а во-вторых, взаимопомощь матерей в домашних работах и в воспитании приводит к ситуации «разделяющейся материнской заботы» со всеми ее трудностями и неясностями.

Еще одним негативным аспектом является отсутствие уверенности и устойчивости в социальном включении, так как профессия отца представляет обычно реальную и символическую базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности. В то время как мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, отец проторяет ребенку путь и отношение к человеческому обществу. По словам М. О. Шварца, мать нас приводит к человеку, а отец к людям [236]. Иным образом это выражает А. Гремс [566, с. 21]: «материнская забота обеспечивает возможность принимания, отцовская же забота побуждает к отдаче. И то, и другое необходимо для развития личности, и то, и другое должно здесь присутствовать, если мы хотим когда-нибудь приблизиться к границе человеческих возможностей». Кроме того, отец представляет для детей наиболее естественный источник познаний о мире, труде, технике, способствуя как их ориентировке на будущую профессию, так и созданию социально полезных целей и идеалов.

Если место отца занимает в семье отчим, а иногда дедушка, депривационные влияния подавляются, зато здесь более благоприятная почва для

развития различных конфликтов, причем невротические расстройства, возникающие на данной основе, являются, по мнению Й. Лангмейера и З. Матейчека весьма частыми.

Ребенок, растущий без отца, лишен, таким образом, важного мужского примера, который особенно значителен для мальчиков старшего возраста в регуляции их поведения, но важен также и для девочек в качестве модели их будущего партнера. Ребенок без отца страдает также, как правило, от недостатка авторитета, дисциплины и порядка, которые в нормальных условиях олицетворяются отцом [655].

Кроме того, ребенок, растущий, главным образом, без отцовского авторитета, бывает часто недисциплинированным, несоциальным, агрессивным в отношении взрослых и детей. В обследовании, поведенном Й. Лангмейером и З. Матейчеком, 163 мальчиков из детских учреждений с повышенной воспитательной заботой в среднечешской области было установлено, что 41% из них росло без отца [236].

Если отца нет, то это имеет еще другое косвенное депривационное влияние. Дело в том, что если матери одной приходится нести все экономические и воспитательные заботы о семье, то она, как правило, бывает настолько занятой, что у нее не остается для ребенка много времени и у нее ослабевает даже интерес к нему [236]. Ребенок в таком случае предоставлен самому себе большую часть дня, может начать бродяжничать, у него больше возможностей для правонарушения помимо физического отсутствия, значительным фактором в развитии ребенка по направлению к асоциальности может явиться также несоответствующая роль, играет отец в семейном сообществе [650].

Отец предоставляет модель мужественности ребенку, особенно мальчику, что особенно важно в подростковый период, который во многом является критическим для формирования стереотипа полоролевого поведения. П. П. Блонский полагал, что без такой модели демонстрировать «мужское поведение» достаточно сложно, ведь начиная с детского сада, где все воспитатели – женщины; потом в школе и в вузе мальчик (юноша) встречает модель женского

поведения в десятки раз чаще, чем мужского. Если у него нет примера такого поведения перед глазами, для того, чтобы выстроить собственное поведение, он либо берет за образец поведение женщины – матери, бабушки, учительницы – и вырастает мягким и чувствительным, что считается «немужественным». Или считает, что поведение мужчины противоположно поведению женщины: если женщина выполняет социальные нормы, вежлива, внимательна, избегает вредных привычек – то мужчина должен поступать «наоборот». Такое понимание «мужского поведения» может привести к злоупотреблению алкоголем и наркотиками и даже к правонарушениям. То есть, значимость образца мужского поведения – будь то отец, даже дедушка или тренер спортивной секции – неоспорима [532].

Статистические данные за несколько десятилетий [667; 668] подтверждают, что проблема отсутствия отца в семье все возрастает. До 39% детей младше 18 лет живут отдельно от своих отцов. Влияния разведенных отцов на своих детей невелико. Половина детей после развода родителей ни разу не встречается со своими отцами, каждый пятый не видится с отцом в течение пяти лет [336; 532]. Ф. Фестенберг обнаружил, что более половины детей, чьи родители развелись, никогда не бывали в доме отца [553]. Отцы могут отсутствовать также, если находятся в местах лишения свободы. Бывает и так, что отцы живут с семьей, но эмоционально и физически отсутствуют. В полной семье 25% детей напрямую взаимодействуют со своими отцами хотя бы час в день. Остальные проводят со своими отцами менее 30 минут в день. Почти 20% старшеклассников не разговаривает со своими родителями больше 10 минут подряд уже в течение месяца [598]. Это не может не сказаться на их развитии.

Множество исследований констатировало, что матери и бабушки часто препятствуют присутствию отца в жизни ребенка, и что современная практика социальных институтов создает барьеры в этом, особенно для молодых отцов [210]. Многие из этих отцов прекращают участвовать в жизни ребенка, и многие, кто пробует остаться вовлеченным в жизнь своего ребенка, сталкиваются с сильным социальным противодействием [532].

Между тем, существует связь сильного отрицательного влияния внебрачного отцовства на отношения отца и ребенка, что доказано многочисленными исследованиями. В случае, когда родители не женаты, но сожительствуют, отцы намного больше присутствуют в жизни своих детей. Однако исследования указывают, что сожительствующие пары имеют высокий процент разрыва, и те, кто в последствии женятся, имеют более высокие проценты разводов [532].

Отрицательное влияние развода на качество отношений отца и ребенка также весьма сильное [678]. Большая часть исследования вовлеченности отцов в жизнь их детей после развода сосредоточилась на выявлении ее влияния на состояние ребенка [679]. Множество ученых обнаружили, что, хотя, в принципе, контакт с обоими родителями желателен, польза вовлеченности отца для ребенка может быть уменьшена, если существует существенный конфликт между родителями. Таким образом, когда между родителями серьезный конфликт, частые контакты с отцом могут создать дополнительное напряжение для ребенка, которое нивелирует преимущества более частых встреч с отцом [660].

Вообще, в то время как более частые контакты с нерезидентным отцом коррелировали с лучшими показателями здоровья [544], судебные соглашения по посещениям были важным фактором уменьшения этих показателей [514; 515]. Таким образом, реализация отцовских функций возможна для мужчины-нерезиентного отца, однако, осложнена влиянием матери и социума, поэтому именно такие мужчины могут нуждаться в психологической помощи в организации взаимодействия с ребенком и реализации стратегии отцовства в условиях проживания в разных домохозяйствах.

Феномен «патернальной депривации» характерен для многих детей, живущих со своими одинокими матерями [236]. Еще одним важным является отсутствие уверенности и устойчивости в социуме, так как профессия отца представляет обычно реальную и символическую базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности. В то время как мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность

человеческой любви, отец проторяет ребенку путь и отношение к человеческому обществу. Кроме того, отец представляет для детей наиболее естественный источник познаний о мире, труде, технике, способствуя как их ориентировке на будущую профессию, так и созданию социально полезных целей и идеалов.

В этом смысле весьма перспективным представляется рассмотрение семьи как системы, в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми другими и нормальное функционирование которой невозможно без какого-либо ее элемента [14]. Все члены семьи находятся во взаимосвязи друг с другом и взаимовлияют друг на друга. Таким образом, не только отец и мать влияют на детей или отношения супружеской пары оказывают влияние на развитие детей, но и отношения в диаде «родитель – ребенок» влияют на стабильность семьи и самочувствие каждого из ее членов [512; 645]. Данное положение подтверждают исследование, в котором было выяснено, что дети, воспитывающиеся в неполных семьях, «достраивают» семью в своих фантазиях об отце [602].

Данные W. Fthenakis [550], подтверждают, что проблема патернальной депривации становится все более актуальной, и среди молодого поколения эта проблема стоит острее, чем раньше. Чаще всего она связана с рождением детей вне брака и разводами. Эти причины ведут к физическому отсутствию отца в семье. Это не может не сказаться на их развитии, так как участие отца в воспитании ребенка необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, и, возможно, целый ряд социальных проблем современного общества связаны именно с отстранением мужчин от воспитания молодого поколения.

Таким образом, семейная ситуация определяет дальнейшее развитие ребенка, его поведение, нравственное развитие [298], обучение и формирование отношения к будущему собственному родительству, поэтому семейные дефекты являются наиболее опасными рисками социализации личности [454].

Соответственно, дети, воспитывающиеся вне семьи, составляют самую проблемную категорию, так как отсутствие одного из главных «агентов социализации» – семьи оказывает негативное влияние на весь процесс социализации, осложняет вхождение в новую социальную среду и освоение

социальных ролей [260]. Утрата семьи всегда является массивной травмой [116], при этом резкое изменения социальной действительности, переживание утраты и горя, (часто этому предшествуют тяжелые условия и жестокое обращение в семье) приводит к значительным сложностям в формировании психологической суверенности личности [285], размытости границ личности, потере ориентиров, неспособности выстроить жизненные стратегии [260] и, отсутствию не только гендерных моделей для формирования собственного поведения, но и фрустрации привязанности - невозможности переживания чувства привязанности и близости с другим человеком [236], что нарушает и формирование родительских чувств. Так, согласно Г. Г. Филипповой теплые, нежные отношения девочки с матерью в детстве позволяют ей самой пережить подобные чувства по отношению к своему ребенку [234; 421]. Отношения с родителями во многом задают тон собственному сексуальному и родительскому поведению личности, либо как образец для подражания, либо как «антиобразец» при тяжелой семейной обстановке [72, с. 35].

Так Г. Ньюфельд и Г. Матэ полагают, что ранняя отстраненность родителей от детей и, что особенно важно в связи с культурными традициями, от подростков приводит к отсутствию ощущения безопасности у детей [299]. Ребенок пытается заполнить пустоту, вызванную фрустрацией потребностей в принятии и безопасности, другими отношениями по типу невротической замены объекта [437]. С этим связан ранний сексуальный дебют и беспорядочность сексуальных отношений в подростковом возрасте у детей из неблагополучных семей [299; 537]. Подростки с фрустрированной потребностью в привязанности вступают в сексуальные отношения раньше других [664] и не в контексте любовных отношений (то есть конкретный партнер вообще не является значимым), а для того, чтобы быть принятыми в круг сверстников, потому, что «все так делают», чтобы почувствовать принадлежность к какой-то группе [530]. Такие действия не предполагают никакой ответственности ни перед друг другом, ни перед собственным здоровьем, и зачастую связаны с передачей различных заболеваний и нежелательными беременностями в раннем возрасте [530]. Естественно, в этом

случае психологических условий для благополучного развития рожденного у них ребенка или развития личности несовершеннолетних родителей нет, что приводит к многочисленным социальным, экономическим, политическим и психологическим проблемам [590].

Таким образом, семейная среда и ближайшее окружение ребенка [26] во многом определяют отношение к вопросам, связанным с отцовством: сексуальные и эмоционально-близкие отношения, формирование пары, моделей поведения в браке, моделей родительского поведения. Поэтому, несмотря на то, что некоторое воздействие на формирование гендерной идентичности возможно оказывать в рамках образовательной организации [162], включение семьи в подобную работу является наиболее перспективным направлением психологической работы по формированию конструктивных стратегией отцовства. Идеальным вариантом можно считать формирование широкого общественного мнения относительно значимости ответственного сексуального и родительского поведения для развития личности конкретного человека и общества в целом, что предполагает программу нравственного воспитания будущих поколений.

Однако в настоящее время, наиболее жизнеспособным представляется вариант сотрудничества родителей и педагогов в этом направлении. При этом, повышение педагогической грамотности родителей является первоочередной задачей, стоящей перед современным российским обществом. Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

4.2. Тенденции и риски становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах

С точки зрения психолого-педагогической практики функционирование семейной и образовательной среды, относящейся, в основном, к мезо- и

микроуровню, направленной на поддержку становления психологической готовности к отцовству, представляет собой посильную задачу при условии учета особенностей, тенденций и рисков отногенетического развития личности мужчины и этапов становления психологической готовности к отцовству.

Первый – период обозначения отцовства начинается с рождения мальчика и продолжается до момента получения сведений о беременности его жены. Формирование стереотипов отцовства происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями. Причем степень влияния отца и матери зависит от возраста ребенка. Первоначально общение с матерью в период новорожденности и младенчества намного интенсивнее, чем с отцом. Мать кормит, ухаживает за ребенком, заботится о нем, играет с ним, разговаривает. Дж. Боулби и М. Кляйн описали особенности общения матери с ребенком-младенцем [495; 497]. Чувствуя ее поддержку и присутствие, будучи в безопасности, ребенок может исследовать мир. Отец является фигурой, которая помогает ребенку изучать мир, собственное тело и его возможности через силовые игры. Позднее взаимоотношения родителей становятся моделью поведения в обществе сверстников в младшем школьном и в подростковом возрасте.

Первый период охватывает значительный период в жизни мужчины, приходящийся на время интенсивного формирования личности, когда за короткий срок происходят значительные изменения и появляются многочисленные психические новообразования. Возрастная специфика формирования стратегий отцовства состоит в том, что для каждого возрастного периода характерны определенные значимые изменения, без которых дальнейшее развитие происходит неравномерно. То есть, внутри возрастных этапов можно выделить сензитивные периоды для формирования определенных аспектов будущей стратегий отцовства, причем первые значимые характеристики стратегий отцовства проявляются задолго до реализации отцовских практик во взрослости. Поэтому внутри первого этапа целесообразно выделить периоды, позволяющие акцентировать внимание на важных новообразованиях каждого возраста. За основу периодизации первого этапа взята модель формирования гендерной

идентичности Г. С. Васильченко [108], который в интересующем нас возрасте выделяет следующие важнейшие периоды формирования гендерной идентичности: парапубертат, препубертат, пубертат и переходный период, имеющие свои специфические особенности [69, с. 61-85; 195].

При этом в рамках становления психологической готовности к отцовству выделяется пять периодов: дошкольное детство, младший школьный возраст, подростковый и юношеский период и ранняя взрослость. На каждом из них возможны специфические риски или неблагоприятные условия для становления психологической готовности к отцовству.

Возрастные особенности содержательных характеристик психологической готовности к отцовству на этапе становления и основные характеристики конструктивной стратегии отцовства в период взрослости кратко резюмированы в Таблицах 4.1.1 и 4.1.2. (Приложение 5).

Дошкольное детство характеризуется тем, что с самого рождения ребенка важнейшее значение для гендерной идентификации приобретает окружающая среда [128], особенно, родители [121], которые по-разному воспитывают, общаются и относятся к мальчикам и девочкам [565]. Мальчики-младенцы получают меньше тактильных ласк, чем девочки [663]. Кроме того, даже в семейной среде мальчики с самого раннего возраста не имеют свободы выражать свои чувства, так же легко как девочки, но их меньше наказываются за проявление агрессии [649]. В период дошкольного детства родители не только предоставляют своим детям гендерные образцы, но и поощряют либо, наказывают за определенное поведение [518]. Особенно это касается нравственных моментов и гендерно-специфического поведения. Таким образом, именно родительское поведение во многом определяет формирование представлений о гендерной роли мужчины. Важнейшим новообразованием этого периода является формирования полового самосознания [108] или гендерной аутоидентификации [195]. Половое самосознание определяется как осознание себя представителем определенного пола и, кроме того, умение регулировать свое поведение в соответствии с гендерными морально-этическими требованиями и установками общества [338].

Е. А. Кащенко и С. Т. Агарков определяют гендерную аутоидентичность через понятие полового самосознания, отнесения себя к определенному полу [195]. Считается, что правильное представление о своей половой принадлежности формируется к 1,5 – 2 годам [195]. Важнейшим моментом формирование гендерной аутоидентичности является то, что после прохождения сензитивного периода в парапубертатном возрасте изменить или как-то повлиять на сформированное половое самосознание практически невозможно. При этом важно, чтобы ребенок имел возможность выстроить гендерную модель поведения на основе своего взаимодействия с родителями обоего пола (или замещающими фигурами). Нарушения семейной системы, серьезные проблемы со здоровьем, задержка психического или речевого развития [169] могут привести к сложностям в формировании половой идентификации. Дело в том, что помимо отнесения себя к определенному полу, ребенок должен представлять, какие социальные и психологические черты присущи каждому полу (или гендеру), какие особенности поведения могут быть одобрены обществом [338], являются гендерно-специфичными, а какие не связаны с определенным полом [546], соответственно, могут быть присущи и мужчине и женщине [478]. Современная действительность привносит свои коррективы в процесс гендерной аутоидентификации. Отнесение себя к определенному полу начинает складываться достаточно рано, когда родители называет ребенка мальчиком или девочкой, и поощрять определенные проявления гендера. Во многих случаях маркировка определенного пола начинается еще до рождения через выбор цвета гардероба и оформление помещения для ребенка. Однако в последнее время процент родителей, выбирающих гендерно-нейтральные цвета, возрастает [475; 645]. Существующая в современной зарубежной практике идея равноправного воспитания обоих полов, иногда доходит до крайней позиции, выражающейся в утверждении о том, что гендерное воспитание «навязывает» ребенку гендерные стереотипы и, соответственно, воспитатели должны всячески избегать упоминаний о гендере и гендерных различиях, предоставляя выбор самому ребенку [592]. Предполагается, что достигнув определенного возраста, он сам определится с тем, какой именно

гендер (или пол) ему более предпочтителен. Однако, не имея определенных социальных ориентиров, ребенок не может четко сформировать собственные [603]. Такая позиция создает базу для проблем гендерной аутоидентификации в будущем. [537]. Отсутствие гендерных моделей не разрешит проблемы детей, имеющих врожденные или приобретенные сложности с отнесением себя к определенному полу, но осложнит не только гендерную идентификацию в детском возрасте [559; 564], но и может стать причиной трудностей в общении и внутренних психологических проблем в подростковом возрасте у остальных детей [580]. Таким образом, такая важнейшая характеристика будущей стратегии отцовства, как принятие свой гендерной роли, начинает формироваться именно в дошкольный период.

Кроме того, дошкольное детство – важнейший сенситивный период в формировании нравственных характеристик личности [3]. Именно в это время закладываются основы формирования таких характеристик, как: вежливость, тактичность, ответственность, инициативность, самостоятельность, альтруизм, скромность, уважительность, великодушие, гуманность, деликатность, доброта, душевность, отзывчивость, порядочность, почтительность, совестливость, сострадательность, справедливость, человечность, честность, чуткость, эмпатия и толерантность. Усвоение оценочных норм происходит в процессе наблюдения за реакциями родителей, предоставляющих модели поведения [468]. В. С. Мухина, дополняя анализ формирования ценностных норм, обращает внимание на то, что в качестве эталонных образцов поведения могут выступать не только реальные люди, но сказочные персонажи, имеющие моральные черты [289]. При этом критериями нравственного развития ребенка выступают: знание норм, привычки поведения, эмоциональное отношение к нравственным нормам и внутренняя позиция ребенка [468]. Однако, по мнению М. С. Яницкого, выработка осознанной внутренней позиции ребенка не реализуется в полной мере в дошкольном возрасте. Согласно Г. Крайг, сначала дети просто копируют словесные формулировки взрослых, связанные с нравственной оценкой ситуации, и только потом, стараясь соответствовать собственному представлению о себе,

как о «хорошем» ребенке, он совершает социально одобряемые действия [221]. Как показывают исследования [574] различие мужского и женского воспитания особенно ярко проявляются в отношении к дисциплине. Именно в контексте формирования нравственных ориентиров личности отцовское влияние становится незаменимым. Дисциплинирующая роль отца позволяет ему регламентировать поведение ребенка и, таким образом, транслировать культурные и нравственные нормы через поколения [480].

Общение со сверстниками и взрослыми в дошкольном возрасте ориентирует детей на нормы определенной группы людей, которая опосредует нормы и ценности общества в целом [468] и, кроме того, силу межличностного взаимодействия, определяет эмоциональнее принятие социальных норм и ценностей в процессе совместной деятельности.

Кроме того, в этом возрасте начинают формироваться первые предпосылки будущей зрелости личности: на уровне индивида (здоровье), личности (половая идентификация, отношения в детском коллективе) и субъекта деятельности (игровая деятельность, некоторая саморегуляция, готовность к школьному обучению), процессуальным критерием зрелости выступает адаптация [333]. Таким образом, некоторые составляющие рефлексивно-регулятивного компонента стратегии отцовства также начинают формироваться в этом возрасте.

Так как ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте является игра, важнейшие аспекты социального и нравственного развития личности отрабатываются и осознаются в игровой деятельности. Появление познавательной мотивации, когнитивное развитие ребенка и готовность к школе, формирующаяся к концу периода дошкольного детства, создают базу для дальнейшего развития субъекта деятельности в школьный период [232; 356].

В дошкольном детстве гендерная роль формируется через половое самосознание, происходит начало формирования ценностных ориентаций личности через развитие нравственных ориентиров, и появляются предпосылки рефлексивно-регулятивного компонента, такие, как: здоровье, отношения в детском коллективе, игровая деятельность, саморегуляция, готовность к

школьному обучению. В этом контексте содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в дошкольном возрасте будут иметь свою специфику и будут отличаться от содержания трех компонентов несформированной готовности отцовству или неготовности к отцовству. Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольный период обобщены в Таблице 4.1.3. (Приложение 5).

Таким, образом, в этот возрастной период, важнейшими условиями становления психологической готовности к отцовству является полная семья, предоставляющая гендерные модели поведения ребенку, нравственное воспитание личности.

Младший школьный возраст приходится на возраст 7-13 лет и характеризуется формированием стереотипа полоролевого поведения или системы представлений и моделей полового поведения для обоих полов [108]. Важнейшую роль в формировании ценностей личности в этом возрасте играет учебная деятельность, с которой связано когнитивное и социальное развитие ребенка, усваивающего новые знания, взаимодействующего со взрослыми в контексте учебной деятельности. Согласно М. С. Яницкому, развитие ценностных представлений в это время осуществляется сформированными ранее механизмами [468]. По мнению Ж. Пиаже, смена стадий морального развития связана с когнитивными возрастными изменениями. При этом младший школьный возраст является сензитивным для развития интеллекта, что способствует дальнейшему формированию ценностных ориентаций личности [318].

Согласно Э. Эриксону, в этот период происходит формирование такого качества, как трудолюбие, которое связано в первую очередь с развитием волевых характеристик личности, и будет являться одним их критерием личностной зрелости во взрослости [460]. Таким, образом, в этом возрасте важнейшими условиями становления психологической готовности к отцовству также является семья, предоставляющая гендерные модели поведения ребенку, адекватный возрасту статус ребенка, правильно сформированная образовательная среда.

Если говорить о предпосылках формирования рефлексивно-регулятивного компонента готовности к отцовству, то в младшем школьном возрасте важнейшие изменения происходят на уровне субъекта деятельности и включают такие предпосылки, связанные с началом обучения, как: успеваемость, произвольность, саморегуляция, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность.

В невыгодном положении оказываются дети по каким-то причинам дезадаптированные в школе. В силу того, что собственная самооценка и оценка других детей младшего школьного возраста тесно связна с оценками школьных учителей [3], явная неуспешность в начальных классах, особенно, при серьезном давлении родителей, создает условия для непринятия ребенком декларируемых таким угрожающим социумом социальных ценностей.

Младший школьный возраст сензитивен для формирования стереотипа полоролевого поведения, что внешне проявляется в гендерно типичном поведении. Продолжение формирования ценностей связано с нравственным развитием, трудолюбием, ответственностью и социально-нормативным поведением. Предпосылками рефлексивно-регулятивного компонента выступают: здоровье, успеваемость, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность, чувство компетентности, социальная адаптированность, саморегуляция, социальная компетентность, умение выстраивать социальные отношения. В этом контексте содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в младшем возрасте также будут иметь свою специфику и будут отличаться от содержания трех компонентов несформированной готовности к отцовству. Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте обобщены в Таблице 4.1.4. (Приложение 5).

Следующий период становления готовности к отцовству приходится на возраст с 12 до 18 лет и включает в себя подростковый (пубертатный) и юношеский период. Это время формирования психосексуальных реакций и психосексуальной ориентации. В это время на основе индивидуальных особенностей и опыта формируется личность, происходит эмансипация от семьи,

вырабатывается собственное мировоззрение, социальное сознание, оформляются представления об отцовской и материнской роли. И если женщины примеряют на себя материнские роли с детства, то мужчины именно в этом возрасте впервые задумываются об отцовстве, чаще всего в связи с возникновением проблем или разговоров о нежелательной беременности, обсуждением общественного мнения об ответственности за будущее. Однако многое зависит от воспитания, от семейных традиций и позиции матери мальчика-юноши [325]. Ведь именно отношения с собственной матерью на много лет определяют отношение к женщине вообще. Насколько мать подрастающего мужчины принимает его взросление и его самостоятельность, предоставляет ему возможность решать некоторые вопросы самому, принимая ответственность за свои решения, настолько внимательно относится он к своим сексуальным отношениям. Авторитарное поведение матери, пресекающей любые проявления инициативы, может привести к безответственности в отношениях с противоположным полом [486].

Подростковый возраст является сензитивным для формирования системы ценностей личности. До этого возраста ребенок не может создать свою систему ценностей, в силу отсутствия соответствующих когнитивных структур, неразвитости рефлексии [124; 221; 318]. Важнейшим новообразованием подросткового возраста является чувство взрослости, связанное с ориентацией на взрослые ценности [3]. Внешние «взрослые» ценности в этот период подвергаются внутренней личностной переработке, что позволяет создать собственную систему ценностей. Это может быть связано интернализацией внешних запретов, способностью эмпатийно понимать чувства других людей, или с развитием мышления на уровне «формальных операций», когда у подростка появляется возможность переоценки информации и понятий [323; 468]. При этом создание собственной системы ценностей сопровождается поиском ответов на философские вопросы, бунтарством, идеализацией морали своего поколения [113; 356] нравственных ориентиров старшеклассников [323; 391].

Происходят изменения и в плане формирования рефлексивно-регулятивного компонента психологической готовности к отцовству: на уровне индивида, помимо здоровья важнейшим процессом становится физическое созревание, на уровне личности продолжается половая идентификация, усиливаются проблемы социальных предпосылок зрелости, таких, как: выстраивание отношений со сверстниками и родителями и на уровне субъекта деятельности продолжают быть значимыми успеваемость, произвольность, самодисциплина, саморегуляция, произвольность поведения, самостоятельность. Кроме того, в этом возрасте начинает активно работать рефлексия.

В юношеском возрасте продолжается физическое созревание, но многочисленные изменения охватывают уровень личности, появляется необходимость выбора дальнейшего пути, профессионального и личностного самоопределения, сохраняют свою значимость половая идентификация, выстраивание отношений со сверстниками и родителями, на уровне субъекта деятельности предпосылками зрелости остаются: успеваемость, самодисциплина, произвольность поведения, самостоятельность. Процессуальным критерием зрелости выступает адаптация, самоопределение.

Кроме того, согласно Е. В. Куфтяк [235] в этом возрасте дифференцируется поведенческая стратегичность, так в подростковом возрасте мальчики демонстрируют, как продуктивные (конструктивные) стратегии совладания с ситуацией (духовность, обращение к друзьям), так и непродуктивные (неконструктивные), такие как: ожидание чуда, несовладание, игнорирование, активный отдых. В юношеском возрасте мальчики по сравнению с подростками чаще используют стратегию «решение проблемы», реже – «духовность» или обращение к друзьям и реже демонстрируют непродуктивные стратегии, такие как: ожидание чуда, несовладание, игнорирование и активный отдых [230]. Возможности саморегуляции возрастают.

Важно то, что в юношеском возрасте наиболее ярко проявляется создание системы ценностей. Это – период поиска собственной идентичности в личностном [460], профессиональном [342] и сексуальном планах [195]. Только в

юношеском возрасте формируется устойчивая система нравственных идеалов, принципов и ориентаций, которая начинает опосредовать поведение и деятельность личности, а также отношение к окружающему миру и к себе [56]. М. С. Яницкий полагает, что значительную роль в формировании системы ценностных ориентаций личности в этом возрасте играет осознание человеком личностного смысла своей жизни [468]. Для юношей характерно появление жизненных планов, целей, придание личностных смыслов ситуациям и выбору, иерархизации мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций, появление собственного мировоззрения. Поэтому, согласно М. С. Яницкому, юношеский возраст является решающим в плане формирования ценностной системы личности [468]. Таким образом, ценностное отношение к отцовству определяется еще до того, как мужчина реально встречается с подобными ситуациями в реальности.

В современном обществе происходит достаточно четкое разграничение родительской и сексуальной сферы. Однако в подростковом и юношеском возрасте такие вопросы стоят особенно остро в силу физической возможности стать родителем, но отсутствием личностной и социальной зрелости личности. И, несмотря на огромное количество источников информации, именно семейная ситуация во многом определят отношение молодых людей к проблемам сексуальной свободы и ответственности. Открытость сексуально откровенной информации в сети интернет, практически полное отсутствие каких-либо ориентиров от взрослых [69, с. 74-83; 73; 62, с. 61-67, 84, с. 33-40] приводит к формированию специфических потребительских установок у молодых людей относительно секса, брака, семьи и родительства [608], определяющих в будущем деструктивность стратегий отцовства [613]. Думается, что правильно организованная образовательная среда, включающая не только самих молодых людей, но и на определенных этапах и их родителей, позволит использовать достижения современной медицины и науки, позволяющие не только гармонизировать эти две сферы жизни взрослого человека, но и более осмысленно подходить к родительству. В последние десятилетия в развитых

странах заметна тенденция рождения детей в более позднем возрасте, что позволяет некоторым ученым сделать вывод о том, что родительство связано не только с сексуальной потребностью, но и различными другими, в том числе и потребностью в продолжении рода, в ученике, в аффилиации, кроме того существует целый блок социальных потребностей [83, с. 106]. Таким образом, именно в первый период, являющийся теоретическим с точки зрения отцовских практик, происходит становление психологической готовности к отцовству, основные условия формирования которой определяет семейно-образовательная среда.

В подростковом и юношеском возрасте оформляется гендерная идентичность (связанная в этот период с принятием гендерной роли и гендерно типичным поведением) и происходит оформление системы ценностных ориентаций личности через формирование мировоззрения (связанного с ответственным поведением). Рефлексивно-регулятивный компонент представлен такими параметрами, как: самодисциплина, произвольность, саморегуляция, самостоятельность, физическое созревание, выстраивание отношений со сверстниками и родителями, чувство компетентности, самодисциплина, произвольность, самостоятельность социальная адаптированность, социальная компетентность и рефлексия. В этом контексте содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте также будут иметь свою специфику и будут отличаться от содержания трех компонентов несформированной готовности к ответственному отцовству или неготовности к отцовству. Критерии становления психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте обобщены в Таблице 4.1.5. (Приложение 5).

На второй этап приходится осмысление отцовства в рамках применения знаний о нем к действительности. Это период изменения стереотипов, начинающийся с того момента, когда мужчина узнал, что будет отцом, и продолжается до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком [83, с. 104-106]. Иногда данные период начинается немного раньше при сознательном

планировании беременности, обсуждении с супругой вопросов здоровья будущего ребенка, здорового образа жизни при планировании и не только. Беременность жены для мужчины означает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая, способность мужчины вынести потерю внимания к себе и, одновременно, дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, определяет насколько он может быть хорошим отцом. Поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновения возможных проблем является середина беременности, примерно четвертый месяц, когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным. Эмоциональные реакции женщины не только являются защитным механизмом, но и запускают в мужчине – будущем отце – стремление заботиться и опекать и проявлять по отношению к беременной жене те чувства и ответственность, которую затем он будет проявлять по отношению к ребенку, что позволяет говорить о том, что, по всей вероятности, подготовка к общению с ребенком у мужчины в период ожидания ребенка все же происходит и происходит опосредованно, через женщину. Однако даже малейшее взаимодействие с ребенком имеет важнейшее значение для осознания факта его существования для мужчины [83, с. 104-105]. Рассогласование теоретических стереотипических представлений о том, каким должен быть отец и их практическим применением в период ожидания ребенка, затрудненность самооценки говорит о том, что процесс осознания себя отцом находится в развитии, не закончен.

Механизм происходящих изменений становится понятен, если обратиться к изучению динамики ценностно-смысловой сферы личности во взрослости. Согласно М. С. Яницкому, система ценностных ориентаций личности характеризуется динамичностью, не останавливается в своем развитии в юношеском возрасте и наиболее значительные изменения претерпевает в периоды кризисов развития в зрелом возрасте [468]. По мнению А. Г. Асмолова, любые кризисы развития в период взрослости неизбежно связаны с перестройкой

системы ценностей личности [32]. Период ожидания ребенка связан со значительными перестройками системы ценностей, как у женщин [110], так и у мужчин [83, с. 105]. Этот период характеризуется переосмыслением своих отношений с родителями, обращением к экзистенциальным вопросам, изменением жизненных целей, то есть, к трансформации системы ценностей. Причем, это происходит не в связи с возрастом, а в связи с определенными жизненными событиями, что согласуется с позицией Н. Н. Васягиной о влиянии родительства на субъектность личности [110] и положениями М. С. Яницкого о том, что критерии оценки уровня развития ценностных ориентаций, не привязаны к определенному возрасту, носят универсальный, «вневозрастной» характер [468].

Основные проблемы данного периода связаны с нежелательной беременностью или нежеланием иметь ребенка от конкретной женщины [71, с. 108]. Особенностью сексуального и репродуктивного поведения современной молодежи являются внебрачные сексуальные отношения, которые вопросы рождения детей ставятся в разряд «нежелательных». В основе сексуального и репродуктивного поведения лежат различные, в том числе и биологические обусловленные потребности. При этом способность иметь детей является, с одной стороны, характеристикой взрослого человека, а, с другой, не является достаточным основанием для рождения ребенка. А сексуальное поведение может быть и не связано со зрелостью личности или отношений, пониманием и принятием ответственности. Важнейшее значение здесь приобретает влияние социальных, исторических и культурных факторов: социальной стратификации, соотношения психофизиологического и социального статусов личности, а также информационная составляющая просвещения [84].

Проблемы деторождения, сексуальных взаимоотношений и ответственности тесно взаимосвязаны со здоровьем в первую очередь женщины и ребенка, а также возможностью рождения и воспитания ребенка. Во внебрачных отношениях эти вопросы становятся более драматичными, и именно поэтому проблемы образования, воспитания личности, в том числе и ее сексуальной культуры и просвещения являются особо актуальными в настоящее время. Кроме того, с

точки зрения психологов, именно в рамках пары формируются родительское поведение личности. Мы полагаем особенно важным отметить, что материнская роль в связи с положением женщины в обществе претерпевает существенные изменения в последние десятилетия. Например, меняется представление женщин о ценности материнства, о роли мужчины в жизни женщины и ребенка. Считается, что если женщина решается родить ребенка, на первом году жизни ребенка материнские функции достаточно определены. Женская роль более традиционная, более инертна – так как во многом биологически обусловлена. Но и она уже не является неизменной. Сейчас часто в обыденном сознании людей материнство ассоциируется лишь с исполняемой ролью, обязанностями и правами. Современная культура не предлагает женщине адекватный образ материнства. Все больше молодых девушек не только не хотят иметь детей, но активно пропагандируют свою точку зрения, так называемое движение «childfree» - свободный от детей [488]. Произошедшие социально-экономические изменения в обществе, развитие феминистского движения дали обществу образ самореализующейся в профессиональном плане женщины, на фоне чего образ матери стал менее значимым. В современном обществе очень мало осталось традиционно материнских функций женщины, на них накладываются еще профессиональные. При этом, женщина становится более несвободна в отношении карьеры, от нее требуется «быть успешной» в профессиональном плане, однако и требования к материнской роли остаются. В итоге женщина старается выполнить все свои социальные роли: учится, реализуется в карьере, планирует рождение ребенка после тридцати лет, отказывается от грудного вскармливания, выходит на работу сразу после родов, и оставляет воспитание ребенка на откуп более или менее профессиональным педагогам: няням, воспитателям, бабушкам. Юридически и статусно она становится матерью, но фактически ее роль в становлении личности ребенка минимальна. Ее стремление быть матерью обществом не поддерживается [13; 307].

В соответствии с этими тенденциями и ожиданиями женщины меняется и отцовство. Видоизменение отцовства заметно уже в течение нескольких

поколений. Предыдущее поколение уже отошло от традиционной модели поведения отца. В советском обществе была значительно распространена ситуация, когда мужчина был «еще одиним ребенком в семье». В итоге, нормальное материнское поведение, согласно транслируемым нормам предыдущего поколения в нашей стране, и современными женщинами воспринимается как авторитарное. При этом материнская роль составляет основу самооценки женщины. Ситуация во многом усложняется тем, что женщины сами воспринимают отцов, как своих заместителей, зачастую мужчина вообще не включен в общение и заботу о ребенке-младенце, хотя данный период является важным для установления взаимоотношений отца и ребенка. Однако потом от отца требуется участие в воспитании ребенка, с которым он уже привык не общаться. С другой стороны, мужчина–отец обязан обеспечивать семью, и если для матери общество полагает возможным и даже предписывает уход за ребенком и обеспечивает женщин специальным отпуском, то мужчины в данном случае менее свободны.

На фоне этих ожиданий конкретные отцовские функции могут варьироваться от полного игнорирования рождения ребенка до попытки вытеснения матери из отношений с ребенком. Например, после совместных родов, при возникновении сильного бондинга, отец пытается сам включаться в жизнь ребенка и испытывает ревность к жене, когда она кормит ребенка грудью. Это происходит из-за противоречивости материнских ожиданий и отсутствия

Еще одной особенностью современного репродуктивного поведения современной молодежи являются внебрачные сексуальные отношения, которые вопросы рождения детей ставятся в разряд «нежелательных». Здесь проблемы взаимоотношений и ответственности тесно взаимосвязаны со здоровьем в первую очередь женщины и ребенка, а также возможностью рождения и воспитания такого ребенка. Во внебрачных отношениях эти вопросы становятся более драматичными, и именно поэтому проблемы образования, воспитания личности, в том числе и ее сексуальной культуры и просвещения являются особо актуальными в настоящее время. Однако представляется, что сексуальное

просвещение является достаточно сложным и не решенным до сих пор вопросом в связи с отсутствием практических разработок компетентных специалистов, необходимостью подготовки педагогических кадров по этому вопросу и неразрывной связи полового воспитания с нравственным воспитанием и развитием личности. Существуют различные концепции сексуального воспитания и его влияния на сексуальное и репродуктивное здоровье молодежи. Однако нам представляется, что сексуальное воспитание неотделимо от воспитания личности в целом, следовательно, даже специальный курс занятий в школе не сможет заменить родительское воспитание в данном вопросе, даже при условии установления с детьми доверительных отношений, что практически невозможно, когда такие занятия проводит абсолютно чужой, незнакомый человек. При этом, по справедливому замечанию И. С. Кона [210], большего эффекта можно добиться образованием взрослых – т.е. через организацию обучающих курсов для родителей, посвященных вопросам грамотного взаимодействия и общения с детьми на темы, связанные с сексуальным поведением, контрацепцией и т.п.

Возможно в силу безграмотности и нежелания (со ссылкой на то, что сами получили эту информацию от сверстников, и говорить на эти темы со своими родителями и/или со своими детьми «неудобно») родителей заниматься половым воспитанием детей, несмотря на широкую представленность работ по сексуальному просвещению, согласно статистическим данным медиков одним из самых популярных средств регулирования рождаемости в нашей стране до сих пор является аборт [10]. Это имеет тяжелейшие последствия: демографические, экономические, политические и медицинские: наносит огромный вред здоровью – соматическому, репродуктивному и психологическому, как конкретной женщины, так и населения в целом вследствие появления многочисленных проблем в системе медицинского сопровождения вынашивания беременности и родовспоможения [10]. Однако женщины не только владеют большей информацией, но и демонстрируют несколько более ответственное сексуальное поведение, чем мужчины [541]. Проблемы усугубляются тем, что для нашей страны сейчас актуально недостаточность специальных знаний, низкая

сексуальная культура общества, невежество в вопросах сексуальности, репродуктивного поведения и уход от этих вопросов педагогами, родителями и врачами – то есть теми, кто должен обладать научными знаниями о предмете и о том, как донести свои знания до нового поколения. Именно в таких условиях формируется нравственное и ценностное содержание аксиологического компонента стратегии отцовства, связанного с ответственностью или безответственностью поведения.

В рамках ответственности поведения проблема контрацепции, контрацептивного поведения, этических аспектов контрацепции вызывает серьезные диспуты в современном мире. При этом достаточно часто высказываются полярные, даже радикальные точки зрения. Например, признание контрацепции и даже стерилизации большим достижением и благом цивилизации, которое нужно распространить на все культуры и страны при полном неприятии другого отношения к проблеме, когда любые дискуссии называются «отсталостью взглядов», «отсутствием необходимого образования» и др. (Pro-Choice Movement). С другой стороны, сейчас четко оформлена противоположная точка зрения, воспринимающая контрацепцию как нарушение естественной среды организма, этически неприемлемое действие. С точки зрения этой позиции, контрацепция – это отказ от ответственности за собственное поведение, в том числе и сексуальное, т.к. оно предполагает рождение детей «по природе» (Pro-life Movement). Каждая сторона выдвигает свои аргументы в защиту своих позиций, часто более эмоциональные, чем логичные или научные.

Наиболее часто имеет место некая срединная точка зрения, которая также определенным образом аргументирована. Однако как показывают исследования [195], большинство современных молодых людей вообще мало информированы о различных аспектах обсуждаемой проблемы. Помимо индивидуальных взглядов на вопросы контрацепции здесь играют большую роль взаимоотношения между партнерами, их статус относительно друг друга (супруги, сожители), их умение открыто обсуждать эти вопросы. Кроме того, определенную роль может сыграть и отсутствие сексуальной культуры и воспитания [537].

Однако игнорируя нравственное воспитание, замалчивая проблемы, связанные с сексуальным поведением, общество сталкивается с еще более серьезными демографическими, социальными и психологическими проблемами, которые требуют своего решения, как в контексте общества в целом, так и в рамках воспитания конкретной личности, так как психологическая готовность к отцовству связана с системой ценностных ориентаций личности, включающей ценность отношений, ценность отцовства и ответственное поведение мужчины. Ранняя взрослость – период формирования зрелости личности. Сформированная биологическая, трудовая, умственная, эмоциональная, социальная и психологическая зрелость, развитая саморегуляция и рефлексия являются наполнением рефлексивно-регулятивного компонента конструктивной стратегии отцовства в этот период.

Для ранней взрослости характерны формирование стратегии отцовства, включающей принятие гендерной роли отца, формирование репродуктивной мотивации, действующая система ценностных ориентаций личности, включающая мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства, связанная с ответственностью поведения, развитая саморегуляция и рефлексия образа действий, а также биологическая, трудовая, умственная, эмоциональная, социальная и психологическая зрелость.

Второй и третий периоды онтогенеза отцовства не связаны с конкретным возрастом мужчины, но связаны с его жизненной ситуацией, интимностью отношений и стадией жизненного цикла его супружеской семьи. Второй период приходится на период ожидания ребенка. Это период осмысления отцовства и начала реализации стратегии отцовства (через ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности). Он является подготовительным для третьего практического периода – периода реализации стратегий отцовства в отцовских практиках. Оба периода приходятся на раннюю и среднюю взрослость.

Третий этап, приходящийся на время после рождения ребенка – этап осознания отцовства – связан с реализацией стратегий отцовства. В этот период

возникает и реализуется эмоциональная связь мужчины с родившимся ребенком, применяются и реализуются на практике сформированные стратегии отцовства, происходит экспериментирование, оценка собственного поведения [606] и поиск эффективных способов взаимодействия с ребенком [83, с. 103-105; 616]. Стратегии отцовства в этот период продолжают развиваться, подвергаясь некоторой коррекции в связи с развитием личности мужчины и самого ребенка [501]. В это время формируется праксиологический компонент отцовства уже во взаимодействии с ребенком. Критерии реализации конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства на практике представлены в Таблице 4.1.6. (Приложение 5).

Конструктивное поведение на этапе практической реализации стратегий отцовства (конструктивные отцовские практики) будут включать в себя помимо всего прочего знание особенностей развития ребенка в каждом возрасте, умение и желание взаимодействовать с ним. Этот процесс запускается во время ожидания ребенка, но не заканчивается со взрослением ребенка, так как взрослые дети могут сохранять достаточно близкие отношения с отцами, способствующие ощущению субъективного благополучия и повышения качества жизни и тех, и других [588].

Ранняя взрослость является возрастом первых проявлений зрелости личности. Зрелость в период взрослости можно рассматривать на индивидном уровне, субъекта деятельности, личности и индивидуальности [21]. На уровне индивида можно наблюдать биологическую зрелость, включающую в себя соматическую и половую зрелость, нервно-психическую устойчивость и здоровье [333]. На уровне субъекта деятельности можно выделить умственную зрелость, эмоциональную зрелость и трудовую зрелость. На уровне личности выделяется социальная зрелость, критериями которой является социальный статус, коммуникативная компетентность, конкурентоспособность и психологическая зрелость, связанная с системой отношений личности и определяемая направленностью личности [333]. Эти характеристики теснейшим образом связаны с реализацией отцовской роли мужчиной [534].

Таким образом, среди основных критериев, определяющих конструктивность стратегии отцовства, выделяются: принятие гендерной роли отца, система ценностных ориентаций, включающая ценность отцовства, и зрелость личности. Эти параметры имеют свою специфику развития на каждом возрастном этапе, формируя аксиологический, рефлексивно-регулятивный и праксиологический компоненты психологической готовности к отцовству, и тесно взаимосвязаны с социальной ситуацией развития личности.

На втором и третьем этапе многочисленные риски отцовства теснейшим образом связаны со структурой семьи (в том числе официальным оформлением отношений, так как нерезидентные отцы часто вносят весьма ограниченный вклад в жизнь ребенка [513; 515; 544]) и супружеским отношениями (L. Tach, R. Mincy, K. Edin [660], J. D. Teachman [661], M. E. Feinberg [545], S. L. Hofferth [574]), в том числе отсутствием конфликтов [593; 619]. Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

4.3. Модель психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, важнейшей характеристикой отцовства является его открытость в системе взаимоотношений семьи и социума, что до определенной степени позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. Мы не можем воздействовать на интегральное психологическое образование личности, не можем изменить историю личности и ее родительскую семью, но, имея критерии конструктивности стратегий отцовства, мы можем разрабатывать программы психологической и педагогической помощи семье, отцу или ребенку,

направленные на работу с ценностно-смысловой сферой личности, принятие гендерной роли и ответственности отцовства.

При этом оптимизация формирования стратегий отцовства определяется формированием конструктивных стратегий отцовства, которое связано с условиями развития личности мужчины, начиная с самого раннего возраста, так как формирование гендерной идентичности, некоторых аспектов ценностно-смысловой сферы, ответственности и нравственных характеристик личности начинается в дошкольном возрасте, соответственно психолого-педагогическое воздействие необходимо осуществлять с самого раннего возраста.

При этом изменения современной системы образования в направлении индивидуализации, отраженные как в федеральных государственных образовательных стандартах, так и в общественном мнении, создают возможности для организации психолого-педагогического сопровождения развития личности в системе образования, включая научное [190; 310; 407] и правовое обеспечение [400] этого процесса, а также сопровождение личностного [408] и социального [465] развития учащихся и обеспечение качества образования [339].

Актуализация парадигмы сопровождения связана с развитием педагогической и психологической наук, становлением гуманистического подхода к личности в качестве ведущего в образовании. Специфика, цели, содержание и методы сопровождения описаны в работах К. А. Абульхановой-Славской, А. Г.Асмолова, О. С. Газмана, М. И. Губановой, Т. М. Чурековой, В. С. Гелевицккой, Н. И. Кондратьевой Л. М. Шипициной, Р. В. Овчаровой, Л. И. Понамаревой, Л. Г. Суботиной. Комплексность сопровождения, необходимость интеграции специалистов различных профилей (педагогов, психологов, социальных и медицинских работников) и учета культурной и региональной специфики ситуации развития личности для его осуществления определяет множественность определений понятия сопровождения.

Р. В. Овчарова определяет сопровождение в рамках технологии деятельности психолога, специфичной по способам взаимодействия, целям, приоритетам в работе критериям оценки деятельности [300]. При этом технология

включает последовательные этапы деятельности специалистов (не только психологов, но и педагогов), направленных, как правило, на оптимизацию учебных достижений школьника.

М. И. Губанова рассматривает сопровождение через призму взаимодействия субъектов образовательного процесса, включающих педагогов, других специалистов (например, психологов), обучающихся, родителей, направленного на оказание помощи в трудных ситуациях [133].

Т. М. Чурекова определяет педагогическое сопровождение через систему деятельности педагога, направленную на создание психолого-педагогических условий для развития ребенка, а также профессионального развития педагога, при этом акцентируя внимание на построении субъект-субъектных отношений [444].

В диссертационном исследовании, посвященном изучению психолого-педагогического сопровождения развития личности учащегося, Л. Г. Субботина выделяет в качестве значимого элемента сопровождения психологический аспект, включающий психодиагностическую работу для обеспечения мониторинга развития личности, ее адаптации к образовательной среде и самореализации в различных сферах деятельности [394].

В качестве одного из важнейших параметров, обеспечивающих эффективность сопровождения, Л. Г. Субботина определяет тесное взаимодействие родителей (законных представителей) и специалистов системы образования, включая в первую очередь педагогов и психологов, которое обеспечивает позитивную динамику развития личности.

Необходимо отметить, что, согласно А. Г. Асмолову, психолого-педагогическое сопровождение включает в себя два компонента: педагогический и психологический [32]. При этом, педагогическая работа обеспечивает помощь в усвоении ребенком образовательного стандарта, тогда как психологическое сопровождение обеспечивает освоение индивидуальной траектории развития. Соответственно, в рамках работы с содержательными характеристиками психологической готовности к отцовству психологическое сопровождение обеспечивает более гибкий подход к формированию программ сопровождения с

учетом условий и механизмов становления феномена. Общие условия, механизмы и эффекты становления психологической готовности к отцовству представлены на Рисунке 4.3.1. (Приложение 6).

Психолого-педагогическое сопровождение может иметь две различные формы: системное и индивидуальное сопровождение. Системная форма осуществляется специализированными центрами психологической помощи по запросу администрации или родителей. Индивидуальная форма позволяет обеспечить создание специальных условий для осуществления адресной помощи конкретному ребенку или семье. В рамках работы со стратегиями отцовства наилучший результат может быть достигнут сочетанием двух форм сопровождения [122].

В психолого-педагогической литературе используются также термины «психолого-педагогическая поддержка» и «психолого-педагогическое обеспечение». Термин «поддержка» используется чаще всего в рамках педагогических исследований и определяется как превентивная или оперативная помощь в решении конкретных проблем ребенка, чаще всего подразумевающая координированное взаимодействие нескольких специалистов. Согласно В. А. Сластенину поддержка является более узким термином, является более ситуативным видом деятельности специалиста, при этом может выступать первым этапом и в ряде случаев переходить в сопровождение развития личности [315].

Понятие психолого-педагогического обеспечения используется для определения вида профессиональной деятельности, предполагающего активизацию ресурсов личности или конкретного социального института, необходимых для оптимизации конкретного процесса развития. [398].

При этом различия между терминами определяются направленностью деятельности специалистов: задачей психолого-педагогического сопровождения выступает обеспечение психического здоровья и развитие личности обучающегося, тогда как психологическое обеспечение способствует созданию специфических условий в обучении, развитии и воспитании учащихся, педагогов

и других субъектов образования. Психологическое обеспечение может быть непосредственным, осуществляемым педагогом-психологом, и опосредованным или косвенным, осуществляемым совместно педагогами, родителями, учащимися [449].

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение включает в себя, как психолого-педагогическую поддержку, так и психолого-педагогическое обеспечение развития конкретных характеристик личности. В рамках формирования конструктивных стратегий отцовства могут быть использованы как педагогическая и психологическая поддержка, так и психолого-педагогическое обеспечение формирования стратегий отцовства.

Однако стоит отметить, что в современных условиях система психолого-педагогического сопровождения развития личности осуществляется чаще всего изолировано на каждом образовательном уровне, исключая случаи создания преемственности в учреждениях в рамках непрерывного образования. В этом смысле любая программа психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству представляет собой хоть и до определенной степени автономную и вариативную часть, которая должна встраиваться в общую канву программ психолого-педагогического сопровождения развития личности в образовательном процессе.

Тогда предметом психолого-педагогического сопровождения оптимизации становления готовности к отцовству могут выступать психологические закономерности развития стратегий отцовства. При этом целью психолого-педагогического сопровождения оптимизации формирования стратегий отцовства становится создание условий в семейно-образовательной среде, способствующих формированию конструктивных стратегий отцовства, начиная с дошкольного возраста. Интеграция ребенка в образовательную среду в этом случае взаимосвязана с процессом саморазвития [231].

Учитывая обозначенную ранее позицию, связанную с необходимостью способствовать становлению не любой готовности к отцовству, а именно психологической готовности к отцовству, психолого-педагогическое

сопровождение становления психологического готовности к отцовству мы понимаем как создание условий для формирования специфических для каждого возраста новообразований личности, связанных с формированием предпосылок конструктивных стратегий отцовства и представляет собой сложную систему психолого-педагогического взаимодействия, решающую ряд задач и включающую условия реализации, содержательные и технологические аспекты работы, определяющих применение различных технологий, методов, средств и форм работы.

Целью подобной работы будет выступать психолого-педагогическое обеспечение становления готовности к отцовству и создание условий семейно-образовательной среды для гармоничного развития личности ребенка в рамках его возрастных особенностей и специфики становления психологической готовности к отцовству. В связи с этим нами составлена программа психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, опирающаяся на психологические и образовательные технологии оптимизации становления психологической готовности к отцовству.

В современной психолого-педагогической литературе большое внимание уделяется определению и разработке психологических и педагогических технологий оптимизации процессов развития личности. Для нас представляют интерес возможности психологических и образовательных технологий оптимизации становления психологической готовности к отцовству.

Этиология термина «технология» восходит к греческим словам «techne» – «искусство, мастерство» и «logos» – «учение» и определяется, как учение о мастерстве. В педагогической литературе встречается в сочетании с понятием образовательный и педагогический.

При этом, согласно Г. К. Селевко [370], «образовательная технология» обозначает расширенно технологию в сфере образования и является более широким понятием по отношению к педагогической технологии, так как включает в себя как собственно педагогические технологии, рассмотренные такиеми авторами, как: Н. И. Алмазова и О. А. Сенцова [18], Н. А. Асташова [33],

В. М. Букатов [98], А. А. Аронов и Н. С. Кайдалова [29], А. А. Вербицкий [112]; а также культурологические, социально-политические, экономические, социальные, управленческие, психолого-педагогические, медико-педагогические аспекты и технологии [370].

Учитывая специфику работы по оптимизации психологической готовности к отцовству, в нашей работе мы опираемся на использование образовательных технологий.

Понимание образовательных технологий также зависит от позиции автора, например, Б. Т.Лихачев, С. А. Смирнов, Н. Б. Крылова, Р. де Киффер, М. Мейер рассматривают педагогические технологии как средство, организационно-методический инструментарий педагогического процесса [253].

Образовательные (педагогические) технологии как способ действий, ориентирующийся на определенный алгоритм или программу действий, связанный с мастерством преподавания или воспитания рассматривают В. П. Беспалько, М. А. Чошанов, В. А. Сластенин, В. М. Монахов, А. М. Кушнир, Б. Скиннер, С. Гибсон [приводится по 370].

В. В. Гузеев, П. И. Пидкасистый, М. Эраут, С. Ведемейер, Р. Кауфман, определяют образовательные технологии как научное направление, систему, включающую определенные исходные данные и результаты обучения, а также средства диагностики, разнообразие моделей обучения, а также четкие критерии выбора оптимальной модели обучения для данных конкретных условий [135].

Кроме того, можно рассматривать педагогические (образовательные) технологии как многомерный процесс, как он описан в работах В. И. Боголюбова, М. В. Кларина, В. В. Давыдова, Г. К. Селевко, Е. В. Коротаевой, В. Э. Штейнберга, К. М. Силбера и Р. Томаса. При этом, «педагогическая (образовательная) технология – это система функционирования всех компонентов педагогического процесса, построенная на научной основе, запрограммированная во времени и в пространстве и приводящая к намеченным результатам» [370, с.37].

При этом общими чертами образовательной технологии в любом случае являются: наличие планирования результатов с ориентацией на определенный эталон, программирование учебно-воспитательного процесса (схема и последовательность действий учителя и ученика), мониторинг и коррекция результатов при необходимости.

Таким образом, в самом широком смысле слова образовательная технология представляет собой концепцию развития личности, учитывающую социально-культурологические, дидактические, инструментальные, операциональные, временные аспекты и коммуникативные и личностные особенности участников. В узком смысле технология определяется набором способов действий, увязанных в определенный алгоритм.

С точки зрения расширенного толкования термина, предлагаемая нами технология определяет концепцию становления психологической готовности к отцовству через определение критериев желаемого результата (сформированная готовность, реализуемая в конструктивной стратегии отцовства), выделение этапов становления готовности (обозначение, осмысление, осознание отцовства), обозначение временных рамок этих этапов (1. дошкольный, младший школьный подростковый и юношеский период; 2. ранняя взрослость; 3. ранняя и средняя взрослость), разработку схемы действий для каждого возрастного этапа и различной семейной ситуации, разработку диагностического инструментария для мониторинга процесса становления, определение методов работы по оптимизации или коррекции становления психологической готовности к отцовству.

При этом содержательная часть технологии включает в себя в качестве цели оптимизацию становления психологической готовности к отцовству, а также специфичное для каждой возрастной группы содержание материала. Процессуальная часть определяется направлениями работы и включает в себя диагностический инструментарий для мониторинга процесса, общие технологии работы, конкретизируемые в методах и формах деятельности психолога, педагога и родителей (по возможности).

При этом в условиях любого возрастного этапа психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству будет включать психологическую работу с семьей по созданию благоприятной семейно-воспитательной среды, создание образовательной среды, а также при необходимости психологический тренинг (Рисунок 4.3.2).

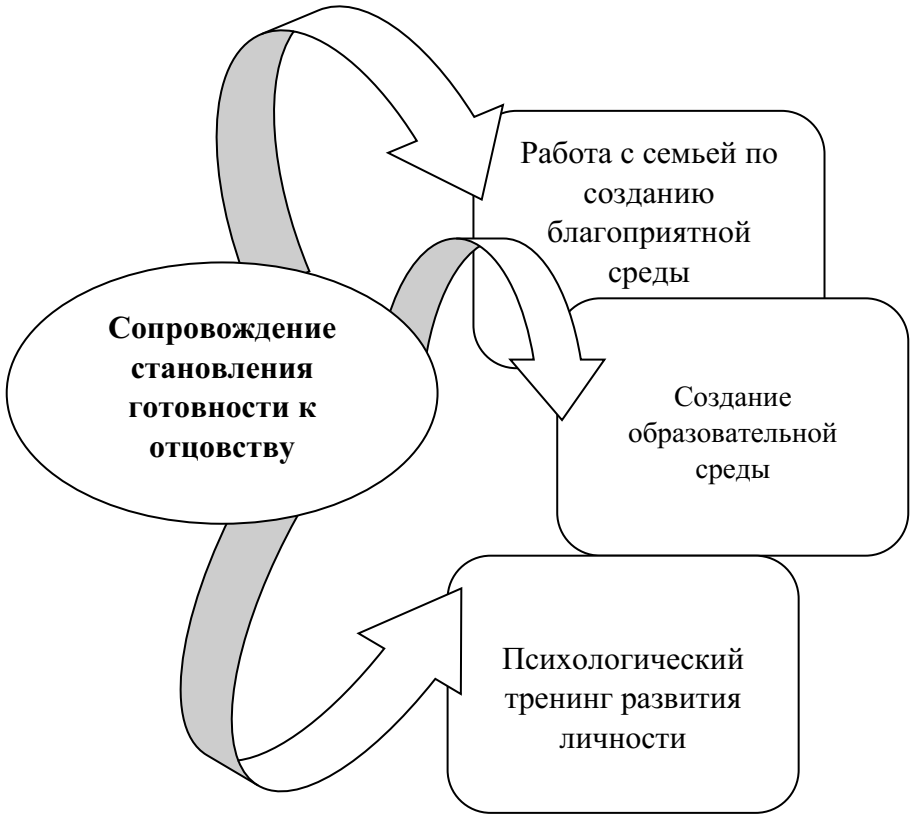

Рисунок 4.3.2. – Направления работы по сопровождению становления готовности к отцовству

Внутри каждого направления работы выделены формы, технологии (трактуемые здесь в узком смысле понятия) и методы работы, представленные в Таблице 4.3.1 (Приложение 6).

Для дошкольного возраста основные условия развития личности в целом и становления психологической готовности к отцовству в частности, задают семейная среда и дошкольное образовательное учреждение. Таким образом, работу по психолого-педагогическому обеспечению становления

психологической готовности к отцовству у ребенка дошкольного возраста необходимо организовывать в рамках психологического просвещения родителей, психологической работы с семьей, включающей психологические тренинги, направленные на осознание родителями своей роли в становлении гендерной идентичности и полового самосознания ребенка, и организации специальной среды в образовательном учреждении, если ребенок посещает таковое, что, однако, не является обязательным для формирования стратегии отцовства [266]. При этом семейная и образовательная среда должны соответствовать друг другу, не допуская противоречивого подхода [386].

Учитывая выделенные нами критерии становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте, работу необходимо строить в направлении обеспечения формирование полового самосознания, нравственного развития ребенка, его здоровья и социальной компетентности. При этом могут быть использованы различные модели, способы и методики воспитания. Традиционная народная педагогика с ее четким разделением по гендерному признаку предоставляет многочисленные способы ориентировки ребенка в окружающем его мире [193; 431]. При этом, в качестве основной деятельности выступает игра, однако постепенно к ней добавляются несложные обязанности, способствующие развитию чувства компетентности у ребенка еще до школы. Примеривая на себя, проигрывая различные социальные роли, выполняя определенные действия с помощью взрослого, а затем и без нее, общаясь со сверстниками, проявляя заботу о ком-то, ребенок не только осуществляет гендерное самоопределение, но и ориентируется в ценностях, определяет нравственные ориентиры.

Современные родители сами воспитывались в условиях нарушения преемственности поколений, ломки системы половой стратификации и отсутствия четких гендерных ориентиров. Это осложняет им задачу выстраивания качественной воспитательной среды для своего ребенка [127] . Поэтому в нашей программе большой акцент сделан на выстраивание взаимодействия родителей с детьми [155], уточнении воспитательных целей и задач развития, являющихся

ведущими для каждого возрастного этапа. Включение прародителей и (бабушек, и особенно, дедушек) и близких родственников может сыграть положительную роль в формировании благоприятной семейно-воспитательной среды при условии отсутствия конфликтов между поколениями [224]. Для мальчика огромную роль играет включение отца в процесс взаимодействия с ребенком [411]. Поэтому, по нашему мнению, для формирования конструктивной стратегии отцовства у ребенка данного возраста необходимо уделить значительное внимание формированию конструктивной стратегии отцовства его отца. Психологическая работа здесь направлена на усиление включенности в жизнь ребенка в условиях полной семьи, и актуализацию присутствия отца в жизни ребенка в условиях неполной семьи или после развода (при этом работа должна проводиться и матерью ребенка в направлении принятия необходимости выстраивать отношения ребенка с отцом). Особенно важным является простраивание траектории развития ребенка в условиях неполной семьи [131; 132] или воспитания вне семьи [368] в условиях жестокого оращения [150]. Однако взаимодействие родителей и педагогов в рамках образовательного учреждения позволяет создать единую воспитательно-образовательную среду для ребенка [122; 162; 222].

Формирование готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для развития полового самосознания ребенка (гендерное воспитание), формирования нравственных ориентиров, включающих в себя ответственное поведение по отношению к младшим и слабым [389], а также организации условий игровой, трудовой деятельности, обучения и общения.

В младшем школьном возрасте работу также необходимо выстраивать в условиях двух сред: семьи и образовательного учреждения [484]. При этом в этом возрасте в силу того, что ведущей деятельностью является учение, важнейшее значение приобретает формирование способности к систематическому труду. Поэтому в нашей программе большой акцент сделан на выстраивание взаимодействия родителей с детьми, уточнении воспитательных целей и задач развития, являющихся ведущими для данного возрастного этапа.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для развития стереотипа гендерного поведения, формирования ценностных ориентаций личности, а также мотивирования ребенка к учебе, проявлению самодисциплины, произвольности поведения, самостоятельности.

Кроме того, необходимо продолжать работу с семьей по созданию благоприятной семейно-воспитательной среды.

Подростковый и юношеский возраст, с одной стороны, создает многочисленные сложности во взаимодействия родителей и ребенка, что затрудняет психологическую работу с семьей, направленную на формирование стратегий отцовства у ребенка [360; 409], а с другой, – позволяет проводить работу с самими подростками и юношами в направлении актуализации и становления психологической готовности к отцовству.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в этом возрасте происходит в рамках создания условий для формирования гендерной идентичности, осознания и принятия своей гендерной роли, нравственно-полового воспитания, формирования системы ценностных ориентаций личности, поддержания здоровья, через выстраивание отношений со сверстниками и родителями, профессиональное самоопределение, опирающееся на такие характеристики, как успеваемость, самодисциплина, произвольность, самостоятельность.

Сопровождение становления психологической готовности к отцовству в период ранней взрослости происходит в условиях взаимоотношений в родительской семье (эмансипации, автономности, эмоциональной и финансовой независимости от родительской семьи [257]), формирования и функционирования отношений в паре и связано со сформированной, в целом, стратегией отцовства, системой ценностных ориентаций личности, а также со степенью биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной и психологической зрелости.

Второй и третий периоды являются периодами реализации стратегий отцовства, однако, на этих этапах, особенно, в начале, оптимизация и коррекция

стратегий отцовства происходит в рамках взаимоотношений с супругой, а также в рамках возможного обучение взрослых, например, на курсах подготовки родителей или в рамках психологического тренинга [46].

На всех возрастных этапах психологическая работа с семьей является важнейшим направлением деятельности в рамках психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Она включает работу по основным видам деятельности практического психолога в образовании, включающим просветительское, профилактическое, диагностическое, коррекционно-развивающее, консультационное направление деятельности, позволяющие повышать все уровни родительской культуры человека [374]: ценностно-смысловой; рефлексивно-оценочный, когнитивный компонент, включающий грамотность и компетентность, а также компонент, метко названный Л. С. Колмогоровой «культуротворческим» [206].

Психологическая работа с семьей включает в себя информирование с использованием информационно-коммуникационных и он-лайн технологий, (например, просвещение и пропаганда ценности отцовства в рамках обучения взрослых или тренинга или создание доступной базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья) а также индивидуальную и групповую работу, ориентирующуюся на технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, выбираемых в зависимости от квалификации психолога, его схемы работы и самой проблемной ситуации, и включающую по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию.

Одним из важнейших направлений, позволяющим охватить большие аудитории, является просвещение, предполагающее работу с родителями в дошкольном и младшем школьном возрасте, просветительскую работу с детьми старшего возраста и взрослыми.

Консультационное направление включает индивидуальные и групповые консультации учеников, родителей и педагогов. Диагностическое и профилактическое направления связаны с выявлением групп риска и

предупреждением возрастно-половых и семейно-обусловленных проблем гендерной социализации. Коррекционно-развивающее направление работы включает в себя психологическую помощь по запросу со стороны родителей или педагогов. Вспомним, что в содержание понятия «психологическая помощь» включается обеспечение эмоциональной, смысловой и экзистенциальной поддержки семье и ее отдельным членам [205].

Выделяются следующие функции психолога в рамках психологической помощи семье: поддерживающая функция (психологическая поддержка, которая отсутствует или приняла искаженные формы в реальных семейных отношениях); посредническая функция (психолог выполняет функцию посредника, содействующего восстановлению нарушенных связей семьи с миром); обучающая (способствующая развитию навыков общения, приемов саморегуляции, самопознания); развивающая (помощь членам семьи в развитии основных социальных умений и навыков, например, навыки внимательного слушания, умение оказывать поддержку и решать конфликтные ситуации, умение выражать свои чувства и понимать чувства других людей); информационная (включает в себя изложение (например, лекционное или в рамках беседы) информации о психическом здоровье и нездоровье, норме развития и ее вариантах).

Виды психологической помощи семье можно классифицировать следующим образом 1) информирование (предоставление информации об особенностях функционирования семьи на разных этапах развития, о задачах, стоящих перед семьей в кризисные периоды, о возрастно-психологических особенностях развития личности); 2) индивидуальное психологическое консультирование – так как работа с одним из членов семьи, по мнению М. Боуэна может привести к изменениям всей системы внутрисемейных отношений; 3) консультирование (психотерапия) супружеской пары; 4) групповая тренинговая работа (психотерапия) супружеских пар (участвуют несколько семейных пар) [656]; 5) семейное консультирование (работа с нуклеарной семьей); 6) групповое семейное консультирование (психотерапия).

Одним из вариантов работы с семьей может быть командная работа специалистов (2-4 человека). По мнению Н. И. Олифирович и коллег [205], работа в команде позволяет избежать ряда «ловушек», связанных со спецификой работы с семейной системой, например, соблазна присоединиться и образовать коалицию с одним из членов семьи. Они выделяют несколько способов работы в команде: 1) с семьей взаимодействует вся команда; 2) с семьей работает один член команды, остальные, по типу супервизорства, не включаясь в непосредственное взаимодействие с семьей, наблюдают за процессом и дают психологу обратную связь после работы; либо после завершения работы они обсуждают возникшие у них предположения в присутствии членов семьи. Все эти виды работ могут быть использованы в работе с семьей, отцом и ребенком.

В период беременности на первый план среди условий реализации стратегий отцовства выходят взаимоотношения с супругой. Для женщины переживание беременности и динамика стиля переживания беременности отражает ценность ребенка, взаимодействие ценности ребенка с другими значимыми для женщины ценностями, и является прогностическим для выявления особенностей материнского отношения и динамики ценности ребенка после родов, это же характерно и для мужчин, хоть и не столь явно проявляется. Отношения мужчины-будущего отца с беременной женщиной, особенно во второй половине беременности запускают множественные переживания, перестройку ценностей, апеллируя к детским переживаниям, отношениям с собственной матерью и отцом.

Как показывает наше исследование переживание беременности жены (партнерши) мужчиной во многом зависит от поведения и отношений с женщиной. Согласно мнения В. И. Брутмана, А. Я. Варга, М. С. Радионовой, Г. Г. Филипповой, И. Ю. Хамитовой, изучавших психологические состояния женщин во время вынашивания ребенка, в беременности есть собственная, динамика обострения и ослабления имеющихся у женщины проблем. Например, в первом триместре у женщин актуализируются и остро переживаются проблемы с собственной матерью и другими объектами привязанности, проблемы отношений

с мужем [423]. Для мужчины – это период рационального принятия факта беременности и актуализации множественных социальных проблем: материальных, проблем принятия ответственности и др. Во втором и третьем триместрах у женщин появляется выраженное избегание отрицательных эмоций, проблемы первого триместра ослабляются, актуальными становятся страх перед родами и своей некомпетентности в послеродовом периоде, появляется «синдром обустройства гнезда», который проявляется в повышении активности, стремлении упорядочить имеющиеся проблемы. В это время направление активности на подготовку к родам и послеродовый период свидетельствует о благоприятной динамике течения беременности; тогда как активность, не связанная с ребенком, – неблагоприятный показатель. Для мужчины это период первичного осознания факта существования и скорого рождения ребенка. Большинство исследователей полагают, что появление физического свидетельства беременности – увеличение живота, приводит к новому эмоциональному переживанию, иррациональному пониманию существования будущего ребенка. Однако, несмотря на то, что поведение мужчины в этот период может быть весьма диагностичным, четкого определения влияния типов отношения мужчины к беременности жены на последующие отношения с ребенком на настоящий момент не выявлено. Известны наиболее общие закономерности: отрицательное, враждебное отношение к будущему ребенку коррелирует с несформированностью ценностно-смысловой сферы личности, различными сложностями в родительской семье, серьезными материальными проблемами. Однако отношение мужа к беременной женщине в этот период, как правило, меняется: усиливается любовь и желание заботиться [423]. Г. В. Скобло, Л. Л. Баз и Т. А. Баландина полагают, что гордость и переживание собственной причастности мужчины при появлении физических признаков беременности являются показателем появления ценности ребенка в структуре ценностно-смыслового блока отцовства [379].

У женщин к концу беременности чаще всего ослабляется страх родов, своей некомпетентности, снижается напряжение всех остальных проблем. Тогда как, противоположная ситуация отражает выраженную неблагоприятную динамику

переживания беременности и ценности ребенка. В это период принимается решение об участии отца в родах.

Особенности проявления отцовства являются относительно устойчивыми, однако могут варьировать относительно каждого конкретного ребенка. Многое зависит от возраста мужчины в момент рождения ребенка, и, зачастую, от пола ребенка, особенно в семьях с патриархальными традициями.

Проблема принятия ребенка, восприятия его как продолжения себя, особенно в период беременности, подготовляющий последующие отношения с ребенком, и в первый год жизни ребенка, актуальна для мужчин, в силу гораздо меньшей, чем у женщин, выраженности «гештальта младенчества», который запускает эмоциональные, смысловые и другие реакции, облегчающие формирование привязанности матери во время первичного взаимодействия с ребенком. И именно этим осложнена любая психологическая работа с отцом и ребенком.

В рамках работы с отцовством, по мнению W. Doherty [532], сложность составления программ психологического сопровождения семьи, с одной стороны обусловлена тем, что широкое распространение таких программ невозможно без соответствующих политических программ по улучшению демографической ситуации, а с другой – основной акцент в этих программах должен быть поставлен на то, чтобы отражать множественные области отцовства, различные бытовые и брачные обстоятельства отцов, и множество личных отношений и экологических факторов, которые влияют на то, каким отцом является мужчина. Такая программа должна: вовлекать матерей, особенно для не состоящих в браке отцов, пропагандировать совместное родительство внутри и вне брака, обратить внимание на критические периоды в семейной жизни, например, рождения ребенка и развода родителей, обеспечить возможность отцов учиться от других отцов и пропагандировать жизнеспособность браков, построенные на совместной заботе, преданности и взаимодействии.

Проблемы отцовства могут решаться в рамках общей семейной и индивидуальной консультационной и психотерапевтической работы. Может

применяться психоаналитический подход к консультированию и терапии, ориентированные на проработку личностных проблем, а также клиент-центрированная и семейная терапия и консультирование.

В зарубежной традиции нередко используются комплексные методы оказания помощи, включающие услуги врачей, психологов, психиатров, педиатров и т.д. Часто применяется групповая работа, причем существуют специальные группы отцов, которые делятся своим опытом, что также стимулирует родителей к поискам дополнительных форм решения своих проблем [532].

В нашей стране участие отцов в работе с семьей ограничивается либо рамками семейной терапии, либо курсами по подготовке к совместным родам, которые посещают далеко не все. Различная помощь для родителей с детьми раннего возраста оказывается психологами детских дошкольных учреждений или в специализированных центрах, иногда – в психологических консультациях. В основном, в такой работе задействованы матери. Но консультирование для матерей с младенцами, новорожденными, также как и в пренатальный период, практически осложнено.

При оказании такого рода психологической помощи семье хорошо разработаны и широко используются методы диагностики развития ребенка, его эмоционального благополучия, диагностика родительского отношения и взаимодействия матери с ребенком. Этот род психологической практики традиционно ориентирован на проблемы ребенка, мать, и ее психологические проблемы рассматриваются с позиций оптимизации условий развития ребенка, отец и его отношение изучается крайне редко. Чаще всего это детско-родительское или семейное консультирование, которое проводят специалисты в области психического развития ребенка. Нередко в этих случаях открывающиеся проблемы семьи побуждают ее обращаться к другим специалистам [532].

Наиболее приемлемым представляется организация комплексной психологической помощи в местных центрах, связанных с медицинскими учреждениями (женскими консультациями, родильными домами, детскими

поликлиниками) и детскими дошкольными, а возможно, и образовательными учреждениями с участием обоих родителей. Возможно также включение элементов просвещения и пропаганды ценности отцовства в воспитательный процесс в образовательных программах для учащихся средних учебных заведений. Содержанием такого психологического консультирования могут быть: диагностика индивидуальных особенностей материнской и отцовской сферы; психологическая помощь в планировании семьи, беременности и взаимодействии отца и матери с ребенком; диагностика родительской компетентности; помощь в решении семейных психологических проблем; подготовка родителей к родам; организация групповых занятий в беременности и для родителей, и для детей; индивидуальное консультирование; работа специалистов-психологов и врачей с семьей в кризисные периоды, например, срезу после рождения ребенка, в период рождения второго ребенка, мероприятия различного уровня по формированию конструктивных стратегий отцовства, адекватного контрацептивного поведения, профилактики абортивного поведения обучающихся различных образовательных организаций [282], создание доступной для обучающихся, их родителей и педагогов базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья.

Индивидуальное и семейное консультирование по проблемам родительства хорошо сочетается с групповой работой (подготовка к родам, школа для родителей и т.п.). Психологическая помощь в этом случае включает в себя не только консультирование, психотерапия, но и коррекционные мероприятия, специфика которых зависит от особенностей каждого конкретного случая.

В работе с отцом или семьей в целом целесообразно использовать следующие диагностические методы: клиническая беседа в форме полуструктурированного или структурированного интервью; генограмма с проработкой родительских отношений в нескольких поколениях [450]; анкетирование для уточнения формальных данных и оптимизации сбора информации (например, анкеты представленные в приложении); определение родительской идентичности с помощью опросника ОРИ Дж. Плека в нашей адаптации, Шкала отцовских установок Дж. Плека в нашей адаптации,

определение особенностей самооценки себя как отца с помощью опросника «Личностный дифференциал», с помощью модифицированного метода Дембо-Рубинштейн, включающего набора из 5 шкал (качеств идеального отца или матери) для оценки себя [76]; методика диагностики межличностных отношений (модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т.Лири); тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; методика «Мое письмо супруге» С. А. Белорусова; сочинение о своем ребенке (или модификация «Письмо своему ребенку»), как для матери, так и для отца с использованием контент-анализа; методика PARI; Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников в нашей адаптации, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса; диагностика уровня тревожности (Ч. Д. Спилберга-Ю. Л. Ханина, М. Люшера и др.); диагностика уровня агрессии (С. Розенцвейг); различные проективные рисуночные тесты «Кинетический рисунок семьи», «Я и мой ребенок», «Я-ребенок и моя мама» (Г. Г. Филиппова) и на другие темы в зависимости от ситуации; проективные методики: тест «Фигуры», «Психогеометрический тест», тест «Эпитеты» (В. И. Брутман, Г. Г. Филиппова, И. Ю. Хамитова), а также предложенные нами в данной работе методики.

По результатам диагностики и предварительной беседы определяются содержание и формы психологического воздействия, которые зависят от возраста ребенка, особенностей развития ребенка, и выявленные особенностей семейных взаимоотношений [81, с. 31-34]. Однако опыт показывает, что в современных условиях обращаются к специалисту в подавляющем большинстве матери, и в рамках работы с проблемами материнства выявляется необходимость работы с отцом. Ввиду множественных социальных и личностных барьеров, таких как стеснение, неумение выразить свои эмоции, большая занятость мужчины, особенно в период младенчества ребенка, меньшая представленность осознаваемых ценностей отцовства в общественном мнении, важнейшей задачей психологов, работающих с семьей и материнством, становится привлечение

мужчин к процессу продуктивного взаимодействия в семье, в том числе и в рамках психокоррекционной и психотерапевтической работы.

Создание образовательной среды возможно в рамках базового и/или дополнительного образования. При этом, под базовым образованием, вслед за Т.М.Чурековой, мы понимаем приобретение совокупности знаний, умений, навыков и установок, составляющих основу дальнейшей учебной или профессиональной деятельности обучающегося в образовательном учреждении, осуществляющем базовую, фундаментальную подготовку, окончание которого связано с завершением определенного этапа обучения и получением образовательного или профессионального статуса [442].

Дополнительное образование представляет собой процесс воспитания и обучения в рамках оказания дополнительных образовательных услуг и информационно-образовательной деятельности за пределами основных образовательных программ в интересах человека, обучающегося в учреждении, осуществляющем дополнительную подготовку. При этом окончание учреждений дополнительного образования не знаменует собой приобретение какого-то статуса, однако позволяет углубить знания, умения или навыки в определенной интересующей человека области. Для детей такие учреждения представлены кружками, студиями, секциями, лекториями, научными обществами для молодежи; для взрослых – системой повышения квалификации (ИПК, ФПК), курсами, школами, лекциями, общеобразовательными курсами и лекториями. Таким образом, образовательные запросы личности могут включать профессиональные и внепрофессиональные виды деятельности [442]. Применительно к проблемам отцовства, Особое значение имеет в дошкольном и школьном возрасте структура и содержание всей образовательной среды; для взрослых – дополнительное образование.

Образовательная среда представляет собой триединое индивидуальное пространство, которое состоит внутрипсихологического пространства личности, зоны общения и взаимодействия с ближайшим окружением и сферы значимого [60]. Соответственно, наполнение образовательной среды дошкольного

образовательного учреждения, школы или учреждения дополнительного образования специфическим для актуализации психологической готовности к отцовству содержанием с учетом психологических закономерностей и факторов гендерной социализации и нравственного развития [395] будущих отцов, при сотрудничестве субъектов социализации позволит оптимизировать процесс становления психологической готовности к отцовству.

Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов и возможной (выбранной) формой работы. Так, индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии, с использованием всех методов просвещения родителей, поддержки формирования субъектных свойств личности и методов убеждения, (беседа, разъяснение, чтение, критика и самокритика), этических бесед.

Групповая работа весьма разнообразна и включает в себя такую форму работы, как: общеклассная работа с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровые технологии, технологии мастерских, кейс-технологий, а также традиционной технологии (в рамках классно-урочной системы). Здесь могут быть использованы такие методы, как: поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения (беседа, разъяснение, чтение, критика и самокритика, этическая беседа), тренинговые упражнения; деловые игры, метод включения совместную деятельность, а также включение элементов гендерного, нравственного, патриотического и гражданского воспитания в преподаваемые дисциплины.

Внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям, а также кейс-технологии. Здесь используются методы работы с детьми и взрослыми, такие, как: информирование, поддержка формирования

субъектных свойств личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, экскурсии, этические беседы, обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков, поручения и задания для организации общешкольных мероприятий и утренников, включение совместную деятельность, а также обучение взрослых, скрайбинг.

Эффективны для организации образовательной среды, оптимальной для становления психологической готовности к отцовству, специально спланированные занятия в дошкольном образовательном учреждении или в школе [162], однако для создания гендерно-ориентированной образовательной среды для дошкольников и младших школьников и подростков необходимо сочетание выполнения мужских видов деятельности или занятий с мужским руководством, погружающих учащихся в гендерную реальность и позволяющих организовать пример мужского подхода к решению проблем, практического и действенного решения различных проблемных ситуаций [550]. В традиционной педагогике эти проблемы не возникали в силу того, что обучением мальчиков в различных социальных слоях занимались, в основном, мужчины. При этом диапазон воспитательных и образовательных воздействий был чрезвычайно широк: от совместной работы в поле с отцом в рамках интуитивно-подражательного воспитания до специально организованной программы обучения закрытых мужских школ [480]. В современных условиях создание гендерно-ориентированной образовательной среды для дошкольников и младших школьников может включать в себя занятия в учреждениях дополнительного образования или включение их в образовательную программ школы на условиях факультатива или дисциплин по выбору (как например, включение дисциплины «Рукопашный бой» под руководством опытного тренера-мужчины в образовательный процесс в одной из школ, явившихся базой нашего исследования).

Сложность состоит в том, что мужчины во много раз меньше, чем женщины, участвуют в образовательном процессе младших детей. Кроме того, для интересующего нас положительного эффекта такой педагог должен сочетать в

себе педагогическое мастерство с выраженными гендерно-типичными качествами, демонстрировать образец успешного решения задач, в том числе профессиональных, статусных и ролевых, а также проявлять такие черты, как успешность, уверенность, организаторские способности, центрированность (умение максимально сосредоточиться на чем-то одном), целеустремленность, доминантность, чувство свободы, уравновешенность, сфокусированность, решительность. Образец успешного мужского поведения особенно необходим детям, воспитывающимся по различным причинам без отца.

Однако в силу гендерного неравенства в педагогической профессии и социального статуса педагога более эффективным будет не столько включение конкретных дисциплин в образовательный процесс, сколько организация дополнительных условий гендерного обучения в рамках спортивных секций [455] (например, секции боевых искусств с преподавателями, успешно выступающими на соревнованиях, научные кружки, демонстрирующие мужской подход к решению научных проблем) [343], организаций патриотического [207] и гражданского воспитания [453] по типу скаутских движений (Братство Православных Следопытов).

Помимо оптимизации формирования гендерной роли необходимо уделить внимание проблемам нравственного развития и формированию ответственности. В рамках данных задач педагогические воздействия могут быть более разнообразными и эффективными, чем в ситуации формирования гендерно-ориентированной среды. Сложившиеся в современном социуме негативные тенденции, такие как: доминирование материальных ценностей, потребительское отношение к деятельности, вещам и людям, понижение значимости нравственных ценностей, снижают качество межличностных отношений людей, и в частности, взаимоотношений в диаде «отец-ребенок» и требуют грамотной работы с учащимися по преодолению данных негативных тенденций в рамках образовательной среды. Задачи педагогов, связанные с формированием нравственных качеств личности учащихся, согласуются с ФГОС НОО, указывающим на необходимость формирования в рамках дисциплины

«Окружающий мир» уважительного отношения к своей семье, истории, культуре, а также норм здоровьесберегающего поведения; в рамках дисциплины «Основы духовно-нравственной культуры народов России» такие черты, как: «готовность к нравственному самосовершенствованию и духовному саморазвитию», понимание норм морали и их «значения в выстраивании конструктивных отношений в семье и обществе»; «внутренней установки личности поступать согласно своей совести; воспитание нравственности, основанной на свободе совести и вероисповедания, духовных традициях народов России; осознание ценности человеческой жизни». В рамках реализации технологий оптимизирующих становления психологической готовности к отцовству нами предложены рекомендации по раскрытию связанных с данной проблематикой тем внутри этих дисциплин (Приложение 7).

Воспитание нравственных качеств личности и формирование ответственности обусловлены семейной средой, однако воспитательное воздействие образовательной среды может в данном случае быть весьма значимым [390].

Основная задача семейно-образовательной среды в процессе обучения и воспитания заключается формировании у ребенка умения осознанно управлять своим поведением и самостоятельно принимать решения, а также готовности нести за них полную ответственность. При этом родители и педагоги, как первичные агенты социализации и воспитания определяют формирование ответственности [35; 244].

Согласно мнения отечественных психологов Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, Е. Ф. Рыбалко, Н. Ф. Талызиной, Д. Б. Эльконина, и их последователей (А. К. Марковой, Ю. А. Полуянова, В. В. Репкина, В. В. Рубцова, Г. А. Цукермана) наиболее продуктивным периодом для развития ценностно-смысловой сферы личности является младший школьный возраст, в силу того, что младший школьник обладает высокой эмоциональной восприимчивостью к окружающей действительности [134], нестандартным мышлением, непосредственностью; кроме того благодаря интеллектуальному развитию у него

формируются ценностные ориентации и закладываются основы будущей общественной деятельности [192; 436].

Так, по мнению Т. М. Чурековой, одним из возможных направлений нравственного развития школьника может выступать целенаправленное воспитание нравственного отношения к общественно полезному труду [443]. При этом младший школьный возраст является сензитивным для целенаправленного воспитания нравственного отношения к общественно полезному труду, в рамках критериев возрастной периодизации (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин): социальной ситуацией развития, ведущего вида деятельности. Так, согласно теории личностного развития Э. Эриксона, именно в этот период формируется база трудового и социального опыта, трудолюбие, добросовестное отношение к труду, чувство долга, а также ответственность за порученное дело. Социальная ситуация развития личности младшего школьника, ведущий вид деятельности, коим является в данный период учение, взаимосвязь самооценки с оценкой взрослого (учителя) благоприятствует формированию ответственности и трудолюбия [53]. Характерное для этого возраста стремление следовать требованиям взрослых, правилам и нормам, по мнению Л.И. Божович, определяет начальную стадию формирования чувства долга и ответственности [приводится по 443].

Формирование нравственных ценностей школьников возможно лишь во взаимодействии с окружающими [277]. При этом важнейшими направлениями в урочной и внеурочной работе учителя по формированию нравственных ценностей являются: развитие самосознания младших школьников и организация взаимодействия «ученик-ученик».

Оптимизация развитии данных личностных характеристик младшего школьника, по мнению Л. А. Бабицкой, А. К. Кузьминых может достигаться с помощью четырех групп методов педагогического воздействия: 1) методов убеждения, напрямую обращенных на сознание человека, формирующих у индивидуума правильные убеждения и понятия, включающих беседу, коллективное обсуждение, разъяснение, чтение, критику и самокритику; 2)

методов, способствующих закреплению ответственного поведения на практике, таких, как: тренинговые упражнения; 3) приёмов, побуждающие человека работать над формированием у себя ответственности, таких, как: требование, поощрение и принуждение; и 4) методов самовоспитания [35; 295].

Конкретные формы и методы работы по формированию у младших школьников ответственности связаны с целями и задачами, стоящими перед педагогом, и могут включать: этические беседы (как индивидуальные, так и групповые), обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков, утренники, поручения и задания [35], организацию деятельности, способствующей переживанию учениками ценностного отношения к явлениям действительности и осознанию общественного и личностного смысла ценности, а также включение младших школьников в совместную деятельность, направленную на актуализацию ценности [277].

Так, качественным средством формирования ответственности у младших школьников могут выступать этические беседы, позволяющие дать морально-нравственную оценку определенному поступку или действию [179]. Кроме того, одним из вариантов работы в рамках такой беседы может выступать обучение самоанализу собственной деятельности по достижению цели, которое включает получение знаний о формах проведения самоанализа, формирование понимания необходимости самоанализа собственной деятельности, формирование умений анализа и формулирования выводов о продуктивности собственной деятельности [129; 200].

По мнению И.А. Федяковой, для того, чтобы способствовать формированию ответственности и нравственному развитию личности школьника, образовательная среда школы должна быть ориентирована на педагогическую поддержку формирования субъектных свойств личности младшего школьника; на создание активного межличностного общения [133]; на эффективное использование педагогического инструментария для активного вовлечения школьников в различные виды деятельности (учебная, игровая, трудовая),

способствующие формированию субъектных свойств личности младшего школьника [416].

Данные положения согласуются с мнением К. Муздыбаева о том, что для успешного формирования ответственности, важно эмоциональное ощущение и переживание ребенком порученного ему задания не только для него самого, но и для других людей [287].

То есть ответственность, формируется в процессе активного участия ребенка в организованной учителем учебной и внеучебной практической деятельности и общении детей друг с другом и взрослыми. Воспитательная работа в рамках практической деятельности может включать организацию трудовых дел (волонтерские отряды, например, как помощь пожилым в рамках скаутского движения «Братство Православных Следопытов»), дежурств по классу и/или школе [361], подготовку праздников с поручением конкретных заданий ученикам, способствующих воспитанию у детей ответственности и социальной активности [35]. При этом повышение самооценки учеников в связи с оценкой учителем, родителями и классом хорошо выполненных заданий способствует дальнейшему развитию личности младших школьников и их творческих способностей [25].

В подростковом, юношеском возрасте и ранней взрослости гендерные аспекты личности, а также вопросы ценности отцовства и ответственности могут быть раскрыты в рамках отдельных факультативных дисциплин или разделов дисциплин в рамках в Образовательной программы школы, отражающихся в учебном плане и реализующихся в рамках нелинейного расписания, и определяющих индивидуализацию образовательной траектории обучающегося. В качестве таковых могут выступать обсуждение идеалов и образцов мужского (и женского) поведения в рамках классных часов, темы «История» в дисциплине «Окружающий мир», включение раздела «Гендерное взаимодействие» в рамках дисциплины «Психология» или «Человековедение» в старших классах школы, дисциплины «Гендерная психология», «Основы сексологии», «Психология семьи и брака», «Психология родительства» в рамках Основной профессиональной

образовательной программы высшего образования. Включение подобных дисциплин в учебный план не отменяет сказанного выше об организации дополнительных условий гендерного обучения. Одним из наиболее эффективных видов деятельности в этот период выступает специально организованный психологический тренинг, описание которого дано ниже.

Период ранней и средней взрослости дает широкие возможности для использования дополнительного образования в рамках развития уже сложившихся к этому времени стратегий отцовства.

Отдельно необходимо отметить, такой вид деятельности по оптимизации реализации стратегий отцовства, как обучение взрослых [103, с. 45]. Элементы такого обучения включены в нашу тренинговую программу. Однако обучение взрослых может выступать как самостоятельный и достаточно эффективный вид деятельности [103].

Согласно Н. Н. Васягиной, обучение взрослых имеет свою специфику: в отличии от традиционной педагогической модели обучения, где доминирующее положение занимает педагог, определяющий такие параметры учебного процесса, как: цели, содержание, средства, формы, методы и источники обучения, в обучении взрослых ведущая роль принадлежит самому обучающемуся [245]. В силу того, что взрослый является субъектом процесса обучения, имеющим глубокую потребность в самостоятельности [456], деятельность преподавателя сводится к поощрению и поддержанию стремления взрослого к самоуправлению [186]. При этом основными формами занятий становятся дискуссии, различные виды деловых игр, тренинги. В этом случае большое значение приобретает опыт обучающегося и возможность делиться им с коллегами. При этом, по мнению Н. Н. Васягиной, важнейшим критерием качества обучения взрослого человека является способность к самореализации человека в жизни, которая способствует развитию личности [109]. Это повышает требования к разработке и внедрению активных методов обучения [228; 414; 469], таких, как: компьютерные симуляторы, дистанционное обучение на базе ИКТ, кейсы, тренажерные комплексы, деловые игры, проектные методы обучения, стажировки, а также

различные формы дистанционного обучения: конференции, семинары, вебинары, деловые игры, практикумы и другие формы учебных занятий, проводимые с использованием скрайбинга, с помощью средств телекоммуникаций и других возможностей Web-сервиса [312; 451]. Все это применимо к обучению взрослых в рамках оптимизации реализации стратегий отцовства, например, в рамках групп подготовки к родительству, психологичного тренинга или он-лайн групп, создающихся отцами по интересам и имеющих целью обмен опытом, знаниями, мыслями и эмоциями, связанными с взаимодействием с ребенком. Это достаточно эффективный способ получения разнообразной практической информации, который в современной России активно используется женщинами-матерями, и в гораздо меньшей степени отцами, возможно в связи с ложными стереотипами о том, что тема родительства является прерогативой женщин.

Таким образом, создание благоприятной для становления психологической готовности к отцовству образовательной среды охватывает все уровни образования, не ограничивается границами учебных предметов или проведением единичных мероприятий, а должно сочетать в себе комплексный подход и перспективное видение формирования стратегий отцовства в рамках развития личности, важнейшим психолого-педагогическим условием чего выступает психолого-педагогическое сопровождение формирования стратегий отцовства.

Отдельным видом деятельности в рамках оптимизации становления психологической готовности к отцовству и психолого-педагогического обеспечения формирования стратегии отцовства является разработка и реализация программ психологического тренинга, направленного на формирование и развитие конструктивных стратегий отцовства. В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий и таких методов работы, как: мини-лекции, скрайбинг, тренировочные упражнения; либо социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных технологии мастерских и таких методов, как: фокус-группы направленной

дискуссии, ролевые игры, методы «мозгового штурма»; эффективен также и психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, технологии психоанализа, психодраматические и телесноориентированные технологии и репертуаром методов, включающих: психотехнические игры и упражнения, дискуссии, элементы психодрамы, упражнения телесноориентированной терапии, фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, сказкотерапия, методы «мозгового штурма», круглые столы по обмену опытом.

Литературные данные свидетельствуют о наличии большого количества разнообразных исследований материнства, включая описания разработок тренинговых программ, основанных на корректирующем влиянии тренинговых занятий на психическое состояние человека, его самовосприятие, восприятие жизненной ситуации в целом, и направленных на помощь матери в различных ситуациях, в том числе и работу по принятию материнской роли в период беременности. Ориентация проводимых нами групповых занятий на решение этих задач определена зарубежным и отечественным (преимущественно эмпирическим) опытом работы.

Опыт исследовательской и практической работы позволяет предположить, что в результате подобных занятий оптимизируется психическое состояние клиента, повышается его самооценка и самопринятие [616]. Этот комплекс личностных изменений, влияющий в итоге на решение различных семейных проблем, можно считать подтверждением результативности групповых занятий как формы психологической поддержки человека. Однако, учитывая широкое распространение тренинговой работы, необходимо изучение динамики индвидуально-психологических качеств под воздействием тренинговых занятий и получение более точной исследовательской оценки их результативности.

Разработанная нами и постепенно модифицируемая система тренинговой работы по становления психологической готовности к отцовству и формированию конструктивных стратегий отцовства, общее описание которой здесь

представлено, состоит из нескольких стандартных блоков. Первый блок: «разогрев», второй блок: формирования доверительных отношений, третий блок: лекционный, четвертый - практический, пятый блок – релаксационный. Занятия проводились в рамках групп встреч и включали 10 – 11 встреч в течение 2-х месяцев. В группу набирались мужчины, имеющие одного или более ребенка по 15 человек в каждую группу. В данной работе психологическая поддержка рассматривается как заданное воздействие на клиента в целях изменения его психического состояния для облегчения процесса принятия роли отца, взаимодействия с ребенком, обеспечения повышения продуктивности отцовства. Реализация данного воздействия может быть осуществлена на нескольких уровнях: когнитивном - как повышение самооценки, коррекция представлений человека о самом себе; мотивационном - как повышение активности человека, актуализация потребности в самопознании и саморазвитии; эмоциональном - как изменение текущего состояния клиента и формирование умений саморегуляции; поведенческом – как формирование эффективных умений и навыков для повышения эффективности операциональной сферы отцовства.

Второй и третий уровни могут быть объедены под общим названием саморегулятивный уровень, однако разделение их на два отдельных блока позволяет конкретизировать направленность упражнения.

В соответствии с таким подходом основными задачами данной тренинговой работы являются: снятие эмоционального напряжения для обеспечения эффективности взаимодействия с ребенком; актуализация эмоционального отношения к ребенку; информирование отцов о возможностях способах взаимодействия с ребенком; информирование отцов о влиянии отца на развитие ребенка и возможных последствиях нарушений отношений в диаде «отец-ребенок»; обучение умениям и навыкам эффективного поведения.

Таким образом, в работе с отцами необходимы мероприятия, направленные на оптимизацию их состояния, повышение активности и ответственности.

Во избежание упущения какого-либо аспекта отцовства в качестве основной концепции тренинговый программы была принята разработанная нами модель

феномена отцовства. Согласно нашей модели, в структуру стратегии отцовства входят следующие компоненты: аксиологический, рефлекторно-регулятивный и праксиологический. В соответствии с этим, теоретическая и практическая части были выстроены таким образом, чтобы в процессе работы были затронуты каждый из компонентов.

Кроме того, для реализации поставленных целей были использованы упражнения на актуализацию имеющихся у человека ресурсов развития, включая: личностные ресурсы, как актуализацию особенностей восприятия; семейные ресурсы, а именно, отношения с людьми на которых, данный человек может опереться, в данном случае, это могли быть жена и родители; социальные ресурсы – ресурсы, предоставляемые социальной средой конкретного человека; культуральные – культурно закрепленные способы поведения или модели восприятия и оценки поведения.

Все эти ресурсы, так или иначе, задействуются при обращении к такому значимому аспекту жизни мужчины, находящегося в возрасте взрослости, как отцовство. При работе с любым из блоков отцовства, мы обращались к перечисленным выше ресурсам развития человека, что позволяло использовать при работе собственный опыт мужчины, а также его представлении об обсуждаемом явлении.

Таким образом, главными задачами тренинга являются обеспечение отцов информацией, обучение навыкам взаимодействия с ребенком и оказание помощи в практическом применении полученных навыков в целях оптимизации этого взаимодействия.

Тренинговая программа была разработана в трех вариантах для подростков и юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в себя теоретическую и практическую части. Результаты работы с мужчинами в период взрослости подробно описаны [158, с. 81-87]. Различие в работе с тремя типами групп было связано с возрастными и статусными особенностями групп [65]. В теоретическом курсе излагаются постулаты детской, семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о

влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные акмеологии о развитии личности в период взрослости, данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства, кроме того, о способах взаимодействия с ребенком, а также данные о конкретной деятельности, например, способах решения конфликтных ситуаций, а также примеры взаимодействия с ребенком других отцов. Материалы были подготовлены на основе анализа литературных источников, таких как, монографии и статьи по детской психологии, акмеологии и семейной психологии, материалов работы В. Фтенакиса [549], а также сайта fathers.com, который предлагает большое количество описаний конкретного опыта взаимодействия конкретных отцов со своими детьми, а также сайта американского центра репродуктивного здоровья March Of Dimes. Собственно практическая часть включает в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

В процессе занятий использовались разнообразные психологические приемы и методы работы: психотехнические игры и упражнения, методы «мозгового штурма», фокус-группы и направленной дискуссии, кроме того, элементы психодрамы, сказкотерапия, ролевые игры. Отрабатывались умения и навыки общения. Содержание групповых занятий адекватно отражает основные психологические проблемы, возникающие в процессе взаимодействия с ребенком. Они направлены на формирование психических состояний и развитие личностных качеств, обеспечивающих возможность оптимизации действий человека в данной жизненной ситуации (повышение эмоциональной устойчивости и уверенности в себе, информированности, формирование практичности и реалистического представления о жизни и самом себе). В процессе психологического тренинга создаются условия для индивидуализации стратегии отцовства, то есть процесса сочетания социальных ожиданий, норм, ценностей с особенностями потребностей, свойств и стилей деятельности конкретного мужчины через интернализацию смысла отцовства.

Содержание занятий кратко представлено в Таблице 4.3.2. (Приложение 6). Эффективность данного тренинга подтверждается проведенной нами работой и соответствующим исследованием и опубликовано автором в нескольких работах [81, с. 31-35; 158, с. 81-87].

Однако психологическая работа с семьей и отцовством не ограничивается только групповой и консультативной работой и требует дальнейшей разработки психокоррекционных методик, методов практической, психотерапевтической работы с семьей и отцовством, как важнейшим компонентом гармоничности семейной системы.

Обращение к психологической или педагогической помощью чаще происходит с подачи женщины-матери. При этом она сама описывает отсутствие взаимодействия отца с ребенком как следствие профессиональной занятости отца. Примечательно, что в большинстве случаев сама женщина также работает на условиях полной занятости, однако, предполагает, что родительство является ее непосредственной обязанностью, что по ее мнению не так важно для мужчин. Здесь мы сталкиваемся с влиянием макрофакторов, изменить или трансформировать влияние которых за короткий срок невозможно, так как они связаны с культурой и лишь в небольшой степени определяются образовательной средой и информационной культурой личности, формирующейся в этой среде.

В настоящее время наблюдаются некоторые сдвиги в общественном и культурном контексте отцовства. Большинство современных культурных споров о родительстве сосредоточилось на том, что матери должны делать вне семьи, а отцы – внутри семьи. Некоторая размытость современных норм относительно отцовства может приводить и к конфликтам между родителями. Известно, что некоторые отцы, принимавшие участие в родах своего ребенка, затем привязываются к нему, выполняя по существу материнскую функцию, оставляя при этом отцовские функции нереализованными. Конечно, такое положение дел приводит к недоразумениям и непониманию со стороны матери. В этой связи показателен такой пример: в США недавнее повышение интереса к отцовству привело к выступлениям сторонников прав женщин и матерей. Они полагают, что

акцент на важной роли отца в семье может поддерживать давнишнее предубеждение против семей матерей-одиночек, и что работа с отцами будет увеличена за счет работы с матерьми-одиночками, и что проотцовские разговоры будут использованы сторонниками права «отцов» для того, чтобы бросить вызов пособию на ребенка, и правилам посещения после развода. С другой стороны, даже феминистски настроенные психологи недавно привели доводы в пользу большего акцента на отцовстве (предполагается, что вовлеченном отцовстве), что поможет отцам и принесет пользу женщинам, так же как детям.

Эти общественные споры служат фоном для исследований по психологии и социологии отцовства, потому что исследователи неизбежно попадают под влияние культурного контекста, в рамках которого они работают. В этом смысле не удивительно, что большинство исследований сравнивало уровни вовлеченности отцов в жизнь детей с вовлеченностью матерей, и после этого материнские функции стали точкой отсчета для формирования норм отцовства, что не совсем верно, так как отцы исторически никогда не занимались деятельностью, по которой в таком подходе оценивается отцовство.

Показательно, что интерес академического, профессионального, и публичного порядка к отцовству кристаллизовался тогда, когда устои традиционного отцовства – физически существующего отца, который служит единственным семейным кормильцем – быстро разрушались.

Использование рядом зарубежных специалистов термина «ответственное отцовство» отражает недавнюю в научной среде тенденцию перехода от свободного языка в терминологии к более строгому подходу. «Ответственный» предполагает «должный», дает ряд желательных норм для того, чтобы оценить поведение отцов. Термин также передает моральную оценку, означающую (правильно и неправильно), что некоторые отцы могут быть «безответственными» или «неответственными». Готовность использовать явно оценочный и моральный термин отражает изменение в социальном климате среди западных ученых и политиков, которые до недавнего времени традиционно считали, что психология, социальная политика, и социальные программы должны быть безоценочными. С

конца двадцатого столетия стало более возможным мнение о неизбежности ценностных и моральных положений, являющихся частью психологии и социальных наук, и общество с большей готовностью принимает моральные оценки, что дает возможность открыто обсуждать их влияние на психологию и политику. Действительно, всегда существовало сильное, но неявное оценочное отношение в исследованиях отцовства, большой частью проводимого мужчинами и женщинами с интересами в пропагандировании более преданной и нежной вовлеченности мужчин в жизнь их детей. Точно так же всегда был моральный оттенок фокусирования на отсутствии отца, которым характеризовалась большая часть литературы по отсутствующему, «неплательщику» и эмоционально невовлеченному отцу. Эта нормативность, с одной стороны, сужает область исследования, а с другой – является показателем общественного внимания к данной проблеме. При этом некоторые зарубежные исследователи, изучающие российской отцовство, приходят к неутешительным выводам об отсутствии отцовского воспитания в России [672].

Однако, несмотря на то, что предложенная психологическая работа с семьей и создание благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-воспитательной и образовательной среды затрагивает только микро и мезофакторы, оказывающие влияние на реализацию отцовских функций мужчиной, и не затрагивают макрофакторы среды, изменение поведения даже части отцов позволит их детям вырасти в благоприятных условиях, что позволит им самим позитивно наполнять понятие маскулинности и определять ценность гендерной роли отца для ребенка и отца, имея перед собой позитивный образец.

В целом, модель психолого-педагогического обеспечения становления психологической готовности к отцовству можно представить на Рисунке 4.3.3.

Рисунок 4.3.3. – Схема психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства

Таким образом, несмотря на то, что существуют определенные объективные свидетельства уязвимости отцовства в неблагоприятных социальных условиях, спада отцовского авторитета, и кризиса семьи, можно будет говорить о постепенном изменении общественного мнения относительно отцовства.

Значительная социальная детерминированность отцовства в этом смысле позволяет делать оптимистичные прогнозы. Мы строим свое поведение на основе моделей общества, но мы и есть это общество. По существу, то, какую роль будет играть мужчина в жизни детей в будущем, каким будет «отец XXI века» зависит не только от сегодняшних 12-17-летних мальчишек, но и от тех отношений, которые они выстраивают с окружающими; от каждого из нас: окружающих, сверстников, родителей, педагогов, политиков, психологов, специалистов по социальной работе.

При этом, в силу объективных причин и осознания границ профессиональной компетентности, нами разработана программа оптимизации становления психологической готовности к отцовству на уровне микро- и мезофакторов, наиболее значимые положения которой был апробированы эмпирически. В рамках нашей модели, условия и возможности формирования стратегий отцовства возрастно-специфичны, что наглядно представлено в Таблице 4.3.3. (Приложение 6).

Таким образом, теоретически обоснованное определение условий и возможностей становления отцовства, начиная с дошкольного периода, позволяет нам проводить разработку, апробацию и реализацию комплексной программы психолого-педагогического сопровождения оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития стратегий отцовства, в условиях, когда:

а) учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах (дошкольники, младшие школьники, подростки и старшеклассники, взрослые) и в разных семейно-педагогических условиях;

б) реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический

тренинг). Материалы данного параграфа частично опубликованы в статье [65] и монографии [78].

Выводы

На основе анализа современных работ, посвященных отцовству, а также проведенного нами исследования среди основных параметров, определяющих становление психологической готовности к отцовству, мы выделили: гендерную роль, систему ценностных ориентаций и зрелость личности. Среди основных критериев, определяющих конструктивность стратегии отцовства, выделяются: принятие гендерной роли отца, система ценностных ориентаций, включающая ценность отцовства, и зрелость личности. Эти параметры имеют свою специфику развития на каждом возрастном этапе и тесно взаимосвязаны с социальной ситуацией развития личности.

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, важнейшей характеристикой отцовства является его открытость в системе взаимоотношений семьи и социума, что до определенной степени позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. При этом, в рамках нашей модели, условия и возможности формирования стратегий отцовства возрастно-специфичны, но в условиях любого возрастного этапа психолого-педагогическое обеспечение формирования стратегии отцовства будет включать психологическую работу с семьей по созданию благоприятной семейно-воспитательной среды, создание образовательной среды, а также при необходимости психологический тренинг.

В качестве технологий в рамках психологической работы с семьей используются информирование с использованием информационно-

коммуникационных и он-лайн технологий (например, просвещение и пропаганда ценности отцовства в рамках обучения взрослых или тренинга или создание доступной базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья), а также индивидуальная и групповая работа, ориентирующаяся на технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, выбираемые в зависимости от квалификации психолога, его схемы работы и самой проблемной ситуации, и включающая по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию.

Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов и возможной (выбранной) формой работы. Так, индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии, с использованием всех методов просвещения родителей, поддержки формирования субъектных свойств личности и методов убеждения, этических бесед.

Групповая работа весьма разнообразна и включает в себя такую форму работы, как: общеклассная работа с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровых технологий, технологий мастерских, кейс-технологий, а также традиционной технологии. Здесь могут быть использованы такие методы, как: поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; деловые игры, метод включения в совместную деятельность, а также включение элементов гендерного, нравственного, патриотического и гражданского воспитания в преподаваемые дисциплины.

Внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям. Здесь такие могут быть использованы методы работы с детьми и взрослыми, как: информирование, поддержка формирования субъектных свойств

личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, экскурсии, этические беседы, обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков, поручения и задания для организации общешкольных мероприятий и утренников, включение совместную деятельность, а также обучение взрослых, скрайбинг.

В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий и таких методов работы, как: мини-лекции, скрайбинг, тренировочные упражнения; либо социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных технологии мастерских и таких методов, как: фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, методы «мозгового штурма»; эффективен также и психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психодраматические и телесноориентированные технологии и репертуаром методов, включающих: психотехнические игры и упражнения, дискуссии, элементы психодрамы, упражнения телесноориентированной терапии, фокус-группы направленной дискуссии, ролевые игры, сказкотерапия, методы «мозгового штурма», круглых столов по обмену опытом.

Проанализировав теоретические психолого-педагогические работы, мы пришли к выводу, что психолого-педагогическое сопровождение обеспечивает процесс становления психологической готовности к отцовству, если учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах и в разных семейно-педагогических условиях и реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и специальный психологический тренинг).

ГЛАВА 5. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОТЦОВСТВУ

Формирующий этап исследования проходил в период с декабря 2002 по апрель 2017 и включал в себя лонгитюдное исследование.

Поскольку анализ литературных источников показал отсутствие достаточно четких критериев конструктивности стратегий отцовства, для отслеживания становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах мы руководствовались выделенными в процессе теоретического анализа на основании методологии диссертационного исследования критериями становления психологической готовности к отцовству (Таблицы 4.1.2 – 4.1.7).

Основываясь на выделенных критериях, мы использовали специально разработанную программу сопровождения становления психологической готовности к отцовству для проверки эффективности которой, а также устранения возможности влияния различных других переменных на результаты исследования, нам представляется необходимым сравнение результатов, полученных при работе с испытуемыми экспериментальной группы с данными обследования контрольной группы, представители которой не подвергались экспериментальному воздействию.

В исследовании приняли участие несколько групп испытуемых:

1. мальчики дошкольного возраста (84 человека, включая 15 человек экспериментальная и 71 человек контрольная группа). Семьи детей из экспериментальной группы (15 семей) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-образовательной среды в разное время в период с декабря 2002 по апрель 2017; Дети являются учащимися семейного центра «Развивайки», г. Кемерово, а также Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-

реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области.

2. мальчики младшего школьного возраста. 45 (21 человек экспериментальная группа и 24 человека – контрольная группа); Семьи детей экспериментальной группы (21 семья) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-образовательной среды в разное время в период с сентября 2014 по апрель 2017. Дети экспериментальной группы являются учащимися ЧОУ Православная гимназия г. Кемерово, а также клиентами Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области; дети контрольной группы являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов».

3. мальчики подросткового и юношеского возраста (39 человек, из них 15 человек – экспериментальная группа и 24 контрольная группа). Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 16,5, контрольной – 16,4 года) и социальным характеристикам.

4. мужчины в возрасте ранней и средней взрослости (139 мужчин имеющих одного или более детей (из них 61 мужчина (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 78 – контрольную группу). Лица экспериментальной группы 45 человек были подвергнуты экспериментальному воздействию в рамках работы над нашим диссертационным исследованием в 2004 году, когда в период с сентября 2003 по июнь 2004 в исследовании приняли участие всего 95 мужчин имеющих одного или более детей. Из них 45 мужчин (три группы по 15 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 50 – контрольную. Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 32, контрольной – 33 года) и социальным характеристикам – в основном испытуемые являются служащими (75% и 78% соответственно), предпринимателями, с

высшим, среднетехническим и средне-специальным образованием (49% и 50% соответственно). Экспериментальное воздействие включало в себя проведение специально разработанного нами тренингового курса, направленного на принятие роли отца и формирование конструктивной стратегии отцовства. В 2016 году удалось собрать данные только 30 мужчин экспериментальной группы, также была подвергнута аналогичному воздействию еще одна группа из 16 человек. Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке.

5. в лонгитюдном исследовании приняли участие 40 мальчиков подросткового и юношеского возраста (20 человек в 2004 году, 15 человек в 2016 году – экспериментальная группа и 20 человек в 2004, из них 14 человек в 2016 году – контрольная группа). Подростки экспериментальной группы участвовали в лонгитюдном исследовании, проходившем с декабря 2002 по октябрь 2016 года. Контрольная группа включала в себя как участников лонгитюдного исследования, так и испытуемых обследованных во время второго замера. Для проверки эффективности разработанного нами психологического тренинга нами было проведено три обследования испытуемых: в 2004 году до экспериментального воздействия и сразу после и после рождения ребенка у большинства участников тренинга в 2016 году. Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы. Из 40 человек, принимавших участие в исследовании в 2004 году, удалось собрать данные 29 человек (15 человек из экспериментальной группы и 14 – из контрольной группы). Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке. Подростки и юноши экспериментальной и контрольной группы в 2004 году являлись учащимися МБОУ СОШ №№ 10, 62, 92 г. Кемерово, и студентами 1-2 курсов ФГБУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева», подростки контрольной группы (2016) являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов». На декабрь 2016 испытуемые экспериментальной и контрольной группы, принимавшие участие в исследовании с 2004 года, являлись

служащими (100%) с высшим 94% и средним 6% образованием (экспериментальная группа) и с высшим 66%, средне-специальным образованием 26%, средним образованием 8% в контрольной группе.

В 2004 году экспериментальная группа представляла собой две группы испытуемых по 10 человек из полной (50%) и неполной (50%) семьи. В 2016 году удалось собрать данные 15 человек, из них 8 (53%) воспитывавших в неполной и 7 (47%) – в полной семье. Контрольная группа 2004 года состояла из 20 человек по 10 (50%) человек из полной и неполной семьи. В 2016 году данные были собраны у 14 человек, 6 (42%) из полной и 8 (58%) из неполной семьи.

На данном этапе исследования применялись следующие методики:

Для диагностики детей дошкольного возраста:

1.Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана);

2. «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников» (русскоязычная версия англоязычного опросника «Pre-School Activities Inventory (PSAI)»;

3. Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е.О. Смирновой, Р.Р. Калининой);

4. Методика диагностики дошкольной зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М. Р. Битянова.

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка.

Для диагностики детей младшего школьного возраста:

1. Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана);

2. Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская);

3. Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств;

4. Рисунок себя;

5. Методика «Диагностика нравственной мотивации»;

6. Методика «Изучение направленности ответственности» М.В.Матюхиной, С.Г.Яриковой;

7. Диагностика личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В.Степановой.

Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведение с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования подростков и юношей:

1. Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская);

2. Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой);

3. Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств,

4. Рисунок себя;

5. Первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека;

6. Тест-опросник личностной зрелости Ю. З. Гильбуха;

7. Методика «Принятие ответственности» В. П.Прядеина;

8. Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), И. Г. Сенина;

9. Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова.

Также нами использовались анкетные данные о возрасте, поле и семье ребенка. Для диагностики поведения ребенка использовался метод экспертных оценок. Учителям предъявлялись результаты диагностики, и они оценивали совпадение поведение с полученными результатами по 100-балльной шкале.

Для обследования взрослых:

1. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева;

2.Методика «Личностный Дифференциал»;

3. Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E. S. – Bell, R. A.);

4. Анкеты;

5.Опросник родительской идентичности Дж. Плека (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI));

6. Шкала отцовских установок Дж. Плека (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS));

7. Методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ);

8. Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха;

9. Методика «Принятие ответственности» В. П.Прядеина;

10. Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И. Г. Сенина;

11. «Тест-опросник удовлетворенности браком» В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко;

12. Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд);

13. Методика диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова;

14. Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт.

Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

5.1. Особенности психолого-педагогического сопровождения становления предпосылок психологической готовности к отцовству у детей дошкольного возраста

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие мальчики дошкольного возраста (84 человека, включая 15 человек экспериментальная группа и 71 человек контрольная группа). Семьи детей из экспериментальной группы (15 семей) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования предпосылок становления психологической готовности к

отцовству семейно-образовательной среды в разное время в период с декабря 2002 по апрель 2017; Дети являются учащимися семейного центра «Развивайки», г. Кемерово, а также Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области.

Создание благоприятной для становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды было организовано в рамках прохождения отцами данных детей психологического тренинга, направленного на формирование конструктивных стратегий отцовства. В процессе прохождения тренинга испытуемые не только получали информацию на теоретической части, где излагались постулаты детской, семейной психологии, психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные акмеологии о развитии личности в период взрослости, данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства, кроме того, о способах взаимодействия с ребенком, а также данные о конкретной деятельности, например, способах решения конфликтных ситуаций, а также примеры взаимодействия с ребенком других отцов, но и отрабатывали умения и навыки общения в практической части, включавшей в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном), а также получали домашнее задание, вели дневники и отчитывались группе о проделанной работе. Так как, в процессе психологического тренинга создаются условия для индивидуализации стратегии отцовства, то есть процесса сочетания социальных ожиданий, норм, ценностей с особенностями потребностей, свойств и стилей деятельности конкретного мужчины через интернализацию смысла отцовства, это позволяет отцу быть более эффективным родителем, и домашняя работа строилась вокруг создания родительского альянса, урегулирования отношений с супругой, вовлечения в жизнь ребенка, давались конкретные задания по развитию у ребенка всех компонентов стратегии отцовства, это позволяло создавать специфическую

семейную среду, благоприятную для становления психологической готовности к отцовству у ребенка такого отца.

Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 84 детей дошкольного возраста, представлены в Таблице 3.2.1 (Приложение 1) и подробно проанализированы в параграфе 3.2.

Проверка данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова), кроме данных по методике оценки нравственных норм дошкольников. Для проверки второй гипотезы нами было проведено сравнение данных экспериментальной и контрольной групп до воздействия по t-критерию Стьюдента, которое показало, группы различаются по показателю гендерных установок, что связано с особенностями семей, выразивших желание участвовать в работе по созданию специальной среды (Таблица 5.1.1.).

Таблица 5.1.1. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников до воздействия

Параметры	**ЭГ**	**КГ**	**t-знач.**	**p**	**Ст. откл. - ЭГ**	**Ст. откл. - КГ**
Гендерно-типичное поведение	65,47	64,10	0,83	0,41	3,58	5,78
Гендерные установки*	10,00	8,93	2,97	0,00	1,13	1,13
Зрелость	36,73	36,69	-0,43	0,67	8,40	6,11

* отмечены значимые различия

Для непараметрических данных сравнение было проведено по U критерию Манна-Уитни, показавшее отсутствие значимых различий между группами до воздействия (результаты проверки по данному критерию представлены в Таблице 5.1.2.).

Таблица 5.1.2. – Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни до воздействия

Параметры	Сум.ранг ЭГ	Сум.ранг КГ	U	Z	p-уров.	Z - скорр	p-уров.	p
Нравственные нормы	1298,00	1264,00	462,0	-1,58	0,12	-1,53	0,11	0,12

Данные результаты анализа данных групп до воздействия были учтены при обработке данных после воздействия. После проведения работы с семьей, испытуемые были повторно обследованы и данные обработаны с помощью дисперсионного анализа с повторными измерениями, t-критерия Стьюдента для зависимых выборок для параметрических данных и критерия Вилкоксона для непараметрических данных.

При сравнении экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам стратегии отцовства до воздействия значимых различий обнаружено не было.

Таблица 5.1.3. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок

Параметры	**Среднее**	**Стд. откл**	**t**	**p**	**Доверит. - -95,0%**	**Доверит. - +95,0%**
Гендерно-типичное поведение 1	65,47	3,58				
Гендерно-типичное поведение 2*	68,44	6,63	2,54	0,01	-1,42	-0,17
Зрелость 1	36,73	8,40				
Зрелость 2*	38,57	6,04	3,44	0,00	-2,86	-0,76
Гендерные установки 1	10,00	1,13				
Гендерные установки 2*	11,76	2,42	2,07	0,01	-0,58	-0,11

* отмечены значимые различия

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента при 5%-ом уровне значимости для зависимых выборок указывает на произошедшие значимые изменения по параметрам гендерно-типичное поведение, зрелость и гендерные установки (Таблица 5.1.3).

Сравнение результатов по параметру нравственных норм по критерию Вилкоксона при 5%-ом уровне значимости также показало наличие значимых различий между данными до и после воздействия (Таблица 5.1.4.).

Таблица 5.1.4. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по критерию Вилкоксона

Параметры	**T**	**Z**	**p-уров.**
Нравственные нормы 1 & Нравственные нормы 2*	0,00	3,059	0,002

* отмечены значимые различия

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента при 5%-ом уровне значимости для зависимых выборок по интегральному показателю также показало наличие значимых изменений в интегральном показателе, а также в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства после воздействия (Таблица 5.1.5.).

Таблица 5.1.5. – Результаты сравнения экспериментальной группы дошкольников до и после воздействия по интегральному показателю*

Параметры	**Среднее**	**Ст. откл**	**t**	**p**	**Доверит. -95,0%**	**Доверит. +95,0%**
Интегральный показатель 1	0,64	0,06				
Интегральный показатель 2	0,68	0,04	0,10	0,00	-0,06	-0,04
Праксиологический компонент 1	0,64	0,05				
Праксиологический компонент 2	0,68	0,06	0,31	0,00	-0,05	-0,04
Аксиологический компонент 1	0,54	0,06				
Аксиологический компонент2	0,61	0,05	0,40	0,00	-0,07	-0,03

* представлены только значимые различия

У детей контрольной группы по данным параметрам изменений обнаружено не было.

Сравнение результатов экспериментальной группы и контрольной после воздействия по t-критерию Стьюдента при 5%-ом уровне значимости для независимых выборок показало наличие значимых различий после воздействия по всем параметрическим показателям (Таблица 5.1.6).

Таблица 5.1.6. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников после воздействия

Параметры	**ЭГ**	**КГ**	**t-знач.**	**p**	**Ст.откл. ЭГ**	**Ст.откл. КГ**
Гендерно-типичное поведение*	68,44	64,10	0,73	0,02	6,63	5,78
Гендерные установки*	11,76	8,93	2,23	0,00	2,43	1,13
Зрелость*	38,57	36,69	0,33	0,05	6,04	6,11
Интегральный показатель*	0,68	0,60	0,13	0,06	0,04	0,04

* отмечены значимые различия

Для непараметрических данных сравнение было проведено по U критерию Манна-Уитни, показавшее также наличие значимых различий между группами после воздействия (результаты проверки по данному критерию представлены в Таблице 5.1.7.).

Таблица 5.1.7. – Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни

Параметры	Сум.ранг ЭГ	Сум.ранг КГ	U	Z	p-уров.	Z - скорр.	p-уров.	2-х стор - точное p
Нравственные нормы	1788,00	1264,00	23,00	-2,21	0,02	-2,24	0,02	0,02

При сравнении экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам стратегии отцовства после воздействия были обнаружены значимые различия по всем компонентам и интегральному показателю психологической готовности к отцовству.

Таблица 5.1.8. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам психологической готовности к отцовству после воздействия

Параметры	ЭГ	КГ	t-знач.	p	Ст.откл. - ЭГ	Ст.откл. - КГ
Праксиологический компонент*	0,68	0,63	0,13	0,00	3,38	5,18
Аксиологический компонент*	0,61	0,56	0,43	0,07	7,41	6,21
Рефлексивно-регулятивный компонент*	0,63	0,58	0,03	0,01	3,18	4,78
Интегральный показатель *	0,68	0,62	0,07	0,00	1,13	1,13

Таким образом, даже опосредованное через родителей воздействие оказалось значимым для формирования конструктивной стратегии отцовства в данном возрасте.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерные установки, проведенный для экспериментальной и контрольной группы (разделенной для удобства анализа на подгруппы детей из полной и неполной семьи) показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло. Дети экспериментальной группы, хотя и отличались от детей контрольной группы до воздействия в сторону более высоких показателей по данной шкале, показали изменение в сторону повышения результатов. Таким образом, несмотря на изначальное различие групп изменения по данному параметру были зафиксированы только в экспериментальной группе после воздействия, то есть, связаны с экспериментальным воздействием (Рисунок 5.1.1) .

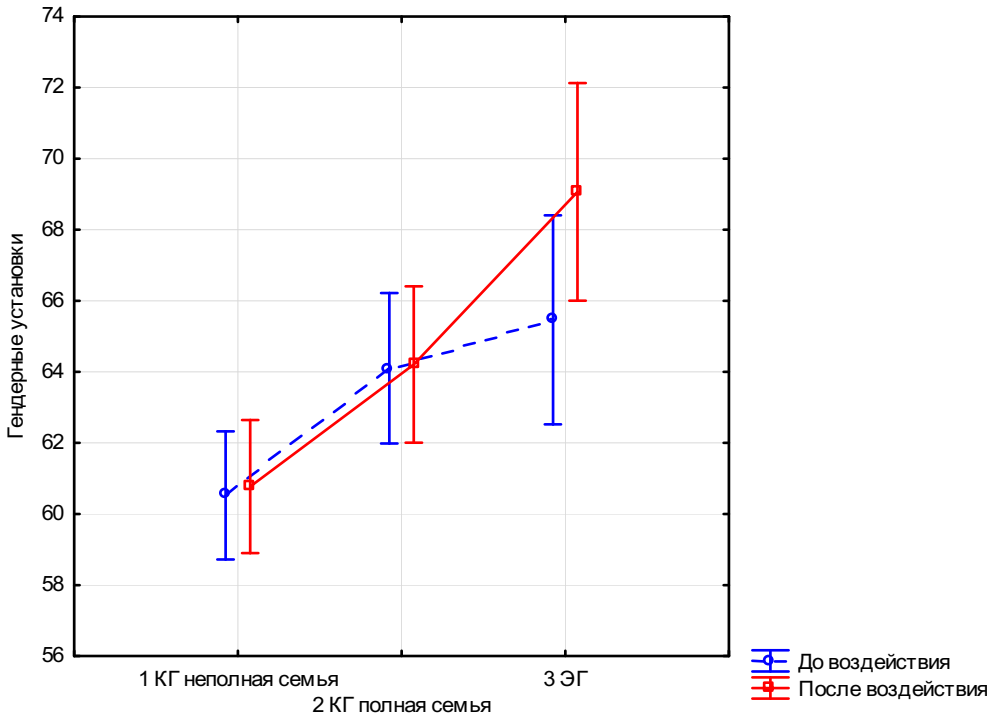

Рисунок 5.1.1. – Результаты дисперсионного анализа с повторными измерениями по параметру гендерные установки для группы дошкольников

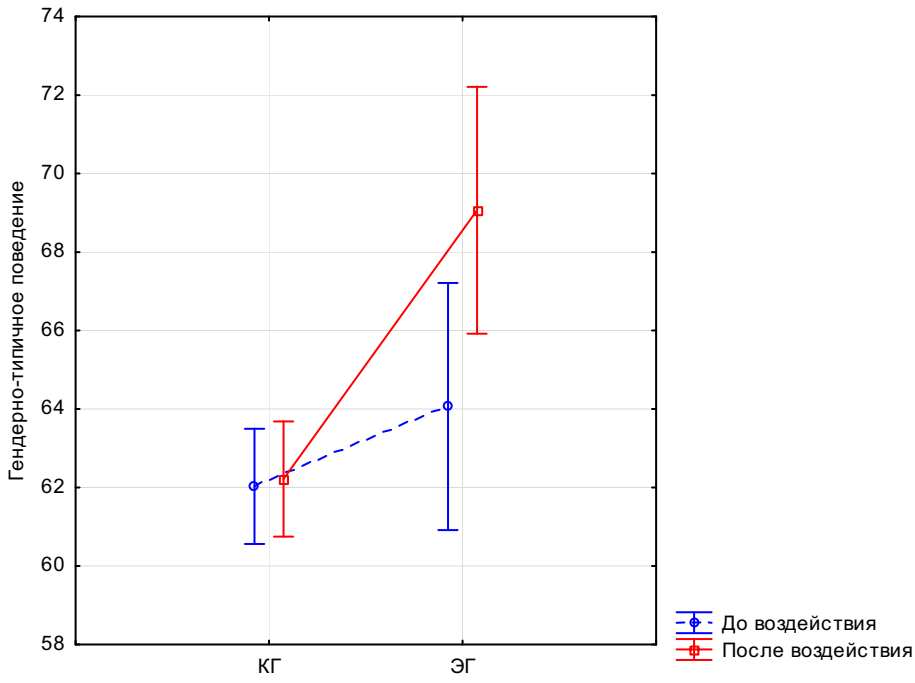

Рисунок 5.1.2. – Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерно-типичное поведение

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерно-типичное поведение проведенный для экспериментальной группы и контрольной группы показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло (Рисунок 5.1.2). У детей экспериментальной после воздействия результаты стали выше. То есть, данные изменения связаны с экспериментальным воздействием.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру нравственные нормы, проведенный для экспериментальной группы и контрольной группы показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло (Рисунок 5.1.3). У детей экспериментальной результаты стали выше. То есть, данные изменения связаны с экспериментальным воздействием.

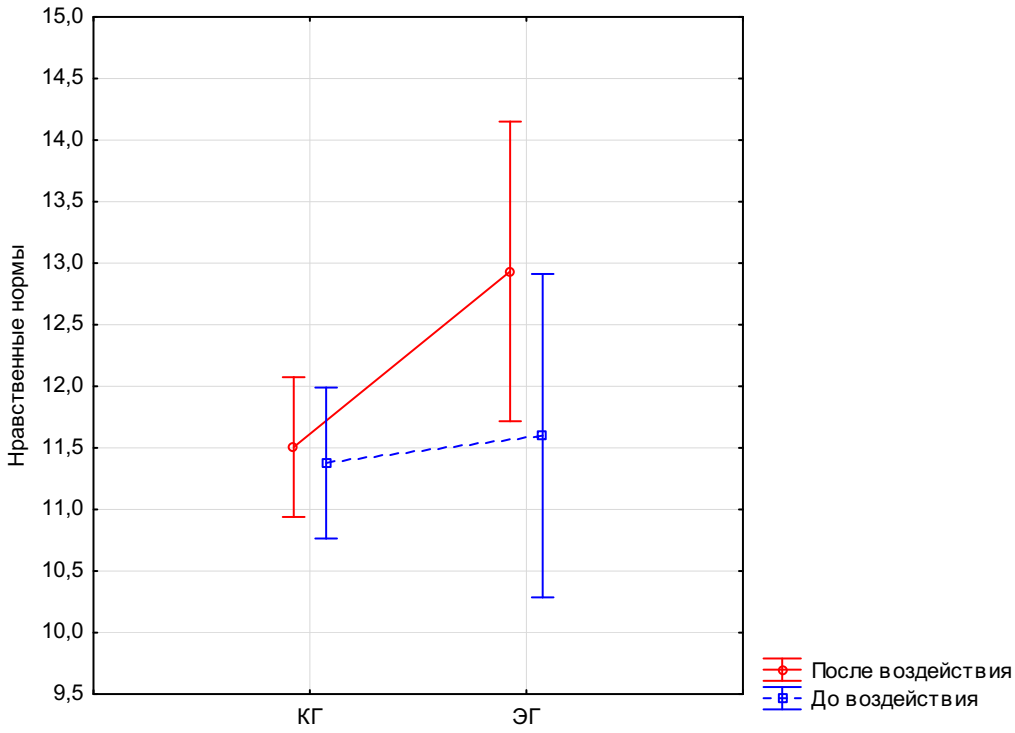

Рисунок 5.1.3. – Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру нравственные нормы

Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру зрелость, проведенный для экспериментальной группы и контрольной группы также показал, что у детей контрольной группы изменений не произошло (Рисунок

5.1.4). У детей экспериментальной результаты также стали выше. То есть, данные изменения связаны с экспериментальным воздействием.

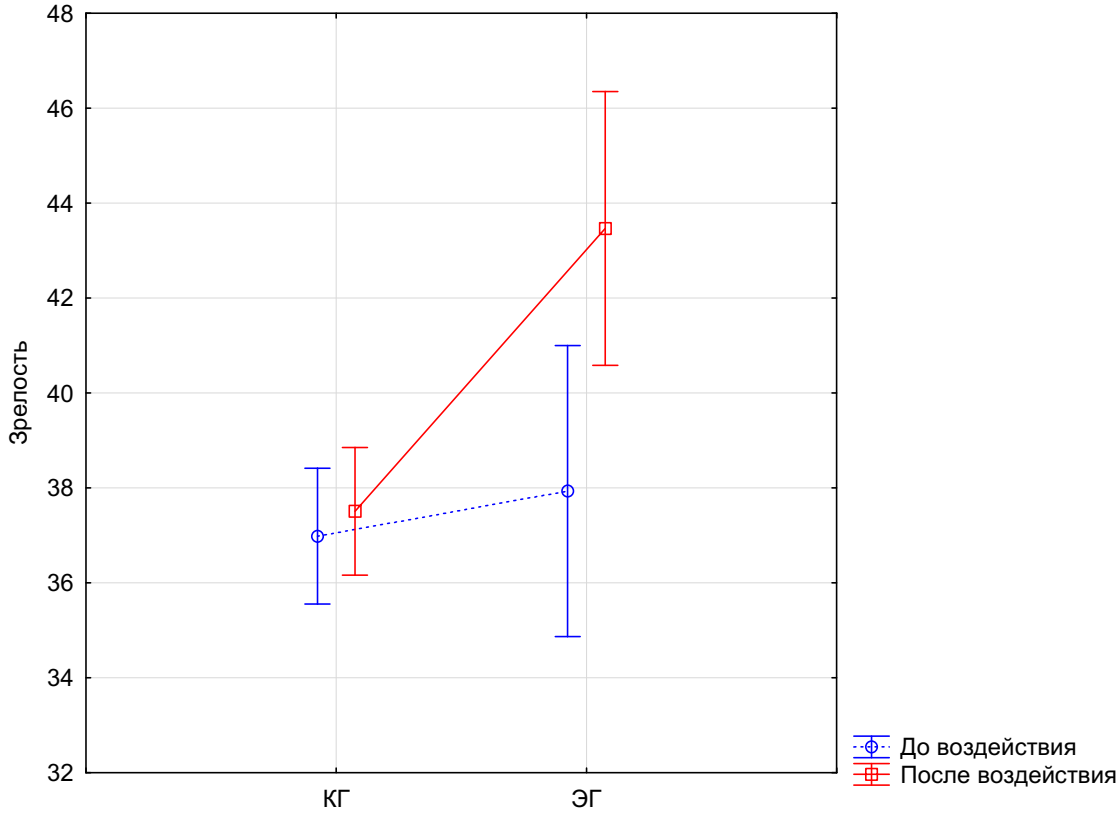

Рисунок 5.1.4. – Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру зрелость

Таким образом, после экспериментального воздействия все параметры, описывающие становление предпосылок психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что указывает на изменение стратегии отцовства дошкольников в сторону большей конструктивности, говорит о том, что даже опосредованное через родителей воздействие оказалось значимым для становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста.

Материалы данного параграфа опубликованы автором в следующей статье [86, с. 65-71] и монографии [78].

5.2. Особенности формирования предпосылок психологической готовности к отцовству у младших школьников

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие 45 мальчиков младшего школьного возраста. (21 человек экспериментальная группа и 24 человека – контрольная группа). Семьи детей экспериментальной группы (21 семья) участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования конструктивных стратегий отцовства семейно-образовательной среды в разное время в период с сентября 2014 по апрель 2017. Дети экспериментальной группы являются учащимися ЧОУ Православная гимназия г. Кемерово, а также клиентами Муниципального казенного учреждения «Топкинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» г. Топки Кемеровской области; дети контрольной группы являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углубленным изучением предметов». Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 45 детей младшего школьного возраста, представлены в Таблице 3.3.1 (Приложение 2) и подробно проанализированы в параграфе 3.3.

В качестве модельной группы для отслеживания специфики становления психологической готовности к отцовству у детей младшего школьного возраста в различных семьях нами были выбраны дети, чьи семьи отражают наиболее важные условия становления психологической готовности к отцовству, описанные нами в теоретической части, отличаются по специфичным для исследуемого феномена характеристикам: полная семья, участие отца в жизни ребенка, наличие гендерной стратификации семейных ролей, гендерное воспитание в семье, внимание к воспитанию ответственности и ценностной сферы личности ребенка с дошкольного периода, согласующаяся с этими параметрами образовательная среда. Таким образом, в качестве экспериментальной группы нами были выбраны некоторые учащиеся 2-3 классов ЧОУ Православная

гимназия г. Кемерово в силу специфики традиционного воспитания в семьях и наличия дополняющего воспитательного воздействия образовательного учреждения, направленного на создание благоприятной для становления психологической готовности к отцовству образовательной среды.

Уровневые характеристики экспериментальной выборки, состоявшей из 21 ребенка младшего школьного возраста, представлены в Таблице 5.2.1. (Приложение 2), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, описывающих отношение к семье и к миру, гендерной самооценки и нравственных норм, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 9,4 года. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по показателю опроснику «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных установок детей (1,9 и 2 соответственно) и нравственной мотивации поведения (2,9 и 3 соответственно) и гендерной оценки отца (4,6 и 4,8 соответственно).

В качестве контрольной группы были выбраны учащиеся из обычных семей МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углубленным изучением предметов». Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 24 детей младшего школьного возраста, представлены в Таблице 5.2.2. (Приложение 2), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методики диагностики личностного роста, описывающих отношение к семье и к миру, гендерной оценки отца и нравственных норм, что

свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы гендерных установок детей, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 10,7 лет. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими детьми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки детей. Среднее и медиана по показателю опроснику «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская) практически совпадают, близки по результатам оценки гендерных установок детей (1,8 и 1,9 соответственно) и гендерной самооценки (3,4 и 3,2 соответственно). Проверка данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова).

Таблица 5.2.3. – Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по критерию Стьюдента*

Параметры	Среднее КГ	Среднее ЭГ	t-знач.	p	Ст.откл. КГ	Ст.откл. ЭГ
Гендерные установки	1,87	1,97	0,02	0,05	0,21	0,08
Гендерная оценка отца	3,89	4,69	0,53	0,02	1,39	0,42
Нравственная мотивация поведения	1,79	2,95	0,16	0,00	1,28	1,16
Ответственность	3,42	4,38	3,19	0,00	0,93	0,86
Отношение к семье	9,58	15,14	2,31	0,03	9,17	6,56
Отношение к миру	13,88	20,33	3,13	0,00	7,72	5,82
Отношение к труду	14,75	20,43	3,63	0,00	5,67	4,68
Отношение к человеку	14,79	19,24	2,59	0,01	6,42	4,88
Телесное Я	9,50	16,43	2,77	0,01	9,12	7,39
Душевное Я	9,42	15,67	2,62	0,01	8,94	6,72

* представлены только значимые различия

Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по t-критерию Стьюдента, показало, что группы различаются по следующим показателям: гендерные установки, гендерная оценка отца, нравственные установки, ответственность, отношение к семье, отношение к миру, отношение к труду, отношение к человеку, телесное Я и душевное Я (Таблица 5.2.3.).

Таким образом, дети из экспериментальной и контрольной групп отличаются по всем параметрам, описывающим предпосылки психологической готовности к отцовству.

Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по t-критерию Стьюдента, показало, что группы различаются по показателям: аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов и интегральному показателю (Таблица 5.2.4.).

Таблица 5.2.4. – Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по критерию Стьюдента

Параметры	Среднее КГ	Среднее ЭГ	t-знач.	p	Ст.откл. КГ	Ст.откл. ЭГ
Праксиологический компонент*	0,68	0,88	0,59	0,00	0,19	0,17
Аксиологический компонент*	0,52	0,73	0,33	0,00	0,13	0,14
Рефлексивно-регулятивный компонент *	0,43	0,61	0,20	0,00	0,16	0,12
Интегральный показатель *	0,61	0,78	0,31	0,00	0,11	0,10

* отмечены значимые различия

Таким образом, специально-организованные семейно-образовательные условия взаимосвязаны с повышением интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства и аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического его компонентов.

Однофакторный дисперсионный анализ, предпринятый для уточнения гипотезы, подтверждает полученные результаты. Сравнение по показателю гендерных установок детей представлено на Рисунке 5.2.1.

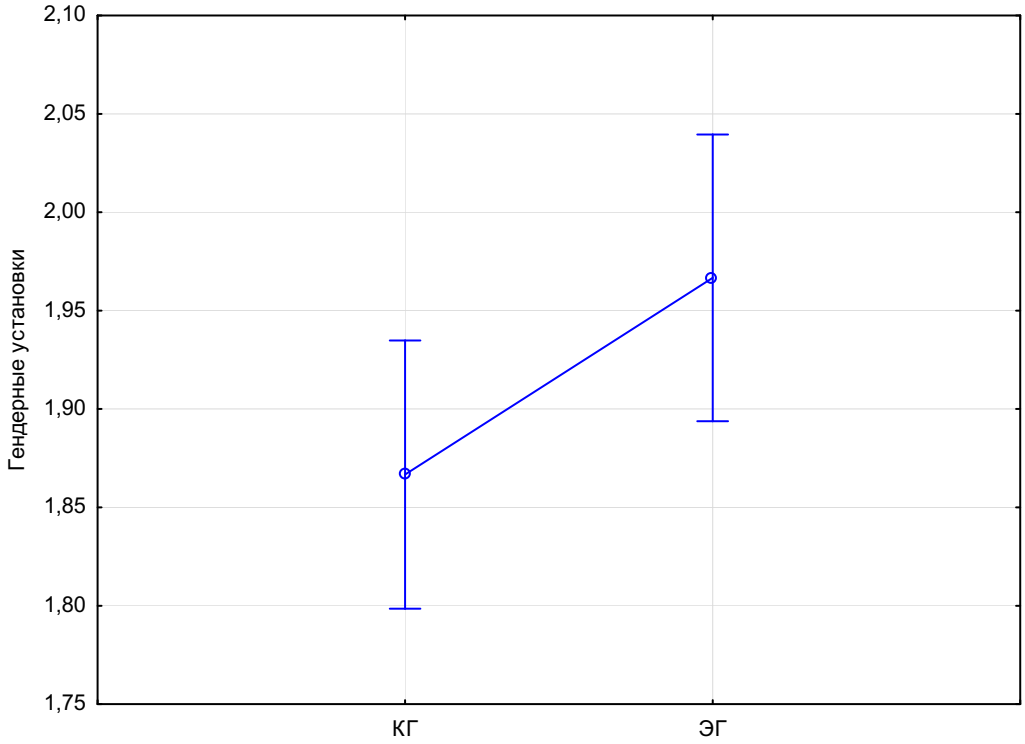

Рисунок 5.2.1. – Сравнение гендерных установок детей экспериментальной и контрольной групп

Таким образом, у детей экспериментальной группы наблюдаются более четкие гендерные установки.

Сравнение по показателю гендерной самооценки и оценки отца дополняют эти данные (Рисунок 5.2.2.), показывает, что дети экспериментальной группы при более четких установках оценивают себя по гендерным качествам выше, чем дети контрольной группы.

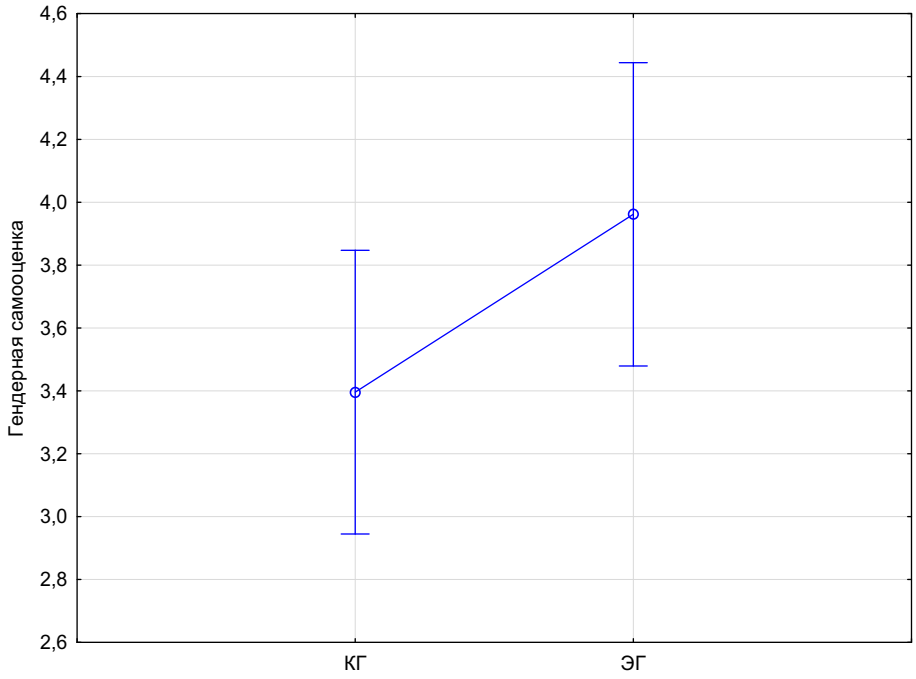

Рисунок 5.2.2. – Сравнение гендерной самооценки детей экспериментальной и контрольной групп

Они также оценивают своего отца по гендерным качествам выше, чем дети контрольной группы (Рисунок 5.2.3.).

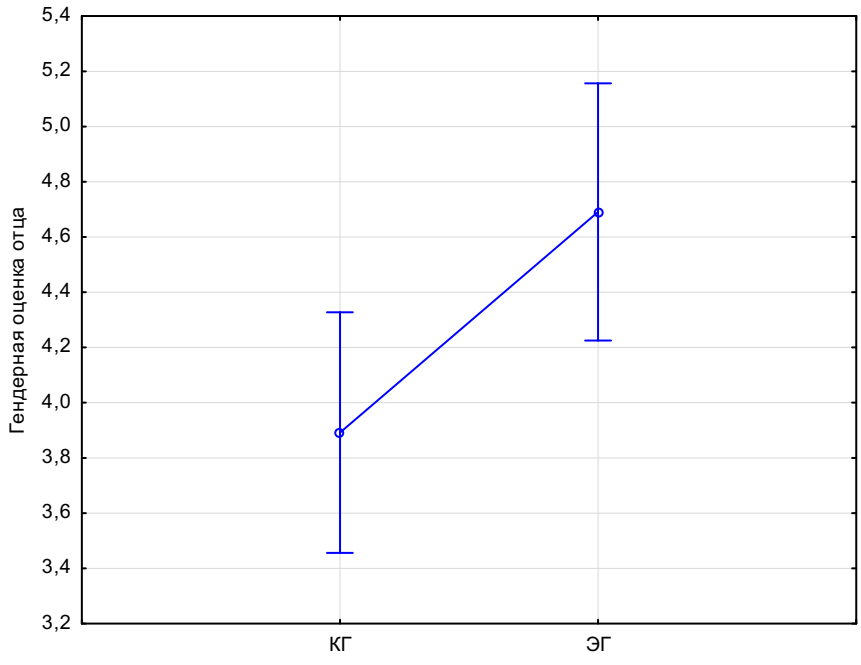

Рисунок 5.2.3. – Сравнение гендерной оценки отца детьми экспериментальной и контрольной групп

Интересно, что дети экспериментальной группы демонстрируют более высокие, чем у детей контрольной группы, результаты по оценке роли отца в таких внутрисемейных сферах, как: воспитание детей, эмоциональный климат, семейная культура, но немного ниже по параметру материальная сфера (Рисунок 5.24.).

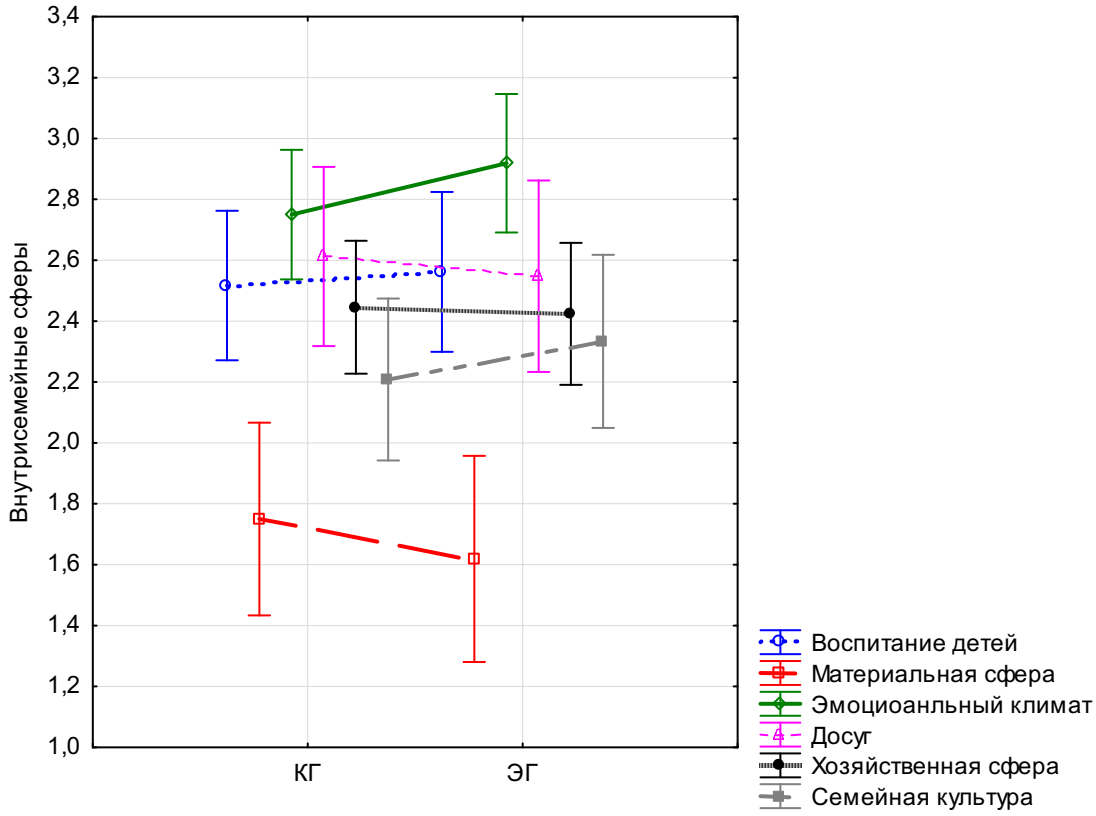

Рисунок 5.2.4. – Сравнение оценки роли отца детьми экспериментальной и контрольной групп

Более наглядно эти данные представлены на отдельных графиках (Рисунки 5.2.5-5.2.8.)

Так, дети экспериментальной группы немного выше оценивают роль отца в воспитании детей (Рисунок 5.2.5).

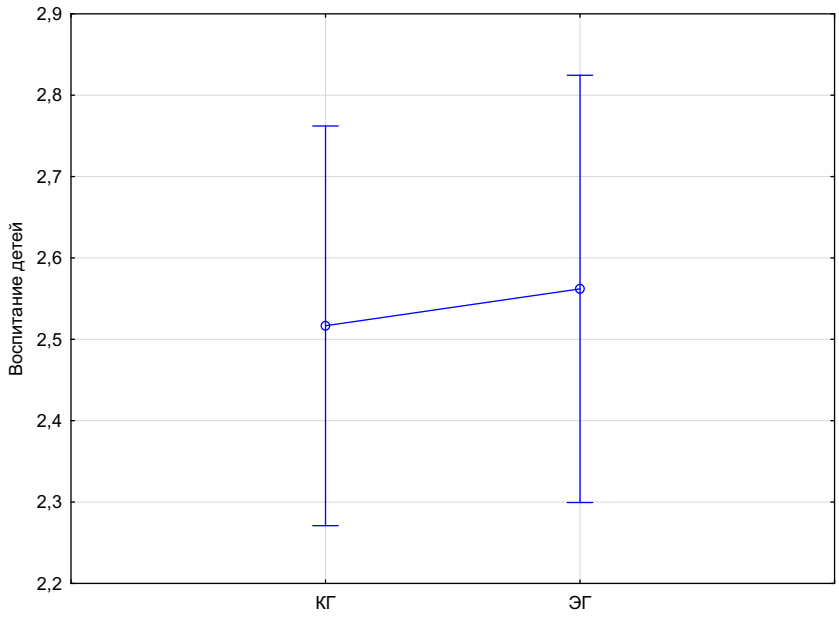

Рисунок 5.2.5. – Сравнение оценки роли отца в воспитании детей детьми экспериментальной и контрольной групп

Но при этом дети экспериментальной группы намного выше оценивают роль отца в создании и поддержании эмоционального климата в семье (Рисунок 5.2.6).

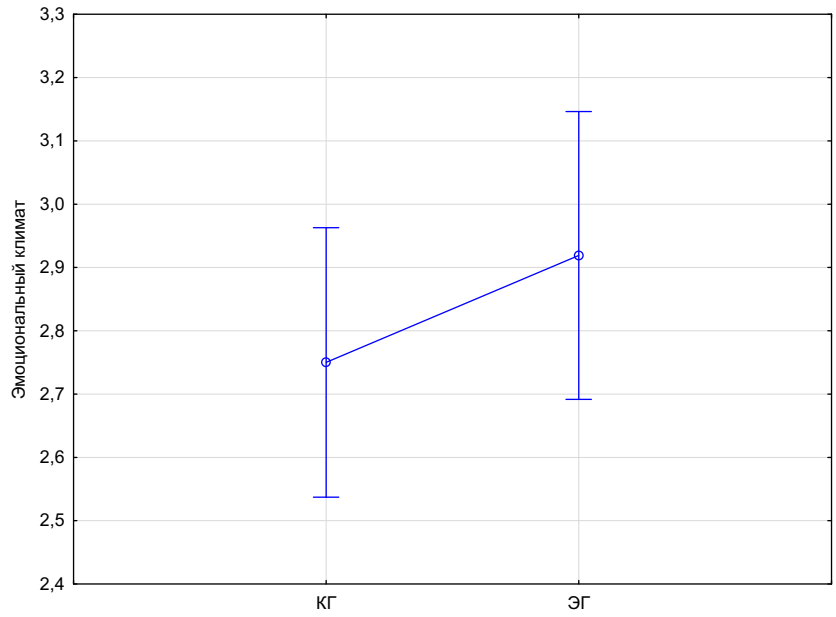

Рисунок 5.2.6. – Сравнение оценки роли отца в эмоциональном климате семьи детьми экспериментальной и контрольной групп

Они также выше, чем дети контрольной группы, оценивают роль отца в семейной культуре (Рисунок 5.2.7.).

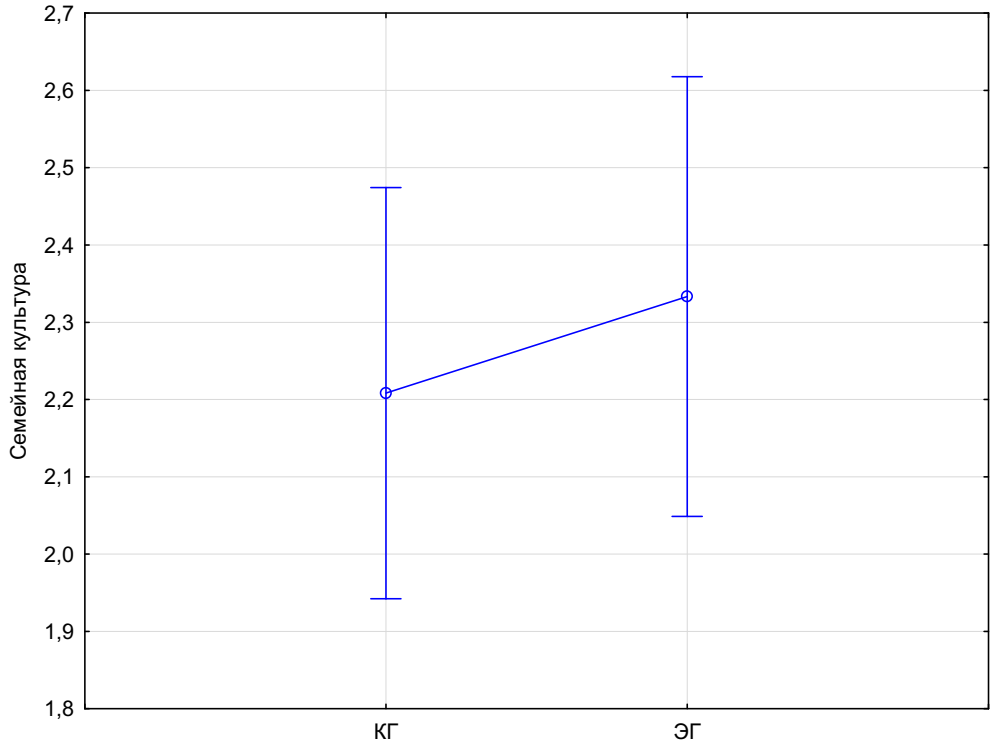

Рисунок 5.2.7. – Сравнение оценки роли отца в семейной культуре детьми экспериментальной и контрольной групп

То есть, дети экспериментальной группы видят многогранность отцовских функций в семье и не ограничивают их только материальной сферой, что заметно при сравнении оценки роли отца в этой сфере детьми экспериментальной и контрольной групп. Дети экспериментальной группы имеют более низкие показатели по этому параметру (Рисунок 5.2.8.).

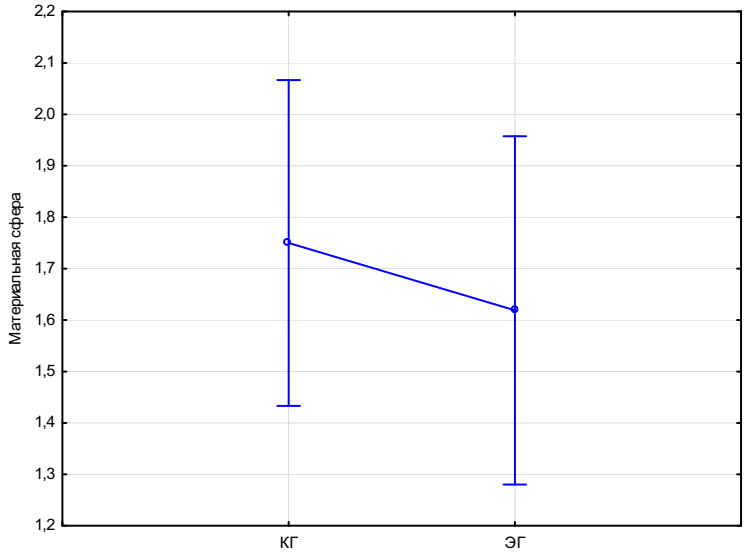

Рисунок 5.2.8. – Сравнение оценки роли отца в материальной сфере семьи детьми экспериментальной и контрольной групп

Данный результат является достаточно интересным в силу того, что семьи экспериментальной группы чаще всего имеют традиционное распределение ролей, где отец отвечает за материальную сферу больше, чем мать. Возможно, эти результаты связаны с влиянием религиозности семьи на оценку материальной сферы. Кроме отличий в гендерных оценках дети экспериментальной и контрольной группы отличаются также более высокими результатами по параметрам нравственной мотивации поведения и ответственности (Рисунок 5.2.9.).

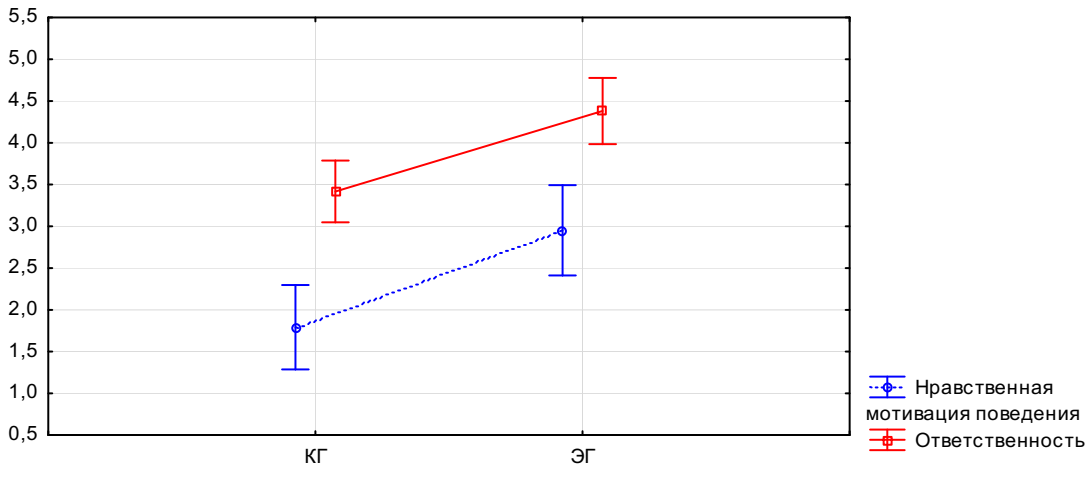

Рисунок 5.2.9. – Сравнение параметров ответственности и нравственной мотивации поведения детей экспериментальной и контрольной групп

По шкалам методики оценки личностной зрелости по параметрам: отношение к семье (позитивное отношение к семье, ценность семьи), отношение к миру (пацифизм), отношение к труду (трудолюбие) и к человеку (ценность человека), а также телесное Я (здоровый образ жизни) и душевное Я (принятие себя) также имеются значимые различия между детьми экспериментальной и контрольной группы (Рисунок 5.2.10.). Дети экспериментальной группы демонстрируют более высокие результаты по данным шкалам.

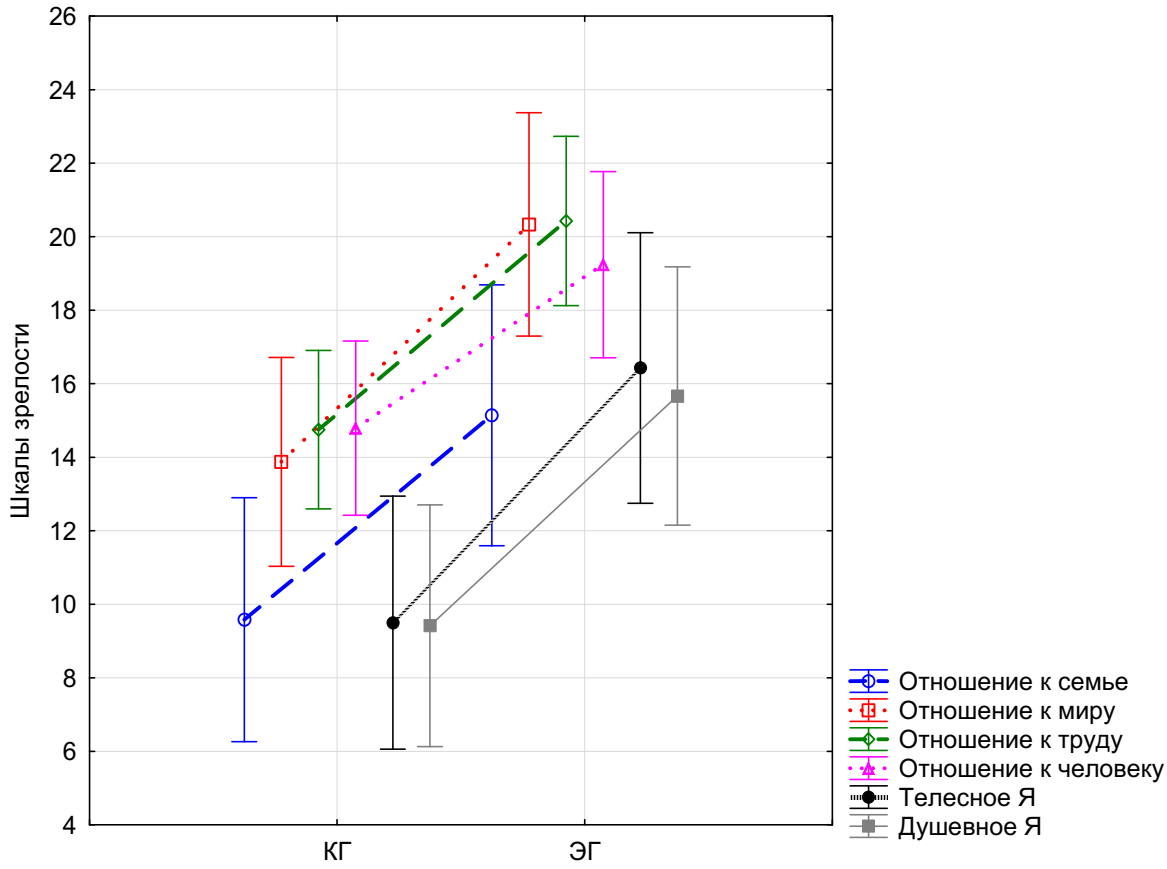

Рисунок 5.2.10. – Сравнение параметров зрелости детей экспериментальной и контрольной групп

Если мы сравним распределение детей экспериментальной и контрольной групп по выделенным нами на констатирующем этапе исследования кластерам, то получим, что дети из контрольной группы, в основном, относятся к первому кластеру (35%), демонстрируя низкие показатели по всем методикам, дети экспериментальной группы в основном (46%) относятся ко второму кластеру,

который определен нами, как связанный с высокими результатами по всем параметрам (Таблица 5.2.5).

Таблица 5.2.5. – Распределение испытуемых контрольной и экспериментальной групп по кластерам для выборки младших школьников

	Группа	**Кластер 1**	**Кластер 2**	**Кластер 3**	**Всего**
Частота	КГ	16	3	5	24
Всего процент		35,56%	6,67%	11,11%	53,33%
Частота	ЭГ	0	21	0	21
Всего процент		0,00%	46,67%	0,00%	46,67%
Частота	Всего	16	24	5	45
Всего процент		35,56%	53,33%	11,11%	

Предпринятый нами для полноты анализа корреляционный анализ отдельно по группам показал наличие взаимосвязей следующих параметров у контрольной группы: отрицательно связаны гендерные установки и нравственная мотивация поведения (r=-0,46), гендерная самооценка и отношение к знаниям (r=-0,44), нравственная мотивация поведения и отношение к миру (r=-0,41), нравственная мотивация поведения и ответственность (r=-0,42), гендерная оценка отца и телесное Я (r=-0,41); положительно связаны гендерные установки и отношение к миру (r=0,44), гендерные установки и отношение к человеку (r=0,44), гендерная самооценка и гендерная оценка отца (r=0,47), нравственная мотивация поведения и отношение к человеку (r=0,48), нравственная мотивация поведения и отношение к труду (r=0,42), отношение к семье и телесное Я (r=0,98), отношение к семье и душевное Я (r=0,99) телесное Я и душевное Я (r=0,97) отношение к миру и отношение к труду (r=0,91), отношение к миру и отношение к человеку (r=0,95) (Таблица 5.2.6).

Таблица 5.2.6. – Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у детей контрольной группы

Взаимосвязанные параметры		**Коэффициент корреляции***
Гендерные установки	**Нравственная мотивация поведения**	-0,46
Гендерные установки	**Отношение к миру**	0,44
Гендерные установки	**Отношение к человеку**	0,44
Гендерная самооценка	**Гендерная оценка отца**	0,47
Гендерная самооценка	**Отношение к знаниям**	-0,44
Гендерная оценка отца	**Телесное Я**	-0,41
Нравственная мотивация поведения	**Ответственность**	-0,42
Нравственная мотивация поведения	**Отношение к миру**	-0,41
Нравственная мотивация поведения	**Отношение к человеку**	0,48
Нравственная мотивация поведения	**Отношение к труду**	0,42
Отношение к семье	**Телесное Я**	0,98
Отношение к семье	**Душевное Я**	0,99
Телесное Я	**Душевное Я**	0,97
Отношение к миру	**Отношение к труду**	0,91
Отношение к миру	**Отношение к человеку**	0,95

***** представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Для экспериментальной группы наблюдается наличие взаимосвязей следующих параметров: гендерные установки и гендерная самооценка (r=0,45), нравственная мотивация поведения и отношение к знаниям (r=0,46), отношение к семье и телесное Я (r=0,83), отношение к семье и душевное Я (r=0,95), телесное Я и душевное Я (r=0,88), отношение к миру и отношение к труду (r=0,81), отношение к миру и отношение к человеку (r=0,76), отношение к труду и отношение к человеку (r=0,79) (Таблица 5.2.7).

Таблица 5.2.7. – Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у детей контрольной группы

Взаимосвязанные параметры		**Коэффициент корреляции***
Гендерные установки	**Гендерная самооценка**	0,45
Нравственная мотивация поведения	**Отношение к знаниям**	0,46
Отношение к семье	**Телесное Я**	0,83
Отношение к семье	**Душевное Я**	0,95
Телесное Я	**Душевное Я**	0,88
Отношение к миру	**Отношение к труду**	0,81
Отношение к миру	**Отношение к человеку**	0,76
Отношение к труду	**Отношение к человеку**	0,79

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Примечательно, что у детей контрольной группы взаимосвязей больше, но при этом они имеют различный знак, что говорит о несогласованности параметров, так отрицательно взаимосвязаны гендерные установки и нравственная мотивация поведения, что указывает на сложности с установлением положительной модели мужского поведения (получается, что у этих детей маскулинность связана с свободой от нравственных норм), гендерная самооценка и отношение к знаниям (получается, что для детей оценивающих себя выше по гендеру, характерно отрицательное отношение к знаниям, что согласуется с другими исследованиями маскулинности, но также указывает на сложности с установлением положительной модели мужского поведения), на это же указывает и отрицательная связь гендерной оценки отца и телесного Я (чем выше ребенок оценивает своего отца по гендеру, тем ниже у него показатели, характеризующие внимание к своему здоровью и здоровому образу жизни); то есть, в контрольной группе присутствует отрицательная модель мужского поведения. Отрицательная взаимосвязь нравственной мотивации поведения и отношения к миру и, особенно,

ответственности четко указывает на рассогласование параметров стратегии отцовства у контрольной группы.

Положительно связаны гендерные установки и отношение к миру и к человеку (получается, что у контрольной группы гендерный аспект наиболее заострен, что возможно связано с определенными несогласованностями в гендерной модели), гендерная самооценка и гендерная оценка отца, чего не наблюдается у экспериментальной группы, нравственная мотивация поведения и отношение к человеку и к труду, отношение к труду и отношение к человеку.

Взаимосвязей у экспериментальной группы намного меньше, но они все положительны. Прямо взаимосвязаны гендерные установки и гендерная самооценка, что указывает на наличие и согласованность критериев гендерной оценки. Нравственная мотивация поведения связана с отношением к знаниям, что определяется ведущей ролью учебной деятельности у младших школьников.

Наблюдаются также одинаковые для двух групп связи, различающиеся только коэффициентом корреляции. Так, отношение к миру связано с отношением к труду и человеку у обеих групп, также у обеих групп отношение к семье взаимосвязано с телесным Я и душевным Я, которые в свою очередь взаимосвязаны между собой, то есть ценность семьи и принятие семейных ценностей связаны с положительным отношением к своему здоровью и принятием себя, которые взаимосвязаны между собой в младшем школьном возрасте.

Таким образом, в экспериментальной группе все параметры, описывающие предпосылки психологическую готовность к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, выше, что указывает на изменение психологической готовности к отцовству в сторону большей конструктивности в определенных семейно-образовательных условиях и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте. Материалы данного параграфа опубликованы автором в следующей статье [87, с. 23-33] и монографии [78].

5.3. Психолого-педагогическое сопровождение становления психологической готовности к отцовству у подростков и юношей

На формирующем этапе исследования, проходившем в 2016 году, в работе приняли участие 39 испытуемых подросткового и юношеского возраста (15 человек – экспериментальная группа и 24 контрольная группа). Подростки экспериментальной группы участвовали в лонгитюдном исследовании, проходившем с марта по октябрь 2016 года.

Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 16,5, контрольной – 16,4 года) и социальным характеристикам. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на интернализацию смысла отцовства, принятие роли отца и формировании конструктивных стратегий отцовства.

Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы.

Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке. Подростки и юноши экспериментальной группы являлись учащимися МБОУ СОШ №№ 10, 62, 92 г. Кемерово, МБОУ СОШ №№ 8 г. Топки, Кемеровской области и студентами 1-2 курсов ФГБУ ВО «Кемеровский государственный университет» и ФГБУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева», подростки контрольной группы являются учащимися МБОУ СОШ № 92 «Средняя общеобразовательная школа № 92 с углублённым изучением предметов».

Тренинговая программа была разработана в трех вариантах для юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в себя теоретическую и практическую части. Различие в работе с тремя типами групп было связано с возрастными и статусными особенностями групп: то есть

для подростков и юношей акцент был сфокусирован на обозначении отцовства, рефлексии отношений с собственным отцом и возможном будущем собственном отцовстве; для мужчин, не имеющих детей в период ранней взрослости на актуальных отношения с противоположным полом, отношениях с собственным отцом и будущем (планируемом) отцовстве; для мужчин-отцов – на отношениях с супругой, ребенком и рефлексии отношений с отцом. В теоретическом курсе излагались постулаты детской, мужской и семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и в семье, а также данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства. Собственно практическая часть включала в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

Согласно нашему предположению одним из эффектов положительной динамики в сторону повышения психологической готовности к отцовству можно рассматривать повышение ответственности, интернальности, осмысленности в отношениях (Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК), Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК), Общая осмысленность жизни (СЖО)).

Уровневые характеристики экспериментальной выборки, состоявшей из 15 испытуемых, представлены в Таблице 5.3.1. (Приложение 3), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам методикам диагностики личностного роста и ценностей, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются данные по шкале «Чувство гражданского долга», являющиеся более однородными. Средний возраст испытуемых составил 16,5 лет.

Уровневые характеристики контрольной группы, состоявшей из 24 испытуемых, представлены в Таблице 5.3.2. (Приложение 3), из которой видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам

методики ОРИ Дж.Плека, что свидетельствует о высокой индивидуальности результатов, наименьшей дисперсией характеризуются шкалы, описывающей роль отца в воспитании детей и ценность семейной сферы жизни, являющиеся более однородными. Средний возраст детей 16,0 лет.

Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных находятся в рамках статистических норм. Таким образом, можно говорить, что наша выборка не обладает какими-либо специфическими особенностями по сравнению с другими испытуемыми того же возраста, следовательно, мы можем проводить дальнейший анализ результатов, полученных от данной выборки.

Сравнение групп по t-критерию Стьюдента по всем параметрам, включая интегральный показатель, до воздействия различий между группами не выявило. Описательные статистики данных экспериментальной и контрольной групп после воздействия представлены в Таблицах 5.3.3 и 5.3.4 соответственно (Приложение 3).

Таблица 5.3.6. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю после воздействия по t-критерию Стьюдента

Параметры	Среднее ЭГ	Среднее КГ	t-знач.	p	Ст. откл. ЭГ	Ст. откл. КГ
Рефлексивно-регулятивный компонент *	0,64	0,49	0,53	0,00	0,08	0,05
Аксиологический компонент	0,69	0,68	0,83	0,41	0,06	0,05
Праксиологический компонент *	0,80	0,68	0,52	0,00	0,08	0,13
Интегральный показатель *	0,72	0,63	0,02	0,00	0,04	0,07

* отмечены значимые при $p \leq 0,05$ отличия

Сравнение групп по t-критерию Стьюдента после воздействия показало, что появились различия по следующим параметрам: ответственность, зрелость, мотивация достижений, чувство гражданского долга, отношение к своему «Я»

(«Я» – концепция), жизненная установка, способность к психологической близости с другим человеком, шкала родительской идентичности в роли кормильца, ценности высокого материального положения, развития себя, сферы обучения и образования и сферы семейной жизни (Таблица 5.3.5 в Приложении 3).

Сравнение групп после воздействия по t-критерию Стьюдента по параметрам интегрального показателя показало отличие по следующим параметрам: рефлексивно-регулятивный и праксиологический компоненты и интегральный показатель психологической готовности к отцовству (Таблица 5.3.6).

Таким образом, в экспериментальной группе все параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности после экспериментального воздействия и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности формирования конструктивной стратегии отцовства в рамках психологического тренинга.

Предпринятый нами для полноты анализа корреляционный анализ отдельно по группам показал наличие отрицательных взаимосвязей следующих параметров у контрольной группы: зрелость и материальный фактор (r=-0,36), зрелость и досуг (r=0,34), зрелость и высокое материальное положение(r=0,31), мотивация достижений и ценность высокого материального положения (r=0,47), чувство гражданского долга и шкала родительской идентичности в роли кормильца (r=0,30), чувство гражданского долга и ценность креативности (r=-0,35), отношение к своему «я» и воспитание детей(r=-0,30), отношение к своему «я» и ценность активных социальных контактов (r=-0,30), отношение к своему «я» и ценность сохранения собственной индивидуальности (r=-0,33), жизненная установка и ценность собственного престижа (r=-0,30), жизненная установка и ценность креативности (r=-0,38).

Взаимосвязи внутри параметров готовности к отцовству у контрольной группы представлены в Таблице 5.3.7.

Таблица 5.3.7. – Взаимосвязи внутри параметров готовности к отцовству у контрольной группы

Взаимосвязанные параметры		**Коэффициент корреляции***
Зрелость	Материальный фактор	-0,36
Зрелость	Досуг	0,34
Зрелость	Высокое материальное положение	0,31
Мотивация достижений	Высокое материальное положение	0,47
Чувство гражданского долга	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,30
Чувство гражданского долга	Креативность	-0,35
Отношение к своему «Я»	Воспитание детей	-0,30
Отношение к своему «Я»	Активные социальные контакты	-0,30
Отношение к своему «Я»	Сохранение собственной индивидуальности	-0,33
Жизненная установка	Собственный престиж	-0,30
Жизненная установка	Креативность	-0,38
Жизненная установка	Достижения	0,34
Жизненная установка	Сохранение собственной индивидуальности	-0,37
Способность к психологической близости с другим человеком	Развитие себя	0,32
Способность к психологической близости с другим человеком	Активные социальные контакты	0,31
Воспитание детей	Материальный фактор	-0,38
Воспитание детей	Эмоциональный климат	-0,40
Воспитание детей	Собственный престиж	0,35
Воспитание детей	Сфера обучения и образования	0,36
Воспитание детей	Сфера общественной жизни	-0,35
Материальный фактор	Семейная культура	0,32
Материальный фактор	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,38
Эмоциональный климат	Досуг	0,39
Эмоциональный климат	Хозяйственная сфера	0,47
Эмоциональный климат	Семейная культура	-0,42
Эмоциональный климат	Гендерная самооценка	-0,31
Эмоциональный климат	Достижения	0,40
Гендерные установки	Высокое материальное положение	-0,34
Гендерная самооценка	Эмоциональный климат	-0,31
Гендерная самооценка	Семейная культура	0,43
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	Сфера профессиональной жизни	0,30
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	Возраст	0,30

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Кроме того, положительно связаны: жизненная установка и ценность достижений (r=0,34), жизненная установка и ценность сохранения собственной индивидуальности (r=-0,37), способность к психологической близости с другим человеком и ценность развития себя (r=0,32), способность к психологической близости с другим человеком и ценность активных социальных контактов (r=0,31), воспитание детей и материальный фактор(r=-0,38), воспитание детей и эмоциональный климат(r=-0,40), воспитание детей и ценность собственного престижа (r=0,35), воспитание детей и ценность сферы обучения и образования (r=0,36), воспитание детей и ценность сферы общественной жизни (r=-0,35), материальный фактор и семейная культура(r=0,32), материальный фактор и шкала родительской идентичности в роли кормильца (r=0,38), эмоциональный климат и досуг(r=0,39), эмоциональный климат и хозяйственная сфера(r=0,47), эмоциональный климат и семейная культура (r=-0,42), эмоциональный климат и гендерная самооценка (r=-0,31), эмоциональный климат и ценность достижений (r=0,40), гендерные установки и ценность высокого материального положения (r=-0,34), гендерная самооценка и эмоциональный климат (r=-0,31), гендерная самооценка и семейная культура (r=0,43), шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и ценность сферы профессиональной жизни (r=0,30), шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и возраст(r=0,30).

Анализ данных взаимосвязей позволяет определить, что среди них большинство связей обратные. Так, отрицательно связаны параметры: зрелость и материальный фактор, чувство гражданского долга и ценность креативности, отношение к своему «я» и роль отца в воспитании детей, отношение к своему «я» и ценность активных социальных контактов, отношение к своему «я» и ценность сохранения собственной индивидуальности, жизненная установка и ценность собственного престижа, жизненная установка и ценность креативности, жизненная установка и ценность сохранения собственной индивидуальности, роль отца в воспитании детей и роль отца в создании эмоционального климата, роль отца в воспитании детей и ценность сферы общественной жизни, роль отца в материальном состоянии семьи и роль отца в воспитании детей, роль отца в

создании эмоционального климата и роль отца в создании семейной культуры, роль отца в создании эмоционального климата и гендерная самооценка, гендерные установки и ценность высокого материального положения, гендерная самооценка и эмоциональный климат семьи. Эти данные отличаются внутренней противоречивостью, но при этом согласуются с данными, полученными на выборке младших школьников, и также говорят о наличии некоторой рассогласованности внутри стратегии отцовства в подростковом и юношеском возрасте.

Однако у испытуемых подросткового и юношеского возраста наблюдаются также и значительное количество положительных связей, которые обладают внутренней согласованностью, что указывает на более высокий уровень формирования стратегии отцовства у подростков и юношей контрольной группы по сравнению с младшими школьниками контрольной группы, что согласуется с нашими теоретическими положениями. Положительно связаны параметры: зрелость и роль отца в организации досуга, зрелость и ценность высокого материального положения, мотивация достижений и ценность высокого материального положения, чувство гражданского долга и шкала родительской идентичности в роли кормильца, жизненная установка и ценность достижений, способность к психологической близости с другим человеком и ценность развития себя, способность к психологической близости с другим человеком и ценность активных социальных контактов, роль отца в воспитании детей и ценность сферы обучения и образования (предполагает обеспечение образования отцом), роль отца в материальной сфере семьи и в семейной культуре, роль отца в материальной сфере семьи и оценка родительской идентичности в роли кормильца (предполагает финансовое обеспечение ребенка), связаны роль отца в эмоциональном климате семьи и роль отца в организации досуга, хозяйственной сферы, и ценность достижений, гендерная самооценка и роль отца в создании семейной культуры, шкала родительской идентичности в уходе за ребенком и ценность сферы профессиональной жизни, шкала родительской идентичности в

уходе за ребенком и возраст (то есть, чем старше испытуемый, тем выше его оценка своих возможностей в роли заботящегося).

У испытуемых экспериментальной группы, как и у экспериментальной группы младшего школьного возраста меньше взаимосвязей, но большинство из них положительны. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у экспериментальной группы представлены в Таблице 5.3.8.

Таблица 5.3.8. – Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у экспериментальной группы

Взаимосвязанные параметры		**Коэффициент корреляции***
Зрелость	Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,77
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	Гендерные установки	0,71
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	Гендерная самооценка	0,61
Досуг	Достижения (ОТЕЦ).	0,61
Гендерные установки	Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,61
Семейная культура	Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,61
Семейная культура	Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,65
Гендерная самооценка	Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,61
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,52
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,53
Возраст	Достижения (ОТЕЦ)	-0,67
Возраст	Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	-0,67
Ответственность	Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,53

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ связи

Из таблицы видно, что положительно связаны такие параметры, как: способность к психологической близости с другим человеком и гендерные установки (r=0,71), способность к психологической близости с другим человеком и гендерная самооценка (r=0,61), роль отца в организации досуга и ценность достижений (r=0,61), гендерные установки и ценность духовного удовлетворения (r=0,61), роль отца в создании семейной культуры и ценность сферы увлечений (r=0,61), шкала родительской идентичности в роли кормильца и ценность сферы обучения и образования (r=0,52), шкала родительской идентичности в роли кормильца и ценность сферы семейной жизни (r=0,53). Данные параметры описывают понимание отцовских функций испытуемыми. Отрицательных связей меньше и они не являются противоречивыми: обратно связаны, в основном, параметр ценность высокого материального положения с ответственностью (r=-0,53), со зрелостью (r=-0,77) и гендерной самооценкой (r=-0,61), а также роль отца в организации семейной культуры и ценность сферы общественной жизни (r=-0,65).

То есть, корреляционный анализ показал, что испытуемые экспериментальной группы после прохождения тренинга демонстрируют менее противоречивые взаимосвязи внутри параметров, описывающих стратегии отцовства, что связано с экспериментальным воздействием.

Таким образом, в экспериментальной группе все параметры, описывающие становление психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что указывает на изменение психологической готовности к отцовству испытуемых в сторону большей конструктивности в определенных семейно-образовательных условиях и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности сопровождения становления психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте. Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

5.4. Лонгитюдное исследование эффектов психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству в юношеском возрасте

В рамках изучения становления психологической готовности к отцовству проследить эффективность тренинговой работы с испытуемыми подросткового и юношеского возраста (находящимися на этапе становления стратегии отцовства, но не ее реализации на практике) возможно только в контексте долговременных эффектов формирования конструктивных стратегий отцовства в юношеском возрасте на реализацию стратегии отцовства конкретным испытуемым после рождения его ребенка во взрослости. В связи с этим, нами было проведено лонгитюдное исследование эффектов формирования конструктивных стратегий отцовства в юношеском возрасте на реализацию стратегии отцовства после рождения ребенка во взрослости. Данное исследование в силу семейных и личных обстоятельств испытуемых (т.к. рождению ребенка предшествовало взросление самого испытуемого, его профессиональное и брачное самоопределение, выстраивание отношений с супругой и проч.) заняло 12 лет. В данной работе приняли участие 40 испытуемых подросткового и юношеского возраста (20 человек в 2004 году, из них 15 человек в 2016 году – экспериментальная группа и 20 человек в 2004 году, из них 14 человек в 2016 году – контрольная группа). Подростки экспериментальной группы участвовали в лонгитюдном исследовании, проходившем с декабря 2002 по октябрь 2016 года. Первой этап исследования проходил в период с сентября 2003 по июнь 2004. В исследовании принимали участие всего 40 юношей – 20 юношей (две группы по 10 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 20 юношей – контрольную. В целях изучения эффективности тренингового воздействия на испытуемых из разных семейных условий из 20 человек экспериментальной группы нами была сформирована отдельная группа подростков и юношей, растущих без отца. Обе группы были уравнены по

возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 16,5, контрольной – 16,4 года) и социальным характеристикам. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на интернализацию смысла отцовства, принятие роли отца и формировании конструктивных стратегий отцовства.

Для проверки эффективности разработанного нами психологического тренинга нами было проведено три обследования испытуемых: в 2004 году до экспериментального воздействия и сразу после прохождения тренинга и после рождения ребенка у большинства участников тренинга в 2016 и в 2020 году. Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы. Из 40 человек, принимавших участие в исследовании в 2004 году, удалось собрать данные 29 человек (15 человек из экспериментальной группы и 14 – из контрольной группы).

Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке. Подростки и юноши экспериментальной и контрольной группы в 2004 году являлись учащимися МБОУ СОШ №№ 10, 62, 92 г. Кемерово, и студентами 1-2 курсов ФГБУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева». На декабрь 2016 испытуемые экспериментальной и контрольной группы, принимавшие участие в исследовании с 2004 года, являлись служащими (100%) с высшим 94% и средним 6% образованием (экспериментальная группа) и с высшим 66%, средне-специальным образованием 26%, средним образованием 8% в контрольной группе.

В 2004 году экспериментальная группа представляла собой две группы испытуемых по 10 человек из полной (50%) и неполной (50%) семьи. В 2016 году удалось собрать данные 15 человек, из них 8 (53%) воспитывавших в неполной и 7 (47%) – в полной семье. Контрольная группа 2004 года состояла из 20 человек по 10 (50%) человек из полной и неполной семьи. В 2016 году данные были собраны у 14 человек, 6 (42%) из полной и 8 (58%) из неполной семьи.

Тренинговая программа была разработана в трех вариантах для юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в

себя теоретическую и практическую части. Результаты работы с мужчинами в период взрослости подробно описаны автором [76, с. 100-113]. Различие в работе с тремя типами групп было связано с возрастными и статусными особенностями групп. В теоретическом курсе излагались постулаты детской, мужской и семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства. Собственно практическая часть включала в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

Согласно нашему предположению одним из эффектов положительной динамики в сторону повышения конструктивности стратегии отцовства можно рассматривать повышение ответственности, интернальности, осмысленности в отношениях (Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК), Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК), Общая осмысленность жизни (СЖО).

Уровневый анализ выборки 2004 года, состоявшей из 40 человек, показал, что наибольший разброс, как для экспериментальной, так и для контрольной выборок, наблюдался в данных по смысложизненным ориентациям, что свидетельствует о высоких индивидуальных различиях результатов данного опросника. Проверка данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова). Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяли использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента. При этом проверка значимости различий данных экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия по Т-критерию Стьюдента не показала значимых различий между группами.

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок, выявило значимые различия по следующим параметрам: шкала PARI «Навязчивость родителей», шкалам СЖО «Результативность жизни» и «Локус контроля Я», Общая осмысленность жизни по СЖО, по следующим факторам 16PF: склонность к риску, сдержанность – экспрессивность, подверженность социальным нормам, конформизм – нонконформизм, а также по шкалам интернальности в области межличностных отношений (УСК), интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), интернальности в семейных отношениях (УСК).

Наглядно результаты тренинговой работы могут быть представлены в виде Таблицы 5.4.1. Как видно из Таблицы 5.4.1. после прохождения тренинга у испытуемых снизились показатели по таким шкалам 16PF, как склонность к риску и сдержанность-экспрессивность. Увеличились показатели склонности к выполнению социальных норм, а также показатели шкал СЖО «Результативность жизни» и «Локус контроля – Я», интернальности в области межличностных отношений (УСК), интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), интернальности в семейных отношениях (УСК) и, кроме того, общая осмысленность жизни.

Снижение склонности к риску и одновременное повышение показателей социальной нормативности, интернальности в области межличностных отношений, в отношении здоровья и болезни и в семейных отношениях являются свидетельством увеличения ответственности. Увеличение показателей по шкалам СЖО «Результативность жизни» и общей осмысленности жизни является важнейшим показателем оптимизации развития личности в данный возрастной период.

Интересен факт повышения результатов по шкале «Навязчивость родителей» опросника PARI, являющейся характеристикой включенности родителей в жизнь ребенка, иногда даже чрезмерной озабоченностью его проблемами, возможно связанный с привлечением к ним внимания во время прохождения тренинга.

Таблица 5.4.1. – Сравнение результатов экспериментальной и контрольной группы

Среднее арифметическое	Экспериментальная группа 20 ч.		15 ч.	Контрольная группа 20 ч.		14 ч.
Параметры	**2004 до**	**2004 после**	**2016**	**2004 до**	**2004 после**	**2016**
H Склонность к риску	6	4,5	4	5,2	5,23	5
F (сдержанность - экспрессивность)	4,8	1	1	4,3	4,3	4
G (подверженность социальным нормам)	4,4	5,75	6,8	4,5	4,6	5,2
Q4 (конформизм - нонконформизм)	4,1	4,5	4,6	4,1	4,2	4,2
Шкала PARI «Навязчивость родителей»	11,4	12,5	12,5	11,3	11,3	11
Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК)	3,1	4	6,1	3,2	3	4
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК)	2,7	4,2	6	2,5	2,7	4,9
Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК)	2,4	4	8,1	2,2	2,2	4,1
Принятие ответственности	-	-	16	-	-	14,7
«Результативность жизни» (СЖО)	22,2	23,75	28,26	21,7	21,8	25,1
«Локус контроля - Я» (СЖО)	25,5	26,5	24,4	25	24,9	21,2
Общая осмысленность жизни (СЖО)	90,6	102,5	106,46	90,1	90,2	100,1

Примечания:

- показатели до и после тренинга в экспериментальной группе значимо отличны при $p \leq 0,05$;
- показатели до тренинга у экспериментальной группы и контрольной отличаются незначимо;
- значимых отличий в показателях контрольной группы не обнаружено.

При повторном измерении различия между испытуемыми экспериментальной группы из полной и неполной семьи уменьшились. Значимых

различий между результатами контрольной группы, полученными в первый и второй замер, не выявлено.

Дообследование, проведенное в 2016 году, показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет. При этом различий между испытуемыми экспериментальной группы, выросшими в полной и неполной семье, обнаружены не были. Для уточнения особенностей отцовства испытуемых в исследование 2016 года к методикам, используемым в 2004 году, были добавлены следующие методики: «Ответственность» В. П. Прядеина, Опросник родительской идентичности Дж.Плека, Шкала отцовских установок ДЖ.Плека, МИФ С. Бэм.

Уровневый анализ выборки 2016 года, состоявшей из 29 мужчин, показал, что наибольший разброс, как для экспериментальной, так и для контрольной выборок, наблюдался в данных по смысложизненным ориентациям. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяли использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп представлены в Таблице 5.4.2., из которой видно, что возраст испытуемых, возраст первого ребенка и параметры образования в экспериментальной и контрольной группах значимо не отличаются, возраст первого ребенка у экспериментальной группы чуть ниже, при этом детей у экспериментальной группы в среднем больше, чем у испытуемых контрольной группы. У испытуемых экспериментальной группы отношение к детям вообще более теплое, первый ребенок был желанным у большего числа респондентов, соответственно, им свойственно более позитивное отношение к беременности жены. Среди испытуемых экспериментальной группы представляли своего будущего ребенка во время беременности жены большее число респондентов, свои чувства, при первом знакомстве с первым ребенком, большее число респондентов описали в положительном ключе.

Таблица 5.4.2. – Сравнение параметров отцовства экспериментальной и контрольной группы

Среднее арифметическое	Экспериментальная группа 15 ч.		Контрольная группа 14 ч.	
	2016	2020	2016	2020
Возраст	29,4	33,4	29,2	33,3
Возраст первого ребенка	5,6	9,6	6,1	10
Образование	высшее 93% среднее 7% иное 0		высшее 89% среднее9% иное 2%	
Брак	в браке 93% холост 7%		в браке 85% разведен 7% холост 7%	
Количество детей	1,5*	2*	1,2	1,4
Отношение к детям	2,66*	2,67*	2,0	2,0
Желанность первого ребенка	2*	2*	1,4	1,4
Отношение к беременности жены	1,93*	1,94*	1,2	1,4
Представление своего будущего ребенка во время беременности жены	1,5*	1,5*	1,2	1,2
Чувства, когда впервые увидели первого ребенка	2,8*	2,8*	2,3	2,3
Принятие ответственности	16*	17*	14,7	15,7
Установки на вовлеченность	27*	28*	25,2	24,2
Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК)	6,1*	6,1*	4	4,1
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК)	6*	6*	4,9	4,4
Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК)	8,1*	8,2*	4,1	4,9
Результативность жизни (СЖО)	28,26*	28,77*	25,1	26,1
«Локус контроля — Я» (СЖО)	24,4*	25,4*	21,2	23,2
Общая осмысленность жизни	106,46*	107,06*	100,1	99
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	3,83*	3,87*	3,20	3,17
2.Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком	3,88*	3,88	3,20	3,50
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца	3,46*	3,76*	3,14	3,14
5.Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца	1,86*	1,80*	3,04	2,94

* показатели значимо отличны при $p \leq 0,05$

В экспериментальной группе значимо выше показатели по таким шкалам, как: принятие ответственности, установки на вовлеченность отца, интернальность в области межличностных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни, интернальность в семейных отношениях, шкала СЖО «Результативность жизни», общая осмысленность жизни, родительская идентичность в уходе за ребенком, оценка родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, родительская идентичность в роли кормильца, оценка родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца, фактор оценка Личностного дифференциала, и значимо ниже показатели по шкале СЖО «Локус контроля - Я». Эти данные свидетельствуют о большей ответственности отцовства мужчин экспериментальной группы и после рождения ребенка. Данные различия сохранились и при третьем обследовании испытуемых в 2020 году.

Таким образом, показатели ведущих характеристик стратегии отцовства обрели более устойчивый характер у участников проведенного нами тренинга. Данные изменения становятся возможными благодаря действию психологического механизма индивидуализации конструктивной стратегии отцовства, в результате чего личностные характеристики обретают статус личностных свойств. То есть, можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства не только эффективна для развития положительных установок вовлеченности в жизнь будущего ребенка, осмысленности и ответственности по отношению к родительской роли, супруге, собственному здоровью, то есть, формирования конструктивных стратегий отцовства; но и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через 10 лет, что позволяет нам проводить разработку, апробацию и реализацию комплексной программы психолого-педагогического обеспечения оптимизации формирования и развития стратегий отцовства.

Материалы данного параграфа опубликованы автором в следующей статьях [65; 85, с. 125–131] и монографии [78].

5.5. Развитие конструктивных стратегий отцовства у взрослых в рамках психологического тренинга

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие мужчины в возрасте ранней и средней взрослости (139 мужчин имеющих одного или более детей (из них 61 мужчин (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 78 – контрольную группу). Лица экспериментальной группы 2004 года (45 человек) были подвергнуты экспериментальному воздействию в рамках работы над нашим диссертационным исследованием в 2004 году, когда в период с сентября 2003 по июнь 2004 в исследовании приняли участие всего 95 мужчин имеющих одного или более детей. Из них 45 мужчин (три группы по 15 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 50 – контрольную. Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 32, контрольной – 33 года) и социальным характеристикам – в основном испытуемые являются служащими (75% и 78% соответственно), предпринимателями, с высшим, среднетехническим и средне-специальным образованием(49% и 50% соответственно). Экспериментальное воздействие включало в себя проведение специально разработанного нами тренингового курса, направленного на принятие роли отца и формирование и развитие конструктивной стратегии отцовства. В 2016 году также была подвергнута аналогичному воздействию еще одна группа из 16 человек. Для проверки эффективности психологического тренинга, направленного на развитие конструктивности стратегий отцовства у мужчин-отцов, а также выявления эффектов конструктивных стратегий отцовства, нами было проведено два обследования испытуемых: до экспериментального воздействия и после. Для

контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы. Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке.

Уровневые характеристики экспериментальной выборки 2004 года, состоявшей из 45 человек, представлены в таблицах (Таблица 5.5.1. до и Таблица 5.5.2. после экспериментального воздействия в Приложении 4), из которых видно, что наибольший разброс наблюдается в данных по смысложизненным ориентациям, что свидетельствует о высоких индивидуальных различиях результатов данного опросника. Данные, полученные с помощью Шестнадцатифакторного опросника Кеттелла и опросника PARI, являются более однородными как внутри выборки, так и внутри каждой группы, что для PARI свидетельствует о наличии определенной модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам ЛД и СЖО находятся в рамках статистических норм данных методик, данные по опроснику PARI являются высокой нормой, данные по 16PF соответствуют средним значениям норм, так же, как и у испытуемых, обследованных на первом этапе исследования. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяют использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента.

Проверка различий данных экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия по Т-критерию Стьюдента не показала значимых различий между группами. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок выявило значимые различия по следующим параметрам: шкала PARI «Навязчивость родителей», Оценка себя как отца, Отношение к совместным родам, Оценка изменения отношения окружающих после рождения ребенка в положительном направлении, 3 шкала СЖО «Результативность жизни», Общая осмысленность жизни по СЖО, а также следующим факторам 16PF: H

(склонность к риску), F (сдержанность - экспрессивность), M (практичность – воображение), G (подверженность социальным нормам), Q4 (конформизм - нонконформизм) (Таблица 5.5.3, Приложение 4).

Наглядно результаты тренинговой работы могут быть представлены в виде таблицы (Таблица 5.5.4).

Таблица 5.5.4. – Оценка эффективности тренинга по средним показателям

Параметры		Экспериментальная группа 45 ч.		Контрольная группа 50 ч.	
		до	после	до	после
1	H Склонность к риску	6	4,5	5,2	5,23
2	F (сдержанность - экспрессивность)	4,8	1	4,3	4,3
3	M (практичность – воображение)	5,2	6,75	5,4	5,3
4	G (подверженность социальным нормам)	4,2	5,75	4,5	4,6
5	Q4 (конформизм - нонконформизм)	4	4,5	4	4
6	«Навязчивость родителей»	11,4	12,5	11,3	11,3
7	Оценка себя как отца	1,4	1	1,3	1,3
8	Отношение к совместным родам	1,6	1,25	1,6	1,6
9	Оценка изменения отношения окружающих после рождения ребенка в положительном направлении	1,2	1,75	1,3	1,3
10	«Результативность жизни»	22,2	23,75	21,7	21,8
11	Общая осмысленность жизни	90,6	102,5	90,1	90,2

Примечания:

- показатели до и после тренинга в экспериментальной группе значимо отличны при $p \leq 0,05$;
- показатели до тренинга у экспериментальной группы и контрольной отличаются незначимо;
- значимых отличий в показателях контрольной группы не обнаружено.

Как видно из Таблицы 5.5.4. после прохождения тренинга у испытуемых снизились показатели по таким шкалам 16PF, как H (склонность к риску) и F (сдержанность-экспрессивность), а также оценка себя как отца и негативное отношение к совместным родам. Увеличились показатели практичности, склонности к выполнению социальных норм, а также показатели шкалы СЖО «Результативность жизни», которая характеризует удовлетворенность самореализацией, оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмыслена была прожитая ее часть, и, кроме того, общая осмысленность жизни.

Снижение склонности к риску и одновременное повышение показателей социальной нормативности, практичности являются свидетельством увеличения ответственности. Понижение показателя субъективной оценки себя как отца, согласно мнения самих испытуемых, выявленного в послетренинговой беседе, является следствием открытия новых перспектив взаимодействия с ребенком в процессе тренинговой работы. Достаточно интересны результаты оценки отношения испытуемых к совместным родам, если до тренинга 94% испытуемых отрицательно относились с такой идеи, мотивируя свое отношение тем, что это «женское дело», что они могут «только мешать», то после тренинга 75% испытуемых считали такую практику возможной или полезной для ребенка. Увеличение показателей по шкалам СЖО «Результативность жизни» и общей осмысленности жизни является важнейшим показателем оптимизации развития личности в данный возрастной период.

Интересен факт повышения результатов по шкале «Навязчивость родителей» опросника PARI, являющейся характеристикой включенности родителей в жизнь ребенка, иногда даже чрезмерной озабоченностью его проблемами, возможно связанный с привлечением к ним внимания во время прохождения тренинга.

В дополнение к статистическому анализу нами был проделан качественный анализ данных анкет и данных, полученных в послетренинговых беседах, который показал, что если до тренинга 60% трудностей, связанных с рождением

ребенка, связывалось с материальными проблемами, и 75% мужчин на вопрос, «что может дать ребенку отец» ответили: «материальное обеспечение», то после тренинга первый показатель стал равен 37%, снизившись за счет включения в разряд трудностей различных других факторов, в том числе, «ответственность» 12%, «установка контакта» 9% (Рисунок 5.5.1.).

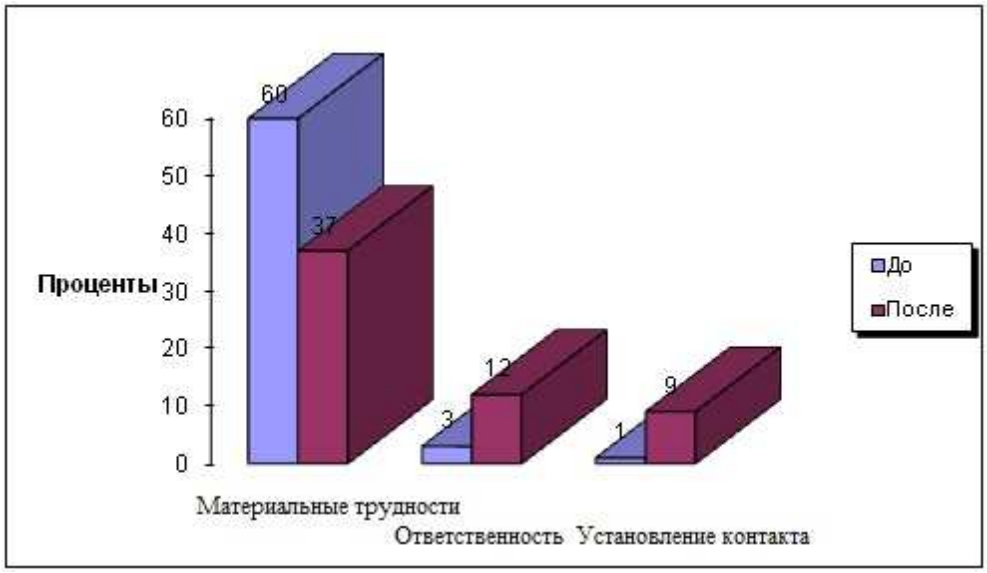

Рисунок 5.5.1. – Оценка типичных трудностей, связанных с рождением ребенка, мужчинами экспериментальной группы до и после тренинга

На вопрос о том, «что может дать ребенку отец» после тренинга ответы были гораздо разнообразнее, упоминались такие понятия, как «забота», «мужское воспитание», «передача опыта», «передача моделей поведения в различных ситуациях».

Лучше всего результаты тренинга проявляются в том, что, по мнению 86% испытуемых, прошедших тренинг, за время участия в тренинговой программе отношения с ребенком (детьми) изменились в сторону большей близости.

Исследование результатов 16 испытуемых экспериментальной и 28 человек контрольной группы 2016 года показало схожие результаты. Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по критерию Фишера при уровне значимости равном 0,05 показала, что дисперсии обеих групп различаются

незначимо. Все исследуемые нами параметры подчиняются нормальному закону распределения (по критерию Колмогорова-Смирнова).

Так, при отсутствии различий между группами по t-критерию Стьюдента для независимых выборок до воздействия, сравнение по t-критерию Стьюдента после воздействия выявило значимые отличия по следующим параметрам: ценность высокого материального положения, достижений, сферы увлечений, шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком, цели в жизни, осмысленность жизни, рефлексивность, принятие ответственности на себя в ситуации обвинения, способность к психологической близости с другим человеком, шкала интернальности в области достижений, шкала интернальности в области межличностных отношений, удовлетворенность браком (Таблица 3.5.5. в Приложении 4).

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок показало появление различий по следующим параметрам: отцовские установки, развитие себя, шкала родительской идентичности в уходе за ребенком, шкала родительской идентичности в роли кормильца, оценка себя по параметру «сила» методики Личностный дифференциал, цели в жизни, процесс жизни, результативность жизни, осмысленность жизни, рефлексивность, принятие ответственности на себя, способность к психологической близости с другим человеком, шкала интернальности в семейных отношениях, шкала интернальности в области межличностных отношений, шкала интернальности в отношении здоровья и болезни и удовлетворенность браком (Таблица 5.4.6. в приложении 4.). Эти данные свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие конструктивную стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями, предпринятый для уточнения гипотезы, подтверждает полученные результаты. Сравнение по

показателю отцовских установок мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия представлено на Рисунке 5.5.2.

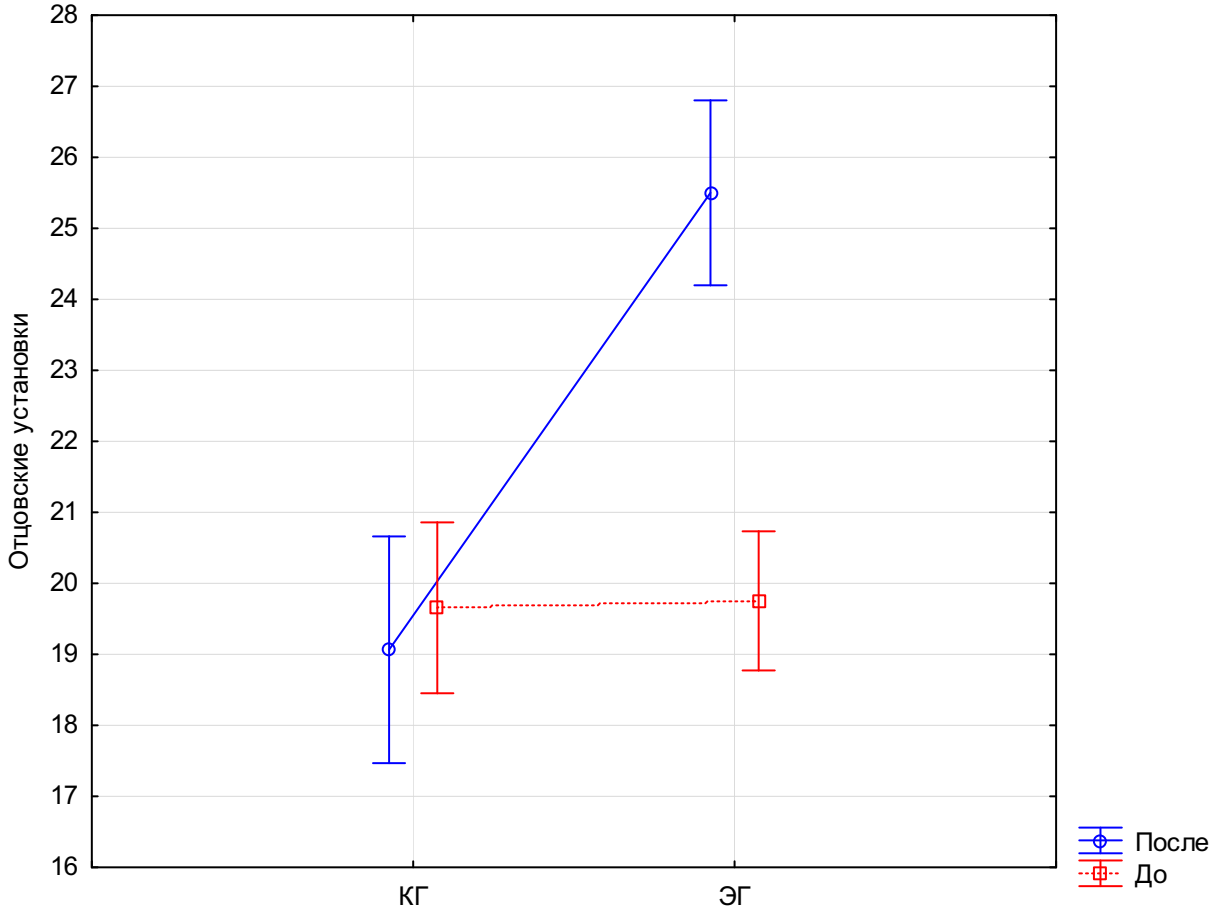

Рисунок 5.5.2. – Сравнение отцовских установок мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия

На Рисунке 5.5.2, заметны значительные изменения по параметру отцовских установок у экспериментальной группы, что раскрывает большую настроенность на вовлеченность мужчин в жизнь ребенка после тренинга.

Изменения параметров родительской идентичности в уходе за ребенком и в роли кормильца представлены на Рисунке 5.5.3. Если по параметру идентичности в уходе и заботе о ребенке (традиционно материнская роль) мужчины экспериментальной группы до воздействия демонстрировали результаты немного ниже контрольной группы, то после воздействия – намного выше контрольной группы. Данные представлены на левом графике.

Это связано с тем, что в нашей работе были актуализированы в том числе и операциональные компоненты отцовских практик. Незначительное повышение показателей контрольной группы связано с привлечением внимания к отцовским проблемам в процессе обследования и интервьюирования испытуемых до воздействия. То же касается и показателей контрольной группы по параметру идентичности в роли кормильца (традиционно мужская роль). У мужчин экспериментальной группы заметно значительное возрастание показателей (Рисунок 5.5.3, правый график).

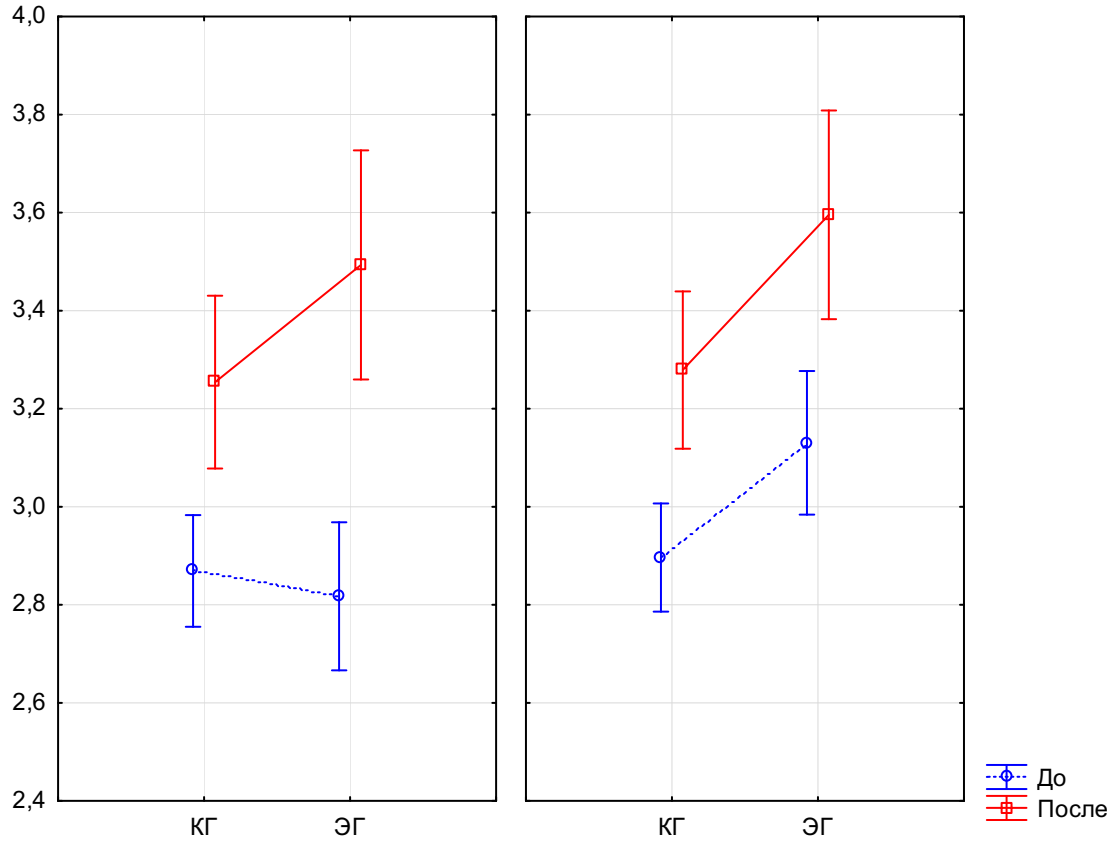

Рисунок 5.5.3. – Сравнение параметров родительской идентичности мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия

Изменения параметра общей осмысленности жизни представлены на Рисунке 5.5.4., на котором видно, повышение этого параметра у экспериментальной группы, при отсутствии изменений у контрольной группы.

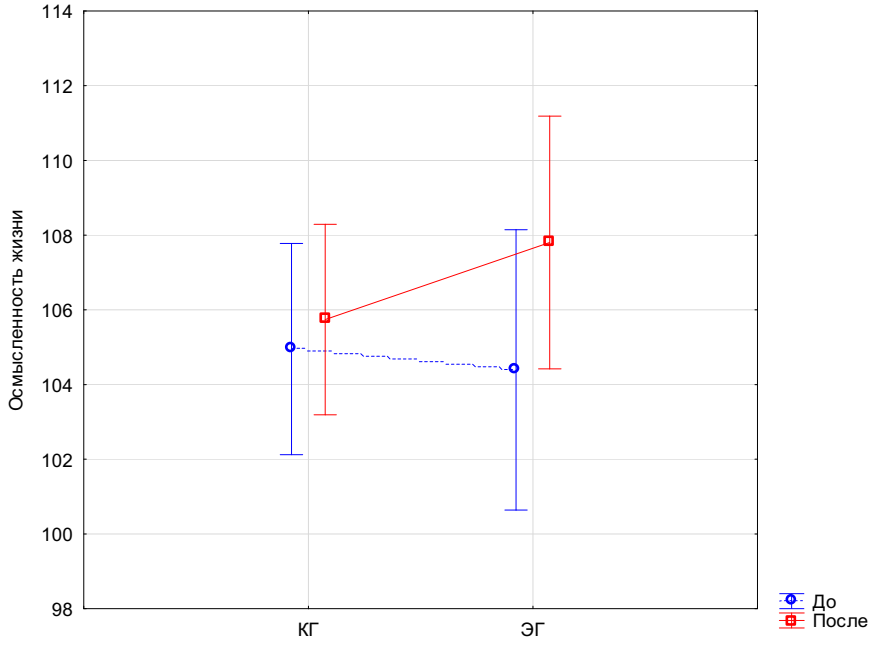

Рисунок 5.5.4. – Сравнение параметра общей осмысленности жизни мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра

Изменения коснулись также параметра способности к психологической близости с другим человеком (Рисунок 5.5.5.).

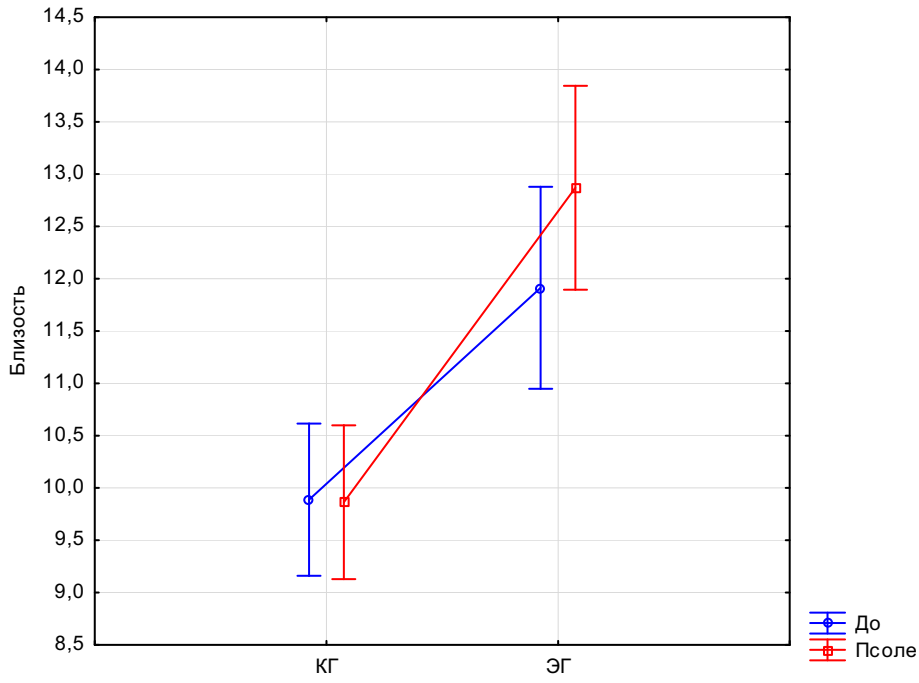

Рисунок 5.5.5. – Сравнение параметра способности к психологической близости мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра

У контрольной группы изменений не произошло, у экспериментальной группы, несмотря на изначально более высокие показатели, произошло повышение показателей по тому параметру.

Таким образом, данные дисперсионного анализа согласуются и дополняют результаты проверки по критерию Стьюдента.

Сравнение данных экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по t-критерию Стьюдента, при отсутствии различий до воздействия, показало, что группы после воздействия различаются по показателям всех компонентов и интегральному показателю оптимальности стратегии отцовства (Таблица 5.5.7.).

Таблица 5.5.7. – Результаты сравнения мужчин экспериментальной и контрольной группы после воздействия по интегральному показателю по критерию Стьюдента

Параметры	Среднее ЭГ	Среднее КГ	t-знач.	p	Ст. откл. ЭГ	Ст. откл. ГК
Рефлексивно-регулятивный компонент *	0,67	0,56	0,64	0,00	0,20	0,05
Аксиологический компонент *	0,81	0,74	0,10	0,00	0,10	0,08
Праксиологический компонент *	0,83	0,72	0,70	0,00	0,13	0,11
Интегральный показатель *	0,86	0,67	0,64	0,00	0,16	0,06

* отмечены значимые отличия

Наглядно сравнение интегрального показателя оптимальности стратегии отцовства у мужчин экспериментальной и контрольной групп после тренинга с помощью дисперсионного анализа представлено на Рисунке 5.5.6.

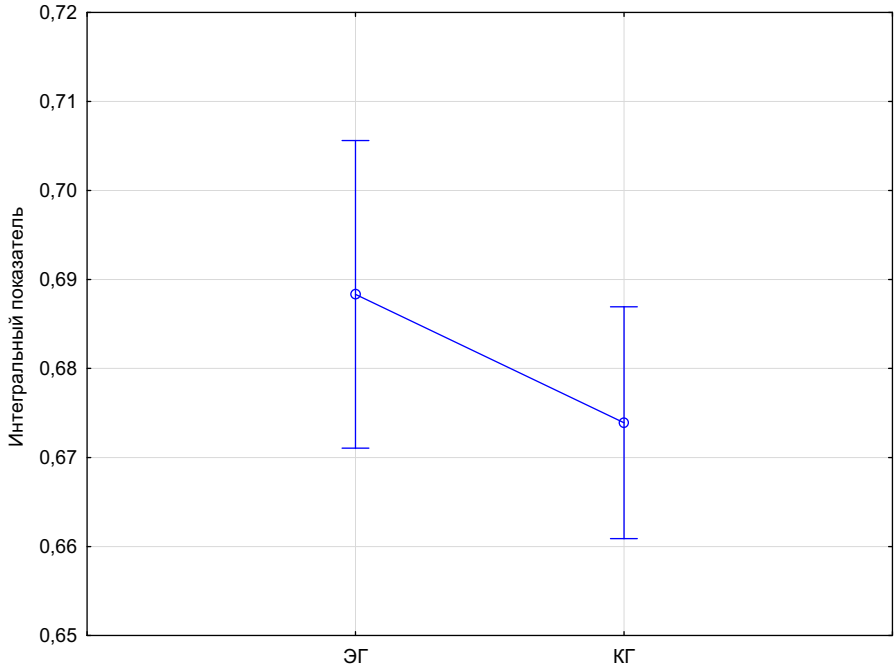

Рисунок 5.5.6. – Сравнение интегрального показателя мужчин контрольной и экспериментальной групп после воздействия параметра

Таким образом, все проанализированные данные свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, при отсутствии изменений у контрольной группы, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов. Материалы данного параграфа частично опубликованы в монографии [78].

Выводы

Лонгитюдный этап исследования проходил в период с декабря 2002 по апрель 2017 и включал в себя исследование, организованное с помощью метода поперечных срезов и лонгитюдное исследование, в котором приняли участие испытуемые дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста и мужчины в период ранней и средней взрослости.

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие 84 мальчика дошкольного возраста, разделенные на контрольную и экспериментальную группу по критерию участия в экспериментальной работе. Семьи детей из экспериментальной группы участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования предпосылок становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды. Для анализа динамики предпосылок психологической готовности к отцовству использовались: t-критерий Стьюдента для независимых выборок и U критерий Манна-Уитни для сравнения групп до воздействия, а также после воздействия; t-критерий Стьюдента для зависимых выборок и критерий Вилкоксона для анализа динамики показателей внутри групп, анализ интегрального показателя отдельно по группам, а также дисперсионный анализ с повторными измерениями. Статистический анализ показал, что после экспериментального воздействия все параметры, описывающие становление предпосылок психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, стали выше, что говорит о том, что даже опосредованное через родителей воздействие оказалось значимым для становления предпосылок психологической готовности к отцовству в данном возрасте и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста.

Среди испытуемых младшего школьного возраста на этом этапе исследования в работе приняли участие 45 мальчиков. В качестве модельной группы для отслеживания специфики становления психологической готовности к отцовству у детей младшего школьного возраста в различных семьях нами были выбраны дети, чьи семьи отражают наиболее важные условия становления психологической готовности к отцовству, описанные нами в теоретической части, отличаются по специфичным для исследуемого феномена характеристикам: полная семья, участие отца в жизни ребенка, наличие гендерной стратификации семейных ролей, гендерное воспитание в семье, внимание к воспитанию ответственности и ценностной сферы личности ребенка с дошкольного периода, согласующаяся с этими параметрами образовательная среда.

Статистический анализ по t-критерию Стьюдента для независимых выборок, анализ интегрального показателя отдельно по группам, а также однофакторный дисперсионный анализ, констатируют, что в экспериментальной группе все параметры, описывающие предпосылки психологической готовности к отцовству в данном возрасте, включая интегральный показатель, выше, чем у контрольной, что подтверждает положение о том, что оптимальное становление психологической готовности к отцовству определяется семейно-образовательными условиями и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности психолого-образовательного сопровождения становления психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте.

На формирующем этапе исследования в работе приняли участие также 64 испытуемых подросткового и юношеского возраста. Подростки экспериментальной группы 2004 года участвовали в лонгитюдном исследовании в течение 12 лет. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на интернализацию смысла отцовства, принятие роли отца и формировании конструктивных стратегий отцовства.

Статистический анализ показал, что после экспериментального воздействия все параметры, описывающие становление психологической готовности к отцовству в данном возрасте стали выше, что согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности оптимизации становления психологической готовности к отцовству с помощью психологического тренинга. Подобное воздействие, проведенное в 2016 году на группе 15 подростков и юношей, имело аналогичные результаты.

Дообследование наших испытуемых, принявших участие в работе в 2004 году, проведенное в 2016 году, когда практически все они стали отцами, показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет. Таким образом, показатели ведущих характеристик стратегии отцовства обрели более устойчивый характер у участников проведенного нами тренинга. Данные изменения становятся возможными благодаря действию психологического механизма индивидуализации конструктивной стратегии отцовства, в результате чего личностные характеристики обретают статус личностных свойств. То есть, можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства не только эффективна для развития положительных установок вовлеченности в жизнь будущего ребенка, осмысленности и ответственности по отношению к родительской роли, супруге, собственному здоровью, то есть, формирования конструктивных стратегий отцовства; но и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через 10 лет.

Среди взрослых мужчин-отцов на формирующем этапе исследования в работе приняли участие мужчины в возрасте ранней и средней взрослости, из них 61 мужчина (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 78 – контрольную группу.

Анализ по t-критерию Стьюдента для независимых выборок для сравнения групп до воздействия, а также после воздействия; по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок для анализа динамики показателей внутри групп, анализ

интегрального показателя отдельно по группам, а также дисперсионный анализ с повторными измерениями свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, при отсутствии изменений у контрольной группы, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов.

Все проанализированные данные свидетельствуют, что после экспериментального воздействия параметры, описывающие становление психологической готовности к отцовству экспериментальных групп дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста стали выше, при отсутствии изменений у контрольных групп, что указывает на изменение психологической готовности к отцовству в сторону большей оптимальности (конструктивности) в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, начиная с дошкольного возраста, в младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте, а также возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов если: учитывается специфика становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах и в разных семейно-педагогических условиях; реализуются технологии, оптимизирующие становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью данной работы и для решения первой задачи нами был проведен анализ различных теоретических и эмпирических исследований и походов к понимаю сущности феномена отцовства. Таким образом, мы пришли к выводу, что отец играет важнейшую роль в социальном, интеллектуальном, эмоциональном развитии, полоролевой идентификации ребенка и усвоении им моральных норм. Специфика отцовства по сравнению с материнством состоит в уникальности вклада отца в социализацию ребенка, в меньшей биологической и большей социальной и семейной детерминированности отцовства по сравнению с материнством при одновременной нечеткости ролевых ожиданий относительно отцовской роли, и зависимостью степени вовлеченности в жизнь ребенка от степени вовлеченности матери в жизнь ребенка. При этом отцовство конкретного мужчины определяется его прошлыми и настоящими взаимоотношениями с собственным отцом, который предоставляет модель ролевого поведения мужчины и с настоящими взаимоотношениями с супругой, в которых эта модель реализуется, оценивается и трансформируется.

Принятие роли отца определяет успешность выполнения этой роли, однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают складываться еще задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком в рамках становления психологической готовности к отцовству, представляющей собой сформированность установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

Структура психологической готовности к отцовству определяется следующими компонентами: аксиологический компонент (принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственность по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный компонент (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический компонент (поведение и/или отцовские практики).

Стратегии отцовства представляют собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а, во многом, и матери) в соответствии с установками и представлениями мужчины об отцовстве, имеющую трехкомпонентную структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро- мезо- и макрофакторами среды). При этом конструктивность стратегий взаимосвязана со зрелостью личности, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства.

Становление готовности к отцовству представляет собой процесс поэтапного формирования качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, происходящий в системном единстве с общей и гендерной социализацией личности, определяющей возможности психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству. Это – процесс, в рамках которого происходит развитие и формирование отдельных элементов конструктивных стратегий отцовства, происходящий поэтапно, начиная с дошкольного возраста, включая: этап обозначения отцовства (формирование представлений об отцовстве), этап осмысления отцовства (переосмысление имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности) и этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой

основе стратегии отцовства, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка.

Решая вторую задачу, мы определили, что становление психологической готовности к отцовству детерминировано как биологическими, так и социальными факторами. Кроме того, важнейшее значение для становления готовности к отцовству приобретают личностные факторы: процессы развития личности в онтогенезе: опыт личности, формирование ценностных ориентаций и достижение зрелости личности, саморегуляция и рефлексия.

В процессе становления психологичной готовности к отцовству выделяются несколько этапов: первый этап становления психологической готовности к отцовству начинается с рождения мальчика до момента получения сведений о беременности его жены – этап обозначения отцовства – формирование гендерных стереотипов о мужской роли вообще и об отцовстве в связи с ней (происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями, сверстниками, социумом [130]). Второй этап – время осмысления отцовства в течение периода ожидания ребенка. Он начинается с момента планирования рождения ребенка до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Это период согласования представлений об отцовстве с реальными жизненными условиями личности. Третий этап, начинающийся после рождения ребенка – период ценностного осознания отцовства – период реализации сформированной ранее психологической готовности к отцовству в рамках стратегии отцовства.

При этом формирование предпосылок психологической готовности к отцовству, составляющих основу аксиологического компонента (например, гендерной идентификации и ценностных ориентаций личности), также рефлексивно-регулятивного компонента (саморегуляции, предпосылок зрелости личности), происходит в процессе социализации личности, начиная с дошкольного периода, и связано с конкретной социальной ситуацией развития личности.

Принимая во внимание то, что ценностные ориентации личности связаны с личностной зрелостью через такие характеристики, как ответственность в разных

сферах деятельности, эмоциональная зрелость, самоконтроль поведения, самостоятельность, адекватность самоотражения, высокий уровень реализованности, адекватность целеполагания, саморегуляция и рефлексия личности, можно сказать, что в период взрослости при реализации сформированной готовности к отцовству на практике зрелость является важнейшим параметром, определяющим родительское поведение, потому, что только сформированная личность становится субъектом свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме.

Таким образом, интрапсихический аксиологический компонент стратегии отцовства находит свою реализацию в рамках экстрапсихического праксиологического компонента стратегии отцовства опосредованно через осуществляющий это взаимодействие интерпсихический рефлексивно-регулятивный компонент, включающий рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности.

При решении третьей задачи в рамках эмпирического исследования мы выяснили, что в дошкольном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: гендерные установки и нравственные нормы (предпосылки аксиологического компонента), основы саморегуляции (предпосылки рефлексивно-регулятивного компонента) и гендерно-типичное поведение (предпосылка праксиологического компонента). В этом возрасте выделяются три группы детей, различающихся по особенностям становления психологической готовности к отцовству: неоптимальный, приемлемый и оптимальный тип. При этом существуют значимые отличия между детьми из полных и неполных семей по следующим показателям: праксиологический и аксиологический компонент, и интегральный показатель, что подтверждает наше предположение о том, что фактором, определяющим

становление предпосылок психологической готовности к отцовству в детском возрасте, является семья.

В младшем школьном возрасте формируются следующие предпосылки становления психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя формирование стереотипа полоролевого поведения; определяет оптимальное нравственное развитие; рефлексивно-регулятивный компонент определяется социальной компетентностью, самодисциплиной, произвольностью, самостоятельностью, формированием чувства компетентности, самодисциплины; праксиологический компонент включает в себя ярко выраженное гендерно-типичное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений. Среди младших школьников также были выделены три группы, различающиеся по уровню развитости данных параметров.

При этом, значимые различия среди детей из полных и неполных семей определяются по параметрам гендерных установок, оценке отца по гендерным качествам (дети из полных семей оценивают отца, как более маскулинного), по параметрам нравственной мотивации поведения, ответственности, отношения к миру, к труду и к человеку, а также показателей предпосылок становления аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов, и интегрального показателя психологической готовности к отцовству, что соответствует теоретическим положениям данного исследования. В младшем школьном возрасте наиболее развиты предпосылки праксиологического компонента психологической готовности к отцовству.

В сравнении с дошкольниками младшие школьники демонстрируют более высокие показатели по аксиологическому, рефлексивно-регулятивному и праксиологическому компонентам. Таким образом, различия в структурных компонентах интегрального показателя психологической готовности к отцовству отражают возрастные особенности развития данного феномена и подтверждают наше предположение о том, что психологические закономерности становления

психологической готовности к отцовству имеют возрастно-психологическую и семейную специфику.

В подростковом возрасте формируются следующие характеристики психологической готовности к отцовству: аксиологический компонент включает в себя принятие гендерной роли; определяет оптимальное нравственное развитие и формирование мировоззрения; рефлексивно-регулятивный компонент определяется через физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплину, произвольность, самостоятельность, самоопределение, развитая рефлексия; праксиологический компонент включает в себя гендерно-типичное и во многих случаях ответственное поведение, социальную адаптированность, социальную компетентность, успешное построение социальных отношений.

Среди подростков можно выделить три группы, различающиеся по параметрам готовности к отцовству: для первой (неответственной) характерны низкая ответственность и зрелость, отсутствие ценности престижа, развития себя, ценности обучения и образования и семейной жизни, большое значение придается роли отца в семейной культуре и ценности достижений. Для второй (гендерно-смешанной) характерны высокие баллы по шкале роли отца в воспитании детей и досуге, ценности сохранения собственной индивидуальности, собственного престижа, высокого материального положения, креативности, имеют низкие баллы по ценности достижений, отношению к своему «Я», шкале жизненная установка и роль отца в формировании эмоционального климата в семье, а также по гендерным установкам. Третий (ответственный) представлен мало, для него характерны высокие оценки по всем шкалам зрелости, роли отца в формировании эмоционального климата в семье, шкале родительской идентичности в роли кормильца, ценностям развития себя, сферы обучения и образования и семейной жизни, низкие баллы по роли отца в воспитании детей, ценности собственного престижа и высокого материального положения.

Для подростков из неполных семей чаще характерен гендерно-смешанный тип, для подростков из полных семей – неответственный. Ответственный тип равно представлен в обеих группах. При этом, значимые отличия по компонентам

готовности к отцовству между подростками из полных и неполных семей наблюдаются по праксиологическому компоненту и интегральному показателю психологической готовности к отцовству.

По сравнению с предыдущими возрастными группами в подростковом и юношеском возрасте наблюдаются более высокие показатели в структурных компонентах и в интегральном показателе психологической готовности к отцовству, что отражает возрастные особенности формирования данного феномена и подтверждает наше предположение о том, что психологические закономерности формирования стратегий отцовства имеют возрастно-психологическую специфику.

При решении четвертой задачи, мы определили, что у взрослых испытуемых мужчин-отцов психологическая готовность к отцовству реализуется в рамках стратегии отцовства, внутри которой можно выделить следующие компоненты: аксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя принятие гендерной роли отца, сформированное мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства; рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства определяется через зрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, высокий уровень саморегуляции и развитая рефлексия, что определяет сформированность конструктивной стратегии отцовства и самореализация как родителя; праксиологический компонент стратегии отцовства включает в себя гендерно типичное поведение, кооперационное взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, ответственное поведение, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, реализацию конструктивных отцовских практик. Среди взрослых испытуемых было выделено две группы, различающиеся по данным параметрам, названные конструктивный и неконструктивный тип стратегии отцовства. Представители первой группы (неконструктивный тип) демонстрируют «неответственное» отцовство, ролевую несогласованность супружеских отношений и феминность, либо очень высокие показатели маскулинности; представители второй группы (конструктивный тип)

демонстрируют ответственное отцовство, согласованные супружеские отношения и характеризуются андрогинностью или средне выраженной маскулинностью. Наибольшая разница между группами заметна в рамках аксиологического и праксиологического компонентов стратегии отцовства.

Мужчины-отцы демонстрируют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства по сравнению с подростками и юношами, а также по сравнению с мужчинами того же возраста, не имеющими детей. Однако мужчины, не имеющие детей, имеют более высокие показатели по всем компонентам стратегии отцовства, включая и интегральный показатель, чем мужчины-отцы, демонстрирующие неконструктивную стратегию отцовства. Кроме того, выявлены взаимосвязи между отношениями с собственным отцом в детстве и параметрами отцовства самого мужчины. Таким образом, были подтверждены все допущения первой гипотезы.

В рамках решения пятой задачи мы разработали модель психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству, предполагающую создание семейно-образовательной среды, и включающую: психологическую работу с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и специальный психологический тренинг.

В качестве технологий в рамках психологической работы с семьей используются информирование с использованием информационно-коммуникационных и он-лайн технологий, а также индивидуальная и групповая работа, ориентирующаяся на технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, выбираемых в зависимости от квалификации психолога, его схемы работы и самой проблемной ситуации, и включающую по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию.

Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов и формой работы. Так, индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные

технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии. Групповая работа весьма разнообразна и включает в себя такую форму работы, как: общеклассная работа с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровых технологий, технологий мастерских, кейс-технологий, а также традиционной технологии. Внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям.

В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий; социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных: технологии мастерских, либо психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, технологии психоанализа, психодраматические и телесноориентированные технологии и репертуаром методов.

Решая шестую задачу мы провели лонгитюдное исследование с использованием образовательных технологий, оптимизирующих становление психологической готовности к отцовству, в котором приняли участие испытуемые дошкольного, младшего школьного, подросткового и юношеского возраста и мужчины в период ранней и средней взрослости.

Семьи детей из экспериментальной группы участвовали в работе по созданию благоприятной для формирования предпосылок становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды. Результаты исследования доказывают, что даже опосредованное через родителей воздействие значимо для становления психологической готовности к отцовству в данном возрасте.

Показатели нашей модельной группы для отслеживания специфики становления психологической готовности к отцовству у детей младшего

школьного возраста также подтверждают, что оптимальное становление психологической готовности к отцовству определяется семейно-образовательными условиями.

Двенадцатилетнее лонгитюдное исследование возможностей оптимизации становления психологической готовности к отцовству в юношеском возрасте с помощью психологического тренинга показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет. Таким образом, показатели ведущих характеристик стратегии отцовства обрели более устойчивый характер у участников проведенного нами тренинга. Данные изменения становятся возможными благодаря действию психологического механизма индивидуализации конструктивной стратегии отцовства, в результате чего личностные характеристики обретают статус личностных свойств. То есть, можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства не только эффективна для развития положительных установок вовлеченности в жизнь будущего ребенка, осмысленности и ответственности по отношению к родительской роли, супруге, собственному здоровью, то есть, для формирования конструктивных стратегий отцовства, но и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через 10 лет.

Подобные результаты были получены и на выборке взрослых мужчин-отцов, у которых после экспериментального воздействия параметры, описывающие стратегию отцовства в данном возрасте стали выше, при отсутствии изменений у контрольной группы, что указывает на изменение стратегии отцовства в сторону большей конструктивности в экспериментальной группе и согласуется с нашими теоретическими положениями о возможности развития конструктивности стратегии отцовства у мужчин-отцов. Таким образом, были подтверждены все допущения второй гипотезы.

Основные выводы:

1. Проведенный нами историко-психологический анализ состояния изученности проблемы позволил определить психологическую готовность к

отцовству как совокупность сформированных установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, детерминированных базисными ценностями личности и реализуемых на практике в конструктивной стратегии отцовства.

2. На основе теоретико-методологического анализа феномена психологической готовности к отцовству нами выделены в структуре психологической готовности к отцовству следующие компоненты: аксиологический компонент (принятие гендерной отцовской роли, зрелость личности, ответственность по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства), рефлексивно-регулятивный компонент (личностная зрелость, рефлексия и саморегуляция) и праксиологический компонент (поведение и/или отцовские практики).

3. Стратегии отцовства представляют собой совокупность способов конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с установками и представлениями отца об отцовстве, имеющую трехкомпонентную структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро- мезо- и макрофакторами среды), и имеющую различную вариативность, позволяющую выделить внутри них конкретные типы проявления стратегий.

4. Психологическую готовность к отцовству можно описать через интегральный показатель оптимальности, который на каждом возрастном этапе определяется соотношением аксиологического, рефлексивно-регулятивного и праксиологического компонентов готовности к отцовству, что дает возможность выделить оптимальные и неоптимальные типы становления готовности к отцовству (конструктивные и неконструктивные типы стратегии отцовства во взрослости).

5. Несмотря на то, что родительство приходится на период взрослости, первые значимые характеристики готовности к отцовству проявляются задолго до

реализации отцовских практик во взрослости, начиная с дошкольного периода. В процессе становления психологической готовности к отцовству мы выделяем: 1) этап обозначения отцовства (включающий формирование представлений об отцовстве в дошкольном, младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте); 2) этап осмысления отцовства и начала реализации стратегии отцовства; и 3) этап осознания отцовства и реализации готовности к отцовству в стратегии отцовства. Для каждого этапа характерны определенные, свойственные этому периоду детерминанты, условия, ведущие факторы и особенности и критерии сформированности психологической готовности к отцовству.

6. Психологические закономерности становления психологической готовности к отцовству отражают устойчивые связи и отношения между развитием личности и становлением системы ценностных ориентаций, гендерной идентичности, личностной зрелости, саморегуляции и рефлексии личности: становление психологической готовности к отцовству начинается с дошкольного возраста и имеет возрастно-психологическую и семейную специфику, предполагающую динамику постепенного повышения показателей всех компонентов психологической готовности к отцовству от дошкольного периода ко взрослости.

7. Семейное воспитание и образовательная среда детерминируют становление предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольном и младшем школьном возрасте; во многом определяют становление психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте и специфику реализации стратегии отцовства во взрослости.

8. Сформированная психологическая готовность к отцовству реализуется во взрослости в конструктивной стратегии отцовства взаимосвязанной с принятием гендерной роли отца, осмысленностью жизни, ценностью отношений и отцовства, а также личностной зрелостью, высоким уровнем саморегуляции и развитой рефлексией. Психологическими эффектами реализации конструктивных стратегий отцовства являются: ответственное отцовство (планирование рождения ребенка, юридически оформленный статус, эмоциональное, физическое и

финансовое участие в жизни ребенка), сформированность позитивных отцовских практик; позитивное родительское отношение и позитивное взаимодействие с супругой в рамках реализации родительских функций, гармоничные супружеские отношения, развитие личности отца и ребенка.

9. Психолого-педагогическая модель становления психологической готовности к отцовству предполагающая учет специфики становления психологической готовности к отцовству на разных возрастных этапах (дошкольники, младшие школьники, подростки и старшеклассники, взрослые) и в разных семейно-педагогических условиях и реализацию технологий психолого-педагогического сопровождения, оптимизирующих становление психологической готовности к отцовству по основным направлениям сопровождения становления психологической готовности к отцовству (психологическая работа с семьей, создание образовательной среды, благоприятной для становления психологической готовности к отцовству и/или специальный психологический тренинг) эффективна в современных условиях.

10. В качестве технологий в рамках психологической работы с семьей используются информационно-коммуникационные и он-лайн технологии, а также технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, психоанализа, и включающие по необходимости: психологическую диагностику, индивидуальное и семейное психологическое консультирование, психологическую коррекцию. Технологии формирования образовательной среды определяются возрастными особенностями респондентов. Индивидуальная работа включает информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, технологии проблемного обучения, проектные технологии, с использованием всех методов просвещения родителей, поддержки формирования субъектных свойств личности и методов убеждения. Групповая общеклассная работа проводится с использованием информационно-коммуникационных технологий, групповых технологий, технологий проблемного обучения, проектных технологий, технологии уровневой дифференциации, игровые технологии, технологии мастерских, кейс-технологий, а также традиционной

технологии (в рамках классно-урочной системы). Групповая внеклассная работа позволяет уделить большее внимание информационно-коммуникационным технологиям, групповым, проектным и игровым технологиям, а также кейс-технологиям.

В рамках психологического тренинга в зависимости от конкретной проблематики и аудитории может быть использован навыковый тренинг с использованием информационно-коммуникационных и игровых технологий, либо социально-психологический тренинг, с использованием, помимо перечисленных технологии мастерских и психотерапевтический тренинг с ориентацией на конкретные технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, технологии психоанализа, психодраматические и телесноориентированные технологии.

Подводя итог, следует отметить, что выдвинутые гипотезы подтвердилась, а поставленные задачи решены. Представляется целесообразным дальнейшая разработка вопросов и проблем, как теоретического (изучение механизмов ассимиляции и интернализации отцовских функций, механизмов социального регулирования отцовства и т.д.), так и прикладного характера (применение полученных результатов для подготовки и повышения квалификации практических психологов, оказывающих психологическую помощь семье; при разработке коррекционных программ, в том числе и для детей, растущих без отца, программ для приемных родителей и отчимов), решение которых возможно только в более масштабном, возможно лонгитюдном (в двух и более поколениях) или кросскультурном исследовании, которое позволило бы своевременно прогнозировать и находить пути решения различных сложностей взаимодействия отца и ребенка, а также выявить и исследовать возможности регуляции становления психологической готовности к отцовству или формирования конструктивных стратегий отцовства, социальную значимость которого невозможно переоценить, на уровне макрофакторов среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абакумова, И. В. Влияние стиля родительского воспитания на формирование психологической готовности к обучению в дошкольном возрасте / И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, А. В. Гришина, А. С. Коленова // Воспитание и обучение детей младшего возраста, 2017.– № 6. – С. 262– 263.

2. Абдуллина, С. А. Особенности внутренней позиции родителя у детей подросткового возраста / С. А. Абдуллина, Г. Г. Филиппова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2016. – № 7(63). – С. 78 –95. – doi: 10.12731/2218–7405–2016–7–78–95

3. Абрамова, Г. С. Возрастная психология: учеб. пособие / Г. С. Абрамова. – Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 704 с.

4. Абросимова, А. Е. Феномен отцовства в современной психологии / А. Е. Абросимова, Д. А Кудачкин // Закономерности и тенденции развития науки в современном обществе. Сборник статей международной научно–практической конференции, 2016. – С. 149–152.

5. Абульханова-Славская, К. А. Стратегии жизни. / К. А. Абульханова-Славская. – Москва: Мысль, 1991 – 300 с.

6. Авдеева, Н. Н. Представления подростков с разной степенью агрессивности о взаимоотношениях с отцами: результаты лонгитюдного исследования / Н. Н. Авдеева, Е. А. Чепракова // На пороге взросления. Сборник научных статей к третьей Всероссийской научно–практической конференции. Серия «Психология развития». Департамент образования города Москвы, Российский гуманитарный научный фонд, 2011. – С. 124–136.

7. Авдуевская, Е. П. Психология подростка. Психосексуальное развитие / Е. П. Авдуевская. – Москва: Педагогика, 1991. –176 с.

8. Авсиевич, М. Т. Супружеские конфликты и пути их преодоления / М. Т. Авсиевич, Л. И. Мельник. – Москва: Материал в помощь лектору, 1988. – 22 с.

9. Адлер, А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / А. Адлер. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 448 с.

10. Айламазян, Э. К. Акушерство: учебник для медицинских вузов / Э. К. Айламазян. – Санкт-Петербург: СпецЛит, 2010. – 543 с.

11. Акивис, Д. А. Отцовская любовь / Д. А. Акивис. – Москва: Профиздат, 1989. – 208 с.

12. Акиньшина, Н. В. Особенности представлений об отцовстве у молодых отцов / Н. В. Акиньшина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2011. – Т. 10. – № 12. – С. 271–278.

13. Алексеева, А. В. Трансформация семейных ролей мужчины и женщины в современном украинском обществе/ А. В. Алексеева // Семейная психология и семейная терапия, 2003. – № 4.– С. 25.

14. Алешина, Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование / Ю. Е. Алешина. – Изд. 2–е. – Москва: Независимая фирма «Класс», 1999. – 208 с.

15. Алешина, Ю. Е. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений: спецпрактикум: учебно-методическое пособие / Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – 120 с.

16. Аликин, И. А. Особенности родительского отношения отцов / И. А. Аликин, Н. В. Лукьянченко // Молодёжь Сибири – науке России: Международная научно–практическая конференция, 2014. – С. 7–10.

17. Аллин, О. Н. Формирование готовности космонавтов к деятельности в нештатных ситуациях: дис. … канд. психол. наук: 19.00.13 / О. Н. Аллин. - Москва. – 1998. – 218 с.

18. Алмазова, Н. И. К вопросу о возможности применения интернет-технологий на уроках английского языка в средней школе / Н. И. Алмазова, О. А. Сенцова // Вопросы методики преподавания в вузе, 2013. – № 2 (16). – С. 121– 128.

19. Алмазова, О. В. Современное отцовство: теоретико–практический анализ участия отцов в воспитании детей младенческого и раннего возраста / О. В. Алмазова, А. В. Ильиных //Специальное образование, 2015. – № 2. – С. 5–16.

20. Алферов, А. В. Проблема воспитания со стороны отца в семье / А. В. Алферов, О. И. Маркова // Педагогика и психология семьи: современные вызовы, традиции и инновации. Всероссийская научно–практическая конференция. – Якутск: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. – С. 91–92.

21. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. - 3–е изд. – СПб.: Питер, 2002.– 288 с.

22. Андреева, Г. М. Социальная психология /Г. М. Андреева. – Москва: Аспект Пресс, 2017. – 363 с.

23. Антилогова, Л. Н. Духовно-нравственное становление личности в современных условиях / Л. Н. Антилогова // Инновационное образование и экономика, 2014. – Т.1. – № 16. – С. 12–15.

24. Антилогова, Л. Н. Психологическое здоровье и психологическая культура в современном российском образовании / Л. Н. Антилогова // Материалы V Всероссийской научно–практической конференции «Психологическое здоровье и психологическая культура в современном российском образовании». – Барнаул, 2013. – С. 12–15.

25. Антилогова, Л. Н. Роль самооценки в развитии творческих способностей младших школьников / Л. Н. Антилогова, Л. Г. Карпова // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2016. – № 2. – С. 129–133. - DOI: 10.17238/issn1998–5320.2016.24.129

26. Антилогова, Л. Н. Роль семьи в нравственном становлении ребенка / Л. Н. Антилогова // Детство, открытое миру: сборник материалов Всероссийской научно–практической конференции. – Омск: Федеральное Государственное Бюджетное Образовательное Учреждение Высшего Образования Омский государственный педагогический университет, 2017. – С. 49–53.

27. Апасова, С. В. Формирование жизненных стратегий учащихся в учреждении дополнительного образования детей: автореф. дис. … канд. пед.наук: 13.00.01 / С. В. Апасова. – Самара, 2007. – 20 с.

28. Араканцева, Т. А. Психологические особенности подростков с разным типом полоролевой ориентации: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.07 / Т. А. Араканцева. – Москва, 1999. – 19 с.

29. Аронов, А. А. Досуг как средство патриотического воспитания молодежи / А. А. Аронов, Н. С. Кайдалова // Мир образования – образование в мире, 2015. – № 3. – С. 42– 46.

30. Артамонова, А. Ф. Роль отца в воспитании ребенка в полных и неполных семьях / А. Ф. Артамонова // Актуальные научные вопросы и современные образовательные технологии: сборник научных трудов по материалам Международной научно–практической конференции: в 7 частях. – Москва, 2013. - С. 17–19.

31. Архиреева, Т. В. Влияние отношений с отцом на мотивационно–ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей / Т. В. Архиреева // Материалы второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3–х частях. – Часть 1 / под общей редакцией В. К. Шабельникова и А. Г Лидерса. – Москва, 2005. – С. 64–74.

32. Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. – Москва: Изд–во МГУ, 1990. –367 с.

33. Асташова, Н. А. Аксиологические основы современного образования / Н. А. Асташова – Брянск: группа компаний «Десяточка», 2009. – 281 с.

34. Афонюшкин, О. С. Уровень сформированности конструктивной жизненной стратегии у учащейся молодежи / О. С. Афонюшкин // Молодой ученый, 2014. - № 21 (80). – С. 608–610.

35. Бабицкая, Л. А. Формирование ответственности у детей младшего школьного возраста в условиях семейного воспитания / Л. А. Бабицкая, А. К. Кузьминых // Наука вчера, сегодня, завтра: сборник статей по материалам XLII международной

научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2017. – № 1(35). – С. 32–35.

36. Бабич, Е. Г. Роль отца в семье, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья / Е. Г. Бабич, Д. В. Савченко // Ответственное отцовство: актуальные проблемы и пути их решения: сборник научных статей. /Под ред. Е. А. Петровой. – Москва, 2015. – С. 14–17.

37. Баранова, Е. Ф. Особенности представлений об отце у мальчиков–подростков, воспитывающихся в полной и неполной семье / Е. Ф. Баранова, В. С. Новов // Личность, семья и общество: Вопросы педагогики и психологии, 2016. – № 62. – С. 62–68.

38. Басимов, М. М. Общий профиль системы позитивных родительских чувств у отцов / М. М. Басимов, Е. А. Падурина // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2015. – Т. 14. – № 4 (131). – С. 53–68.

39. Батуков, С. А. Формирование готовности молодых спасателей к профессиональной деятельности в чрезвычайных ситуациях / С. А. Батуков // Вестник университета Государственный университет управления, 2010. – № 25. – С. 11–13.

40. Бахадова, Е. В. Специфика отцовства в феномене родительства / Е. В. Бахадова // Научная и техническая информация в планировании и осуществлении научных исследований и реализации проектов Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2014. – С. 21–23.

41. Безрукова, О. Н. Готовность к отцовству: факторы, условия и предпосылки / О. Н. Безрукова // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2007. – Сер. 6. – Вып. 2. – Ч. I. – С. 98–109.

42. Безрукова, О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов / О. Н. Безрукова // Социологические исследования. 2013. – № 11. – С. 118–130.

43. Безрукова, О. Н. Тенденции рождаемости и репродуктивные установки молодежи в Санкт-Петербурге / О. Н. Безрукова // Внутриутробный ребенок… / Материалы Всемирного конгресса. – Москва: Academia, 2007. – С. 35 – 36.

44. Белецкая, А. А. Особенности жизненных стратегий учащихся старших классов: кросс-культурный аспект: автореф. дисс. … канд. психол. наук: 19.00.13 / А. А Белецкая. – Москва, 2012. – 25 с.

45. Белогай, К. Н. Психологические задачи брака и факторы стабильности супружеских отношений / К. Н. Белогай // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3 (43). С. 21–26.

46. Белогай, К. Н. Психологический тренинг как метод развития родительского отношения личности / К. Н. Белогай // Психология и современное общество: взаимодействие как путь взаиморазвития: материалы Международной научно–практической конференции. – Санкт-Петербург: СПбИУиП, 2006. – ч.1. – с. 61–67.

47. Белогай, К. Н. Структурные компоненты родительского отношения личности: автореф. дис. … канд. психол. наук / К. Н. Белогай. – Красноярск, 2006. – 21 с.

48. Белогай, К. Н. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения / К. Н. Белогай, И. С. Морозова // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 4. – С. 12– 23.

49. Белугина, М. А. Жизненные стратегии у своевременных студентов / М. А. Белугина // Психология в вузе, 2008. – №6. – С 93–103.

50. Берковский, В. А. Семья в системе факторов, определяющих жизненных стратегий старшеклассников: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / В. А. Берковский. – Ставрополь, 2006. – 21 с.

51. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – Санкт-Петербург: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. – 320 с.

52. Берн, Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – Москва: Эксмо, 2016. – 576 с. ISBN 978–5–699–27309–6

53. Битянова, М. Р. Адаптация ребенка к школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка: (Для администрации школы, педагогов и школьных психологов): [Методические рекомендации] / М. Р. Битянова. – Москва: Образовательный центр «Педагогический поиск», 1997. – 112 с.

54. Бобкова, А. Г. Проблема готовности юношей к отцовству / А. Г. Бобкова, В. В. Коваль // Мир науки, культуры, образования, 2013. - № 4 (41). – С. 108–109.

55. Бодалев, А. А. Вершина в развитии взрослого человека / А. А. Бодалев. – Москва: Флинта; Наука, 1998. – 168 с.

56. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Москва: Просвещение, 1968. – 464 с.

57. Боленко, Ю. В. Готовность к профессиональной деятельности курсантов и сотрудников пожарной охраны / Ю. В. Боленко // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. – №1 (2). – С. 90.

58. Большов, В. Б. Высшее образование в системе жизненных стратегий молодежи (региональный аспект): автореф. дисс. … канд. социол. наук: 22.00.04 / В. Б. Большов. – Краснодар, 2007. – 17 с.

59. Бондаренко, Е. Н. Жизненные стратегии молодежи закрытых административно–территориальных образований: социологический аспект: автореф. дисс. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Е. Н. Бондаренко. – Екатеринбург , 2009. – 23 с.

60. Бондырева, С. К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: учебное пособие: учебно-методическое пособие / С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – Москва: Изд-во Московского психолого-социального института, 2007. – 279 с.

61. Борисенко Ю.В. Характеристики отцовства в контексте гендерной проблематики / Ю. В. Борисенко. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология, 2018. – Т. 25. – С. 26–38.

62. Борисенко, Ю. В. Абортивное и контрацептивное поведение в свете здоровья молодежи / Ю. В. Борисенко, К.Н. Белогай, И.С. Морозова, Т.О. Отт // Семейная психология и семейная терапия, 2014. – № 3. – С.61–88.

63. Борисенко, Ю. В. Адаптация методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) на русский язык / Ю. В. Борисенко //Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, 2013. – № 4(15). – С.34–37.

64. Борисенко, Ю. В. Введение в сексологию для студентов-психологов: учебное пособие / Ю. В. Борисенко. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 127 с.

65. Борисенко, Ю. В. Опыт применения психолого-педагогических технологий сопровождения становления психологической готовности к отцовству / Ю. В. Борисенко. // Вестник Кемеровского государственного университета, 2019. – Т. 21. – № 3 (79). – С. 674–684.

66. Борисенко, Ю. В. К вопросу о личностных детерминантах родительства: отцовство и маскулинность / Ю. В. Борисенко // Вестник КемГУ, 2015. – № 2(62). – Т. 1. – С. 112–119. (2015a)

67. Борисенко, Ю. В. Адаптация методики the Utrecht-management of identity commitments scale-parental identity (U-MICS-PI) для исследования процессов родительской идентичности / Ю. В. Борисенко. // Психология. Психофизиология, 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 17–26.

68. Борисенко, Ю. В. Модель взаимосвязи факторов, определяющих специфику отцовства / Ю. В. Борисенко //Семейная психология и семейная терапия, 2006. – № 2. – С. 44–55.

69. Борисенко, Ю. В. Основы сексологии / Ю. В. Борисенко.– Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 247 с. ISBN: 978–5–222–14511–1.

70. Борисенко, Ю. В. Особенности родительского отношения отчимов / Ю. В. Борисенко // Психологические проблемы современной семьи сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции / Под ред. О. А. Карабановой., Е. И. Захаровой, С. М. Чурбановой., Н. Н. Васягиной. – Москва – Звенигород, 2015. – 1387 с. – С. 572–581.

71. Борисенко, Ю. В. Отцовство как психологический феномен личности / Ю. В. Борисенко. – Кемерово, 2011. – 280 с.

72. Борисенко, Ю. В. Оценка супружеских отношений родителей как фактор оценки собственных межличностных отношений в подростковом и юношеском возрасте / Ю. В. Борисенко, В. Ю. Соловьева //Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология, 2012. – №3(10). – С.34–36.

73. Борисенко Ю. В. Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета, 2020. – Т. 22. – № 3. – С. 735–743.

74. Борисенко, Ю. В. Проблема отцовства в современном обществе / Ю. В. Борисенко, А. Г Портнова // Вопросы психологии, 2006. – № 3. – С. 122–130.

75. Борисенко, Ю. В. Проблемы влияния патернальной депривации на развитие личности подростка / Ю. В. Борисенко // Семейная психология и семейная терапия, 2008. – № 2. – С. 11–23.

76. Борисенко, Ю. В. Психология отцовства / Ю. В. Борисенко. – Москва – Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. – 220 с. – 1250 экз. – ISBN 978–5–91070–015–8.

77. Борисенко, Ю. В. Апробация и адаптация методики исследования процессов идентичности “Dimensions Of Identity Development Scale (DIDS)” / Ю. В. Борисенко. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, 2020. – № 3 (42). – С. 33–41.

78. Борисенко Ю. В. Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения: монография / Ю. В. Борисенко. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2020. – 552 с.

79. Борисенко, Ю. В. Семейные условия формирования родительской идентичности личности в современном мире / Ю. В. Борисенко // Вестник КемГУ, 2015. – № 3(63). – Т. 3. – С. 93–98. (2015b)

80. Борисенко, Ю. В. Специфика культурно-обусловленных ролевых конфликтов родителей в современной семье / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, 2011. – № 4(48). – с. 125–131.

81. Борисенко, Ю. В. Специфика психологической помощи семье в контексте работы с отцовством / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, выпуск 3 (43). – Кемерово, 2010. – 237 с. – С. 31–37.

82. Борисенко, Ю. В. Специфика родительского отношения мужчин, выросших в условиях патернальной депривации / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, 2013. – № 2(54). – Т. 1. – с. 143–148.

83. Борисенко, Ю. В. Специфика формирования отцовства как психологического феномена / Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 102–106.

84. Борисенко Ю.В., Белогай К.Н., Морозова И.С., Отт Т.О. Построение уровневой модели регуляции репродуктивного поведения молодежи // Вестник КемГУ, 2014. – № 2. – Т. 1. – С. 167–173.

85. Борисенко, Ю. В. Лонгитюдное исследование формирования конструктивных стратегий отцовства / Ю. В. Борисенко // Вестник Кемеровского государственного университета, 2017. – № 4. – С. 125–131.

86. Борисенко Ю.В. Возможности формирования у детей дошкольного возраста основ готовности к отцовству / Ю. В. Борисенко // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, 2018. – № 2 (33). – С. 65–71.

87. Борисенко, Ю. В. Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов / Ю. В. Борисенко // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология, 2018. – Т. 24. – С. 23–33.

88. Борисенко, Ю. В. Адаптация методики «Pre-school Activities Inventory (PSAI)» на русский язык / Ю. В. Борисенко //Вестник КемГУ, 2018. – № 2(74). – С. 92–98.

89. Борисенко, Ю. В., Портнова А. Г.Отцовство как фактор развития личности //Развитие личности, 2006. – № 2. – С. 70–81.

90. Бочаров, В. В. Антропология возраста / В. В. Бочаров. – Москва: Прогресс, 1999. – 189 с.

91. Боязитова, Т. Д. Ценностно-смысловые аспекты психолого-педагогической деятельности отца / Т. Д. Боязитова //Вестник Университета (Государственный университет управления), 2011. – № 6. – С. 18–19.

92. Боязитова, Т. Д. Ценностно-смысловые аспекты психолого-педагогической деятельности отца / Т. Д. Боязитова // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2011. – № 7. – С. 11–13.

93. Боязитова, Т. Д. Ценностные ориентации мужчин, ожидающих появление ребёнка / Т. Д. Боязитова // Наука и современность, 2011. – № 9–1. – С. 261–266.

94. Братусь, Б. С. О механизмах целеполагания / Б. С. Братусь // Вопросы психологии, 1977. – № 2. – С. 121–124.

95. Братухин, А. Г. Визуальное конструирование здоровьесберегающего репродуктивного поведения / А. Г. Братухин, Е. А. Магазева //Современные проблемы науки и образования, 2015. – № 6–0. – С. 65.

96. Брутман, В.И., Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В. В. Брутман, М. С. Радионова // Вопросы психологии, 1997.– №6. – С. 38–47.

97. Бубнова, С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система / С. С. Бубнова // Психологический журнал, 1999. – Т. 20, № 5. – С. 38–44.

98. Букатов, В. М. Интерактивные технологии обучения: появление, характеристики, признаки и функции / В. М. Букатов // Новое в психолого-педагогических исследованиях, 2014. – № 4. – С. 73– 80.

99. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – Санкт-Петербург: Питер. –1999. – 519 с.

100. Бутаев, М. В. Методологические возможности применения гендерного подхода к философскому анализу проблемы отцовства / М. В. Бутаев // Вестник Поволжского института управления, 2012. – № 3. – С. 158–162.

101. Бутаев, М. В. Отцовство как социальнофилософская проблема / М. В. Бутаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2012. – Т. 12. – № 2. – С. 7–10.

102. Бутовская, М. Л. Антропология пола / М. Л. Бутовская. - Фрязино: Век 2, 2013. – 256 с.

103. Вавилова, Л. Н. Состояние и перспективы развития современного педагогического образования / Л. Н. Вавилова, Т. С. Панина // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2011. – № 2. – С. 45.

104. Валитова, И. Е. Родительство отца и родительство отчима: сравнительная характеристика / И. Е. Валитова, Е. А. Клещева // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки, Психологические науки, Филологические науки (литературоведение), 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 84–91.

105. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс /А. Я. Варга, Т. С. Драбкина. – Санкт-Петербург: Речь, 2001. – 144 с.

106. Варга, А. Я. Структура и типы родительского отношения: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / А. Я. Варга. – Москва, 1986. – 32 с.

107. Васильева, О. С. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека / О. С. Васильева, Е. А. Демченко // Вопросы психологии, 2001. – № 2. – С. 74 – 85.

108. Васильченко, Г. С. Общая сексопатология. / Г. С. Васильченко. – Москва: Медицина, 2005. – 512 с.

109. Васягина, Н. Н. Обучение взрослых: опыт и перспективы / Н. Н. Васягина // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2. – С. 9–12.

110. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве: автореф. дисс. … доктора психол. наук: 19.00.07 / Н. Н. Васягина – Екатеринбург, 2011. – 47 с.

111. Веракса, Н. Е. Понимание детского развития с позиции экологической теории У. Бронфенбреннера / Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса //Современное дошкольное образование. Теория и практика, 2014. – № 10 (52). – С. 56– 59.

112. Вербицкий, А. А. Теория и технологии контекстного образования: учебное пособие./ А. А. Вербицкий. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. – 268 с.

113. Весна, Е. Б. Особенности развития смысловой сферы подростков. / Е. Б. Весна, М. А. Фризен. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2007 – 189 с.

114. Визгина, А. В. Проявления личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин / А. В. Визгина, С.Р. Пантилеев // Вопросы психологии, 2010. – № 3. – С. 91–101.

115. Витакер, К. Танцы с семьей. Семейная терапия: символический подход, основанный на личностном опыте / К. Витакер, В. Бамберри / пер. с англ. А. З. Шапиро. – Москва: Независимая фирма «Класс», 1997. – 172 с.

116. Волкова, Е. Н. Дети-сироты и дети, растущие в семье: сравнительный анализ распространенности насилия / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова, О. М. Исаева // Петербургская социология сегодня, 2016. – № 7. – С. 39– 57.

117. Выготский, Л. С. Собрание сочинений / Л. С. Выготский. – В 6-ти т. – Т. 4. – Москва: Педагогика, 1984. – 432 с.

118. Гайдамашко И.В., Посохова А.В. Проблема психологической готовности к предпринимательской деятельности / И. В. Гайдамашко, А. В. Посохова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 2015. – № 3. – С. 17– 22.

119. Гальперин, П. Я. К вопросу об инстинктах у человека / П. Я. Гальперин // Психология как объективная наука. Москва; Воронеж, 1998. – 480 с.

120. Ганзен, В. А. Системные описания в психологии / В. А. Ганзен. – Ленинград: Изд-во Ленингр.университета, 1984. – 176 с.

121. Геномика поведения: детское развитие и образование / под ред. С. Б. Малых, Ю. В. Ковас, Д. А. Гайсиной. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 446 с.

122. Гогоберидзе, А. Г. Сотрудничество семьи и детского сада: новые форматы партнерства / А. Г Гогоберидзе, О. С. Павлова // Семья и современный социум. Серия. «Семья и дети в современном мире». – Санкт-Петербург: Издательство «Социально-гуманитарное знание», 2017. – С. 311– 315.

123. Годфруа, Ж. Что такое психология / Ж. Годфруа. – В 2-х томах. – Т. 1. – Москва: Мир, 1996. – 491 с.

124. Головей, Л. А. Семейные факторы формирования доверия и удовлетворенность жизнью в подростковом возрасте / Л. А. Головей, Ю. Ю. Данилова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2015. – № 1. – С. 28– 37.

125. Головей, Л. А. Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника / Л. А. Головей, В. Е. Василенко, С. С. Савенышева // Социальная психология и общество, 2016. – Т. 7. – № 2. – С. 5– 18.

126. Горбачева, В. И. Методологические основания теоретического изучения отцовства / В. И. Горбачева, Д. В. Мальцева // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2011. – № 3 (65). – С. 216–230.

127. Гордон, Т. Повышение родительской эффективности / Т. Гордон // Популярная педагогика. – Екатеринбург, 1997. – 273 с.

128. Горелов, А. А. Детство как особая пространственно – временная субстанция приобщения растущего человека к миру взрослых (социализация и индивидуализация) в контексте основополагающих идей академика Д. И. Фельдштейна / А. А. Горелов, Л. А. Григорович, О. Г. Румба // Культура физическая и здоровье, 2015. – № 4 (55). – С. 20– 24.

129. Горелов, А. А. Осознание через движение как детерминанта личностного саморазвития индивидуума / А. А. Горелов, С. А. Горелов, Л. А. Григорович // Теория и практика физической культуры, 2015. – № 2. – С. 50– 53.

130. Горошенкина, Е. А. Стереотипы восприятия: образ отца в рамках образовательного процесса / Е. А. Горошенкина // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VII всероссийской научной конференции с международным участием. - Липецк: Центр по проблемам гендера и прав человека НИИ Липецкого государственного технического университета, 2015. – С. 8–11.0

131. Горшкова, Н. М. Влияние отцовской депривации на формирование телесного образа-Я у детей дошкольного возраста / Н. М. Горшкова // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2013. – № 13. – С. 191–194.

132. Горшкова, Н. М. Особенности образа тела у детей дошкольного возраста, воспитывающихся без отца в различные периоды детства / Н. М. Горшкова, Е. В. Филиппова //Психологическая наука и образование, 2013. – № 3. – С. 66–77.

133. Губанова, М. И. Учитель и ученик: грамотность, компетентность, технологичность – учебное пособие / М. И. Губанова, Е. П. Лебедева. – Кемерово: Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования , 2013. – 167 с.

134. Губанова, М. И. Функциональная грамотность младших школьников: проблемы и перспективы формирования / М. И. Губанова, Е. П. Лебедева // Начальная школа плюс до и после, 2009. – № 12. – 65–68.

135. Гузеев, В.В. Основы образовательной технологии: дидактический инструментарий. / В. В. Гузеев. – Москва: Сентябрь, 2006. – 192с.

136. Гукасова, Г. С. Социально–психологические и социально–педагогические характеристики материнства и отцовства как феномена / Т. А. Гукасова // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 4. – С. 78–81.

137. Гурко, Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства / Т. А. Гурко // Социс, 2000. – № 10. – С. 90–97.

138. Гурко, Т. А. Родительство: социологические аспекты / Т. А. Гурко. – Москва: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 164 с.

139. Гуткина, Н. И. Личностная рефлексия в подростковом возрасте: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Н. И. Гуткина. – Москва, 1983. – 176 с.

140. Данилова, Ю. А. Трехмерная модель отцовства: социально–психологический подход / Ю. А. Данилова // European Social Science Journal, 2014. - № 7–2(46). – С. 339–345.

141. Дементий, Л. И. Жизненные стратегии: монография / Л. И. Дементий, В. Е. Купченко. – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2010. – 192 с.

142. Дементьева, И. Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье / И. Ф. Дементьева // Социс, 2001. – № 11. – С. 108–114.

143. Демина, А. С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости / А. С. Демина // Вестник Кемеровского государственного университета, 2013. – № 4–2(56). – С. 88–92.

144. Дзукаева, В. П. Сепарация и индивидуация в отношениях с отцом в юношеском возрасте / В. П. Дзукаева // Психологические проблемы современной семьи сборник тезисов VI–ой Международной научной конференции / Под редакцией: О. А. Карабановой., Е. И. Захаровой, С. М. Чурбановой., Н. Н. Васягиной. – Москва – Звенигород, 2015. – 1387 с. – С. 257–274.

145. Дик-Рид, Г. Роды без страха / Г. Дик-Рид. – Санкт-Петербург: Питер, 1997. – 345 с.

146. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. – Санкт-Петербург, 1995. – 160 с.

147. Дмитриева, Н. В. Психологические факторы трансформации идентичности личности: автореф. дисс. доктора психол. наук: 19.00.01 / Н. В. Дмитриева. - Новосибирск, 1999. – 36 с.

148. Добряков, И. В. Перинатальная психология / И. В. Добряков. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 272 с.

149. Долгов, Ю. Н. Типология жизненных стратегий личности / Ю. Н. Долгов, Т. Н. Смотрова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам IX международной научно-практической конференции. – Часть III. – Новосибирск: СибАК, 2011. – С. 34–39.

150. Донцов, А. И. Дети и подростки, подвергающиеся жестокому обращению и насилию / А. И. Донцов, Д. А. Донцов, М. В. Донцов //Образовательные технологии, 2012. – № 3. – С. 108.

151. Дружинин, В. Н. Психология семьи / В. Н. Дружинин. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 176 с.

152. Дубровина, И. В. Психологическая готовность к семейной жизни как аспект самоопределения / И. В. Дубровина // Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2. / Под редакцией А. В. Махнача, К. Б. Зуева. – Москва: Издательство: Институт психологии РАН, 2015. – с. 86– 95.

153. Дубровина, И. В. Родительская семья как первый этап непрерывного образования / И. В. Дубровина // Человек как предмет междисциплинарного гуманитарного познания: Сборник научных статей Международной научно–практической конференции. / под ред. Л.Ф. Уварова, Е.В. Федосенко. – Санкт-Петербург: Издательство: ООО «НИЦ АРТ», 2015. – С. 306– 309.

154. Думитрашку, Т. А. Структура семьи и когнитивное развитие семьи / Т. А. Думитрашку // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – С. 104–113.

155. Дунаева, Л. А. Родители учеников – мои главные помощники / Л. А. Дунаева // Начальная школа, 2007. – № 4. – С. 13– 15.

156. Евдокимова, Е. В. Родительские отношения: многоаспектность и амбивалентность / Е. В. Евдокимова // Семья и личность: проблемы взаимодействия, 2014. – № 2. – С. 30–35.

157. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Гендерные аспекты формирования родительских чувств в период ожидания ребенка / Ю. В. Евсеенкова // Женщина. Образование. Демократия. Материалы 5-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции (6–7 декабря 2002 г.). – Мн.: ЖИ «ЭНВИЛА», 2003. – С. 223.

158. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Опыт исследования продуктивного отцовства в рамках работы с тренинговой группой / Ю. В. Евсеенкова, Н. В. Дмитриева // Вестник Кемеровского государственного университета, 2005 – № 2 (22). – С. 81–87.

159. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Отцовство как психологический фактор развития личности: автореф. дисс… канд. психол. наук: 19.00.01 / Ю. В. Евсеенкова. - Новосибирск, 2006. – 16 с.

160. Евсеенкова (Борисенко), Ю. В. Отцовство как социально–психологический феномен на рубеже тысячелетий / Ю. В. Евсеенкова, А. Г. Портнова // Философия образования, 2003. – № 11 – С. 160–165.

161. Евсюкова, Н. И. Психолого-педагогические условия формирования готовности юношей допризывного возраста к службе в вооруженных силах / Н. И. Евсюкова – Владимир: ВГГУ, 2009. – 192 с.

162. Евтушенко, И. Н. Подготовка педагогов дошкольного образовательного учреждения к осуществлению гендерного воспитания детей дошкольного возраста / И. Н. Евтушенко // Формирование базовых профессиональных компетентностей будущих педагогов в условиях реализации новых образовательных стандартов и вузовский учебник: сборник материалов III Всероссийской научно–практической конференции преподавателей педагогических вузов. – Москва: Баласс, 2009. – С. 283–287.

163. Ефимова А. А. Воспитание ребенка отцом как системное психолого-педагогическое явление / А. А. Ефимова, Ю. А. Токарева // Педагогическое мастерство и педагогические технологии, 2016. – № 2 (8). – С. 285–288.

164. Жане, П. Психологическая эволюция личности / П. Жане. – Москва: Академический проект, 2010. – 399 с.

165. Жуков, Д. А. Биология поведения: гуморальные механизмы. / Д. А. Жуков. – Москва: Речь, 2007. – 443 с.

166. Жуков, Д. А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей (комплект из 2 книг) / Д. А. Жуков. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2016. – 802 с.

167. Задорова, Ю. А. Исследование привязанности в системе отношений семьи (на примере триады ребенок-мама-бабушка) / Ю. А. Задорова, Е. В. Куфтяк. // Психология - наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. – Москва: Институт психологии РАН, 2017. – С. 277–281.

168. Задорова, Ю. А. Трансляция паттернов привязанности в поколениях семьи / Ю. А. Задорова, Е. В. Куфтяк. // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 9, № 2(43). – С. 10 [Электронный ресурс]. – URL: http://mprj.ru (дата обращения: 20.03.2018).

169. Заиграева, Н.В. Гендерная социализация и полоролевые представления подростков с интеллектуальной недостаточностью / Н. В. Заиграева, И. А. Коробейников // Дефектология. – 2007. – № 2. – С. 15–24.

170. Залужная, М. В. Программно–целевой подход в процессе формирования ответственного отцовства / М. В. Залужная // Современные наукоемкие технологии, 2016. – № 10–1. – С. 132–135.

171. Захарова, Е. И., Условия становления материнской идентичности / Е. И. Захарова, Ю. А. Торчинова // Известия Пензенского государственного педагогического университетеа им. В. Г. Белинского, 2012. – № 28. (Общественные науки). – С. 1234–1240.

172. Захарова, Е. И. Освоение родительской позиции как траектория возрастно-психологического развития в зрелом возрасте / Е. И. Захарова // Педагогическое образование в России, 2015. – № 11. – С. 151–156.

173. Захарова, Е. И. Психология освоения родительства / Е. И. Захарова. – Москва: ИИУ МГОУ, 2014. –258 с.

174. Захарова, Е. И. Родительство как ресурс личностного развития в зрелости // Труды кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ. – Выпуск 1. – Москва. Изд-во МГУ, 2007. – С. 25–40

175. Захарова, И. В. Роль родителей в гендерной социализации ребенка / И. В. Захарова // Молодой ученый, 2011. – № 5–2. – С. 140–142.

176. Звонарева, А. Е. Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик / А. Е. Звонарева. – Иваново: Ивановского. государственного университета, 2014. – 152 с.

177. Здравомыслов, А. Г. Потребности, интересы, ценности А. Г. Здравомыслов. – Москва, 1986. – 222 с.

178. Зинченко, Ю. П. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л. С. Выготского – А. Р. Лурия / Ю. П. Зинченко, Е. И. Первичко // Национальный психологический журнал. 2012. – № 2. – С. 32– 45.

179. Иванников, В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. Учебное пособие: 3-е издание / В. А. Иванников. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 208 с.

180. Игнатова, О. В. Стереотип маскулинности в патриархальной культуре современного общества (в рамках концепции современного юнгианского психоанализа) / О. В. Игнатова, А. В. Косов // Актуальные проблемы психологического знания, 2010. – № 2. – С. 65–70.

181. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер. – 2002. – 678 с.

182. Ильиных, А. В. Специфика влияния отца на развитие личности ребенка / А. В. Ильиных // Сборник докладов II Международной научно-практической заочной конференции (30 ноября 2015 года) / Научный ред. А. В. Гумеров. – Казань: ООО «Рокета Союз», 2015. – 252 с. – С. 59–64.

183. Иргит, Е. Л. Изучение осознанности родительства у отцов / Е. Л. Иргит // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы III международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2015. – 266 с. – С. 54–56.

184. Исследование детско-родительских отношений. Методические рекомендации к курсу «Семейное консультирование» / сост. Т. Н. Мартынова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 27 с.

185. Кабалевская, А. И. Особенности гендерного поведения водителей / А. И. Кабалевская, А. И. Донцов // Вопросы психологии, 2013.– № 4. – С. 69– 87.

186. Казин, Э. М. Онтогенез. Адаптация. Здоровье. Образование: учебное пособие / Э. М. Казин, О. Г. Красношлыкова, Е. В. Белоногова, Н. Г. Блинова, Т. В. Волосовец, Э. В. Працун, Т. И. Рукас. – Кемерово: Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2011. – 499 с.

187. Калинина, Р. Р. Психолого-педагогическая диагностика в детском саду: Учебно-методическое пособие / Р. Р. Калинина. – СПб: Издательство «Речь», 2011. – 144 с.

188. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений / О. А. Карабанова. – Самара: СИОКПП, 2001. – 122 с.

189. Карабущенко, Н. Б. Проблема активности как становления субъектности в постнеклассической психологии / Н. Б. Карабущенко, А. В. Иващенко, Т. С. Пилишвили, Т. В. Чхиквадзе // Психологический журнал, 2016. – Т. 37. – № 3. – С. 15–24.

190. Каракозов, С. Д. Использование межпарадигмального подхода в условиях полипарадигмальности современного образования: актуальность и сущность / С. Д. Каракозов, Н. Ю. Королева, Н. И. Рыжова // Мир науки, культуры, образования, 2011. – № 5. – С. 146–150.

191. Карпов, А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики / А. В. Карпов // Психологический журнал, 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45–57.

192. Карпов, А. В. Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд. – Монография. – Том. 2. Системогенез игровой деятельности: методологические и теоретические основы исследования / А. В. Карпов, В. Д. Шадртков, Е. В. Карпова, Л. Ю. Субботина. – Ярославль: Издательство: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2017. – 492 с.

193. Касаткина, Е. И. Гендерный подход в воспитании дошкольников (на материале изготовления игрушек из бросового материала) [Электронный ресурс] Е. И. Касаткина // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста», 2014. – № 2. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-vospitanii-doshkolnikov-na-materiale-izgotovleniya-igrushek-iz-brosovogo-materiala (дата обращения: 30.11.2017).

194. Каширский, Д. В. Развитие ценностей-идеалов на переходном этапе от дошкольного к младшему школьному возрасту / Д. В. Каширский, О. С. Безугляк // Ползуновский вестник, 2006. – № 3. – С 116–124.

195. Кащенко, Е. А. Сексуальность от зачатия до смерти: онтогенез сексуальности / Е. А. Кащенко, С. Т. Агарков. – Москва: Издательские решения, 2015. – 292 с.

196. Кедярова, Е. А. Специфика отцовского отношения к детям дошкольного возраста / Е. А. Кедярова // В мире научных открытий, 2013. – № 11.4(47). – С. 151–160.

197. Кибальник, А. В. Проблема овладения студенческой молодёжью конструктивными стратегиями преодоления трудных жизненных ситуаций: опыт эмпирического исследования / А. В. Кибальник // Современные исследования социальных проблем, 2015. – № 8 (52). – С. 279–293.

198. Клецина, И. С. Взаимосвязь норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли / И. С. Клецина,

Е. А. Чикалова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2013. – Т. 5. – № 2. – С. 24–35.

199. Клецина, И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности / И. С. Клецина // Женщина в российском обществе, 2009. – № 3. – С. 29–41.

200. Климова, К. А. О формировании ответственности у детей 6–7 лет / К. А. Климова // Формирование коллективных взаимоотношений у детей старшего дошкольного возраста. – Москва: Просвещение, 1968. – С. 328–353.

201. Клочко, В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) / В. Е. Клочко. – Томск: Изд-во Томского университета, 2005. – 189 с.

202. Ковалева, Е. О. Образ идеального отца: особенности представлений у юношей / Е. О. Ковалева // Современные проблемы науки и образования, 2014. – № 1. – С. 418.

203. Ковалева, Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи / Ю. В. Ковалева //Психологический журнал, 2012. – Т. 33. – № 5. – С. 50–70.

204. Кодесс, П. Б. особенности формирования жизненной стратегии старшеклассников: автореф. дисс. … канд. психол. наук: 19.00.13 / П. Б. Кодесс. – Москва, 2005. – 24 с.

205. Кокоренко, В. Л. Отцовство как социально-психологический феномен / В. Л. Кокоренко // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 2009. – Т. 11. – № 1. – С. 13–19.

206. Колмогорова, Л. С. Диагностика психологической культуры школьников: практическое пособие для школьных психологов / Л. С. Колмогорова. – Москва: Владос, 2002. – 260 с.

207. Кольцова, В. А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе / В. А. Кольцова, В. А. Соснин // Психологический журнал, 2015. – Т. 26. – № 4. – С. 89.

208. Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон. – Москва: Время, 2009. – 496 с.

209. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – Москва: Политиздат, 1978. – 367 с.

210. Кон, И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И. С. Кон. – Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.

211. Кон, И. С. Мальчик – отец мужчины / И. С. Кон. – Москва: Время, 2010. – 704 с.

212. Коновалова, Л. А. Роль межличностного восприятия в диаде «отец–дочь» в формировании личности студента / Л. А. Коновалова, М. К. Воронина // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы шестой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М. В. Новикова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014. – 240 с. – С. 174–180.

213. Конопкин, О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития / О. А. Конопкин // Вопросы психологии, 2004. – № 2. – С. 128 – 135.

214. Константинова, Е. Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий: автореф. дисс. … канд. социол. наук: 22.00.06 / Е. Б. Константинова. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

215. Коркина, Н. А. Отцовство в современной семье / Н. А Коркина // Семейная психология и семейная терапия, 2003. – № 4.– С. 48–54.

216. Кормачев, А. В. Психологические характеристики готовности к действию при обнаружении взрывчатых веществ и устройств / А. В. Кормачев, С. В. Чичин // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2000. – №2. – С. 62–66.

217. Корниенко, Д. С. Отцовское отношение в связи с конфигурацией семьи / Д. С. Корниенко, Е. Н. Красильникова, Е. Н. Ротманова // Современные проблемы науки и образования, 2013. – № 5. – С. 627.

218. Корниенко, Д. С. Разработка, адаптация и психометрическая проверка опросника «утверждения об отцовстве» / Д. С. Корниенко, Ф. В. Дериш,

Е. Н. Красильникова // Фундаментальные исследования, 2013. – № 10–8. – С. 1825–1829.

219. Кочубей, Б. И. Мужчина и ребенок / Б. И. Кочубей. – Москва: Знание, 1990. – 80 с.

220. Кошель, Г. В. Формирование личности ребенка, при отсутствии одного из родителей / Г. Г. Кошель // Молодой ученый: вызовы и перспективы. Сборник статей по материалам I международной научно-практической конференции. – Москва: Интернаука, 2015. – С. 83–88.

221. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 940 с.

222. Красавцева, Н. И. Гендерное воспитание в условиях ФГОС ДО [Электронный ресурс] / Н. И. Красавцева. – Режим доступа http://nsportal.ru/detskii–sad/vospitatelnaya–rabota/2015/12/17/gendernoe–vospitanie–v–usloviyah–fgos–do (дата обращения 21.03.2017)

223. Красильникова, Е. Н. Модели отцовства как фактор различий в детско–родительских отношениях / Е. Н. Красильникова // Психологические проблемы современной семьи. Сборник тезисов VI–ой Международной научной конференции / Под редакцией: О. А. Карабановой., Е. И. Захаровой, С. М. Чурбановой, Н. Н. Васягиной. – Москва – Звенигород, 2015. – 1387 с. – С. 649–654.

224. Краснова, О. В. Роль бабушки: сравнительный анализ / О. В. Краснова // Психология зрелости и старения. – 2000. – № 2. – С. 89–114.

225. Краснорядцева О. М. Готовность к инициативному поведению студенческой молодежи / О. М. Краснорядцева // Сибирский психологический журнал, 2012. – № 46. – С. 76–83.

226. Краснорядцева О. М. Психологическая готовность к инновационной деятельности учащихся и педагогов как характеристика образовательной среды / О. М. Краснорядцева // Вестник Томского государственного университета, 2012. – № 358. – С. 152–157.

227. Краснорядцева, О. М. Мотивационная готовность педагогов к использованию психологической информации в диагностической деятельности / О. М. Краснорядцева // Педагог: наука, технология, практика, 1999. – № 2. – С. 81–85.

228. Красношлыкова, О. Г. Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования как центр научно–методического сопровождения приоритетных направлений развитии системы образования региона / О. Г. Красношлыкова // Учитель Кузбасса, 2013. – № 2(25). – С. 3–9.

229. Крюкова, Т. Б. Современные подходы к исследованию проблемы психологической готовности к деятельности в электроэнергетической сфере / Т. Б. Крюкова // Приволжский научный журнал, 2009. – № 3. – С. 1–27.

230. Крюкова, Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения / Т. Л. Крюкова. // Психологический журнал, 2008. – Т. 2. – №. 2. – С. 88–95.

231. Кузнецов, А. А. Реализация требований нового ФГОС в практике школьного образования / А. А. Кузнецов // Информатика и образование, 2014. – № 5 (254). – С. 3–16.

232. Кукушкина, О. И. Жизненный опыт ребенка: систематизация и обобщение. Времена года / О. И. Кукушкина, Т. К. Королевская, Е. Л. Гончарова // Альманах Института коррекционной педагогики РАО, 2012. – № 16. – С. 1– 5.

233. Куфтяк Е.В. Взаимосвязь привязанности ребенка к матери с отношениями близости в семье / Е. В. Куфтяк. // От истоков к современности 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. – Москва: Издательство Когито-Центр , 2015. – С. 119–121.

234. Куфтяк, Е. В. Паттерны привязанности в поколении семьи: межпоколенческая передача / Е. В. Куфтяк. // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции. Под редакцией: Карабановой О. А., Захаровой Е. И.,

Чурбановой С. М., Васягина Н. Н. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. – С. 322–335.

235. Куфтяк, Е. В. Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте / Е. В. Куфтяк. // Психологические исследования, 2012. - №. 2(22). – С. 4. – http://psystudy.ru/num/2012n2-22/656-kuftyak22.html#e3 (дата обращения 20.03.2018)

236. Лангмейер, Й. Психическая депривация в детском возрасте / И. Лангмейер, З. Матейчек. – Прага: Авиценум, 1984. – 385 с.

237. Латышева, Ю. А. Специфика отцовской роли: традиционный и новый взгляд на проблему / Ю. А Латышева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2012. – Т. 18. – № 4. – С. 36–39.

238. Латышева, Ю. А. Феномен отцовства: современные исследования / Ю. А Латышева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 47–51.

239. Левина, Н. А. Самоотношение и механизмы психологической защиты молодых мужчин с несформированной личностно–смысловой сферой отцовства / Н. А. Левина, С. В. Сосова // Психология XXI века. Сборник материал V Международной научно–практической конференции молодых ученых. – Издательство: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2009. – С. 344–348.

240. Левицкая, И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс / И. А. Левицкая // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014. – № 2(2). – С. 136–140.

241. Левкиевская, Е. Е. Магические функции хозяина в восточнославянской традиционной культуре / Е. Е. Левкиевская // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре / Под ред. И. А. Морозова. – Москва: Лабиринт, 2001. – С. 106–114.

242. Левченко, А. В. Аспекты личностной готовности современного мужчины к отцовству / А. В. Левченко //Российский психологический журнал, 2008. – Т. 5. – № 3. – С. 93–95.

243. Левченко, А. В. Опыт исследования образа отца и представлений о собственном отцовстве у молодых мужчин / А. В. Левченко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2008. – Т. 14. – № 6. – С. 165–170.

244. Лельчицкий, И. Д. Интеграция семьи и школы: философско-педагогический аспект / И. Д. Лельчицкий, Р. Е. Спиридонов //Образование и общество, 2010. – № 3. – С. 29– 31.

245. Леонов, Н. И. Влияние доверия в организации на стратегии поведения сотрудников в конфликтной ситуации / Н. И. Леонов, И. Ю. Леонова // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2016. – Т. 26. – № 1. – С. 53– 70.

246. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва: Политиздат, 1975. – 304 с.

247. Леонтьев, Д. А. Методика изучение ценностных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 1992. – 17 с.

248. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 2-е, испр. изд. – Москва: Смысл, 2003. – 487 с.

249. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций / Д. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 1992. – 16 с.

250. Леонтьев, Д. А. Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем / Д. А. Леонтьев // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. - Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. – Т 2. – С. 122.

251. Лидерс, А. Г. Семья как психологическая система. Очерки психологии семьи / А. Г. Лидерс. – Москва – Обнинск: «ИГ – СОЦИН», 2004. – 296 с.

252. Литвинова, О. Ю. Субъектная позиция как условие формирования психологической готовности военнослужащего к деятельности в экстремальных условиях / О. Ю. Литвинова // Теория и практика общественного развития. – Москва: ООО «Издательский дом «ХОРС», 2012. – №12. – С. 177–180.

253. Лихачев, Б. Т. Педагогика: курс лекций / Б. Т. Лихачев; под ред. В. А. Сластенина. – Москва: Гуманитар, ВЛАДОС, 2010. – 647 с

254. Логинова, И. О. Психология жизненного самоосуществления / И. О. Логинова. – Москва: Изд-во СГУ, 2009. – 279 с.

255. Ломов, Б. Ф. Личность как продукт и субъект общественных отношений / Б. Ф. Ломов// Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. – Москва: Наука, 1989. – С. 6–23.

256. Лукацкий, М. А. Антропологические грани процесса социализации / М. А. Лукацкий // Теория и практика воспитания: педагогика и психология: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Л. С. Выготского. – Москва: Московский психолого-социальный университет, 2016. – С. 424– 427.

257. Луков, М. Ю. Автономия личности как предпосылка принятия мужчинами отцовской роли / М. Ю. Луков // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2013. – № 74–2. – С. 82–85.

258. Лытова, Е. С. Психологические особенности современного отцовства / Е. С. Лытова // Тенденции развития современного общества материалы II Международной научно–практической конференции. – Волжский: Волжский институт экономики, педагогики и права, 2013. – С. 381–383.

259. Ляксо, Е.Е. Некоторые характеристики материнской речи, адресованной младенцам первого полугодия жизни / Е. Е. Ляксо // Психологический журнал, 2002. – Т. 23. – № 2. – С. 47–54.

260. Ляхова, М. А. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывавшихся вне родительской семьи: автореф. дисс. канд. психол. наук: 19.00.07 / М. А. Ляхова. – Кемерово 2011. – 23 с.

261. Максимова, В. Н. Акмеологическая теория в контексте проблемы качества образования / В. Н. Максимова // Педагогика, 2002. – № 2. – С. 9 –14.

262. Малаева, М. В. Структурный компонент родительской сферы у мужчин / М. В. Малаева // Молодой ученый: вызовы и перспективы. сборник статей по материалам IX международной заочной научно-практической конференции. – № 7(9). – Москва, Изд. «Интернаука», 2016. – 535 с. – С. 97–101.

263. Маркелова, А. В. Психолого-социальная помощь молодым супругам в подготовке к родительству / А. В. Маркелова // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития сборник научных трудов по материалам Международной научно–практической конференции. – Тамбов: АР-Консалт, 2015. – С. 87–89.

264. Маркова, М. Ю. Основы эффективного целеполагания: программа тренинга / М. Ю. Маркова. – Нижнекамск: Нижнекамский муниципальный институт, 2011. – 45 с.

265. Марковская, И. М. Мужские семейные роли в картине мира разных поколений / И. М. Марковская // Семейная психология и семейная терапия, 2003. – № 4. – С. 56.

266. Марковская, И. М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. Цели, задачи и основные принципы / И. М. Марковская. – Москва: Издательство «Речь», 2005. – 150 с.

267. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. - Под общ. ред. Г. А. Балла, А. И. Киричука, Д. А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 1999. – 421 с.

268. Маслоу, А. Самоактуализирующаяся личность / А. Маслоу //Психология личности: Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. – Москва: Изд–во МГУ, 1982. – 287 с.

269. Матюхина, М. В. Возрастная и педагогическая психология / М. В. Матюхина. – Москва, 2011. –С. 68 –93.

270. Матюхина, М. В. Изучение и формирование мотивации учения у младших школьников: Учеб. пособие / М. В. Матюхина. – Волгоград: ВГПИ, 1983. – 72 с.

271. Мдивани, М. О. Методика исследования жизненных стратегий / М. О. Мдивани, П. Б. Кодесс, // Вопросы психологии, 2006. – № 4. – С. 146–150.

272. Медведева, А. М Отцовство: образ современного папы / А. М. Медведева, Т. К. Ростовская // Социальные технологии работы с молодежью: новое время – новые решения. Материалы межвузовской научно–практической конференции. Сборник научных статей. – Москва: Перспектива, 2016. – С. 152–157.

273. Мещерякова, С. Ю. Психологическая готовность к материнству / С. Ю. Мещерякова // Вопросы психологии, 2000. – № 5. – С. 18–27.

274. Мид Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Сост. и переводчик В. Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко. – Москва: РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии, 2009. – 290 с

275. Михайлова, А. И. Отцовство как новый тип родителей в контексте научного знания / А. И. Михайлова // Вестник Забайкальского государственного университета, 2012. – № 12. – С. 70–79.

276. Михайлова, А. И. Социокультурная детерминация родительства: отцовский вариант / А. И. Михайлова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа, 2010. – № 4. – С. 169–172.

277. Михайлова, Е.В. Педагогические условия формирования нравственных ценностей у младших школьников во внеурочной деятельности: автореф. дисс. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Е. В. Михайлова. – Москва, 2007. – 20 с.

278. Михеева, Н. Д. «Методика незаконченных ситуаций (МНС) для диагностики родительской компетентности» / Н. Д. Михеева // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям. – Москва: Издательство ИП РАН, 2009. – С. 279–296.

279. Морозова, В. А. Родительские внутренние конфликты и их реализация в детско-родительских отношениях / В. А. Морозова //Психология обучения, 2009. – № 5. – С. 46–55.

280. Морозова, И. С. Апробация опросника «Репродуктивные мотивы» / И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт //Вестник КемГУ, 2014. – № 3(59). – Т. 3. – С. 140–146.

281. Морозова, И. С. Динамика содержательных характеристик ценностно-мотивационного компонента психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе / И. С. Морозова, Е. В. Воронова // Вестник Кемеровского государственного университета, 2016. – № 2. – С. 120 – 125.

282. Морозова, И. С. Проблемы профилактики абортивного поведения молодежи / И. С. Морозова, Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай, Т. О. Отт // Вестник КемГУ, 2015. – № 4 (64). – Т. 1. – С. 90–95.

283. Морозова, И. С. Психология семейных отношений: учебное пособие / И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко. – Кемерово, 2012. – 424 с.

284. Морозова, И. С. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики абортивного поведения молодежи: учебно-методическое пособие / И. С. Морозова, Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай, Т. О. Отт. - Кемерово, 2014. – 158 с. (2014b)

285. Морозова, И. С. Роль типа родительского поведения в процессе становления психологической суверенности подростка/ И. С. Морозова, Н. А. Викдорова // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. – № 1–1 (61). – С. 135–138.

286. Моросанова, В. И. Самосознание и саморегуляция поведения / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова. – Москва: Институт психологии РАН, 2007. – 213 с.

287. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Ленинград: Наука, 1983. – 240 с.

288. Муздыбаев, К. Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия / К. Муздыбаев // Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов. – Москва: ИНИОН АН СССР, 1981. – С.181–198.

289. Мухина, В. С. Детская психология / В. С. Мухина. – Москва: ЭКСМО–ПРЕСС Апрель – пресс, 2000. – 352 с.

290. Мясищев, В. Н. Социальная психология и психология отношений В. Н. Мясищев //Проблемы общей психологии. – Москва: Наука, 1965. – С. 6–17.

291. Надирашвили, Ш. А. Установка и деятельность / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – 361 с.

292. Наумова, Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социологический журнал, 1995. – № 2. – С. 5–22.

293. Наумова, Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения / Н. Ф. Наумова. – Москва, 1988. – 199 с.

294. Некрасов, С. Д. Определимся с понятием «отцовство» / С. Д. Некрасов, З. И. Рябикина, А. Р. Тиводар // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2013. – № 86. – С. 852–862.

295. Нечаев, Н. Н. Развитие и обучение: при каких условиях обучение может стать «развивающим»? / Н. Н. Нечаев //Российский психологический журнал, 2015. – Т. 12. – № 3. – С. 70–88.

296. Нигматулина, В. А. Изучение нормативных представлений о социальной роли отца у старших подростков / В. А. Нигматулина, Т. Б. Булыгина // Психология и современный мир материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2016. – С. 99–102.

297. Николаев, Н. Н. Типы семей в современном российском обществе (социально–философский анализ): дисс. … канд.а философ. наук: 09.00. 11 / Н. Н. Николаев. – Ростов-на-Дону, 2007 – 224 с.

298. Новичкова, Н. И. Роль семьи в процессе нравственного воспитания ребёнка / Н. И. Новичкова // Тенденции развития современного общества. Сборник материалов IV международной научно–практической конференции «Тенденции

развития современного общества». – Волжский: Волжский институт экономики, педагогики и права, 2015. – С. 320–327.

299. Ньюфельд, Г. Не упускайте ваших детей / Г. Ньюфельд, Г. Матэ. – Москва: Ресурс, 2012. – 384 с.

300. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства / Р. В. Овчарова. – Москва: Издавтельство института психотерапии, 2003. – 205 с.

301. Овчарова, Р. В. Психология родительства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. В. Овчарова. – Москва: Издательский центр «Академия», 2005. – 368 с.

302. Овчарова, Р. В. Стандартизация методики исследования мотивационно-потребностной сферы отцовства / Р. В. Овчарова, Ю. А. Токарева //Известия Уральского федерального университета. – Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, 2010. – Т. 78. – № 3. – С. 75–82.

303. Овчинников, М. В. Роль отца в формировании личностной беспомощности у детей / М. В. Овчинников, Ю. В. Честюнина, К. Ю., Эвнина, Е. А. Евстафеева // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки Материалы IV международной научно-практической конференции. – North Charleston: Научно-издательский центр «Академический», 2014. – С. 72.

304. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка/ С. И. Ожегов. – Москва: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2014. – 736 с.

305. Олифирович, Н. И. Семейные кризисы: феминология, диагностика, психологическая помощь. / Н. И. Олифирович, Т. А. Зинкевич–Куземкина, Т. Ф. Велента. – М.-Обнинск: «ИГ– СОЦИН», 2005. – 356 с.

306. Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды / Г. Олпорт. – Москва: Смысл, 2002. – 462 с.

307. Олсон, Л. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 444 с.

308. Ореховский, А. И. Ответственность и ее социальная природа (Методологический аспект) / А. И. Ореховский. – Томск, 1978. – С. 3–13.

309. Осипова, А. А. К вопросу о стратегиях преодоления психологических барьеров / А. А. Осипова, М. В. Прокопенко // Российский психологический журнал, 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 38–54.

310. Осмоловская, И. М. Проблема междисциплинарности в исследованиях процесса обучения / И. М. Осмоловская, Л. А. Краснова // Образование и наука, 2017. – Т. 19. – № 7. – С. 9– 24.

311. Отт, Т. О. Особенности саморегуляции учебной деятельности студентов на начальных этапах обучения в вузе / Т. О. Отт, И. С. Морозова // Вестник КемГУ, 2011. – № 1 (45). – с. 124–131.

312. Панина, Т.С. Образование взрослых: перспективы развития / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова // Профессиональное образование. Столица, 2010. – № 12. – С. 31–33

313. Пастухова, М. В. Влияние отношений с отцом на развитие самооценки ребенка младшего школьного возраста / М. В. Пастухова //Российский медико–биологический вестник им. академика И. П. Павлова, 2010. – № 3. – С. 91–96.

314. Пастухова, М. В. Психологические аспекты проблематики девиантного отцовства / М. В. Пастухова // Женщина в Российском обществе, 2011. – № 2. – С. 88–93.

315. Педагогическая поддержка ребенка в образовании: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. – Москва: Академия, 2006. – 189 с.

316. Петрова, Е. А. Готовность к отцовству как социально–психологическая проблема/ Е. А. Петрова, Ю. А. Данилова // Социальная политика и социология, 2012. – № 10 (88). – С. 184–203.

317. Петронюк, И. С. Современные проблемы психологии отцовства / И. С. Петронюк //Вестник ТОГИРРО, 2016. – № 2. – С. 92–94.

318. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – Москва, 1969.– 680 с.

319. Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – Москва: Просвещение, 1986. – 224 с.

320. Плехова, В. В. Формирование конструктивных способов реагирования в конфликтных ситуациях / В. В. Плехова // Культура и образование: от теории к практике, 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 187–191.

321. Плотницкая, М. Р. Стратегии самореализации личности при различных типах гендерной идентичности: автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / М. Р. Плотницкая. – Хабаровск, 2008. – 24 с.

322. Побединская, И.В., Георгиева О.М. Проявление гендерных различий в игровых предпочтениях мальчиков и девочек дошкольного возраста (на примере выбора игрушек) [Электронный ресурс] / И. В. Побединская, О. М. Георгиева, 2013. – Режим доступа: // http://nsportal.ru/detskiy–sad/raznoe/2013/03/23/proyavlenie–gendernykh–razlichiy–v–igrovykh–predpochteniyakh–malchikov (дата обращения 26.07.2017)

323. Повшедная, Ф. В. Духовно-нравственное и психологическое здоровье будущего педагога в контексте православного образования /Ф. В. Повшедная, О. В.Лебедева // Русская православная церковь и русская цивилизация: XXVI Рождественские православно-философские чтения. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2017. – С. 177– 182.

324. Подкладова, Т. Д. Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. Исключенность / Т. Д. Подкладова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2016. – № 1(33). – С. 107–112.

325. Подольский, А. И. Связь ценностных ориентаций современных подростков с психологическими характеристиками их учителей и родителей / А. И. Подольский, О. А. Идобаева // Национальный психологический журнал, 2016. – № 2(22). – С. 84–93.

326. Поливанова, К. Н. Психология возрастных кризисов / К. Н. Поливанова. – М.: Издательский центр Академия, 2000. – 184 с.

327. Помарчук, Т. В. Феномен отцовства: этапы формирования психологическая готовность к отцовству / Т. В. Помарчук // Вестник Орловского государственного университета. – Серия: Новые гуманитарные исследования, 2015. – № 1 (42). – С. 360–366.

328. Помарчук, Т. В. Формирование ответственного отцовства как профилактика социальных рисков / Т. В. Помарчук // Социальная работа: теории, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров, 2016. – Т. 3. – № 5. – С. 19–22.

329. Пономарева, Е. В. Ценность отцовства для современного мужчины / Е. В. Пономарева // Научно–методический электронный журнал Концепт, 2016. – Т. 4. – С. 11–15.

330. Пономарева, Т. А. Влияние опыта переживания совместных родов на семейную систему / Т. А. Пономарева // Психология эффективного родительства Материалы международной научно–практической конференции. – Курск: КГМУ, 2011. – С. 354–362.

331. Попова, И. С. Проблемы семейных взаимоотношений и социальной перцепции образа ребенка / И. С. Попова // Общество: социология, психология, педагогика, 2016. – № 3. – С. 56–58.

332. Попова, П. А. Современный мужчина в зеркале семейной жизни / П. А. Попова. – Москва: Мысль, 1989. – 188 с.

333. Портнова, А. Г. Онтопсихология зрелости: монография / А. Г. Портнова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 208 с.

334. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 479 с.

335. Прилепских, О. С. Эмпирическое исследование образа отца и его влияния на выбор спутника жизни у девушек / О. С. Прилепских // Мир науки, культуры, образования, 2016. – № 1(56). – С. 265–267.

336. Прокофьева Л. М. Отцы и их дети после развода / Л. М. Прокофьева, М. Ф. Валетас // Социс, 2002. – № 6. – С. 112–116.

337. Прядеин, В. П. Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты: Практикум / В. П. Прядеин. – Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2014. – 215 с.

338. Психологический словарь. – Москва: Педагогика–Пресс, 1999. – 439 с.

339. Пурышева, Н. С. Качество образовательного процесса в средней школе и условия его организации на основе системы менеджмента качества / Н. С. Пурышева, Н. Б. Федорова, О. В. Кузнецова // Школа будущего, 2013. – № 1. – С. 3–12.

340. Радостева, А. Г. Влияние семейных отношений на родительские установки / А. Г. Радостева // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8–5. – С. 1238–1242. – Режим доступа: https://www.fundamental–research.ru/ru/article/view?id=32118 (дата обращения: 14.02.2017).

341. Радченко, С. И. Анализ феномена отцовства в аспекте его теоретической разработанности в рамках различных научных направлений / С. И. Радченко, М. А. Федорова // Ученые записки Орловского государственного университета. - Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2014. – № 5. – С. 381–385.

342. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 616 с.

343. Ратов, И. П. Борьба и спортивные единоборства: смена ориентиров / И. П. Ратов, Ю.Ф. Подлипняк // Теория и практика физической культуры, 1999. – № 10. – С. 27–38.

344. Рахманова, В. К. Первый опыт отцовства и отношение к своему отцу / В. К. Рахманова //Психологическая наука и образование, 2008. – № 4. С. – 48–52.

345. Реан, А. А. Акмеология личности / А. А. Реан // Психологический журнал, 2000. – т. 21. – № 3. – С. 88–95.

346. Резник, Т Е. Жизненные стратегии личности / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник // Социологические исследования, 1995 – № 4 – С 100–105;

347. Резник, Т. Е. Методология комплексного изучения жизненных стратегий личности / Т. Е. Резник // Личность. Культура. Общество, 2000. – № 2(3). – С. 40–50.

348. Резник, Ю. М. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа) / Ю. М. Резник, Е. А. Смирнов. – Москва: Институт человека РАН; Независимый институт гражданского общества, 2002. – 250 с.

349. Резник, Ю. М. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив / Ю. М. Резник. – Москва, 1995. – С. 13.

350. Резько, П. Н. Особенности самосознания мужчин в разных типах семей / П. Н. Резько, А. В. Северин, Г. В. Лосик // Научные труды SWorld, 2015. – Т. 8. – № 4. – С. 18–21.

351. Репринцева, Г. И. Социально-педагогическая парадигма повышения родительской компетентности средствами дополнительного сетевого образования / Г. И. Репринцева // Вестник ТГПУ, 2012. - №8. - Режим доступа: URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno–pedagogicheskaya–paradigma–povysheniya–roditelskoy–kompetentnosti–sredstvami–dopolnitelnogo–setevogo–obrazovaniya (дата обращения: 14.03.2017).

352. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социалогические исследования, 1993. – № 3. – 121–122.

353. Рогожина, М. В. Формирование представлений об отцовстве у юношей из неполных семей / М. В. Рогожина // Современные исследования социальных проблем, 2012. – № 6. – С. 10.

354. Роджерс, К. Клиентоцентрированная терапия / К. Роджерс. – Пер. с англ. - Москква: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 320 с.

355. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: ЗАО «Издательство «Питер», 1999. – 720 с.

356. Рыбалко, Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология / Е. Ф. Рыбалко. – Санкт-Петербург: Питер, 1990. – 298 с.

357. Рябикина, З. И. Семья как событие: ориентированность субъектности личности на поддержку приватности и личностной идентичности / З. И. Рябикина // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. Ответственный редактор: Богоявленская Д.Б. – Москва: Издательство

Когито-Центра, 2015. – С. 154–156.

358. Рябышева, Е. Н. Влияние рефлексии на развитие личности / Е. Н. Рябышева // Территория науки, 2014. – № 1. – С 49–52.

359. Савенышева, С. С. Отношение к отцовству у мужчин на разных этапах родительства / С. С. Савенышева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 12. Психология. Социология. Педагогика, 2012. – № 3. – С. 91–102.

360. Садчиков, А. А. Представление об ответственных родителях у подростков (гендерный аспект) / А. А. Садчиков // Наука и образование: новое время, 2016. – № 3 (14). – С. 461–464.

361. Сайгушева, Л. И. Разработка проблемы трудового воспитания детей в советской дошкольной педагогике / Л. И. Сайгушева // Историко-педагогический журнал, 2013. – № 4. – С. 121–133.

362. Санжаева, Р. Д. Динамика готовности к профессиональной деятельности у курсантов военизированных ВУЗов / Р. Д. Санжаева, Ю. В. Боленко // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. – №5. – С. 37–43.

363. Санжаева, Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дис. … доктора психол. наук: 19.00.01/ Р. Д. Санжаева. – Новосибирск, 1997 – 354 с.

364. Санжаева, Р.Д. Проблемы психологической готовности личности к профессиональной деятельности / Под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой // Личность и профессиональная деятельность. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. – Т. 2. – С. 32–46.

365. Сатир, В. Психотерапия семьи / В. Сатир. – Санкт-Петербург: Ювента, 1999. – 284 с.

366. Сафонова, Т. О. Уровневые характеристики саморегуляции личности / Т. О. Сафонова, И. С. Морозова // Вестник КемГУ, 2010. – № 3(43). – С. 100–106.

367. Свешников, С. Ю. Освоение юношами социальной роли отца в семье / С. Ю. Свешников // Образование и общество, 2011. – № 2. – С. 28–31.

368. Свириденко, А. Г. Гендерная социализация в детском доме как условие решения проблемы дезадаптации воспитанников / А. Г. Свириденко,

Л. Г. Локотко // Развитие непрерывного образования. Материалы IV Международной научно-практической конференции в рамках научно-образовательного форума «Человек, семья и общество: история и перспективы развития», посвященного 80-летию КГПУ им. В.П. Астафьева. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013. – 356 с. – С. 331–335.

369. Севастьянова, У. Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским стажем / У. Ю. Севастьянова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2012. – Т. 18. – № 4. – С. 39–42.

370. Селевко, Г. К. Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х т. Т. 1. / Г. К. Селевко. – Москва: Народное образование, 2005. – 816 с.

371. Семенов, И. Н. Типы и функции рефлексии в научном мышлении / И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1983. – С. 76–82.

372. Семенова, Л. Э. Гендерные особенности субъективного смысла родительства в период ранней и средней взрослости монородителей / Л. Э. Семенова, Е. В. Кожина // Психологические исследования развития личности: возрастной, гендерный и профессиональный аспект. - Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, 2014. – С. 128–139.

373. Семенова, Л. Э. Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей / Л. Э. Семенова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2014. – № 2. – С. 108–111.

374. Сериков, В. В. Личностно-развивающее образование как одна из культурологических образовательных моделей / В. В. Сериков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2016. – Т. 106. – № 2. – С. 30–35

375. Серый, А. В. Ценностные ориентации как фактор формирования и развития системы личностных смыслов индивида / А. В. Серый // Вопросы общей и дифференциальной психологии. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Кемерово, 1999. – С. 354–360.

376. Серый, А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – 183 с.

377. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика/ А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.

378. Серый, А. В. Ценностно-смысловая сфера личности / Учебное пособие / А. В. Серый, М. С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999 – 92 с.

379. Скобло, Г. В. Вопросы исследования послеродовых материнских депрессий в аспекте их влияния на психическое здоровье детей / Г. В. Скобло, Л. Л. Баз, Т. А. Баландина // Актуальные вопросы пограничных состояний и аддиктологии. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 116 с. – С. 64.

380. Скобло, Г. В. Психическое здоровье у детей дошкольного возраста от матерей с послеродовой депрессией / Г. В. Скобло, Л. Л. Баз, З. В. Луковцева // Перинатальная психология и психология родительства, 2004. - № 7. - С. 19–23.

381. Слободский, А. Л. О социально-психологическом аспекте ответственности в деятельности специалиста: автореф. канд. психол. наук: 19.00.01 / А. Л. Слободский. – Ленинград, 1976. – 16 с.

382. Слободчиков, В. И. Интегральная периодизация общего психического развития / В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман // Вопросы психологии, 1996. – № 5. – С. 38–50.

383. Слободчиков, В. И. Психология развития человека / В. И. Слободчиков, Е. М. Исаев. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2013. – 400 с.

384. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». Москва: Информация XXI век, 2002. – 256 с.

385. Собкин, В. С. Роль социально-демографических факторов и родительской

позиции в развитии ребенка-дошкольника / В. С. Собкин, А. Н. Веракса, Д. А. Бухаленкова, А. В. Федотова, Ю. А. Халутина, В. А. Якупова // Психологическая наука и образование, 2017. – Т. 22. – № 2. – С. 5–16.

386. Сорокоумова, С. Н. Психологические особенности родительско-детского взаимодействия в условиях центра детского творчества / С. Н. Сорокоумова, П. А. Егорова, Т. Г. Мухина, Ф. В. Повшедная, Н. В. Панова // Семья и личность: проблемы взаимодействия, 2017. – № 7. – С. 102–112.

387. Спиваковская, А. С. Особенности психологической коррекции неадекватной родительской позиции / А. С. Спиваковская // Семья и формирование личности. Сб. научных трудов / Под. ред. А.А. Бодалева. Москва: НИИ ОП, 1981. – С. 38–45.

388. Степанов, П. В. Диагностика и мониторинг процесса воспитания в школе / П. В. Степанов, Д. В. Григорьев, И. В. Кулешова. – Москва: Академия: АПКиПРО, 2003. – 82 с.

389. Степанов, А. А. Влияние игровой деятельности на развитие произвольности и осознанности поведения дошкольников / А. А. Степанов // Территория науки, 2006. – № 1(1). – 161–165.

390. Степанов, Е. Н. Моделирование воспитательной системы образовательного учреждения: теория, технология, практика / Е. Н. Степанов. – Псков: ПОИПКРО, 1998. – 263 с.

391. Степанова, И. Г. Духовно-нравственное развитие старшеклассников современной школы / И. Г. Степанова, Ф. В. Повшедная // Инновационная деятельность в образовании сборник статей по материалам III региональной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2017. – С. 80– 81.

392. Степин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / под ред. Л. П. Киященко, В. С. Степина. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 249–295.

393. Столин, В. В. Семья в психологической консультации: Опыт и проблемы психологического консультирования / под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина. – Москва: Педагогика, 1989. – 208 с.

394. Субботина, Л. Г. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности учащихся в образовательном процессе: монография / Л. Г. Субботина. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2008. – 152 с.

395. Субботский, Е. В. Генезис морального поведения у дошкольников / Т. Е. Субботский. – Вестник Московского университета. – Сер. 14. Психология, 1978. – № 3. – С. 13–25.

396. Сурикова, Я. А. Образ отца в дистантной семье как показатель субъективного качества жизни / Я. А. Сурикова, А. С. Ширяева, О. С. Ширяева // Высшее образование сегодня, 2014. – № 12. – С. 51–56.

397. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Москва: Концептуал, 2016. – 320 с.

398. Тимонин, А. И. Концептуальные основы социально–педагогического обеспечения профессионального становления студентов вуза / А. И. Тимонин. – Кострома, 2007. – с. 7

399. Тихомирова, Ю. М. Теоретический анализ структурных компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности / Ю. М. Тихомирова // Психологические науки: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф. – Москва: Буки-Веди, 2014. – С. 6–9.

400. Ткаченко, Е. В. Методология педагогики и нормативно-правовое обеспечение сферы образования / Е. В. Ткаченко // Педагогика, 2014. – № 10. – С. 3– 7.

401. Токарева Ю. А. Психологические основания воспитательной деятельности отца: автореф. дисс. доктора психол. наук: 19.00.07 / Ю. А. Токарева. – Екатеринбург, 2012. – 46 с.

402. Токарева, Ю. А. Особенности мотивационно-потребностной сферы отцов среднего возраста / Ю. А. Токарева // Вестник института семьи: периодический

науч.-практ. журнал. – Уральский гуманитарный институт. – Екатеринбург, 2009. – С. 42–45.

403. Токарева, Ю. А. Психолого-педагогические условия и факторы реализации отцовства как воспитательной деятельности / Ю. А. Токарева // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2011. – № 2. – С. 209–216

404. Токарева, Ю. А. Типология отцовства и характер воспитательной деятельности родителя / Ю. А. Токарева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates, 2010. – № 5. – С. 154–160.

405. Токарева, Ю. А. Формирование эффективной воспитательной практики отца / Ю. А. Токарева //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 2010. – № 2. – С. 150–155.

406. Точеная, Л. В. Современная картина отцовства / Л. В. Точеная // Февральские чтения Сборник материалов научно–практической конференции профессорско-преподавательского состава Сыктывкарского лесного института по итогам научно-исследовательской работы в 2010 году. – Сыктывкар: Сыктывкарский лесной институт, 2011. – С. 61–63.

407. Тряпицына А. П. Проблемы содействия становлению личности школьника в современном образовательном процессе / А. П. Тряпицына // Модернизация общего образовании: исследования проблемы становления личности в современном образовательном процессе. – Санкт-Петербург: РГПУ, Научно-исследовательский институт общего образования, 2016. – С. 195–205.

408. Тряпицына, А. П. Преемственность методических систем обучения / А. П. Тряпицына, С. А. Безгодова, С. А. Писарева, Е. В. Пискунова, Н Л. Сомова. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. – 88 с.

409. Туманова, Е. В. Образ отца и образ себя у подростков (возрастные и гендерные аспекты) / Е. В. Туманова, Е. В. Филиппова // Психологическая наука и образование, 2007. – № 2. – С. 16–24.

410. Тэджфел, А. Эксперименты в вакууме // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 229–244.

411. Удальцова, М. О. Связь социально-психологического типа родительской позиции отца с самооценкой дошкольников: автореф. дисс. … канд. психол. наук: 19.00.05 / М. О. Удальцова. – Ярославль, 2010. – 26 с.

412. Усцева, М. Н. Взаимосвязь личностных особенностей подростков с образом отца / М. Н. Усцева // Проблемы современного педагогического образования, 2016. – № 51–1. – С. 325–333.

413. Усцева, М. Н. Особенности семьи и личности подростков с аддиктивным поведением / М. Н. Усцева // Психическое здоровье, 2011. – Т. 9. – № 5 (60). – С. 78–83.

414. Федоров, В. А. Профессионально-педагогическое образование в России: историко-логическая периодизация / В. А. Федоров, Н. В. Третьякова // Образование и наука, 2017. – Т. 19. – № 3. – С. 93– 119.

415. Федосова, И. В. Волонтерская деятельность студенческой молодежи как средство овладения конструктивными стратегиями преодоления трудных жизненных ситуаций / И. В. Федосова, А. В. Кибальник. Иркутск: Издательство: Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2011. – 160 с.

416. Федякова, И. А. Психолого-педагогические условия формирования субъективных свойств личности младшего школьника [Элекстронный ресурс] / И. А Федякова. 2006 – Режим доступа: http://festival.1september.ru

417. Филатов, Ф. Р. Психологическая помощь пострадавшим в результате терактов: критический анализ и перспективы развития / Ф. Р. Филатов, Н. С. Седых // Психология и психотехника, 2015. – № 7. – С. 735–744.

418. Филатова, А. Ю. Виды семей по степени включенности отца в воспитание детей / А. Ю. Филатова // Альманах современной науки и образования, 2008. – № 4–2. – С. 250–253.

419. Филатова, А. Ю. Современные подходы к изучению проблемы отцовства в отечественной психологии / А. Ю. Филатова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – Серия: Общественные науки, 2010. – № 4. – С. 112–115.

420. Филиппова, Г. Г. Материнство: сравнительно-психологический подход / Г. Г. Филиппова // Психологический журнал, – 1999, – № 5. – С. 82–87.

421. Филиппова, Г. Г. Материнство и его основные аспекты исследования в психологии / Г. Г. Филиппова // Вопросы психологии, 2001. – №2. – С. 22 – 36.

422. Филиппова, Г. Г. Особенности реализации репродуктивной функции в современно России / Г. Г. Филиппова // Внутриутробный ребенок… / Материалы Всемирного конгресса. – Москва: Academia, 2007. – С. 44 – 46.

423. Филиппова, Г. Г. Психология материнства / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во института психотерапии, 2002. – 240 с.

424. Фомина, Н. А. Ответственность как свойство личности в контексте психологии отцовства: некоторые аспекты / Н. А. Фомина, М. В. Пастухова // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире сборник научных трудов участников Международной конференции / Под общей редакцией Н. Б. Карабущенко. Москва: Издательство: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2013. – С. 228–232.

425. Фотекова, Т. А. Взаимосвязь уровня материнского и отцовского образования с состоянием высших психических функций сыновей и дочерей / Т. А. Фотекова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки, 2015. – № 4. – С. 62–71.

426. Фотекова, Т. А. Влияние совокупного образовательного уровня родителей на состояние высших психических функций сыновей и дочерей / Т. А. Фотекова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2015. – № 12. – С. 139–146.

427. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 366 с.

428. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд. – Минск: Поппури, 2010. – 608 с.

429. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – Москва: Прогресс, 1990. – 269 с.

430. Фромм, Э. Искусство любви / Э. Фромм. – Москва: Педагогика, 1988. – 157 с.

431. Фрумин, И. Д. Образовательная практика взросления / И. Д. Фрумин // Образовательная политика, 2015. – № 4 (70). – С. 28–30.

432. Хавула, Р. М. Развитие психологической готовности юношей к отцовству Р. М. Хавула // Научно-исследовательские публикации, 2014. – № 1(5). – С. 57–69.

433. Харламова, Т. М. Специфика взаимодействия биологических отцов и небиологических отцов с детьми дошкольного возраста / Т. М. Харламова, У. Э. Ушкова // Фундаментальные исследования, 2012. – № 11–5. – С. 1159–1163.

434. Харольд, Г. Т. Роль генетических, пренатальных и постнатальных средовых факторов в детском развитии / Г. Т. Харольд, С. Б. Малых, Ю. В Ковас // Геномика поведения: детское развитие и образование / под ред. С. Б. Малых, Ю. В. Ковас, Д. А. Гайсиной. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – С. 210–225.

435. Ходаковская, О. В. Взаимосвязь отношений с отцом и самоотношения у подростков / О. В. Ходаковская, Е. А. Гизатуллина // В мире научных открытий, 2015. – № 3.2 (63). – С. 1239–1249.

436. Холодкова, О. Г. Особенности развития гуманистических ценностей младших школьников / О. Г. Холодкова, О. В. Петухова // Символ науки, 2015. – № 8. – С.293–296.

437. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени / К. Хорни / пер. с англ. и примечания А. И. Фета. – Philosophical arkiv, Nyköping (Sweden), 2016. – 186 с.

438. Хрисанфова, Л. А. Оценка взрослыми индивидуальнопсихологических характеристик ребенка по его фотографии / Л. А. Хрисанфова, В. А. Барабанщиков, А. В. Жегалло //Экспериментальная психология, 2016. – Т. 9. – № 2. – С. 38–52.

439. Хуватаев, С.А. Анализ подходов к определению сущности психологической готовности личности к деятельности / С. А. Хуватаев // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2012. – №5. – С 186.

440. Хьел, Л. Теории личности. / Л. Хьел, Д. Зиглер. – Санкт-Петербург: Питер, 1998. – 608 с.

441. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии/ И. И. Чеснокова. – Москва: Наука, 1977. – 144 с.

442. Чурекова, Т. М. Теоретико-методологические основы непрерывного образования личности в инновационных образовательных учреждениях: автореф. дис. ... доктора пед. наук: 13.00.01 / Т. М. Чурекова. – Кемерово, 2002. – 42 с.

443. Чурекова, Т. М., Штогрина Е.Н. Воспитание нравственного отношения младших школьников к общественно полезному труду с учетом возрастных особенностей / Т. М. Чурекова, Е. Н. Штогрина // Воспитание школьников, 2016. – №7. – С. 34–39.

444. Чурекова, Т.М. Непрерывное образование и развитие личности в системе инновационных учебных заведений / Т. М. Чурекова. – Кемерово, Кузбассвузиздат, 2001. – 262 с.

445. Шаймухаметова, С. Ф. Особенности психических состояний будущих отцов / С. Ф. Шаймухаметова, Л. Ф. Чукмарова // Психология психических состояний: сборник материалов по итогам IX Международной зимней школы по психологии состояний, 26–27 февраля. – Казань: Изд-во Казанского университете, 2015. – Вып. 5. – 204 с. – С. 177–181.

446. Шамионов, Р. М. Личностная зрелость и профессиональное самоопределение в подростковом и юношеском возрасте: дис. ...канд. псих. наук: 19.00.01 / Р. М. Шамионов. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 26–140.

447. Шапарь, В. Б. Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 806 с.

448. Шевченко, И. О. Авторитет отца в современной российской семье / И. О Шевченко // Вестник РГГУ. – Серия: Философия. Социология. Искусствоведение, 2012. – № 2 (82). – С. 321–343.

449. Шепелева, Н. В. Педагогическое обеспечение процесса социализации учащихся в негосударственном образовательном учреждении: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Н. В. Шепелева. – Кострома, 2004. – 211 с.

450. Шерман, Р. Структурированные техники семейной и супружеской терапии: Руководство Р. Шерман, Н. Фремдман. – Москва: Независимая фирма «Класс», 1997. – 336с.

451. Шихнабиева, Т. Ш. О семантических моделях в обучении / Т. Ш. Шихнабиева // Педагогическая информатика, 2011. – № 2. – С. 67– 70.

452. Шпрангер, Э. Основные идеальные типы индивидуальности / Э. Шпрангер // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. – Москва, 1982. – С. 55–60.

453. Шукшина, Т. И. Педагогические условия формирования готовности к личностным достижениям младших подростков во внеурочной деятельности спортивно-оздоровительной направленности / Т. И. Шукшина, С. В. Бакулин // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 4. – С. 121– 128

454. Шульга, Т. И. Работа с неблагополучной семьей. Учеб. пособие / Т. И. Шульга. – Москва: Дрофа, 2005. – 254 с.

455. Шустин, Б. Н. Моделирование в спорте: (Теоретические основы и практическая реализация): Автореф. дис. ... доктора пед. наук: 13.00.04 / Б. Н. Шустин. – Москва, 1995. – 82 с.

456. Щепилова, А. В. Современный университет: от модели к российской действительности / А. В. Щепилова, В. А. Гончарова, С. В. Михайлова, А. Е. Бажанов, В. В. Алпатов // Высшее образование в России, 2017. – № 12. – С. 92–101.

457. Щербакова, Е. А. Образ родителей как фактор профессиональной адаптации личности курсантов–летчиков / Е. А. Щербакова //Российский научный журнал, 2011. – № 23. – С. 146–151.

458. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 656 с.

459. Эксакусто, Т. В. Гендерные представления мужчин, воспитывавшихся в семьях с высокой конфликтностью / Т. В. Эксакусто // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно–практической конференции. Министерство образования и науки РФ;

Москва: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. – С. 118–123.

460. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – Санкт-Петербург: Питер, 1996. – 312 с.

461. Юнг, К. Г. AION: Исследование феномена самости // Избранное / К. Г. Юнг. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 448 с.

462. Юхина, Е. А. Психологическое сопровождение родительства: проблемы и перспективы развития / Е. А. Юхина // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Материалы ежегодной межрегиональной научно–практической конференции. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. – С. 268–273.

463. Явон, С. Ф. Проблема отцовства в современном мире / С. Ф. Явон /Приоритетные научные направления: от теории к практике, 2014. – № 13. – С. 43–49.

464. Якунин, А. А. Жизненные стратегии выпускников школ среднего российского города: автореф. дисс. … канд. социол. наук: 22.00.04 / А. А. Якунин. - Новочеркасск, 2008. – 26 с.

465. Ямбург, Е. А. Школа и ее окрестности / Е. А. Ямбург. – Москва: Центр книги Рудомино, 2011. – 592 с.

466. Яницкий, М. С. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник КемГУКИ, 2012. – № 19. – С. 82–97.

467. Яницкий, М. С. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд: монография / М. С. Яницкий, А. В. Серый, М. С. Иванов, А. А. Утюганов, Н. Р. Хакимова. — Кемерово: ГБУ ДПО «КРИРПО», 2017. — 202 с.

468. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

469. Янченко, В. Д. Обучающий потенциал эффекта Зейгарник в преподавании русского языка как иностранного / В. Д. Янченко // Преподаватель XXI век, 2015.

– Т. 1. – № 1. – С. 178– 184.

470. Abdin, R. R. Development of parenting alliance inventory / R. R. Abdin, J. F. Brunner // Journal of Clinical Child Psychology, 1995. – № 24. – p. 31–40. – doi: 10.1207/s15374424jccp2401_4

471. Alcorn, B. K. Some Psychological Effects of Paternal Deprivation Upon Children from Ten to Sixteen / B. K. Alcorn // The Journal of Educational Sociology, 1962. – Vol. 35, No. 8. – p. 337–345.

472. Anderson, R. E. Where's Dad? Paternal Deprivation and Delinquency / R. E. Anderson // Archives of General Psychiatry, 1968. – №18(6). – p. 641–649. - doi:10.1001/archpsyc.1968.01740060001001

473. Anderson, E. A. Situating fatherhood in responsible fatherhood programs / E. A. Anderson, B. L. Letiecq // Situated fathering: A focus on physical and social spaces / W. Marsiglio, K. Roy, G. L. Fox (Eds.). - Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – p. 187–208.

474. Anderson, J. A. Democratic community initiatives: The case of overscheduled children / J. A. Anderson, W. J. Doherty // Family Relations, 2005. – № 54. – p. 654–665.

475. Argys, L. M. Measuring contact between children and nonresidential fathers / L. M. Argys, E. Peters, S. Cok, S. Garasky, L. Nepomnyaschy, E.Sorenson, // Handbook of Measurement Issues in Family Research / S. L. Hofferth, L. M., Casper (Eds.). – Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007. – p. 375–398.

476. Ariès, P. Geschichte der Kindheit. / P. Ariès. – München: Hanser, 1975. - 592 s.

477. Baltes, P. B Human strengths as the orchestration of wisdom and selective optimization with compensation / P. B. Baltes, A. M. Freund // A psychology of human strengths: Fundamental questions and future directions for a positive psychology / L. G. Aspinwall, U. M. Staudinger (Eds.). – Washington, DC: American Psychological Association, 2002. – p. 23–35.

478. Bancroft, J. Sexual behavior / J. Bancroft, // Measuring Human Problems: A Practical Guide / D. Peck, C. Shapiro (Eds.). – Wiley: Chichester, 1990. – p. 338–373.

479. Bandura A. Social learning and personality development / A. Bandura, R. Walters. - NY: Holt, Rinehart and Winston, 1963. – 329 p.

480. Barth, S. Vaterschaft im Wandel / S. Barth // Sozialmagazin, 2000. – № 1. – S. 14–22.

481. Bearss, K. E. A test of the parenting alliance theory / K. E. Bearss, S. Eyberg // Early Education and Development, 1998. – № 9(2). – p. 179–185. – doi: 10.1207/s15566935eed0902_5

482. Becker, G. S. A treatise on the family / G. S. Becker. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 304 p.

483. Behrendt, V. Sozialarbeiterische Interventionsmöglichkeiten für Vater–Kind–Familien / V. Behrendt, P. Himmelsbach. - Dortmund: Verl. Modernes Lernen, 1987. – 200 S.

484. Belogai, K. N. Self-Regulation Formation Among Junior Teenagers in The Conditions of Educational Institution / K. N. Belogai, I. S. Morozova, Y. V. Borisenko, T. O. Ott, T. V. Shamovskaya // Astra Salvensis - review of history and culture, year VI, Special Issue 2018. – p. 217–227.

485. Belsky, J. Mothering, fathering, and marital interaction in the family triad during infancy / J. Belsky, B. L. Volling, // Men's transitions to parenthood: Longitudinal studies of early family experience / P.W. Berman F.A. Pedersen (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. – p. 37–63.

486. Belsky, J. The determinants of parenting: A process model / J. Belsky // Child Development, 1984. – № 55. – p. 83– 96.

487. Bergmann, J.-R. Lösungsorientierte Arbeit im Familienrecht. Der systemische Ansatz im Familienrecht / J.-R. Bergmann. – Koeln: Bundesanzeiger Verlag, 2001. – 356 s.

488. Biryukova S., Tyndik A. Who prefers zero? Attitudes towards childlessness in Russia and in its capital city / S. Biryukova, A. Tyndik // European Population Conference 2014. Transitions: Opportunities and Threats. Budapest: EAPS, 2014. – p. 312.

489. Borisenko, J.V. Differences in Attitudes toward Mental Health among Boys from Religious and Non-religious Families Experiencing Religious and Secular Education. / J.V. Borisenko, E.V. Evseenkova. Psychology in Russia: State of the Art, 2022. – № 15(1). – P. 51–65.

490. Borisenko, J.V. Differences in Fathering among Russian Men Brought up with and without a Father / J.V. Borisenko, E.V. Evseenkova. // Psychology in Russia: State of the Art, 2019. – № 12(3). – P. 105–120.

491. Borisenko, J. Involved Fathering As A Development Factor Of Gender Attitudes And Body Image Development In Boys / J. V. Borisenko, K. N. Belogai, I. S. Morozova // Ad Alta: Journal Of Interdisciplinary Research, Special Issue No.: 10/01/Xi. (Vol. 10, Issue 1, Special Issue Xi.) p. 14–18.

492. Borisenko, J. Fatherhood as a Personality Development Factor in Men / J. V. Borisenko // In The Spanish Journal of Psychology, 2007. – Vol. 10. – No. 1. – p. 84–92.

493. Borisenko, J. V. Reproductive motivation in Russian women in the family context / J. V. Borisenko, K. N. Belogaya, I. S. Morozova, T. O. Ott //Journal of Reproductive and Infant Psychology, 2016. – №34:3. – P. 224–234. – DOI:10.1080/02646838.2016.1156660

494. Bouchard, G. Intergenerational Transmission and Transition to Fatherhood: A Mediated–Moderation Model of Paternal Engagement / G. Bouchard // Journal of Family, 2012. –Vol. 26. – No. 5. – p. 747–755.

495. Bowlby, J. Maternal care and mental health / J. Bowlby // Journal of Consulting Psychology, 1952. – № 16(3). – p. 232.

496. Bowlby, J. Attachment and Loss: Retrospect and prospect / J. Bowlby // American Journal of Orthopsychiatry, 1982. – № 52. – p. 664–678.

497. Bowlby, J. The nature of child's tie to his mother / J. Bowlby // International Journal of Psychoanalysis, 1958. – № 39. – p. 350–373.

498. Bradshow, D. L. Attachment, temperament, and social referencing: Interrelationship among domains of infant affective behavior / D. L. Bradshow,

H. H. Goldsmith, J. J. Campos // Infant Behavior and Development, 1987. – № 1. – p. 223–231.

499. Bragiel, J. Fathers marital satisfaction and their involvement with their child with disabilities / J. Bragiel, P. Kaniok // European Journal of Special Needs Education, 2011. - № 26(3). – p. 395–404.

500. Braun, K. Paternal Deprivation Alters Region and Age-Specific Interneuron Expression Patterns in the Biparental Rodent Octodon degus / K. Braun, K. Seidel, S. Weigel, K. Roski, G. Poeggel // Cerebal Cortex, 2011. - № 21 (7). – p. 1532–1546.

501. Bretherton, I. Involved fathers of preschool children as seen by themselves and their wives: Of attachment, socialization and companionship / I. Bretherton, J. D. Lambert, B. Golby, // Attachment and Human Development, 2005. – № 7(3). – p. 229–251.

502. Brody, S. Patterns of mothering / S. Brody. – New York: International Universities Press, 1956. – 456 p.

503. Bronfenbrenner, U. Ecological systems theory / U. Bronfenbrenner // Annals of Child Development / R. Vasta (Ed.), 1989. - Vol.6. – Greenwich, CT: JAI Press. – p. 187–249.

504. Bronfenbrenner, U. The bioecological model of human development. / U. Bronfenbrenner, P. Morris // Handbook of child psychology (6th ed.) / W. Damon, R. M. Lerner (Eds). – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2006. – Vol. 1. – p. 793–828.

505. Bugental, D. B. A developmental neuroscience perspective on the dynamics of parenting / D. B. Bugental, D. H. Olster, G. A. Martorell // L. Kuczynski (Ed.) // Handbook of dynamics in parent-child relations. - Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. – p. 25–48.

506. Bühler, Ch. Der menshliche Lebenslauf als psychologisches Problem / Ch. Bühler. – Leipzig: Hirzel, 1933. – 328 S.

507. Bumpass, L. L. The role of cohabitation in declining rates of marriage. / L. L. Bumpass, J. A. Sweet, A. Cherlin // Journal of Marriage and the Family, 1991. – 53. – p. 913–927.

508. Cabrera, N. Fatherhood in the 21st Century / N. C. S Tamis-LeMonda, B. Bradley, S. Hofferth, M. Lamb // Child Development, 2000. – № 71. – p. 127–136.

509. Camus, J. Väter. Die Bedeutung des Vaters für die psychische Entwicklung des Kindes / J. Camus. – Beltz; Auflage: Neuausgabe, 2001. –199 s.

510. Canfield, K. Promises worth keeping / K. Canfield // The fatherhood movement: A call to action / W. Horn, D. Blankenhorn, M. Pearlstein (Eds.). – New York: Lexington Books, 1999. – p. 43–55.

511. Canitz, H.-L.v. Väter. Die neue Rolle des Mannes in der Familie. / H-L.v. Canitz. – Düsseldorf, Wien: Econ-Verlag, 1980. – 264 S.

512. Carlson, M. J. Family structure, father involvement, and adolescent behavioral outcomes. / M. J. Carlson // Journal of Marriage and Family, 2006. – № 68. – p.137–154.

513. Carlson, M. J. Strengthening unmarried families: Could enhancing couple relationships also improve parenting? / M. J. Carlson, S. S. McLanahan // Social Service Review, 2006. – № 80(2). – p. 297–32.

514. Carlson, M. J. Coparenting and nonresidentfathers' involvement with young children after a nonmartial birth / M. J. Carlson, S. S. McLanahan, J. Brooks-Gunn // Demography, 2008. – № 45(2). – p. 461–488. - doi: 10.1353/dem.0.0007

515. Catlett, B. S. Nonresidential fathers: Shifting identities, roles and authorities / B. S. Catlett, M. L. Toews, P. C. McKenry // Situated fathering: A focus on physical and social spaces / W. Marsiglio, K. Roy, G. L. Fox (Eds.). – Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – p. 99–118.

516. Cessna, J. M. Relationships between parenting self-efficacy and distress in parents who have school-aged children and have been treated with hematopoietic stem cell transplant or have no cancer history / J. M. Cessna, J. Pidala, P. B. Jacobsen // Psycho-Oncology, 2016. – № 25(3). –p. 339–346. - doi: 10.1002/pon.3848

517. Chien-Chung H. Child Support Enforcement and Father Involvement for Children in Never-Married Mother Families / H. Chien-Chung // Fathering, 2006. – Vol. 4. – № 1. – p. 97–111.

518. Christian, L. G. Understanding families: Applying family systems theory to early childhood practice / L. G. Christian // Spotlight on young children in families / D. Koralek (Ed.). – Washington, DC: National Association for the Education of Young Children, 2007. – p. 4–11.

519. Christiansen, S. Providing as a form of paternal involvement: Why the «good provider» role still matters / S. Christiansen, R. Palkovitz // Journal of Family Issues, 2001. – № 22. – p. 84–106.

520. Coleman, J. S. Social capital in the creation of human capital / J. S. Coleman // American Journal of Sociology, 1988. – № 94. – p. 95–120.

521. Coltrane, S. Family man: Fatherhood, housework, and gender equity / S. Coltrane. – New York: Oxford University Press, 1996. – 293 p.

522. Coltrane, S. Reinventing fatherhood: Toward an historical understanding of continuity and change in men's family lives / S. Coltrane, R. D. Parke. – Philadelphia: National Center on Fathers and Families, 1998. – p. 156.

523. Cooney, T. M. Timing of fatherhood: Is «on-time» optimal? / T. M. Cooney, F. A. Pedersen, S. Indelicato, R. Palkovitz // Journal of Marriage and the Family, 1993. – № 55. – p. 205–215.

524. Cowan, C. P. Men's involvement in parenthood: Identifying the antecedents and understanding the barriers / C. P. Cowan, P. A. Cowan // Men's transitions to parenthood: Longitudinal studies of early family experience / P.W. Berman, F.A. Pedersen (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. – p. 145–174.

525. Cowan, P. A. Promoting fathers' engagement with children: Preventive interventions for low-income families. / P. A. Cowan. C. P. Cowan, M. K. Pruett, K. Pruett, J. J. Wong // Journal of Marriage and Family, 2009. - № 71(3). – p. 663–679. -doi:10.1111/j.1741–3737.2009.00625.x

526. Cummings, E. M. Children and marital conflict: The impact of family dispute and resolution / E. M. Cummings, P. Davies. – New York: Guilford, 1994. – p. 165.

527. De Luccie, M. Mothers as gatekeepers: A model of maternal mediators for father involvement / M. De Luccie // Journal of Genetic Psychology, 1995. – № 156(1). – p. 115–131.

528. deMause, L. Evolution der Kindheit / L. deMause // Hört ihr die Kinder weinen. Eine psychogenetische Geschichte der Kindheit. / L. deMause (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. – S. 12 – 111.

529. Demuth, S. Family structure, family processes, and adolescent delinquency: The significance of parental absence versus parental gender. / S. Demuth, S. L. Brown // Journal of Research in Crime and Delinquency, 2004. – № 41(1). – p. 58–81. - doi: 10.1177/0022427803256236

530. DiCenso, A. Interventions to reduce unintended pregnancies among adolescents: systematic review of randomised controlled trials. / A. DiCenso, G. Guyatt, A. Willan, L. Griffith // British Medical Journal, 2002. – № 324(7351). – p.1426.

531. Doherty, W. J. An Intervention to Increase Father Involvement and Skills With Infants During the Transition to Parenthood / W. J. Doherty, M. F. Erickson, R. LaRossa. // Journal of Family Psychology, 2006. – Vol. 20. – №. 3, p. 438–447.

532. Doherty, W. J. Responsible fathering: An overviewand conceptual framework / W. J. Doherty, E. F. Kouneski, M. F. Erickson // Journal of Marriage and Family, 1998. – № 60(2). – p. 277–292.

533. Eggebeen, D. J. The Changing Course of Fatherhood Men's Experiences With Children in Demographic Perspective / D. J. Eggebeen // Journal of Family Issues, 2002. – Vol. 23. – №. 4. – p. 486–506.

534. Eggebeen D. J. Does Fatherhood Matter for Men? / D. J. Eggebeen, C. Knoester // Journal of Marriage and the Family, 2001. –Vol. 63. – No. 2. – p. 381–393.

535. Eggebeen D. J. The Effects of the Transition to Parenthood and Subsequent Children on Men's Well-Being and Social Participation / D. J Eggebeen, C. Knoester // Journal of Family Issues, 2006. –Vol. 27. – № 11. – p. 1532–1560.

536. El-Shadan, Pacific father involvement and early child behavior outcomes: Findings from the Pacific Islands Families study / El-Shadan, P. Schluter, J. Paterson Journal of Child and Family Studies, 2015. – № 24(12). – p. 3497–3505.

537. Emmerink, P. M. J. The Impact of Personal Gender-Typicality and Partner Gender-Traditionality on Taking Sexual Initiative: Investigating a Social Tuning Hypothesis / P. M. J. Emmerink, R. J. J. M. Van Den Eijnden, T. F. M. Ter Bogt,

I. Vanwesenbeeck // Frontiers in Psycholjgy, 2017. - № 8. – p. 107. - doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00107

538. Emmons, R. A. Personal strivings, daily life events, and psychological and physical well-being / R. A. Emmons // Journal of Personality, 1991. – № 59. – p. 453–472.

539. Emmons, R. A. Assessing spirituality through personal goals: Implications for research on religion and subjective well–being. / R. A. Emmons, C. Cheung, K. Tehrani // Social Indicators Research, 1998. – № 45. – p. 391–422.

540. Erel, O. Interrelatedness of marital relations and parent–child relations: A meta-analytic reviews / O. Erel, B. Burman // Psychological Bulletin, 1995. – № 118(1). – p. 108–132. - doi: 10.1037/0033–2909.118.1.108

541. Evans E. A. Gender differences in the effects of childhood adversity on alcohol, drug, and polysubstance-related disorders / E. A. Evans, C. E. Grella, M. Upchurch Dawn // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 2017. – №52. – p. 901–912.

542. Fagan, J. Effects of father's early risk and resilience on paternal engagement with 5–year–olds / J. Fagan, Y. Lee // Journal of Family Relations, 2016. – № 1(5). – p. 878–892.

543. Fagan, J. The relationship between maternal gatekeeping, paternal competence, mothers' attitudes about the father role, and father involvement. / J. Fagan, M. Barnett // Journal of Family Issues, 2003. – № 24(8). – p. 1020–1043.

544. Fagan, J. Unmarried, nonresident fathers. Involvement with their infants: A risk and resilience perspective / J. Fagan, R. Palkovitz // Journal of Family Psychology, 2007. – № 21. – p. 479–489.

545. Feinberg, M. E. Coparenting and the transition to parenthood: A framework for prevention / M. E. Feinberg // Clinical Child and family Psychology Review, 2002. – № 5(3). – p. 173–195. - doi: 10.1023/A:1019695015110

546. Fisher, T. D. Gender roles and pressure to be truthful: the bogus pipeline modifies gender differences in sexual but not non–sexual behavior / T. D. Fisher //Sex Roles, 2013. – № 68. – p. 401–414. - doi: 10.1007/s11199–013–0266–3

547. Friedman, E. Unintentional child neglect: literature review and observational study/ E. Friedman, S. B. Billick // Psychiatric Quarterly, 2015. – № 86 (2)- p. 253–9. - doi:10.1007/s11126–014–9328–0

548. Frydenberg, E. Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges / E. Frydenberg. – NY: Oxford University Press, 2002. – 272 p.

549. Fthenakis, W. E. Der Bildungs- und Erziehungsplan für Kinder von 0 bis 10 Jahren in Hessen / W. E. Fthenakis, D. Berwanger, E. Reichert-Garschhammer. - Wiesbaden: SM + KM, 2007. – s. 78.

550. Fthenakis, W. E.: Engagierte Vaterschaft – Die sanfte Revolution in der Familie / W. E. Fthenakis. - Herausgeber: LBS–Initiative Junge Familie. Opladen: Leske & Budrich, 1999. – s.352. (a)

551. Fthenakis, W. E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater–Kind–Beziehung. / W. E Fthenakis. – München: Urban & Schwarzenberg, 1985. – 480 s.

552. Furstenberg, F. F. Social capital and successful development among at–risk youth // F. F. Furstenberg, M. E. Hughes // Journal of Marriage and the Family, 1995. – № 57. – p. 580–592.

553. Furstenberg, F. S. Divided families: What happens to children when parents part. / F. S. Furstenberg, A. J. Cherlin. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 143 p.

554. Gaertner, B. M. Parental Childrearing Attitudes as Correlates of Father Involvement During Infancy / B. M. Gaertner, T. L. Spinrad, N. Eisenberg, K. A. Greving // Journal of Marriage and Family, 2007. – № 69(4). – p. 962–976. - doi: 10.1111/j.1741–3737.2007.00424/

555. Galenson, E. The Effect of Paternal Deprivation on the Capacity to Modulate Aggression / E. Galenson // New Literary History, 1995. - Vol. 26. – № 2. - p. 443–454

556. Garasky, S. Reconsidering the Increase in Father-Only Families / S. Garasky, D. R. Meyer // Demography, 1996. – № 33(3). – p. 385–393.

557. Gerhard, A. Vatersehnsucht (Annäherung in elf Essays) / A. Gerhard. – Bremen: Universität Bremen - Staats-und Universitätsbibliothek, 1999. – 310 s.

558. Goldberg, W. A. Trends in Academic Attention to Fathers, 1930–2006 / W. A. Goldberg, E. T. Tan, K. L. Thorsen // Fathering, 2009. – Vol. 7. – № 2. – p. 159–179.

559. Goldberg, A. E. Gender-Typed Play Behavior in Early Childhood: Adopted Children with Lesbian, Gay, and Heterosexual Parents / A. E. Goldberg, D. A. Kashy, J. Z. Smith // Sex Roles, 2012 . – № 67(9–10). – p. 503–515. - doi: 10.1007/s11199–012–0198–3

560. Goldberg, W. A. Maternal employment and children's achievement in context: A meta-analysis of four decades of research. / W. A. Goldberg, J. A. Prause, R. Lucas-Thompson, A. J. Himsel // Psychological Bulletin, 2008. – № 134. – p. 77–108.

561. Goldman, J. A coordinated response to child abuse and neglect: The foundation for practice. [Электронный документ] / J. Goldman, M. K., Salus, D. Wolcott, K. Y Kennedy // U.S. Department of Health and Human Services, Administration for Children and Families, Administration on Children, Youth and Families, Children's Bureau, Office on Child Abuse and Neglect, 2003. – Режим доступа: http://secure.psychoanalyticcecredit.com/articles/100843/foundation_Practice_child_abuse.pdf

562. Golombok, S. The Measurement of Gender Role Behaviour in Pre–School Children: a Research Note / S. Golombok, J. Rust // Journal of Child Psychology and Psychiatry, 1993. – № 34(5). – p. 805–811.

563. Golombok, S. Continuity in Sex-Typed Behavior from Preschool to Adolescence: A Longitudinal Population Study of Boys and Girls Aged 3–13 Years / S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, J. Golding, M. Hines // Archives of Sexual Behavior, 2012. – № 41. – p. 591–597.

564. Golombok, S. Development trajectories of sex–type behavior in boys and girls: A longitudinal general population study of children aged 2.5–8 years, / S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, T. Croudace, J. Golding, M. Hines // Child Development, 2008. – № 79(5). – p. 1583–1593.

565. Gordon, I. Synchrony in the triad: A microlevel process model of coparenting and parent–child interactions / I. Gordon, R. Feldman // Family Process, 2008. – № 47(4). – p. 465–479. - doi:10.1111/j.1545–5300.2008.00266.x

566. Grams A. Fatherhood and motherhood in a changing world. / A. Grams. // International Child Welfare Review, Geneve, 1970. – p. 14–21.

567. Green, M. Paternal deprivation - a disturbance in fathering / M. Green, H. Beall // Pediatrics, 1962. – № 30(1). – p. 91–99;

568. Greenbaum, C. W. The infant exposure to talk by familiar people: Mother, fathers and siblings in different environments / C. W. Greenbaum, R. Landau // The social network of developing infant / V. Lewis L. Rosenblum (Eds.). – New York: Plenum, 1982. – p. 229–247.

569. He, H. Identity studies: multiple perspectives and implications for corporate–level marketing/ H. He, J. M.T. Balmer // European Journal of Marketing, 2007. – Vol. 41 № 7/8. – p. 765 – 785. - doi.org/10.1108/03090560710752393

570. Heiliger, A. Der Mythos von den neuen Vätern / A. Heiliger // Sozialmagazin, 1989. – № 1, S. 14 – 22.

571. Henley, K. Conditions Affecting the Association between Father Identity and Father Involvement / K. Henley, K. Pasley // Fathering, 2005. – Vol. 3. – № No. 1. – p. 59–80.

572. Heymans, P. Developmental tasks: a cultural analyses of human development // P. Heymans, J. Laak, A. Podolski // Developmental tasks: toward a cultural analyses of human development. - Dordrecht: Kluwer, 1994. – p. 3–33.

573. Hines, M. Testosterone during pregnancy and gender role behavior of preschool children: A longitudinal population study / M. Hines, S. Golombok, J. Rust, K. Johnston, J. Golding // Child Development, 2002. – № 73(6). – p. 1678–1687.

574. Hofferth, S. L. Residential father family type and child well-being: Investment verses selection. / S. L. Hofferth // Demography, 2006. – № 43(1). – p. 53–78. - doi: 10.1353/dem.2006.0006

575. Hoffman, J. P. Exploring the Direct and Indirect Family Effects on Adolescent Drug Use / J. P. Hoffman // Journal of Drug Issues, 1993. – № 23. – p. 535–557.

576. Horst, E. A. Gender, power, and intimacy / E. A. Horst, W. J. Doherty // Journal of Feminist Family Therapy, 1995. – № 6. – p. 63–85.

577. Horst, P. Väter sind anders als ihr Image: schwierige Rollenfindung und mangelnde gesellschaftliche Achtung / P. Horst // Theorie und Praxis der Sozialpädagogik, 2000. – № 3. – s. 52–55.

578. Horst, P. Das Drama der Vaterentbehrung. Chaos der Gefühle-Kräfte der Heilung / P. Horst. - Freiburg: Herder, 1999. – 223 s.

579. Ihinger-Tallman, M. Developing a middle–range theory of father involvement postdivorce / M. Ihinger-Tallman, K. Pasley, C. Buehler // Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy / W. Marsiglio (Ed.). – Thousand Oaks: Sage Publications, 1995. – p. 57–77.

580. Jewell, J. A. Relations among gender typicality, peer relations, and mental health during early adolescence / J. A. Jewell, C. S. Brown //Social Development, 2014. – № 23. – p. 137–156. - doi: 10.1111/sode.12042

581. Jeynes, W. H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achivement / W.H. Jeynes // Urban Education, 2015. – № 50(4). – p. 387–423.

582. Jia, R. Effects of neonatal paternal deprivation or early deprivation on anxiety and social behaviors of the adults in mandarin voles / R. Jia, F. Tai, S. An, X. Zhang, H. Broders // Behavioural Processes, 2009. – Vol. 82. – № 3. – p. 271–278.

583. Johnson, W. E. Parental involvement among unwed fathers/ W. E. Johnson // Children and Youth Services Review, 2001. – № 23(6). – p. 513–536. - doi: 10.1016/S0190–7409(01)00146–3

584. Jones, T. L. Potential roles of parental self-efficacy in parent child adjustment: A review. / T. L. Jones, R. J. Prinz // Clinical Psychology, 2005. – № 25 . – p. 341–363.

585. Jopt, J.-U. Jugendhilfe und Trennungsberatung / J.-U. Jopt //Zentralblatt für Jugendrecht, 1998. – № 7/8. – s. 286–295.

586. Kasser, T. Be careful what you wish for / T. Kasser, R. M. Ryan // Life goals and well-being: Towards a positive psychology of human striving / P. Schmuck, K. M. Sheldon. - Goettingen: Hogrefe & Huber, 2001. – p. 116–131.

587. Kilmann, R. H. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict–Handling Behavior: The «Mode» Instrument / R. H. Kilmann, K. W. Thomas // Educational and Psychological Measurement, 1977. – Vol. 37. – № 2. – p. 309–325.

588. Kim, J. E. Retirement transitions, gender, and psychological well–being: A life–course ecological model / J. E. Kim, P. Moen // The Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences, 2002. - № 57. – p. 212–222.

589. Klein, M. Love, Guilt and Reparation ? / M. Klein. – New York: The Free Press, 1975. – 443 p.

590. Korenman, S. Consequences for Infants of Parental Disagreement In Pregnancy Intention / S. Korenman, R. Kaestner, T. Joyce // Perspectives on Sexual and Reproductive Health, 2002. - № 34(4). - p. 198–205.

591. Kotelchuck M. The infant's relationship to the father: Experimental evidence / M. Kotelchuck // The role of the father in child development / M.E. Lamb (Ed). - New York: Wiley, 1976. - p. 329–344.

592. Kreager, D. A. The sexual double standard and adolescent peer acceptance / D. A. Kreager, J. Staff // Social Psychology quarterly, 2009. - № 72. – p. 143–164. - doi: 10.1177/019027250907200205

593. Krishnakumar, A. Interparental conflict and parenting behaviors: A meta-analytic review / A. Krishnakumar, C. Buehler // Family Relations, 2000. - № 49(1). – p. 25–44. -doi: 10.1111/j.1741–3729.2000.00025.x

594. Kunseler, F. C. Changes in parenting self-efficacy and mood items in the transition to parenthood: A bi-directional association / F. C Kunseler, A. M. Willemen, M. Oosterman, C. Schuengel // Parenting–Science and Practice, 2014. - № 14(3–4). – p. 215–234.

595. Kwan, R. The moderating role of parenting self-efficacy and co-parenting alliance on marital satisfaction among Chinese fathers and mothers / R. Kwan, S. Kwok, C. Ling // Journal of Family Studies, 2015. - № 24(12). – p. 3506–3515. - doi: 10.1007/s10826–015–0152–4

596. Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.) / M. E. Lamb New York: Wiley, 2010. – 672 p.

597. Lamb, M. E. Introduction: The emergent American father / M. E. Lamb // The father's role: Cross–cultural perspectives / M. E. Lamb (Ed.). - Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1987. - p. 3–25.

598. Lamb, M. E. Everyday experiences of infants in Euro-American and Central American immigrant families. / M. E. Lamb, B.Leyendecker, A. Scholmerich // M. Lewis, C. Feiring (Eds.) Families, risk, and competence. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. – p. 113–131.

599. LaRossa, R. Continuity and change in middle class fatherhood: 1925–1939 / R. LaRossa, D. Reitzes // Journal of Marriage and the Family, 1993. – №.55. – p. 455–468.

600. Lawrence, E. Prenatal expectations and marital satisfaction over the transition to parenthood / E. Lawrence, K. Nylen, R. Cobb // Journal of Family Psychology, 2007. - № 21(2). – p. 155–164.

601. Lee, C. Y. S. Marital satisfaction and father involvement during the transition to parenthood / Lee, C. Y. S., W. J. Doherty //. Fathering, 2007. - № 5. – p. 75–96.

602. Lenzen, D. Vaterschaft. Vom Patriarchat zur Alimentation / D. Lenzen. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1991. - 272 s.

603. Li, G. Childhood Gender–Typed Behavior and Adolescent Sexual Orientation: A Longitudinal Population-Based Study / G. Li, K. T. F. Kung, M. Hines // Developmental Psychology, 2017. - № 53(4). – p.764-777. - doi: 10.1037/dev0000281.

604. Locke, E. A. Work motivation and satisfaction: Light at the end of the tunnel / E. A. Locke, G. P. Latham // Psychological Science, 1990. - № 1. – p. 240–246.

605. Luthar, S. The construct of resilience: A critical examination and guidelines for future work / S. Luthar, D. Cicchetti, B. Becker // Child Development, 2000. - № 71(3). – p. 543–562.

606. Main, M. The quality of the toddler's relationship to mother and to father: Related to conflict behavior and the readiness to establish new relationships / M. Main, D. R. Weston // Child Development, 1981. - № 52. – p. 932–940.

607. Marcia, J. E. Ego identity status: Relationship to change in self–esteem, «general adjustment», and authoritarianism / J. E. Marcia // Journal of Personality, 1967. – № 35. – p. 118–133.

608. Marsiglio, W. Sex, men & babies: Stories of awareness and responsibility / W. Marsiglio, S. Hutchinson. - New York: NYU Press. 2002. – 288 p.

609. Maurer, T.W. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. / T.W. Maurer, J.H. Pleck, T.R. Rane // Journal of Marriage and the Family, 2001. – №63. – p. 309–321.

610. McCoy, K. P. Constructive and destructive marital conflict, parenting, and children's school and social adjustment / K. P. McCoy, M. R. W. George, E. M. Cummings, P. T. Davies // Social Development, 2013. - № 22(4). – p. 641–662. - doi: 10.1111/sode.12015

611. McHale, J.P. Co–parenting and Clinical Examination of Family Systems / J. P. McHale, K. M. Lindahl. - Washington, D.C.: American Psychological Association. 2011. – p. 254.

612. Miller, W. B. Proception: An important fertility behavior / W. B. Miller // Demography, 1986. - № 23(4). – p. 579–594.

613. Miller, W. B. Pregnancy wantedness and child attachment security: Is there a relationship? / W. B. Miller, M. R. Sable, A. Csizmadia // Maternal Child Health Journal, 2008. - № 12. – p. 478–487.

614. Moon, M. Mothers' and Fathers' Differential Expectancies and Behaviors: Parent x Child Gender Effects / M. Moon, C. D. Hoffman // The Journal of Genetic Psychology, 2008. - № 169(3). – p. 261–280. - http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.169.3.261–280.

615. Moran, T.E. Initial validation of the assessment of parenting tool: A task and domain level measure of parenting self–efficacy for parents of infants from birth to 24 months of age / T. E. Moran, J. R. Polanin, A. L. Evenson, B. R. Troutman, C. L. Franklin // Infant Mental Health Journal, 2016. - № 37(3). – p. 222–234. - doi: 10.1002/imhj.21567

616. Nepomnyaschy, L. Child Support, Fatherhood, and Marriage: Findings from the First 5 Years of the Fragile Families and Child Wellbeing Study / L. Nepomnyaschy, I. Garfinkel // Asian Social Work and Policy Review, 2007. - № 1(1). – p. 1–20. - doi: 10.1111/j.1753–1411.2007.00002.x

617. Nord, C. W. Fathers' Involvement in their children's schools NCES 98–091 / C. W. Nord, D. A. Brimhall, J. West // U.S. Department of Education Report National Center for Educational Statistics Statistical Analysis, National Household Educational Survey. - Washington, DC: 1997. – p. 34.

618. Osborne, C. Framing the Future of Responsible Fatherhood Evaluation Research for the Fatherhood Research and Practice Network 2014 [Электронный ресурс] / C. Osborne. – Режим доступа // http://www.frpn.org/sites/default/files/responsible%20fatherhood%20report_FINAl_June14_0.pdf (дата обращения 22.08.2017)

619. Owen, M. T. Marital conflict and the development of infant–parentattachment relationships / M. T. Owen, M. J. Cox // Journal of Family Psychology, 1997. - № 11(2). – p. 152–164. - doi:10.1037/0893–3200.11.2.152

620. Palkovitz, R. Transitions within Fathering / R. Palkovitz, G. Palm. // Fathering, 2009. - Vol. 7. - № 1. – p. 3–22. - doi: 10.3149/fth.0701.3

621. Parke, R. D. Socialisation in the Family: Ethnic and Ecological Perspectives / R. D. Parke, R. Buriel // Handbook of Child Psychology. - Vol. 3: Social, Emotional, and Personality Development (5th Ed.) / W. Damon, N. Eisenberg (Eds.). - New York: Wiley, 1998. – p. 463–552.

622. Parke, R. Family interactions in the newborn period: Some findings, some observations, and some unresolved issues / R. D. Parke, S. O'Leary // The developing individual in changing world. - Vol.2. - Social and environmental issues. / K. Riegel, J. Meacham (Eds). - The Hague: Mouton, 1976. – p. 49–62.

623. Parke, R. D. Fathers and families / R. D. Parke // Handbook of Parenting / M. H. Bornstein (Hrsg). - Mahwah, NJ: Erlbaum, 1995. - s. 27–63.

624. Pedersen, F. Conceptualization of father influences in the infancy period / F. Pedersen, L. Yarrow, B. Anderson, R.Cain // The social network of developing infant. V. Lewis, L. Rosenblum (Eds). - New York: Plenum, 1978. – p. 267–289.

625. Pelchat, D. Gender differences and similarities in the experience of parenting a child with a health problem: Current state of knowledge / D. Pelchat, H. Lefebvre, M. Levert // Journal of Health Care, 2007. - № 11(2). - p. 112–131.

626. Pervin, L. A. Goal concepts: Themes, issues, and questions. / L. A. Pervin // Goal concepts in personality and social psychology / L. A. Pervin (Ed.). - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Incorporated, 1989. - p. 473–479.

627. Piotrowski, K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. / K. Piotrowski, // Scandinavian Journal of Psychology, 2018. - № 59. – p. 157–166. - DOI: https://doi.org/10.1111/sjop.12416

628. Pleck, J. H. Why could father involvement benefit children? Theoretical perspectives / J. H. Pleck // Applied Developmental Science, 2007. - № 11(4). – p. 1–7.

629. Pleck, J. H. Fatherhood and Masculinity / J. H. Pleck // The role of the father in child development (5rd ed.) / M. E. Lamb (Ed.). – New York: Wiley, 2010. – p. 27–57.

630. Pleck, J. H. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents. / J. H. Pleck, S.Hofferth // Fathering, 2008. – № 6. – p. 267–286.

631. Pleck, J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences. / J. H. Pleck // The role of the father in child development (5th ed.) / M. E. Lamb (Ed.). - New York: Wiley, 2010. – p. 58–93.

632. Pruett, K. Fatherneed: Why father care is as essential as mother care for your child / K. Pruett. - New York: Free Press, 2000. – p. 125.

633. Radin, N. The Role of the Father in Cognitive, Academic, and Intellectual Development / N. Radin // The Role of the Father in Child Development / M. E. Lamb (Ed.). - New York: John Wiley & Sons, 1981. – p. 379–427.

634. Rane, T. R. Identity theory as a guide to understanding fathers. involvement with their children / T. R. Rane, B. A. McBride // Journal of Family Issues, 2000. - № 21. – p. 347–366,

635. Rendina, I. Father involvement in fiert–born infants / I. Rendina, J. Dickersheid // Family Coordinator, 1976. – № 25. – p. 373–379.

636. Riabov, O. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin / O. Riabov, T. Riabova // Problems of Post-Communism, 2014. - Vol. 61. - № 2. - p. 23-35.

637. Richter, R. Vom Mann zum Vater – Praxismaterialien für die Bildungsarbeit mit Vätern / R. Richter, M. Verlinden. - Münster.: VOTUM Verlag, 2000. – 100 s.

638. Roberts, J. A. Materialism and satisfaction with over–all quality of life and eight life domains / J. A. Roberts, A. Clement //Social Indicators Research, 2007. - № 82. – p. 79–92. - doi 10.1007/s11205–006–9015–0

639. Rokeach, M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. - New York: Free Press, 1973. - 438 p.

640. Rominov, H. Fathers' postnatal distress, parenting selfefficacy, later parenting behavior, and children's emotional-behavioral functioning: A longitudinal study / H. Rominov, R. Giallo, T.A. Whelan // Journal of Family Psychology, 2016. - № 30(8). – p. 907–917.

641. Rosenberg, J. The importance of fathers in the healthy development of children: Fathers and their impact on children's well–being [Электронный документ] / J. Rosenberg, W.Wilcox // B. U.S. Children's Bureau, U.S. Children's Bureau, Office on Child Abuse and Neglect, 2006. - Режим доступа: https://www.childwelfare.gov/pubPDFs/fatherhood.pdf (дата обращения 18.09. 2017)

642. Roskam, I. Do mothers and fathers moderate the influence of each other's self–efficacy beliefs and parenting beahviors on children's extermalizing behavior? / I. Roskam, J. Meunier, M. Stieveneart // Journal of Child and Family Studies, 2016. - № 25(6). – p. 2034–2045. - doi: 10.1007/s10826–016–0365–1.

643. Rossi, A. S. Of human bonding / A. S. Rossi, P. H. Rossi. - New York: Aldine deGruyter, 1992. – p. 35.

644. Rotkirch, A. All that she wants is a (nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance/ A. Rotkirch // Journal of Evolutionary Psychology, 2007. - № 5. – p. 89–104.

645. Russell, A. Mother-son, mother-daughter, father-son, and father-daughter: Are they distinct relationships? / A. Russell, J. Saebel // Developmental Review, 1997. - № 17. – p. 111–147.

646. Rust, J. The Role of Brothers and Sisters in the Gender Development of Preschool Children / J. Rust, S. Golombok, M. Hines, K. Johnston // Journal of Experimental Child Psychology, 2000. - № 77. – p. 292–303.

647. Schaefer, E.S. Development of parental attitude research instrument / E. S. Schaefer, R. Q. Bell // Child development, 1958. - № 29. – p. 339–361.

648. Schneider, W. Die neuen Väter – Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft / W. Schneider. – Augsburg: AV-Verlag, 1989. – 177 s.

649. Schoppe-Sullivan, S. J. Maternal gatekeeping, coparenting quality, and fathering behavior in families with infants / S. J. Schoppe-Sullivan, G. L. Brown, E. A. Cannon, S. C. Mangelsdorf, M. S. Sokolowski // Journal of Family Psychology, 2008. - № 22(3). – p. 389–398. - doi: 10.1037/0893–3200.22.3.389

650. Seidel, K. Paternal Deprivation Affects the Development of Corticotrophin–Releasing Factor–Expressing Neurones in Prefrontal Cortex, Amygdala and Hippocampus of the Biparental Octodon degus. / K. Seidel, G. Poeggel, R. Holetschka, C. Helmeke, K. Braun // Journal of Neuroendocrinology, 2011. -№ 23. – p. 1166–1176. - doi:10.1111/j.1365–2826.2011.02208.x

651. Seltzer, J. A. Relationships between fathers and children who live apart: The father's role after separation / J. A. Seltzer // Journal of Marriage and the Family, 1991. - № 53. – p. 79–101.

652. Sevigny, P. R. Predictors of parenting self-efficacy in mothers and fathers of toddlers / P. R. Sevigny, L. Loutzenhiser // Child: care, health and development, 2010. - № 36(2). - 179–180. - doi:10.1111/j.1365–2214.2009.00980.x

653. Shannon, J. D. Beyond rough andtumble: Low–income fathers' interactions and children's cognitive development at 24 months. / J. D. Shannon, C. S. Tamis-LeMonda, K. London, N. Cabrera // Parenting: Science and Practice, 2002. - № 2(2). – p. 77–104. -doi: 0.1207/S15327922PAR0202_01

654. Sheldon, K. M. Self–concordance, goal-attainment, and the pursuit of happiness: Can there be an upward spiral? / K. M. Sheldon, L. Houser-Marko // Journal of Personality and Social Psychology, 2001. - № 80. – p. 152–165.

655. Sherman, P.W. Behavioural ecology: father knows best/ P. W. Sherman, B. D. Neff // Nature, 2003. - № 425(6954). – p. 136–137.

656. Simmons, D. Does academic training make a difference in the practices of marriage and family therapists? / D. Simmons, W.J. Doherty // Journal of Marital and Family Therapy, 1998. - № 24. – p. 321–336.

657. Singh, N. Research Note and Review of the Empirical Ethical Decision–Making Literature: Boundary Conditions and Extensions. / N. Singh, Y. Park, K. Lehnert // Journal of Business Ethics, 2015. - № 129 (1). – p. 195–219.

658. Snarey, J. How fathers care for the next generation: A four–decade study / J. Snarey. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 403 p.

659. Stryker, S. Identity theory: Developments and extensions / S. Stryker // Self and identity: Psychosocial perspectives / K. Yardley, T. Honess (Eds.). - New York: Wiley, 1987. - p. 89–103.

660. Tach, L. Parenting as a «package deal»: Relationships, fertility, and nonresident father involvement among unmarried parents / L. Tach, R. Mincy, K. Edin // Demography, 2010. - № 47(1). – p. 181–204. - doi: 10.1353/dem.0.0096

661. Teachman, J. D. The childhood living arrangements of children and the characteristics of their marriages / J. D. Teachman // Journal of Family Issues, 2004. - № 25(1). – p. 86–111. - doi: 10.1177/0192513X03255346

662. The White House. Promoting responsible fatherhood [Электронный документ] Washington, DC: The White House, 2012. - Режим доступа https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/fatherhood_report_6.13.12_final.pdf (дата обращения 12.10.2017)

663. Thompson, L. Gender in Families: Women and men in marriage, work, and parenthood / L. Thompson, A. J. Walker // Journal of Marriage and the Family, 1989. - № 51(4). – p. 845–871. - doi: 10.2307/353201

664. Tolfree, D. Roofs and Roots: The care of separated children in the developing world / D. Tolfree. International Save the Children Alliance, A Last Resort: The Growing Concern about Children in Residential Care London, Save the Children UK, 2003. - p. 15.

665. Townsend, N. The package deal: Marriage, work, and fatherhood in men's lives / N. Townsend. - Philadelphia, PA: Temple University Press, 2002. – p. 23-34.

666. Tremblay, S. Perceptions of fatherhood: Longitudinal reciprocal associations within the couple / S. Tremblay, T. Pierce // Canadian Journal of Behavioral Science, 2011. - № 43(2). – p. 99–110.

667. U.S. Census Bureau. Statistical abstract of the United States, 2012 [Электронный документ] Режим доступа: http://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed.html (дата обращения 12.11.2017)

668. U.S. Census Bureau. America's families and living arrangements, 2015. [Электронный документ] Режим доступа: https://www.census.gov/hhes/families/data/cps2015FG.html (дата обращения 12.11.2017).

669. U.S. Department of Health and Human Services. ASEP Issue Brief: Information on poverty and income statistics, 2012. [Электронный документ] Режим доступа: http://aspe.hhs.gov/hsp/12/PovertyAndIncomeEst/ib.shtml (дата обращения 12.11.2017).

670. U.S. Department of Health and Human Services. Healthy Marriage and Responsible Fatherhood Q & A on 2014 non–competitive continuation application. Office of Family Assistance. [Электронный документ] Режим доступа: Retrieved from http://www.acf.hhs.gov/sites/default/files/ofa/hmrf_ttcw_continuationfaqs.pdf (дата обращения 12.11.2017).

671. United States Department of Health and Human Services. (2011, July). Promoting Responsible Fatherhood: Effective Parenting. Federal Research Site. [Электронный документ] Режим доступа: http://fatherhood.hhs.gov/Parenting/index.shtml (дата обращения 12.11.2017).

672. Utrata, J. Keeping the Bar Low: Why Russia's Nonresident Fathers Accept Narrow Fatherhood Ideals / J.Utrata // Journal of Marriage and Family, 2008. - № 70. – p. 1297–1310. - doi:10.1111/j.1741–3737.2008.00567.x

673. Varghese, C. The determinants of father involvement and connections to children's literacy and language outcomes: A review of literature / C. Varghese, J. Wachen // Marriage and Family Review, 2016. - № 52(4). – p. 331–359.

674. Waller, M. R. Family man in the other America: New opportunities, motivations, and supports for paternal caregiving / M. R. Waller // Annals of the American Academy

of Political and Social Science, 2009. - № 624(1). – p. 156–176. - doi: 10.1177/0002716209334372

675. Wallerstein, J. S. The Long–Term Effects of Divorce on Children: A Review. / J. S. Wallerstein //Journal of theAcademy of Child Adolescent Psychiatry, 1991. - № 30(3). – p. 349–360.

676. Waterman, A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research / A. S. Waterman // Developmental Psychology, 1982. – № 18. – p. 341–358.

677. Wee, K. Y. Correlates of anteand postnatal depression in fathers: A systematic review / K. Y. Wee, H. Skouteris, C. Pier, B. Richardson, J. Milgrom // Journal of Affective Disorders, 2011. - № 130(3). – p. 358–377.

678. Williams, K. Child Maltreatment and Paternal Deprivation: A Manifesto for Research, Prevention, and Treatment / K. Williams // Clinical Sociology Review, 1987. - Vol. 5. - №. 1. - Article 22. – doi //: http://digitalcommons.wayne.edu/csr/vol5/iss1/22.

679. Zill, N. Longterm effects of parental divorce on parent–child relationships, adjustment, and achievement in young adulthood / N. Zill, D. R. Morrison, M. J. Coiro // Journal of Family Psychology, 1993. - №7. – p. 91–103.

680. Zirkel, S. Personal construal of life tasks: Those who struggle for independence / S. Zirkel, N. Cantor // Journal of personality and social psychology, 1990. – № 58 (1). – p. 172.

Список иллюстративного материала

Список таблиц

	Название таблицы	**Стр.**
1.	Таблица 3.2.1. Описательная статистика группы дошкольников	511
2.	Таблица 3.2.2. Сравнение данных детей из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента	181
3.	Таблица 3.2.3. Сравнение данных детей из полных и неполных семей по U критерию Манна-Уитни	181
4.	Таблица 3.2.4. Распределение испытуемых по кластерам для выборки дошкольников	184
5.	Таблица 3.2.5 Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам	511
6.	Таблица 3.2.6. Расчёт весовых коэффициентов компонентов интегрального показателя на основе данных экспертного опроса	190
7.	Таблица 3.2.7. Описательные статистики по интегральному показателю по всей группе дошкольников	512
8.	Таблица 3.2.8. Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из неполных семей	512
9.	Таблица 3.2.9. Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из полных семей	512
10.	Таблица 3.2.10. Результаты сравнения интегрального показателя детей-дошкольников из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента	192
11.	Таблица 3.3.1. Описательные статистики выборки младших школьников	513
12.	Таблица 3.3.2. Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из полной и неполной семьи по критерию Стьюдента	196
13.	Таблица 3.3.3. Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников	199
14.	Таблица 3.3.4 Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы младших школьников	514
15.	Таблица 3.3.5. Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из неполных семей	514
16.	Таблица 3.3.6. Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из полных семей	514
17.	Таблица 3.3.7. Результаты сравнения интегрального показателя младших школьников из полных и неполных семей по t-критерию Стьюдента	203
18.	Таблица 3.3.8. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам дошкольников и младших школьников t-критерию Стьюдента для независимых переменных	204
19.	Таблица 3.4.1. Описательные статистики для группы подростков	517
20.	Таблица 3.4.2. Описательные статистики для кластеров	519
21.	Таблица 3.4.3. Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей	209
22.	Таблица 3.4.4. Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей	210
23.	Таблица 3.4.5. Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы подростков и юношей	520
24.	Таблица 3.4.6. Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из неполных семей	521
25.	Таблица 3.4.7. Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из полных семей	521
26.	Таблица 3.4.8. Результаты сравнения интегрального показателя подростков и юношей из полных и неполных семей по t-критерию	215

Стьюдента
27. Таблица 3.4.9. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам дошкольников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных 217
28. Таблица 3.4.10. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам младших школьников и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных 218
29. Таблица 3.5.1. Описательные статистики для выборки взрослых 531
30. Таблица 3.5.2. Описательные статистики для первого кластера 534
31. Таблица 3.5.3. Описательные статистики для второго кластера 534
32. Таблица 3.5.4 Описательные статистики по шкалам ценностей для первого кластера выборки взрослых 535
33. Таблица 3.5.5. Описательные статистики по шкалам ценностей для второго кластера выборки взрослых 535
34. Таблица 3.5.6. Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки взрослых 225
35. Таблица 3.5.7. Описательные статистики для кластера 1.1 по выборке взрослых 536
36. Таблица 3.5.8. Описательные статистики для кластера 1.2. по выборке взрослых 538
37. Таблица 3.5.9. Описательные статистики для кластера 2.1. по выборке взрослых 540
38. Таблица 3.5.10. Описательные статистики для кластера 2.2. по выборке взрослых 542
39. Таблица 3.5.11. Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы мужчин-отцов в период взрослости 232
40. Таблица 3.5.12. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов разных кластеров по t-критерию Стьюдента для независимых переменных 234
41. Таблица 3.5.13. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и подростков и юношей по t-критерию Стьюдента для независимых переменных 235
42. Таблица 3.5.14. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных 236
43. Таблица 3.5.15. Сравнение результатов анализа интегрального показателя по выборкам мужчин-отцов первого кластера и мужчин, не имеющих детей, в период взрослости по t-критерию Стьюдента для независимых переменных 236
44. Таблица 3.5.16. Результаты корреляционного анализа 238
45. Таблица 3.5.17. Описательные статистики выборки мужчин 544
46. Таблица 3.5.18. Взаимосвязь отношений с отцом в детстве с различными параметрами 241
47. Таблица 3.5.19. Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами 242
48. Таблица 3.5.20. Взаимосвязь удовлетворенности браком с различными параметрами у мужчин, выросших без отца 242
49. Таблица 3.5.21. Параметры, взаимосвязанные с отсутствием отца в детстве 244
50. Таблица 3.5.22. Параметры, взаимосвязанные с воспитанием в полной семье 245

51.	Таблица 3.5.23. Взаимосвязи параметров в группе мужчин из неполной семьи	246
52.	Таблица 3.5.24. Взаимосвязи параметров в группе мужчин из полной семьи	247
53.	Таблица 3.5.25 Результаты сравнения групп мужчин и женщин, не имеющих детей, по t-критерию Стьюдента	248
54.	Таблица 3.5.26. - Результаты факторного анализа для выборки женщин без детей	251
55.	Таблица 3.5.27 - Результаты факторного анализа для выборки мужчин без детей	253
56.	Таблица 3.5.28. Результаты сравнения групп отцов и матерей по t-критерию Стьюдента	357
57.	Таблица 3.5.29 - Фактор «Чувство родительской идентичности» для матерей	264
58.	Таблица 3.5.30 - Фактор «Осмысленность жизни» для матерей	265
59.	Таблица 3.5.31. - Фактор «Чувство родительской идентичности» для отцов	266
60.	Таблица 3.5.32. - Фактор «Осмысленность жизни» для отцов	267
61.	Таблица 3.5.33. - Фактор «Возрастные трансформации родительства» для отцов	268
62.	Таблица 3.5.34. - Фактор «Поиск и обязательства в отцовстве» для отцов	269
63.	Таблица 4.1.1. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству на этапе становления	553
64.	Таблица 4.1.2. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте	554
65.	Таблица 4.1.3. Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте	555
66.	Таблица 4.1.4.Основные характеристики готовности к отцовству	555
67.	Таблица 4.1.5. Основные характеристики конструктивной стратегии отцовства в период взрослости	556
68.	Таблица 4.1.6. Характеристика конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства в период ранней взрослости	557
69.	Таблица 4.3.1. Технологии оптимизации становления психологической готовности к отцовству	559
70.	Таблица 4.3.2. Краткое содержание занятий по формированию конструктивных стратегий отцовства подростков и юношей и у мужчин в период взрослости	560
71.	Таблица 4.3.3. Основные условия и возможности оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства	561
72.	Таблица 5.1.1. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников до воздействия	362
73.	Таблица 5.1.2. Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни до воздействия	363
74.	Таблица 5.1.3. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок	363
75.	Таблица 5.1.4. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по критерию Вилкоксона	364
76.	Таблица 5.1.5. Результаты сравнения экспериментальной группы дошкольников до и после воздействия по интегральному показателю	364
77.	Таблица 5.1.6. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной	365

группы дошкольников после воздействия
78. Таблица 5.1.7. Сравнение данных экспериментальной и контрольной группы дошкольников по U критерию Манна-Уитни 365
79. Таблица 5.1.8. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной группы дошкольников по компонентам стратегии оцовства после воздействия 366
80. Таблица 5.2.1. Описательные статистики выборки младших школьников экспериментальной группы 515
81. Таблица 5.2.2. Описательные статистики выборки младших школьников контрольной группы 516
82. Таблица 5.2.3. Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по критерию Стьюдента 372
83. Таблица 5.2.4. Результаты сравнения детей младшего школьного возраста из экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю по критерию Стьюдента 373
84. Таблица 5.2.5. Распределение испытуемых контрольной и экспериментальной групп по кластерам для выборки младших школьников 381
85. Таблица 5.2.6. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у детей контрольной группы 382
86. Таблица 5.2.7. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у детей контрольной группы 383
87. Таблица 5.3.1. Описательные статистики экспериментальной группы подростков до воздействия (2016 год) 522
88. Таблица 5.3.2. Описательные статистики контрольной группы до воздействия (2016 год) 524
89. Таблица 5.3.3. Описательные статистики экспериментальной группы подростков после воздействия (2016 год) 526
90. Таблица 5.3.4. Описательные статистики контрольной группы после воздействия (2016 год) 528
91. Таблица 5.3.5. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год) 530
92. Таблица 5.3.6. Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп по интегральному показателю после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год) 387
93. Таблица 5.3.7. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у контрольной группы 389
94. Таблица 5.3.8. Взаимосвязи внутри параметров стратегии отцовства у экспериментальной группы 392
95. Таблица 5.4.1 Сравнение результатов экспериментальной и контрольной группы 398
96. Таблица 5.4.2. Сравнение параметров отцовства экспериментальной и контрольной группы (2016) 400
97. Таблица 5.5.1. Описательная статистика экспериментальной выборки до экспериментального воздействия (2004 год) 545
98. Таблица 5.5.2. Описательная статистика экспериментальной выборки после экспериментального воздействия (2004 год) 547
99. Таблица 5.5.3. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2004 год) 549
100 Таблица 5.5.4. Оценка эффективности тренинга по средним показателям 404

101 Таблица 5.5.5. Сравнение экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год) 550

102 Таблица 5.5.6 Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2016 год) 551

103 Таблица 5.5.7. Результаты сравнения мужчин экспериментальной и контрольной группы после воздействия по интегральному показателю по критерию Стьюдента 411

Список рисунков

	Название рисунка	**Стр.**
1.	Рисунок 1.2.1. Функциональная модель отцовства	61
2.	Рисунок 1.3.1. Содержание компонентов стратегии отцовства	86
3.	Рисунок 1.3.2. Структурно-функциональные характеристики психологической готовности к отцовству	89
4.	Рисунок 1.3.3.Модель становления психологической готовности к отцовству	93
5.	Рисунок 2.1.1. Психологические эффекты стратегий отцовства	118
6.	Рисунок 3.2.1. Результаты кластерного анализа в группе дошкольников	182
7.	Рисунок 3.2.2. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке дошкольников	183
8.	Рисунок 3.2.3. Результаты кластерного анализа по двум параметрам в группе дошкольников	185
9.	Рисунок 3.2.4. Результаты кластеризации данных по двум параметрам методом К средних в выборке дошкольников	186
10.	Рисунок 3.2.5. Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам	187
11.	Рисунок 3.2.6. Распределение дисперсий по показателю «гендерно-типичное поведение» по кластерам для выборки дошкольников	188
12.	Рисунок 3.2.7. Распределение результатов интегрального показателя по четырем кластерам	193
13.	Рисунок 3.2.8. Распределение результатов интегрального показателя по трем кластерам	194
14.	Рисунок 3.3.1. Результаты кластерного анализа в группе младших школьников	196
15.	Рисунок 3.3.2. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников	197
16.	Рисунок 3.3.3. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (гендерные установки и ответственность)	198
17.	Рисунок 3.3.4. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке младших школьников (ценности)	198
18.	Рисунок 3.3.5. Распределение испытуемых по кластерам для выборки младших школьников	200
19.	Рисунок 3.3.6. Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки младших школьников	203
20.	Рисунок 3.4.1. Результаты кластерного анализа в группе подростков и юношей	206
21.	Рисунок 3.4.2. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей	208
22.	Рисунок 3.4.3. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке подростков и юношей (параметры ответственность и зрелость)	208
23.	Рисунок 3.4.4. Распределение испытуемых по кластерам для выборки подростков и юношей	209
24.	Рисунок 3.4.5. Распределение испытуемых по кластерам в зависимости от возраста для выборки подростков и юношей	211
25.	Рисунок 3.4.6. Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 15 лет	211

26.	Рисунок 3.4.7. Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 16 лет	212
27.	Рисунок 3.4.8. Распределение испытуемых подростков и юношей по кластерам в 17 лет	212
28.	Рисунок 3.4.9. Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки подростков и юношей	216
29.	Рисунок 3.5.1. Результаты кластерного анализа в группе взрослых	220
30.	Рисунок 3.5.2 Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (характеристики отцовства)	221
31.	Рисунок 3.5.3 Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (зрелость)	223
32.	Рисунок 3.5.4. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (осмысленность жизни и ответственность)	224
33.	Рисунок 3.5.5 Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых (ценности)	224
34.	Рисунок 3.5.6. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера	226
35.	Рисунок 3.5.7. Результаты кластеризации данных методом К средних в выборке взрослых внутри первого кластера	228
36.	Рисунок 3.5.8. Распределение результатов интегрального показателя по кластерам для выборки мужчин-отцов в период взрослости	233
37.	Рисунок 3.5.9 - Результаты дисперсионного анализа параметров отношения с родителями у мужчин и женщин без детей	249
38.	Рисунок 3.5.10 - Результаты дисперсионного анализа параметров родительской идентичности у мужчин и женщин без детей	250
39.	Рисунок 3.5 11. - Результаты дисперсионного анализа процессов становления идентичности у мужчин и женщин без детей	250
40.	Рисунок 3.5.12. - Различия в удовлетворенности браком и удовлетворенности отношениями с детьми у отцов и матерей	258
41.	Рисунок 3.5.13. - Различия в родительской идентичности отцов и матерей	259
42.	Рисунок 3.5.14 - Различия в процессах становления родительской идентичности по методике U-MICS-PI у отцов и матерей	259
43.	Рисунок 3.5.15. - Различия в идентичности (ISRI) у отцов и матерей	260
44.	Рисунок 3.5.16. - Различия в чувстве идентичности (ISRI) и родительской идентичности (ISRI-PI) у отцов и матерей	260
45.	Рисунок 3.5.17 - Различия шкал родительской идентичности (ISRI-PI) у отцов и матерей	261
46.	Рисунок 3.5.18 - Различия шкал обязательств (DIDS) у отцов и матерей	261
47.	Рисунок 3.5.19. - Различия шкал поиска (DIDS) у отцов и матерей	262
48.	Рисунок 3.5.20. - Различия шкал СЖО у отцов и матерей	263
49.	Рисунок 4.3.1. Условия, механизмы и эффекты становления психологической готовности к отцовству	558
50.	Рисунок 4.3.2. Направления работы по оптимизации становления готовности к отцовству	321
51.	Рисунок 4.3.3. Схема психолого-педагогического сопровождения становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивной стратегии отцовства	350
52.	Рисунок 5.1.1. Результаты дисперсионного анализа с повторными измерениями по параметру гендерные установки для группы дошкольников	367

53.	Рисунок 5.1.2. Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру гендерно-типичное поведение	367
54.	Рисунок 5.1.3. Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру нравственные нормы	368
55.	Рисунок 5.1.4. Дисперсионный анализ с повторными измерениями по параметру зрелость	369
56.	Рисунок 5.2.1. Сравнение гендерных установок детей экспериментальной и контрольной групп	374
57.	Рисунок 5.2.2. Сравнение гендерной самооценки детей экспериментальной и контрольной групп	375
58.	Рисунок 5.2.3. Сравнение гендерной оценки отца детьми экспериментальной и контрольной групп	375
59.	Рисунок 5.2.4. Сравнение оценки роли отца детьми экспериментальной и контрольной групп	376
60.	Рисунок 5.2.5. Сравнение оценки роли отца в воспитании детей детьми экспериментальной и контрольной групп	377
61.	Рисунок 5.2.6. Сравнение оценки роли отца в эмоциональном климате семьи детьми экспериментальной и контрольной групп	377
62.	Рисунок 5.2.7 Сравнение оценки роли отца в семейной культуре детьми экспериментальной и контрольной групп	378
63.	Рисунок 5.2.8. Сравнение оценки роли отца в материальной сфере семьи детьми экспериментальной и контрольной групп	379
64.	Рисунок 5.2.9. Сравнение параметров ответственности и нравственной мотивации поведения детей экспериментальной и контрольной групп	379
65.	Рисунок 5.2.10. Сравнение параметров зрелости детей экспериментальной и контрольной групп	380
66.	Рисунок 5.5.1. Оценка типичных трудностей, связанных с рождением ребенка, мужчинами экспериментальной группы до и после тренинга	406
67.	Рисунок 5.5.2. Сравнение отцовских установок мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия	408
68.	Рисунок 5.5.3. Сравнение параметров родительской идентичности мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия	409
69.	Рисунок 5.5.4. Сравнение параметра общей осмысленности жизни мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра	410
70.	Рисунок 5.5.5. Сравнение параметра способности к психологической близости мужчин контрольной и экспериментальной групп до и после воздействия параметра	410
71.	Рисунок 5.5.6. Сравнение интегрального показателя мужчин контрольной и экспериментальной групп после воздействия параметра	412

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 3.2.1. – Описательная статистика группы дошкольников

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Сумма	Минимум	Максим.	Дисперсия
Группа	84	1,82	2,00	2,00	153,00	1,00	2,00	0,15
семья	84	1,70	2,00	1,00	143,00	1,00	3,00	0,57
возраст	84	5,36	5,00	5,00	450,00	4,00	7,00	0,38
Гендерно-типичное поведение	84	62,64	62,00	Мн.	5262,00	49,00	80,00	36,37
Гендерные установки	84	8,90	9,00	9,00	748,00	6,00	12,00	1,75
Нравственные нормы	84	11,41	12,00	12,00	959,00	6,00	15,00	6,46
Зрелость и саморегуляция	84	36,76	37,00	37,00	3088,00	23,00	48,00	37,17
Гендерно-типичное поведение *	84	63,44	65,00	56,00	5329,00	49,00	80,00	43,98
Гендер ные установки *	84	8,90	9,00	9,00	748,00	6,00	12,00	1,75
Нравственные нормы *	84	11,76	12,00	12,00	988,00	6,00	15,00	5,85
Зрелость и саморегуляция*	84	38,57	39,00	37,00	3240,00	23,00	49,00	36,44

Таблица 3.2.5. – Распределение испытуемых после кластеризации по двум параметрам

	группа	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	**Всего**
Частота	**1**	14	18	8	40
% по строке		35	45%	20%	
Частота	**2**	4	16	9	29
% по строке		13%	55%	31%	
Частота	**3**	3	6	6	15
% по строке		20%	40%	40%	
Частота	**Всего**	21	40	23	84

Таблица 3.2.7. – Описательные статистики по интегральному показателю по всей группе дошкольников

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Интегральный показатель	86	0,60	0,58	Мн.	0,54	0,81	0,002	0,04
Праксиологический компонент	86	0,63	0,62	Мн.	0,49	0,80	0,003	0,06
Аксиологический компонент	86	0,54	0,50	0,55	0,50	1,00	0,012	0,11
Рефлексивно-регулятивный компонент	86	0,58	0,55	0,52	0,45	0,94	0,014	0,11

Таблица 3.2.8. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из неполных семей

Параметры	N наб.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Праксиологический компонент	40	0,60	0,59	0,56	0,49	0,80	0,003	0,06
Аксиологический компонент	40	0,55	0,50	0,55	0,50	1,00	0,011	0,10
Рефлексивно-регулятивный компонент	40	0,57	0,52	0,52	0,45	0,94	0,01	0,10
Интегральный показатель	40	0,59	0,56	Мн.	0,54	0,73	0,00	0,03

Таблица 3.2.9. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-дошкольников из полных семей

Параметры	N наб.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Праксиологический компонент	46	0,64	0,62	0,56	0,49	0,80	0,003	0,06
Аксиологический компонент	46	0,57	0,52	0,55	0,50	1,00	0,010	0,10
Рефлексивно-регулятивный компонент	46	0,58	0,52	0,52	0,45	0,94	0,011	0,10
Интегральный показатель	46	0,62	0,56	Мн.	0,54	0,77	0,001	0,044

Приложение 2

Таблица 3.3.1. – Описательные статистики выборки младших школьников

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
Возраст	45	10,13	11,0	11,00	9,00	12,00	0,981	0,990
Семья	45	1,733	2,00	2,00	1,00	2,00	0,200	0,447
Гендерные установки	45	1,913	2,00	2,00	1,20	2,00	0,029	0,171
Гендерная самооценка	45	3,660	4,20	4,20	1,50	5,00	1,256	1,120
Гендерная оценка отца	45	4,264	4,80	5,00	0,00	5,00	1,256	1,121
Воспитание детей	45	2,537	2,80	3,00	1,00	3,10	0,348	0,590
Материальный фактор	45	1,688	2,00	2,00	1,00	4,00	0,582	0,763
Эмоциональный климат	45	2,828	3,00	3,00	2,00	4,00	0,268	0,518
Досуг	45	2,582	2,60	2,60	1,30	4,00	0,500	0,707
Хозяйственная сфера	45	2,435	2,60	3,00	1,60	3,20	0,275	0,524
Семейная культура	45	2,266	2,300	Множест.	1,00	4,00	0,412	0,642
Нравственные установки	45	2,333	2,00	4,00	0,00	4,00	1,818	1,348
Ответственность	45	3,866	4,00	5,00	2,00	5,00	1,027	1,013
Отношение к семье	45	12,178	13,00	12,00	-16,00	28,00	71,422	8,451
Отношение к миру	45	16,889	17,00	27,00	-11,00	28,00	57,14	7,55

Таблица 3.3.4. – Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы младших школьников

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст. откл.
Праксиологический компонент	45	0,67	0,60	Мн.	0,40	1,00	0,04	0,20
Аксиологический компонент	45	0,62	0,58	Мн.	0,54	0,80	0,01	0,07
Рефлексивно-регулятивный компонент	45	0,61	0,58	Мн.	-0,03	0,84	0,03	0,17
Интегральный показатель	45	0,62	0,60	Мн.	0,44	0,89	0,02	0,14

Таблица 3.3.5. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из неполных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Праксиологический компонент	0,64	0,60	0,60	0,40	1,00	0,04	0,20
Аксиологический компонент	0,50	0,60	0,68	0,44	0,78	0,01	0,08
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,41	0,46	0,48	-0,03	0,68	0,03	0,18
Интегральный показатель	0,59	0,56	Мн.	0,44	0,81	0,01	0,12

Таблица 3.3.6. - Описательные статистики по интегральному показателю детей-младших школьников из полных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Праксиологический компонент	0,67	0,50	Мн.	0,40	1,00	0,04	0,19
Аксиологический компонент	0,62	0,60	Мн.	0,56	0,80	0,00	0,07
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,62	0,59	0,55	0,17	0,84	0,02	0,15
Интегральный показатель	0,62	0,59	Мн.	0,48	0,89	0,02	0,13

Таблица 5.2.1. – Описательные статистики выборки младших школьников экспериментальной группы

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
Возраст	21	9,48	9,00	9,00	9,00	11,00	0,66	0,81
Семья	21	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	0,00	0,00
Гендерные установки	21	1,97	2,00	2,00	1,70	2,00	0,01	0,08
Гендерная самооценка	21	3,96	4,20	4,20	1,50	5,00	1,07	1,03
Гендерная оценка отца	21	4,69	4,80	5,00	3,40	5,00	0,18	0,42
Воспитание детей	21	2,56	3,00	3,00	1,00	3,10	0,36	0,60
Материальный фактор	21	1,62	2,00	2,00	1,00	3,00	0,35	0,59
Эмоциональный климат	21	2,92	3,00	3,00	2,30	4,00	0,22	0,47
Досуг	21	2,55	2,60	2,00	1,30	3,60	0,47	0,68
Хозяйственная сфера	21	2,42	2,60	3,00	1,60	3,00	0,29	0,54
Семейная культура	21	2,33	2,30	3,00	1,00	4,00	0,53	0,73
Нравственные установки	21	2,95	3,00	4,00	0,00	4,00	1,35	1,16
Ответственность	21	4,38	5,00	5,00	2,00	5,00	0,75	0,86
Отношение к семье	21	15,14	15,00	11,00	-1,00	28,00	73,02	6,56
Отношение к миру	21	20,33	20,00	27,00	6,00	28,00	33,83	5,82

Таблица 5.2.2. – Описательные статистики выборки младших школьников контрольной группы

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
Возраст	24	10,70	11,00	11,00	9,00	12,00	0,56	0,75
Семья	24	1,50	1,50	Множт.	1,00	2,00	0,26	0,51
Гендерные установки	24	1,87	1,95	2,00	1,20	2,00	0,05	0,21
Гендерная самооценка	24	3,40	3,20	2,00	1,50	5,00	1,32	1,15
Гендерная оценка отца	24	3,89	4,60	5,00	0,00	5,00	1,94	1,39
Воспитание детей	24	2,52	2,70	3,00	1,00	3,10	0,36	0,60
Материальный фактор	24	1,75	2,00	1,00	1,00	4,00	0,80	0,90
Эмоциональный климат	24	2,75	2,80	2,30	2,00	4,00	0,31	0,55
Досуг	24	2,61	2,60	2,60	1,30	4,00	0,55	0,74
Хозяйственная сфера	24	2,45	2,55	3,00	1,60	3,20	0,28	0,53
Семейная культура	24	2,21	2,30	Множ.	1,00	3,00	0,32	0,56
Нравственные установки	24	1,79	2,00	1,00	0,00	4,00	1,65	1,28
Ответственность	24	3,42	3,00	3,00	2,00	5,00	0,86	0,93
Отношение к семье	24	9,58	12,00	12,00	-16,00	28,00	84,17	9,17
Отношение к миру	24	13,87	13,50	11,00	-11,00	28,00	59,60	7,72

Приложение 3

Таблица 3.4.1. – Описательные статистики для группы подростков

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ответственность	64	14,15	14,00	Множ.	7,00	20,00	6,61	2,57
Рефлексивность	64	5,31	5,01	Множ	2,00	7,00	11,09	2,45
Зрелость	64	53,97	50,00	48,00	37,00	81,00	127,00	11,27
Мотивация достижений (Гильбух)	64	19,63	19,00	17,00	10,00	33,00	14,55	3,81
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	64	26,36	27,00	27,00	11,00	51,00	40,72	6,38
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	64	8,76	8,00	7,00	4,00	18,00	11,05	3,32
Жизненная установка. (Гильбух)	64	19,02	18,00	12,00	10,00	33,00	38,53	6,21
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	64	11,24	11,00	11,00	6,00	21,00	10,46	3,23
Воспитание детей	64	2,49	2,80	3,00	1,00	3,10	0,42	0,65
Материальный фактор	64	1,90	2,00	2,00	1,00	4,00	0,61	0,78
Эмоциональный климат	64	3,07	3,00	3,00	2,00	4,00	0,31	0,56
Досуг	64	2,69	2,60	2,60	1,30	3,60	0,29	0,54
Хозяйственная сфера	64	2,54	2,60	3,00	1,60	3,00	0,21	0,46
Семейная культура	64	2,39	2,30	3,00	1,00	4,00	0,47	0,68
Гендерная установки	64	21,15	21,00	21,00	15,00	27,00	12,44	3,53
Гендерная самооценка	64	3,78	4,20	4,20	1,50	5,00	1,42	1,19
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	64	2,68	2,80	3,00	2,00	4,00	0,27	0,52
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	64	3,22	3,00	3,00	2,00	4,50	0,33	0,57
Собственный престиж (ОТЕЦ)	64	6,24	6,00	5,00	4,00	10,00	2,43	1,56
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	64	6,42	6,00	5,00	3,00	10,00	2,94	1,71
Креативность (ОТЕЦ)	64	6,51	6,00	5,00	4,00	10,00	2,87	1,70

Продолжение таблицы 3.4.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	64	5,51	5,00	5,00	3,00	8,00	1,32	1,15
Развитие себя (ОТЕЦ)	64	5,68	6,00	Мн.	4,00	9,00	1,77	1,33
Достижения (ОТЕЦ)	64	5,63	6,00	5,00	4,00	7,00	0,93	0,96
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	64	5,53	5,00	5,00	4,00	9,00	1,63	1,28
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	64	5,73	5,00	5,00	4,00	9,00	1,48	1,22
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	64	5,88	6,00	Мн.	4,00	9,00	1,00	1,00
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	64	5,47	5,00	5,00	3,00	9,00	1,67	1,29
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	64	6,20	6,00	6,00	4,00	9,00	1,72	1,31
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	64	6,02	6,00	5,00	3,00	10,00	2,50	1,58
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	64	6,66	6,00	6,00	2,00	10,00	4,30	2,07

Таблица 3.4.2. – Описательные статистики для кластеров

	Кластер 1 20 набл.		Кластер 2 20 набл.		Кластер 3 18 набл.	
Параметры	**Среднее**	**Дисперс.**	**Среднее**	**Дисперс.**	**Среднее**	**Дисперс.**
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
Ответственность	-0,47	1,36	-0,13	0,64	0,68	0,37
Рефлексивность	-0,55	0,45	-0,04	0,56	0,57	0,32
Зрелость	-0,63	0,37	0,06	0,89	0,63	1,06
Мотивация достижений (Гильбух)	-0,71	0,80	0,16	0,42	0,61	1,00
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	-0,60	1,11	0,03	0,19	0,62	1,11
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	-0,06	0,47	-0,59	0,50	0,76	1,25
Жизненная установка. (Гильбух)	-0,03	0,90	-0,67	0,29	0,82	0,80
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,31	0,53	0,03	0,69	0,30	1,79
Воспитание детей	-0,18	0,73	0,55	0,21	-0,44	1,72
Материальный фактор	0,07	0,77	-0,30	0,87	0,27	1,33
Эмоциональный климат	-0,08	0,48	-0,42	1,00	0,58	1,10
Досуг	-0,46	0,57	0,37	1,34	0,08	0,77
Хозяйственная сфера	-0,42	1,03	0,22	0,74	0,20	1,09
Семейная культура	0,38	1,43	-0,24	0,49	-0,14	0,98
Гендерная установки	0,16	0,86	-0,34	1,03	0,22	1,02
Гендерная самооценка	0,00	0,95	0,07	0,96	-0,09	1,21
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,22	1,45	0,05	0,89	0,19	0,65
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,24	1,02	-0,26	0,90	0,56	0,73
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,47	0,63	0,80	0,93	-0,40	0,39
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,28	0,66	0,78	0,88	-0,60	0,41

Продолжение таблицы 3.4.2.

1	2	3	4	5	6	7
Креативность (ОТЕЦ)	-0,24	0,88	0,35	1,04	-0,14	0,97
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,18	1,12	0,14	0,93	0,04	1,00
Развитие себя (ОТЕЦ)	-0,40	0,55	-0,08	0,65	0,53	1,53
Достижения (ОТЕЦ)	0,39	0,45	-0,45	1,14	0,10	1,12
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,21	0,62	-0,19	1,66	-0,02	0,67
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,19	0,39	0,38	1,67	-0,23	0,73
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,03	0,66	0,12	1,10	-0,10	1,36
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,60	0,70	0,22	0,47	0,41	1,41
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,46	0,94	-0,05	0,48	0,57	1,20
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,11	0,81	-0,04	1,14	0,16	1,12
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,04	0,98	0,19	0,76	-0,27	1,31

Таблица 3.4.5. – Описательные статистики по интегральному показателю для всей группы подростков и юношей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,67	0,63	Мн.	0,37	0,86	0,01	0,09
Аксиологический компонент	0,65	0,62	Мн.	0,56	0,78	0,00	0,05
Праксиологический компонент *	0,71	0,60	Мн.	0,35	1,00	0,02	0,13
Интегральный показатель	0,65	0,57	Мн.	0,48	0,80	0,01	0,07

Таблица 3.4.6. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из неполных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,65	0,63	0,67	0,37	0,86	0,01	0,11
Аксиологический компонент	0,63	0,58	Мн.	0,58	0,78	0,00	0,06
Праксиологический компонент *	0,67	0,65	0,75	0,40	1,00	0,02	0,13
Интегральный показатель	0,61	0,57	Мн.	0,48	0,80	0,01	0,08

Таблица 3.4.7. – Описательные статистики по интегральному показателю детей-подростков и юношей из полных семей

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Мин.	Макс.	Дисп.	Ст.откл.
Рефлексивно-регулятивный компонент	0,66	0,65	Мн.	0,41	0,66	0,00	0,06
Аксиологический компонент	0,65	0,59	Мн.	0,56	0,76	0,00	0,05
Праксиологический компонент *	0,71	0,70	0,70	0,35	0,90	0,02	0,12
Интегральный показатель	0,65	0,59	Мн.	0,48	0,79	0,00	0,07

Таблица 5.3.1. – Описательные статистики экспериментальной группы подростков до воздействия (2016 год)

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Семья	15	1,42	1,00	1,00	1,00	2,00	0,26	0,51
Возраст	15	16,50	16,00	16,00	16,00	16,00	0,00	0,00
Рефлексивность	15	0,14	0,53	0,15	0,01	1,96	0,74	0,96
Зрелость	15	-0,11	-0,53	-0,62	-0,88	1,96	0,74	0,86
Мотивация достижений (Гильбух)	15	-0,15	-0,43	-0,69	-1,21	1,41	0,55	0,74
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	15	0,04	0,10	0,10	-0,84	0,57	0,12	0,35
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	15	-0,61	-0,83	-1,13	-1,43	0,97	0,48	0,69
Жизненная установка. (Гильбух)	15	-0,66	-0,49	-1,13	-1,13	0,32	0,19	0,44
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	15	-0,20	-0,38	-0,69	-1,62	1,78	0,84	0,92
Воспитание детей	15	0,16	0,47	0,78	-0,76	0,78	0,47	0,68
Материальный фактор	15	-0,21	0,13	0,13	-1,15	1,41	0,70	0,84
Эмоциональный климат	15	-0,32	-0,12	-0,12	-1,92	1,67	0,92	0,96
Досуг	15	-0,06	-0,17	-0,17	-1,29	1,68	0,90	0,95
Хозяйственная сфера	15	-0,17	0,14	0,14	-2,04	1,01	0,91	0,96
Семейная культура	15	0,12	-0,13	0,89	-2,04	2,36	1,32	1,15
Гендерная установки	15	-0,27	-0,04	Мн.	-1,74	1,09	0,87	0,93
Гендерная самооценка	15	0,12	0,35	Мн.	-1,50	1,02	0,79	0,89
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	15	-0,34	-0,74	-1,32	-1,32	1,38	0,99	0,99
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	15	-0,31	-0,39	-0,39	-2,14	1,36	1,17	1,08
Собственный престиж (ОТЕЦ)	15	0,39	0,49	0,49	-1,44	2,42	1,07	1,03
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	15	0,40	0,34	1,50	-1,41	1,50	1,17	1,08
Креативность (ОТЕЦ)	15	0,04	-0,30	-0,89	-1,48	2,06	0,98	0,99

Продолжение таблицы 5.3.1.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	15	0,06	-0,44	-0,44	-1,31	2,17	1,12	1,06
Развитие себя (ОТЕЦ)	15	-0,23	-0,51	Мн.	-1,26	1,74	0,83	0,91
Достижения (ОТЕЦ)	15	-0,21	-0,65	-0,65	-1,69	1,43	1,24	1,11
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	15	0,21	-0,41	-0,41	-1,19	2,72	1,74	1,32
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	15	0,44	0,22	Мн.	-1,42	2,69	1,72	1,31
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	15	-0,04	0,12	0,12	-1,88	1,12	0,80	0,90
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	15	-0,16	-0,37	-0,37	-1,92	1,18	0,72	0,85
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	15	-0,03	-0,16	Мн.	-1,68	1,37	0,79	0,89
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	15	0,09	-0,01	0,62	-1,91	1,89	0,77	0,88
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	15	0,29	0,16	Мн.	-2,25	1,61	1,03	1,02

Таблица 5.3.2. – Описательные статистики контрольной группы до воздействия (2016 год)

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Семья	24	1,50	1,50	Мн.	1,00	2,00	0,26	0,51
Возраст	24	16,00	16,00	16,00	14,00	18,00	0,68	0,82
Рефлексивность	24	0,15	0,54	0,15	0,01	1,76	0,64	0,96
Зрелость	24	-0,27	-0,53	Мн.	-1,51	2,13	0,75	0,87
Мотивация достижений (Гильбух)	24	-0,25	-0,30	-0,69	-2,52	1,41	0,74	0,86
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	24	-0,26	0,10	0,10	-2,41	1,04	0,68	0,83
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	24	-0,31	-0,53	-0,53	-1,43	1,88	0,56	0,75
Жизненная установка. (Гильбух)	24	-0,35	-0,49	-1,13	-1,45	1,45	0,69	0,83
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	24	-0,17	-0,23	0,24	-1,62	1,78	0,63	0,80
Воспитание детей	24	0,02	0,63	0,78	-2,30	0,94	0,95	0,98
Материальный фактор	24	-0,04	0,13	0,13	-1,15	2,69	0,96	0,98
Эмоциональный климат	24	-0,04	-0,12	-0,12	-1,92	1,67	0,94	0,97
Досуг	24	0,03	-0,17	-0,17	-2,59	1,68	1,08	1,04
Хозяйственная сфера	24	0,01	0,14	1,01	-2,04	1,01	1,00	1,00
Семейная культура	24	0,00	-0,13	0,89	-2,04	2,36	1,01	1,00
Гендерная установки	24	0,00	0,10	Мн.	-1,74	1,66	0,98	0,99
Гендерная самооценка	24	0,01	0,35	0,35	-1,92	1,02	0,96	0,98
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	24	-0,05	0,22	0,61	-1,32	2,54	1,09	1,04
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	24	-0,16	-0,39	-0,39	-2,14	2,24	1,06	1,03
Собственный престиж (ОТЕЦ)	24	0,07	-0,15	-0,79	-1,44	2,42	1,02	1,01

Продолжение таблицы 5.3.2.

1	1	1	1	1	1	1	1	1
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	24	0,22	0,34	Мн.	-1,41	2,09	1,01	1,00
Креативность (ОТЕЦ)	24	-0,02	-0,30	-0,89	-1,48	2,06	0,99	1,00
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	24	-0,07	-0,44	-0,44	-2,18	2,17	1,00	1,00
Развитие себя (ОТЕЦ)	24	-0,25	-0,51	-0,51	-1,26	1,74	0,58	0,76
Достижения (ОТЕЦ)	24	0,03	0,39	-0,65	-1,69	1,43	1,00	1,00
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	24	0,02	-0,41	-0,41	-1,19	2,72	1,15	1,07
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	24	0,04	-0,60	-0,60	-1,42	2,69	1,10	1,05
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	24	0,01	0,12	0,12	-1,88	2,12	0,84	0,92
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	24	-0,21	-0,37	-0,37	-1,92	1,18	0,66	0,81
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	24	-0,17	-0,16	-0,16	-1,68	1,37	0,77	0,88
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	24	-0,04	-0,01	-0,64	-1,91	1,89	0,86	0,92
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	24	0,11	0,16	-0,32	-2,25	1,61	1,06	1,03

Таблица 5.3.3. – Описательные статистики экспериментальной группы подростков после воздействия (2016 год)

	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Частота - моды	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ответственность	15	16,50	16,00	16,00	6,00	14,00	20,00	2,57	1,60
Рефлексивность	15	6,39	5,01	Множест	2,00	2,00	7,00	21,09	2,45
Зрелость	15	63,00	59,00	Множест.	2,00	48,00	81,00	116,71	10,80
Мотивация достижений (Гильбух)	15	22,47	23,00	23,00	4,00	16,00	33,00	15,55	3,94
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	15	31,13	30,00	29,00	3,00	21,00	51,00	50,55	7,11
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	15	11,80	11,00	Множест.	2,00	6,00	18,00	13,60	3,69
Жизненная установка. (Гильбух)	15	25,33	25,00	25,00	4,00	18,00	33,00	20,52	4,53
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	15	12,87	11,00	11,00	4,00	7,00	21,00	19,12	4,37
Воспитание детей	15	2,45	2,80	3,00	7,00	1,00	3,00	0,51	0,71
Материальный фактор	15	2,00	2,00	2,00	8,00	1,00	4,00	0,71	0,85
Эмоциональный климат	15	3,14	3,10	Множест.	4,00	2,00	4,00	0,38	0,62
Досуг	15	2,65	2,60	2,60	5,00	2,00	3,60	0,24	0,49
Хозяйственная сфера	15	2,53	2,60	3,00	5,00	1,60	3,00	0,23	0,48
Семейная культура	15	2,40	2,30	3,00	4,00	1,60	4,00	0,49	0,70
Гендерная установки	15	21,13	21,00	Множест.	2,00	15,00	27,00	14,12	3,76
Гендерная самооценка	15	3,75	4,20	Множест.	4,00	1,50	5,00	1,70	1,30
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	15	2,76	2,80	2,80	4,00	2,00	3,40	0,21	0,45
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	15	3,49	3,50	Множест	5,00	3,00	4,00	0,19	0,43

Продолжение таблицы 5.3.3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Собственный престиж (ОТЕЦ)	15	5,93	6,00	5,00	5,00	4,00	10,00	2,35	1,53
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	15	5,33	5,00	5,00	6,00	3,00	7,00	1,38	1,18
Креативность (ОТЕЦ)	15	6,60	6,00	5,00	4,00	4,00	10,00	3,11	1,76
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	15	5,73	6,00	5,00	5,00	4,00	8,00	1,35	1,16
Развитие себя (ОТЕЦ)	15	6,67	6,00	Множест.	4,00	4,00	9,00	2,81	1,68
Достижения (ОТЕЦ)	15	5,53	5,00	5,00	6,00	4,00	7,00	0,98	0,99
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	15	5,47	5,00	5,00	7,00	4,00	7,00	0,98	0,99
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	15	5,60	5,00	5,00	6,00	4,00	7,00	1,11	1,06
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	15	5,87	6,00	5,00	6,00	4,00	9,00	1,55	1,25
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	15	6,27	6,00	5,00	5,00	4,00	9,00	2,64	1,62
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	15	6,87	7,00	7,00	5,00	5,00	9,00	2,41	1,55
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	15	6,20	5,00	5,00	6,00	4,00	10,00	3,74	1,93
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	15	6,00	6,00	Множест.	4,00	4,00	9,00	3,14	1,77

Таблица 5.3.4. – Описательные статистики контрольной группы после воздействия (2016 год)

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Частота - моды	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ответственность	24	13,52	14,00	15,00	10,00	7,00	18,00	6,49	2,55
Рефлексивность	24	5,09	5,01	Множест	4,00	2,00	7,00	11,09	2,45
Зрелость	24	50,89	48,00	Множест.	6,00	37,00	78,00	95,13	9,75
Мотивация достижений (Гильбух)	24	18,66	18,50	17,00	8,00	10,00	25,00	10,79	3,28
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	24	24,73	27,00	27,00	10,00	11,00	33,00	27,78	5,27
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	24	7,73	7,00	7,00	8,00	4,00	15,00	6,16	2,48
Жизненная установка. (Гильбух)	24	16,86	16,00	12,00	11,00	10,00	28,00	26,63	5,16
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	24	10,68	10,50	12,00	8,00	6,00	17,00	6,64	2,58
Воспитание детей	24	2,51	2,90	3,00	21,00	1,00	3,10	0,40	0,63
Материальный фактор	24	1,86	2,00	2,00	24,00	1,00	4,00	0,59	0,77
Эмоциональный климат	24	3,05	3,00	3,00	15,00	2,00	4,00	0,29	0,54
Досуг	24	2,71	2,60	2,60	13,00	1,30	3,60	0,31	0,56
Хозяйственная сфера	24	2,54	2,60	3,00	15,00	1,60	3,00	0,21	0,46
Семейная культура	24	2,39	2,30	3,00	10,00	1,00	4,00	0,47	0,69
Гендерная установки	24	21,16	21,50	Множест.	6,00	15,00	27,00	12,18	3,49
Гендерная самооценка	24	3,79	4,20	4,20	11,00	1,50	5,00	1,36	1,17
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	24	2,66	2,80	3,00	16,00	2,00	4,00	0,29	0,54
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	24	3,13	3,00	3,00	20,00	2,00	4,50	0,35	0,59
Собственный престиж (ОТЕЦ)	24	6,34	6,00	5,00	15,00	4,00	10,00	2,46	1,57
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	24	6,80	7,00	Множест.	10,00	4,00	10,00	2,96	1,72
Креативность (ОТЕЦ)	24	6,48	6,00	5,00	14,00	4,00	10,00	2,86	1,69
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	24	5,43	5,00	5,00	17,00	3,00	8,00	1,32	1,15

Продолжение таблицы 5.3.4.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Развитие себя (ОТЕЦ)	24	5,34	5,00	5,00	15,00	4,00	8,00	1,02	1,01
Достижения (ОТЕЦ)	24	5,66	6,00	5,00	15,00	4,00	7,00	0,93	0,96
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	24	5,55	5,00	5,00	18,00	4,00	9,00	1,88	1,37
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	24	5,77	5,00	5,00	19,00	4,00	9,00	1,62	1,27
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	24	5,89	6,00	6,00	16,00	4,00	8,00	0,85	0,92
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	24	5,20	5,00	5,00	19,00	3,00	7,00	1,10	1,05
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	24	5,98	6,00	6,00	17,00	4,00	8,00	1,33	1,15
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	24	5,95	6,00	5,00	15,00	3,00	9,00	2,14	1,46
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	24	6,89	7,00	6,00	10,00	2,00	10,00	4,57	2,14

Таблица 5.3.5. – Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год)

Параметры*	Среднее ЭГ2	Среднее КГ2	t-знач.	p	Ст.откл. - 1	Ст.откл. - 2
Ответственность	16,00	13,52	3,52	0,00	1,60	2,55
Зрелость	63,00	50,89	4,04	0,00	10,80	9,75
Мотивация достижений (Гильбух)	22,47	18,66	3,68	0,00	3,94	3,28
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	31,13	24,73	3,71	0,00	7,11	5,27
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	11,80	7,73	4,82	0,00	3,69	2,48
Жизненная установка. (Гильбух)	25,33	16,86	5,65	0,00	4,53	5,16
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	12,87	10,68	2,35	0,02	4,37	2,58
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	3,49	3,13	2,14	0,04	0,43	0,59
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	5,33	6,80	3,05	0,00	1,18	1,72
Развитие себя (ОТЕЦ)	6,67	5,34	3,67	0,00	1,68	1,01
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	6,27	5,20	2,92	0,00	1,62	1,05
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	6,87	5,98	2,36	0,02	1,55	1,15

* представлены только значимые при $p \leq 0,05$ отличия

Приложение 4

Таблица 3.5.1. – Описательные статистики для выборки взрослых

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Возраст	127	29,72	29,00	28,00	24,00	36,00	5,96	2,44
Отцовские установки	127	19,44	21,00	23,00	8,00	28,00	29,76	5,45
Собственный престиж (ОТЕЦ)	127	6,11	6,00	5,00	4,00	10,00	2,34	1,53
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	127	5,96	6,00	5,00	3,00	10,00	2,67	1,63
Креативность (ОТЕЦ)	127	5,86	6,00	5,00	3,00	10,00	2,19	1,48
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	127	5,77	5,00	5,00	3,00	10,00	2,35	1,53
Развитие себя (ОТЕЦ)	127	5,67	5,00	5,00	4,00	10,00	1,78	1,33
Достижения (ОТЕЦ)	127	5,62	6,00	5,00	4,00	7,00	0,87	0,93
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	127	5,47	5,00	5,00	4,00	9,00	1,11	1,05
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	127	5,38	5,00	5,00	4,00	9,00	0,98	0,99
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	127	5,57	6,00	5,00	4,00	7,00	0,77	0,88
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	127	5,33	5,00	5,00	3,00	7,00	0,91	0,95
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	127	5,61	6,00	6,00	2,00	8,00	1,45	1,20
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	127	5,91	5,00	5,00	2,00	10,00	3,98	2,00
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	127	6,10	6,00	Мн.	2,00	10,00	4,19	2,05
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	127	2,85	2,80	3,40	2,00	4,00	0,27	0,52
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	127	3,63	4,00	4,00	2,00	4,10	0,36	0,60
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	127	2,62	3,00	3,10	0,00	4,00	0,75	0,86
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	127	3,34	3,50	4,00	1,00	4,50	0,65	0,81

Продолжение таблицы 3.5.1.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	127	1,86	1,80	1,60	1,00	3,00	0,13	0,36
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	127	3,31	4,00	4,00	0,00	4,20	1,45	1,21
Личностный дифференциал: Сила	127	39,52	42,00	42,00	23,00	44,00	17,62	4,20
Личностный дифференциал: Оценка	127	37,72	39,00	Мн.	22,00	43,00	34,05	5,83
Личностный дифференциал: Активность	127	33,91	33,00	42,00	21,00	42,00	39,25	6,26
Цели в жизни. (СЖО)	127	31,65	32,00	27,00	27,00	37,00	11,12	3,33
Процесс жизни (СЖО)	127	30,08	31,00	23,00	22,00	38,00	23,55	4,85
Результативность жизни (СЖО)	127	27,44	27,00	28,00	18,00	38,00	22,38	4,73
Локус контроля – Я (СЖО)	127	19,57	20,00	19,00	12,00	24,00	7,82	2,80
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	127	28,11	29,00	29,00	17,00	33,00	11,97	3,46
Осмысленность жизни (СЖО)	127	104,75	109,00	110,00	80,00	121,00	164,09	12,81
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	127	6,50	7,00	8,00	4,00	8,00	2,49	1,58
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	127	6,73	7,00	6,00	4,00	9,00	1,86	1,37
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	127	14,45	14,00	13,00	10,00	27,00	9,87	3,14
Рефлексивность	127	4,98	4,00	4,56	3,00	7,00	0,98	0,99
Зрелость (Гильбух)	127	49,22	50,00	Мн.	34,00	78,00	103,82	10,19
Мотивация достижений (Гильбух)	127	19,62	19,00	19,00	13,00	30,00	15,46	3,93
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	127	25,02	26,00	27,00	13,00	49,00	39,71	6,30
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	127	7,73	7,00	7,00	4,00	16,00	10,01	3,16
Жизненная установка. (Гильбух)	127	16,04	16,00	12,00	3,00	29,00	60,50	7,78

Продолжение таблицы 3.5.1.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	127	10,62	11,00	12,00	5,00	20,00	11,81	3,44
Шкала общей интернальности (Ио)	127	5,77	6,00	5,00	4,00	9,00	1,37	1,17
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	127	5,57	5,00	5,00	3,00	8,00	1,33	1,15
Школа интернальности в области неудач (Ин)	127	5,71	6,00	5,00	3,00	10,00	2,22	1,49
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	127	5,64	5,00	5,00	3,00	9,00	2,06	1,43
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	127	5,58	5,00	5,00	4,00	10,00	1,39	1,18
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	127	5,34	5,00	5,00	3,00	9,00	1,19	1,09
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	127	5,32	5,00	5,00	2,00	7,00	0,98	0,99
Удовлетворенность браком	127	33,24	32,00	29,00	23,00	48,00	45,71	6,76
Маскулинность (МИФ)	45	-1,10	-1,20	-1,30	-14,30	-1,30	32,88	5,73
Оценка супруги (МИФ)	45	1,09	1,00	1,60	0,00	9,60	13,12	3,62

Таблица 3.5.2. – Описательные статистики для первого кластера

Параметры	Среднее	Ст - отклон.	Дисперсия
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,38	0,99	0,98
Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,13	1,17	1,36
Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,09	0,64	0,41
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,52	0,90	0,81
Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	0,19	1,14	1,30
Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,15	0,67	0,45
Личностный дифференциал: Сила	-0,27	1,14	1,30
Личностный дифференциал: Оценка	-0,28	1,12	1,25
Личностный дифференциал: Активность	-0,47	0,84	0,71
Отцовские установки	0,20	0,92	0,85

Таблица 3.5.3. – Описательные статистики для второго кластера

Параметры	Среднее	Ст - отклон.	Дисперс.
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	0,59	0,69	0,47
Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	-0,20	0,63	0,39
Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	-0,13	1,38	1,91
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	0,80	0,50	0,25
Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,29	0,64	0,42
Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	-0,24	1,34	1,78
Личностный дифференциал: Сила	0,41	0,53	0,28
Личностный дифференциал: Оценка	0,43	0,57	0,33
Личностный дифференциал: Активность	0,72	0,78	0,61
Отцовские установки	-0,30	1,04	1,09

Таблица 3.5.4. – Описательные статистики по шкалам ценностей для первого кластера выборки взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
Собственный престиж (ОТЕЦ)	0,45	1,02	1,04
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,47	1,02	1,04
Креативность (ОТЕЦ)	0,20	1,01	1,03
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	0,24	1,08	1,17
Развитие себя (ОТЕЦ)	0,05	0,99	0,98
Достижения (ОТЕЦ)	-0,47	0,90	0,82
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	-0,48	0,89	0,79
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	0,22	1,14	1,31
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,43	0,87	0,75
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,15	0,93	0,87
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,21	1,15	1,31
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,15	1,06	1,11
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	-0,03	1,00	0,99

Таблица 3.5.5. – Описательные статистики по шкалам ценностей для второго кластера выборки взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,60	0,57	0,32
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,62	0,52	0,27
Креативность (ОТЕЦ)	-0,26	0,93	0,86
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,31	0,79	0,62
Развитие себя (ОТЕЦ)	-0,07	1,02	1,03
Достижения (ОТЕЦ)	0,62	0,75	0,57
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,62	0,78	0,60
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,29	0,68	0,46
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	0,57	0,87	0,76
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,19	1,06	1,12
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,47	0,69	0,48
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	0,20	0,89	0,80
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,04	1,01	1,03

Таблица 3.5.7. – Описательные статистики для кластера 1.1 по выборке взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперсия
1	2	3	4
Отцовские установки	0,02	0,97	0,94
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,09	0,96	0,92
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,24	0,95	0,90
Креативность (ОТЕЦ)	-0,36	0,87	0,75
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,08	1,16	1,35
Развитие себя (ОТЕЦ)	0,05	1,17	1,36
Достижения (ОТЕЦ)	-0,13	0,92	0,85
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	-0,45	0,66	0,44
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,29	0,70	0,49
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,04	0,79	0,62
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,07	0,84	0,71
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	0,14	1,30	1,69
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,56	0,95	0,91
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,14	0,94	0,88
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,73	0,76	0,58
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	-0,46	1,38	1,90
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	-0,86	1,15	1,32
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,10	1,25	1,55
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	0,44	1,39	1,92
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	-0,81	1,18	1,40
Личностный дифференциал: Сила	0,03	1,29	1,66
Личностный дифференциал: Оценка	-0,36	1,09	1,20
Личностный дифференциал: Активность	-0,37	1,05	1,10
Цели в жизни. (СЖО)	-0,92	0,79	0,62
Процесс жизни (СЖО)	-0,99	0,75	0,56
Результативность жизни (СЖО)	-0,53	0,98	0,97
Локус контроля – Я (СЖО)	-0,59	0,76	0,58
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	-0,55	0,89	0,79
Осмысленность жизни (СЖО)	-0,92	1,00	0,99

Продолжение таблицы 3.5.7.

1	2	3	4
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	-0,43	1,05	1,09
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	0,02	1,00	1,01
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	-0,30	0,54	0,29
Зрелость (Гильбух)	0,06	1,13	1,28
Мотивация достижений (Гильбух)	-0,29	1,08	1,17
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	0,11	1,38	1,91
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	0,30	1,12	1,26
Жизненная установка. (Гильбух)	0,20	0,95	0,89
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,03	1,14	1,31
Шкала общей интернальности (Ио)	-0,42	0,86	0,74
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	0,04	0,72	0,52
Школа интернальности в области неудач (Ин)	0,04	1,20	1,44
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	0,09	1,05	1,11
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	0,21	0,74	0,55
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	-0,15	0,83	0,68
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	-0,41	0,97	0,94
Маскулинность (МИФ)	0,8	0,81	0,65
Удовлетворенность браком	-0,41	0,78	0,60

Таблица 3.5.8. – Описательные статистики для кластера 1.2. по выборке взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперсия
1	2	3	4
Отцовские установки	-0,18	0,96	0,92
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,07	0,95	0,90
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,64	0,87	0,75
Креативность (ОТЕЦ)	0,10	1,16	1,35
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	0,10	1,17	1,36
Развитие себя (ОТЕЦ)	0,25	0,92	0,85
Достижения (ОТЕЦ)	-0,67	0,66	0,44
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,50	0,70	0,49
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	0,64	0,79	0,62
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	-0,79	0,84	0,71
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	-0,40	1,30	1,69
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,51	0,95	0,91
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	0,05	0,94	0,88
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	-0,05	0,76	0,58
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	-0,10	1,38	1,90
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,61	1,15	1,32
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,56	1,25	1,55
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	-0,80	1,39	1,92
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,16	1,18	1,40
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,66	1,29	1,66
Личностный дифференциал: Сила	0,83	1,09	1,20
Личностный дифференциал: Оценка	-0,29	1,05	1,10
Личностный дифференциал: Активность	-0,62	0,79	0,62
Цели в жизни. (СЖО)	-0,09	0,75	0,56
Процесс жизни (СЖО)	0,19	0,98	0,97
Результативность жизни (СЖО)	0,39	0,76	0,58
Локус контроля – Я (СЖО)	-0,71	0,89	0,79
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	-0,21	1,00	0,99
Осмысленность жизни (СЖО)	-0,60	1,05	1,09

Продолжение таблицы 3.5.8

1	2	3	4
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	0,31	1,00	1,01
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	-0,54	0,54	0,29
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	0,18	1,13	1,28
Зрелость (Гильбух)	-0,41	1,08	1,17
Мотивация достижений (Гильбух)	-0,41	1,38	1,91
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	-0,32	1,12	1,26
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	0,03	0,95	0,89
Жизненная установка. (Гильбух)	0,02	1,14	1,31
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,76	0,86	0,74
Шкала общей интернальности (Ио)	-0,66	0,72	0,52
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	0,24	1,20	1,44
Школа интернальности в области неудач (Ин)	-0,82	1,05	1,11
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	0,25	0,74	0,55
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	-0,49	0,83	0,68
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	0,52	0,97	0,94
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	0,68	0,78	0,60
Маскулинность (МИФ)	0,1	0,84	0,64
Удовлетворенность браком	0,11	0,96	0,92

Таблица 3.5.9. – Описательные статистики для кластера 2.1. по выборке взрослых

Параметры	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
1	2	3	4
Отцовские установки	0,23	0,91	0,83
Собственный престиж (ОТЕЦ)	0,11	1,12	1,26
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	-0,34	1,00	1,01
Креативность (ОТЕЦ)	0,35	0,99	0,98
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	-0,20	0,79	0,63
Развитие себя (ОТЕЦ)	-0,28	0,70	0,48
Достижения (ОТЕЦ)	0,25	1,07	1,14
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	0,03	0,96	0,93
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	-0,14	0,86	0,75
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	0,12	1,02	1,04
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,02	1,05	1,11
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,05	0,83	0,69
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	0,39	0,87	0,76
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	0,10	1,07	1,14
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	0,47	0,91	0,83
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,28	0,54	0,29
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,50	0,44	0,20
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	0,04	0,85	0,73
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,29	0,56	0,32
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,51	0,34	0,12
Личностный дифференциал: Сила	0,08	0,65	0,42
Личностный дифференциал: Оценка	0,47	0,56	0,32
Личностный дифференциал: Активность	0,43	0,76	0,58
Цели в жизни. (СЖО)	0,60	0,64	0,41
Процесс жизни (СЖО)	0,55	0,64	0,41
Результативность жизни (СЖО)	0,15	0,91	0,83
Локус контроля – Я (СЖО)	0,49	0,69	0,47
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	0,54	0,44	0,20
Осмысленность жизни (СЖО)	0,54	0,46	0,21

Продолжение таблицы 3.5.9.

1	2	3	4
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	0,18	0,91	0,83
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	-0,12	1,02	1,05
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	0,19	1,26	1,58
Зрелость (Гильбух)	0,19	0,89	0,79
Мотивация достижений (Гильбух)	0,33	0,86	0,75
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	0,11	0,57	0,32
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	-0,21	0,68	0,47
Жизненная установка. (Гильбух)	-0,08	0,99	0,99
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	0,12	0,83	0,68
Шкала общей интернальности (Ио)	0,15	1,06	1,12
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	-0,26	1,16	1,34
Школа интернальности в области неудач (Ин)	0,13	0,61	0,37
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	0,00	1,06	1,12
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	-0,01	1,24	1,53
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	0,07	1,13	1,29
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	0,23	1,04	1,08
Маскулинность (МИФ)	0,5	0,78	0,51
Удовлетворенность браком	-0,13	0,78	0,61

Таблица 3.5.10. – Описательные статистики для кластера 2.2. по выборке взрослых

	Среднее	Стандарт - отклон.	Дисперс.
1	2	3	4
Отцовские установки	0,77	1,07	1,14
Собственный престиж (ОТЕЦ)	-0,21	0,58	0,34
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	0,59	0,70	0,49
Креативность (ОТЕЦ)	-0,44	1,07	1,14
Активные социальные контакты (ОТЕЦ)	0,57	0,32	0,11
Развитие себя (ОТЕЦ)	1,00	1,10	1,21
Достижения (ОТЕЦ)	-0,51	0,71	0,50
Духовное удовлетворение (ОТЕЦ)	1,18	1,20	1,45
Сохранение собственной индивидуальности (ОТЕЦ)	1,13	1,36	1,84
Сфера профессиональной жизни (ОТЕЦ)	0,08	1,23	1,52
Сфера обучения и образования (ОТЕЦ)	0,55	1,00	0,99
Сфера семейной жизни (ОТЕЦ)	-0,09	0,63	0,40
Сфера общественной жизни (ОТЕЦ)	-0,21	0,85	0,72
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	-0,89	0,49	0,24
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	0,32	0,82	0,68
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	0,10	0,70	0,48
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	0,38	0,30	0,09
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	0,38	0,68	0,46
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	-0,12	0,64	0,41
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	0,18	0,70	0,49
Личностный дифференциал: Сила	-0,69	1,08	1,18
Личностный дифференциал: Оценка	-0,83	1,32	1,73
Личностный дифференциал: Активность	-0,57	1,13	1,28
Цели в жизни. (СЖО)	0,62	0,30	0,09
Процесс жизни (СЖО)	0,75	0,51	0,26
Результативность жизни (СЖО)	0,65	0,51	0,26
Локус контроля – Я (СЖО)	0,51	0,74	0,55
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	0,28	0,53	0,28

Продолжение таблицы 3.5.10.

1	2	3	4
Осмысленность жизни (СЖО)	0,78	0,27	0,07
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	0,50	0,91	0,83
Принятие ответственности другого лица (Прядеин)	0,61	0,80	0,64
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	0,08	0,81	0,66
Зрелость (Гильбух)	0,93	0,59	0,35
Мотивация достижений (Гильбух)	0,43	1,00	1,00
Чувство гражданского долга. (Гильбух)	0,76	0,87	0,76
Отношение к своему «Я» («Я» - концепция). (Гильбух)	-0,37	1,45	2,10
Жизненная установка. (Гильбух)	-0,57	1,03	1,05
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	-0,22	1,27	1,61
Шкала общей интернальности (Ио)	0,87	0,36	0,13
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	0,69	0,43	0,19
Школа интернальности в области неудач (Ин)	-0,19	1,33	1,78
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	-0,34	0,60	0,36
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	-0,49	0,00	0,00
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	-0,24	0,56	0,32
Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип)	0,11	0,52	0,27
Маскулинность (МИФ)	0,3	0,67	0,61
Удовлетворенность браком	0,90	0,40	0,16

Таблица 3.5.17. – Описательные статистики выборки мужчин

Параметры	N набл.	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
Возраст	738	30,77	27,00	Мн.	20,00	72,00	100,87	10,04
1.Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	738	43,40	41,00	41,00	25,00	47,00	517,44	22,75
2.Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком (Плек)	738	45,96	47,00	51,00	4,00	59,00	41,05	6,41
3.Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги (Плек)	738	40,99	42,00	47,00	14,00	58,00	53,39	7,31
4.Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	738	32,61	32,00	32,00	17,00	48,00	30,61	5,53
5.Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца (Плек)	738	27,10	27,00	27,00	14,00	47,00	35,79	5,98
6.Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги (Плек)	738	31,64	32,00	35,00	16,00	47,00	33,41	5,78
Удовлетворенность браком	738	34,93	34,00	33,00	4,00	48,00	47,14	6,87
Отношения с отцом	738	1,84	2,00	3,00	0,00	3,00	1,57	1,25

Таблица 5.5.1. – Описательная статистика экспериментальной выборки до экспериментального воздействия (2004 год)

Параметры	Среднее	Медиана	Мода	Минимум	Максим.	Дисперсия	Ст.откл.
1	2	3	4	5	6	7	8
Фактор A	6,00	6,50	7,00	4,00	7,00	5,96	1,41
Фактор B	5,00	4,00	4,00	3,00	9,00	29,76	2,71
Фактор C	6,25	6,00	6,00	6,00	7,00	2,34	0,50
Фактор E	5,75	5,50	5,00	5,00	7,00	2,67	0,96
Фактор F	4,85	6,00	6,00	2,00	7,00	2,19	2,22
Фактор G	4,20	5,00	Мн.	2,00	8,00	2,35	2,58
Фактор H	6,00	7,50	Мн.	5,00	10,00	1,78	2,08
Фактор I	3,75	4,00	4,00	3,00	4,00	0,87	0,50
Фактор L	5,50	5,50	Мн.	5,00	6,00	1,11	0,58
Фактор M	5,20	4,00	Мн.	3,00	5,00	0,98	1,15
Фактор N	7,25	8,00	8,00	4,00	9,00	0,77	2,22
Фактор O	3,25	3,50	Мн.	1,00	5,00	0,91	1,71
Фактор Q1	5,00	4,50	4,00	4,00	7,00	1,45	1,41
Фактор Q2	3,50	3,00	2,00	2,00	6,00	3,98	1,91
Фактор Q3	6,25	6,00	5,00	5,00	8,00	4,19	1,50
Фактор Q4	4,00	3,00	3,00	3,00	5,00	0,27	1,00
Личностный дифференциал: Сила	39,52	37,00	Мн.	11,00	45,00	0,36	1,83
Личностный дифференциал: Оценка	37,72	39,00	5,00	1,00	40,00	0,75	3,27
Личностный дифференциал: Активность	33,91	33,00	6,00	1,00	41,04	0,65	2,99
Предоставление ребенку возможности высказаться	15,75	15,00	Мн.	13,00	20,00	0,13	3,10
Оберегание ребенка от трудностей	11,25	11,00	Мн.	9,00	14,00	1,45	2,22
Ограничение матери ролью хозяйки дома	12,00	12,00	12,00	8,00	16,00	17,62	3,27
Подавление воли ребенка	13,75	12,50	11,00	11,00	19,00	34,05	3,77
«Жертвенность» родителей	14,25	14,50	Мн.	10,00	18,00	39,25	3,50
Страх причинить вред ребенку	15,50	15,50	Мн.	11,00	20,00	11,12	4,20
Супружеские конфликты	12,25	12,00	Мн.	9,00	16,00	23,55	2,99
Строгость родителей	11,00	9,00	9,00	9,00	17,00	22,38	4,00

Продолжение таблицы 5.5.1.

1	2	3	4	5	6	7	8
Раздражительность родителей	12,00	11,00	11,00	9,00	17,00	7,82	3,46
Зависимость ребенка от матери	11,50	11,50	Мн.	10,00	13,00	11,97	1,73
Поощрение зависимости ребенка от родителей	15,00	15,00	15,00	12,00	18,00	164,09	2,45
Подавление агрессивности ребенка	13,75	14,00	15,00	12,00	15,00	2,49	1,50
«Мученичество» родителей	11,50	11,50	Мн.	8,00	15,00	1,86	2,89
Равенство родителей и ребенка	14,75	14,00	Мн.	12,00	19,00	9,87	3,10
Поощрение активности ребенка	15,25	14,50	14,00	14,00	18,00	103,82	1,89
Избегание общения с ребенком	13,50	14,00	15,00	11,00	15,00	15,46	1,91
Невнимательность мужа к жене	12,00	12,50	Мн.	9,00	14,00	39,71	2,16
Подавление сексуальности ребенка	11,50	11,00	11,00	9,00	15,00	10,01	2,52
Власть матери	11,00	11,00	Мн.	8,00	14,00	60,50	2,58
Навязчивость родителей	11,50	10,50	10,00	10,00	15,00	11,81	2,38
Товарищеские отношения между родителями и детьми	15,75	15,50	14,00	14,00	18,00	1,37	2,06
Ускорение развития ребенка	12,75	12,00	12,00	9,00	18,00	1,33	3,77
Необходимость посторонней помощи в воспитании ребенка	14,75	14,00	Мн.	11,00	20,00	2,22	4,11
Цели в жизни. (СЖО)	27,50	26,50	Мн.	19,00	38,00	22,06	7,85
Процесс жизни (СЖО)	25,50	26,50	Мн.	16,00	33,00	11,39	7,05
Результативность жизни (СЖО)	22,25	22,50	Мн.	18,00	26,00	1,19	3,50
Локус контроля – Я (СЖО)	25,50	26,00	Мн.	18,00	32,00	12,98	5,97
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	28,75	26,00	26,00	26,00	37,00	45,71	5,50
Осмысленность жизни (СЖО)	90,60	95,00	Мн.	92,00	114,00	32,88	10,23

Таблица 5.5.2. – Описательная статистика экспериментальной выборки после экспериментального воздействия (2004 год)

Параметры	**Среднее**	**Медиана**	**Мода**	**Минимум**	**Максим.**	Дисперсия	**Ст.откл.**
1	2	3	4	5	6	7	8
Фактор A	4,50	4,50	Мн.	3,00	6,00	0,94	1,29
Фактор B	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,92	0,00
Фактор C	6,75	6,50	6,00	6,00	8,00	0,90	0,96
Фактор E	5,75	6,00	7,00	4,00	7,00	0,75	1,50
Фактор F	1,01	7,00	8,00	5,00	8,00	1,35	1,50
Фактор G	5,75	6,50	7,00	3,00	7,00	1,36	1,89
Фактор H	4,50	7,00	7,00	6,00	9,00	0,85	1,26
Фактор I	3,75	3,50	Мн.	2,00	6,00	0,44	1,71
Фактор L	5,50	5,50	Мн.	4,00	7,00	0,49	1,73
Фактор M	6,75	6,00	6,00	5,00	6,00	0,62	0,50
Фактор N	8,25	8,00	8,00	7,00	10,00	0,71	1,26
Фактор O	4,50	4,50	Мн.	3,00	6,00	1,69	1,29
Фактор Q1	5,75	5,50	5,00	5,00	7,00	0,91	0,96
Фактор Q2	3,25	3,00	2,00	2,00	5,00	0,88	1,50
Фактор Q3	6,75	7,00	8,00	5,00	8,00	0,58	1,50
Фактор Q4	4,50	4,50	Мн.	3,00	6,00	1,90	1,29
Личностный дифференциал: Сила	41,02	39,00	Мн.	11,00	46,70	1,32	0,36
Личностный дифференциал: Оценка	39,62	39,80	5,00	1,00	41,00	1,55	0,75
Личностный дифференциал: Активность	31,80	34,00	6,00	1,00	41,74	1,92	0,65
Предоставление ребенку возможности высказаться	10,75	10,50	9,00	9,00	13,00	1,40	0,36
Оберегание ребенка от трудностей	12,00	13,00	15,00	7,00	15,00	1,66	3,83
Ограничение матери ролью хозяйки дома	10,75	10,50	9,00	9,00	13,00	1,20	2,06
Подавление воли ребенка	13,00	13,00	Мн.	12,00	14,00	1,10	1,15
«Жертвенность» родителей	12,50	12,00	11,00	11,00	15,00	0,62	1,91
Страх причинить вред ребенку	17,25	17,50	Мн.	14,00	20,00	0,56	2,75
Супружеские конфликты	13,50	13,50	Мн.	12,00	15,00	0,97	1,29
Строгость родителей	11,75	10,50	Мн.	8,00	18,00	0,58	4,50
Раздражительность родителей	10,75	11,50	Мн.	6,00	14,00	0,79	3,40

Продолжение таблицы 5.5.2.

1	2	3	4	5	6	7	8
Зависимость ребенка от матери	11,25	11,50	12,00	10,00	12,00	0,99	0,96
Поощрение зависимости ребенка от родителей	14,25	14,00	14,00	13,00	16,00	1,09	1,26
Подавление агрессивности ребенка	13,75	15,00	15,00	8,00	17,00	1,01	3,95
«Мученичество» родителей	12,00	12,00	12,00	9,00	15,00	0,29	2,45
Равенство родителей и ребенка	14,50	15,00	15,00	12,00	16,00	1,28	1,73
Поощрение активности ребенка	15,00	14,00	14,00	13,00	19,00	1,17	2,71
Избегание общения с ребенком	13,00	13,50	Мн.	10,00	15,00	1,91	2,16
Невнимательность мужа к жене	14,25	15,00	Мн.	7,00	20,00	1,26	5,44
Подавление сексуальности ребенка	9,50	11,00	11,00	5,00	11,00	0,89	3,00
Власть матер	12,50	13,00	13,00	11,00	13,00	1,31	1,00
Навязчивость родителей	12,25	12,50	Мн.	10,00	14,00	0,74	1,71
Товарищеские отношения между родителями и детьми	16,25	15,50	15,00	15,00	19,00	0,52	1,89
Ускорение развития ребенка	12,25	11,00	11,00	9,00	18,00	1,44	3,95
Необходимость посторонней помощи в воспитании ребенка	16,25	15,50	Мн.	14,00	20,00	1,11	2,63
Цели в жизни. (СЖО)	31,00	29,50	Мн.	27,00	38,00	32,55	4,83
Процесс жизни (СЖО)	28,50	29,00	Мн.	22,00	34,00	12,68	5,00
Результативность жизни (СЖО)	23,75	23,50	Мн.	20,00	28,00	11,94	3,50
Локус контроля – Я (СЖО)	25,50	24,50	Мн.	20,00	33,00	6,65	5,45
Локус контроля – жизнь или управляемость жизни. (СЖО)	31,25	32,00	Мн.	23,00	38,00	5,60	6,99
Осмысленность жизни (СЖО)	102,50	98,00	Мн.	91,00	123,00	4,00	14,08

Таблица 5.5.3. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2004 год)

Параметры	Среднее	Стд. откл	t	p	Довери т. - -95,0%	Довери т. - +95,0%
Фактор H (16PF)	6,00	1,28				
Фактор H (16PF) 2	4,50	1,17	3,00	0,01	-1,01	-0,13
Фактор G (16PF)	4,20	2,45				
Фактор G (16PF) 2	5,75	0,00	5,66	0,00	-1,86	-0,76
Фактор F (16PF)	4,85	2,01				
Фактор F (16PF) 2	1,01	1,36	0,15	0,04	-0,99	-0,11
Фактор M (16PF)	5,20	1,04				
Фактор M (16PF) 2	6,75	0,45	4,33	0,00	-1,42	-0,17
Фактор Q4 (16PF)	4,00	0,90				
Фактор Q4 (16PF) 2	4,50	1,17	0,35	0,03	-0,86	-0,16
Навязчивость родителей (PARI)	11,40	2,34				
Навязчивость родителей (PARI) 2	12,50	0,90	0,07	0,05	-1,50	-0,12
Оценка себя как отца (анкета)	1,40	0,52				
Оценка себя как отца (анкета) 2	1,00	0,00	0,32	0,00	-0,58	-0,11
Отношение к совместным родам (анкета)	1,60	0,45				
Отношение к совместным родам (анкета) 2	1,25	0,45	0,71	0,01	-0,61	-0,01
Оценка изменения отношения окружающих после (анкета)	1,20	0,00				
Оценка изменения отношения окружающих после (анкета) 2	1,75	0,45	0,74	0,00	-2,81	-0,46
Результативность жизни (СЖО)	22,25	3,17				
Результативность жизни (СЖО) 2	23,75	2,39	1,84	0,01	-0,84	-0,21
Осмысленность жизни (СЖО)	90,60	10,16				
Осмысленность жизни (СЖО) 2	102,50		4,36	0,11	-0,91	-0,12

Таблица 5.5.5. – Сравнение экспериментальной и контрольной групп после воздействия по t-критерию Стьюдента (2016 год)*

Параметры	Среднее ЭГ	Среднее КГ	t-знач.	p	Ст.откл. ЭГ	Ст.откл. КГ
Высокое материальное положение (ОТЕЦ)	5,48	6,23	2,56	0,01	1,41	1,70
Достижения (ОТЕЦ)	5,37	5,77	2,34	0,02	1,00	0,87
Сфера увлечений (ОТЕЦ)	5,37	6,52	3,15	0,00	0,93	2,37
Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	3,05	2,51	3,23	0,00	0, 60	0,70
Цели в жизни. (СЖО)	32,79	30,31	1,52	0,00	4,00	3,31
Осмысленность жизни (СЖО)	112,02	104,95	0,24	0,00	14,32	12,53
Принятие ответственности на себя в ситуации обвинения (Прядеин)	6,91	6,27	2,24	0,03	1,43	1,62
Рефлексивность	5,99	4,98	0,05	0,01	4,32	2,53
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	11,99	9,89	3,31	0,00	4,67	2,99
Шкала интернальности в области достижений (Ид)	5,28	5,73	2,13	0,04	1,15	1,13
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	6,98	5,74	2,03	0,04	1,33	1,24
Удовлетворенность браком	41,10	33,15	0,19	0,05	7,04	6,87

* представлены только значимые отличия

Таблица 5.5.6. – Сравнение результатов экспериментальной группы до и после воздействия по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок (2016 год)

Параметры	Среднее	Ст.откл.	t	p	Довер ит. -95,0%	Довер ит. +95,0 %
1	2	3	4	5	6	7
Отцовские установки	19,44	5,45				
Отцовские установки 2	25,7	4,45	1,15	0,02	-0,87	-0,17
Развитие себя (ОТЕЦ)	5,67	1,33				
Развитие себя (ОТЕЦ) 2	6,80	0,12	1,33	0,04	-0,89	-0,21
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек)	2,85	0,52				
Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком (Плек) 2	3,05	0,60	0,15	0,08	-0,97	-0,12
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек)	3,34	0,81				
Шкала родительской идентичности в роли кормильца (Плек) 2	4,20	0,77	0,36	0,04	-1,48	-0,17
Личностный дифференциал: Сила	39,52	4,20				
Личностный дифференциал: Сила 2	41,00	4,00	2,39	0,13	-0,96	-0,16
Цели в жизни. (СЖО)	31,65	3,33				
Цели в жизни. (СЖО) 2	32,79	4,00	2,09	0,05	-1,51	-0,18
Процесс жизни (СЖО)	30,08	4,85				
Процесс жизни (СЖО) 2	32,19	4,77	3,12	0,00	-0,55	-0,11
Результативность жизни (СЖО)	27,44	4,73				
Результативность жизни (СЖО) 2	31,00	3,78	2,67	0,05	-0,67	-0,09
Осмысленность жизни (СЖО)	104,75	12,81				
Осмысленность жизни (СЖО) 2	112,02	14,32	5,00	0,04	-2,05	-0,26
Принятия ответственности на себя (Прядеин)	14,45	3,14				
Принятия ответственности на себя (Прядеин) 2	16,78	3,15	1,84	0,01	-1,84	-0,25
Рефлексивность	4,99	1,03				
Рефлексивность 2	5,99	0,12	1,11	0,05	-0,79	-0,31
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух)	10,62	3,44				
Способность к психологической близости с другим человеком (Гильбух) 2	11,99	4,67	3,31	0,04	-0,91	-0,12

Продолжение таблицы 5.5.6.

1	2	3	4	5	6	7
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис)	5,64	1,43				
Шкала интернальности в семейных отношениях (Ис) 2	7,35	1,12	2,64	0,07	-1,21	-0,23
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им)	5,58	1,18				
Шкала интернальности в области межличностных отношений (Им) 2	6,98	1,33	1,65	0,01	-2,14	-0,13
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из)	5,34	1,09				
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из) 2	7,11	1,01	3,04	0,05	-1,011	-0,13
Удовлетворенность браком	33,24	6,76				
Удовлетворенность браком 2	41,09	7,04	5,69	0,00	-1,76	-0,71

* представлены только значимые отличия

Приложение 5

Таблица 4.1.1. – Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству на этапе становления

Период	Компоненты	Основные характеристики конструктивной стратегии отцовства
Дошкольное детство	аксиологический компонент	формирование полового самосознания, нравственное развитие
	рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, отношения в детском коллективе, игровая деятельность, готовность к школьному обучению, саморегуляция, социальная компетентность,
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение социально-нормативное поведение игровая деятельность, социальная адаптированность, готовность к школьному обучению
Младший школьный возраст	аксиологический компонент	стереотип полоролевого поведения, нравственное развитие, трудолюбие, ответственность
	рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, успеваемость, самодисциплина, саморегуляция, произвольность поведения, самостоятельность
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, социально-нормативное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность, построение социальных отношений,
Подростковый возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, формирование системы ценностных ориентаций личности
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение
Юношеский возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, принятие гендерной роли, формирование системы ценностных ориентаций личности, мировоззрения
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность
Ранняя взрослость	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, формирование репродуктивной мотивации, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, трудовая, умственная, эмоциональная, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, формирование пары ответственное поведение активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение

Таблица 4.1.2. – Основные характеристики конструктивной стратегии отцовства в период взрослости

Период	**Компоненты**	**Основные характеристики стратегий отцовства**
Ранняя и средняя взрослость	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, переосмысление и начало реализации стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение
Ранняя и средняя взрослость	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, сформированность конструктивной стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия и обобщенное чувство, отражающее степень соответствия желаемого и достигнутого во взаимоотношениях с ребенком
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение позитивные отцовские практики, самореализация как родителя

Таблица 4.1.3. – Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в дошкольный период

Компоненты	**Сформированность предпосылок психологической готовности к отцовству**	**Несформированность предпосылок психологической неготовности к отцовству**
аксиологический компонент	формирование полового самосознания, нравственное развитие	нарушения формирования ценностных ориентаций личности, отсутствие нравственных понятий
рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, отношения в детском коллективе, игровая деятельность, готовность к школьному обучению, саморегуляция, социальная компетентность,	отсутствие социальной компетентности, неразвитая саморегуляция
праксиологический компонент	гендерно типичное поведение социально-нормативное поведение игровая деятельность, социальная адаптированность, готовность к школьному обучению	гендерно-нетипичное поведение, сложности с гендерной аутоидентификацией в речи, социально-ненормативное поведение, социальная дезадаптация, неготовность к школьному обучению, нарушены: игровая деятельность, социальная адаптированность, отношения в детском коллективе

Таблица 4.1.4. – Критерии становления предпосылок психологической готовности к отцовству в младшем школьном возрасте

Компоненты	**Сформированность предпосылок психологической готовности к отцовству**	**Несформированность предпосылок психологической неготовности к отцовству**
аксиологический компонент	стереотип полоролевого поведения, нравственное развитие, трудолюбие, ответственность	затруднено формирование стереотипа полоролевого поведения, нарушено нравственное развитие
рефлексивно-регулятивный компонент	здоровье, успеваемость, самодисциплина, саморегуляция, произвольность поведения, самостоятельность	проблемы формирования трудолюбия, ответственности, самодисциплины, саморегуляции
праксиологический компонент	гендерно типичное поведение социально-нормативное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность, построение социальных отношений	безответственность, отсутствие компетентности, социальная или школьная дезадаптация, гендерно-нетипичное поведение, социально-ненормативное поведение

Таблица 4.1.5. – Критерии становления психологической готовности к отцовству в подростковом и юношеском возрасте

Возраст	**Компоненты**	**Содержательные характеристики психологической готовности к отцовству**	**Содержательные характеристики психологической неготовности к отцовству**
Подростковый возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, формирование системы ценностных ориентаций личности	проблемы формирования гендерной роли, проблемы формирования ценностных ориентаций личности
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, саморегуляция, рефлексия	отставание или опережение в физическом созревании, отсутствие самодисциплины, произвольности, самостоятельности
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение	гендерно-нетипичное поведение, безответственное поведение, социальная дезадаптированность, ранние сексуальные связи
Юношеский возраст	аксиологический компонент	формирование гендерной идентичности, принятие гендерной роли, формирование системы ценностных ориентаций личности, мировоззрения	несформированность гендерной идентичности несформированность системы ценностных ориентаций личности
	рефлексивно-регулятивный компонент	физическое созревание, чувство компетентности, самодисциплина, произвольность, самостоятельность, развития саморегуляция и рефлексия	отставание в физическом созревании, отсутствие чувства компетентности, самодисциплины, низкий уровень саморегуляции, произвольности, самостоятельности, неразвитая рефлексия проблемы в самоопределении
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, ответственное поведение, социальная адаптированность, социальная компетентность	социальная некомпетентность, отсутствие своего мнения, девиантное поведение, аддиктивное поведение, социальная дезадаптация, безответственное поведение, ранние сексуальные связи, опасное сексуальное поведение

Таблица 4.1.6. – Характеристика конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства в период взрослости

Период	Компоненты	Характеристика конструктивной стратегии	Характеристика неконструктивной стратегии
Период осмысления отцовства	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, переосмысление и начало реализации стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства	деструктивная репродуктивная мотивация, непринятие гендерной роли отца, отсутствие ценности отцовства
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия	незрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, неразвитая саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное поведение, обеспечение условий нормального протекания беременности, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение	отказ от ребенка, подстрекание к аборту, игнорирование, безответственное поведение отсутствие своего мнения, девиантное поведение, аддиктивное поведение, социальная дезадаптация, беспорядочные сексуальные связи, опасное сексуальное поведение
Период реализации стратегий отцовства	аксиологический компонент	принятие гендерной роли отца, сформированность конструктивной стратегии отцовства, система ценностных ориентаций личности, мировоззрение, ценность отношений, ценность отцовства	отсутствие ценности отцовства, непринятие гендерной роли отца
	рефлексивно-регулятивный компонент	биологическая, умственная, эмоциональная, трудовая, социальная и психологическая зрелость, саморегуляция, рефлексия и обобщенное чувство, отражающее степень соответствия желаемого и достигнутого во взаимоотношениях с ребенком	незрелость на уровне индивида, личности и субъекта деятельности, неразвитая саморегуляция, рефлексия
	праксиологический компонент	гендерно типичное поведение, взаимодействие с супругой, ответственное, активное, нравственное, толерантное и целеустремленное поведение, позитивные отцовские практики, самореализация как родителя	жестокое обращение с детьми, отказ от ребенка, девиантное родительство, безответственное поведение, социальная дезадаптация девиантное поведение, аддиктивное поведение, беспорядочные сексуальные связи, опасное сексуальное поведение

Приложение 6

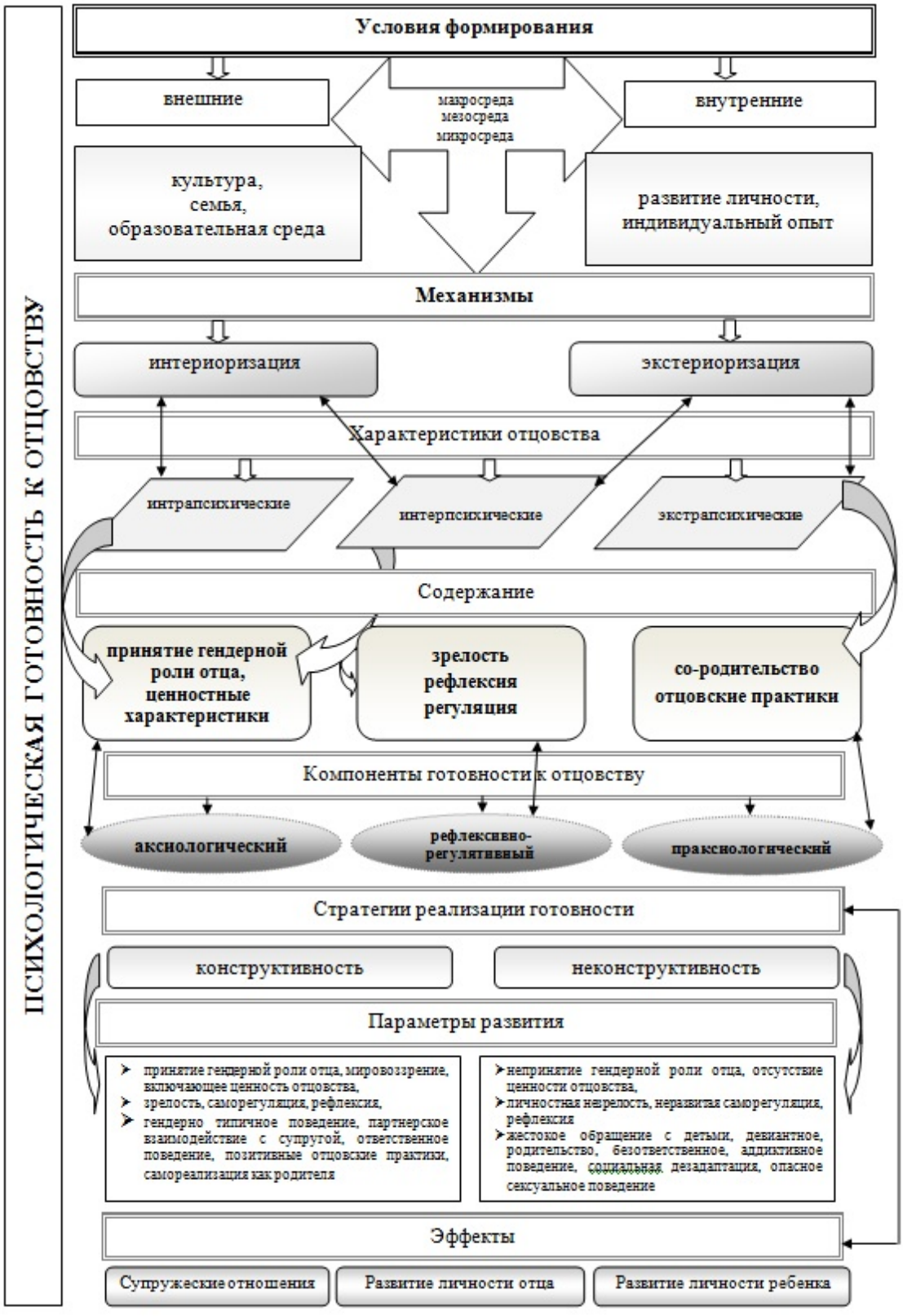

Рисунок 4.3.1. Условия, механизмы и эффекты становления психологической готовности к отцовству

Таблица 4.3.1. – Технологии оптимизации становления психологической готовности к отцовству

Направления	Формы работы		Технологии работы	Методы работы
Работа с семьей по созданию благоприятной	информирование		✓информационно-коммуникационные технологии ✓он-лайн технологии.	➢просвещение и пропаганда ценности отцовства, ➢создание доступной базы данных по проблемам родительства и репродуктивного здоровья.
	индивидуальная работа		✓технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, ✓технологии психоанализа.	➢психологическая диагностика, ➢психологическое консультирование, коррекция,
	групповая работа			➢консультирование супружеской пары, ➢семейное консультирование.
Психологический тренинг	навыковый тренинг		✓информационно-коммуникационные технологии ✓игровые технологии	➢мини-лекции, ➢обучение взрослых в тренировочных упражнениях, ➢скрайбинг.
	социально-психологический тренинг		✓ игровые технологии ✓технология мастерских,	➢фокус-группы направленной дискуссии, ➢ролевые игры, ➢методы «мозгового штурма», ➢круглые столы «Мой опыт».
	психотерапевтический тренинг		✓технологии гуманистического, экзистенциального, трансгенерационного подходов, ✓ технологии психоанализа, ✓психодраматические и телесноориентированные технологии	➢психотехнические игры и упражнения, дискуссии, элементы психодрамы, ➢упражнения телесноориентированной терапии, ➢фокус-группы направленной дискуссии, ➢ролевые игры, ➢сказкотерапия, ➢методы «мозгового штурма», ➢круглые столы «Мой опыт».
Создание образовательной среды	индивидуальная работа		✓информационно-коммуникационные технологии, технологии социализации, ✓проблемное обучение, ✓проектные технологии.	➢просвещение родителей, ➢поддержка формирования субъектных свойств личности, ➢методы убеждения, (беседа, разъяснение, чтение, критика и самокритика), этические беседы.
	групповая работа	общеклассная работа	✓информационно-коммуникационные технологии ✓групповые технологии, ✓проблемное обучение, ✓ проектные технологии, ✓технологии уровневой дифференциации, ✓игровые технологии, ✓технология мастерских, ✓ традиционные технологии (классно-урочная система).	➢поддержка формирования субъектных свойств личности, ➢методы убеждения, ➢тренинговые упражнения; деловые игры, ➢ этические беседы, ➢включение совместную деятельность, ➢включение элементов гендерного, нравственного, патриотического и гражданского воспитания в преподаваемые дисциплины
		внеклассная работа	✓информационно-коммуникационные технологии, ✓проблемное обучение, ✓технологии уровневой дифференциации, ✓проектные технологии, ✓игровые технологии, ✓групповые технологии ✓ технология мастерских, ✓ кейс – технологии.	➢включение в деятельность, ➢информирование, ➢обучение взрослых, ➢скрайбинг, ➢поддержка формирования субъектных свойств личности, ➢методы убеждения, ➢тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, ➢ экскурсии, ➢этические беседы, ➢обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков, ➢утренники, ➢поручения и задания, ➢включение совместную деятельность.

Таблица 4.3.2. – Краткое содержание занятий по формированию конструктивных стратегий отцовства подростков и юношей и у мужчин в период взрослости

№	Тема	Лекция	Ключевые упражнения *
1	Роль отца и матери в развитии ребенка Специфика их функций.	История детства. Исторические модели семьи.	Обсуждение целей, мозговой штурм «Функции отца и матери», дискуссия «Аборт».
2		Подробная история отцовства. Понятие «новый отец».	Дискуссия «Жестокое обращение с детьми», общение в паре, ролевые игры
3	Социальные стереотипы отцовства	Отцовство как этап социализации мужчины	Дискуссия, ролевые игры
4	Отец в современной семье	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч.I)	Дискуссия «Ребенок в разводе», ролевые игры,
5	Деструктивное отцовство	Проблемы детей, растущих без отца, детей, переживших насилие.	Дискуссия, ролевые игры, сказкотерапия
6	Отец как воспитатель	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч. II)	«Выращивание цветка», «Запеленатые», письмо ребенку через 10 лет, сказкотерапия
7	Взаимодействие с собственным отцом	Этапы жизни семьи. Период взрослости.	Дискуссия «Яблоко от яблони…», «Кто Я 10 эпитетов», «Любимая фраза моих родителей», «Незаконченные предложения», «Портрет семьи».
8	Взаимодействие с ребенком	Опыт взаимодействия с ребенком до рождения	Дискуссия, «рождение моего ребенка», ролевые игры
9	Молодая семья	Новорожденность. Младенчество. Дошкольный возраст.	Дискуссия, Мои советы, ролевые игры, «Ребенок в кроватке»
10	Конфликтные ситуации между поколениями	Подростковый возраст. Отец для девочки. Отец для мальчика.	Дискуссия-суд «Секс и молодежь взгляд с противоположных сторон», проигрывание конфликтной ситуации в дисфункциональной семье, обмен опытом решения конфликтных ситуаций
11	Отец как транслятор культуры	Основные задачи периода взрослости (ч.II) Взрослые дети и их родители. Межпоколенная коммуникация в семье	Дискуссия, сказкотерапия – анализ образа отца и матери в сказках и мифах, ролевые игры

Таблица 4.3.3. – Основные условия и возможности оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства

Период	**Основные условия и среда развития**	**Направления работы по оптимизации становления психологической готовности к отцовству и развития конструктивных стратегий отцовства**
Дошкольное детство Младший школьный возраст	семья; (дошкольная) образовательная организация	психологическая работа с семьей, направленная на создание благоприятной семейной среды
		психологические тренинги с родителями, направленные на осознание родителями своей роли в становлении полоролевого самосознания ребенка
		организация специальной образовательной среды, направленной на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
Подростковый и юношеский возраст	семья; образовательная организация; сверстники; СМИ	психологическая работа с семьей, направленная на создание благоприятной семейной среды, направленной на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
		психологические тренинги, направленные на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
		организация специальной образовательной среды, направленной на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству
Ранняя и средняя взрослость	семья; СМИ отношения с супругой; отношение в триаде «отец-ребенок-мать»; стратегия отцовства; обучение взрослых	психологические тренинги, направленные на формирование конструктивных стратегий отцовства
		психологическая работа с семьей (семейное консультирование)
		обучение взрослых (группы отцов)

Приложение 7

Краткие рекомендации по организации благоприятной для становления психологической готовности к отцовству образовательной среды

1. Дошкольный возраст

Основные направления работы по оптимизации становления компонентов готовности к отцовству

Параметр	Для родителей	Для педагогов
Аксиологический компонент	включенность в жизнь ребенка, внимание к становлению ценностной сферы личности, гендерного самоопределения, воспитание нравственности	просвещение родителей, акцентирование внимания на нравственной оценке и/или гендерных особенностях поведения героев и ситуации в произведении
Рефлексивно-регулятивный компонент	поддержка самостоятельности, оптимизация физического развития (занятия спортом)	просвещение родителей, поддержка самостоятельности, оптимизация физического развития и физической умелости в рамках физического воспитания
Праксиологический компонент	обучение «мужским» деятельностям совместно с отцом (мужчиной, заменяющим его)	акцентирование внимания на нравственной оценке и/или гендерных особенностях поведения детей, подготовка к школе

Рекомендации по организации работы по оптимизации становления аксиологического компонента готовности к отцовству

Целевые ориентиры на этапе завершения дошкольного образования (по ФГОС ДО)	Предлагаемые виды работ
«ребенок обладает установкой положительного отношения к миру, к разным видам труда, другим людям и самому себе, обладает чувством собственного достоинства»	акцентирование внимания на нравственной оценке и/или гендерных особенностях поведения героев и ситуации в произведении, обсуждение русских народных сказок, мультфильмов «Смешарики», «Лунтик», «Красавица и чудовище», «Король лев», «Леди и бродяга»
«способен договариваться, учитывать интересы и чувства других, сопереживать неудачам и радоваться успехам других, адекватно проявляет свои чувства, в том числе чувство веры в себя, старается разрешать конфликты»	просвещение родителей памятка «Развитие ребенка», деловая игра «Конфликт», «Ссора», «Переговоры»
«может следовать социальным нормам поведения и правилам в разных видах деятельности, во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками»	акцентирование внимания на нравственной оценке поведения детей в группе

2. Младший школьный возраст

Основные направления работы по оптимизации становления компонентов готовности к отцовству

Параметр	Для родителей	Для педагогов
Аксиологический компонент	включенность в жизнь ребенка, поддержка становления ценностной сферы личности, гендерного самоопределения, воспитание нравственности, ответственности, волевых качеств личности, компетентности	поддержка формирования субъектных свойств личности, методы убеждения, тренинговые упражнения; ролевые и деловые игры, командообразование, экскурсии, этические беседы, обсуждение содержания художественных произведений и конкретных поступков с целью оптимизации нравственного развития личности
Рефлексивно-регулятивный компонент	оптимизация физического развития (занятия спортом), поддержка самостоятельности в обучении	физкультминутки, поддержка саморегуляции
Праксиологический компонент	гражданско-патриотическое воспитание, обучение «мужским» деятельностям совместно с отцом (мужчиной, заменяющим его)	поручения и задания для организации общешкольных мероприятий и утренников, включение совместную деятельность, а сочетание выполнения мужских видов деятельности или занятий с мужским руководством, организация трудовых дел (волонтерские отряды), дежурств по классу и/или школе, подготовка праздников с поручением конкретных заданий ученикам, способствующих воспитанию у детей ответственности и социальной активности

Рекомендации по организации работы по оптимизации становления аксиологического компонента готовности к отцовству

Целевые ориентиры на этапе завершения начального школьного образования по (ФГОС НОО)		**Предлагаемые виды работ**
Дисциплины/темы		
«Окружающий мир»	«уважительное отношения к своей семье»	задание опросить родственников и составить свое генеалогическое древо, доклад-презентация «Мои родные-фронтовики», сочинения «Жизнь моей бабушки»
	«нормы здоровьесберегающего поведения»	Темы для дискуссии: «Вредные привычки», «Риск в жизни ребенка и взрослого»
«Основы духовно-нравственной культуры народов России»	«понимание норм морали и их значения в выстраивании конструктивных отношений в семье и обществе»	Темы для дискуссии: «Что такое крепкая семья», «Функции отца и матери (мужчины и женщины) в семье», «Что для меня значит честность» брейн-сторминг «Самое ценное в жизни»
	«готовность к нравственному самосовершенствованию и духовному саморазвитию»	обсуждение фильмов «Освободите Вилли», «Чучело».
	«внутренней установки личности поступать согласно своей совести»	обсуждение мультфильмов «Остров ошибок», «Буратино», «Три толстяка», «Приключения точки и запятой», «Большой Ух», «Вовка в тридевятом царстве».
	«осознание ценности человеческой жизни»	Темы для дискуссии «Я в жизни моей мамы», «Мои любимые люди», обсуждение фильмов «Марсианин», «Девочка и лисенок».
«Литературное чтение»	«формирование этических представлений, понятий о добре и зле, нравственности»	акцентирование внимания на нравственной оценке героев и ситуации в произведении, обсуждение русских народных сказок, сказок Г. Х Андерсена «Снежная королева», «Стручок горошин», «Девочка, наступившая на хлеб», С. Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

3. Подростковый и юношеский возраст

Основные направления работы по оптимизации становления компонентов готовности к отцовству

Параметр	Для родителей	Для педагогов
Аксиологический компонент	включенность в жизнь, ребенка, нравственно-половое воспитание, помощь в профессиональном самоопределении	обсуждение нравственных вопросов и/или идеалов и образцов мужского (и женского) поведения или проблем взаимоотношений полов числе в рамках классных часов, дисциплин «История», «ОРКСЭ», «Обществознание», «Литература», «Биология», включение раздела «Гендерное взаимодействие» в дисциплины «Психология» или «Человековедение» и других вариативных дисциплин
Рефлексивно-регулятивный компонент	поддержка самостоятельности, предоставление возможности самостоятельного принятия решений, проявления волевых качеств, оптимизация физического развития (занятия спортом) , выстраивание баланса свободы и ответственности	обсуждение вопросов и проблем самоопределения, поддержка рефлексии
Праксиологический компонент	образец мужского поведения в рамках оптимизации физического развития (занятия спортом), гражданско-патриотическое воспитание, обучение «мужским» деятельностям совместно с отцом (мужчиной, заменяющим его)	поручения и задания для организации общешкольных мероприятий, включение совместную деятельность, сочетание выполнения мужских видов деятельности или занятий с мужским руководством, организация трудовых дел (волонтерские отряды), дежурств по классу и/или школе, подготовка праздников с поручением конкретных заданий ученикам, стимулирование участия в олимпиадах и конкурсах

Приложение 8

Этапы исследования

Этапы	Возраст испытуемых	Группы испытуемых	Эмпирические методы исследования
Апробация	взрослые	1224 человека (738 мужчин, 456 женщины), из них 158 супружеских пар	анкеты, «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников», опросник родительской идентичности Дж. Плека, Шкала отцовских установок Дж. Плека
Констатирующий этап	дошкольный возраст	84 человека, средний возраст 5,3 года, из них 44 детей из полной семьи; 40 – из неполной семьи	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е. Кагана), Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е.О. Смирновой, Р.Р. Калининой), Методика диагностики дошкольной зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М.Р.Битянова, «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников»
	младший школьный возраст	45 человек, средний возраст 10,1, из них 33 ребенка и полной семьи, 12 – из неполной семьи	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана), Модификация опросника «Распределение ролей в семье», Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, Рисунок, Методика «Диагностика нравственной мотивации. Методика «Изучение направленности ответственности» М.В.Матюхиной, С.Г.Яриковой, Диагностика личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой, метод экспертных оценок
	подростки и юноши	64 человека, средний возраст 16,1 года, из них 32 из полной семьи и 32 из неполной семьи	Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой), Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, рисунок, первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека, Методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), И.Г. Сенина, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, Методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, метод экспертных оценок
	взрослые	974 человека из них 49 мужчин без детей и 925 мужчин, имеющих детей	Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, Методика «Личностный Дифференциал», Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E.S. – Bell, R.A.), анкеты, опросник родительской идентичности Дж. Плека, Шкала отцовских установок Дж. Плека, методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ), методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И.Г. Сенина, «Тест-опросник удовлетворенности браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд).
Формирующий этап	дошкольный возраст	84 человека, 15 человек экспериментальная* и 71 человек контрольная группа	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана), Диагностическая методика «Сюжетные картинки» (модифицированный вариант Е.О. Смирновой, Р.Р. Калининой), Методика диагностики дошкольной

			зрелости и саморегуляции: диагностическая игра «Помощники доброго волшебника» О. И. Барчук, М.Р.Битянова, «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников»
	младший школьный возраст	45 человека, 21 человек экспериментальная группа* и 24 человека контрольная группа	Изучение гендерных установок у детей (Полустандартизированное интервью В. Е.Кагана), Модификация опросника «Распределение ролей в семье», Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, Рисунок, Методика «Диагностика нравственной мотивации. Методика «Изучение направленности ответственности» М.В.Матюхиной, С.Г.Яриковой, Диагностика личностного роста П. В. Степанова, Д. В. Григорьева, И. В. Степановой, метод экспертных оценок
	подростки и юноши	39 человек, из них 15 человек – экспериментальная группа** и 24 контрольная группа	Модификация опросника «Распределение ролей в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), Опросник «Я – женщина (мужчина)» (Л. Н. Ожиговой), Анкета с модифицированной методикой самооценки гендерных качеств, рисунок, первая и четвертая шкалы «Опросника родительской идентичности» Дж. Плека, Методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ), И.Г. Сенина, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, Методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, метод экспертных оценок
	взрослые	139 мужчин имеющих одного или более детей, из них 61 мужчин (три группы по 15 человек (2004г) и одна 16 человек (2016)) составляли экспериментальную группу**, 78 – контрольную группу	Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, Методика «Личностный Дифференциал», Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Шеффера-Белла и др. (Schaefer, E.S. – Bell, R.A.), анкеты, опросник родительской идентичности Дж. Плека, Шкала отцовских установок Дж. Плека, методика С. Бэм «Маскулинность и Фемининность» (МиФ), методика «Принятие ответственности» В.П.Прядеина, Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ) И.Г. Сенина, «Тест-опросник удовлетворенности браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко, Опросник «Репродуктивные мотивы» И. С. Морозовой, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт, Тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха, методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова, методика «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд).
Всего		1654	

*семьи экспериментальной группы участвовали в работе по созданию благоприятной для становления психологической готовности к отцовству семейно-образовательной среды

** испытуемые экспериментальной группы приняли участие в психологическом тренинге, направленном на оптимизацию становления психологической готовности к отцовству (для подростков и юношей) и развитие конструктивной стратегии отцовства (для взрослых)

Kemerovo State University

On the rights of the manuscript

Borisenko Yulia Vyacheslavovna

THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING: PHENOMENOLOGY AND SUPPORT TECHNOLOGIES

5.3.7. Developmental psychology

Dissertation for the degree
of Doctor of Psychological Sciences

Translation from Russian

Scientific consultant:
Doctor of Psychology, Professor
Morozova Irina Stanislavovna

Kemerovo 2022

Contents

INTRODUCTION 4

CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING 25

1.1. General characteristics of the development of theoretical ideas about parenthood and fathering 25

1.2. Psychological specificity of fathering in the context of the study of parenthood 45

1.3. Psychological readiness for fathering as a prerequisite for the implementation of a constructive fathering strategy 63

Conclusions 85

CHAPTER 2. SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS, CONDITIONS AND STAGES OF FORMATION OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING 88

2.1. Intrinsic characteristics and determinants of the formation of components of psychological readiness for fathering 88

2.2. Phylogenetic and social conditions for the formation of the gender role of the father 109

2.3. Stages of development of psychological readiness for fathering 120

Conclusions 140

CHAPTER 3. INTRINSIC CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING AT DIFFERENT AGE STAGES 143

3.1. Organization and methods of research 143

3.2. Prerequisites for psychological readiness for fathering in preschool children .. 161

3.3. Prerequisites for the development of psychological readiness for fathering among younger schoolchildren 175

3.4. Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering in early and late adolescence 186

3.5. Characteristics of components of fathering strategies in fathers in early and middle adulthood 199

Conclusions 246

CHAPTER 4. PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL MODELING AND TECHNOLOGIES FOR SUPPORTING THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING 251

4.1. Specifics of the formation of psychological readiness for fathering in different family-educational conditions 251

4.2. Trends and risks of developing psychological readiness for fathering at different age stages 266

4.3. Model of psychological and educational support for the formation of psychological readiness for fathering 283

Conclusions 317

CHAPTER 5. PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING 320

5.1. Psychological and pedagogical support of forming of prerequisites for psychological readiness for fathering in preschool children 325

5.2. Peculiarities of formation of prerequisites of psychological readiness for fathering in younger schoolchildren 334

5.3. Psychological and pedagogical support for the development of psychological readiness for fathering in adolescents and young men 349

5.4. A longintude study of the effects of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering in adolescence 357

5.5. Development of constructive fathering strategies in adults as part of psychological training 364

Conclusions 375

CONCLUSION 379

BIBLIOGRAPHIC LIST 392

List of illustrative material 461

APPLICATIONS 468

Appendix 1 468

Appendix 2 470

Annex 3 474

Annex 4 487

Annex 5 508

Annex 6 513

Annex 7 517

Annex 8 521

INTRODUCTION

Relevance. The psychology of fathering is one of the most interesting and at the same time the least studied areas of psychology parenting. In modern psychological science, the study of parenthood occupies a special niche. On the one hand, there is a reliable social order in recent decades to study the problems of the family and family interaction, associated with a change in traditional family attitudes in modern society, when, in the conditions of professional and economic emancipation of women, the liberalization of marriage relations focuses on the role, functions and requirements for parents.

The widespread practice of divorce, birth out of wedlock and the upbringing of a child by one of the parents, a decrease in the birth rate and, as a result, a decrease in the number of children in the family and their closer birth order, the separation of parenthood and marriage, expressed in the widespread spread of incomplete (primarily maternal) families and the increase in the number of couples who refuse to have at least one child, characteristic of modern society, determine scientific and public interest in the problems of the family and, in particular, parenthood.

However, due to significant changes in the system of gender roles, what has happened in society over the past 50 years, more social than maternal, The paternal role is undergoing major changes, leading to the formation of an operational vacuum of the paternal role in the new environment, the emergence of new forms of activity of fathers, as evidenced, according to S. Barth, on the formation of a new gender system, re-evaluation or refinement by society of paternal functions, further differentiation of gender roles.

Biological and historical prerequisites play an important role in the formation of the personality of modern man, as well as in the formation of the ways, features and characteristics of the performance of the paternal function by a specific man. Biological and social factors are closely interconnected, however, according to I.S. Kon and V.V.

Bocharov [90], if biological determinants determine psychophysiological readiness for fathering, then social factors quite strictly regulate the implementation of this readiness. In a person, the difference between fathering and motherhood and the specific style of fathering depend on many sociocultural features and conditions and vary significantly. Society not only imposes certain requirements on the age, economic, professional, social status of the father, but also regulates the behavior of a person who has a certain status in the system of social roles. Related to the practice of divorce, the modern tendency to raise children by one parent, in most cases, by a mother, leads, as was noted at the beginning of the 20th century by P.P. Blonsky and L.S. Vygotsky, to the impoverishment of the process of education itself, the destruction of ties between generations, the problems of the personal formation of the young generation, and the growth of social problems. At the same time, the opposite trend is observed: in modern Western psychological science since the eighties, the expression "new father," the responsible father, that is, the father who recognizes the value of fathering, who takes an active part in the development of his child, is often used. However, even among men who are responsible fathers, various groups are distinguished: men focused on traditional family values and large children, men focused on the values of personal freedom and therefore do not plan to have a child at all, and people who change their views in the context of age or family transformations. Such diversity and variability of sociocultural contexts of fathering, the pluralism of its manifestations within the framework of one culture determines the difficulties of studying fathering, and the problematic field of research into the readiness for fathering as a personal phenomenon determined by the process of personality development.

On the other hand, at the beginning of the new millennium, the specifics of postmodern culture and post-industrial society, with its variability and multiplicity of social realization of the individual, make significant adjustments to the process of personality formation, formalizing the social, cultural and personal context of this process and determining challenges and risks. In response to these changes, postneclassical psychology is designed to comprehend scientific achievements in accordance with social values and humanistic ideals [178; 392], to reflect the

possibilities of the study of self-development and self-realization of personality [189], which is especially relevant in the context of the psychology of fathering, largely determined by culture and, at the same time, mediating the cultural context for the child [467].

Degree of problem development. The study of this topic covers a wide range of aspects: psychophysiological (E.P. Ilyin, I.S. Cohn); historical (P. Ariès, S. Barth, A. Gerhard, I. S. Cohn); social (V.F. Anurin, T. A. Gurko, I.F. Dementieva, G. Becker, K. Canfield, J. Hoffman, N. Radin, M. Verlinden, W. E. Fthenakis); various aspects of family psychology (Yu.E. Alyoshina, N.V. Alexandrova, V.I. Brutman, A.Ya. Varga, V.N. Druzhinin M.S. Radionova, P.A. Popova, E.G. Eydemiller, V. Yustitskis, W. J. Doherty, J. Fagan, R. Palkovitz, D. J. Eggebeen, C. Knoester), and the psychology of parenthood (G. G. Filippova, N. N. Vasyagin, R.V. Ovcharova, Yu. A. Tokarev, I. S. Kletsina, I. Yu. Khamitova, J. Bowlby, M. E. Lamb, R. LaRossa, C. Y. Lee, D. Lenzen, W. Miller, A. Rotkirch, G. Bouchard, J. P. Wallerstein, P. L. Horst, W. E. Fthenakis, N. Zill, A. J. Cherlin, R. Richter, M. Verlinden, J. Belsky, J. Pleck); as well as personality psychology (O. A. Krivtsun, I. S. Kohn, A. Maslow, B. Pfau-Effinger, K. G. Jung, E. Erikson) and child psychology (L. S. Vygotsky, F. Dolto, A. I. Zakharov, M. V. Osorina, S. Golombok, Joling, Jolbok, Julbok, J.

Traditionally, parenthood is studied by psychologists depending on the theoretical approach to this problem. In modern psychological science, two approaches to the study of parenthood can be distinguished, depending on who is considered the starting point of study - a child or parent: the first, the most common, considers parenthood in relation to the development of the child. The second approach considers the fulfillment of the parental role through the prism of the parent's personality. Research in the first direction indicates the significant influence of the father on the development of the child's personality even before his birth through the provision of favorable conditions. After birth, according to W. E. Fthenakis, interaction with the father positively affects the cognitive development of children. In addition, according to S. Barth, the father plays a crucial role in the absorption of moral standards by children, disciplines children, setting

a certain framework of behavior, approving some actions and punishing others, that is, he is a conductor of social norms and values. The influence of the father on the development of various personal characteristics of the child, including his semi-role identification, has also been proved.

Authors such as D. J. Eggebeen, C. Knoester, who adhere to the second direction of the study of parenthood, believe that it is the birth of a child and the relationship with it that gives a man a chance to socialize himself, a chance of self-development. Fathering as a combination of social and individual personality characteristics, including all levels of human activity, is also associated with objective personality characteristics, such as: needs, attractions, desires, attitudes, and subjective personality characteristics - value orientations, worldview, as well as the image of self (real, ideal, social), self-concept of personality and self-esteem. For a man, this is a problem of personal development, the problem of accepting one's feelings and their self-control. A growing child becomes a continuation of a man, satisfies the need for a student, in his own importance.

All these transformations take place against the backdrop of the most pressing social problem of fathering. Many problems of modern society, families, educational systems have social causes. The participation of the father in the upbringing of the child is necessary for the harmonious formation of the personality, and perhaps a number of modern social problems are associated precisely with the removal of men from the upbringing of the younger generation. At the same time, the modern crisis of fathering is largely due to contradictory and stereotypical ideas about the role of the father, a mixture of paternal and maternal roles. In addition, the mass involvement of women in productive work and social activity has created new changes in the structure and functions of the family: equalizing men and women in professional rights and duties, reducing the time that mothers spend with the child has increased the requirements for a man as a father. History does not know analogues of such high expectations regarding the contribution of the father to the life of the child, and not economic or status support for the life of the child, namely emotional and psychological participation in his problems.

In our country, this phenomenon has its own historical and political background. Since in socialism, family problems are primarily problems solved by the mother, and not the father, traditionally most studies on the family, starting from the time of Soviet psychology, reflect the peculiarities of the relationship between mother and child.

However, most researchers believe that the father's participation in raising a child cannot be overestimated. For the harmonious development of children, it would be desirable for more fathers to make efforts to be closer to their child, to experience and learn the world with him, starting from infancy. This requires not only appropriate socio-economic conditions, such as: a fixed working day and equal pay for women and men, but also an idea formed in the public consciousness of the irreplaceability of the father's role, the importance of fathering for the development of the man himself, which can be provided only by timely and reliable scientific studies of the phenomenon of fathering, its impact on the development of the person and the features of the formation of psychological readiness for fathering.

Researchers in the field of family and marriage, believing that many transformations flow historically from the process of development of society and are prepared by a number of major socio-economic changes of our society, Consider that this state of affairs is indicative of a normative "family development crisis," and observe positive developments in the revision and redistribution of roles and functions of parents, there are new values and new spaces for the realization of oneself by a person, in particular, in the framework of the performance of his father's role, which sets before scientific psychology the tasks of studying the fathering, becoming ready to perform paternal functions.

An indirect confirmation of this point of view is the great research interest that has arisen in recent decades in the problems of the psychology of parental relations, studied as part of the study of motherhood. In recent years, domestic work on fathering has also appeared (R.V. Ovcharova, T.V. Izkireva, U. Yu. Sevastyanova, Yu. A. Tokarev, N.D. Mikheev, G.I. Reprintsev, M. Yu. Lukov, A.V. Levchenko, I.S. Klecina, E.A. Chikalova, L.E.., E.., S.., A. V. Pomarchuk, V. P. Dzukaeva, O. V. Khodakovskaya, N. A. Korkina, E. A Gizatullina, T. A. Fotekova, N. M. Gorshkova, A.

G. Bobkov, V.V. Koval, I.A. Simonenko, A.F. Artamonova, E.G. Babich, D.V. Savchenko, M.V. Ovchinnikov, Yu. V. Chestyunina, K. Yu. Evnina, E. A. Evstafeeva, M. O. Udaltsova, T. M. Kharlamova, U. E. Ushkova, A. V. Ilyins, M. V. Rogozhin, etc.).

However, issues of developing psychological readiness for fathering, methods and technologies for optimizing paternal practices are at the stage of development. Starting with the first works of R. Parke, who compared the behavior of his father and mother, psychological science tries to understand the specifics of paternal interaction with the child, to describe the uniqueness of paternal contribution to the development of the child's personality, the significance of how the father interacts with the child and the importance of fathering for the development of the personality of the man himself, however, this requires a holistic approach to the phenomenon of fathering, an understanding of internal and external mechanisms and factors, determining a man's idea of fathering from childhood, paternal attitudes in youth and paternal practices in adulthood, understanding the logic of paternal behavior, considering the procedural and effective components of a specific fathering strategy.

The above points to a number **of contradictions** between:

- the objective need of modern society to ensure the harmonious development of the individual in a healthy family and the lack of a holistic understanding of the conditions for the formation of responsible fathering;

The study of the father's influence on the development and upbringing of the child, when the father is considered in terms of the position as performing certain formal functions of the object, and the practical absence of studies of the internal determinants of fathering;

- readiness of all-psychological and psychology and pedagogical aspects of personal development and not readiness of the approach allowing to present completely formation of readiness for fathering in modern conditions;

- the need for qualitative diagnostic techniques and the lack of diagnostic tools to assess the psychological readiness for fathering;

The need to define the principles, objectives, content, technologies for optimizing the development of psychological readiness for fathering and the established practice of not paying attention to the paternal function in the gender education of boys;

- The development of numerous psychological practices aimed at psychological assistance to the family and the lack of a comprehensive psychological approach to the maintenance of fathering.

The analysis of the identified contradictions and the search for ways to resolve these contradictions determined **the scientific problem** of our study, which consists in developing a holistic idea of the essence, determinants, mechanisms and possibilities for supporting the formation of psychological readiness for fathering.

Thus**, the purpose** of this work is theoretical and methodological substantiation, development and empirical verification of the concept of the formation of psychological readiness for fathering, which reveals the meaningful characteristics of readiness for fathering, age dynamics and conditions for the formation of readiness for fathering, the principles and technologies of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering.

Object: psychological readiness for fathering as a condition of effective parenthood.

Subject: essence, determinants, conditions and technologies for supporting the formation of psychological readiness for fathering.

Hypotheses:

The study is based on the hypothesis that the formation of psychological readiness for fathering is a process of step-by-step formation of personality qualities that characterize the ways and options for interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, occurring in systemic unity with the general and gender socialization of the personality, which determines the possibilities of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering.

The general hypothesis of the study is specified in a number of particular hypotheses.

Hypothesis 1. The formation of psychological readiness for fathering is determined by the development of the personality, starting from the preschool period.

a) Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering form a three-component structure represented by axiological, reflexive-regulatory and praxiological components;

b) development of psychological readiness for fathering begins with preschool age and has age-psychological and family specificity, which implies dynamics of gradual increase of indicators of all components of psychological readiness for fathering from preschool period to adulthood, wherein:

- the family environment determines the establishment of preconditions for psychological readiness for fathering in preschool and junior school age;
- in early and late adolescence, the most developed are the praxiological and reflexive-regulatory components of psychological readiness for fathering;
- The formed psychological readiness for fathering is realized in adulthood in a constructive fathering strategy interconnected with the adoption of the gender role of the father, Purpose in life, the value of relationships and fathering, as well as personal maturity, a high level of self-regulation and developed reflexion.

Hypothesis 2. Psychological and pedagogical support ensures the process of developing psychological readiness for fathering, if:

a) we take into account the specifics of the formation of psychological readiness for fathering at different age stages (preschoolers, junior schoolchildren, teenagers and high school students, adults) and in different family and pedagogical conditions;

b) we implement technologies that optimize the formation of psychological readiness for fathering in the main areas of support for the formation of psychological readiness for fathering (psychological work with the family, the creation of an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering and/or special psychological training).

Based on the purpose and hypotheses of the study, the following **tasks were set:**

1) to summarize theoretical ideas about fathering, define the concept of psychological readiness for fathering, identify its meaningful characteristics, reveal the specifics of the practical implementation of psychological readiness for fathering within the framework of the fathering strategy;

2) to analyze the theoretical and practical problems of the formation of psychological readiness for fathering, as a process reflecting stable connections and relations between the development of the personality and the formation of a system of value orientations, gender identity, personal maturity, self-regulation and reflection of the personality;

3) to identify and empirically determine the specifics of meaningful characteristics of psychological readiness for fathering at each age stage, taking into account psychological and pedagogical conditions, trends and risks of socialization of men at different age stages and in different family and pedagogical conditions;

4) to describe the options for developing psychological readiness for fathering, the types of fathering strategies corresponding to them and highlight the psychological effects of implementing different types of fathering strategy;

5) to develop and implement a model of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering, which involves the creation of a family-educational environment, and includes: psychological work with the family, the creation of an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering and special psychological training;

6) to develop and empirically test the effectiveness of educational technologies that optimize the formation of psychological readiness for fathering.

The methodological and theoretical basis of the study was complex (B. G. Ananyev), systemic (B. F. Lomov), subjective-activity **(A. V. Brushlinsky, S. L. Rubinstein) and personality-oriented (K. A. Abulkhanova-Slavskaya, A. G. Asmolov, A.**K. Bodalev, A.

Theoretical basis of work. Specifying the theoretical and methodological prerequisites for conceptualizing the phenomenon of psychological readiness for fathering, we highlight:

– provisions on macro- and microstructure of personality within the framework of the integrated approach of B. G. Ananyev;

– understanding the systemic nature of mental phenomena within the framework of the systemic approach of Boris Fedorovich Lomov;

– understanding the determination of personality development by external and internal conditions within the framework of the subjective-activity approach of A. V. (Andrei Vladimirovich) Brushlinsky and S. L. Rubinstein;

– It is also necessary to add the concept of analysis of mental phenomena from the perspective of the general scientific pentabasis of V. A. Ganzen and the concept of psychological readiness for activity (R. D. Sanzhaev, O. M. Krasnoryadtsev), as well as provisions describing readiness for parenthood (A. S. Demin, O. N. Bezrukov).

When developing a model of psychological and pedagogical support for the formation of readiness for fathering, we relied on

– ideas that "psychological objects of education are semantic personal educations, personal meanings and semantic attitudes of a person, as well as a motivational and semantic analysis of the development of A. G. (Alexander Grigorievich) Asmolov, A. V. Petrovsky;

– ideas about the impact of the educational environment on personal development (V.V. Davydov, D.I. Feldstein, D.B. Elkonin);

– psychological and pedagogical justification of adult education (S. G. Vershlovsky, C. M. Zinkovskaya, Yu. N. Kulyutkin, V. I. Pobedin, T. S. Panina, G. S. Sukhobskaya, E. P. Tonkonogaya, V. L. Poperutina) and the organization of parental education (R. V. V. OvI., M., Mar, A. S.

Research base. In total, 1654 people took part in the study, of which 1167 were men of various ages (169 of them were children), 487 women in adulthood, 189 married couples. All subjects are Russian-speaking residents of the Russian Federation, mainly Kemerovo (the cities of Kemerovo, Novokuznetsk, Topki, Berezovsky, Yurga), Tomsk (Tomsk) and Novosibirsk regions (the cities of Novosibirsk, Berdsk, Bolotnoye, Iskitim), the Krasnoyarsk Territory (Krasnoyarsk), as well as Omsk, Kur, Leningrad.

The implementation of the program was carried out on the basis of the following institutions: MKU "Topkinsky Social Rehabilitation Center for Minors" in Topki, Kemerovo Region, CHOU "Orthodox Gymnasium in the Name of Saints Equal to the Apostles Cyril and Methodius" in Kemerovo, MBOU Secondary School No. 10, 62 GOSH, 62 (PK) C "Kuzbass Regional Institute for Advanced Training and Retraining of Educational Workers," FSBOU VO "Kemerovo State Institute of Culture," FSBOU VO "Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev" and FSBOU VO "Kemerovo State University."

The planning of the study was carried out in accordance with the goal set forth by the hypothesis and taking into account the problem of the formation of psychological readiness for fathering in modern conditions, which we identified at the stage of theoretical analysis of the insufficient development of methods for the study of fathering and the lack of development.

The study was conducted in several stages:

I. Preparatory phase (February 2001 - March 2013), including the formulation and justification of the problem, its theoretical and methodological analysis; definition of a scientific apparatus, planning of a pilot study, development of a research programme; determination of its methodological and methodical principles, choice and approbation of methods of a research: questionnaires, "A scale of fatherly installations Dzh. Pleck", the "Questionnaire of parental identity" created in 2001 by group of authors under the leadership of Joseph Pleck and a technique of Pre-School Activities Inventory (PSAI) in the Russian-language version "Cambridge Questionnaire of Gender and Typical Behaviour of Preschool Children" created in 1993 by the Psychometric center of the Cambridge university. 1224 people (738 men, 456 women) took part in the testing of the methods, of which 158 were married couples. All subjects have children.

II. The experimental stage (November 2002 - March 2017) took place in accordance with the model of formation of psychological readiness for fathering and the hypothesis developed by us in the process of theoretical analysis of the phenomenon, and consisted of a ascertaining stage of the study and a formative experiment, which included a long-term study.

II. 1. The stated stage of the study took place from November 2002 to March 2015, included a study of the psychological specifics, the laws of fathering strategies, the refinement of the scientific apparatus, the study of the psychological and pedagogical conditions for the formation of fathering strategies, the construction of a psychological and pedagogical model for the formation of constructive fathering strategies at different age periods, and the identification of criteria for assessing its effectiveness. This stage of the study involved several groups of subjects of preschool, primary school, adolescent, youth and adults in early and middle adulthood, a total of 1167 subjects.

II. 2. The formative stage of the study (December 2002 - April 2017) included a study organized using the method of transverse sections and a longite study, the practical implementation of a psychological and pedagogical model for the formation of constructive fathering strategies. This stage of the study involved several groups of subjects of preschool, primary school, adolescent, youth and adults in early and middle adulthood, a total of 347 people, of which 29 people took part in the 12-year longitue.

III. A synthesis stage involving the processing of the data obtained, their correlation with the stated goals, study hypotheses, analysis, synthesis and interpretation of the results, the formulation of conclusions and recommendations, their implementation (annex 8).

The following methods were used to achieve the goal and test hypotheses**:**

1) theoretical methods: systematization and conceptualization of scientific ideas, systemic, structural-functional and genetic analysis of the problem, modeling.

2) empirical methods: conversation, questionnaire, method of expert assessments, observation and psychodiagnostic method. The set of methods we used included the following methods: a method for studying gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V.E. Kagan), "Cambridge Questionnaire of Gender-Typical Behavior of Preschoolers" (Russian-language version of the English questionnaire "Pre-School Activities Inventory (PSAI)," A diagnostic method "New Plot Pictures," p. diagnostic game "Assistants of the Good Wizard" O. I. Barchuk, M. R. Bityanova, modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family"

(Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya), a modified technique for self-assessment of gender qualities, the technique "Drawing oneself," the technique "Diagnosis of moral motivation" and the technique "Study of the direction of responsibility" by M. V. Matyukhina, S. G. Yarikova, the technique for diagnosing personal growth of P. V. Stepanov, D. V. Grigorieva, I. V. Stepanova, questionnaire "I am a woman (man)" by L. N. Ozhigova, test questionnaire of personal maturity of Yu. Z. Gilbukh, methodology" Acceptance of responsibility "V.P. Pryadein, questionnaire of terminal values (OTEZ) I. G. Senina, D.A. Leontiev's test of meaning-life orientations, A. V. Karpov's technique for diagnosing the level of reflexivity development, Personal Differential technique, Measurement of parental attitudes and reactions (PARI) E. Schaeffer - R. Bell, J. Pleck's Parental Identity Questionnaire (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI)), J. Plek's paternal setting scale (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS)), questionnaire "Reproductive motives" by I. S. Morozova, K. N. Belogay, J. V. Borisenko, T. O. Ott, S. Bam's technique "Masculinity and Femininity" (MiF), "test questionnaire of satisfaction with marriage" by V.V. Stolin, T.L. Romanova, G.P. Butenko, the methodology "Level of subjective control" by E.F. Bazhin, E.A. Golynkina, L.M. Etkind, specially developed questionnaires.

3) mathematical and statistical methods of data processing (analysis of descriptive statistics, conjugate tables and distribution parameters, Student's t-criterion for dependent and independent samples for parametric data, U Mann-Whitney test and Wilcoxon test for non-parametric data, cluster analysis using hierarchical classification by the full association method, medium K clustering, single-factor and two-factor variance analysis, variance analysis with repeated measurements, correlation analysis, graphical methods of presenting the obtained data).

The scientific novelty of the study consists in the development of a holistic idea of the formation of psychological readiness for fathering in modern conditions, based on a theoretical and empirical justification of the stage, psychological and pedagogical context, laws and dynamic transformations of the meaningful characteristics of all

components of psychological readiness for fathering in the process of its formation, starting from the preschool period.

1. The development of psychological readiness for fathering is considered in the context of a systemic approach. Such consideration made it possible to develop a holistic concept of becoming ready for fathering, revealing the relationship between internal (personal) and external (activity), effective and procedural characteristics of interiorization and exteriorization of the paternal role by men, based on the following characteristics of readiness for fathering: systemality, integrativity, determinicity, modeling and the possibility of using educational technologies that optimize its formation.

2. The Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering as integral, multicomponent and multilevel education, which has qualitative and quantitative characteristics, among which the following components of psychological readiness for fathering are identified: axiological (adoption of a gender role and value orientations of the person), reflexive-regulatory (personal maturity, reflection and self-regulation) and praxiological (co-parenthood and paternal practices).

3. The concept of "fathering strategy" is conceptualized. The concept of "psychological readiness for fathering" is specified through the inclusion of the concept of "fathering strategy" in the analysis of this phenomenon. The formed psychological readiness for fathering is realized in the constructive strategy of fathering, determined by the acceptance of its gender role, responsibility and value of fathering, maturity of the person, developed self-regulation and reflexion, and positive paternal practices.

4. A model of becoming ready for fathering is proposed, revealing the essence, determinants, psychological and pedagogical context, laws and dynamic transformations of content characteristics of all components of psychological readiness for fathering in the process of its formation, starting from the preschool period.

It has been proved that, despite the fact that the father's awareness of himself occurs mainly after the birth of the child, the prerequisites of psychological readiness for fathering begin to form long before direct interaction with the child, starting from the preschool period of the future father;

- the stages of becoming ready for fathering are highlighted: the first stage of designating fathering, formation of ideas about fathering, having its own specifics in preschool, junior school, early and late adolescence, the second stage of understanding fathering, rethinking existing knowledge and ideas about fathering during the pregnancy of the wife, and the third phase of the value awareness and realization of fathering on this basis, and further development of the fathering strategy in practice after the birth of the child (practical stage);

- theoretically described and empirically proved that a man's paternal practices are closely related: 1) to his past and present relationship with his own father, who gives a masculine pattern (that is, a model of male role behavior; and (2) with a real relationship with the spouse, in whose relationship this model is implemented, evaluated and transformed;

- The criteria for the optimality of the development of psychological readiness for fathering and the constructivity of fathering strategies in adulthood are defined, such as: adoption of the gender role of the father, a system of value orientations, including the value of fathering, and the maturity of the person, having their own development specifics at each age stage and closely interlinked with the social situation of personal development;

- on the basis of a meaningful analysis of psychological readiness for fathering, the types of formation of psychological readiness for fathering at each age stage were identified and described: at the first stage a constructive, non-constructive and mixed type, at the second and third - non-constructive, inside which feminine and hypermasculine subtypes are distinguished, and constructive, inside which androgynous and masculine subtypes are distinguished.

It has been proved that the constructiveness of fathering strategies is interlinked with the maturity of the individual, the acceptance of his gender role, responsibility and the value of fathering;

- The effects of the implementation of constructive fathering strategies, manifested in the development of the personality of the male father and his child, as

well as in the maintenance of the well-being of conjugal relations in the family, are identified;

- It has been determined that becoming ready for fathering from childhood; and the development of constructive fathering strategies in men can be considered as a prevention of social risks to the development of the child, in this regard, it is legitimate to talk about the need to create special conditions for a family educational environment to optimize the formation of psychological readiness for fathering in young men and the development of constructive fathering strategies in fathers in modern Russia.

6. Educational technologies are proposed that optimize the formation of psychological readiness for fathering, including work with the family and the creation of a favorable educational environment for the period of designation of fathering, as well as training and psychological training for the period of understanding and awareness of fathering. A programme has been developed and tested, which includes work in the main areas of support for the development of psychological readiness for fathering (psychological work with the family, the creation of an educational environment favorable for the development of psychological readiness for fathering and/or special psychological training).

The theoretical significance of the study is the development of a holistic concept of the formation of psychological readiness for fathering. The study developed the theoretical and methodological foundations of a comprehensive study of psychological readiness for fathering.

The concept of the formation of psychological readiness for fathering as a process determined by the processes of personality development, the formation of gender identity, value orientations and the achievement of personality maturity is conceptualized.

Ideas about internal and external determinants and the stages of becoming ready for fathering have been expanded.

The psychological and pedagogical context of formation of psychological readiness for fathering is described. Vectors, conditions and criteria of formation of

psychological readiness for fathering and development of constructive strategy of fathering are determined.

A model has been developed and technologies for psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering have been proposed. The work done creates the basis for the further development of the theory of fathering and opens up new prospects in studies of the processes of becoming ready for fathering and the formation of constructive fathering strategies.

The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in the psychological and pedagogical support of fathers and families in modern Russian conditions, as well as in organizing educational, consulting, developing activities of a psychologist. The applied value of the study is as follows:

– A diagnostic tool has been developed and tested to identify the features of a man's physical fitness and fathering strategy required in individual and family counselling;

– A diagnostic system has been developed for all components, as well as an integral indicator of psychological readiness for fathering at each age stage;

– A model of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering is proposed, which meets the criteria of simplicity and tolerability and can be introduced in any educational institution;

– A training program was developed to optimize the formation of psychological readiness for fathering and the development of a constructive fathering strategy, the effectiveness of which was confirmed in a 12-year long-term study;

– Prepared scientific and methodological support for psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering, presented by specially published textbooks "Fundamentals of sexology," "Fathering as a psychological phenomenon of the individual," "Psychology of family relations," "Technologies for the formation of constructive reproductive motivation and prevention of abortive behavior of youth," "Regulation of reproductive behavior and reproductive health";

– The programmes of special disciplines "Psychology of the family," "Psychology of parenthood," "Psychology of fathering and motherhood," "Gender psychology and psychology of sexuality" and others have been developed.

The data obtained in a research can be used for creation of psychological escort service of family and also within implementation of programs of the higher education for psychological and psychology and pedagogical specialties and the directions when studying subject matters: "psychology of the personality", "pedagogical psychology", "family psychology", "the general psychology" and within skills development and professional retraining of the experts providing psychology and pedagogical escort of family and the child parental relations.

Reliability and reliability of research results is ensured by scientific and methodological approach, consistent implementation of the chosen methodology; clear setting of research tasks, thorough analysis of available theoretical sources; planning the experiment; the use of proven and reliable research methods adequate to the objectives, objectives and logic of the study; using mathematical statistics and computer processing methods to evaluate the obtained results, analyze them and test the validity of experimental hypotheses.

Testing and implementation of study results. The main points put forward in the study and its results are tested in the following forms:

- Participation and presentations at regional *and national scientific and practical conferences:* All-Russian scientific conference "Psychological problems of the modern Russian family" (Moscow, 2003), All-Russian Scientific Conference "Psychological Problems of the Modern Russian Family" (Moscow, 2003), the All-Russian scientific Internet conference "Psychological problems of the modern Russian family - 2004," the scientific and practical conference "Ananyev readings (St. Petersburg, 2005), the second All-Russian scientific conference "Psychological problems of the modern Russian family" (Moscow, 2005), scientific and practical conference "Ananyev readings (St. Petersburg, 2006), IV Congress of the RPO (Rostov-on-Don, 2007), All-Russian Scientific and Practical Conference "Theoretical and Applied Aspects of Perinatal Psychology: problems and prospects "(Novosibirsk, 2007), the All-Russian scientific

and practical conference" Variability of personality development in modern Russia: national-regional features "(Kemerovo, 2008), the All-Russian Scientific and Practical Conference" Current Problems of the Spiritual and Moral Revival of Russia "(Krasnodar, 2009), the regional scientific and practical conference" On the Protection of Childhood: without cruelty and violence "(Kemerovo, 2010) and at *international conferences*:

V International Scientific and Practical Conference" Woman. Education. Democracy "(Minsk, 2002), the International Congress" Education and Science "(Novosibirsk, 2003), the 6th International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference" Woman. Education. Democracy "(Minsk, 2003), World Congress" Intrauterine Child and Society. The role of prenatal psychology in obstetrics, neonatalogy, psychotherapy and sociology "(Moscow, 2007), the 4th International Scientific Conference" Psychological Problems of the Modern Family "(Moscow, 2009), the IV International Congress" Young Generation of the 21st Century: current problems of social and psychological health" (Moscow, 2009), International academic and research conference "Modern Problems of Training of Specialists in the field of Psychopedagogics and Theater" (Chisinau, 2011), the II International scientific and practical Internet conference "Psychology of Development and Stagnation of the Personality within Modern Society" (Kazan, 2014), the VI International scientific conference "Psychological Problems of Modern Family" (Moscow-Zvenigorod, 2015), International academic and research conference "Education, science, innovations: contribution of young researchers "(Kemerovo, 2016 and 2017), the international scientific conference" Psychology of the family in the modern world "(Yekaterinburg, 2017), the VIII International Scientific and Practical Conference" Psychological Problems of the Modern Family "(Moscow, 2018).

- speeches at methodological seminars and meetings of the Department of General Psychology and Developmental Psychology of the Socio-Psychological Institute of Kemerovo State University, the Department of Acmeology and Developmental Psychology of the Institute of Education of Kemerovo State University,

the Department of Personality Psychology and Special Psychology of Novosibirsk State Pedagogical University;

- Teaching of educational disciplines "Psychology of the family," "Psychology of parenthood," "Psychology of fathering and motherhood," "Gender psychology and psychology of sexuality," read by the author at Kemerovo State University;

- monographs, teaching aids, publications on the topic of research, including articles in peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Sciences should be published.

In addition, the recommendations given by the results of the study are used in the work of psychologists and teachers of educational institutions of the Kemerovo region, which were the basis of the study, as well as the department of socio-psychological assistance of the Municipal State Institution "Topka Social Rehabilitation Center for Minors" in Topki, Kemerovo Region, GOU DPO (PC) C "Kuzbass Regional Institute for Advanced Training and Retraining of Educational Workers," and the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State Institute of Culture."

Main provisions for protection:

1. Psychological readiness for fathering is a set of formed attitudes, motives and certain personality qualities that characterize the methods and options for interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, determined by the basic values of the person and implemented in practice in a constructive fathering strategy.

2. The structure of psychological readiness for fathering is defined by the following components: an axiological component (acceptance of a gender fatherly role, a maturity of the personality, responsibility in relation to own health, behavior, fathering, fathering value, the value attitude towards the child and the cooperation attitude towards the spouse, as to the partner of parenthood), a reflexive and regulatory component (personal maturity, a reflection and self-control) and a praksiologichesky component (behavior and/or fatherly practicians).

3. The first significant prerequisites for psychological readiness for fathering are manifested long before the implementation of paternal practices in adulthood, starting

from the preschool period. The process of formation has a stage character: 1) the stage of designating fathering (including the formation of ideas about fathering in preschool, junior school, adolescence and youth); 2) the stage of understanding fathering and the beginning of the implementation of the fathering strategy; and (3) the stage of awareness of fathering and the realization of fathering readiness in the fathering strategy. Each stage is characterized by certain determinants characteristic of this period, conditions, leading factors and features and criteria for the formation of psychological readiness for fathering.

4. The formation of psychological readiness for fathering has age-psychological and family specificity and occurs in systemic unity with the general and gender socialization of the personality, which determines the possibilities of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering.

5. Psychological readiness for fathering is realized in a constructive fathering strategy, which is a set of methods for constructing the life of a father and a child (and in many ways the mother) in accordance with the attitudes and ideas of the father about fathering, having a three-component structure and content, formation criteria determined through social, cultural and personal orientations of the person (formed by micro- meso- and macrofactors of the environment).

6. The psychological and pedagogical model of supporting the formation of psychological readiness for fathering involves the use of technologies for supporting the formation of psychological readiness for fathering, including the organization of a family-educational environment favorable for the formation of readiness for fathering, including work with the family, gender-specific training, education on the upbringing of children, educational and psychoprophylactic technologies for optimizing the formation of readiness for fathering (conversations, training, consultations), activities of various levels on the formation of adequate contraceptive behavior, the prevention of abortive behavior of educational organizations studying, the creation of a database on parenthood and reproductive health for students, their parents and teachers.

CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING

1.1. General characteristics of the development of theoretical ideas about parenthood and fathering

The last decades of the last century in foreign psychological literature and the first years of the XXI century in our country were marked by serious attention both to the phenomenon of fathering itself and to the multitude of its manifestations, patterns and effects. Fathering is studied not only in connection with the upbringing of the child, but from the point of view of his place in the development of the man's personality and in the context of his relationship with society.

Modern ideas about parenthood are not universal. They are not only very different in Europe, Asia or Russia, but even in various sectors of society. The concepts of "parental love" and "good parent" have a long and very contradictory history.

Researchers of sociology and the history of fathering [210; 599] see the emerging ideal of the modern father as an equal partner performing parental functions in the same volume as the mother. However, each generation forms its own father's cultural ideal according to its time and conditions, and each deals with the inevitable gap between what R. LaRossa [599] called the "culture" of fathering and the "behavior" of the father in the family. Current studies also clarify that fathering cannot be studied in isolation from maternal care and maternal expectations, as well as from social stereotypes of child care in society [256]. Social expectations for fathering have been quite diverse throughout human history: the culture of fathering and the practice of fathers change from century to century, together with social and political conditions.

Scientific understanding of the problems of fathering has its own specifics, primarily related to changes taking place in society. Issues of male participation in interaction with the future generation, in education, in the transfer of experience have

been raised since the time of J.-J. Russo [given on 476]. Z. Freud wrote about the role of the father in the development of the child, but later studies of the influence of the family on the child focused mainly on the study of the relationship between mother and child [496; 497]. Until the 1970s, the study of parenthood marked the study of first maternal deprivation, then the issues of the interaction of mother and child and the problems of maternal attachment in the broadest sense, including the features of the relationship of attachment and behavior with the child, manifestations of attachment [502], the safety and mutual relationship of such attachment, the features of the development of children of mothers with different types of attachment [496; 498]. However, the inclusion of fathering problems in parenthood research has complicated and differentiated theoretical foundations, methodological principles and practical methods of parenthood research and family work [485]. Previously, the idea was widespread in everyday life and science that the mother copes better and interacts with the infant child "by nature," obeying natural instinct, and is more genetically adapted to this, respectively, she is more competent in the care of the child, so the father can be content only with the so-called role of "deputy mother." The father replaces the mother when she is gone, and helps her by fulfilling her assignments. For example, according to the American Center for Fathering [510], most mothers believe that fathers are less competent in various areas of parenting, citing time spent with children as evidence. 71% of men with children under 18 years old answered the question "Do you often do any business together with the child" yes, while only 55% of mothers answered in the affirmative about their husbands [560]. That is, initially, researchers considered the father as a kind of "substitute" figure, an assistant to the mother in upbringing, but in the 80s of the last century a new wave of fathering studies appeared, focusing mainly on the role of the father in identifying the child and the problems of the absence of the father in the life of the child.

Theoretically designated by Z. Freud, aspects of the influence of fathering on the development of personality received qualitative development in the context of modern science in the late XX - early XXI centuries in connection with a large-scale social request. Due to the significant changes in the system of gender roles that have occurred

in society over the past 50 years, More social than maternal, paternal roles are undergoing major changes, leading to the formation of an operational vacuum of paternal roles in the new environment, the emergence of new forms of fathers' activity, as evidenced, according to W. Fthenakis and S. Barth, on the formation of a new gender system, on the re-evaluation or refinement by society of paternal functions, on the further differentiation of gender roles [550].

Gradually, research turned to the problem of the specifics of the influence of the father and mother on the development of the child. The first works of R. Parke and colleagues [622] described the father as an absolutely equal mother in the possibilities of interaction with the child, including in motivational and operational characteristics. Even more, for the first time R. Parke described fathers as quite successful in performing such traditionally female parental functions as responsiveness to attempts to communicate with a child, feeding, the ability to properly handle a small child, when, for example, hygiene procedures are required, the child coughs or jumps [622]. Continuing his research in this direction, R. Parke made a successful attempt to study the vocalizations and speech communication of fathers with infants, proving the absence of differences in this between fathers and mothers [621; 623]. Paternal affection was also studied on an equal basis with maternal [606], and it was concluded that the participation of the father can contribute to the development of the child, giving him the necessary safe attachment [492; 493]. However, attachment studies are limited only to infancy or early childhood of the child, although paternal, as well as maternal, influence persists throughout childhood and adolescence. W. Fthenakis, [551], S. Barth, [480] consider and scientifically justify the fact that there is no fundamental difference between father and mother in the care of even very young children. A father can do it as well as a mother. Some studies have shown that in the process of "becoming a father," even during the pregnancy of a partner, hormonal changes occur in the body of a man, like women. During the entire period of pregnancy, the male future father's testosterone level in the blood decreases [572].

However, despite the optimism of these studies, many works provide an idea that, with equal opportunities or parental "abilities," the real involvement in the life of

mothers' children is many times higher than the paternal one [624; 635]. A study of the amount of time spent with children [624] showed that fathers communicate with an awake infant from 45 minutes to 26 hours a week, while mothers spend an average of 9 hours a day with the child [591].

According to H.-L. Canitz. [511], some fathers are quite satisfied with the so-called role of "deputy mother," that is, they replace the mother when she is not present, and help her by fulfilling her assignments.

These studies do not take into account the social specifics of parental and gender roles: a woman spends most of her time with a baby if she does not go to work, while a man is professionally busy for a full day. For example, T. A. Gurko [137] believes that stereotypes in the field of parenthood, which, in her opinion, mean sustainable perceptions that put women at a more disadvantage in society than men in terms of achieving status, power and access to resources, are the most sustainable in society. And it is the "maternal duty," as a woman's strict attachment not only to biological, but also to social reproduction, especially childcare, that is the main argument of discrimination against women [137].

However, it is these stereotypes that cause not only the problems of women in the professional sphere, but also the difficulties of men in fulfilling the roles of husband and, especially, father.

There are several approaches to considering the role of the father. Representatives of the psychoanalytic direction [550] performed a large number of works on the study of the role of the father. The role of the father in the psychosexual development of the child is mainly studied, the father is thus the most important figure in the life of a child of four years. Z. Freud singled out the following important aspects of the relationship between father and child: 1) father - the embodiment of power, as an object of admiration and love, 2) father as an object of realization of the need for security and protection, 3) father as an authority that punishes for misconduct and, thus, regulates the behavior, and later the moral attitudes of man. Mother's love - unconditional love, acceptance and warmth - provides a sense of security [429], satisfies the need for acceptance [268], and creates a basis for development. A child can explore the world

only when he is sure that at any moment he can return to his mother. This is evidenced by the studies of E. Erickson, K. Horney, D. Winnicott, M. Klein, L. I. Bozovich, M. I. Lisina and others. The father carries a socializing function, except to satisfy the need for security, stability and reliability of existence. His love is conditional and thus gives the child the opportunity to socialize, the father conveys socio-cultural norms, traditions and monitors their observance. Being a father is to be a bearer of truth, norms in the family. Since the mother is unscrupulous, the father is responsible for socialization. When the father is the bearer of the norm, a feeling of support, reliability and confidence among other family members is associated with him [480].

S. Barth [480] considers the father as the only adult in the life of the child who can organize the life of the child, differentiate and integrate it into society. Even M. Klein [589], who studied the relationship between mother and child, says that the relationship with the father even affects the development of a very small child positively. S. Barth also emphasizes that the father, as a translator of social norms, becomes a figure for the child to ensure the connection of generations [480].

Modern adherents of the psychoanalytic approach, which is very common in Germany, continue to develop Z. Freud's idea of the socializing role of the father. According to this concept, the mother gives the child unconditional love and acceptance, the father - conditional love, for fulfilling some prescriptions, and, at the same time, protection [602]. However, even compared with the beginning of the 20th century, scientific theoretical ideas are changing about exactly what functions the father should perform in relation to his children [509]. For example, although a man is no less capable of caring for a child, he is often unable to do so. Studies show that many women believe that fathers take good care of children, but do this only when they want (this problem is known as the "concept of competence") [210].

Representatives of the behavioral direction consider fathering from the point of view of fulfilling the requirements of this social role. Moreover, classical behaviorism saw in the father only the most important element of the environment, which strengthened or suppressed certain reactions of the child, thus raising the right reactions.

Representatives of neobiheviorism say that the father is also a model, watching which, the child learns [479].

Humanistic approach to fathering developed within the framework of works of the first family psychologists [115, 365], which indicated possibilities of personal growth of spouses, as well as optimization of family situation in the framework of psychotherapeutic work with family. Today, in the context of systemic family psychology, the approach of authors such as: G. Becker [482], V. Behrendt [483], J. Belsky [486], C. P. Cowan, P. A. Cowan [524], M. Lamb [597], R. LaRossa [599], D. Lenzen [602], without which each element in each element is not possible, each Pleck [629], considering its normal functioning All family members are interlinked and interlinked [357]. Thus, not only do the father and mother influence the children or the relationship of the couple influence the development of the children, but also the relationship in the parent-child dyad affects the stability of the family and the well-being of each of its members, while the relationship of the father and child is not an isolated sphere, but these relations are important for the functioning of the entire system [251]. In support of this provision, A. Gerhard [557] cites the results of a study that found out that children raised in single-parent families "complete" the family in their fantasies about the father. Knowing the contribution of each family member to the system, we can say that the family as a system will be unstable or unstable, in the absence of any of the components. At the same time, modern researchers believe that fathers play a vital role in the functioning and stability of the family and contribute to the well-being of children [125], leading to the emotional self-regulation of the child [491], internalization and externalization of the child's social behavior [536], literacy and linguistic competence of the child [673], and success in school [1, p.262; 581].

Currently, a large number of studies on this problem are being conducted in Germany, the USA and Russia. Various aspects of the fathering phenomenon are studied: 1) the status of the father [483; 487], 2) his behavior in fulfilling his paternal role [511; 577]); 3) satisfaction of a man with fathering, including the performance of the role of the father [551]); 4) satisfaction with relationships with their own father and transfer of patterns of behavior in performing the role, communication and relations

with the child and with the child (R. Richter, M. Verlinden, [637], D. Lenzen [602]), as well as social and demographic problems of fathering [480; 550].

German researchers deal with problems of social change of fathering [550], transformation of roles in society [585]; changes in social stereotypes and attitudes about what the father should be [480; 637]; problems of family psychology, men's playing roles within the family in the changing conditions of modern society [483; 623; 632]; the historical and cultural background of the modern stereotype of fathering; psychological features of fathering [551; 637], such as satisfaction with one's own role, relationship with the child, spouse and others [550], as well as the process of formation of the father, his psychological characteristics, acceptance of the role, change of the self-concept in fathering, age patterns of this phenomenon [648].

After analyzing literary sources devoted to the description of studies, it can be said that the problem of fathering is not only widely studied in the USA and Germany, but also attracts quite wide public attention. At the same time, American researchers are focused on practice and practical assistance to parents in the performance of their functions [531]. Research is applied [534; 628] and allow us to trace many patterns and features of the fathering phenomenon in modern society, most often sociological [617]. In addition, there are several commercial and non-profit organizations (for example, The Fathering Coalition, led by M. Charalambous, National Center for Fathering, led by K. Canfield, The March Of Dimes, etc.), whose activities are aimed at providing counselling, information support to parents and conducting various types of seminars, training 510 and single families. 556], as well as funding for various studies of parenthood and related issues [617; 675], identifying grant support for research on responsible fathering, the development of programs to promote healthy marriage and responsible fathering, starting in 2011. [670; 671].

German research is more fundamental, focused on both practice and theoretical understanding and substantiation of the practical results of research and study of the problem.

Thus, the 70s and 80s of the last century were marked by the attention of researchers to the issues of the difference between the contribution of the father and

mother to the development of the child: first, through the study of the time spent with children [485; 568], then through the study of qualitative differences in father-mother interactions with children [629].

In the 90s of the last century, in connection with the special attention to the problems of male gender identity in the framework of the so-called "men studies," scientific interest in fathering focused on issues of gender differences in upbringing, the relationship between the presence of the father and the development of the child, the role of paternal involvement in the life of the child in the development of the child's personality [554], the uniqueness of the father's contribution to the development of the child [629].

This is clearly described by the specifics of academic interest in the problems of fathering over the past century and the beginning of the 21st century. Attention to the various problems of fathering among such authoritative foreign journals devoted to family relations as: the Journal of Family Psychology, the Journal of Marriage and Family, Family Relations periodically reaches 20% of the articles on fathering among the total number of articles in the journal per year. For the oldest publications covering development issues, such as Child Development and Developmental Psychology, this figure is slightly less than 20% [558].

The increase in interest in fathering peaked in the 1990s and 2000s, then decreased somewhat. At the same time, there is a specialized scientific journal devoted to fathering problems: Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers, published from 2003 to 2015 by Men's Studies Press.

In most journals, fathering research focuses on the study of Two-parent Families (76.2%). However, closer to the 2000s, articles appear describing studies involving non-resident fathers [517], that is, for various reasons not living with a child in the same household (14.2%). An analysis of the topics of the articles allows us to say that the main interest is aimed at the role of the father in raising the child, his interaction with him (75.4% of the articles), the relationship of behavior and attitudes regarding fathering (42.1% of the articles), the quality of interaction between the father and the

child (33%), and the problems of organizing care and involvement in the life of the child (26.1%).

In foreign and domestic studies, the phenomenon of parenthood is studied by psychologists, sociologists and teachers, depending on the theoretical approach to this problem. Analyzing numerous modern works on parenthood, we can distinguish two main approaches to the study of parenthood, depending on who is considered the starting point of study - the child or parent: the first, the most common, considers parenthood in relation to the development of the child [628]. In the first approach, fathering is studied either as the role of the father within the family system, or in the context of the influence of the family system on the development of the child's personality, or the effect of fathering on the development of the child's personality is separately investigated. The second approach considers the fulfillment of the parental role through the prism of the parent's personality, here the self-realization of the personality in parenthood and other personal characteristics changing in one way or another with parenthood are studied [534].

In our country, the problem of fathering was initially studied within the framework of family psychology [458], mainly within the framework of systemic family psychology, where the main aspects of the study of fathering did not go beyond the above-described idea of the significance of marital relations for the development of the child and child-parental relations, or within the framework of social psychology, as part of the social role of men, determined by socio-historical reality [210]. For example, B.I. Kochubey [219] proves that the destruction of the patriarchal family in our country led to the fact that the woman became the main teacher in the family, and the man lost the support of his importance in intra-family affairs.

Even at the beginning of the 21st century, domestic works were associated with the study of the psychology of fathering only indirectly in the context of the psychology of child development [3; 332; 379]. At the beginning of our work in 2002, we had to use mainly foreign sources, a huge array of materials of which has not yet been translated into Russian (J. Pleck [629; 631], W. J. Doherty, E. F. Kouneski, M. F. Erickson [532]; M. Lamb [597], D. J. Eggebeen [533]). Our articles [74; 159; 160] and a monograph on

the psychology of fathering [76] were among the first attempts to comprehend the problems of fathering's influence on the personality of the man himself. Modern Russian studies of fathering are represented by a wide range of works, among which the works of T.V. Archieyeva can be distinguished [31], R.V. Ovcharova [301], S.I. Radchenko, M.A. Fedorova [341], M.V. Butaeva [100], S.D. Nekrasov, Z. I. Ryabikina, A. R. Tivodar [294], A. I. Mikhailova [275], V. L. Kokorenko [205], S.F. Yavona [463], L.V. Tochenoy [406], Yu. A. Tokareva [401], O. V. Almazova, A. V. Ilyins [19], Yu. A. Latysheva [238] and others.

The idea proposed by I. S. Kon [210] that fathering problems are grouped in three psychological fields can be used as a basis for analysis. First, in the context of family psychology, within the framework of understanding the modern crisis of the family and its impact on the development of the personality of the child and the adult himself. Secondly, as part of the study of masculinity problems, in the context of the weakening of the usual male hegemony. The third aspect relates to the crisis of power in an egalitarian family, female and age-related emancipation.

The modern family is undergoing a period of transformation or crisis of formation in new social, economic demographic conditions. The number of forms of marriage and possible types of family relations, the permissible distribution of roles and functions within the family is increasing, and the range of acceptable in the field of family and marriage is expanding. And the ideas of the connection of family features with the presence and number of children remain relevant, for example, N. N. Nikolaev connects the types of families in modern Russian society with the characteristics of parenthood [297]. There are even classifications of family types according to the criterion of fathering, so A. Yu. Filatova describes the family in terms of the degree of inclusion of the father in the upbringing of children [418]. D. S. Kornienko, E. N. Krasilnikova and N. V. Rotmanova in their study prove the connection of paternal attitude to the child with family configuration [217, p. 627].

Many researchers believe that modern gender transformations lead to a decrease in responsibility and emotional involvement in marriage, in such a way that so-called consistent monogamy becomes possible when the relationship is maintained until the

first serious conflict [80] or until a new partner appears in the life of one of the spouses. Similar problems are studied by psychologists, sociologists, demographers in European countries and the USA. In the context of the study of a "free" family, the question of children becomes very difficult: their appearance in general, guardianship of children from previous marriages or relationships, the distribution of responsibilities of divorced parents. Theories appear describing marriage and parenthood through the prism of personal maturity of spouses [511]. Moreover, the reluctance to marry in general, the reluctance to have children are considered as signs of immaturity (infantility) of the person. On the other hand, adherents of the "meaningful" inclusion of spouses in family life appear [531; 532]. In our country, A. G. Bratukhin and E. A. Store propose a method of visual design as part of the work on the development of healthy-saving behavior and correction of reproductive behavior [95, c. 65].

As mentioned above, theoretical understanding, the development of the concept of research of this phenomenon follows the formation of a steady interest in the problem in psychological practice [629]. So, there are several private centers for supporting parenthood and family, where the experience of enthusiastic parents themselves is exchanged with each other. These centres support, and sometimes finance, research in this area [474]. According to foreign studies, the psychological significance of the "responsible" "included" attitude towards the family for the individual and for the family as a whole is especially pronounced in crisis periods of marriage. Abroad, parenthood is often studied in the context of the relationship with marriage [532]. It is believed that the success of parenthood is associated with the development of the marital system, which, like any other, is characterized by dynamics: spouses develop and their relationships change. Among the most difficult moments of the initial stage of family life, most researchers identify normative crises of the family: the first year of married life [305]; the crisis of the first child [528]. These crises are points of bifurcation of the system, when it is possible to adopt new roles and form new sub-systems of the family, but it is possible to destroy the system quite quickly. For example, Yu. V. Kovaleva [203] indicates that the adoption of parental roles is associated with the regulation of the behavior of spouses at various, especially initial,

stages of the family life cycle. Thus, parenthood is not just a personal phenomenon, it is largely due to marital relations [630]. This idea is not new for Russian family psychologists, but it is mainly postulated in works based on the practice of family psychotherapy [458]. For example, K.N. Belogay connects parenthood with the psychological tasks of marriage at a certain stage of the family life cycle, at which it becomes one of the factors for the stability of married relations [45]. On the other hand, marital relations also affect the specifics of parenthood. So, I. S. Popova studied marital relations and came to the conclusion that they have an impact on parenthood through the determination of the social perceptions of the image of the child [331], O. N. Bezrukova turned to the study of the expectations of mothers and the practice of fathers [42], P. N. Rezko and colleagues even connected the identity of the father with the type of family [350].

Modern American studies of fathering distinguish works [532; 596], in which the emphasis shifts to the role of the female mother as a partner of the male father, largely determining the paternal behavior of the latter. W. Doherty, for example, suggests specifically teaching women to "teach" men about fathering [532]. J. Pleck proves that the involvement of the father in the life of the child is directly related to the involvement of the mother [630]. J. Pleck puts forward the idea that one's own parental identity can only be defined in close connection with the assessment of one's partner as a parent and with the idea of evaluating one's own as a parent in the eyes of a spouse. At the same time, it is assumed that this is equally significant for both men and women. That is, paternal identity is closely related to the assessment of her wife as a mother and to the expectations that she has regarding her husband's paternal behavior. These thoughts are supported by Russian researchers [68, p. 49-55; 140, page 339].

Modern researchers who study fathering from the point of view of the influence on the development of the child's personality agree that the father makes a significant, unique contribution to the development of the child's personality [596]. The most important factor in the normal prenatal development of the child is the favorable environment in the family, the emotional comfort of the pregnant woman [573] and

here, as studies by L. L. Baz, T. A. Balandina, G. V. Skoblo [380] and G. Bouchard [494] showed, the emotional support of the husband turned out to be important, thanks to which the wife managed with the least psychological losses to overcome the difficulties of this period. Thus T. A. Ponomareva argues that the experience of experiencing joint births has a significant impact on the family system, determining its ability to withstand the difficulties of the adaptation period after the birth of a child [330]. The absence of such support is a provoking point for the occurrence of depressive anxiety disorders, which are usually precursors to postpartum depression, the negative effect of which on the mental development of the child is generally recognized. Thus, even before the birth of the child, the father influences its development through the provision of favorable conditions.

Later, the father helps the development of the child through games [182], helping the development of the child's motor skills, the development of the surrounding space, his own body [196; 220], which is an important condition for the intellectual development of the child [596].

According to W. Fthenakis [550], interaction with the father positively affects the cognitive development of children [633], which is confirmed by Russian studies [425; 426]. However, in German studies, a direct correlation was found between the involvement of the father in upbringing and cognitive achievements only for boys [550]. American studies [560] show that children whose fathers are involved in their education (for example, attend parental meetings) are more likely to receive higher scores, more like school, less likely to stay in their second year.

In addition, X. Hoffman [575] believes that the father plays a crucial role in children's assimilation of moral standards. One way or another, parents express their attitude to certain events or actions of people through words and behavior, thus providing models of behavior and moral assessment [144]. Parents, especially the father, discipline children, setting a certain framework of behavior, approving some actions and punishing others, this is important, since it is the parents who satisfy the needs of the child, because he interacts with the environment first only through parents, who in this case are conductors of social values. The main factors affecting the

assimilation of moral standards are: 1) fear of losing the love of parents; 2) identification with a parent, which was revealed by Z. Freud; 3) the development of empathy and guilt, initially through parental assessment and then through an explanation of the effects of the child's actions. According to H. Hoffman, it is identification that is the most important factor in the assimilation of moral norms and social roles, and the father in this case is especially necessary for the boy. Father's love, according to H. Hoffman, is conditional, which is the most important factor in the moral development of the child [575]. This is because fathers attach greater importance to autonomy, giving children responsibility for their actions, and are more respectful than mothers of children's independence [163, p. 286].

Z. Freud also noted that relations with his father affect the formation of a semi-royal identity. Current studies confirm this postulate. According to S. Barth [480], the most important determinants of semi-royal identification for the boy are: 1) the dominance of the father as an influence in the family, on the one hand, and on the other, it is the dominance of the father that can lead to the development of the passivity of the child [279]; 2) the father's care, if the distinctive feature of the father-son relationship is care and warmth, the desire to be as "courageous" as the father significantly enhances the positive perception, assimilation of male behavior and the formation of an adequate semi-royal identity [54]. Any problems in the marital relationship of parents affect the experience of the children's gender identity [64, pp. 55-63; 72, p. 35-36]. For example, T.V. Exacusto [459] postulates that gender perceptions of men raised in families with high conflict differ from those of men who grew up in more prosperous families. The relationship of the girl with her father influences her further heterosexual contacts, being the prototype of these relationships [576]. A warm and satisfying relationship between the daughter and the father helps the daughter to be proud of her femininity, promotes her acceptance as a woman and easier heterosexual adaptation [335], and the father can also influence the daughter's life priorities - family life or career orientation [212].

The influence of the father on the development of various personal characteristics of the child has also been proved [181; 508]: the children of the involved fathers have

significantly higher self-esteem and stability of the image of Self, are more responsive socially [181], more often receive higher education, more independent, and lead a healthier lifestyle [632] compared to those who describe their relationship with the father as alienated.

Many studies determine the relationship of the child's self-attitude with his relationship with the father. For example, M.V. Pastukhova proves that the self-esteem of a child of primary school age is associated with his communication with his father [313], her data are confirmed by other researchers [1, p. 297; 411], O. V. Khodakovskaya and E. A. Gizatullina describe the relationship between relations with the father and self-esteem in adolescents [435], M. N. Ustseva believes that even the personal characteristics of adolescents are associated with the image of the father [202; 412; 413], M.V. Ovchinnikov and colleagues [303] prove the influence of the father on the formation of personal helplessness in children, and I. S. Morozov and N. A. Vikdorov associate the type of parental behavior of the father with the process of developing the psychological sovereignty of a teenager [285], N. N. Avdeeva and E. A. Cheprakova note differences in the representations of adolescents with varying degrees of aggressiveness about relations with their own fathers [6, from 131; 296]

In addition, domestic studies pay great attention to the study of the influence of the image of the father on the manifestation of various personal characteristics of the child. For example, E.V. Tumanova and E.V. Filippov describe the relationship between the image of the child I and the image of the father [409]. Ya. A. Surikova and colleagues prove that the positive image of the father in a distant family can be an indicator of the subjective quality of life of the child [396]. At the same time, the influence of the image of the father on the life or behavior of the child persists during the adulthood of the child, so E. A. Shcherbakova describes a study in which the image of parents, especially the father, acts as a factor in the professional adaptation of the personality of pilot cadets [457].

Researchers considering fathering in terms of its impact on male personality development [31, 74, pp. 122-126; 533; 629], believe that it is the birth of a child and

the relationship with him that gives a man a chance to socialize himself, a chance of self-development, awareness of his gender identity. In ancient cultures, a man before the birth of his first child was considered an adolescent [210]. Fathering as a combination of social and individual personality characteristics, including all levels of human activity, is associated with objective personality characteristics, such as: needs, attractions, desires, attitudes, and subjective personality characteristics - value orientations, worldview, as well as the image of Self, Self-concept of personality and self-esteem. For a man, this is a problem of personal development, the problem of accepting one's feelings and their self-control. A father's awareness of himself leads to an awareness of the need to live properly everywhere. A growing child becomes a continuation of a man, satisfies the need for a student, in his own importance. The phenomenon of fathering is closely related to such concepts as the social role of the father, which varies depending on the social system, social, economic and political spheres of society, the status of a man in a given society, as well as such personal entities as emotional, motivational and value-meaning spheres, self-esteem, self-consciousness, self-concept, life satisfaction and lifestyle. Much depends on how much this role is accepted by a man. This is not even so much about the operational aspect of the realization of the role, but about personal acceptance, internalization of the role of the father by a specific man.

Another problem is that historically, the paternal function has traditionally been associated with power, not only in the family, but also in society. According to I. S. Kon, the loss of the predominant position of a man in society, since now not every male father has enough power not only within the social hierarchy, but even in their own family, not only does it affect the difficulties of gender identification of maturing boys, but also on the realization of the paternal functions themselves, regulation of the paternal role and public understanding of the significance of the influence of the involved fathering on the development of the personality of the child and the man himself [208]. This is confirmed by American research, starting with the great depression of the 30s, that if it is impossible to fulfill the role of a breadwinner, for example, when losing a job, a man can completely abandon his paternal role and leave the family, aggravating the consequences of the social difficulties of the family [520].

In general, there are numerous empirical studies of fathering, theoretical models used in which there are serious differences depending on the applied aspects of work. According to W. Marsiglio [608], the following areas of study of fathering are distinguished: a) the theory of the life path, which explores how the male experience of fathering changes in connection with various periods of life and is the basis for our further study of the stages of becoming ready for fathering; b) social descriptive theory (which emphasizes that fathers learn cultural models of the role), which allows us to analyze the social situation of the development of the father's personality; and c) the theory of social identity (which focuses on how men perceive the identity of the father relative to their other social roles), the most, in our opinion, clearly defining methodological grounds for studying the internal determinants of becoming ready for fathering. J. Snarey [658] used E. Erickson's theory in the context of how fathering increases the generativity of adult men. Other scholars have applied the concepts of economic theories to describe the father's decision to contribute to the life of the child or leave the family [482].

As part of the development of socio-psychological theory about the contribution of parents [552]. J. Coleman identified two types of parental contributions to the life of the child that ensure the optimal development of the child. Firstly, parents financially provide for the life of the child. Financial security includes a variety of tangible and intangible resources, including education. Secondly, parents influence the development of the child through upbringing, regulation of behavior, stimulation of the cognitive and social development of the child, preparation for school, support and assistance in learning, inclusion of the child in their social contacts, formation of certain value orientations and views on life.

Based on the analysis, we believe that it is necessary to add that in addition to the above-described approaches focusing mainly on the social and functional characteristics of fathering, several qualitative conceptual models of fathering can be distinguished within the framework of the developing psychology of fathering. The most commonly used conceptual model of fathering is the four-factor model of the involvement of father M. Lamb and J. Pleck [596], which includes: motivation, skills, social support, and

social conditions and is too narrow compared to developmental theories, such as: E. Erickson's theory or social identity theory [460].

U. Doherty [531] identifies 5 factors that determine the specifics of fathering: the relationship of parents, including marital status, the presence of mutual understanding or conflict, support; the influence of the mother, including her gender stereotypes and expectations of the father, her support for the father, professional employment; environmental factors, including cultural characteristics, employment opportunities, the work of social institutions, the economic class, social support; The child's factor responsible for the expectations of the child, especially the relationship with children, depending on age and gender, health and development; and the fathering factor itself, which includes identification with the role of the father, skills, and responsibility, as well as relations with his own father.

The model of J. Plek, which distinguishes fathering as parental status from paternal practices, seems interesting. In addition, it differentiates masculinity as a male gender status and a type of masculinity of a particular man [631].

The peculiarities of the psychological determinants of fathering through the prism of the relationship between fathering and masculinity in Russia are studied as part of the study of the stereotype of masculinity in patriarchal culture [180], the influence of social norms of masculinity on the personality's ideas about the content of behavior within the framework of paternal role [12; 198; 199].

In our country, at the beginning of the 21st century, there was an increasing interest in the problem of fathering, expressed in the emergence of new theoretical studies, most often sociological: for example, a study by I. M. Markovskaya [265], who studied the specifics of ideas about family gender roles in different generations or the work of N. A. Korkina [215], having studied fathering in a modern family, but recently related areas have been widely developed, for example, the specifics of psychological support for parenthood [301], the dependence of the orientation of spouses in a conflict on the images of parents, formed in childhood [8], problems of paternal education in single-parent families [30], problems of child-parental

relations based on the theory of V.N. Myasishchev [31; 290], the problem of the child's gender identity in the family [175].

The second decade of our century is characterized by a serious scientific interest of psychological science in the phenomenon of fathering in Russia. I. A. Alikin and N. V. Lukyanchenko [16] and E. V. Evdokimova [156] described after K. N. Belogay [47] and the author [70] the features of the parental attitude of fathers and stepfathers, A. I. Mikhailov studied the sociocultural determination of fathering [276], A. Yu. Filtsovatov's psychological approaches in the same year. A year later, V.I. Gorbachev and D.V. Maltsev described the methodological foundations of the theoretical study of fathering [126]. The specifics of the paternal role are described by Yu. A. Latysheva in the context of the traditional and new view [237] and E. S. Lytova [258], G. S. Gukasova [136], E. S. Lytova [258] and E. V. Bakhadova - from the point of view of comparison with motherhood [40]. Interesting from the point of view of theoretical understanding of the role of marital relations in the formation of fathering is the work of Yu. A. Danilova, describing a three-dimensional model of fathering, through inclusion, following W. Doherty [532] and the author [68], in the father-child mother diad, as the most important partner of the father in parenthood [140] and the work of E. L. Irgit to study parenthood 3.

Particular attention of researchers is attracted by the problem of formation of paternal practices in modern father in context of readiness for fathering [242; 316; 432], problems of assimilation by young men of the father's social role in the family [367] or attitude towards the future child at the stage of planning and during pregnancy in comparison with the mother [91].

T. D. Boyazitova described in detail the value orientations of men expecting the appearance of a child [93], S.F. Shaimukhametov and L.F. Chukmarov added to this a study of the features of the mental states of future fathers [445].

The dynamics of the image of the father and ideas about his own fathering and the peculiarities of fathering in young men are presented in the works of A.V. Levchenko [243], N.V. Akinshina [12] and U. Yu. Sevastyanova [369].

S. S. Savenysheva added to this a description of the attitude to fathering in men at different stages of parenthood [359].

Understanding of internal mechanisms of development of a fatherly role described

. I. Zakharova [173] from the point of view of the age-psychological development of the personality in adulthood [172]. M. Yu. Lukov supplemented modern knowledge about fathering with a description of the features of accepting a paternal role [257]. In addition, N. A. Fomin and M. V. Pastukhov proposed to study responsible fathering from the point of view of such a personal property as responsibility [424].

The problems of psychological and pedagogical support of the family and psychological assistance in the context of work with fathering were also not overlooked by psychologists. A.V. Markelova describes the principles of psychological and social assistance to young spouses in preparation for parenthood [263], M.V. Zaluzhnaya proposes a program-targeted approach in the process of forming responsible fathering [170]. E. A. Yukhina considers it necessary to highlight the problems of assistance to fathers within the framework of psychological support of parenthood in modern conditions [462]. There is also a specialized psychodiagnostic toolkit designed to study fathering [63; 218].

In addition, certain aspects of the fathering phenomenon are studied, such as: the history of Russian fathering in the context of the formation and transformation of the practices of Soviet fathers [176], the specifics of stepfather fathering [70; 104], problems of the psychology of deviant fathering [314], problems of men raising a child alone [373], fathers raising a child with disabilities [36].

T.V. Pomarchuk conducts a very interesting work, studying the psychological readiness for fathering [327], analyzing responsible fathering from the point of view of preventing social risks [328] and

M. M. Basimov, E. A. Padurin, studying parental feelings in fathers [38].

The years 2016-2017 were marked by a number of promising fathering works, which indicates an urgent social request for fathering research: I. S. Petronyuk [317] as well as A. E. Abrosimova and

D. A. Kudachkin again turn to rethinking the modern problems of the psychology of fathering [4], A. M. Medvedev and T. K. Rostovskaya described the specifics of the image of a modern father [272], T. D. Podkladova addresses the study of the involvement of the father in the life of the family and society [324], M.V. Malaeva describes the structural components of the parental sphere in men [262].

Modern research touches on a wide range of issues: from the influence of the very process of the formation of fathering on well-being, the subjective well-being and psychological health of the father, his social contacts, family relations and professional self-realization, [534], before the effects of male role overload [599], problems in performing domestic functions by men and interaction with child welfare services [531], and the relationship between satisfaction with marriage and father-child relations is being developed [628; 656], problems of transgenerational transmission of family relationship patterns [494; 535], and the peculiarities of adult children's relationships with their fathers [409; 651]. Thus, modern foreign and domestic studies of fathering not only cover the widest range of problems not only the influence of the father on the development of the child's personality, but also the specifics of the influence of fathering on the self-feeling, psychological health and personal development of the father himself, but also determine the range of issues of further study of fathering. The materials of this paragraph are partially published by the author in the 2007 monograph [76, p. 53-61] and 2020 [78].

1.2. Psychological specificity of fathering in the context of the study of parenthood

Considering fathering as a special phenomenon, including the invariative characteristics of the parent and the variable essential manifestations of the bearer of

this role, we will determine those components that are characteristic of the father as a representative of the role of the parent.

Fathering, along with motherhood, is studied as part of a theoretical understanding and empirical study of the phenomenon of parenthood. An analysis of the literature on the problems of parenthood psychology showed that, despite the wide representation of works, there is no consensus on the phenomenon of fathering. There is not even a clear definition, since this phenomenon is not limited to such concepts as the role, status, feelings, motivation, value-motivation or need sphere or self-esteem or part of a man's gender identity.

However, the study of the phenomenon of fathering is inextricably connected with the concept of "parenthood," which is a rather difficult to define, but at the same time a broader concept than the concept of "fathering."

I. S. Kon defines parenthood as a system of interconnected phenomena, including: a) parental feelings, love, attachment to children; b) specific parental roles, and normative regulations of culture; c) due to both real behavior, attitude of parents towards children, style of upbringing [209].

R.V. Ovcharova believes that parenthood is a socio-psychological phenomenon that is emotionally and evaluatively colored and a combination of knowledge, ideas and beliefs regarding oneself as a parent, realized in all manifestations of the behavioral component of parenthood [301].

Fathering is a private male-specific manifestation of parenthood. According to R.V. Ovcharova, it can be described through the concept of "parental attitude" as a manifestation of parenthood - "integral psychological education of the personality (father and/or mother), including a set of value orientations of the parent, attitudes and expectations, parental feelings, relationships and positions, parental responsibility and style of family education" [301, c.14]. Parenthood is manifested and realized at three interrelated levels: cognitive, related to the awareness of parents of emotional connection with children, ideas about the ideal parent and about themselves as a parent, knowledge about the features of performing parental functions, images of the spouse (s)

and child; emotional, including parental feelings; and behavioural, including the ability to communicate and care for the child, parental attitudes and style of family education.

Parental attitudes are manifested in both men and women. Parental attitudes (positions) - the combination of emotional attitude towards the child, the perception of the child by the parent and the ways of behavior with him [438]. The concept of "parenting style" is often used synonymously with the concept of "position," although the second case refers to a specific child, while the parenting style is a relation to children in general [283, p. 223-230].

The clinically oriented literature describes a rather extensive phenomenology of parental attitudes, as well as their consequences - the formation of individual characteristics of the child within the framework of normal or deviating behavior. The types of parental education identified in these studies characterize mainly adverse educational effects [458].

From the point of view of the biological conditionality of parental feeling, three factors are significant for the successful "launch" of the biological basis of parenthood - the senitive period, key stimuli and imprinting. The mother has a sensible period of formation of motherhood - the first 36 hours after childbirth. If during this period the mother is given the opportunity to communicate directly with the newborn, the so-called skin-to-skin contact, then the mother has psychological imprinting on this child, an intimate mental relationship with the child forms faster, it is more complete and deeper. Numerous studies of those families where the sensible period of motherhood was not missed show that the behavior of mothers was calm and loving, children smiled reliably more often. A childhood smile, in turn, is a powerful encouragement for the mother, a key irritant that triggers specific maternal behavior.

It is believed that on the basis of archaic reflexes that later disappear, the child develops a specific behavior in response to external stimuli. So, for example, the first smile is a manifestation of the bucolingual (buccal-lingual) reflex. The mother attaches communicative importance to this smile, gives the child's actions more meaning than they really are. She positively reinforces this first smile, more clearly expressed between feeding. Subsequently, a smile will be a specific reaction to the approach of the human

face, the sound of a familiar voice. Thus, the positive period of maternity formation used in time leads to positive interaction with the child and serves as a guarantor of good contact, warm and loving atmosphere of mother-child communication [283, p. 124].

In domestic and foreign psychology, parental attitudes (positions) were mainly investigated in terms of their impact on the origin and development of neurosis in children. In this sense, the systematic classification of parental positions (O. Conner) is interesting, in which the parental position is formulated in the form of verbal constructs and behaviors characteristic of the parent. O. Conner, describing parental attitudes or positions, identifies four positions, of which only one is constructive: acceptance and love, obvious rejection, excessive demanding, excessive guardianship. [283, page 125].

T.V. Bragina considers the parental position as the nature of the emotional attitude of the father and mother to the child. And it identifies 6 types of positions: excessive emotional distance between parents and children, emotionally balanced attitude towards children, excessive concentration of attention on children, dominance towards children, position of independent leadership of parents, excessive concession towards children [given in 301].

A. S. Spivakovskaya characterizes parental settings through three parameters: adequacy, dynamism, prognosticity, which are manifested in the perception of the child, in the degree of flexibility of forms and methods of interaction in connection with age changes of the child; and to the degree of variability of the effect on the child in accordance with various situations, in connection with the change in the conditions of interaction [given by 301].

An interesting approach is demonstrated by Russian parenthood researcher E.I. Zakharova [172], interpreting parenthood as an individual psychological reality and describing it through the term "inner position of the parent," meaning a personal education associated with an individual attitude to the social position of the parent [173]. At the same time, the mastery of the social position of the parent is defined by E.I. Zakharova as a social situation of personality development, in which parenthood has a developing potential, since the implementation of parental functions or parental

activity becomes an instrument for transforming social and individual content into an act of individual consciousness [172].

Based on the theoretical concepts of E. I. Zakharova [173] and G. G. Filippova [423], S. A. Abdullina identified four components of the parent's internal position: 1) motivational - representing the personal meaning of parenthood, its place in the system of needs of motives and values of the person; 2) cognitive, including the representations and expectations of the parent regarding parenthood and parental functions, as well as the image of the child and the assessment of himself as a parent; 3) emotional - determined by emotional attitude to parenthood, to oneself and to the child; 4) behavioral - skills and operations to care and communicate with the child, skills in upbringing and training [2, p. 78].

Focusing on the activities of the parent, N. D. Mikheeva describes parenthood through the concept of "parental competence" as a system of knowledge, attitudes, skills and skills that give the parent the opportunity to interact effectively with the child, providing a positive direction for the cognitive, social and personal development of the child [278].

G.I. Reprintseva defines the following components of parental competence: parents' awareness of the boundaries of competence, the need to increase it, an understanding of the role of factors of the multicultural environment in the family and outside it and their influence on the development of children at different stages of ontogenesis, as well as the differentiation and individualization of the development of motherhood, fathering and marriage as sociocultural phenomena [351].

A. A. Chekalina understands parental positions as one of the synonyms of many other terms denoting the educational process in the family: parental education, parental relations, type of upbringing, style of upbringing, and upbringing tactics.

E. Schaeffer and R. Bell [647], who developed a methodology for assessing parental attitudes (PARI), believe that the concept of "attitude" in addition to the attitude to the child should include a relation to the family role (husband - father - owner, wife - mother - owner of the house). They distinguish 4 factors that characterize

parental attitudes: "authoritarianism," "democracy," "guardianship" and "marital relations."

From the point of view of T.V. Archieyeva, parental positions are realized in the behavior of the father and mother in a particular type of upbringing, that is, in certain ways of influences and in the nature of treatment of the child. She identifies 3 factors that characterize parental positions: "hyperopeca - the absence of parental care"; "lack of democracy in relations with the child - democracy"; "dictate in education - renouncing authoritarianism" [31].

M.O. Ermikhina, who, following A.S. Spivakovskaya, distinguishes cognitive, emotional and behavioral components in the parental position, believes that the cognitive component includes ideas about the real and ideal image of the child, about the existing positions of the parent, about his parental position. The emotional component represents the dominant emotional background, judgments and assessments regarding the real image of the child, their parental positions and regarding the parent-child interaction. The behavioral component contains the communicative positions of parents, the prognostic aspect (planning) of further interaction with the child.

According to E. Bern, a typical parental position is a position "over," "from above." However, the ideal parent position to which spouses should aspire is equality of position. It means recognition of the active role of the child in the upbringing process [52].

Currently, most researchers focus on the study of unfavourable parental positions in functionally untenable families with negative consequences for the personality of children and adolescents.

Typical unfavorable installations are: conniving-condescending; demonstrative; pedantic-suspicious; hard-authoritarian; exhilarating; suspension; indifferent; indulging; inconsistent; lack of positive interest; policy; hostile; standalone.

In domestic and foreign psychology, there are a lot of classifications of parenting styles. One of the classifications is presented by A. Baldwin, who identified two styles of practice of parental education democratic and controlling [given by 184].

In general, it can be said that parental control is an important parameter that affects the development of the child: with a high score on this parameter, parents prefer to have a great influence on children, are able to insist on fulfilling their requirements, are consistent in them. Controlling actions are most often aimed at modifying the manifestations of addiction in children, aggressiveness, the development of game behavior, as well as at more successful assimilation of parental standards and norms.

The second most important parameter is parental requirements that encourage children to develop maturity. Parents try to ensure that children develop their abilities in the intellectual, emotional spheres, interpersonal communication, insist on the right of children to independence and independence.

The third parameter that determines the style of parental education is how to communicate with children during educational interactions. Parents with a high score on this indicator strive to use persuasion in order to achieve obedience, justify their point of view and at the same time are ready to discuss it with children, listen to their arguments.

The fourth parameter is emotional support. Parents are able to express sympathy, love and warm attitude, their actions and emotional attitude are aimed at promoting the physical and spiritual growth of children, they feel satisfaction and pride in the success of children.

From this it follows that the most common mechanism for the formation of the child's characteristic features, responsible for self-control and social competence, is the interorialization of the means and skills of control used by parents. At the same time, adequate control involves a combination of emotional acceptance with a high volume of requirements, their clarity, consistency and consistency in presentation to the child. Children with adequate parental practices are characterized by good adaptability to the school environment and communication with peers, are active, independent, proactive, friendly and empathetic [given 393 each].

C. Brodie identified four types of maternal relationship that may be related to paternal ratio [502]. Mothers of the first type easily and organically adapted to the needs of the child. They are characterized by supporting, resolving behavior. Mothers of this type did not set themselves the task of training a child to be tidy by a certain age. They

waited until the child himself "ripened." Mothers of the second type deliberately tried to adapt to the needs of the child, which contributed to their behavior, a lack of direct communication with the child. They dominated more often than they did. Mothers of the third type did not show much interest in the child. The basis of motherhood was a sense of duty. In relations with the child there was almost no warmth, but there was strict control, for example, in learning to tidy skills. Mothers of the fourth type of behavior are characterized by inconsistency. They didn't understand their child well. Their direct educational effects were contradictory.

According to S. Brodie, the last style of motherhood turns out to be the most harmful for the child, since the constant unpredictability of maternal reactions deprives the child of the feeling of stability of the surrounding world and provokes anxiety. While a sensible, receiving mother (of the first type), unmistakably and timely responding to the demands of a young child, which creates him unconscious confidence that he can control the actions of others and achieve his goals.

A. E. Lichko and E. G. Eidemiller distinguish ten types of improper education: hypoprotection, hidden hypoprotection, condoning hypoprotection, dominant hyperprotection, condoning hyperprotection, emotional rejection, education in conditions of cruel relations, education in conditions of increased moral responsibility, contradictory education, education outside the family [458]. At the same time, parental behavior under the influence of educational attitudes can both mitigate unfavorable conditions for the development of the child and lead to unfavorable development of various character traits.

Russian sociologist T. A. Gurko draws attention to the fact that in English-language literature there are two terms that determine parenthood: parenthood is used in the analysis of the institutional characteristics of parenthood, parenting - to reveal parental roles, approved by a specific culture of patterns of treatment of children [138].

Turning to the concept of fathering in the framework of the considered concept of parenthood, it should be noted that fathering has a certain specificity compared to motherhood. The most important difference is the smaller contribution of physical and biological factors compared to motherhood to the formation of parental feelings of the

father, since, unlike the mother, the father cannot fully feel communication with the child before birth and during childbirth, is not provided with hormonal mechanisms for regulating parental behavior in the infant period of the child's life. This makes fathering more socially deterministic than motherhood. For example, N. A. Korkina notes that fathering has historically been the main indicator of masculinity, since high reproductive ability has always been considered an important component of male strength, but child care was the task of a woman [215]. Thus, fathering was more perceived as a status than a function. Accordingly, paternal functions are less clearly defined by society, but to a greater extent than maternal ones are determined by social expectations regarding the male role. However, in the modern world there are various variants of the relationship and manifestations of masculinity and fathering. So, I. S. Cohn claims that fathering is the most variable indicator of masculinity, both in the historical and cultural perspective. [210]. However, R.V. Ovcharova draws attention to the fact that fathering is associated with the performance of certain functions [301].

R.V. Ovcharova emphasizes that fathering is a systemic education that has its own structure and functions. T.V. Archiva defines fathering - an open system that has its own fairly stable structure - components, connections and levels, as well as interacting with the environment, as a result of which the development of this system is possible [31]. A. S. Spivakovskaya claims that fathering manifests itself later than motherhood, when the child becomes more adult [387].

U. Yu. Sevastyanova believes that fathering will be defined as a system of relations between a man and a child, which contributes to the development of the personality and emotional well-being of both the father and the child [369]. Interesting is the approach of Yu. A. Tokareva, who believes that fathering is a psychological and pedagogical activity of a man related to the introduction of the child to social norms and requirements of society, upbringing, and control over its result [403].

Further study of fathering requires a clear definition of this phenomenon, not based on separate concepts, such as feeling, instinct; and at the same time, specifically defining the specific features of the phenomenon.

To streamline theoretical analysis, we developed a functional model of fathering structure, which summarizes all phenomena, factors influencing the development of fathering, features and important aspects of fathering [159, p. 119-121].

For the theoretical and methodological study of the psychological concept of fathering in order to avoid any omissions and insufficiency of analysis, we took as the basis the principle of general scientific pentabasis proposed for the analysis of mental phenomena by V. A. Ganzen, who justified the feasibility of studying any mental phenomenon in accordance with the general scientific principle, from the point of view of its four characteristics: spatial, temporal, energy and information [120]. In order to organize the analysis, the cultural space of the phenomenon application was adopted as a spatial characteristic, the temporal - the process of formation of the phenomenon in phylogenesis and ontogenesis, its stages, information - information awareness of a man, energy - his activity (Figure 1.2.1).

<table>
<tr><td>Space characteristics
Biological,
social, gender ,personal
fathering strategies</td><td rowspan="2">FATHERING</td><td>Time characteristics
Development of fathering
[personal history, timeline]</td></tr>
<tr><td>Informational characteristics
Knowledge
Fathering practices</td><td>Energy characteristics
Activity
Interiorization
Roles personal development</td></tr>
</table>

Figure 1.2.1. - Functional fathering model

The role of the spatial characteristic of the phenomenon is performed by biological, socio-cultural and personal prerequisites of a certain way of performing paternal functions, informational - awareness and assimilation of the social role, status, functions, which includes the instrumental aspect, temporal - the process of becoming fathering in phylogenesis, its stages in the life cycle of a particular man, energy - activity, internalization of the role and personal development.

Thus, this model performs a descriptive function - characterizes and arranges all possible functions and aspects of the application and implementation of these functions of the studied phenomenon, both in society and in the life of a particular individual, which allows you to study any individual aspect of the phenomenon of fathering in relation to its other characteristics.

In the process of theoretical analysis of works [423; 480; 550] we assumed that, by analogy with motherhood, the structural model of the fathering phenomenon will also have the following components similar to the motherhood blocks, according to G. G. Filippova [423]: cognitive, (value-sense), emotional (need-emotional) and behavioral (operational). They have a slightly different content for men: need-emotional, including biological, social aspects of motivation, need for contact, emotional reactions, experiences; operational, such as awareness and skills, child care operations and communication with a child; and value and meaning, as the attitude of the father to the child, including existential experiences. In addition, this structure includes an integral end-to-end component - evaluation, which includes 1) self-esteem, as an element of the self-concept, acceptance or non-acceptance of the role of the father and a rational and emotional assessment of himself as a father and his child; 2) as well as the social assessment of others, based on the social stereotypes and instructions for fulfilling the role adopted in this particular society, the requirements that must be observed to meet the status. Social assessment is the basis for forming your own assessment, since through social stereotypes forms the images of the self-ideal. The evaluation component is integral because it permeates and affects all other components of the structure. This provision was confirmed by us in an empirical study [159, pp. 119-121].

In the literature, the content of structural components of fathering is disclosed within the framework of a holistic study of the structure of parental relationship [47; 48; 106], or the parental sphere [262], however, as mentioned above, considering fathering through the concept of activity, one can distinguish the motives for the birth of a child (the need-motivation sphere), goals (value orientations, goal-setting and perspective -

the value-sense sphere) and actions (the operational aspect of fathering - paternal practices).

At the same time, despite the fact that the term "paternal practices" even in English-language literature appeared relatively recently, in modern psychological science, it is studies of paternal practices as in Russia (in the works of the following scientists:

Yu. A. Tokarev [402; 403], T. M. Kharlamova, U. E. Ushkova [433], T. A. Gukasov [136], Yu. A. Latyshev [237], A. F. Artamonov [30], O. N. Bezrukov [42], I. E. Valitova, E. A. Kleschev, [104], A. eva. 531; 631].

The least studied in our country is the need-emotional sphere associated with the reproductive motivation of a man, his acceptance of fathering as an element of a male role, and the parental feelings of a man.

The problem of emotional attitude to fathering is much less represented in our work [157] and the works of such modern researchers as: M. M. Basimov, E. A. Padurina [38], S. F. Shaimukhametova, L. F. Chukmarova [445], K. Y. Wee, H. Skouteris, C. Pier. At the same time, domestic works focus on the experience of fathering [38; 157], researchers abroad are mainly studying experiences associated with the emergence of a new father role [534; 535; 677]. For example, K. Y. Wee and colleagues are trying to investigate the problem of postnatal depression in fathers by analogy with postnatal depression in women, while proving the similarity of some parameters of similar emotional manifestations in fathers and female mothers of infants [677].

There is a certain number of works devoted to studying the peculiarities of reproductive motivation [494; 612; 644], including determining methodological justifications for studying this phenomenon [612]. If in our country these are works that study the reproductive motives of women [423; 148; 340; 488], or describing the problems of reproductive motivation in terms of the utilitarian need for children in economic activity [210], then foreign colleagues develop the evolutionary theory of reproductive motivation [613], including male issues [494]. Among the domestic works, exploring the specifics of a man's parental motivation, one can distinguish the study of

the features of the motivational-need sphere of fathers Yu.A. Tokareva [402], which distinguishes in the motivational-need sphere of fathering the motivation of social approval, the motivation of self-realization in children, the motivation of achieving high results in interaction with the child and his development and the motivation of self-approval [302].

The specifics of the adoption of the father's gender role are studied in detail in various aspects in the USA (S. Coltrane [521], C. P. Cowan, P. A. Cowan [525], R. D. Parke, [522; 623]; D. J Eggebeen, C. Knoester [535]; M. J. Carlson [512]), including even the development of conceptual models of the relationship between masculinity and fathering [631], the relationship between identity and fathering [634; 659]. However, the family aspects of the realization of the gender role of the father are mainly studied, such as the realization of the male role of the father in the family [665] gender differences in interaction with children with special needs [625], changes in paternal functions [620].

The study of the problem of the value attitude towards the child is not emphasized in such works. In domestic studies, the problem of the value-meaning content of fathering is studied from the point of view of highlighting the value-meaning aspects of the psychological and pedagogical activity of the father [91; 92], relying on the notion that the mastery of parental position is interrelated with the age-psychological development of personality in adulthood [172]. At the same time, value components define operational aspects of fathering realization [78].

However, paternal practices also affect the value and meaning sphere of a man. So, D. S. Akivis believes that interaction with a fragile child contributes to the further personal growth and gender socialization of a man, as he reveals, provides an impetus for the development of such personal traits as: need and ability to protect, accept responsibility, energy, mental strength. Thus, paternal care is associated with experiencing love for the child, and the development of fulfillment and responsibility. [11].

Thus, further socialization of men in adulthood occurs, including in connection with obligations to their children. At the same time, the implementation of paternal

practices, as announced in the previous paragraph, is closely interconnected with the relationship with the mother of the child and the mother's attitude to this child. That is, D. S. Akivis parental care of the father is not only a factor in the further socialization and achievement of the maturity of the man's personality, but also determines the well-being of his children and the family as a whole. At the same time, the paternal care of a whole generation of fathers determines the future of this society, through the provision of parental protection in a physical sense, the provision of financial and social stability and the translation of cultural norms, for the implementation of which, according to S. Barth, the father is responsible [480].

Thus, fathering can be defined as a category of personality psychology that reflects the main stages of personality development, characterizing a complex of integral, social and individual personality characteristics manifested at all levels of human life: emotive-axeological, cognitive and operational; including the evaluation component and the need to perform the following functions: protective - as a breadwinner and defender; presentative - as personification of power, educator and higher disciplinarian; mental - as a role model; socializing - as a mentor in non-family social activities and relations, translator of social norms, a figure that ensures the connection of generations. It should be noted that the eclecticity and at first glance difficult interpretability of the results of psychological studies of fathering available to us can be partially overcome by the general interpretation of these studies according to the functional model of fathering analysis.

The question of the place of parenthood and, in particular, fathering, in the personality structure is very interesting and ambiguous: some authors define parenthood through needs and functions [301; 403], there is a description of it through the value-sense sphere of personality [31; 91; 92; 330], in addition, fathering is included in the realm of gender identity of the individual [198; 199; 208].

In connection with attempts to determine the trajectory of personality development, the relationship between fathering and the development of gender identity of a man seems to be a rather important issue, while it is necessary to differentiate

masculinity as a male gender status and a type of masculinity of a particular man [631], as well as fathering as a parental status from paternal practices and male behavior [185].

Paternal status includes the presence of children, their number, the upbringing of biological, adoptive, adopted children, children of a wife or other people's children (priest, teacher). Male gender status is related to biological gender differences, but is defined socially as the status of a man in a particular society, his functions, privileges, duties. The type of masculinity of a particular man is determined by his own personal and social characteristics and is a specific (acceptable or unacceptable) option within the entire group of men of a given society. Paternal practices - the term new in domestic psychological science, corresponds to the term "fathering" in English, as opposed to the term "fathering," which means the status and social characteristics of fathering. Paternal practices are defined as the operational component of fathering, the peculiarities of the interaction of the father with his own child. And with a certain child, if there are several, since the relationship with a particular child is due to the sex, age of the child, the peculiarities of his development and health, as well as the situation of his birth and relations with his mother.

According to J. Pleck, the relationship of masculinity and fathering can be assessed through gender differences in upbringing, the relationship between the presence of the father and the development of the child, the role of paternal involvement in the life of the child in the development of the child's personality, the influence of the presence of children on the assessment of his masculinity by a man, the uniqueness of the father's contribution to the development of the child and the relationship between the type of paternal masculinity, the involvement of the father and the development of the child's personality.

Analyzing the dominance of male hegemony, which determines the social and sexual status of a man in society, J. Pleck believes that male gender status determines paternal practices directly, providing a possible repertoire of behavior, and indirectly through the formation of the concept of fathering and possible paternal status in society. That is, the characteristics of a man's gender identity are interconnected with fathering

and paternal practices that are derived from gender identity. These features and possibly the type of masculinity of the man determine the attitude to the fathering of the man.

At the same time, a man's paternal behavior is determined, on the one hand, by his attitude to a gender role, including his past and real relationship with his own father, who gives a masculine model (that is, a model of a man's role behavior [631], and on the other, his real relationship with his wife, in relations with which this model is implemented, evaluated and transformed [66, p. 112-117].

So, if it is necessary to distinguish specifically the types of fathering, this phenomenon can be classified depending on the type of masculinity expression of a man (masculine, hadrogynous, feminine), on the peculiarities of his father's status (father, stepfather, adoptive father, resident and non-resident father), on the specifics of male gender status (successful man and father, unsuccessful man and father), on the features of paternal fathers.

The most common are typologies of fathers in connection with paternal practices, that is, behavior and educational potential and its implementation in a particular father [405]. So, Yu. A. Tokareva in his study not only justifies the need to study the typology of fathers, but also presents reliable data on the types of fathers identified by her. She identifies four types of fathers, using educational strategies implemented by the father regardless of the age of the child as the basis for classification: "inconsistent," "paternalistic," "driven," "arrogant" [401; 404].

The "inconsistent" type is characterized by the fact that it does not have a clear strategy of behavior with the child and is marked from excessive rigor to connivance, while the child does not always understand the reasons for paternal reactions. The "driven" father focuses on social stereotypes and an external assessment of his behavior and that of the child, while allowing the child to do whatever he wants. The loss of authority leads to the search for stronger means to gain obedience to such fathers can use physical punishment or rudeness. The "paternalistic" type of fathers demonstrates democratic control, the desire to maintain contact, explaining any issues by their own example, which is especially effective and effective for communicating with young children. The "arrogant" type demonstrates strict control and the desire to assert itself at

the expense of the child's achievements, such fathers require high achievements from the child, while not allowing any autonomy and very rarely encouraging the child [404].

E. N. Krasilnikova identifies three groups of fathers: "responsible" fathers involved in the family, striving for equality with the mother in the distribution of parental responsibilities, demonstrating an average level of headship; "traditional" fathers claiming leadership, requiring discipline in the family, they are excluded from raising children, transferring parental functions to the mother; "absent" fathers do not seek to take a dominant role and do not try to share household responsibilities with their mother [223].

W. E. Fthenakis classifies fathers by the amount of time and quality of communication with the child several types of interaction between father and child [550]: 1) Traditional father-father as the embodiment of strength, authority and social competence. The most important task of such a father is the maintenance and protection of the mother and child. Thus, he is distant from the child and only interacts with him when disagreements arise and the mother is not able to resolve them; his word is law, his behavior is not negotiable, he has an authoritarian style of upbringing, there is no emotional intimacy with the child, since authority and power are maintained. 2) Father-partner, this is the father as a model, assistant and partner in games. Such a man believes that for the harmonious development of the child, the participation of both parents is necessary. The family has a fairly flexible distribution of roles, in the sense that the father, in addition to his work, pays attention to the problems of the child. Thus, the father plays a significant role in the upbringing and life of the child, and also an active role in the family [551]. 3) "New Father" [480; 550; 570] - the term "new father" (corresponds to the term "responsible fathering" in the USA [531]), characterizes not so much the operational aspect of the interaction of the father and the child as the tendency emerging in science and practice to emphasize the importance of fathering, communication with the child for the father himself [89].

Within the framework of this concept, the idea of androgynous personality has been widely developed. that both men and women are equally affected by parenthood, that the child is as important to the father as to the mother, however, it is emphasized

that men and women interact differently with the child, for example, different styles of communication, but the father can and should deal with the child on an equal basis with the mother. Such a father takes part in the very process of childbirth, is present at childbirth, later he takes care of the infant child, together with the mother, has a close emotional connection with him. However, on this basis, untrained men may experience various difficulties and exaggerations, up to the father's jealousy of the mother. Here it is necessary to clearly distinguish between the functions and characteristics of the role of the father and mother.

Thus, the specificity of fathering as compared to motherhood consists in the uniqueness of the contribution of the father to the socialization of the child [175], in a lesser biological and greater social and family determinity of fathering compared to motherhood, with simultaneous fuzziness of role expectations regarding the paternal role, and dependence of the degree of involvement in the life of the child on the degree of involvement of the mother in the life of the child. This makes it possible to determine the specific features of psychological readiness for fathering compared to the readiness for motherhood in the context of a holistic study of psychological readiness for parenthood.

The materials of this paragraph are partially published by the author in a monograph [76, p. 53-61; 78].

1.3. Psychological readiness for fathering as a prerequisite for the implementation of a constructive fathering strategy

In psychology, the study of the problem of psychological readiness has a fairly extensive history and is interdisciplinary in nature, since "readiness" is the subject of study of various disciplines: philosophy, psychology, physiology, pedagogy, etc.

So, in the explanatory dictionary of S. I. Ozhegov, the concept of readiness is considered as "consent to do something, and as a state in which everything is done, everything is ready for something, as well as about who is fully ready for some action, for the performance of some action, task" [304, p. 126].

A philosophical understanding of the problem of readiness was given in the works of G. Hegel, I. Kant, F. Schilling, in which readiness is associated with the attitude of a person to reality, and the realization of his abilities, that is, the readiness of a person for active life and/or the transformation of life. However, most often, the use of the term readiness is associated with readiness for a certain type of activity, including professional.

So, from the point of view of pedagogy, "readiness" is an integrative concept and includes readiness for teaching in general, for school education in particular, for professional activity [362], for self-education, innovation activity [226], and readiness of the teacher for learning [439].

In psychology, readiness is considered within the framework of social, age and pedagogical psychology and psychology of stress and extreme situations, more often, as the state and quality of personality [319]. For example, M. Cordwell describes the concept of readiness as "a fact when the body is better adapted to associate certain combinations of stimuli and reactions, as a state in which a person is ready to benefit from experience. Depending on the type of experience, this condition can be understood

as relatively simple and biologically deterministic "[cite. to 161, c.2]. So, within the framework of stress psychology, there is a point of view disputed, however, by other authors, that the type of reaction to stress is an hereditary characteristic [165].

However, only by describing individual characteristics it is impossible to give a complete picture of the psychological readiness of the person. M.I. Dyachenko defines psychological readiness as "selective, predictive activity at the stage of preparation, adjusting the personality organism for future activity, active-effective state of the personality, reflecting the content of the standing task and the condition for its upcoming fulfillment" [161, c.2], while the formed psychological readiness is associated with a clear presentation of the upcoming task and awareness of responsibility for its fulfillment. Thus, the same psychology of stress describes "readiness for extreme actions as the ability to respond quickly and efficiently to emergency contingencies, as well as the ability to arbitrarily change their state in accordance with their requirements" [447, s.99].

In various areas of professional activity, psychological readiness was defined as: the presence of abilities [21]; The active state necessary for the qualitative performance of their duties in space flight [17]; emergency readiness [57, p. 90; 216; 252] psychological attitude to performance of activities [161], condition related to special training, acquired experience [39; 229]; state of readiness for activities [363; 399]; a prerequisite for the effective performance of professional activities [281].

Analyzing the whole variety of manifestations of psychological readiness for activity, R. D. Sanzhaeva believes that several forms of readiness can be distinguished, such as: installation; the readiness of the individual to work; pre-launch condition in sports; readiness to perform a combat mission; state of vigilance [363].

On the basis of time characteristics, three types of readiness can be distinguished: early readiness associated with the upcoming event and sufficiently long, temporary readiness associated with a specific time period, manifested precisely at a certain analysed point in time, and situational readiness, which determines actions in the expected situation, taking into account the existing conditions [161].

At the same time, long-term readiness is determined by relatively stable properties, characteristics and qualities of the person and provides a potential possibility of his inclusion in any activity. Situational readiness characterizes the state of the person preceding the activity and determining the success of this activity. At the same time, situational readiness is the implementation of long-term readiness in these circumstances. At the same time, long-term and situational readiness contains the following components: motivational, manifested in the desire to successfully fulfill the task, interest in this activity, desire to show themselves from the best side; cognitive, related to understanding the significance of tasks, the means of achieving them, the idea of possible difficulties; emotional, determined by a sense of responsibility, or uncertainty of confidence in success, inspiration; strong-willed, associated with the ability to manage yourself, mobilize on the task.

Psychological readiness for professional activity can be considered from the point of view of functional and personal-activity approaches. At the same time, within the framework of the functional approach, readiness can be defined as a short-term or long-term state, activating mental functions that determine a person's ability to mobilize his or her mental and physical resources, whereas within the framework of a personal-activity approach, the main theoretical provisions of which were formulated by L. S. Vygotsky, S. L. Rubinstein and A. N. Leontyev, readiness is a combination of those aspects of the personality, which contribute to the effectiveness of activity, that is, such a combination of individual, personal and subjective characteristics, the properties and qualities of a person in their integrity, which ensures that he can effectively carry out any particular activity. [229].

R. D. Sanzhaeva defines a person's psychological readiness for activity as an integral psychological education, which is "a manifestation of the mental state and stable personality characteristic" [364, p.33], identifies a five-component invariant structure of psychological readiness, describes the content of psychological readiness, which is determined by the individual psychological characteristics of the subject, as well as the conditions of his life in the sociocultural environment and suggests considering the dynamics of psychological readiness.

According to O. M. Krasnoryadtseva [225], psychological readiness for professional activity contains attitudes, such as projections of past experience on this situation, preceding any mental manifestations, motivational readiness to realize the meaning and value of what he does and professional-personal readiness for self-realization through the process of personalization. For us, it is important to define the concept of motivational readiness given by the author as the individual's readiness for "activity transformation," and, more importantly, readiness to change the motivations that determine the activity at the time of the appearance of significant information that can affect the transformation of this activity [225]. At the same time, motivational readiness to perceive any information is associated with some personal effort aimed at expanding the reality and reality surrounding it. Such readiness is characterized by: the search for information and sources of information, the ease of embedding new information into the existing image of the world, the ease of its adoption and the possibility - the influence of information on the change of thinking [227].

According to K.K. Platonov's "concept of dynamic personality substructure," the structure of readiness consists of three interconnected aspects: moral, psychological and professional readiness [31].

Moreover, in addition to the term "readiness for motherhood" [143], there is a term "readiness for fathering," which implies the acquisition of social maturity and competence due to economic, social and psychological factors, and which is the basis for the birth, upbringing and maintenance of the child [41]. Economic (financial independence and stability), social (achieving a certain social and professional status), psychological (related to reproductive motivation and attachment to the mother of the child) and physical (maturity of the body) readiness for fathering are distinguished. Psychological readiness for fathering is associated with the formation of personality aspects that determine the fulfillment of duties and obligations, knowledge of the functions of the father in the family and his role in raising the child; willingness to assume responsibility for the life and well-being of the child [41].

At the same time, readiness determines in many ways the performance of activities in terms of speed, ease and accuracy, and assumes a preliminary characteristic

of these activities that manifests itself before the start of the activity. In the context of psychological readiness for fathering, it is legitimate to speak of an attitude readiness determined by the past experience of the individual in this area, and the previous implementation of paternal practices; motivational readiness for awareness of the meaning and value of fathering and personal readiness for self-realization in fathering through the process of personalization. Thus, psychological readiness for fathering is a set of formed attitudes, motives and certain personality qualities that characterize the methods and options for interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, determined by the basic values of the person and realized in paternal practices. The relevance and social significance of the study of psychological readiness for fathering is related to the fact that the implementation of paternal behavior can be solved in different ways and with different results depending on the previous readiness. In other words, paternal behavior can also be realized through destructive forms of behavior, up to harsh treatment of children for the purpose of "upbringing." At the same time, by a certain age, a person becomes "ready" for such behavior even in the absence of social, personal or professional maturity, status in society or education. However, as mentioned above, when we are faced with the problem of determining the paternal influence on the development of the personality of the child and the man himself, the significance of constructive, leading to personal development and the creation of conditions for the well-being, The harmonious development of the individual, both child and adult, determines the need not only to investigate the causes, conditions of formation and mechanisms of such behavior, but also to promote within the framework of psychological prevention of deviant behavior in the family, to support within the framework of psychological and pedagogical support of the family. Due to such significance not only for a particular child or family, but also in the context of life of the whole society psychologists do not find absolutely unscientific term to describe constructive behavior of the father as opposed to deviant parenthood, and today there are studies [532; 533; 597], which define the characteristics of such "constructive" behavior of a man in relation to his own child, united by the concept of "responsible fathering" [532], which involves planning the birth of a child, legal formalization of the

status of the father, emotional, physical and financial participation in the life of the child, taking responsibility for it (that is, a certain set of mainly operational characteristics).

Based on the above, it should be noted that in a practical sense we are interested in the psychological readiness for "constructive," "responsible" fathering. At the same time, the question of the peculiarities of the formation of psychological readiness for fathering seems extremely important to us: if we talk about the attitude readiness preceding any mental manifestations of fathering, then the beginning of its formation falls on preschool childhood, when the first ideas about the male gender role and fathering begin to form, but then these ideas are transformed and differentiated in the process of personality development. Motivational willingness to understand the meaning and value of fathering is associated with the formation of a parent couple and is partially described in research by W. Miller on reproductive motivation [612]. Personal readiness for self-realization in fathering in the process of personalization is the most recent education, however, some of its components begin to form also in childhood, for example, responsibility.

Thus, we can talk about the stage of becoming ready for fathering: a first step of designating fathering, forming fathering perceptions having its own specificity in preschool; The junior school, adolescent and youth period is a stage in the formation of attitude readiness, the second stage of understanding fathering, rethinking the existing knowledge and ideas about fathering during pregnancy - the stage of developing motivational readiness, and the third phase of the value awareness and realization of fathering on this basis, and the further development of fathering strategy in paternal practices after the birth of a child (practical stage) - the stage of formation of personal readiness.

Thus, we come to the need to determine the content of personal readiness for fathering, which at a practical stage combines set and motivational readiness, as well as certain ways of behavior of the father with the child. It is appropriate to say here that at the stages of previous paternal activity, there is a formation of readiness for fathering, which is implemented in practice in the form of a certain strategy of paternal behavior.

That is, readiness for fathering implies the formation of a constructive strategy of paternal behavior, the beginning of the formation of which falls on preschool childhood, accompanies the development of the personality in junior school, early and late adolescence, and the realization of which during adulthood is initiated by the willingness to fathering, and forms the basis not only for the development of the personality of the man himself, but also the basis for the gradual transformation of the fathering strategy itself in the direction of more meaningful.

As a result, as part of our research, we will talk about the formation of readiness for fathering, starting from preschool age, trace the milestones of this formation in junior school age, in the teenage and youth periods of personality development, as well as in the period of early adulthood until the birth of the child, and then it is appropriate to talk about the implementation of psychological readiness for fathering as part of a constructive fathering strategy. At the same time, the Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering are developed in the components of the fathering strategy.

The problem of the "strategicity" of personality behavior is interdisciplinary, having a certain understanding in philosophy, sociology, anthropology, psychology and pedagogy.

One of the first attempts of scientific psychological definition of life strategy or life path of personality in psychology belongs to S. Buehler [506]. Drawing an analogy between the process of life and the process of history, she described the life of an individual as her individual history. P. Zhane defined human life as a mental evolution of personality, distinguished age phases as biographical stages of life path, and described biological, psychological and historical changes of personality in a single coordinate system of evolution of personality [164]. The concepts of A. Adler [9], E. Fromm [429], K. G. Jung [461], E. Bern [52] also made a serious contribution.

In modern foreign studies, the content of life goals is often studied in connection with the level of subjective well-being [638]. It is believed that constructive life goals are related to the focus on a healthy lifestyle, success in learning and less conflict [626]. It turns out that the positive orientation of life's goals and strategies is connected with

the realization of moral values in relations, and a constructive solution to the conflict [538]. P. Emmons introduced the concept of "spiritual intelligence" justifying the priority of moral values, positive social goals and goals of self-development in the life strategies of the individual [given in 204].

The American theory of self-determination identifies two groups of life strategies: 1) the predominance of internal aspirations [604], 2) the predominance of external aspirations [586; 654]. The evaluation of external aspirations depends on other people, and is associated with material well-being, social recognition and physical attractiveness. Internal aspirations are determined by the values of health, love, attachment, service to society, personal growth and their assessment depends more on the person himself [271].

The psychological theory of the activities of domestic scientists L. S. Vygotsky, S. L. Rubinstein A. N. Leontyev and B. G. Ananyev determines the understanding of the personality as a subject of activity that seeks to achieve goals and builds a certain lifestyle with its behavior. For example, the main determining factor in the approach studying the development of the subject and its formation as a person, developed after S. L. Rubinstein [355], is the activity and creativity of the person as an organizer and converter of his life. S. L. Rubinstein identified the stages of the life path, described the significance of each stage and its impact on the subsequent life of a person [355]. From the point of view of followers, the person is an active participant in the process of life, able to intervene in it at any moment [5].

B. G. Ananyev added to this the justification that not only the conditions of the life path form the personality, but the personality itself by its actions determines its life path and, thus, "designs itself" [21]. A significant contribution to the development of the problem of the subject of life was made by the work of A.N. Leontyev and his scientific school, which consider personality from the point of view of systemic-activity and semantic approaches [246].

A detailed psychological analysis of the concept of "life strategy of the personality" was carried out by K. A. Abulkhanova-Slavskaya [5]. In her work, she identified the essence and main characteristics of life strategies, identified factors that

affect their formation and implementation; proposed an expanded typology of strategies. According to K. A. Abulkhanova-Slavskaya, the presence and development of a life strategy is evidence that a person has become a subject of his own life [5].

Yu. M. Reznik and T.E. Reznik made a significant contribution to the development of the methodology of this research area [346; 347; 348]. In these works, the positions of foreign and domestic authors working as part of the study of strategies were analyzed and integrated, the specifics, mechanisms and types of strategies were determined. Yu. M. Reznik and T.E. Reznik define the life strategy of a person as a dynamic system of "promising and long-term orientation of the author in future life, with the aim of its transformation in a certain socio-cultural space" [349, p. 13]. And as a way of "constructing life in accordance with the attitudes and representations of personality" [347, p. 42]. At the same time, the strategy is implemented in personality behavior through abilities, behavioral patterns and personal resources [58]. Yu. M. Reznik and E.A. Smirnov distinguish the personal (subjectively significant), cultural (objectively significant) and socio-organizational (intersubject) dimensions of life strategies. Each dimension has its expression in life scenarios, life stories and life plans of the person [348].

In psychology, life goals and strategies are investigated within the framework of the study of personality characteristics, its values [466], orientation and motivation [260], belonging to a certain cultural [27; 44; 49] and the social environment [149, 264; 346], as well as in the framework of studying changes in life strategies in modern Russian society [49; 264; 271].

M. O. Mdivani and P. B. Codess identified two main methodological approaches to the study of the problem of life strategies: the study of the features of time planning and the study of the hierarchy of ideas about the desirable future [271]. V. A. Berkovsky believes that life strategies can be determined through social orientations (desired social position), cultural orientations (adoption of cultural patterns) and personal orientations (as a representation of certain moments of personal life) [50]. According to A. A. Beletskaya and M. A. Lyakhova, the fundamental component in the structure of a person's life strategy is the value component [44; 260]. M. A. Belugina agrees with her,

who identifies such criteria for the formation of life strategies as: the structure of the image of the future, the presence of structured goals for various life periods; the length of the time perspective and the structuring of the future life path [49, p. 98]. In addition, A. A. Yakunin believes that the life strategies of youth contain an explanation of the adaptive abilities of youth [464].

Currently, there are several main research approaches to the typologization of life strategies: depending on personal activity/passivity [5]; in the context of issues of life self-determination and life self-realization [214]; within the framework of the influence of external conditions (environment, situations-events to which a person is forced to obey), and internal conditions (personality potential, reflection) of personality development [260]. It also seems relevant to highlight strategies such as selection, optimization and compensation [477], highlight life well-being strategy, life success strategy and life self-realization strategy [346], highlight among life strategies "adaptation strategies," "survival strategies," "achievable" and "stoic" strategies [292], and highlight the character and rationality of strategies as criteria for shaping strategies; degree of individual adaptation to changing conditions of transformational society, personal style of achievement of life goal [59], active type, active influence on environment and passive type, passively accepting goals and orientation of value groups [254]. O. S. Vasilieva and E. A. Demchenko distinguish qualitative (life goals and a system of values) and quantitative (responsibility and comprehensiveness of life) characteristics of life strategies [107].

Pointing to the relationship of life strategies with the self-realization of the person, M. R. Plotnitskaya identifies two levels in the structure of strategies: basic strategies that include the value-meaning foundations of self-realization (motivational component) and differentiate depending on the nature of the dominant life orientations of the person (possession-existence) and indicators of self-realization (satisfaction and productivity); and private strategies defining how to implement them (operational component), differentiated by personality identity, including its gender identity [321].

L.I. Dementy and V.E. Kupchenko [141], considering life strategy as a multi-component and multi-level education, within which private components are organized

into common blocks, distinguish the highest level of life strategy, which includes four common components: cognitive evaluation, motivational, regulatory and effective. It is important for us that a person with an optimal type of life strategy combines the requirements of society and his own needs and characteristics, realizes that her life stages are interconnected and make up a single whole, is active, independent, her life actions are timely and life is productive [141].

However, the concept of "strategy" is also used in a narrower sense as an inherent personal strategy of behavior in a certain situation. So, K. Thomas and R. Killmenn, identified five main styles or strategies of behavior in a conflict situation, among which the authors highlight constructive and non-constructive strategies of behavior [587].

Domestic psychology also identifies constructive and destructive ways of responding in conflict situations [320], strategies for overcoming psychological barriers [309], strategies for coping with a crisis situation [415; 417]. In addition, the strategies of coping [548], possibilities of mastering constructive strategies for overcoming difficult life situations [197; 245], and the opportunity to investigate the levels of formation of a constructive life strategy [34]. It is believed that destructive strategies and attitudes are formed in specific conditions of personality development, as a result of conflicting values of education and low personality activity.

Thus, the psychological content of the term "strategies" includes certain ways of constructing life in accordance with the attitudes and ideas of the person. The strategy is based on the values of the individual associated with her past, but is aimed at the future. These characteristics allow you to use this construct to describe the specifics of your father's parental behavior. So, for example, Yu. A. Tokarev, studying the features of his father's educational activity, defines the style of upbringing in the family as a certain strategy of upbringing [405].

If the interaction in the father-child diet is considered as the educational activity of the father, we can talk about some conscious construction of the life of the family in accordance with the attitudes and ideas of the personality about the "correct" behavior of the father (or mother), "correct," normative upbringing of the child - that is, the strategy of parenthood.

Then the person with the optimal type of strategy will be able to harmonize the requirements of society for paternal functions and his own needs for parenthood and the features of personality and gender identity, will be active, independent, her life's actions will be timely and parenthood and life will be productive.

The introduction of a new construct allows us to overcome the terminological difficulties in determining fathering, since today there is not a sufficiently clear and capacious definition of fathering, because this phenomenon is not limited to such concepts as the role, status, feelings, motivation, readiness, value-motivation or need sphere, self-esteem or part of the gender identity of a man and there is a gap between studies of parenthood as a special quality of human self-consciousness (the internal position of the parent, the value and meaning sphere of parenthood) and studies of parenthood, as activities aimed at the birth and upbringing of the child (the educational activity of the father, paternal practices).

In this sense, the approach of Yu. A. Tokareva is interesting, which defines fathering through the concept of activity [403], which allows applying the entire methodological apparatus of activity theory to the analysis of the phenomenon.

Thus, studying the structure of the father's activity, we will talk about the motives for the birth of the child (the need-motivation sphere), voiced in the context of the development of relations with the spouse [644], the desire to realize ourselves in the child [612], goals (value orientations, purpose and perspective - value-sense sphere) and actions (operational aspect of fathering - paternal practices). At the same time, the least studied in our country is the need-emotional sphere associated with the reproductive motivation of a man, his acceptance of fathering as an element of a male role, the parental feelings of a man [38, p. 56].

Within the framework of the theory of activity, it is legitimate to talk about the fathering strategy of a particular man, defined as a dynamic, procedural characteristic of the interiorization and exteriorization of all components of the structure and content of fathering by a man. So, for example, L. Olson and S. B. Adonyeva describe changes in the traditional extended family that arise with the birth of a child, institutionalized in the initiation rite, which "imputed new interpretive, mental and behavioral strategies to its

participants. These strategies are necessary so that the participants in the event - mothers, fathers, grandparents - can learn their new social roles. "[307, p. 232]

That is, fathering strategies are ways of constructing the life of the father and the child (and in many ways the mother) in accordance with the father's personal attitudes and ideas about fathering, having their own structure and content, formation criteria determined through social, cultural and personal orientations of the person (formed by micro-, meso- and macrophactor environments), having different variability.

In our opinion, based on the analysis of existing theoretical models and empirical studies of various aspects of fathering, internal (intrapsychic) can be distinguished in the structure of fathering strategy, such as: adoption of the gender role of the father and value characteristics as a prerequisite for the formation of the internal position of the parent (representing the value-sense and partially need-emotional block in the structure of parenthood, according to the ideas of G. G. Filippova, the cognitive level of parenthood according to the concept of R. V. Ovcharova and the cognitive and motivational component of parenthood according to S. A. Abdullina), external (extrapsychical), manifested in the interaction of the wife (what R.V. Ovcharova calls the supra-individual level of parenthood) and with the child and in the external operational characteristics of fathering - paternal practices and behavior (partially operational block in the structure of parenthood, according to the ideas of G. G. Filippova, the behavioral level of parenthood according to the concept of R. V. Ovchrova and the behavioral component of parenthood according to S. A. Abdullina) and characteristics defining the interaction of the intra- and extrapsychic characteristics of fathering strategy - interpsychic characteristics, which may be partially described in terms of constituting a need-emotional block in the parenthood structure; according to the ideas of G. G. Filippova, the emotional level of parenthood according to the concept of R. V. Ovchrova and the emotional component of parenthood S. A. Abdullina, but in addition to these characteristics also include reflexion, emotional attitude, self-regulation related to the maturity of the parent's personality.

A combination of interrelated intrapsychic characteristics, such as: acceptance of the father's gender role (including sexual identity, gender identity, adoption of the

father's role) and value characteristics (a system of personal value orientations, fathering value, child value attitude, moral development, responsibility) determines the axiological component of fathering strategy. Interpsychic characteristics, including reflexion (self-knowledge, autonomy, reflexivity and empathy), self-regulation (defined by such characteristics as: flexibility, spontaneity, autonomy, contact, creativity and the level of subjective control), associated with biological, labor, mental, emotional, social, and psychological maturity of the personality are combined into a reflexive-regulatory component of the response strategy.

Extrapsychic characteristics manifested in the interaction of the spouse (male behavior, marital relationships and co-parenthood) and in paternal practices (father behavior, self-realization as a parent, relationship with the child) constitute a praxiological component of fathering strategy (Figure 1.3.1).

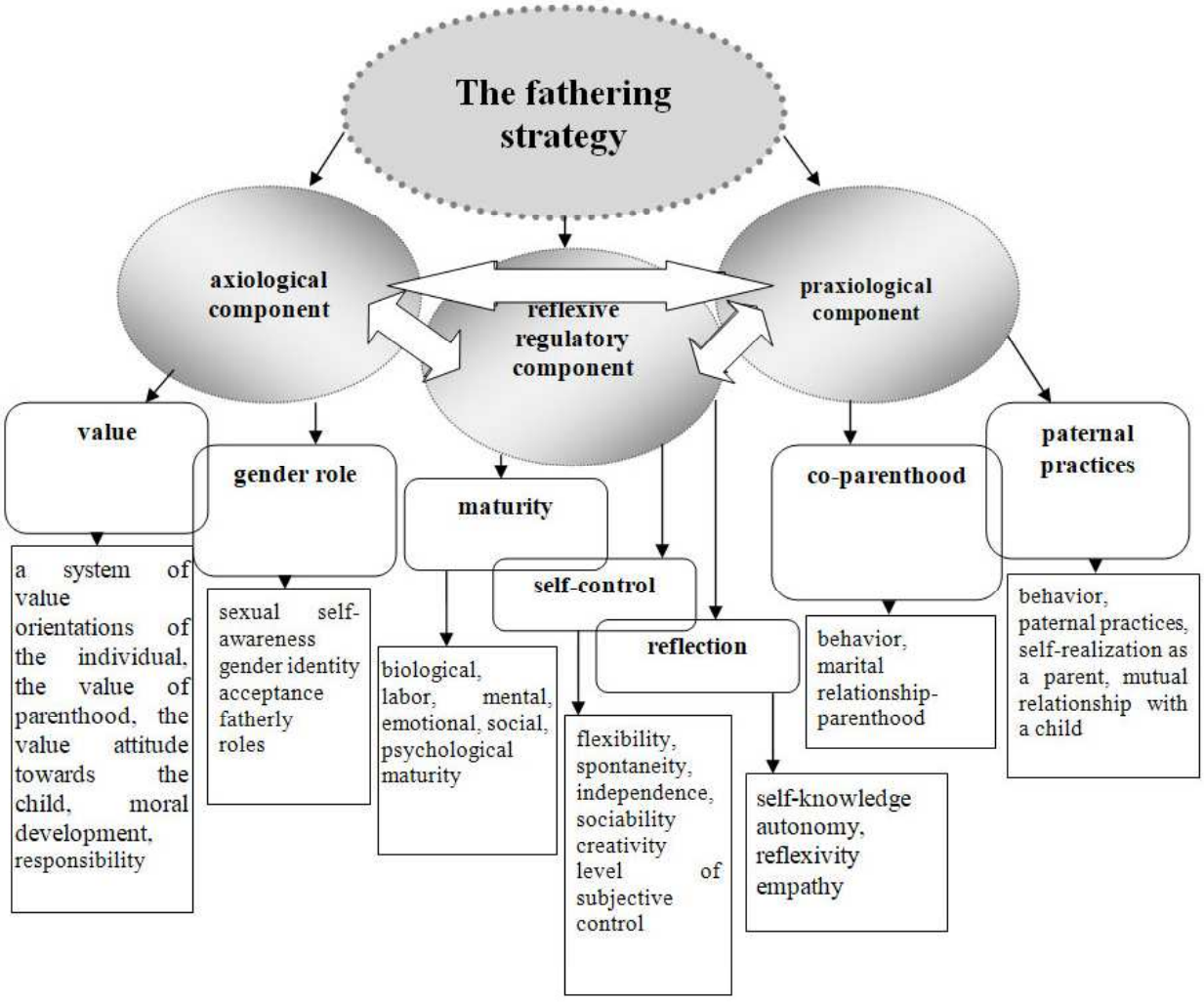

Figure 1.3.1. - Content of components of fathering strategy

An analysis of the extensive literature on fathering and fathering practices, conducted in the previous paragraphs, suggests that the fathering strategy is determined by the acceptance of its gender role, adoption of its paternal role, maturity of the individual, responsibility for one's own health, behavior, fathering, which allows us to form the value of fathering, value attitude towards the child and cooperative attitude towards the spouse, as a partner of parenthood. At the same time, the constructivity of strategies is interconnected with the acceptance of its gender role, responsibility and value of fathering, with the maturity of the individual, developed self-regulation and reflexion, implemented in positive paternal practices.

The specifics of paternal practices, which is covered in numerous works devoted to responsible fathering, such authors as: W. Doherty [531], D. J. Eggebeen [533], W. E. Fthenakis [550], M. Lamb [597], J. Pleck [631] and the problems of deviant fathering and child abuse (J. Belsky [485] allows the isolation of all of the 5Billy, E. Filly and Child illy strategies. positive, related to personal development (in foreign and translated literature called "responsible" fathering), which relates to P. Emmons's postulates on the priority of moral values, positive social goals and goals of self-development in the life strategies of the individual [539]) and negative, associated with the denial of the role of the father, refusal to perform paternal functions ("irresponsible" fathering). In our opinion, the definition of fathering through the term "responsible" fathering does not exhaust the entire breadth of the manifestation of the phenomenon. The introduction of the term fathering strategy allows us to overcome the terminological complexities of distinguishing the concepts of "responsible," "involved," "new" fathering. In Russian, as well as in English, the dichotomy "responsible - irresponsible" involves assessment, and in the case of "irresponsible fathering" this is an assessment of the father's personality and his behavior (since in domestic literature the "responsibility" of fathering is primarily associated with the implementation of paternal practices). The definition of the totality of fathering in a particular man through the term "strategy" allows to overcome the contradiction between the internal and external manifestations of fathering in a particular person. At the same time, the description in terms of

"constructive - non-constructive," despite some evaluation also available, implies the possibility of changing, changing non-constructive ways of behavior more constructive. Responsibility or non-responsibility (irresponsibility) of fathering is associated not only with the choice of the father himself (although this is implied in the first place), but also with the peculiarities of gender identity, personal maturity or immaturity, the development of self-regulation and reflection, attitude with their own father, relationships with the spouse - the mother of the child and the influence of other factors. In this sense, it seems to us terminologically and linguistically more correct to use the concepts of constructive and unconstructive fathering strategy to describe these two extremes of fathering. However, it is inappropriate to say that there are only two opposing strategies. Rather, we can talk about a set of strategies inside the continuum between the extreme poles. For example, in general, constructive fathering strategies are associated with the formation of a gender identity, the acceptance of its gender role, the adoption of a paternal role, the value of fathering, the moral maturity of the person, the value attitude towards the child, responsibility, as well as a mood for positive, partnership with the spouse. At the same time, unconstructive fathering strategies are determined by the lack of formation of gender identity, non-acceptance of their gender role, non-acceptance of their father's role, lack of fathering value, personal immaturity, weak responsibility, and lack of value attitude towards the child. Such behavior often causes not only problems in child-parental relations, but also in marital relations.

However, the severity of these parameters may vary from case to case. That is, the constructive strategies of masculine, androgynous or feminine men, men who grew up in a full or incomplete family [37, 142], men who are married or divorced, biological fathers or stepfathers will differ significantly.

At the same time, it is necessary to remember that the fathering strategy is not a static education, but it is a dynamic process of interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, that is, it is organically included in his life, is associated with his age-psychological characteristics, his social situation of personal development, experience of relationships with his own father, experience and satisfaction with marital relations.

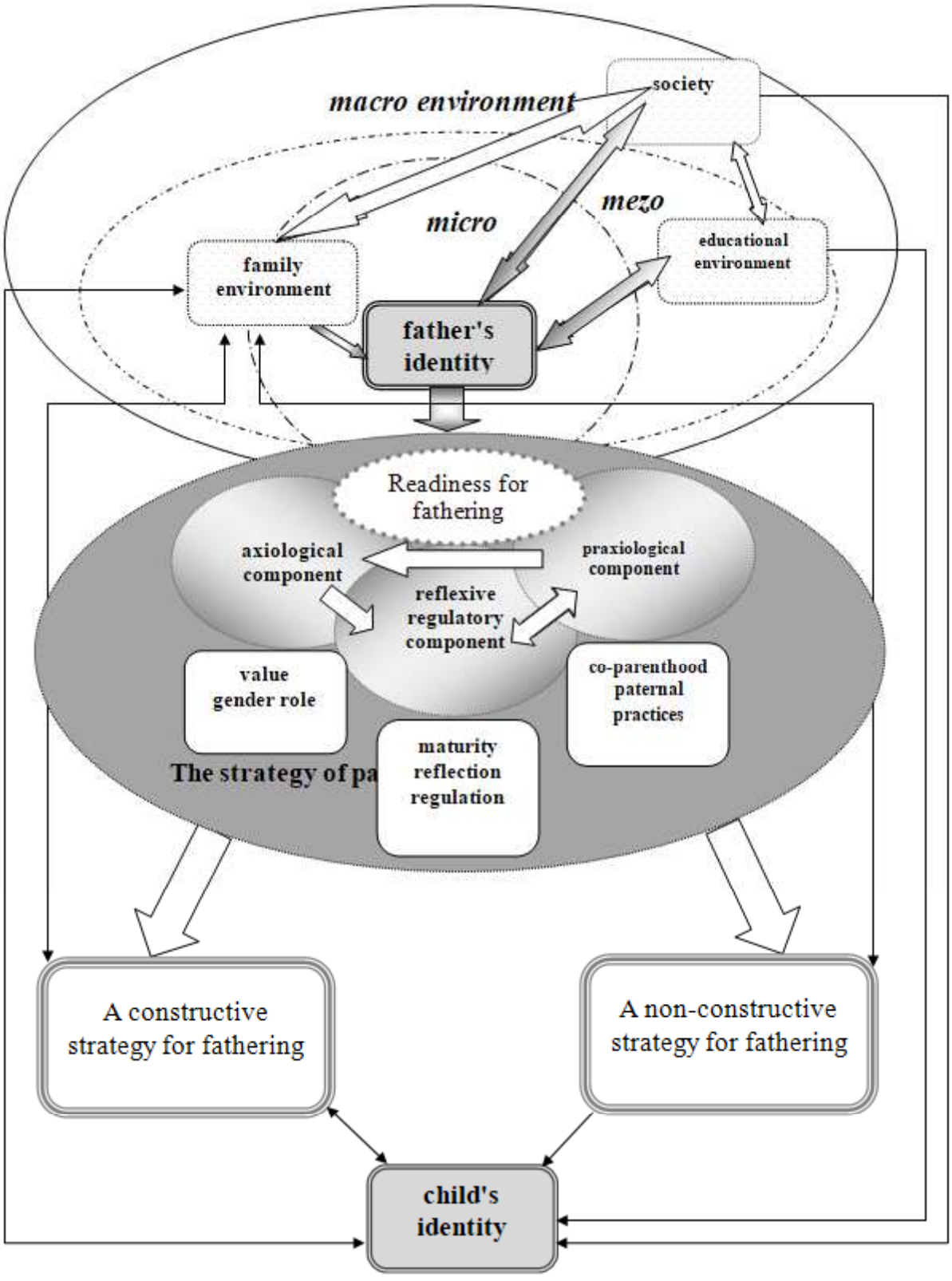

Figure 1.3.2. - Structural and functional characteristics of psychological readiness for fathering

Thus, the fathering strategy is open to social influences determined by the state of the surrounding society, that is, macrophactors of the environment, mesofactors

(including the educational environment) and micro-factors of the environment (as, for example, occurs in the case of the absence of paternal education in the male father himself or his divorce from his wife) and, in turn, determines whether the surrounding reality changes (for example, according to W. Doherty [532], if you want to communicate with a child, a non-resident father can gradually overcome the psychological resistance of the mother and(or) grandmother his presence in the life of the child and develop a general strategy of upbringing). Thus, the most important property of the fathering strategy, as shown in Figure 1.3.2., is its constant self-development.

Theoretical analysis allows us to determine that the fathering strategy, as a dynamic process of interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, is a multi-component and multi-level education that has qualitative and quantitative characteristics. Qualitative characteristics include types of fathering strategy: constructive and unconstructive fathering strategy. Quantitative characteristics include private components that are organized into general: equivalent axiological, reflexive-regulatory and praxiological components of fathering strategy.

The axiological component of the fathering strategy includes gender characteristics determined by sexual identity, gender identity, acceptance of the paternal role, and value characteristics - a system of value orientations of the person, the value of fathering, value attitude to the child, moral development, responsibility for one's own health, behavior, fathering, which allows you to form a cooperative relationship to the spouse, as a partnership of parenthood.

The reflexive and regulatory component of strategy of fathering includes a reflection (self-knowledge, autonomy, reflexivity and empathy), the self-control (determined by such characteristics as: the flexibility, spontaneity, independence, sociability, creativity and level of subjective control) is also defined by a maturity of the personality, social competence, self-discipline, randomness, independence, a biological, labor, intellectual, emotional, social and psychological maturity.

The praxiological component of fathering strategy: will include the implementation of the internal characteristics of fathering strategy in behavior

(including gender-typical behavior) and paternal practices, self-realization as a parent, and a generalized feeling that reflects the degree of correspondence of what is desired and achieved in relationships with the child, in interaction with the spouse (marital relationships and co-parenthood). At the same time, the final praxiological component is formed by the latter already in interaction with the child.

Based on the characteristics of the fathering strategy described above, we believe that all three components are mutually reinforcing and are equivalent in the context of the implementation of the fathering strategy. The starting point of behavior is the axiological component, which determines the value-sense content and gender range of behavior related to personal maturity and manifested in behavior, which in turn can create conditions for the development of axiological and reflexive-regulatory components (Figure 1.3.2.). Elements of the fathering strategy are formed starting from preschool age and make up the filling of components of psychological readiness for fathering.

At the same time, we consider the fathering strategy as a result of the formation of psychological readiness for fathering. Throughout the entire period of childhood and adulthood, psychological readiness for fathering is formed, the implementation of which falls on the period of interaction with their own child in the form of the implementation of a certain fathering strategy. Knowing the specifics of the fathering strategy, we can trace the stages of development of its individual components or their meaningful characteristics, starting from preschool age. At the same time, we assume a certain meaningful continuity, that is, the components of psychological readiness in the process of formation are consolidated into components of the fathering strategy. Then it is appropriate to talk about three meaningful components of fathering readiness, which in practical activities are implemented in the fathering strategy of a male father. That is, at the stage of designating and understanding fathering, we analyze the axiological, reflexive-regulatory and praxiological components of fathering readiness, which after the birth of the child are implemented in the components of the fathering strategy described above. It is important for us that at the first two stages these components are in the formative stage, when their meaningful characteristics are formed, so the

beginning of the formation of the axiological component of readiness for fathering is determined by the appearance of the first gender characteristics of the person, related to the development of sexual identity and morals in pre-school age, gender identity and responsibility towards one's own health and behaviour in early and late adolescence, and the adoption of a gender role and a system of personal value orientations in early adulthood. The reflexive-regulatory component of fathering readiness begins to form within the framework of self-regulation of the personality, then with the development of reflexion, the possibility of attitude to one's own behavior and self-regulation is formed, which in the period of adulthood determines the maturity of the personality. The praxiological component of fathering readiness, starting from preschool age, manifests itself in gender-typical behavior and includes responsible behavior during youth and adulthood.

Thus, for the period of adulthood, a psychological readiness for fathering is formed, which, within the framework of a real situation of interaction, can be implemented in a certain fathering strategy. For us, in the context of the psychological well-being of the family, child and father himself, it seems extremely important that for the period of adulthood a psychological readiness for fathering is formed, which, within the framework of a real situation of interaction, can be implemented in a constructive fathering strategy

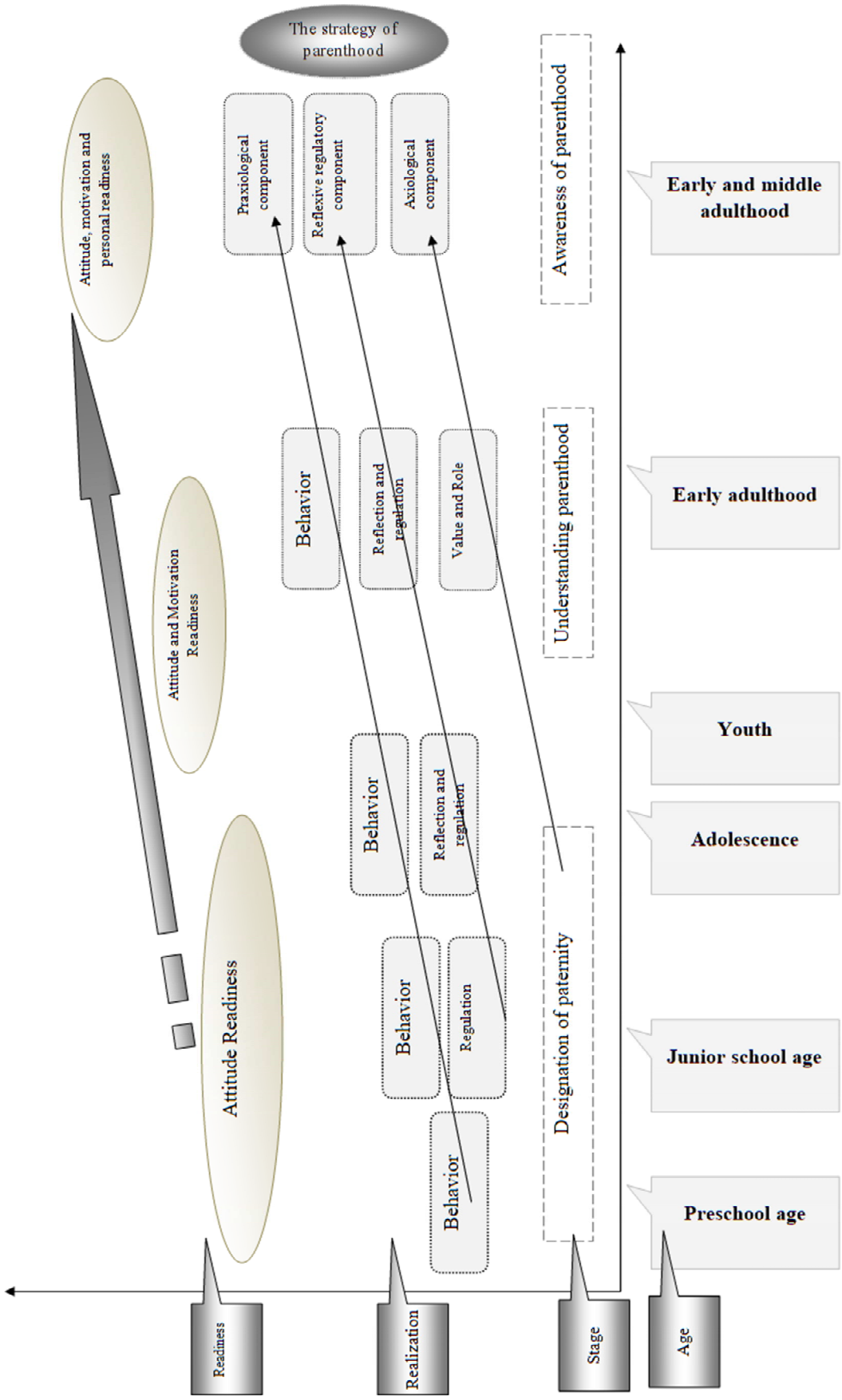

Figure 1.3.3. - Model of formation of psychological readiness for fathering

At the same time, the formation of readiness for fathering is a process in which the development and formation of individual elements of constructive fathering strategies takes place, as shown in Figure 1.3.3., taking place in stages starting from preschool age, including: the step of designating fathering (forming ideas about fathering), the step of understanding fathering (rethinking existing knowledge and ideas about fathering during pregnancy) and the step of value awareness of fathering and implementation on this basis, as well as the further development of fathering strategy in paternal practices after childbirth.

Irregularities in any of the stages of fathering readiness will lead to difficulties in developing a constructive fathering strategy, but identifying difficulties in a specific component of the fathering strategy will make practical work with fathers more effective and targeted. In addition, for the practical activities of psychologists and teachers, the fact that fathering is an open system of relationships is its most important characteristic and allows for a certain psychological and pedagogical effect on the behavior of the father. We cannot influence the whole person, we cannot change the history of the person and her parental family, but, having criteria for the constructivity of fathering strategies, we can develop programs for psychological assistance to the family, father or child, aimed at working with the value-meaning sphere of the person, the formation of gender identity and the responsibility of fathering. At the same time, such work may be necessary not only for men who are preparing or have already become fathers. The formation of readiness for fathering, within the framework of which individual elements of constructive fathering strategies begin to form, is associated with the conditions for the development of a man's personality, starting from a very early age, so G.G. Filippov and S. A. Abdullin postulate that "by analogy with how the inner position of the student is formed before the child actually enters school and is the result of the successful development of the preschool, so... by the time of entering into actual parenthood, a person already has a certain internal position of the parent, which reflects his preliminary readiness for parental activity and will be transformed in the process of real mastery of parenthood "[2, c.126]. In their study, G. G. Filippova and S. A. Abdullin discovered elements of the parent's internal position in

children of primary school and adolescence. At the same time, the study showed an insufficient level of formation of these elements in a significant part of children of primary school age in modern conditions. Another feature was discovered in adolescents: children who had younger siblings showed a higher level of formation of a parental position [2]. According to our concept, the formation of psychological readiness for fathering begins with the formation of elements of the axiological, reflexive-regulatory and praxiological components, since the formation of gender identity, some aspects of the value-meaning sphere, responsibility and moral characteristics, features of personality self-regulation begin in preschool age. The materials of this paragraph are published in monograph [78].

Conclusions

Modern psychological studies determine that the father plays a crucial role in social, intellectual, emotional development, semi-royal identification of the child and his absorption of moral standards. The specificity of fathering as compared to motherhood consists in the uniqueness of the father's contribution to the socialization of the child, in a lesser biological and greater social and family determinity of fathering compared to motherhood, with simultaneous fuzziness of role expectations regarding the paternal role, and dependence of the degree of involvement in the life of the child on the degree of involvement of the mother in the life of the child.

At the same time, the fathering of a particular man is determined by his past and real relationship with his own father, who provides a model of male role behavior and with real relationships with his wife, in which this model is implemented, evaluated and transformed.

Acceptance of the role of father determines the success of this role, however, despite the fact that That awareness of oneself by the father occurs mainly after the birth

of the child, various aspects of accepting the child and oneself as a father begin to take shape long before direct interaction with the child in the framework of the formation of psychological readiness for fathering, which is a set of formed attitudes, motives and certain personality qualities; characterizing methods and options for interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, determined by the basic values of the individual and implemented in practice in a constructive fathering strategy.

The structure of psychological readiness for fathering is determined by the following substantive characteristics: axiological (including acceptance of a gender paternal role, maturity of the person, responsibility for one's own health, behavior, fathering, fathering value, value attitude to the child and cooperative attitude to the spouse as a partner of parenthood), reflexive-regulatory (including personal maturity, reflexion and self-regulation) and praxiological/patronymic or behavior (characterizing.

Fathering strategies are a set of methods for constructing the life of the father and child (and in many ways the mother) in accordance with the attitudes and ideas of the father about fathering, having a three-component structure and content, formation criteria determined through social, cultural and personal orientations of the person (formed by micromeso- and macrophactors of the environment). At the same time, the constructivity of strategies is interconnected with the maturity of the individual, a high level of self-regulation and developed reflexion, the acceptance of its gender role, responsibility and the value of fathering.

The formation of readiness for fathering is a process of step-by-step formation of personality qualities characterizing the ways and options of interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, taking place in systemic unity with the general and gender socialization of the person, determining the possibilities of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering. This is a process in which the development and formation of certain elements of constructive fathering strategies takes place in stages, starting from preschool age, including: the step of designating fathering (forming ideas about fathering), the step of understanding fathering (rethinking existing knowledge and ideas about fathering during the pregnancy of the wife) and the step of value awareness of fathering and

implementation on this basis, as well as the further development of fathering strategy in paternal practices after the birth of the child.

In addition, for the practical activities of psychologists and teachers, the openness of fathering to social influences is its most important characteristic and allows for a certain psychological and pedagogical effect on the behavior of the father. At the same time, such work may be necessary not only for adult men who are preparing or have already become fathers, but also for men and boys at earlier ages, since the formation of prerequisites for psychological readiness for fathering begins in preschool age.

CHAPTER 2. SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS, CONDITIONS AND STAGES OF FORMATION OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING

2.1. Intrinsic characteristics and determinants of the formation of components of psychological readiness for fathering

By determining the Intrinsic characteristics and determinants of the formation of components of psychological readiness for fathering, we cannot ignore the problem of the value-meaning content of fathering (as the basis of the axiological component of psychological readiness for fathering), since it is the value-meaning sphere that sets the parameters of personal development [466].

The system of value orientations, considered as the internal basis of the attitude of the person to reality [345], determines the purpose in the activity of the person [21]. In the psychology of development, the formation and evolution of the meaning systems of personality is considered as the driving force of personal development [221]. In psychology, the concept of "value" is differently defined and has different meanings depending on the scientific direction. In psychoanalysis, the values of personality are formed through a superego, which includes models of the superego of the parents of a particular person, which, thus, fulfill the function of transmitting traditions and values, from generation to generation [378]. According to E. Fromm, two large groups of values inherent in man can be distinguished: a) conscious officially recognized, declared (religious and humanistic) values and b) real, unconscionable values associated with the social system [429]. Each group is structured and hierarchized. Specifying the sources of origin of values of personality D. Rismen [352] determines the external (environment) or internal (personality) character of their origin. A

significant contribution to the study of the concept of "value" was made by E. Spranger [452], who believed that the basis of personality is a value orientation, which is the result of the general value orientation of mankind, thanks to which the person learns the world [452].

Psychologists of humanistic direction analyzed not only types or variants of values, but also their regulatory role in personality behavior [354, p. 46]. V. Frankl made a significant contribution to the study of the specifics of values, describing the value as a semantic universality formed as a result of the generalization of typical situations that humanity faced in history [427]. He identifies three groups of values: 1) values of creativity - natural and important, but not necessary values, realized through work; 2) values of experience, including, according to V. Frankl, love and values of attitude, which determine a meaningful attitude to pain, guilt and death [427].

Thus, value orientations are investigated mainly within the framework of the concepts of motivation or the description of the personality's worldview. M. Rokich, given this, defines values as:... " a strong belief that a certain mode of conduct or the ultimate purpose of existence is preferable from a personal or social point of view than the opposite or reverse mode of conduct... " [cite. 249 each; page 4; 639]. M. Rokich identifies two classes of values: (a) terminal values are self-values, beliefs that this goal of individual existence is so significant that the desire for it seems to be an axiom [given by 657]; b) instrumental values are values-tools, tools for achieving terminal goals, with their conviction that some kind of action is preferable in any situation [378]. Terminal values are more stable and less variable.

In Russian psychology, the study of the concept of value has deep methodological and theoretical prerequisites, since as the leading personal characteristic, regardless of the main approach to personality, the orientation is distinguished as the semantic motive [246], the main life orientation [21], the dynamic tendency [355], or as the dominant relations [290], or as the systemic-forming property of the personality that determines its psychological warehouse [255].

B. G. Ananyev believed that value orientations are the most important link in the comprehensive study of the personality and the laws of its development [21]. According

to S.L. Rubinstein, values are also related to the relations of peace and man, determining the significance of the object for man [355]. According to A. G. Zdravomyslov, values represent a link between society, the social environment and the inner world of the individual [177]. Sh. A. Nadirashvili, connects value orientations with will, since strong-willed activity of personality is regulated by value orientations [291]. N.F. Naumova agrees with him, describing value orientations as one of the targeting mechanisms. In her opinion, values determine the choice of alternatives to action (goals and means), thus regulating human activities [293]. L.N. Antilogova, studying the moral consciousness of the personality, believes that his core is moral beliefs and values [24], while its content is the moral qualities of the personality, its abilities and motives, closely intertwined with each other [23].

Accordingly, value orientations play a decisive role in the self-regulation of behavior, as confirmed by studies [given on 378]. This is true, both in the broadest sense within the framework of the regulation of any activity and choice of the mode of human action, and in a narrow sense in the context of the study of the regulating function of the value-meaning component of fathering [372].

The concept of meaning also has a long history in the humanities, as well as in psychology. Z. Freud used this concept, assuming that some particular act is meaningful, that is, significant for a person by virtue of the fact that he replaces another mental act repressed due to various circumstances, which is related to the underlying genuine interest of the act, an inducement based on a desire related to the affective experiences of childhood or simply an earlier period in the life of a given person. A. Adler develops the concept of meanings, postulating that people live in a world of meanings that connect people into some kind of unity. The meaning of any action, word or even life of a person is always connected and realized in the context of relations with other people [9]. According to K.G. Jungu, finding meaning is an integral need of a person and the most important task of personal development [461].

In the domestic psychological tradition, following the introduction of the meaning-meaning dichotomy by L. S. Vygotsky, the problem of meanings is interpreted in the context of the problem of the structure of human thinking and consciousness.

However, the true disclosure of the problem of meaning in domestic psychology begins with the works of A. N. Leontyev, who not only defines the concept of meaning through a relation that arises together with the emergence of a mental reflection of reality, but also describes mental activity as meaningful, that is, activity subordinate to this relation [246]. Given that the dynamics of meaning, according to D. A. Leontyev, is associated with the dynamics of the activity of the subject, its most important feature is instability, variability. Thus, meaning formation is the process of spreading meaning from leading, meaning structures to private ones, realized in a specific activity [248].

Concretizing the analysis of the semantic system of the personality, A.V. Gray points out that the first level is the level of biologically determined meanings that arise on the basis of sensations and determine the functioning of the body. This is a "prepersonal" level, which includes unconscionable preconceptions that allow you to build a sense of reality and the primary separation of "I" and "not I," which is the basis for the emergence of needs and motives [376]. The second level is poorly understood, includes those reflecting the needs of the individual. At the third level there are personal meanings that mediate the vital activity of the person, acting in the form of value orientations of the person, serving for the purpose of integrating the person into the new conditions of social life [377]. The fourth level includes the meaningful relationship of a person, entering as a holistic perception of a person's life, characterized by conceptualization, tolerance for uncertainty, objectivity, built time perspective. The identity of the individual as a subject of life is associated with taking responsibility for his own life. At the same time, the system of personal meanings is in continuous dynamics due to the change in personality and reality [375].

Operating on the concept of meaning, it is necessary to distinguish the concepts of personal meaning, semantic attitude, motive, semantic disposition, semantic construction, values of personality. Actual personal meaning is connected with images of perception and representation of objects and phenomena of reality, through reflection of their life meaning for the subject [248]. Within the framework of the psychology of fathering, it is appropriate to talk about the personal meaning of fathering. The concept of "semantic attitude" reflects the vital meaning of the phenomena of reality aimed at

the activity of the individual, manifested in a stabilizing, deviating or disorganizing influence on the activity [32; 248]. The installation largely determines the readiness (with a stabilizing influence) or unprepared (with other forms of manifestation) for fathering. The motive determines the semantic regulation of a particular activity [248]. Thus, in relation to fathering, it is appropriate to talk not only about reproductive motivation, but also about the motives of each activity in the framework of interaction with the child: the father's educational activity, communication, etc.

A semantic disposition is a relation to phenomena of reality that have a stable life meaning for a person, and determines the personal-semantic and attitude-semantic regulation of activity [248]. Thus, the semantic disposition in relation to fathering determines paternal practices throughout the life of a man. The semantic construct is a categorical scale associated with the image of the personality world, which allows differentiating reality phenomena by significance and thus assigning them the corresponding life meaning [248]. Semantic constructs determine the significance and place of one's own fathering in a man's life.

Personal values are the semantic components of the worldview, assimilated in the process of personality socialization through the interiorization of group and general cultural values [248]. For us, the mechanism, process and result of the inclusion of fathering in the system of personal values is of considerable interest.

In domestic studies, the problem of the value-meaning content of fathering is studied in two aspects: the study of the features of the value orientations of men with different experiences of fathering and the value-meaning support of responsible fathering. The first direction is represented by interesting new works of domestic authors, such as: a study of the problem of highlighting the value-meaning aspects of the psychological and pedagogical activity of the father [91; 92], self-esteem in young men with an unformed personal-semantic sphere of fathering [239], value orientations of men awaiting the appearance of a child [93], features of value orientations of fathers with different parental attitudes [92], fathering value for modern men [330]. In addition, problems of family system influence on child's value attitude are studied [329; 331; 532; 630] and subjective characteristics of the father's personality [350].

The problems of the value and meaning support of responsible fathering are much less studied. Since the realization of paternal functions is connected with the personal acceptance, internalization of the role of the father by a specific man [78], the value-meaning sphere of a man [91], we can say that the formation of a value attitude to fathering, the inclusion of fathering in the system of personal values determines the implementation of the praxiological component of fathering strategy. Considering this point, the formation of constructive fathering strategies in men can be considered as a prevention of social risks of the child's development, including the "departure" of the father from the life of the child, neglect, including financial about the future of the child, deviant fathering [328].

Thus, the axiological component of fathering, in addition to the gender role, includes values such as: the value of love (marital and parental), friendship with the child, development (through support for the development of the child's personality and adult), morality (related to ideas of due and responsibility to the spouse, child and society), religious (including within the framework of the realization of paternal roles prescribed by religion), humanistic values (as the value of the child's personality), the values of experience and the value of relationship with a particular child. It is associated with the will activity of the personality (since it is regulated by the value orientations of the individual) [291] and the mechanisms of targeting [293] and is implemented in paternal practices.

The great problem of studying the value attitude to fathering can be related to the fact that the values of fathering can only be declared, recognized by society, but not be valid for a particular person [429]. Although it would be desirable for each child that the value of fathering be valid for his father.

In this regard, it is noteworthy that with regard to fathering, features of personal value orientations can be related to personal maturity through characteristics such as responsibility in different fields of activity, emotional maturity, self-control of behavior, independence, adequacy of self-expression, high level of realization, adequacy of purpose [446]. This is confirmed by A. G. Portnova, indicating the integrality of the moral component in the structure of personal maturity [333].

Describing the determinants of the formation of the reflexive-regulatory component of psychological readiness for fathering, we must first determine the determinants of the development of personal maturity. "Maturity" and its criteria were considered by B. G. Ananyev at the levels of an individual, subject of activity, personality and individuality [21, from 89-90].

Maturity can be assessed by the performance indicator [119]; may be associated with a subjective assessment of the life path, for example, through individual features of psychological time, determined through a higher personal education that performs the functions of organization, regulation, ensuring the integrity of the life path [5]; or free personal choice of targeting tactics [94]; assessed according to the criterion of education [261] or worldview maturity (development of meaning) [240]; defined through the concept of personal maturity as the result of the life path and ontogenesis [333] or the complex of listed characteristics [446].

According to A. G. Portnova, "maturity is a quality of personality that determines the ways of implementation and self-realization, organizes the life path of a person, his direction, strategies of passage, regulates the complex system of personal relations to the world around him and himself (to the results of his own activities) and the hierarchicity of this system" [333, p. 37].

Maturity has an age specificity and falls on the period of adulthood, however, the prerequisites for the formation of maturity are observed at earlier stages of ontogenesis and are associated with the development tasks of each age stage. Thus, some components of the reflexive-regulatory component of fathering strategy begin to form long before the formation of personal maturity in adulthood.

Early adulthood is the age of the first manifestations of personality maturity. Maturity in the period of adulthood can be considered at the individual level, subject of activity, personality and individuality [21]. At the individual level, biological maturity can be observed, including somatic and sexual maturity, neuropsychiatric stability and health [333]. At the level of the activity subject, one can distinguish mental maturity (determined by mental ability and understanding in the broadest sense), emotional maturity (manifested in emotional stability and empathy) and labor maturity, including

working capacity, working capacity and professional competence, determined by such characteristics as: flexibility, spontaneity, independence, contact, creativity and internality of subjective control [333]. At the personality level, social maturity is distinguished, the criteria of which are social status, communicative competence [118], competitiveness and psychological maturity related to the system of personal relations and determined by the orientation of the person. The system of personal relations includes attitude to oneself, activity, society and other people, attitude to life and death. Personality orientation is related to maturity criteria such as responsibility, activity, mindfulness, morality, tolerance and purpose [333]. Adaptation, subjectivity, self-implementation, self-realization, self-determination and self-development act as procedural criteria of a maturity. [333]. These criteria are the prerequisites for the positive implementation of the fathering strategy.

A. A. Rean [345] identifies four components or criteria of personal maturity: responsibility, tolerance, self-development and positive thinking, a positive attitude towards the world that determines a positive view of the world.

Responsibility is what distinguishes a socially immature person from an average norm [308]. The concept of two types of liability is now common. The responsibility of the first type is the case when an individual considers himself responsible for what is happening in life to herself (the international locus of control according to J. Rotter). Responsibility of the second type is associated with a situation where a person is inclined to read responsible for everything that happens in his life of other people, or external circumstances (external locus of control), speaking everyday language, is irresponsibility. A. I. Orekhovsky complements the analysis of the structure of a responsible relationship by highlighting its main substantive elements, including: the subject of responsibility (who is responsible), the authority (to whom the subject is responsible), the measure of responsibility and objective grounds of responsibility (value) [308]. Objective grounds of responsibility (value) are included in the axiological component of the fathering strategy, while responsible behavior related to the maturity of the person determines the reflexive-regulatory component of the fathering strategy.

This point of view is also supported in Western existential psychology, for example, according to E. Fromm, care, responsibility, respect and knowledge are a set of qualities of a mature person [429]. V. Frankl also devotes a significant place to responsibility in his concept, arguing that spirituality, freedom and responsibility are three foundations, three existences of human existence. According to the views of domestic psychologists, responsibility is formed and developed in activity, in providing the individual with freedom of choice and responsibility for it [427]. D. A. Leontyev believes that "responsibility" is the strong-willed quality of the individual, manifested in the control of human activity, highlighting such types of responsibility as: external responsibility associated with the possible assignment of responsibility, and internal responsibility associated with the internal world of man: sense of responsibility, sense of duty [250].

The second component of a mature personality is tolerance. There are two types of tolerance - sensual, as raising the threshold of sensitivity to various environmental influences, and dispositive, as predisposition, readiness for a certain tolerant reaction to the environment. Tolerance is related to the attitude towards the world, the worldview of the individual [345]. Here we can draw parallels between the point of view of A. A. Rean and E. Erickson, both talk about the features of interaction with the environment, due to personal attitude to it.

Self-development is also a fundamental component of a mature person, manifested in the service of a cause, love for another person [427], passion for meaningful work [267] or affirmation of his own life of freedom and development occurs through the ability of a person to love [429], for example, to love his own child [534].

G. Alport also highlighted the specific characteristics of a mature personality: the broad boundaries of "I"; the ability to have warm, cordial social relationships; ignorance and self-acceptance; realistic perceptions, experiences and claims; self-knowledge and sense of humor; whole life philosophy [306].

From this point of view, an ontopsychological approach to man seems interesting, in which the contradictory, and complex formation of man as a biosocial creature is

revealed. The individual is representative of the species, and he becomes a person due to inclusion in social relations, thus the person is a social being [333]. It is society that provides the individual with the framework, trajectories and tasks of development at each age stage.

This is consistent with the view of W. Bronfenbrenner [503; 504], that society affects personality at three levels: microenvironment, meso-environment, and macro-environment. A healthy microenvironment (family, friends, educational institution) allows you to develop a healthy personality, prepares the personality for a successful adult life. At the same time mesomeda, which includes national-cultural and religious norms and traditions, cultural and educational space of personality, circle of communication, mass means of communication and information, also indirectly influence personality [111]. The macro-environment, connected with the level of scientific and technological progress, the peculiarities of the state, the socio-economic system, social psychology, social consciousness, combines the foundations of educational, economic, political, religious and social values. The macro-environment determines the age of adulthood, determines social habits, the development tasks of each age, sets standards for the role and ethical behavior of men and women, determines personal moral and educational standards that are associated with the formation of the autonomous morality of the person himself. Moreover, the adequacy of the autonomous morality of the personality of social morality is, according to W. Bronfenbrenner, an indicator of personal maturity [503].

Thus, analyzing the works of B. G. Ananyev [21], A. A. Rean [345], E. F. Rybalko [356], A. L. Slobodsky [381], K. Muzdybaev [287], V. I. Slobodchikov [382; 383], A. G. Portnova [333] can distinguish the following characteristics of a mature person: a developed sense of responsibility, prosocial behavior, the ability to actively participate in the life of society and to effectively use knowledge and abilities, to constructively solve various problems, emotional and moral maturity.

So, A. G. Portnova believes that "the ability to subordinate one's behavior to increasingly distant goals, the transformation of these goals into real ones, regulating

current behavior, is not only a regularity of ontogenetic human development, but also a criterion for its moral maturity" [333, p. 131].

It is parenthood in many cultures, one way or another, that is associated with the concept of social maturity [78], and, in addition, is one of the ways of personal development according to E. Erickson, as an essential way to achieve productivity and identity in close relationships [79], according to E. Fromm, as the realization of the ability to love both a partner and a child, according to G. S. Abramova, as the fulfillment of the task of developing this age, according to G. Kraig, as the highest phase in the individual development of the father and mother, and in the development of the couple as a whole - the development of the identity of intimacy with a close person [3; 79; 221].

For a man, it is the interaction with such a fragile creature as a child that contributes to further personal growth, achieving personal maturity, as it reveals the potential of personal development in the need and ability to protect and assume responsibility. Thus, paternal care is associated with experiencing love for the child, the development of fulfillment, responsibility and personal maturity. [11].

An interesting approach is implemented by E. I. Zakharova [174], postulating that during the period of waiting for the child, both women and men undergo specific personality changes. The birth of a child allows the personality of the parent to reach a new level of development, thanks to the adoption of a parental position by the mother or father, when it passes into the internal position of the parent. At the same time, E. I. Zakharova points out that the birth of a child does not make a person a parent automatically: that is, not all parents successfully master the parental position. At the same time, a preliminary positive attitude towards this social position is a condition for its adoption. The acceptance of the parent's position is determined by the readiness to implement the social position, the positive attitude to its elements: to itself as a parent, to parental functions and to the child himself [174].

The process of developing the inner position of a person is described by L. I. Bozhovich as a formation of readiness for the implementation of a certain social

position, accompanied by a positive attitude to its elements and functions [56]. Thus, E. I. Zakharova, using this category, determines the internal position of the parent, through a conscious, positive attitude towards parental functions prescribed by a social position and a special position of "mediator, organizer and assistant in the system of child-parental relations" [172, p. 154]. A distinctive feature of the parent's position is the high value of the emotional sphere. Activity of parent, both mother and father, acquires developing potential and is a condition of formation of such, neoplasms of personality, as global changes of self-consciousness [110], identity [171] only when it is carried out within the framework of new social position - position of parent, with positive attitude towards it. The changes in the structure of the personality, its value-semantic sphere and the neoplasm of the motivational sphere of the parent's personality "with an increasing reflection of universal human values," according to. A. A. Bodalev, indicate the progressive development of the personality of an adult [55]. Moreover, according to E. I. Zakharova, "only adults involved in parental activity become carriers of these personality neoplasms" [172, C 154].

Despite the fact that E. I. Zakharova reveals the content of the "inner position of the parent," analyzing this process in the context of the development of a woman's personality, this approach can be successfully applied to the study of fathering. Thus, the birth of a child is the life event that sets for adults the task of mastering a new social role - the position of the parent, which is formed in the relationship of the mastered social situation, as a situation of personality development, parental activity, which has developing potential when taking a parental position, and personality neoplasms when entering parenthood [172].

Thus, fathering is interconnected with personal maturity in two ways: on the one hand, parenthood can be a factor contributing to the development of personality maturity [159], on the other hand, only a mature personality can become an effective parent [78]. Therefore, the maturity of the individual is a key element of the fathering strategy, determining the functioning of the reflexive-regulatory component of the fathering strategy.

Therefore, maturity is the most important parameter that determines parental behavior, because only a formed person becomes a subject of free, independent and responsible behavior in society. However, the most important condition for realizing the formed values and roles is a specifically human form of active attitude. The activity of the personality itself determines its activity. It is important for us that interpsychic characteristics, including self-regulation (defined by such characteristics as: flexibility, spontaneity, independence, contact, creativity and the level of subjective control), reflexion (self-knowledge, autonomy, reflexivity and empathy) related to the biological, labor, mental, emotional, social, and psychological maturity of the personality - that is, the content characteristics of the reflexively regulatory component.

At the same time, the ability to self-regulate developed in a mature person becomes essential. Self-regulation is a holistic system for advancing and managing the goals of conduct and activity [286]. The problem of self-regulation was understood in the studies of many psychologists analyzing the process of motivation. One of the first ideas of foreign researchers devoted to the self-regulation of behavior is the concept of self-regulation, developed by such authors as Yu. Kuhl, I. Beckman, J. Nutten, A. V. Kruglanski, G. Akomba, F. Irwin, A. Kenny, K. Lambek and others. C. Sherrington, who developed these ideas, described self-regulation as related to human consciousness, the work of individual nerve centers related to conscious reflection [given by 311].

In our country, many positions of I. M. Sechenov, I. P. Pavlov, V. M. Bekhterev and his students L. F. Lazursky, M. Ya. Basov, V. N. Myasishchev determined the regulatory nature of mental processes. The problem of arbitrary regulation of human activity was developed in the works of L. S. Vygotsky, K. A. Abulkhanova-Slavskaya, N. A. Bernstein, O. A. Konopkin, A. N. Leontyev, B. F. Lomov, G. S. Nikiforov, S. L. Rubinstein and others. B.V. Zeigarnik defined self-regulation as a conscious process aimed at controlling his behavior [given in 179]. V.I. Selivanov also included in it the regulation of emotions and mental states. In the concept of V. A. Ivannikov, regulation is the ability to form meaning with a lack of motivation to implement or

terminate [179]. O. A. Konopkin describes self-regulation through a systemically organized process of internal mental activity of a person, aimed at initiating, building, maintaining and controlling external and internal activity aimed at achieving personal goals [213].

Activity, manifested in a particular activity, and personal self-regulation are distinguished, while the latter includes the following components: values and goals, ideals and the image of "I," the level of claims and self-esteem [311]. The main mechanism of personal level of regulation is life choice [311]. Personal self-regulation was studied within the framework of the concepts of strong-willed mastery of personality by their behavior (L.P. Basov, V.I. Selivanov, V.A. Ivannikov, T.I. Shulga, A.V. Bykov, T. Kul, etc.).

V.I. Morosanova introduces the concept of an individual style of self-regulation as a necessary condition for implementing a subjective approach to the study of individual-typical forms of human activity [286]. Among the main characteristics of the individual self-regulation style are activity, the ability for independence, the creative character of self-regulation and self-organization, flexibility, spontaneity, independence, contact, creativity and the level of subjective control [286]. At the same time, according to

T.O. Safonova, the activity is regulated according to the active type by means of a special mechanism [366]. She believes that "the two sides of the relationship of man and his social environment - the relationship of the socio-cultural world to individuality and individuality to this world - determine the nature of regulatory processes and act in the form of meanings and meanings" [366, p. 105]. At the same time, significance regulates the activities of the individual within the framework of cultural norms of her relationship with the environment, providing opportunities for assimilation of social experience, development of forms of communication, knowledge, production of material and cultural values. This returns us to the logic described in the previous paragraph for the formation of personality values, which ultimately determine the regulation and self-regulation of human behavior.

Thus, the measure of how much personal values will determine its activities is determined by the level of its maturity and self-regulation. When studying fathering problems, this provision is especially important, since most men, even those who are not fathers or themselves did not have a quality sample in childhood, describe the ideal father in a similar way. However, they realize their own fathering in very different ways. In addition to distinguishing between real personal values and the values declared by it, it is necessary to take into account the peculiarities of social and personal maturity of a person, the level of its self-regulation, as well as the features of reflection of a given person [358].

Reflection allows a person to explore his own activities, form an attitude towards them, consciously plan, control and regulate his activities and his thinking. So, according to A.V. Karpov [191], reflection is an integrated process, while being a way and mechanism for the psyche to go beyond itself, and determining the plasticity and adaptability of the person. At the same time, reflexivity is a cognitive meta-ability that determines the regulation of the psyche. S. Yu. Stepanov and I. N. Semenov distinguish cooperative reflection (in management psychology, pedagogy, design and sports), communicative reflection, as the most important component of developed communication and interpersonal perception, and personal reflection, as a process of studying the subject's own actions, his images "Self." Personal reflection implements the function of self-determination of the individual. Intellectual reflection is also highlighted, which is considered in connection with the problems of developing training tools for solving typical problems [371]. N. I. Gutkina [139] identifies the logical reflection, the subject of which is the content of the individual's activity, the personal reflection responsible for the affective-need sphere and related to the processes of the development of self-consciousness, and interpersonal reflection aimed at the study of interpersonal communication.

For us, it is also important to reflect the way of action as an analysis of the personal technologies used by it to achieve goals. Such reflection determines the correct use of the principles of actions familiar to the person, when immediately after the activity the person analyzes the scheme of his action, his feelings, results and draws

certain conclusions about the success and shortcomings of the activity. It is thanks to the development of such reflexion, for example, in the classes with fathers described below, that a person can link values with practice, increase the ability to self-regulate within the framework of the performance of paternal functions or the implementation of paternal practices.

Thus, the intrapsychic axiological component of the fathering strategy finds its implementation within the framework of the extrapsychic praxiological component of the fathering strategy indirectly through the interacting interpsychic reflexive-regulatory component, including reflexion (self-knowledge, autonomy, reflexivity and empathy), self-regulation (defined by characteristics such as: flexibility, spontaneity, emotion, self-control, labor, self-control.

To describe the praxiological component of fathering strategy, one can use the concept of paternal practices, corresponding to the successful term "fathering" in English, as opposed to the term "fathering," which denotes the status and social characteristics of fathering. Paternal practices are defined as the characteristics of the interaction of the father with a particular child, due to the sex, age of the child, the peculiarities of his development and health, as well as the situation of his birth, his attitude towards him and his relationship with his mother.

In this regard, research identifying risk factors and fathering resistance factors describing barriers to father participation in the child's life and potential conditions for overcoming these barriers are interesting [542; 544]. Risks include any conditions that limit the responsibility of the father and the well-being of the child (drug and alcohol addiction, unemployment, health and poverty) [542], while sustainability factors include the father's personality traits, for example, adaptability, responsibility, maturity [605], and also include social support for fathering, including from the mother, religiosity, employment and education, which contributes to the father's long-term participation in the child's life [542; 544]. One of the parameters affecting paternal practices is paternal competence in parental role [652, p. 179]. The father's assessment of his competence as a parent is a factor in the preservation of relations with the child. Currently, paternal competence is the property of public opinion abroad, although it is studied mainly in

comparison with maternal [516; 642]. A huge number of maternal competence studies [584; 594; 615] is not balanced by single works devoted to paternal competence [595; 640].

The paternal role has deep historical roots, but despite the importance and long history, it is rather little regulated [147]. Social prescriptions for its implementation and perceptions of its essence are represented in social stereotypes, but they are often contradictory [353]. The most important functions required for the father are (1) father as breadwinner [480]; 2) the father as a protector - the possibility of providing his children with education, choosing a profession, is realized indirectly through the social status of the father and economic well-being; 3) the father, as a teacher, not only instills norms and rules of behavior, but also in many ways can contribute to the professional choice of the child, expanding his horizons, doing, especially with the boy, any joint business [210].

Studies of paternal practices, as mentioned above, have their own history, but the data obtained in various studies are quite contradictory due to the different positions of the authors of the studies, if we single out fathering as a specific variant of parenthood, and not just compare the time spent with children by parents of both sexes and the functions of parents, then the behavior of the father, determined by the internal characteristics of the fathering strategy, seems to be a holistic open system. Since the formation of fathering is a complex multistage process determined by social, family and personal factors, it is necessary to distinguish the main parameters or axes that determine the development of fathering strategy. On the basis of the above, as well as the analysis of modern works on fathering (T. D. Boyazitova [91], M.V. Butaev [101], Yu. A. Danilova [140], I. S. Klecina, [199], R. V. Ovcharova [301], Yu. A. Tokarev [401], M. Lamb [596], W. Doherty [532], D. J. Eggebeen, C. Knoester [534], W. E. Fthenakis [550], R. Palkovitz, G. Palm [620], M. R. Waller [674], S. L. Hofferth [574], E. Friedman, S. B. Billick [547]), among the main parameters determining fathering strategies, can be distinguished: adoption of the father's gender role, a system of personal value orientations, implemented depending on the level of personal maturity, self-regulation and the ability of a man to reflect his

behavior in paternal practices. However, in addition to paternal practices, the so-called "co-parenthood" or "parental alliance" is of the utmost importance - that is, the cooperation of both parents in joint activities for the care and upbringing of the child. Women often exclude fathers from caring for the child or perceive the father as a deputy mother, ignoring the difference between the functions of the father and the mother. In addition, men are shy about showing tender feelings towards the child, shy about wives and their "clumsiness" in communicating with the child. The maternal function is recognized by society as almost sacred and is quite well regulated. The manifestation of maternal feelings is the norm. Men are skimpy on the manifestation of emotions in general, including feelings for the child [210].

Thus, acceptance of the role of the father plays a crucial role in the performance of this role [492], but despite the fact that the father's awareness of himself occurs mainly after the birth of the child, various aspects of the acceptance of the child and himself as a father begin to take shape long before direct interaction with the child. At the same time, the psychological effects of the implementation of constructive paternal practices are partially observed at the second and, mainly, third stages of fathering ontogenesis. All the psychological effects of the constructivity of fathering strategies can be conditionally divided into several groups: 1) the development of the father's personality, 2) the reduction of marital conflicts on the basis of child-parental problems, 3) the harmonious development of the child's personality. The specificity of the effects of fathering strategies implementation can be clearly shown in Figure 2.1.1.

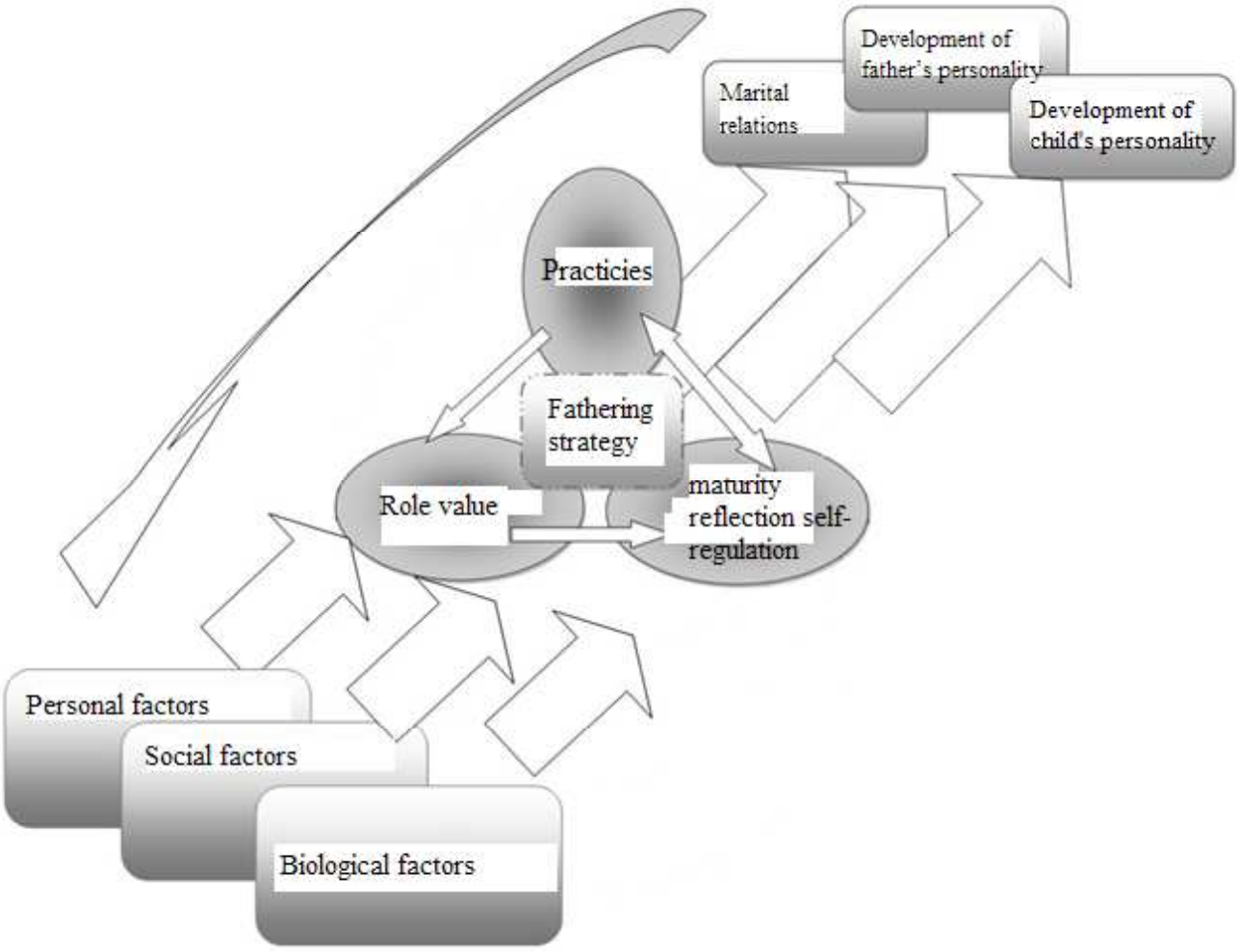

Figure 2.1.1. - Psychological effects of fathering strategies

According to numerous data [159; 535; 628] included, responsible fathering, which implements in constructive paternal practices, is one of the ways of personal development, within the framework of achieving productivity and establishing identity in close relationships [460], realizing the ability to love both the partner and the child [430], fulfilling the tasks of development of a given age [3], and as the highest phase both in the individual development of the father and mother, and in the development of the couple as a whole [3; 221; 505].

No less important is the relationship between marital and child-parental relations [540]. This relationship is manifested in two ways. On the one hand, parental relationships have a significant impact on fathering. Many studies (R. R. Abdin [470], S. Demuth, S. L. Brown [529], M. J. Carlson, S. S. McLanahan [513]) showed that the

quality of a father-child relationship outside marriage and in marriage correlates with the quality of a spouse relationship more than in the case of "mother-child." For example, contact between a child and a non-resident father can be difficult for many reasons [475]. In addition, fathers tend to leave the child's life when they do not live with his mother, while for mothers this is rare. There are several explanations for this phenomenon: for example, F. Furstenberg and colleagues [552] argue that for many men, marriage and parent status is a "commercial transaction." On the other hand, in public opinion, if a woman is a mother, then this is her whole life, but a man is a father, if he has a wife [660]. It is known that if he has a wife but does not live with her, he may be present as a father in the life of children, but the quality of his relationship with them is most often deteriorated [583].

Interestingly, marital relations are related to relationships of influence with the fulfillment of parental roles. Thus, the transition to parent status may be one of the most difficult stages of the family life cycle, but early interaction with the child (at the age of 3 months or younger) contributes to the development of paternal competence, increasing maternal support for the role of fathering, the involvement of the father in the life of the child and satisfaction with marriage of spouses. At the same time, the first attempts to interact with an older child (after 5-6 months) do not give such an effect [666].

Satisfaction with marriage is positively linked to the father's participation in the life and upbringing of the child [499; 601]. At the same time, satisfaction with marriage in men is associated with caring for the wife during pregnancy, participation in childbirth and postpartum care for the child [601]. At the same time, the quality of marriage affects the well-being of the child, since marital conflicts affect the quality of interaction within the framework of the parental alliance and, accordingly, on the life of the child. It is believed that explaining the relationship between satisfaction with marriage and the father's participation in the life of the child in the framework of educational programs will buffer negative changes in marital relations during the transition to parent status [600].

Parental Alliance - "Joint activities of adults responsible for the care and upbringing of the child" [611, c. 16]. In this regard, maternal support for the father is an

important condition for the father's competence and the father's participation in the child's life [543]. At the same time, the inclusion of the father in the life of the family is associated with the effectiveness of the parental alliance, and vice versa is associated with the dominance of the mother in the family [527]. So that fathers become more caring and gentle with their children when their spouses believe that caring and showing tenderness is an important part of their father's role [634]. Fathering is thus more dependent on marital relationships because the standards and expectations for fathering are more variable and blurred, and therefore condescending than for mothers.

The most important determinant of the relationship between father and mother, as shown by the study [532], is marriage, as it introduces a certain responsibility in the relationship between partners. It could be argued that being officially married is not important, because cohabiting couples can have qualitatively the same relationship. Although, in principle, this is true, studies on cohabitation clearly indicate that cohabitation is a temporary arrangement of most couples; and they will eventually either marry or disagree [507]. So, the main intra-family determinant of responsible fathering is a supportive joint marriage. In foreign literature, there are special terms "parenting alliance" [481] and "co-parenthood" or joint parenthood (coparenting) [514; 544; 565; 660], denoting what R.V. Ovcharova calls the post-individual level of parenthood [301].

Among the external influences on fathering, the role of the mother has its own specificity, since mothers serve as partners and, sometimes, an obstacle in paternal-child relations, both in and out of marriage. But parents' relationships can often be complicated by the mother's complaints about the father's unwillingness or incompetence in performing his father's functions [210; 523], lack of financial [519] and emotional support [485]. Under certain conditions, a clear and well-formed understanding that marital conflict worsens the development situation of the child and increases the risk of divorce [579] adversely affecting the life and development of the child will increase the motivation for a constructive solution to marital conflicts in a man [618]. But there is evidence that, even in a satisfactory marriage relationship, the involvement of fathers, especially when children are young, often depends on the relationship and expectation of the mother, her support for the father, as well as on the

degree of her employment [663]. Indeed, studies have shown that many mothers have a dual relationship to the active involvement of fathers [574]. Perhaps a change in public opinion on the need for fathering education will lead to the understanding that responsible maternal care includes support for fathering [531; 473; 670].

Thus, all components of psychological readiness for fathering are determined by social conditions, family specifics and age-specific features of personality development, which determines the need to study the conditions and stages of the formation of psychological readiness for fathering. The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

2.2. Phylogenetic and social conditions for the formation of the gender role of the father

In view of the fact that parenthood, and in particular fathering, is a multidimensional and multidimensional phenomenon, has deep historical roots, largely determined by the genetic and species features of the procreation process Homo Sapiens, and at the same time related to the social sphere of personal activity, personal development, and despite the importance and long history, is rather little regulated and studied, the study of this phenomenon requires a clear methodological principle, which is the basis for its study. The study of modern ideas about the peculiarities of the structure and content of the fathering phenomenon should be supplemented by consideration of the formation of all aspects of fathering in the individual history of the person.

The problem of the nature of parental feelings is very controversial [38]. There is a view that the behavior of parents is determined by innate instincts, the need for the

continuation of the genus, and the absence of parental feelings is a manifestation of violation of this biological and socio-moral norm [210].

However, parenthood is not only biological, but also sociocultural or biosocial, and its diverse characteristics and dominants interact differently. The relationship between parents and the child depends on their own sex and the sex of the child, the age of the child, specific social conditions, traditions.

Parental care for offspring (including fathering) has, according to many authors, in particular I. S. Kon, phylogenetic prerequisites. The overall parental care sample is genetically programmed and varies from species to species. The presence or absence of such care, its duration and specificity distinguish biological species. Environmental factors play a very important role in the determination of parental care. For example, the stable marriage of a male and a female, at least for the period of cultivation of one brood, is due to the conditions of the habitat in which the female cannot grow offspring without the help of the male. Such conditions are determined by the scarcity of food resources, the need to protect the territory from enemies, the duration of the period of helplessness of offspring [210]. And the higher the level of organization, the longer the period of dependence of the cub on the mother and the stronger the parental instinct is expressed [123].

Thus, there are obvious genetically programmed prerequisites for fathering, but biology does not explain all the specifics of parental behavior, its motivation and institutionalization in humans. As noted above, human parental behavior is largely determined by social relations in human society.

If we consider the father's personality as a set of stable, long-standing characteristics, an understanding of how they develop becomes a certain character characteristic of a given person is possible only with a careful study of the combination of causes and factors that affect the development of the person. The analysis of the development of personality is based on several scientific theories, which consider as factors influencing the development of personality cultural and historical determinants [117], either megafactors, macrophactors, mesofactors and microfactors of the environment [503], or a confrontation between internal motives of personality and

external prohibitions of society [428], which, however, can be reduced to two important factors of personality - internal and external determinants of development.

External factors include the belonging of the individual to a certain culture, including the natural-climatic factor, the specificity of the country and society, ethnic traditions, solving age-related development problems during adulthood [680], belonging to the socio-economic class and unique for each family environment [440].

Internal factors include personal, motivational, emotional features of a person that can affect the effectiveness of personal development, such as, for example, the comprehension of life, which allows you to make a deliberate, responsible choice.

Internal determinants can be defined as the influence of hereditary factors. Genetic factors are the kind of influences on behavior that is transmitted from parents to children through the mechanism of heredity. Along with the environment, hereditary factors play a key role in driving personal development. There is evidence that psychological characteristics such as: emotional stability, extroversion, and even altruism, shyness, and timidity, are sustainably inherited; genetic component has also aggressiveness, leadership, imagination, pursuit of achievements [440]. Obviously, heredity creates the material basis and prerequisites for development in the form of deposits and predispositions. Therefore, such features of the body as, for example, setbacks of thinking, speech, ability to work and features of the nervous system will play a crucial role for the holistic development of the personality.

Immediately after birth, the child enters a certain environment, which, from natural and climatic conditions to the specifics of the child's position in a particular family, engages with internal factors, forming the unity of various factors that determine the development of the person. The natural environment, including climate, natural conditions and resources, has a specific indirect effect on the child through the cultural traditions and lifestyle of the society. Interaction of internal and external factors of personality development begins even before birth of child, determining its innate characteristics, with which it falls into equally influential social environment [434].

The most important factor in the social environment is culture, which shapes the personality as it provides ready, tested solutions to many life problems, including means

of communication, such as language, medical treatment schemes, scientific achievements that facilitate life, ethics, religion. Culture offers a repository of solutions that are not always accurate, but always available [306].

In addition, culture provides certain standards for the development of the personality - age periods in which a person not only receives social approval for performing a certain activity (solving social problems according to P. Heymans [572]), but also has physical, social and mental opportunities for its fulfillment. It is culture that determines the status of men and women in society, the filling of male and female roles and their ratio, and, accordingly, determines paternal and maternal roles. For example, the value of fathering, declared in a patriarchal society, instills a certain attitude towards the older generation and to their own children. Modern determinants of the organization of public opinion are the media, which form a stereotype of "proper life," "correct" aspirations and values, including the value of sexual relations, the importance of close relationships, an "ideal" family, and the need to have children. On average, by the age of 18-23, the main stereotypical ideas about fathering are formed [83, p. 103-105].

Until recently, the content of the paternal role could be described using social norms that make up the male gender role. Such norms include the norm of status, the norm of emotional and physical hardness and the norm of anti-femininity [51]. The status norm implies that a man must gain the status and respect of others, and the main duty of the father to support the family and regularly bring money to the house. To meet expectations, a man must devote almost all his time to work, as a result of which his contact with children decreases. As the father's income grows, his contribution to upbringing decreases. For example, 25 years ago, American fathers spent an average of 12 minutes a day with children [210].

The norms of firmness and anti-femininity imply that the expression of feelings and self-disclosure "belongs" exclusively to women. Fathers may be embarrassed to express their feelings toward the child. Since there is a stereotype in society of the perception of men as strong and confident, capable of overcoming various difficulties, many of them suppress their experiences, for example, in some traditions of the Eastern peoples [210].

The modern paternal role, in our opinion, is gradually being transformed, becoming less rigid. In recent decades, the concept of "new father" has appeared, in relation to fathering, such terms as "productive" [159] or "responsible" [210; 159] fathering. It is assumed that men have rediscovered the value of fathering.

For many modern men, the family comes to the fore, becoming no less, and sometimes more important than work, a sphere of life. Expectations for fathers are growing. The salary that his father brings home is no longer limited to his role. It is expected that fathers, both physically and verbally, will be involved in upbringing [489]. Expectations are the result of more women working outside the home. In this regard, women involve their partners in the joys and responsibilities of parenthood, and men begin to discover qualities that were considered female: tenderness, attachment and care for babies [83, p. 104-105].

The paternal role is one of the traditional male roles, and, despite some fuzziness and unstructured role of the father in modern society, remains the most important part of the male gender role. Gender role is the expression and demonstration of gender identity through behaviour, clothing and other characteristics that can also be physical (appearance of genitals, body), and sociocultural (hair length, clothing and type of behavior accepted in this society), the manifestations of fathering, that is, the realization of the male gender role, are closely related to the gender identity, that is, the internal perception of the person of his or her gender, the degree to which each individual identifies himself or herself as a man or woman or some combination of both [210]. At the same time, gender identity - an internal structure created in the process of development, organizing the image of the Self and allowing it to function socially in accordance with gender - determines how an individual experiences his gender, contributes to a sense of unique identity and belonging [210]. Significant contribution to the development of ideas about identity was made by both foreign (E. Erickson [460], J. Mead [274], A. Tejfel [410], J. E. Marcia [607], A. S. Waterman [676], H. He, J. Balmer [469]), as well as adolescent researchers, 41, and domestic researchers [28], adulthood [114; 147], gender identity [208].

According to N.V. Dmitrieva, identity is the self-identification of the person of his biological, mental and social components with his own self, the elements of which are human judgments regarding himself and his life. Identity includes two aspects: personal (description of their personal qualities) and social (description of their group and interpersonal relationships), which are genetically and materially interconnected [147]. The gender identity assumes definition of the place within standard cultural ideas of courage and femininity (a maskulinnost and a femininnost), about the anatomic, physiological, somatic, mental and behavioural properties characteristic of men and women who are shown as polospetsifichny characteristics of the personality and are basic categories of the analysis of gender identity and a psychological floor [102].

O. V. Ryabov [636] in the structure of gender identity identifies three components: cognitive - as an awareness of belonging to a certain sex and a description of himself as a man or woman; emotional - as an assessment of their behavior and their manifestations in accordance with the standards of men and women; and behavioral (strong-willed) - as the implementation of their own behavior as a representative of a gender group. These three components of gender identity are manifested in three aspects of fathering: need-emotional (affective), value-sense and operational (activity or behavioral) blocks. The appearance of a child is a kind of "triggering moment" of the transformation of personality identity in connection with the beginning of the realization of a new role. Based on the concept of N. V. Dmitrieva on various options for the transformation of identity, which distinguishes a positive (or achieved) transformation of identity, which is characterized by the "normality of the crisis" leading to personal growth, and a negative (or diffuse) transformation of identity, leading to the disintegration of self [147], it is possible to determine the internal mechanism for implementing constructive and non-constructive fathering strategies.

Thus, the filling of the structural components of fathering and the implementation of fathering strategies are closely related to the peculiarities of a man's gender identity, his perception and acceptance of a male role [571].

At the same time, male qualities or masculinity can be described through a combination of behavioral characteristics, mental properties and specific features

inherent in men, unlike women. However, masculinity is also one of the elements of the symbolic culture of society, denoting the specifics of social ideas, attitudes about the properties and qualities of "truly" male. The concept of masculinity also includes a normative standard of masculinity [208]. Thus, masculinity is a complex of characteristics of behavior, attitudes, opportunities and expectations that determine the social practice of male representatives. According to the apt expression of A. V. Sinelnikov: "masculinity is what should be added to anatomy in order to get a male gender role" [384, p.192]. That is, the male gender role is described through the idea of male behavior in a particular society. At the same time, within the framework of one culture, "correct" male behavior can change depending on the historical or political situation [241]. So during wars, male qualities are described as more aggressive and militarized than in times of calm political situation. Acceptance or non-acceptance of any or all of the characteristics of a gender role is a manifestation of the gender identity of the individual [210].

G. M. Andreeva describes three stages of a person's understanding of identity: social categorization (through grouping people around in a way that makes sense for the individual); social identification (placing oneself in a particular category); social identity (social identification of the individual with the group and acceptance of its roles) [22].

Gender identity includes many aspects of sexuality, including human sexual orientation [210]. However, in the context of the current social environment, where the upbringing of children becomes possible for persons with different sexual orientation and gender identity, it is more legitimate to speak not so much about the relationship between the implementation of fathering strategies and the gender identity of the individual, but rather about the adoption of a gender role, especially the role of the father. This approach allows us to determine the specifics of the implementation of fathering strategies in various groups of men, even those who traditionally find themselves outside the framework of the analysis of the realization of paternal functions, but it is precisely such families that, due to numerous socio-psychological difficulties, may turn out to be recipients of psychological assistance.

The adoption of the father's gender role is one of the most important characteristics of a constructive fathering strategy. Studies of German scientists [549] have shown that fathering, when internalized, affects a man's own semi-royal identification, his satisfaction with life, as well as the man's worldview. Men involved in raising their children showed a less rigid understanding of the male role and the stereotype of masculinity, they considered fathering as the most important factor in their male role, thus identifying themselves with their own father. In addition, it was found that men who took a significant part in raising their children showed greater satisfaction with life and themselves compared to the control group. They had higher self-esteem and were more confident. The relationship between self-respect and the adoption of paternal care for children was discovered. Interesting results were given by the study [606], which showed that fathering also affects the change in the worldview and beliefs of the person. The idea of the value of human life is changing, the well-being of the child and its normal development becomes very important. Scientists even associate productivity at work with satisfaction with family life [617]. All this is possible provided that the subjective meaning of parenthood [372] is formed, and fathering responsibility [424].

Thus, the acceptance of the father's role influences the operational aspect of its performance and influences the personal changes of the man [332]. The appearance of a child naturally affects the motivation and attitude of a person, but many studies suggest that it is the adoption of this role that contributes to the successful realization of itself in it. Since, according to I. S. Kon, the social role connects the activity of the individual and its self-consciousness with the functioning of the social system, and the starting point is not an individual, but a society [210]. L. S. Vygotsky called the functions of self-consciousness "tertiary" functions, bearing in mind that they are derived both from the direct social communication of the personality and from its already internalized and in this sense "secondary" mental functions [117]. In addition, with adverse developments, role-based conflict is possible when ideas about the roles performed by one person differ. I. S. Cohn argues that the concept of social role denotes the side of activity that is an internalized role. An internalized role is a component of self-

consciousness, a relation to one or another aspect of life. Thus, successful functioning in the role of father is impossible without its internalization, which, in turn, "embeds" fathering in the self-consciousness of the person, her "I am the concept" and "images of the self." The aspect of the attitude is related to the assessment: of his child, self-esteem of himself as a man, himself as a father and his fulfillment of social roles, which forms a certain "image of the Self." Thus, "I am real" and "I am social" are formed through comparing their own behavior with the requirements of society. The relationships of the components of the "image of self," their interaction determines the awareness of oneself as a father and can change in the process of life [210].

The connection between fathering and other characteristics of a man's gender role is interesting. J. Pleck suggests that the relationship between masculinity and fathering can be estimated by 6 indicators: 1) gender differences in education, 2) the relationship between the presence of the father and the development of the child, 3) the role of paternal involvement in the life of the child in the development of the child's personality, 4) the influence of the presence of children on the assessment of his masculinity by a man, 5) the uniqueness of the father's contribution to the development of the child and 6) the relationship between the expression of paternal masculinity, the involvement of the father and the development of the child's personality. These six topics are presented differently in literature and research. Most studies of the role of the father in the development of the child. Sometimes researchers, especially Americans, all the problems of adolescents are reduced to the absence of a father in the family. Thus, the relationship between fathering and masculinity of a man is multilateral and specifically conditioned. J. Plek suggests that male gender status determines paternal practices directly and indirectly through the formation of the concept of fathering and possible paternal status in society. Thus, the dominance of hegemonic masculinity in society determines the social and sexual status of a man more freely in relation to any women and their children who are not the direct heirs of the man. He can, like an alpha male in the animal world, not take care of them, not be interested in the likelihood of their appearance as a result of numerous connections. On the other hand, the number of children can add status to a man; therefore, in such a society, men recognize and care

for all their children. The more democratic society is, the more different options of status and, accordingly, paternal practices, it offers a man: in modern Western society, a man can legally recognize a child and participate in his upbringing economically and psychologically, can recognize and participate only psychologically, or only economically, or not at all [208]. A man may be recognized as the father or stepfather of the foster person and not recognized as the father of his child, etc. These data are also confirmed by Russian studies of the relationship between masculinity norms and social ideas about the content of behavior within the framework of paternal role [198].

Thus, fathering and paternal practices derived from gender identity are interconnected with the peculiarities of masculinity of a man. These characteristics and perhaps the expression of masculinity of a man determine the attitude to fathering of a man. Fathering itself is usually investigated from two points of view: on the one hand, fathering is considered as a social institution that determines the requirements and expectations of society in relation to the parental role of a man. On the other hand, fathering is manifested in the practical activity of a man in raising and caring for children, which is described by the concept of paternal practices or parenting styles, which are realized in the unity of parental interaction with the spouse [595]. Such a scientific tradition explains the distinction characteristic of fathering between fathering as parental status and fathering as parental behavior and identity. As theories providing material for the study of factors for optimizing the development of the personality of a child and a man, the following are distinguished: a) the theory of the life path (which explores how the male experience of fathering changes in connection with various periods of life); b) social descriptive theory (which emphasizes that fathers absorb cultural patterns and roles); and (c) the theory of social identity (which focuses on how men perceive the identity of the father relative to their other social roles). In the context of E. Erickson's theory, fathering increases the generativity of adult men. Other scholars have applied the concepts of economic theories to describe the father's decision to contribute to the life of the child or leave the family [631].

We believe that excessive, stiffness, absence or weakness of the male model of behavior in a man does not so much worsen the relationship with the spouse and own

child as complicates the process of building these relationships [63, p. 34-36; 67]. In addition, depending on the peculiarities of masculinity, men build different relationships with their spouse and child. For example, hypermasculine men may not create a family at all, content with sexual victories, highly masculine men are focused on social success and are more able to realize the role of a breadwinner and personifier of power in the family, while not paying time to communicate with the child. Androgynous men are more able to pay attention to the inner, emotional state of the child. Each embodiment of masculinity determines the choice of feminine/masculine spouse, the specifics of marital relations and, as a result, creates specific conditions for interaction with the child. Thus, a large variation in the expression of masculinity of men creates space for the manifestation of various ways of interaction with the child, which place meaningful emphasis on various aspects of paternal roles and practices. Each of these practices, taking into account interaction with the spouse, can be recognized as valuable for the development of the child's personality. This makes it possible for a man with any expression of masculinity, if he wants to find an acceptable version of paternal practices, since each father is responsible for the intellectual, emotional and financial well-being of his child [653; 662]. The above defines a wide range of issues for psychological practice in family work. The materials of this paragraph are partially published by the author in article [61] and monographs [76, p. 53-61, 78].

2.3. Stages of development of psychological readiness for fathering

The problem of identifying the stages of fathering formation is related to the specifics of formation of gender characteristics of personality and occupies scientists from the very beginning of the appearance of psychological science and is the most important area of research now [546]. One of the first was the concept of Z. Freud, who introduced the concept of "libido" and described the development of the personality of a child of a personality according to the stages of fixation of libido (oral, anal, phallic, genital stages) [428]. Proponents of the theory of conditionality and social learning described the mechanism of influence of behaviors (including gender and sexual behavior of a person) on the realization of specific functions by a person [479]. The assimilation of the system of gender roles is called gender socialization [210; 334].

E. Erickson's theory of development, which considers the social impact on the development of human sexuality, makes a significant contribution to the understanding of the development of gender identity. Whereas in the first periods of a child's life (infancy and childhood) the most important determinants of gender socialization is a positive solution to development crises, which is provided by the family, then in early and late adolescence (12-19 years old), which is sensitive to the formation of identity, determines the further trajectory of development, including the determination of sexual orientation, the choice of the characteristics of the future marriage partner and the emergence of attitudes regarding the desire, need and time of one's own parenthood. Early adulthood (20-25 years) is a period sensitive to the formation of a marriage couple, the birth of a child and the development of operational aspects of fathering. In middle adulthood, the most important task of development - the formation of productivity and generativity, as a concern for future generations and beyond the boundaries of one's own personality, is connected with the realization of a gender role, namely, paternal functions within the framework of a male gender role [460].

D. Bancroft's universal theory of psychosexual development considers gender identity, which begins to form in childhood, and in adolescence is framed and recognized, describes the sexual reaction as an understanding of one's own sexual orientation and believes that the ability to have close couples determines the further development of the personality in connection with how successful the choice of a partner was [478]. Within the framework of this theory psychosexual development of personality is connected with social scenario, which is a complex scheme of behavior, which is formed under the influence of society [478]. At the same time, the influence on our behavior of the "marriage economy" is important from the point of view of D. Bancroft, which is manifested in the fact that in the search for a couple a person seeks to find a partner with equal resources (it is possible that the lack of some qualities is compensated by others and, thus, the "value" of individuals is balanced). However, the understanding of the value or significance of their resources, the norm and ideal of relations and patterns of behavior are formed in the process of socializing the person in a given culture [478].

The Russian literature adopted the concept of psychosexual development of G. S. Vasilchenko, V. M. Maslov and I. L. Bolneva about the phases and stages of development [108], which allows us to distinguish periods of formation of gender identity of the person, the most important neoplasms and criteria for the positive development of identity within each age period. G. S. Vasilchenko identifies the following stages: 1) parapubertal period (from birth to 7 years), defined as the period of formation of sexual identity; 2) prepubertal period (7-13 years) - the time of formation of a stereotype of half-left behavior; 3) the pubertal period (12-18 years) the period of puberty and the registration of the gender identity of the person; 4) transitional period (16-26 years) - the period of formation of the couple, the beginning of sexual life, 5) the period of puberty (26-55 years), which accounts for the birth of children and interaction with the spouse in raising children, 6) involutionary period (51-70 years), this period accounts for the post-parenthood stage.

Although a prenatal period was added to this periodization in the future, which determines the further development of the gender identity of the individual [69, pp. 61-

63; 195], due to the fact that, in addition to determining the sex of the future personality, hormonal programming during this period determines the formation of the external and internal genitals, the future functioning of the hypothalamus and pituitary gland in and after the pubertal, as well as the brain structures responsible for sexual behavior, parental instinct and aggressiveness in adulthood, psychological and pedagogical support for the formation of the gender identity of the personality is possible only in the postnatal period.

Accordingly, the formation of gender identity is connected with the peculiarities of the society that educates, teaches the child, helping to assimilate a certain system of gender roles. This process is called psychosexual development or gender socialization [210]. At the same time designing of a gender in the course of socialization is implemented by the main institutes of socialization by means of broadcast of the ideas of normativity of behavior of boys and girls, young men and girls, men and women created in culture. The most important role in this process is played by the family, especially the father, who participates in the formation of attitudes and expectations regarding male behavior and the male role as a model of such behavior.

In the parapubertal period, which falls on the time from birth to 7 years, there is an awareness of one's gender, the formation of sexual identity. According to numerous psychological concepts (E. F. Rybalko [356], G. S. Abramova [3], G. S. Vasilchenko [108], K. N. Polivanova [326], Z. Freud [428]; E. Erickson [460]; S. Buehler [506]) The environment, especially parents, especially the mother, is of the utmost importance for the formation of sexual identity. Moreover, the degree of influence of the father and mother depends on the age of the child. Initially, communication with the mother during newborn and infancy is much more intense than with the father. Mother feeds, takes care of the child, takes care of him, plays with him, talks. J. Bowlby and M. Klein [495; 589] described features of mother-infant communication. By feeling her support and presence, being safe, the child can explore the world. The father is a figure who helps the child study the world, his own body and his capabilities through power games. Later, the relationship of parents becomes a model of behavior in the society of peers in junior school and adolescence. However, the formation of ideas about fathering is

influenced not only by the family situation. Often, a man who has grown up without a father can be a good parent if he has a model of male behavior. It can be a grandfather, a coach of the sports section, a teacher, etc. The social environment surrounding the child also makes adjustments. For example, the value of fathering, declared in a patriarchal society, instills a certain attitude towards the older generation and to their own children.

Parents create conditions for development of child's personality, are samples for identification [428], demonstrate gender patterns of behavior [479], encourage or react negatively to certain ways of child's behavior [480], including those related to manifestation of gender-specific qualities [602] and attitudes toward health [489]. It is known that from birth parents treat boys and girls differently, allowing a female child and himself much more freedom in displaying emotions [578]. But it is love, warmth and attention to the child at this age that protects him from multiple problems in the future [460].

The importance of this period is that it is sensible for the development of sexual identity, and various traumatic circumstances can disrupt the course of this development for the rest of life. For example, too strict prohibitions on sexually colored games, depraved actions of older ones. At the same time, traumatic memories are displaced and continue to conduct destructive work from the human unconscious [108].

If we remember, Z. Freud first drew attention to the influence of parents on the formation of a child's sexuality. In children's neurosis, the peculiarities of psychosexual development directly depend on the stage of development at which the injury occurred [428]. Usually, the correct idea of your gender is formed by the age of 1.5-2 years [108].

The second stage of the formation of gender identity and sexuality of the person - parapubertal - is characterized by the formation of a stereotype of half-left behavior - a system of perceptions and patterns of sexual behavior for both sexes, a certain gender standard of behavior, thus creating a basis for subsequent communication and adaptation in marriage. [108].

At this time, there is a transition to school, new communication, the development of abstract thinking, the gradual loss of close contact with parents and an increase in the

authority of peers. However, the sexual behaviour of parents at this age still has a leading influence on the formation of the child's gender identity. For example, it is known that tough, authoritarian fathers or mothers seeking to "form a man from a son" usually have weak, pliable, inspired and non-independent sons [210; 435]. On the contrary, democratic but demanding fathers grow up responsible and independent sons [458].

As children grow older, they attach increasing importance to the collective with its hypertrophied requirements for masculinity and femininity, and in it the formation of gender-typical behavior takes place.

The third stage of the formation of gender identity and sexuality of the person is pubertal. This is the period from 12 to 26 years - the period of puberty, the formation of psychosexual reactions and psychosexual orientation. Period of maximum endocrine system functioning. It includes stages of platonic, erotic and sexual libido formation.

At this time, on the basis of individual characteristics and experience, a personality is formed, emancipation from the family occurs, one's own worldview, social consciousness is developed.

At the teenage stage, the personality is characterized by an increase in sensitivity, shyness, independence. If there is no mutual understanding in the family and in the class, then the teenager will look for understanding somewhere outside the family and find him in the company of the rejected. According to D.N. Isaev and V.E. Kagan, full identification with a group of peers is a necessary stage of socialization [given by 64, p. 58]. This age accounts for the search for identity, including professional, personal, sexual, family [79].

The specifics of this age are considered to be the development of psychosexual orientations, which subsequently determine the choice of the object of attraction with its individual features (sex, appearance, physique, behavior) [108].

In the transition phase (16-26 years), perhaps longer, since in the modern world the age of marriage is rising all the time [512]) identity is formed, differentiation from the parent family takes place and emotional and financial independence from parents is achieved, a young person occupies an adequate status for age, developing skills in

courting and attracting a partner, finding a marriage partner, meeting future spouses, their emotional attraction to each other, and developing joint ways of interaction. It is at this stage, with unformed responsibility in interpersonal relations and sexual behavior, there are so-called "unplanned" pregnancies, when it is necessary to solve issues of legal registration of fathering, marriage, financial issues, etc. The irresponsibility of a man's behavior may be related to social attitudes [152], attitudes towards a particular woman, for example, in our study, an unmarried test subject of 23 years explained his difficulties with choosing the answer to the question "Who is to blame for an unwanted pregnancy?" Thus: "If you cherish the relationship with this woman, then both, and if not - then she herself" [78]. As a result, many problems arise in the reproductive behavior of modern Russian youth: the spread of sexually transmitted diseases, abortive behavior, leading to violation of the reproductive sphere, both women and men. In addition, studies of family psychologists show that the presence of pregnancy before wedding is one of the factors of marriage instability [205].

In the period of early and middle adulthood, marriage, the formation of marital relations characterized by formed sexuality, the birth of a child and the adoption of a parental role, interaction with the child, the educational activity of the father.

According to V.V. Brutman, M.S. Radionova [96], pregnancy planning, its desirability or undesirability have a diverse effect on the further interaction of the parent and child. The birth of a child and interaction with it is a separate stage in the gender socialization of a man. That is why understanding the ontogenesis of the fathering complex can contribute to the disclosure of communication problems and the formation of constructive fathering strategies.

The study of parenthood is currently at the stage of accumulation of scientific knowledge, conducting a large number of studies in narrow areas, such as: for example, the influence of relationships with the father on the motivational and value aspects of parenthood in men, having children [31], the influence of the parental family on the psychological readiness of young men for fathering, dependence of mates' orientation in conflict on images of parents formed during childhood [72], problems of emotional state of children in single-parent families [142], problems of child-parental relations [223],

the problem of family relations during the waiting period of the child [324], peculiarities of paternal deprivation [75, pp. 15-23; 500; 555] under conditions of family perception [413] etc. One of the few works with a built-in theoretical and methodological concept is the development by G. G. Filippova of the problem of the psychology of motherhood, its structure, content and formation [420; 423]. As a particularly valuable development by G. G. Filippova, she can distinguish the study of the problems of ontogenesis of motherhood and its main components.

Based on the study of the biology and psychology of motherhood, she identifies six main stages of the development of motherhood in the process of personality development in ontogenesis: 1. interaction with her own mother (beginning with the intrauterine period and lasting almost all his life, the interaction in the first years of life is especially significant), 2. development of the maternal sphere in gaming activities (includes all story-role-playing games, for example, "mother daughters" (3-5 years old), 3. babysitting (communication with the baby of a girl 5-11 years old, helping to master social skills of interaction with the baby), 4. the stage of differentiation of the value and meaning bases of partnership and parental relationship models (11-15 years) and the stage of motivational readiness for parenthood (15-18 years); 5. interaction with your own child, 6. The stage of accepting the child as an individual.

During the first stages, the most important process is the formation of the gestalt of infancy, which includes the physical properties of the infant (proportions, odors, vocal reactions), behavior (awkward movements, poses), infantile performance (characterizing the infant's inability to survive independently). According to G. G. Filippova, the gestalt of infancy is "a complex key irritant that causes adults many different experiences and the desire to resume and preserve them" [423, p. 141]. In other words, the infant has properties that cause certain behavior in adults, and it coincides with the tasks of the development of the infant, that is, it is an instinctively fixed reaction to the infant - care, not only allows the survival of a specific infant and species as a whole, but also meets the needs of an adult. This pattern can be traced both in animals and in humans. However, human behavior is more complex and less regulated by instinctively embedded behavior programs. The issue of the perception of the gestalt

of infancy is considered mainly for women. According to the results of our survey, men in determining fathering proceed from the characteristics of an older child. They believe that it is necessary to convey knowledge, principles and views to the child, but do not describe caring for a non-speaking baby as part of their image of their own future or existing child. Thus, the specific reactions to the infant, the perception of their own parenthood, the formation of the parental sphere in men are different from specifically female and maternal.

The process of communication between a woman and a child is read long before the birth of the child, through the sensory experience acquired by the woman during pregnancy. Research into the process of realizing your child as part of a symbiotic connection, and then, as a separate person, many works are devoted [259; 273], revealing many problems and complexities in this process. However, embedding a child's design into a man's self-consciousness is even more difficult.

According to G. G. Filippov and S. A. Abdullina, this periodization is applicable both to the analysis of the development of both motherhood and fathering, "because according to a number of researchers, there are no fundamental differences in parental care between a man and a woman, and it is much more important to take into account individual differences, not intergroup" [2, p. 127]. However, O. A. Karabanova believes that the sensative periods for the formation of the parent's internal position for fathering and motherhood are various periods of the life of the father and mother, believing that for the mother this is the period of pregnancy, and for the father - the second half of the pregnancy of the wife and the first year of life of the child [188]. In our opinion, despite the fact that we agree that there is no fundamental difference in parental care for a child [210], there are significant differences in the social trajectory of personality development of children of different gender [564]. Despite the fact that interaction with your own mother in pre-school childhood is a key factor in the development of the personality of a child of any sex, in order to form a fathering strategy, the boy at this age has a certain specificity: in the modern theoretical understanding of the formation of the personality of a man, it seems axiomatic that the most important figure determining the formation of sexual identity and the formation of

the gender role of the boy is the father [491, 536, 614, 582, 631]. In addition, many studies have found differences in the play preferences of children of different sexes [508; 564; 646]. Moreover, the absence of such differences in the game can be further related to the difficulties of gender identification [564, 603]. Although today's girls, along with the value of parenthood, also bring up values from other spheres, such as professional and personal success, the education of the girl is more characterized by a focus on future motherhood than in the education of boys on future fathering. The boy is raised, first of all, as an active figure in the social plan, a professional, a breadwinner of the family. Moreover, there are problems with the modeling of parenthood in the game of girls: there are works indicating the absence of models of motherhood among the games of pre-school girls in modern realities [322]. Therefore, it is difficult to talk about the similarity of the significance of the game with the doll in boys and girls. At the same time, children of any sex can play with a doll, especially in joint games of different-sex children [322]. In addition, while in traditional culture babysitting was an integral function of a girl of 6-11 years old, completely different requirements were placed on a boy of this age. The maternal function at all stages of personal development is a more regulated society. Therefore, a clear identification of stages in the development of the maternal sphere is relevant and possible. And since we agree with the postulate of S. A. Abdullina that the formation of a parental position of a person is a long period beginning with preschool childhood, we believe that, due to social, pedagogical and motivational reasons, the stages of the formation of motherhood and fathering have their own specifics.

In psychology, several stages of parenthood are distinguished: making a decision on the birth of a child, pregnancy, the period of parenthood, the period of mature parenthood, the period called "post-parenthood," i.e. grandparents. [422]. These stages are characteristic of both women and men, however, there is a certain specificity of the passage of these stages in men, since fathering is interconnected with the development of the personality of not only an adult man and his child, the formation of all components of fathering is associated with the general development of the personality

of a man, especially with the formation of gender identity of the person and the formation of moral and will characteristics of the person.

In the ontogenesis of the fathering complex, three main stages can be distinguished [83, p. 103]: 1) the formation of ideas about fathering, a stereotypical idea of fathering before the pregnancy of the wife; 2) the stage of rethinking the available knowledge and ideas about fathering during the waiting period of the child; 3) a practical stage - the implementation of fathering strategies after the birth of a child. We conducted a study to track the formation of attitudes towards our child, with which in the prenatal period a man has no such connection as a woman, respectively, and the change in attitude towards himself, the formation of attitudes towards the child, the adoption of a new role of the father is a complex and multifactorial process.

As part of the study of the formation of psychological readiness for fathering, we rely on the previously identified stages of the development of fathering, taking into account the specifics of the first two described stages, as preparatory to fathering, that is, the stages of the formation of readiness for fathering, and focusing on the features of the formation of psychological readiness for fathering within the framework of these stages, we highlight: 1) the stage of designating fathering - the formation of ideas about fathering, a stereotypical idea of fathering before the pregnancy of the wife; 2) the stage of understanding fathering, rethinking the available knowledge and ideas about fathering during the waiting period of the child; 3) the stage of value awareness of fathering in paternal practices after the birth of a child (practical stage) - the implementation of fathering strategies after the birth of a child.

The first step can be defined as the step of designating fathering. It begins with the birth of a boy until he receives information about the pregnancy of his wife (partner). The formation of stereotypes about fathering occurs in the process of interaction with their own parents. Modern determinants of the organization of public opinion are the media, which form a stereotype of "proper life," "correct" aspirations and values, including the value of sexual relations, the importance of close relationships, an "ideal" family, and the need for children.

This period covers the four first stages of male gender socialization (parapubertat, prepubertat and pubertat and transition). It is at this time that the personal and value prerequisites of fathering strategies are formed. Intrinsic, primary to external, characteristics of fathering strategy value characteristics, individual responsibility, acceptance of the gender role and even model of paternal practices, based on interaction with the father, are formed during this period [83, p. 103-104].

According to L. S. Vygotsky, the values of individuals are formalized in the "psychological system" during the early youth age. However, the basis for the development of this system is laid in the period of preschool childhood [194], when the beginnings of values that arise and manifest in concert with the development of the individual begin to appear, and which S. S. Bubnova [97] calls "values ideals." D.V. Kashirsky and O. S. Bezuglyak believe that their appearance falls on a period of 6-7 years and is associated with a crisis of seven years [194]. These are some priorities associated with hierarchical motives [246], which are gradually developing into a system of values by early adolescence.

In this regard, the ideas expressed by V. E. Klochko [201] about the dynamics and relationship of the concepts of "meaning," "meaning" and "value" are valuable to us. The meaning is initially determined by explaining an adult to a child, discussing with an adult the meaning, the child forms his own meaning of this concept, which can then be declared to any other adult as a value. This logic is also characteristic of the formation of the value of fathering, since initially, in interaction with an adult, thanks to his explanations, assessments and the models he demonstrates, the meaning of the concept of fathering is determined, which is understood a little later, so that then as a value determine the behavior of a person.

In addition, the prerequisites of personal maturity are also formed in childhood. So, in the preschool period, the prerequisites for maturity are: at the level of the individual (health), personality (sexual identification, relations in the children's team) and the subject of activity (playing activity, readiness for school education), adaptation is the procedural criterion for maturity.

In addition, it is important for us that the moral development of a preschool is the basis for the formation of individual responsibility. However, the younger school age is a positive period for the formation of responsibility. At the same time, the most important point in the manifestation of responsibility is teaching. So, M.V. Matyukhin and S.G. Yarikov determine the following criteria for assessing the responsibility of younger schoolchildren: manifestation of independence in the lesson and in the process of preparing homework; positive attitude towards teaching and teacher requirements, ability to plan and organize their educational activities; ability to give an adequate moral assessment of one's behavior [269]. A student with a high level of responsibility is able to critically evaluate both his attitude to study and behavior, understands the social significance of teaching, knows how to recognize his mistakes, correctly understands the causes and consequences [270].

Thus, it is legitimate to speak of the development of responsibility as one of the characteristics of the maturity of the individual, which determines the strategy of fathering, starting from a very early age.

It is the responsibility towards one's own health in relations with a sexual partner, taking responsibility for its sexual behavior, responsible attitude to the choice of the marriage partner, to the family, marriage and birth of children, that is the criterion for the constructive fathering strategies implemented by the person in adulthood.

In the younger school age, the following prerequisites for maturity can be distinguished: at the level of the individual (health), personality (sexual identification, building social relations) and the subject of activity (academic performance, arbitrariness self-discipline, arbitrariness of behavior, independence, responsibility), the procedural criterion of maturity is adaptation.

In adolescence, the prerequisites for maturity are: at the level of the individual (health, physical maturation), personality (sexual identification, building relationships with peers and parents) and the subject of activity (academic performance, arbitrariness of self-discipline, arbitrariness of behavior, independence, responsibility), the procedural criterion of maturity is adaptation. For youth, the prerequisites for maturity are: at the level of the individual (health, physical maturation), personality (choice of

further path, professional and personal self-determination, sexual identification, building relationships with peers and parents) and the subject of activity (academic performance, self-discipline, arbitrariness of behavior, independence, responsibility), the procedural criterion of maturity is adaptation, self-determination.

Thus, the formation of value orientations and prerequisites for the maturity of a person occurs in the process of socializing the person and is associated with a specific social situation of personal development.

This postulate has long been known and used in pedagogy. So, V. A. Sukhomlinsky, following A. S. Makarenko, attached great importance to a specially organized educating society, including a family, school and public organizations in contact with the child, and allowing to form a certain system of personal values [397].

These ideas can have wide practical application in the context of working with fathering: not denying the activity of the person himself, but given a certain social determinity of the value sphere of the person and the pedagogical capabilities of the family, we can talk about the need to create special conditions for the formation of the value-meaning side of fathering. Such conditions can be created within the framework of a family-educational environment.

So, on average, by the age of 18-23, the main ideas about fathering characteristic of this period are formed: young people are going to have children in the future, but not now, they consider it necessary to plan for the birth of children and consider this as a prospect only after a few years (from 2 to 5), they treat children positively, but do not communicate often, they believe that with the birth of a child a man has a great responsibility. Accepting social stereotypes of our time as their own opinion, they believe that the father for the child is a role model, educates physically and spiritually, socially supports, gives a sense of self-confidence, protection.

In our study, which was conducted in March - April 2002 in the city of Kemerovo [83, p. 102-106], married couples (including during the waiting period of the child) and men without children took part. Men without children distinguish the following qualities of an ideal father: responsibility, benevolence, love, care, recognition of the

child as a valuable creature, justice, discipline, honesty, determination, interest. Subjects rate themselves on the "perfect father" scale by 80%.

The second stage is the time of understanding fathering during the waiting period of the child. It begins from the moment when the man found out that he would be a father to the beginning of interaction with an already born child. This is a period of harmonization of internal and external characteristics of fathering strategies. This is due to some duality, ambiguity of the fathering strategy during this period. The very moment of reporting pregnancy and awareness of the fact of the reality of the child are spaced in time. Responses to reporting pregnancy may vary depending on many factors, including male intentions, relative to a particular woman, material, social, and other types of willingness to accept responsibility for future life. Even when the decision on the birth of a child is made in advance, and is the result of the design of the need-emotional and value sphere of fathering, expressed in the desire to have a child, the news of pregnancy can cause difficult experiences. According to our data, 60% of the subjects surveyed during the pregnancy of their wife replied that they had experienced joy, 40% - anxiety, while the child was desirable in all cases.

In the course of our study, it was found that most women for the first time feel like mothers during pregnancy, men - after the birth of a child, with whom in the prenatal period a man has no such connection as a woman, respectively, changing her attitude to herself, forming a relationship to the child, accepting a new role of the father - a complex and multifactorial process. This difficulty is due to the woman's greater involvement in communication with the child before birth and in the first months after childbirth. Pregnancy of a wife for a man means restriction of desires, restructuring of plans, immersion in numerous household affairs. As such, a man's ability to bear the loss of attention to himself and, at the same time, give it to others without receiving immediate satisfaction, can be indicative of how good a father he can be. According to A. N. Drusilova and I. S. Baklushansky (given in 210), the turning point in the formation of a feeling of fathering, as well as the emergence of possible problems, is the middle of pregnancy, about the fourth month when a woman has a stomach, her position becomes clear, and the child becomes "material," more real.

The pregnancy of his wife poses a difficult task for a man - to provide psychological support to his wife, to take on most of the external problems, creating a protective barrier between the woman wearing the child and the rest of the world. How the future father behaves, on a case-by-case basis, will depend on many factors. The main ones are his personal warehouse, maturity of attitude to the family, a conscious assessment of the difficulties that arise, the ability to cope with them and relationships with his own mother and father. One of the strongest experiences is the fascination with the ability of a woman to generate something new from herself, to give life. Together with breastfeeding, when the mother seems to saturate herself, this causes men to feel the greatest power of the woman, and, on the other hand, as K. Horney wrote [437], a sense of her own insignificance, imperfection. This can provoke an excessive passion for work, other women or something else, which leads to the future father missing the opportunity to establish contact with the child. Another important problem is that the pregnancy of a wife actualizes the images of motherhood that a man developed many years ago. Thus, the real history of relations with the mother is very important: how much care, trust, and awareness of the children's separate interests were present by the mother - how multidimensional and positive the image of the woman and mother developed in the man. A wife's pregnancy can "push" a man with a long-standing childhood relationship with his mother and provoke various reactions, including, not the actions of an adult in response to real difficulties, and the child's response to the mother [257] The reasons for this may be related to the parent family of such a man [459], specific problems of value-sense orientations in the period of early and middle adulthood [372], lack of personal readiness for responsible fathering [316], problems of relationship with own father [344].

To all this is added the feeling that the child will take the place of a man in the life of a woman, the woman becomes self-sufficient and receives everything she needs from the child. The fear of being unnecessary becomes one of the most powerful experiences of this period. Fear of dramatic changes in life and loss of freedom of maneuver in relations may even be the reason for unwillingness to have a child [71, p. 97-105].

It is important to note that although these fears may not be recognized, they affect the behavior of a man. Later, problems arising during pregnancy lead to disruption of relations in the father-child diet, and sometimes to problems in the family. The father can abandon his existential, socializing role if no feelings arose in the early stages of the child's development, and will only turn into a source of material goods. A man can perceive a child as obliged to love his parents and without a close emotional connection only because they are the parents of the child. Accordingly, he will not seek contact with the child. Then there are problems with the methods of education, for example, the use of force. A man may also refuse to communicate with a baby, I motivate this with the age of the child, while losing the possibility of establishing contact with the child. This can be influenced by the attitudes of the mother and her desire to remove her husband from the child, then communication with a more adult child will be broken.

Also, a man who has not developed a bond [643] may be jealous of his wife for the child, this attitude will further contribute to the removal of the father from the child and leads to various family problems [221]. For a woman, pregnancy is a period of preparation for communication with the child after birth, this preparation occurs through direct physiological changes of the woman's body, changes in her value and meaning sphere of personality during pregnancy.

According to psychoanalysts in the period preceding childbirth, changes also occur in the emotional sphere of a woman, which is expressed in such protective reactions as: regression, displacement, infantilism. G.G. Filippova cites data that a woman during pregnancy becomes more dependent on outside help, shows dependent behavior that provokes patronage and leniency. Even in pregnant females of primates, infantile features of appearance and behavior are noted: changes in body proportions, clumsiness of movements, impulsivity, "childhood" intonations in the voice. This stimulates the manifestations of patronage of the group in animals. In humans, these changes are also temporary and, among other things, are a protective mechanism that allows you to prepare for such a complex and responsible event as childbirth.

In the course of our study, data were obtained that allow us to conclude that, that emotional reactions of the woman not only are the protective mechanism, but also start

in the man - future father - the aspiration to care and sponsor and show those feelings and responsibility in relation to the pregnant wife, which he will then show towards the child, which allows us to talk about, that, in all likelihood, preparation for communication with a child in a man during the waiting period of the child still occurs and occurs indirectly, through a woman.

It is interesting that 70% of men surveyed during the pregnancy of their wife believed that they felt paternal feelings for the first time after moving the child, but the same men interviewed after the birth of the child believed that this happened after the birth of the child. This suggests that before communicating with a child, even the slightest interaction with him is crucial to realizing his existence for a man. From it begins the formation of paternal practices, as external manifestations of the fathering strategy. The ideal father's criteria are the same as those of the first group with no children. However, men - future fathers could not rate themselves on the scale of an ideal father. Thus, there is a mismatch in the theoretical stereotyping of what the father should be and their practical application. The difficulty of self-esteem suggests that the process of self-awareness by the father is in development, is not completed.

So, the first two stages are the period of preparation for communication with the child - the period of formation of psychological readiness for fathering. Theoretical ideas about fathering are formed in society from the beginning of a man's life, then they change, refracting through their own experience of communicating with an unborn child through a wife and transformations, changes in self-consciousness, self-esteem and images. This process is very complex and easily disrupted when the wife rejects or social problems of the future father, such as lack of material resources, constant work, etc. Most studies confirm the specific vulnerability of fathering to environmental influences: such as the difficulties of recognizing legal fathering and the greater impact of unemployment on fathering than on motherhood. Men who are exposed to financial crises often relinquish their father's economic and psychological responsibilities, partly as a result of fathering's vulnerability to success in the external environment. Many men experience increased anxiety and responsibility for the financial situation of the family, this leads to the desire to work harder to provide for the family, but can cause a feeling

of loneliness among the wife. Others, on the contrary, pretend that nothing happens that you should worry about. Such men believe that the birth of a child is a normal physiological phenomenon and are irritated by the manifestations of nausea, fatigue, placity. In this case, women do not feel supported and understood. G. Dick-Reed believes that this period requires her husband to understand, tolerate and be selfless towards her wife in order to correctly assess her thoughts and behavior during pregnancy [145]. That is, a man finds himself in a situation of increased requirements, it is believed that this period is a period of verification of readiness for fathering. Nevertheless, this period is important from the point of view of forming an attitude towards the future child and his own position in the family.

The third stage of the value awareness of fathering is the period of implementation of the internal and external characteristics of fathering strategies. The beginning of this period is critical in terms of the occurrence of bonding - the connection of a man with a born child. However, the child does not always cause an emotional response from the father. It is much more difficult for a man than a woman to perceive a child as a continuation of himself. A woman prepares to communicate with a child long before his birth and during childbirth. During pregnancy, the woman has a new sensory experience, the process of spiritual acceptance of the child begins. The man is excommunicated, so the feeling of fathering, emotional response, perception of the child is difficult [210]. A woman changes during pregnancy, she can resort to protective "regression," in the terminology of psychoanalysis, which involves childhood emotional reactions in a collision with adult problems. While future fathers tend to rationalize and schematize threatening experiences. Such a difference is associated with traditional ideas about masculinity, which are inspired by boys, not welcoming fixation on feelings and experiences, and contain guidelines for cold-blooded deliverance from them (suppression, displacement). This leads to men suppressing manifestations of feelings, including feelings for the child.

In the study of P. A. Popova [332], some aspects of accepting the role of the father by a man were highlighted: respect and attachment to the father by the mother - only in such a situation, P.A. Popova believes, a man can prove himself as a father and

teacher; the peculiarities of the man's parental family and his relationship with his father; an important factor is the age of a man (not too soon, when there is a danger of frivolity towards fathering and not too late, when responsibility for the fate of children may frighten), that is, personal maturity; participation of the father in communication with the child before birth and during infancy; the participation of the father in childbirth, since the pregnancy of the wife is the first test of a man's real readiness for the appearance of a child, which for many years becomes the main reference point of the family and requires attention, strength and energy. To a large extent, this means limiting desires, restructuring plans, immersion in numerous household affairs. As such, the ability of a man to bear the loss of attention to himself and, at the same time, give it to others without receiving immediate satisfaction determines how good a father he can be. A turning point in the formation of a feeling of fathering, as well as the emergence of possible problems, is the middle of pregnancy, about the fourth month when a woman has a stomach, her position becomes obvious, and the child becomes "material," more real. In this regard, it is important that preparation for the paternal role allows a man to take this role more consciously.

Such ideas are characteristic not only for domestic psychology, but also for American colleagues [532; 561; 610], which have strong support in the country's political circles, for example through the Healthy Marriage and Responsible Fathering Initiative [670; 671].

The main idea of foreign colleagues is that given the great importance of paternal upbringing for the harmonious development of the child's personality [544; 641], great difficulties in building a relationship with a child in a non-resident (not living in the same household as the child) father [475; 513], as well as the fact that in the case of a registered marriage, the marriage relationship itself determines the social situation of the child's personality development (O. Erel, B. Burman [540], E. M. Cummings, P. Davies [526], I. Gordon, R. Feldman [565]) and even the specifics of the interaction of parents with the child [619], and marital conflicts lead to multiple problems of children, including cognitive problems [653], deviant behavior [529] and even social achievements in adulthood [561], the creation of programs to create the value of healthy

marriage and fathering among men is socially, politically and psychologically justified. That is, measures such as the promotion of a healthy lifestyle, a healthy marriage, "responsible" fathering, the opening of fathers' care centres are justified by that it is much more economically profitable to educate "responsible" parents, and above all, fathers who create the basis for financial and psychological stability in the life of the child, Instead of financially supporting single mothers, paying benefits to orphans and young mothers, pay for the stay of children in orphanages, fight teenage crime, To maintain prisons for juvenile delinquents and to solve other problems which in one way or another relate to the absence of paternal education in the family [532; 670].

W. Doherty believes that the difficulty of compiling psychological support programs for the family, on the one hand, owing to the fact that such programmes cannot be widely disseminated without appropriate policy programmes to improve the demographic situation, and on the other hand, the main emphasis of these programmes should be on: to reflect the multiple areas of fathering, the different domestic and marital circumstances of fathers, and a multitude of personal relationships and environmental factors that affect what a man's father is. That is, such programmes should involve mothers in helping the father, especially for unmarried fathers; Promote joint parenthood within and outside marriage; Draw attention to critical periods in family life, such as childbirth and parental divorce; Ensure that fathers can learn from other fathers; and promote the viability of marriage based on shared care, devotion and interaction [532]. Some developers of such programs try to convey an interesting idea to men that every time a man maintains a conflict with his wife, does not try to solve it constructively, he risks the future of his child, since marital conflicts worsen the situation of the child's development [574] and increase the risk of divorce, adversely affecting the life and development of the child [618].

Among our subjects - fathers of children aged 4-7 years - 90% felt like a father after the birth of a child, and 10% - after 6-7 months. 30% imagined their future child during the pregnancy of their wife. They believe that during the pregnancy of the wife there was a great concern for the wife, responsibility, and after the birth of the child - domestic problems. 60% experienced joy and pride when they first saw the child, 20%

experienced fear, confusion and 20% experienced mixed feelings. Unlike men during pregnancy, who have a negative attitude towards joint birth, 100% of fathers view the father's participation in childbirth positively, but none of the subjects has such experience. The father, in their opinion, brings up rationality in the child, normal development conditions, aesthetic, moral development. It is noteworthy that the average score of fathers themselves on the scale of "perfect father" is 50%. Thus, real practical interaction with the child leads to a more realistic assessment of one's own behavior.

Thus, the formation of psychological readiness for fathering is a complex multi-stage process, which is influenced by various factors, including biological, social and personal. The formation of a fathering strategy is interconnected with the development of the father's personality from a very early age, and many components of the formation process are poorly studied and data on the determination of their development are contradictory, and only further study of the ontogenesis of fathering will allow us to answer the questions facing science. The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

Conclusions

Thus, we determined that the formation of psychological readiness for fathering is determined by both biological and social factors. In addition, personal factors become essential for becoming ready for fathering: the processes of personality development in ontogenesis: personality experience, the formation of value orientations and the achievement of personality maturity, self-regulation and reflection.

In the process of developing a psychological readiness for fathering, we highlight several stages: The first stage of the development of psychological readiness for fathering begins from the birth of a boy to the planning of the birth of a child or the moment of obtaining information about the pregnancy of his wife - the stage of the

designation of fathering, which includes the formation of gender stereotypes about the male role in general and fathering in connection with it, which occurs in the process of interaction with their own parents, peers, society. The second stage is the time of understanding fathering during the waiting period of the child. It begins from the moment of planning the birth of the child to the beginning of interaction with the already born child. This is a period of coordination of ideas about fathering with the real living conditions of the person. The third stage, beginning after the birth of the child - the period of value awareness of fathering - the period of implementation of the previously formed psychological readiness for fathering as part of the fathering strategy.

At the same time, the formation of prerequisites for psychological readiness for fathering, which form the basis of the axiological component (for example, gender identification and value orientations of the person), as well as the reflexive-regulatory component (self-regulation, prerequisites for the maturity of the person), occurs in the process of personality socialization, starting from the preschool period, and is associated with a specific social situation of personality development.

Considering that a person's value orientations are related to personal maturity through such characteristics, as responsibility in various fields of activity, emotional maturity, self-control of behavior, autonomy, adequacy of self-expression, high level of realization, adequacy of purpose, self-regulation and reflection of personality, it can be said that in the period of adulthood when realizing the formed readiness for fathering in practice, maturity is the most important parameter, determining parental behavior, because only a formed personality becomes a subject of free, independent and responsible behavior in society.

Thus, the intrapsychic axiological component of the fathering strategy finds its implementation within the framework of the extrapsychic praxiological component of the fathering strategy indirectly through the interacting interpsychic reflexive-regulatory component, including reflexion (self-knowledge, autonomy, reflexivity and empathy), self-regulation (defined by characteristics such as: flexibility, spontaneity, emotion, self-control, labor, self-control.

At the same time, the psychological effects of implementing constructive fathering strategies are manifested in the development of the personality of the male father and his child, as well as in maintaining the well-being of married relations in the family. In this regard, it is legitimate to speak of the need to create special conditions for a family-educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering.

CHAPTER 3. INTRINSIC CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING AT DIFFERENT AGE STAGES

3.1. Organization and methods of research

In accordance with the purpose and objectives of the study, as well as to test the hypothesis, we planned and conducted an empirical study of the meaningful characteristics of psychological readiness for fathering at different age stages.

The experimental study was conducted between February 2001 and June 2017. In total, 1654 people took part in the study, of which 1167 were men of various ages, 487 women in adulthood, 189 married couples. All subjects are Russian-speaking residents of the Russian Federation, mainly Kemerovo (the cities of Kemerovo, Novokuznetsk, Topki, Berezovsky, Yurga), Tomsk (Tomsk) and Novosibirsk regions (the cities of Novosibirsk, Berdsk, Bolotnoye, Iskitim), Krasnoyarsk Territory (Krasnoyarsk), as well as Omsk, Leningrad Regions, Kur.

The study was conducted in several stages:

I. Preparatory phase February 2001 - March 2013, including the formulation and justification of the problem, its theoretical and methodological analysis; definition of a scientific apparatus, planning of a pilot study, development of a research programme; definition of its methodological and methodological principles, selection and testing of research methods: questionnaires in three versions: for men without children (option A), for men during pregnancy (option B), for fathers (variant C), "The Scale of Paternal Attitudes of J. Plek," "Questionnaire of Parental Identity," created in 2001 by a team of authors led by J. Plek (J. Pleck) and the Pre-School Activities Inventory (PSAI) methodology in the Russian-language version of the Cambridge Questionnaire of Gender-Typical Behavior of

Preschoolers, created in 1993 by the University of Cambridge Psychometric Center. 1224 people (738 men, 456 women) took part in the testing of the methods, of which 158 married couples [493].

The development of a questionnaire in three versions: for men without children, for men during the pregnancy of their wife, for fathers was carried out as part of an aerobatic study (April - August 2002). The number of subjects is 25 people, men aged 18-59 years (average age - 31 years), among them - 34% students, 32% workers, 34% entrepreneurs and employees; 39% with higher education, 51% with one or more children. The sample was formed randomly. The result of the processing of the obtained data was the correction and clarification of the questions of the questionnaires of the two options [71, p. 272-276].

Due to the fact that in modern Russian conditions, the empirical study of fathering or its components presents a certain difficulty due to the limited range of questionnaires studying fathering, as well as the fact that foreign researchers have a whole block of questionnaires specially developed for the study of fathering, the following methods have been translated and adapted: Father Involvement Attitude Scale (FIAS), in the Russian version of J. Plek's "Scale of Paternal Installations," Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) in the Russian version of the "Bryitai Parental Identity Questionnaire" and Inventors of the Typical Psychosocial Survey. 1224 people (738 men, 456 women) took part in the testing of the methods, of which 158 were married couples. All subjects have children. The average age of men is 31.9 years, women 30.7 years. Among the subjects - 4% students, 39% workers, 51% - entrepreneurs and employees, 5% - heads of enterprises and institutions 1% - unemployed; 44% of those with higher education (of which 1% has a degree), 54% have secondary special education, 2% have a lower than secondary education. The sample was formed randomly. The result of processing the obtained data was an assessment of the validity of the methods set out by the author in article [63, pp. 34-37].

III. The experimental stage (November 2002 - March 2017) was carried out in accordance with the model of formation of fathering strategies and the hypothesis developed by us in the process of theoretical analysis of the phenomenon and included

the ascertaining stage of the study and the forming experiment, which includes a longite study.

II. 1. The ascertaining stage of the study took place from November 2002 to March 2015, included a study of the psychological specifics, laws of fathering strategies, refinement of the scientific apparatus; studying psychological and pedagogical conditions for the formation of fathering strategies, building a psychological and pedagogical model for the formation of constructive fathering strategies in different age periods, identifying criteria for assessing its effectiveness. The study involved: 1. Boys of pre-school age - 84 people, the average age of which is 5.3 years, of which 44 are children from a Two-parent Family; 40 from an incomplete family; 2. boys of primary school age - 45 people, the average age of which is 10.1, of which 33 are children and Two-parent Families, 12 are from an incomplete family; 3. Adolescent and youth boys of 64 persons, with an average age of 16.1 years, 32 of them from a Two-parent Family and 32 from an incomplete family; 4. men in early and middle adulthood (974 of them are 49 men without children and 925 men with one or more children). Both groups were equalized by age (average age of men with children - 29.7, men without children - 29 years) and social characteristics - mainly the subjects are employees (74% in the first group, 71% in the second), students (6% and 8%, respectively), entrepreneurs (21% and 19%, respectively), temporarily unemployed (3% in each group) with higher (49% and 52%, respectively), secondary and secondary special education (51% and 48%, respectively). The sample was formed randomly. The results were statistically analysed to identify the characteristics of fathering strategies of different groups of men. A total of 1,167 subjects participated in the study at this stage.

II. 2. The formative stage of the study (December 2002 - April 2017) is described below.

III. A synthesis stage involving the processing of the obtained data, their correlation with the stated goals, study hypotheses, analysis, synthesis and interpretation of the results, formulation of conclusions and recommendations, their implementation into practice.

The planning of the study was carried out in accordance with the set goal, put forward by the hypothesis and taking into account the stage of theoretical analysis of the insufficient development of this problem in modern psychology, which can include: the lack of research into the meaningful characteristics of psychological readiness for fathering at different age stages, the small development of methods for the study of fathering, the lack of development of the problem of the formation of psychological readiness for fathering in modern Russian conditions.

Methods and Techniques

When choosing methods, we focused on the methodological basis of dissertation research and based on the following considerations:

1. Guided by a systematic approach to personality and aiming to develop a holistic idea of psychological readiness for fathering, including the acceptance of the paternal role, the maturity of the individual, responsibility, the value of fathering, the value attitude towards the child and the cooperative attitude towards the spouse, as a partner of parenthood, given that the constructiveness of strategies is interlinked with the maturity of the individual, Accepting its gender role, responsibility and value of fathering at different age stages, as well as the model of formation of fathering strategies developed by us on the basis of theoretical analysis of the phenomenon, we intend to highlight these components of fathering strategy for further study of their effects and peculiarities of formation. To do this, standardized interrogation methods were used to identify the content of the characteristics of psychological readiness for fathering.

2. Based on previous studies [71], we believe that the characteristics of the psychological effects of implementing constructive fathering strategies, such as: responsible fathering (child birth planning, legal status, emotional, physical and financial participation in the life of the child, formation of axiological, reflexive-regulatory components of fathering strategy, as well as positive paternal practices, positive interaction with the spouse in the framework of the implementation of parental functions, positive parental attitude, can be determined using standardized

psychological methods, a specially developed questionnaire, as well as in-depth interviews.

3. Guided by the provision that the formation of psychological readiness for fathering occurs in the process of personal development in connection with the formation of a gender role, value orientations and components of the maturity of the person for a long time from the period of preschool childhood, we believe it is necessary to distinguish four groups of subjects divided by age criterion: preschoolers, junior schoolchildren, adolescents and young men and adults.

4. Based on the provision that the formation of psychological readiness for fathering begins with the preschool period, in the preschool and junior school periods we highlight the prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering, which in early and late adolescence are formalized into meaningful characteristics of components of psychological readiness for fathering, which transform into components of the fathering strategy when interacting with the child.

5. Taking into account the fact that, according to our theoretical study, different family and pedagogical conditions (full/incomplete families, participation/non-participation of the father in the life of the child) can be significant in the process of developing psychological readiness for fathering, we identified within the age groups of subjects with different conditions of personality development (children and adolescents from Two-parent Families, children and adolescents from incomplete families (one mother) families, children of fathers participating in training work on the formation of constructive fathering strategies, men who grew up in a full and incomplete family).

6. It is possible to ensure the reliability of the results only with careful and accurate statistical processing. To increase the reliability of the results of the study, statistical processing was carried out using the computer programs Statistica for Windows 8.0, STATISTICA 10.00, SPSS for Windows 1999/v. 10.05 and EXCEL.

The set of techniques we used included:

For the diagnosis of preschool children:

1. Study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview by V. E. Kagan) aimed at studying the gender attitudes and perceptions of children about the

differences between boys and girls, the attitude to their parents, the constancy or temporality of differences between the sexes. The methodology includes 12 questions, including a request to draw himself. We used a modification of this technique, evaluating the overall result according to the scale: correspondence of the child's gender representations with 2 points, partial correspondence with 1 point, complete discrepancy with 0 points.

2. "Cambridge Questionnaire of Gender-Typical Behavior of Preschoolers" (Russian-language version of the English-language questionnaire "Pre-School Activities Inventory (PSAI)," created in 1993 by S. Golombok and J. Rast [562; 563; 88, pp. 92-98] at the University of Cambridge Psychometric Center. The questionnaire is intended for parents of a child (2.5 to 5 years old) who are asked to assess how often a child played with said toys, how often he showed said behavior and showed certain qualities, choosing one of the following answers "never," "almost never," "sometimes," "often," "very often." The result is calculated by the following formula: SB = 48.25 + 1.1 x (∑muzhskikh questions - ∑ women's questions), where SB is a raw score. Men's questions: 1, 3, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 20, 21, women's questions: 2, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 16, 18, 22, 23, 24. For conversion to standardized scores (STEN), the age adjustment is taken into account: For boys: STEN = SS 1.075 - age x 0.177 + 0.88; and for girls: STEN = SB x 1.026 + age x 0.218 - 8.33, where STEN - a score standardized by age, SB - raw points of the methodology, and the age of the child is indicated in months. The result is evaluated taking into account the following parameters: the higher the score, the more masculine is the behavior of the child. Moreover, the average norm for boys is 60 ± 10 points, for girls 40 ± 10 points. The results of testing the methodology are published by the author in the following article [88, pp. 92-98].

3. The diagnostic technique "Plot pictures" (a modified version of E.O. Smirnova, R. R. Kalinina) was used to identify the moral norms of preschoolers [187]. Stimulus material is pictures containing moral norms polar in their characteristics: 1) "kindness-greed" (the boy treats everyone with candy from the box, smiles, the girl covers all the toys with her hands from the children around her), 2) "responsiveness-indifference" (a little girl cries, another - comforts her, the expression of the second girl's face is

sympathetic, one boy cries over a broken machine, the other showing a finger laughs at him), 3) "friendly-conflict" (children play together together on a carpet, two children take away a toy horse from each other), 4) "neatness - lack of accuracy" (the girl combs in front of the mirror, the girl in a dirty dress, unscrewed breaks sheets from the book.), 5) "courtesy-inattention to adults" (the child offers the woman a chair, she smiles, the grandmother sits sad, holds on to her head; the boy plays the drum, laughs).

The study is carried out individually with the following instruction: "Spread the pictures so that on the one hand there are those on which good deeds are drawn, and on the other hand there are bad ones. Lay out and explain where you will put each picture and why. " The child should give a moral assessment of the actions depicted in the picture, which will reveal the attitude of children to moral standards. Special attention is paid to assessing the adequacy of a child's emotional reactions to moral norms: a positive emotional reaction to a moral act and a negative emotional reaction to an immoral one. When presenting pictures with a child, a conversation is held, the results are processed depending on the child's choice: 0 points are assigned if the child incorrectly puts out pictures (pictures depicting positive and negative actions add together), emotional reactions are inadequate or absent; 1 point is assigned if the child correctly arranges the pictures, but cannot substantiate his actions, emotional manifestations are not expressed when assessing actions; 2 points are assigned if correctly laying out pictures, the child justifies his actions, emotional reactions are adequate, but poorly expressed; and 3 points are awarded if the child correctly selects the actions of children, justifies his choice, calls the moral norm, emotional reactions to the actions of the heroes of the situation are adequate, bright.

4. Diagnostic technique of preschool maturity and self-regulation: diagnostic game "Assistants of the good wizard" O. I. Barchuk, M. R. Bityanova [53]. The diagnosis of the maturity of a preschool, proposed by the authors, is interesting in that it is carried out in playing activities when children are given various tasks, which makes it possible to significantly facilitate the situation of diagnosis for children. Analysis of the results is carried out according to the following parameters: the development of thinking, the development of the ability to imagination,

the development of arbitrariness, the motivational sphere (independence), the development of self-consciousness and game activity. During the game, the following manifestations are recorded: child emotions, auditory and visual attention, coordination of movements, small motor skills, speech development, imagination, features of thinking, memory development, arbitrariness of behavior and communicative skills, as well as level of claims and self-esteem. The maximum number of points that a child can receive is 51, while a set below 50% of the possible number of points (0-25 points) is typical for children with low preschool maturity; children who received 50-75% of the possible number of points (26-37 points) are characterized by average preschool maturity; and children who received 75-100% (38-51 points) are characterized by high preschool maturity. The author of the technique believes that the results of the diagnostic game correlate with school performance and adaptation to school in the first grade [53].

We also used personal data on the age, field and family of the child.

For the diagnosis of children of primary school age:

1. The study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V. E. Kagan) is described above.

2. Modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya). This methodology for the study of marital relations, published in 1987 [15], is intended to study the idea of the spouses about the role structure of their family, revealed through seven main intra-family roles that most fully characterize the modern family: raising children, the emotional climate in the family, material support for the family, organization of entertainment, the role of "owner," "mistress," sexual partner, organization of family subculture. We selected questions regarding children's ideas about the role of parents in such areas as: parenting, the emotional climate in the family, the material support of the family, the organization of entertainment, the role of the "owner," "mistress" and the organization of the family subculture. In the text of the methodology for primary school, questions were reformulated from affirmative to questions about the position or correctness *of behavior as follows: instead of the words "wife," "husband," the words "mother," "dad" were*

used. So, for example, to the question "Who in your family plays with small children?" The initial answers "A) Mainly wife," "B) More often wife, but also husband," "B) More often husband, but also wife," and "D) Mainly husband," were reformulated into options such as: "Who in the family should play with small children?" "A) Mainly mom," "B) More often mom, but also dad," "B) More often dad, but also mom," and "D) Mostly dad."

3. *Questionnaire with modified self-assessment of gender qualities* based on Dembo-Rubinstein self-assessment methodology. According to the instruction, the child, having completed the table, needs to name five qualities of a real man, evaluate himself and his father by these qualities. We evaluated the allocated qualities themselves, as well as the average score for the allocated qualities.

4. *Drawing yourself.* According to the instructions, it was necessary to draw yourself. We evaluated 1) the structure of the drawing; 2) graphic features; 3) drawing process. The image corresponds to the sex and age of the author of the drawing, the presence or absence of gender characteristics of the image corresponding to or not corresponding to the sex of the child is evaluated. Analysis of the features of graphic features can give information of a large range: about the "I-image" of the child, his sexual identification, etc. Attention was drawn to the following elements of graphic presentations: 1) the number of body parts. Are the head, hair, ears, eyes, pupils, eyelashes, eyebrows, nose, cheeks, mouth, neck, shoulders, arms, palms, fingers, legs, feet; 2) decoration: hat, collar, tie, bows, pockets, belt, buttons, hairstyle elements, complexity of clothes, jewelry, patterns on clothes; 3) the number of used colors (if the figures are made in color). The absolute size of the shapes can also be informative. Large figures occupying the entire sheet draw impulsive, confident, dominant children. Very small figures are associated with anxiety, a sense of insecurity. In children of primary school age, two different schemes for drawing individuals of different sexes are already distinguished in the drawings [283, p. 400].

5. The methodology "Diagnosis of moral motivation" was developed by the Laboratory for the Education of Moral and Ethical Culture of the State Research Institute of the Family and Education of the RAO and is a description of four situations in which it is necessary to choose a behavior option suitable for the child's opinion. The

result is rated 0-1 low level of moral motivation of behavior, 2-3 points average level of moral motivation of behavior, 4 points - high level of moral motivation of behavior.

6. The methodology "Study of the direction of responsibility" by M.V. Matyukhina, S.G. Yarikova [270] was designed to study the internality or externality of the focus of personal responsibility and the self-regulation of a junior student. Children are offered 10 specific school situations related to the failure of students to comply with teacher's assignments or school rules of conduct due to the fault of the student himself or for an external reason. Children, describing the proposed situations, choose one of the options for explaining the reason for their behavior. To calculate the results, the answers are determined and counted, indicating the subjective and objective cause of the incident. A maximum of 10 points can be scored, while the external focus of responsibility is characteristic of the child when recruiting up to 5, the international focus of responsibility is determined when recruiting from 5 to 10 points.

7. Diagnosis of personal growth of P.V. Stepanov, D.V. Grigoriev, I.V. Stepanova [388]. We used a modification of this questionnaire, since initially the questionnaire is intended for students in grades 5-8 and contains 91 statements to which you need to express your attitude, assessing the degree of consent (or disagreement) in points from "+ 4" to "-4." We conducted a questionnaire for students in grades 3-4, reducing the number of scales to 7, and, accordingly, reducing the number of questions. As a result, we received data on the following scales: 1) The nature of the student's Attitude to the family, 2) The nature of the student's relationship to the world, 3) The nature of the student's relationship to work, 4) The nature of the student's relationship to knowledge, 5) The nature of the student's relationship to the person as such, 6) The nature of the student's relationship to his body, 7) The nature of the student's relationship to his inner world, his soul.

We also used personal data on the age, field and family of the child. The method of expert assessments was used to diagnose the behavior of the child. Teachers were presented with diagnostic results, and they rated the coincidence of behavior with the results on a 100-point scale.

For the examination of adolescents and boys:

1. *The modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina,*

L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya) is described above.

2. The questionnaire "I am a woman (man)" (L. N. Ozhigova) was created to study self-esteem compliance with the gender stereotype. It is 9 unfinished sentences (for example, "I am a man, because..."), which must be completed in accordance with their own ideas. The result is estimated based on the points scored: at 19-27, the person characterizes himself as corresponding to a gender stereotype; with 10-18 points, the individual is poorly aware of his own gender characteristics; when gaining 9 points and less, the person characterizes himself as not corresponding to the gender stereotype.

3. *A questionnaire with modified self-assessment of gender qualities* is described above.

4. *The self pattern* is described above.

5. The first and fourth scales of J. Pleck's Parental Identity Questionnaire are described below.

6. The test questionnaire of personal maturity of Yu. Z. Gilbuch is described below.

7. The methodology "Acceptance of Responsibility" by V.P. Pryadein is described below.

8. The questionnaire of terminal values (OTEZ) of I. G. Senin is described below.

9. The method of diagnosing the level of development of reflexivity of A.V. Karpov is described below.

We also used personal data on the age, field and family of the child. The method of expert assessments was used to diagnose the behavior of the child. Teachers were presented with diagnostic results, and they rated the coincidence of behavior with the results on a 100-point scale.

For adult examination:

1. The D.A. Leontiev Test of Meaningful Orientations (LSS) is an adapted version of the test of J. Crambo and L. Makholik (Purpose-in Life Test), developed on the basis of the theory of aspiration to meaning and logotherapy by V. Frankl and aimed at validating a number of ideas of this theory, in particular, the idea of "existential vacuum" and "noogenic." The test authors defined the goal of life as an individual's

experience of the "ontological significance of life." The Russian-language version of the test was first performed by K. Muzdybaev [288] based on a modification of the test by J. Krambo. This version was improved and adapted by D. A. Leontyev [247; 249]. This technique is a 20 symmetric scale question consisting of a pair of integral alternative sentences with the same beginning. Test scores include a general measure of Purpose in life (LV) and five sub-scales reflecting three specific meaningful orientations and two aspects of the control locus.

2. The method "Personal Differential" was used to study the component of assessment and activity of the performance of the paternal role. This technique was developed on the basis of the modern Russian language and reflects the ideas formed in our culture about the structure of the personality. The technique was adapted by employees of the neuropsychiatric institute named after V. M. Bekhterev. The purpose of its development was to create a compact and valid tool for studying certain personality properties, its self-consciousness, interpersonal relationships, which could be used in clinical-psychological and psychodiagnostic work, as well as in socio-psychological practice [99].

3. The method "Measurement of parental settings and reactions" (PARI) Schaeffer-Bell et al. (Schaefer, E. S. – Bell, R. A.). The PARI questionnaire is aimed at studying the most general features of education. It is not related to attitudes towards the upbringing of a particular child. Parents express their opinion regarding the upbringing of children in general. This allows you to study the attitudes of parents to raise a child a priori, which is necessary in the practice of adoption and when creating family orphanages. The questionnaire addresses not only the area of the relationship of parents with the child, but also reflects a position in inter-friendly relations. The PARI questionnaire (Form 4) includes 115 statements relating to family life and parenting. It includes 23 scales, each of the scales has 5 questions. PARI is a multivariate questionnaire, so links between scales were identified by factor analysis [71].

4. Questionnaires. To identify the content of the components of our fathering structure, as well as to track various parameters of fathering, for the measurement of

which there are no appropriate methods, we specially developed two versions of the questionnaire for men with children (option C) and for men without children (option A). ***Option C*** consists of 23 questions, includes closed and open questions that reveal the individual characteristics of the performance of the paternal role, the relationship with the child (children), the peculiarities of the relationship with their own parents, as well as the idea of a specific man about social norms governing paternal functions. ***Variant A*** also includes open and closed questions, allows us to identify the features of individual attitude to the phenomenon we are studying, and includes questions about parental and parental relationships, in addition, this questionnaire revealed the intention to have children of their own, and this version of the questionnaire included questions exploring ideas about social roles and norms governing fathering.

5. A survey of the parental identity of J. Plek (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI)). The technique was created by a team of authors T. W. Maurer, J. H. Pleck and T. R. Rane in 2001 for the study of paternal parental identity, however, it was successfully applied in the same form for the study of maternal identity [609]. The parental identity questionnaire has six scales describing parenthood and is based on the conceptual theory of parental identity of J. H. Pleck. The authors of the questionnaire believe that the parental identity of parent partners is closely interconnected. That is, parenthood is not just a personal phenomenon, it is largely due to marital relations and the history of the family [167; 168; 233; 234].

The questionnaire consists of two blocks: a block of scales that determine the parental identity in child care (traditionally a female role) - 1-3 scales; and a block of scales describing the identity in the role of a breadwinner (traditionally a male role) - 4-6 scales. Each block reflects the authors' concept of the relationship of parental personality identity to partner assessment and expectations. So the first block consists of scales: 1. Parental Identity Scale in Child Care, 2. Parental identity assessment scale of spouse (s) in child care, 3. The scale of assessment of own parental identity in child care in the eyes of the spouse (s). The second block is respectively made up of scales: 4. Breadwinning Identity, 5. Parental identity rating scale of spouse (s) as breadwinner)

and 6. The scale of assessment of parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse (s).

6. The scale of fatherly installations J. Pleka (Father Involvement Attitudes Scale (FIAS)) was developed by J. Plek for express diagnostics of installations of men, concerning value, need, opportunities and desirability of the involvement of the father into the child's life within the fourth wave of the National survey of men which is carried out in the USA in 1988 (National Survey of Adolescent Males (NSAM),wave 4). The questionnaire contains only 8 statements, the subject needs to assess how much he agrees with the statements, choosing the answer among the ranked options: "completely disagree," "rather disagree," "rather agree," "completely agree." The results are calculated by summing the scores; Note here that points at items 3,6,7 are recalculated using descending scale while other points are recalculated using ascending scale. As a result, the higher the score, the higher the installation on the involved fathering. At the same time, with 0-8 points, the test subject is characterized by an exclusion from the life of the child, avoidance of responsibility, unwillingness to communicate with him, perception of the child as a burden; with 9-16 points - avoidance or rare communication, irrelevant attitude to the child; at 17-23 points, the test subject is characterized by a mixed attitude, a lack of understanding of the role of the father in the development of the child's personality, communication on occasion, avoidance of responsibility; with 24-32 points, the attitude towards involvement in the life of the child, responsibility, understanding of the role of the father in the development of the child's personality is characteristic.

7. S. Bam's technique "Masculinity and Femininity" (MiF). The methodology was developed by S. Boehm in 1974 to diagnose the psychological sex in accordance with the author's theoretical provisions on the presence of three options for gender qualities: masculinity, feminism and androgyny, and, accordingly, determines the degree of masculinity, feminism or androgyny of the person. The questionnaire contains 60 statements about qualities that may be inherent in both men and women, but are gender specific. The test person needs to assess the presence or absence of these qualities [71, pp. 124-129]. The key then determines the femininity (F) and masculinity (M) indices

and the basic IS index according to the formula proposed by S. Bam. Despite the change in theoretical provisions towards the recognition of masculinity and feminism not opposite, but parallel characteristics functioning in the psyche and human behavior, the technique remains one of the most valid and most used in the framework of gender studies [76].

8. The test questionnaire of personal maturity of Yu. Z. Gilbukh [181] is used to study personal maturity according to the following scales: 1) motivation of achievement (as a person's focus on significant life goals, the desire for self-realization, leadership, achieving high results in activity, independence and initiative); 2) attitude towards your Self or "Self-concept" (associated with adequate self-esteem, positive self-attitude and satisfaction with their abilities and characteristic features, as well as knowledge, skills and skills, confidence in their capabilities, while being highly demanding of themselves, modesty, respect for other people); 3) a sense of civic duty; 4) life attitude (includes prudency, emotional balance as the predominance of intelligence over impulsivity); 5) the ability to psychological intimacy with another person (related to empathy, the need for spiritual intimacy and a friendly attitude to people, the ability to listen).

9. The methodology "Acceptance of Responsibility" by V.P. Pryadein [337] was created for the diagnosis of responsibility and self-regulation based on the modification of the stimulus material of the S. Rosenzweig test. The results are drawn up in three scales: the first factor "Taking responsibility in a prosecution situation" includes an analysis of the answers of the subject in the first and second situations. The second factor, "Acceptance of the responsibility of another person," also includes the answers of the subjects in two other situations. Here, 10-8 points are characteristic of accepting and understanding the responsibility taken by the subject, 7-5 points for a neutral reaction, and 4-2 points are associated with a refusal of responsibility and an aggressive reaction to the irresponsibility of the subject.

Factor A "Acceptance of responsibility" is an analysis of the answers of the subject in all four situations. At the same time, 20-15 points are characteristic of an international accent when analyzing a conflict situation, an empathetic attitude to a subject who made a miss; 14-10 points are associated with the absence of a stable

reaction, fluctuations between internality and externality; 9-4 points are associated with avoiding responsibility, shifting it to another, negativity in resolving controversial issues. Test validity is confirmed by correlation links with sociocentricity of motivational component of responsibility and subjectivity of effective component of responsibility [337].

10. A questionnaire of terminal values (OTEZ), developed by I. G. Senin on the basis of the theoretical provisions of M. Rokich on the system of personal values. The technique contains 80 statements, which are rated on a five-point scale. As a result, the expression of eight terminal values is assessed, and, in addition, the representation of these values in various areas of life (professional activity, training and education, family life, public life, hobbies). The scores obtained in raw points are translated into stains. The results are presented in the form of an individual profile, separately for scales of terminal values and life spheres. The questionnaire has satisfactory reliability, design and criterion validity [99].

11. "Test questionnaire of satisfaction with marriage" V.V. Stolin, T.L. Romanova, G.P. Butenko is intended for rapid diagnosis of the degree of satisfaction or dissatisfaction with marriage. When developing the questionnaire, the authors proceeded from the thesis that married unions are bound by emotional bonds. In accordance with this, they suggested that satisfaction/dissatisfaction with marriage is a generalized emotion, a generalized experience, rather than a consequence of a rational assessment of the success of marriage according to certain parameters. The questionnaire is a one-dimensional scale consisting of 24 statements related to various areas: perceptions of oneself and partner, opinions, assessments, attitudes [283, p. 413-415].

12. Methodology "Level of subjective control" (USK) (E. F. Bazhin, E. A. Golynkina, L. M. Etkind). Based on J. Rotter's concept of the control locus, the authors created a technique that identifies the features of the control locus in different situations. This technique has several scales: Scale of General Internality (Io), Scale of Internality in the Field of Achievement (Id), School of Internality in the Field of Failures (In), Scale of Internality in Family Relations (Is), Scale of Internality in the

Field of Industrial Relations (Ip), Scale of Internality in the Field of InterPerson Relations Relations (I.

13. Diagnostic technique for the level of reflexivity development of A.V. Karpov. The methodology was created in accordance with the author's theoretical provisions on the essence and components of reflexivity in 2003. The questionnaire contains 27 questions to which the subject answers in accordance with the following scale: 1 - absolutely wrong; 2 - incorrect; 3 - rather incorrect; 4 - I do not know; 5 - rather true; 6 is true; 7 is quite true. The obtained scores are translated into walls according to the proposed scheme, and the result is estimated according to three levels: highly developed, medium and low level of reflexivity development [191].

14. Questionnaire "Reproductive motives" by I. S. Morozova, K. N. Belogay, J. V. Borisenko and T. O. Ott. The questionnaire "Reproductive motives" at its core has classifications of reproductive motives proposed by psychologists and sociologists. Two main blocks were included in the structure of the questionnaire: a study of the causes prompting the birth of children and a study of the causes preventing the acquisition of a child. After completion of the task by the test subjects, it is necessary to calculate the total number of points for each unit. Constructive reasons include: the desire to have a child for the sake of a child and the motive for having a child from a loved one. Significantly more options were attributed to destructive reproductive motives: compliance with family expectations, compliance with social expectations, birth of a child as a protest, birth of a child for the preservation of relationships, birth of a child as a departure from the present, the motive for the birth of a child for material gain, the motive for the realization of their unrealized aspirations through the child [280, p. 140-142; 493].

15. Identity Stage Resolution Index (ISRI). Based on these provisions of J. Côté, the Identity Stage Resolution Index (ISRI) was created in 1997. Initially, the methodology was developed taking into account the results of studies [73] and included seven questions related to two constructs of identity: adult identity and social identity.

In subsequent studies, the number of questions decreased to six elements, with each subscale including three statements. The methodology was translated and adapted

by us in 2020. In translation, the methodology was called the "Scale for determining the stage of identity of J. Kote" (ISRI). In the Russian version, the methodology includes 6 statements - three statements for each parameter: adult identity and social identity. To assess the identity of an adult, the following statements are used: You consider yourself an accomplished adult (IV1), you are respected as a committed adult (IV2), you feel that you have reached maturity (IV3). To assess social identity: you found your place in life (SI1), you built your lifestyle, which suits you and will arrange in the future (SI2), you found your circle of communication, which suits you and will arrange in the future (SI3). The test subject needs to choose one of the proposed answer options: quite correctly (estimated at 4 points); mostly true (3 points); true rather than incorrect (2 points); incorrect rather than true (1 point); Incorrect (0 points). The results of the methodology are estimated by the total score of all responses. At the same time, according to J. Côté, at 18-24 points, the identity achieved is characteristic of the test subject, at 13-17 points - a predetermined identity, at 7-12 points there is a moratorium on identity and at 0-6 there is a diffuse identity.

16. "Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)" [77], created by a team *of* authors led by K. Luyckx, which included the most famous modern identity researchers: S.J. Schwartz, M.D. Berzonsky, B. Soenens and their colleagues M. itens, Lövsteeni, Gosen, 2008The methodology consists of 25 statements, of which the first five characterize the commitment process, statements 6-10 characterize the search wide, 11-15 describe the Ruminative Search, 16-20 describe the identification with commitments and 21-25 describe the Exploration in depth, thus diagnosing all five identity processes known to date.

17. The method of The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI), which was created in 2018 by K. Piotrowski [67] through modification for the needs of the study of parental identity is often applicable among identity researchers of The Utrecht-Management of Identity Committees. The methodology was translated and tested by us in 2020. The methodology (in the Russian version, the Utrecht scale for studying parental identity processes (in the K. Piotrovsky modification) includes 13 statements, of which the first to fifth describe the

commitment process, 6-10 characterize a Exploration in depth and 11-13 describe the revision of obligations. The test subject needs to choose the answer from the proposed options: "completely wrong," "wrong," "in something true/in something wrong," "right," "completely correct." The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

3.2. Prerequisites for psychological readiness for fathering in preschool children

The level characteristics of the sample consisting of 84 preschool children are presented in the table (Table 3.2.1, Annex 1), which shows that the most variance is the data obtained on maturity scales and gender-typical behavior, which indicates a high individuality of the results of these questionnaires, the least variance is the scales of morality and gender attitudes of children, which are more homogeneous. The average age of children is 5.3 years. Comparing the results of this study with statistical norms says that the average and standard deviations of data on the methodology for assessing gender-typical behavior are within the framework of statistical norms. Thus, we can say that our sample does not have any specific features compared to other children of the same age, therefore, we can conduct further analysis of the results obtained from this sample of children. The average and median for the indicator of gender-typical behavior are almost the same (62.6 and 62.0, respectively), close for these gender attitudes of children (8.9 and 9, respectively) and maturity (36.7 and 37, respectively). However, with repeated measurement, the gap between the average and median indicators according to the methodology for assessing gender-typical behavior is noticeable. For other indicators, this trend is not observed. Perhaps this is due to the fact that this technique is filled by the parent of the child (in our case it was always mothers), while the child himself answers the questions of the rest of the techniques. That is, such

changes are associated with a change in parental assessment or attention to the child in the family after our classes.

To analyze the results of this sample, we studied the differences between groups of preschoolers divided by several characteristics: the presence or absence of a paternal figure, the inclusion of the family in a specially organized educational environment.

First, we compared children from complete and incomplete families. All parameters we study are subject to the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion), except for data on the methodology for assessing the moral standards of preschoolers. Thus, the Student's t-test for parametric data (the results are presented in Table 3.2.2) and the Mann-Whitney test for non-parametric data for one method were used to detect differences (the test results for this criterion are presented in Table 3.2.3).

Table 3.2.2. - Comparison of data of children from full and one-parent families according to Student's t-criterion

	M - 1	M - 2	t-value.	p
Gender-typical behavior *	60,52	64,10	2,41	0,01
Gender attitudes	8,47	8,93	-1,51	0,13
Maturity and self-regulation	37,20	36,68	0,37	0,70
* marked significant differences				

The table shows that significant differences among children from full and one-parent families are observed only in the indicator of gender-typical behavior.

Table 3.2.3. - Comparison of data of children from full and one-parent families according to the Mann-Whitney U criterion

	Sum Rank - Group 1	Sum Rank - Group 2	U	Z	p-ours.	Z is a scorc her.	N - Group 1	N - Group 2	2 storms - exact p
Moral standards	1271,00	1144,00	451,00	-1,56	0,118	-1,58	40	29	0,11

There are no differences in other indicators, including moral standards (Table 3.2.3).

In order to further study the Intrinsic characteristics of the prerequisites of psychological readiness for fathering in preschool children, we conducted a cluster analysis using a hierarchical classification according to the method of complete connection, the results of which are presented in Figure 3.2.1.

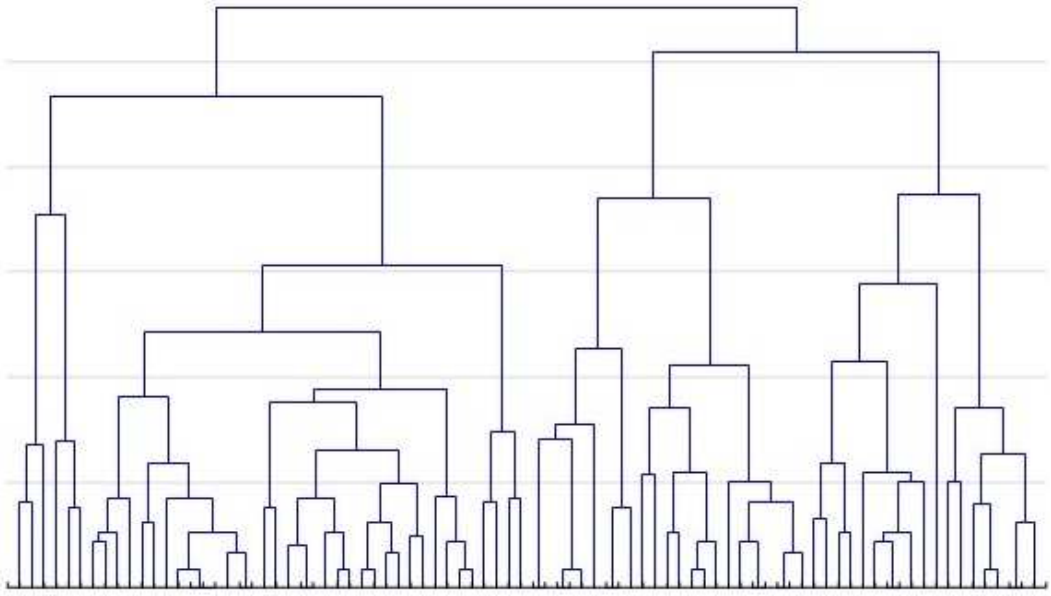

Figure 3.2.1. - Results of cluster analysis in the preschool group

In the figure, 4 clusters are clearly visible. Using these results to further examine the specificity of the selected groups of children, we performed a clustering of the data by K mean method, the results of which are presented in Figure 3.2.2.

Thus, we observe 4 clusters of data characterized by the following parameters: the first cluster is characterized by high morality, low score by gender attitudes and average result by maturity; the second cluster is highly rated on gender attitudes, high morality and maturity, the third cluster is low on gender attitudes and very low on morals and average on maturity; the fourth cluster has low gender attitudes and morals and very low maturity.

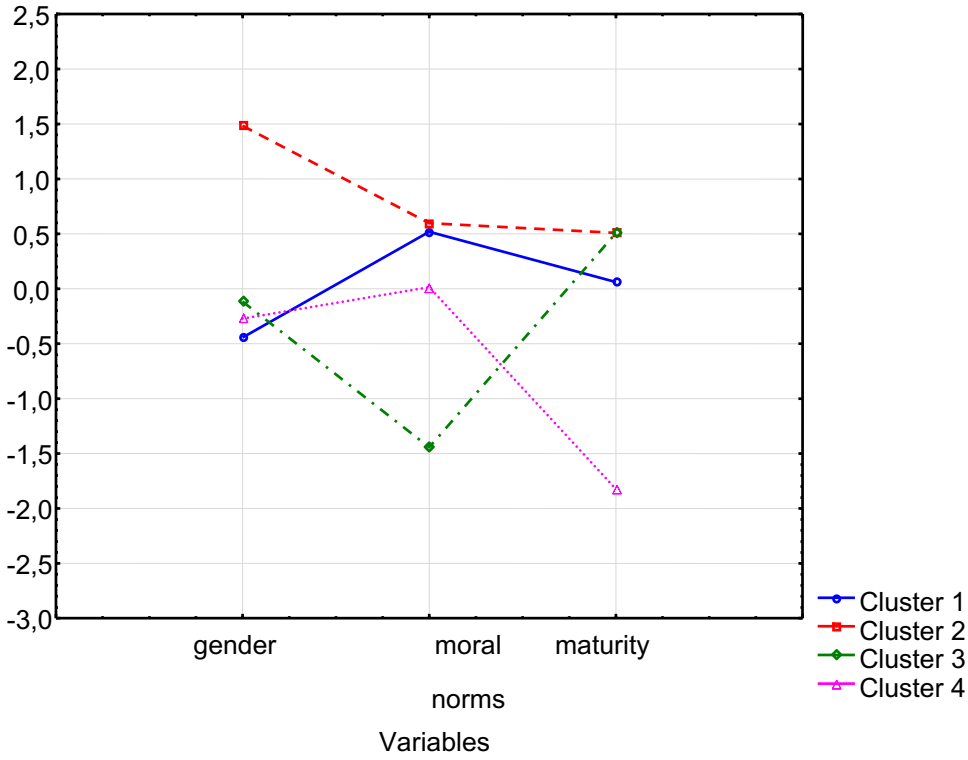

Figure 3.2.2. - Results of K clustering of the average data in the preschool sample

That is, the first group of children has average indicators, the brightest of which is the indicator of moral standards, the second group has high indicators with the highest indicator of gender attitudes, the third group has low indicators in terms of gender, average in maturity and very low in terms of moral standards, the fourth group shows all low indicators with a very low indicator of maturity.

In order to further study the selected preschool groups, we identified the characteristics of the children caught in each cluster. It turned out that the first cluster included 45% of children, the second 17%, the third 25% of children and the fourth 13% of children. Results of comparison of distribution frequencies by clusters are given in Table 3.2.4.

Children from single-parent families belong mainly to the first (45%) and to the third cluster (32%), the second and fourth clusters are almost equally represented in this group (10 and 12%, respectively); children from Two-parent Families belong to the first cluster in most cases (62%), however, among them there are children who are in the second and third clusters (17% and 13%, respectively), and among them there are few

belonging to the fourth cluster (6%). If we separately analyze the results of the children of those parents who expressed a desire to participate in the classes we developed, then it turns out that among them there is a high percentage of children from the second cluster (40%), with sufficiently high rates for the third and fourth clusters (20% and 26: respectively), there are also children who fell into the first cluster (13%).

Table 3.2.4. - Distribution of subjects by clusters for preschoolers sampling

	group	Cluster 1	Cluster 2	Cluster 3	Cluster 4	In total
Frequency	**1**	18	4	13	5	40
% by Line		45%	10%	32%	12%	
Frequency	**2**	18	5	4	2	29
% by Line		62%	17%	13%	6%	
Frequency	**3**	2	6	3	4	15
% by Line		13%	40%	20%	26%	
Frequency	**In total**	38	15	20	11	84
% by Line		45%	17%	25%	13%	

Thus, children from single-parent families are characterized by average indicators, the brightest of which is the indicator of moral standards, or, conversely, low indicators of gender, average in maturity and very low in moral standards. While in most cases children from Two-parent Families have averages, the most striking of which is the indicator of moral standards, among them there are approximately equal numbers of children with low indicators of gender, average maturity and very low moral standards, as well as children showing high indicators with the highest indicator of gender attitudes.

Children from the families of those parents who expressed a desire to participate in the classes we developed often show high indicators with the highest indicator of gender attitudes, which is associated with the peculiarities of the family environment, since it is such parents who are interested in the development of their child, interaction with him and, accordingly, such children have higher indicators of development. However, among the children of the subjects participating in the classes, there were more children with very low indicators for the development of moral standards, or

children showing low indicators for all parameters. Thus, our study involved either parents from very prosperous families in relation to the relationship between parents and children, or parents with difficulties with the child.

In this regard, the relationship between the prerequisites of psychological readiness for fathering in preschool age seems interesting. If we take the parameters of maturity and moral norms as the basis for analysis, then clustering using hierarchical classification according to the method of complete association gives us 3 clusters in the group we study (Figure 3.2.3).

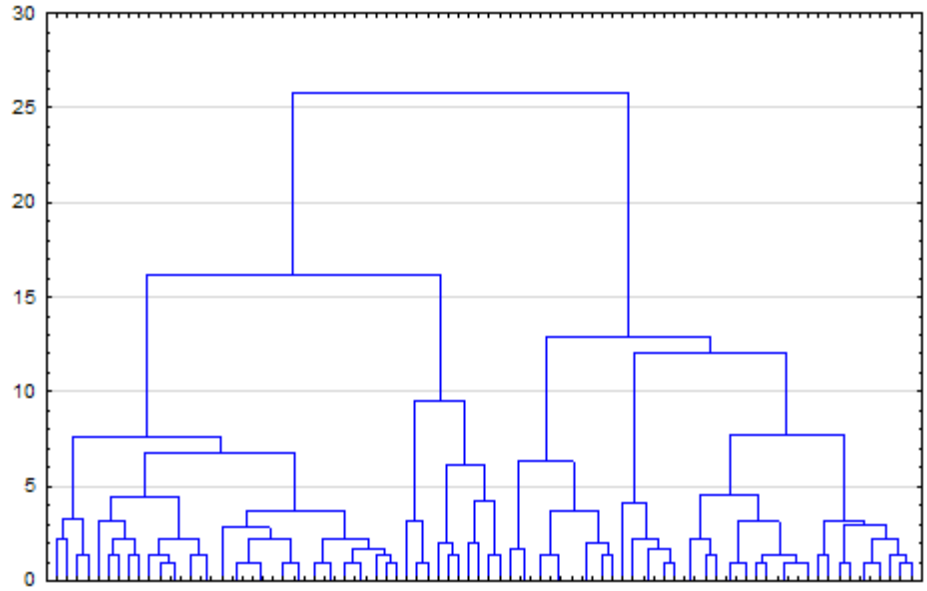

Figure 3.2.3. - Results of cluster analysis on two parameters in the group of preschoolers

In the figure, 3 clusters are clearly visible. Using these results to further examine the specificity of the selected groups of children, we performed a clustering of the data by K mean method, the results of which are presented in Figure 3.2.4.

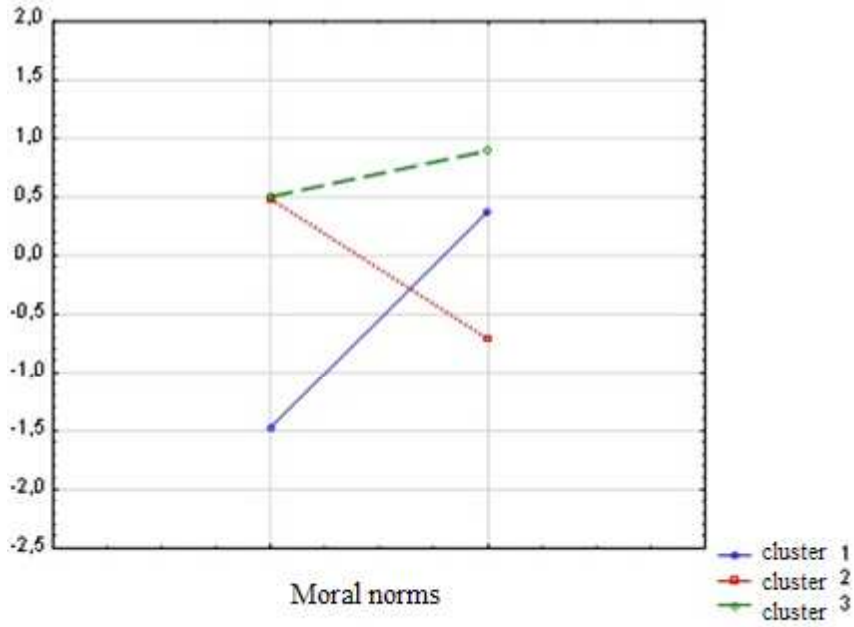

Figure 3.2.4. - Results of clustering of data by two parameters by method K of average in a sample of preschoolers

Thus, we observe 3 clusters, while the subjects who fall into the first cluster are characterized by average maturity and low moral indicators, the subjects of the second cluster are characterized by low maturity and high moral indicators, the subjects of the third cluster show high indicators on both scales. The analysis of the distribution of the subjects by clusters presented in Table 3.2.4 showed that children from incomplete families fall into the second (45%) and first cluster (35%), and to a lesser extent into the third cluster (20%) (Table 3.2.5, Appendix 1).

Children from Two-parent Families mostly belong to the second (55%) and third (31%) clusters. If you separately analyze children from the experimental group (EG), then they also fall into the second (40%) and third (40%) clusters.

This is illustrated in Figure 3.2 5.

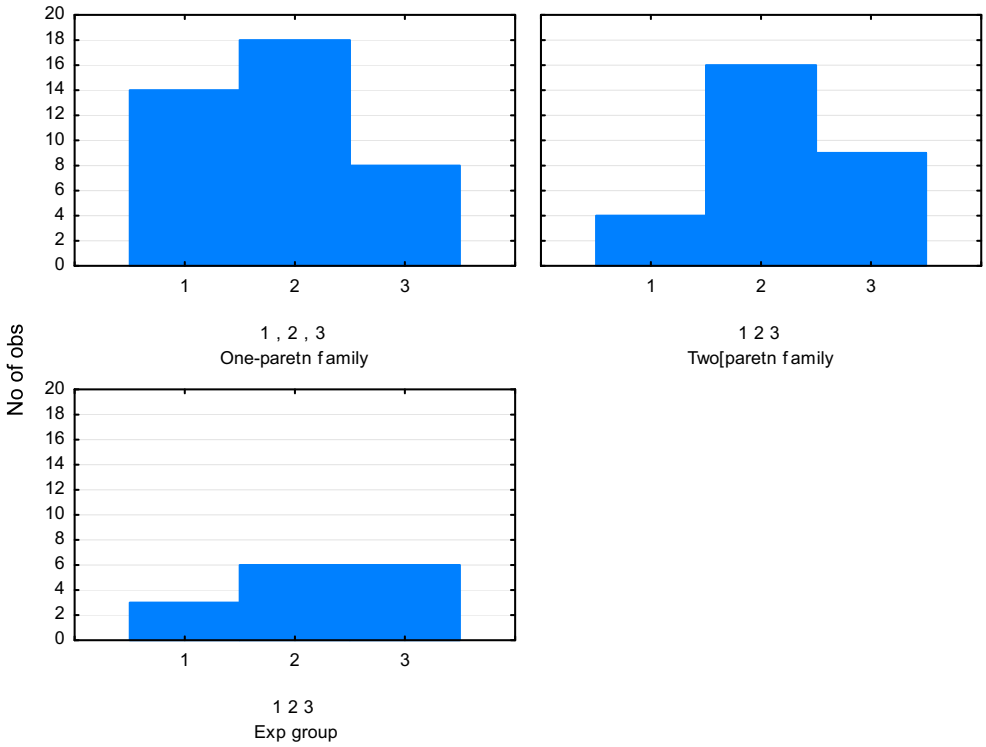

Figure 3.2.5. - Distribution of test subjects after clustering by two parameters

Thus, children from single families are more likely than children from Two-parent Families to belong to the first cluster, that is, they are characterized by average maturity and low moral indicators. Children with low maturity and high moral standards are approximately equally represented among children from full and one-parent families. Children from Two-parent Families are much more likely to show high performance on both scales. According to these parameters, children from Two-parent Families and children from the experimental group (also from Two-parent Families) practically do not differ.

However, the single-factor variance analysis, the results of which are presented in Figure 3.2.6, showed that the features of gender-typical behavior in children of the third cluster differ from other groups, which confirms our assumption that the assimilation of the system of gender roles in preschool age is interconnected with both moral development and the parameters of personality maturity.

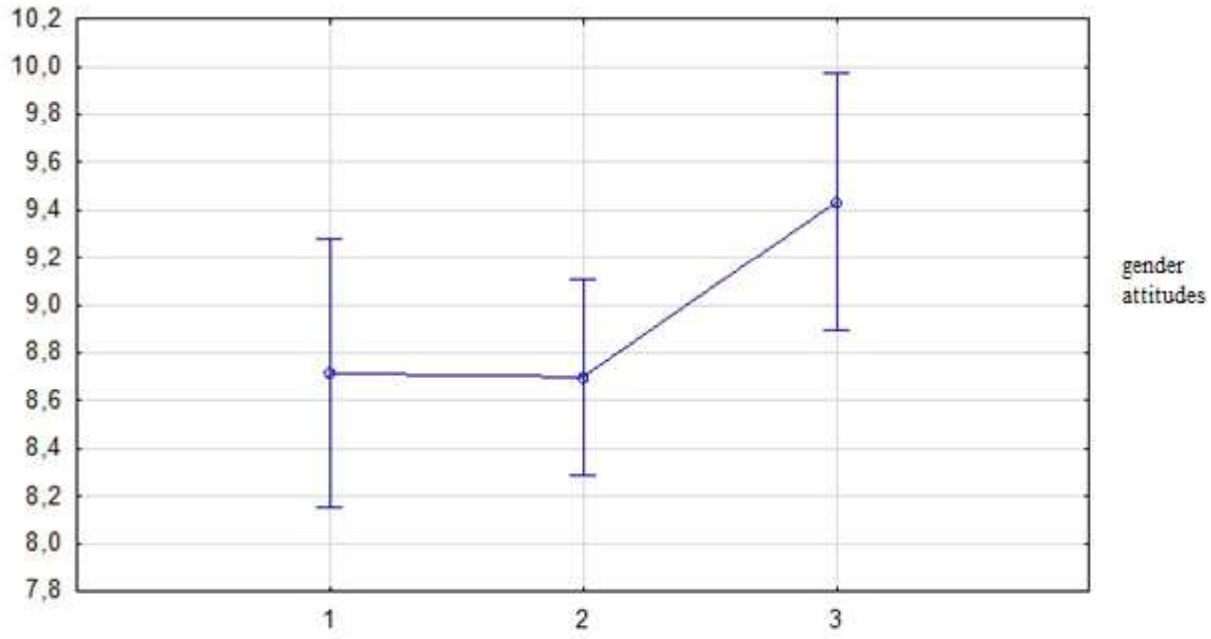

Figure 3.2.6. - Distribution of variances by indicator "gender-typical behavior" by clusters for preschoolers sample

This is due to the peculiarities of the family environment, in which parents, especially fathers, pay attention to interaction with the child. This position will be described in more detail in the analysis of the results of the forming experiment.

Based on theoretical analysis, we conducted a study of an integral indicator of psychological readiness for fathering. Knowing the quantitative characteristics and having the criteria for the optimal formation of psychological readiness for fathering, it is possible to calculate an integral indicator of psychological readiness for fathering for any age that will vary from 0 to 1 and include all components of psychological readiness for fathering:

$$RF = k_1 \times Ак + k_2 \times Rк + k_2 \times Pк$$

where RF - an integrated indicator of psychological readiness,

Ak is the axiological component of psychological readiness for fathering, Rk is the reflexive-regulatory component of psychological readiness for fathering, Pk is the praxiological component of psychological readiness for fathering,

k_n is the significance coefficient determined by expert evaluation.

Then each component is divided into content components. At the same time, kn - the coefficient of significance by us was determined using the method of expert assessments (ranking). We interviewed a group of experts (20 people), which included family psychologists-practitioners, scientists-specialists in developmental psychology and children's psychologists in Kemerovo. Experts ranked the importance of the components of each level. At the same time, the related rank could be assigned to components of equal importance. Next, we transferred the ranks of experts to the converted ranks according to the formula:

$$S_{ij} = A_{\max} - A_{ij},$$

where A_{ij} is the rank of the j-th component exhibited by the i-th expert,

$A_{\max}$ is the maximum rank corresponding to the number of ranked components.

Next, we determined the sum for each column of the matrix according to the formula: $R_j = \sum_{i=1}^{m} S_{ij}$ and calculated the weight of each column:. $W_j = R_j / \sum_{j=1}^{n} R_j$ Table 3.2.6 shows the calculation of weights.

So our formula will look like this:

$$RF = \text{Ак} * 0{,}33 + R\text{к} * 0{,}33 + \text{Рк} * 0{,}33.$$

Next, we calculated the significance coefficients for the constituent components separately for each age.

The value of an integral indicator is determined by the ability to reflect all significant parameters with one value, as well as, more understated, the ability to compare the features of psychological readiness for fathering at different ages.

So we calculated $RF = \text{Ак} * 0{,}33 + R\text{к} * 0{,}33 + \text{Рк} * 0{,}33$where GO is an integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering, Ak is an axiological component of psychological readiness for fathering, Rk is a reflexive-regulatory component of psychological readiness for fathering, Rk is a praxiological component of psychological readiness for fathering.

Table 3.2.6 - Calculation of weight coefficients of integral index components based on expert survey data

Expert	Component (rank)			Component (converted rank)		
	Joint stock company	Rk	Rk	Joint stock company	Rk	Rk
1	1	1	1	2	2	2
2	1	1	2	2	2	1
3	1	1	1	2	2	2
4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
5	2	2	2	1	1	1
6	0,5	0,5	0,5	2,5	2,5	2,5
7	1	1	1	2	2	2
8	1	2	1	2	1	2
9	2	2	2	1	1	1
10	1	1	1	2	2	2
11	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
12	2	2	2	1	1	1
13	0,5	0,5	0,5	2,5	2,5	2,5
14	1	1	1	2	2	2
15	0,5	0,5	0,5	2,5	2,5	2,5
16	0,5	1	1	2,5	2	2
17	1	1	0,5	2	2	2,5
18	2	1	1	1	2	2
19	1	0,5	1	2	2,5	2
20	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5	1,5
				R_1=36,5	R_1=36,5	R_2=36,5
				W_1=0,33	W_1=0,33	W_2=0,33

The values of the integral indicator of becoming ready for fathering vary from 0 to 1, and we empirically determined that at values 0-0.3 there is a low level; 0.3 - 0.7 average level; 0.7 - 1 high level. Values within each component also range from

0 to 1. So, the value 0-0.3 determines the low level of formation of the prerequisites of psychological readiness for fathering, associated with violations in the formation of any or several components of the fathering strategy. Within the framework of the axiological component of the fathering strategy at this age, these are difficulties in the formation of sexual identity and serious violations of moral development, within the framework of the reflexive-regulatory component of the fathering strategy - difficulties of self-discipline, arbitrariness, independence; in the praxiological component - gender undifferentiation of behavior. Values 0.3-0.7 determine the average level of formation of prerequisites for psychological readiness for fathering. Values 0.7-1 determine the high level of formation of the prerequisites of psychological readiness for fathering: the axiological component of the fathering strategy includes the early formation of sexual identity, determines optimal moral development; the reflexive-regulatory component of fathering strategy is determined by social competence, self-discipline, arbitrariness, independence. Praxiological component of fathering strategy: will include pronounced gender-typical behavior.

Analysis of the average for the whole group of preschoolers shows that the integral indicator and the indicator of the praxiological component are within the average values, indicators of axiological and reflexive-regulatory components also within averages, but somewhat lower than the praxiological component, which is related to age peculiarities due to the non-formation at a given age of the axiological and reflexive-regulatory components of psychological readiness for fathering and confirms our assumption that, that at this age the praxiological component (behavior) is most developed (Table 3.2.7, Appendix 1).

As the analysis of the descriptive statistics presented in Table 3.2.8 (Annex 1) shows, for children from single-parent families, the rates of all components are slightly lower than the sample average. For children from Two-parent Families, the rates are slightly higher than the sample average (Table 3.2.9, Annex 1).

The comparison of groups on the indicators of all components of the integral indicator of psychological readiness for fathering according to Student's t-criterion for independent samples revealed significant differences between children from full and

incomplete families in the following indicators (Table 3.2.10): a praxiological and axiological component, and an integral indicator of psychological readiness for fathering, which confirms our assumption that the factor determining the prerequisites for fathering readiness in childhood is the family.

Table 3.2.10. - Results of comparison of integral index of pre-school children from full and one-parent families

Parameters	M - one-parent Family	M - Two-parent Family	t-value.	p
Praxiological component *	0,60	0,64	0,41228	0,018
Axiological component *	0,55	0,57	0,00297	0,04
Reflexive regulatory component	0,57	0,58	0,37	0,70
Integral Indicator *	0,59	0,62	0,62	0,0005

* significant differences noted

For all preschoolers, the results of the evaluation of the components of the integral indicator of psychological readiness for fathering are within the framework of average and higher average values, that is, within the framework of the age norm.

If we analyze the distribution of the results of the integral indicator across the clusters allocated to us, then it turns out that children from cluster 3 and 4 fall into one value according to the integral indicator.

The first group of children has average indicators, the brightest of which is the indicator of moral standards and the average values of the integral indicator; the second group has high indicators with the highest indicator of gender attitudes and integral indicator, the third group has low indicators about gender, average maturity and very low by moral standards and low points on integral indicator, the fourth group shows all low indicators with very low maturity indicator and low points on integral indicator (Figure 3.2.7).

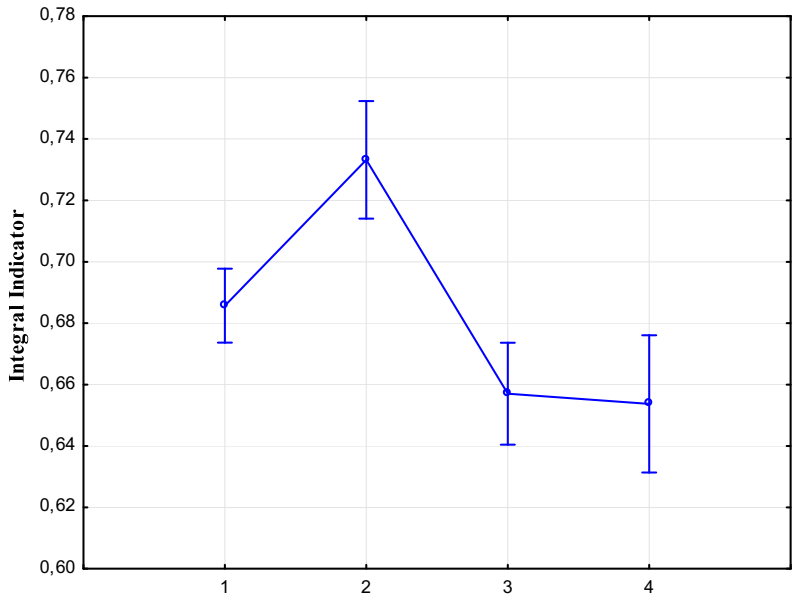

Figure 3.2.7. - Distribution of integrated indicator results into four clusters

To optimize group allocation, we combined the last two clusters (Figure 3.2.8.).

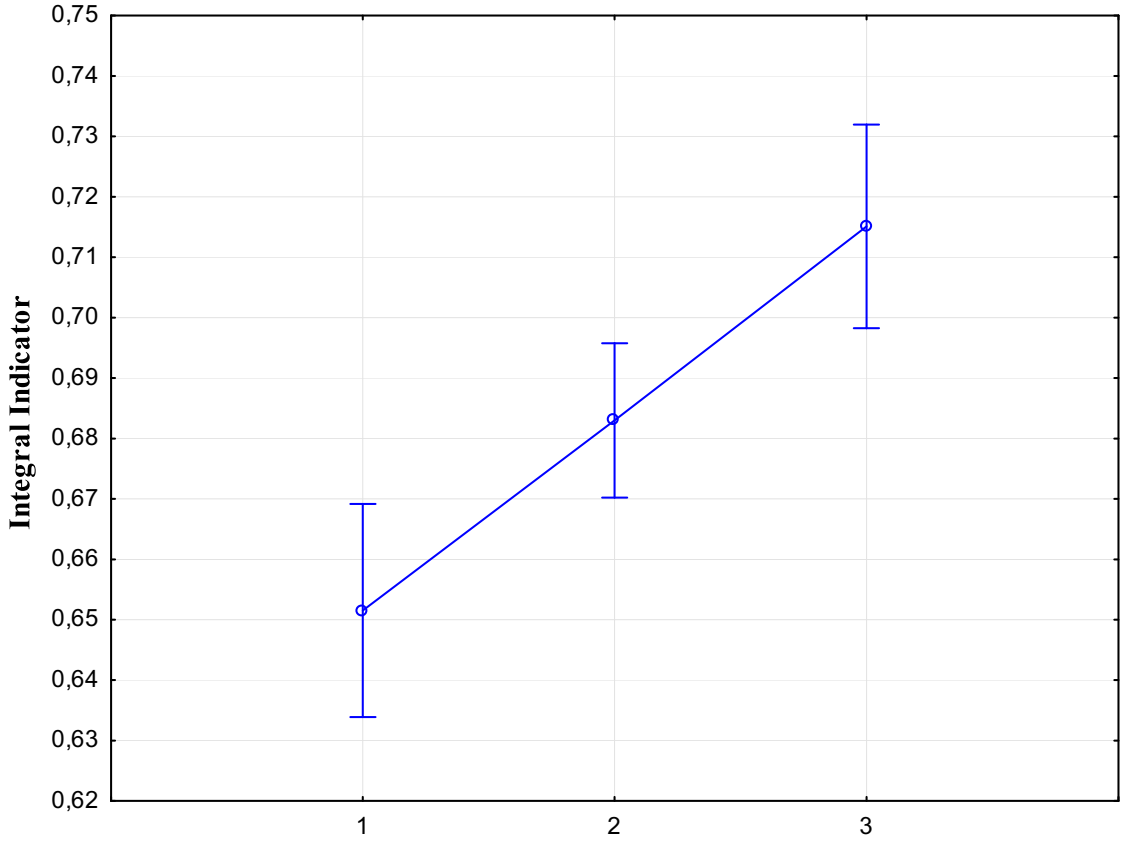

Figure 3.2.8. - Distribution of integral indicator results into three clusters

Analysis of the distribution of the results of the integral indicator over the clusters we identified showed that the subjects who fell into the first cluster, characterized by average maturity and level of self-regulation and low indicators according to moral standards, have the lowest scores according to the integral indicator; test subjects of the second cluster, characterized by low maturity and self-regulation level and high moral indices, have average results, test subjects of the third cluster show high indices on both scales and the highest integral index results. Thus, it is possible to clearly distinguish three groups among preschoolers who differ in the peculiarities of the formation of prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering, while the lack of development of these qualities in some children from single families or families with an unfavorable environment for the formation of prerequisites for psychological readiness for fathering creates the need to develop psychological and pedagogical support programs for the formation of psychological readiness for fathering, starting from preschool age.

3.3. Prerequisites for the development of psychological readiness for fathering among younger schoolchildren

The level characteristics of the sample consisting of 45 children of primary school age are presented in the table (Table 3.3.1, Annex 2), which shows that the most variance is the data obtained from the scales of the methodology for diagnosing personal growth, describing the attitude to the family and to the world, which indicates a high individuality of the results, the least variance are the scales of gender attitudes of children, which are more homogeneous. The average age of children is 10.1 years. Comparing the results of this study with statistical norms says that the average and standard data deviations are within the statistical norms. Thus, we can say that our

sample does not have any specific features compared to other children of the same age. The average and median according to the indicator of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya) are almost identical, close to the results of assessing the gender attitudes of children (1.9 and 2, respectively) and moral motivation of behavior (2.3 and 2, respectively) and responsibility (3.8 and 4, respectively).

To analyze the results of this sample, we studied the differences between groups of junior schoolchildren divided by several characteristics: the presence or absence of a paternal figure, the inclusion of the family in a specially organized educational environment (paragraph 5.2). First, we compared children from complete and incomplete families. All parameters we study obey the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion). The variances of both groups differ insignificantly in Fisher's criterion. Thus, Student's t-test was used to detect differences (results are presented in Table 3.3.2).

Table 3.3.2. - Results of comparison of primary school-age children from full and one-parent families according to Student's criterion

Parameters *	M - 2	M - 1	t-value.	ss	p
Gender attitudes	1,951	1,808	2,641	45	0,011
Assessment of the father	4,481	3,666	2,254	45	0,029
Moral motivation	2,575	1,666	2,073	45	0,044
Responsibility	4,060	3,333	2,221	45	0,031
Attitude to the world	18,51	12,417	2,536	45	0,014
Attitude to work	18,69	13,833	2,593	45	0,012
Attitude towards a person	18,18	13,250	2,535	45	0,014

* Only parameters for which significant differences were found are shown

Thus, children of primary school age from incomplete families differ from children from Two-parent Families, that is, children with a paternal figure, in that they have lower scores in terms of gender attitudes, assessment of the father by gender qualities (children from Two-parent Families rate the father as more masculine), according to the parameters of moral motivation of behavior, responsibility, attitude to

the world, to work and to man, which corresponds to the theoretical provisions of this study.

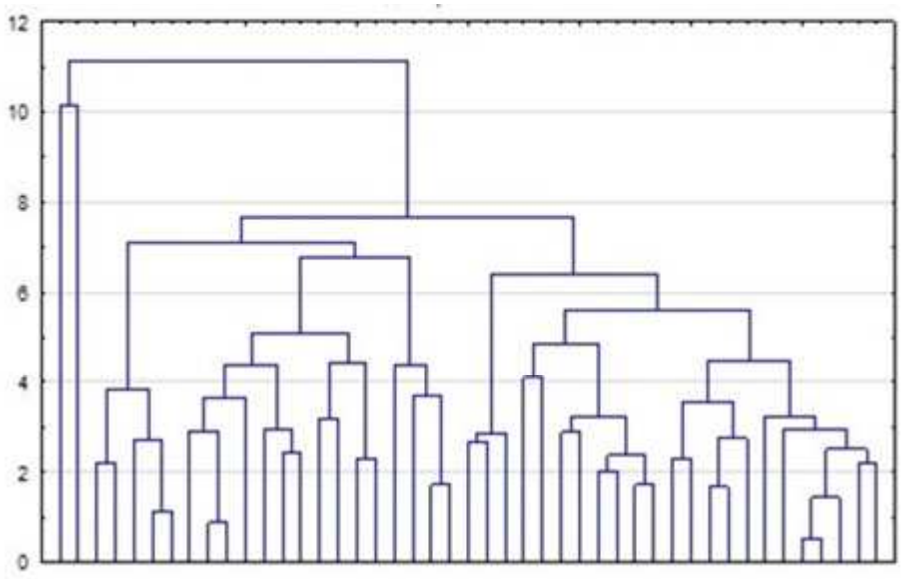

Figure 3.3.1. - Results of cluster analysis in the group of junior schoolchildren

In order to further study the Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering in primary school children, we conducted a cluster analysis using a hierarchical classification according to the method of full association, the results of which are presented in Figure 3.3.1. As a result, we identified three clusters, two of which are approximately equivalent, the third is poorly represented.

Using these results to further study the specifics of the selected groups of children, we performed clustering of the data by K average method, the results of which are presented in Figure 3.3.2. Thus, we isolated three clusters, the first of which has mainly low values on scales, the second - high, the third - shows multi-directional characteristics.

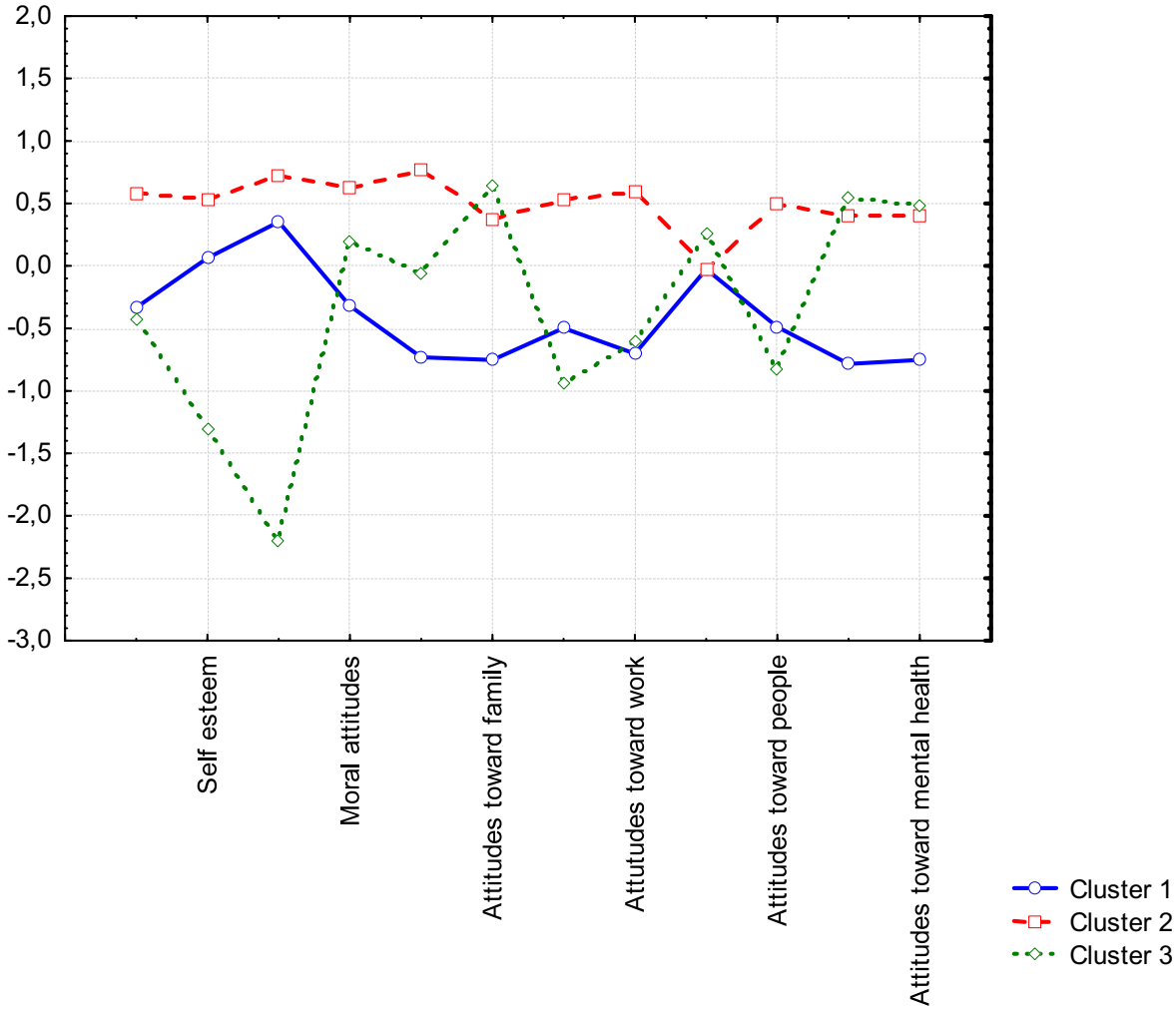

Figure 3.3.2. - Results of K clustering of secondary data in a sample of junior schoolchildren

For convenience of analysis the results are presented separately by parameter in Figures 3.3.3. and 3.3.4.

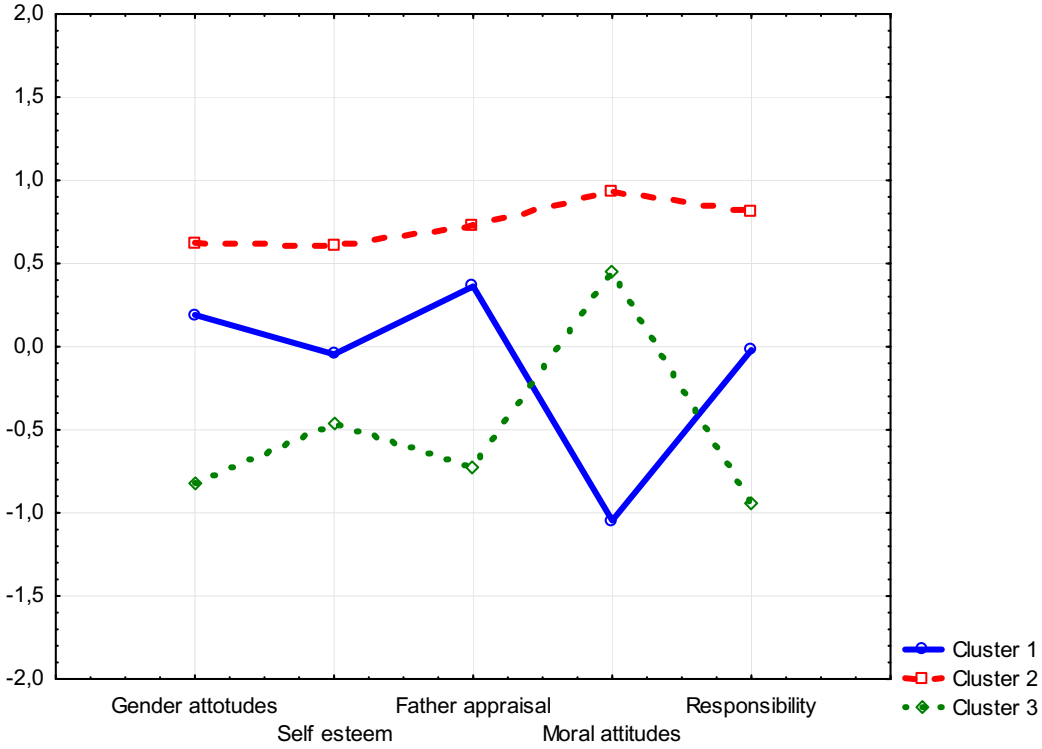

Figure 3.3.3. Results of K clustering of secondary data in a sample of primary schoolchildren (gender attitudes and responsibilities)

Figure 3.3.3 shows that children grouped into the second cluster differ markedly from children, the first and third clusters in terms of the parameters of assessing gender attitudes, assessing gender qualities, both self and father, as well as the parameters of moral motivation of behavior, self-regulation and responsibility.

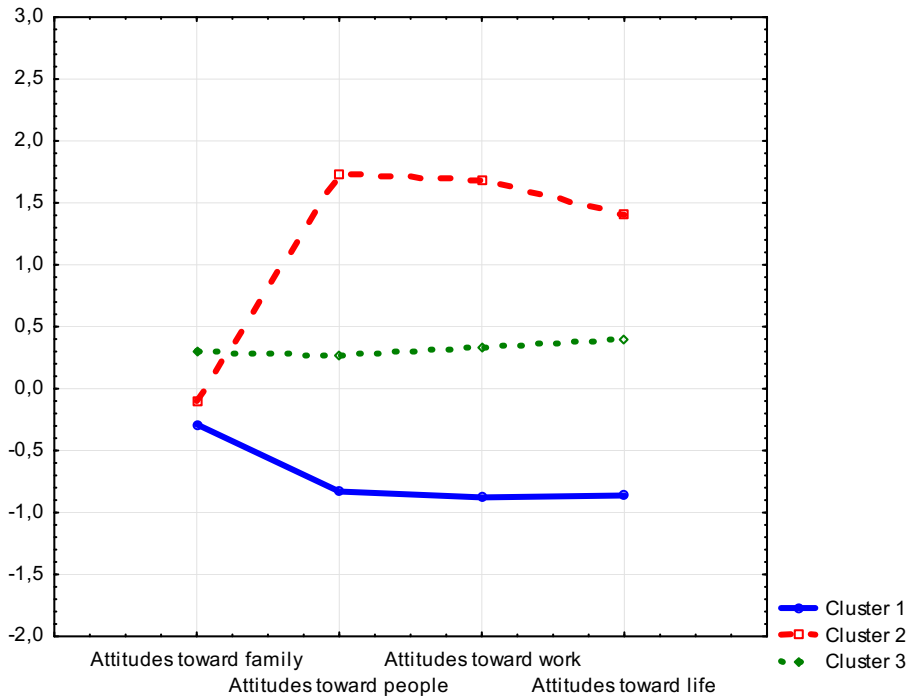

Figure 3.3.4. Results of K clustering of secondary data in a sample of primary schoolchildren (values)

In addition, as shown in Figure 3.3.4, children of the second cluster are characterized by higher indicators on the methodology for assessing personal growth.

In order to further study the selected groups of junior schoolchildren, we identified the characteristics of the children caught in each cluster. It turned out that 35% of children fell into the first cluster, 53% in the second and 11% in the third. Results of comparison of distribution frequencies by clusters are given in Table 3.3.3.

Table 3.3.3. - Distribution of subjects by clusters for the sample of junior schoolchildren

	family	CLUSTER - 1	CLUSTER - 2	CLUSTER - 3	In total
Frequency	incomplete	8	1	3	12
% by Line		66%	8%	25%	
Frequency	full	8	23	2	33
% by Line		24%	69%	6%	
Frequency	In total	16	24	5	45
In total		35%	54%	11%	

Analysis of the distribution of children from full and one-parent families by cluster provides an opportunity to determine differences in the characteristics of

fathering strategies of children belonging to different groups. This is clearly shown in Figure 3.3.5.

Thus, children from single-parent families mostly belong to the first cluster (66%), showing low rates for all methods, in addition, among them a significant number of children (25%) belong to the third cluster characterized by multidirectional results and only 8% of children belong to the second cluster, which we defined as associated with high outcomes for all parameters. Children from Two-parent Families, in contrast, mostly (69%), belong to the second cluster, in addition, a significant number of them belong to the first (35%), and only 11% belong to the third cluster, associated with the lack of a clear line in the characteristics of fathering strategies. That is, among children who have a paternal figure in front of them, children with developed characteristics of fathering strategies are much more likely to show low indicators for these parameters, but among them there are children with uncoordinated characteristics of fathering strategies, which allows us to conclude the importance of the family environment for the formation of fathering strategies.

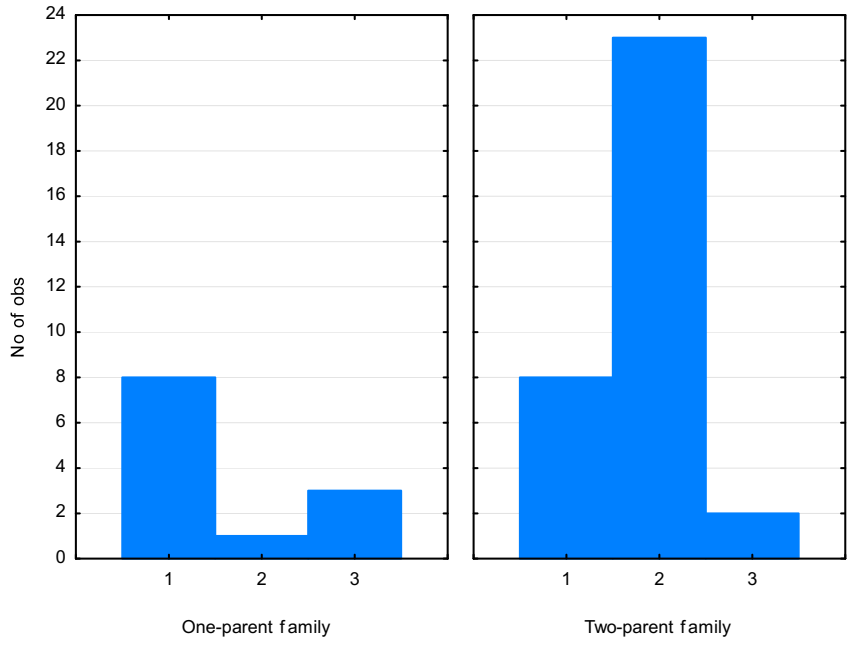

Figure 3.3.5. - Distribution of subjects by clusters for the sample of junior schoolchildren

Based on theoretical analysis, we conducted a study of an integral indicator of psychological readiness for fathering. Knowing the quantitative characteristics and having the criteria for the formation of psychological readiness for fathering, one can calculate an integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering for younger schoolchildren, which will vary from 0 to 1 and include proportionally equal general components of the fathering strategy:

$ГО = Ак * 0,33 + Rк * 0,33 + Рк * 0,33$where GO is an integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering, $_{Ak}$ is an axiological component of psychological readiness for fathering, $_{Rk}$ is a reflexive-regulatory component of psychological readiness for fathering, $_{Rk}$ is a praxiological component of psychological readiness for fathering.

Next, we conducted a study of the integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering at a given age. The values of the integral indicator of optimality of psychological readiness for fathering vary from 0 to 1, so at values 0-0.3 there is a low level; 0.3 - 0.7 average level; 0.7 - 1 high level. Values within each component also vary between about 0 and 1.

So the value 0-0.3 for junior schoolchildren determines the low level of development of the prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering, associated with violations in the formation of any or several components of the fathering strategy. Within the framework of the axiological component at this age, these are difficulties in forming a stereotype of half-left behavior, serious violations of moral development, within the framework of the reflexive and regulatory component of fathering strategy - difficulties of self-discipline, arbitrariness, independence, problems of forming hard work, responsibility.

As a praxiological component at a given age, only behavior is discharged. At low rates, there are visible problems in the boy's behavior towards gender undifferentiation of behavior, as well as demonstrated irresponsibility, lack of competence, social or school maladaptation.

Values 0.3-0.7 determine the average level of formation of psychological readiness for fathering and indicate, within the framework of the axiological

component, small difficulties in forming a stereotype of half-left behavior, absence or small problems in moral development; within the framework of the reflexive-regulatory component - small difficulties with self-discipline, arbitrariness, independence, hard work, responsibility; in the framework of the praxiological component - the absence of changes in the boy's behavior towards gender undifferentiation of behavior. Values 0.7-1 determine the high level of formation of psychological readiness for fathering: the axiological component includes early and problem-free formation of a stereotype of half-left behavior; determines the optimal moral development; the reflexive-regulatory component is determined by social competence, self-discipline, arbitrariness, independence, formation of a sense of competence, self-discipline. The praxiological component will include pronounced gender-typical behavior, social adaptation, social competence, successful construction of social relations.

Analysis of the average for the whole group of primary schoolchildren shows that all indicators are within the average values (Table 3.3.4, Appendix 2).

For all junior schoolchildren, the indicators of the components of the integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering are within the framework of average and higher average values, that is, within the framework of the age norm. It is noteworthy that, the reflexive-regulatory component score is the lowest (0.61), and the praxiological component score is the highest (0.67) of all the components of the fathering strategy for younger schoolchildren, which confirms our assumption that, in junior school age, the praxiological component of psychological readiness for fathering is most developed. As the analysis of the descriptive statistics presented in Table 3.3.5 (Annex 2) shows, for children from single-parent families, the rates of all components are slightly lower than the sample average. For children from Two-parent Families, the rates are slightly higher than the sample average (Table 3.3.6, Annex 2).

The comparison of groups on the indicators of all components of the integral indicator of psychological readiness for fathering according to Student's t-criterion for independent samples revealed significant differences between children from full and incomplete families in the following indicators (Table 3.3.7): a praxiological,

axiological, reflexive-regulatory component, and an integral indicator of psychological readiness for fathering, which confirms our assumption that the factor determining the formation of psychological readiness for fathering at a given age is the family.

Table 3.3.7. - Results of comparison of the integral indicator of junior schoolchildren from full and incomplete families according to Student's t-criterion

Parameters	M - One-parent Families	M - Two-parent Family	t-value.	p	SD. - 1	SD - 2	p - disp.
Praxiological component *	0,64	0,67	0,22	0,03	0,20	0,19	0,88
Axiological component *	0,50	0,61	0,13	0,00	0,13	0,16	0,39
Reflexive regulatory component *	0,41	0,62	0,65	0,01	0,18	0,15	0,43
Integral Indicator *	0,59	0,62	0,15	0,00	0,12	0,13	0,82

* significant differences noted

Analysis of the distribution of the results of the integral indicator by the selected clusters showed that the first group of children has low values on scales and the integral indicator, the second - high on all scales and on the integral indicator, the third shows multi-directional characteristics and average indicators on the integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering (Figure 3.3.6).

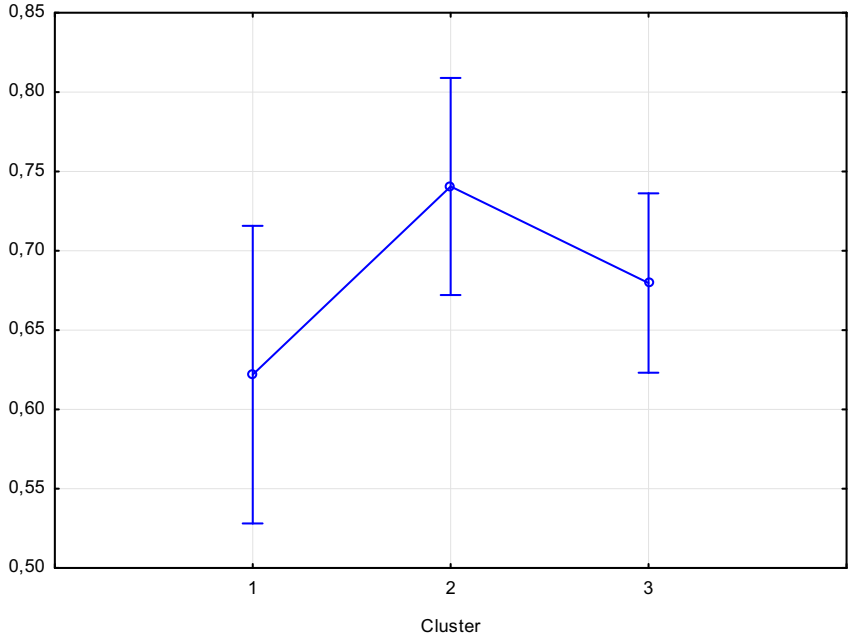

Figure 3.3.6. - Distribution of integrated indicator results by clusters for the sample of junior schoolchildren

Thus, as seen in Figure 3.3.6, it is possible to clearly distinguish three groups among junior schoolchildren, differing in the features of the formation of psychological readiness for fathering, characterized by the severity and ratio of components of psychological readiness for fathering, which can be conditionally called, suboptimal, acceptable and optimal type of formation of psychological readiness for fathering.

In comparison with preschoolers, junior students show higher indicators in the praxiological, axiological, reflexive-regulatory components (Table 3.3.8.).

Table 3.3.8. - Comparison of results of analysis of integral indicator on samples of preschoolers and junior schoolchildren with Student's t-criterion for independent variables

Parameters	M Secondary preschoolers	M junior students	t-value.	p	SD. - 1	SD. - 2
Integral indicator	0,60	0,62	0,00	1,00	0,14	0,14
Praxiological component *	0,63	0,67	0,15	0,00	0,20	0,05
Axiological component *	0,54	0,62	0,06	0,00	0,07	0,10
Reflexive regulatory component *	0,58	0,61	0,03	0,00	0,17	0,13

* significant differences noted

However, the two groups do not have differences in the integral indicator, the results are within the averages for both the preschool group and the younger school group. Thus, the differences in the structural components of the integral indicator of psychological readiness for fathering reflect the age-specific features of the development of this phenomenon and confirm our assumption that the psychological patterns of the formation of psychological readiness for fathering have age-psychological and family specifics. The materials of this paragraph are published in monograph [78].

3.4. Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering in early and late adolescence

The level characteristics of the sample consisting of 64 persons of early and late adolescence are presented in the table (Table 3.4.1, Annex 3), which shows that the most variance is the data obtained from the scales of the methodology for diagnosing personal growth, which indicates a high individuality of the results, the least variance is characterized by scales of gender attitudes, which are more homogeneous. The average age of children is 16.1 years. A comparison of the results of this study with statistical norms says that the average and standard data deviations are within the statistical norms of these methodologies. Thus, we can say that our sample does not have any specific features compared to other children of the same age, therefore, we can conduct further analysis of the results obtained from this sample of children. The average and median for most indicators are almost the same, close according to the results of assessing gender values according to the FATHER method, slightly different according to the method of assessing individual maturity.

To analyze the results of this sample, we studied the differences between groups of schoolchildren divided by several characteristics: the presence or absence of a paternal figure, participation in a specially organized training.

First, we compared children from complete and incomplete families. All parameters we study obey the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion). The variances of both groups differ insignificantly in Fisher's criterion. However, no differences were found in Student's t-test for independent samples between groups of adolescents and boys from full and incomplete families. Most likely, at a given age, the influence of the family is more mediated than at earlier ages.

In order to further study the substantive characteristics of the components of fathering strategies in adolescents and boys, we conducted a cluster analysis using a hierarchical classification according to the method of full association, the results of which are presented in Figure 3.4.1

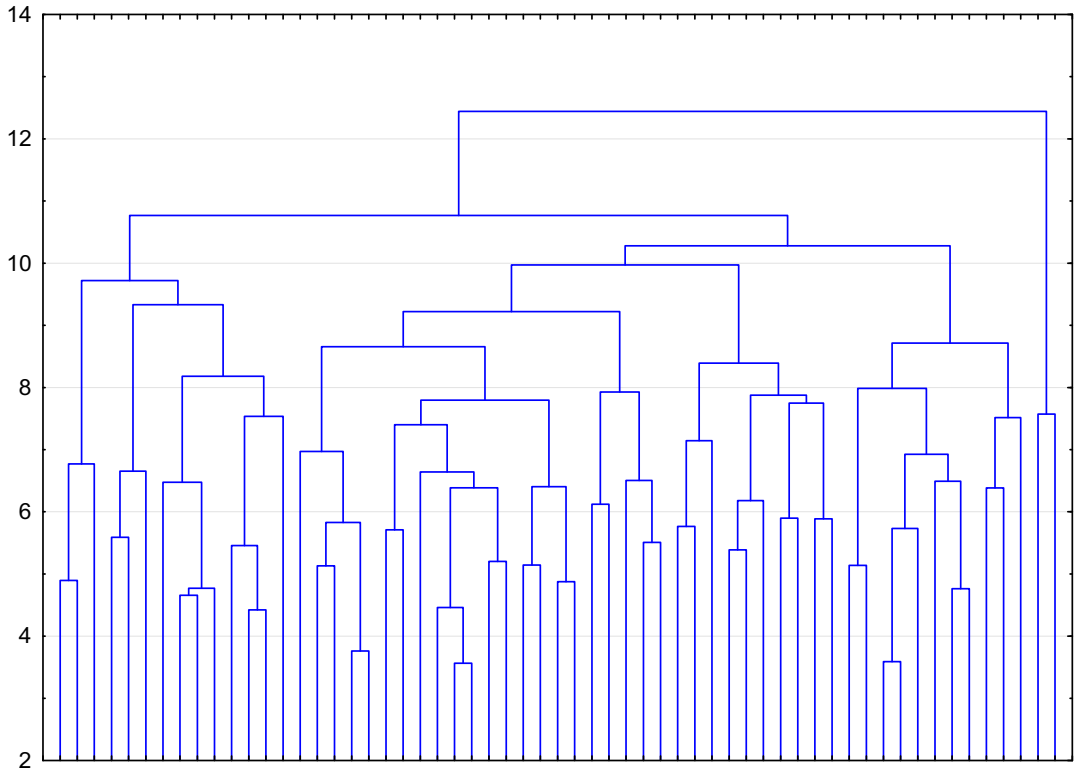

Figure 3.4.1. - Results of cluster analysis in the group of adolescents and young men

As a result, we identified three clusters, two of which are approximately equivalent, the third is poorly represented. Using these results to further examine the specifics of the selected groups of children, we performed K average clustering of the data, the results of which are shown in Figure 3.4.2. from which it can be seen that the subjects caught in the first cluster are characterized by low scores in responsibility and maturity, values of prestige, self-development, education and family life, Importance is attached to the role of the father in family culture and the value of achievements (Table 3.4.2, Annex 3). Conventionally call it suboptimal, these subjects are characterized by irrelevance and immaturity.

The subjects of the second cluster are characterized by high scores on the scale of the father's role in raising children and leisure, they attach great importance to the values of preserving their own individuality, their own prestige, high material position, creativity, have low scores on the value of achievements, in relation to their "Self," the scale of life attitude and the role of the father in forming the emotional climate in the family, as well as on gender attitudes. Conventionally, we call it acceptable, but it is characterized by diverse characteristics, a mixture of gender roles.

Appreciation on all scales of a maturity, a role of the father in formation of emotional climate in family, a scale of parental identity as the supporter, to values of development of, spheres of training and education and family life, low points on a role of the father in parenting, the value of own prestige and high financial position is characteristic of the third cluster. Conventionally call it optimal. (Figures 3.4.2 and 3.4.3).

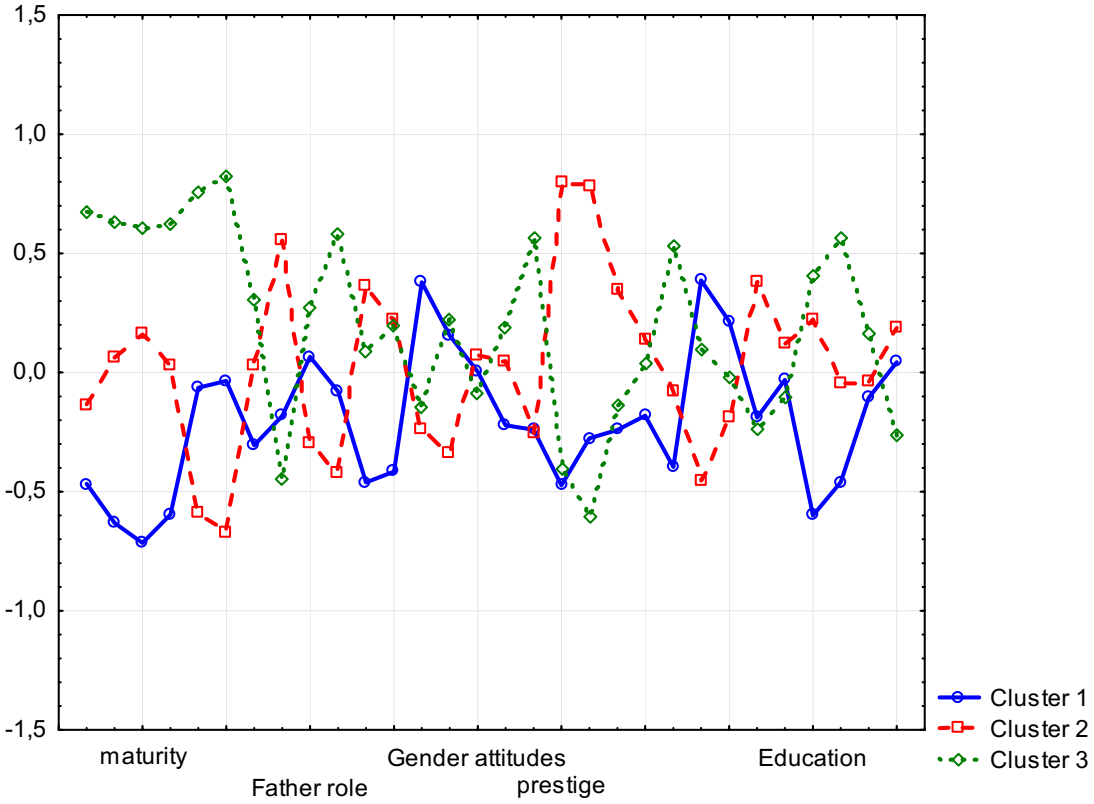

Figure 3.4.2. Results of K clustering of the average data in a sample of adolescents and boys

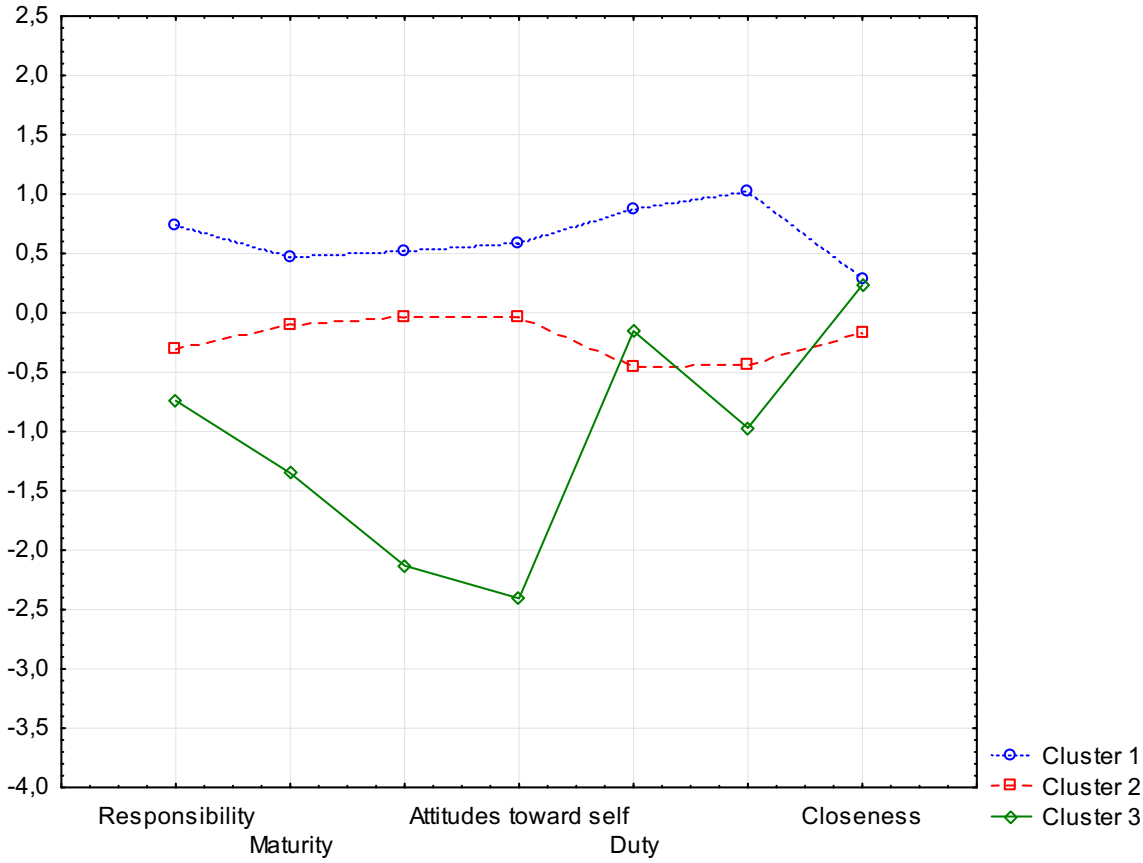

Figure 3.4.3. Results of K clustering of the average data in a sample of adolescents and young men (responsibility and maturity parameters)

In order to further study the selected groups of adolescents and young men, we identified the characteristics of the children caught in each cluster. It turned out that 45% of the subjects fell into the first cluster, in the second 45% and in the third 9% of the subjects. Results of comparison of distribution frequencies by clusters are given in Table 3.4.3.

Table 3.4.3. - Distribution of subjects by cluster for selection of adolescents and young men

	family	**Cluster - 1**	**Cluster - 2**	**Cluster - 3**	**Total.**
Frequency	1	13	16	3	32
Total percentage		20,45%	25,00%	4,55%	50,00%
Frequency	2	16	13	3	32
Total percentage		25,00%	20,45%	4,55%	50,00%
Frequency	In total	29	29	6	64
Total percentage		45,45%	45,45%	9,09%	

This is clearly shown in Figure 3.4.4.

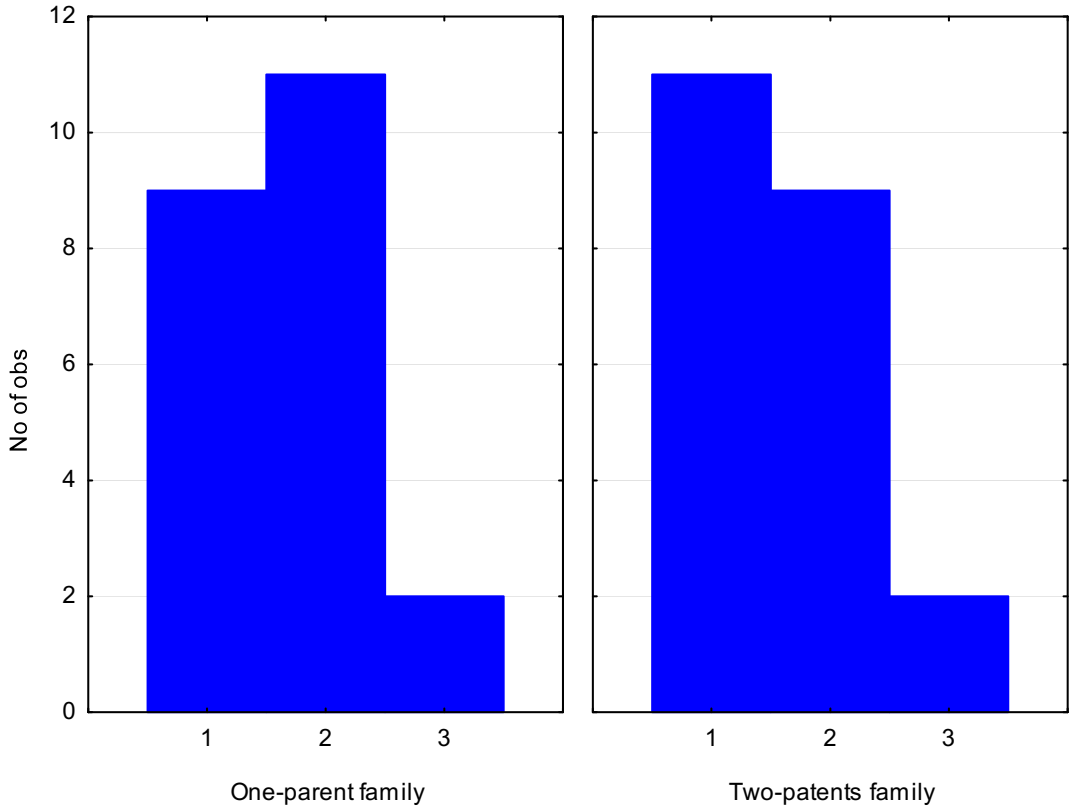

Figure 3.4.4. - Distribution of subjects by cluster for selection of adolescents and young men

As shown in Figure 3.4.4. adolescents from single-parent families are more likely to have divergent characteristics, a mixture of gender roles, adolescents from Two-parent Families are not responsible and immature. The optimal type is the smallest and is equally represented in both groups. These features may be related to the fact that in adolescence the attitude with the child in the family changes, he is given more freedom, as well as to the fact that the personal characteristics of the child become more significant for the formation of psychological readiness for fathering, which makes it possible to develop programs of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering using training work with adolescents. However, differences between adolescents from full and one-parent families persist at this age stage, as shown by the following analysis of the integral indicator of psychological readiness for fathering.

By analyzing the distribution of subjects by cluster according to age, we found that subjects 14 years old fell into the first cluster, subjects 15 years old mainly in the first, subjects 16 years old, partly in the first (11%), however, a significant part (20%) fell into the second cluster, the subjects of 17 years are equally represented in the first and second clusters and partially in the third, the subjects of 18 years fell into the third cluster. However, data for ages 14 and 18 are not reliable due to the small sample count for these ages. Data are presented in Table 3.4.4.

Table 3.4.4. - Distribution of subjects by cluster according to age for the selection of adolescents and young men

Age	Cluster - 1	Cluster - 2	Cluster - 3	In total
14	1,69%	0,00%	0,00%	1,69%
15	8,47%	3,39%	6,78%	18,64%
16	11,86%	20,34%	11,86%	44,07%
17	11,86%	11,86%	10,17%	33,90%
18	0,00%	0,00%	1,69%	1,69%
In total	33,90%	35,59%	30,51%	

This is clearly shown in Figure 3.4.5.

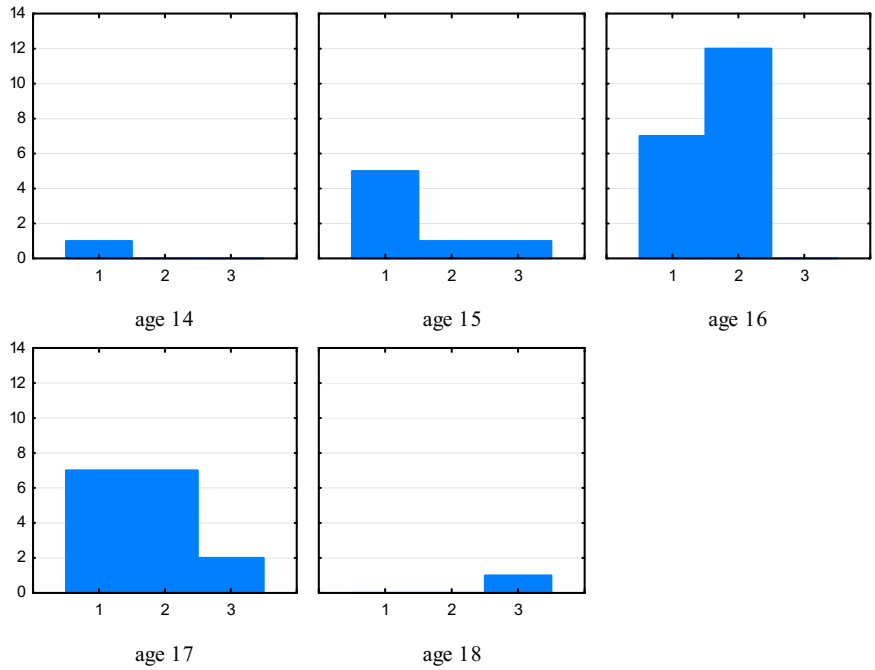

Figure 3.4.5. - Distribution of subjects by cluster according to age for the selection of adolescents and young men

If we analyze the distribution of subjects by clusters in groups of adolescents from full and one-parent families, we get that fifteen-year-olds from full and one-parent families are distributed by clusters almost similarly, however, among adolescents from one-parent families, slightly more children fell into the first cluster (Figure 3.4.6).

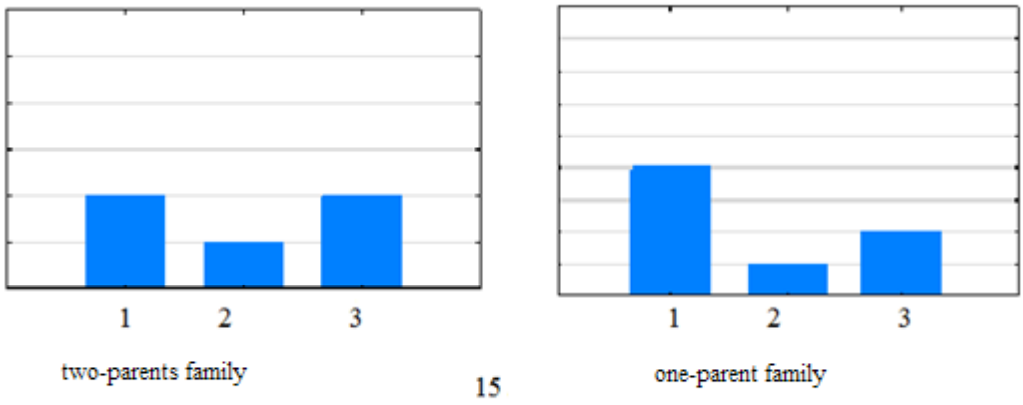

Figure 3.4.6. Distribution of teenagers under test by cluster at 15 years of age

Sixteen-year-olds from complete families fill the first and second cluster, and from incomplete families are represented mainly in the second cluster, that is, they show gender-mixed characteristics (Figure 3.4.7.).

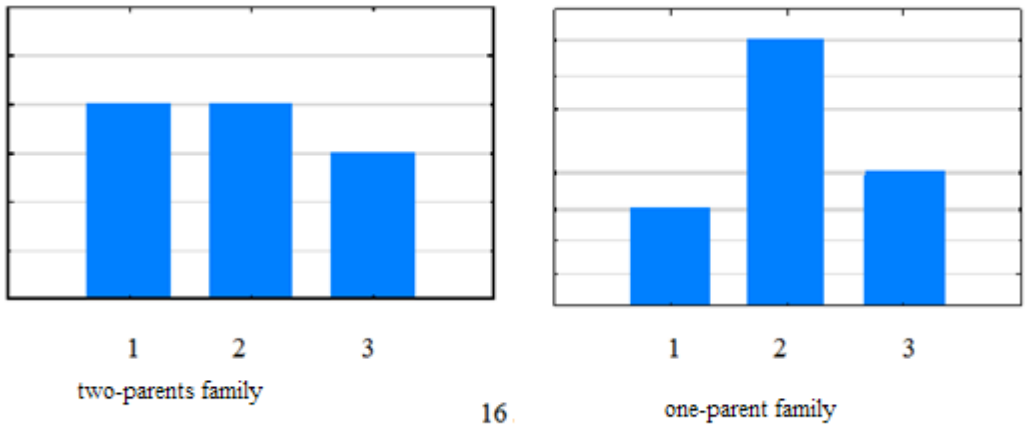

Figure 3.4.7. Distribution of teenagers under test by cluster at 16 years of age

For seventeen-year-olds, the difference is also noticeable. Young men from complete families are more likely to show responsible characteristics, while from

incomplete ones they are more likely to show traditional or gender-mixed characteristics (Figure 3.4.8.).

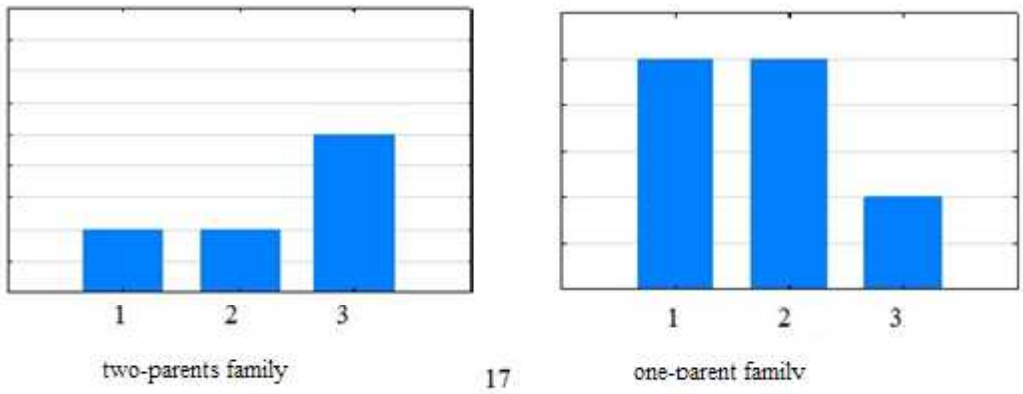

Figure 3.4.8. Distribution of teenagers under test by cluster at 17 years of age

Based on theoretical analysis, we conducted a study of an integral indicator of psychological readiness for fathering for a group of adolescents and boys. Knowing the quantitative characteristics and having criteria for the optimality of the fathering strategy, one can calculate an integral indicator of the fathering strategy for adolescents and boys, which will vary from 0 to 1 and include proportionally equal common components of the fathering strategy:

Next, we conducted a study of the integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering at a given age. The values of the integral indicator of psychological readiness for fathering vary from 0 to 1, so at values 0-0.3 there is a low level; 0.3 - 0.7 average level; 0.7 - 1 high level. Values within each component also vary between about 0 and 1.

So the value of 0-0.3 for adolescents and young men determines the low level of formation of psychological readiness for fathering, associated with violations in the formation of any or several components of psychological readiness for fathering. In the framework of the axiological component at this age, these are the problems of forming a gender role, the problems of forming personal value orientations; within the framework of the reflexive-regulatory component of fathering strategy - lag or advance in physical maturation, lack of competence, self-discipline, arbitrariness, independence, lack of reflection, problems in self-determination. As a praxiological component at a given age,

only behavior is discharged. At low rates, there are visible problems in the boy's behavior towards irresponsible behavior, such adolescents conflict with others, teachers, parents, demonstrate their lack of opinion, social maladaptation, social incompetence, deviant behavior, addictive behavior, as well as lack of guidelines or overly rigid orienteers in the gender role.

Values 0.3-0.7 determine the average level of formation of psychological readiness for fathering and indicate, within the framework of the axiological component, small difficulties in forming a gender role, some difficulties in forming the value orientations of the person and worldview, within the framework of the reflexive-regulatory component - a slight lag or advance in physical maturation, difficulties in the formation of self-discipline, self-regulation, arbitrariness, autonomy, reflection, some problems in self-determination, Within the praxiological component are absence or minor problems in behaviour towards irresponsible behaviour, social maladaptation and incompetence, there may be some conflicts with others, teachers, parents.

Values 0.7-1 determine the high level of formation of psychological readiness for fathering: the axiological component includes the adoption of a gender role, determines the optimal moral development and the formation of a worldview; reflexive-regulatory component is defined through physical maturation, sense of competence, self-discipline, arbitrariness, independence, self-determination, developed reflection. The praxiological component will include gender-typical and in many cases responsible behavior, social adaptation, social competence, successful construction of social relations.

Analysis of the average integral index for the whole group of adolescents and boys shows that the indicator of the axiological component is the lowest, and the indicator of the praxiological and reflexive-regulatory component is the highest of all components (Table 3.4.5., Annex 3). For all adolescents and boys, the indicators of the components of the integral indicator of psychological readiness for fathering are within the framework of average and higher average values, that is, within the framework of the age norm. It is noteworthy that, the axiological component score is the lowest (0.65), and the praxiological (0.71) and reflexive-regulatory component score (0.67) are the

highest of all components, which confirms our assumption that in early and late adolescence, the praxiological and reflexive-regulatory components of the psychological readiness component for fathering are the most developed.

As the analysis of the descriptive statistics presented in Table 3.4.6 (Annex 3) shows, for children from single-parent families, all components are slightly below the sample average.

For children from Two-parent Families, the indicators are also within the sample average (Table 3.4.7, Appendix 3).

Comparison of groups on the indicators of all components of the integral indicator of psychological readiness for fathering according to Student's t-criterion for independent samples showed that significant differences in the components of fathering strategies between adolescents from full and one-parent families were observed only by the praxiological component and integral indicator (Table 3.4.8).

Table 3.4.8. - Results of comparison of integral indicator of teenagers and young men from complete and incomplete families according to Student's t-criterion

Parameters	M One-parent Families	< Two-parent Family	t-value.	p	SD. - 1	SD. - 2
Reflexive regulatory component	0,65	0,66	0,66	0,51	0,11	0,06
Axiological component	0,63	0,65	0,88	0,94	0,06	0,05
Praxiological component *	0,67	0,71	0,36	0,00	0,13	0,12
Integral Indicator *	0,61	0,65	0,12	0,00	0,08	0,07

* marked significant differences

If we analyze the distribution of the results of the integral indicator among the clusters allocated to us, then it turns out that the first group of subjects caught in the first cluster shows low scores in responsibility, reflection and maturity, the value of prestige, self-development, education and family life, great importance is given to the role of the father in family culture and the value of achievements and the lowest scores in the integral indicator.

The test subjects of the second cluster are characterized by high scores on the scale of the role of the father in raising children and leisure, they attach great importance to the values of preserving their own individuality, their own prestige, high material position, creativity, have low points on the value of achievements, in relation to his "Self," the scale of life's attitude and the role of the father in shaping the emotional climate in the family, and on gender attitudes and the average of the integral score.

Appreciation on scales of a maturity and a reflection, a role of the father in formation of emotional climate in family, a scale of parental identity as the supporter, to values of development of, spheres of training and education and family life, low points on a role of the father in parenting, values of own prestige and high financial position and high points on an integrated indicator is characteristic of the third cluster (Figure 3.4.9.).

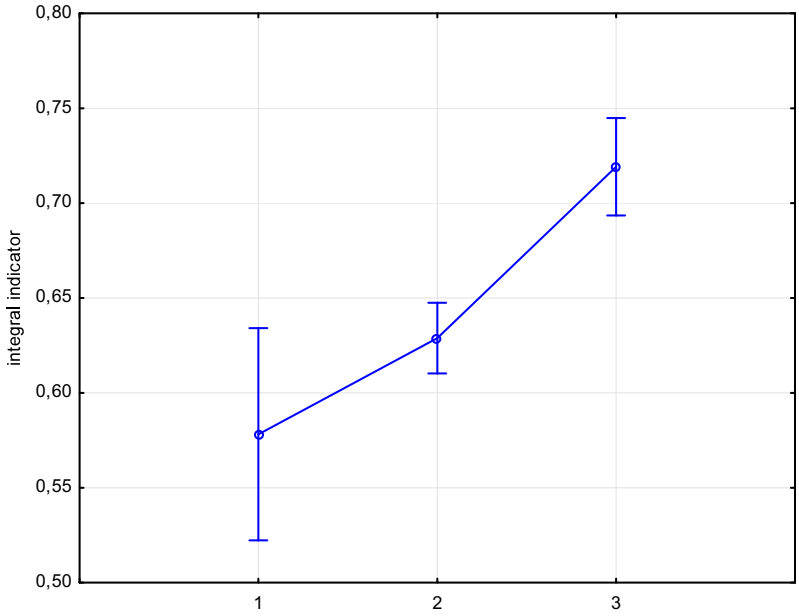

Figure 3.4.9. - Distribution of integral indicator results by clusters for a sample of adolescents and young men

Thus, as seen in Figure 3.4.8, it is possible to clearly distinguish three groups among adolescents and young men, differing in the features of the formation of psychological readiness for fathering, differing in the severity and ratio of the components of the fathering strategy, which can conditionally be called, suboptimal

(non-constructive), acceptable (medium) and optimal (constructive) type of formation of psychological readiness for fathering, having various substantive characteristics.

Table 3.4.9. - Comparison of results of analysis of integral indicator on samples of preschoolers and adolescents and young men on Student's t-criterion for independent variables

Parameters	M teenagers	Secondary preschoolers	t-value.	p	SD 1	SD 2
Reflexive regulatory component *	0,67	0,58	0,38	0,00	0,09	0,12
Axiological component *	0,65	0,54	0,08	0,00	0,05	0,11
Praxiological component *	0,71	0,63	0,09	0,00	0,13	0,06
Integral Indicator *	0,65	0,60	0,49	0,00	0,07	0,05

* significant differences noted

A pairwise comparison with groups from preschoolers and junior schoolchildren shows that adolescents show higher rates for all components of psychological readiness for fathering (Table 3.4.9. and Table 3.4.10.)

Table 3.4.10. - Comparison of the results of the analysis of the integral indicator for samples of junior schoolchildren and adolescents and young men according to Student's t-criterion for independent variables

Parameters	M teenagers	M schoolchildren	t-value.	p	SD 1	SD 2
Reflexive regulatory component *	0,67	0,61	0,08	0,00	0,09	0,17
Axiological component *	0,65	0,62	0,26	0,00	0,05	0,07
Praxiological component *	0,71	0,67	0,38	0,00	0,13	0,20
Integral Indicator *	0,65	0,62	0,08	0,00	0,07	0,14

* significant differences noted

Thus, in adolescence, higher indicators are observed in structural components and in the integral indicator of psychological readiness for fathering, which reflects the age-specific features of the formation of this phenomenon and confirms our assumption that the psychological laws of the formation of psychological readiness for fathering have age-psychological and family specifics. The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

3.5. Characteristics of components of fathering strategies in fathers in early and middle adulthood

The level characteristics of the sample, consisting of 127 people of early and middle adulthood, are presented in the table (Table 3.5.1, Appendix 4), from which it can be seen that the data obtained on the Purpose in life scale (LDS), as well as on the scales of the methodology for diagnosing personal growth, such as maturity, sense of civic duty and life attitude (according to the Gilbuch method), are the greatest. In addition, parameters differ in high variance: paternal attitudes, assessment of oneself and their activity according to the method Personality differential, satisfaction with marriage and assessment of their masculinity (MYF), which indicates the high individuality of the results of these scales, the lowest variance is characterized by scales on the methodology for assessing Plek's parental identity, especially on the scale for assessing the spouse's parental identity as a breadwinner, as well as on the scales for assessing the spouse's parental identity in child care, assessing parental identity in child care in the eyes of the spouse, parental identity as a breadwinner. Low variance is characteristic of the following scales describing values: the value of achievements, the preservation of one's own individuality, reflection, as well as the sphere of professional life and the sphere of education and education . In addition, the results on the internality scale in the field of industrial relations are quite homogeneous. The average age of the subjects is 29.7 years. A comparison of the results of this study with statistical norms says that the average and standard data deviations are within the statistical norms of these methodologies. Thus, we can say that our sample does not have any specific features compared to other men of the same age, therefore, we can conduct further analysis of the results obtained from this sample of men. The average and median for most indicators are almost the same, similar in terms of the assessment of gender values

according to the FATHER method, slightly different in terms of the assessment of parental attitudes.

In order to further study the meaningful characteristics of the components of fathering strategies in men, we conducted a cluster analysis using hierarchical classification according to the method of full association, the results of which are presented in Figure 3.5.1.

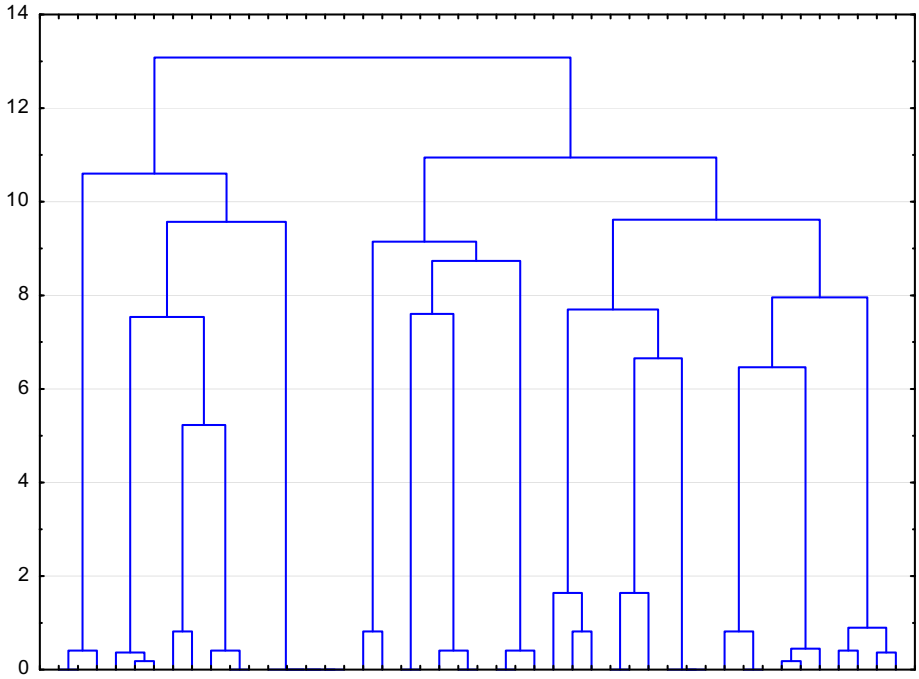

Figure 3.5.1. - Results of cluster analysis in the adult group

The figure shows two clusters, each of which in turn is divided into two more clusters. Using these results to further study the specifics of the selected groups of men, we performed clustering of the data by K average method, the results of which for ease of perception were divided into separate graphs and presented in Figures 3.5.2.- 3.5.5.

Figure 3.5.2. data on clustering of subjects by parameters evaluating paternal attitudes and parental identity in different parental roles are presented, from which it can be seen that the subjects caught in the first cluster are characterized by low scores on the scales of parental identity in child care (traditionally maternal role) and parental identity in the role of breadwinner (traditionally paternal role). At the same time, a man evaluates his wife according to these characteristics highly, as indicated by high scores

on the scales for assessing the spouse's parental identity in child care, and assessing the spouse's parental identity as a breadwinner.

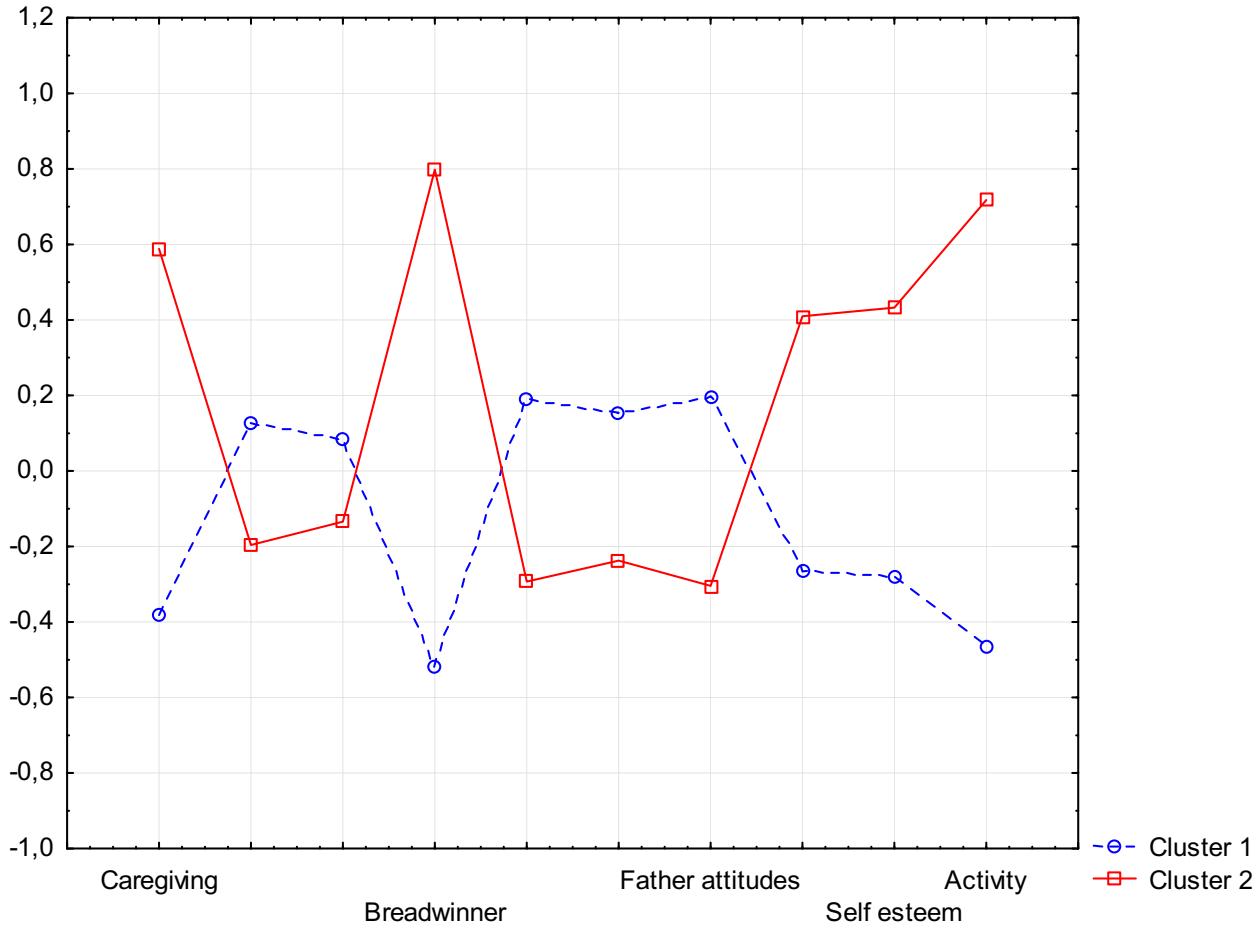

Figure 3.5.2 - Results of data clustering by K method of average in a sample of adults (fathering characteristics)

It is noteworthy that the man believes that according to these parameters, the wife should evaluate him on an equal footing with him, as indicated by the results approximately similar to these scales on the estimated scales (according to the subject) evaluation of the subject by his spouse according to the scales of assessment of parental identity in the care of the child in the eyes of the spouse and assessment of parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse.

The parental attitudes of such subjects are prohibitively high, and they evaluate themselves as a father by factors of strength, assessment and activity quite low. Thus, there is some conflict between the alleged behavior of the "ideal" father and the real

behavior of this man, which is confirmed by the data of the modified methodology for self-assessment of the qualities of the ideal father included in the questionnaire (based on the Dembo-Rubinstein technique). In these subjects, the gap between the assessment of oneself and the assessment of the ideal father was the most significant. Descriptive statistics on these methods for the first cluster are presented in Table 3.5.2. (Annex 4).

The subjects who made up the second cluster are characterized by the following features: high scores on the scales of parental identity in child care (traditionally maternal role) and parental identity in the role of breadwinner (traditionally paternal role), and on the scale describing traditionally male role the results are much higher (Table 3.5.3, Appendix 4). At the same time, men evaluate their wife by these characteristics below themselves, which is indicated by low scores on the scales for assessing the spouse's parental identity in child care, and assessing the spouse's parental identity as a breadwinner. There is a particularly large gap in the scales of parental identity in the role of breadwinner and the assessment of the parental identity of the spouse in the role of breadwinner, which clearly indicates the orientation of men to traditional roles in parenthood. At the same time, men believe that according to these parameters, the wife estimates them slightly higher, what they evaluate their wives, as indicated by close indicators on the scales for assessing the spouse's parental identity in child care, and assessing parental identity in the care of the child in the eyes of the spouse, and assessing the parental identity of the spouse as a breadwinner and assessing the parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse; but much lower than actual male behavior, as evidenced by the difference in the scales of parental identity in child care and the assessment of parental identity in child care in the eyes of the spouse, as well as parental identity in the role of the breadwinner and the assessment of parental identity in the role of the breadwinner in the eyes of the spouse. The parental settings of such test subjects are not as high as those of the first cluster (however, they fit into the framework of average values according to the methodology), but they rate themselves as a father by factors of strength, assessment and activity are quite high. Thus, in this group of men there is a certain balance between the supposed behavior of the "ideal" father and the real behavior of this man, which is confirmed by the data of the modified

methodology for self-assessment of the qualities of the ideal father included in the questionnaire (based on the Dembo-Rubinstein technique). In these subjects, the gap between the assessment of oneself and the assessment of the ideal father was insignificant. Descriptive statistics on these methods for the first cluster are presented in Table 3.5.3. (Annex 4).

Figure 3.5.3. presented are data on clustering of subjects by parameters evaluating personality maturity. The subjects of the first cluster are characterized by low maturity scores, with the exception of the vital setting parameter, it is within the average values. The subjects of the second group (caught in the second cluster) show high maturity scores, but low in the parameter of the life setting.

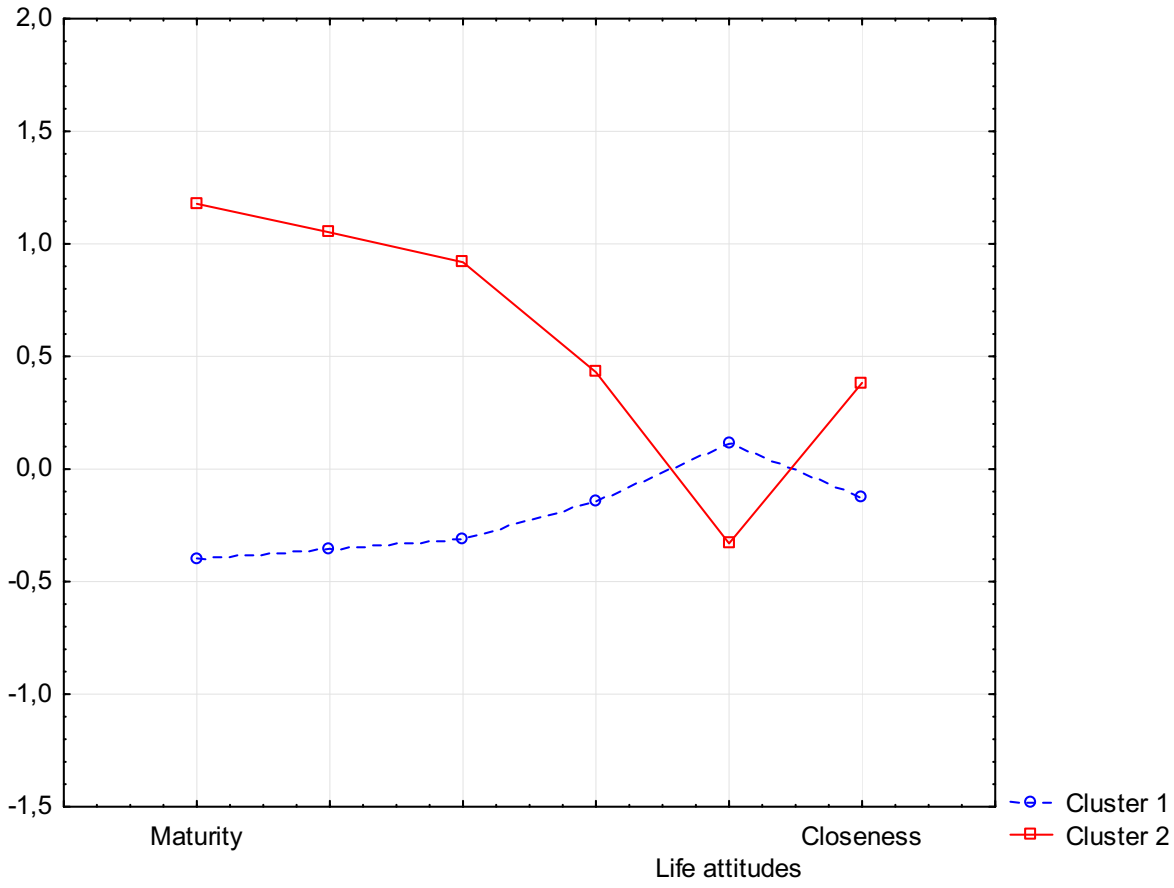

Figure 3.5.3. - Results of K clustering of average data in a sample of adults (maturity)

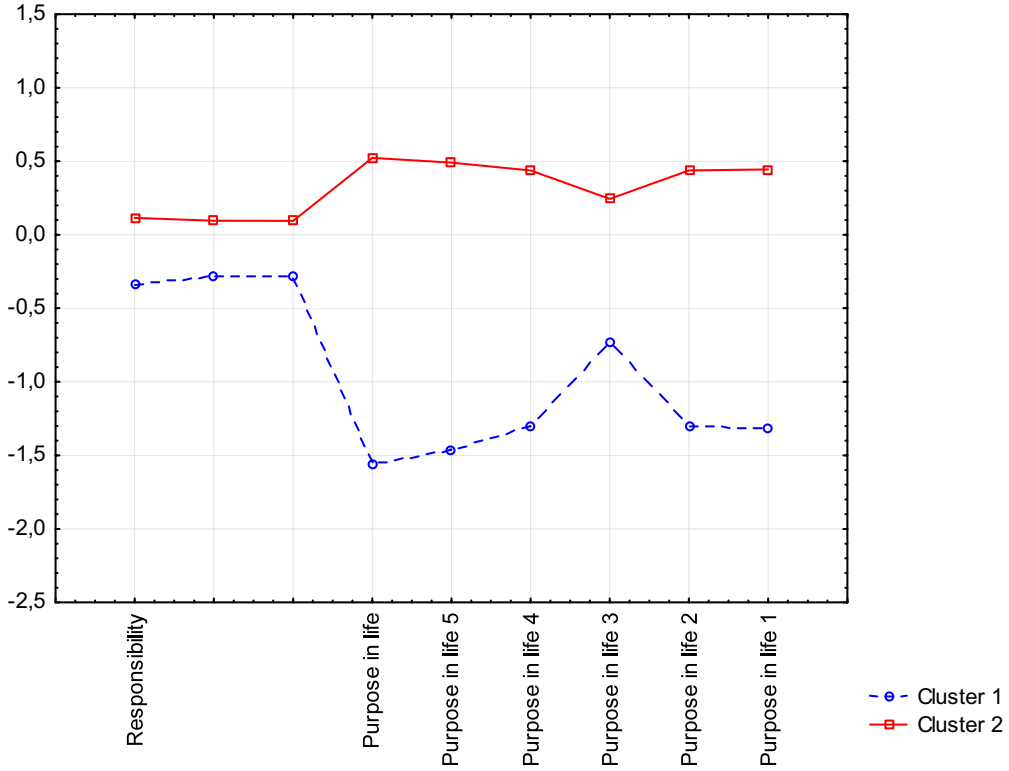

Figure 3.5.4. - Results of K clustering of data by mean in a sample of adults (Purpose in life and responsibility)

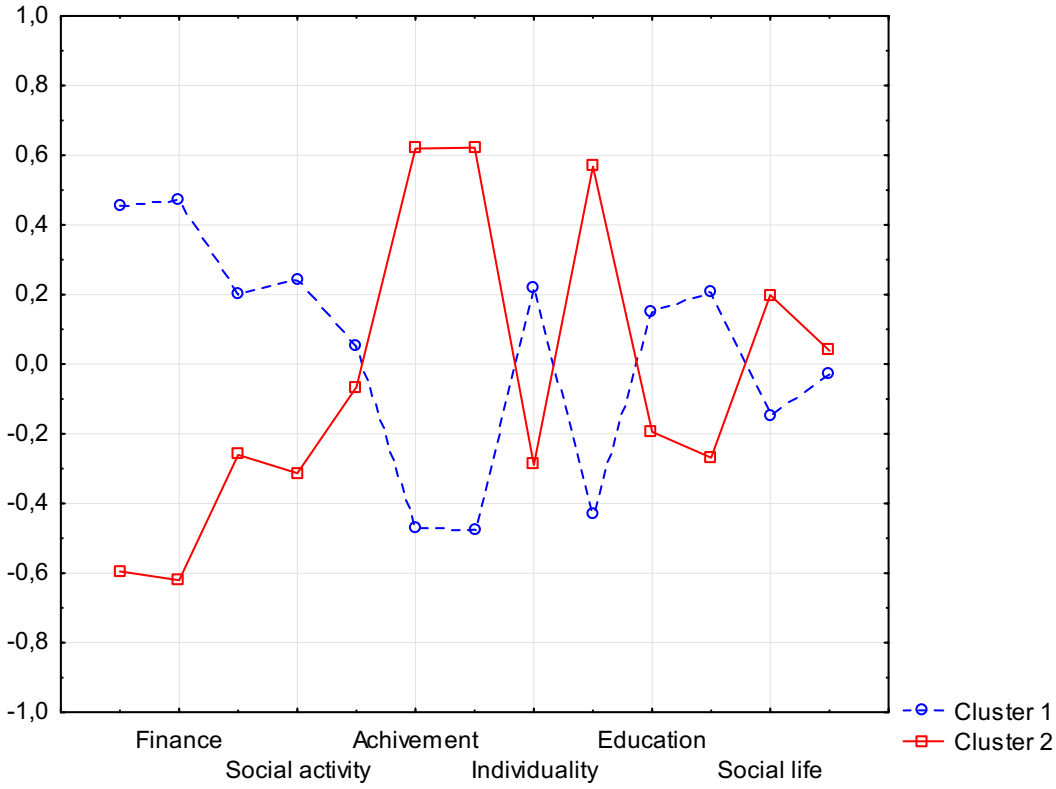

Figure 3.5.5. - Results of K clustering of average data in a sample of adults (values)

Figure 3.5.4. presented are data of clustering of subjects by parameters evaluating parameters of Purpose in life. The subjects of the first cluster are characterized by low scores on all scales. Test subjects of the second cluster show high scores on all scales of LMS and responsibility.

Figure 3.5.5. data on clustering of test subjects by parameters estimating values are presented. The subjects of the first cluster turned out to be the most important values of their own prestige, high material status, the least important - the values of spiritual satisfaction and achievements, as well as the sphere of professional life. For the subjects of the second cluster, the values of spiritual satisfaction and achievements turned out to be important, as well as the sphere of professional and family life, the least important are the values of their own prestige, high material situation and active social contacts. Details are given in Tables 3.5.4 and 3.5.5 in Appendix 5.

Table 3.5.6. - Distribution of subjects by cluster according to age for adult sample

Age	Cluster - 1	Cluster - 2	In total
24 years old	0,00%	2,36%	2,36%
26 years old	0,79%	1,57%	2,36%
27 years old	3,94%	3,15%	7,09%
28 years old	13,39%	17,32%	30,71%
29 years old	9,45%	6,30%	15,75%
30 years	0,79%	2,36%	3,15%
31 years	2,36%	3,15%	5,51%
32 years	3,94%	14,17%	18,11%
33 years	1,57%	7,87%	9,45%
34 years	1,57%	2,36%	3,94%
35 years old	0,79%	0,00%	0,79%
36 years	0,79%	0,00%	0,79%
In total	39,37%	60,63%	

If we analyze the distribution of clusters according to age, then we get that there are no special differences in relation to age (Table 3.5.6.), however, fewer test subjects fell into the first cluster, both in general and separately by age groups (except for the age of 29 years, when the inverse ratio is observed).

Thus, the clusters we have allocated can be conventionally called constructive and non-constructive. Since our two clusters according to cluster analysis are divided into two more subclusters, we will analyze their features. Having singled out the subjects of the first cluster separately, we performed clustering within this group using the K average method. As a result, we received two subclusters 1.1 and 1.2 (Figure 3.5.6.).

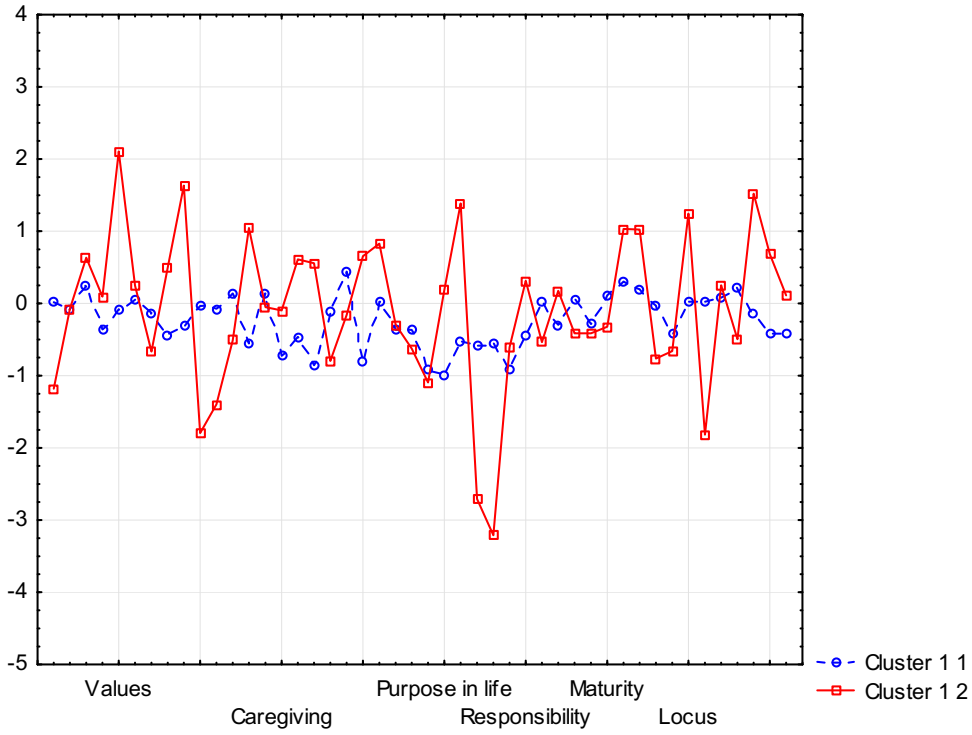

Figure 3.5.6. - Results of K clustering of average data in a sample of adults within the first cluster

As shown in Figure 3.5.6. Cluster 1.1 is characterized by mean values, cluster 1.2. characterized by non-uniformity of data, presence or high or low values.

For test subjects of cluster 1.1. there are high indicators on the scales for assessing the spouse's parental identity as a breadwinner and the scale for relation to their self, and low scores on the following scales: the value of creativity, spiritual satisfaction and the sphere of social life, as well as the scales of parental identity in the care of the child, assessing the parental identity of the spouse in the care of the child, assessing the parental identity in the care of the child in the eyes of the spouse,

assessment of parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse, on all scales of the LMS methodology, parameters evaluation and activity of the method Personal differential, the scale taking responsibility for itself in the prosecution situation, scales of general internality and internality in the field of industrial relations, as well as satisfaction with marriage. These subjects demonstrate femininity according to the C.B. method. These subjects are passive, more oriented to feminic roles, or do not have a clearly formed idea of their paternal role (Table 3.5.7, Appendix 4).

Test clusters 1.2. demonstrate high scores in terms of: values of high material status, spiritual satisfaction, preservation of their own individuality, a scale for assessing the spouse's parental identity in child care, assessments of parental identity in child care in the eyes of the spouse (which is due to the fact that it evaluates itself by traditionally female qualities), estimates of parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse to the strength parameter of the method Personal differential, a scale of health and sickness internality and industrial relations internality and low scores on the values of achievement, professional life, education and family life, low scores on the parental identity scale as a breadwinner, factor of activity of the method Personal differential, scales of LMS "Locus of control - I" and Purpose in life, the scale of acceptance of the responsibility of another person, the maturity of the person, the motivation of achievements, the sense of civic duty and the ability to be psychologically close to another person, as well as scales of general internality, internality in the field of failures, internality in the field of interpersonal relations.

Such subjects do not accept and realize the male gender role, including paternal functions. Part of these subjects shows feminism, the other part shows the highest masculinity according to the method of S. Bam (Table 3.5.8, Appendix 4).

That is, in our sample, feminine men (due to difficulties in the gender role), as well as men with very high masculinity indicators (due to the features described for such men within the theory of hegemonic masculinity) demonstrate unconstructive fathering strategies.

By singling out the subjects of the second cluster separately, we performed clustering within this group by the K average method. As a result, we received two subclusters 2.1 and 2.2 (Figure 3.5.7.).

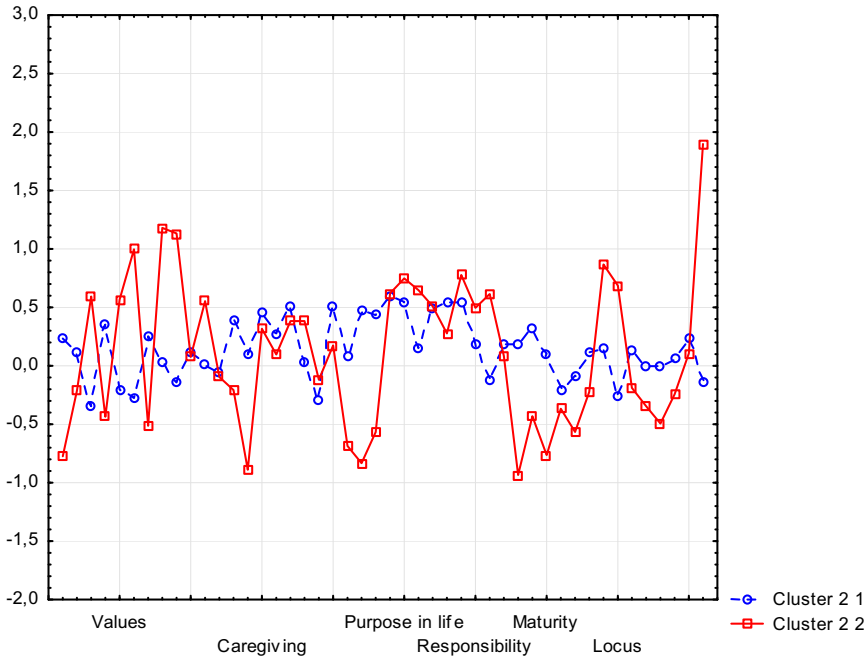

Figure 3.5.7. - Results of K clustering of average data in a sample of adults within the first cluster

Test clusters 2.1. demonstrate high scores on the scales of value of creativity and the sphere of public life, and on the scales of parental identity in the care of the child, assessments of parental identity in the care of the child in the eyes of the spouse, assessment of parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse parameters assessment and activity of the personal differential technique, all LMS scales, achievement motivation scale and low in value of high material position (Table 3.5.9, Appendix 4). These subjects demonstrated androgyny by C. Bam's method. These subjects are active, mobile and easily perform androgynous roles.

Test clusters 2.2. demonstrate high scores on the scales of values of high material status, active social contacts, Developing oneself and the field of learning and education, as well as taking responsibility for oneself, maturity of personality, motivation of achievements, sense of civic duty, scales of parental identity in child care, assessments of parental identity in the care of the child in the eyes of the spouse,

parental identity as breadwinner, all LMS scales, paternal scale, assuming responsibility in the prosecution situation, accepting responsibility of another person, scales of general internality, internality in the field of achievement and satisfaction with marriage and low values of creativity on scales, spheres of hobbies and scales of life attitude and internality in the field of interpersonal relations (Appendix 4, Table 3.5.10). These subjects showed masculinity (main part 82%) or androgyny (small part 18%) according to S. Bam's method. These subjects demonstrate a traditional male role.

That is, the strategies of masculine and androgynous men may differ, while remaining constructive. Thus, we can conclude that constructive strategies are represented by men with androgyny and masculinity (but not the highest values), which is consistent with the theoretical provisions described above. Based on theoretical analysis, we conducted a study of an integral indicator of the optimality of the fathering strategy for a group of fathers in adulthood. Knowing the quantitative characteristics and having criteria for the optimality of the fathering strategy, one can calculate an integral indicator of the fathering strategy for fathers during adulthood, which will vary from 0 to 1 and include proportionally equal common components of the fathering strategy:

Next, we conducted a study of the integral indicator of the formation of psychological readiness for fathering at a given age. The values of the integral indicator of the optimality of the fathering strategy varies from 0 to 1, so at values 0-0.3 there is a low level; 0.3 - 0.7 average level; 0.7 - 1 high level. Values within each component also vary between about 0 and 1. So the value of 0-0.3 for fathers in adulthood determines the low level of development of the fathering strategy associated with disorders in the formation of any or several components of the fathering strategy. As part of the axiological component of the fathering strategy at this age, it is destructive reproductive motivation, lack of acceptance of the gender role of the father, lack of the value of fathering; as part of the reflexive-regulatory component of fathering strategy - personal immaturity, low self-regulation and reflection. Paternal practices characteristic of men at this age are the praxiological component: at low rates, men are characterized by abandonment of the child, incitement to abortion, neglect, abuse of

children, deviant parenthood, irresponsible behavior, lack of opinion, deviant behavior, addictive behavior, social maladaptation.

The values 0.3-0.7 determine the average level of development of fathering strategy and indicate, within the framework of the axiological component, the absence or small difficulties in accepting the gender role of the father, the formed worldview, but difficulties in forming the value of relationships and/or the value of fathering, within the framework of the reflexive-regulatory component of fathering strategy - delaying maturity at any of the levels of maturity, low level of self-regulation and reflection. Within the framework of the praxiological component, it is the absence or slight deviations in behavior towards the lack of responsibility, activity, tolerance or determination of behavior, the difficulty in implementing constructive paternal practices (or the inconsistent implementation of positive and destructive paternal practices).

Values 0.7-1 determine the high level of development of fathering strategy: the axiological component of fathering strategy includes the adoption of the gender role of the father; a shaped worldview, the value of relationships, the value of fathering; the reflexive-regulatory component of the fathering strategy is determined through maturity at the level of the individual, personality and subject of activity, a high level of self-regulation and developed reflection, which will determine the formation of a constructive fathering strategy and self-realization as a parent. The praxiological component of the fathering strategy: will include gender-typical behavior, cooperative interaction with the spouse, responsible behavior, ensuring conditions for normal pregnancy, responsible behavior, active, moral, tolerant and purposeful behavior, the implementation of constructive paternal practices. Considering that the meaningful characteristics of the components of the fathering strategy are developed and implemented in practice characteristics of psychological readiness for fathering, that is, the readiness parameters describe the potential of the future strategy, wherein the formed readiness for responsible fathering is realized in constructive fathering strategies; we can compare the parameters of the integral indicator of psychological readiness for fathering in children, adolescents, boys and young men with parameters of an integral indicator of the optimality of the fathering strategy in male fathers.

Analysis of the average for the entire group of fathers during adulthood shows that the integral indicator and the indicator of the praxiological component are within the average values, the indicators of the axiological, and reflexive-regulatory components are within the high values (Table 3.5.11).

Table 3.5.11. - Descriptive statistics by integral indicator for the entire group of fathers in adulthood

Parameters	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Reflexive regulatory component	0,76	0,59	0,53	0,49	0,70	0,00	0,05
Axiological component	0,75	0,72	Mr.	0,56	0,88	0,01	0,07
Praxiological component	0,78	0,77	0,77	0,42	0,84	0,01	0,11
Integral indicator	0,78	0,69	Mr.	0,51	0,76	0,00	0,06

For all fathers during adulthood, the indicators of the components of the integral indicator of the optimality of fathering strategies are within the average and above average values, that is, within the norm. It is noteworthy that the indicators of the axiological component are the lowest (0.75), and the indicator of reflexive-regulatory and (0.76) and praxiological components (0.78) are the highest of all components of the fathering strategy for fathers in adulthood. Thus, it turns out that among the internal characteristics of the fathering strategy in fathers in adulthood, the reflexive-regulatory component is most pronounced.

If we analyze the distribution of integral score results across the clusters we identified, then it turns out that the subjects who made up the first cluster (demonstrating low scores on the scales of both parental identity in child care and parental identity in the role of breadwinner; at the same time, commending his wife on these parameters; having low scores in maturity and all scales of meaningful orientations; evaluating themselves as a father by factors of strength, assessment and activity is quite low; highlighting as the most important values of their own prestige, high material situation, and the least important - values of spiritual satisfaction and achievement, as well as the sphere of professional life) have the lowest results according to the integral indicator.

Subjects who made up the second cluster and exhibited high scores on both parental identity scales, being higher on a scale describing traditionally male role, high maturity scores and on all scales of meaningful orientations and responsibility; evaluating themselves as a father by factors of strength, assessment and activity is quite high, Having identified as the most important values of spiritual satisfaction and achievement, also the spheres of professional and family life, and the least important - the values of their own prestige, high material position and active social contacts, show high scores according to the integral indicator of optimality of fathering strategy (Figure 3.5.8.).

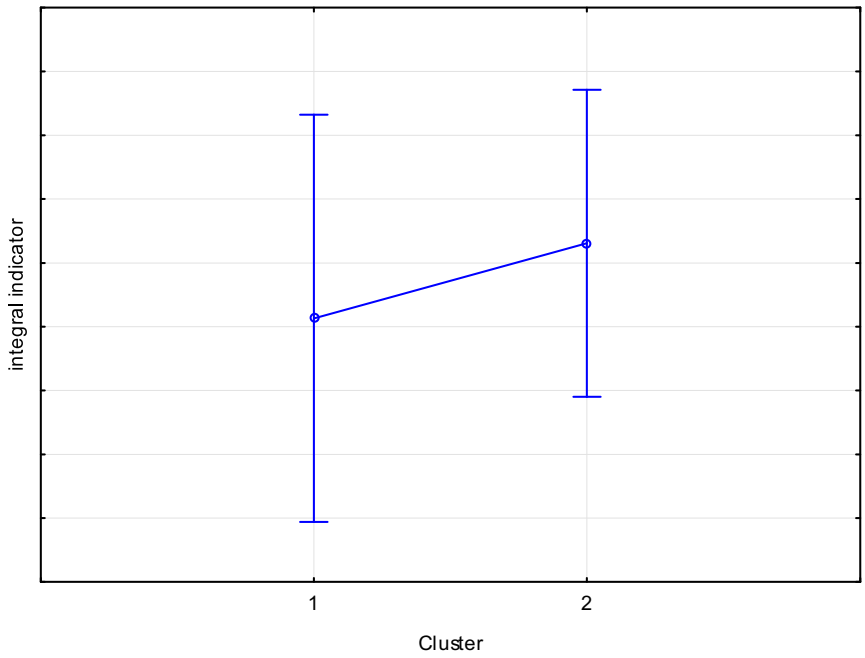

Figure 3.5.8. - Distribution of integral score results by clusters for fathers sample during adulthood

Thus, as seen in Figure 3.5.8, it is possible to clearly distinguish two groups among fathers during adulthood, differing in the features of the development of the fathering strategy, differing in the severity and ratio of the components of the fathering strategy, which can be conditionally called, a suboptimal (non-constructive) and optimal (constructive) fathering strategy, which have different filling content characteristics of the fathering strategy.

A comparison of the results of men who made up different clusters according to Student's t-criterion shows that fathers of the second cluster show much higher rates for all components of the fathering strategy (Table 3.5.12.), with the largest difference noticeable within the framework of the axiological and praxiological components of the fathering strategy.

Table 3.5.12. - Comparison of integral score analysis results from samples of fathers of different clusters by Student's t-criterion for independent variables

Parameters	M 1 cluster	M 2 Cluster	t-value.	p	SD Group 1	SD Group 2
Reflexive regulatory component *	0,66	0,80	0,55	0,01	0,18	0,16
Axiological component *	0,55	0,87	0,34	0,08	0,08	0,09
Praxiological component *	0,51	0,81	0,22	0,03	0,20	0,16
Fathering Strategy Optimal Integral Indicator *	0,65	0,82	0,15	0,00	0,12	0,12

* significant differences noted

Comparison of the results data of the entire sample of men with the data of adolescents and young men according to Student's t-test shows that fathers show higher rates for all components of fathering strategy (Table 3.5.13), which supports our assumption that psychological patterns of formation of fathering strategies have age-psychological specificity.

Table 3.5.13. - Comparison of results of integral indicator analysis on samples of fathers and teenagers and young men on Student's t-criterion for independent variables

Parameters	M teenagers	M - fathers	t-value.	p	SD Group 1	SD Group 2
Reflexive regulatory component *	0,67	0,76	0,65	0,01	0,18	0,15
Axiological component *	0,65	0,75	0,55	0,09	0,08	0,07
Praxiological component *	0,71	0,78	0,22	0,03	0,20	0,19
Integral Indicator *	0,65	0,78	0,15	0,00	0,12	0,13

* significant differences noted

The comparison of the results of the analysis of the integral index of the optimality of the fathering strategy for all groups of subjects of all ages represented in our sample confirms our assumption that the formation of the fathering strategy implies the dynamics of a gradual increase in the indicators of all components of the integral index of the optimality of the fathering strategy from preschool to adulthood.

Comparison of results data from the entire sample of men with data from a group of men of the same age without children (49 persons) by Student's t-test shows that fathers also show higher rates across all components of the fathering strategy (Table 3.5.14.), reflecting the essential specificity of the formation of the given phenomenon. The difference in the indicators of the praxiological component is especially noticeable.

However, if we compare men from the first group of fathers and men without children, then we get completely opposite data (Table 3.5.15).

Table 3.5.14. - Comparison of integral indicator analysis results from samples of fathers and men without children in adulthood by Student's t-test for independent variables

Parameters	M Fathers	M men without children	t-value.	p	SD Fathers	SD men without children
Reflexive regulatory component *	0,76	0,74	0,23	0,00	0,27	0,70
Axiological component *	0,75	0,67	0,24	0,07	1,43	1,62
Praxiological component *	0,78	0,71	0,53	0,00	0,27	0,70
Integral Indicator *	0,78	0,68	0,84	0,05	1,43	1,62

* significant differences noted

Men without children have higher rates on all fathering strategy scales, including the integral rate, than fathers who demonstrate an unconstructive fathering strategy. These results are related to the fact that men who formed the first cluster on fathering strategy implement an unconstructive fathering strategy, which is associated with problems in personal, moral, gender development and personal immaturity. Thus, not the mere presence of children automatically leads to the development of a man's personality, but personality determines the specifics of fathering. That is, our first assumption of the first hypothesis that the constructivity of fathering strategies is interlinked with the maturity of the individual, acceptance of his gender role,

responsibility and value of fathering, as well as the assumption that the adoption of the gender role of the father, Purpose in life, the value of relationships and fathering, as well as personal maturity and developed reflection are interlinked with the constructive strategy of fathering in adulthood, confirmed.

Table 3.5.15. - Comparison of integral score analysis results from samples of first-cluster fathers and non-fathers during adulthood by Student's t-test for independent variables

Parameters	M 1 cluster	M men without children	t-value.	p	SD cluster 1	SD. men without children
Reflexive regulatory component *	0,66	0,74	0,23	0,00	0,17	0,12
Axiological component *	0,55	0,67	0,24	0,08	1,43	1,35
Praxiological component *	0,51	0,71	0,33	0,00	0,67	0,75
Fathering Strategy Optimal Integral Indicator *	0,65	0,68	0,54	0,09	1,03	1,00

A correlation analysis undertaken to test the hypothesis between the results of the integral indicator analysis and the results of the questionnaire showed that there are positive relationships between the following parameters: the axiological component and number of children, positive relations with the father, the desire of the child, the reflexive-regulatory component and the child's desire, the praxiological component and the positive feelings towards the child, representation of the child before birth, participation in the life of the infant child, participation in the life of the child, parental partnership, an integral indicator of the optimality of the fathering strategy and positive feelings in the pregnancy of the wife, positive relationships with the child, parental partnership, and negative relationships between the axiological component and poor relationships with the mother, and the importance of the child's sex, the reflexive-regulatory component and the lack of fathering registration and material difficulties in pregnancy. The results are shown in Table 3.5.16.

Thus, our assumption that the psychological effects of implementing constructive fathering strategies are: responsible fathering (planning the birth of a child, legally formalized status, emotional, physical and financial participation in the life of the child), the formation of positive paternal practices; positive parental attitude and positive interaction with the spouse in the framework of the implementation of parental functions, harmonious marital relations, the development of the personality of the father and the child.

Table 3.5.16. - Correlation analysis results

Parameters	**Correlation coefficient (at $p \leq 0.05$)**
Axiological component - number of children	0,57
Axiological Component - Child Desirability	0,61
Reflexive-regulatory component - child's desire	0,76
Axiological component - positive relationship with father	0,57
Praxiological component - positive feelings for the child	0,56
Praxiological component - representation of the child before birth	0,63
Praxiological Component - Participation in the Life of a Baby *	0,58
Praxiological component - participation in the life of the child	0,67
Praxiological Component - Parent Partnership *	0,68
Integral indicator of the optimality of fathering strategy - positive feelings during wife's pregnancy	0,55
Integral indicator of optimality of fathering strategy - positive relationship with child	0,81
Integral Indicator of Fathering Strategy Optimality - Parent Partnership	0,77
Axiological component - poor relationship with mother	-0,69
Reflexive-regulatory component - absence of fathering registration *	-0,89
Reflexive regulatory component - material difficulties in pregnancy	-0,78
Axiological - the importance of the child's sex	-0,57

* $p \leq 0.01$

To clarify the data obtained through statistical analysis, we conducted a conversation, in addition, open questions were included in the questionnaires, the answers to which specify the attitude of men to the phenomenon under study, but are not sufficiently standardized for statistical processing. Qualitative analysis of these data

indicates that: among men, having no children, 52% believe that they love children, but do not communicate often, 32% often, 12% feel the desire to withdraw, for 76% the sex of the child is not important, their relationship with their mother is rated as very good by 76% of the subjects, no subject considers his or her relationship with his or her mother; as bad, while the relationship with the father is thus classified by 20% of the subjects, however, 68% consider their relationship with the father to be close. 92% of subjects plan to have children in the future and believe that the birth of children should be planned. 92% believe that the appearance of a child will greatly change their lives. 48% ever imagined their future child, while 64% imagine themselves as a father. When asked about the difficulties associated with the birth of a child, 44% answered that these were material difficulties, 28% - responsibility. The practice of joint births is 36% positive, the absolute majority of 44% do not know or do not think about it, 40% believe that with the birth of a child the attitude of others towards them will change, everyone believes that in the positive direction they will become more respectful, while 64% believe that their attitude towards themselves will change, towards greater responsibility, more adulthood. According to this category of subjects, the father should give the child an idea of the world around him, physical education, care, warm support, experience, support, masculinity, an idea of responsibility, wisdom, protection, respect. At the same time, it is noted that the father gives everything that he has, and 85% note the absolute majority.

Among fathers - 76% love children, but do not often communicate, 12% communicate often, for 88% the sex of the child is not important, 76% classify their relationship with the mother as good, with the father -64%. The first child for 92% was desirable, while 52% reacted with joy to the news of pregnancy, 12% experienced fear, 40% did not experience any special feelings, while when they first saw the child, 68% experienced joy and 12% fright. During pregnancy, 52% of fathers imagined a future child, 44% believe that already during pregnancy their life changed a lot, 76% - after the birth of the child. With the birth of a child, men face material difficulties 36%, lack of time 40%, unwillingness, fear of communication with the child 12%. The practice of joint birth is rejected by 52% of male fathers, 16% did not think about this. At the same

time, 68% of fathers were engaged with a baby. Ideally, the father should give the child skills, confidence, upbringing, joy, help, protection, material support, male skills, communication content, responsibility, character education, attitude to people. At the same time, a particular father provides the main life direction, communication, understanding and solving the problems of the child, help, advice, money, life, livelihood, learning, care, love, guardianship, optimism, support, meaning of life, practical skills in assessing the situation and relations, education, future, status. There is also a desire to give everything that is possible and in the power.

The attitude of others after the birth of the child changed towards greater respect for 50%. The attitude towards oneself has changed in 64% of subjects towards greater responsibility (40%), caring for the child, greater seriousness, less attention to oneself, and increased self-requirements.

To the proposal to end the phrase: "A man without a child is..." 72% gave a negative reaction to such a man. The following comparisons were given: according to male fathers, a man without a child is "a hearth without fire," "a house without a roof," "a bird without wings," "life is wasted," "not a man," "without a heart," "emptiness," "tree without leaves," "tree without branches," "car without a motor," "dead end," "egoist," "" boy. "

Thus, a qualitative analysis showed that men who do not have children at the moment plan to do this in the future, while they quite imagine themselves as fathers and believe that the birth of a child will greatly change their life - with the birth of a child, the attitude of those around them will change in the positive direction, their attitude towards themselves will also change. That is, it can be stated that there are certain ideas and stereotypes about fathering in men who do not yet have children.

Fathers are characterized by a positive attitude towards fathering, they believe that the attitude of others changes for the better, and the man changes in the direction of greater responsibility and increased requirements for himself. Difficulties can also be noted in answering some specific questions regarding interaction with the child, which may indicate less involvement of specific fathers in the life of children.

Correlation analysis carried out when adapting the translation of Joseph Pleck's Parental Identity Questionnaire methodology with the participation of 738 fathers of different ages (mean age 30.7 years), descriptive statistics of raw scores of which are presented in Table 3.5.17. (Appendix 4), showed that there are relationships between relationships with your own father in childhood and the parameters of fathering of the man himself.

Thus, for the entire sample of men, there is a relationship with the father and the significance of assessing the parameters of fathering of the wife (the scale for assessing parental identity in the care of the child in the eyes of the spouse and the scale for assessing parental identity in the role of the breadwinner in the eyes of the spouse), as well as satisfaction with marriage (Table 3.5.18.).

Table 3.5.18. - Relationship with father in childhood with different parameters

Parameters	CBIRAI Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	CBIRAI Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	Satisfaction with marriage
Relationship with father	0,24*	0,12*	0,23*

* results are significant at $p \leq 0.01$

Table 3.5.19. - Relationship of satisfaction with marriage with different parameters

Parameters	CBIRAI Caregiving Identity	CBIRAI Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	CBIRAI Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	Relationship with father
Satisfaction with marriage	**-0,76***	**0,29***	**0,28***	**0,23***

* results are significant at $p \leq 0.01$

And satisfaction with a man's marriage is associated with the scale of parental identity in the care of a child (that is, how much he helps his wife in everyday care for the child), a scale for assessing parental identity in child care in the eyes of the spouse (how much this is assessed and appreciated by the spouse) and what requirements for

the material contribution of the father she makes (the scale of assessment of parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse), as well as with relations with the father (Table 3.5.19.).

Separately analyzing the results of men divided into groups by the parameter "relationship with the father in childhood," we received interesting results. For men who described their relationship with their father in childhood as "absence of the father" (0 points), there is a relationship of satisfaction with marriage and scales for assessing parental identity in the care of the child in the eyes of the spouse and assessing parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse (Table 3.5.20).

Table 3.5.20. - Relationship of satisfaction with marriage with different parameters in men who grew up without a father

Parameters	CBIRAI Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	CBIRAI Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal
Satisfaction with marriage	0,64*	0,72*

* results are significant at $p \leq 0.01$

That is, for such men, the assessment of their paternal practices by the wife is significantly important. For other groups of men, including those who described their relationships as conflicting (1 point), even (2 points) and warm (3 points), no significant correlations were found. It turns out that men who grew up without a father are much more focused on their spouse in their paternal practices than other men.

Additionally, we undertook to determine the peculiarities of paternal attitude of a man who grew up in conditions of paternal deprivation, an empirical study in which 60 fathers took part, 32 of whom grew up in conditions of paternal deprivation, 28 - the control group (KG) showed similar results [82, p. 145-148, 490]. The average age of men was from 24 to 50 years. The study took place between February and April 2012. A study of the level characteristics of a sample of 60 people shows that the greatest variation is observed in data on general stereotypical ideas about parenthood, both for the whole sample and for both groups, which indicates a high individuality of the results

of this questionnaire. The data obtained by the J. Pleck technique are more homogeneous both within the sample and within each group, indicating a certain pattern of behavior. Comparing the results of this study with statistical norms says that the average and standard deviations of the data on scales are within the statistical norms of the data of the methods, the data on the PARI questionnaire are a high norm, the data on the J. Plek method correspond to the average values of the norms. The Fisher test test at a significance level of 0.05 showed that the variances of both groups differ insignificantly.

A check on Student's t-criterion showed that groups of men brought up in a full and incomplete family differ in the following parameters: the spouse's parental identity in the care of the child; parental identity as a breadwinner; parental identity as a breadwinner in the eyes of the spouse; role-based selection; restricting the mother to the role of housewife; "sacrifice" of parents; child's dependence on the mother; avoiding communication with the child; accelerating the development of the child; marriage; marriage experience; a man's attitude to his father.

The structural analysis of the findings from our study is to identify and examine the relationship of paternal deprivation in childhood with parental relationship parameters. For this, we conducted a correlation analysis according to Spearman, which showed that there is a relationship between relations with the father in childhood and the results according to the method of J. Plek: the spouse's parental identity in the care of the child means that the man acts according to the maternal stereotype in communication with the child; identity in the role of breadwinner, identity in the role of breadwinner in the eyes of the spouse, is that a man identifies himself with the breadwinner, through a relationship with the spouse; role choice (most likely associated with problems in the role choice of a man between maternal and paternal functions in caring for the child).

It is noteworthy that in men who grew up in Two-parent Families, such a connection was not found, which indicates the presence of a problem precisely in connection with the formation of a model of male and paternal behavior in childhood. As well as PARI parameters such as: limiting the mother to the role of the mistress of

the house (excessive claim to a male role, as a result of the weakness of male role models); "sacrifice" of parents; the child's dependence on the mother, avoiding communication with the child, which indicates problems in the relationship with the child; accelerating child development (Table 3.5.21.).

Table 3.5.21. - Parameters related to absence of father in childhood

Parameters	Correlation coefficient (at p≤ 0.05)
Caregiving Reflected-Appraisal	-0,53
Breadwinner Identity	0,50
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	-0,61
Accelerating Child Development	-0,42
Avoiding communication with a child	-0,39
Child's dependence on the mother	0,52
"Sacrifice" of parents	-0,50
Restriction of the mother to the role of the owner of the house	-0,45

For men who grew up in a Two-parent Family, relationships such as: parental identity as a breadwinner (male model of behavior); child's dependence on the mother; preservation of marriage (that is, men who grew up in a Two-parent Family are less likely to divorce); marriage experience (respectively); relationship with father (Table 3.5.22).

Table 3.5.22. - Parameters related to Two-parent Family upbringing

Parameters	Correlation coefficient (at p≤ 0.05)
Breadwinner Identity	0,50
Relationship with father	0,94
Preservation of marriage	0,49
Dependence of the child on the mother;	0,45

To refine the data obtained by correlation analysis, a detailed comparison of the correlation matrices of the two groups of subjects was made. Quantitative comparison of inter-level relationships in the correlation matrix suggests that in both groups the parent relationship is structured in the same way, but the quality of these relationships is different.

Men who grew up in an incomplete family (Table 3.5.23) are characterized by such relationships as: parental identity in the care of a child in the eyes of a spouse with the sacrifice of parents; parental identity in the care of a child with the fear of harming the child; parental identity in the care of a child with relationships with parents; marriage with suppression of the child's will; encouraging the activity of a child with a marriage; the husband's insensitivity to his wife with the experience of marriage; number of children with suppression of child sexuality; the power of a mother with a parental identity as a breadwinner; accelerating the development of the child with the presence of marriage; age with dependence of the child on the mother; the "sacrifice" of parents with a man's relationship with his parents; relations with parents with the inattention of the husband to his wife.

Table 3.5.23. - Relationships of parameters in the group of men from an incomplete family

Interrelated Parameters		**Correlation coefficient (at p≤ 0.05)**
Caregiving Identity	Suppressing the aggressiveness of a child	0,678
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	Parental sacrifice	0,742
Parental identity in child care	Fear of harming a child	0,76
Parental identity in child care	Relationship with parents	0,7
Marriage	Suppression of the child's will	0,774
Encouraging Child Activity	Marriage	0,894
Husband's inattention to his wife	Marriage experience	0,819
Number of children	Suppressing Child Sexuality	0,866
Mother's Power	Parental identity as breadwinner	0,685
Accelerating Child Development	Marriage	0,794
Age	Child's dependence on the mother	0,74
Parental sacrifice	Relationship with parents	0,777
Relationship with parents	Husband's inattention to his wife	0,786

Therefore, it can be seen here that most relationships include parameters of relationships with their own parents and child and describe a transgenerational problem.

The second group (men who grew up in a Two-parent Family (Table 3.5.24)) is characterized by such relationships: parental identity in the care of a child with the "sacrifice" of parents; the equality of parents and children with the spouse's parental

identity in the care of the child; suppressing the aggressiveness of a child with a parental identity as a breadwinner; martyrdom of parents with parental identity as a breadwinner; parental identity in the care of the child with the opportunity for the child to speak out; "sacrifice" of parents with role choices; A friendly relationship between parents and children with role-playing choices; "martyrdom" of parents with comparison with a partner; relations with parents with the opportunity for the child to speak out; relations with the spouse with the rigour of the parents; relations with the spouse with the suppression of the aggressiveness of the child; relationship with the spouse with the obsession of the parents.

Table 3.5.24. - Relationships of parameters in the group of full-family men

Interrelated Parameters		**Correlation coefficient (at p≤ 0.05)**
Caregiving Identity	Parental sacrifice	0,434
Equality of parents and children	Parental identity of the spouse in the care of the child	0,475
Suppressing the aggressiveness of a child	Parental identity as breadwinner	0,484
Martyrdom of parents	Parental identity as breadwinner	0,629
Giving the child the opportunity to speak	Parental identity in child care	0,515
Parental irritability	Parental identity in child care	0,459
Parental sacrifice	Role Choice	0,509
Parent-Child Friendships	Role Choice	0,505
Martyrdom of parents	Comparison with partner	0,448
Relationship with parents	Giving the child the opportunity to speak	0,449
Relationship with his wife	The rigor of parents	0,447
Relationship with his wife	Suppressing the aggressiveness of a child	0,482
Relationship with his wife	Parental Obsession	0,576

It can be seen here that most relationships involve relationships with a spouse and a child and describe the problem of relationships [490].

However, according to the questionnaire, all men in this sample build relationships with their children, therefore, the absence of a paternal model of behavior determines not the ability/inability to be a good father, but the features of building paternal behavior in conditions of lack of male patterns of behavior with the child.

There is also a large dependence of the child on the mother in men from an incomplete family. This is due to the fact that if there is no auxiliary or balancing influence of the father, then it is natural that the importance of the mother's personality becomes much greater than under normal circumstances. Thus, fathering strategies for men who have grown up in a full or incomplete family are different.

The results of the study support our assumption that the psychological effects of constructive fathering strategies are family specific.

Table 3.5.25 - Results of comparison of groups of men and women without children according to Student's t-criterion *

Parameters	**M (female)**	**M (male)**	**t-value.**	**p**	**SD (female)**	**SD (male)**
RI educational and caring	3,38	3,02	6,82	0,00	0,28	0,40
RI Provider	3,86	4,05	-2,05	0,04	0,58	0,48
Ruminative Search	14,87	16,57	-2,29	0,02	4,58	4,48
Paternal installations	27,66	25,70	4,06	0,00	2,74	3,33
Locus of control - I	19,92	17,58	3,36	0,00	4,28	4,31
Locus of control - life	29,77	27,40	2,56	0,01	6,09	4,91
Making Sense of Life	97,85	91,82	2,04	0,04	18,85	17,21

* Only significant differences presented

To study the gender specifics of psychological readiness for parenthood, we conducted an additional study in which 163 people participated, of which 60 were men and 103 were women. The average age of the subjects was 19.32 years (men - 20.08; women - 18.92). All subjects are students of Kemerovo State University, studying in various areas of training. Participation in the study was based on the voluntary reasoned consent of the subjects.

Comparison of groups of men and women without children according to Student's t-criterion (Table 3.5.25) revealed significant differences in the following parameters: educational, caring and provider parental identity, Ruminative Search, paternal

attitudes, locus of control - I, locus of control - life and Purpose in life. At the same time, women have higher all the parameters, except for provider parental identity and Ruminative Search.

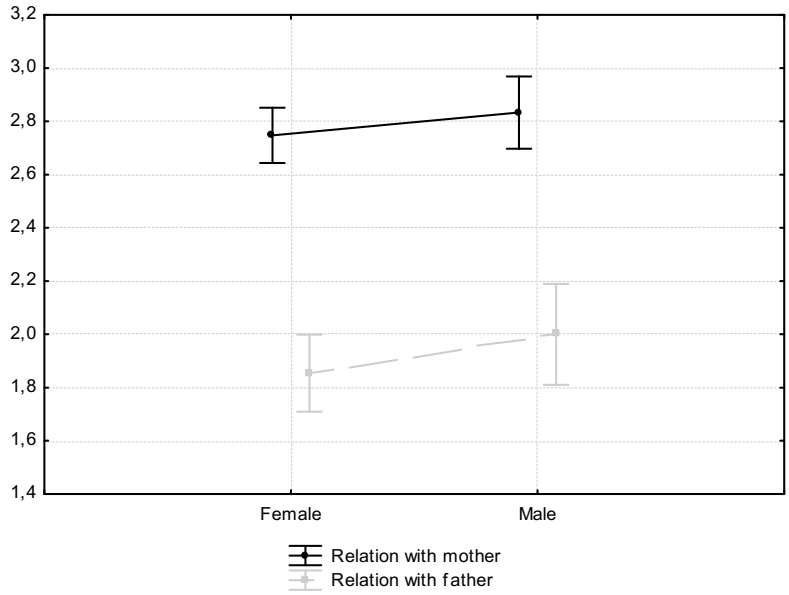

Figure 3.5.9 - Results of variance analysis of parameters of relationship with parents in men and women without children

The variance analysis undertaken for completeness of the analysis showed that men rate their relationship with mother and father higher (Figure 3.5.9). Their educational and caring parental identity is expressed lower, and the Breadwinning Identity is higher than that of women (Figure 3.5.10).

Differences were identified between search characteristics and obligations in men and women without children (Figure 3.5.11). Commitment and identification with commitments in men are on average lower than in women, with search in width and Ruminative explorationexpressed more strongly in men. However, the Exploration in depth is more pronounced in women.

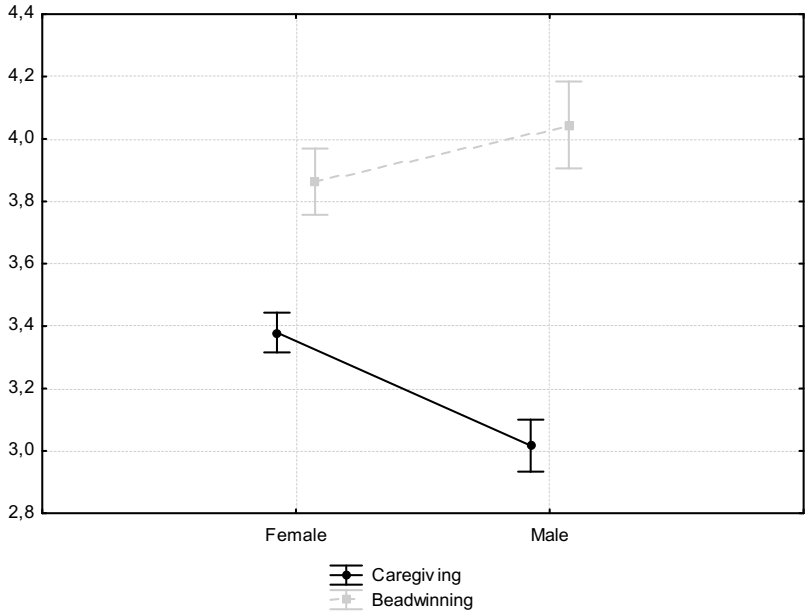

Figure 3.5.10 - Results of variance analysis of parental identity parameters in men and women without children

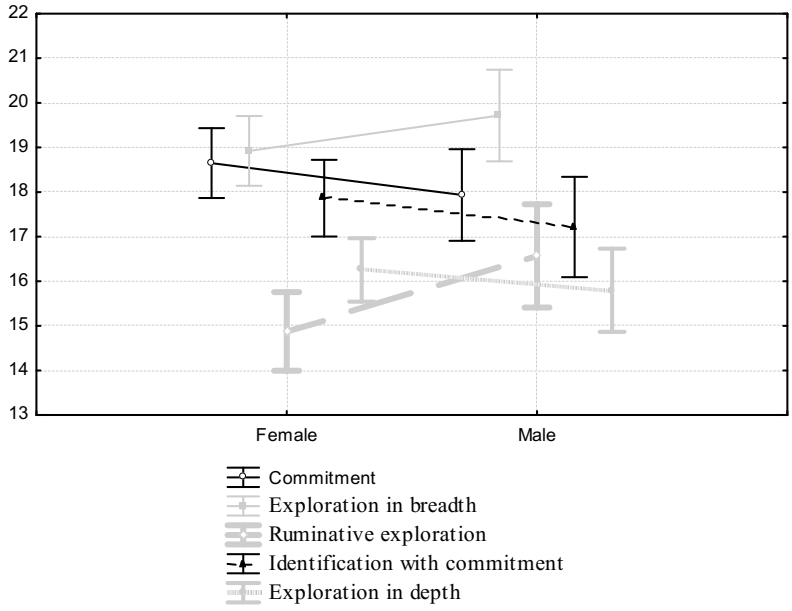

Figure 3.5 11. - Results of variance analysis of identity formation processes in men and women without children

In addition, group-wide data matrices of men and women were factorally analyzed with the axis rotation subprogramme.

Table 3.5.26. - Results of factor analysis for a sample of women without children

Options/Factors	**Sense of identity**	**Meaningful commitments**	**No Search**
Age	0,53	-0,10	-0,11
Attitudes towards children	-0,26	0,44	0,20
Relationship with mother	-0,44	0,36	0,24
Relationship with father	-0,19	0,31	0,24
Future child planning	-0,10	0,01	-0,04
Caregiving Identity	-0,09	0,14	-0,28
Breadwinner Identity	-0,09	0,15	-0,14
Feeling grown up	0,68	0,40	0,07
Assessment of respect for others	0,59	0,47	0,04
Feeling mature	0,68	0,33	0,13
Found a place in life	0,59	0,55	0,09
Found Lifestyle	0,69	0,46	0,09
The Circle of Communication Found	0,44	0,42	-0,09
Sense of identity	0,78	0,56	0,07
Commitment	0,34	0,75	-0,13
Search Width	-0,04	0,15	-0,76
Ruminative Search	-0,38	-0,36	-0,64
Identification with obligations	0,29	0,74	-0,16
Exploration in depth	0,04	0,07	-0,71
Paternal installations	-0,10	0,38	-0,34
Achieved identity	-0,09	0,68	-0,17
Diffuse identity	-0,04	-0,73	-0,01
A Foregone Identity	0,24	0,14	0,31
Goals in Life	0,27	0,86	0,02
The Process of Life	0,15	0,86	-0,01
Impact of life	0,25	0,83	0,05
Locus of control - I	0,31	0,84	0,02
Locus of control - life	0,09	0,88	0,09
Making Sense of Life	0,22	0,93	0,03
Total dispersion	4,23	8,90	2,10
Proportion of variance	0,15	0,31	0,07

As a result of the processing of data for each sample, it was revealed that stable factors can be distinguished for the phenomenon we are studying. Stability was tested by a similar procedure for half of the sample obtained randomly. The sign of the factor load has a mathematical, not an estimated meaning and shows to which pole of the factor the scale in question belongs. For young women (Table 3.5.26), 3 factors are distinguished (factor analysis with varimax raw rotation): the first "Sense of identity" factor (0.15 of the total variance, bipolar), the second "Meaningful obligations" factor

(the most significant - 0.31 of the total variance) is also bipolar, the third "No search" factor has a small weight (dispersion fraction 0.07 with total variance 2.1).

For young men, four stable factors can be distinguished using factor analysis with varimax raw rotation: (Table 3.5.27) with dispersion fractions of 0.26; 0,18; 0.12 and 0.10, respectively.

The first factor "Meaningful obligations" (total variance 7.43, variance fraction 0.26) bipolar combines at the positive pole various aspects of comprehensiveness of its obligations, achieved identity, on the opposite - diffuseness of identity.

The second "Sense of Identity" factor (total variance 5.35, variance fraction 0.18) is also bipolar, combines various aspects of identity and adulthood at the positive pole, and search on the opposite.

The third Parent Settings factor (variance 3.38, variance fraction 0.12) and the fourth Parent Identity Search factor (total variance 2.81, variance fraction 0.10) are also bipolar and least loaded.

We found that between men and women without children there are significant differences in the following parameters: educational, caring and provider parental identity, Ruminative Search, paternal attitudes, locus of control - I, locus of control - life and Purpose in life.

At the same time, women have higher all the parameters, except provider parental identity and Ruminative Search, which is consistent with other studies of men and women who already have children. Higher paternal attitudes in women than in men indicate higher expectations of women to play a paternal role as her future partner, while on average young people are not ready to meet such expectations, then in the future may contribute to various conflicts on this basis.

Table 3.5.27. - Results of factor analysis for the sample of men without children

Options/Factors	Meaningful commitments	Sense of identity	Parent Settings	Finding Parent Identity
Age	0,48	0,17	-0,11	-0,55
Attitudes towards children	0,46	-0,08	0,38	0,50
Relationship with mother	0,19	0,09	0,52	-0,45
Relationship with father	0,34	0,22	-0,12	0,60
Future child planning	0,39	0,07	0,76	-0,04
Caregiving Identity	-0,23	0,04	0,59	0,23
Breadwinner Identity	0,16	-0,29	0,29	0,20
Feeling grown up	0,30	0,75	-0,27	-0,16
Assessment of respect for others	0,12	0,79	0,19	-0,05
Feeling mature	0,05	0,78	-0,32	0,04
Found a place in life	0,26	0,81	0,13	0,00
Found Lifestyle	0,16	0,63	0,52	-0,09
The Circle of Communication Found	0,24	0,40	0,65	-0,15
Sense of identity	0,25	0,91	0,23	-0,09
Commitment	0,61	0,11	0,38	0,04
Search Width	0,29	-0,61	0,18	0,23
Ruminative Search	-0,25	-0,47	-0,20	0,61
Identification with obligations	0,61	0,03	0,35	-0,18
Exploration in depth	-0,09	-0,31	0,00	0,75
Paternal installations	0,12	-0,41	0,57	0,29
Achieved identity	0,60	-0,31	-0,13	-0,44
Diffuse identity	-0,75	0,09	-0,01	0,36
A Foregone Identity	0,26	0,31	0,22	0,11
Goals in Life	0,84	0,32	0,05	0,02
The Process of Life	0,87	0,27	0,17	0,01
Impact of life	0,83	0,20	-0,01	0,16
Locus of control - I	0,80	0,06	0,44	-0,16
Locus of control - life	0,85	0,10	0,04	-0,09
Making Sense of Life	0,95	0,18	0,10	0,04
Total dispersion	7,43	5,35	3,38	2,81
Proportion of variance	0,26	0,18	0,12	0,10

A variance analysis undertaken to complete the analysis showed that men rate their relationship with their mother and with their father higher. Making commitments and identifying with commitments in men on average is lower than in women, searching wide and intrusive searching - higher. The Exploration in depth is more pronounced in women. Men in the period of early adulthood are at the primary stage of the search -

search wide (search for behavior options, development trajectories, directions, places), therefore, without determining the options, they cannot decide on obligations. Thus, they find themselves in a state of moratorium. Women of the same age are characterized by a search deep into the commitments already made. That is, they have already gone through the processes of searching wide, making commitments. This may be due to the fact that young women are previously defined in life and "achieve" identity, but may also be associated with a predetermined identity. In young men, an Ruminative explorationis more pronounced - rumination, search in a circle. This may be due to the complexity of self-determination in modern social conditions precisely for young men, the difficulties of finding their place in a changing world, since male role is more socially deterministic than female.

The peculiarities of the factor structure in men and women pay attention to themselves. For women, the most loaded factor is Meaningful obligations, in addition to it, factors of sense of identity and lack of search stand out. Women include maternal roles in their repertoire, making commitments, making sense of them, and the consequences of making those commitments, but do not seek to shape them for themselves.

Young men have more factors. They are more evenly loaded. Unlike women, men are characterized by a search for parental identity related to relationships with the father and attitudes towards children. Thus, we found that women are more informed in this area, are more interested in these issues and are more willing to assume parental obligations in the future, men are characterized by blurred ideas and difficulties in finding information on parenthood issues, such uncertainty complicates the formation of a conscious readiness to take parental obligations. The phenomenon of lack of awareness of parenthood in young men prior to the partner's request for the birth of a child was described, however, without identifying its mechanisms in article A. Rotkirch [30]. Thus, we described the gender features of the stage of parental identity formation in young people without children, and for the first time identified the causes of some differences manifested in different rates of parental identity formation.

Men in early adulthood are at the primary stage of the search, when there is a search for behaviors, developmental trajectories, directions, searching for their place in the new coordinate system (in this case, in a special area of life - parenthood), therefore, without determining possible and acceptable behaviors for them, they cannot decide what obligations they can, want or are ready to assume in this area of life. Thus, they find themselves in a state of moratorium, leaving time for themselves to make decisions and choose possible behaviours and forms of relations in this area until the appearance of a relationship with a specific female mother of the future child. Women of the same age are well informed in this area, willing to make commitments in this area at any time in the future, which, however, leaves the opportunity to search and collect information and discuss issues related to parenthood. Thus, the procedural side of the development of psychological readiness for parenthood in men and women without children is characterized by a difference in pace.

Among men and women with children, 721 people participated in the study, of which 401 were men and 320 were women. The average age of the subjects was 35.49 years (men - 34.09; women - 36.72). All subjects are residents of Russia. All subjects are married, have one child (37% men, 39% women), two children (59% men, 58% women), three or more children (4% men and 3% women). Among the men tested, 96% have a permanent job, 1% do not work, 3% are pensioners. Among women, 85% have a permanent job, 11% do not work, 4% are pensioners. Participation in the study was based on the voluntary reasoned consent of the subjects.

Analysis of the level characteristics of the sample, consisting of 721 people of early and middle adulthood, showed that the most variance was the data obtained from the Purpose in life Scale (LDS), as well as from the ISRI-PI methodology scale, the sense of parental identity, from the U-MICS-PI scales: commitment and Exploration in depth, according to the DIDS methodology scales: commitment, wide search, identification with commitments, Exploration in depth and scale locus control - life of the LMS methodology. In addition, the goal scales in life, the process of life, and the performance of life (LSS), and Ruminative search differ in high variance, which indicates a high individuality of the results of these scales. The smallest variance is

characterized by the scale of the educational-caring parental identity of the Plek parental identity assessment technique (that is, this parameter is similarly evaluated by the subjects of both sexes).

Comparison of fathers and mothers groups on the Fisher criterion showed that the variances of both groups differ insignificantly. All parameters studied by us obey the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion), except for data on scales of predetermined and diffuse identity according to the method of E.L. Soldatova (SEI-test). Thus, Student's t-test for parametric data (results presented in Table 1) and Mann-Whitney's U-test for non-parametric data for one technique were used to detect differences (verification for this criterion revealed no significant differences).

Comparison of fathers and mothers groups with Student's t-test revealed significant differences in the parameters presented in Table 3.5.28.

Table 3.5.28. Results of comparison of fathers and mothers groups by Student t-test *

Parameters	**M Female**	**M male**	**t-value.**	**p**	**SD f.**	**SD m**
Satisfaction with the relationship with the child	3,71	3,45	2,11	0,04	0,60	0,85
Caregiving Identity	3,47	3,28	3,14	0,00	0,30	0,37
Breadwinner Identity	2,78	3,94	3,17	0,00	0,58	0,40
Exploration in depth (U-MICS-PI)	17,89	15,00	1,79	0,00	4,78	4,99
Feeling Wealthy as a Parent (ISRI-PI)	3,61	2,98	2,17	0,00	0,62	1,17
The Importance of Parenthood in Life Space (ISRI-PI)	3,71	3,32	2,09	0,01	0,43	0,88
Father Involvement Attitudes (FIAS)	23,01	25,12	4,15	0,00	2,76	2,73

* Only significant differences presented

At the same time, women have higher satisfaction with their relationship with the child, the number of children, educational-caring parental identity, Exploration in depth (U-MICS-PI), a sense of viability as a parent (ISRI-PI), the importance of parenthood in the space of life (ISRI-PI), while men have higher provider parental identity.

Then we undertook a variance analysis, which showed that fathers rate their satisfaction with marriage higher, but below assess satisfaction with relationships with children (Figure 3.5.12).

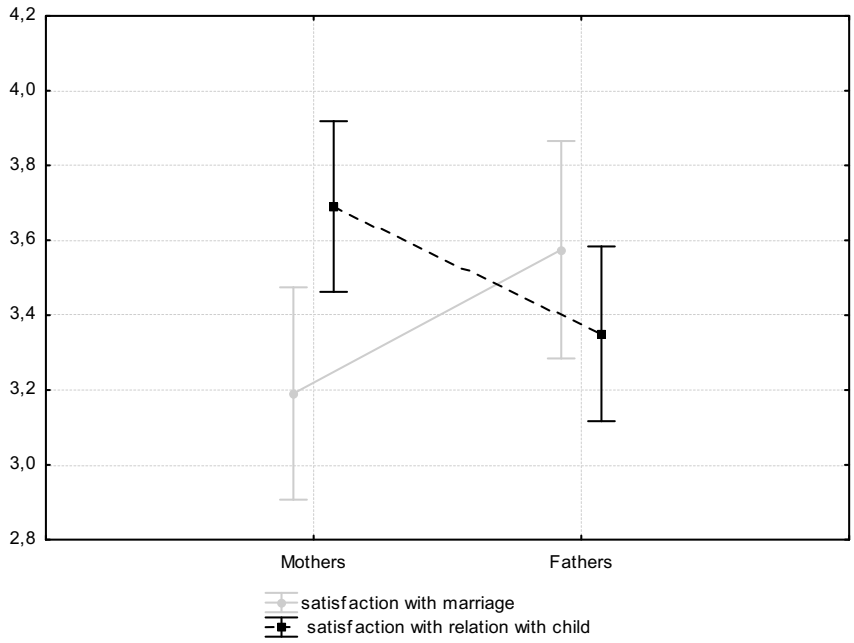

Figure 3.5.12. - Differences in marriage satisfaction and child relationship satisfaction between fathers and mothers

Their educational and caring parental identity is expressed below, and the Breadwinning Identity is much higher than that of mothers (Figure 3.5.13).

The commitment to parenthood and the Exploration in depth in this area are lower in men than in women, but at the same time the revision of obligations, although in the whole sample is less pronounced, but in men is stronger (Figure 3.5.14).

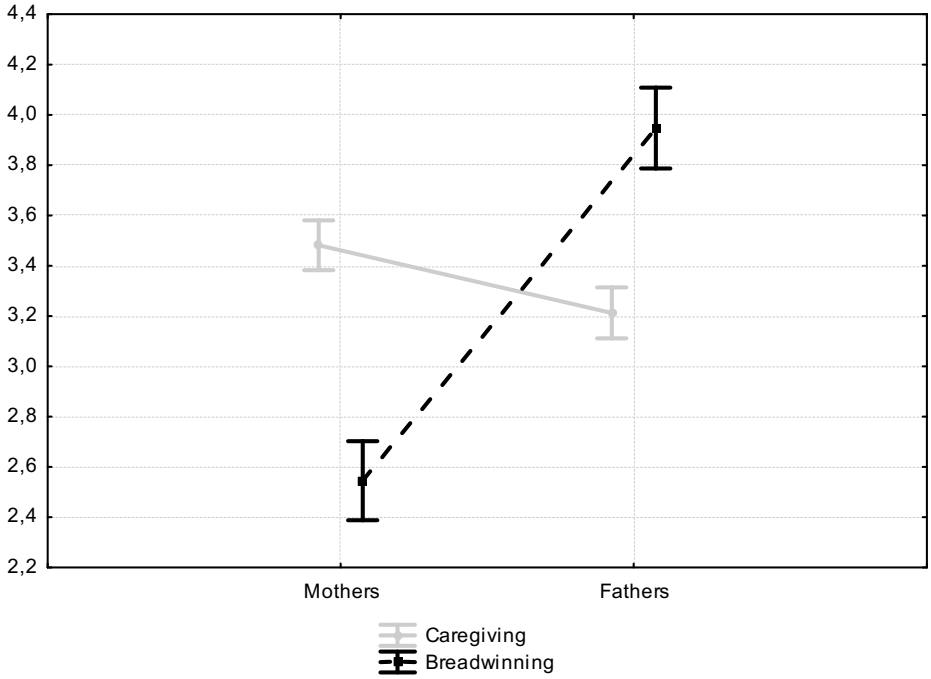

Figure 3.5.13. - Differences in parental identity of fathers and mothers

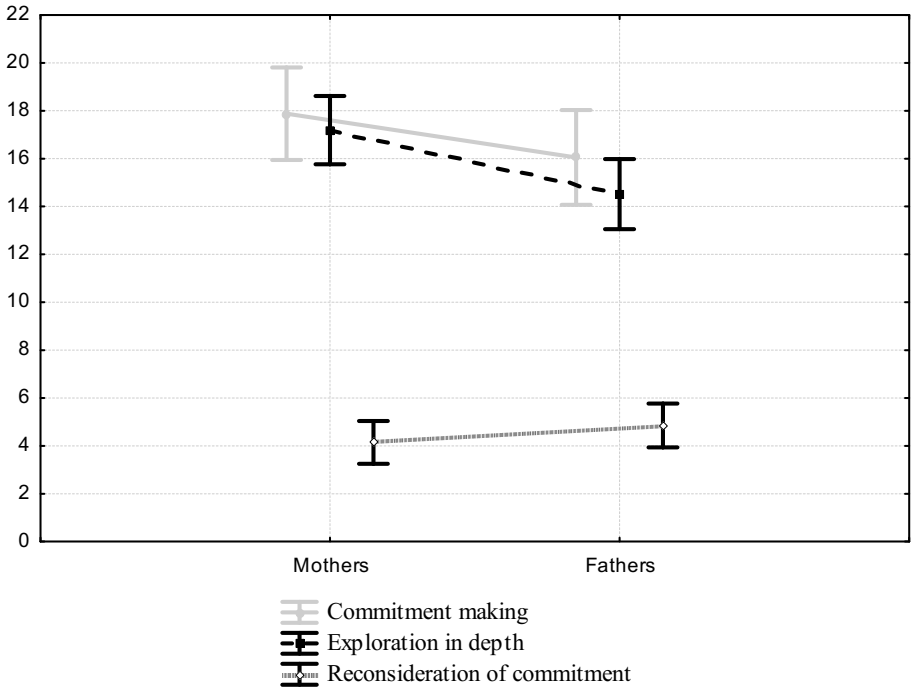

Figure 3.5.14. - Differences in the processes of parental identity formation according to the U-MICS-PI method in fathers and mothers

Men rate their sense of maturity and place in life higher, and lower than women estimate how they are satisfied and will arrange their circle of communication (Figure 3.5.15).

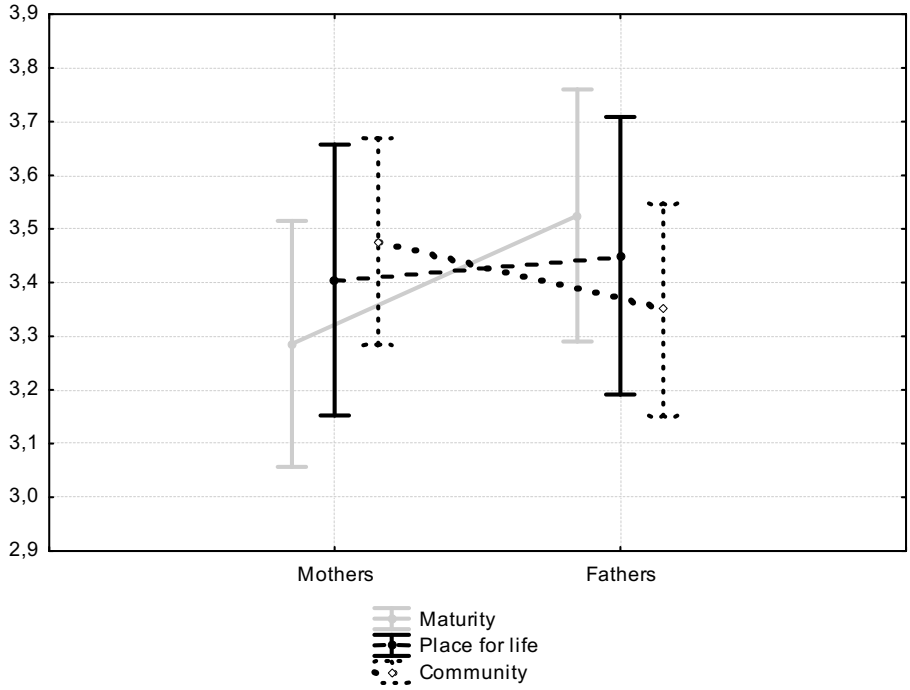

Figure 3.5.15. - Differences in identity (ISRI) in fathers and mothers

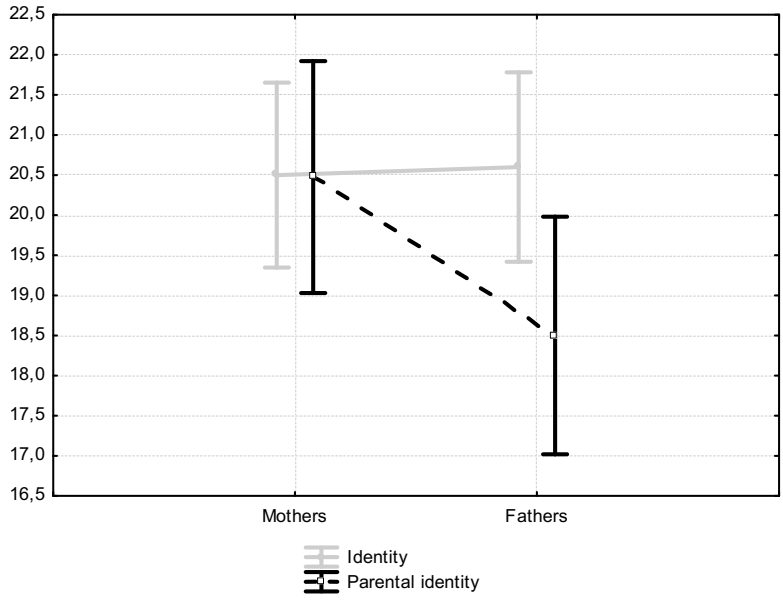

Figure 3.5.16. - Differences in identity sense (ISRI) and parental identity (ISRI-PI) in fathers and mothers

Men rate their sense of identity slightly higher, but much lower, their sense of parental identity compared to women (Figure 3.5.16)

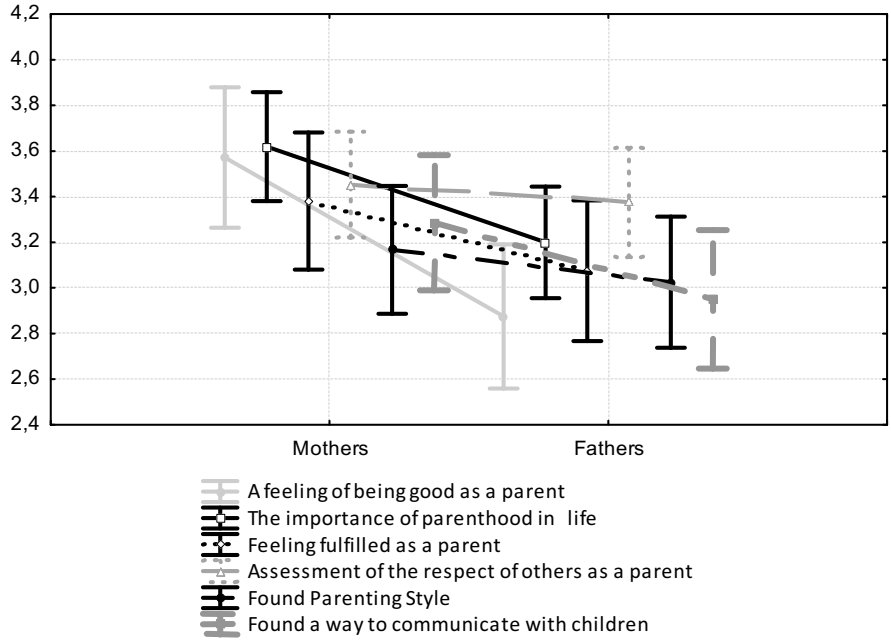

Figure 3.5.17. - Differences in Parental Identity Scales (ISRI-PI) in Fathers and Mothers

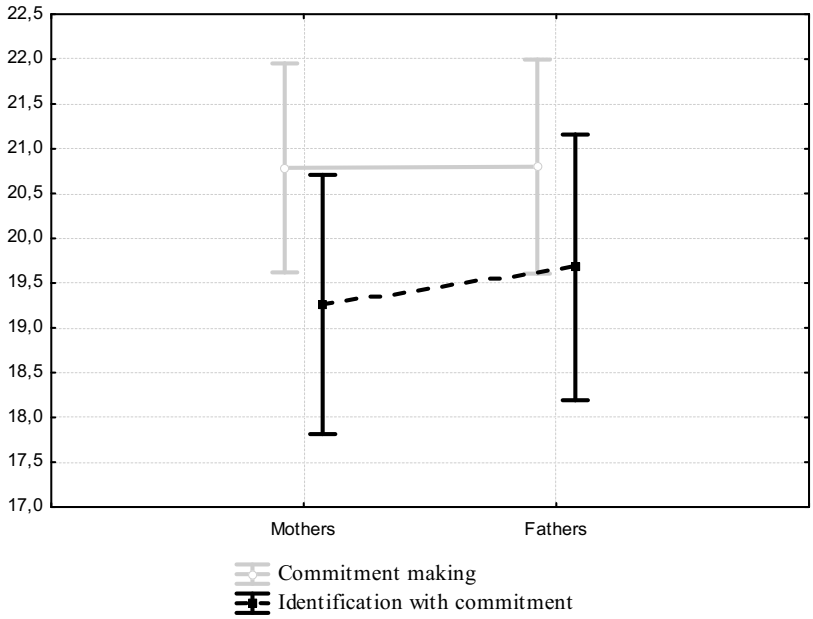

Figure 3.5.18. - Differences in commitment scales (DIDS) in fathers and mothers

At the same time, fathers are characterized by lower grades on all scales describing parental identity according to the ISRI-PI methodology: a sense of well-being as a parent, the importance of parenthood in the space of life, a sense of realization as a parent, an assessment of respect for others as a parent, a found style of parenthood, a found way to communicate with children (Figure 3.5.17).

If the commitment of men and women differs little, the identification with the commitment is more pronounced in fathers (Figure 3.5.18).

Fathers are characterized by higher estimates of search process parameters, both wide search and Exploration in depth, but Ruminative explorationis less characteristic (Figure 3.5.19).

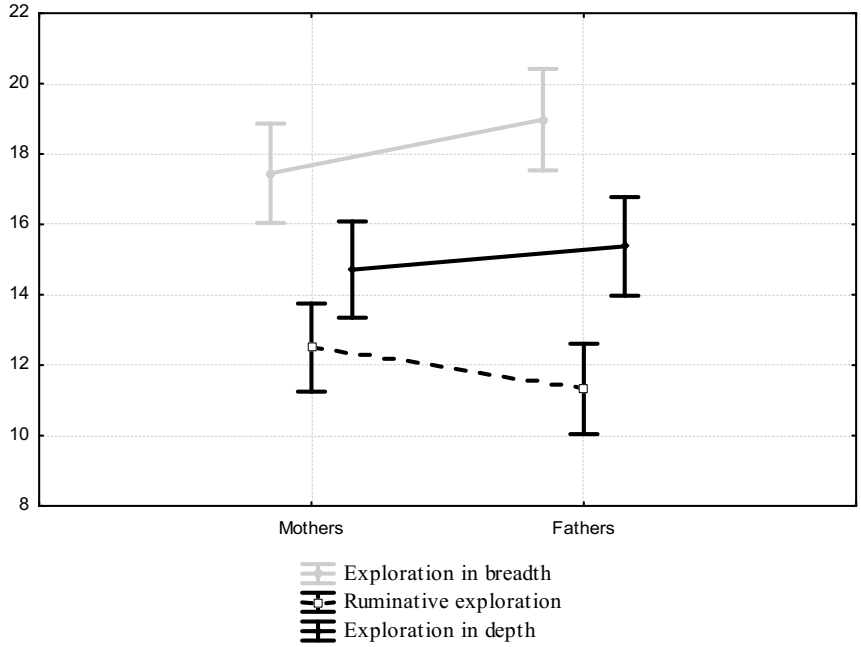

Figure 3.5.19. - Differences in search scales (DIDS) in fathers and mothers

Differences were also found in the scales of the LMS technique, so fathers have a higher assessment of goals in life, but lower scores in the scales are the process of life and the locus of control over life (Figure 3.5.20).

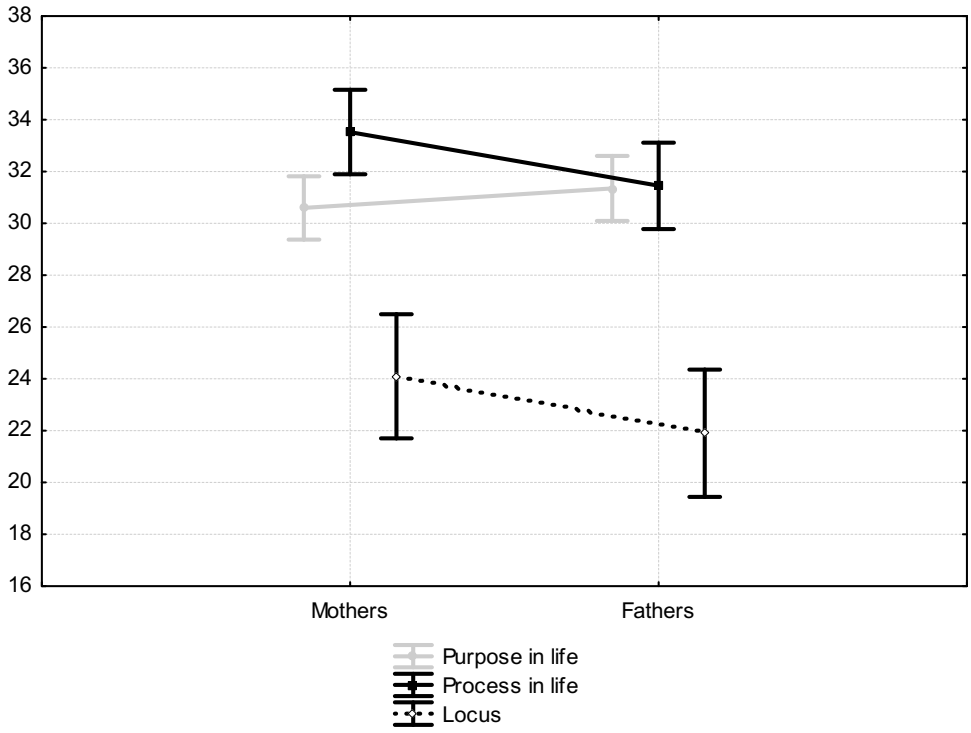

Figure 3.5.20. - Differences in fathers and mothers' LMS scales

Thus, at a given age, the psychological readiness for parenthood is determined by the parameters of the parental identity of the person.

Factor analysis of parameters of parental identity of personality by method of main components for sampling of mothers with rotation of axes Varimax normalized made it possible to distinguish only two factors. The first factor "Feeling of parental identity" is more loaded (total dispersion 12.7 with a dispersion fraction of 0.33). It is bipolar and includes the parameters shown in Table 3.5.29.

At one pole, it contains the parameters of the achieved identity, and at the opposite, an Ruminative explorationand locus of control in life, most likely explaining the changes in the life of the mother when children appear, and a smaller possibility of control at the same time, a greater dependence on the child.

Table 3.5.29. - The "Feeling of Parental Identity" Factor for Mothers

Factor 1	**A Sense of Parental Identity**
Sense of Identity (ISRI)	0,91
Parental Identity Sense (ISRI-PI)	0,91
Feeling mature (ISRI)	0,87
Found Way to Communicate with Children (ISRI-PI)	0,81
Feeling Realized as a Parent (ISRI-PI)	0,78
Assessment of respect for others as a parent (ISRI-PI)	0,77
Found Lifestyle (ISRI)	0,77
Feeling Wealthy as a Parent (ISRI-PI)	0,76
Found a Place in Life (ISRI)	0,75
Found Style of Parenthood (ISRI-PI)	0,75
Assessment of respect for others (ISRI)	0,67
Found Circle of Communication (ISRI)	0,66
Identification with Commitments (DIDS)	0,49
Commitment (DIDS)	0,47
Ruminative exploration(DIDS)	-0,40
Locus of control - life (LMS)	-0,49
Total dispersion	12,76
Proportion of variance	0,33

The second factor "Purpose in life" describes the characteristics of Purpose in life presented in Table 3.5.30. It is also bipolar, including at one pole of the LMS scale and parameters satisfaction with the relationship with the child, together with the found way and stele of communication with the children and relations with his own father, and on the opposite - search parameters and obligations without searching.

Table 3.5.30. - "Purpose in life" factor for mothers

Factor 2	**Making Sense of Life**
Purpose in life (LSS)	0,81
Life Performance (LSS)	0,74
Control locus - I (SZhO)	0,73
Goals in Life (LMS)	0,68
Process of Life (LMS)	0,62
Locus of control - life (LMS)	0,56
Satisfaction with the relationship with the child	0,41
Relationship with father	0,38
Found Way to Communicate with Children (ISRI-PI)	0,44
Found Style of Parenthood (ISRI-PI)	0,36
Identification with Commitments (DIDS)	-0,34
Exploration in depth (DIDS)	-0,44
Ruminative exploration(DIDS)	-0,59
Commitment (U-MICS-PI)	-0,68
Exploration in depth (U-MICS-PI)	-0,65
Total dispersion	9,01
Proportion of variance	0,24

Factor analysis also by the method of the main components of the data of fathers with rotation of the axes Varimax normalized made it possible to distinguish four significant factors for fathers. At the same time, one factor has the largest fraction of dispersion 0.3, the rest are more uniformly loaded.

For more clarity, the parameters that fill the factors are presented in Tables 3.5.31-3.5.34.

Table 3.5.31. - The "Feeling of parental identity" factor for fathers

Factor 1	**A Sense of Parental Identity**
Feeling Wealthy as a Parent (ISRI-PI)	0,94
Parental Identity Sense (ISRI-PI)	0,94
Feeling Realized as a Parent (ISRI-PI)	0,92
Found Way to Communicate with Children (ISRI-PI)	0,86
Assessment of respect for others as a parent (ISRI-PI)	0,85
Assessment of respect for others (ISRI)	0,77
Satisfaction with the relationship with the child	0,80
Sense of Identity (ISRI)	0,81
Found Style of Parenthood (ISRI-PI)	0,83
The Importance of Parenthood in Life Space (ISRI-PI)	0,76
Found a Place in Life (ISRI)	0,76
Found Lifestyle (ISRI)	0,72
Feeling Grown Up (ISRI)	0,69
Wideband Search (DIDS)	0,64
Identification with Commitments (DIDS)	0,63
Nurturing parental identity	0,54
Breadwinning Identity	0,52
Feeling mature (ISRI)	0,39
Commitment (DIDS)	0,39
Relationship with mother	0,34
Father Involvement Attitudes (FIAS)	0,34
Found Circle of Communication (ISRI)	0,34
Goals in Life (LMS)	0,41
Reconsideration of commitment (U-MICS-PI)	-0,68
Total dispersion	12,88
Proportion of variance	0,34

So, the first factor, the most loaded (total dispersion 12.88 with a dispersion fraction of 0.34), includes parameters describing a sense of identity of a person and a sense of parental identity of a person; and its types, search parameters and goals in life, satisfaction with the relationship with the child and found style of parenthood style and place in life, and the importance of parenthood in the space of life at one pole and the revision of obligations at the opposite (Table 3.5.31).

The second "Purpose in life" factor has a variance fraction lower than the first (0.18) and includes fewer significantly weighty parameters. It is also bipolar. At the positive pole, it combines all the scales of LMS, educational and caring parental identity, found place and lifestyle, number and age of children. At the same time, at the opposite pole are the parameters of obligations without search, revision of obligations, paternal attitudes and satisfaction with marriage. Perhaps such a dichotomy is due to the fact that there are more requirements for marriage and for one's own fathering with more Purpose in life (Table 3.5.32).

Table 3.5.32. - "Purpose in life" factor for fathers

Factor 2	**Making Sense of Life**
Purpose in life (LSS)	0,91
Goals in Life (LMS)	0,85
Process of Life (LMS)	0,85
Locus of control - life (LMS)	0,85
Control locus - Ya (SZhO)	0,83
Relationship with mother	0,64
Life Performance (LSS)	0,60
Nurturing parental identity	0,55
Found a Place in Life (ISRI)	0,50
Found Lifestyle (ISRI)	0,45
Age of the child	0,36
Number of children	0,36
Reconsideration of commitment (U-MICS-PI)	-0,31
Father Involvement Attitudes (FIAS)	-0,32
Exploration in depth (U-MICS-PI)	-0,43
Commitment (U-MICS-PI)	-0,43
Satisfaction with marriage	-0,52
Total dispersion	7,55
Proportion of variance	0,18

The third factor is loaded only a little less than the second. Given that this factor does not stand out in women, it can be concluded that age-related transformations of parenthood are more important for men than for women. This is due not only to the time perspective changing with the age of the subject and the age of the child, but also to the place of parenthood in the human life space. Considering that the provider position is

more important for the father, it is possible to reduce the burden on providing for the child, allows you to see the relationship with the child differently. And these parameters are interconnected with satisfaction with marriage and a sense of identity. Interestingly, the importance of relationships with your own father is reduced, which may be due to the fact that it is the role characteristics of a man (provider) that are transferred by the father, and personal interaction with a child at an older age individually (Table 3.5.33).

Table 3.5.33. - "Age-related transformations of parenthood" for fathers

Factor 3	**Age-related transformations of parenthood**
Age	0,89
Age of the child	0,88
Found Circle of Communication (ISRI)	0,61
Feeling mature (ISRI)	0,64
Number of children	0,64
Life Performance (LSS)	0,59
Reconsideration of commitment (U-MICS-PI)	0,450
Satisfaction with marriage	0,43
Sense of Identity (ISRI)	0,37
Exploration in depth (U-MICS-PI)	-0,34
The Importance of Parenthood in Life Space (ISRI-PI)	-0,39
Relationship with father	-0,39
The desire of children in the future	-0,79
Total dispersion	5,67
Proportion of variance	0,14

The fourth factor (table 3.5.34), also not represented in women, is the factor of search and obligations in fathering. At one pole, it combines search parameters, paternal attitudes, and at the opposite - a revision of obligations and a sense of adulthood. Interestingly, the revision of obligations is opposite to other search processes, which corresponds to the data of K. Piotrowski [627].

So, it was determined that there is a certain gender specificity: fathers above assess their satisfaction with marriage, such parameters as: a sense of identity, a

Breadwinning Identity and a sense of maturity, a place found in life; Parameters of the commitment process, such as review of commitments and identification with commitments; parameters of search processes such as: wide search and Exploration in depth, and they have a higher assessment of goals in life by LMS. These data are comparable to those of K. Piotrowski [627].

Table 3.5.34. - "Search and obligations in fathering" factor for fathers

Factor 4	**Fathering Search and Obligations**
Exploration in depth (DIDS)	0,81
Father Involvement Attitudes (FIAS)	0,74
Wideband Search (DIDS)	0,64
Ruminative exploration(DIDS)	0,65
Identification with Commitments (DIDS)	0,64
Exploration in depth (U-MICS-PI)	0,39
Life Performance (LSS)	0,38
Found Style of Parenthood (ISRI-PI)	0,35
Assessment of respect for others as a parent (ISRI-PI)	0,32
Sense of Identity (ISRI)	-0,31
Reconsideration of commitment (U-MICS-PI)	-0,35
Feeling Grown Up (ISRI)	-0,51
Total dispersion	4,74
Proportion of variance	0,12

At the same time, men have lower satisfaction with relations with children, such identity parameters as: educational and caring parental identity, a sense of parental identity, a sense of well-being as a parent, the importance of parenthood in the space of life, a sense of realization as a parent, an assessment of respect for others as a parent, found style of parenthood, found way to communicate with children and found circle of their communication; such parameters of the processes of identity formation as: commitment and Ruminative Search, and the process of life and the locus of control over life and the general comprehension of life according to LMS.

For women in the structure of parental identity, the most important are: a sense of parental identity and Purpose in life.

For men - a sense of parental identity, Purpose in life, as well as age-related transformations of parenthood and the search for and obligations in fathering.

Age-related transformations of parenthood have proved more important for men than for women. This is due not only to the time perspective changing with the age of the subject and the age of the child, but also to the place of parenthood in the human life space. Considering that the provider position is more important for the father, it is possible to conclude that it is the reduction of the burden on providing the child that allows you to see the relationship with the child in a different way, which is consistent with the research of J. Plek [631]. And these parameters are interconnected with satisfaction with marriage and a sense of identity. In addition, in the structure of the parental identity of men, search and commitment in parenthood occupy a significant place.

Thus, we can say that the processes of formation of psychological readiness for parenthood are gender specific, which is consistent with the data of other studies [627] and its implementation in adulthood is interconnected with the process of search and commitment, as well as with personal maturity, level of self-regulation and reflection. The materials of this paragraph are partially published in article [490] of the monograph [78].

Conclusions

According to our data, in preschool age, the following prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering are formed: gender attitudes and moral norms (prerequisites of the axiological component), the foundations of self-regulation (prerequisites of the reflexive-regulatory component) and gender-typical behavior (prerequisite of the praxiological component). At this age, three groups of children are distinguished, differing in the features of the formation of psychological readiness for fathering: suboptimal, acceptable and optimal type. At the same time,

there are significant differences between children from full and incomplete families in the following indicators: the praxiological and axiological component, and the integral indicator, which confirms our assumption that the factor determining the formation of the prerequisites of psychological readiness for fathering in childhood is the family.

In the younger school age, the following prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering are formed: the axiological component includes the formation of a stereotype of half-left behavior; determines the optimal moral development; the reflexive-regulatory component is determined by social competence, self-discipline, arbitrariness, independence, formation of a sense of competence, self-discipline. The praxiological component includes pronounced gender-typical behavior, social adaptation, social competence, successful construction of social relations. Among junior students, three groups were also identified, differing in the level of development of these parameters.

At the same time, significant differences among children from full and one-parent families are determined by the parameters of gender attitudes, the assessment of the father by gender qualities (children from Two-parent Families evaluate the father as more masculine), according to the parameters of moral motivation of behavior, responsibility, attitude to the world, to work and to man, as well as indicators of the prerequisites for the formation of axiological, reflexive-regulatory and praxiological components, and an integral indicator of psychological readiness for fathering, which corresponds to the theoretical provisions of this study. In the younger school age, the prerequisites of the praxiological component of psychological readiness for fathering are most developed.

Compared to preschoolers, junior students show higher rates in axiological, reflexive-regulatory and praxiological components. Thus, the differences in the structural components of the integral indicator of psychological readiness for fathering reflect the age-specific features of the development of this phenomenon and confirm our assumption that the psychological patterns of the formation of psychological readiness for fathering have age-psychological and family specifics.

In adolescence, the following characteristics of psychological readiness for fathering are formed: the axiological component includes the adoption of a gender role; determines the optimal moral development and the formation of a worldview; reflexive-regulatory component is defined through physical maturation, sense of competence, self-discipline, arbitrariness, independence, self-determination, developed reflection. The praxiological component includes gender-typical and in many cases responsible behavior, social adaptation, social competence, successful construction of social relations.

Among adolescents, there are three groups that differ in the parameters of readiness for fathering: the first group (suboptimal type) is characterized by low responsibility and maturity, lack of value of prestige, self-development, education and family life, great importance is given to the role of the father in family culture and the value of achievements. The second group (acceptable type) is characterized by high scores on the scale of the father's role in raising children and leisure, the value of preserving their own individuality, their own prestige, high material position, creativity, have low scores on the value of achievements, in relation to their "Self," the scale of life attitude and the role of the father in forming an emotional climate in the family, as well as on gender attitudes. The third group (optimum type) is presented a little, an appreciation on all scales of a maturity, a role of the father in formation of emotional climate in family, a scale of parental identity as the supporter, to values of development of, spheres of training and education and family life, low points on a role of the father in parenting, the value of own prestige and high financial position is characteristic of it.

At the same time, significant differences in the components of readiness for fathering between adolescents from full and incomplete families are observed according to the praxiological component and the integral indicator of psychological readiness for fathering.

Compared to the previous age groups in early and late adolescence, there are higher indicators in the structural components and in the integral indicator of psychological readiness for fathering, which reflects the age-specific features of the formation of this phenomenon and confirms our assumption that the psychological laws

of the formation of psychological readiness for fathering have age-psychological specificity.

At the same time, in preschool, junior school, adolescence and youth, three groups can be clearly distinguished, differing in the features of the development of fathering strategy, characterized by the severity and ratio of the components of fathering strategy, which can be conditionally called, suboptimal (non-constructive), acceptable and optimal (constructive) type of psychological readiness for fathering.

For adult male fathers, the psychological readiness for fathering is implemented within the framework of the fathering strategy, within which the following components can be distinguished: the axiological component of the fathering strategy includes the adoption of the gender role of the father; a shaped worldview, the value of relationships, the value of fathering; the reflexive-regulatory component of the fathering strategy is determined through maturity at the level of the individual, personality and subject of activity, a high level of self-regulation and developed reflection, which will determine the formation of a constructive fathering strategy and self-realization as a parent. The praxiological component of the fathering strategy includes gender-typical behavior, cooperative interaction with the spouse, responsible behavior, ensuring the conditions for the normal course of the wife's pregnancy, responsible behavior, active, moral, tolerant and purposeful behavior, and the implementation of constructive paternal practices. Among adult subjects, two groups were identified, differing in these parameters, named the constructive and non-constructive type of fathering strategy. Representatives of the first group (non-constructive type) demonstrate "irreconcilable" fathering, role inconsistency of marital relations and feminism, or very high indicators of masculinity; representatives of the second group (constructive type) demonstrate responsible fathering, agreed marital relations and are characterized by androgyny or moderate masculinity. The greatest difference between groups is noticeable in the framework of the axiological and praxiological components of the fathering strategy. Fathers show higher rates for all components of the fathering strategy compared to adolescents and young men, as well as men of the same age who do not have children. However, men without children have higher rates for all components of the fathering

strategy, including the integral indicator, than men fathers who demonstrate an unconstructive fathering strategy. In addition, the relationships between relationships with their own father in childhood and the parameters of fathering of the man himself were revealed.

Thus, at the ascertaining stage of the study, the following hypotheses were confirmed: (a) the meaningful characteristics of psychological readiness for fathering form a three-component structure represented by axiological, reflexive-regulatory and praxiological components; b) the development of psychological readiness for fathering begins with preschool age and has an age-psychological and family specificity, which implies the dynamics of a gradual increase in the indicators of all components of psychological readiness for fathering from the preschool period to adulthood, while: the family environment determines the formation of prerequisites for psychological readiness for fathering in preschool and junior school age; in early and late adolescence, the most developed are the praxiological and reflexive-regulatory components of psychological readiness for fathering; The formed psychological readiness for fathering is realized in adulthood in a constructive fathering strategy interconnected with the adoption of the gender role of the father, Purpose in life, the value of relationships and fathering, as well as personal maturity, a high level of self-regulation and developed reflexion. The materials of this paragraph are partially published in article [61] and monograph [78].

CHAPTER 4. PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL MODELING AND TECHNOLOGIES FOR SUPPORTING THE FORMATION OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING

The social significance of "responsible," productive, involved fathering cannot be overestimated. Paternal education, the role of the father in maintaining the economic and social well-being of the child, its decisive influence on the moral, intellectual, cognitive development of the child (along with the influence of the mother), the connection of the implementation of paternal practices with the constructivity of fathering strategies of a particular man makes it necessary to study psychological and pedagogical conditions and criteria for the formation of psychological readiness for fathering and constructive fathering strategies. This will make it possible to determine the possibilities of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering, one of the options of which is the creation of special conditions for the family educational environment.

4.1. Specifics of the formation of psychological readiness for fathering in different family-educational conditions

Psychological readiness for fathering is determined by the social, cultural and personal orientations of the person. In turn, these orientations are formed by certain micro-, meso- and macro-factors of the medium.

Macrofactors, determining the originality of meso- and microfactors, have an indirect effect on personality formation, including on the specifics of fathering

strategies. However, the economic development of society, the demographic policy of the state, urbanization, women's employment, cultural and ethnic conditions can be crucial in a situation of choice. So, for example, public attitudes more tightly regulate the maternal role than the paternal one [476]. The mother who abandoned the child is practically a criminal in the eyes of society. At the same time, for a father's man, a similar situation is evaluated more loyally. The real behavior of people, realized and evaluated within the framework of such ideas [532], leads to the fact that a much larger number of children grow without a father than without a mother.

Socio-psychological factors (mesofactors) regulate parental behavior at the family level. The family history of both the ancestry and the family, the structure and composition of the family, the distribution of roles in the family, the relations of spouses, gender, the number of children, as well as the attitude of parents to upbringing and education are important here [153].

Microlevel - the level of personality - is also manifested at each age stage, depending on the social situation of personal development.

At the same time, the impact of all levels of the environment can be both favorable, that is, creating conditions for the optimal development of the person, and the formation of her psychological readiness for fathering, and offering, if necessary, support and/or correction of development, or unfavorable (determining the limitations and risks of development). At the same time, the optimal formation of psychological readiness for fathering for a particular age is an adequate development for a given age of the meaningful characteristics of the axiological, reflexive-regulatory and praxiological components of fathering readiness. Thus, the optimization of the formation of psychological readiness for fathering is a process of favorable progressive development of meaningful characteristics of all components of psychological readiness for fathering, aimed at reaching peaks in this development, having its own specificity at each age stage of personal development.

Understanding the specifics of the formation of fathering strategies is impossible without describing the influence of the family environment on the formation of the child's personality and, in the future, adult [211; 385]. Numerous studies show that a

man's relationship with his own father may be a factor in helping his own identification in the role of father, through identification with father (O. Erel, B. Burman [540], D. J. Eggebeen, C. Knoester [534], J. Fagan, R. Palkovitz [544], T. Tach. 514]. The family environment largely determines the future idea of norms of behavior, including relationships between people, including gender relations, marriage relations, parental behavior, the essence of parental love. For example, it is known that people who were physically or sexually abused in childhood in adulthood are statistically more likely to commit violence themselves against their children than those who do not survive such an injury [561].

According to Z. Freud's approach, it is the father who is the key figure in the life of the child, he defines a rigid framework for the formation of the boy's personality in conditions of fear of castration and expressed love for the mother, who acts as an object of attraction. For the girl, the relationship with the father and the observed patterns of communication between the mother and him determine her further expectations towards the man [428].

E. Fromm believes that the infant at the time of birth has a fear of death, but he is somewhat protected from the sense of anxiety associated with separation from the mother by the crisis process of birth itself. The newborn is almost no different from the creature that he was before the birth, and cannot realize himself and the world around him as something that was before him. So far, he perceives only the positive effect of heat and food, not distinguishing them from the source - the mother. Mother is warmth, food, a state of satisfaction and safety. External reality, people and things still matter only to the extent that they satisfy or frustrate physiological needs. Only what's inside is real; everything that is outside is real, since the baby needs, but not as an objective value with its inherent qualities.

According to E. Fromm, the mother's experience of "love" is a passive feeling. I don't have to do anything to be loved - maternal love is unconditional. All I'm required to do is be her child. But there is also a negative side to this "guaranteed" love. It not only does not need to be deserved, but it cannot be achieved, especially controlled. If it is, then it is equal to bliss, if it is not, it is as if all the beautiful things passed away - and

nothing can be done to artificially create this love [430].

Thus, the child, although now living not in the womb, is still completely dependent on the mother. However, day after day he becomes more and more independent: he learns to walk, speak, learn the world; over time, the relationship with the mother somewhat loses its vital importance, and instead the relationship with the father becomes more and more important.

E. Fromm, who first described the significant difference between maternal and paternal love, believes that maternal love is by its very nature unconditional. Mother loves a newborn baby, because it is her child, because with his appearance in her world there were transformations, some important expectations were fulfilled. Unconditional love quenches one of the most secret desires not only of a child, but also of any person. Conditional love is less reliable: there is always a danger that love for you may disappear. In addition, such "deserved" love always leaves a bitter feeling that you are not loved on your own, but because you are pleasant. At adults the need for unconditional maternal love is shown as a component of normal erotic love [430].

The connection with my father is completely different. Mother, in the apt expression of E. Fromm, is like at home, from which we leave, to nature, to the ocean; the father has poor contact with the child in the first years of his life, which does not go into any comparison with the maternal. The father is another pole of human existence - thoughts, things created by human hands, law and order, discipline, travel and adventure. The father is the one who teaches the child how to learn the way to the big world [430].

Another, which can be called socio-economic, is closely connected with this paternal function. When private property arose and the opportunity to transfer the inheritance to one of the descendants, the father began to look forward to the appearance of a son to whom he could leave his business. He turned out to be the son whom his father considered the most suitable his successor, who was most like his father and, therefore, whom he loved the most. Paternal love is conditioned love. That is, the principle of paternal love is that the child is loved, because he satisfies his father's expectations, satisfies his duties with dignity, or looks like a father in something. In

conditioned paternal love, we find, as in the unconditional maternal side, a negative and positive side. The negative side is the fact that paternal love must be earned, that it can be lost if a person does not do what is expected of him. In the very nature of paternal love, it is concluded that obedience becomes the main virtue, disobedience - the main sin. And the punishment for him is the loss of paternal love. The positive side is that paternal love can be achieved, it is within the control of the individual.

Maternal and paternal attitudes towards the child correspond to their own needs. The infant needs maternal unconditional love and care both physiologically and mentally. The older child needs paternal love, authority, and guidance [448]. Thus, according to psychoanalysts, the function of the mother is to ensure the child's safety in life, the function of the father is to teach him, to lead him so that he can cope with the problems that the society in which he was born poses to a person. Paternal love is a guiding principle, as well as expectations; it should be patient and condescending, not threatening and authoritarian. It should give the child a growing sense of his own strength and, finally, allow him to look authoritative in his own eyes, freeing himself from the authority of his father.

V.N. Druzhinin believes that in the similarity of the intelligence of family members, their emotional proximity is manifested, thus, by the coefficients of correlation of intelligence, the proximity of members of the average family can be revealed. The fact that in a post-Soviet family the mother is further from the father than the son, the son is closer to the mother than to the father, can explain the so-called "maternal effect," when the correlation of the intellectual abilities of children and mothers is higher than children and fathers [151]. In some studies, the opposite "paternal effect" was found, however, most likely, the correlation is due not to genetic factors, but to the time spent by the parent with the child [154].

In a study by T. A. Dumitrashku, it was revealed that family size is a factor significant for the cognitive development of children, which depends on identification with the parent and the order of birth. The effect of these factors is due to the fact that the psychological status of each child in the family changes along with the change in family configuration. And the effect of the order of birth is explained by the situation of

children in the family. So the closest interaction between parents, as practice shows, with first-born children. Differences in the correlation of "parent - first child" and "parent - second child" can occur in two cases: with a closer identification of the child with the parent, which increases communication, and, conversely, with the emergence of such relationships that reduce this relationship [154, p. 112-113].

Imitating an adult, the child takes him as a model and finds himself psychologically dependent on this adult. The negative effect of a larger ordinal birth number on the cognitive development of children will be determined by the fact that in the last child in a large family, the choice of the object for identification becomes wider (older children can also act as a model) and by the fact that the status of the child changes with the advent of a new member. Note that the quality of interaction with older children and parents is significantly different. Contacts with parents and verbally and intellectually richer than contacts with older siblings. Thus, older children are not able to serve as a complete analogue of parents for younger ones.

This study also clarified the impact of parent-child relationships on the development of children's abilities. It is stated that there are relationships between the type of attitude to children in parents and individual indicators of the cognitive development of children. At the same time, a number of features are manifested. In mothers with higher child rejection scores, the first daughters are less intellectually developed and less creative than in mothers with low scores. In fathers, as in mothers, correlations are distinguished by magnitude only in pairs with the first sons in terms of intelligence and creativity. In mothers, with a strongly expressed desire to correspond to the socially desirable image of the mother, the first daughters are less effective in tests for intellectuality, in fathers this type of attitude is positively correlated with the indicator of creativity of the second sons. It closely correlates with the indicator of cognitive development of children intellectual development and the degree of authoritarianism of the father (high correlation with the indicator of creativity of the first sons, creativity of the second daughters with authoritarian relations of the father with children). The influence of a particular parenting style on the child may be specific in each case, depending on which parent adheres to that style and which children it is

used for [154].

Parental education and gender issues in general have a significant role to play in shaping fathering strategies in childhood. Traditional culture provides clear models that allow adults and children to easily navigate the norms of behavior [546]. At the same time, persons who for some reason do not accept these standards find themselves in social isolation [580] or are persecuted [211]. Modern society in some ways allows greater freedom of conduct to its members, including children, but ideas about the role of gender in personal development are contradictory. At the same time, excessive polarization of views is often observed: from complete denial of the influence of gender and gender on the development of personality to biological determinism [165; 166]. It is significant that recently the percentage of parents choosing gender-neutral colors for a newborn baby and its room has been increasing [475; 645]. The idea of equal education of both sexes, which exists in modern foreign practice, sometimes reaches the extreme position, expressed in the statement that gender education "imposes" gender stereotypes on the child and, accordingly, educators should avoid any mention of gender and gender differences, giving choice to the child himself [592]. It is assumed that having reached a certain age, he himself will determine which gender (or gender) is more preferable to him. However, without certain social guidelines, the child cannot clearly form his/her own [603]. This position provides a basis for future gender autoidentification issues. [537]. In the context of determining the parameters of gender behaviour, not only the relationship with parents, but also the games and toys that they choose for their child will be of great importance [51; 175]. The gender specificity of toys is clearly visible in any toy store, in any playground [564].

While the problems of toys for girls are discussed in the literature in connection with the prevarication of sexually explicit images and the lack of motherhood models among the games of preschool girls [322], in boys, the play of a paternal role in children's games is extremely rare and mainly in sex games of siblings [646]. However, typical boy activities such as: games with pistols and swords (or replacements for firearms or knives), tools, trains, machines, airplanes, games of soldiers, war, sports and power games or fuss, lasagna on trees, fences, sports shells, interest in real cars, trains,

aircraft, technical devices, new places, animals and insects [562], promote positive awareness of gender differences and gender-specific behaviours [563], that has a long-term effect up to adolescence in relation to the overall well-being of adolescents [580], and with a specific manifestation of gender self-determination, such as the definition of sexual orientation in adolescence [603]. The most important figure, which opens the boy typically male occupations and interests, is the father [508].

In addition, S. Barth believes that the father plays a crucial role in the absorption of moral standards by children. Parents, through words and behavior, in one way or another, express their attitude to certain events or actions of people, thus providing models of behavior and moral assessment. In addition, parents, especially the father, discipline children, setting certain limits of behavior, approving some actions and punishing others. The main factors affecting the assimilation of moral standards are: fear of losing the love of parents; identification with the parent; development of empathy and guilt, initially through parental assessment and then through an explanation of the effects of the child's actions. According to M. Moon and C. Hoffman, it is identification that is the most important factor, and the father in this case is especially necessary for the boy [614]. The fact that the father's love is conditional, according to S. Barth, is the most important factor in the moral development of the child [480]. A similar conclusion was reached by O. B. Chirkova, who in her study found that the father plays a more important role in the formation of responsibility in the child [given in 181]. This is because fathers attach greater importance to autonomy, giving children responsibility for their actions, and have greater respect than mothers for children's independence. Only the father is able to form the child's ability to initiate and resist group pressure. The more the child is attached to the mother (compared to the father), the less actively he can resist the aggression of others. The less the child is attached to the father, the lower the child's self-esteem, the less he attaches importance to spiritual and social values, compared to material and individualistic [105].

Z. Freud also spoke about the fact that relations with his father affect the formation of a semi-royal identity. According to S. Barth, the most important determinants of semi-royal identification for a boy are the dominance of the father (as influence in the

family, on the one hand, and on the other, it is the dominance of the father that can lead to the development of the passivity of the child) and the care of the father. If the distinctive feature of the relationship between father and son is care and warmth, the desire to be as "courageous" as the father significantly enhances the positive perception, assimilation of male behavior and the formation of an adequate semi-royal identity. The relationship of the girl with her father affects her further relationship in marriage. [480].

Many studies confirm the positive contribution of fathers in raising children. Also influence of the father on development of various personal characteristics of the child is proved, for example, to empathy and emotional keenness, a sotsiabelnost, a self-assessment, self-esteem and level of claims [181].

Studies of the affection of parents and infants showed that fathers who spent a lot of time with children and were positive towards them had infants who were more firmly attached to their parents. In addition, the interaction of fathers with children can improve the physical well-being of babies, their perception, attitude with others from a very early age. A study of one - year - old children showed that the children of "involved" fathers, remaining with a stranger, cried and suffered less than the children of "less involved" fathers [181].

Thus, the participation of the father in the upbringing of the child cannot be overestimated, it is necessary for the formation of a full-fledged harmonious personality, and, perhaps, a number of problems of modern society are connected precisely with the removal of men from the upbringing of the younger generation.

The modern realities of fathering throughout the world have two trends, on the one hand in patriarchal cultures the value of fathering is traditionally high, while the father has almost unlimited power in the family, such, for example, are the cultures of some countries of Asia and the East. In modern Western society, the tendency to increase the attention of fathering and its role in the life of a child is becoming clearer (so-called "responsible fathering"), but even in these states, the fathers involved are not a majority due to various circumstances, In addition, in countries undergoing social and gender systems reform, between traditional understanding and the formation of a more liberal society, the destruction of foundations and traditions leads to a decrease in social

control and greater freedom of the individual himself in relation to such social phenomena as, for example, the family [567; 627] Ideally, greater freedom means greater individual responsibility towards one's own life, family, and children, which is far from always the case in reality. As a result, greater emancipation and freedom of women, their inclusion in the production process, leading to leadership conflicts in the context of the family; the distinction between sexuality and reproduction; A decrease in the age of sexual activity leads to the spread of the practice of raising a child by one parent, who in the vast majority of cases is a mother. In our country, according to E.P. Ilyin, the number of children growing up without a father becomes threatening [181]. At the same time, according to J. Langmeyer and Z. Mateychek [236], often, although not as tragic as the absence of the mother, the circumstance of the child's life is the absence of the father ("paternal deprivation").

This applies to many children living with their unmarried or otherwise single mothers. If there is no auxiliary or balancing influence of the father, then it is natural that the importance of the mother's personality becomes much greater than under normal circumstances [236]. To this, several more important circumstances should be added: as usual experience shows and as has also been proved by sociological studies, the functions of the father in the family undergo relatively quick and serious changes. In modern society - however, not evenly in all segments of the population, but still noticeably - fathers are much more involved in the care and upbringing of babies than before, and cooperation between men and women often arises, which was unusual for previous generations [471, 472]. Against the background of this trend, the absence of the father is more difficult than in the past, when the care of the child was entirely focused on the mother. This is not only about physical work and the time spent communicating with the child (in this regard, modern technology now provides assistance), but, above all, about mental burden. The assistance provided in this regard by joint boarding schools for single mothers with children is also not quite perfect. Firstly, there continues to be no male element in upbringing, and secondly, the mutual assistance of mothers in domestic work and in upbringing leads to a situation of "shared maternal care" with all its difficulties and ambiguities.

Another negative aspect is the lack of confidence and sustainability in social inclusion, since the profession of the father is usually the real and symbolic basis of economic support for the family, and its foundation is the responsibility of confidence. While the mother gives the child the opportunity to feel the intimacy of human love, the father rejects the child's path and attitude towards human society. According to M.O. Schwartz, our mother leads us to a person, and our father to people [236]. This is otherwise expressed by A. Grems [566, c. 21]: "maternal care provides an opportunity for acceptance, but paternal care encourages return. Both are necessary for the development of the individual, both must be present here if we ever want to approach the border of human capabilities. " In addition, the father represents for children the most natural source of knowledge about the world, work, technology, contributing both to their orientation to the future profession and to the creation of socially useful goals and ideals.

If the father's place is taken in the family by his stepfather, and sometimes grandfather, deprivation influences are suppressed, but here there is a more favorable ground for the development of various conflicts, and the neurotic disorders that arise on this basis are, according to J. Langmeyer and Z. Mateychek, very frequent.

A child growing up without a father is thus devoid of an important male example, which is especially significant for older boys in regulating their behavior, but is also important for girls as a model of their future partner. A child without a father also suffers, as a rule, from a lack of authority, discipline and order, which under normal conditions are personified by the father [655].

In addition, a child growing up, mainly without paternal authority, is often undisciplinary, non-social, aggressive against adults and children. In a survey conducted by J. Langmeyer and Z. Matejcek, 163 boys from children's institutions with increased educational care in the Middle Czech region found that 41% of them grew without a father [236].

If there is no father, then this has another indirect deprivation effect. The fact is that if the mother alone has to bear all the economic and educational concerns of the family, she is usually so busy that she does not have much time for the child and even

her interest in him decreases [236]. In this case, the child is left to himself most of the day, can begin to wander, he has more opportunities for offending in addition to physical absence, a significant factor in the child's development towards asociality can also be an inappropriate role, the father plays in the family community [650].

The father provides a model of masculinity to the child, especially to the boy, which is especially important during adolescence, which is largely critical for the formation of a stereotype of half-role behavior. P.P. Blonsky believed that without such a model to demonstrate "male behavior" is quite difficult, because starting from kindergarten, where all teachers are women; then at school and at the university, the boy (young man) meets the model of female behavior ten times more often than male. If he does not have an example of such behavior in front of his eyes, in order to build his own behavior, he either takes as a model the behavior of a woman - mother, grandmother, teacher - and grows soft and sensitive, which is considered "non-marital." Or he believes that a man's behavior is opposite to that of a woman: if a woman fulfills social norms, polite, attentive, avoids bad habits, then a man should act "vice versa." Such an understanding of "male behavior" can lead to alcohol and drug abuse and even offense. That is, the significance of the model of male behavior - whether it is the father, even the grandfather or the coach of the sports section - is undeniable [532].

Decades of statistics [667; 668] confirm that the problem of the absence of the father in the family is increasing. Up to 39% of children under 18 live separately from their fathers. The influence of divorced fathers on their children is small. Half of the children after the divorce of their parents never meet with their fathers, one in five do not see the father for five years [336; 532]. F. Festenberg found that more than half of the children whose parents divorced had never been to their father's house [553]. Fathers may also be absent if they are in detention. It also happens that fathers live with their family, but are emotionally and physically absent. In a Two-parent Family, 25 per cent of children interact directly with their fathers at least an hour a day. The rest spend less than 30 minutes a day with their fathers. Almost 20% high school students do not speak with their parents for more than 10 minutes in a row for a month [598]. This cannot but affect their development.

Many studies have found that mothers and grandmothers often prevent the presence of the father in the life of the child, and that modern practice of social institutions creates barriers to this, especially for young fathers [210]. Many of these fathers cease to participate in the life of the child, and many who try to remain involved in the life of their child face strong social opposition [532].

Meanwhile, there is a connection between the strong negative effect of illegitimate fathering on father-child relations, as proved by numerous studies. In cases where parents are not married but cohabit, fathers are much more present in the lives of their children. However, studies indicate that cohabiting couples have a high gap rate, and those who later marry have higher divorce rates [532].

The negative impact of divorce on the quality of father-child relations is also very strong [678]. Most of the research into the involvement of fathers in the lives of their children after divorce focused on identifying its impact on the condition of the child [679]. Many scholars have found that, while in principle contact with both parents is desirable, the benefit of a father's involvement for a child can be reduced if there is substantial conflict between parents. Thus, when there is a serious conflict between parents, frequent contact with the father can create additional tension for the child, which eliminates the benefits of more frequent meetings with the father [660].

In general, while more frequent contact with a non-resident father correlated with better health outcomes [544], court visits agreements were an important factor in reducing these outcomes [514; 515]. Thus, the realization of paternal functions is possible for a male unreliable father, however, is complicated by the influence of the mother and society, so it is precisely such men who may need psychological assistance in organizing interaction with the child and implementing the fathering strategy in conditions of living in different households.

The phenomenon of "paternal deprivation" is characteristic of many children living with their single mothers [236]. Another important thing is the lack of confidence and stability in society, since the profession of the father usually represents the real and symbolic base of economic support for the family, and its foundation is the responsibility of confidence. While the mother gives the child the opportunity to feel the

intimacy of human love, the father rejects the child's path and attitude towards human society. In addition, the father represents for children the most natural source of knowledge about the world, work, technology, contributing both to their orientation to the future profession and to the creation of socially useful goals and ideals.

In this sense, it is very promising to consider the family as a system in which each element is interconnected with all others and whose normal functioning is impossible without any element of it [14]. All family members are interlinked and interlinked. Thus, not only does the father and mother influence the children or the relationship of the couple influence the development of the children, but also the relationship in the parent-child diad affects the stability of the family and the well-being of each of its members [512; 645]. This provision is confirmed by a study in which it was found that children raised in single-parent families "complete" the family in their fantasies about their father [602].

Data from W. Fthenakis [550] confirm that the problem of paternal deprivation is becoming more urgent, and among the younger generation this problem is more acute than before. Most often, it is associated with the birth of children out of wedlock and divorce. These reasons lead to the physical absence of the father in the family. This cannot but affect their development, since the participation of the father in the upbringing of the child is necessary for the formation of a full-fledged harmonious personality, and perhaps a number of social problems of modern society are associated precisely with the removal of men from the upbringing of the younger generation.

Thus, the family situation determines the further development of the child, his/her behavior, moral development [298], education and formation of attitude towards his/her future parenthood, therefore family defects are the most dangerous risks of socialization of the person [454].

Accordingly, children brought up outside the family constitute the most problematic category, since the absence of one of the main "agents of socialization" - the family has a negative impact on the entire process of socialization, complicates entry into a new social environment and the development of social roles [260]. The loss of the family is always a massive trauma [116], while the dramatic change in social reality, the

experience of loss and grief, (often preceded by harsh conditions and abuse in the family) leads to significant difficulties in shaping the psychological sovereignty of the person [285], blurring the boundaries of the person, loss of guidance, inability to build life strategies [260] and, lack of not only gender models to form their own behavior, but also frustration of attachment - the impossibility of experiencing feelings of attachment and intimacy with another person [236], which disrupts the formation of parental feelings. So, according to G. G. Filippova, the girl's warm, tender relationship with her mother in childhood allows her to survive similar feelings towards her child [234; 421]. The relationship with parents in many ways sets the tone for the individual's own sexual and parental behavior, either as a role model or as an "anti-model" in a difficult family environment [72, p. 35].

Thus, G. Newfeld and G. Mate believe that the early removal of parents from children and, especially important in connection with cultural traditions, from adolescents leads to a lack of a sense of safety in children [299]. The child tries to fill the void caused by the frustration of requirements for acceptance and safety with other relationships by type of neurotic replacement of the object [437]. Related to this is the early sexual debut and disorderly sexual relations during adolescence in children from disadvantaged families [299; 537]. Teenagers with a frustrated need for affection enter into sexual relations earlier than others [664] and not in the context of love relations (that is, a particular partner is not significant at all), but in order to be accepted into the circle of peers, because "everyone does so" in order to feel belonging to some group [530]. Such actions involve no responsibility to one another or to one's own health, and often involve transmission of various diseases and unwanted pregnancies at an early age [530]. Naturally, in this case, there are no psychological conditions for the successful development of the child born to them or the development of the personality of minor parents, which leads to numerous social, economic, political and psychological problems [590].

Thus, the family environment and the immediate environment of the child [26] largely determine the attitude to issues related to fathering: sexual and emotionally close relationships, the formation of a couple, patterns of behavior in marriage, patterns of

parental behavior. Therefore, despite the fact that it is possible to exert some influence on the formation of gender identity within the educational organization [162], the inclusion of the family in such work is the most promising area of psychological work on the formation of constructive fathering strategy. An ideal option is the formation of a broad public opinion on the importance of responsible sexual and parental behavior for the development of the personality of a particular person and society as a whole, which implies a program of moral education for future generations.

However, at present, the option of cooperation between parents and teachers in this direction seems to be the most viable. At the same time, increasing the pedagogical literacy of parents is a priority task facing modern Russian society. The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

4.2. Trends and risks of developing psychological readiness for fathering at different age stages

From the point of view of psychological and pedagogical practice, the functioning of the family and educational environment, mainly related to the meso- and micro-level, aimed at supporting the formation of psychological readiness for fathering, is a feasible task, provided that the characteristics, trends and risks of the genetic development of a man's personality and the stages of the formation of psychological readiness for fathering are taken into account.

The first - the period of designation of fathering begins with the birth of the boy and continues until the moment of receiving information about the pregnancy of his wife. The formation of fathering stereotypes takes place in the process of interaction with their own parents. Moreover, the degree of influence of the father and mother depends on the age of the child. Initially, communication with the mother during newborn and infancy is much more intense than with the father. Mother feeds, takes

care of the child, takes care of him, plays with him, talks. J. Bowlby and M. Klein described the features of mother-baby communication [495; 497]. By feeling her support and presence, being safe, the child can explore the world. The father is a figure who helps the child study the world, his own body and his capabilities through power games. Later, the relationship of parents becomes a model of behavior in the society of peers in junior school and adolescence.

The first period covers a significant period in the life of a man, which falls on the time of intensive personality formation, when significant changes occur in a short time and numerous mental neoplasms appear. The age specificity of the formation of fathering strategies is that for each age period there are certain significant changes, without which further development occurs unevenly. That is, within the age stages, it is possible to distinguish positive periods for the formation of certain aspects of future fathering strategies, with the first significant characteristics of fathering strategies manifesting long before the implementation of paternal practices in adulthood. Therefore, within the first stage, it is advisable to distinguish periods that allow focusing on important neoplasms of each age. The periodization of the first stage is based on the model of formation of gender identity of G. S. Vasilchenko [108], who at the age of interest identifies the following important periods of formation of gender identity: parapubertal, prepubertal, pubertal and transitional period, which have their own specific characteristics [69, p. 61-85; 195].

At the same time, as part of the development of psychological readiness for fathering, five periods are allocated: preschool childhood, junior school age, teenage and youth period and early adulthood. At each of them, specific risks or unfavorable conditions for the formation of psychological readiness for fathering are possible.

The age characteristics of the Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering at the stage of formation and the main characteristics of the constructive strategy of fathering during adulthood are summarized briefly in Tables 4.1.1 and 4.1.2. (Annex 5).

Preschool childhood is characterized by the fact that since the birth of the child, the environment is of the utmost importance for gender identification [128], especially

parents [121], who raise, communicate and treat boys and girls in different ways. [565] Infant boys receive fewer tactile weasels than girls [663]. Moreover, even in the family environment, boys are not free to express their feelings from a very early age, as easily as girls, but they are less punished for aggression [649]. During pre-school childhood, parents not only provide their children with gender samples, but also encourage or punish certain behavior [518]. This is especially true for moral aspects and gender-specific behavior. Thus, it is parental behavior that largely determines the formation of ideas about the gender role of men. The most important neoplasm of this period is the formation of sexual identity [108] or gender autoidentification [195]. Sexual self-awareness is defined as self-awareness of a particular gender and, in addition, the ability to regulate one's behavior in accordance with the gender moral and ethical requirements and attitudes of society [338]. E. A. Kashchenko and S. T. Agarkov define gender autoidenticity through the concept of sexual identity, attribution of themselves to a certain sex [195]. It is believed that the correct idea of your gender is formed by the age of 1.5-2 years [195]. The most important point in the formation of gender autoidenticity is that after passing the senitive period in parapubertal age, it is almost impossible to change or somehow affect the formed sexual identity. It is important that the child has the opportunity to build a gender model of behavior based on his interaction with parents of both sexes (or substitute figures). Disorders of the family system, serious health problems, delayed mental or speech development [169] can lead to difficulties in forming sexual identification. The fact is that in addition to attributing themselves to a certain sex, the child must represent what social and psychological features are inherent in each sex (or gender), what characteristics of behavior can be approved by society [338], are gender-specific, and which are not related to a certain gender [546], respectively, can be inherent in both men and women [478]. Modern reality brings its adjustments to the process of gender autoidentification. Attribution to a particular gender begins to take shape early enough when parents call a child a boy or girl, and encourage certain manifestations of gender. In many cases, the marking of a certain gender begins before birth through the selection of the color of the wardrobe and the design of the room for the child. Recently, however, the percentage of parents

choosing gender-neutral colors has increased [475; 645]. The idea of equal education of both sexes, which exists in modern foreign practice, sometimes reaches the extreme position, expressed in the statement that gender education "imposes" gender stereotypes on the child and, accordingly, educators should avoid any mention of gender and gender differences, giving choice to the child himself [592]. It is assumed that having reached a certain age, he himself will determine which gender (or gender) is more preferable to him. However, without certain social guidelines, the child cannot clearly form his/her own [603]. This position provides a basis for future gender autoidentification issues. [537].The absence of gender models will not solve the problems of children with congenital or acquired difficulties in identifying themselves with a certain gender, but will complicate not only gender identification in childhood [559; 564], but can also cause communication difficulties and internal psychological problems during adolescence in other children [580]. Thus, the most important characteristic of the future fathering strategy, such as the adoption of its gender role, begins to form precisely in the preschool period.

In addition, preschool childhood is the most important sensitive period in the formation of moral characteristics of a person [3]. It is at this time that the foundations of the formation of such characteristics as courtesy, tacticity, responsibility, initiative, independence, altruism, modesty, respect, generosity, humanity, delicacy, kindness, spirituality, responsiveness, decency, respectability, conscience, compassion, justice, humanity, honesty, sensitivity, empathy and tolerance are laid. The assimilation of evaluation norms takes place in the process of observing the reactions of parents providing behaviors [468]. V. S. Mukhina, complementing the analysis of the formation of value norms, draws attention to the fact that not only real people, but fabulous characters with moral features can act as reference models of behavior [289]. At the same time, the criteria for the moral development of the child are: knowledge of the norms, habits of behavior, emotional attitude to moral standards and the internal position of the child [468]. However, according to M. S. Yanitsky, the development of a conscious internal position of the child is not fully realized in preschool age. According to G. Kraig, at first children simply copy verbal formulations of adults related to the

moral assessment of the situation, and only then, trying to correspond to their own idea of themselves as a "good" child, he performs socially approved actions [221]. As studies [574] show, the difference between male and female education is especially pronounced in relation to discipline. It is in the context of the formation of moral guidelines of the person that paternal influence becomes indispensable. The disciplining role of the father allows him to regulate the behavior of the child and, thus, broadcast cultural and moral norms through generations [480].

Communication with peers and adults in preschool age guides children to the norms of a certain group of people, which mediates the norms and values of society as a whole [468] and, in addition, the force of interpersonal interaction, determines the emotional adoption of social norms and values in the process of joint activity.

In addition, at this age, the first prerequisites for the future maturity of the personality begin to form: at the level of the individual (health), personality (sexual identification, relations in the children's collective) and the subject of activity (playing activity, some self-regulation, readiness for school education), adaptation is the procedural criterion of maturity [333]. Thus, some components of the reflexive-regulatory component of fathering strategy also begin to form at this age.

Since the leading activity in preschool age is play, the most important aspects of the social and moral development of the person are practiced and recognized in playing activities. The emergence of cognitive motivation, the cognitive development of the child and readiness for school, which develops by the end of the pre-school childhood period, create the basis for the further development of the subject of activity in the school period [232; 356].

In preschool childhood, a gender role is formed through sexual identity, the formation of personal value orientations begins through the development of moral guidelines, and the prerequisites of a reflexive-regulatory component appear, such as: health, relationships in the children's team, play, self-regulation, readiness for school education. In this context, the Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering in preschool will have its own specificity and will differ from the content of the three components of unformed readiness for fathering or unprepared for fathering.

The criteria for establishing the prerequisites of psychological readiness for fathering in the preschool period are summarized in Table 4.1.3. (Annex 5).

Thus, in this age period, the most important conditions for the development of psychological readiness for fathering are a Two-parent Family, providing gender models of behavior to the child, moral education of the person.

The junior school age is 7-13 years old and is characterized by the formation of a stereotype of half-left behavior or a system of perceptions and patterns of sexual behavior for both sexes [108]. The most important role in the formation of personal values at this age is played by educational activities, which are associated with the cognitive and social development of a child who learns new knowledge, interacts with adults in the context of educational activities. According to M. S. Yanitsky, the development of value ideas at this time is carried out by mechanisms formed earlier [468]. According to J. Piaget, the change in the stages of moral development is associated with cognitive age changes. At the same time, the junior school age is positive for the development of intelligence, which contributes to the further formation of personal value orientations [318].

According to E. Erickson, during this period there is a formation of such a quality as hard work, which is primarily associated with the development of strong-willed personality characteristics, and will be one of their criteria for personal maturity in adulthood [460]. Thus, at this age, the most important conditions for the development of psychological readiness for fathering are also the family, which provides gender models of behavior to the child, adequate age status of the child, a properly formed educational environment.

If we talk about the prerequisites for the formation of a reflexive-regulatory component of fathering readiness, then in junior school age, the most important changes occur at the level of the subject of activity and include such prerequisites related to the beginning of training as: academic performance, arbitrariness, self-regulation, self-discipline, arbitrariness of behavior, independence.

Children are at a disadvantage for some reason disadapted in school. Due to the fact that the self-esteem and assessment of other children of primary school age is

closely related to the assessments of school teachers [3], the apparent failure in the elementary grades, especially with serious pressure from parents, creates conditions for the child not to accept social values declared by such a threatening society.

Junior school age is sensible for the formation of a stereotype of half-role behavior, which is externally manifested in gender-typical behavior. The continuation of the formation of values is associated with moral development, hard work, responsibility and socio-normative behavior. The prerequisites of the reflexive-regulatory component are: health, academic performance, self-discipline, arbitrariness of behavior, independence, a sense of competence, social adaptation, self-regulation, social competence, and the ability to build social relations. In this context, the Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering at a younger age will also have their own specificity and will differ from the content of the three components of unformed readiness for fathering. The criteria for establishing the prerequisites of psychological readiness for fathering in the younger school age are summarized in Table 4.1.4. (Annex 5).

The next period of becoming ready for fathering falls on the age from 12 to 18 years and includes the adolescent (puberty) and youth period. This is the time of formation of psychosexual reactions and psychosexual orientation. At this time, on the basis of individual characteristics and experience, a personality is formed, emancipation from the family occurs, one's own worldview, social consciousness is developed, ideas about the paternal and maternal role are formalized. And if women try on maternal roles from childhood, then it is at this age that men first think about fathering, most often in connection with the emergence of problems or conversations about unwanted pregnancy, discussing public opinion about responsibility for the future. However, much depends on upbringing, on family traditions and on the position of the mother of a young boy [325]. After all, it is relations with your own mother that for many years determine the attitude towards a woman in general. As far as the mother of the younger man accepts his growing up and his independence, he gives him the opportunity to solve some issues himself, taking responsibility for his decisions, he is so attentive to his sexual relationship. The authoritarian behavior of a mother who suppresses any

manifestation of initiative can lead to irresponsibility in relations with the opposite sex [486].

Adolescence is sensible for the formation of a system of personal values. Up to this age, the child cannot create his system of values, due to the lack of appropriate cognitive structures, underdeveloped reflexion [124; 221; 318]. The most important neoplasm of adolescence is the feeling of adulthood associated with orientation to adult values [3]. External "adult" values during this period are subjected to internal personal processing, which allows you to create your own value system. This may be due to the internalization of external prohibitions, the ability to empathetically understand the feelings of other people, or the development of thinking at the level of "formal operations," when an adolescent has the opportunity to reassess information and concepts [323; 468]. At the same time, the creation of its own system of values is accompanied by the search for answers to philosophical questions, rebellion, idealization of the morality of its generation [113; 356] moral guidelines of high school students [323; 391].

There are also changes in terms of the formation of a reflexive-regulatory component of psychological readiness for fathering: at the individual level, in addition to health, physical maturation becomes the most important process, sexual identification continues at the personality level, the problems of social prerequisites of maturity, such as: building relationships with peers and parents and at the level of the subject of activity continue to be significant academic performance, arbitrariness, self-discipline, self-regulation, arbitrary behavior, independence. In addition, reflexion begins to work actively at this age.

In adolescence, physical maturation continues, but numerous changes cover the level of personality, there is a need to choose a further path, professional and personal self-determination, sexual identification remains important, building relationships with peers and parents, at the level of the subject of activity, the prerequisites of maturity remain: academic performance, self-discipline, arbitrariness of behavior, independence. The procedural criterion for maturity is adaptation, self-determination.

In addition, according to E.V. Kuftyak [235], behavioral strategicity is differentiated at this age, so in adolescence boys demonstrate both productive (constructive) strategies for coping with the situation (spirituality, appeal to friends) and unproductive (non-constructive), such as: waiting for a miracle, mismatch, disregard, active rest. In adolescence, boys are more likely to use the "solve the problem" strategy than teenagers, less likely to use "spirituality" or appeal to friends, and less likely to show unproductive strategies, such as waiting for a miracle, mismatching, ignoring and active rest [230]. The possibilities of self-regulation are increasing.

The important thing is that in adolescence, the creation of a value system is most pronounced. This is the period of searching for one's own identity in personal [460], professional [342] and sexual plans [195]. Only in adolescence is a stable system of moral ideals, principles and orientations formed, which begins to mediate the behavior and activity of the person, as well as the attitude towards the world around us and towards itself [56]. M. S. Yanitsky believes that a significant role in the formation of a system of value orientations of a person at this age is played by a person's awareness of the personal meaning of his life [468]. Young men are characterized by the appearance of life plans, goals, the giving of personal meanings to situations and choices, the hierarchization of motives, the formation of a stable core of value orientations, the appearance of their own worldview. Therefore, according to M. S. Yanitsky, the youthful age is decisive in terms of the formation of the value system of the person [468]. Thus, the value attitude to fathering is determined even before a man actually meets with such situations in reality.

In modern society, there is a fairly clear distinction between the parental and sexual spheres. However, in early and late adolescence, such issues are especially acute due to the physical possibility of becoming a parent, but the lack of personal and social maturity of the person. And, despite the huge number of sources of information, it is the family situation that will largely determine the attitude of young people to the problems of sexual freedom and responsibility. The openness of sexually explicit information on the Internet, the almost complete absence of any guidelines from adults [69, p. 74-83; 73; 62, p. 61-67, 84, p. 33-40] leads to the formation of specific consumer attitudes in

young people regarding sex, marriage, family and parenthood [608], which determine in the future the destructive nature of fathering strategies [613]. It is thought that a properly organized educational environment, including not only young people themselves, but also at certain stages and their parents, will make it possible to use the achievements of modern medicine and science, which allow not only to harmonize these two areas of adult life, but also to take a more meaningful approach to parenthood. In recent decades, the tendency to have children later in life has been noticeable in developed countries, which allows some scholars to conclude that parenthood is associated not only with sexual need, but also with various others, including the need for continuation of the genus, in the pupil, in affiliation, in addition there is a whole block of social needs [83, p. 106]. Thus, it is in the first period, which is theoretical from the point of view of paternal practices, that the formation of psychological readiness for fathering occurs, the main conditions for the formation of which are determined by the family-educational environment.

In early and late adolescence, gender identity is formed (associated during this period with the adoption of a gender role and gender-typical behavior) and a system of value orientations of the person is formed through the formation of a worldview (associated with responsible behavior). The reflexive-regulatory component is represented by such parameters as: self-discipline, arbitrariness, self-regulation, independence, physical maturation, building relationships with peers and parents, a sense of competence, self-discipline, arbitrariness, independence social adaptation, social competence and reflection. In this context, the Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering in early and late adolescence will also have their own specificity and will differ from the content of the three components of unformed readiness for responsible fathering or unprepared fathering. The criteria for developing psychological readiness for fathering in early and late adolescence are summarized in Table 4.1.5. (Annex 5).

The second stage involves thinking about fathering as part of the application of knowledge about it to reality. This is a period of change of stereotypes, starting from the moment when a man learned that he would be a father, and continues until the

beginning of interaction with an already born child [83, p. 104-106]. Sometimes this period begins a little earlier with conscious planning of pregnancy, discussion with the spouse about the health of the future child, a healthy lifestyle when planning, and not only. Pregnancy of a wife for a man means restriction of desires, restructuring of plans, immersion in numerous household affairs. As such, the ability of a man to bear the loss of attention to himself and, at the same time, give it to others without receiving immediate satisfaction determines how good a father he can be. A turning point in the formation of a feeling of fathering, as well as the emergence of possible problems, is the middle of pregnancy, about the fourth month when a woman has a stomach, her position becomes obvious, and the child becomes "material," more real. Emotional reactions of the woman not only are the protective mechanism, but also start in the man - future father - the aspiration to care and sponsor and show those feelings and responsibility in relation to the pregnant wife, which he will then show towards the child, which allows us to talk about, that, in all likelihood, preparation for communication with a child in a man during the waiting period of the child still occurs and occurs indirectly, through a woman. However, even the slightest interaction with the child is essential for the realization of the fact of its existence for a man [83, p. 104-105]. The mismatch of theoretical stereotypes about what the father should be and their practical application during the waiting period of the child, the difficulty of self-esteem suggests that the process of self-awareness by the father is not completed.

The mechanism of changes becomes clear if you turn to the study of the dynamics of the value-sense sphere of the personality in adulthood. According to M. S. Yanitsky, the system of personal value orientations is characterized by dynamism, does not stop in its development in adolescence and undergoes the most significant changes during periods of development crises in adulthood [468]. According to A. G. Asmolov, any development crises in adulthood are inevitably associated with the restructuring of the system of personal values [32]. The waiting period of the child is associated with significant restructuring of the value system, both in women [110] and in men [83, p. 105]. This period is characterized by a rethinking of his relationship with his parents, an appeal to existential issues, a change in life goals, that is, to the transformation of the

value system. Moreover, this does not happen in connection with age, but in connection with certain life events, which is consistent with the position of N. N. Vasyagina on the influence of parenthood on personality subjectivity [110] and the provisions of M. S. Yanitsky that the criteria for assessing the level of development of value orientations are not tied to a certain age, are universal, "out-of-age" character [468].

The main problems of this period are related to unwanted pregnancy or unwillingness to have a child from a particular woman [71, p. 108]. A feature of the sexual and reproductive behavior of modern youth is extramarital sexual relations, which are placed as "undesirable" issues of childbirth. Sexual and reproductive behaviour is based on different, including biological, conditioned needs. Moreover, the ability to have children is, on the one hand, a characteristic of an adult, and, on the other, is not a sufficient basis for the birth of a child. And sexual behavior may not be related to the maturity of a person or relationship, understanding and accepting responsibility. The influence of social, historical and cultural factors: social stratification, the relationship between the psychophysiological and social statuses of the individual, as well as the information component of education [84], is of paramount importance here.

The problems of childbearing, sexual relations and responsibility are closely related to the health of the woman and the child in particular, as well as the possibility of the birth and upbringing of the child. In extramarital relations, these issues are becoming more dramatic, and that is why the problems of education, personal education, including its sexual culture and education, are especially relevant at present. In addition, from the point of view of psychologists, it is within the framework of the couple that the parental behavior of the personality is formed. We believe it is particularly important to note that the maternal role in relation to the status of women in society has undergone significant changes in recent decades. For example, the perception of women about the value of motherhood, the role of men in the life of a woman and a child is changing. It is believed that if a woman decides to give birth to a child, in the first year of the child's life, maternal functions are sufficiently defined. The female role is more traditional, more inert - since it is largely biologically due. But it is

no longer unchanged. Now, often in the ordinary minds of people, motherhood is associated only with the role, duties and rights performed. Modern culture does not offer a woman an adequate way of motherhood. More and more young girls not only do not want to have children, but actively promote their point of view, the so-called "childfree" movement - free from children [488]. The social and economic changes that took place in society, the development of the feminist movement gave society the image of a woman self-realizing professionally, against the background of which the image of the mother became less significant. In modern society, there are very few traditionally left maternal functions of women, they are still superimposed with professional ones. At the same time, a woman becomes more unfit for a career, she is required to "be successful" professionally, but the requirements for a maternal role remain. As a result, a woman tries to fulfill all her social roles: she studies, is realized in her career, plans to have a child after thirty years, refuses breastfeeding, goes to work immediately after childbirth, and leaves the upbringing of the child to more or less professional teachers: nannies, educators, grandmothers. Legally and statusly, she becomes a mother, but in fact her role in the formation of the child's personality is minimal. Her desire to be a mother is not supported by society [13; 307].

In accordance with these trends and expectations, fathering is changing. The modification of fathering has been noticeable for several generations. The previous generation has already moved away from the traditional model of behavior of the father. In Soviet society, the situation was significantly widespread when a man was "another child in the family." As a result, normal maternal behavior, according to the broadcast norms of the previous generation in our country, and modern women are perceived as authoritarian. At the same time, the maternal role forms the basis of a woman's self-esteem. The situation is greatly complicated by the fact that women themselves perceive fathers as their deputies, often a man is not included in communication and care for a baby child at all, although this period is important for establishing a relationship between the father and the child. However, then the father is required to participate in the upbringing of the child, with whom he is already used to not communicating. On the other hand, the male father is obliged to provide for the family, and if society considers

it possible for the mother and even prescribes child care and provides women with special leave, then men are less free in this case.

Against the background of these expectations, specific paternal functions can range from completely ignoring the birth of a child to trying to oust the mother from the relationship with the child. For example, after a joint birth, when strong bonding occurs, the father tries to get involved in the life of the child himself and is jealous of her wife when she breastfeeds the child. This is due to contradictory maternal expectations and absence

Another feature of modern reproductive behavior of modern youth is extramarital sexual relations, which are considered "undesirable" issues of childbirth. Here, the problems of relationships and responsibility are closely interlinked with the health primarily of women and children, as well as the possibility of the birth and upbringing of such a child. In extramarital relations, these issues are becoming more dramatic, and that is why the problems of education, personal education, including its sexual culture and education, are especially relevant at present. However, it seems that sexual education is a rather complex and unresolved issue due to the lack of practical development of competent specialists, the need to train teachers on this issue and the inextricable connection of sex education with moral education and personal development. There are different concepts of sexual education and its impact on the sexual and reproductive health of young people. However, it seems to us that sexual education is inseparable from personal education in general, therefore, even a special course of study at school will not be able to replace parental education in this matter, even if a trusting relationship is established with children, which is almost impossible when such classes are conducted by an absolutely stranger, stranger. At the same time, according to the fair comment of I. S. Kon [210], a greater effect can be achieved by adult education - that is, through the organization of training courses for parents on issues of competent interaction and communication with children on topics related to sexual behavior, contraception, etc.

Possibly due to illiteracy and unwillingness (citing the fact that they themselves received this information from peers, and talking about these topics with their parents

and/or with their children is "inconvenient") In spite of the wide representation of sex education, according to medical statistics, abortion is still one of the most popular birth control tools in our country [10]. This has grave consequences: demographic, economic, political and medical: it causes great harm to health - somatic, reproductive and psychological, both to a particular woman and to the population as a whole due to the emergence of numerous problems in the medical support system for carrying pregnancy and childbirth [10]. However, women not only have more information, but also show somewhat more responsible sexual behavior than men [541]. The problems are exacerbated by the fact that for our country the lack of special knowledge, the low sexual culture of society, ignorance in matters of sexuality, reproductive behavior and the departure from these issues by teachers, parents and doctors - that is, those who should have scientific knowledge about the subject and how to convey their knowledge to a new generation - are now relevant. It is in such conditions that the moral and value content of the axiological component of the fathering strategy associated with responsibility or irresponsibility of behavior is formed.

Within the framework of responsibility of behavior, the problem of contraception, contraceptive behavior, ethical aspects of contraception causes serious disputes in the modern world. At the same time, polar, even radical points of view are often expressed. For example, the recognition of contraception and even sterilization is a great achievement and the good of civilization, which should be extended to all cultures and countries with complete rejection of another attitude to the problem, when any discussion is called "backwardness of views," "lack of necessary education," etc. (Pro-Choice Movement). On the other hand, the opposite point of view is now clearly framed, which perceives contraception as a violation of the natural environment of the body, an ethically unacceptable action. In terms of this position, contraception is a refusal of responsibility for one's own behavior, including sexual behavior, since it involves the birth of children "by nature" (Pro-life Movement). Each side makes its own arguments in defense of its positions, often more emotional than logical or scientific.

Most often, there is a certain mid-point of view, which is also argued in a certain way. However, studies [195] show that most young people today have little knowledge

of the various aspects of the problem under discussion. In addition to individual views on contraception issues, relationships between partners, their status relative to each other (spouses, cohabitants), and their ability to openly discuss these issues play a large role here. Besides, also the lack of sexual culture and education can play a certain role [537].

However, by ignoring moral education and by ignoring problems related to sexual behaviour, society faces even more serious demographic, social and psychological problems that need to be addressed, both in the context of society as a whole and in the education of a particular person, since psychological readiness for fathering is associated with a system of value orientations of the person, including the value of relationships, the value of fathering and responsible behavior of a man. Early adulthood is the period of formation of personality maturity. The formed biological, labour, mental, emotional, social and psychological maturity, developed self-regulation and reflection are the filling of the reflexive-regulatory component of the constructive strategy of fathering during this period.

Early adulthood is characterized by the formation of a fathering strategy, including the adoption of the gender role of the father, the formation of reproductive motivation, the current system of value orientations of the person, including a worldview, the value of relationships, the value of fathering associated with the responsibility of behavior, developed self-regulation and reflection of the way of action, as well as biological, labor, mental, emotional, social and psychological maturity.

The second and third periods of fathering ontogenesis are not related to the specific age of the man, but are related to his life situation, intimacy of relations and the stage of the life cycle of his married family. The second period falls on the waiting period of the child. This is the period of understanding fathering and the beginning of the implementation of the fathering strategy (through responsible behavior, ensuring the conditions of normal pregnancy). It is preparatory for the third practical period - the period of implementation of fathering strategies in paternal practices. Both periods fall on early and middle adulthood.

The third stage, which falls on the time after the birth of the child - the stage of awareness of fathering - is associated with the implementation of fathering strategies. During this period, the emotional connection of a man with a born child arises and is realized, developed fathering strategies are applied and implemented in practice, experimentation takes place, assessment of his own behavior [606] and search for effective ways of interaction with the child [83, p. 103-105; 616]. Fathering strategies during this period continue to develop, undergoing some correction in connection with the development of the personality of the man and the child himself [501]. At this time, the praxiological component of fathering is formed already in interaction with the child. Criteria for implementation of constructive and unconstructive fathering strategy in practice are presented in Table 4.1.6. (Annex 5).

Constructive behavior at the stage of the practical implementation of fathering strategies (constructive paternal practices) will include, among other things, knowledge of the characteristics of the child's development at each age, ability and desire to interact with him. This process starts while waiting for the child, but does not end with the growing up of the child, since adult children can maintain a fairly close relationship with fathers, contributing to a feeling of subjective well-being and improving the quality of life of both [588].

Early adulthood is the age of the first manifestations of personality maturity. Maturity in the period of adulthood can be considered at the individual level, subject of activity, personality and individuality [21]. At the individual level, biological maturity can be observed, including somatic and sexual maturity, neuropsychiatric stability and health [333]. At the level of the activity subject, mental maturity, emotional maturity and labor maturity can be distinguished. At the level of personality, social maturity is distinguished, the criteria of which are social status, communicative competence, competitiveness and psychological maturity, connected with the system of relations of personality and determined by the orientation of personality [333]. These characteristics are closely related to the realization of the paternal role by a man [534].

Thus, among the main criteria determining the constructiveness of the fathering strategy are: the adoption of the gender role of the father, a system of value orientations,

including the value of fathering, and the maturity of the person. These parameters have their own development specifics at each age stage, forming the axiological, reflexive-regulatory and praxiological components of psychological readiness for fathering, and are closely interconnected with the social situation of personality development.

In the second and third stages, the numerous risks of fathering are closely related to the family structure (including formalization of relationships, since non-resident fathers often make very limited contributions to the life of the child [513; 515; 544]) and marital relations (L. Tach, R. Mincy, K. Edin [660], J. D. Teachman [661], M. E. Feinberg [545], S. L. Hofferth [574]), including lack of conflict [593; 619]. The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

4.3. Model of psychological and educational support for the formation of psychological readiness for fathering

An analysis of psychological and pedagogical literature shows that the most important characteristic of fathering is its openness in the system of relations between the family and society, which to a certain extent allows a certain psychological and pedagogical influence on the behavior of the father. We cannot influence the integral psychological education of the person, we cannot change the history of the person and her parental family, but, having criteria for the constructiveness of fathering strategies, we can develop programs for psychological and pedagogical assistance to the family, father or child, aimed at working with the value-meaning sphere of the person, accepting the gender role and responsibility of fathering.

At the same time, the optimization of the formation of fathering strategies is determined by the formation of constructive fathering strategies, which is associated with the conditions for the development of a man's personality, starting from a very

early age, since the formation of gender identity, some aspects of the value-meaning sphere, responsibility and moral characteristics of the person begins in preschool age, respectively, psychological and pedagogical influence must be carried out from a very early age.

At the same time, changes in the modern education system in the direction of individualization, reflected both in federal state educational standards and in public opinion, create opportunities for organizing psychological and pedagogical support for personality development in the education system, including scientific [190; 310; 407] and the legal provision [400] of this process, as well as the support of the personal [408] and social [465] development of students and the quality of education [339].

The actualization of the accompaniment paradigm is associated with the development of pedagogical and psychological sciences, the formation of a humanistic approach to personality as a leader in education. The specifics, goals, content and methods of escort are described in the works of K. A. Abulkhanova-Slavskaya, A. G. Asmolov, O. S. Gazman, M. I. Gubanova, T. M. Churekova, V. S. Gelevitskaya, N. I. Kondratyeva L. M. Shipitsina, R. ovoy, R. v. The complexity of support, the need to integrate specialists of various profiles (teachers, psychologists, social and medical workers) and take into account the cultural and regional specifics of the situation of personality development for its implementation determines the multiplicity of definitions of the concept of support.

R.V. Ovcharova defines the support within the framework of the technology of the psychologist's activity, specific to the methods of interaction, goals, priorities in work and criteria for assessing activity [300]. At the same time, the technology includes successive stages of the activities of specialists (not only psychologists, but also teachers), aimed, as a rule, at optimizing the educational achievements of the student.

M. I. Gubanova considers support through the prism of interaction of subjects of the educational process, including teachers, other specialists (for example, psychologists), students, parents, aimed at providing assistance in difficult situations [133].

T. M. Churekova defines pedagogical support through the system of activity of the teacher, aimed at creating psychological and pedagogical conditions for the development of the child, as well as the professional development of the teacher, while focusing on the construction of subject-subject relations [444].

In a dissertation study devoted to the study of psychological and pedagogical support for the development of the student's personality, L. G. Subbotina identifies as a significant element of support a psychological aspect that includes psychodiagnostic work to ensure monitoring of the development of the person, its adaptation to the educational environment and self-realization in various fields of activity [394].

As one of the most important parameters that ensure the effectiveness of support, L. G. Subbotina determines the close interaction of parents (legal representatives) and specialists in the educational system, including primarily teachers and psychologists, which provides positive dynamics of personality development.

It should be noted that, according to A. G. Asmolov, psychological and pedagogical support includes two components: pedagogical and psychological [32]. At the same time, pedagogical work provides assistance in assimilating the educational standard to the child, while psychological support ensures the mastery of the individual trajectory of development. Accordingly, within the framework of work with meaningful characteristics of psychological readiness for fathering, psychological support provides a more flexible approach to the formation of support programs, taking into account the conditions and mechanisms of formation of the phenomenon. General conditions, mechanisms and effects of formation of psychological readiness for fathering are presented in Figure 4.3.1. (Annex 6).

Psychological and pedagogical support can have two different forms: systemic and individual support. The system form is carried out by specialized psychological assistance centers at the request of the administration or parents. The individual form allows the creation of special conditions for targeted assistance to a particular child or family. In the framework of work with fathering strategies, the best result can be achieved by combining two forms of support [122].

Psychological and pedagogical literature also uses the terms "psychological and pedagogical support" and "psychological and pedagogical support." The term "support" is used most often in pedagogical research and is defined as preventive or prompt assistance in solving specific problems of the child, most often implying coordinated interaction between several specialists. According to V. A. Slastenin, support is a narrower term, is a more situational activity of a specialist, while it can be the first stage and in some cases go along with the development of the personality [315].

The concept of psychological and pedagogical support is used to determine the type of professional activity involving the activation of personal resources or a specific social institution necessary to optimize a particular development process. [398].

At the same time, the differences between the terms are determined by the direction of the activities of specialists: the task of psychological and pedagogical support is to ensure the mental health and development of the student's personality, while psychological support contributes to the creation of specific conditions in the training, development and education of students, teachers and other subjects of education. Psychological support can be direct, carried out by a teacher-psychologist, and indirect or indirect, carried out jointly by teachers, parents, students [449].

Thus, psychological and pedagogical support includes both psychological and pedagogical support and psychological and pedagogical support for the development of specific personality characteristics. As part of the formation of constructive fathering strategies, both pedagogical and psychological support and psychological and pedagogical support for the formation of fathering strategies can be used.

However, it is worth noting that in modern conditions, the system of psychological and pedagogical support for the development of the personality is most often isolated at each educational level, excluding cases of creating continuity in institutions within the framework of continuing education. In this sense, any program of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering is, albeit to a certain extent, an autonomous and variable part, which should be

embedded in the general canvas of psychological and pedagogical support programs for the development of the personality in the educational process.

Then the subject of psychological and pedagogical support for optimizing the formation of readiness for fathering may be the psychological laws of the development of fathering strategies. At the same time, the goal of psychological and pedagogical support for optimizing the formation of fathering strategies is to create conditions in the family-educational environment that contribute to the formation of constructive fathering strategies, starting from preschool age. The integration of the child into the educational environment in this case is interlinked with the process of self-development [231].

Given the previously stated position related to the need to promote the formation of not any readiness for fathering, namely, psychological readiness for fathering, psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering, we understand as creating conditions for the formation of personality neoplasms specific to each age, related to the formation of prerequisites for constructive fathering strategies and is a complex system of psychological and pedagogical interaction, solving a number of problems and including the conditions of implementation, substantive and technological aspects of the work, determining the use of various technologies, methods, means and forms of work.

The purpose of such work will be psychological and pedagogical support for the formation of readiness for fathering and the creation of conditions for the family and educational environment for the harmonious development of the child's personality within the framework of his age characteristics and the specifics of the formation of psychological readiness for fathering. In this regard, we have drawn up a program of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering, based on psychological and educational technologies for optimizing the formation of psychological readiness for fathering.

In modern psychological and pedagogical literature, great attention is paid to the definition and development of psychological and pedagogical technologies for optimizing the processes of personal development. We are interested in the possibilities

of psychological and educational technologies to optimize the formation of psychological readiness for fathering.

The etiology of the term "technology" dates back to the Greek words "techne" - "art, skill" and "logos" - "doctrine" and is defined as the doctrine of skill. In pedagogical literature it is found in combination with the concept of educational and pedagogical.

Moreover, according to G.K. Selevko [370], "educational technology" means expanded technology in the field of education and is a broader concept in relation to pedagogical technology, since it includes as such pedagogical technologies considered by such authors as: N. I. Almazova and O. A. Sentsov [18], N. A. Astashova [33], V. M. Bukatov [98], A. A. Aronov and N. S. Kaidalova [29], A. A. Verbitsky [112]; and cultural, socio-political, economic, social, managerial, psychological and pedagogical, medical and pedagogical aspects and technologies [370].

Given the specifics of the work on optimizing psychological readiness for fathering, in our work we rely on the use of educational technologies.

Understanding of educational technologies also depends on the position of the author, for example, B. T. Likhachev, S. A. Smirnov, N. B. Krylova, R. de Kieffer, M. Meyer consider pedagogical technologies as a means, organizational and methodological tools of the pedagogical process [253].

Educational (pedagogical) technologies as a method of action focusing on a certain algorithm or program of action related to the skill of teaching or education are considered by V. P. Bespalko, M. A. Choshanov, V. A. Slastenin, V. M. Monakhov, A. M. Kushnir, B. Skinner, S. Gibson [given in 370].

V.V. Guzeev, P.I. Pidkasisty, M. Eraut, S. Vedemeyer, R. Kaufman, define educational technologies as a scientific direction, a system including certain initial data and training results, as well as diagnostic tools, a variety of training models, as well as clear criteria for choosing the optimal training model for these specific conditions [135].

In addition, pedagogical (educational) technologies can be considered as a multidimensional process, as it is described in the works of V. I. Bogolyubov, M. V. Clarin, V. V. Davydov, G. K. Selevko, E. V. Korotaeva,

V. E. Steinberg, K. M. Silber and R. Thomas. At the same time, "pedagogical (educational) technology is a system of functioning of all components of the pedagogical process, built on a scientific basis, programmed in time and space and leading to the intended results" [370, p.37].

At the same time, the general features of educational technology in any case are: the presence of results planning with a focus on a certain standard, programming of the educational process (scheme and sequence of actions of the teacher and student), monitoring and correction of results if necessary.

Thus, in the broadest sense of the word, educational technology is a concept of personality development that takes into account the socio-cultural, didactic, instrumental, operational, temporal aspects and communicative and personal characteristics of participants. In a narrow sense, technology is determined by a set of methods of action tied into a certain algorithm.

From the point of view of an expanded interpretation of the term, the technology proposed by us defines the concept of the formation of psychological readiness for fathering through the definition of the criteria for the desired result (the formed readiness implemented in the constructive strategy of fathering), the identification of the stages of the formation of readiness (designation, understanding, awareness of fathering), the designation of the time frame of these stages (1. preschool, junior school adolescence and youth; 2. early adulthood; 3. early and middle adulthood), the development of an action scheme for each age stage and different family situation, the development of diagnostic tools for monitoring the formation process, the definition of methods of work to optimize or correct the formation of psychological readiness for fathering.

At the same time, the content part of the technology includes optimization of the formation of psychological readiness for fathering as a goal, as well as content of material specific for each age group. The procedural part is determined by the directions of work and includes diagnostic tools for monitoring the process, general work technologies specified in the methods and forms of activity of a psychologist, teacher and parents (if possible).

At the same time, in conditions of any age stage, psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering will include psychological work with the family to create a favorable family and educational environment, the creation of an educational environment, as well as psychological training if necessary (Figure 4.3.2).

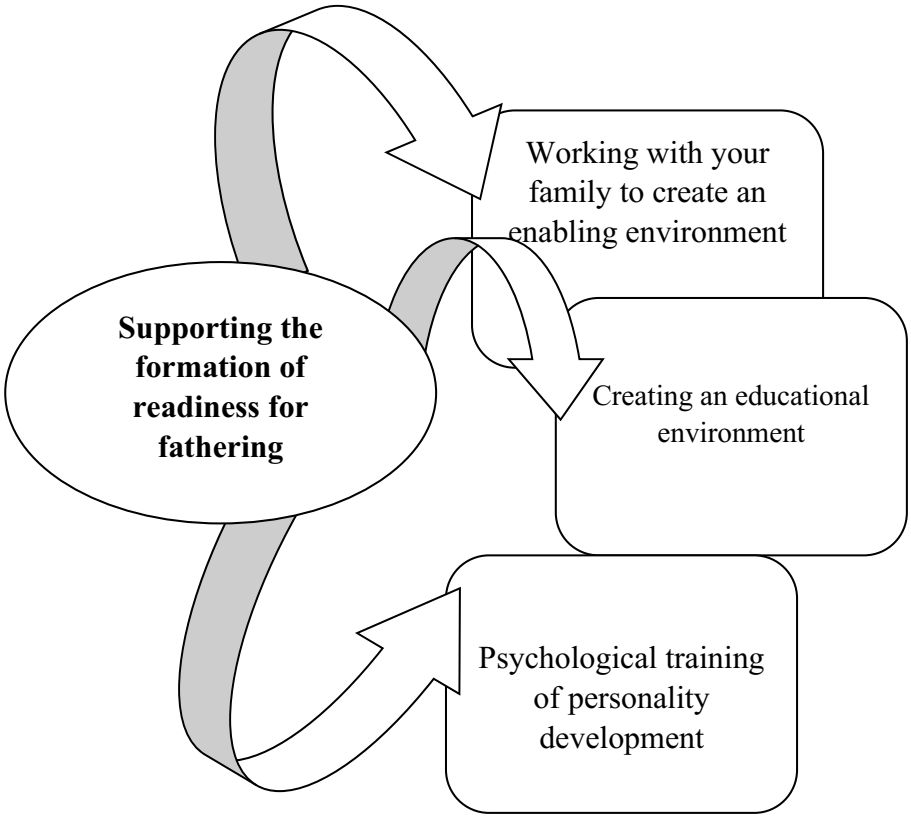

Figure 4.3.2. - Directions of work to support the formation of readiness for fathering

Within each line of work, the forms, technologies (narrowly interpreted herein) and methods of work presented in Table 4.3.1 (Appendix 6) are identified.

For pre-school age, the basic conditions for the development of the personality in general and the formation of psychological readiness for fathering, in particular, are set by the family environment and preschool educational institution. Thus, work on psychological and pedagogical support for the development of psychological readiness for fathering in a child of preschool age should be organized within the framework of

psychological education of parents, Psychological work with the family, including psychological trainings aimed at making parents aware of their role in the development of the child's gender identity and sexual identity, and the organization of a special environment in an educational institution, if the child attends it, which, however, is not mandatory for the formation of a fathering strategy [266]. At the same time, the family and educational environment should correspond to each other, without allowing a contradictory approach [386].

Taking into account the criteria for the development of psychological readiness for fathering at a given age, the work must be built in the direction of ensuring the formation of sexual identity, the moral development of the child, his health and social competence. Various models, methods and techniques of education can be used. Traditional folk pedagogy, with its clear gender division, provides many ways to guide the child in the world around him [193; 431]. At the same time, the game acts as the main activity, but gradually simple duties are added to it, contributing to the development of a child's sense of competence even before school. Trying on himself, losing various social roles, performing certain actions with the help of an adult, and then without it, communicating with peers, taking care of someone, the child not only exercises gender self-determination, but also is guided by values, determines moral guidelines.

Modern parents themselves were brought up in conditions of violation of the continuity of generations, breaking the system of sexual stratification and the lack of clear gender guidelines. This makes it difficult for them to build a high-quality educational environment for their child [127]. Therefore, our program places great emphasis on building the interaction of parents with children [155], clarifying the educational goals and development goals that are leading for each age stage. The inclusion of progenitors and (grandparents, and especially grandparents) and close relatives can play a positive role in the formation of a favorable family-educational environment, provided that there are no conflicts between generations [224]. For the boy, the inclusion of the father in the process of interaction with the child [411] plays a huge role. Therefore, in our opinion, in order to form a constructive fathering strategy

for a child of a given age, it is necessary to pay considerable attention to the formation of a constructive fathering strategy for his father. Psychological work here is aimed at strengthening the inclusion of the child in a Two-parent Family, and updating the presence of the father in the life of the child in an incomplete family or after divorce (while the work should be carried out by the mother of the child in the direction of accepting the need to build the relationship of the child with the father). Especially important is the development of the trajectory of a child in a single-parent family [131; 132] or raising outside the family [368] under conditions of ill-treatment [150]. However, the interaction of parents and teachers within the educational institution allows to create a single educational and educational environment for the child [122; 162; 222].

The formation of readiness for fathering at this age takes place within the framework of creating conditions for the development of the child's sexual identity (gender education), the formation of moral guidelines, including responsible behavior towards the younger and weaker [389], as well as the organization of conditions of play, work, training and communication.

In junior school age, work must also be built in two environments: the family and the educational institution [484]. However, at this age, because teaching is the leading activity, the formation of the ability to systematically work becomes of paramount importance. Therefore, our program places great emphasis on building the interaction of parents with children, clarifying the educational goals and development goals that are leading for this age stage.

The development of psychological readiness for fathering at this age is accompanied by the creation of conditions for the development of a stereotype of gender behavior, the formation of value orientations of the person, as well as motivation of the child to study, self-discipline, arbitrariness of behavior, independence.

In addition, it is necessary to continue working with the family to create a favorable family and educational environment.

Early and late adolescence, on the one hand, create numerous difficulties in the interaction of parents and the child, which makes it difficult to work psychologically

with the family, aimed at developing fathering strategies in the child [360; 409], and on the other hand, allows you to work with adolescents and young men themselves in the direction of actualization and the formation of psychological readiness for fathering.

The development of psychological readiness for fathering at this age is accompanied by the creation of conditions for the formation of gender identity, awareness and acceptance of their gender role, moral and sexual education, the formation of a system of value orientations of the person, maintaining health, through building relationships with peers and parents, professional self-determination, based on such characteristics as academic performance, self-discipline, arbitrariness, independence.

Support for the development of psychological readiness for fathering in the period of early adulthood occurs in the conditions of relationships in the parent family (emancipation, autonomy, emotional and financial independence from the parent family [257]), the formation and functioning of relationships in a couple and is associated with a generally formed fathering strategy, a system of value orientations of the person, as well as a degree of biological, labor, mental, emotional, social and psychological maturity.

The second and third periods are periods for the implementation of fathering strategies, however, at these stages, especially at the beginning, the optimization and correction of fathering strategies takes place within the framework of the relationship with the spouse, as well as within the framework of possible adult education, for example, during parental training courses or as part of psychological training [46].

At all age stages, psychological work with the family is the most important area of activity in the framework of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering. It includes work on the main activities of a practical psychologist in education, including educational, preventive, diagnostic, corrective and developmental, consulting activities that make it possible to increase all levels of human parental culture [374]: value and meaning; reflexive evaluation, cognitive component including literacy and competence, as well as a component aptly called by L. S. Kolmogorova "cultural" [206].

Psychological work with the family includes information through information, communication and online technologies, (e.g. education and promotion of the value of fathering through adult education or training or the creation of an accessible database on parenthood and reproductive health) as well as individual and group work focusing on the technology of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychoanalysis, chosen depending on the qualifications of the psychologist, his work scheme and the most problematic situation, and including, as necessary: psychological diagnostics, individual and family psychological counseling, psychological correction.

One of the most important areas for reaching large audiences is education, involving work with parents in preschool and junior school age, education with older children and adults.

The advisory area includes individual and group consultations of pupils, parents and teachers. Diagnostic and preventive directions are associated with the identification of risk groups and the prevention of age-sexual and family-related problems of gender socialization. The corrective and developmental direction of work includes psychological assistance upon request from parents or teachers. Recall that the content of the concept of "psychological assistance" includes the provision of emotional, semantic and existential support to the family and its individual members [205].

The following functions of a psychologist in the framework of psychological assistance to the family are distinguished: a supporting function (psychological support, which is absent or has taken distorted forms in real family relations); Mediation function (psychologist acts as mediator, helping to restore broken family ties with the world); training (promoting the development of communication skills, self-regulation techniques, self-knowledge); developing (helping family members to develop basic social skills and skills, such as listening skills, support and conflict management skills, ability to express feelings and understand the feelings of others); information (includes presentation (for example, lecture or conversation) of information on mental health and ill health, development rate and its variants).

The types of psychological assistance to the family can be classified as (1) information (providing information on the peculiarities of the functioning of the family

at different stages of development, on the tasks facing the family during crisis periods, on the age-psychological characteristics of personal development); 2) individual psychological counseling - since working with one of the family members, according to M. Bowen, can lead to changes in the entire system of intra-family relations; 3) counseling (psychotherapy) of a married couple; 4) group training work (psychotherapy) of married couples (several couples participate) [656]; 5) family counseling (work with a nuclear family); 6) group family counseling (psychotherapy).

One of the options for working with the family may be the teamwork of specialists (2-4 people). According to N. I. Olifirovich and colleagues [205], teamwork avoids a number of "traps" related to the specifics of working with the family system, for example, the temptation to join and form a coalition with one of the family members. They distinguish several ways of working in a team: 1) the whole team interacts with the family; 2) one team member works with the family, the rest, in the type of supervising, not included in direct interaction with the family, observe the process and give the psychologist feedback after work; or after completion, they discuss their assumptions in the presence of family members. All these types of work can be used in working with the family, father and child.

During pregnancy, relations with the spouse come to the fore among the conditions for the implementation of fathering strategies. For a woman, the experience of pregnancy and the dynamics of the style of experience of pregnancy reflects the value of the child, the interaction of the value of the child with other values significant for the woman, and is prognostic in identifying the characteristics of maternal attitudes and the dynamics of the value of the child after childbirth, the same is typical for men, although not so clearly manifested. The relationship of a male future father with a pregnant woman, especially in the second half of pregnancy, triggers multiple experiences, a restructuring of values, appealing to childhood experiences, relationships with their own mother and father.

As our study shows, the experience of pregnancy of a wife (partner) by a man largely depends on the behavior and relationship with a woman. According to the opinions of V. I. Brutman, A. Ya. Varga, M. S. Radionova, G. G. Filippova, I. Yu.

Khamitova, who studied the psychological conditions of women during bearing a child, in pregnancy there is their own dynamics of exacerbation and weakening of the problems of the woman. For example, in the first trimester, women have actualized and acute problems with their own mother and other objects of attachment, problems with relations with their husband [423]. For a man, this is a period of rational acceptance of the fact of pregnancy and actualization of multiple social problems: material, problems of accepting responsibility, etc. In the second and third trimesters, women have a pronounced avoidance of negative emotions, the problems of the first trimester are weakened, fear of childbirth and their incompetence in the postpartum period become relevant, the "nest arrangement syndrome" appears, which manifests itself in increased activity, the desire to streamline existing problems. At this time, the direction of activity in preparation for childbirth and the postnatal period indicates a favorable trend in the course of pregnancy; whereas non-child activity is an unfavorable indicator. For a man, this is a period of primary awareness of the existence and imminent birth of a child. Most researchers believe that the appearance of physical evidence of pregnancy - an enlargement of the abdomen, leads to a new emotional experience, an irrational understanding of the existence of a future child. However, despite the fact that the behavior of a man during this period can be very diagnostic, no clear definition of the influence of the types of male attitude to the pregnancy of the wife on the subsequent relationship with the child has been revealed at the moment. The most common patterns are known: a negative, hostile attitude towards the future child correlates with the non-formation of the value-meaning sphere of the personality, various difficulties in the parental family, and serious material problems. However, the attitude of the husband towards the pregnant woman during this period, as a rule, changes: love and desire to care is increased [423]. G.V. Skoblo, L. L. Baz and T. A. Balandin believe that the pride and experience of a man's own involvement in the appearance of physical signs of pregnancy is an indicator of the appearance of the child's value in the structure of the value and meaning block of fathering [379].

In women, by the end of pregnancy, the fear of childbirth, their incompetence, and the tension of all other problems are most often reduced. Whereas, the opposite

situation reflects the pronounced adverse dynamics of pregnancy experiences and the value of the child. During this period, a decision is made on the participation of the father in childbirth.

The characteristics of fathering are relatively stable, but may vary from one child to another. Much depends on the age of the man at the time of the birth of the child, and, often, on the sex of the child, especially in families with patriarchal traditions.

The problem of accepting the child, perceiving it as a continuation of oneself, especially during pregnancy, preparing a subsequent relationship with the child, and in the first year of the child's life, is relevant for men, due to the much smaller expression of the "gestalt of infancy" than women, which triggers emotional, semantic and other reactions that facilitate the formation of the mother's attachment during the primary interaction with the child. And this is what complicates any psychological work with the father and child.

As part of fathering work, according to W. Doherty [532], the difficulty of drawing up psychological support programmes for the family, on the one hand, is due to the fact that that such programmes cannot be widely disseminated without appropriate policy programmes to improve the demographic situation, and on the other hand, the main emphasis of these programmes should be on: to reflect the multiple areas of fathering, the different domestic and marital circumstances of fathers, and a multitude of personal relationships and environmental factors that affect what a man's father is. Such a program should: involve mothers, especially for unmarried fathers, promote joint parenthood inside and outside marriage, pay attention to critical periods in family life, for example, the birth of a child and divorce of parents, ensure the ability of fathers to learn from other fathers and promote the viability of marriages based on joint care, devotion and interaction.

Fathering problems can be solved within the framework of general family and individual counselling and psychotherapeutic work. A psychoanalytic approach to counseling and therapy can be applied, focused on the study of personal problems, as well as client-centered and family therapy and counseling.

Foreign tradition often uses comprehensive methods of assistance, including the services of doctors, psychologists, psychiatrists, pediatricians, etc. Group work is often used, and there are special groups of fathers who share their experience, which also encourages parents to find additional forms of solving their problems [532].

In our country, the participation of fathers in family work is limited either to family therapy or to joint birth training courses, which are not attended by everyone. Various assistance for parents with young children is provided by psychologists of preschool institutions or in specialized centers, sometimes in psychological consultations. Basically, mothers are involved in such work. But counselling for mothers with infants, newborns, as well as in the prenatal period, is practically complicated.

In providing this kind of psychological assistance to the family, methods for diagnosing the development of the child, his emotional well-being, diagnosing the parental relationship and the interaction of the mother with the child are well developed and widely used. This type of psychological practice is traditionally focused on the problems of the child, the mother, and its psychological problems are considered from the point of view of optimizing the conditions for the development of the child, the father and his attitude are very rarely studied. Most often it is child-parental or family counseling, which is carried out by specialists in the field of mental development of the child. Often, in these cases, the family's emerging problems encourage it to contact other professionals [532].

The most appropriate is the provision of comprehensive psychological assistance in local centres linked to medical institutions (women's clinics, maternity hospitals, children's clinics) and children's preschool and possibly educational institutions with the participation of both parents. It is also possible to include elements of education and promotion of the value of fathering in the educational process in educational programs for students of secondary schools. The content of such psychological counselling can be: diagnosis of individual features of the maternal and paternal sphere; psychological assistance in family planning, pregnancy and father-mother interaction with the child; diagnosis of parental competence; assistance in solving family psychological problems;

preparation of parents for childbirth; Group training in pregnancy for both parents and children; individual counselling; The work of psychologists and doctors with the family during crisis periods, for example, the slice after the birth of a child, during the birth of a second child, measures of various levels to develop constructive fathering strategies, adequate contraceptive behavior, the prevention of abortive behavior of students of various educational organizations [282], the creation of a database on parenthood and reproductive health for students, their parents and teachers.

Individual and family counselling on the problems of parenthood is well combined with group work (preparation for childbirth, school for parents, etc.). Psychological assistance in this case includes not only counseling, psychotherapy, but also corrective measures, the specifics of which depend on the characteristics of each particular case.

In working with the father or family as a whole, it is advisable to use the following diagnostic methods: clinical conversation in the form of a semi-structured or structured interview; genogram with the study of parental relations in several generations [450]; questionnaires to refine formal data and optimize information collection (e.g. questionnaires presented in the annex); definition of parental identity with the help of ORI questionnaire by J. Plek in our adaptation, the Scale of paternal attitudes by J. Plek in our adaptation, determination of self-esteem features of ourselves as a father using the questionnaire "Personal Differential," using the modified Dembo-Rubinstein method, which includes sets of 5 scales (qualities of an ideal father or mother) to assess oneself [76]; method of interpersonal relations diagnostics (modified version of interpersonal diagnostics of T. Liri); test of meaningful orientations (LMS) of D. A. Leontyev; methodology "My letter to my wife" by S. A. Belorusov; an essay about your child (or a modification of "Letter to your child"), both for the mother and for the father using content analysis; PARI procedure; Cambridge questionnaire of gender-typical behavior of preschoolers in our adaptation, questionnaire "Analysis of family relationships" by E. G. Eidemiller and V. V. Justitskis; diagnosis of anxiety level (C.D. Spielberg-Yu. L. Hanina, M. Lusher, etc.); diagnosis of the level of aggression (S. Rosenzweig); various projective drawing tests "Kinetic drawing of the family," "Me and

my child," "I am a child and my mother" (G. G. Filippova) and on other topics, depending on the situation; projective methods: the test "Figures," "Psychogeometric test," the test "Epithets" (V.I. Brutman, G. G. Filippova, I. Yu. Khamitova), as well as the methods we proposed in this work.

The results of diagnosis and preliminary conversation determine the content and forms of psychological impact, which depend on the age of the child, the characteristics of the child's development, and the identified features of family relations [81, p. 31-34]. However, experience shows that in modern conditions, a specialist is overwhelmingly approached by the mother, and the need to work with the father is identified as part of work with maternity problems. In view of multiple social and personal barriers, such as embarrassment, inability to express one's emotions, greater employment of a man, especially during the infancy of a child, less representation of the recognized values of fathering in public opinion, the most important task of psychologists working with family and motherhood, becomes the involvement of men in the process of productive interaction in the family, including within the framework of psychocorrective and psychotherapeutic work.

The creation of an educational environment is possible within the framework of basic and/or additional education. At the same time, after T.M. Churekova, we understand acquisition of set of knowledge, abilities, skills and installations forming the basis of further educational or professional activity of the student in the educational institution which is carrying out basic, fundamental preparation which termination is connected with end of a certain grade level and obtaining the education or professional status [442] as basic education.

Supplementary education is the process of education and education in the framework of the provision of additional educational services and information and educational activities outside the main educational programs in the interests of a person studying in an institution providing additional training. At the same time, the end of institutions of additional education does not mark the acquisition of some kind of status, but allows us to deepen knowledge, skills or skills in a certain area of interest to a

person. For children, such institutions are represented by circles, studios, sections, lectures, scientific societies for young people; for adults - a system of advanced training (IPK, FPK), courses, schools, lectures, general education courses and lectures. Thus, individual educational requests may include professional and non-professional activities [442]. In relation to the problems of fathering, the structure and content of the entire educational environment is of particular importance in preschool and school age; for adults - additional education.

The educational environment is a triune individual space, which consists of the intrapsychological space of the personality, the zone of communication and interaction with the immediate environment and the sphere of significance [60]. Accordingly, the filling of the educational environment of a preschool educational institution, school or institution of additional education with content specific to the actualization of psychological readiness for fathering, taking into account psychological laws and factors of gender socialization and moral development [395] of future fathers, with the cooperation of the subjects of socialization, will optimize the process of formation of psychological readiness for fathering.

Technologies for the formation of the educational environment are determined by the age characteristics of respondents and the possible (chosen) form of work. Thus, individual work includes information and communication technologies, socialization technologies, problematic learning technologies, project technologies, using all methods of educating parents, supporting the formation of subjective personality properties and persuasion methods, (conversation, clarification, reading, criticism and self-criticism), ethical conversations.

Group work is very diverse and includes such a form of work as: classroom work using information and communication technologies, group technologies, problem learning technologies, project technologies, level differentiation technologies, gaming technologies, workshop technologies, case technologies, as well as traditional technology (within the classroom and lesson system). Here, methods such as: support for the formation of subjective personality properties, methods of persuasion (conversation, clarification, reading, criticism and self-criticism, ethical conversation),

training exercises can be used; business games, the method of integrating joint activities, as well as the inclusion of elements of gender, moral, patriotic and civic education in taught disciplines.

Extracurricular work allows you to pay more attention to information and communication technologies, group, project and game technologies, as well as case technology. It uses methods of working with children and adults, such as: information, support for the formation of subjective personality properties, methods of persuasion, training exercises; role-playing and business games, team formation, excursions, ethical conversations, discussion of the content of works of art and specific actions, assignments and tasks for organizing all-school events and matinees, inclusion of joint activities, as well as adult education, scribing.

Effective for the organization of an educational environment optimal for the formation of psychological readiness for fathering, specially planned classes in a pre-school educational institution or in a school [162], however, in order to create a gender-oriented educational environment for preschoolers and younger schoolchildren and adolescents, it is necessary to combine male activities or activities with male leadership, immersing students in gender reality and providing an example of a male approach to solving problems, practical and effective solution of various problem situations [550]. In traditional pedagogy, these problems did not arise due to the fact that boys were mainly taught by men in various social strata. At the same time, the range of educational and educational influences was extremely wide: from working together in the field with the father as part of intuitive imitation education to a specially organized program of teaching closed male schools [480]. In modern conditions, the creation of a gender-oriented educational environment for preschoolers and junior schoolchildren may include classes in institutions of additional education or their inclusion in the educational programs of the school on conditions of optional or disciplines of choice (such as the inclusion of the discipline "Hand-to-hand combat" under the guidance of an experienced male coach in the educational process in one of the schools that were the basis of our study).

The difficulty is that men are many times less involved than women in the educational process of younger children. In addition, for a positive effect of interest to us, such a teacher should combine pedagogical skills with pronounced gender-typical qualities, demonstrate a model of successful solution of problems, including professional, status and role, as well as show such features as success, confidence, organizational abilities, centering (ability to focus on one thing as much as possible), determination, dominance, focus, sense of freedom,. A model of successful male behavior is especially necessary for children brought up for various reasons without a father.

However, due to gender inequality in the teaching profession and social status of the teacher, it will be more effective not so much to include specific disciplines in the educational process as to organize additional conditions of gender education within sports sections [455] (for example, martial arts sections with teachers successfully performing at competitions, scientific circles demonstrating a male approach to solving scientific problems) [343], organizations of patriotic [207] and civic education [453] according to the type of scout movements (Brotherhood of Orthodox Pathfinders).

In addition to optimizing the formation of a gender role, attention should be paid to the problems of moral development and the formation of responsibility. Within the framework of these tasks, pedagogical influences can be more diverse and effective than in the situation of creating a gender-oriented environment. Negative trends in modern society, such as: dominance of material values, consumer attitude to activities, things and people, lowering the importance of moral values, reduce the quality of interpersonal relations of people, and in particular, relations in the father-child diet and require competent work with students to overcome these negative trends within the educational environment. The tasks of teachers related to the formation of the moral qualities of the personality of students are consistent with the GEF DOE, which indicates the need to create, within the framework of the discipline "Surrounding the World," a respectful attitude towards their family, history, culture, as well as standards of health-saving behavior; within the framework of the discipline "Fundamentals of Spiritual and Moral Culture of the Peoples of Russia," such features as: "readiness for moral self-

improvement and spiritual self-development," understanding the norms of morality and their "importance in building constructive relations in the family and society"; "To act according to one's conscience; education of morals based on freedom of conscience and religion, spiritual traditions of the peoples of Russia; awareness of the value of human life. " As part of the implementation of technologies that optimize the formation of psychological readiness for fathering, we have proposed recommendations for the disclosure of topics related to this issue within these disciplines (Appendix 7).

The education of the moral qualities of the individual and the formation of responsibility are due to the family environment, but the educational impact of the educational environment can be very significant in this case [390].

The main task of the family-educational environment in the process of education and upbringing is to form the child's ability to consciously manage his/her behavior and make decisions independently, as well as the readiness to bear full responsibility for them. At the same time, parents and teachers, as primary agents of socialization and upbringing, determine the formation of responsibility [35; 244].

According to the opinion of domestic psychologists L. S. Vygotsky, V. V. Davydov, E. F. Rybalko, N. F. Talyzina, D. B. Elkonin, and their followers (A.K. Markova, Yu. A. Poluyanova, V.V. Repkin, V.V. Rubtsov, G. A. Tsukerman) The most productive period for the development of the value and meaning sphere of the personality is the junior school age, due to the fact that the junior student has a high emotional susceptibility to the surrounding reality [134], non-standard thinking, directly; in addition, thanks to intellectual development, it forms value orientations and lays the foundations for future social activities [192; 436].

So, according to T. M. Churekova, one of the possible directions of moral development of a schoolboy may be purposeful education of moral attitude to socially useful work [443]. At the same time, the junior school age is sensible for purposeful education of moral attitude to socially useful work, within the framework of the criteria for age periodization (L. S. Vygotsky, D. B. Elkonin): the social situation of development, the leading type of activity. So, according to the theory of personal development of E. Erickson, it is during this period that the base of labor and social

experience, hard work, conscientious attitude to work, a sense of duty, as well as responsibility for the assigned business are formed. The social situation of the development of the personality of a primary schoolboy, the leading activity of which is teaching during this period, the relationship of self-esteem with the assessment of an adult (teacher) favors the formation of responsibility and hard work [53]. The desire characteristic of this age to follow the requirements of adults, rules and norms, according to L.I. Bozhovich, determines the initial stage of forming a sense of duty and responsibility [given in 443].

The formation of moral values of schoolchildren is possible only in interaction with others [277]. At the same time, the most important directions in the teacher's training and out-of-hours work on the formation of moral values are: the development of the identity of younger schoolchildren and the organization of student-student interaction.

Optimization of the development of these personal characteristics of a junior student, according to L. A. Babitskaya, A. K. Kuzminykh can be achieved using four groups of methods of pedagogical influence: 1) methods of persuasion directly addressed to human consciousness, forming the right beliefs and concepts in the individual, including conversation, collective discussion, clarification, reading, criticism and self-criticism; 2) methods that contribute to the consolidation of responsible behavior in practice, such as: training exercises; 3) techniques that encourage a person to work to form responsibility, such as: demand, encouragement and coercion; and 4) methods of self-education [35; 295].

Specific forms and methods of work to create responsibility among younger students are related to the goals and tasks facing the teacher, and may include: ethical conversations (both individual and group), discussion of the content of artistic works and specific actions, matinees, assignments and tasks [35], organization of activities that contribute to students' experience of value attitude to phenomena of reality and awareness of social and personal meaning of value, as well as inclusion of younger schoolchildren in joint activities aimed at actualization of value [277].

Thus, ethical conversations that allow to give a moral assessment of a certain act or action can be a qualitative means of creating responsibility among younger students [179]. In addition, one of the options for such a conversation may be to teach self-analysis of one's own activities to achieve the goal, which includes learning about the forms of self-analysis, developing an understanding of the need for self-analysis of one's own activities, developing skills for analysis and drawing conclusions about the productivity of one's own activities [129; 200].

According to I.A. Fedyakova, in order to promote the formation of responsibility and moral development of the student's personality, the educational environment of the school should be focused on pedagogical support for the formation of the subjective properties of the personality of a junior student; creation of active interpersonal communication [133]; effective use of pedagogical tools for active involvement of schoolchildren in various types of activities (educational, play, labor), which contribute to the formation of subjective personality properties of a young student [416].

These provisions are consistent with the opinion of K. Muzdybayev that for the successful formation of responsibility, the emotional feeling and experience of the child assigned to him is important not only for himself, but also for other people [287].

That is, responsibility is formed in the process of active participation of the child in educational and non-educational practical activities organized by the teacher and communication between children and adults. Educational work within the framework of practical activities may include the organization of labor affairs (volunteer detachments, for example, as assistance to the elderly within the framework of the scout movement "Brotherhood of Orthodox Pathfinders"), class and/or school duty [361], preparation of holidays with the assignment of specific tasks to students that contribute to the education of children of responsibility and social activity [35]. At the same time, increasing the self-esteem of students in connection with the assessment by the teacher, parents and class of well-performed tasks contributes to the further development of the personality of younger schoolchildren and their creative abilities [25].

In adolescence, adolescence and early adulthood, the gender aspects of the individual, as well as the value of fathering and responsibility, can be disclosed in

separate optional disciplines or sections of disciplines within the framework of the school's educational program, reflected in the curriculum and implemented within the framework of a non-linear schedule, and determining the individualization of the student's educational trajectory. Such may be a discussion of the ideals and patterns of male (and female) behavior within the framework of class hours, the topic "History" in the discipline "The world around," the inclusion of the section "Gender interaction" in the discipline "Psychology" or "Human studies" in high school, the discipline "Gender psychology," "Fundamentals of sexology," "Professional psychology of family and marriage," "Psychology of Higher Parenthood" in the framework of education program. The inclusion of such subjects in the curriculum does not cancel the above-mentioned provision of additional conditions for gender training. One of the most effective activities during this period is a specially organized psychological training, the description of which is given below.

The period of early and middle adulthood provides a great opportunity to use additional education as part of the development of fathering strategies already established by that time.

It should be noted separately that this type of activity to optimize the implementation of fathering strategies, such as adult education [103, p. 45]. Elements of such training are included in our training program. However, adult education can act as an independent and quite effective activity [103].

According to N. N. Vasyagina, adult education has its own specifics: unlike the traditional pedagogical model of education, where the teacher dominates, which determines such parameters of the educational process as: goals, content, means, forms, methods and sources of education, the leading role in adult education belongs to the student himself [245]. Since an adult is a subject of learning, having a deep need for autonomy [456], the activity of the teacher boils down to the promotion and maintenance of the adult's desire for self-government [186]. At the same time, discussions, various types of business games, trainings become the main forms of classes. In this case, the experience of the student and the opportunity to share it with colleagues takes on great importance. At the same time, according to N. N. Vasyagina,

the most important criterion for the quality of adult education is the ability to self-realize a person in life, which contributes to the development of the personality [109]. This increases the requirements for the development and implementation of active training methods [228; 414; 469], such as: computer simulators, ICT-based distance learning, cases, simulators, business games, project training methods, internships, as well as various forms of distance learning: conferences, seminars, webinars, business games, workshops and other forms of training conducted using scribing, through telecommunications and other Web service capabilities [312; 451]. All of this applies to adult education within the framework of optimizing the implementation of fathering strategies, for example, within the framework of parenthood training groups, psychological training or on-line groups created by fathers for the interests and aimed at exchanging experience, knowledge, thoughts and emotions related to interaction with the child. This is a fairly effective way of obtaining a variety of practical information, which in modern Russia is actively used by female mothers, and to a much lesser extent by fathers, possibly due to false stereotypes that the topic of parenthood is the prerogative of women.

Thus, the creation of an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering covers all levels of education, is not limited to the boundaries of educational subjects or the holding of single events, but should combine an integrated approach and a promising vision of the formation of fathering strategies within the framework of personal development, the most important psychological and pedagogical condition of which is psychological and pedagogical support for the formation of fathering strategies.

A separate activity within the framework of optimizing the formation of psychological readiness for fathering and psychological and pedagogical support for the formation of fathering strategy is the development and implementation of psychological training programs aimed at the formation and development of constructive fathering strategies. In the framework of psychological training, depending on the specific issue and audience, skill training can be used using information, communication and gaming technologies and working methods such as: mini-lectures, scribing, training exercises;

or socio-psychological training, using, in addition to the listed workshop technology and methods such as: focus groups of directed discussion, role-playing games, brainstorming methods; psychotherapeutic training is also effective with an orientation on specific technologies of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychoanalysis technologies, psychodramatic and bodily-oriented technologies and a repertoire of methods including: psychotechnical games and exercises, discussions, elements of psychodrama, bodily-oriented therapy exercises, focus groups of directed discussion, role games, storytelling, brainstorming methods.

The literature shows a wide variety of studies of motherhood, including descriptions of the development of training programs based on the corrective effect of training on a person's mental state, his self-perception, perception of the life situation in general, and aimed at helping the mother in various situations, including work on the adoption of a maternal role during pregnancy. The orientation of our group exercises to solve these problems is determined by foreign and domestic (mainly empirical) experience.

The experience of research and practical work suggests that as a result of such exercises, the mental state of the client is optimized, his self-esteem and self-acceptance are increased [616]. This complex of personal changes, which ultimately affects the solution of various family problems, can be considered confirmation of the effectiveness of group classes as a form of psychological support for a person. However, given the widespread use of training work, it is necessary to study the dynamics of individual psychological qualities under the influence of training sessions and obtain a more accurate research assessment of their performance.

We have developed and gradually modified a system of training work on the formation of psychological readiness for fathering and the formation of constructive fathering strategies, the general description of which is presented here, consists of several standard blocks. The first block: "warming up," the second block: forming trust relations, the third block: lecture, the fourth - practical, the fifth block - relaxation. Sessions were held as part of groups of meetings and included 10-11 meetings over 2 months. The group recruited men with one or more children of 15 people in each group.

In this work, psychological support is considered as a given effect on the client in order to change his mental state in order to facilitate the process of accepting the role of the father, interaction with the child, and ensure increased productivity of fathering. The implementation of this impact can be carried out at several levels: cognitive - as an increase in self-esteem, correction of a person's ideas about himself; motivational - as an increase in human activity, actualization of the need for self-knowledge and self-development; emotional - as a change in the current state of the client and the formation of self-regulation skills; behavioral - as the formation of effective skills and skills to increase the effectiveness of the operational sphere of fathering.

The second and third levels can be combined under the general name self-regulatory level, but dividing them into two separate blocks allows you to specify the orientation of the exercise.

In accordance with this approach, the main tasks of this training work are: relieving emotional tension to ensure the effectiveness of interaction with the child; mainstreaming emotional attitudes towards the child; Informing fathers of ways to interact with the child; informing fathers about the influence of the father on the development of the child and the possible consequences of violations of relations in the father-child dyad; training in skills and skills for effective behaviour.

Thus, in working with fathers, measures are needed to optimize their condition, increase activity and responsibility.

In order to avoid omission of any aspect of fathering, the model of the fathering phenomenon developed by us was adopted as the main concept of the training program. According to our model, the structure of the fathering strategy includes the following components: axiological, reflex-regulatory and praxiological. Accordingly, the theoretical and practical parts were designed so that each of the components was affected during the work.

In addition, exercises were used to update human development resources, including: personal resources, as an actualization of perceptual characteristics; family resources, namely, relations with people on which a person can rely, in this case, it could be a wife and parents; social resources - resources provided by the social

environment of a particular person; cultural - culturally enshrined ways of behavior or models of perception and assessment of behavior.

All these resources, one way or another, are used when referring to such a significant aspect of the life of a man who is in adulthood, such as fathering. When working with any of the fathering blocks, we turned to the above human development resources, which made it possible to use the man's own experience in work, as well as his idea of the phenomenon under discussion.

Thus, the main tasks of the training are to provide fathers with information, to teach skills in interaction with the child and to assist in the practical application of the skills obtained in order to optimize this interaction.

The training program was developed in three versions for adolescents and boys and for men in adulthood with and without children, and included theoretical and practical parts. The results of working with men during adulthood are described in detail [158, pp. 81-87]. The difference in working with the three types of groups was due to the age and status characteristics of the groups [65]. The theoretical course describes the postulates of child, family psychology and developmental psychology, data on the development of the child, on the influence of the father on the development of the child, the specific functions and roles of the father in the life of the child and the family, as well as acmeology data on personal development during adulthood, data on the relationship between male gender identity and fathering, in addition, on ways to interact with the child, and data on specific activities, such as how to deal with conflict situations, as well as examples of interaction with the child of other fathers. The materials were prepared on the basis of the analysis of literary sources, such as, monographs and articles on child psychology, acmeology and family psychology, materials of the work of V. Ftenakis [549], as well as the fathers.com website, which offers a large number of descriptions of specific experiences of the interaction of specific fathers with their children, as well as the website of the American Center for Reproductive Health March Of Dimes. The actual practical part includes exercises to accept responsibility and gender roles at various levels: cognitive, behavioral and self-regulatory (emotional and motivational).

In the course of classes, a variety of psychological techniques and methods of work were used: psychotechnical games and exercises, brainstorming methods, focus groups and directed discussion, in addition, elements of psychodrama, fairy-tale therapy, role-playing games. Skills and communication skills were practiced. The content of group classes adequately reflects the main psychological problems that arise in the process of interaction with the child. They are aimed at the formation of mental states and the development of personal qualities that ensure the possibility of optimizing human actions in a given life situation (increased emotional stability and self-confidence, awareness, the formation of practicality and a realistic idea of life and oneself). In the process of psychological training, conditions are created for the individualization of the fathering strategy, that is, the process of combining social expectations, norms, values with the peculiarities of needs, properties and styles of activity of a particular man through the internalization of the meaning of fathering.

The contents of the classes are summarized in Table 4.3.2. (Annex 6). The effectiveness of this training is confirmed by our work and the corresponding study and published by the author in several works [81, p. 31-35; 158, p. 81-87].

However, psychological work with family and fathering is not limited only to group and advisory work and requires the further development of psychocorrectional methods, practical, psychotherapeutic work with family and fathering, as an essential component of the harmonious family system.

Access to psychological or pedagogical assistance is more frequent with the submission of a woman mother. At the same time, she herself describes the lack of interaction between the father and the child as a result of the father's professional employment. It is noteworthy that in most cases the woman herself also works in full-time employment, but suggests that parenthood is her immediate responsibility, which in her opinion is not so important for men. Here we are faced with the influence of macrophactors, whose influence cannot be changed or transformed in a short time, since they are connected with culture and are only slightly determined by the educational environment and information culture of the person emerging in this environment.

There are currently some shifts in the social and cultural context of fathering. Most contemporary cultural disputes about parenthood have focused on what mothers should do outside the family and fathers on within the family. Some blurring of modern standards regarding fathering can also lead to conflicts between parents. It is known that some fathers who took part in the delivery of their child are then attached to it, performing essentially a maternal function, while leaving their paternal functions unrealized. Of course, this state of affairs leads to misunderstandings and misunderstandings on the part of the mother. In this regard, this example is indicative: in the United States, the recent increase in interest in fathering led to speeches by advocates of women's and mothers' rights. They believe that the emphasis on the important role of the father in the family can maintain a long-standing prejudice against the families of single mothers, and that work with fathers will be increased by working with single mothers, and that pro-father conversations will be used by supporters of the right of "fathers" to challenge the child allowance, and the rules of attendance after divorce. On the other hand, even feminist-minded psychologists have recently argued for a greater emphasis on fathering (it is assumed that fathering is involved), which will help fathers and benefit women, as well as children.

These public debates serve as a backdrop for research on the psychology and sociology of fathering, because researchers inevitably fall under the influence of the cultural context in which they work. In this sense, it is not surprising that most studies compared the levels of fathers' involvement in children's lives with that of mothers, and after that, maternal functions became a reference point for the formation of fathering norms, which is not entirely true, since fathers have historically never engaged in activities by which fathering is assessed in this approach.

It is significant that the interest of academic, professional, and public order in fathering crystallized when the foundations of traditional fathering - a physically existing father who serves as the only family breadwinner - quickly collapsed.

The use of the term "responsible fathering" by a number of foreign experts reflects the recent trend in the scientific environment from a free language in terminology to a more rigorous approach. "Responsible" implies "proper," gives a

number of desirable norms in order to assess the behavior of fathers. The term also conveys a moral assessment meaning (correctly and incorrectly) that some fathers may be "irresponsible" or "irreconcilable." The willingness to use a clearly judgmental and moral term reflects a change in the social climate among Western scientists and politicians, who until recently traditionally believed that psychology, social policy, and social programs should be scoreless. Since the end of the twentieth century, it has become more possible to think about the inevitability of the values and moral provisions that are part of psychology and social sciences, and society is more willing to accept moral assessments, which makes it possible to openly discuss their influence on psychology and politics. Indeed, there has always been a strong but implicit evaluation attitude in fathering research, much of it done by men and women with interests in promoting men's more dedicated and gentle involvement in their children's lives. Similarly, there has always been a moral connotation of focusing on the absence of a father, which characterized most of the literature on the absent, "defaulter" and emotionally uninvited father. This normative nature, on the one hand, narrows the area of research, and on the other, is an indicator of public attention to this problem. At the same time, some foreign researchers studying Russian fathering come to disappointing conclusions about the absence of paternal education in Russia [672].

However, despite the fact that the proposed psychological work with the family and the creation of a favorable for the formation of constructive fathering strategies, the family-educational and educational environment affects only
micro and mesofactors that influence the exercise of paternal functions by men and do not affect macrophactors of the environment, changing the behavior of even part of fathers will allow their children to grow up in favorable conditions, which will allow them to positively fill the concept of masculinity and determine the value of the gender role of the father for the child and father, having a positive model.

In general, the model of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering can be presented in Figure 4.3.3.

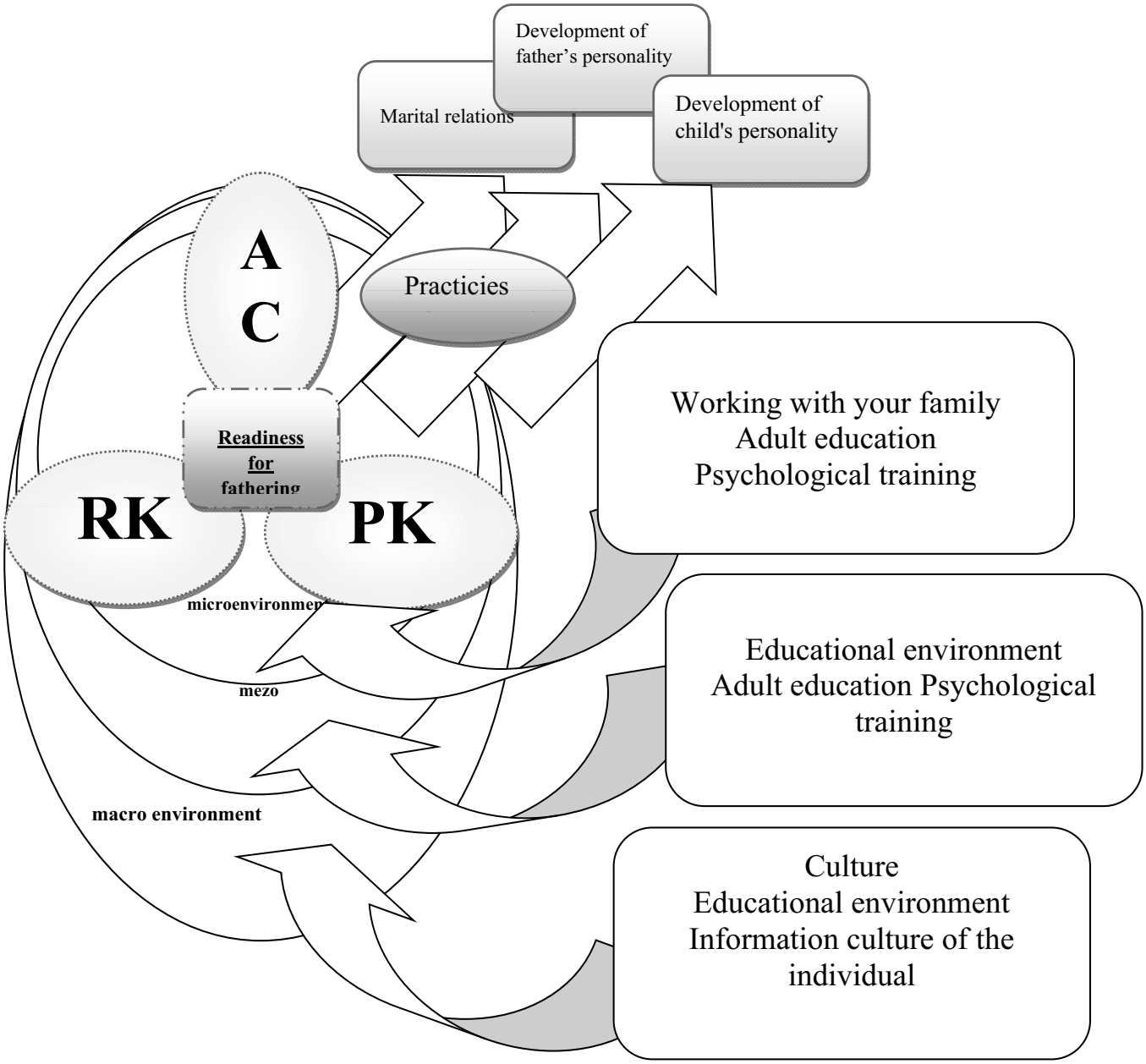

Figure 4.3.3. - Scheme of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering and the development of a constructive fathering strategy

Thus, despite the fact that there is some objective evidence of the vulnerability of fathering in adverse social conditions, the decline of paternal authority, and the crisis of the family, it will be possible to talk about a gradual change in public opinion regarding fathering. Significant social determinities of fathering in this sense make it possible to

make optimistic forecasts. We build our behavior on the models of society, but we are this society. In essence, what role a man will play in the life of children in the future, what the "father of the 21st century" will be depends not only on today's 12-17-year-old boys, but also on the relationship they build with others; from each of us: others, peers, parents, teachers, politicians, psychologists, social workers.

At the same time, due to objective reasons and awareness of the boundaries of professional competence, we have developed a program for optimizing the formation of psychological readiness for fathering at the level of micro- and mesofactor, the most significant provisions of which were tested empirically. Within the framework of our model, the conditions and possibilities of forming fathering strategies are age-specific, which is clearly presented in Table 4.3.3. (Annex 6).

Thus, the theoretically justified determination of the conditions and possibilities for the formation of fathering, starting from the preschool period, allows us to develop, test and implement a comprehensive program of psychological and pedagogical support for optimizing the formation of psychological readiness for fathering and the development of fathering strategies, in the conditions when:

a) take into account the specifics of the formation of psychological readiness for fathering at different age stages (preschoolers, junior schoolchildren, teenagers and high school students, adults) and in different family and pedagogical conditions;

b) implement technologies that optimize the formation of psychological readiness for fathering in the main areas of support for the formation of psychological readiness for fathering (psychological work with the family, the creation of an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering and/or special psychological training). The materials of this paragraph are partially published in article [65] and monograph [78].

Conclusions

Based on the analysis of modern works on fathering, as well as our research, among the main parameters determining the formation of psychological readiness for fathering, we identified: gender role, a system of value orientations and maturity of the person. Among the main criteria determining the constructiveness of the fathering strategy are: the adoption of the gender role of the father, a system of value orientations, including the value of fathering, and the maturity of the person. These parameters have their own characteristics of development at each age stage and are closely interlinked with the social situation of personal development.

An analysis of psychological and pedagogical literature shows that the most important characteristic of fathering is its openness in the system of relations between the family and society, which to a certain extent allows a certain psychological and pedagogical influence on the behavior of the father. At the same time, within the framework of our model, the conditions and possibilities for the formation of fathering strategies are age-specific, but in any age stage, psychological and pedagogical support for the formation of fathering strategy will include psychological work with the family to create a favorable family-educational environment, the creation of an educational environment, as well as, if necessary, psychological training.

Information, communication and on-line information technologies are used as technologies for psychological work with the family (e.g. education and promotion of the value of fathering through adult education or training or the creation of an accessible database on parenthood and reproductive health)as well as individual and group work focusing on the technology of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychoanalysis, chosen depending on the qualifications of the psychologist, his work scheme and the most problematic situation, and including, as necessary: psychological diagnostics, individual and family psychological counseling, psychological correction.

Technologies for the formation of the educational environment are determined by the age characteristics of respondents and the possible (chosen) form of work. Thus, individual work includes information and communication technologies, socialization technologies, problematic learning technologies, project technologies, using all methods of educating parents, supporting the formation of subjective personality properties and methods of persuasion, ethical conversations.

Group work is very diverse and includes such a form of work as: classroom work using information and communication technologies, group technologies, problem learning technologies, design technologies, level differentiation technology, gaming technologies, workshop technologies, case technologies, as well as traditional technology. Here, methods such as: support for the formation of subjective personality properties, methods of persuasion, training exercises can be used; business games, the method of inclusion in joint activities, as well as the inclusion of elements of gender, moral, patriotic and civic education in the taught disciplines.

Extracurricular work allows you to pay more attention to information and communication technologies, group, project and game technologies. Here, such methods can be used to work with children and adults, such as: information, support for the formation of subjective personality properties, methods of persuasion, training exercises; role-playing and business games, team formation, excursions, ethical conversations, discussion of the content of works of art and specific actions, assignments and tasks for organizing all-school events and matinees, inclusion of joint activities, as well as adult education, scribing.

In the framework of psychological training, depending on the specific issue and audience, skill training can be used using information, communication and gaming technologies and working methods such as: mini-lectures, scribing, training exercises; or socio-psychological training, using, in addition to the listed workshop technology and methods such as: focus groups of directed discussion, role-playing games, brainstorming methods; psychotherapeutic training is also effective with an orientation on specific technologies of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychodramatic and bodily-oriented technologies and a repertoire of methods including:

psychotechnical games and exercises, discussions, elements of psychodrama, exercises of bodily-oriented therapy, focus groups of directed discussion, role-playing games, coterapy, methods of brainstorming, "

Having analyzed theoretical psychological and pedagogical works, we came to the conclusion that psychological and pedagogical support provides the process of developing psychological readiness for fathering, if the specifics of the formation of psychological readiness for fathering at different age stages and in different family and pedagogical conditions are taken into account and technologies are implemented that optimize the formation of psychological readiness for fathering in the main areas of support for the formation of psychological readiness for fathering (psychological work with the family, creating an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering and special psychological training).

CHAPTER 5. PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING

The formative phase of the study took place between December 2002 and April 2017 and included a longitual study.

Since the analysis of literary sources showed the absence of sufficiently clear criteria for the constructivity of fathering strategies, to track the formation of psychological readiness for fathering at different age stages, we were guided by the criteria for the formation of psychological readiness for fathering identified in the process of theoretical analysis based on the methodology of dissertation research (Tables 4.1.2 - 4.1.7).

Based on the selected criteria, we used a specially designed program to support the development of psychological readiness for fathering to test the effectiveness of which, as well as to eliminate the possibility of the influence of various other variables on the results of the study, it seems to us necessary to compare the results obtained when working with the test subjects of the experimental group with the survey data of the control group whose representatives were not experimentally exposed.

Several groups of subjects participated in the study:

1. pre-school boys (84, including 15 experimental and 71 control groups). Families of children from the experimental group (15 families) participated in the work to create a family-educational environment favorable for the formation of constructive fathering strategies at different times between December 2002 and April 2017; Children are students of the family center "Developing," Kemerovo, as well as the Municipal State Institution "Topka Social Rehabilitation Center for Minors" in Topki, Kemerovo Region.

2. boys of primary school age. 45 (21 experimental group and 24 control group); Families of children of the experimental group (21 families) participated in the work to create a family-educational environment favorable for the formation of constructive

fathering strategies at different times between September 2014 and April 2017. The children of the experimental group are students of the CHOU Orthodox Gymnasium in Kemerovo, as well as clients of the Municipal State Institution "Topka Social Rehabilitation Center for Minors" in Topki, Kemerovo Region; children of the control group are students of MBOU secondary school No. 92 "Secondary school No. 92 with in-depth study of subjects."

3. adolescent and youthful boys (39 people, 15 of them - experimental group and 24 control group). Both groups were equalized by age (average age of the experimental group - 16.5, control - 16.4 years) and social characteristics.

4. men in early and middle adulthood (139 men with one or more children (of which 61 men (three groups of 15 people (2004) and one 16 people (2016)) made up the experimental group subjected to experimental exposure, 78 - the control group). Individuals in the experimental group of 45 people were experimentally exposed as part of the work on our dissertation study in 2004, when only 95 men with one or more children participated in the study between September 2003 and June 2004. Of these, 45 men (three groups of 15 people) made up the experimental group subjected to experimental exposure, 50 - the control group. Both groups were equalized by age (average age of the experimental group - 32, control - 33 years) and social characteristics - mainly the subjects are employees (75% and 78%, respectively), entrepreneurs, with higher, secondary and secondary special education (49% and 50%, respectively). The experimental impact included conducting a specially developed training course aimed at accepting the role of the father and forming a constructive fathering strategy. In 2016, only 30 men of the experimental group managed to collect data, another group of 16 people was also exposed to a similar effect. The data obtained from these surveys were statistically processed.

5. 40 adolescent and youth boys took part in the longityd study (20 people in 2004, 15 people in 2016 - an experimental group and 20 people in 2004, of which 14 people in 2016 - a control group). The teenagers of the experimental group participated in a longite study from December 2002 to October 2016. The control group included both participants in the longitude study and subjects examined during the second

measurement. To test the effectiveness of the psychological training we developed, we conducted three examinations of the subjects: in 2004 before the experimental impact and immediately after and after the birth of the child, most of the participants in the training in 2016. For the control group, these sections coincided in time with the examination of the experimental group. Of the 40 people who took part in the study in 2004, 29 people managed to collect data (15 people from the experimental group and 14 from the control group). The data obtained from these surveys were statistically processed. Adolescents and young men of the experimental and control group in 2004 were students of MBOU Secondary School No. 10, 62, 92 of Kemerovo, and students of 1-2 courses of the Federal State Budgetary Institution "Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev," teenagers of the control group (2016) are students of MBOU Secondary School No. 92 "Secondary Education School Subjects No. 92 with Advanced." As of December 2016, the subjects of the experimental and control groups who took part in the study since 2004 were employees (100%) with a higher 94% and a secondary 6% education (experimental group) and with a higher 66%, a secondary special education 26%, a secondary education 8% in the control group.

In 2004, the experimental group was two groups of subjects of 10 people from a full (50%) and incomplete (50%) family. In 2016, 15 people managed to collect data, of which 8 (53%) were raised in an incomplete and 7 (47%) in a Two-parent Family. The 2004 control group consisted of 20 people of 10 (50%) people from a full and incomplete family. In 2016, data were collected from 14 people, 6 (42%) from a complete and 8 (58%) from an incomplete family.

At this stage of the study, the following techniques were applied:

For the diagnosis of preschool children:

1. Study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V. E. Kagan);
2. "Cambridge Questionnaire of Gender-Typical Behavior of Preschoolers" (Russian-language version of the English-language questionnaire "Pre-School Activities Inventory (PSAI)";

3. Diagnostic technique "Plot pictures" (modified version of E.O. Smirnova, R.R. Kalinina);

4. Diagnostic technique for preschool maturity and self-regulation: the diagnostic game "Assistants of the Good Wizard" by O. I. Barchuk, M. R. Bityanova.

We also used personal data on the age, field and family of the child.

For the diagnosis of children of primary school age:

1. Study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V. E. Kagan);

2. Modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina,

L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya);

3. Questionnaire with modified methodology for self-assessment of gender qualities;

4. Drawing yourself;

5. Methodology "Diagnosis of moral motivation";

6. Methodology "Study of the direction of responsibility" M.V. Matyukhina, S.G. Yarikova;

7. Diagnosis of personal growth P.V. Stepanov, D.V. Grigoriev, I.V. Stepanov.

The method of expert assessments was used to diagnose the behavior of the child. Teachers were presented with diagnostic results, and they rated the coincidence of behavior with the results on a 100-point scale.

For the examination of adolescents and boys:

1. Modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina,

L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya);

2. Questionnaire "I am a woman (man)" (L. N. Ozhigova);

3. Questionnaire with modified methodology of self-assessment of gender qualities,

4. Drawing yourself;

5. The first and fourth scales of the "Questionnaire of Parental Identity" by J. Plek;

6. Test questionnaire of personal maturity of Yu. Z. Gilbukh;

7. Methodology "Acceptance of Responsibility" by V. P. Pryadein;

8. Questionnaire of terminal values , I. G. Senin;

9. Diagnostic technique for the level of reflexivity development of A.V. Karpov.

We also used personal data on the age, field and family of the child. The method of expert assessments was used to diagnose the behavior of the child. Teachers were presented with diagnostic results, and they rated the coincidence of behavior with the results on a 100-point scale.

For adult examination:

1. Test of meaningful orientations (SFO) D. A. Leontyev;

2. Methodology "Personal Differential";

3. The method "Measurement of parental settings and reactions" (PARI) Schaeffer-Bell et al. (Schaefer, E. S. – Bell, R. A.);

4. Questionnaires;

5. A survey of the parental identity of J. Plek (Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI));

6. Father Involvement Attitudes Scale (FIAS);

7. S. Bam's technique "Masculinity and Femininity" (Myth);

8. Test questionnaire of personal maturity of Yu.Z. Gilbuch;

9. Methodology "Acceptance of Responsibility" by V. P. Pryadein;

10. Questionnaire of terminal values I. G. Senin;

11. "Test questionnaire of satisfaction with marriage" V.V. Stolin, T.L. Romanova, G.P. Butenko;

12. Methodology "Level of subjective control" (USK) (E. F. Bazhin, E. A. Golynkina, L. M. Etkind);

13. Diagnostic technique for the level of reflexivity development of A.V. Karpov;

14. Questionnaire "Reproductive motives" by I. S. Morozova, K. N. Belogay, J. V. Borisenko and T. O. Ott.

The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

5.1. Psychological and pedagogical support of forming of prerequisites for psychological readiness for fathering in preschool children

At the formative stage of the study, boys of preschool age participated (84 people, including 15 experimental group and 71 control group). Families of children from the experimental group (15 families) participated in the work to create favorable conditions for the formation of psychological readiness for fathering of the family-educational environment at different times from December 2002 to April 2017; Children are students of the family center "Developing," Kemerovo, as well as the Municipal State Institution "Topka Social Rehabilitation Center for Minors" in Topki, Kemerovo Region.

The creation of a family-educational environment favourable to the development of psychological readiness for fathering was organized as part of the psychological training of fathers of these children aimed at the formation of constructive fathering strategies. In the course of the training, the subjects not only received information on the theoretical part, which set out the postulates of child, family psychology, developmental psychology, data on the development of the child, The influence of the father on the development of the child, the specific functions and role of the father in the life of the child and the family, as well as acmeology data on personal development during adulthood, data on the relationship between male gender identity and fathering, in addition, on ways to interact with the child, and data on specific activities, such as how to address conflict situations, as well as examples of interaction with the child of other fathers, but also practiced skills and communication skills in the practical part, which included exercises to adopt responsibility and gender roles at various levels: cognitive,

behavioral and self-regulatory (emotional and motivational), and also received homework, kept diaries and reported to the group on the work done. Since, in the process of psychological training, conditions are created for the individualization of the fathering strategy, that is, the process of combining social expectations, norms, values with special needs, properties and styles of activity of a particular man through the internalization of the meaning of fathering, this allows the father to be a more effective parent, and homework was built around the creation of a parent alliance, the settlement of relations with the spouse, the involvement of the child, specific tasks were given for the development of all components of the fathering strategy in the child, this made it possible to create a specific family environment favorable for the development of psychological readiness for fathering in the child of such a father.

The level characteristics of the sample consisting of 84 preschool children are presented in Table 3.2.1 (Appendix 1) and analyzed in detail in paragraph 3.2.

Validation of experimental and control group data on the Fisher test at a significance level of 0.05 showed that the variances of both groups differed insignificantly. All parameters we study are subject to the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion), except for data on the methodology for assessing the moral standards of preschoolers. To test the second hypothesis, we compared the data of the experimental and control groups before exposure to Student's t-test, which showed that groups differ in the indicator of gender attitudes, which is associated with the peculiarities of families who expressed a desire to participate in the work on creating a special environment (Table 5.1.1.).

Table 5.1.1. - Results of comparison of experimental and control group of preschoolers before exposure

Parameters	EG	CG	t-value.	p	SD - EG	SD. - CG
Gender-typical behavior	65,47	64,10	0,83	0,41	3,58	5,78
Gender attitudes *	10,00	8,93	2,97	0,00	1,13	1,13
Maturity	36,73	36,69	-0,43	0,67	8,40	6,11

* marked significant differences

For non-parametric data, the comparison was made according to the Mann-Whitney U criterion, showing no significant differences between groups prior to exposure (the results of the test for this criterion are presented in Table 5.1.2.).

Table 5.1.2. - Comparison of data from the experimental and control preschoolers group on the Mann-Whitney U criterion before exposure

Parameters	Sum rank EG	Sum rank of CG	U	Z	p-ours.	Z - scorr	p-ours.	p
Moral standards	1298,00	1264,00	462,0	-1,58	0,12	-1,53	0,11	0,12

These results of analysis of these groups prior to exposure were taken into account in post-exposure data processing. After work with the family, the subjects were re-examined and the data were processed by a re-measured variance analysis, Student's t-test for dependent samples for parametric data, and Wilcoxon's test for non-parametric data.

When comparing the experimental and control group of preschoolers by components of the fathering strategy, no significant differences were found before the impact.

Table 5.1.3. - Comparison of results of the experimental group before and after training to Student's t-test for dependent samples

Parameters	**M**	**SD**	**t**	**p**	**Trust me. - -95,0%**	**Trust me. - +95,0%**
Gender-typical behavior 1	65,47	3,58				
Gender-typical behavior 2 *	68,44	6,63	2,54	0,01	-1,42	-0,17
Maturity 1	36,73	8,40				
Maturity 2 *	38,57	6,04	3,44	0,00	-2,86	-0,76
Gender attitudes 1	10,00	1,13				
Gender attitudes 2 *	11,76	2,42	2,07	0,01	-0,58	-0,11

* marked significant differences

Comparison of results of the experimental group before and after training by Student's t-test at 5% significance level for dependent samples indicates significant changes in parameters of gender-typical behavior, maturity and gender attitudes (Table 5.1.3).

Comparison of the results of the Wilcoxon moral standard parameter at a 5% significance level also showed significant differences between data before and after training (Table 5.1.4.).

Table 5.1.4. - Comparison of the results of the experimental group before and after training according to the Wilcoxon criterion

Parameters	T	Z	p-ours.
Morals 1 & Morals 2 *	0,00	3,059	0,002

* marked significant differences

Comparison of the results of the experimental group before and after training to Student's t-test at a 5% significance level for dependent samples on the integral indicator also showed significant changes in the integral indicator, as well as within the axiological and praxiological components of the fathering strategy after training (Table 5.1.5.).

Table 5.1.5. - Results of comparison of the experimental group of preschoolers before and after training by integral indicator *

Parameters	M	SD	t	p	Trust me. - 95,0%	Trust. + 95.0%
Integral Indicator 1	0,64	0,06				
Integral Indicator 2	0,68	0,04	0,10	0,00	-0,06	-0,04
Praxiological Component 1	0,64	0,05				
Praxiological Component 2	0,68	0,06	0,31	0,00	-0,05	-0,04
Axiological Component 1	0,54	0,06				
Axiological Component 2	0,61	0,05	0,40	0,00	-0,07	-0,03

* only significant differences are presented

No changes were found in the children of the control group according to these parameters.

Comparison of the results of the experimental group and the post-exposure control by Student's t-test at a 5% significance level for independent samples showed significant post-exposure differences across all parametric measures (Table 5.1.6).

Table 5.1.6. - Results of comparison of experimental and control group of preschoolers after training

Parameters	EG	CG	t-value.	p	SD EG	SD CG
Gender-typical behavior *	68,44	64,10	0,73	0,02	6,63	5,78
Gender attitudes *	11,76	8,93	2,23	0,00	2,43	1,13
Maturity *	38,57	36,69	0,33	0,05	6,04	6,11
Integral Indicator *	0,68	0,60	0,13	0,06	0,04	0,04

* marked significant differences

For non-parametric data, a comparison was made according to the Mann-Whitney U criterion, which also showed significant differences between groups after training (the test results for this criterion are presented in Table 5.1.7.).

Table 5.1.7. - Comparison of data from the experimental and control group of preschoolers on the Mann-Whitney U criterion

Parameters	Sum rank EG	Sum rank of CG	U	Z	p-ours.	Z is a scorcher.	p-ours.	2 storms - exact p
Moral standards	1788,00	1264,00	23,00	-2,21	0,02	-2,24	0,02	0,02

When comparing the experimental and control group of preschoolers by components of the fathering strategy after training , significant differences were found in all components and the integral indicator of psychological readiness for fathering.

Table 5.1.8. - Results of comparison of experimental and control group of preschoolers by components of psychological readiness for fathering after training

Parameters	EG	CG	t-value.	p	SD - EG	SD. - CG
Praxiological component *	0,68	0,63	0,13	0,00	3,38	5,18
Axiological component *	0,61	0,56	0,43	0,07	7,41	6,21
Reflexive regulatory component *	0,63	0,58	0,03	0,01	3,18	4,78
Integral Indicator *	0,68	0,62	0,07	0,00	1,13	1,13

Thus, even parental-mediated exposure proved significant in shaping a constructive fathering strategy at a given age.

A variance analysis with repeated measurements by parameter of gender attitudes conducted for the experimental and control group (divided for convenience of analysis into subgroups of children from a full and incomplete family) showed that no change occurred in the children of the control group. Children of the experimental group, although different from those of the control group before exposure to higher scores on the scale, showed a upward change in results. Thus, despite the initial difference of groups, changes for this parameter were recorded only in the experimental group after training , that is, related to experimental exposure (Figure 5.1.1).

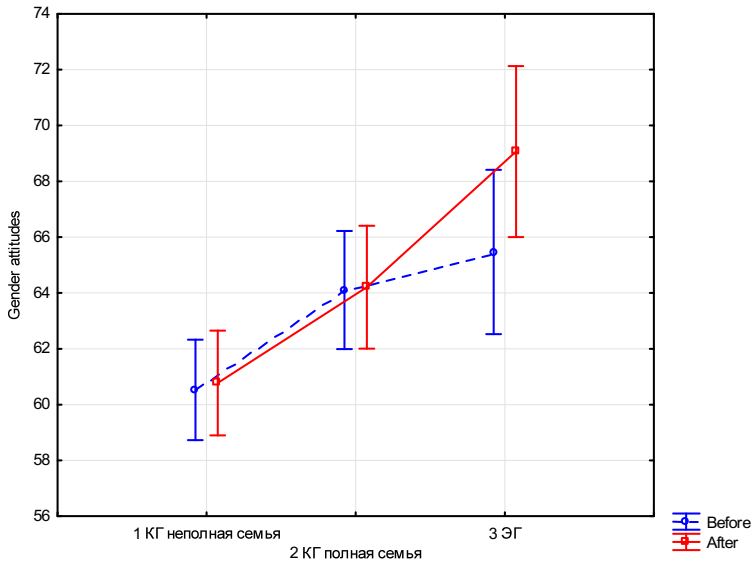

Figure 5.1.1. - Results of variance analysis with repeated measurements by parameter gender settings for group of preschoolers

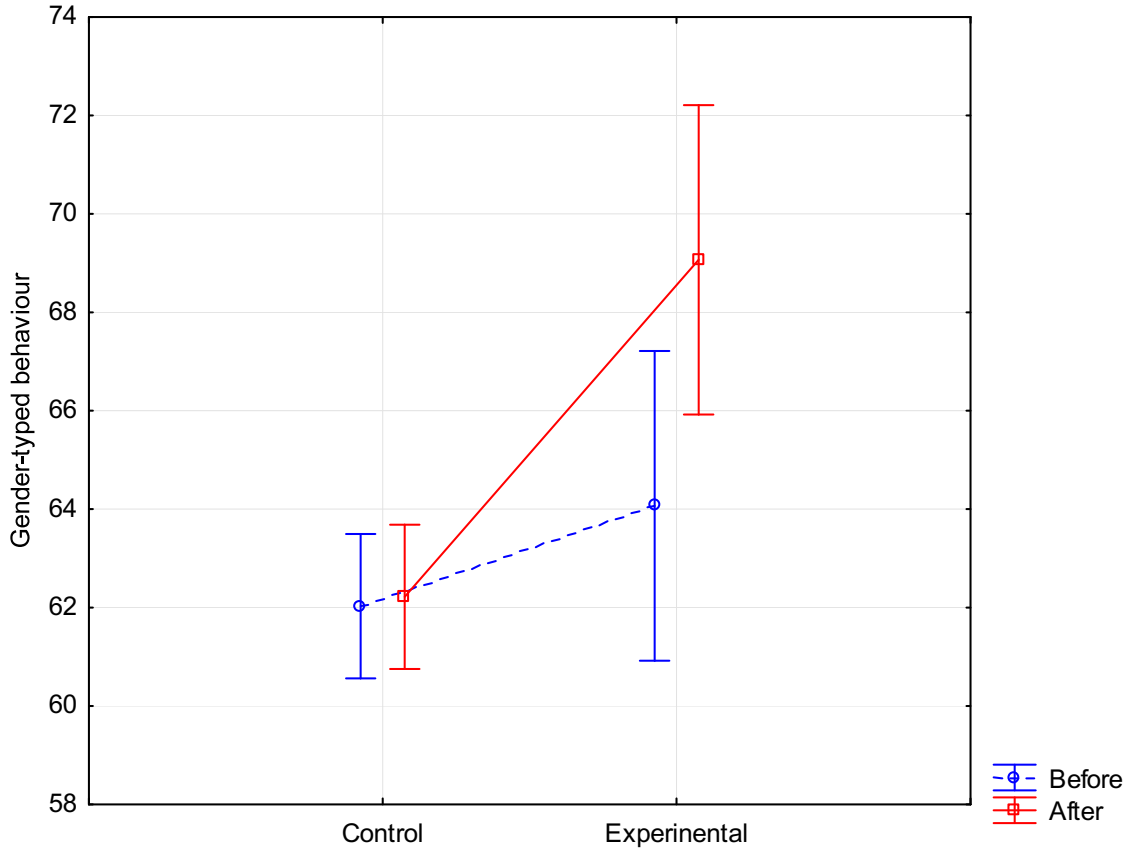

Figure 5.1.2. - Variance analysis with repeated measurements by parameter gender-typical behavior

A variance analysis with repeated measurements by parameter of gender-typical behavior performed for the experimental group and control group showed that no changes occurred in the children of the control group (Figure 5.1.2). In children of experimental after training , the results became higher. That is, these changes are associated with experimental exposure.

Variance analysis with repeated measurements by the moral norm parameter performed for the experimental group and the control group showed that no changes occurred in the children of the control group (Figure 5.1.3). In children, experimental results became higher. That is, these changes are associated with experimental exposure.

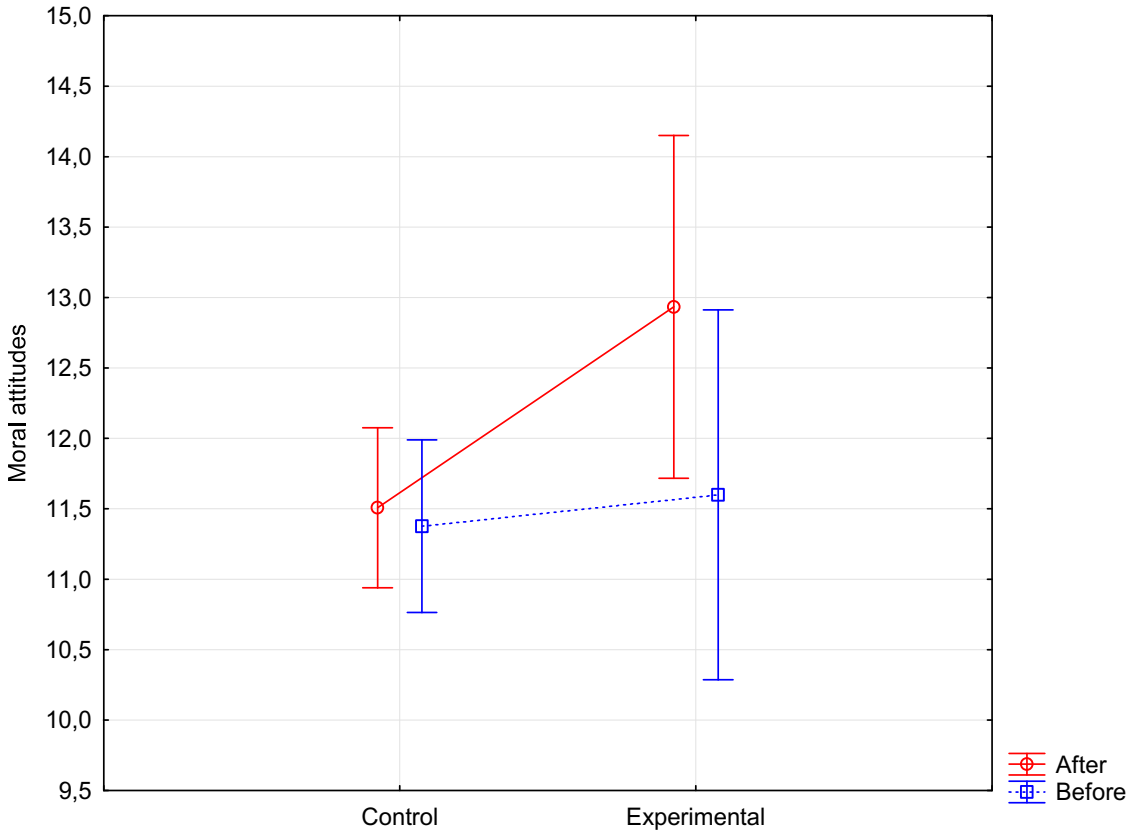

Figure 5.1.3. - Dispersion analysis with repeated measurements by the moral norm parameter

Variance analysis with repeated measurements by maturity parameter performed for the experimental group and control group also showed that no changes occurred in the children of the control group (Figure 5.1.4). In children, experimental results also became higher. That is, these changes are associated with experimental exposure.

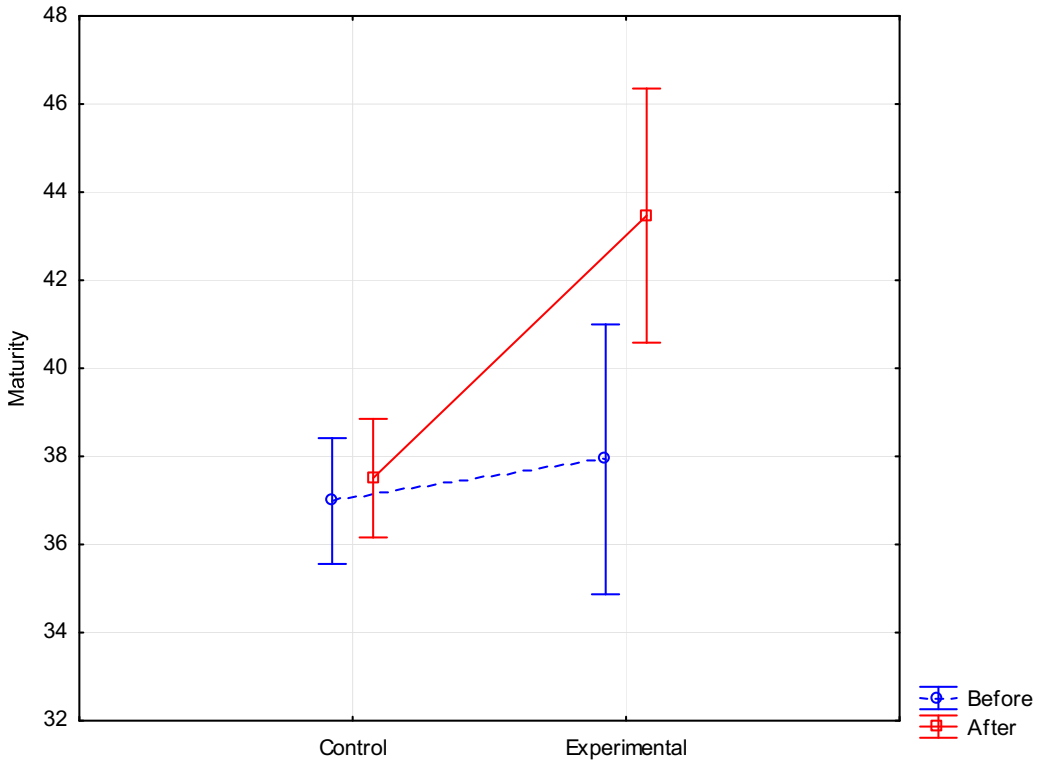

Figure 5.1.4. - Dispersion analysis with repeated measurements by maturity parameter

Thus, after experimental exposure, all parameters describing the formation of the prerequisites of psychological readiness for fathering at a given age, including the integral indicator, have become higher, which indicates a change in the fathering strategy of preschoolers towards greater constructivity, suggests that even parental-mediated exposure has proved significant for the development of psychological readiness for fathering at a given age and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of supporting the development of psychological readiness for fathering, starting from preschool age.

The materials of this paragraph are published by the author in the following article [86, p. 65-71] and monographs [78].

5.2. Peculiarities of formation of prerequisites of psychological readiness for fathering in younger schoolchildren

At the formative stage of the study, 45 boys of primary school age participated in the work. (21 people experimental group and 24 people control group). Families of children of the experimental group (21 families) participated in the work to create a family-educational environment favorable for the formation of constructive fathering strategies at different times between September 2014 and April 2017. The children of the experimental group are students of the CHOU Orthodox Gymnasium in Kemerovo, as well as clients of the Municipal State Institution "Topka Social Rehabilitation Center for Minors" in Topki, Kemerovo Region; children of the control group are students of MBOU secondary school No. 92 "Secondary school No. 92 with in-depth study of subjects." The level characteristics of the sample consisting of 45 children of primary school age are presented in Table 3.3.1 (Appendix 2) and analyzed in detail in paragraph 3.3.

As a model group for tracking the specifics of the formation of psychological readiness for fathering in children of primary school age in various families, we selected children whose families reflect the most important conditions for the formation of psychological readiness for fathering, described by us in the theoretical part, differ in characteristics specific to the study phenomenon: a Two-parent Family, the participation of the father in the life of the child, the existence of a gender stratification of family roles, gender education in the family, attention to the education of the responsibility and value sphere of the child's personality from the preschool period, an educational environment consistent with these parameters. Thus, as an experimental group, we selected some students of the 2nd-3rd grades of the Orthodox Gymnasium of Kemerovo, due to the specifics of traditional education in families and the existence of a complementary educational impact of an educational institution aimed at creating a favorable psychological readiness for fathering of the educational environment.

The level characteristics of the experimental sample consisting of 21 children of primary school age are presented in Table 5.2.1. (Annex 2), which shows that the most variance is the data obtained from the scales of the personal growth diagnostic methodology, describing the attitude to the family and to the world, gender self-esteem and moral norms, which indicates a high individuality of the results, the least variance is the scales of gender attitudes of children, which are more homogeneous. The average age of children is 9.4 years. Comparing the results of this study with statistical norms says that the average and standard data deviations are within the statistical norms. Thus, we can say that our sample does not have any specific features compared to other children of the same age, therefore, we can conduct further analysis of the results obtained from this sample of children. The average and median according to the indicator of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya) are almost the same, close according to the results of assessing the gender attitudes of children (1.9 and 2, respectively) and the moral motivation of behavior (2.9 and 3, respectively) and the gender assessment of the father (4.6 and 4.8, respectively).

As control group MBOU SOS No. 92 "High comprehensive school No. 92 with in-depth study of objects" studying from ordinary families were chosen. The level characteristics of the sample consisting of 24 children of primary school age are shown in Table 5.2.2. (Annex 2), which shows that the most variance is the data obtained from the scales of the personal growth diagnostic methodology, describing the attitude to the family and to the world, the gender assessment of the father and moral standards, which indicates a high individuality of the results, the least variance is the scales of gender attitudes of children, which are more homogeneous. The average age of children is 10.7 years. Comparing the results of this study with statistical norms says that the average and standard data deviations are within the statistical norms. Thus, we can say that our sample does not have any specific features compared to other children of the same age, therefore, we can conduct further analysis of the results obtained from this sample of children. The average and median according to the indicator of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman,

E. M. Dubovskaya) are almost identical, close according to the results of assessing the gender attitudes of children (1.8 and 1.9, respectively) and gender self-esteem (3.4 and 3.2, respectively). Validation of experimental and control group data on the Fisher test at a significance level of 0.05 showed that the variances of both groups differed insignificantly. All parameters we study obey the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion).

Table 5.2.3. - Results of comparison of primary school-age children from experimental and Student test control groups *

Parameters	M CG	M EG	t-value.	p	SD CG	SD EG
Gender attitudes	1,87	1,97	0,02	0,05	0,21	0,08
Gender assessment of the father	3,89	4,69	0,53	0,02	1,39	0,42
Moral motivation of behavior	1,79	2,95	0,16	0,00	1,28	1,16
Responsibility	3,42	4,38	3,19	0,00	0,93	0,86
Attitude to the family	9,58	15,14	2,31	0,03	9,17	6,56
Attitude to the world	13,88	20,33	3,13	0,00	7,72	5,82
Attitude to work	14,75	20,43	3,63	0,00	5,67	4,68
Attitude towards a person	14,79	19,24	2,59	0,01	6,42	4,88
Positive attitudes towards one self's body and health	9,50	16,43	2,77	0,01	9,12	7,39
Positive attitudes towards one self's mind and mental health protection	9,42	15,67	2,62	0,01	8,94	6,72

* only significant differences are presented

Comparison of experimental and control group data on Student's t-test showed that groups differ in the following indicators: gender attitudes, father's gender assessment, moral attitudes, responsibility, family attitude, attitude to the world, attitude to work, attitude to the person, Positive attitudes towards one self's body and health and mental self (Table 5.2.3).

Thus, children from the experimental and control groups differ in all parameters describing the prerequisites of psychological readiness for fathering.

Comparison of data of experimental and control groups on integral indicator according to Student's t-criterion showed that groups differ in indicators: axiological, reflexive-regulatory and praxiological components and integral indicator (Table 5.2.4.).

Table 5.2.4. - Results of comparison of children of primary school age from experimental and control groups by integral indicator according to Student's criterion

Parameters	Average CG	Average EG	t-value.	p	St.dev. KG	St.dev. CG
Praxiological component *	0,68	0,88	0,59	0,00	0,19	0,17
Axiological component *	0,52	0,73	0,33	0,00	0,13	0,14
Reflexive regulatory component *	0,43	0,61	0,20	0,00	0,16	0,12
Integral Indicator *	0,61	0,78	0,31	0,00	0,11	0,10

* marked significant differences

Thus, specially organized family-educational conditions are interconnected with an increase in the integral indicator of the optimality of the fathering strategy and the axiological, reflexive-regulatory and praxiological components of it.

A one-factor variance analysis undertaken to clarify the hypothesis confirms the results. Comparison of children's gender attitudes is shown in Figure 5.2.1.

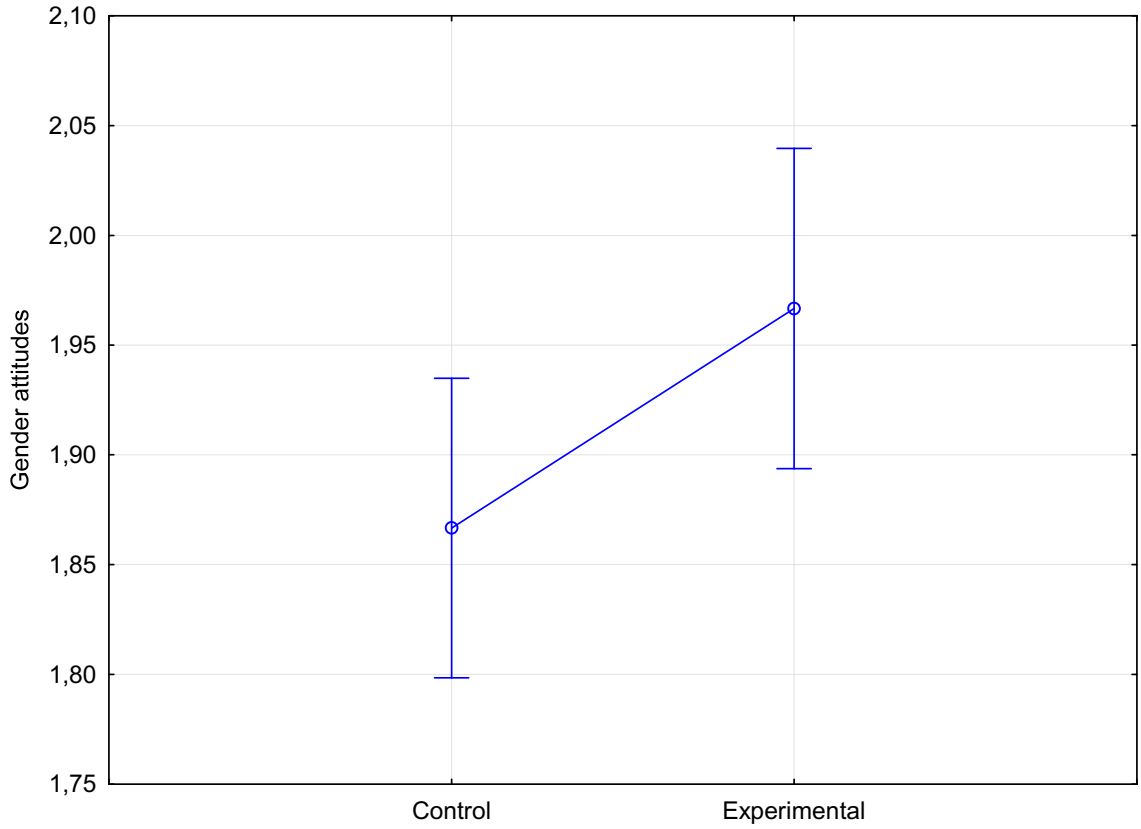

Figure 5.2.1. - Comparison of gender attitudes of children of experimental and control groups

Thus, the children of the pilot group have clearer gender attitudes.

Comparison on the indicator of gender self-esteem and father's assessment complement these data (Figure 5.2.2.), shows that the children of the experimental group, with clearer guidelines, assess themselves by gender qualities higher than the children of the control group.

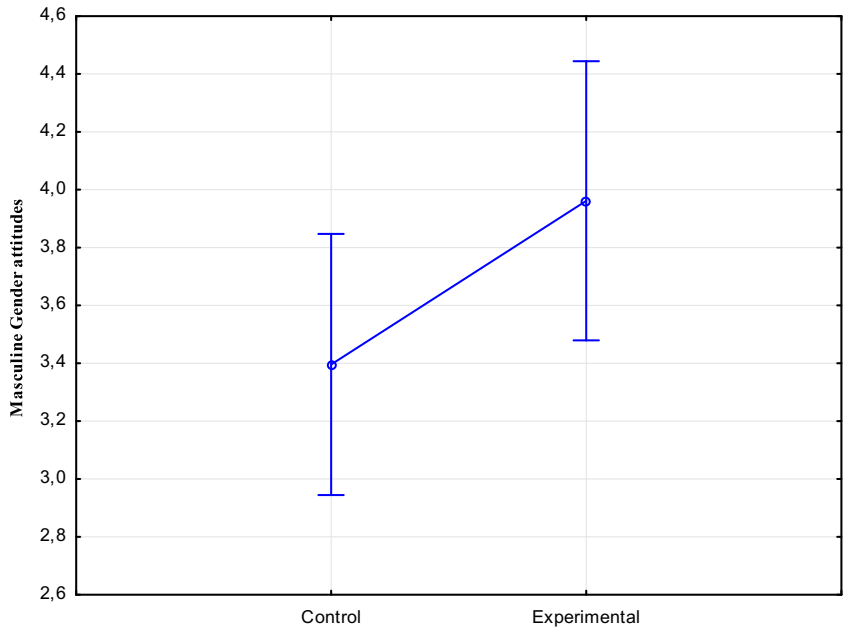

Figure 5.2.2. - Comparison of gender self-esteem of children of experimental and control groups

They also assess their father by gender qualities higher than the children of the control group (Figure 5.2.3.).

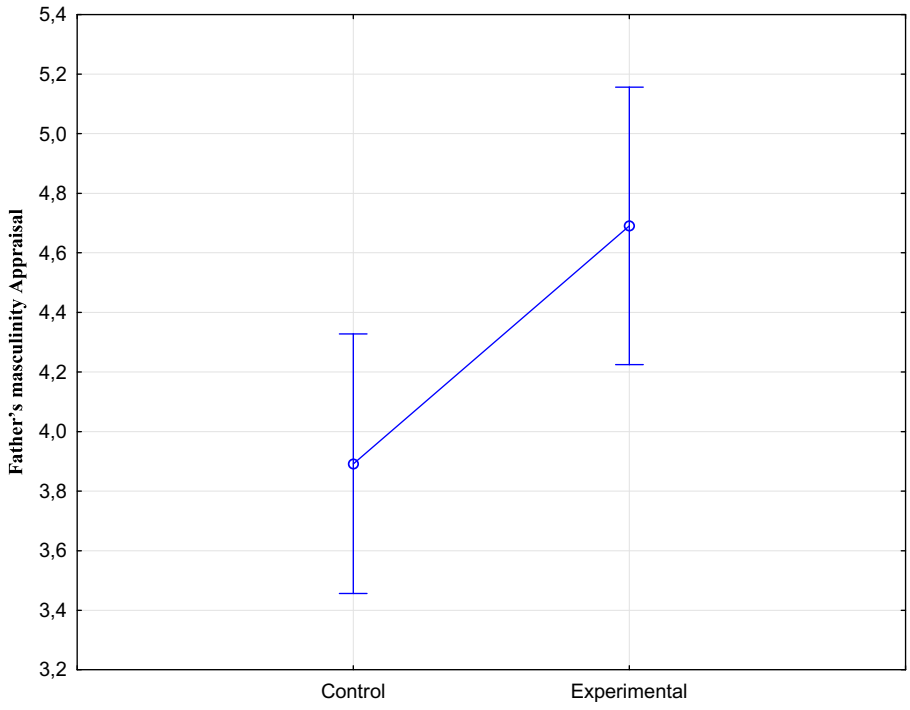

Figure 5.2.3. - Comparison of the gender assessment of the father by the children of the experimental and control groups

Interestingly, the children of the experimental group show higher results than the children of the control group in assessing the role of the father in such intra-family spheres as: parenting, emotional climate, family culture, but a little lower in terms of material sphere (Figure 5.24.).

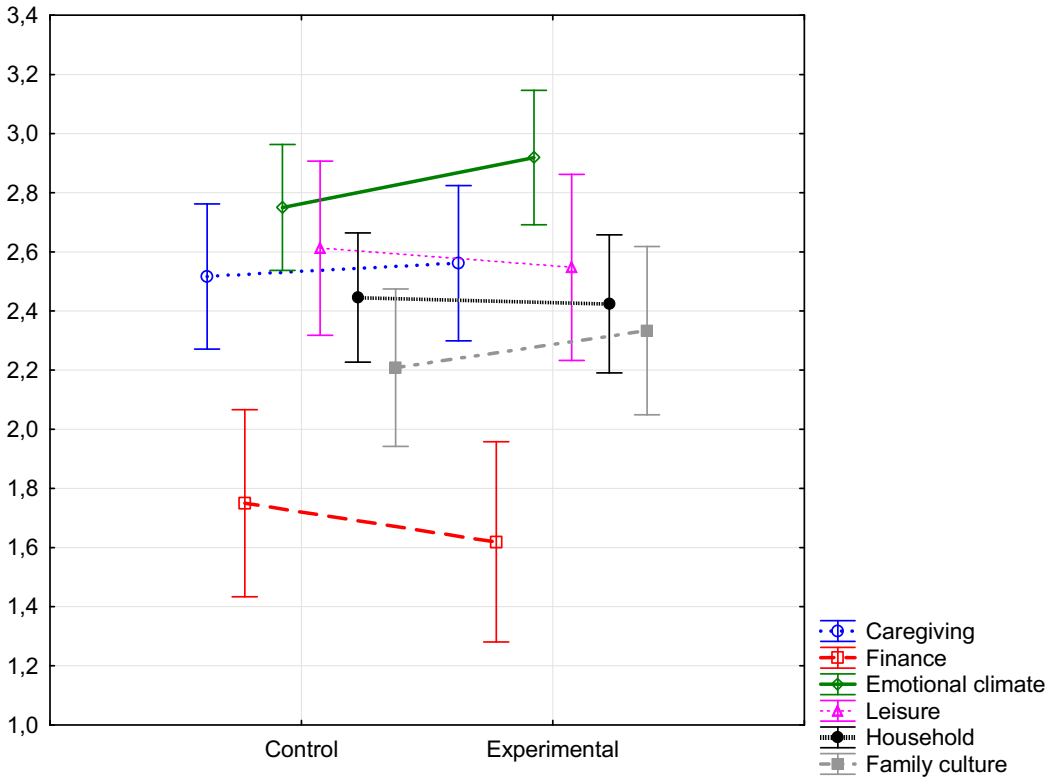

Figure 5.2.4. - Comparison of assessment of father's role by children of experimental and control groups

These data are presented more clearly in separate graphs (Figures 5.2.5-5.2.8.)

So, the children of the experimental group slightly higher assess the role of the father in raising children (Figure 5.2.5).

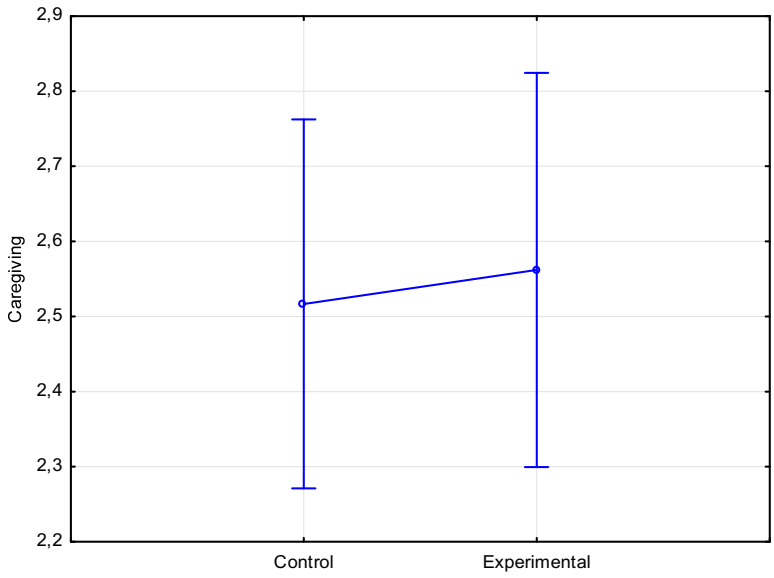

Figure 5.2.5. - Comparison of the assessment of the role of the father in the upbringing of children of experimental and control groups

But at the same time, the children of the experimental group much higher assess the role of the father in creating and maintaining an emotional climate in the family (Figure 5.2.6).

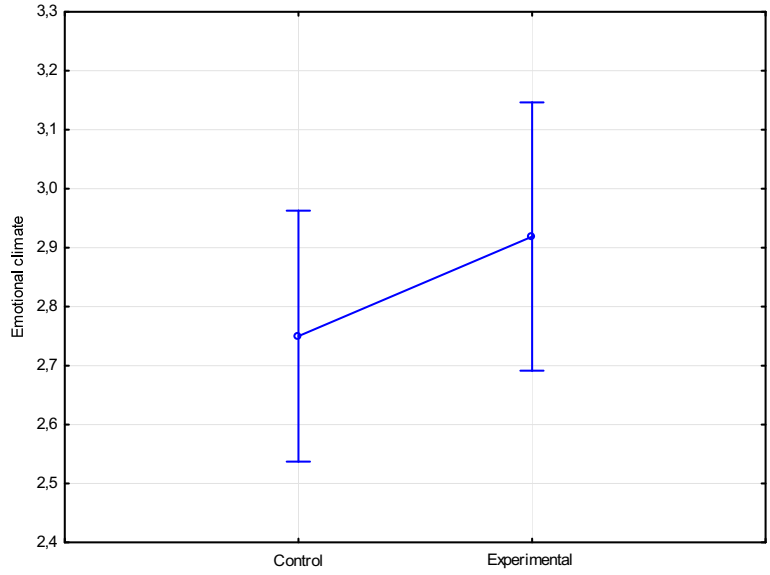

Figure 5.2.6. - Comparison of the assessment of the father's role in the emotional climate of the family by the children of the experimental and control groups

They are also higher than the children of the control group, assess the role of the father in family culture (Figure 5.2.7.).

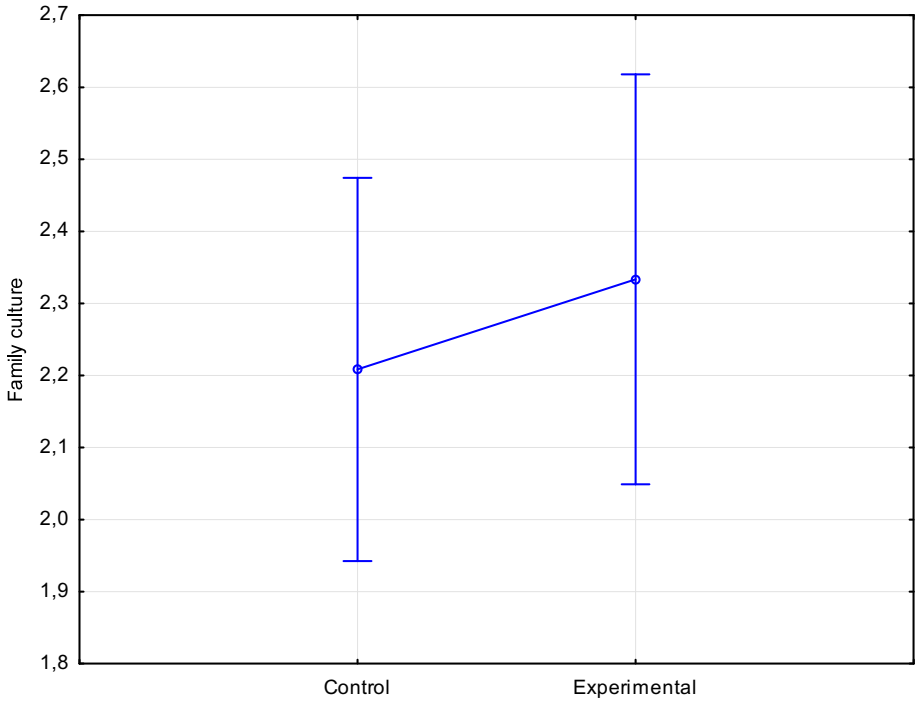

Figure 5.2.7. - Comparison of assessment of father's role in family culture by children of experimental and control groups

That is, the children of the experimental group see the multifaceted paternal functions in the family and do not limit them only to the material sphere, which is noticeable when comparing the assessment of the role of the father in this sphere by the children of the experimental and control groups. Children of the experimental group have lower indicators for this parameter (Figure 5.2.8.).

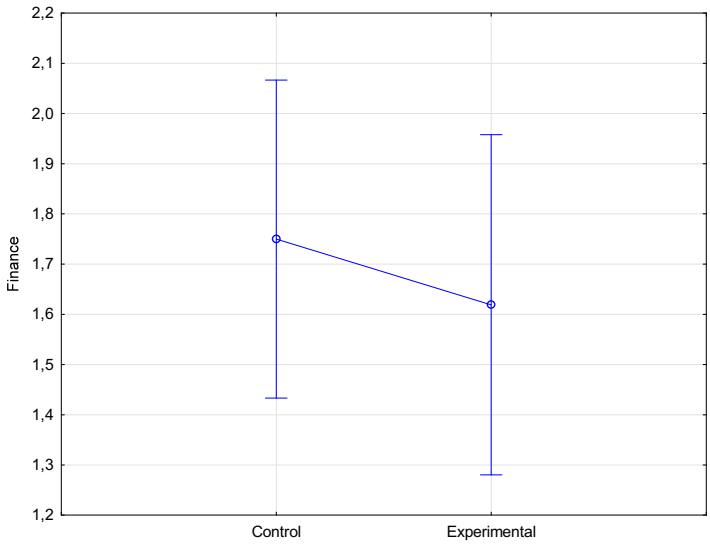

Figure 5.2.8. - Comparison of the assessment of the role of the father in the material sphere of the family by the children of the experimental and control groups

This result is quite interesting because the families of the experimental group most often have a traditional distribution of roles, where the father is responsible for the material sphere more than the mother. Perhaps these results are related to the influence of the religiosity of the family on the assessment of the material sphere. In addition to differences in gender assessments, children of the experimental and control groups also have higher results in terms of moral motivation of behavior and responsibility (Figure 5.2.9).

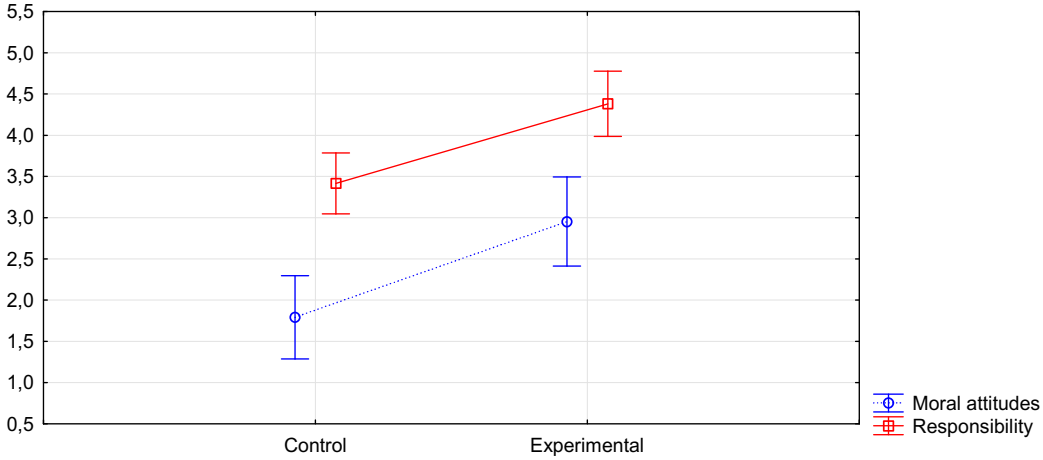

Figure 5.2.9. - Comparison of parameters of responsibility and moral motivation of behavior of children of experimental and control groups

According to the scales of the methodology for assessing personal maturity by parameters: attitude to the family (positive attitude to the family, family value), attitude to the world (pacifism), attitude to work (hard work) and to the person (human value), as well as Positive attitudes towards one self's body and health (healthy lifestyle) and mental Self (acceptance of oneself) there are also significant differences between children of the experimental and control groups (Figure 5.2.10). Children of the experimental group show higher results on these scales.

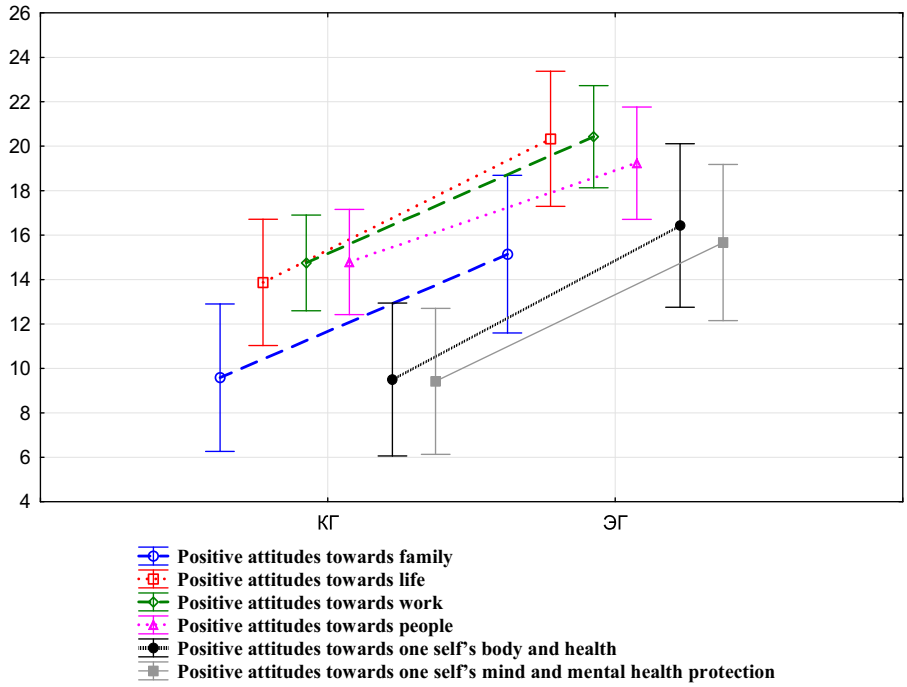

Figure 5.2.10. - Comparison of maturity parameters of children of experimental and control groups

If we compare the distribution of children of the experimental and control groups by the clusters allocated to us at the ascertaining stage of the study, then we get that children from the control group mainly belong to the first cluster (35%), showing low rates for all methods, children of the experimental group mainly (46%) refers to the second cluster that we defined as associated with high results across all parameters (Table 5.2.5).

Table 5.2.5. - Distribution of test control and experimental groups by clusters for a sample of junior schoolchildren

	Group	Cluster 1	Cluster 2	Cluster 3	In total
Frequency	KG	16	3	5	24
Total percentage		35,56%	6,67%	11,11%	53,33%
Frequency	EG	0	21	0	21
Total percentage		0,00%	46,67%	0,00%	46,67%
Frequency	In total	16	24	5	45
Total percentage		35,56%	53,33%	11,11%	

The correlation analysis undertaken by us for the completeness of the analysis separately by groups showed the presence of relationships of the following parameters in the control group: gender attitudes and moral motivation of behavior (r = -0.46), gender self-esteem and attitude to knowledge (r = -0.44), moral motivation of behavior and attitude to the world (r = -0.41), moral motivation of behavior and responsibility (r = -0.42), bodily assessment of the father and gender attitudes and attitudes towards the world (r = 0.44), gender attitudes and attitudes towards the person are positively related (r = 0.44), gender self-esteem and gender assessment of the father (r = 0.47), moral motivation of behavior and attitude towards the person (r = 0.48), moral motivation of behavior and attitude to work (r = 0.42), attitude to the family and Positive attitudes towards one self's body and health (r = 0.98), family and mental Self (r = 0.99) Positive attitudes towards one self's body and health and mental Self (r = 0.97) attitude to the world and relation to work (r = 0.91), relation to the world and relation to the person (r = 0.95) (Table 5.2.6).

Table 5.2.6. - Relationships within parameters of fathering strategy in children of control group

Interrelated Parameters		Correlation coefficient *
Gender attitudes	**Moral motivation of behavior**	-0,46
Gender attitudes	**Attitude to the world**	0,44
Gender attitudes	**Attitude towards a person**	0,44
Gender self-assessment	**Gender assessment of the father**	0,47
Gender self-assessment	**Attitude to knowledge**	-0,44
Gender assessment of the father	**Positive attitudes towards one self's body and health**	-0,41
Moral motivation of behavior	**Responsibility**	-0,42
Moral motivation of behavior	**Attitude to the world**	-0,41
Moral motivation of behavior	**Attitude towards a person**	0,48
Moral motivation of behavior	**Attitude to work**	0,42
Attitude to the family	**Positive attitudes towards one self's body and health**	0,98
Attitude to the family	**Positive attitudes towards one self's mind and mental health protection**	0,99
Positive attitudes towards one self's body and health	**Positive attitudes towards one self's mind and mental health protection**	0,97
Attitude to the world	**Attitude to work**	0,91
Attitude to the world	**Attitude towards a person**	0,95

* only significant at $p \leq 0.05$ links are presented

For the pilot group, there are interlinkages between gender attitudes and gender self-assessment (r = 0.45), moral motivation of behavior and attitude to knowledge (r =

0.46), family attitude and Positive attitudes towards one self's body and health (r = 0.83), family and mental self (r = 0.95), Positive attitudes towards one self's body and health and mental self (r = 0.88), relation to peace and relation to labour (r = 0.81), relation to peace and relation to man (r = 0.76), labour ratio and human ratio (r = 0.79) (Table 5.2.7).

Table 5.2.7. - Relationships within parameters of fathering strategy in children of control group

Interrelated Parameters		**Correlation coefficient ***
Gender attitudes	**Gender self-assessment**	0,45
Moral motivation of behavior	**Attitude to knowledge**	0,46
Attitude to the family	**Positive attitudes towards one self's body and health**	0,83
Attitude to the family	**Positive attitudes towards one self's mind and mental health protection**	0,95
Positive attitudes towards one self's body and health	**Positive attitudes towards one self's mind and mental health protection**	0,88
Attitude to the world	**Attitude to work**	0,81
Attitude to the world	**Attitude towards a person**	0,76
Attitude to work	**Attitude towards a person**	0,79

* only significant at p≤ 0.05 links are presented

It is noteworthy that children of the control group have more relationships, but at the same time they have a different sign, which indicates inconsistency of parameters, so gender attitudes and moral motivation of behavior are negatively interconnected, which indicates difficulties with establishing a positive model of male behavior (it turns out that in these children masculinity is associated with freedom from moral standards), gender self-esteem and attitude to knowledge (it turns out that children evaluating

themselves higher in gender are characterized by a negative attitude to knowledge, which is consistent with other studies of masculinity, but also indicates difficulties in establishing a positive model of male behavior), this is also indicated by the negative relationship between the gender assessment of the father and the Positive attitudes towards one self's body and health (the higher the child assesses his/her father by gender, the lower his/her health and healthy lifestyle indicators); that is, a negative pattern of male behavior is present in the control group. The negative relationship between moral motivation of behavior and attitude to the world and, especially, responsibility clearly indicates a mismatch in the parameters of the fathering strategy in the control group.

Gender attitudes and attitudes towards the world and to the person are positively related (it turns out that the control group has the most gender aspect, which is probably associated with certain inconsistencies in the gender model), gender self-esteem and gender assessment of the father, which is not observed in the experimental group, moral motivation of behavior and attitude to the person and to work, attitude to work and attitude to the person.

The relationships of the experimental group are much smaller, but they are all positive. Gender attitudes and gender self-assessment are directly interlinked, indicating the existence and consistency of gender evaluation criteria. The moral motivation of behavior is related to the attitude to knowledge, which is determined by the leading role of educational activities among younger students.

The same is also observed for the two communication groups, differing only in the correlation coefficient. So, the attitude to the world is associated with the attitude to labor and man in both groups, also in both groups the attitude towards the family is interrelated with the Positive attitudes towards one self's body and health and the mental Self, which in turn are interconnected, that is, the value of the family and the acceptance of family values are associated with a positive attitude towards their health and acceptance of themselves, which are interconnected in junior school age.

Thus, in the experimental group, all parameters describing the prerequisites of psychological readiness for fathering at a given age, including an integral indicator, are

higher, which indicates a change in psychological readiness for fathering towards greater constructivity in certain family-educational conditions and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of psychological and educational support for the formation of psychological readiness for fathering in junior school age. The materials of this paragraph are published by the author in the following article [87, p. 23-33] and monographs [78].

5.3. Psychological and pedagogical support for the development of psychological readiness for fathering in adolescents and young men

At the formative stage of the study, which took place in 2016, 39 teenage and youth subjects took part in the work (15 people - experimental group and 24 control group). The teenagers of the experimental group participated in a longite study from March to October 2016.

Both groups were equalized by age (average age of the experimental group - 16.5, control - 16.4 years) and social characteristics. The experimental impact was the passage of a specially developed training course within two months aimed at internalizing the meaning of fathering, accepting the role of the father and forming constructive fathering strategies.

For the control group, these sections coincided in time with the examination of the experimental group.

The data obtained from these surveys were statistically processed. Teenagers and young men of the experimental group were students of MBOU secondary school No. 10, 62, 92 of Kemerovo, MBOU secondary school No. 8 of Topki, Kemerovo Region and students of 1-2 courses of FSBI VO Kemerovo State University and FSBI VO

"Kuzbass State Technical University named after T.F. Secondary School 92 subjects are Advanced Education," teenAgers Age

The training program was developed in three versions for young men and for men in adulthood with and without children, and included theoretical and practical parts. The difference in work with three types of groups was associated with the age and status features of groups: that is, for adolescents and young men, the emphasis was on the designation of fathering, reflexion of relationships with their own father and possible future fathering; For men who do not have children in early adulthood on relevant relationships with the opposite sex, relationships with their own father and future (planned) fathering; for fathers - on relations with the spouse, child and reflexion of relations with the father. The theoretical course presented the postulates of child, male and family psychology and developmental psychology, data on the development of the child, the influence of the father on the development of the child, the specific functions and role of the father in the life of the child and in the family, as well as data on the relationship between male gender identity and fathering. The actual practical part included exercises to accept responsibility and gender roles at various levels: cognitive, behavioral and self-regulatory (emotional and motivational).

According to our assumption, one of the effects of positive dynamics towards increased psychological readiness for fathering can be considered an increase in responsibility, internality, comprehension in relationships (Scale of internality in the field of interpersonal relations (USC), Scale of internality in relation to health and disease (USC), Scale of internality in family relations (USC), General comprehension of life (SSS).

The level characteristics of the experimental sample consisting of 15 test subjects are shown in Table 5.3.1. (Annex 3), which shows that the most variance is the data obtained from the scales of methods for diagnosing personal growth and values, which indicates a high individuality of the results, the least variance is the data from the Sense of Civil Debt scale, which are more homogeneous. The average age of the subjects was 16.5 years.

The level characteristics of the control group consisting of 24 subjects are shown in Table 5.3.2. (Annex 3), which shows that the most variance is the data obtained from the scales of the ODI technique by J. Plek, which indicates a high individuality of the results, the least variance is the scale describing the role of the father in raising children and the value of the family sphere of life, which are more homogeneous. The average age of children is 16.0 years.

Comparing the results of this study with statistical norms says that the average and standard data deviations are within the statistical norms. Thus, we can say that our sample does not have any specific features compared to other subjects of the same age, therefore, we can conduct further analysis of the results obtained from this sample.

Comparison of Student's t-test groups across all parameters, including the integral score, prior to exposure to differences between groups did not reveal. Descriptive statistics of experimental and control group data after training are presented in Tables 5.3.3 and 5.3.4 respectively (Annex 3).

Table 5.3.6. - Results of comparison of experimental and control groups by integral index after training by Student's t-criterion

Parameters	Average EG	Average CG	t-value.	p	St. dev. EG	St. dev. CG
Reflexive regulatory component *	0,64	0,49	0,53	0,00	0,08	0,05
Axiological component	0,69	0,68	0,83	0,41	0,06	0,05
Praxiological component *	0,80	0,68	0,52	0,00	0,08	0,13
Integral Indicator *	0,72	0,63	0,02	0,00	0,04	0,07

* marked significant at $p \leq 0.05$ differences

Comparison of groups by Student's t-test after training showed that there were differences in the following parameters: responsibility, maturity, motivation of achievements, feeling of a civic duty, the attitude towards the "I" ("I" am the concept), attitude, ability to psychological proximity with other person, a scale of parental identity

as the supporter, values of high financial position, development of, spheres of training and formation and the sphere of family life (Table 5.3.5 in Appendix 3).

Comparison of groups after training according to Student's t-criterion according to the parameters of the integral indicator showed a difference in the following parameters: reflexive-regulatory and praxiological components and an integral indicator of psychological readiness for fathering (Table 5.3.6).

Thus, in the experimental group, all parameters describing the fathering strategy at a given age, including the integral indicator, became higher, which indicates a change in the fathering strategy towards greater constructivity after the experimental impact and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of forming a constructive fathering strategy within the framework of psychological training.

The correlation analysis undertaken by us for the completeness of the analysis separately by groups showed the presence of negative relationships of the following parameters in the control group: maturity and material factor (r = -0.36), maturity and leisure (r = 0.34), maturity and high material position(r = 0.31), motivation of achievements and value of high material position (r = 0.47), sense of civic duty and the parental identity scale as a breadwinner (r = 0.30), sense of civic duty and value of creativity (r = -0.35), attitude to your self and parenting(r = -0.30), relation to your self and value of active social contacts (r = -0.30), the relation to one's self and the value of maintaining one's own individuality (r = -0.33), the life setting and value of one's own prestige (r = -0.30), the life setting and value of creativity (r = -0.38).

Relationships within the parameters of fathering readiness in the control group are presented in Table 5.3.7.

In addition, they are positively connected: the attitude of life and the value of achievements (r = 0.34), the life attitude and value of maintaining one's own identity (r = -0.37), the ability to be psychologically close to another person, and the value of developing oneself (r = 0.32), the capacity for psychological intimacy with another person and the value of active social contacts (r = 0.31), parenting and material factor (r = -0.38), parenting and emotional climate(r = -0.40), parenting and the value of one's own prestige (r = 0.35), parenting and the value of learning and education (r = 0.36),

raising children and the value of the sphere of social life (r = -0.35), material factor and family culture(r = 0.32), material factor and Breadwinning Identity (r = 0.38), emotional climate and leisure (r = 0.39), emotional climate and economic sphere (r = 0.47), emotional climate and family culture (r = -0.42), emotional climate and gender self-esteem (r = -0.31), emotional climate and value of achievement (r = 0.40), gender attitudes and value of high wealth (r = -0.34), gender self-esteem and emotional climate (r = -0.31), gender self-esteem and family culture (r = 0.43), the parental identity scale in child care, and the value of the occupational life sphere (r = 0.30), the parental identity scale in child care, and age (r = 0.30).

Analysis of these relationships allows you to determine that among them most of the relationships are reverse. So, parameters are negatively related: maturity and material factor, sense of civic duty and value of creativity, the attitude towards his self and the role of the father in raising children, the attitude to one's self and the value of active social contacts, the attitude to one's self and the value of maintaining one's own identity, the life attitude and value of one's own prestige, the life attitude and value of creativity, the attitude of life and the value of preserving one's own identity, the role of the father in raising children and the role of the father in creating an emotional climate, the role of the father in raising children and the value of the sphere of social life, the role of the father in the material condition of the family and the role of the father in raising children, the role of the father in creating an emotional climate and the role of the father in creating a family culture, father's role in creating an emotional climate and gender self-esteem, gender attitudes and value added, gender self-esteem and family emotional climate. These data differ in internal inconsistency, but are consistent with the data obtained from a sample of younger students, and also indicate the presence of some inconsistency within the fathering strategy in early and late adolescence.

Table 5.3.7. - Relationships within fathering readiness parameters in the control group

Interrelated Parameters		**Correlation coefficient ***
Maturity	Material factor	-0,36
Maturity	Leisure	0,34
Maturity	High financial situation	0,31
Motivation of achievements	High financial situation	0,47
Sense of civic duty	Breadwinning Identity	0,30
Sense of civic duty	Creativity	-0,35
Attitude to one's self	Parenting	-0,30
Attitude to one's self	Active social contacts	-0,30
Attitude to one's self	Maintaining Your Own Identity	-0,33
Life Setup	Own prestige	-0,30
Life Setup	Creativity	-0,38
Life Setup	Achievements	0,34
Life Setup	Maintaining Your Own Identity	-0,37
Ability for psychological intimacy with another person	Developing Yourself	0,32
Ability for psychological intimacy with another person	Active social contacts	0,31
Parenting	Material factor	-0,38
Parenting	Emotional climate	-0,40
Parenting	Own prestige	0,35
Parenting	Field of education and education	0,36
Parenting	Sphere of public life	-0,35
Material factor	Family culture	0,32
Material factor	Breadwinning Identity	0,38
Emotional climate	Leisure	0,39
Emotional climate	Economic sphere	0,47
Emotional climate	Family culture	-0,42
Emotional climate	Gender self-assessment	-0,31
Emotional climate	Achievements	0,40
Gender attitudes	High financial situation	-0,34
Gender self-assessment	Emotional climate	-0,31
Gender self-assessment	Family culture	0,43
Caregiving Identity	Field of professional life	0,30
Caregiving Identity	Age	0,30

* only significant at $p \leq 0.05$ links are presented

However, in adolescent and adolescent subjects, there are also a significant number of positive associations that have internal coherence, indicating a higher level of formation of fathering strategy in adolescents and young adults of the control group compared to younger schoolchildren of the control group, which is consistent with our theoretical provisions. The parameters are positively related: maturity and the role of the

father in organizing leisure activities, maturity and value of high material position, motivation of achievements and value of high material position, a sense of civic duty and a scale of parental identity as a breadwinner, the vitality and value of achievements, the ability to be psychologically close to another person, and the value of developing oneself, the capacity for psychological intimacy with another person and the value of active social contacts, the role of the father in raising children and the value of education and education (involves the provision of education by the father), the role of the father in the material sphere of the family and in family culture, the role of the father in the material sphere of the family and the assessment of parental identity as a breadwinner (involves the financial provision of the child), the role of the father in the emotional climate of the family and the role of the father in the organization of leisure activities, the economic sphere, and the value of achievements, gender self-esteem and the role of the father in the creation of family culture, the scale of parental identity in the care of the child and the value of the sphere of professional life, the scale of parental identity in the care of the child and age (that is, the older the subject is, the higher his assessment of his capabilities as a carer).

The test subjects of the experimental group, as well as the experimental group of primary school age, have fewer relationships, but most of them are positive. The relationships within the parameters of the fathering strategy in the experimental group are presented in Table 5.3.8.

From the table it can be seen that such parameters as: the ability to psychological intimacy with another person and gender attitudes are positively connected (r = 0.71), ability for psychological intimacy with another person and gender self-esteem (r = 0.61), father's role in leisure and the value of achievement (r = 0.61), gender attitudes and the value of spiritual satisfaction (r = 0.61), the role of the father in creating a family culture and the value of the sphere of hobbies (r = 0.61), the parental identity scale as a breadwinner and the value of the field of learning and education (r = 0.52), the parental identity scale as a breadwinner, and the value of the realm of family life (r = 0.53). These parameters describe the understanding of paternal functions by the subjects. There are fewer negative links and they are not contradictory: inversely, the

value parameter of a high material position is associated with responsibility (r = -0.53), with maturity (r = -0.77) and gender self-esteem (r = -0.61), as well as the role of the father in organizing family culture and the value of the sphere of public life (r = -0.65).

Table 5.3.8. - Relationships within the parameters of the fathering strategy of the experimental group

Interrelated Parameters		**Correlation coefficient ***
Maturity	High financial status (OTEZ)	-0,77
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	Gender attitudes	0,71
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	Gender self-assessment	0,61
Leisure	Achievements (OTEZ).	0,61
Gender attitudes	Spiritual Satisfaction (OTEZ)	0,61
Family culture	Sphere of hobbies (OTEZ)	0,61
Family culture	Sphere of public life (OTEZ)	-0,65
Gender self-assessment	High financial status (OTEZ)	-0,61
Breadwinning Identity	Field of education and education (OTEZ)	0,52
Breadwinning Identity	Sphere of family life (OTEZ)	0,53
Age	Achievements (OTEZ)	-0,67
Age	Spiritual Satisfaction (OTEZ)	-0,67
Responsibility	High financial status (OTEZ)	-0,53

* only significant at p≤ 0.05 links are presented

That is, correlation analysis showed that the subjects of the experimental group after undergoing training show less contradictory relationships within the parameters describing fathering strategies, which is associated with experimental exposure.

Thus, in the experimental group, all parameters describing the formation of psychological readiness for fathering at a given age, including an integral indicator, became higher, which indicates a change in the psychological readiness for fathering of subjects towards greater constructivity in certain family educational conditions and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of accompanying the formation of psychological readiness for fathering in early and late adolescence. The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

5.4. A longintude study of the effects of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering in adolescence

In the framework of the study of the development of psychological readiness for fathering, it is possible to trace the effectiveness of training work with teenage and youth subjects (who are at the stage of the formation of the fathering strategy, but not its implementation in practice) only in the context of long-term effects of the formation of constructive fathering strategies in adolescence on the implementation of the fathering strategy for specific subjects after the birth of their child in adulthood. In this regard, we conducted A longintude study of the effects of the formation of constructive fathering strategies in adolescence on the implementation of the fathering strategy after childbirth in adulthood. This study, due to the family and personal circumstances of the subjects (since the birth of the child was preceded by the growing up of the subject himself, his professional and marital self-determination, building relations with his wife, etc.) took 12 years. This work was attended by 40 subjects of adolescence and youth (20 people in 2004, 15 of them in 2016 - an experimental group and 20 people in 2004, 14 of them in 2016 - a control group). The teenagers of the experimental group participated in a longite study from December 2002 to October 2016. The first phase of the study took

place between September 2003 and June 2004. The study involved only 40 young men - 20 young men (two groups of 10 people) made up the experimental group subjected to experimental exposure, 20 young men - the control group. In order to study the effectiveness of training effects on subjects from different family conditions from 20 people of the experimental group, we formed a separate group of teenagers and young men growing up without a father. Both groups were equalized by age (average age of the experimental group - 16.5, control - 16.4 years) and social characteristics. The experimental impact was the passage of a specially developed training course within two months aimed at internalizing the meaning of fathering, accepting the role of the father and forming constructive fathering strategies.

To check the effectiveness of the psychological training we developed, we conducted three examinations of subjects: in 2004 before the experimental impact and immediately after the training and after the birth of a child, most participants in the training in 2016 and 2020. For the control group, these sections coincided in time with the examination of the experimental group. Of the 40 people who took part in the study in 2004, 29 people managed to collect data (15 people from the experimental group and 14 from the control group).

The data obtained from these surveys were statistically processed. Teenagers and young men of the experimental and control group in 2004 were students of MBOU secondary school No. 10, 62, 92 of Kemerovo, and students of 1-2 courses of the FSBI VO "Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev." As of December 2016, subjects of the experimental and control group who took part in the study since 2004 were employees (100%) with higher 94% and secondary 6% education (experimental group) and with higher 66%, secondary specialized education 26%, secondary education 8% in control group.

In 2004, the experimental group was two groups of subjects of 10 people from a full (50%) and incomplete (50%) family. In 2016, 15 people managed to collect data, of which 8 (53%) were raised in an incomplete and 7 (47%) in a Two-parent Family. The 2004 control group consisted of 20 people of 10 (50%) people from a full and

incomplete family. In 2016, data were collected from 14 people, 6 (42%) from a complete and 8 (58%) from an incomplete family.

The training program was developed in three versions for young men and for men in adulthood with and without children, and included theoretical and practical parts. The results of working with men during adulthood are described in detail by the author [76, pp. 100-113]. The difference in working with the three types of groups was due to the age and status characteristics of the groups. The theoretical course presented the postulates of child, male and family psychology and developmental psychology, data on the development of the child, the influence of the father on the development of the child, the specific functions and role of the father in the life of the child and the family, as well as data on the relationship between male gender identity and fathering. The actual practical part included exercises to accept responsibility and gender roles at various levels: cognitive, behavioral and self-regulatory (emotional and motivational).

According to our assumption, one of the effects of positive dynamics towards increasing the constructivity of fathering strategy can be considered to be an increase in responsibility, internality, comprehension in relationships (Scale of internality in the field of interpersonal relations (USC), Scale of internality in relation to health and disease (USC), Scale of internality in family relations (USC), General comprehension of life (Sentiment).

A level analysis of the 2004 sample of 40 people showed that the largest variation, for both experimental and control samples, was observed in the data on meaningful orientations, indicating high individual differences in the results of this questionnaire. Validation of experimental and control group data on the Fisher test at a significance level of 0.05 showed that the variances of both groups differed insignificantly. All parameters we study obey the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion). Thus, minor differences in the master variances of samples allowed the Student test to be used to test statistical hypotheses. At the same time, verification of the significance of the differences between the experimental and control groups before experimental exposure by Student's T-test showed no significant differences between the groups.

Comparison of the results of the experimental group before and after the experimental exposure by Student's test for dependent samples revealed significant differences in the following parameters: PARI "Parental Obsession" scale, LMS "Life Performance" and "Locus of Control I" scales, General understanding of life according to LMS, according to the following factors 16PF: risk propensity, restraint - expressiveness, exposure to social norms, conformism - nonconformism, as well as according to the scales of internality in the field of interpersonal relations (USC), internality in health and disease (USC), internality in family relations (USC).

The results of training work can be presented in the form of Table 5.4.1. As shown in Table 5.4.1. after passing the training, the subjects decreased on 16PF scales such as risk propensity and restraint-expressiveness. Indicators of the tendency to fulfill social norms increased, as well as indicators of the Life Performance and Locus of Control - I scales, internality in the field of interpersonal relations (USC), internality in relation to health and disease (USC), internality in family relations (USC) and, in addition, general comprehension of life.

Reducing risk propensity and simultaneously increasing indicators of social normality, interpersonal internality, health and sickness and family relations are evidence of increased responsibility. The increase in indicators according to the scales of the Life Performance and General Comprehension of Life is the most important indicator of optimizing the development of the person at a given age period.

Interesting is the fact that the results on the "Parental Obsession" scale of the PARI questionnaire, which is a characteristic of the inclusion of parents in the life of the child, sometimes even excessive concern about his problems, possibly associated with attracting attention to them during the training.

With repeated measurement, the differences between the subjects of the experimental group from a full and incomplete family decreased. No significant differences were found between control group results from the first and second measurements.

Table 5.4.1. - Comparison of experimental and control group results

Arithmetic mean	The experimental group (20 pesrons)		15 pesrons	Control group (20 pesrons)		14 pesrons
Parameters	**2004 before**	**2004 after**	**2016**	**2004 before**	**2004 after**	**2016**
H Risk propensity	6	4,5	4	5,2	5,23	5
F (restraint - expressiveness)	4,8	1	1	4,3	4,3	4
G (susceptibility to social norms)	4,4	5,75	6,8	4,5	4,6	5,2
Q4 (conformism - nonconformism)	4,1	4,5	4,6	4,1	4,2	4,2
PARI "Parental Obsession" Scale	11,4	12,5	12,5	11,3	11,3	11
Interpersonal Relations Internality Scale	3,1	4	6,1	3,2	3	4
Health and Disease Internality Scale	2,7	4,2	6	2,5	2,7	4,9
Family Relations Internality Scale	2,4	4	8,1	2,2	2,2	4,1
Acceptance of responsibility	-	-	16	-	-	14,7
"Life Performance"	22,2	23,75	28,26	21,7	21,8	25,1
"A control locus - I"	25,5	26,5	24,4	25	24,9	21,2
General comprehension of life	90,6	102,5	106,46	90,1	90,2	100,1

Notes:

- indicators before and after training in the experimental group are significantly different at $p \leq 0.05$;
- indicators prior to training in the experimental group and control differ insignificantly;
- no significant differences were found in control group scores.

A follow-up study in 2016 showed that differences in experimental and control samples persisted for 12 years. At the same time, no differences were found between the subjects of the experimental group who grew up in a full and incomplete family. To clarify the features of fathering of subjects in the 2016 study, the following methods were added to the methods used in 2004: "Responsibility" by V.P. Pryadein, Questionnaire of parental identity by J. Plek, Scale of paternal installations by J. Plek, Myth S. Bam.

A level analysis of a 2016 sample of 29 men showed that the greatest variation, for both experimental and control samples, was observed in data on meaningful orientations. The Fisher test test at a significance level of 0.05 showed that the variances of both groups differ insignificantly. Thus, minor differences in the master variances of samples allowed the Student test to be used to test statistical hypotheses.

Table 5.4.2. - Comparison of fathering parameters of the experimental and control groups

	The experimental group		Control group	
	2016	2020	2016	2020
Age	29,4	33,4	29,2	33,3
Age of the first child	5,6	9,6	6,1	10
Education	highest 93% average 7% otherwise 0		highest 89% srednee9% other 2%	
Marriage	93 per cent married idle 7%		85% in marriage divorced 7% idle 7%	
Number of children	1,5*	2*	1,2	1,4
Attitudes towards children	2,66*	2,67*	2,0	2,0
Desirability of the first child	2*	2*	1,4	1,4
Attitude to wife's pregnancy	1,93*	1,94*	1,2	1,4
Presenting Your Future Child During Your Wife's Pregnancy	1,5*	1,5*	1,2	1,2
Feelings When You First Saw Your First Child	2,8*	2,8*	2,3	2,3
Acceptance of responsibility	16*	17*	14,7	15,7
Engagement Preferences	27*	28*	25,2	24,2
Interpersonal Relations Internality Scale	6,1*	6,1*	4	4,1
Health and Disease Internality Scale	6*	6*	4,9	4,4
Family Relations Internality Scale	8,1*	8,2*	4,1	4,9
Life Performance	28,26*	28,77*	25,1	26,1
"A control locus - I"	24,4*	25,4*	21,2	23,2
General comprehension of life	106,46*	107,06*	100,1	99
Caregiving Identity	3,83*	3,87*	3,20	3,17
Caregiving Reflected-Appraisal	3,88*	3,88	3,20	3,50
Breadwinning Identity	3,46*	3,76*	3,14	3,14
Breadwinning Reflected-Appraisal	1,86*	1,80*	3,04	2,94

* indicators of experimental and control groups are significantly different at $p \leq 0.05$

The results of the comparison of the experimental and control groups are presented in Table 5.4.2, which shows that the age of the subjects, the age of the first child and the parameters of education in the experimental and control groups do not significantly differ, the age of the first child in the experimental group is slightly lower, while the children in the experimental group are on average higher than in the test control group. In the experimental group, the attitude towards children is generally warmer, the first child was desirable in more respondents, respectively, they have a more positive attitude towards the pregnancy of their wife. Among the subjects of the experimental group, they represented their future child during the pregnancy of their wife, a larger number of respondents, their feelings, when they first met the first child, a larger number of respondents described in a positive way.

The experimental group has significantly higher scores on scales such as: acceptance of responsibility, attitudes towards father involvement, interpersonal internality, health and illness internality, internality in family relations, Life Performance Scale, general meaning of life, parental identity in child care, assessment of spouse's parental identity in child care, parental identity as a breadwinner, assessment of spouse's parental identity in child care, parental identity as a breadwinner(and) as a breadwinner, the Personal Differential score factor, and significantly lower on the Control Locus-I LMS scale. These data indicate greater responsibility for fathering of the men of the experimental group and after the birth of the child. These differences persisted during the third examination of the sample in 2020.

Thus, the indicators of the leading characteristics of the fathering strategy have become more stable among the participants of the training conducted by us. These changes are made possible by the action of the psychological mechanism of individualization of the constructive strategy of fathering, as a result of which personal characteristics acquire the status of personal properties. That is, we can conclude that training work with young men aimed at the formation of responsible fathering is not only effective for the development of positive attitudes of involvement in the life of the future child, mindfulness and responsibility in relation to the parental role, spouse, own health, that is, the formation of constructive fathering strategies; but it also has a long-

term positive effect in more than 10 years, which allows us to develop, test and implement a comprehensive program of psychological and pedagogical support for optimizing the formation and development of fathering strategies.

The materials of this paragraph are published by the author in the following articles [65; 85, p. 125-131] and monographs [78]..

5.5. Development of constructive fathering strategies in adults as part of psychological training

At the formative stage of the study, men in early and middle adulthood (139 men with one or more children (of which 61 men (three groups of 15 people (2004) and one 16 people (2016)) made up the experimental group exposed, 78 - the control group) took part in the work. Individuals in the 2004 experimental group (45 people) were experimentally exposed as part of our dissertation study in 2004, when only 95 men with one or more children participated in the study between September 2003 and June 2004. Of these, 45 men (three groups of 15 people) made up the experimental group subjected to experimental exposure, 50 - the control group. Both groups were equalized by age (average age of the experimental group - 32, control - 33 years) and social characteristics - mainly the subjects are employees (75% and 78%, respectively), entrepreneurs, with higher, secondary and secondary special education (49% and 50%, respectively). The experimental impact included the conduct of a specially developed training course aimed at accepting the role of the father and the formation and development of a constructive fathering strategy. In 2016, another group of 16 people was also exposed to similar effects. To test the effectiveness of psychological training aimed at developing the constructiveness of fathering strategies in male fathers, as well as identifying the effects of constructive fathering strategies, we conducted two

examinations of subjects: before experimental exposure and after. For the control group, these sections coincided in time with the examination of the experimental group. The data obtained from these surveys were statistically processed.

The level characteristics of the 2004 pilot sample of 45 persons are presented in the tables (Table 5.5.1. to and Table 5.5.2. after the experimental exposure in Annex 4), which shows that the most variation is observed in the data on meaningful orientations, which indicates high individual differences in the results of this questionnaire. The data obtained from the Kettell Sixteen-Factor Questionnaire and the PARI Questionnaire are more homogeneous both within the sample and within each group, which for PARI indicates the presence of a certain behavior model. Comparison of the results of this study with statistical norms says that the average and standard deviations of the data on the LD and LSS scales are within the statistical norms of the data of the methods, the data on the PARI questionnaire are a high norm, the data on 16PF correspond to the average values of the norms, as well as in the subjects examined in the first stage of the study. The Fisher test test at a significance level of 0.05 showed that the variances of both groups differ insignificantly. Thus, minor differences in the general variances of samples allow the Student test to be used to test statistical hypotheses.

Validation of data differences between the experimental and control groups prior to experimental exposure by Student's T-test showed no significant differences between the groups. Comparison of the results of the experimental group before and after the experimental exposure by Student's test for dependent samples revealed significant differences in the following parameters: PARI "Obsession of parents," Assessment of oneself as a father, Attitude to joint birth, Assessment of change of attitude of those around them after childbirth in a positive direction, 3 scale of LMS "Life performance," General understanding of life according to LMS, as well as the following factors 16PF: H (risk propensity), F (restraint - expressiveness), M (practicality - imagination), G (exposure to social norms), Q4 (conformism - nonconformism) (Table 5.5.3, Appendix 4).

The results of training work can be presented as a table (Table 5.5.4).

As can be seen from Table 5.5.4. after the training, the subjects decreased on 16PF scales such as H (risk propensity) and F (restraint-expressiveness), as well as the assessment of themselves as a father and a negative attitude to joint birth. Indicators of practicality, propensity to fulfill social norms have increased, as well as indicators of the Life Performance scale, which characterizes satisfaction with self-realization, an assessment of the length of life completed, a feeling of how productive and meaningful its part was, and, in addition, the general comprehension of life.

Table 5.5.4. - Evaluation of the effectiveness of training on average indicators

Parameters		The experimental group was 45 hours.		Control group 50 h.	
		BEFORE	AFTER	BEFORE	AFTER
1	H Risk propensity	6	4,5	5,2	5,23
2	F (restraint - expressiveness)	4,8	1	4,3	4,3
3	M (practicality - imagination)	5,2	6,75	5,4	5,3
4	G (susceptibility to social norms)	4,2	5,75	4,5	4,6
5	Q4 (conformism - nonconformism)	4	4,5	4	4
6	"Parental Obsession"	11,4	12,5	11,3	11,3
7	Rating Yourself as a Father	1,4	1	1,3	1,3
8	Relationship to joint births	1,6	1,25	1,6	1,6
9	Assessment of the change in attitude of others after the birth of the child in the positive direction	1,2	1,75	1,3	1,3
10	"Life Performance"	22,2	23,75	21,7	21,8
11	General comprehension of life	90,6	102,5	90,1	90,2

Notes:

- indicators before and after training in the experimental group are significantly different at $p \leq 0.05$;
- indicators prior to training in the experimental group and control differ insignificantly;
- no significant differences were found in control group scores.

Reduction of risk tendency and simultaneous increase of indicators of social normality, practicality are evidence of increased responsibility. Lowering the index of subjective assessment of oneself as a father, according to the opinion of the subjects themselves, revealed in a post-training conversation, is a consequence of the discovery of new prospects for interaction with the child in the process of training work. The results of assessing the attitude of subjects to joint birth are quite interesting, if before the training 94% of subjects were negative from such an idea, motivating their attitude by the fact that this is a "female matter," that they can "only interfere," then after the training 75% of subjects considered such a practice possible or useful for the child. The increase in indicators according to the scales of the Life Performance and General Comprehension of Life is the most important indicator of optimizing the development of the person at a given age period.

Interesting is the fact that the results on the "Parental Obsession" scale of the PARI questionnaire, which is a characteristic of the inclusion of parents in the life of the child, sometimes even excessive concern about his problems, possibly associated with attracting attention to them during the training.

In addition to the statistical analysis, we performed a qualitative analysis of the data of questionnaires and data obtained in post-training conversations, which showed that if before the training 60% of the difficulties associated with the birth of a child were associated with material problems, and 75% of men answered the question "what the father can give the child": "material support," then after the training the first indicator became equal to 37%, having decreased due to the inclusion of various other factors in the category of difficulties, including "responsibility" 12%, "establishing contact" 9% (Figure 5.5.1.).

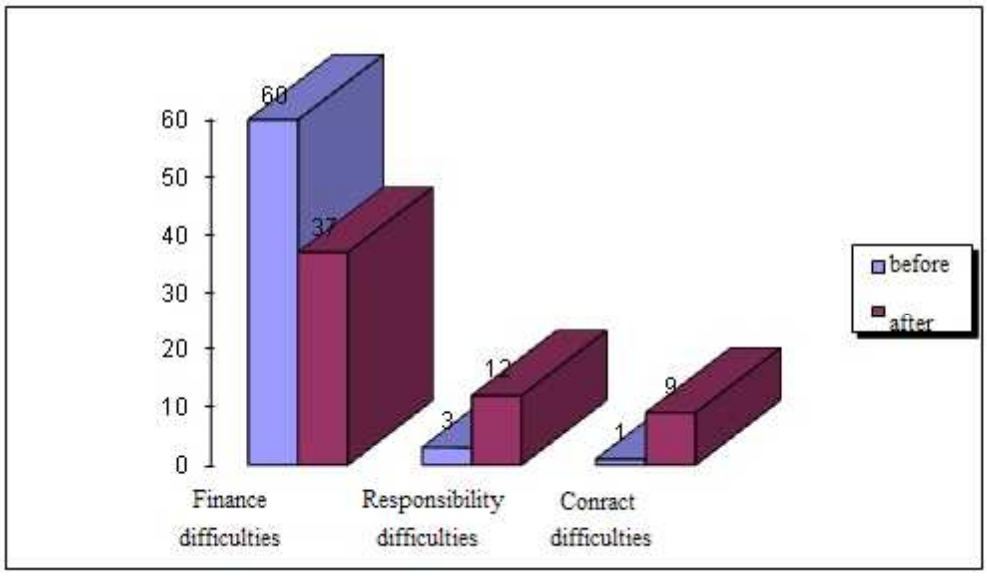

Figure 5.5.1. - Assessment of typical difficulties associated with the birth of a child by men of the experimental group before and after training

To the question of "what the father can give the child" after the training, the answers were much more diverse, such concepts as "care," "male education," "transfer of experience," "transfer of behaviors in various situations" were mentioned.

Best of all, the results of the training are manifested in the fact that, according to 86% of subjects who have undergone training, during their participation in the training program, relations with the child (s) have changed towards greater proximity.

A study of the results of 16 experimental subjects and 28 people in the 2016 control group showed similar results. A comparison of the experimental and control group data on the Fisher test at a significance level of 0.05 showed that the variances of both groups differ insignificantly. All parameters we study obey the normal law of distribution (according to the Kolmogorov-Smirnov criterion).

Thus, in the absence of differences between groups on Student's t-test for independent samples prior to exposure, a comparison on Student's t-test after training revealed significant differences in the following parameters: value of high material position, achievements, sphere of hobbies, scale of assessment of parental identity in child care, goals in life, comprehensiveness of life, reflexivity, taking responsibility in a situation of accusation, ability for psychological proximity to another person, scale of

internality in the field of achievements**,** scale of internality in the field of interpersonal relations**,** satisfaction with marriage (Table 3.5.5. Annex 4).

Comparison of the results of the experimental group before and after training to Student's t-test for dependent samples showed the appearance of differences in the following parameters: paternal attitudes, the development of oneself, the scale of parental identity in the care of the child, the parental identity scale as a breadwinner, assessing itself by the "strength" parameter of the Personal Differential technique, goals in life, process of life, efficiency of life, comprehensiveness of life, reflexivity, taking responsibility for oneself, the ability for psychological intimacy with another person, the internality scale in family relations, the internality scale in the field of interpersonal relations, the health and sickness internality scale and satisfaction with marriage (Table 5.4.6. in annex 4.). These data show that, after the experimental impact, the parameters describing the constructive fathering strategy at a given age have become higher, which indicates a change in the fathering strategy towards more constructive and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of developing the constructive fathering strategy in male fathers.

Variance analysis with repeated measurements, undertaken to clarify the hypothesis, confirms the results. Comparison of paternal settings of men of control and experimental groups before and after training is presented in Figure 5.5.2.

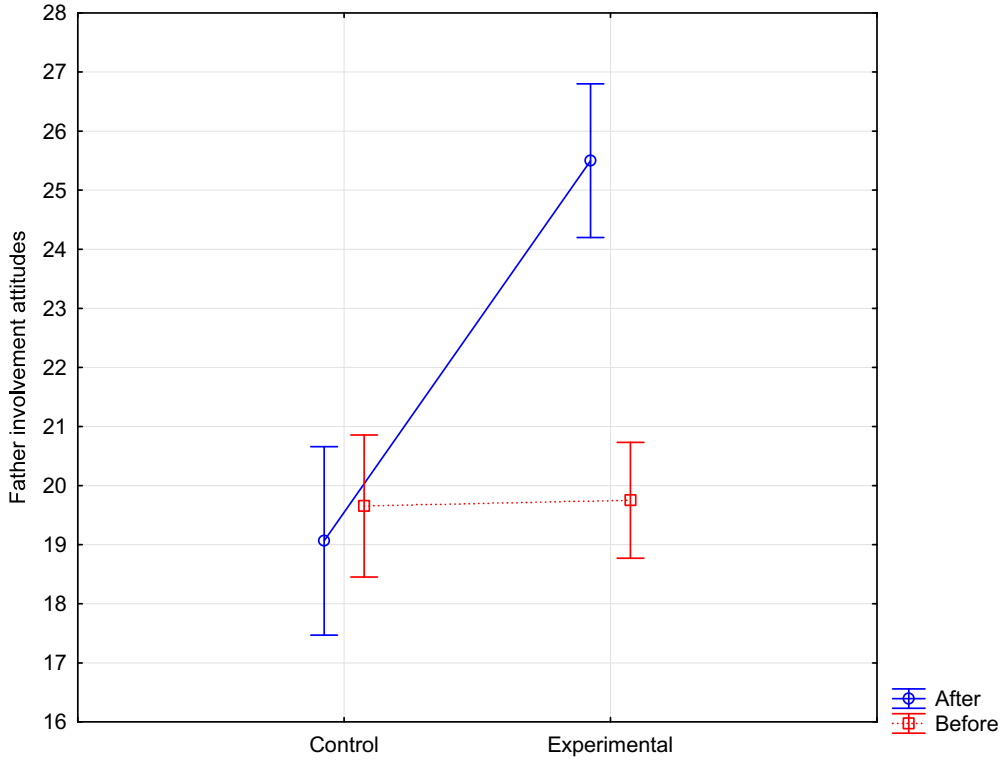

Figure 5.5.2. - Comparison of paternal settings of men control and experimental groups before and after training

In Figure 5.5.2, significant changes in the parameter of paternal settings in the experimental group are noticeable, which reveals a greater mood for men's involvement in the life of the child after training.

Changes in parental identity parameters in child care and in the role of breadwinner are presented in Figure 5.5.3. If by the parameter of identity in care and care for the child (traditionally maternal role), the men of the experimental group before exposure showed results slightly lower than the control group, then after training - much higher than the control group. The data is shown in the left graph.

This is due to the fact that in our work, the operational components of paternal practices were also updated. A slight increase in control group indicators is associated with drawing attention to paternal problems during the examination and interviewing of subjects before exposure. The same applies to the indicators of the control group for the identity parameter in the role of a breadwinner (traditionally a male role). In men of the

experimental group, a significant increase in indicators is noticeable (Figure 5.5.3, right graph).

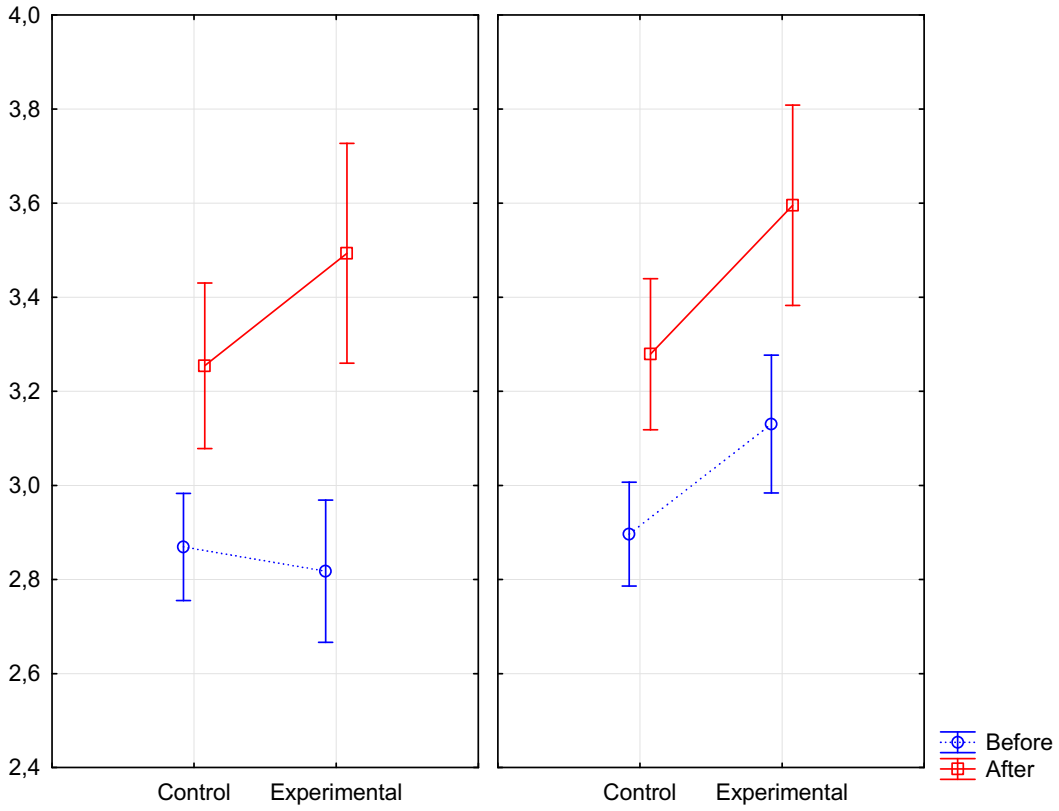

Figure 5.5.3. - Comparison of breadwinning and caregiving parental identity parameters of control and experimental groups before and after training

Changes in the general meaning of life parameter are presented in Figure 5.5.4., which shows the increase of this parameter in the experimental group, in the absence of changes in the control group.

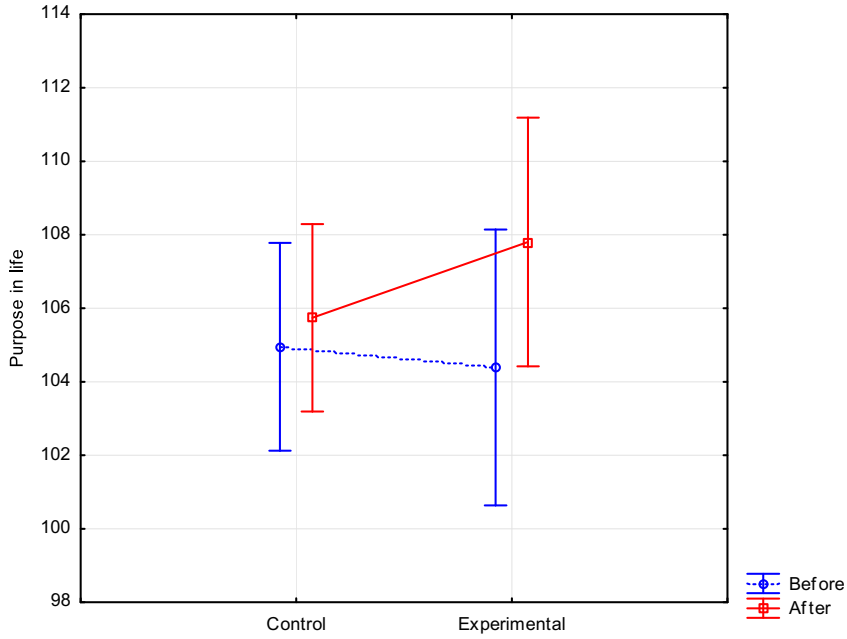

Figure 5.5.4. - Comparison of the parameter of general comprehensiveness of life of men of control and experimental groups before and after the parameter exposure

The changes also affected the parameter of the ability to psychological intimacy with another person (Figure 5.5.5.).

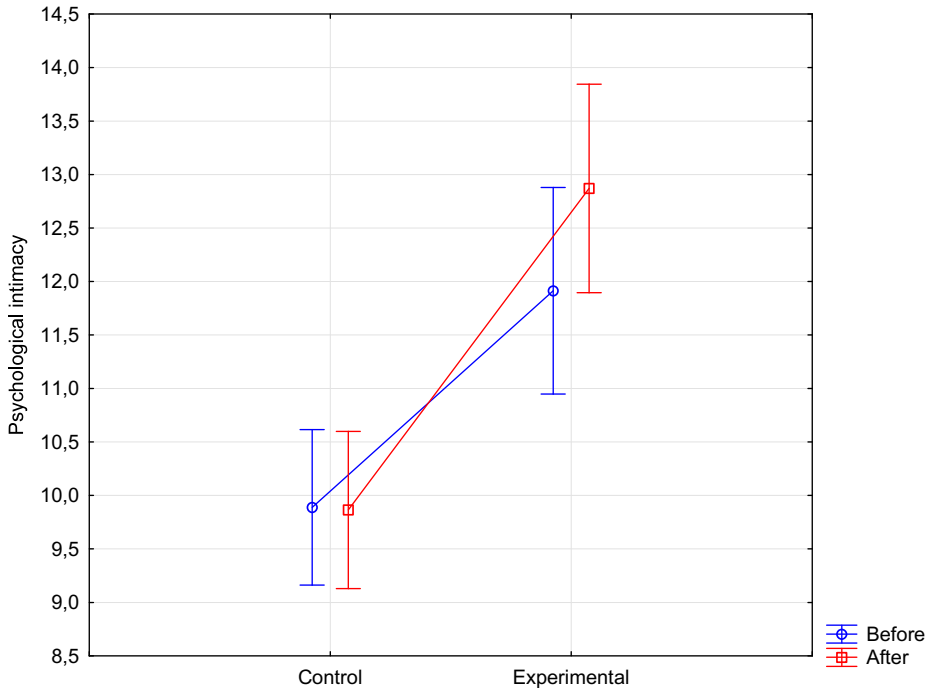

Figure 5.5.5. - Comparison of the parameter of ability to psychological intimacy of men of control and experimental groups before and after the parameter exposure

The control group did not have changes, the experimental group, despite initially higher indicators, had an increase in the indicators for that parameter.

Thus, the variance analysis data are consistent and complement the Student test results.

Comparison of experimental and control group data on the Student's t-test integral score, in the absence of differences prior to exposure, showed that post-exposure groups differ in the indices of all components and the integral index of fathering strategy optimality (Table 5.5.7.).

Table 5.5.7. - Results of comparison of men of experimental and control groups after training by integral indicator according to Student's criterion

Parameters	Average EG	Average CG	t-value.	p	St. dev. EG	St. dev CG
Reflexive regulatory component *	0,67	0,56	0,64	0,00	0,20	0,05
Axiological component *	0,81	0,74	0,10	0,00	0,10	0,08
Praxiological component *	0,83	0,72	0,70	0,00	0,13	0,11
Integral Indicator *	0,86	0,67	0,64	0,00	0,16	0,06

* significant differences noted

The comparison of the integral index of optimal fathering strategy in men of experimental and control groups after training with the help of variance analysis is presented in Figure 5.5.6.

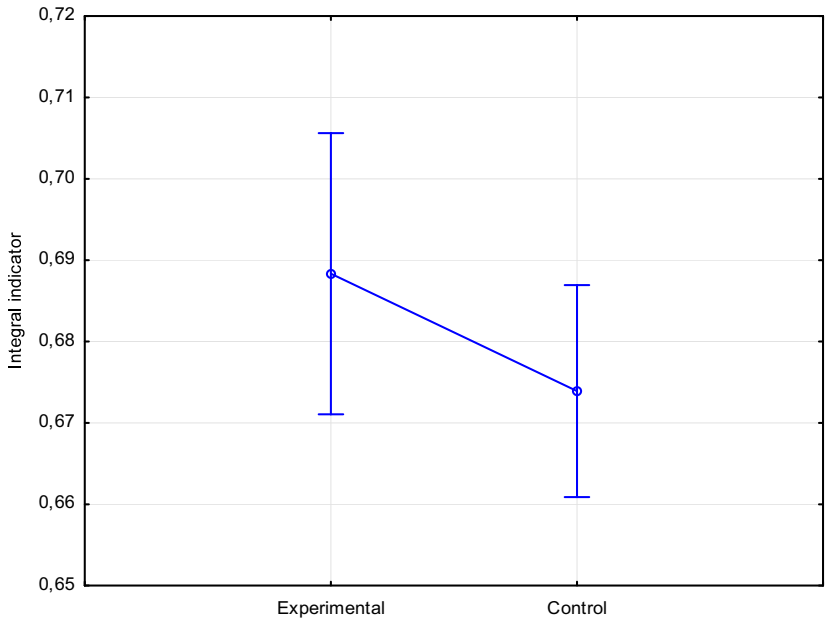

Figure 5.5.6. - Comparison of integral index of men of control and experimental groups after training

Thus, all the analysed data suggest that after experimental exposure, parameters describing the fathering strategy at a given age became higher, in the absence of changes in the control group, indicating a change in the fathering strategy towards greater constructivity in the experimental group and consistent with our theoretical provisions on the possibility of developing the constructivity of the fathering strategy in male fathers. The materials of this paragraph are partially published in the monograph [78].

Conclusions

The longitual phase of the study took place between December 2002 and April 2017 and included a study organized using the cross-sectional method and a longitual study in which subjects of preschool, primary school, adolescent and youth age and men in early and middle adulthood participated.

At the formative stage of the study, 84 boys of preschool age took part in the work, divided into a control and experimental group according to the criterion of participation in experimental work. Families of children from the experimental group participated in the creation of a family-educational environment favorable for the formation of prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering. To analyze the dynamics of the prerequisites of psychological readiness for fathering, the following were used: Student's t-test for independent samples and the Mann-Whitney test for comparing groups before exposure, as well as after training ; Student's t-test for dependent samples and Wilcoxon's test for analysis of the dynamics of indicators within groups, analysis of the integral indicator separately by groups, as well as dispersion analysis with repeated measurements. Statistical analysis showed that after experimental exposure, all parameters describing the formation of prerequisites for psychological readiness for fathering at a given age, including the integral indicator, have become higher, which suggests that even parental-mediated exposure has proved significant in establishing the prerequisites of psychological readiness for fathering at a given age and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of supporting the formation of psychological readiness for fathering, starting from preschool age.

Among primary school-age subjects, 45 boys participated at this stage of the study. As a model group for tracking the specifics of the formation of psychological readiness for fathering in children of primary school age in various families, we selected children whose families reflect the most important conditions for the formation of psychological readiness for fathering, described by us in the theoretical part, differ in

characteristics specific to the study phenomenon: a Two-parent Family, the participation of the father in the life of the child, the existence of a gender stratification of family roles, gender education in the family, attention to the education of the responsibility and value sphere of the child's personality from the preschool period, an educational environment consistent with these parameters.

Statistical analysis by Student t-criterion for independent samples, analysis of integral measure separately by groups, as well as single-factor dispersion analysis, it is stated that in the experimental group all parameters, describing the prerequisites of psychological readiness for fathering at a given age, including an integral indicator, higher than the control, which confirms the provision that the optimal formation of psychological readiness for fathering is determined by family-educational conditions and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of psychological and educational support for the formation of psychological readiness for fathering in junior school age.

At the formative stage of the study, 64 teenage and youth subjects also took part in the work. Teenagers of the 2004 experimental group participated in a longite study for 12 years. The experimental impact was the passage of a specially developed training course within two months aimed at internalizing the meaning of fathering, accepting the role of the father and forming constructive fathering strategies.

Statistical analysis showed that after experimental exposure, all parameters describing the formation of psychological readiness for fathering at a given age became higher, which is consistent with our theoretical provisions on the possibility of optimizing the formation of psychological readiness for fathering using psychological training. A similar impact, conducted in 2016 on a group of 15 adolescents and boys, had similar results.

A further examination of our subjects who took part in the work in 2004, conducted in 2016, when almost all of them became fathers, showed that differences in experimental and control samples remained for 12 years. Thus, the indicators of the leading characteristics of the fathering strategy have become more stable among the participants of the training conducted by us. These changes are made possible by the

action of the psychological mechanism of individualization of the constructive strategy of fathering, as a result of which personal characteristics acquire the status of personal properties. That is, we can conclude that training work with young men aimed at the formation of responsible fathering is not only effective for the development of positive attitudes of involvement in the life of the future child, mindfulness and responsibility in relation to the parental role, spouse, own health, that is, the formation of constructive fathering strategies; but also has a long-term positive effect after more than 10 years.

Among adult fathers at the formative stage of the study, men in early and middle adulthood participated, of which 61 men (three groups of 15 people (2004) and one 16 people (2016)) made up the experimental group exposed to experimental exposure, 78 - the control group.

Student t-test analysis for independent samples to compare pre-exposure and post-exposure groups; Student's t-criterion for dependent samples for analysis of progress of indicators within groups, analysis of the integral index separately by groups, as well as dispersion analysis with repeated measurements, show that, after experimental exposure, the parameters describing the fathering strategy at a given age have become higher, in the absence of changes in the control group, which indicates a change in fathering strategy towards greater constructivity in the experimental group and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of developing the constructivity of fathering strategy in male fathers.

All analysed data indicate that after experimental exposure, parameters describing the formation of psychological readiness for fathering of experimental groups of preschool, primary school, adolescent and youth age became higher, in the absence of changes in control groups, which indicates a change in psychological readiness for fathering towards greater optimality (constructivality) in the experimental group and is consistent with our theoretical provisions on the possibility of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering, starting from preschool age, in junior school, adolescence and youth, as well as the possibility of developing the constructivality of fathering strategy in fathers if: The specifics of the development of psychological readiness for fathering at different age stages and in

different family and pedagogical conditions are taken into account; technologies are implemented that optimize the formation of psychological readiness for fathering in the main areas of support for the formation of psychological readiness for fathering (psychological work with the family, the creation of an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering and/or special psychological training).

CONCLUSION

In accordance with the purpose of this work and to solve the first problem, we conducted an analysis of various theoretical and empirical studies and approaches to understanding the essence of the fathering phenomenon. Thus, we came to the conclusion that the father plays a crucial role in social, intellectual, emotional development, semi-royal identification of the child and his absorption of moral standards. The specificity of fathering compared to motherhood consists in the uniqueness of the father's contribution to the socialization of the child, in a lesser biological and greater social and family determinity of fathering compared to motherhood, while at the same time the fuzziness of role expectations regarding the paternal role, and the dependence of the degree of involvement in the life of the child on the degree of involvement of the mother in the life of the child. At the same time, the fathering of a particular man is determined by his past and real relationship with his own father, who provides a model of male role behavior and with real relationships with his wife, in which this model is implemented, evaluated and transformed.

Acceptance of the role of father determines the success of this role, however, despite the fact that That awareness of oneself by the father occurs mainly after the birth of the child, various aspects of accepting the child and oneself as a father begin to take shape long before direct interaction with the child in the framework of the formation of psychological readiness for fathering, which is the formation of attitudes, motives and certain personality qualities that characterize the ways and options for interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, determined by the basic values of the individual and implemented in practice in a constructive fathering strategy.

The structure of psychological readiness for fathering is defined by the following components: an axiological component (acceptance of a gender fatherly role, a maturity of the personality, responsibility in relation to own health, behavior, fathering, fathering value, the value attitude towards the child and the cooperation attitude towards the

spouse, as to the partner of parenthood), a reflexive and regulatory component (personal maturity, a reflection and self-control) and a praksiologichesky component (behavior and/or fatherly practicians).

Fathering strategies are a set of methods for constructing the life of a father and a child (and, in many ways, a mother) in accordance with the attitudes and ideas of a man about fathering, having a three-component structure and content, formation criteria determined through social, cultural and personal orientations of the person (formed by micro- meso- and macrophactors of the environment). At the same time, the constructivity of strategies is interconnected with the maturity of the individual, a high level of self-regulation and developed reflexion, the acceptance of its gender role, responsibility and the value of fathering.

The formation of readiness for fathering is a process of step-by-step formation of personality qualities characterizing the ways and options of interiorization and exteriorization of the paternal role by a man, taking place in systemic unity with the general and gender socialization of the person, determining the possibilities of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering. This is a process in which the development and formation of certain elements of constructive fathering strategies takes place in stages, starting from preschool age, including: the stage of fathering designation (formation of ideas about fathering), the stage of fathering comprehension (rethinking of available knowledge and ideas about fathering during pregnancy) and the stage of value awareness of fathering and implementation of fathering strategy on this basis, as well as further development of fathering strategy in paternal practices after childbirth.

Solving the second problem, we determined that the formation of psychological readiness for fathering is determined by both biological and social factors. In addition, personal factors become essential for becoming ready for fathering: the processes of personality development in ontogenesis: personality experience, the formation of value orientations and the achievement of personality maturity, self-regulation and reflection.

In the process of developing a psychological readiness for fathering, several stages are distinguished: the first stage of developing a psychological readiness for

fathering begins from the birth of a boy to the moment of receiving information about the pregnancy of his wife - the stage of designating fathering - the formation of gender stereotypes about the male role in general and about fathering in connection with it (occurs in the process of interaction with his own parents, peers, society [130]). The second stage is the time of understanding fathering during the waiting period of the child. It begins from the moment of planning the birth of the child to the beginning of interaction with the already born child. This is a period of coordination of ideas about fathering with the real living conditions of the person. The third stage, beginning after the birth of the child - the period of value awareness of fathering - the period of implementation of the previously formed psychological readiness for fathering as part of the fathering strategy.

At the same time, the formation of prerequisites for psychological readiness for fathering, which form the basis of the axiological component (for example, gender identification and value orientations of the person), as well as the reflexive-regulatory component (self-regulation, prerequisites for the maturity of the person), occurs in the process of personality socialization, starting from the preschool period, and is associated with a specific social situation of personality development.

Considering that a person's value orientations are related to personal maturity through such characteristics, as responsibility in various fields of activity, emotional maturity, self-control of behavior, autonomy, adequacy of self-expression, high level of realization, adequacy of purpose, self-regulation and reflection of personality, it can be said that in the period of adulthood when realizing the formed readiness for fathering in practice, maturity is the most important parameter, determining parental behavior, because only a formed personality becomes a subject of free, independent and responsible behavior in society.

Thus, the intrapsychic axiological component of the fathering strategy finds its implementation within the framework of the extrapsychic praxiological component of the fathering strategy indirectly through the interacting interpsychic reflexive-regulatory component, including reflexion (self-knowledge, autonomy, reflexivity and empathy),

self-regulation (defined by characteristics such as: flexibility, spontaneity, emotion, self-control, labor, self-control.

In solving the third problem, as part of an empirical study, we found that in preschool age, the following prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering are formed: gender attitudes and moral norms (prerequisites of the axiological component), the foundations of self-regulation (prerequisites of the reflexive-regulatory component) and gender-typical behavior (prerequisite of the praxiological component). At this age, three groups of children are distinguished, differing in the features of the formation of psychological readiness for fathering: suboptimal, acceptable and optimal type. At the same time, there are significant differences between children from full and incomplete families in the following indicators: the praxiological and axiological component, and the integral indicator, which confirms our assumption that the factor determining the formation of the prerequisites of psychological readiness for fathering in childhood is the family.

In the younger school age, the following prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering are formed: the axiological component includes the formation of a stereotype of half-left behavior; determines the optimal moral development; the reflexive-regulatory component is determined by social competence, self-discipline, arbitrariness, independence, formation of a sense of competence, self-discipline; The praxiological component includes pronounced gender-typical behavior, social adaptation, social competence, successful construction of social relations. Among junior students, three groups were also identified, differing in the level of development of these parameters.

At the same time, significant differences among children from full and one-parent families are determined by the parameters of gender attitudes, the assessment of the father by gender qualities (children from Two-parent Families evaluate the father as more masculine), according to the parameters of moral motivation of behavior, responsibility, attitude to the world, to work and to man, as well as indicators of the prerequisites for the formation of axiological, reflexive-regulatory and praxiological components, and an integral indicator of psychological readiness for fathering, which

corresponds to the theoretical provisions of this study. In the younger school age, the prerequisites of the praxiological component of psychological readiness for fathering are most developed.

Compared to preschoolers, junior students show higher rates in axiological, reflexive-regulatory and praxiological components. Thus, the differences in the structural components of the integral indicator of psychological readiness for fathering reflect the age-specific features of the development of this phenomenon and confirm our assumption that the psychological patterns of the formation of psychological readiness for fathering have age-psychological and family specifics.

In adolescence, the following characteristics of psychological readiness for fathering are formed: the axiological component includes the adoption of a gender role; determines the optimal moral development and the formation of a worldview; the reflexive-regulatory component is defined through physical maturation, a sense of competence, self-discipline, arbitrariness, autonomy, self-determination, developed reflection; The praxiological component includes gender-typical and in many cases responsible behavior, social adaptation, social competence, successful construction of social relations.

It is possible to distinguish three groups differing in parameters of readiness for fathering from teenagers: low responsibility and a maturity, lack of value of prestige, development of are characteristic of first (irresponsible), values of training and education and family life, the great value is attached to a role of the father in the family culture and value of achievements. The second (gender-mixed) is characterized by high scores on the scale of the father's role in raising children and leisure, the value of preserving their own individuality, their own prestige, high material position, creativity, have low scores on the value of achievements, in relation to their "Self," the scale of life attitude and the role of the father in forming an emotional climate in the family, as well as on gender attitudes. Third (responsible) is presented a little, an appreciation on all scales of a maturity, a role of the father in formation of emotional climate in family, a scale of parental identity as the supporter, to values of development of, spheres of

training and education and family life, low points on a role of the father in parenting, the value of own prestige and high financial position is characteristic of it.

Adolescents from incomplete families are more often characterized by a gender-mixed type, for adolescents from complete families - non-essential. The responsible type is equally represented in both groups. At the same time, significant differences in the components of readiness for fathering between adolescents from full and incomplete families are observed according to the praxiological component and the integral indicator of psychological readiness for fathering.

Compared to previous age groups in early and late adolescence, there are higher indicators in structural components and in the integral indicator of psychological readiness for fathering, which reflects the age-specific features of the formation of this phenomenon and confirms our assumption that the psychological patterns of the formation of fathering strategies have an age-psychological specificity.

In solving the fourth problem, we determined that in adult test male fathers, psychological readiness for fathering is implemented as part of the fathering strategy, within which the following components can be distinguished: the axiological component of the fathering strategy includes the adoption of the gender role of the father, the formed worldview, the value of relationships, the value of fathering; the reflexive-regulatory component of fathering strategy is determined through maturity at the level of the individual, personality and subject of activity, a high level of self-regulation and developed reflection, which determines the formation of a constructive fathering strategy and self-realization as a parent; The pragmatic component of the fathering strategy includes gender-typical behavior, cooperative interaction with the spouse, responsible behavior, ensuring conditions for normal pregnancy, responsible behavior, active, moral, tolerant and purposeful behavior, and the implementation of constructive paternal practices. Among adult subjects, two groups were identified, differing in these parameters, named the constructive and non-constructive type of fathering strategy. Representatives of the first group (non-constructive type) demonstrate "irreconcilable" fathering, role inconsistency of marital relations and feminism, or very high indicators of masculinity; representatives of the second group

(constructive type) demonstrate responsible fathering, agreed marital relations and are characterized by androgyny or moderate masculinity. The greatest difference between groups is noticeable in the framework of the axiological and praxiological components of the fathering strategy.

Fathers show higher rates for all components of the fathering strategy compared to adolescents and young men, as well as men of the same age who do not have children. However, men without children have higher rates for all components of the fathering strategy, including the integral indicator, than men fathers who demonstrate an unconstructive fathering strategy. In addition, the relationships between relationships with their own father in childhood and the parameters of fathering of the man himself were revealed. Thus, all assumptions of the first hypothesis were confirmed.

As part of the solution of the fifth task, we developed a model of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering, which involves the creation of a family-educational environment, and includes: psychological work with the family, the creation of an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering and special psychological training.

As technologies in the framework of psychological work with the family, information and communication and on-line technologies are used, as well as individual and group work focusing on the technology of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychoanalysis, chosen depending on the qualifications of the psychologist, his work scheme and the most problematic situation, and including, as necessary: psychological diagnostics, individual and family psychological counselling, psychological correction.

Technologies for the formation of the educational environment are determined by the age characteristics of respondents and the form of work. Thus, individual work includes information and communication technologies, socialization technologies, problematic learning technologies, project technologies. Group work is very diverse and includes such a form of work as: classroom work using information and communication technologies, group technologies, problem learning technologies, design technologies,

level differentiation technology, gaming technologies, workshop technologies, case technologies, as well as traditional technology. Extracurricular work allows you to pay more attention to information and communication technologies, group, project and game technologies.

In the framework of psychological training, depending on the specific issue and audience, skill training can be used using information, communication and gaming technologies; socio-psychological training, using, in addition to the following: workshop technology, or psychotherapeutic training with an orientation on specific technologies of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychoanalysis technology, psychodramatic and bodily-oriented technologies and a repertoire of methods.

Solving the sixth problem, we conducted A longintude study using educational technologies that optimize the formation of psychological readiness for fathering, in which subjects of preschool, primary school, adolescent and youth age and men in early and middle adulthood took part.

Families of children from the experimental group participated in the creation of a family-educational environment favorable for the formation of prerequisites for the formation of psychological readiness for fathering. The results of the study prove that even parental-mediated exposure is significant for the formation of psychological readiness for fathering at a given age.

The indicators of our model group for tracking the specifics of the formation of psychological readiness for fathering in children of primary school age also confirm that the optimal formation of psychological readiness for fathering is determined by family-educational conditions.

A twelve-year long study of the possibilities of optimizing the formation of psychological readiness for fathering in adolescence using psychological training showed that differences in experimental and control samples remained for 12 years. Thus, the indicators of the leading characteristics of the fathering strategy have become more stable among the participants of the training conducted by us. These changes are made possible by the action of the psychological mechanism of individualization of the

constructive strategy of fathering, as a result of which personal characteristics acquire the status of personal properties. That is, it can be concluded that training work with young men aimed at the formation of responsible fathering is not only effective for the development of positive attitudes of involvement in the life of the future child, mindfulness and responsibility in relation to the parental role, spouse, own health, that is, for the formation of constructive fathering strategies, but also has a long-term positive effect in more than 10 years.

Similar results were obtained in a sample of adult male fathers, in which, after experimental exposure, parameters describing the fathering strategy at a given age became higher, in the absence of changes in the control group, indicating a change in fathering strategy towards greater constructivity in the experimental group and consistent with our theoretical provisions on the possibility of developing the constructivity of fathering strategy in male fathers. Thus, all assumptions of the second hypothesis were confirmed.

Key findings:

1. Our historical and psychological analysis of the state of study of the problem made it possible to determine the psychological readiness for fathering as a set of formed attitudes, motives and certain personality qualities that characterize the ways and options for interiorization and exteriorization of the paternal role by men, determined by the basic values of the personality and implemented in practice in the constructive strategy of fathering.

2. Based on the theoretical and methodological analysis of the phenomenon of psychological readiness for fathering, we have identified the following components in the structure of psychological readiness for fathering: axiological component (acceptance of a gender fatherly role, a maturity of the personality, responsibility in relation to own health, behavior, fathering, fathering value, the value attitude towards the child and the cooperation attitude towards the spouse, as to the partner of parenthood), a reflexive and regulatory component (personal maturity, a reflection and self-control) and a praksiologichesky component (behavior and/or fatherly practicians).

3. Fathering strategies are a set of methods for constructing the life of a father and a child (and in many ways the mother) in accordance with the attitudes and ideas of the father about fathering, having a three-component structure and content, formation criteria determined through social, cultural and personal orientations of the person (formed by micromeso- and macrophactors of the environment), and having different variability, allowing to distinguish within them specific types of manifestation of strategies.

4. Psychological readiness for fathering can be described through an integral indicator of optimality, which at each age stage is determined by the ratio of axiological, reflexive-regulatory and praxiological components of fathering readiness, which makes it possible to distinguish optimal and suboptimal types of fathering readiness formation (constructive and non-constructive types of fathering strategy in adulthood).

5. Despite the fact that parenthood falls on the period of adulthood, the first significant characteristics of readiness for fathering appear long before the implementation of paternal practices in adulthood, starting from the preschool period. In the process of developing psychological readiness for fathering, we highlight: 1) the stage of designating fathering (including the formation of ideas about fathering in preschool, junior school, adolescence and youth); 2) the stage of understanding fathering and the beginning of the implementation of the fathering strategy; and (3) the stage of awareness of fathering and the realization of fathering readiness in the fathering strategy. Each stage is characterized by certain determinants characteristic of this period, conditions, leading factors and features and criteria for the formation of psychological readiness for fathering.

6. The psychological patterns of the formation of psychological readiness for fathering reflect the stable connections and relationships between the development of the personality and the formation of a system of value orientations, gender identity, personal maturity, self-regulation and reflection of the personality: the formation of psychological readiness for fathering begins with preschool age and has age-psychological and family specificity, which implies the dynamics of a gradual increase

in the indicators of all components of psychological readiness for fathering from preschool to adulthood.

7. Family education and the educational environment determine the formation of prerequisites for psychological readiness for fathering in preschool and junior school age; in many respects define formation of psychological readiness for fathering at teenage and youthful age and specifics of strategy implementation of fathering in maturity.

8. The formed psychological readiness for fathering is realized in adulthood in a constructive fathering strategy interconnected with the adoption of the gender role of the father, Purpose in life, the value of relationships and fathering, as well as personal maturity, a high level of self-regulation and developed reflexion. The psychological effects of the implementation of constructive fathering strategies are: responsible fathering (planning the birth of a child, legally formalized status, emotional, physical and financial participation in the life of the child), the formation of positive paternal practices; positive parental attitude and positive interaction with the spouse in the framework of the implementation of parental functions, harmonious marital relations, the development of the personality of the father and the child.

9. Psychological and pedagogical model of the formation of psychological readiness for fathering, which involves taking into account the specifics of the formation of psychological readiness for fathering at different age stages (preschoolers, junior students, teenagers and high school students, adults) and in various family and pedagogical conditions and the implementation of psychological and pedagogical support technologies that optimize the formation of psychological readiness for fathering in the main areas of support for the formation of psychological readiness for fathering (psychological work with the family, creating an educational environment favorable for the formation of psychological readiness for fathering and/or special psychological training) is effective in modern conditions.

10. As technologies in the framework of psychological work with the family, information, communication and on-line technologies are used, as well as technologies of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychoanalysis, and include, as

necessary: psychological diagnosis, individual and family psychological counselling, psychological correction. Technologies for the formation of the educational environment are determined by the age characteristics of respondents. Individual work includes information and communication technologies, socialization technologies, problematic learning technologies, project technologies, using all methods of educating parents, supporting the formation of subjective personality properties and methods of persuasion. Group class work is carried out using information and communication technologies, group technologies, problem learning technologies, design technologies, level differentiation technologies, game technologies, workshop technologies, case technologies, as well as traditional technology (within the framework of the class and lesson system). Group extracurricular work allows you to pay more attention to information and communication technologies, group, project and game technologies, as well as case technologies.

In the framework of psychological training, depending on a specific issue and audience, skill training can be used using information, communication and gaming technologies, or socio-psychological training, using, in addition to the listed workshop technology and psychotherapeutic training with an orientation on specific technologies of humanistic, existential, transgenerational approaches, psychoanalysis technology, psychodramatic and bodily-oriented technologies.

To summarize, it should be noted that the hypotheses put forward were confirmed, and the tasks set were solved. Further elaboration of issues and problems, both theoretical (study of mechanisms of assimilation and internalization of paternal functions, mechanisms of social regulation of fathering, etc.), and applied (application of the results obtained for training and training of practical psychologists providing psychological assistance to the family; in the development of remedial programs, including for children growing up without a father, programs for adoptive parents and stepfathers), the solution of which is possible only in a larger, possibly longite (in two or more generations) or a cross-cultural study that would allow timely prediction and finding ways to solve various difficulties of father-child interaction, as well as identify and investigate the possibilities of regulating the formation of psychological readiness

for fathering or the formation of constructive fathering strategies, the social significance of which cannot be overestimated, at the level of macrophactors of the environment.

BIBLIOGRAPHIC LIST

1. Abakumova, I.V. The influence of the style of parental education on the formation of psychological readiness for learning in preschool age / I.V. Abakumova, P.N. Ermakov, A.V. Grishin, A.S. Kolenova//Upbringing and education of young children, 2017. – No. 6. – Page 262 – 263.

2. Abdullina, S. A. Features of the parent's internal position in teenage children/S. A. Abdullin, G. G. Filippova//Modern studies of social problems (electronic scientific journal), 2016. – № 7(63). – Page 78 – 95. – doi: 10.12731/2218–7405–2016–7–78–95

3. Abramova, G. S. Age psychology: textbook/G. S. Abramova. - Yekaterinburg: Business book, 2002. – 704 pages.

4. Abrosimova, A. E. The phenomenon of fathering in modern psychology/A. E. Abrosimova, D. A Kudachkin//Patterns and trends in the development of science in modern society. Collection of articles of the international scientific and practical conference, 2016. – Page 149–152.

5. Abulkhanova-Slavskaya, K. A. Life Strategies. / K. A. Abulkhanova-Slavskaya. – M: Thought, 1991 - 300 s.

6. Avdeeva, N. N. Representations of teenagers with varying degrees of aggressiveness about relations with fathers: the results of a longite study/N. N. Avdeeva, E. A. Cheprakova // On the threshold of growing up. Collection of scientific articles for the third All-Russian Scientific and Practical Conference. Series "Psychology of Development." Moscow Department of Education, Russian Humanitarian Science Foundation, 2011. – Page 124–136.

7. Avduevskaya, E.P. Psychology of a teenager. Psychosexual development / E.P. Avduevskaya. – Moscow: Pedagogy, 1991. –176 c.

8. Avsievich, M.T. Married conflicts and ways to overcome them / M.T. Avsievich, L.I. Melnik. – Moscow: Material to help the lecturer, 1988. – 22 pages.

9. Adler, A. Parenting. Gender Interaction/A. Adler. – Rostov N/A: Phoenix, 1998. – 448 pages.

10. Aylamazyan, E.K. Obstetrics: textbook for medical universities / E.K. Aylamazyan. – St. Petersburg: SpetsLit, 2010. – 543 pages.

11. Akivis, D. A. Pattsovskaya love/D. A. Akivis. – Moscow: Profizdat, 1989. – 208 pages.

12. Akinshina, N.V. Features of ideas about fathering in young fathers / N.V. Akinshina//Scientific statements of Belgorod State University. Series: Humanities, 2011. – T. 10. – № 12. – Page 271–278.

13. Alekseeva, A.V. Transformation of family roles of men and women in modern Ukrainian society / A.V. Alekseeva//Family psychology and family therapy, 2003. – No. 4. – Page 25.

14. Aleshina, Yu. E. Individual and family psychological counseling / Yu. E. Aleshina. – Ed. The 2nd. – Moscow: Independent company "Klass," 1999. – 208 pages.

15. Aleshina, Yu. E. Socio-psychological methods of studying marital relations: special practice: educational manual / Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya. - Moscow: Moscow University Publishing House, 1987. – 120 pages.

16. Alikin, I. A. Features of the parental relationship of fathers/I. A. Alikin, N. V. Lukyanchenko//Youth of Siberia – Russian Science: International Scientific and Practical Conference, 2014. – S. 7–10.

17. Allin, O. N. Formation of cosmonauts' readiness to operate in emergency situations: dis.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.13/O. N. Allin. - Moscow. – 1998. – 218 pages.

18. Almazova, N. I. To the question of the possibility of using Internet technologies in English lessons in high school / N. I. Almazova, O. A. Sentsov//Issues of teaching methods at the university, 2013. – № 2 (16). – Page 121–128.

19. Almazova, O. V. Modern fathering: a theoretical and practical analysis of the participation of fathers in the upbringing of children of infancy and early childhood / O. V. Almazov, A. V. Ilyins//Special education, 2015. – № 2. – Page 5–16.

20. Alferov, A.V. The problem of parenting in the family / A.V. Alferov, O. I. Markova // Pedagogy and psychology of the family: modern challenges, traditions and

innovations. All-Russian Scientific and Practical Conference. – Yakutsk: Center for Scientific Cooperation "Interactive Plus," 2015. – Page 91–92.

21. Ananyev, B. G. Man as a subject of knowledge/B. G. Ananyev. – 3rd ed. – St. Petersburg: Peter, 2002. – 288 p.

22. Andreeva, G. M. Social psychology / G. M. Andreeva. – Moscow: Aspect Press, 2017. – 363 pages.

23. Antilogova, L. N. Spiritual and moral formation of personality in modern conditions / L. N. Antilogova//Innovative education and economics, 2014. – T. 1. – № 16. – Page 12–15.

24. Antilogova, L. N. Psychological health and psychological culture in modern Russian education / L. N. Antilogova // Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference "Psychological Health and Psychological Culture in Modern Russian Education." – Barnaul, 2013. – Page 12–15.

25. Antilogova, L. N. The role of self-esteem in the development of the creative abilities of younger schoolchildren / L. N. Antilogova, L. G. Karpova // Human science: humanitarian research, 2016. – № 2. – Page 129–133. - DOI: 10.17238/issn1998–5320.2016.24.129

26. Antilogova, L. N. The role of the family in the moral formation of the child/L. N. Antilogova//Childhood, open to the world: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Omsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Omsk State Pedagogical University, 2017. – Page 49–53.

27. Apasova, S.V. Formation of life strategies of students in the institution of additional education for children: autoref. dis.... candidate. Ped.nauk: 13.00.01 / S.V. Apasova. - Samara, 2007. – 20 pages.

28. Arakantseva, T. A. Psychological features of adolescents with a different type of poloroleic orientation: autoref. dis.... Cand. psychol. nauku: 19.00.07/T. A. Arakantseva. – Moscow, 1999. – 19 pages.

29. Aronov, A. A. Leisure as a means of patriotic education of youth/A . A. Aronov, N. S. Kaidalova//World of education - education in the world, 2015. –

№ 3. – Page 42–46.

30. Artamonova, A.F. The role of the father in raising a child in full and incomplete families/A.F. Artamonova//Current scientific issues and modern educational technologies: a collection of scientific works based on the materials of the International Scientific and Practical Conference: in 7 parts. – Moscow, 2013. – S. 17–19.

31. Izkireeva, T.V. The influence of relations with the father on the motivational and value aspects of parenthood in men with children/T.V. Izkireev//Materials of the second All-Russian scientific conference "Psychological problems of the modern Russian family." In 3 parts. – Part 1/edited by V.K. Shabelnikov and A.G. Leads. – Moscow, 2005. – Page 64–74.

32. Asmolov, A. G. Personality Psychology/A. G. Asmolov. – Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1990. – 367 pages.

33. Astashova, N. A. Axiological foundations of modern education / N. A. Astashova – Bryansk: Desyatochka group of companies, 2009. – 281 pages.

34. Afonyushkin, O. S. The level of formation of a constructive life strategy among young students / O. S. Afonyushkin//Young scientist, 2014. – № 21 (80). – S. 608–610.

35. Babitskaya, L. A. The formation of responsibility in children of primary school age in family education / L. A. Babitskaya, A. K. Kuzminykh // Science yesterday, today, tomorrow: a collection of articles on the materials of the XLII international scientific and practical conference. – Novosibirsk: Sibak, 2017. – № 1(35). – Page 32–35.

36. Babich, E. G. The role of the father in a family raising a child with disabilities / E. G. Babich, D. V. Savchenko//Responsible fathering: current problems and ways to solve them: a collection of scientific articles. / Ed. E. A. Petrova. – Moscow, 2015. – S. 14–17.

37. Baranova, E.F. Peculiarities of ideas about the father in teenage boys brought up in a full and incomplete family/E.F. Baranova, V.S. Novov//Personality, family and society: Issues of pedagogy and psychology, 2016. – № 62. – S. 62–68.

38. Basimov, M. M. General profile of the system of positive parental feelings among fathers / M. M. Basimov, E. A. Padurina // Scientific notes of the Russian State Social University, 2015. – T. 14. – № 4 (131). – S. 53–68.

39. Batukov, S. A. Formation of readiness of young rescuers for professional activities in emergency situations / S. A. Batukov // University Bulletin State University of Management, 2010. – № 25. – S. 11–13.

40. Bakhadova, E.V. Specifics of fathering in the phenomenon of parenthood / E.V. Bakhadova//Scientific and technical information in the planning and implementation of scientific research and implementation of Sp projects. z o.o. «Diamond trading tour», 2014. – S. 21–23.

41. Bezrukova, O. N. Readiness for fathering: factors, conditions and prerequisites / O. N. Bezrukova // Bulletin of St. Petersburg University, 2007. – It is gray.6. – Out. 2. – PART I. – PAGE 98–109.

42. Bezrukova, O. N. Fathering in a transforming society: expectations of mothers and the practice of fathers / O. N. Bezrukov//Sociological research. 2013. – № 11. – Page 118–130.

43. Bezrukova, O. N. Fertility trends and reproductive attitudes of youth in St. Petersburg / O. N. Bezrukova // Intrauterine baby ... / Materials of the World Congress. – Moscow: Academia, 2007. – Page 35–36.

44. Beletskaya, A. A. Features of the life strategies of high school students: cross-cultural aspect: autoref. diss.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.13 / A. A Beletskaya. – Moscow, 2012. – 25 pages.

45. Belogay, K. N. Psychological problems of marriage and factors of stability of married relations / K. N. Belogay // Bulletin of Kemerovo State University. 2010. № 3 (43). Page 21–26.

46. Belogay, K. N. Psychological training as a method of developing the parental relationship of a person / K. N. Belogay // Psychology and modern society: interaction as a path of mutual development: materials of the International Scientific and Practical Conference. – St. Petersburg: SPbIUiP, 2006. – Part 1. – page 61–67.

47. Belogay, K. N. Structural components of the parental relationship of personality: autoref. dis.... Candidate of Psychological Sciences/K. N. Belogay. – Krasnoyarsk, 2006. – 21 pages.

48. Belogay, K. N. Empirical study of the structure of parental relations / K. N. Belogay, I. S. Morozova // Psychological science and education. – 2008. – № 4. – Page 12 – 23.

49. Belugina, M. A. Life strategies for timely students / M. A. Belugina // Psychology at the university, 2008. – № 6. – FROM 93–103.

50. Berkovsky, V. A. The family in the system of factors that determine the life strategies of high school students: autoref. diss... candy. sociol. sciences: 22.00.04 / V. A. Berkovsky. – Stavropol, 2006. – 21 pages.

51. Bern, S. Gender Psychology/S. Bern. - St. Petersburg: Prime - EUROZNAC, 2001. – 320 pages.

52. Bern, E. People who play games. Psychology of Human Destiny/E . Bern. – Moscow: Eksmo, 2016. – 576 s. ISBN 978-5-699-27309-6

53. Bityanova, M. R. Adaptation of the child to school: diagnosis, correction, pedagogical support: (For the school administration, teachers and school psychologists): [Methodological recommendations] / M. R. Bityanova. - Moscow: Educational Center "Pedagogical Search," 1997. – 112 pages.

54. Bobkova, A. G. The problem of the readiness of young men for fathering / A. G. Bobkova, V. V. Koval // World of science, culture, education, 2013. – № 4 (41). – S. 108–109.

55. Bodalev, A. A. Verchina in the development of an adult / A. A. Bodalev. – Moscow: Flint; Science, 1998. – 168 pages.

56. Bozhovich, L.I. Personality and its formation in childhood / L.I. Bozhovich. – Moscow: Enlightenment, 1968. – 464 pages.

57. Bolenko, Yu.V. Readiness for professional activities of cadets and fire guards / Yu.V. Bolenko // Bulletin of Buryat State University, 2014. – №1 (2). – Page 90.

58. Bolshov, V.B. Higher education in the system of life strategies of youth (regional aspect): autoref. diss.... Candidate Sociol. sciences: 22.00.04 / V. B. Bolshov. – Krasnodar, 2007. – 17 s.

59. Bondarenko, E. N. Life strategies of youth of closed administrative-territorial entities: sociological aspect: autoref. diss.... Candidate Sociol. Sciences: 22.00.04 / E. N. Bondarenko. – Yekaterinburg, 2009. – 23 pages.

60. Bondyreva, S.K. Traditions: stability and continuity in the life of society: textbook: educational and methodological manual / S.K. Bondyreva, D.V. Kolesov. – Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute, 2007. – 279 pages.

61. Borisenko Yu.V. Characteristics of fathering in the context of gender issues / J. V. Borisenko. // Izvestia Irkutsk State University. Series Psychology, 2018. – T. 25. – S. 26–38.

62. Borisenko, Yu. V. Abortive and contraceptive behavior in the light of youth health / Yu. V. Borisenko, K.N. Belogay, I.S. Morozova, T.O. Ott // Family psychology and family therapy, 2014. – № 3. – C. 61–88.

63. Borisenko, Yu. V. Adaptation of the methodology Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) into Russian / Yu. V. Borisenko//TSU Science Vector. Series: Pedagogy, Psychology, 2013. – № 4(15). – Page 34–37.

64. Borisenko, Yu. V. Introduction to sexology for student psychologists: a textbook/Yu. V. Borisenko. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. – 127 pages.

65. Borisenko, Yu. V. Experience in the use of psychological and pedagogical technologies to accompany the formation of psychological readiness for fathering / J. V. Borisenko. // Bulletin of Kemerovo State University, 2019. – T. 21. – № 3 (79). – S. 674–684.

66. Borisenko, Yu. V. To the question of the personal determinants of parenthood: fathering and masculinity / Yu. V. Borisenko // Bulletin of KemSU, 2015. – № 2 (62). – T.1. – Page 112–119. (2015a)

67. Borisenko, Yu. V. Adaptation of the methodology of the Utrecht-management of identity commitments scale-parental identity (U-MICS-PI) for the study of processes of parental identity / J. V. Borisenko . // Psychology. Psychophysiology, 2021. – T. 14. – № 2. – S. 17–26.

68. Borisenko, Yu. V. A model of the relationship of factors determining the specifics of fathering / Yu. V. Borisenko // Family psychology and family therapy, 2006. – № 2. – Page 44–55.

69. Borisenko, Yu. V. Basics of Sexology/Yu. V. Borisenko. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2009. – 247 s. ISBN: 978-5-222-14511-1.

70. Borisenko, Yu. V. Features of the parental relationship of stepfathers/Yu. V. Borisenko//Psychological problems of the modern family collection of theses of the VI International Scientific Conference / Ed. O. A. Karabanova., E. I. Zakharova, S. M. Churbanova., N. N. Vasyagina. – Moscow – Zvenigorod, 2015. – 1387 pages – Page 572–581.

71. Borisenko, Yu. V. Fathering as a psychological phenomenon of personality / Yu. V. Borisenko. – Kemerovo, 2011. – 280 pages.

72. Borisenko, Yu. V. Assessment of parents' marital relations as a factor in assessing their own interpersonal relations in adolescence and youth / Yu. V. Borisenko, V. Yu. Solovyov // Vector of Science TSU. Series: Pedagogy, Psychology, 2012. – № 3(10). – Page 34–36.

73. Borisenko Yu. V. Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI) into Russian // Bulletin of Kemerovo State University, 2020. – T. 22. – № 3. – C. 735–743.

74. Borisenko, Yu. V. The problem of fathering in modern society / Yu. V. Borisenko, A. G Portnova // Questions of psychology, 2006. – № 3. – Page 122–130.

75. Borisenko, Yu. V. Problems of the influence of paternal deprivation on the development of the personality of a teenager/Yu. V. Borisenko//Family psychology and family therapy, 2008. – № 2. – Page 11–23.

76. Borisenko, Yu. V. Fathering psychology/Yu. V. Borisenko. - Moscow - Obninsk: "IG-SOCIN," 2007. – 220 p. – 1250 copies - ISBN 978-5-91070-015-8.

77. Borisenko Yu.V. Testing and adaptation of the methodology for studying identity processes "Dimensions Of Identity Development Scale (DIDS) " / J. V. Borisenko. // Science vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, psychology, 2020. – No. 3 (42). – S. 33–41.

78. Borisenko Yu. V. The formation of psychological readiness for fathering:

psychological and pedagogical context and escort technologies: monograph / Yu. V. Borisenko. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2020. – 552 pages.

79. Borisenko, Yu. V. Family conditions for the formation of parental identity of a person in the modern world / Yu. V. Borisenko//Bulletin of KemSU, 2015. – № 3(63). – T. 3. – Page 93–98. (2015b)

80. Borisenko, Yu. V. Specifics of culturally-conditioned role conflicts of parents in a modern family / Yu. V. Borisenko // Bulletin of Kemerovo State University, 2011. – № 4 (48). – page 125 – 131.

81. Borisenko, Yu. V. Specifics of psychological assistance to the family in the context of work with fathering / Yu. V. Borisenko//Bulletin of Kemerovo State University, issue 3 (43). – Kemerovo, 2010. – 237 pages – Page 31–37.

82. Borisenko, Yu. V. Specifics of parental relations of men who grew up in conditions of paternal deprivation / Yu. V. Borisenko//Bulletin of Kemerovo State University, 2013. – No. 2(54) T.1. – page 143 – 148.

83. Borisenko, Yu. V. Specifics of the formation of fathering as a psychological phenomenon / Yu. V. Borisenko, K. N. Belogay // Siberian psychological journal. – 2007. – № 2. – Page 102–106.

84. Borisenko Yu.V., Belogay K.N., Morozova I.S., Ott T.O. Building a level model for regulating the reproductive behavior of youth // Bulletin of KemSU, 2014. – № 2. – T.1. – C. 167–173.

85. Borisenko, Yu. V. Longityudny study of the formation of constructive fathering strategies / Yu. V. Borisenko // Bulletin of Kemerovo State University, 2017. – № 4. – S. 125–131.

86. Borisenko Yu.V. Possibilities of forming the basics of readiness for fathering in preschool children / Yu. V. Borisenko // Science vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology, 2018. – № 2(33). – FROM 65–71.

87. Borisenko, Yu. V. Features of a valuable attitude to the fathering of children of involved and uneducated fathers / Yu. V. Borisenko // Izvestia of Irkutsk State University. Series Psychology, 2018. – T. 24. – S. 23–33.

88. Borisenko, Yu.V. Adaptation of the Pre-school Activities Inventory (PSAI)

methodology into Russian / Yu. V. Borisenko // Bulletin of KemSU, 2018. – № 2(74). – C. 92–98.

89. Borisenko Yu.V., Portnova A.G. Father as a factor in personal development // Personal development, 2006. – №2. – S. 70–81.

90. Bocharov V.V. Anthropology of age / V.V. Bocharov. – Moscow: Progress, 1999. – 189 pages.

91. Boyazitova, T. D. Value-semantic aspects of the psychological and pedagogical activities of his father / T. D. Boyazitova // University Bulletin (State University of Management), 2011. – № 6. – S. 18–19.

92. Boyazitova, T. D. Value-semantic aspects of the psychological and pedagogical activities of his father / T. D. Boyazitova//University Bulletin (State University of Management), 2011. – № 7. – S. 11–13.

93. Boyazitova, T. D. Value orientations of men expecting the appearance of a child / T. D. Boyazitova//Science and modernity, 2011. – № 9–1. – C. 261–266.

94. Bro, B.S. On the mechanisms of targeting / B.S. Bro / /Questions of psychology, 1977. – № 2. – page 121–124.

95. Bratukhin, A. G. Visual design of healthy-saving reproductive behavior / A. G. Bratukhin, E. A. Store // Modern problems of science and education, 2015. – № 6–0. – P. 65.

96. Brutman, V.I., Formation of mother's attachment to the child during pregnancy / V.V. Brutman, M.S. Radionova // Psychology issues, 1997. – No. 6. – Page 38–47.

97. Bubnova, S. S. Value orientations of personality as a multidimensional nonlinear system / S. S. Bubnova // Psychological journal, 1999. – T. 20, NO. 5. – Page 38–44.

98. Bukatov, V. M. Interactive learning technologies: appearance, characteristics, features and functions / V. M. Bukatov // New in psychological and pedagogical research, 2014. – № 4. – Page 73 – 80.

99. Burlachuk, L. F. Dictionary-handbook on psychodiagnostics / L. F. Burlachuk, S. M. Morozov. – St. Petersburg: Peter. –1999. – 519 pages.

100. Butaev, M.V. Methodological possibilities of applying a gender approach to the philosophical analysis of the problem of fathering / M.V. Butaev // Bulletin of the Volga Institute of Management, 2012. – № 3. – S. 158–162.

101. Butaev, M.V. Fathering as a social and philosophical problem / M.V. Butaev // Izvestia, Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2012. – T. 12. – № 2. – Page 7–10.

102. Butovskaya, M. L. Anthropology of gender / M. L. Butovskaya. – Fryazino: Century 2, 2013. – 256 s.

103. Vavilova, L. N. State and prospects for the development of modern pedagogical education / L. N. Vavilova, T.S. Panina // Professional education in Russia and abroad, 2011. – № 2. – Page 45.

104. Valitova, I.E. Father parenthood and stepfather parenthood: comparative characteristic / I.E. Valitova, E. A. Kleshchev // Bulletin of Baranavichy State University. Series: Pedagogical Sciences, Psychological Sciences, Philological Sciences (Literary Studies), 2013. – T. 1. – № 1. – Page 84–91.

105. Varga, A. Ya. Systemic family psychotherapy. Short lecture course / A. J. Varga, T. S. Drabkina. – St. Petersburg: Speech, 2001. – 144 pages.

106. Varga, A. Ya. Structure and types of parental relationship: autoref. dis.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.01 / A. Ya. Varga. – Moscow, 1986. – 32 pages.

107. Vasilieva, O. S. Study of the main characteristics of human life strategy / O.S. Vasilieva, E.A. Demchenko // Psychology issues, 2001. – № 2. – Page 74–85.

108. Vasilchenko, G.S. General Sexopathology. / G.S. Vasilchenko. – Moscow: Medicine, 2005. – 512 c.

109. Vasyagina, N. N. Adult education: experience and prospects / N. N. Vasyagina // Pedagogical education in Russia. 2012. № 2. Page 9–12.

110. Vasyagina, N.N. The subjective formation of the mother in the modern sociocultural space: autoref. diss.... Doctors of Psychological Sciences: 19.00.07 / N. N. Vasyagina – Yekaterinburg, 2011, – 47 p.

111. Verax, N. E. Understanding child development from the perspective of the

environmental theory of W. Bronfenbrenner / N. E. Verax, A. N. Verax // Modern preschool education. Theory and Practice, 2014. – № 10 (52). – Page 56–59.

112. Verbitsky, A. A. Theory and technologies of context education: a textbook. / A. A. Verbitsky. – Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2017. – 268 pages.

113. Spring, E. B. Features of the development of the semantic sphere of adolescents. / E. B. Spring, M. A. Friesen. – Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University named after Vitus Bering, 2007. – 189 p.

114. Vizgina, A.V. Manifestations of personal features in the self-descriptions of men and women / A.V. Vizgina, S.R. Pantileev // Psychology issues, 2010. – № 3. – Page 91–101.

115. Vitaker, K. Dancing with his family. Family therapy: a symbolic approach based on personal experience / K. Vitaker, V. Bamberry / per. With the English A.Z. Shapiro. – Moscow: Independent company "Klass," 1997. – 172 pages.

116. Volkova, E.N. Orphans and children growing up in the family: a comparative analysis of the prevalence of violence / E.N. Volkova, I.V. Volkova, O. M. Isaev // St. Petersburg Sociology today, 2016. – № 7. – Page 39–57.

117. Vygotsky, L. S. Collected works / L. S. Vygotsky. – In 6 t. – T. 4. – Moscow: Pedagogy, 1984. – 432 pages.

118. Gaydamashko I.V., Posokhova A.V. The problem of psychological readiness for entrepreneurial activity / I.V. Gaidamashko, A.V. Posokhova // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences, 2015. – № 3. – Page 17 – 22.

119. Halperin, P. Ya. K on the question of human instincts / P. Ya. Halperin // Psychology as objective science. – Moscow; Voronezh, 1998. – 480 pages.

120. Gansen, V. A. Systemic descriptions in psychology / V. A. Gansen. – Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1984. – 176 pages.

121. Behavior genomics: childhood development and education / ed. S. B. Malykh, Yu. V. Kovas, D. A. Gaisina. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2016. – 446 pages.

122. Gogoberidze, A. G. Family and kindergarten cooperation: new partnership formats / A. G Gogoberidze, O. S. Pavlova // Family and modern society. Series.

"Family and children in the modern world." – St. Petersburg: Publishing house "Social and humanitarian knowledge," 2017. – Page 311–315.

123. Godfroix, J. What is psychology/J. Godfroix. - In 2 t. - T. 1. – Moscow: World, 1996. – 491 pages.

124. Golovey, L. A. Family factors of trust formation and satisfaction with life in adolescence / L. A. Golovey, Yu. Yu. Danilova//Bulletin of St. Petersburg University. Sociology, 2015. – № 1. – Page 28–37.

125. Golovey, L. A. Family structure and family education as factors for the development of the personality of a preschool / L. A. Golovey, V. E. Vasilenko, S. S. Savenysheva // Social psychology and society, 2016. – T. 7. – № 2. – Page 5–18.

126. Gorbachev, V.I. Methodological grounds for the theoretical study of fathering / V.I. Gorbachev, D.V. Maltsev//Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art History, 2011. – № 3 (65). – S. 216–230.

127. Gordon, T. Improving parental effectiveness / T. Gordon//Popular pedagogy. – Yekaterinburg, 1997. – 273 pages.

128. Gorelov, A. A. Childhood as a special spatial - temporary substance of the participation of a growing person in the adult world (socialization and individualization) in the context of the fundamental ideas of academician D. I. Feldstein / A. A. Gorelov, L. A. Grigorovich, O. G. Rumba // Culture physical and health, 2015. – № 4 (55). – Page 20–24.

129. Gorelov, A. A. Awareness through movement as a determinant of the individual's personal self-development / A. A. Gorelov, S. A. Gorelov, L. A. Grigorovich // Theory and practice of physical culture, 2015. – № 2. – Page 50–53.

130. Goroshenkina, E. A. Stereotypes of perception: the image of the father in the framework of the educational process / E. A. Goroshenkina // Society. Gender. History: a collection of articles and theses of reports of the VII All-Russian Scientific Conference with international participation. Lipetsk: Center for Gender and Human Rights, Research Institute of Lipetsk State Technical University, 2015. – C. 8–11.0

131. Gorshkova, N. M. The influence of paternal deprivation on the formation of a bodily image-I in preschool children / N. M. Gorshkova // Bulletin of the University (State University of Management), 2013. – № 13. – Page 191–194.

132. Gorshkova, N. M. Features of body image in preschool children brought up without a father in various periods of childhood / N. M. Gorshkova, E. V. Filippova // Psychological science and education, 2013. – № 3. – Page 66–77.

133. Gubanova, M.I. Teacher and student: literacy, competence, technicality –textbook / M.I. Gubanova, E.P. Lebedev. Kemerovo: Kuzbass Regional Institute for Advanced Training and Retraining of Education Workers, 2013. – 167 pages.

134. Gubanova, M.I. Functional literacy of junior schoolchildren: problems and prospects of formation / M.I. Gubanova, E.P. Lebedeva // Elementary school plus before and after, 2009. – № 12. – 65–68.

135. Guzeev, V.V. Fundamentals of educational technology: didactic instrumentation. / V.V. Guzeev. – Moscow: September, 2006. – 192 pages.

136. Gukasova, G. S. Socio-psychological and socio-pedagogical characteristics of motherhood and fathering as a phenomenon / T. A. Gukasova // Siberian Pedagogical Journal. 2012. № 4. Page 78–81.

137. Gurko, T. A. Variability of representations in the field of parenthood / T. A. Gurko // Sossis, 2000. – No. 10. – Page 90–97.

138. Gurko, T. A. Parenthood: sociological aspects / T. A. Gurko. – Moscow: Center for Universal Values, 2003. – 164 pages.

139. Gutkina, N.I. Personal reflection in adolescence: diss.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.07/N. I. Gutkina. – Moscow, 1983. – 176 pages.

140. Danilova, Yu. A. Three-dimensional model of fathering: a socio-psychological approach / Yu. A. Danilova // European Social Science Journal, 2014. – № 7–2(46). – C. 339–345.

141. Dementia, L.I. Life strategies: monograph / L.I. Dementy, V.E. Kupchenko. – Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, 2010. – 192 pages.

142. Dementyeva, I.F. Negative factors of raising children in an incomplete family / I.F. Dementyeva // Socis, 2001. – № 11. – Page 108–114.

143. Demina, A. S. Psychological readiness for motherhood in the period of early adulthood / A. S. Demina // Bulletin of Kemerovo State University, 2013. – № 4–2(56). – S. 88–92.

144. Dzukaeva, V.P. Separation and individuation in relations with his father at a young age / V.P. Dzukaeva // Psychological problems of the modern family collection of theses of the VI International Scientific Conference/Edited by: O. A. Karabanova., E.I. Zakharova, S. M. Churbanova., N. N. Vasyagina. – Moscow – Zvenigorod, 2015. – 1387 p. – S. 257–274.

145. Dick-Reed, G. Rhoda without fear / G. Dick-Reed. – St. Petersburg: Peter, 1997. – 345 pages.

146. Diltey, V. Descriptive psychology / V. Diltey. – St. Petersburg, 1995. – 160 pages.

147. Dmitrieva, N.V. Psychological factors of the transformation of personality identity: autoref. diss. Doctors of Psychological Sciences: 19.00.01 / N.V. Dmitrieva. - Novosibirsk, 1999. – 36 pages.

148. Dobryakov, I.V. Perinatal psychology / I.V. Dobryakov. – St. Petersburg: Peter, 2010. – 272 s.

149. Dolgov, Yu. N. Typology of personality life strategies / Yu. N. Dolgov, T. N. Smotrova // Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology: a collection of articles on the materials of the IX international scientific and practical conference. – Part III. – Novosibirsk: SibAK, 2011. – S. 34–39.

150. Dontsov, A. I. Children and adolescents subjected to ill-treatment and violence/A. I. Dontsov, D. A. Dontsov, M. V. Dontsov//Educational technologies, 2012. – № 3. – Page 108.

151. Druzhinin, V.N. Psychology of the family / V.N. Druzhinin. – St. Petersburg: Peter, 2006. – 176 pages.

152. Dubrovina, I.V. Psychological readiness for family life as an aspect of self-determination / I.V. Dubrovina // Family, marriage and parenthood in modern Russia.

Issue 2. / Edited by A.V. Makhnach, K. B. Zuev. – Moscow: Publishing House: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2015. – page 86–95.

153. Dubrovina, I.V. Parental family as the first stage of continuing education / I.V. Dubrovina // Man as a subject of interdisciplinary humanitarian knowledge: Collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference. / Ed. L.F. Uvarova, E.V. Fedosenko. – St. Petersburg: Publishing House: LLC NIC ART, 2015. – Page 306–309.

154. Dumitrashku, T. A. Family structure and cognitive development of the family / T. A. Dumitrashku//Questions of psychology. – 1996. – № 2. – Page 104–113.

155. Dunaeva, L. A. Parents of students are my main assistants / L. A. Dunaeva // Elementary school, 2007. – № 4. – Page 13–15.

156. Evdokimova, E.V. Parental relations: multidimensional and ambivalence / E.V. Evdokimova // Family and personality: problems of interaction, 2014. – № 2. – S. 30–35.

157. Evseenkova (Borisenko), Yu. V. Gender aspects of the formation of parental feelings during the waiting period of the child / Yu. V. Evseenkova // Woman. Education. Democracy. Materials of the 5th International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference (December 6–7, 2002). – Mn.: LCD "ENVILA," 2003. – Page 223.

158. Evseenkova (Borisenko), Yu. V. Experience in the study of productive fathering in the framework of working with a training group / Yu. V. Evseenkova, N.V. Dmitrieva // Bulletin of Kemerovo State University, 2005 – No. 2 (22). – S. 81–87.

159. Evseenkova (Borisenko), Yu. V. Fathering as a psychological factor in personality development: autoref. diss... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.01 / Yu. V. Evseenkova. – Novosibirsk, 2006. – 16 pages.

160. Evseenkova (Borisenko), Yu. V. Fathering as a socio-psychological phenomenon at the turn of the millennium / Yu. V. Evseenkova, A. G. Portnova // Philosophy of education, 2003. – NO. 11 – C. 160–165.

161. Evsyukova, N. I. Psychological and pedagogical conditions for the formation of readiness of young men of pre-conscription age for service in the armed forces / N. I. Evsyukova – Vladimir: VGSU, 2009. – 192 pages.

162. Yevtushenko, I.N. Preparation of teachers of a preschool educational institution for the implementation of gender education of children of preschool age / I.N. Yevtushenko // Formation of basic professional competencies of future teachers in the context of the implementation of new educational standards and a university textbook: a collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference of teachers of pedagogical universities. – Moscow: Balass, 2009. – C. 283–287.

163. Efimova A. A. Parenting as a systemic psychological and pedagogical phenomenon / A. A. Efimova, Yu. A. Tokarev // Pedagogical skills and pedagogical technologies, 2016. – № 2 (8). – C. 285–288.

164. Jean, P. Psychological evolution of personality / P. Jean. – Moscow: Academic project, 2010. – 399 pages.

165. Zhukov, D. A. Biology of behavior: humoral mechanisms. / D. A. Zhukov. – Moscow: Speech, 2007. – 443 pages.

166. Zhukov, D. A. Stop, who leads? Biology of human behavior and other animals (set of 2 books) / D. A. Zhukov. – Moscow: Alpina non-fiction, 2016. – 802 pages.

167. Zadorova, Yu. A. Study of attachment in the family relationship system (on the example of a child-mother-grandmother triad) / Yu. A. Zadorova, E.V. Kuftyak. // Psychology - the science of the future: Materials of the VII International Conference of Young Scientists "Psychology - the science of the future. "/Ed. A.L. ZhZhuravleva, E. – Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2017. – C. 277–281.

168. Zadorova, Yu. A. Translation of patterns of attachment in generations of the family/Yu. A. Zadorova, E.V. Kuftyak. // Medical psychology in Russia: electron. scientific. magazine. – 2017. – T. 9, № 2(43). C. 10 [Electronic resource]. – URL: http://mprj.ru (case date: 20.03.2018).

169. Zaigraev, N.V. Gender socialization and half-role representations of adolescents with intellectual insufficiency / N.V. Zaigraev,

I.A. Korobeinikov // Defectology. 2007. № 2. Page 15–24.

170. Zaluzhnaya, M.V. Program-targeted approach in the process of formation of responsible fathering / M.V. Zaluzhnaya//Modern knowledge-intensive technologies, 2016. – № 10–1. – S. 132–135.

171. Zakharova, E. I., Conditions for the formation of maternal identity / E. I. Zakharova, Yu. A. Torchinova // News of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky, 2012. – № 28. (Social sciences). – S. 1234–1240.

172. Zakharova, E.I. Mastering the parental position as a trajectory of age-psychological development in adulthood / E.I. Zakharova // Pedagogical education in Russia, 2015. – № 11. – C. 151–156.

173. Zakharova, E.I. Psychology of the development of parenthood / E.I. Zakharova. – Moscow: IIU MGOU, 2014. – 258 pages.

174. Zakharova, E.I. Parenthood as a resource of personal development in maturity//Proceedings of the Department of Age Psychology of the Faculty of Psychology of Moscow State University. – Issue 1. – M. Publishing House of Moscow State University, 2007. – Page 25–40

175. Zakharova, I.V. The role of parents in the gender socialization of the child / I.V. Zakharova // Young scientist, 2011. – № 5–2. – S. 140–142.

176. Zvonareva, A. E. Soviet fathering: the formation, design and transformation of practices / A. E. Zvonareva. – Ivanovo: Ivanovsky. State University, 2014. – 152 s.

177. Szdomyslov, A. G. Needs, interests, values A. G. Szdomyslov. – Moscow, 1986. – 222 c.

178. Zinchenko, Yu. P. Postneclassical methodology in clinical psychology: the scientific school of L.S. Vygotsky – A.R. Luria/Yu. P. Zinchenko, E.I. Primary // National Psychological Journal. 2012. – № 2. – Page 32–45.

179. Ivannikov, V. A. Psychological mechanisms of strong-willed regulation. Tutorial: 3rd edition / V. A. Ivannikov. – St. Petersburg: Peter, 2006. – 208 s.

180. Ignatova, O. V. Stereotype of masculinity in the patriarchal culture of modern society (within the framework of the concept of modern Jungian psychoanalysis) / O. V.

Ignatova, A.V. Kosov // Current problems of psychological knowledge, 2010. – № 2. – S. 65–70.

181. Ilyin, E.P. Differential psychophysiology of men and women / E.P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter. – 2002. – 678 c.

182. Ilyinykh, A.V. Specifics of the father's influence on the development of the child's personality / A.V. Ilyinykh // Collection of reports of the II International Scientific and Practical Correspondence Conference (November 30, 2015) / Scientific Editor A.V. Gumerov. – Kazan: Roketa Soyuz LLC, 2015. – 252 p. – S. 59–64.

183. Irgit, E. L. Study of the awareness of parenthood among fathers / E. L. Irgit // Topical problems of the study of the ethno-ecological and ethno-cultural traditions of the peoples of Sayano-Altai. Materials of the III International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Graduate Students and Students - Kyzyl: Publishing House of TuvSU, 2015. – 266 p. – S. 54–56.

184. Study of child-parental relationships. Guidelines for the course "Family counseling " / compacts. T.N. Martynova. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. – 27 pages.

185. Kabalevskaya, A. I. Features of gender behavior of drivers / A. I. Kabalevskaya, A. I. Dontsov // Psychology issues, 2013. – No. 4. – Page 69–87.

186. Kazin, E. M. Ontogenez. Adaptation. Health. Education: textbook / E. M. Kazin, O. G. Krasnoshlykova, E. V. Belonogova, N. G. Blinova, T. V. Volosovets, E. V. Pratsun, T. I. Rukas. Kemerovo: Kuzbass Regional Institute for Advanced Training and Retraining of Education Workers, 2011. – 499 pages.

187. Kalinina, R. R. Psychological and pedagogical diagnostics in kindergarten: Educational and methodological manual / R. R. Kalinina. – St. Petersburg: Publishing House "Speech," 2011. – 144 pages.

188. Karabanova, O. A. Psychology of Family Relations / O. A. Karabanova. – Samara: SIOKPP, 2001. – 122 pages.

189. Karabushchenko, N. B. The problem of activity as a formation of subjectivity in postneclassical psychology / N. B. Karabushchenko, A. V. Ivashchenko, T. S. Pilishvili, T. V. Chkhikvadze//Psychological journal, 2016. – T. 37. – № 3. –

Page 15 – 24.

190. Karakozov, S. D. Using the inter-paradigm approach in the conditions of the polyparadigmality of modern education: relevance and essence / S. D. Karakozov, N. Yu. Korolev, N. I. Ryzhova // World of science, culture, education, 2011. – № 5. – Page 146–150.

191. Karpov, A.V. Reflexivity as a mental property and methods of its diagnosis / A.V. Karpov//Psychological journal, 2003. – T. 24. – № 5. – Page 45–57.

192. Karpov, A.V. Systemogenesis of activity. The game. Teaching. Labor. – Monograph. – Tom. 2. Systemogenesis of gaming activity: methodological and theoretical foundations of research / A. V. Karpov, V. D. Shadrtkov, E. V. Karpov, L. Yu. Subbotin. – Yaroslavl: Publishing House: P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2017. – 492 pages.

193. Kasatkina, E. I. Gender approach in the education of preschoolers (based on the material for making toys from catchy material) [Electronic resource] E. I. Kasatkina // Collection of materials of the Annual International Scientific and Practical Conference "Education and Training of Young Children," 2014. – № 2. – Access mode: http://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-vospitanii-doshkolnikov-na-materiale-izgotovleniya-igrushek-iz-brosovogo-materiala (call date: 30.11.2017).

194. Kashirsky, D.V. Development of values ideals in the transition stage from preschool to junior school age / D.V. Kashirsky, O. S. Bezuglyak // Polzunovsky bulletin, 2006. – № 3. – FROM 116–124.

195. Kashchenko, E. A. Sexuality from conception to death: ontogenesis of sexuality / E. A. Kashchenko, S. T. Agarkov. – Moscow: Publishing solutions, 2015. – 292 pages.

196. Kedyarova, E. A. Specifics of paternal attitude to preschool children / E. A. Kedyarova // In the world of scientific discoveries, 2013. – № 11.4(47). – S. 151–160.

197. Kibalnik, A.V. The problem of mastering student youth with constructive strategies for overcoming difficult life situations: experience in empirical research / A.V. Kibalnik // Modern studies of social problems, 2015. – № 8(52). – S. 279–293.

198. Klecina, I. S. The relationship between the norms of masculinity and social ideas about the content of behavior within the framework of paternal role / I. S. Klecin, E. A. Chikalova // Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2013. – T. 5. – № 2. – S. 24–35.

199. Klecina, I. S. Fathering in analytical approaches to the study of masculinity / I. S. Klecina // Woman in Russian society, 2009. – № 3. – S. 29–41.

200. Klimova, K. A. On the formation of responsibility in children 6–7 years old / K. A. Klimova//Formation of collective relationships in children of older preschool age. – Moscow: Enlightenment, 1968. – C. 328–353.

201. Klochko, V.E. Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the personality (introduction to transpective analysis) / V.E. Klochko. – Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2005. – 189 pages.

202. Kovaleva, E.O. Image of an ideal father: features of ideas among young men / E.O. Kovalev // Modern problems of science and education, 2014. – №1. – C. 418.

203. Kovaleva, Yu. V. Joint regulation of the behavior of spouses at various stages of the family life cycle / Yu. V. Kovaleva // Psychological journal, 2012. – T. 33. – № 5. – S. 50–70.

204. Codess, P. B. features of the formation of the life strategy of high school students: autoref. diss.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.13 / P. B. Codess. – Moscow, 2005. – 24 s.

205. Kokorenko, V. L. Fathering as a socio-psychological phenomenon / V. L. Kokorenko // Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 2009. – T. 11. – № 1. – S. 13–19.

206. Kolmogorova, L. S. Diagnosis of the psychological culture of schoolchildren: a practical manual for school psychologists / L. S. Kolmogorova. – Moscow: Vlados, 2002. – 260 pages.

207. Koltsova, V. A. Socio-psychological problems of patriotism and the peculiarities of his education in modern Russian society / V. A. Koltsova, V. A. Sosnin // Psychological journal, 2015. – T. 26. – № 4. – Page 89.

208. Cohn, I. S. Man in a Changing World / I. S. Cohn. – Moscow: Time, 2009. – 496 pages.

209. Cohn, I. S. Discovery "I " / I. S. Cohn. – Moscow: Politizdat, 1978. – 367 pages.

210. Kon, I. S. Child and Society: textbook for undergraduate students / I. S. Kon. – Moscow: Publishing Center "Academy," 2003. – 336 pages.

211. Cohn, I.S. Boy - father of a man/I.S. Cohn. – Moscow: Time, 2010. – 704 pages.

212. Konovalova, L. A. The role of interpersonal perception in the father-daughter dyad in the formation of the student's personality / L. A. Konovalova, M. K. Voronin // Additional professional education in the conditions of modernization: materials from the sixth All-Russian scientific and practical Internet conference (with international participation)/under scientific. ed. M.V. Novikova. – Yaroslavl: Publishing House of YAGPU, 2014. – 240 p. – S. 174–180.

213. Konopkin, O. A. The general ability to self-regulate as a factor in subjective development / O. A. Konopkin // Questions of psychology, 2004. – № 2. – Page 128– 135.

214. Konstantinova, E. B. Secondary employment of students as a factor in the formation of life strategies: autoref. diss.... Candidate Sociol. sciences: 22.00.06 / E. B. Konstantinov. – Yekaterinburg, 2006. – 22 pages.

215. Korkina, N. A. Fathering in a modern family / N. A Korkina // Family psychology and family therapy, 2003. – No. 4. – Page 48–54.

216. Kormachev, A.V. Psychological characteristics of readiness for action in the detection of explosives and devices / A.V. Kormachev, S.V. Chichin // Psychopedagology in law enforcement agencies, 2000. – № 2. – C. 62–66.

217. Kornienko, D. S. Fatherly attitude in connection with the family configuration / D. S. Kornienko, E. N. Krasilnikova, E. N. Rotmanova // Modern problems of science and education, 2013. – NO. 5. – S. 627.

218. Kornienko, D. S. Development, adaptation and psychometric verification of the questionnaire "claims of fathering " / D. S. Kornienko, F. V. Derish, E. N. Krasilnikova // Basic research, 2013. – № 10–8. – S. 1825–1829.

219. Kochubey, B.I. Man and child / B.I. Kochubey. – Moscow: Knowledge, 1990. – 80 s.

220. Koshel, G.V. Formation of the child's personality, in the absence of one of the parents / G. G. Koshel // Young scientist: challenges and prospects. Collection of articles on the materials of the I International Scientific and Practical Conference. – Moscow: Internauka, 2015. – S. 83–88.

221. Kraig, G. Psychology of Development / G. Kraig, D. Bokum. – 9th ed. – St. Petersburg: Peter, 2004. – 940 pages.

222. Krasavtseva, N. I. Gender education in the conditions of the GEF DO [Electronic resource] / N. I. Krasavtseva. – Access mode http://nsportal.ru/detskii-sad/vospitatelnaya-rabota/2015/12/17/gendernoe-vospitanie-v-usloviyah-fgos-do (call date 21.03.2017)

223. Krasilnikova, E. N. Fathering models as a factor in differences in child-parental relations / E. N. Krasilnikova // Psychological problems of the modern family. Collection of theses of the VI International Scientific Conference/Edited by: O. A. Karabanova., E. I. Zakharova, S. M. Churbanova., N. N. Vasyagina. – Moscow – Zvenigorod, 2015. – 1387 p. – S. 649–654.

224. Krasnova, O. V. The role of grandmother: comparative analysis / O. V. Krasnova // Psychology of maturity and aging. – 2000. – № 2. – Page 89–114.

225. Krasnoryadtseva O. M. Readiness for Initiative Behavior of Student Youth / O. M. Krasnoryadtseva // Siberian Psychological Journal, 2012. – № 46. – S. 76–83.

226. Krasnoryadtseva O. M. Psychological readiness for innovative activities of students and teachers as a characteristic of the educational environment / O. M. Krasnoryadtseva // Bulletin of Tomsk State University, 2012. – № 358. – S. 152–157.

227. Krasnoryadtseva O.M. Motivational readiness of teachers to use psychological information in diagnostic activities / O. M. Krasnoryadtseva // Teacher: science, technology, practice, 1999. – № 2. – S. 81–85.

228. Krasnoshlykova, O. G. Kuzbass Regional Institute for Advanced Training and Retraining of Educational Workers as a center for scientific and methodological support

of priority areas for the development of the education system of the region / O. G. Krasnoshlykova // Teacher of Kuzbass, 2013. – №2 (25). – Page 3–9.

229. Kryukova, T. B. Modern approaches to the study of the problem of psychological readiness for activities in the electric power sector / T. B. Kryukova // Volga Scientific Journal, 2009. – №3. – C. 1–27.

230. Kryukova, T. L. Man as a subject of co-mastering behavior/T . L. Kryukova. // Psychological journal, 2008. – T. 2. – №. 2. – S. 88–95.

231. Kuznetsov, A. A. Implementation of the requirements of the new GEF in the practice of school education / A. A. Kuznetsov//Informatics and education, 2014. – № 5 (254). – Page 3–16.

232. Kukushkina, O. I. Life experience of a child: systematization and generalization. Seasons / O. I. Kukushkina, T.K. Korolevskaya, E. L. Goncharova//Almanach Institute of Correctional Pedagogy RAO, 2012. – № 16. – Page 1–5.

233. Kuftyak E.V. The relationship of the child's attachment to the mother with the relationship of intimacy in the family / E.V. Kuftyak. // From the origins to the present 130 years of organizing a psychological society at Moscow University: a collection of materials from the anniversary conference in 5 volumes. – Moscow: Kogito Center Publishing House, 2015. – S. 119–121.

234. Kuftyak, E.V. Patterns of affection in the family generation: intergenerational transmission / E.V. Kuftyak. // Psychological problems of the modern family: a collection of theses of the VI-th International Scientific Conference. Edited by: Karabanova O.A., Zakharova E.I., Churbanova S.M., Vasyagina N.N. – Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2015. – C. 322–335.

235. Kuftyak, E.V. Factors in the formation of co-behavior in childhood and adolescence / E.V. Kuftyak. // Psychological research, 2012. – № 2(22). – S. 4. – http://psystudy.ru/num/2012n2-22/656-kuftyak22.html#e3 (circulation date 20.03.2018)

236. Langmeyer, J. Mental deprivation in childhood/I. Langmeyer, Z. Mateychek. – Prague: Avicenum, 1984. – 385 pages.

237. Latvian, Yu. A. Specifics of the paternal role: a traditional and new view of the problem/Yu. A Latyshev//Bulletin of Kostroma State University named after N.A.

Nekrasov. – Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile science. Sociokinetics, 2012. – T. 18. – № 4. – S. 36–39.

238. Latysheva, Yu. A. The phenomenon of fathering: modern research / Yu. A Latysheva // Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. – Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile science. Sociokinetics, 2013. – T. 19. – № 1. – S. 47–51.

239. Levina, N. A. Self-wear and mechanisms of psychological protection of young men with an unformed personal-semantic sphere of fathering / N. A. Levin, S. V. Sosov // Psychology of the XXI century. Collection of material from the V International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. – Publishing house: A.S. Pushkin Leningrad State University, 2009. – C. 344–348.

240. Levitskaya, I. A. Professional self-determination as a socio-cultural process / I. A. Levitskaya // Bulletin of Kemerovo State University, 2014. – № 2(2). – Page 136–140.

241. Levkievskaya, E. E. Magical functions of the owner in East Slavic traditional culture / E. E. Levkievskaya // Male collection. Out. 1. Man in traditional culture/Ed. I. A. Morozov. – Moscow: Labyrinth, 2001. – Page 106–114.

242. Levchenko, A.V. Aspects of the personal readiness of a modern man for fathering / A.V. Levchenko // Russian psychological journal, 2008. – T. 5. – № 3. – S. 93–95.

243. Levchenko, A.V. Experience of studying the image of the father and ideas about his own fathering in young men / A.V. Levchenko // Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. – Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile science. Sociokinetics, 2008. –T. 14. – № 6. – S. 165–170.

244. Lelchitsky, I. D. Integration of family and school: philosophical and pedagogical aspect / I. D. Lelchitsky, R. E. Spiridonov // Education and society, 2010. – № 3. – Page 29 – 31.

245. Leonov, N. I. The influence of trust in the organization on the strategies of employee behavior in a conflict situation / N. I. Leonov, I. Yu. Leonova // Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2016. – T. 26. – № 1. – Page 53 – 70.

246. Leontiev, A. N. Activity. Consciousness. Personality / A.N. Leontyev. – Moscow: Politizdat, 1975. – 304 pages.

247. Leontiev, D. A. Methodology for the study of value orientations / D. A. Leontiev. – Moscow: Meaning, 1992. – 17 pages.

248. Leontiev, D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality / D. A. Leontiev. – 2nd, rev. ed. – Moscow: Meaning, 2003. – 487 s.

249. Leontiev, D. A. Test of meaningful orientations / D. A. Leontyev. – Moscow: Meaning, 1992. – 16 pages.

250. Leontiev, D. A. The phenomenon of responsibility: between incontinence and hypercontrol / D. A. Leontiev // Existential dimension in counseling and psychotherapy. - Vilnius: VEAET, 2005. – T 2. – Page 122.

251. Leaders, A. G. Family as a psychological system. Essays on family psychology / A. G. Leaders. – Moscow – Obninsk: "IS - SOCIN," 2004. – 296 pages.

252. Litvinova, O. Yu. Subjective position as a condition for the formation of the psychological readiness of a soldier for activity in extreme conditions / O. Yu. Litvinova // Theory and practice of social development. – Moscow: LLC Publishing House KHORS, 2012. – № 12. – S. 177–180.

253. Likhachev, B.T. Pedagogy: lecture course / B.T. Likhachev; ed. V. A. Slastenin. – Moscow: Humanitar, VLADOS, 2010. – 647 s

254. Loginova, I.O. Psychology of life self-realization / I.O. Loginova. – Moscow: Publishing House of SSU, 2009. – 279 sec.

255. Lomov, B.F. Personality as a product and subject of social relations / B.F. Lomov // Psychology of personality in socialist society: Activity and development of personality. – M.N. Science, 1989. – Page 6–23.

256. Lukatsky, M. A. Anthropological facets of the socialization process / M. A. Lukatsky // Theory and practice of education: pedagogy and psychology: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of L.S. Vygotsky. – Moscow: Moscow Psychological and Social University, 2016. – Page 424 – 427.

257. Lukov, M. Yu. Autonomy of personality as a prerequisite for men to accept their paternal role / M. Yu. Lukov // Bulletin of Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, 2013. – № 74–2. – S. 82–85.

258. Lytova, E. S. Psychological features of modern fathering / E. S. Lytova // Trends in the development of modern society materials of the II International Scientific and Practical Conference. – Volzhsky: Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, 2013. – C. 381–383.

259. Lyakso, E.E. Some characteristics of maternal speech addressed to infants of the first half of life / E.E. Lyakso//Psychological journal, 2002. – T. 23. – № 2. – Page 47–54.

260. Lyakhova, M. A. Value components of the life strategies of university students brought up outside the parental family: autoref. diss. Candidate of Psychological Sciences: 19.00.07 / M. A. Lyakhova. – Kemerovo 2011. – 23 pages.

261. Maksimova, V.N. Akmeological theory in the context of the problem of the quality of education / V.N. Maksimova // Pedagogy, 2002. – № 2. – Page 9–14.

262. Malaeva, M.V. Structural component of the parental sphere in men / M.V. Malaeva // Young scientist: challenges and prospects. a collection of articles on the materials of the IX international correspondence scientific and practical conference. – № 7(9). – Moscow, Ed. Internauka, 2016. – 535 p. – S. 97–101.

263. Markelova, A.V. Psychological and social assistance to young spouses in preparation for parenthood / A.V. Markelova//Science, education, society: problems and development prospects a collection of scientific works based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. – Tambov: AR-Consalt, 2015. – S. 87–89.

264. Markova, M. Yu. Fundamentals of effective targeting: training program / M. Yu. Markov. – Nizhnekamsk: Nizhnekamsk Municipal Institute, 2011. – 45 s.

265. Markovskaya, I. M. Male family roles in the picture of the world of different generations / I. M. Markovskaya // Family psychology and family therapy, 2003. – № 4. – Page 56.

266. Markovskaya, I. M. Training on the interaction of parents with children. Goals, tasks and basic principles / I. M. Markovskaya. – Moscow: Publishing house "Speech," 2005. – 150 pages.

267. Maslow, A. New frontiers of human nature / A. Maslow. – Under the general ed. G. A. Balla, A. I. Kirichuk, D. A. Leontyev. – Moscow: Meaning, 1999. – 421 pages.

268. Maslow, A. Self-actualizing personality / A. Maslow // Psychology of personality: Texts / Ed. Yu. B. Hippenreiter, A. A. Bubble. – Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1982. – 287 pages.

269. Matyukhina, M.V. Age and pedagogical psychology / M.V. Matyukhina. – Moscow, 2011. – Page. 68–93.

270. Matyukhina, M.V. Study and formation of the motivation of teaching among younger schoolchildren: Textbook / M.V. Matyukhina. – Volgograd: VGPI, 1983. – 72 s.

271. Mdivani, M. O. Methodology for the study of life strategies / M. O. Mdivani, P. B. Codess, // Questions of psychology, 2006. – № 4. – FROM 146–150.

272. Medvedev, A. M Fathering: the image of the modern pope / A. M. Medvedev, T. K. Rostovskaya // Social technologies for working with young people: new times - new solutions. Materials of the inter-university scientific-practical conference. Collection of scientific articles. – Moscow: Perspective, 2016. – S. 152–157.

273. Meshcheryakova, S.Yu. Psychological readiness for motherhood/S. Yu. Meshcheryakova // Questions of psychology, 2000. – № 5. – Page 18–27.

274. Mead J. G. Favorites: Sat. Translations / Comp. and translator V. G. Nikolaev. Otv. ed. D.V. Efremenko. – Moscow: RAS. INION. Center Social. nauchn. - an inform. research. Otd. sociology and social. psychology, 2009. – 290 sec

275. Mikhailova, A. I. Fathering as a new type of parents in the context of scientific knowledge / A. I. Mikhailov // Bulletin of Transbaikal State University, 2012. – № 12. – S. 70–79.

276. Mikhailova, A. I. Sociocultural determination of parenthood: paternal version / A. I. Mikhailov // Scientific notes of Transbaikal State University. – Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work, 2010. – № 4. – S. 169–172.

277. Mikhailova, E.V. Pedagogical conditions for the formation of moral values among younger schoolchildren in extra-time activities: autoref. diss.... Cand. ped. sciences: 13.00.01 / E.V. Mikhailova. – Moscow, 2007. – 20 pages.

278. Mikheeva, N. D. "Methodology of unfinished situations (MNS) for the diagnosis of parental competence" / N. D. Mikheeva // Social and emotional intelligence: From processes to measurements. – Moscow: Publishing House IP RAS, 2009. – Page 279–296.

279. Morozova, V. A. Parental internal conflicts and their implementation in child-parental relations / V. A. Morozova // Psychology of learning, 2009. – № 5. – S. 46–55.

280. Morozova, I. S. Probation of the questionnaire "Reproductive motives" / I. S. Morozova, K.N. Belogay, Yu. V. Borisenko, T. O. Ott // Bulletin of KemSU, 2014. – № 3(59). – T. 3. – C. 140–146.

281. Morozova, I. S. Dynamics of meaningful characteristics of the value-motivation component of the psychological readiness of students for professional activity at various stages of study at the university / I. S. Morozov, E. V. Voronov // Bulletin of Kemerovo State University, 2016. – № 2. – S. 120–125.

282. Morozova, I. S. Problems of preventing abortive behavior of youth / I. S. Morozova, Yu. V. Borisenko, K.N. Belogay, T.O. Ott // Bulletin of KemSU, 2015. – № 4 (64). – T.1. – Page 90–95.

283. Morozova, I. S. Psychology of Family Relations: a textbook / I. S. Morozova, K. N. Belogay, Yu. V. Borisenko. – Kemerovo, 2012. – 424 pages.

284. Morozova, I. S. Technologies for the formation of constructive reproductive motivation and prevention of abortive behavior of youth: educational and methodological manual / I. S. Morozova, Yu. V. Borisenko, K. N. Belogay, T. O. Ott. – Kemerovo, 2014. – 158 pages (2014b)

285. Morozova, I. S. The role of the type of parental behavior in the process of developing the psychological sovereignty of a teenager / I. S. Morozov, N. A. Vikdorov // Bulletin of Kemerovo State University, 2015. – № 1–1 (61). – S. 135–138.

286. Morosanova, V.I. Self-consciousness and self-regulation of behavior / V.I. Morosanova, E.A. Aronova. – Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2007. – 213 pages.

287. Muzdybayev, K. Psychology of responsibility / K. Muzdybayev. – L.: Science, 1983. – 240 pages.

288. Muzdybayev, K. Life satisfaction, feeling of happiness, experiencing the meaning of one's own being / K. Muzdybayev // Working class of the USSR at the turn of the 80s. – Moscow: INION ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR, 1981. – Page 181–198.

289. Mukhina, V. S. Children's psychology /V. S. Mukhina. – Moscow: EKSMO-PRESS April - press, 2000. – 352 pages.

290. Myasishchev, V.N. Social psychology and psychology of relations V.N. Myasishchev // Problems of general psychology. – Moscow: Science, 1965. – Page 6–17.

291. Nadirashvili, Sh. A. Installation and activity / Sh. A. Nadirashvili. – Tbilisi: Metzniereba, 1987. – 361 pages.

292. Naumova, N.F. Life Strategy of a Person in a Transitional Society / N.F. Naumova // Sociological Journal, 1995. – № 2. – S. 5–22.

293. Naumova, N.F. Sociological and psychological aspects of targeted behavior / N.F. Naumova. – Moscow, 1988. – 199 pages.

294. Nekrasov, S. D. We define the concept of "fathering" / S. D. Nekrasov, Z. I. Ryabikina, A. R. Tivodar // Polythematic Network Electronic Scientific Journal of Kuban State Agrarian University, 2013. - № 86. - S. 852-862.

295. Nechaev, N. N. Development and training: under what conditions can training become "developing" ? / N. N. Nechaev // Russian Psychological Journal, 2015. – T. 12. – № 3. – Page 70–88.

296. Nigmatulin, V. A. Study of normative ideas about the social role of the father in older adolescents / V. A. Nigmatulin, T. B. Bulygin // Psychology and the modern world materials of the All-Russian Scientific Conference of students, graduate students

and young scientists with international participation. – Arkhangelsk: North (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2016. – S. 99–102.

297. Nikolaev, N. N. Types of families in modern Russian society (socio-philosophical analysis): diss.... cand.a philosopher. sciences: 09.00. 11/N. N. Nikolaev. – Rostov-on-Don, 2007 – 224 s.

298. Novichkova, N. I. The role of the family in the process of moral education of a child / N. I. Novichkova // Trends in the development of modern society. Collection of materials of the IV international scientific and practical conference "Trends in the development of modern society." – Volzhsky: Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, 2015. – Page 320–327.

299. Newfeld, G. Do not miss your children/G. Newfeld, G. Mate. – Moscow: Resource, 2012. – 384 pages.

300. Ovcharova, R.V. Psychological accompaniment of parenthood / R.V. Ovcharova. – Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2003. – 205 pages.

301. Ovcharova, R.V. Psychology of Parenthood: text. manual for students of higher educational institutions / R.V. Ovcharova. – Moscow: Publishing Center "Academy," 2005. – 368 pages.

302. Ovcharova, R. V. Standardization of the methodology for studying the motivational and need sphere of fathering / R. V. Ovcharova, Yu. A. Tokarev // News of the Ural Federal University. – Series 1: Problems of education, science and culture, 2010. – T. 78. – № 3. – S. 75–82.

303. Ovchinnikov, M.V. The role of the father in the formation of personal helplessness in children / M.V. Ovchinnikov, Yu. V. Chestyunin, K. Yu., Evnin, E. A. Evstafeev // Fundamental science and technology – promising developments Materials of the IV international scientific and practical conference. – North Charleston: Academic Research and Publishing Center, 2014. – P. 72.

304. Ozhegov, S. I. Interpretive Dictionary of the Russian Language / S. I. Ozhegov. – Moscow: Publishing House AST LLC: Publishing House Mir and Education, 2014. – 736 pages.

305. Olifirovich, N. I. Family crises: feminology, diagnosis, psychological assistance. / N. I. Olifirovich, T. A. Zinkevich-Kuzemkina, T. F. Velenta. – M.-Obninsk: "IG-SOSIN," 2005. – 356 pages.

306. Alport, G. Personality formation: Selected works / G. Alport. – Moscow: Meaning, 2002. – 462 pages.

307. Olson, L. Tradition, transgression, compromise. Worlds of a Russian village woman / L. Olson, S. Adoniev. – Moscow: New Literary Review, 2016. – 444 pages.

308. Orekhovsky, A. I. Responsibility and its social nature (Methodological aspect) / A. I. Orekhovsky. – Tomsk, 1978. – Page 3–13.

309. Osipova, A. A. To the question of strategies for overcoming psychological barriers / A. A. Osipova, M. V. Prokopenko // Russian psychological journal, 2014. – T. 11. – № 4. – S. 38–54.

310. Osmolovskaya, I. M. The problem of interdisciplinary in the research of the learning process / I. M. Osmolovskaya, L. A. Krasnova // Education and science, 2017. – T. 19. – № 7. – Page 9–24.

311. Ott, T. O. Features of self-regulation of students' educational activities at the initial stages of study at the university / T. O. Ott, I. S. Morozova // Bulletin of KemSU, 2011. – № 1(45). – page 124–131.

312. Panina, T.S. Adult Education: Development Prospects / T.S. Panina, L.N. Vavilova // Vocational Education. Capital, 2010. – № 12. – Page 31–33

313. Pastukhova, M.V. The influence of relations with the father on the development of self-esteem of a primary school-age child / M.V. Pastukhova // Russian Medical and Biological Bulletin named after Academician I.P. Pavlov, 2010. – № 3. – S. 91–96.

314. Pastukhova, M.V. Psychological aspects of the problems of deviant fathering / M.V. Pastukhova // Woman in Russian society, 2011. – № 2. – S. 88–93.

315. Pedagogical support of a child in education: text. manual for students of higher educational institutions / edited by V. A. Slastenin, I. A. Kolesnikova. – Moscow: Academy, 2006. – 189 pages.

316. Petrova, E. A. Readiness for fathering as a socio-psychological problem / E. A. Petrova, Yu. A. Danilova//Social policy and sociology, 2012. – № 10(88). – S. 184–203.

317. Petronyuk, I. S. Modern problems of the psychology of fathering / I. S. Petronyuk // Bulletin TOGIRRO, 2016. – № 2. – S. 92–94.

318. Piaget, J. Selected psychological works / J. Piaget. – M, 1969. – 680 pages.

319. Platonov, K.K. Structure and personal development / K.K. Platonov. – Moscow: Enlightenment, 1986. – 224 p.

320. Plekhova, V.V. Formation of constructive ways of responding in conflict situations / V.V. Plekhova // Culture and education: from theory to practice, 2015. – T. 1. – № 1. – C. 187–191.

321. Plotnitskaya, M.R. Strategies for the self-realization of the personality with various types of gender identity: autoref. dis.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.01 / M.R. Plotnitskaya – Khabarovsk, 2008. – 24 pages.

322. Pobedinskaya, I.V., Georgieva O.M. Manifestation of gender differences in the playing preferences of boys and girls of preschool age (using the example of choosing toys) [Electronic resource] / I.V. Pobedinskaya, O. M. Georgieva, 2013. – Access mode :// http://nsportal.ru/detskiy-sad/raznoe/2013/03/23/proyavlenie-gendernykh-razlichiy-v-igrovykh-predpochteniyakh-malchikov (case date 26.07.2017)

323. Lead, F.V. Spiritual, moral and psychological health of the future teacher in the context of Orthodox education / F. V. Povshednaya, O. V. Lebedeva // Russian Orthodox Church and Russian Civilization: XXVI Christmas Orthodox and Philosophical Readings. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod state pedagogical university of Kozma Minin, 2017. – Page 177–182.

324. Podkladova, T. D. Male father in family and society: involvement vs. Exclusion / T. D. Podkladova // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, 2016. – № 1(33). – S. 107–112.

325. Podolsky, A. I. Connection of the value orientations of modern adolescents with the psychological characteristics of their teachers and parents / A.I. Podolsky, O.A. Idobaev // National Psychological Journal, 2016. – № 2 (22). – Page 84–93.

326. Polivanova, K. N. Psychology of age crises / K. N. Polivanova. – Moscow: Publishing Center Academy, 2000. – 184 pages.

327. Pomarchuk, T.V. Fathering phenomenon: stages of formation psychological readiness for fathering / T.V. Pomarchuk // Bulletin of Oryol State University. – Series: New Humanitarian Research, 2015. – № 1(42). – S. 360–366.

328. Pomarchuk, T. V. Formation of responsible fathering as a prevention of social risks / T. V. Pomarchuk//Social work: theories, methods, practice. Materials of Internet conferences and seminars, 2016. – T. 3. – № 5. – S. 19–22.

329. Ponomareva, E.V. The value of fathering for a modern man / E.V. Ponomareva // Scientific and methodological electronic journal Concept, 2016. – T. 4. – S. 11–15.

330. Ponomareva, T. A. The influence of the experience of experiencing joint births on the family system / T. A. Ponomareva // Psychology of effective parenthood Materials of the international scientific and practical conference. – Kursk: KGMU, 2011. – C. 354–362.

331. Popova, I. S. Problems of family relations and social perceptions of the image of the child / I. S. Popova // Society: sociology, psychology, pedagogy, 2016. – № 3. – S. 56–58.

332. Popova, P. A. A modern man in the mirror of family life / P. A. Popov. – Moscow: Thought, 1989. – 188 pages.

333. Portnova, A. G. Ontopsychology of maturity: monograph / A. G. Portnova. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009. – 208 pages.

334. Workshop on Gender Psychology / Ed. I. S. Klecina. – St. Petersburg: Peter, 2003. – 479 pages.

335. Prilepsky, O. S. Empirical study of the image of the father and his influence on the choice of a mate among girls / O. S. Prilepsky // World of science, culture, education, 2016. – № 1(56). – C. 265–267.

336. Prokofieva L. M. Fathers and their children after a divorce / L. M. Prokofieva, M.-F. Valetas // Socis, 2002. – № 6. – Page 112–116.

337. Pryadein, V.P. Psychodiagnostics of personality: Selected psychological tests: Workshop / V.P. Pryadein. – Surgut: Surgut State Ped. un-t, 2014. – 215 pages.

338. Psychological dictionary. – Moscow: Pedagogy-Press, 1999. – 439 pages.

339. Purysheva, N. S. The quality of the educational process in high school and the conditions for its organization on the basis of the quality management system / N. S. Purysheva, N. B. Fedorov, O. V. Kuznetsova // School of the Future, 2013. – № 1. – Page 3 – 12.

340. Radosteva, A.G. Influence of family relations on parental attitudes / A.G. Radosteva // Basic research. – 2013. – № 8–5. – Page 1238–1242. – Access mode: https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32118 (call date: 14.02.2017).

341. Radchenko, S. I. Analysis of the phenomenon of fathering in the aspect of its theoretical development within the framework of various scientific areas / S. I. Radchenko, M. A. Fedorov // Scientific notes of Oryol State University. – Series: Humanities and Social Sciences, 2014. – № 5. – C. 381–385.

342. Rice, F. Psychology of adolescence and youth / F. Rice. – St. Petersburg: Peter, 2000. – 616 pages.

343. Ratov, I.P. Wrestling and sports single combats: change of landmarks / I.P. Ratov, Yu.F. Podlipnyak // Theory and practice of physical culture, 1999. – № 10. – Page 27–38.

344. Rakhmanova, V.K. First experience of fathering and attitude to his father / V.K. Rakhmanova // Psychological science and education, 2008. – № 4. S. 48–52.

345. Rean, A. A. Acmeology of Personality / A. A. Rean // Psychological Journal, 2000. – t.21. – №3. – Page 88–95.

346. Reznik, T E. Life strategies of personality / T.E. Reznik, Yu. M. Reznik // Sociological studies, 1995 – № 4 – S 100–105;

347. Reznik, T.E. Methodology for the comprehensive study of personality life strategies / T.E. Reznik // Personality. Culture. Society, 2000. – № 2(3). – Page 40–50.

348. Reznik, Yu. M. Life strategies of personality (experience of complex analysis) / Yu. M. Reznik, E. A. Smirnov. – Moscow: Institute of Human Rights of the Russian Academy of Sciences; Independent Civil Society Institute, 2002. – 250 pages.

349. Reznik, Yu. M. Life strategies of personality: the search for alternatives / Yu. M. Reznik. – Moscow, 1995. – C. 13.

350. Rezko, P.N. Features of male identity in different types of families / P.N. Rezko, A.V. Severin, G.V. Losik // Scientific works SWorld, 2015. – T. 8. – № 4. – S. 18–21.

351. Reprintseva, G.I. Socio-pedagogical paradigm of increasing parental competence by means of additional network education / G.I. Reprintseva//Bulletin of TSPU, 2012. – № 8. – Режим доступа: URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno–pedagogicheskaya–paradigma–povysheniya–roditelskoy–kompetentnosti–sredstvami–dopolnitelnogo–setevogo–obrazovaniya (дата обращения: 14.03.2017).

352. Risman, D. Some types of character and society / D. Risman // Socialogical studies, 1993. – №3.– 121–122.

353. Rogozhina, M.V. Formation of ideas about fathering in young men from incomplete families / M.V. Rogozhina // Modern studies of social problems, 2012. – № 6. – S. 10.

354. Rogers, C. Clientocentric Therapy / C. Rogers. "Per. from English – Moscow: Refl-beech; Kiev: Wakler, 1997. – 320 pages.

355. Rubinstein, S. L. Fundamentals of general psychology / S. L. Rubinstein. – St. Petersburg: ZAO Peter Publishing House, 1999. – 720 pages.

356. Fishing, E.F. Age and differential psychology / E.F. Rybalko. St. Petersburg: Peter, 1990. – 298 pages.

357. Ryabikina, Z. I. Family as a co-existence: the orientation of personality subjectivity to support privacy and personal identity / Z. I. Ryabikina // From the origins to the present: 130 years of organizing a psychological society at Moscow University: a collection of materials from the anniversary conference in 5 volumes. Executive Editor: Epiphany D.B. – Moscow: Kogito Center Publishing House, 2015. – Page 154–156.

358. Ryabysheva, E. N. The influence of reflection on the development of personality / E. N. Ryabysheva // Territory of science, 2014. – № 1. – FROM 49–52.

359. Savenysheva, S. S. Attitude to fathering in men at different stages of parenthood / S. S. Savenysheva // Bulletin of St. Petersburg University. – Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy, 2012. – № 3. – S. 91–102.

360. Sadchikov, A. A. The idea of responsible parents in adolescents (gender aspect) / A. A. Sadchikov // Science and Education: New Times, 2016. – № 3(14). – C. 461–464.

361. Saigusheva, L. I. Development of the problem of labor education of children in Soviet preschool pedagogy / L. I. Saigusheva // Historical and pedagogical journal, 2013. – №4. – Page 121–133.

362. Sanzhaeva, R. D. Dynamics of readiness for professional activity among cadets of paramilitary universities / R. D. Sanzhaev, Yu. V. Bolenko // Bulletin of Buryat State University, 2014. – № 5. – Page 37–43.

363. Sanzhaeva, R. D. Psychological mechanisms for the formation of a person's readiness for activity: dis.... Doctors of Psychological Sciences: 19.00.01 / R.D. Sanzhaev. – Novosibirsk, 1997– 354 c.

364. Sanzhaeva, R.D. Problems of a person's psychological readiness for professional activity / Edited by L. G. Dikoy, T. Kh. Nevstrueva // Personality and professional activity. – Khabarovsk: Publishing House DVGUPS, 2008. – T. 2. – S. 32–46.

365. Satyr, V. Psychotherapy of the family / V. Satyr. – St. Petersburg: Juvenile, 1999. – 284 pages.

366. Safonova, T. O. Level characteristics of self-regulation of personality / T. O. Safonova, I. S. Morozova // Bulletin of KemSU, 2010. – № 3(43). – Page 100–106.

367. Sveshnikov, S. Yu. Mastering by young men the social role of his father in the family / S. Yu. Sveshnikov // Education and society, 2011. – № 2. – S. 28–31.

368. Sviridenko, A. G. Gender socialization in an orphanage as a condition for solving the problem of maladaptation of pupils / A. G. Sviridenko, L. G. Lokotko // Development of continuing education. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference within the framework of the scientific and educational forum "Man, Family and Society: History and Development Prospects," dedicated to the 80th anniversary of the KSPU named after V.P. Astafiev. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2013. – 356 pages – Page 331–335.

369. Sevastyanova, U. Yu. Features of fathering of men with different parental experience / U. Yu. Sevastyanova // Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile science. Sociokinetics, 2012. – T. 18. – № 4. – C. 39–42.

370. Selevko, G.K. Encyclopedia of Educational Technologies. In 2 vols. T. 1. / G.K. Selevko. – Moscow: Public education, 2005. – 816 pages.

371. Semenov, I.N. Types and functions of reflection in scientific thinking / I.N. Semenov, S. Yu. Stepanov // Problems of reflection in scientific knowledge. Kuibyshev: Publishing House of KSU, 1983. – Page 76–82.

372. Semenova, L. E. Gender features of the subjective meaning of parenthood in the period of early and middle adulthood of mono-parents / L. E. Semenova, E. V. Kozhin // Psychological studies of personality development: age, gender and professional aspect. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod state pedagogical university of Kozma Minin, 2014. – S. 128–139.

373. Semenova, L. E. Specifics of parental attitude and subjective perception of fathering in the context of the real experience of monoparticles / L. E. Semenov // Bulletin of Vyatka State Humanities University, 2014. – № 2. – S. 108–111.

374. Serikov, V.V. Personality-developing education as one of the cultural educational models / V.V. Serikov // Izvestia of Volgograd State Pedagogical University, 2016. – T. 106. – № 2. – Page 30–35

375. Gray, A. V. Value orientations as a factor in the formation and development of the system of personal meanings of the individual / A. V. Gray // Issues of general and differential psychology. Collection of scientific works. Issue 3. – Kemerovo, 1999. – S. 354–360.

376. Gray, A. V. Psychological mechanisms of the functioning of the system of personal meanings / A. V. Gray. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002. – 183 pages.

377. Gray, A. V. System of personal meanings: structure, functions, dynamics / A. V. Gray. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004. – 272 pages.

378. Gray, A.V. Value-semantic sphere of personality / Textbook / A.V. Gray, M.S. Yanitsky. – Kemerovo: Kemerovo State University, 1999. – 92 p.

379. Skoblo, G.V. Research issues of postpartum maternal depression in the aspect of their impact on the mental health of children / G.V. Skoblo, L. L. Baz, T. A. Balandina // Topical issues of borderline conditions and addictology. – Tomsk: Publishing House of TSU, 1996. – 116 pages – Page 64.

380. Skoblo, G.V. Mental health in preschool children from mothers with postpartum depression / G.V. Skoblo, L. L. Baz, Z. V. Lukovtseva // Perinatal psychology and parenthood psychology, 2004. – № 7. – S. 19–23.

381. Slobodsky, A. L. On the socio-psychological aspect of responsibility in the activities of a specialist: autoref. Candidate of Psychological Sciences: 19.00.01 / A. L. Slobodsky. – L., 1976. – 16 pages.

382. Slobodchikov, V. I. Integral periodization of general mental development / V. I. Slobodchikov, G. A. Tsukerman // Psychology issues, 1996. – № 5. – S. 38–50.

383. Slobodchikov, V. I. Psychology of Human Development / V. I. Slobodchikov, E. M. Isaev. – Moscow: Publishing House of PSTSU, 2013. – 400 pages.

384. Dictionary of Gender Terms / Ed. A. A. Denisova / Regional Public Organization "East-West: Women's Innovative Projects." – Moscow: Information XXI century, 2002. – 256 pages.

385. Sobkin, V. S. The role of socio-demographic factors and parental position in the development of a preschool child / V. S. Sobkin, A. N. Veraks, D. A. Bukhalenkov, A. V. Fedotov, Yu. A. Khalutin, V. A. Yakupova // Psychological science and education, 2017. – T. 22. – № 2. – Page 5–16.

386. Sorokoumova, S. N. Psychological features of parental-child interaction in the conditions of the center of children's creativity / S. N. Sorokoumova, P. A. Egorova, T. G. Mukhina, F. V. Povshednaya, N. V. Panova // Family and personality: problems of interaction, 2017. – № 7. – Page 102–112.

387. Spivakovskaya, A. S. Features of the psychological correction of an inadequate parental position / A. S. Spivakovskaya // Family and personality formation. Sat. scientific papers / Under. ed. A.A. Bodaleva. – Moscow: RESEARCH INSTITUTE OF OP, 1981. – Page 38–45.

388. Stepanov, P.V. Diagnostics and monitoring of the education process at school / P.V. Stepanov, D.V. Grigoryev, I.V. Kuleshova. – Moscow: Academy: APKiABM, 2003. – 82 c.

389. Stepanov, A. A. The influence of gaming activities on the development of arbitrariness and awareness of the behavior of preschoolers / A. A. Stepanov // Territory of science, 2006. – № 1(1). – 161–165.

390. Stepanov, E. N. Modeling of the educational system of an educational institution: theory, technology, practice / E. N. Stepanov. – Pskov: POIPKRO, 1998. – 263 pages.

391. Stepanova, I. G. Spiritual and moral development of high school students of a modern school / I. G. Stepanova, F. V. Povshednaya // Innovative activity in education a collection of articles on the materials of the III regional scientific and practical conference. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod state pedagogical university of Kozma Minin, 2017. – Page 80–81.

392. Stepin, V. S. Classics, non-classics, post-classics: criteria for distinction // Post-classics: philosophy, science, culture: collective monograph/ed. L. P. Kiyashchenko, V. S. Stepin. – St. Petersburg, 2009. – Page 249–295.

393. Stolin, V.V. Family in psychological consultation: Experience and problems of psychological counseling/edited by A.A. Bodaleva, V.V. Stolin. – Moscow: Pedagogy, 1989. – 208 pages.

394. Subbotina, L. G. Psychological and pedagogical support for the development of the personality of students in the educational process: monograph / L. G. Subbotina. - Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2008. – 152 pages.

395. Subbotsky, E.V. Genesis of moral behavior among preschoolers / T.E. Subbotsky. - Bulletin of Moscow University. – Ser. 14. Psychology, 1978. – № 3. – Page 13–25.

396. Surikova, Y. A. The image of a father in a distant family as an indicator of the subjective quality of life / Y. A. Surikov, A. S. Shiryaev, O. S. Shiryaev // Higher education today, 2014. – № 12. – S. 51–56.

397. Sukhomlinsky, V. A. Heart I give to children / V. A. Sukhomlinsky. – Moscow: Conceptual, 2016. – 320 pages.

398. Timonin, A. I. Conceptual foundations of socio-pedagogical support for the professional formation of university students / A. I. Timonin. – Kostroma, 2007. – page 7.

399. Tikhomirova, Yu. M. Theoretical analysis of the structural components of psychological readiness for professional activity / Yu. M. Tikhomirova // Psychological sciences: theory and practice: materials of the II international scientific. conf. – Moscow: Buki-Vedi, 2014. – S. 6–9.

400. Tkachenko, E.V. Methodology of pedagogy and regulatory and legal support of the field of education / E.V. Tkachenko // Pedagogy, 2014. – № 10. – Page 3–7.

401. Tokareva Yu. A. Psychological grounds of his father's educational activity: autoref. diss. doctors psychol. nauk: 19.00.07 / Yu. A. Tokarev. – Yekaterinburg, 2012. – 46 s.

402. Tokareva, Yu. A. Features of the motivational and need sphere of middle-aged fathers / Yu. A. Tokarev // Bulletin of the Family Institute: periodic scientific and practical. magazine. – Ural Humanitarian Institute. - Yekaterinburg, 2009. – S. 42–45.

403. Tokareva, Yu. A. Psychological and pedagogical conditions and factors for the implementation of fathering as an educational activity / Yu. A. Tokarev // Scientific problems of humanitarian research, 2011. – № 2. – Page 209–216

404. Tokareva, Yu. A. Typology of fathering and the nature of the educational activity of a parent / Yu. A. Tokarev // Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian research. Humanitates, 2010. – № 5. – Page 154–160.

405. Tokareva, Yu. A. Formation of effective educational practice of his father / Yu. A. Tokarev // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences, 2010. – № 2. – S. 150–155.

406. Sharpened, L.V. Modern fathering painting / L.V. Tochenaya // February readings A collection of materials from a scientific and practical conference of faculty of the Syktyvkar Forestry Institute based on the results of research work in 2010. – Syktyvkar: Syktyvkar Forest Institute, 2011. – S. 61–63.

407. Tryapitsyna A.P. Problems of promoting the formation of the personality of a schoolboy in the modern educational process / A.P. Tryapitsyna // Modernization of

general education: research into the problem of personality formation in the modern educational process. – St. Petersburg: Russian State Pedagogical University, Research Institute of General Education, 2016. – Page 195–205.

408. Tryapitsyna, A.P. Continuity of methodological learning systems / A.P. Tryapitsyna, S.A. Bezgodova, S.A. Pisarev, E.V. Piskunova, N L. Somov. – St. Petersburg: His publishing house, 2018. – 88 pages.

409. Tumanova, E.V. The image of the father and the image of oneself in adolescents (age and gender aspects) / E.V. Tumanova, E.V. Filippova // Psychological science and education, 2007. – № 2. – S. 16–24.

410. Tejfel, A. Experiments in vacuum // Modern foreign social psychology. Texts / edited by G.M. Andreeva, N.N. Bogomolova, L.A. Petrovsky. M.: Publishing House of Mosk. un-ta, 1984. – C. 229–244.

411. Udaltsova, M.O. The connection of the socio-psychological type of the father's parental position with the self-esteem of preschoolers: autoref. diss.... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.05/M.O. Udaltsova. – Yaroslavl, 2010. – 26 pages.

412. Ustseva, M.N. The relationship of the personal characteristics of adolescents with the image of the father / M.N. Ustseva // Problems of modern pedagogical education, 2016. – № 51–1. – C. 325–333.

413. Ustseva, M.N. Features of the family and personality of adolescents with addictive behavior / M.N. Ustseva // Mental health, 2011. – T. 9. – № 5(60). – S. 78–83.

414. Fedorov, V. A. Vocational and pedagogical education in Russia: historical and logical periodization / V. A. Fedorov, N. V. Tretyakova // Education and science, 2017. – T. 19. – № 3. – Page 93–119.

415. Fedosova, I.V. Volunteer activities of student youth as a means of mastering constructive strategies for overcoming difficult life situations / I.V. Fedosova, A.V. Kibalnik. Irkutsk: Publishing House: East Siberian State Academy of Education, 2011. – 160 pages.

416. Fedyakova, I. A. Psychological and pedagogical conditions for the formation of subjective personality properties of a young student [Electron resource] / I.A. Fedyakova. 2006 – Access mode: http://festival.1september.ru

417. Filatov, F. R. Psychological assistance to victims of terrorist attacks: critical analysis and development prospects / F. R. Filatov, N. S. Sedykh // Psychology and psychotechnics, 2015. – № 7. – C. 735–744.

418. Filatova, A. Yu. Types of families by the degree of inclusion of the father in the upbringing of children / A. Yu. Filatova // Almanac of modern science and education, 2008. – № 4–2. – C. 250–253.

419. Filatova, A. Yu. Modern approaches to the study of the problem of fathering in domestic psychology / A. Yu. Filatova // News of higher educational institutions. North Caucasus region. – Series: Social Sciences, 2010. – № 4. – S. 112–115.

420. Filippova G. G. Motherhood: a comparative psychological approach / G. G. Filippova // Psychological journal, – 1999, – No. 5. – Page 82–87.

421. Filippova, G. G. Motherhood and his main aspects of research in psychology / G. G. Filippova // Questions of psychology, 2001. – № 2. – Page 22–36.

422. Filippova, G. G. Features of the implementation of reproductive function in modern Russia / G. G. Filippova // Intrauterine baby ... / Materials of the World Congress. – Moscow: Academia, 2007. – Page 44 – 46.

423. Filippova, G. G. Psychology of motherhood / G. G. Filippova. – Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002. – 240 pages.

424. Fomina, N. A. Responsibility as a property of personality in the context of the psychology of fathering: some aspects / N. A. Fomina, M. V. Pastukhova // Current problems of psychology and pedagogy in the modern world a collection of scientific works of participants in the International Conference / Edited by N.B. Karabushchenko. Moscow: Publishing House: Russian University of Peoples' Friendship (RUDN), 2013. – S. 228–232.

425. Fotekova, T. A. The relationship between the level of maternal and paternal education and the state of higher mental functions of sons and daughters / T. A. Fotekova // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences, 2015. – № 4. – S. 62–71.

426. Fotekova, T. A. The influence of the combined educational level of parents on the state of higher mental functions of sons and daughters / T. A. Fotekova // Bulletin of Khakass State University named after N.F. Katanova, 2015. – № 12. – S. 139–146.

427. Frankl, V. Man in Search of Meaning/V. Frankl. – Moscow: Progress, 1990. – 366 pages.

428. Freud, Z. Psychoanalytic studies / Z. Freud. – Minsk: Poppuri, 2010. – 608 pages.

429. Fromm, E. Flight from freedom / E. Fromm. – Moscow: Progress, 1990. – 269 pages.

430. Fromm, E. The Art of Love / E. Fromm. – Moscow: Pedagogy, 1988. – 157 pages.

431. Frumin, I. D. Educational practice of growing up / I. D. Frumin // Educational policy, 2015. – № 4(70). – Page 28–30.

432. Havula, R. M. Development of young men's psychological readiness for fathering R. M. Havula // Research publications, 2014. – № 1(5). – S. 57–69.

433. Kharlamova, T. M. Specifics of the interaction of biological fathers and non-biological fathers with children of preschool age / T. M. Kharlamova, U. E. Ushkova // Fundamental research, 2012. – № 11–5. – S. 1159–1163.

434. Harold, G. T. The role of genetic, prenatal and postnatal environmental factors in childhood development / G. T. Harold, S. B. Malykh, Yu. V Kovas // Genomics of behavior: childhood development and education/ed. S. B. Malykh, Yu. V. Kovas, D. A. Gaisina. – Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2016. – Page 210 – 225.

435. Khodakovskaya, O. V. Relationship with the father and self-esteem in adolescents / O. V. Khodakovskaya, E. A. Gizatullina // In the world of scientific discoveries, 2015. – № 3.2(63). – S. 1239–1249.

436. Kholodkova, O. G. Features of the development of humanistic values of younger schoolchildren / O. G. Kholodkova, O. V. Petukhova // Symbol of science, 2015. – № 8. – Page 293–296.

437. Horney, K. Neurotic personality of our time / K. Horney/per. English and notes by A.I. Fet. – Philosophical arkiv, Nyköping (Sweden), 2016. – 186 pages.

438. Khrisanfova, L. A. Assessment by adults of the individual psychological characteristics of the child according to his photograph / L. A. Khrisanfova, V. A. Barabanshchikov, A. V. Zhegallo // Experimental Psychology, 2016. – T. 9. – № 2. – Page 38–52.

439. Khuvataev, C.A. Analysis of approaches to determining the essence of a person's psychological readiness for activity / S. A. Khuvataev // Scientific problems of humanitarian research, 2012. – № 5. – FROM 186.

440. Hiel, L. Theories of Personality. / L. Hiel, D. Ziegler. – St. Petersburg: Peter, 1998. – 608 pages.

441. Chesnokova, I. I. The problem of self-consciousness in psychology / I. I. Chesnokova. – Moscow: Science, 1977. – 144 pages.

442. Churekova, T. M. Theoretical and methodological foundations of continuous personal education in innovative educational institutions: autoref. dis.... Dr. ped. sciences: 13.00.01 / T. M. Churekova. – Kemerovo, 2002. – 42 pages.

443. Churekova, T. M., Shtogrina E.N. Education of the moral attitude of younger schoolchildren to socially useful work, taking into account age characteristics / T. M. Churekova, E. N. Shtogrina // Education of schoolchildren, 2016. – № 7. – Page 34–39.

444. Churekova, T.M. Continuous education and personal development in the system of innovative educational institutions / T. M. Churekova. – Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2001. – 262 pages.

445. Shaimukhametova, S.F. Features of the mental states of future fathers / S.F. Shaimukhametova, L.F. Chukmarova // Psychology of mental states: a collection of materials based on the results of the IX International Winter School on state psychology, February 26–27. – Kazan: Publishing House of Kazan University, 2015. – Out. 5. – 204 p. – S. 177–181.

446. Shamionov, R. M. Personal maturity and professional self-determination in adolescence and youth: dis.... Cand. psycho. sciences: 19.00.01 / R. M. Shamionov. – St. Petersburg, 1997. – Page 26–140.

447. Shapar, V. B. The latest psychological dictionary / V. B. Shapar – Rostov N/D: Phoenix, 2005. – 806 pages.

448. Shevchenko, I.O. The authority of his father in a modern Russian family / I. O. Shevchenko // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. – Series: Philosophy. Sociology. Art history, 2012. – № 2(82). – C. 321–343.

449. Shepeleva, N.V. Pedagogical support of the process of socialization of students in a non-state educational institution: dis.... Cand. ped. sciences: 13.00.02 / N.V. Shepeleva. – Kostroma, 2004. – 211 c.

450. Sherman, R. Structured Techniques for Family and Marital Therapy: Guidance by R. Sherman, N. Fremdman. – Moscow: Independent company "Klass," 1997. – 336 pages.

451. Shikhnabieva, T. Sh. On semantic models in training / T. Sh. Shikhnabieva // Pedagogical informatics, 2011. – № 2. – Page 67–70.

452. Spranger, E. The main ideal types of individuality / E. Spranger // Personality psychology. Texts/Ed. Yu.B. Hippenreuter, A.A. Bubble. – Moscow, 1982. – Page 55–60.

453. Shukshina, T.I. Pedagogical conditions for the formation of readiness for personal achievements of younger adolescents in extra-time activities of a sports and recreational orientation / T.I. Shukshina, S.V. Bakulin // Humanities and education. – 2017. – № 4. – Page 121–128

454. Shulga, T. I. Working with a dysfunctional family. Textbook / T.I. Shulga. – Moscow: Drofa, 2005. – 254 pages.

455. Shustin, B. N. Modeling in sports: (Theoretical foundations and practical implementation): Autoref. dis.... Dr. ped. sciences: 13.00.04 / B. N. Shustin. – Moscow, 1995. – 82 pages.

456. Shchepilova, A.V. Modern University: from model to Russian reality / A.V. Shchepilova, V.A. Goncharova, S.V. Mikhailova, A.E. Bazhanov, V.V. Alpatov // Higher education in Russia, 2017. – № 12. – Page 92–101.

457. Shcherbakova, E. A. The image of parents as a factor in the professional adaptation of the personality of pilot cadets / E. A. Shcherbakova // Russian Scientific Journal, 2011. – № 23. – S. 146–151.

458. Eidemiller, E. G. Psychology and psychotherapy of the family. / E. G. Eidemiller, V. Justitskis. – St. Petersburg: Peter, 2000. – 656 pages.

459. Exakusto, T. V. Gender ideas of men brought up in families with high conflict / T. V. Exakusto // Humanitarian foundations of social progress: Russia and modernity collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; – Moscow: Moscow State University of Design and Technology, 2016. – S. 118–123.

460. Erickson, E. Childhood and Society/E. Erickson. St. Petersburg: Peter, 1996. – 312 pages.

461. Jung, K. G. AION: Research on the phenomenon of self // Favorites / K. G. Jung. - Mn.: Popurri LLC, 1998. – 448 pages.

462. Yukhina, E. A. Psychological support of parenthood: problems and prospects for development / E. A. Yukhina / /Theory and practice of modern humanities and natural sciences. Materials of the annual interregional scientific and practical conference. – Petropavlovsk-Kamchatsky: KamSU named after Vitus Bering, 2012. – C. 268–273.

463. Yavon, S.F. The problem of fathering in the modern world / S.F. Yavon/Priority scientific directions: from theory to practice, 2014. – № 13. – S. 43–49.

464. Yakunin, A. A. Life strategies of graduates of schools of the middle Russian city: autoref. diss.... Candidate Sociol. sciences: 22.00.04/A. A. Yakunin. - Novocherkassk, 2008. – 26 pages.

465. Yamburg, E. A. School and its environs / E. A. Yamburg. – Moscow: Rudomino Book Center, 2011. – 592 pages.

466. Yanitsky, M. S. The main methodological approaches to the study of the value-semantic sphere of personality / M. S. Yanitsky, A. V. Gray // Bulletin of KemGUKI, 2012. – № 19. – Page 82–97.

467. Yanitsky, M. S. Postneclassical pedagogical psychology: value-sense trend: monograph / M. S. Yanitsky, A. V. Gray, M. S. Ivanov, A. A. Utyuganov, N. R. Khakimova. – Kemerovo: GBU DPO "CRIRPO," 2017. – 202 pages.

468. Yanitsky, M. S. Value orientations of personality as a dynamic system / M. S. Yanitsky. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2000. – 204 pages.

469. Yanchenko, V. D. The teaching potential of the Zeigarnik effect in teaching the Russian language as a foreign language / V. D. Yanchenko // Teacher of the 21st century, 2015. – T. 1. – № 1. – Page 178–184.

470. Abdin, R. R. Development of parenting alliance inventory / R. R. Abdin, J. F. Brunner // Journal of Clinical Child Psychology, 1995. – № 24. – p. 31–40. - doi: 10.1207/s15374424jccp2401_4

471. Alcorn, B. K. Some Psychological Effects of Paternal Deprivation Upon Children from Ten to Sixteen / B. K. Alcorn // The Journal of Educational Sociology, 1962. – Vol. 35, No. 8. – p. 337–345.

472. Anderson, R. E. Where's Dad? Paternal Deprivation and Delinquency / R. E. Anderson // Archives of General Psychiatry, 1968. – № 18(6). – river 641–649. - doi:10.1001/archpsyc.1968.01740060001001

473. Anderson, E. A. Situating fathering in responsible fathering programs / E. A. Anderson, B. L. Letiecq // Situated fathering: A focus on physical and social spaces / W. Marsiglio, K. Roy, G. L. Fox (Eds.). – Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – p. 187–208.

474. Anderson, J. A. Democratic community initiatives: The case of overscheduled children / J. A. Anderson, W. J. Doherty // Family Relations, 2005. – № 54. – river 654–665.

475. Argys, L. M. Measuring contact between children and nonresidential fathers / L. M. Argys, E. Peters, S. Cok, S. Garasky, L. Nepomnyaschy, E. Sorenson, // Handbook of Measurement Issues in Family Research / S. L. Hofferth, L. M., Casper (Eds.). – Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007. – p. 375–398.

476. Ariès, P. Geschichte der Kindheit. / P. Ariès. – München: Hanser, 1975. – 592 s.

477. Baltes, P. B Human strengths as the orchestration of wisdom and selective optimization with compensation / P. B. Baltes, A. M. Freund // A psychology of human strengths: Fundamental questions and future directions for a positive psychology / L. G. Aspinwall, U. M. Staudinger (Eds.). – Washington, DC: American Psychological Association, 2002. – p. 23–35.

478. Bancroft, J. Sexual behavior / J. Bancroft, // Measuring Human Problems: A Practical Guide / D. Peck, C. Shapiro (Eds.). – Wiley: Chichester, 1990. - p. 338–373.

479. Bandura A. Social learning and personality development / A. Bandura, R. Walters. – NY: Holt, Rinehart and Winston, 1963. – 329 p.

480. Barth, S. Vaterschaft im Wandel / S. Barth // Sozialmagazin, 2000. – № 1. – S. 14–22.

481. Bearss, K. E. A test of the parenting alliance theory / K. E. Bearss, S. Eyberg // Early Education and Development, 1998. – № 9(2). – p. 179–185. - doi: 10.1207/s15566935eed0902_5

482. Becker, G. S. A treatise on the family / G. S. Becker. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 304 p.

483. Behrendt, V. Sozialarbeiterische Interventionsmöglichkeiten für Vater–Kind–Familien / V. Behrendt, P. Himmelsbach. - Dortmund: Verl. Modernes Lernen, 1987. – 200 S.

484. Belogai, K. N. Self-Regulation Formation Among Junior Teenagers in The Conditions of Educational Institution / K. N. Belogai, I. S. Morozova, Y. V. Borisenko, T. O. Ott, T. V. Shamovskaya // Astra Salvensis - review of history and culture, year VI, Special Issue 2018. – p. 217–227.

485. Belsky, J. Mothering, fathering, and marital interaction in the family triad during infancy / J. Belsky, B. L. Volling, // Men's transitions to parenthood: Longitudinal studies of early family experience / P.W. Berman F.A. Pedersen (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. – p. 37–63.

486. Belsky, J. The determinants of parenting: A process model / J. Belsky // Child Development, 1984. – № 55. – p. 83– 96.

487. Bergmann, J.-R. Lösungsorientierte Arbeit im Familienrecht. Der systemische Ansatz im Familienrecht / J.-R. Bergmann. – Koeln: Bundesanzeiger Verlag, 2001. – 356 s.

488. Biryukova S., Tyndik A. Who prefers zero? Attitudes towards childlessness in Russia and in its capital city / S. Biryukova, A. Tyndik // European Population Conference 2014. Transitions: Opportunities and Threats. Budapest: EAPS, 2014. – p. 312.

489. Borisenko, J.V. Differences in Attitudes toward Mental Health among Boys from Religious and Non-religious Families Experiencing Religious and Secular Education. / J.V. Borisenko, E.V. Evseenkova. Psychology in Russia: State of the Art, 2022. – № 15(1). – P. 51–65.

490. Borisenko, J. Differences in Fathering among Russian Men Brought up with and without a Father / J.V. Borisenko, E.V. Evseenkova. // Psychology in Russia: State of the Art, 2019. – № 12(3). – Page 105–120.

491. Borisenko, J. Involved Fathering As A Development Factor Of Gender Attitudes And Body Image Development In Boys / J. V. Borisenko, K. N. Belogai, I. S. Morozova // Ad Alta: Journal Of Interdisciplinary Research, Special Issue No.: 10/01/Xi. (Vol. 10, Issue 1, Special Issue Xi.) p. 14–18.

492. Borisenko, J. Fathering as a Personality Development Factor in Men / J. V. Borisenko // In The Spanish Journal of Psychology, 2007. – Vol. 10. - No. 1. – p. 84–92.

493. Borisenko, J. V. Reproductive motivation in Russian women in the family context / J. V. Borisenko, K. N. Belogaya, I. S. Morozova, T. O. Ott //Journal of Reproductive and Infant Psychology, 2016. – № 34:3. – P. 224–234. – DOI:10.1080/02646838.2016.1156660

494. Bouchard, G. Intergenerational Transmission and Transition to Fathering: A Mediated–Moderation Model of Paternal Engagement / G. Bouchard // Journal of Family, 2012. –Vol. 26. – No. 5. – p. 747–755.

495. Bowlby, J. Maternal care and mental health / J. Bowlby // Journal of Consulting Psychology, 1952. – № 16(3). – p. 232.

496. Bowlby, J. Attachment and Loss: Retrospect and prospect / J. Bowlby // American Journal of Orthopsychiatry, 1982. – № 52. – p. 664–678.

497. Bowlby, J. The nature of child's tie to his mother / J. Bowlby // International Journal of Psychoanalysis, 1958. – № 39. – p. 350–373.

498. Bradshow, D. L. Attachment, temperament, and social referencing: Interrelationship among domains of infant affective behavior / D. L. Bradshow, H. H. Goldsmith, J. J. Campos // Infant Behavior and Development, 1987. – № 1. – p. 223–231.

499. Bragiel, J. Fathers marital satisfaction and their involvement with their child with disabilities / J. Bragiel, P. Kaniok // European Journal of Special Needs Education, 2011. - № 26(3). – p. 395–404.

500. Braun, K. Paternal Deprivation Alters Region and Age-Specific Interneuron Expression Patterns in the Biparental Rodent Octodon degus / K. Braun, K. Seidel, S. Weigel, K. Roski, G. Poeggel // Cerebal Cortex, 2011. - № 21 (7). – p. 1532–1546.

501. Bretherton, I. Involved fathers of preschool children as seen by themselves and their wives: Of attachment, socialization and companionship / I. Bretherton, J. D. Lambert, B. Golby, // Attachment and Human Development, 2005. – № 7(3). – p. 229–251.

502. Brody, S. Patterns of mothering / S. Brody. – New York: International Universities Press, 1956. – 456 p.

503. Bronfenbrenner, U. Ecological systems theory / U. Bronfenbrenner // Annals of Child Development / R. Vasta (Ed.), 1989. – Vol.6. – Greenwich, CT: JAI Press. – p. 187–249.

504. Bronfenbrenner, U. The bioecological model of human development. / U. Bronfenbrenner, P. Morris // Handbook of child psychology (6th ed.) / W. Damon, R. M. Lerner (Eds). – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2006. – Vol. 1. – p. 793–828.

505. Bugental, D. B. A developmental neuroscience perspective on the dynamics of parenting / D. B. Bugental, D. H. Olster, G. A. Martorell // L. Kuczynski (Ed.) // Handbook of dynamics in parent-child relations. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. – p. 25–48.

506. Bühler, Ch. Der menshliche Lebenslauf als psychologisches Problem / Ch. Bühler. – Leipzig: Hirzel, 1933. – 328 S.

507. Bumpass, L. L. The role of cohabitation in declining rates of marriage. / L. L. Bumpass, J. A. Sweet, A. Cherlin // Journal of Marriage and the Family, 1991. – 53. – p. 913–927.

508. Cabrera, N. Fathering in the 21st Century / N. Cabrera, C. S Tamis-LeMonda, B. Bradley, S. Hofferth, M. Lamb // Child Development, 2000. – № 71. – p. 127–136.

509. Camus, J. Väter. Die Bedeutung des Vaters für die psychische Entwicklung des Kindes / J. Camus. – Beltz; Auflage: Neuausgabe, 2001. –199 s.

510. Canfield, K. Promises worth keeping / K. Canfield // The fathering movement: A call to action / W. Horn, D. Blankenhorn, M. Pearlstein (Eds.). – New York: Lexington Books, 1999. – p. 43–55.

511. Canitz, H.-L.v. Väter. Die neue Rolle des Mannes in der Familie. / H-L.v. Canitz. – Düsseldorf, Wien: Econ-Verlag, 1980. – 264 S.

512. Carlson, M. J. Family structure, father involvement, and adolescent behavioral outcomes. / M. J. Carlson // Journal of Marriage and Family, 2006. – № 68. – p.137–154.

513. Carlson, M. J. Strengthening unmarried families: Could enhancing couple relationships also improve parenting? / M. J. Carlson, S. S. McLanahan // Social Service Review, 2006. – № 80(2). – p. 297–32.

514. Carlson, M. J. Coparenting and nonresidentfathers' involvement with young children after a nonmartial birth / M. J. Carlson, S. S. McLanahan, J. Brooks-Gunn // Demography, 2008. – № 45(2). – p. 461–488. - doi: 10.1353/dem.0.0007

515. Catlett, B. S. Nonresidential fathers: Shifting identities, roles and authorities / B. S. Catlett, M. L. Toews, P. C. McKenry // Situated fathering: A focus on physical and social spaces / W. Marsiglio, K. Roy, G. L. Fox (Eds.). – Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – p. 99–118.

516. Cessna, J. M. Relationships between parenting self-efficacy and distress in parents who have school-aged children and have been treated with hematopoietic stem

cell transplant or have no cancer history / J. M. Cessna, J. Pidala, P. B. Jacobsen // Psycho-Oncology, 2016. – № 25(3). –p. 339–346. - doi: 10.1002/pon.3848

517. Chien-Chung H. Child Support Enforcement and Father Involvement for Children in Never-Married Mother Families / H. Chien-Chung // Fathering, 2006. – Vol. 4. – № 1. – p. 97–111.

518. Christian, L. G. Understanding families: Applying family systems theory to early childhood practice / L. G. Christian // Spotlight on young children in families / D. Koralek (Ed.). – Washington, DC: National Association for the Education of Young Children, 2007. – p. 4–11.

519. Christiansen, S. Providing as a form of paternal involvement: Why the «good provider» role still matters / S. Christiansen, R. Palkovitz // Journal of Family Issues, 2001. – № 22. – p. 84–106.

520. Coleman, J. S. Social capital in the creation of human capital / J. S. Coleman // American Journal of Sociology, 1988. – № 94. – p. 95–120.

521. Coltrane, S. Family man: Fathering, housework, and gender equity / S. Coltrane. – New York: Oxford University Press, 1996. – 293 p.

522. Coltrane, S. Reinventing fathering: Toward an historical understanding of continuity and change in men's family lives / S. Coltrane, R. D. Parke. – Philadelphia: National Center on Fathers and Families, 1998. – p. 156.

523. Cooney, T. M. Timing of fathering: Is «on-time» optimal? / T. M. Cooney, F. A. Pedersen, S. Indelicato, R. Palkovitz // Journal of Marriage and the Family, 1993. – № 55. – p. 205–215.

524. Cowan, C. P. Men's involvement in parenthood: Identifying the antecedents and understanding the barriers / C. P. Cowan, P. A. Cowan // Men's transitions to parenthood: Longitudinal studies of early family experience / P.W. Berman, F.A. Pedersen (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. – p. 145–174.

525. Cowan, P. A. Promoting fathers' engagement with children: Preventive interventions for low-income families. / P. A. Cowan. C. P. Cowan, M. K. Pruett, K. Pruett, J. J. Wong // Journal of Marriage and Family, 2009. – № 71(3). – p. 663–679. -doi:10.1111/j.1741–3737.2009.00625.x

526. Cummings, E. M. Children and marital conflict: The impact of family dispute and resolution / E. M. Cummings, P. Davies. – New York: Guilford, 1994. – p. 165.

527. De Luccie, M. Mothers as gatekeepers: A model of maternal mediators for father involvement / M. De Luccie // Journal of Genetic Psychology, 1995. – № 156(1). – p. 115–131.

528. deMause, L. Evolution der Kindheit / L. deMause // Hört ihr die Kinder weinen. Eine psychogenetische Geschichte der Kindheit. / L. deMause (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. – S. 12 – 111.

529. Demuth, S. Family structure, family processes, and adolescent delinquency: The significance of parental absence versus parental gender. / S. Demuth, S. L. Brown // Journal of Research in Crime and Delinquency, 2004. – № 41(1). – p. 58–81. - doi: 10.1177/0022427803256236

530. DiCenso, A. Interventions to reduce unintended pregnancies among adolescents: systematic review of randomised controlled trials. / A. DiCenso, G. Guyatt, A. Willan, L. Griffith // British Medical Journal, 2002. – № 324(7351). – p.1426.

531. Doherty, W. J. An Intervention to Increase Father Involvement and Skills With Infants During the Transition to Parenthood / W. J. Doherty, M. F. Erickson, R. LaRossa. // Journal of Family Psychology, 2006. – Vol. 20. – №. 3, p. 438–447.

532. Doherty, W. J. Responsible fathering: An overviewand conceptual framework / W. J. Doherty, E. F. Kouneski, M. F. Erickson // Journal of Marriage and Family, 1998. – № 60(2). – p. 277–292.

533. Eggebeen, D. J. The Changing Course of Fathering Men's Experiences With Children in Demographic Perspective / D. J. Eggebeen // Journal of Family Issues, 2002. – Vol. 23. – №. 4. – p. 486–506.

534. Eggebeen D. J. Does Fathering Matter for Men? / D. J. Eggebeen, C. Knoester // Journal of Marriage and the Family, 2001. –Vol. 63. – №. 2. – p. 381–393.

535. Eggebeen D. J. The Effects of the Transition to Parenthood and Subsequent Children on Men's Well-Being and Social Participation / D. J Eggebeen, C. Knoester // Journal of Family Issues, 2006. –Vol. 27. – № 11. – p. 1532–1560.

536. El-Shadan, Pacific father involvement and early child behavior outcomes: Findings from the Pacific Islands Families study / El-Shadan, P. Schluter, J. Paterson Journal of Child and Family Studies, 2015. – № 24(12). – p. 3497–3505.

537. Emmerink, P. M. J. The Impact of Personal Gender-Typicality and Partner Gender-Traditionality on Taking Sexual Initiative: Investigating a Social Tuning Hypothesis / P. M. J. Emmerink, R. J. J. M. Van Den Eijnden, T. F. M. Ter Bogt, I. Vanwesenbeeck // Frontiers in Psycholjgy, 2017. – № 8. – p. 107. - doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00107

538. Emmons, R. A. Personal strivings, daily life events, and psychological and physical well-being / R. A. Emmons // Journal of Personality, 1991. - № 59. – p. 453–472.

539. Emmons, R. A. Assessing spirituality through personal goals: Implications for research on religion and subjective well–being. / R. A. Emmons, C. Cheung, K. Tehrani // Social Indicators Research, 1998. – № 45. – p. 391–422.

540. Erel, O. Interrelatedness of marital relations and parent–child relations: A meta-analytic reviews / O. Erel, B. Burman // Psychological Bulletin, 1995. – № 118(1). – p. 108–132. - doi: 10.1037/0033–2909.118.1.108

541. Evans E. A. Gender differences in the effects of childhood adversity on alcohol, drug, and polysubstance-related disorders / E. A. Evans, C. E. Grella, M. Upchurch Dawn // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology, 2017. – № 52. – p. 901–912.

542. Fagan, J. Effects of father's early risk and resilience on paternal engagement with 5–year–olds / J. Fagan, Y. Lee // Journal of Family Relations, 2016. – № 1(5). – p. 878–892.

543. Fagan, J. The relationship between maternal gatekeeping, paternal competence, mothers' attitudes about the father role, and father involvement. / J. Fagan, M. Barnett // Journal of Family Issues, 2003. – № 24(8). – p. 1020–1043.

544. Fagan, J. Unmarried, nonresident fathers. Involvement with their infants: A risk and resilience perspective / J. Fagan, R. Palkovitz // Journal of Family Psychology, 2007. – № 21. – p. 479–489.

545. Feinberg, M. E. Coparenting and the transition to parenthood: A framework for prevention / M. E. Feinberg // Clinical Child and family Psychology Review, 2002. – № 5(3). – p. 173–195. - doi: 10.1023/A:1019695015110

546. Fisher, T. D. Gender roles and pressure to be truthful: the bogus pipeline modifies gender differences in sexual but not non–sexual behavior / T. D. Fisher // Sex Roles, 2013. – № 68. – p. 401–414. - doi: 10.1007/s11199–013–0266–3

547. Friedman, E. Unintentional child neglect: literature review and observational study / E. Friedman, S. B. Billick // Psychiatric Quarterly, 2015. – № 86 (2) – p. 253–9. - doi:10.1007/s11126–014–9328–0

548. Frydenberg, E. Beyond Coping. Meeting goals, visions and challenges / E. Frydenberg. – NY: Oxford University Press, 2002. – 272 rubles.

549. Fthenakis, W. E. Der Bildungs- und Erziehungsplan für Kinder von 0 bis 10 Jahren in Hessen / W. E. Fthenakis, D. Berwanger, E. Reichert-Garschhammer. - Wiesbaden: SM + KM, 2007. – s. 78.

550. Fthenakis, W. E.: Engagierte Vaterschaft – Die sanfte Revolution in der Familie / W. E. Fthenakis. – Herausgeber: LBS–Initiative Junge Familie. Opladen: Leske & Budrich, 1999. – s.352. (a)

551. Fthenakis, W. E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater–Kind–Beziehung. / W. E Fthenakis. – München: Urban & Schwarzenberg, 1985. – 480 s.

552. Furstenberg, F. F. Social capital and successful development among at–risk youth // F. F. Furstenberg, M. E. Hughes // Journal of Marriage and the Family, 1995. – № 57. – p. 580–592.

553. Furstenberg, F. S. Divided families: What happens to children when parents part. / F. S. Furstenberg, A. J. Cherlin. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. – 143 p.

554. Gaertner, B. M. Parental Childrearing Attitudes as Correlates of Father Involvement During Infancy / B. M. Gaertner, T. L. Spinrad, N. Eisenberg, K. A. Greving // Journal of Marriage and Family, 2007. – № 69(4). – p. 962–976. - doi: 10.1111/j.1741–3737.2007.00424/

555. Galenson, E. The Effect of Paternal Deprivation on the Capacity to Modulate Aggression / E. Galenson // New Literary History, 1995. – Vol. 26. – № 2. - p. 443–454

556. Garasky, S. Reconsidering the Increase in Father-Only Families / S. Garasky, D. R. Meyer // Demography, 1996. – № 33(3). – p. 385–393.

557. Gerhard, A. Vatersehnsucht (Annäherung in elf Essays) / A. Gerhard. – Bremen: Universität Bremen - Staats-und Universitätsbibliothek, 1999. – 310 s.

558. Goldberg, W. A. Trends in Academic Attention to Fathers, 1930–2006 / W. A. Goldberg, E. T. Tan, K. L. Thorsen // Fathering, 2009. – Vol. 7. – № 2. – p. 159–179.

559. Goldberg, A. E. Gender-Typed Play Behavior in Early Childhood: Adopted Children with Lesbian, Gay, and Heterosexual Parents / A. E. Goldberg, D. A. Kashy, J. Z. Smith // Sex Roles, 2012. – № 67(9–10). – p. 503–515. - doi: 10.1007/s11199–012–0198–3

560. Goldberg, W. A. Maternal employment and children's achievement in context: A meta-analysis of four decades of research. / W. A. Goldberg, J. A. Prause, R. Lucas-Thompson, A. J. Himsel // Psychological Bulletin, 2008. – № 134. – p. 77–108.

561. Goldman, J. A coordinated response to child abuse and neglect: The foundation for practice. [Электронный документ] / J. Goldman, M. K., Salus, D. Wolcott, K. Y Kennedy // U.S. Department of Health and Human Services, Administration for Children and Families, Administration on Children, Youth and Families, Children's Bureau, Office on Child Abuse and Neglect, 2003. – Режим доступа: http://secure.psychoanalyticcecredit.com/articles/100843/foundation_Practice_child_abuse.pdf

562. Golombok, S. The Measurement of Gender Role Behaviour in Pre–School Children: a Research Note / S. Golombok, J. Rust // Journal of Child Psychology and Psychiatry, 1993. – № 34(5). – p. 805–811.

563. Golombok, S. Continuity in Sex-Typed Behavior from Preschool to Adolescence: A Longitudinal Population Study of Boys and Girls Aged 3–13 Years / S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, J. Golding, M. Hines // Archives of Sexual Behavior, 2012. – № 41. – p. 591–597.

564. Golombok, S. Development trajectories of sex–type behavior in boys and girls: A longitudinal general population study of children aged 2.5–8 years, / S. Golombok, J. Rust, J. Zervoulis, T. Croudace, J. Golding, M. Hines // Child Development, 2008. – № 79(5). – p. 1583–1593.

565. Gordon, I. Synchrony in the triad: A microlevel process model of coparenting and parent–child interactions / I. Gordon, R. Feldman // Family Process, 2008. – № 47(4). – p. 465–479. - doi:10.1111/j.1545–5300.2008.00266.x

566. Grams A. Fathering and motherhood in a changing world. / A. Grams. // International Child Welfare Review, Geneve, 1970. – p. 14-21.

567. Green, M. Paternal deprivation - a disturbance in fathering / M. Green, H. Beall // Pediatrics, 1962. – № 30 (1). – p. 91–99;

568. Greenbaum, C. W. The infant exposure to talk by familiar people: Mother, fathers and siblings in different environments / C. W. Greenbaum, R. Landau // The social network of developing infant / V. Lewis L. Rosenblum (Eds.). – New York: Plenum, 1982. – p. 229–247.

569. He, H. Identity studies: multiple perspectives and implications for corporate–level marketing / H. He, J. M.T. Balmer // European Journal of Marketing, 2007. – Vol. 41 – № 7/8. – p. 765–785. - doi.org/10.1108/03090560710752393

570. Heiliger, A. Der Mythos von den neuen Vätern / A. Heiliger // Sozialmagazin, 1989. – № 1, S. 14–22.

571. Henley, K. Conditions Affecting the Association between Father Identity and Father Involvement / K. Henley, K. Pasley // Fathering, 2005. – Vol. 3. – № 1. – p. 59–80.

572. Heymans, P. Developmental tasks: a cultural analyses of human development // P. Heymans, J. Laak, A. Podolski // Developmental tasks: toward a cultural analyses of human development. – Dordrecht: Kluwer, 1994. – p. 3–33.

573. Hines, M. Testosterone during pregnancy and gender role behavior of preschool children: A longitudinal population study / M. Hines, S. Golombok, J. Rust, K. Johnston, J. Golding // Child Development, 2002. – № 73(6). – p. 1678–1687.

574. Hofferth, S. L. Residential father family type and child well-being: Investment verses selection. / S. L. Hofferth // Demography, 2006. – № 43(1). – p. 53–78. - doi: 10.1353/dem.2006.0006

575. Hoffman, J. P. Exploring the Direct and Indirect Family Effects on Adolescent Drug Use / J. P. Hoffman // Journal of Drug Issues, 1993. – № 23. – p. 535–557.

576. Horst, E. A. Gender, power, and intimacy / E. A. Horst, W. J. Doherty // Journal of Feminist Family Therapy, 1995. – № 6. – p. 63–85.

577. Horst, P. Väter sind anders als ihr Image: schwierige Rollenfindung und mangelnde gesellschaftliche Achtung / P. Horst // Theorie und Praxis der Sozialpädagogik, 2000. – № 3. – s. 52–55.

578. Horst, P. Das Drama der Vaterentbehrung. Chaos der Gefühle-Kräfte der Heilung / P. Horst. - Freiburg: Herder, 1999. – 223 s.

579. Ihinger-Tallman, M. Developing a middle–range theory of father involvement postdivorce / M. Ihinger-Tallman, K. Pasley, C. Buehler // Fathering: Contemporary theory, research, and social policy / W. Marsiglio (Ed.). – Thousand Oaks: Sage Publications, 1995. – p. 57–77.

580. Jewell, J. A. Relations among gender typicality, peer relations, and mental health during early adolescence / J. A. Jewell, C. S. Brown // Social Development, 2014. – № 23. – p. 137–156. - doi: 10.1111/sode.12042

581. Jeynes, W. H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achivement / W.H. Jeynes // Urban Education, 2015. – № 50(4). – p. 387–423.

582. Jia, R. Effects of neonatal paternal deprivation or early deprivation on anxiety and social behaviors of the adults in mandarin voles / R. Jia, F. Tai, S. An, X. Zhang, H. Broders // Behavioural Processes, 2009. – Vol. 82. – № 3. – p. 271–278.

583. Johnson, W. E. Parental involvement among unwed fathers/ W. E. Johnson // Children and Youth Services Review, 2001. – № 23(6). – p. 513–536. - doi: 10.1016/S0190–7409(01)00146–3

584. Jones, T. L. Potential roles of parental self-efficacy in parent child adjustment: A review. / T. L. Jones, R. J. Prinz // Clinical Psychology, 2005. – № 25. – p. 341–363.

585. Jopt, J.-U. Jugendhilfe und Trennungsberatung / J.-U. Jopt // Zentralblatt für Jugendrecht, 1998. – № 7/8. – s. 286–295.

586. Kasser, T. Be careful what you wish for / T. Kasser, R. M. Ryan // Life goals and well-being: Towards a positive psychology of human striving / P. Schmuck, K. M. Sheldon. – Goettingen: Hogrefe & Huber, 2001. – p. 116–131.

587. Kilmann, R. H. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict–Handling Behavior: The «Mode» Instrument / R. H. Kilmann, K. W. Thomas // Educational and Psychological Measurement, 1977. – Vol. 37. – №2. – p. 309–325.

588. Kim, J. E. Retirement transitions, gender, and psychological well–being: A life–course ecological model / J. E. Kim, P. Moen // The Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences, 2002. – № 57. – p. 212–222.

589. Klein, M. Love, Guilt and Reparation? / M. Klein. – New York: The Free Press, 1975. – 443 p.

590. Korenman, S. Consequences for Infants of Parental Disagreement In Pregnancy Intention / S. Korenman, R. Kaestner, T. Joyce // Perspectives on Sexual and Reproductive Health, 2002. – № 34(4). – p. 198–205.

591. Kotelchuck M. The infant's relationship to the father: Experimental evidence / M. Kotelchuck // The role of the father in child development / M.E. Lamb (Ed). – New York: Wiley, 1976. – p. 329–344.

592. Kreager, D. A. The sexual double standard and adolescent peer acceptance / D. A. Kreager, J. Staff // Social Psychology quarterly, 2009. – № 72. – p. 143–164. -doi: 10.1177/019027250907200205

593. Krishnakumar, A. Interparental conflict and parenting behaviors: A meta-analytic review / A. Krishnakumar, C. Buehler // Family Relations, 2000. – № 49(1). – p. 25–44. -doi: 10.1111/j.1741–3729.2000.00025.x

594. Kunseler, F. C. Changes in parenting self-efficacy and mood items in the transition to parenthood: A bi-directional association / F. C Kunseler, A. M. Willemen, M. Oosterman, C. Schuengel // Parenting–Science and Practice, 2014. – № 14(3–4). – p. 215–234.

595. Kwan, R. The moderating role of parenting self-efficacy and co-parenting alliance on marital satisfaction among Chinese fathers and mothers / R. Kwan, S. Kwok, C. Ling // Journal of Family Studies, 2015. – № 24(12). – p. 3506–3515. - doi: 10.1007/s10826–015–0152–4

596. Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.) / M. E. Lamb New York: Wiley, 2010. – 672 p.

597. Lamb, M. E. Introduction: The emergent American father / M. E. Lamb // The father's role: Cross–cultural perspectives / M. E. Lamb (Ed.). – Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1987. – p. 3–25.

598. Lamb, M. E. Everyday experiences of infants in Euro-American and Central American immigrant families. / M. E. Lamb, B. Leyendecker, A. Scholmerich // M. Lewis, C. Feiring (Eds.) Families, risk, and competence. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998. – p. 113–131.

599. LaRossa, R. Continuity and change in middle class fathering: 1925–1939 / R. LaRossa, D. Reitzes // Journal of Marriage and the Family, 1993. – № 55. – p. 455–468.

600. Lawrence, E. Prenatal expectations and marital satisfaction over the transition to parenthood / E. Lawrence, K. Nylen, R. Cobb // Journal of Family Psychology, 2007. – № 21(2). – p. 155–164.

601. Lee, C. Y. S. Marital satisfaction and father involvement during the transition to parenthood / Lee, C. Y. S., W. J. Doherty //. Fathering, 2007. – № 5. – p. 75–96.

602. Lenzen, D. Vaterschaft. Vom Patriarchat zur Alimentation / D. Lenzen. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1991. – 272 s.

603. Li, G. Childhood Gender–Typed Behavior and Adolescent Sexual Orientation: A Longitudinal Population-Based Study / G. Li, K. T. F. Kung, M. Hines // Developmental Psychology, 2017. – № 53(4). – p.764-777. - doi: 10.1037/dev0000281.

604. Locke, E. A. Work motivation and satisfaction: Light at the end of the tunnel / E. A. Locke, G. P. Latham // Psychological Science, 1990. – № 1. – p. 240–246.

605. Luthar, S. The construct of resilience: A critical examination and guidelines for future work / S. Luthar, D. Cicchetti, B. Becker // Child Development, 2000. – № 71(3). – p. 543–562.

606. Main, M. The quality of the toddler's relationship to mother and to father: Related to conflict behavior and the readiness to establish new relationships / M. Main, D. R. Weston // Child Development, 1981. – № 52. – p. 932–940.

607. Marcia, J. E. Ego identity status: Relationship to change in self–esteem, «general adjustment», and authoritarianism / J. E. Marcia // Journal of Personality, 1967. – № 35. – p. 118–133.

608. Marsiglio, W. Sex, men & babies: Stories of awareness and responsibility / W. Marsiglio, S. Hutchinson. - New York: NYU Press. 2002. – 288 p.

609. Maurer, T.W. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. / T.W. Maurer, J.H. Pleck, T.R. Rane // Journal of Marriage and the Family, 2001. – № 63. – p. 309–321.

610. McCoy, K. P. Constructive and destructive marital conflict, parenting, and children's school and social adjustment / K. P. McCoy, M. R. W. George, E. M. Cummings, P. T. Davies // Social Development, 2013. – № 22(4). – p. 641–662. - doi: 10.1111/sode.12015

611. McHale, J.P. Co–parenting and Clinical Examination of Family Systems / J. P. McHale, K. M. Lindahl. – Washington, D.C.: American Psychological Association. 2011. – p. 254.

612. Miller, W. B. Proception: An important fertility behavior / W. B. Miller // Demography, 1986. – № 23(4). – p. 579–594.

613. Miller, W. B. Pregnancy wantedness and child attachment security: Is there a relationship? / W. B. Miller, M. R. Sable, A. Csizmadia // Maternal Child Health Journal, 2008. – № 12. – p. 478–487.

614. Moon, M. Mothers' and Fathers' Differential Expectancies and Behaviors: Parent x Child Gender Effects / M. Moon, C. D. Hoffman // The Journal of Genetic Psychology, 2008. – № 169(3). – p. 261–280. – http://dx.doi.org/10.3200/GNTP.169.3.261–280.

615. Moran, T.E. Initial validation of the assessment of parenting tool: A task and domain level measure of parenting self–efficacy for parents of infants from birth to 24 months of age / T. E. Moran, J. R. Polanin, A. L. Evenson, B. R. Troutman, C. L. Franklin // Infant Mental Health Journal, 2016. – № 37(3). – p. 222–234. - doi: 10.1002/imhj.21567

616. Nepomnyaschy, L. Child Support, Fathering, and Marriage: Findings from the First 5 Years of the Fragile Families and Child Wellbeing Study / L. Nepomnyaschy, I. Garfinkel // Asian Social Work and Policy Review, 2007. – № 1(1). – p. 1–20. - doi: 10.1111/j.1753–1411.2007.00002.x

617. Nord, C. W. Fathers' Involvement in their children's schools NCES 98–091 / C. W. Nord, D. A. Brimhall, J. West // U.S. Department of Education Report National Center for Educational Statistics Statistical Analysis, National Household Educational Survey. – Washington, DC: 1997. – p. 34.

618. Osborne, C. Framing the Future of Responsible Fathering Evaluation Research for the Fathering Research and Practice Network 2014 [Электронный ресурс] / C. Osborne. – Access mode // http://www.frpn.org/sites/default/files/responsible%20fathering%20report_FINAl_June 14_0.pdf (call date 22.08.2017)

619. Owen, M. T. Marital conflict and the development of infant–parentattachment relationships / M. T. Owen, M. J. Cox // Journal of Family Psychology, 1997. – № 11(2). – p. 152–164. - doi:10.1037/0893–3200.11.2.152

620. Palkovitz, R. Transitions within Fathering / R. Palkovitz, G. Palm. // Fathering, 2009. – Vol. 7. – № 1. – p. 3–22. - doi: 10.3149/fth.0701.3

621. Parke, R. D. Socialisation in the Family: Ethnic and Ecological Perspectives / R. D. Parke, R. Buriel // Handbook of Child Psychology. - Vol. 3: Social, Emotional, and Personality Development (5th Ed.) / W. Damon, N. Eisenberg (Eds.). – New York: Wiley, 1998. – p. 463–552.

622. Parke, R. Family interactions in the newborn period: Some findings, some observations, and some unresolved issues / R. D. Parke, S. O'Leary // The developing individual in changing world. – Vol.2. – Social and environmental issues. / K. Riegel, J. Meacham (Eds). – The Hague: Mouton, 1976. – p. 49–62.

623. Parke, R. D. Fathers and families / R. D. Parke // Handbook of Parenting / M. H. Bornstein (Hrsg). – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1995. – s. 27–63.

624. Pedersen, F. Conceptualization of father influences in the infancy period / F. Pedersen, L. Yarrow, B. Anderson, R. Cain // The social network of developing infant. V. Lewis, L. Rosenblum (Eds). – New York: Plenum, 1978. – p. 267–289.

625. Pelchat, D. Gender differences and similarities in the experience of parenting a child with a health problem: Current state of knowledge / D. Pelchat, H. Lefebvre, M. Levert // Journal of Health Care, 2007. – № 11(2). – p. 112–131.

626. Pervin, L. A. Goal concepts: Themes, issues, and questions. / L. A. Pervin // Goal concepts in personality and social psychology / L. A. Pervin (Ed.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Incorporated, 1989. – p. 473–479.

627. Piotrowski, K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. / K. Piotrowski, // Scandinavian Journal of Psychology, 2018. – № 59. – river 157–166. - DOI:https://doi.org/10.1111/sjop.12416

628. Pleck, J. H. Why could father involvement benefit children? Theoretical perspectives / J. H. Pleck // Applied Developmental Science, 2007. – № 11(4). – p. 1–7.

629. Pleck, J. H. Fathering and Masculinity / J. H. Pleck // The role of the father in child development (5rd ed.) / M. E. Lamb (Ed.). – New York: Wiley, 2010. – p. 27–57.

630. Pleck, J. H. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents. / J. H. Pleck, S. Hofferth // Fathering, 2008. – № 6. – p. 267–286.

631. Pleck, J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences. / J. H. Pleck // The role of the father in child development (5th ed.) / M. E. Lamb (Ed.). – New York: Wiley, 2010. – p. 58–93.

632. Pruett, K. Fatherneed: Why father care is as essential as mother care for your child / K. Pruett. – New York: Free Press, 2000. – p. 125.

633. Radin, N. The Role of the Father in Cognitive, Academic, and Intellectual Development / N. Radin // The Role of the Father in Child Development / M. E. Lamb (Ed.). – New York: John Wiley & Sons, 1981. – p. 379–427.

634. Rane, T. R. Identity theory as a guide to understanding fathers. involvement with their children / T. R. Rane, B. A. McBride // Journal of Family Issues, 2000. – № 21. – p. 347–366,

635. Rendina, I. Father involvement in fiert–born infants / I. Rendina, J. Dickersheid // Family Coordinator, 1976. – № 25. – p. 373–379.

636. Riabov, O. Remasculinization of Russia? Gender, Nationalism and Legitimation of Power under Vladimir Putin / O. Riabov, T. Riabova // Problems of Post-Communism, 2014. – Vol. 61. – № 2. – p. 23–35.

637. Richter, R. Vom Mann zum Vater – Praxismaterialien für die Bildungsarbeit mit Vätern / R. Richter, M. Verlinden. – Münster.: VOTUM Verlag, 2000. – 100 s.

638. Roberts, J. A. Materialism and satisfaction with over–all quality of life and eight life domains / J. A. Roberts, A. Clement //Social Indicators Research, 2007. – № 82. – p. 79–92. - doi 10.1007/s11205–006–9015–0

639. Rokeach, M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. – New York: Free Press, 1973. – 438 p.

640. Rominov, H. Fathers' postnatal distress, parenting selfefficacy, later parenting behavior, and children's emotional-behavioral functioning: A longitudinal study / H. Rominov, R. Giallo, T.A. Whelan // Journal of Family Psychology, 2016. – № 30(8). – p. 907–917.

641. Rosenberg, J. The importance of fathers in the healthy development of children: Fathers and their impact on children's well–being [Электронный документ] / J. Rosenberg, W. Wilcox // B. U.S. Children's Bureau, U.S. Children's Bureau, Office on Child Abuse and Neglect, 2006. – Access mode: https://www.childwelfare.gov/pubPDFs/fathering.pdf (call date 18.09. 2017)

642. Roskam, I. Do mothers and fathers moderate the influence of each other's self–efficacy beliefs and parenting beahviors on children's extermalizing behavior? / I. Roskam, J. Meunier, M. Stieveneart // Journal of Child and Family Studies, 2016. – № 25(6). – p. 2034–2045. - doi: 10.1007/s10826–016–0365–1.

643. Rossi, A. S. Of human bonding / A. S. Rossi, P. H. Rossi. – New York: Aldine deGruyter, 1992. – p. 35.

644. Rotkirch, A. All that she wants is a (nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance/ A. Rotkirch // Journal of Evolutionary Psychology, 2007. – № 5. – p. 89–104.

645. Russell, A. Mother-son, mother-daughter, father-son, and father-daughter: Are they distinct relationships? / A. Russell, J. Saebel // Developmental Review, 1997. – № 17. – p. 111–147.

646. Rust, J. The Role of Brothers and Sisters in the Gender Development of Preschool Children / J. Rust, S. Golombok, M. Hines, K. Johnston // Journal of Experimental Child Psychology, 2000. – № 77. – p. 292–303.

647. Schaefer, E.S. Development of parental attitude research instrument / E. S. Schaefer, R. Q. Bell // Child development, 1958. – № 29. – p. 339–361.

648. Schneider, W. Die neuen Väter – Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft / W. Schneider. – Augsburg: AV-Verlag, 1989. – 177 s.

649. Schoppe-Sullivan, S. J. Maternal gatekeeping, coparenting quality, and fathering behavior in families with infants / S. J. Schoppe-Sullivan, G. L. Brown, E. A. Cannon, S. C. Mangelsdorf, M. S. Sokolowski // Journal of Family Psychology, 2008. – № 22(3). – p. 389–398. - doi: 10.1037/0893–3200.22.3.389

650. Seidel, K. Paternal Deprivation Affects the Development of Corticotrophin–Releasing Factor–Expressing Neurones in Prefrontal Cortex, Amygdala and Hippocampus of the Biparental Octodon degus. / K. Seidel, G. Poeggel, R. Holetschka, C. Helmeke, K. Braun // Journal of Neuroendocrinology, 2011. – № 23. – p. 1166–1176. - doi:10.1111/j.1365–2826.2011.02208.x

651. Seltzer, J. A. Relationships between fathers and children who live apart: The father's role after separation / J. A. Seltzer // Journal of Marriage and the Family, 1991. – № 53. – p. 79–101.

652. Sevigny, P. R. Predictors of parenting self-efficacy in mothers and fathers of toddlers / P. R. Sevigny, L. Loutzenhiser // Child: care, health and development, 2010. – № 36(2). – 179–180. - doi:10.1111/j.1365–2214.2009.00980.x

653. Shannon, J. D. Beyond rough andtumble: Low–income fathers' interactions and children's cognitive development at 24 months. / J. D. Shannon, C. S. Tamis-LeMonda, K. London, N. Cabrera // Parenting: Science and Practice, 2002. – № 2(2). – p. 77–104. -doi: 0.1207/S15327922PAR0202_01

654. Sheldon, K. M. Self–concordance, goal-attainment, and the pursuit of happiness: Can there be an upward spiral? / K. M. Sheldon, L. Houser-Marko // Journal of Personality and Social Psychology, 2001. – № 80. – p. 152–165.

655. Sherman, P.W. Behavioural ecology: father knows best/ P. W. Sherman, B. D. Neff // Nature, 2003. – № 425(6954). – p. 136–137.

656. Simmons, D. Does academic training make a difference in the practices of marriage and family therapists? / D. Simmons, W.J. Doherty // Journal of Marital and Family Therapy, 1998. – № 24. – p. 321–336.

657. Singh, N. Research Note and Review of the Empirical Ethical Decision–Making Literature: Boundary Conditions and Extensions. / N. Singh, Y. Park, K. Lehnert // Journal of Business Ethics, 2015. – № 129 (1). – p. 195–219.

658. Snarey, J. How fathers care for the next generation: A four–decade study / J. Snarey. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993. – 403 p.

659. Stryker, S. Identity theory: Developments and extensions / S. Stryker // Self and identity: Psychosocial perspectives / K. Yardley, T. Honess (Eds.). – New York: Wiley, 1987. – p. 89–103.

660. Tach, L. Parenting as a «package deal»: Relationships, fertility, and nonresident father involvement among unmarried parents / L. Tach, R. Mincy, K. Edin // Demography, 2010. – № 47(1). – p. 181–204. - doi: 10.1353/dem.0.0096

661. Teachman, J. D. The childhood living arrangements of children and the characteristics of their marriages / J. D. Teachman // Journal of Family Issues, 2004. – № 25(1). – p. 86–111. - doi: 10.1177/0192513X03255346

662. The White House. Promoting responsible fathering [Electronic Document] Washington, DC: The White House, 2012. – Access mode https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/fathering_report_6.13.12_final.pdf (call date 12.10.2017)

663. Thompson, L. Gender in Families: Women and men in marriage, work, and parenthood / L. Thompson, A. J. Walker // Journal of Marriage and the Family, 1989. – № 51(4). – p. 845–871. - doi: 10.2307/353201

664. Tolfree, D. Roofs and Roots: The care of separated children in the developing world / D. Tolfree. International Save the Children Alliance, A Last Resort: The Growing Concern about Children in Residential Care London, Save the Children UK, 2003. – p. 15.

665. Townsend, N. The package deal: Marriage, work, and fathering in men's lives / N. Townsend. - Philadelphia, PA: Temple University Press, 2002. – p. 23–34.

666. Tremblay, S. Perceptions of fathering: Longitudinal reciprocal associations within the couple / S. Tremblay, T. Pierce // Canadian Journal of Behavioral Science, 2011. - № 43(2). – p. 99–110.

667. U.S. Census Bureau. Statistical abstract of the United States, 2012 [Electronic document] Access mode: http://www.census.gov/library/publications/2011/compendia/statab/131ed.html (circulation date 12.11.2017)

668. U.S. Census Bureau. America's families and living arrangements, 2015. [Electronic document] Access mode: https://www.census.gov/hhes/families/data/cps2015FG.html (circulation date 12.11.2017).

669. U.S. Department of Health and Human Services. ASEP Issue Brief: Information on poverty and income statistics, 2012. [Electronic document] Access mode: http://aspe.hhs.gov/hsp/12/PovertyAndIncomeEst/ib.shtml (circulation date 12.11.2017).

670. U.S. Department of Health and Human Services. Healthy Marriage and Responsible Fathering Q & A on 2014 non–competitive continuation application. Office of Family Assistance. [Electronic document] access Mode: Retrieved from http://www.acf.hhs.gov/sites/default/files/ofa/hmrf_ttcw_continuationfaqs.pdf (date of the address 12.11.2017).

671. United States Department of Health and Human Services. (2011, July). Promoting Responsible Fathering: Effective Parenting. Federal Research Site. [Electronic document] Access mode: http://fathering.hhs.gov/Parenting/index.shtml(circulation date 12.11.2017).

672. Utrata, J. Keeping the Bar Low: Why Russia's Nonresident Fathers Accept Narrow Fathering Ideals / J. Utrata // Journal of Marriage and Family, 2008. – № 70. – p. 1297–1310. - doi:10.1111/j.1741–3737.2008.00567.x

673. Varghese, C. The determinants of father involvement and connections to children's literacy and language outcomes: A review of literature / C. Varghese, J. Wachen // Marriage and Family Review, 2016. – № 52(4). – p. 331–359.

674. Waller, M. R. Family man in the other America: New opportunities, motivations, and supports for paternal caregiving / M. R. Waller // Annals of the American Academy

of Political and Social Science, 2009. – № 624(1). – p. 156–176. - doi: 10.1177/0002716209334372

675. Wallerstein, J. S. The Long–Term Effects of Divorce on Children: A Review. / J. S. Wallerstein //Journal of theAcademy of Child Adolescent Psychiatry, 1991. – № 30(3). – p. 349–360.

676. Waterman, A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research / A. S. Waterman // Developmental Psychology, 1982. – № 18. – p. 341–358.

677. Wee, K. Y. Correlates of anteand postnatal depression in fathers: A systematic review / K. Y. Wee, H. Skouteris, C. Pier, B. Richardson, J. Milgrom // Journal of Affective Disorders, 2011. – № 130(3). – p. 358–377.

678. Williams, K. Child Maltreatment and Paternal Deprivation: A Manifesto for Research, Prevention, and Treatment / K. Williams // Clinical Sociology Review, 1987. - Vol. 5. – №. 1. - Article 22. – doi //: http://digitalcommons.wayne.edu/csr/vol5/iss1/22.

679. Zill, N. Longterm effects of parental divorce on parent–child relationships, adjustment, and achievement in young adulthood / N. Zill, D. R. Morrison, M. J. Coiro // Journal of Family Psychology, 1993. – № 7. – p. 91–103.

680. Zirkel, S. Personal construal of life tasks: Those who struggle for independence / S. Zirkel, N. Cantor // Journal of personality and social psychology, 1990. – № 58 (1). – p. 172.

List of illustrative material

List of tables

	Table Name	Page
1.	Table 3.2.1. Descriptive statistics of the preschool group	468
2.	Table 3.2.2. Comparison of data of children from full and one-parent families by Student's t-test	162
3.	Table 3.2.3. Comparison of data from children from full and one-parent families on the Mann-Whitney U criterion	162
4.	Table 3.2.4. Distribution of subjects by cluster for preschool sample	165
5.	Table 3.2.5 Distribution of test subjects after clustering by two parameters	468
6.	Table 3.2.6. Calculation of weight coefficients of integral index components based on expert survey data	171
7.	Table 3.2.7. Descriptive statistics by integral indicator for the whole group of preschoolers	469
8.	Table 3.2.8. Descriptive statistics on the integral indicator of preschool children from single-parent families	469
9.	Table 3.2.9. Descriptive statistics on the integral indicator of preschool children from Two-parent Families	469
10.	Table 3.2.10. Results of comparison of the integral index of preschool children from full and one-parent families according to Student's t-criterion	173
11.	Table 3.3.1. Descriptive statistics of the sample of junior schoolchildren	470
12.	Table 3.3.2. Results of comparison of primary school-age children from full-time and one-parent families by Student's test	176
13.	Table 3.3.3. Distribution of subjects by clusters for the sample of junior schoolchildren	189
14.	Table 3.3.4 Descriptive statistics on integral indicator for the whole group of junior schoolchildren	471
15.	Table 3.3.5. Descriptive statistics on the integral indicator of younger schoolchildren from single-parent families	471
16.	Table 3.3.6. Descriptive statistics on the integral indicator of younger schoolchildren from Two-parent Families	471
17.	Table 3.3.7. Results of comparison of the integral indicator of junior schoolchildren from full and incomplete families according to Student's t-criterion	184
18.	Table 3.3.8. Comparison of integral indicator analysis results from preschool and junior student samples with Student's t-test for independent variables	175
19.	Table 3.4.1. Descriptive statistics for the adolescent group	474
20.	Table 3.4.2. Descriptive Statistics for Clusters	476
21.	Table 3.4.3. Distribution of subjects by cluster for the selection of adolescents and boys	189
22.	Table 3.4.4. Distribution of subjects by cluster according to age for a sample of adolescents and boys	191
23.	Table 3.4.5. Descriptive statistics by integral indicator for the entire group of adolescents and boys	477
24.	Table 3.4.6. Descriptive statistics on the integral indicator of adolescent children and boys from single-parent families	477
25.	Table 3.4.7. Descriptive statistics on the integral indicator of adolescent children and young men from Two-parent Families	478
26.	Table 3.4.8. Results of the comparison of the integral indicator of adolescents and young men from full and incomplete families according to Student's t-criterion	196
27.	Table 3.4.9. Comparison of integral indicator analysis results from preschool	197

	and adolescent and youth samples from Student's t-test for independent variables	
28.	Table 3.4.10. Comparison of the results of the analysis of the integral indicator on samples of junior schoolchildren and adolescents and young men on Student's t-criterion for independent variables	198
29.	Table 3.5.1. Descriptive statistics for the adult sample	487
30.	Table 3.5.2. Descriptive statistics for the first cluster	489
31.	Table 3.5.3. Descriptive statistics for the second cluster	489
32.	Table 3.5.4 Descriptive statistics by value scales for the first cluster of adult samples	490
33.	Table 3.5.5. Descriptive statistics on value scales for the second cluster of adult samples	490
34.	Table 3.5.6. Distribution of subjects by cluster according to age for adult sample	205
35.	Table 3.5.7. Descriptive statistics for cluster 1.1 by adult sample	491
36.	Table 3.5.8. Descriptive statistics for cluster 1.2. by adult sample	493
37.	Table 3.5.9. Descriptive statistics for cluster 2.1. by adult sample	495
38.	Table 3.5.10. Descriptive statistics for cluster 2.2. by adult sample	497
39.	Table 3.5.11. Descriptive statistics by integral indicator for the entire group of fathers in adulthood	211
40.	Table 3.5.12. Comparison of integral score analysis results from fathers samples of different clusters by Student's t-test for independent variables	213
41.	Table 3.5.13. Comparison of integral score analysis results from samples of male and adolescent fathers and boys by Student's t-test for independent variables	214
42.	Table 3.5.14. Comparison of integral indicator analysis results from samples of fathers and men without children in adulthood by Student's t-test for independent variables	214
43.	Table 3.5.15. Comparison of integral score analysis results from first-cluster fathers and non-fathers samples during adulthood by Student's t-test for independent variables	215
44.	Table 3.5.16. Correlation analysis results	216
45.	Table 3.5.17. Descriptive male sample statistics	499
46.	Table 3.5.18. Relationship with father in childhood with different parameters	219
47.	Table 3.5.19. Relationship of satisfaction with marriage with different parameters	219
48.	Table 3.5.20. Relationship of satisfaction with marriage with different parameters in men who grew up without a father	220
49.	Table 3.5.21. Parameters related to the absence of the father in childhood	222
50.	Table 3.5.22. Parameters related to Two-parent Family upbringing	222
51.	Table 3.5.23. Relationships of parameters in the group of men from an incomplete family	223
52.	Table 3.5.24. Relationships of parameters in the group of full-family men	224
53.	Table 3.5.25 Results of comparison of groups of men and women without children according to Student's t-criterion	225
54.	Table 3.5.26. - Results of factor analysis for a sample of women without children	228
55.	Table 3.5.27 - Results of factor analysis for the sample of men without children	230
56.	Table 3.5.28. Results of comparison of fathers and mothers groups by Student t-test	233
57.	Table 3.5.29 - The "Feeling of Parental Identity" Factor for Mothers	240

58. Table 3.5.30 - "Purpose in life" factor for mothers 241
59. Table 3.5.31. - The "Feeling of parental identity" factor for fathers 242
60. Table 3.5.32. - "Purpose in life" factor for fathers 243
61. Table 3.5.33. - "Age-related transformations of parenthood" for fathers 244
62. Table 3.5.34. - "Search and obligations in fathering" factor for fathers 245
63. Table 4.1.1. Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering at the stage of formation 508
64. Table 4.1.2. Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering in junior school age 509
65. Table 4.1.3. Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering in early and late adolescence 510
66. Table 4.1.4.Basic characteristics of fathering readiness 510
67. Table 4.1.5. Key characteristics of a constructive fathering strategy in adulthood 511
68. Table 4.1.6. Characterization of a constructive and unconstructive fathering strategy in early adulthood 512
69. Table 4.3.1. Technologies for optimizing the formation of psychological readiness for fathering 514
70. Table 4.3.2. Summary of classes on the development of constructive fathering strategies for adolescents and boys and men in adulthood 515
71. Table 4.3.3. The main conditions and possibilities of optimizing the formation of psychological readiness for fathering and the development of constructive fathering strategies 433
72. Table 5.1.1. Results of comparison of experimental and control group of preschoolers before exposure 326
73. Table 5.1.2. Comparison of data from the experimental and control preschoolers group on the Mann-Whitney U criterion before exposure 327
74. Table 5.1.3. Comparison of results of the experimental group before and after training to Student's t-test for dependent samples 327
75. Table 5.1.4. Comparison of the results of the experimental group before and after training according to the Wilcoxon criterion 328
76. Table 5.1.5. Results of comparison of the experimental group of preschoolers before and after training by integral indicator 328
77. Table 5.1.6. Results of comparison of experimental and control group of preschoolers after training 329
78. Table 5.1.7. Comparison of data from the experimental and control preschoolers group on the Mann-Whitney U criterion 329
79. Table 5.1.8. Results of comparison of the experimental and control group of preschoolers by components of the post-exposure fathering strategy 330
80. Table 5.2.1. Descriptive statistics of the sample of junior students of the experimental group 472
81. Table 5.2.2. Descriptive statistics of the sample of junior schoolchildren of the control group 473
82. Table 5.2.3. Results of comparison of primary school-age children from experimental and Student test control groups 336
83. Table 5.2.4. Results of comparison of primary school-age children from experimental and control groups by integral indicator by Student's criterion 337
84. Table 5.2.5. Distribution of test control and experimental groups by clusters for a sample of junior schoolchildren 345
85. Table 5.2.6. Relationships within fathering strategy parameters in control group children 346
86. Table 5.2.7. Relationships within fathering strategy parameters in control 347

group children
87. Table 5.3.1. Descriptive statistics of the experimental group of adolescents prior to exposure (2016) 479
88. Table 5.3.2. Descriptive statistics of the pre-exposure control group (2016) 481
89. Table 5.3.3. Descriptive statistics of the experimental group of adolescents after training (2016) 483
90. Table 5.3.4. Descriptive statistics of the control group after training (2016) 484
91. Table 5.3.5. Results of comparison of experimental and control groups after training by Student's t-test (2016) 486
92. Table 5.3.6. Results of comparison of experimental and control groups by integral indicator after training by Student's t-criterion (2016) 451
93. Table 5.3.7. Relationships within fathering strategy parameters in the control group 454
94. Table 5.3.8. Relationships within the parameters of the fathering strategy in the experimental group 356
95. Table 5.4.1 Comparison of experimental and control group results 361
96. Table 5.4.2. Comparison of fathering parameters of the experimental and control groups (2016) 362
97. Table 5.5.1. Descriptive statistics of the pilot sample prior to the pilot impact (2004) 500
98. Table 5.5.2. Descriptive statistics of the experimental sample after experimental exposure (2004) 502
99. Table 5.5.3. Comparison of results of the experimental group before and after training to Student's t-test for dependent samples (2004) 504
100 Table 5.5.4. Evaluation of the effectiveness of training on average indicators 366
101 Table 5.5.5. Comparison of experimental and control groups after training by Student's t-test (2016) 505
102 Table 5.5.6 Comparison of results of the experimental group before and after training to Student's t-test for dependent samples (2016) 506
103 Table 5.5.7. Results of comparison of men of experimental and control groups after training by integral indicator according to Student's criterion 373

Picture List

	Picture Name	Page
1.	Figure 1.2.1. Functional fathering model	54
2.	Figure 1.3.1. Content of Fathering Strategy Components	76
3.	Figure 1.3.2. Structural and functional characteristics of psychological readiness for fathering	79
4.	Figure 1.3.3.Model of formation of psychological readiness for fathering	83
5.	Figure 2.1.1. Psychological effects of fathering strategies	106
6.	Figure 3.2.1. Results of cluster analysis in the preschool group	163
7.	Figure 3.2.2. Results of K clustering of average data in preschoolers sample	164
8.	Figure 3.2.3. Results of cluster analysis by two parameters in the preschool group	166
9.	Figure 3.2.4. Results of clustering of data by two parameters by method K of average in a sample of preschoolers	167
10.	Figure 3.2.5. Distribution of test subjects after clustering by two parameters	168
11.	Figure 3.2.6. Distribution of variances by "gender-typical behavior" indicator by clusters for preschool sample	169
12.	Figure 3.2.7. Distribution of the results of the integral indicator into four clusters	174
13.	Figure 3.2.8. Distribution of the results of the integral measure into three clusters	174
14.	Figure 3.3.1. Results of cluster analysis in the group of junior schoolchildren	177
15.	Figure 3.3.2. Results of K clustering of secondary data in a sample of junior schoolchildren	178
16.	Figure 3.3.3. Results of K clustering of secondary data in a sample of primary schoolchildren (gender attitudes and responsibilities)	179
17.	Figure 3.3.4. Results of K clustering of secondary data in a sample of primary schoolchildren (values)	180
18.	Figure 3.3.5. Distribution of subjects by clusters for the sample of junior schoolchildren	181
19.	Figure 3.3.6. Distribution of integrated indicator results by clusters for a sample of junior schoolchildren	184
20.	Figure 3.4.1. Results of cluster analysis in the group of adolescents and boys	187
21.	Figure 3.4.2. Results of K clustering of average data in a sample of adolescents and boys	188
22.	Figure 3.4.3. Results of K clustering of data by mean in a sample of adolescents and boys (responsibility and maturity parameters)	189
23.	Figure 3.4.4. Distribution of subjects by cluster for the selection of adolescents and boys	190
24.	Figure 3.4.5. Distribution of subjects by cluster according to age for a sample of adolescents and boys	192
25.	Figure 3.4.6. Distribution of adolescent and youth subjects by cluster at 15 years of age	192
26.	Figure 3.4.7. Distribution of adolescent and youth subjects by cluster at 16 years of age	193
27.	Figure 3.4.8. Distribution of teenagers and young men by cluster at 17 years of age	193

28.	Figure 3.4.9. Distribution of integral indicator results by cluster for a sample of adolescents and boys	197
29.	Figure 3.5.1. Results of cluster analysis in the adult group	200
30.	Figure 3.5.2 Results of K clustering of data by mean in a sample of adults (fathering characteristics)	201
31.	Figure 3.5.3 Results of K clustering of data by mean in a sample of adults (maturity)	203
32.	Figure 3.5.4. Results of K clustering of data by mean in a sample of adults (Purpose in life and responsibility)	204
33.	Figure 3.5.5 Results of data clustering by K method of average in adult sample (values)	204
34.	Figure 3.5.6. Results of K clustering of average data in a sample of adults within the first cluster	206
35.	Figure 3.5.7. Results of K clustering of average data in a sample of adults within the first cluster	208
36.	Figure 3.5.8. Distribution of integral score results by clusters for a sample of fathers in adulthood	212
37.	Figure 3.5.9 - Results of variance analysis of parameters of relationship with parents in men and women without children	226
38.	Figure 3.5.10 - Results of variance analysis of parental identity parameters in men and women without children	227
39.	Figure 3.5 11. - Results of variance analysis of identity formation processes in men and women without children	227
40.	Figure 3.5.12. Differences in marriage satisfaction and child relationship satisfaction between fathers and mothers	234
41.	Figure 3.5.13. Differences in parental identity of fathers and mothers	235
42.	Figure 3.5.14 - Differences in the processes of parental identity formation according to the U-MICS-PI method in fathers and mothers	235
43.	Figure 3.5.15. - Differences in identity (ISRI) in fathers and mothers	236
44.	Figure 3.5.16. - Differences in identity sense (ISRI) and parental identity (ISRI-PI) in fathers and mothers	236
45.	Figure 3.5.17 - Differences in Parental Identity Scales (ISRI-PI) in Fathers and Mothers	237
46.	Figure 3.5.18 - Differences in commitment scales (DIDS) in fathers and mothers	237
47.	Figure 3.5.19. - Differences in search scales (DIDS) in fathers and mothers	238
48.	Figure 3.5.20. - Differences in fathers and mothers' LMS scales	239
49.	Figure 4.3.1. Conditions, mechanisms and effects of developing psychological readiness for fathering	513
50.	Figure 4.3.2. Areas of work to optimize fathering readiness	290
51.	Figure 4.3.3. Scheme of psychological and pedagogical support for the formation of psychological readiness for fathering and the development of a constructive fathering strategy	315
52.	Figure 5.1.1. Results of variance analysis with repeated measurements by parameter gender settings for group of preschoolers	330
53.	Figure 5.1.2. Variance analysis with repeated measurements by parameter gender-typical behavior	331
54.	Figure 5.1.3. Dispersion analysis with repeated measurements by the moral norm parameter	332
55.	Figure 5.1.4. Variance analysis with repeated measurements by maturity parameter	333

56.	Figure 5.2.1. Comparison of gender attitudes of children in experimental and control groups	338
57.	Figure 5.2.2. Comparison of gender self-esteem of children in experimental and control groups	339
58.	Figure 5.2.3. Comparison of the gender assessment of the father by the children of the experimental and control groups	339
59.	Figure 5.2.4. Comparison of assessment of father's role by children of experimental and control groups	340
60.	Figure 5.2.5. Comparison of the assessment of the role of the father in the upbringing of children of experimental and control groups	341
61.	Figure 5.2.6. Comparison of the assessment of the father's role in the emotional climate of the family by the children of the experimental and control groups	341
62.	Figure 5.2.7 Comparison of assessment of father's role in family culture by children of experimental and control groups	342
63.	Figure 5.2.8. Comparison of the assessment of the role of the father in the material sphere of the family by the children of the experimental and control groups	343
64.	Figure 5.2.9. Comparison of parameters of responsibility and moral motivation of behavior of children of experimental and control groups	343
65.	Figure 5.2.10. Comparison of maturity parameters of children of experimental and control groups	344
66.	Figure 5.5.1. Assessment of typical difficulties associated with childbirth by men of the experimental group before and after training	368
67.	Figure 5.5.2. Comparison of paternal settings of men control and experimental groups before and after training	370
68.	Figure 5.5.3. Comparison of male parental identity parameters of control and experimental groups before and after training	371
69.	Figure 5.5.4. Comparison of the parameter of overall comprehensiveness of life of men of control and experimental groups before and after the parameter exposure	372
70.	Figure 5.5.5. Comparison of the parameter of ability to psychological intimacy of men of control and experimental groups before and after the parameter exposure	372
71.	Figure 5.5.6. Comparison of the integral score of male control and experimental groups after parameter exposure	374

APPLICATIONS

Appendix 1

Table 3.2.1. - Descriptive statistics of the preschool group

Parameters	N nabl.	M	Median	Mjde	Sum	Min	Maxim.	Dispersion
Group	84	1,82	2,00	2,00	153,00	1,00	2,00	0,15
family	84	1,70	2,00	1,00	143,00	1,00	3,00	0,57
age	84	5,36	5,00	5,00	450,00	4,00	7,00	0,38
Gender-typical behavior	84	62,64	62,00	Mr.	5262,00	49,00	80,00	36,37
Gender attitudes	84	8,90	9,00	9,00	748,00	6,00	12,00	1,75
Moral standards	84	11,41	12,00	12,00	959,00	6,00	15,00	6,46
Maturity and self-regulation	84	36,76	37,00	37,00	3088,00	23,00	48,00	37,17
Gender-typical behavior *	84	63,44	65,00	56,00	5329,00	49,00	80,00	43,98
Gender New Settings *	84	8,90	9,00	9,00	748,00	6,00	12,00	1,75
Moral standards *	84	11,76	12,00	12,00	988,00	6,00	15,00	5,85
Maturity and self-regulation *	84	38,57	39,00	37,00	3240,00	23,00	49,00	36,44

Table 3.2.5. - Distribution of test subjects after clustering by two parameters

	group	Cluster 1	Cluster 2	Cluster 3	**In total**
Frequency	**1**	14	18	8	40
% by Line		35	45%	20%	
Frequency	**2**	4	16	9	29
% by Line		13%	55%	31%	
Frequency	**3**	3	6	6	15
% by Line		20%	40%	40%	
Frequency	**In total**	21	40	23	84

Table 3.2.7. - Descriptive statistics on the integral indicator for the whole group of preschoolers

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Integral indicator	86	0,60	0,58	Mr.	0,54	0,81	0,002	0,04
Praxiological component	86	0,63	0,62	Mr.	0,49	0,80	0,003	0,06
Axiological component	86	0,54	0,50	0,55	0,50	1,00	0,012	0,11
Reflexive regulatory component	86	0,58	0,55	0,52	0,45	0,94	0,014	0,11

Table 3.2.8. - Descriptive statistics on the integral index of preschool children from single-parent families

Parameters	N nab.	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Praxiological component	40	0,60	0,59	0,56	0,49	0,80	0,003	0,06
Axiological component	40	0,55	0,50	0,55	0,50	1,00	0,011	0,10
Reflexive regulatory component	40	0,57	0,52	0,52	0,45	0,94	0,01	0,10
Integral indicator	40	0,59	0,56	Mr.	0,54	0,73	0,00	0,03

Table 3.2.9. - Descriptive statistics on the integral index of preschool children from Two-parent Families

Parameters	N nab.	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD.
Praxiological component	46	0,64	0,62	0,56	0,49	0,80	0,003	0,06
Axiological component	46	0,57	0,52	0,55	0,50	1,00	0,010	0,10
Reflexive regulatory component	46	0,58	0,52	0,52	0,45	0,94	0,011	0,10
Integral indicator	46	0,62	0,56	Mr.	0,54	0,77	0,001	0,044

Appendix 2

Table 3.3.1. - Descriptive statistics of the sample of junior schoolchildren

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD.
Age	45	10,13	11,0	11,00	9,00	12,00	0,981	0,990
Family	45	1,733	2,00	2,00	1,00	2,00	0,200	0,447
Gender attitudes	45	1,913	2,00	2,00	1,20	2,00	0,029	0,171
Gender self-assessment	45	3,660	4,20	4,20	1,50	5,00	1,256	1,120
Gender assessment of the father	45	4,264	4,80	5,00	0,00	5,00	1,256	1,121
Parenting	45	2,537	2,80	3,00	1,00	3,10	0,348	0,590
Material factor	45	1,688	2,00	2,00	1,00	4,00	0,582	0,763
Emotional climate	45	2,828	3,00	3,00	2,00	4,00	0,268	0,518
Leisure	45	2,582	2,60	2,60	1,30	4,00	0,500	0,707
Economic sphere	45	2,435	2,60	3,00	1,60	3,20	0,275	0,524
Family culture	45	2,266	2,300	A lot.	1,00	4,00	0,412	0,642
Moral attitudes	45	2,333	2,00	4,00	0,00	4,00	1,818	1,348
Responsibility	45	3,866	4,00	5,00	2,00	5,00	1,027	1,013
Attitude to the family	45	12,178	13,00	12,00	-16,00	28,00	71,422	8,451
Attitude to the world	45	16,889	17,00	27,00	-11,00	28,00	57,14	7,55

Table 3.3.4. - Descriptive statistics on the integral indicator for the whole group of junior schoolchildren

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Praxiological component	45	0,67	0,60	Mr.	0,40	1,00	0,04	0,20
Axiological component	45	0,62	0,58	Mr.	0,54	0,80	0,01	0,07
Reflexive regulatory component	45	0,61	0,58	Mr.	-0,03	0,84	0,03	0,17
Integral indicator	45	0,62	0,60	Mr.	0,44	0,89	0,02	0,14

Table 3.3.5. - Descriptive statistics on the integral indicator of junior schoolchildren from single-parent families

Parameters	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Praxiological component	0,64	0,60	0,60	0,40	1,00	0,04	0,20
Axiological component	0,50	0,60	0,68	0,44	0,78	0,01	0,08
Reflexive regulatory component	0,41	0,46	0,48	-0,03	0,68	0,03	0,18
Integral indicator	0,59	0,56	Mr.	0,44	0,81	0,01	0,12

Table 3.3.6. - Descriptive statistics on the integral indicator of primary school children from Two-parent Families

Parameters	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Praxiological component	0,67	0,50	Mr.	0,40	1,00	0,04	0,19
Axiological component	0,62	0,60	Mr.	0,56	0,80	0,00	0,07
Reflexive regulatory component	0,62	0,59	0,55	0,17	0,84	0,02	0,15
Integral indicator	0,62	0,59	Mr.	0,48	0,89	0,02	0,13

Table 5.2.1. - Descriptive statistics of the sample of junior students of the experimental group

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
Age	21	9,48	9,00	9,00	9,00	11,00	0,66	0,81
Family	21	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	0,00	0,00
Gender attitudes	21	1,97	2,00	2,00	1,70	2,00	0,01	0,08
Gender self-assessment	21	3,96	4,20	4,20	1,50	5,00	1,07	1,03
Gender assessment of the father	21	4,69	4,80	5,00	3,40	5,00	0,18	0,42
Parenting	21	2,56	3,00	3,00	1,00	3,10	0,36	0,60
Material factor	21	1,62	2,00	2,00	1,00	3,00	0,35	0,59
Emotional climate	21	2,92	3,00	3,00	2,30	4,00	0,22	0,47
Leisure	21	2,55	2,60	2,00	1,30	3,60	0,47	0,68
Economic sphere	21	2,42	2,60	3,00	1,60	3,00	0,29	0,54
Family culture	21	2,33	2,30	3,00	1,00	4,00	0,53	0,73
Moral attitudes	21	2,95	3,00	4,00	0,00	4,00	1,35	1,16
Responsibility	21	4,38	5,00	5,00	2,00	5,00	0,75	0,86
Attitude to the family	21	15,14	15,00	11,00	-1,00	28,00	73,02	6,56
Attitude to the world	21	20,33	20,00	27,00	6,00	28,00	33,83	5,82

Table 5.2.2. - Descriptive statistics of the sample of junior schoolchildren of the control group

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
Age	24	10,70	11,00	11,00	9,00	12,00	0,56	0,75
Family	24	1,50	1,50	Mult	1,00	2,00	0,26	0,51
Gender attitudes	24	1,87	1,95	2,00	1,20	2,00	0,05	0,21
Gender self-assessment	24	3,40	3,20	2,00	1,50	5,00	1,32	1,15
Gender assessment of the father	24	3,89	4,60	5,00	0,00	5,00	1,94	1,39
Parenting	24	2,52	2,70	3,00	1,00	3,10	0,36	0,60
Material factor	24	1,75	2,00	1,00	1,00	4,00	0,80	0,90
Emotional climate	24	2,75	2,80	2,30	2,00	4,00	0,31	0,55
Leisure	24	2,61	2,60	2,60	1,30	4,00	0,55	0,74
Economic sphere	24	2,45	2,55	3,00	1,60	3,20	0,28	0,53
Family culture	24	2,21	2,30	Mult	1,00	3,00	0,32	0,56
Moral attitudes	24	1,79	2,00	1,00	0,00	4,00	1,65	1,28
Responsibility	24	3,42	3,00	3,00	2,00	5,00	0,86	0,93
Attitude to the family	24	9,58	12,00	12,00	-16,00	28,00	84,17	9,17
Attitude to the world	24	13,87	13,50	11,00	-11,00	28,00	59,60	7,72

Annex 3

Table 3.4.1. - Descriptive statistics for a group of adolescents

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Responsibility	64	14,15	14,00	Mult	7,00	20,00	6,61	2,57
Reflexivity	64	5,31	5,01	Mult	2,00	7,00	11,09	2,45
Maturity	64	53,97	50,00	48,00	37,00	81,00	127,00	11,27
Motivation of achievements (Gilbuch)	64	19,63	19,00	17,00	10,00	33,00	14,55	3,81
Sense of civic duty. (Gilbuch)	64	26,36	27,00	27,00	11,00	51,00	40,72	6,38
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	64	8,76	8,00	7,00	4,00	18,00	11,05	3,32
Life setting. (Gilbuch)	64	19,02	18,00	12,00	10,00	33,00	38,53	6,21
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	64	11,24	11,00	11,00	6,00	21,00	10,46	3,23
Parenting	64	2,49	2,80	3,00	1,00	3,10	0,42	0,65
Material factor	64	1,90	2,00	2,00	1,00	4,00	0,61	0,78
Emotional climate	64	3,07	3,00	3,00	2,00	4,00	0,31	0,56
Leisure	64	2,69	2,60	2,60	1,30	3,60	0,29	0,54
Economic sphere	64	2,54	2,60	3,00	1,60	3,00	0,21	0,46
Family culture	64	2,39	2,30	3,00	1,00	4,00	0,47	0,68
Gender attitudes	64	21,15	21,00	21,00	15,00	27,00	12,44	3,53
Gender self-assessment	64	3,78	4,20	4,20	1,50	5,00	1,42	1,19
Caregiving Identity	64	2,68	2,80	3,00	2,00	4,00	0,27	0,52
Breadwinning Identity	64	3,22	3,00	3,00	2,00	4,50	0,33	0,57
Own prestige (OTEZ)	64	6,24	6,00	5,00	4,00	10,00	2,43	1,56
High financial status (OTEZ)	64	6,42	6,00	5,00	3,00	10,00	2,94	1,71
Creativity (OTEZ)	64	6,51	6,00	5,00	4,00	10,00	2,87	1,70
Active social contacts (OTEZ)	64	5,51	5,00	5,00	3,00	8,00	1,32	1,15
Developing Yourself (OTEZ)	64	5,68	6,00	Mult	4,00	9,00	1,77	1,33
Achievements (OTEZ)	64	5,63	6,00	5,00	4,00	7,00	0,93	0,96
Spiritual Satisfaction (OTEZ)	64	5,53	5,00	5,00	4,00	9,00	1,63	1,28
Preserving one's own identity (OTEZ)	64	5,73	5,00	5,00	4,00	9,00	1,48	1,22
Sphere of professional	64	5,88	6,00	Mult	4,00	9,00	1,00	1,00

life (OTEZ)								
Field of education and education (OTEZ)	64	5,47	5,00	5,00	3,00	9,00	1,67	1,29
Sphere of family life (OTEZ)	64	6,20	6,00	6,00	4,00	9,00	1,72	1,31
Sphere of public life (OTEZ)	64	6,02	6,00	5,00	3,00	10,00	2,50	1,58
Sphere of hobbies (OTEZ)	64	6,66	6,00	6,00	2,00	10,00	4,30	2,07

Table 3.4.2. - Descriptive statistics for clusters

	Cluster 1 20 nabl.		Cluster 2 20 nabl.		Cluster 3 18 nabl.	
Parameters	**M**	**Dispers.**	**M**	**Dispers.**	**M**	**Dispers.**
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
Responsibility	-0,47	1,36	-0,13	0,64	0,68	0,37
Reflexivity	-0,55	0,45	-0,04	0,56	0,57	0,32
Maturity	-0,63	0,37	0,06	0,89	0,63	1,06
Motivation of achievements (Gilbuch)	-0,71	0,80	0,16	0,42	0,61	1,00
Sense of civic duty. (Gilbuch)	-0,60	1,11	0,03	0,19	0,62	1,11
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	-0,06	0,47	-0,59	0,50	0,76	1,25
Life setting. (Gilbuch)	-0,03	0,90	-0,67	0,29	0,82	0,80
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	-0,31	0,53	0,03	0,69	0,30	1,79
Parenting	-0,18	0,73	0,55	0,21	-0,44	1,72
Material factor	0,07	0,77	-0,30	0,87	0,27	1,33
Emotional climate	-0,08	0,48	-0,42	1,00	0,58	1,10
Leisure	-0,46	0,57	0,37	1,34	0,08	0,77
Economic sphere	-0,42	1,03	0,22	0,74	0,20	1,09
Family culture	0,38	1,43	-0,24	0,49	-0,14	0,98
Gender attitudes	0,16	0,86	-0,34	1,03	0,22	1,02
Gender self-assessment	0,00	0,95	0,07	0,96	-0,09	1,21
Caregiving Identity (Pleck)	-0,22	1,45	0,05	0,89	0,19	0,65
Breadwinning Identity (Pleck)	-0,24	1,02	-0,26	0,90	0,56	0,73
Own prestige (OTEZ)	-0,47	0,63	0,80	0,93	-0,40	0,39
High financial status (OTEZ)	-0,28	0,66	0,78	0,88	-0,60	0,41
Creativity (OTEZ)	-0,24	0,88	0,35	1,04	-0,14	0,97
Active social contacts (OTEZ)	-0,18	1,12	0,14	0,93	0,04	1,00
Developing Yourself (OTEZ)	-0,40	0,55	-0,08	0,65	0,53	1,53
Achievements (OTEZ)	0,39	0,45	-0,45	1,14	0,10	1,12
Spiritual Satisfaction (OTEZ)	0,21	0,62	-0,19	1,66	-0,02	0,67

Preserving one's own identity (OTEZ)	-0,19	0,39	0,38	1,67	-0,23	0,73
Sphere of professional life (OTEZ)	-0,03	0,66	0,12	1,10	-0,10	1,36
Field of education and education (OTEZ)	-0,60	0,70	0,22	0,47	0,41	1,41
Sphere of family life (OTEZ)	-0,46	0,94	-0,05	0,48	0,57	1,20
Sphere of public life (OTEZ)	-0,11	0,81	-0,04	1,14	0,16	1,12
Sphere of hobbies (OTEZ)	0,04	0,98	0,19	0,76	-0,27	1,31

Table 3.4.5. - Descriptive statistics on the integral indicator for the whole group of adolescents and young men

Parameters	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD.
Reflexive regulatory component	0,67	0,63	Mr.	0,37	0,86	0,01	0,09
Axiological component	0,65	0,62	Mr.	0,56	0,78	0,00	0,05
Praxiological component *	0,71	0,60	Mr.	0,35	1,00	0,02	0,13
Integral indicator	0,65	0,57	Mr.	0,48	0,80	0,01	0,07

Table 3.4.6. Descriptive statistics on the integral indicator of adolescent children and boys from single-parent families

Parameters	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Reflexive regulatory component	0,65	0,63	0,67	0,37	0,86	0,01	0,11
Axiological component	0,63	0,58	Mr.	0,58	0,78	0,00	0,06
Praxiological component *	0,67	0,65	0,75	0,40	1,00	0,02	0,13
Integral indicator	0,61	0,57	Mult	0,48	0,80	0,01	0,08

Table 3.4.7. - Descriptive statistics on the integral indicator of adolescent children and young men from Two-parent Families

Parameters	M	Median	Mode	Min.	Max.	Disp.	SD
Reflexive regulatory component	0,66	0,65	Mult	0,41	0,66	0,00	0,06
Axiological component	0,65	0,59	Mult	0,56	0,76	0,00	0,05
Praxiological component *	0,71	0,70	0,70	0,35	0,90	0,02	0,12
Integral indicator	0,65	0,59	Mult	0,48	0,79	0,00	0,07

Table 5.3.1. - Descriptive statistics of the experimental group of adolescents prior to exposure (2016)

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Family	15	1,42	1,00	1,00	1,00	2,00	0,26	0,51
Age	15	16,50	16,00	16,00	16,00	16,00	0,00	0,00
Reflexivity	15	0,14	0,53	0,15	0,01	1,96	0,74	0,96
Maturity	15	-0,11	-0,53	-0,62	-0,88	1,96	0,74	0,86
Motivation of achievements (Gilbuch)	15	-0,15	-0,43	-0,69	-1,21	1,41	0,55	0,74
Sense of civic duty. (Gilbuch)	15	0,04	0,10	0,10	-0,84	0,57	0,12	0,35
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	15	-0,61	-0,83	-1,13	-1,43	0,97	0,48	0,69
Life setting. (Gilbuch)	15	-0,66	-0,49	-1,13	-1,13	0,32	0,19	0,44
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	15	-0,20	-0,38	-0,69	-1,62	1,78	0,84	0,92
Parenting	15	0,16	0,47	0,78	-0,76	0,78	0,47	0,68
Material factor	15	-0,21	0,13	0,13	-1,15	1,41	0,70	0,84
Emotional climate	15	-0,32	-0,12	-0,12	-1,92	1,67	0,92	0,96
Leisure	15	-0,06	-0,17	-0,17	-1,29	1,68	0,90	0,95
Economic sphere	15	-0,17	0,14	0,14	-2,04	1,01	0,91	0,96
Family culture	15	0,12	-0,13	0,89	-2,04	2,36	1,32	1,15
Gender attitudes	15	-0,27	-0,04	Mult	-1,74	1,09	0,87	0,93
Gender self-assessment	15	0,12	0,35	Mult	-1,50	1,02	0,79	0,89
Caregiving Identity (Pleck)	15	-0,34	-0,74	-1,32	-1,32	1,38	0,99	0,99
Breadwinning Identity (Pleck)	15	-0,31	-0,39	-0,39	-2,14	1,36	1,17	1,08
Own prestige (OTEZ)	15	0,39	0,49	0,49	-1,44	2,42	1,07	1,03
High financial status (OTEZ)	15	0,40	0,34	1,50	-1,41	1,50	1,17	1,08
Creativity (OTEZ)	15	0,04	-0,30	-0,89	-1,48	2,06	0,98	0,99
Active social contacts (OTEZ)	15	0,06	-0,44	-0,44	-1,31	2,17	1,12	1,06
Developing Yourself (OTEZ)	15	-0,23	-0,51	Mult	-1,26	1,74	0,83	0,91
Achievements (OTEZ)	15	-0,21	-0,65	-0,65	-1,69	1,43	1,24	1,11
Spiritual Satisfaction (OTEZ)	15	0,21	-0,41	-0,41	-1,19	2,72	1,74	1,32

Preserving one's own identity (OTEZ)	15	0,44	0,22	Mult	-1,42	2,69	1,72	1,31
Sphere of professional life (OTEZ)	15	-0,04	0,12	0,12	-1,88	1,12	0,80	0,90
Field of education and education (OTEZ)	15	-0,16	-0,37	-0,37	-1,92	1,18	0,72	0,85
Sphere of family life (OTEZ)	15	-0,03	-0,16	Mult	-1,68	1,37	0,79	0,89
Sphere of public life (OTEZ)	15	0,09	-0,01	0,62	-1,91	1,89	0,77	0,88
Sphere of hobbies (OTEZ)	15	0,29	0,16	Mult	-2,25	1,61	1,03	1,02

Table 5.3.2. - Descriptive statistics of the pre-exposure control group (2016)

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Family	24	1,50	1,50	Mult	1,00	2,00	0,26	0,51
Age	24	16,00	16,00	16,00	14,00	18,00	0,68	0,82
Reflexivity	24	0,15	0,54	0,15	0,01	1,76	0,64	0,96
Maturity	24	-0,27	-0,53	Mult	-1,51	2,13	0,75	0,87
Motivation of achievements (Gilbuch)	24	-0,25	-0,30	-0,69	-2,52	1,41	0,74	0,86
Sense of civic duty. (Gilbuch)	24	-0,26	0,10	0,10	-2,41	1,04	0,68	0,83
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	24	-0,31	-0,53	-0,53	-1,43	1,88	0,56	0,75
Life setting. (Gilbuch)	24	-0,35	-0,49	-1,13	-1,45	1,45	0,69	0,83
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	24	-0,17	-0,23	0,24	-1,62	1,78	0,63	0,80
Parenting	24	0,02	0,63	0,78	-2,30	0,94	0,95	0,98
Material factor	24	-0,04	0,13	0,13	-1,15	2,69	0,96	0,98
Emotional climate	24	-0,04	-0,12	-0,12	-1,92	1,67	0,94	0,97
Leisure	24	0,03	-0,17	-0,17	-2,59	1,68	1,08	1,04
Economic sphere	24	0,01	0,14	1,01	-2,04	1,01	1,00	1,00
Family culture	24	0,00	-0,13	0,89	-2,04	2,36	1,01	1,00
Gender attitudes	24	0,00	0,10	Mult	-1,74	1,66	0,98	0,99
Gender self-assessment	24	0,01	0,35	0,35	-1,92	1,02	0,96	0,98
Caregiving Identity (Pleck)	24	-0,05	0,22	0,61	-1,32	2,54	1,09	1,04
Breadwinning Identity (Pleck)	24	-0,16	-0,39	-0,39	-2,14	2,24	1,06	1,03
Own prestige (OTEZ)	24	0,07	-0,15	-0,79	-1,44	2,42	1,02	1,01
High financial status (OTEZ)	24	0,22	0,34	Mr.	-1,41	2,09	1,01	1,00
Creativity (OTEZ)	24	-0,02	-0,30	-0,89	-1,48	2,06	0,99	1,00
Active social contacts (OTEZ)	24	-0,07	-0,44	-0,44	-2,18	2,17	1,00	1,00
Developing Yourself (OTEZ)	24	-0,25	-0,51	-0,51	-1,26	1,74	0,58	0,76
Achievements (OTEZ)	24	0,03	0,39	-0,65	-1,69	1,43	1,00	1,00

Spiritual Satisfaction (OTEZ)	24	0,02	-0,41	-0,41	-1,19	2,72	1,15	1,07
Preserving one's own identity (OTEZ)	24	0,04	-0,60	-0,60	-1,42	2,69	1,10	1,05
Sphere of professional life (OTEZ)	24	0,01	0,12	0,12	-1,88	2,12	0,84	0,92
Field of education and education (OTEZ)	24	-0,21	-0,37	-0,37	-1,92	1,18	0,66	0,81
Sphere of family life (OTEZ)	24	-0,17	-0,16	-0,16	-1,68	1,37	0,77	0,88
Sphere of public life (OTEZ)	24	-0,04	-0,01	-0,64	-1,91	1,89	0,86	0,92
Sphere of hobbies (OTEZ)	24	0,11	0,16	-0,32	-2,25	1,61	1,06	1,03

Table 5.3.3. - Descriptive statistics of the experimental group of adolescents after training (2016)

	N nabl.	M	Median	Mode	Fr-Modes	Min	Maxim.	Dispersion	SD
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Responsibility	15	16,50	16,00	16,00	6,00	14,00	20,00	2,57	1,60
Reflexivity	15	6,39	5,01	Mult	2,00	2,00	7,00	21,09	2,45
Maturity	15	63,00	59,00	Mult	2,00	48,00	81,00	116,71	10,80
Motivation of achievements (Gilbuch)	15	22,47	23,00	23,00	4,00	16,00	33,00	15,55	3,94
Sense of civic duty. (Gilbuch)	15	31,13	30,00	29,00	3,00	21,00	51,00	50,55	7,11
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	15	11,80	11,00	Mult	2,00	6,00	18,00	13,60	3,69
Life setting. (Gilbuch)	15	25,33	25,00	25,00	4,00	18,00	33,00	20,52	4,53
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	15	12,87	11,00	11,00	4,00	7,00	21,00	19,12	4,37
Parenting	15	2,45	2,80	3,00	7,00	1,00	3,00	0,51	0,71
Material factor	15	2,00	2,00	2,00	8,00	1,00	4,00	0,71	0,85
Emotional climate	15	3,14	3,10	Mult	4,00	2,00	4,00	0,38	0,62
Leisure	15	2,65	2,60	2,60	5,00	2,00	3,60	0,24	0,49
Economic sphere	15	2,53	2,60	3,00	5,00	1,60	3,00	0,23	0,48
Family culture	15	2,40	2,30	3,00	4,00	1,60	4,00	0,49	0,70
Gender attitudes	15	21,13	21,00	Mult	2,00	15,00	27,00	14,12	3,76
Gender self-assessment	15	3,75	4,20	Mult	4,00	1,50	5,00	1,70	1,30
Caregiving Identity (Pleck)	15	2,76	2,80	2,80	4,00	2,00	3,40	0,21	0,45
Breadwinning Identity (Pleck)	15	3,49	3,50	Mult	5,00	3,00	4,00	0,19	0,43
Own prestige (OTEZ)	15	5,93	6,00	5,00	5,00	4,00	10,00	2,35	1,53
High financial status (OTEZ)	15	5,33	5,00	5,00	6,00	3,00	7,00	1,38	1,18
Creativity (OTEZ)	15	6,60	6,00	5,00	4,00	4,00	10,00	3,11	1,76
Active social contacts (OTEZ)	15	5,73	6,00	5,00	5,00	4,00	8,00	1,35	1,16
Developing Yourself (OTEZ)	15	6,67	6,00	Mult	4,00	4,00	9,00	2,81	1,68
Achievements (OTEZ)	15	5,53	5,00	5,00	6,00	4,00	7,00	0,98	0,99
Spiritual Satisfaction (OTEZ)	15	5,47	5,00	5,00	7,00	4,00	7,00	0,98	0,99
Preserving one's own identity (OTEZ)	15	5,60	5,00	5,00	6,00	4,00	7,00	1,11	1,06
Sphere of professional life (OTEZ)	15	5,87	6,00	5,00	6,00	4,00	9,00	1,55	1,25
Field of education and education	15	6,27	6,00	5,00	5,00	4,00	9,00	2,64	1,62
Sphere of family life (OTEZ)	15	6,87	7,00	7,00	5,00	5,00	9,00	2,41	1,55
Sphere of public life (OTEZ)	15	6,20	5,00	5,00	6,00	4,00	10,00	3,74	1,93
Sphere of hobbies (OTEZ)	15	6,00	6,00	Mult	4,00	4,00	9,00	3,14	1,77

Table 5.3.4. - Descriptive statistics of the control group after training (2016)

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Frequency - Modes	Min	Maxim.	Dispersion	SD
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Responsibility	24	13,52	14,00	15,00	10,00	7,00	18,00	6,49	2,55
Reflexivity	24	5,09	5,01	Mult	4,00	2,00	7,00	11,09	2,45
Maturity	24	50,89	48,00	Mult	6,00	37,00	78,00	95,13	9,75
Motivation of achievements (Gilbuch)	24	18,66	18,50	17,00	8,00	10,00	25,00	10,79	3,28
Sense of civic duty. (Gilbuch)	24	24,73	27,00	27,00	10,00	11,00	33,00	27,78	5,27
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	24	7,73	7,00	7,00	8,00	4,00	15,00	6,16	2,48
Life setting. (Gilbuch)	24	16,86	16,00	12,00	11,00	10,00	28,00	26,63	5,16
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	24	10,68	10,50	12,00	8,00	6,00	17,00	6,64	2,58
Parenting	24	2,51	2,90	3,00	21,00	1,00	3,10	0,40	0,63
Material factor	24	1,86	2,00	2,00	24,00	1,00	4,00	0,59	0,77
Emotional climate	24	3,05	3,00	3,00	15,00	2,00	4,00	0,29	0,54
Leisure	24	2,71	2,60	2,60	13,00	1,30	3,60	0,31	0,56
Economic sphere	24	2,54	2,60	3,00	15,00	1,60	3,00	0,21	0,46
Family culture	24	2,39	2,30	3,00	10,00	1,00	4,00	0,47	0,69
Gender attitudes	24	21,16	21,50	Mult	6,00	15,00	27,00	12,18	3,49
Gender self-assessment	24	3,79	4,20	4,20	11,00	1,50	5,00	1,36	1,17
Caregiving Identity (Pleck)	24	2,66	2,80	3,00	16,00	2,00	4,00	0,29	0,54
Breadwinning Identity (Pleck)	24	3,13	3,00	3,00	20,00	2,00	4,50	0,35	0,59
Own prestige (OTEZ)	24	6,34	6,00	5,00	15,00	4,00	10,00	2,46	1,57
High financial status (OTEZ)	24	6,80	7,00	Mult	10,00	4,00	10,00	2,96	1,72
Creativity (OTEZ)	24	6,48	6,00	5,00	14,00	4,00	10,00	2,86	1,69
Active social contacts (OTEZ)	24	5,43	5,00	5,00	17,00	3,00	8,00	1,32	1,15
Developing Yourself (OTEZ)	24	5,34	5,00	5,00	15,00	4,00	8,00	1,02	1,01
Achievements (OTEZ)	24	5,66	6,00	5,00	15,00	4,00	7,00	0,93	0,96
Spiritual Satisfaction (OTEZ)	24	5,55	5,00	5,00	18,00	4,00	9,00	1,88	1,37
Preserving one's own identity (OTEZ)	24	5,77	5,00	5,00	19,00	4,00	9,00	1,62	1,27
Sphere of professional life	24	5,89	6,00	6,00	16,00	4,00	8,00	0,85	0,92

(OTEZ)									
Field of education and education (OTEZ)	24	5,20	5,00	5,00	19,00	3,00	7,00	1,10	1,05
Sphere of family life (OTEZ)	24	5,98	6,00	6,00	17,00	4,00	8,00	1,33	1,15
Sphere of public life (OTEZ)	24	5,95	6,00	5,00	15,00	3,00	9,00	2,14	1,46
Sphere of hobbies (OTEZ)	24	6,89	7,00	6,00	10,00	2,00	10,00	4,57	2,14

Table 5.3.5. - Results of comparison of experimental and control groups after training by Student's t-test (2016)

Parameters *	M EG2	M CG2	t-value.	p	SD. - 1	SD. - 2
Responsibility	16,00	13,52	3,52	0,00	1,60	2,55
Maturity	63,00	50,89	4,04	0,00	10,80	9,75
Motivation of achievements (Gilbuch)	22,47	18,66	3,68	0,00	3,94	3,28
Sense of civic duty. (Gilbuch)	31,13	24,73	3,71	0,00	7,11	5,27
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	11,80	7,73	4,82	0,00	3,69	2,48
Life setting. (Gilbuch)	25,33	16,86	5,65	0,00	4,53	5,16
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	12,87	10,68	2,35	0,02	4,37	2,58
Breadwinning Identity (Pleck)	3,49	3,13	2,14	0,04	0,43	0,59
High financial status (OTEZ)	5,33	6,80	3,05	0,00	1,18	1,72
Developing Yourself (OTEZ)	6,67	5,34	3,67	0,00	1,68	1,01
Field of education and education (OTEZ)	6,27	5,20	2,92	0,00	1,62	1,05
Sphere of family life (OTEZ)	6,87	5,98	2,36	0,02	1,55	1,15

* only significant differences are presented at $p \leq 0.05$

Annex 4

Table 3.5.1. - Descriptive statistics for adult sample

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Age	127	29,72	29,00	28,00	24,00	36,00	5,96	2,44
Paternal installations	127	19,44	21,00	23,00	8,00	28,00	29,76	5,45
Own prestige (OTEZ)	127	6,11	6,00	5,00	4,00	10,00	2,34	1,53
High financial status (OTEZv)	127	5,96	6,00	5,00	3,00	10,00	2,67	1,63
Creativity	127	5,86	6,00	5,00	3,00	10,00	2,19	1,48
Active social contacts	127	5,77	5,00	5,00	3,00	10,00	2,35	1,53
Developing Yourself	127	5,67	5,00	5,00	4,00	10,00	1,78	1,33
Achievements	127	5,62	6,00	5,00	4,00	7,00	0,87	0,93
Spiritual Satisfaction	127	5,47	5,00	5,00	4,00	9,00	1,11	1,05
Preserving one's own identity	127	5,38	5,00	5,00	4,00	9,00	0,98	0,99
Sphere of professional life	127	5,57	6,00	5,00	4,00	7,00	0,77	0,88
Field of education and education	127	5,33	5,00	5,00	3,00	7,00	0,91	0,95
Sphere of family life	127	5,61	6,00	6,00	2,00	8,00	1,45	1,20
Sphere of public life	127	5,91	5,00	5,00	2,00	10,00	3,98	2,00
Sphere of hobbies	127	6,10	6,00	Mult	2,00	10,00	4,19	2,05
Caregiving Identity	127	2,85	2,80	3,40	2,00	4,00	0,27	0,52
Caregiving Reflected-Appraisal	127	3,63	4,00	4,00	2,00	4,10	0,36	0,60
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	127	2,62	3,00	3,10	0,00	4,00	0,75	0,86
Breadwinning Identity	127	3,34	3,50	4,00	1,00	4,50	0,65	0,81
Breadwinning Reflected-Appraisal	127	1,86	1,80	1,60	1,00	3,00	0,13	0,36
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	127	3,31	4,00	4,00	0,00	4,20	1,45	1,21
Personal Differential: Strength	127	39,52	42,00	42,00	23,00	44,00	17,62	4,20
Personal Differential: Rating	127	37,72	39,00	Mult	22,00	43,00	34,05	5,83
Personal Differential: Activity	127	33,91	33,00	42,00	21,00	42,00	39,25	6,26

Goals in life. (LMS)	127	31,65	32,00	27,00	27,00	37,00	11,12	3,33
Process of Life (LMS)	127	30,08	31,00	23,00	22,00	38,00	23,55	4,85
Life Performance (LSS)	127	27,44	27,00	28,00	18,00	38,00	22,38	4,73
Control locus - Ya (SZhO)	127	19,57	20,00	19,00	12,00	24,00	7,82	2,80
Locus of control - life or manageability of life. (LMS)	127	28,11	29,00	29,00	17,00	33,00	11,97	3,46
Purpose in life (LSS)	127	104,75	109,00	110,00	80,00	121,00	164,09	12,81
Taking responsibility for the prosecution situation (Pryadein)	127	6,50	7,00	8,00	4,00	8,00	2,49	1,58
Taking responsibility of another person (Stryadein)	127	6,73	7,00	6,00	4,00	9,00	1,86	1,37
Assuming responsibility (Stryadein)	127	14,45	14,00	13,00	10,00	27,00	9,87	3,14
Reflexivity	127	4,98	4,00	4,56	3,00	7,00	0,98	0,99
Maturity (Gilbuch)	127	49,22	50,00	Mr.	34,00	78,00	103,82	10,19
Motivation of achievements (Gilbuch)	127	19,62	19,00	19,00	13,00	30,00	15,46	3,93
Sense of civic duty. (Gilbuch)	127	25,02	26,00	27,00	13,00	49,00	39,71	6,30
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	127	7,73	7,00	7,00	4,00	16,00	10,01	3,16
Life setting. (Gilbuch)	127	16,04	16,00	12,00	3,00	29,00	60,50	7,78
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	127	10,62	11,00	12,00	5,00	20,00	11,81	3,44
General internality scale (Io)	127	5,77	6,00	5,00	4,00	9,00	1,37	1,17
Achievement Internality Scale (Id)	127	5,57	5,00	5,00	3,00	8,00	1,33	1,15
School of Internality in the field of failures (In)	127	5,71	6,00	5,00	3,00	10,00	2,22	1,49
Family Relations Internality Scale (IS)	127	5,64	5,00	5,00	3,00	9,00	2,06	1,43
Interpersonal Relations Internality Scale (Im)	127	5,58	5,00	5,00	4,00	10,00	1,39	1,18
Health and Disease Internality Scale (From)	127	5,34	5,00	5,00	3,00	9,00	1,19	1,09
Industrial Relations Internality Scale (IP)	127	5,32	5,00	5,00	2,00	7,00	0,98	0,99
Satisfaction with marriage	127	33,24	32,00	29,00	23,00	48,00	45,71	6,76
Masculinity (MYF)	45	-1,10	-1,20	-1,30	-14,30	-1,30	32,88	5,73
Spouse Assessment (MIF)	45	1,09	1,00	1,60	0,00	9,60	13,12	3,62

Table 3.5.2. - Descriptive statistics for the first cluster

Parameters	M	SD	Dispersion
Caregiving Identity (Pleck)	-0,38	0,99	0,98
Caregiving Reflected-Appraisal (Pleck)	0,13	1,17	1,36
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal (Plek)	0,09	0,64	0,41
Breadwinning Identity (Pleck)	-0,52	0,90	0,81
Breadwinning Reflected-Appraisal (Plek)	0,19	1,14	1,30
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal (Plek)	0,15	0,67	0,45
Personal Differential: Strength	-0,27	1,14	1,30
Personal Differential: Rating	-0,28	1,12	1,25
Personal Differential: Activity	-0,47	0,84	0,71
Paternal installations	0,20	0,92	0,85

Table 3.5.3. - Descriptive statistics for the second cluster

Parameters	M	SD	Dispers.
Caregiving Identity	0,59	0,69	0,47
Caregiving Reflected-Appraisal	-0,20	0,63	0,39
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	-0,13	1,38	1,91
Breadwinning Identity	0,80	0,50	0,25
Breadwinning Reflected-Appraisal	-0,29	0,64	0,42
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	-0,24	1,34	1,78
Personal Differential: Strength	0,41	0,53	0,28
Personal Differential: Rating	0,43	0,57	0,33
Personal Differential: Activity	0,72	0,78	0,61
Paternal installations	-0,30	1,04	1,09

Table 3.5.4. - Descriptive statistics on value scales for the first cluster of adult samples

Parameters	M	SD	Dispers.
Own prestige	0,45	1,02	1,04
High financial status	0,47	1,02	1,04
Creativity	0,20	1,01	1,03
Active social contacts	0,24	1,08	1,17
Developing Yourself	0,05	0,99	0,98
Achievements	-0,47	0,90	0,82
Spiritual Satisfaction	-0,48	0,89	0,79
Preserving one's own identity	0,22	1,14	1,31
Sphere of professional life	-0,43	0,87	0,75
Field of education and education	0,15	0,93	0,87
Sphere of family life	0,21	1,15	1,31
Sphere of public life	-0,15	1,06	1,11
Sphere of hobbies	-0,03	1,00	0,99

Table 3.5.5. - Descriptive statistics on value scales for the second cluster of adult samples

Parameters	M	SD	Dispers.
Own prestige	-0,60	0,57	0,32
High financial status	-0,62	0,52	0,27
Creativity	-0,26	0,93	0,86
Active social contacts	-0,31	0,79	0,62
Developing Yourself	-0,07	1,02	1,03
Achievements	0,62	0,75	0,57
Spiritual Satisfaction	0,62	0,78	0,60
Preserving one's own identity	-0,29	0,68	0,46
Sphere of professional life	0,57	0,87	0,76
Field of education and education	-0,19	1,06	1,12
Sphere of family life	0,47	0,69	0,48
Sphere of public life	0,20	0,89	0,80
Sphere of hobbies	0,04	1,01	1,03

Table 3.5.7. - Descriptive statistics for cluster 1.1 by adult sample

Parameters	M	SD	Dispersion
1	2	3	4
Paternal installations	0,02	0,97	0,94
Own prestige	-0,09	0,96	0,92
High financial status	0,24	0,95	0,90
Creativity	-0,36	0,87	0,75
Active social contacts	-0,08	1,16	1,35
Developing Yourself	0,05	1,17	1,36
Achievements	-0,13	0,92	0,85
Spiritual Satisfaction	-0,45	0,66	0,44
Preserving one's own identity	-0,29	0,70	0,49
Sphere of professional life	-0,04	0,79	0,62
Field of education and education	-0,07	0,84	0,71
Sphere of family life	0,14	1,30	1,69
Sphere of public life	-0,56	0,95	0,91
Sphere of hobbies	0,14	0,94	0,88
Caregiving Identity	-0,73	0,76	0,58
Caregiving Reflected-Appraisal	-0,46	1,38	1,90
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	-0,86	1,15	1,32
Breadwinning Identity	-0,10	1,25	1,55
Breadwinning Reflected-Appraisal	0,44	1,39	1,92
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	-0,81	1,18	1,40
Personal Differential: Strength	0,03	1,29	1,66
Personal Differential: Rating	-0,36	1,09	1,20
Personal Differential: Activity	-0,37	1,05	1,10
Goals in life. (LMS)	-0,92	0,79	0,62
Process of Life (LMS)	-0,99	0,75	0,56
Life Performance (LSS)	-0,53	0,98	0,97
Control locus - Ya (SZhO)	-0,59	0,76	0,58
Locus of control - life or manageability of life. (LMS)	-0,55	0,89	0,79
Purpose in life (LSS)	-0,92	1,00	0,99
Taking responsibility for the prosecution situation (Pryadein)	-0,43	1,05	1,09
Taking responsibility of another person (Stryadein)	0,02	1,00	1,01
Assuming responsibility (Stryadein)	-0,30	0,54	0,29
Maturity (Gilbuch)	0,06	1,13	1,28

Motivation of achievements (Gilbuch)	-0,29	1,08	1,17
Sense of civic duty. (Gilbuch)	0,11	1,38	1,91
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	0,30	1,12	1,26
Life setting. (Gilbuch)	0,20	0,95	0,89
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	-0,03	1,14	1,31
General internality scale (Io)	-0,42	0,86	0,74
Achievement Internality Scale (Id)	0,04	0,72	0,52
School of Internality in the field of failures (In)	0,04	1,20	1,44
Family Relations Internality Scale (IS)	0,09	1,05	1,11
Interpersonal Relations Internality Scale (Im)	0,21	0,74	0,55
Health and Disease Internality Scale (From)	-0,15	0,83	0,68
Industrial Relations Internality Scale (IP)	-0,41	0,97	0,94
Masculinity (MYF)	0,8	0,81	0,65
Satisfaction with marriage	-0,41	0,78	0,60

Table 3.5.8. - Descriptive statistics for cluster 1.2. by adult sample

Parameters	M	SD	Dispersion
1	2	3	4
Paternal installations	-0,18	0,96	0,92
Own prestige	-0,07	0,95	0,90
High financial status	0,64	0,87	0,75
Creativity	0,10	1,16	1,35
Active social contacts	0,10	1,17	1,36
Developing Yourself	0,25	0,92	0,85
Achievements	-0,67	0,66	0,44
Spiritual Satisfaction	0,50	0,70	0,49
Preserving one's own identity	0,64	0,79	0,62
Sphere of professional life	-0,79	0,84	0,71
Field of education and education	-0,40	1,30	1,69
Sphere of family life	-0,51	0,95	0,91
Sphere of public life	0,05	0,94	0,88
Sphere of hobbies	-0,05	0,76	0,58
Caregiving Identity	-0,10	1,38	1,90
Caregiving Reflected-Appraisal	0,61	1,15	1,32
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	0,56	1,25	1,55
Breadwinning Identity	-0,80	1,39	1,92
Breadwinning Reflected-Appraisal	-0,16	1,18	1,40
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	0,66	1,29	1,66
Personal Differential: Strength	0,83	1,09	1,20
Personal Differential: Rating	-0,29	1,05	1,10
Personal Differential: Activity	-0,62	0,79	0,62
Goals in life. (LMS)	-0,09	0,75	0,56
Process of Life (LMS)	0,19	0,98	0,97
Life Performance (LSS)	0,39	0,76	0,58
Control locus - Ya (SZhO)	-0,71	0,89	0,79
Locus of control - life or manageability of life. (LMS)	-0,21	1,00	0,99
Purpose in life (LSS)	-0,60	1,05	1,09
Taking responsibility for the prosecution situation (Pryadein)	0,31	1,00	1,01
Taking responsibility of another person (Stryadein)	-0,54	0,54	0,29
Assuming responsibility (Stryadein)	0,18	1,13	1,28
Maturity (Gilbuch)	-0,41	1,08	1,17
Motivation of achievements (Gilbuch)	-0,41	1,38	1,91

Sense of civic duty. (Gilbuch)	-0,32	1,12	1,26
Attitude to one’s self ("I" - concept). (Gilbuch)	0,03	0,95	0,89
Life setting. (Gilbuch)	0,02	1,14	1,31
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	-0,76	0,86	0,74
General internality scale (Io)	-0,66	0,72	0,52
Achievement Internality Scale (Id)	0,24	1,20	1,44
School of Internality in the field of failures (In)	-0,82	1,05	1,11
Family Relations Internality Scale (IS)	0,25	0,74	0,55
Interpersonal Relations Internality Scale (Im)	-0,49	0,83	0,68
Health and Disease Internality Scale (From)	0,52	0,97	0,94
Industrial Relations Internality Scale (IP)	0,68	0,78	0,60
Masculinity (MYF)	0,1	0,84	0,64
Satisfaction with marriage	0,11	0,96	0,92

Table 3.5.9. - Descriptive statistics for cluster 2.1. by adult sample

Parameters	M	SD	Dispers.
1	2	3	4
Paternal installations	0,23	0,91	0,83
Own prestige	0,11	1,12	1,26
High financial status	-0,34	1,00	1,01
Creativity	0,35	0,99	0,98
Active social contacts	-0,20	0,79	0,63
Developing Yourself	-0,28	0,70	0,48
Achievements	0,25	1,07	1,14
Spiritual Satisfaction	0,03	0,96	0,93
Preserving one's own identity	-0,14	0,86	0,75
Sphere of professional life	0,12	1,02	1,04
Field of education and education	0,02	1,05	1,11
Sphere of family life	-0,05	0,83	0,69
Sphere of public life	0,39	0,87	0,76
Sphere of hobbies	0,10	1,07	1,14
Caregiving Identity	0,47	0,91	0,83
Caregiving Reflected-Appraisal	0,28	0,54	0,29
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	0,50	0,44	0,20
Breadwinning Identity	0,04	0,85	0,73
Breadwinning Reflected-Appraisal	-0,29	0,56	0,32
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	0,51	0,34	0,12
Personal Differential: Strength	0,08	0,65	0,42
Personal Differential: Rating	0,47	0,56	0,32
Personal Differential: Activity	0,43	0,76	0,58
Goals in life. (LMS)	0,60	0,64	0,41
Process of Life (LMS)	0,55	0,64	0,41
Life Performance (LSS)	0,15	0,91	0,83
Control locus - Ya (SZhO)	0,49	0,69	0,47
Locus of control - life or manageability of life. (LMS)	0,54	0,44	0,20
Purpose in life (LSS)	0,54	0,46	0,21
Taking responsibility for the prosecution situation (Pryadein)	0,18	0,91	0,83
Taking responsibility of another person (Stryadein)	-0,12	1,02	1,05
Assuming responsibility (Stryadein)	0,19	1,26	1,58
Maturity (Gilbuch)	0,19	0,89	0,79
Motivation of achievements (Gilbuch)	0,33	0,86	0,75

Sense of civic duty. (Gilbuch)	0,11	0,57	0,32
Attitude to one's self ("I" - concept). (Gilbuch)	-0,21	0,68	0,47
Life setting. (Gilbuch)	-0,08	0,99	0,99
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	0,12	0,83	0,68
General internality scale (Io)	0,15	1,06	1,12
Achievement Internality Scale (Id)	-0,26	1,16	1,34
School of Internality in the field of failures (In)	0,13	0,61	0,37
Family Relations Internality Scale (IS)	0,00	1,06	1,12
Interpersonal Relations Internality Scale (Im)	-0,01	1,24	1,53
Health and Disease Internality Scale (From)	0,07	1,13	1,29
Industrial Relations Internality Scale (IP)	0,23	1,04	1,08
Masculinity (MYF)	0,5	0,78	0,51
Satisfaction with marriage	-0,13	0,78	0,61

Table 3.5.10. - Descriptive statistics for cluster 2.2. by adult sample

	M	SD	Dispers.
1	2	3	4
Paternal installations	0,77	1,07	1,14
Own prestige	-0,21	0,58	0,34
High financial status	0,59	0,70	0,49
Creativity	-0,44	1,07	1,14
Active social contacts	0,57	0,32	0,11
Developing Yourself	1,00	1,10	1,21
Achievements	-0,51	0,71	0,50
Spiritual Satisfaction	1,18	1,20	1,45
Preserving one's own identity	1,13	1,36	1,84
Sphere of professional life	0,08	1,23	1,52
Field of education and education	0,55	1,00	0,99
Sphere of family life	-0,09	0,63	0,40
Sphere of public life	-0,21	0,85	0,72
Sphere of hobbies	-0,89	0,49	0,24
Caregiving Identity	0,32	0,82	0,68
Caregiving Reflected-Appraisal	0,10	0,70	0,48
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	0,38	0,30	0,09
Breadwinning Identity	0,38	0,68	0,46
Breadwinning Reflected-Appraisal	-0,12	0,64	0,41
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	0,18	0,70	0,49
Personal Differential: Strength	-0,69	1,08	1,18
Personal Differential: Rating	-0,83	1,32	1,73
Personal Differential: Activity	-0,57	1,13	1,28
Goals in life. (LMS)	0,62	0,30	0,09
Process of Life (LMS)	0,75	0,51	0,26
Life Performance (LSS)	0,65	0,51	0,26
Control locus - Ya (SZhO)	0,51	0,74	0,55
Locus of control - life or manageability of life. (LMS)	0,28	0,53	0,28
Purpose in life (LSS)	0,78	0,27	0,07
Taking responsibility for the prosecution situation (Pryadein)	0,50	0,91	0,83
Taking responsibility of another person (Stryadein)	0,61	0,80	0,64
Assuming responsibility (Stryadein)	0,08	0,81	0,66
Maturity (Gilbuch)	0,93	0,59	0,35
Motivation of achievements (Gilbuch)	0,43	1,00	1,00

Sense of civic duty. (Gilbuch)	0,76	0,87	0,76
Attitude to one’s self ("I" - concept). (Gilbuch)	-0,37	1,45	2,10
Life setting. (Gilbuch)	-0,57	1,03	1,05
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	-0,22	1,27	1,61
General internality scale (Io)	0,87	0,36	0,13
Achievement Internality Scale (Id)	0,69	0,43	0,19
School of Internality in the field of failures (In)	-0,19	1,33	1,78
Family Relations Internality Scale (IS)	-0,34	0,60	0,36
Interpersonal Relations Internality Scale (Im)	-0,49	0,00	0,00
Health and Disease Internality Scale (From)	-0,24	0,56	0,32
Industrial Relations Internality Scale (IP)	0,11	0,52	0,27
Masculinity (MYF)	0,3	0,67	0,61
Satisfaction with marriage	0,90	0,40	0,16

Table 3.5.17. - Descriptive statistics of male sample

Parameters	N nabl.	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
Age	738	30,77	27,00	Mr.	20,00	72,00	100,87	10,04
Caregiving Identity	738	43,40	41,00	41,00	25,00	47,00	517,44	22,75
Caregiving Reflected-Appraisal	738	45,96	47,00	51,00	4,00	59,00	41,05	6,41
Caregiving Perceived Reflected-Appraisal	738	40,99	42,00	47,00	14,00	58,00	53,39	7,31
Breadwinning Identity	738	32,61	32,00	32,00	17,00	48,00	30,61	5,53
Breadwinning Reflected-Appraisal	738	27,10	27,00	27,00	14,00	47,00	35,79	5,98
Breadwinning Perceived Reflected-Appraisal	738	31,64	32,00	35,00	16,00	47,00	33,41	5,78
Satisfaction with marriage	738	34,93	34,00	33,00	4,00	48,00	47,14	6,87
Relationship with father	738	1,84	2,00	3,00	0,00	3,00	1,57	1,25

Table 5.5.1. - Descriptive statistics of the pilot sample prior to the pilot impact (2004)

Parameters	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
1	2	3	4	5	6	7	8
Factor A	6,00	6,50	7,00	4,00	7,00	5,96	1,41
Factor B	5,00	4,00	4,00	3,00	9,00	29,76	2,71
Factor C	6,25	6,00	6,00	6,00	7,00	2,34	0,50
Factor E	5,75	5,50	5,00	5,00	7,00	2,67	0,96
Factor F	4,85	6,00	6,00	2,00	7,00	2,19	2,22
Factor G	4,20	5,00	Mult	2,00	8,00	2,35	2,58
Factor H	6,00	7,50	Mult	5,00	10,00	1,78	2,08
Factor I	3,75	4,00	4,00	3,00	4,00	0,87	0,50
Factor L	5,50	5,50	Mult	5,00	6,00	1,11	0,58
Factor M	5,20	4,00	Mult	3,00	5,00	0,98	1,15
Factor N	7,25	8,00	8,00	4,00	9,00	0,77	2,22
Factor O	3,25	3,50	Mult	1,00	5,00	0,91	1,71
Factor Q1	5,00	4,50	4,00	4,00	7,00	1,45	1,41
Factor Q2	3,50	3,00	2,00	2,00	6,00	3,98	1,91
Factor Q3	6,25	6,00	5,00	5,00	8,00	4,19	1,50
Factor Q4	4,00	3,00	3,00	3,00	5,00	0,27	1,00
Personal Differential: Strength	39,52	37,00	Mr.	11,00	45,00	0,36	1,83
Personal Differential: Rating	37,72	39,00	5,00	1,00	40,00	0,75	3,27
Personal Differential: Activity	33,91	33,00	6,00	1,00	41,04	0,65	2,99
Giving the child the opportunity to speak	15,75	15,00	Mult	13,00	20,00	0,13	3,10
Protecting the Child from Hardship	11,25	11,00	Mult	9,00	14,00	1,45	2,22
Restriction of the mother to the role of the owner of the house	12,00	12,00	12,00	8,00	16,00	17,62	3,27
Suppressing a Child's Will	13,75	12,50	11,00	11,00	19,00	34,05	3,77
"Sacrifice" of parents	14,25	14,50	Mult	10,00	18,00	39,25	3,50
Fear of harming a child	15,50	15,50	Mult	11,00	20,00	11,12	4,20
Marital conflicts	12,25	12,00	Mult	9,00	16,00	23,55	2,99
The rigor of parents	11,00	9,00	9,00	9,00	17,00	22,38	4,00
Parental irritability	12,00	11,00	11,00	9,00	17,00	7,82	3,46
Child's dependence on the mother	11,50	11,50	Mr.	10,00	13,00	11,97	1,73
Promoting child dependence	15,00	15,00	15,00	12,00	18,00	164,09	2,45

on parents							
Suppressing a Child's Aggressiveness	13,75	14,00	15,00	12,00	15,00	2,49	1,50
"Martyrdom" of parents	11,50	11,50	Mult	8,00	15,00	1,86	2,89
Equality of parents and children	14,75	14,00	Mult	12,00	19,00	9,87	3,10
Encouraging child activity	15,25	14,50	14,00	14,00	18,00	103,82	1,89
Avoiding Communication with a Child	13,50	14,00	15,00	11,00	15,00	15,46	1,91
Husband's inattention to his wife	12,00	12,50	Mult	9,00	14,00	39,71	2,16
Suppressing Child Sexuality	11,50	11,00	11,00	9,00	15,00	10,01	2,52
Mother's Power	11,00	11,00	Mult	8,00	14,00	60,50	2,58
Parental Obsession	11,50	10,50	10,00	10,00	15,00	11,81	2,38
Parent-Child Friendships	15,75	15,50	14,00	14,00	18,00	1,37	2,06
Accelerating Child Development	12,75	12,00	12,00	9,00	18,00	1,33	3,77
The need for outside help in raising a child	14,75	14,00	Mult	11,00	20,00	2,22	4,11
Goals in life. (LMS)	27,50	26,50	Mult	19,00	38,00	22,06	7,85
Process of Life (LMS)	25,50	26,50	Mult	16,00	33,00	11,39	7,05
Life Performance (LSS)	22,25	22,50	Mult	18,00	26,00	1,19	3,50
Control locus - Ya (SZhO)	25,50	26,00	Mult	18,00	32,00	12,98	5,97
Locus of control - life or manageability of life. (LMS)	28,75	26,00	26,00	26,00	37,00	45,71	5,50
Purpose in life (LSS)	90,60	95,00	Mult	92,00	114,00	32,88	10,23

Table 5.5.2. - Descriptive statistics of experimental sample after experimental exposure (2004)

Parameters	M	Median	Mode	Min	Maxim.	Dispersion	SD
1	2	3	4	5	6	7	8
Factor A	4,50	4,50	Mr.	3,00	6,00	0,94	1,29
Factor B	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,92	0,00
Factor C	6,75	6,50	6,00	6,00	8,00	0,90	0,96
Factor E	5,75	6,00	7,00	4,00	7,00	0,75	1,50
Factor F	1,01	7,00	8,00	5,00	8,00	1,35	1,50
Factor G	5,75	6,50	7,00	3,00	7,00	1,36	1,89
Factor H	4,50	7,00	7,00	6,00	9,00	0,85	1,26
Factor I	3,75	3,50	Mult	2,00	6,00	0,44	1,71
Factor L	5,50	5,50	Mult	4,00	7,00	0,49	1,73
Factor M	6,75	6,00	6,00	5,00	6,00	0,62	0,50
Factor N	8,25	8,00	8,00	7,00	10,00	0,71	1,26
Factor O	4,50	4,50	Mult	3,00	6,00	1,69	1,29
Factor Q1	5,75	5,50	5,00	5,00	7,00	0,91	0,96
Factor Q2	3,25	3,00	2,00	2,00	5,00	0,88	1,50
Factor Q3	6,75	7,00	8,00	5,00	8,00	0,58	1,50
Factor Q4	4,50	4,50	Mult	3,00	6,00	1,90	1,29
Personal Differential: Strength	41,02	39,00	Mult	11,00	46,70	1,32	0,36
Personal Differential: Rating	39,62	39,80	5,00	1,00	41,00	1,55	0,75
Personal Differential: Activity	31,80	34,00	6,00	1,00	41,74	1,92	0,65
Giving the child the opportunity to speak	10,75	10,50	9,00	9,00	13,00	1,40	0,36
Protecting the Child from Hardship	12,00	13,00	15,00	7,00	15,00	1,66	3,83
Restriction of the mother to the role of the owner of the house	10,75	10,50	9,00	9,00	13,00	1,20	2,06
Suppressing a Child's Will	13,00	13,00	Mult	12,00	14,00	1,10	1,15
"Sacrifice" of parents	12,50	12,00	11,00	11,00	15,00	0,62	1,91
Fear of harming a child	17,25	17,50	Mult	14,00	20,00	0,56	2,75
Marital conflicts	13,50	13,50	Mult	12,00	15,00	0,97	1,29
The rigor of parents	11,75	10,50	Mult	8,00	18,00	0,58	4,50
Parental irritability	10,75	11,50	Mult	6,00	14,00	0,79	3,40
Child's dependence on the mother	11,25	11,50	12,00	10,00	12,00	0,99	0,96
Promoting child dependence on	14,25	14,00	14,00	13,00	16,00	1,09	1,26

parents							
Suppressing a Child's Aggressiveness	13,75	15,00	15,00	8,00	17,00	1,01	3,95
"Martyrdom" of parents	12,00	12,00	12,00	9,00	15,00	0,29	2,45
Equality of parents and children	14,50	15,00	15,00	12,00	16,00	1,28	1,73
Encouraging child activity	15,00	14,00	14,00	13,00	19,00	1,17	2,71
Avoiding Communication with a Child	13,00	13,50	Mult	10,00	15,00	1,91	2,16
Husband's inattention to his wife	14,25	15,00	Mult	7,00	20,00	1,26	5,44
Suppressing Child Sexuality	9,50	11,00	11,00	5,00	11,00	0,89	3,00
Power mater	12,50	13,00	13,00	11,00	13,00	1,31	1,00
Parental Obsession	12,25	12,50	Mult	10,00	14,00	0,74	1,71
Parent-Child Friendships	16,25	15,50	15,00	15,00	19,00	0,52	1,89
Accelerating Child Development	12,25	11,00	11,00	9,00	18,00	1,44	3,95
The need for outside help in raising a child	16,25	15,50	Mult	14,00	20,00	1,11	2,63
Goals in life. (LMS)	31,00	29,50	Mult	27,00	38,00	32,55	4,83
Process of Life (LMS)	28,50	29,00	Mult	22,00	34,00	12,68	5,00
Life Performance (LSS)	23,75	23,50	Mult	20,00	28,00	11,94	3,50
Control locus - Ya (SZhO)	25,50	24,50	Mult	20,00	33,00	6,65	5,45
Locus of control - life or manageability of life. (LMS)	31,25	32,00	Mult	23,00	38,00	5,60	6,99
Purpose in life (LSS)	102,50	98,00	Mult	91,00	123,00	4,00	14,08

Table 5.5.3. Comparison of the results of the experimental group before and after training to Student's t-test for dependent samples (2004)

Parameters	M	SD	t	p	Trust . --95,0%	Trust . -+95,0%
Factor H (16PF)	6,00	1,28				
Factor H (16PF) 2	4,50	1,17	3,00	0,01	-1,01	-0,13
Factor G (16PF)	4,20	2,45				
Factor G (16PF) 2	5,75	0,00	5,66	0,00	-1,86	-0,76
Factor F (16PF)	4,85	2,01				
Factor F (16PF) 2	1,01	1,36	0,15	0,04	-0,99	-0,11
Factor M (16PF)	5,20	1,04				
Factor M (16PF) 2	6,75	0,45	4,33	0,00	-1,42	-0,17
Factor Q4 (16PF)	4,00	0,90				
Factor Q4 (16PF) 2	4,50	1,17	0,35	0,03	-0,86	-0,16
Parental Obsession (PARI)	11,40	2,34				
Parental Obsession (PARI) 2	12,50	0,90	0,07	0,05	-1,50	-0,12
Rating yourself as a father (questionnaire)	1,40	0,52				
Rating yourself as a father (questionnaire) 2	1,00	0,00	0,32	0,00	-0,58	-0,11
Relationship to joint births (questionnaire)	1,60	0,45				
Relationship to joint births (questionnaire) 2	1,25	0,45	0,71	0,01	-0,61	-0,01
Assessment of change in the attitude of others after (questionnaire)	1,20	0,00				
Assessment of change in attitude after (questionnaire) 2	1,75	0,45	0,74	0,00	-2,81	-0,46
Life Performance (LSS)	22,25	3,17				
Life Performance (LMS) 2	23,75	2,39	1,84	0,01	-0,84	-0,21
Purpose in life (LSS)	90,60	10,16				
Purpose in life (LMS) 2	102,50		4,36	0,11	-0,91	-0,12

Table 5.5.5. - Comparison of experimental and control groups after training by Student's t-test (2016) *

Parameters	M EG	M CG	t-value.	p	SD. EG	SD. CG
High financial status	5,48	6,23	2,56	0,01	1,41	1,70
Achievements	5,37	5,77	2,34	0,02	1,00	0,87
Sphere of hobbies	5,37	6,52	3,15	0,00	0,93	2,37
Caregiving Identity (Pleck)	3,05	2,51	3,23	0,00	0, 60	0,70
Goals in life. (LMS)	32,79	30,31	1,52	0,00	4,00	3,31
Purpose in life (LSS)	112,02	104,95	0,24	0,00	14,32	12,53
Taking responsibility for the prosecution situation (Pryadein)	6,91	6,27	2,24	0,03	1,43	1,62
Reflexivity	5,99	4,98	0,05	0,01	4,32	2,53
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	11,99	9,89	3,31	0,00	4,67	2,99
Achievement Internality Scale (Id)	5,28	5,73	2,13	0,04	1,15	1,13
Interpersonal Relations Internality Scale (Im)	6,98	5,74	2,03	0,04	1,33	1,24
Satisfaction with marriage	41,10	33,15	0,19	0,05	7,04	6,87

* only significant differences are presented

Table 5.5.6. - Comparison of results of the experimental group before and after training to Student's t-test for dependent samples (2016)

Parameters	M	SD	t	p	Trust. - 95,0%	Trust. + 95.0%
1	2	3	4	5	6	7
Paternal installations	19,44	5,45				
Paternal installations 2	25,7	4,45	1,15	0,02	-0,87	-0,17
Developing Yourself	5,67	1,33				
Developing Yourself 2	6,80	0,12	1,33	0,04	-0,89	-0,21
Caregiving Identity (Pleck)	2,85	0,52				
Caregiving Identity (Pleck) 2	3,05	0,60	0,15	0,08	-0,97	-0,12
Breadwinning Identity (Pleck)	3,34	0,81				
Breadwinning Identity (Pleck) 2	4,20	0,77	0,36	0,04	-1,48	-0,17
Personal Differential: Strength	39,52	4,20				
Personal Differential: Strength 2	41,00	4,00	2,39	0,13	-0,96	-0,16
Goals in life. (LMS)	31,65	3,33				
Goals in life. (LMS) 2	32,79	4,00	2,09	0,05	-1,51	-0,18
Process of Life (LMS)	30,08	4,85				
Process of Life (LMS) 2	32,19	4,77	3,12	0,00	-0,55	-0,11
Life Performance (LSS)	27,44	4,73				
Life Performance (LMS) 2	31,00	3,78	2,67	0,05	-0,67	-0,09
Purpose in life (LSS)	104,75	12,81				
Purpose in life (LMS) 2	112,02	14,32	5,00	0,04	-2,05	-0,26
Assuming responsibility (Stryadein)	14,45	3,14				
Assuming responsibility (Stryadein) 2	16,78	3,15	1,84	0,01	-1,84	-0,25
Reflexivity	4,99	1,03				
Reflexivity 2	5,99	0,12	1,11	0,05	-0,79	-0,31
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch)	10,62	3,44				
Ability for psychological intimacy with another person (Gilbuch) 2	11,99	4,67	3,31	0,04	-0,91	-0,12
Family Relations Internality Scale (IS)	5,64	1,43				
Family Relations Internality Scale (IS) 2	7,35	1,12	2,64	0,07	-1,21	-0,23
Interpersonal Relations Internality Scale (Im)	5,58	1,18				
Interpersonal Relations Internality Scale (Im) 2	6,98	1,33	1,65	0,01	-2,14	-0,13
Health and Disease Internality Scale (From)	5,34	1,09				

Health and Disease Internality Scale (Of) 2	7,11	1,01	3,04	0,05	-1,011	-0,13
Satisfaction with marriage	33,24	6,76				
Satisfaction with marriage 2	41,09	7,04	5,69	0,00	-1,76	-0,71

* only significant differences are presented

Annex 5

Table 4.1.1. - Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering at the stage of formation

Period	Components	Key characteristics of a constructive fathering strategy
Preschool childhood	axiological component	the formation of sexual identity, moral development
	reflexive-regulatory component	health, relationships in the children's team, gaming activities, readiness for schooling, self-regulation, social competence,
	praxiological component	gender typical behavior social and normative behavior gaming activities, social adaptation, school readiness
Junior school age	axiological component	stereotype of polorallic behavior, moral development, hard work, responsibility
	reflexive-regulatory component	health, academic performance, self-discipline, self-regulation, arbitrariness of behavior, autonomy
	praxiological component	gender typical behavior, social normative behavior, social adaptation, social competence, building social relations,
Adolescence	axiological component	formation of gender identity, formation of a system of personal value orientations
	reflexive-regulatory component	physical maturation, self-discipline, arbitrariness, autonomy, self-regulation, reflexion
	praxiological component	gender typical behavior, responsible behavior
Youthful age	axiological component	formation of gender identity, adoption of gender role, formation of system of personal value orientations, worldview
	reflexive-regulatory component	physical maturation, a sense of competence, self-discipline, arbitrariness, autonomy, self-regulation, reflection
	praxiological component	gender typical behavior, responsible behavior, social adaptation, social competence
Early adulthood	axiological component	acceptance of the gender role of the father, formation of reproductive motivation, worldview, value of relationships, the value of fathering
	reflexive-regulatory component	biological, labour, mental, emotional, social and psychological maturity, self-regulation, reflexion
	praxiological component	gender typical behavior, pair formation responsible behavior active, moral, tolerant and committed behavior

Table 4.1.2. - Main characteristics of constructive fathering strategy in adulthood

Period	Components	Main characteristics of fathering strategies
Early and middle adulthood	axiological component	adopting the gender role of the father, rethinking and beginning the implementation of the fathering strategy, a system of value orientations of the person, a worldview, the value of relationships, the value of fathering
	reflexive-regulatory component	biological, mental, emotional, labour, social and psychological maturity, self-regulation, reflexion
	praxiological component	gender typical behavior, interaction with the spouse, responsible behavior, ensuring conditions for normal pregnancy, active, moral, tolerant and purposeful behavior
Early and middle adulthood	axiological component	adoption of the father's gender role, the formation of a constructive fathering strategy, a system of personal value orientations, a worldview, the value of relationships, the value of fathering
	reflexive-regulatory component	biological, mental, emotional, labour, social and psychological maturity, self-regulation, reflection and generalized feeling, reflecting the degree of conformity of what is desired and achieved in the relationship with the child
	praxiological component	gender typical behavior, interaction with the spouse, responsible, active, moral, tolerant and committed behaviour positive paternal practices, self-realization as a parent

Table 4.1.3. - Criteria for establishing preconditions for psychological readiness for fathering in the preschool period

Components	The formation of prerequisites for psychological readiness for fathering	Non-formality of the prerequisites of psychological unprepared fathering
axiological component	the formation of sexual identity, moral development	violations of the formation of personal value orientations, lack of moral concepts
reflexive-regulatory component	health, relationships in the children's team, gaming activities, readiness for schooling, self-regulation, social competence,	lack of social competence, underdeveloped self-regulation
praxiological component	gender typical behavior social and normative behavior gaming activities, social adaptation, school readiness	gender-atypical behavior, difficulties with gender autoidentification in speech, socio-abnormal behavior, social maladaptation, lack of readiness for schooling, violated: playing activity, social adaptation, relationships in the children's team

Table 4.1.4. - Criteria for establishing the preconditions of psychological readiness for fathering in the lower school age

Components	The formation of prerequisites for psychological readiness for fathering	Non-formality of the prerequisites of psychological unprepared fathering
axiological component	stereotype of polorallic behavior, moral development, hard work, responsibility	it is difficult to form a stereotype of half-left behavior, disrupted moral development
reflexive-regulatory component	health, academic performance, self-discipline, self-regulation, arbitrariness of behavior, autonomy	problems of building hard work, responsibility, self-discipline, self-control
praxiological component	gender typical behavior social-normative behavior, social adaptation, social competence, building social relations	irresponsibility, lack of competence, social or school maladaptation, gender-atypical behavior, social and non-normal behavior

Table 4.1.5. - Criteria for developing psychological readiness for fathering in early and late adolescence

Age	Components	Intrinsic characteristics of psychological readiness for fathering	Intrinsic characteristics of psychological unprepared fathering
Adolescence	axiological component	formation of gender identity, formation of a system of personal value orientations	gender role issues, problems of formation of personal value orientations
	reflexive-regulatory component	physical maturation, self-discipline, arbitrariness, autonomy, self-regulation, reflexion	lag or advance in physical maturation, lack of self-discipline, arbitrariness, independence
	praxiological component	gender typical behavior, responsible behavior	gender-atypical behavior, irresponsible behavior, social maladaptation, early sexual relations
Youthful age	axiological component	formation of gender identity, the adoption of a gender role, formation of a system of value orientations of a person, worldview	Lack of gender identity non-formation of the system of value orientations of the person
	reflexive-regulatory component	physical maturation, a sense of competence, self-discipline, arbitrariness, autonomy, development self-regulation and reflexion	lag in physical maturation, lack of competence, self-discipline, low level of self-regulation, arbitrariness, autonomy, underdeveloped reflection of the problem of self-determination
	praxiological component	gender typical behavior, responsible behavior, social adaptation, social competence	social incompetence, lack of opinion, deviant behavior, addictive behavior, social maladaptation, irresponsible behavior, early sexual relations, dangerous sexual behavior

Table 4.1.6. - Characterization of constructive and non-constructive fathering strategy in adulthood

Period	Components	Design Strategy Characterization	Characterization of Unconstructive Strategy
Period of understanding fathering	axiological component	adoption of the gender role of the father, rethinking and beginning of the implementation of the fathering strategy, a system of value orientations of the person, a worldview, the value of relationships, the value of fathering	destructive reproductive motivation, failure to accept the gender role of the father, lack of fathering value
	reflexive-regulatory component	biological, mental, emotional, labour, social and psychological maturity, self-regulation, reflexion	immaturity at the level of the individual, personality and subject of activity, undeveloped self-regulation, reflection
	praxiological component	gender typical behavior, interaction with the spouse, responsible behavior, ensuring conditions for normal pregnancy, active, moral, tolerant and purposeful behavior	renunciation of the child, incitement to abortion, disregard, irresponsible behaviour, lack of opinion, deviant behavior, addictive behavior, social maladaptation, erratic sexual relations, dangerous sexual behavior
Period of fathering strategies implementation	axiological component	adoption of the father's gender role, the formation of a constructive fathering strategy, a system of personal value orientations, a worldview, the value of relationships, the value of fathering	lack of fathering value, failure to accept the gender role of the father
	reflexive-regulatory component	biological, mental, emotional, labour, social and psychological maturity, self-regulation, reflection and generalized feeling, reflecting the degree of conformity of what is desired and achieved in the relationship with the child	immaturity at the level of the individual, personality and subject of activity, undeveloped self-regulation, reflection
	praxiological component	gender typical behavior, interaction with the spouse, responsible, active, moral, tolerant and purposeful behavior, positive paternal practices, self-realization as a parent	child abuse, child abandonment, deviant parenthood, irresponsible behavior, social maladaptation deviant behavior, addictive behavior, indiscriminate sexual relations, dangerous sexual behavior

Annex 6

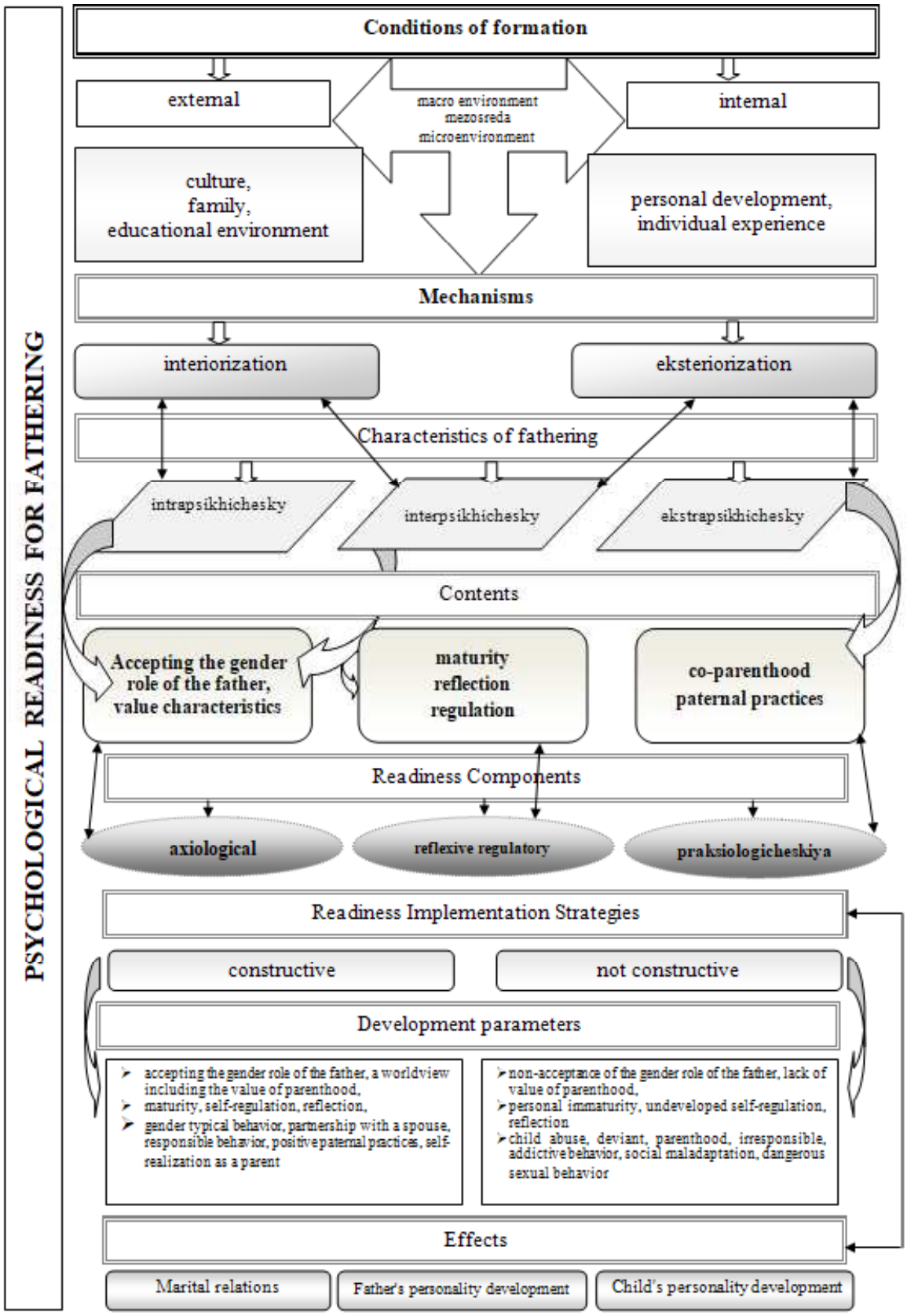

Figure 4.3.1. Conditions, mechanisms and effects of developing psychological readiness for fathering

Table 4.3.1. - Technologies for optimizing the formation of psychological readiness for fathering

Directions	Forms of work		Operating Technologies	Working methods
work with the family to create an enabling	informing		✓information and communication technologies ✓on-line technology.	➢education and promotion of the value of fathering, ➢Establishment of an accessible database on parenthood and reproductive health.
	individual work		✓technologies of humanistic, existential, transgenerational approaches, ✓psychoanalysis technologies.	➢psychological diagnosis, ➢psychological counselling, correction,
	group work			➢counseling a married couple, ➢family counseling.
Psychological training	skill training		✓information and communication technologies ✓gaming technology	➢mini-lectures, ➢adult training in training exercises, ➢scribing.
	socio-psychological training		✓gaming technology ✓workshop technology,	➢focus groups of the directed discussion, ➢role-playing games, ➢brainstorming methods, ➢round tables "My Experience."
	psychotherapeutic training		✓technologies of humanistic, existential, transgenerational approaches, ✓psychoanalysis technologies, ✓psychodramatic and telespecific technologies	➢psychotechnical games and exercises, discussions, psychodrama elements, ➢bodily-oriented therapy exercises, ➢focus groups of the directed discussion, ➢role-playing games, ➢fairy-tale therapy, ➢brainstorming methods, ➢round tables "My Experience."
Creating an educational environment	individual work		✓information and communication technologies, socialization technologies, ✓problem training, ✓design technologies.	➢education of parents, ➢supporting the formation of subjective personality properties, ➢methods of persuasion, (conversation, clarification, reading, criticism and self-criticism), ethical conversations.
	group work	general classroom work	✓information and communication technologies ✓group technologies, ✓problem training, ✓design technologies, ✓level differentiation technologies, ✓gaming technologies, ✓workshop technology, ✓traditional technologies (cool-lesson system).	➢supporting the formation of subjective personality properties, ➢methods of persuasion, ➢training exercises; business games, ➢ethical conversations, ➢inclusion of joint activities, ➢inclusion of elements of gender, moral, patriotic and civic education in the disciplines taught
		extracurricular work	✓information and communication technologies, ✓problem training, ✓level differentiation technologies, ✓design technologies, ✓gaming technologies, ✓group technologies ✓workshop technology, ✓case - technology.	➢inclusion in activities, ➢informing, ➢adult education, ➢scribing, ➢supporting the formation of subjective personality properties, ➢methods of persuasion, ➢training exercises; role-playing and business games, team formation, ➢excursions, ➢ethical conversations, ➢discussion of the content of artistic works and specific actions, ➢mornings, ➢assignments and assignments, ➢Inclusion of joint activities.

Table 4.3.2. Summary of activities on the development of constructive fathering strategies for adolescents and boys and men in adulthood

№	Subject	Lecture	Key Exercises *
1	The role of the father and mother in the development of the child.	The history of childhood. Historical family models.	Discussion of objectives, brainstorming "Father and Mother Functions," discussion "Abortion."
2		A detailed history of fathering. The concept of "new father."	Discussion "Child abuse," couple communication, role-playing
3	Social stereotypes of fathering	Fathering as a stage of socialization of a man	Discussion, role-playing games
4	Father in a modern family	Impact of fatherly education on personal development of the child (Part I)	Discussion "Child in divorce," role-playing games,
5	Destructive fathering	The problems of children growing up without a father, children who have survived violence.	Discussion, role-playing games, fairy tale therapy
6	Father as an educator	The influence of paternal education on the development of the child's personality (part II)	"Growing a flower," "Braided," letter to the child after 10 years, fairy tale therapy
7	Interaction with your own father	Stages of family life. Period of adulthood.	Discussion "Apple from apple...," "Who am I 10 epithets," "Favorite phrase of my parents," "Unfinished sentences," "Portrait of the family."
8	Interaction with the child	Experience interacting with the child before birth	Discussion, "the birth of my child," role-playing games
9	Young family	Newborn. Infancy. Preschool age.	Discussion, My tips, Role-playing games, "Baby in a cot"
10	Intergenerational conflict situations	Adolescence. A father for a girl. Father to the boy.	Discussion-court "Sex and youth looking from opposite sides," playing the conflict situation in a dysfunctional family, sharing experience in solving conflict situations
11	Father as a culture translator	Main objectives of the period of maturity (Part II) Adult children and their parents. Intergenerational communication in the family	Discussion, fairy-tale therapy - analysis of the image of the father and mother in fairy tales and myths, role-playing games

Table 4.3.3. - Basic conditions and possibilities for optimizing the development of psychological readiness for fathering and the development of constructive fathering strategies

Period	**Main conditions and environment of development**	**Areas of work to optimize the formation of psychological readiness for fathering and the development of constructive fathering strategies**
Preschool childhood Junior school age	family; (preschool) educational organization	psychological work with the family, aimed at creating a favorable family environment
		psychological trainings with parents aimed at the parents' awareness of their role in the formation of the child's semi-royal self-awareness
		organization of a special educational environment aimed at optimizing the formation of psychological readiness for fathering
Early and late adolescence	family; educational organization; peers; MEDIA	psychological work with the family, aimed at creating a favorable family environment aimed at optimizing the formation of psychological readiness for fathering
		psychological trainings aimed at optimizing the development of psychological readiness for fathering
		organization of a special educational environment aimed at optimizing the formation of psychological readiness for fathering
Early and middle adulthood	family; MEDIA relations with his wife; attitude in the father-child-mother triad; fathering strategy; adult education	psychological trainings aimed at shaping constructive fathering strategies
		psychological work with the family (family counselling)
		adult education (fathers' groups)

Annex 7

Brief recommendations on the organization of an educational environment favorable for the development of psychological readiness for fathering

1. Preschool age

Main areas of work to optimize the formation of fathering readiness components

Parameter	For parents	For teachers
Axiological component	inclusion in the life of the child, attention to the development of the value sphere of the individual, gender self-determination, education of morals	educating parents, focusing on the moral assessment and/or gender characteristics of the behavior of heroes and the situation in the work
Reflexive regulatory component	support for self-reliance, Optimizing Physical Development (Sports)	education of parents, supporting autonomy, optimizing physical development and physical skill in physical education
Praxiological component	training in "male" activities together with the father (the man replacing him)	focus on moral assessment and/or gender characteristics of children's behaviour, preparation for school

Recommendations for organizing work to optimize the formation of the axiological component of fathering readiness

Targets for completion of preschool education (under GEF DOs)	Proposed Work Types
"the child has a positive attitude towards the world, towards different types of work, other people and himself, has a sense of self-worth"	focusing on the moral assessment and/or gender features of the behavior of the heroes and the situation in the work, discussing Russian folk tales, cartoons "Smeshariki," "Luntik," "Beauty and the Beast," "The Lion King," "Lady and the Tramp"
"is able to negotiate, take into account the interests and feelings of others, empathize with failures and rejoice in the successes of others, adequately manifests his feelings, including a sense of faith in himself, tries to resolve conflicts"	education of parents of the "Child development" memo, business game "Conflict," "Quarrel," "Negotiations"
"may follow social norms of behavior and rules in various activities, in relationships with adults and peers"	focusing on the moral assessment of the behaviour of children in the group

2. Junior school age

Main areas of work to optimize the formation of fathering readiness components

Parameter	For parents	For teachers
Axiological component	inclusion in the life of the child, support for the formation of the value sphere of the individual, gender self-determination, education of morals, responsibility, strong-willed qualities of the individual, competence	supporting the formation of subjective personality properties, methods of persuasion, training exercises; role-playing and business games, team formation, excursions, ethical conversations, discussion of the content of works of art and specific actions in order to optimize the moral development of the person
Reflexive regulatory component	optimizing physical development (sports), supporting self-reliance in training	physical education, support for self-regulation
Praxiological component	civic and patriotic education, training in "male" activities together with the father (the man replacing him)	instructions and tasks for organizing school-wide events and mornings, inclusion of joint activities, a combining male activities or occupations with male leadership, organization of labor affairs (volunteer detachments), class and/or school duty, preparation of holidays with the assignment of specific tasks to students, which contribute to the education of children of responsibility and social activity

Recommendations for organizing work to optimize the formation of the axiological component of fathering readiness

Primary school completion targets (DOE GEF)		**Proposed Work Types**
Disciplines/Topics		
"The World Around Us"	"respect for your family"	the task of interviewing relatives and compiling their genealogical tree, the presentation report "My Front-Line Relatives," the essays "The Life of My Grandmother"
	"norms of health-saving behaviour"	Topics for discussion: "Bad habits," "Risk in the life of a child and an adult"
"Fundamentals of spiritual and moral culture of the peoples of Russia"	"understanding the norms of morality and their importance in building constructive relationships in the family and society"	Topics for discussion: "What is a strong family," "Functions of father and mother (men and women) in the family," "What does honesty mean to me" broken-storming "The most valuable thing in life"
	"readiness for moral self-improvement and spiritual self-development"	discussion of the films "Free Willie," "Stuffed."
	"internal identity to act according to one's conscience"	discussion of the cartoons "Island of Errors," "Buratino," "Three Fat Men," "Adventures of a Dot and a Comma," "Big Wow," "Vovka in the Distant Kingdom."
	"awareness of the value of human life"	Topics for discussion "I am in my mother's life," "My favorite people," discussion of the films "Martian," "Girl and Fox."
"Literary reading"	"formation ethical notions, concepts of good and evil, morals "	focusing on the moral assessment of the heroes and the situation in the work, a discussion of Russian folk tales, the tales of G. X Andersen "The Snow Queen," "Pod of Peas," "The Girl Who Stepped on Bread," S. Lagerlöf "The Wonderful Journey of Niels with Wild Geese," A. de Saint-Ex-Exupery "Little Prince.

3. Early and late adolescence

Main areas of work to optimize the formation of fathering readiness components

Parameter	For parents	For teachers
Axiological component	inclusion in life, child, moral and sexual education, assistance in professional self-determination	discussion of moral issues and/or ideals and patterns of male (and female) behavior or problems of gender relations in the framework of class hours, disciplines "History," "ORCSE," "Social Studies," "Literature," "Biology," inclusion of the "Gender Interaction" section in the disciplines "Psychology" or "Human Science" and other variable disciplines
Reflexive regulatory component	supporting autonomy, providing the opportunity for independent decision-making, displaying strong-willed qualities, optimizing physical development (playing sports), building a balance of freedom and responsibility	discussion of self-determination issues and issues, support for reflection
Praxiological component	a model of male behavior in the framework of optimizing physical development (sports), civic and patriotic education, training in "male" activities together with the father (the man replacing him)	instructions and tasks for organizing school-wide events, inclusion of joint activities, combining male activities or occupations with male leadership, organization of labor affairs (volunteer detachments), class and/or school duty, preparation of holidays with assignment of specific tasks to pupils, stimulation of participation in olympiads and competitions

Annex 8

Stages of the study

Stages	Age of subjects	Groups examinees	Empirical research methods
Approbation	adults	1224 people (738 men, 456 women), of which 158 married couples	questionnaires, "Cambridge questionnaire of gender-typical behavior of preschoolers," questionnaire of parental identity of J. Pleckk, Scale of paternal attitudes of J. Pleckk
Recording stage	preschool age	84 people, the average age is 5.3 years, of which 44 are children from a Two-parent Family; 40 from an incomplete family	Study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V.E. Kagan), Diagnostic technique "Plot pictures" (modified version by E.O. Smirnova, R.R. Kalinina), Diagnostic technique for preschool maturity and self-regulation: diagnostic game "Assistants of the good wizard" by O. I. Barchuk, M.R. Bridzhyanov, "
	junior school age	45 people, average age 10.1, of which 33 are children and Two-parent Families, 12 are from an incomplete family	Study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V. E. Kagan), Modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family," Questionnaire with modified self-assessment of gender qualities, Figure, Methodology "Diagnosis of moral motivation. Methodology "Study of the direction of responsibility" M.V. Matyukhina, S.G. Yarikova, Diagnosis of personal growth P.V. Stepanov, D.V. Grigoriev, I.V. Stepanova, method of expert assessments
	adolescents and young men	64 people, average age 16.1 years, of which 32 are from a Two-parent Family and 32 from an incomplete family	Modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family" (Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya), Questionnaire "I am a woman (man)" (L. N. Ozhigova), Questionnaire with a modified method of self-assessment of gender qualities, drawing, the first and fourth scales of "Questionnaire of parental identity" by J. Plek, Methodology "Acceptance of responsibility" V.P. Pryadein, Questionnaire of terminal values , I.G. Senina, Yu.Z. Gilbukh Personal Maturity Test Questionnaire, A.V. Karpov Diagnostic Technique for Reflexivity Development, Expert Evaluation Method
	adults	974 of them 49 men without children and 925 men with children	Test of meaningful orientations (LCD) by D. A. Leontiev, Technique "Personal Differential," Methodology "Measurement of parental settings and reactions" (PARI) by Scheffer-Bell, etc. (Schaefer, E.S. – Bell, R.A.), questionnaires, questionnaire of parental identity of J. Plek, Scale of paternal attitudes of J. Plek, methodology of S. Bam "Masculinity and Femininity" (Myth), methodology "Acceptance of responsibility" V.P. Pryadein, Questionnaire of terminal values I.G. Senin, "Test questionnaire of satisfaction with marriage" V.V. Stolin, T.L. Romanova, G.P. Butenko, Questionnaire "Reproductive motifs" I.S. Morozova, K.N. Belogay, J. V. Borisenko and T.O. Ott, Test questionnaire of personal maturity Yu.Z. Subjectivity of the level of A.GIlIIIIlLBlekh, diagnosis.
Forming stage	preschool age	84 people, 15 people experimental * and 71 people control group	Study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V. E. Kagan), Diagnostic technique "Plot pictures" (modified version by E. O. Smirnova, R. R. Kalinina), Diagnostic technique for preschool maturity and self-regulation: diagnostic game "Assistants of the good wizard" by O. I. Barchuk, M. R. Gendennoy, "
	junior school age	45 people, 21 people experimental group * and 24 people control group	Study of gender attitudes in children (Semi-standardized interview with V. E. Kagan), Modification of the questionnaire "Distribution of roles in the family," Questionnaire with modified self-assessment of gender qualities, Figure, Methodology "Diagnosis of moral motivation. Methodology "Study of the direction of responsibility" M.V. Matyukhina, S.G. Yarikova, Diagnosis of personal growth P.V. Stepanov, D.V. Grigoriev, I.V. Stepanova, method of expert assessments
	adolescent	39 people, 15 of them -	Modification of the questionnaire "Distribution of roles in the

	s and young men	experimental group * * and 24 control group	family" (Yu. E. Aleshina, L. Ya. Gozman, E. M. Dubovskaya), Questionnaire "I am a woman (man)" (L. N. Ozhigova), Questionnaire with a modified method of self-assessment of gender qualities, drawing, the first and fourth scales of "Questionnaire of parental identity" by J. Plek, Methodology "Acceptance of responsibility" V.P. Pryadein, Questionnaire of terminal values , I.G. Senina, Yu.Z. Gilbukh Personal Maturity Test Questionnaire, A.V. Karpov Diagnostic Technique for Reflexivity Development, Expert Evaluation Method
	adults	139 men with one or more children, of which 61 men (three groups of 15 people (2004) and one 16 people (2016)) made up the experimental group * *, 78 - the control group	Test of meaningful orientations (LCD) by D. A. Leontiev, Technique "Personal Differential," Methodology "Measurement of parental settings and reactions" (PARI) by Scheffer-Bell, etc. (Schaefer, E.S. – Bell, R.A.), questionnaires, questionnaire of parental identity of J. Plek, Scale of paternal attitudes of J. Plek, methodology of S. Bam "Masculinity and Femininity" (Myth), methodology "Acceptance of responsibility" V.P. Pryadein, Questionnaire of terminal values I.G. Senin, "Test questionnaire of satisfaction with marriage" V.V. Stolin, T.L. Romanova, G.P. Butenko, Questionnaire "Reproductive motifs" I.S. Morozova, K.N. Belogay, J. V. Borisenko and T.O. Ott, Test questionnaire of personal maturity Yu.Z. Subjectivity of the level of A.GIlIIIlLBlekh, diagnosis.
In total		1654	

families of the experimental group participated in the creation of a favorable psychological readiness for fathering of the family-educational environment

* * subjects of the experimental group took part in a psychological training aimed at optimizing the formation of psychological readiness for fathering (for adolescents and boys) and developing a constructive fathering strategy (for adults)